

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-я.

ЯНВАРЬ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. О. Дубровинъ.	3—38	↑	XI. Къ біографіи Ф. Ф. Гемелинсаго. Сообщ. Г. П. Студенкииъ.	239—240
II. Изъ записокъ Маріи Аггессы Шалютинной.	39—65			
III. Два дописа въ 1831 году Н. К. Шильдеръ.	67—87			
IV. Возвращеніе императора Николая I. (Изъ дневн. Г. П. Вязьмова). Сообщ. Евгенія Шумигорскія.	89—108			
V. Изъ прошлаго. (Воспомин. офицера генеральн. штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Наренцовъ.	109—133			
VI. Письма К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту. (1862—83 гг.). Сообщ. Д. А. Корсаковъ.	135—157			
VII. Автобіографическія воспоминанія Валеріана Александровича Бельгарда. Съ предисл. П. Н. Ореуса.	159—179			
VIII. Письма И. С. Нордкинова (впослѣдствіи графа) къ Н. О. Мутлубицкому. Сообщ. П. М. Майковъ.	181—188			
IX. Новая данная о первомъ самоубійцѣ. Пявлечен. В. В. Тихошукъ.	189—210			
X. Письма Н. М. Карамзина къ А. М. Тургеневу. (1806—1826). Съ прилжч. В. Я. Сапгова. Сообщ. П. Н. Тургеневъ.	211—238	↓	XII. Записная книжка „Русской Старинѣ“: Рѣчь императора Александра II дипломатическому корпусу, 23 февраля 1855 года. (стр. 68).— Къ исторіи Финляндской войны 1808 г.: Письмо императора Александра I Аракчееву, 5-го октября 1808 г. (88).— Къ біографіи палатнаго совѣтника Дубровскаго: Рескриптъ графу Строганову 27-го февраля 1805 г. и Указъ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ 27-го февраля 1805 г. (134).— Письмо Н. В. Дмитриева Павлу Петровичу Свиньину, 16-го августа 1833 г. (158).— Письмо графа фонъ-дѣр Палена—графу Ливену, 4-го августа 1800 г. — Записка гр. Ливена—ген.-лейтен. Кутлубицкому 29 июля 1800 г. (180).	
			XIII. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ генерала-отъ-инфантеріи Валеріана Александровича Бельгарда. Грав. Н. Хельницкія.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за вѣдѣшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 29.
1899.

Библиографическій листокъ.

- 1) Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва, изд. 1898 г.
- 2) Portaits et Tableaux appartenant aux archives. Moscou. 1898.
- 3) Планы г. Москвы XVII вѣка. Москва, изд. 1898 г.

Всѣ три брошюры составляютъ изданіе комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ первой брошюрѣ помѣщено 23 фототипическихъ таблицы видовъ архива и снимковъ хранящихся въ немъ документовъ, рукописей и печатей.

Во второй—помѣщено 18 рисунковъ и портретовъ московскихъ царей, министровъ иностранныхъ дѣлъ и лицъ, наиболѣе выдавшихся своею политической дѣятельностью.

Третья брошюра заключаетъ въ себѣ описаніе и планы Кремля, Китая, Вѣлаго и Земляного городовъ и Замоскворѣчье.

Все это издано такъ изящно и роскошно, что редакция обращаетъ на нихъ вниманіе всѣхъ лицъ, которыя интересуются прошлымъ и настоящимъ города Москвы.

Рабочіе на золотыхъ промыслахъ. Историческое изслѣдованіе В. И. Семейскаго. Томъ I. Отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Томъ II. Положеніе рабочихъ послѣ 1870 г. Изданіе И. М. Сибирякова. Спб. 1898 г.

Въ числѣ многихъ, весьма крупныхъ, проблѣвъ нашей исторической литературы, видное мѣсто занимаетъ почти совершенное отсутствіе изслѣдованій по исторіи фабричнаго, заводскаго и вообще промышленнаго труда. Хотя и вѣдуясь у насъ нѣсколько работъ о прошлой жизни крѣпостныхъ, приписныхъ и посессионныхъ рабочихъ и мастеровыхъ на фабрикахъ и заводахъ, по исторіи фабричнаго и заводскаго труда въ Россіи во всемъ его объемѣ еще составляется одну изъ серьезныхъ задачъ науки.

Разсматриваемые нами два тома труда В. И. Семейскаго, извѣстнаго знатока крестьянскаго быта¹⁾, до нѣкоторой степени пополняютъ этотъ пробѣлъ и, безъ всякаго сомнѣнія, послужатъ современемъ важнымъ пособіемъ для созданія вполнѣ научной исторіи промышленнаго труда въ Россіи.

Первый томъ названнаго сочиненія г. Семейскаго состоитъ, кромѣ предисловія и введенія, изъ одиннадцати главъ.

Собравъ весьма значительное количество

неподанныхъ матеріаловъ въ государственныя архивахъ, а также и изъ печатныхъ источниковъ—говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ,—я не только приступилъ къ составленію моего труда, но и набросалъ вчерашъ значительную часть его, однако въ послѣдніе концы убѣдился, что архивы наши центральныя учрежденія даютъ достаточное количество данныхъ для исторіи законодательства о привокныхъ рабочихъ, но не для исторіи ихъ быта. Это побудило меня, въ 1891 году, предпринять поѣздку въ Сибирь для изученія тамошнихъ архивовъ и посѣщенія золотыхъ промыслов²⁾. И. М. Сибиряковъ, инициативъ котораго обязанъ своимъ происхожденіемъ трудъ г. Семейскаго, вполнѣ обезпечилъ матеріальную возможность этой поѣздки.

Подробно описавъ это путешествіе по Сибири, продолжавшееся 6½ мѣсяцевъ, авторъ въ слѣдующемъ за предисловіемъ введеніи даетъ немало интересныхъ свидѣній о золотопромышленности вообще и объ узаконеніяхъ, относящихся до этой отрасли промышленности.

Сказавъ въ первой главѣ о началѣ золотопромышленности въ Сибири и объ условіяхъ работы на частныхъ приискахъ до 1838 г., авторъ во второй главѣ своего труда разбираетъ Положеніе 1838 года о частной золотопромышленности въ Сибири. Законъ 1838 г. предоставлялъ отдѣльнымъ засѣдателямъ по золотопромышленнымъ дѣламъ право „за доказанное неопиновеніе, развратное поведеніе, побѣги, запрещенныя игры и другіе проступки, не заключающіе уголовнаго преступленія, подвергать рабочихъ „подлежшему исправленію“, т. е. тѣлесному наказанію. Они должны были также преслѣдовать похищеніе съ промысловъ золота и надзирать, чтобы не было частной продажи вина; въ распорядженіе засѣдателя назначалось по 20 казаковъ, а въ случаѣ надобности и болѣе. При всѣхъ его недостаткахъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, этотъ законъ защищалъ рабочихъ отъ эксплуатаціи со стороны хозяевъ; въ немъ опредѣленъ былъ срокъ осеннихъ работъ (10-го сентября), установленъ тахитимъ количество рабочихъ часовъ. Весьма непріятно поражаетъ въ Положеніи 1838 г.,—замѣчаетъ В. И. Семейскій,—постановленіе о томъ, чтобы хозяинъ не пряталъ рабочему „самовольно тяжкихъ побоевъ или какихъ-либо жестоостей, его здоровью вредныхъ“; такимъ образомъ, побой вообще считались дозвонительными, а разбить, насколько они были тяжелы, не всегда находили пужнымъ. Только что цитированное правило потому постоянно повторялось въ договорахъ и поражало позднѣйшихъ изслѣдователей, не замѣчавшихъ, что оно прямо подсказывалось закономъ.

Въ третьей главѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ законодательныхъ и административныхъ мѣръ относительно сибирскихъ привокныхъ рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ, а въ слѣдующей главѣ—проводитъ

¹⁾ Вполнѣ заслуженною извѣстностью пользуются слѣдующія сочиненія В. И. Семейскаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Ематерини II. Крѣпостные крестьяне въ Великороссіи. Посессионные крестьяне“. Спб., 1881 г. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка“. Т. I и II. Спб. 1888 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1899.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ
БОРГОВАЦКОЕ
СЛОВИНО

СЕРГЕЙ
КУЛИБИН

ШЛЕЦЕР-
ЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ

СПЕРКИН
КАРАМЗИН
МОРДВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ

ДВОРЕЦЪ ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

ГЕНЕРАЛЪ-ОТЪ-ИНФАНТЕРИ
ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БЕЛГАРДЪ.

РУССКАЯ СТАРИЦА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1899.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЬ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ДВЯНОСТО ОДЕМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 89.
1899.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

III ¹⁾.

Рознь, существовавшая между сословіями. — Бытъ дворянства. — Богатый баронъ въ своемъ помѣстьи. — Обстановка помѣщиковъ достаточнаго состоянія и бѣднаго. — Многочисленность дворни. — Домашніе театры и оркестры музыки. — Гаремы. — День помѣщика. — Хлѣбосоляство и гостепрѣимство. — Увеселенія. — Охота. — Неприглядность уѣздныхъ и губернскихъ городовъ. — Отъѣзды на зиму въ Москву.

Тогдашняя Россія состояла изъ отдѣльныхъ сословій, не связанныхъ между собою ни общими интересами, ни общою жизнью и часто враждебныхъ другъ другу. «Можно сказать въ сожалѣнію, писалъ графъ А. Воронцовъ ²⁾, что Россія никогда прямо устроена не была, хотя еще съ царствованія Петра Великаго о семъ весьма помышляемо было».

Рознь и вражда сказывались не только между сословіями, но и среди главнаго изъ нихъ — дворянства. «Къ здѣшнимъ боярамъ (новгородскимъ) я рѣдко выѣзжаю, писалъ преосвященный Евгеній В. И. Мокедонцеву ³⁾, ибо всѣ они разбились на несогласныя партіи и другъ друга ѣдятъ, а бѣднаго губернатора оклеветали, и онъ, на нынѣшней недѣлѣ, ѣдетъ въ Петербургъ какъ видно съ тѣмъ, чтобы къ намъ никогда не возвращаться. Итакъ не хвалитесь воронежскими ябедами, онѣ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1898 г. декабрь.

²⁾ „Въ запискѣ представленной при всеподдавѣйшемъ письмѣ отъ 14-го ноября 1801 года“.

³⁾ „Въ письмѣ отъ 16-го мая 1804 г.“, „Русскій Архивъ“ 1870 г., т. I, 837.

вездѣ есть. Здѣсь, въ Новгородѣ въ прошлые семь лѣтъ смѣнено уже восемь губернаторовъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ они были худы».

«Дворяне, пишутъ онъ въ другомъ письмѣ ¹⁾, возстаютъ на губернатора, губернаторъ на нихъ, купцы на тѣхъ и другихъ. Ни съ кѣмъ коротко знакомымъ быть нельзя, дабы не привели въ партію. То и дѣло бѣгаютъ въ Петербургъ съ ябедами и вывозятъ оттуда указы».

Эти указы, противорѣча другъ другу, производили еще большіе безпорядки и возбуждали еще большую рознь и взаимную вражду. «Гражданамъ одной державы, говоритъ П. Сумароковъ ²⁾, какъ будто два иноплеменные народа ведутъ между собою непрерывную брань». Правительство и народъ, въ широкомъ значеніи этого слова, взаимно не сливались и не шли вмѣстѣ къ общей цѣли: администрація не признавала себя созданною для народа, а народъ смотрѣлъ враждебно на каждого власть имѣющаго и его гнетущаго.

Императоръ Александръ, его приближенные и высшія правительственные лица писали гуманные указы и дѣлали распоряженія, которыми восторгались современники и въ особенности иностранцы, но чиновничество, не сочувствуя такому направленію, предпочитало придерживаться старымъ порядкамъ и часто не исполняло указовъ, даже и высочайшихъ. «Превосходнѣйшіе законы безъ исполненія, говоритъ современникъ ³⁾, несравненно хуже безразсудныхъ, съ строгимъ оныхъ соблюденіемъ».

Это неисполненіе вызывало жалобы, заставлявшія посылать ежегодно сенаторовъ на ревизію въ губерніи, давать имъ обширныя полномочія, но и это, какъ увидимъ, мало помогало дѣлу, главнымъ образомъ потому, что высшее правительство и низшее чиновничество было въ полной разобщенности какъ между собою, такъ съ обществомъ и народомъ. Если между ними не было пропасти, въ полномъ значеніи этого слова, то былъ очень глубокой и широкой ровъ, перешагнуть черезъ который стоило большихъ усилій. Была масса чиновниковъ, безграмотныхъ и невѣжественныхъ, но правительства, въ смыслѣ стройной и твердой силы, тогда не было; не было власти, объединяющей и скрѣпляющей, и каждый преслѣдовалъ свои личные интересы, жилъ самъ по себѣ.

Дворянство, а въ особенности знатные и богатые помѣщики, считали себя удѣльными князьями, свосвольничали и распоряжались самовластно въ своемъ околоткѣ, не только не подчинялись, а подчиняли себѣ мѣстную администрацію; ихъ прихотямъ и затѣямъ не было пре-

¹⁾ Отъ 7-го декабря 1804 г., тамъ же, стр. 841.

²⁾ Въ запискѣ «О новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ» Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

³⁾ П. Сумароковъ въ своей запискѣ.

дѣла. Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, вдругъ совершенно неожиданно, подымался всѣмъ домошъ весною изъ своего имѣнія Почепъ въ Багланъ, чтобы тамъ слушать соловьевъ. «Это было во время разлива рѣкъ. Сгоняли нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ, которые строили дамбы и насыпи для графскаго проѣзда» ¹⁾.

Слѣдствіе, произведенное надъ екатомскимъ помѣщикомъ Кашкаровымъ, показало, что онъ «судитъ своихъ крестьянъ за уголовныя преступленія самъ, какъ независимый владѣтель» ²⁾.

Государь былъ отвѣтствененъ передъ подданными, а русскій дворянинъ и помѣщикъ того времени не признавалъ никакой отвѣтственности передъ подвластными ему крестьянами и не подчинялся распоряженіямъ правительства. Лица, обязанныя слѣдить за исполненіемъ закона, прѣзжали къ нему на поклонъ, заискивали его расположеніе, были въ его рукахъ. Право сильнаго давало себя знать всюду. Большія состоянія составлялись на счетъ слабыхъ и бѣдныхъ. Захваты чужой собственности освящались временемъ и судомъ, который находился въ рукахъ лицъ вліятельныхъ въ краѣ.

Чѣмъ знатнѣе и богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ своевольнѣе и тѣмъ ближе старался подражать придворной жизни и представить изъ себя владѣтельную особу.

Извѣстный любимецъ императора Павла I—князь Куракинъ имѣлъ въ своемъ саратовскомъ имѣніи селѣ Надежинѣ, особый придворный штатъ, который состоялъ изъ разныхъ выключенныхъ изъ службы офицеровъ, чиновниковъ и изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. При выходѣ князя они составляли его свиту, исполняли должности шталмейстеровъ, церемоніймейстеровъ, управителей и главныхъ дворецкихъ, нанимаемыхъ за большую плату. Былъ у князя личный секретарь, медикъ, капельмейстеръ, бібліотекаръ, множество приживалокъ и лицъ безъ всякихъ должностей, но обязанныхъ составлять его свиту. Одинъ видный собою отставной маіоръ долженъ былъ съ палкою въ рукахъ идти передъ княземъ, когда тотъ шелъ въ церковь.

Въ подмосковномъ имѣніи князя Голицына былъ также учрежденъ придворный штатъ изъ крѣпостныхъ, которыхъ онъ называлъ своими подданными. У князя были гофмаршалы, камергеры, камеръ-юнкеры, фрейлины и даже статсъ-дама, полная и представительная вдова-попадья. Взамѣнъ ордена, она носила на груди портретъ князя, осыпанный брилліантами. Точно такая же статсъ-дама была у жившаго тогда въ г. Орлѣ графа С. М. Каменскаго—его любовница Курилова, женщина лѣтъ 30-ти,

¹⁾ Васильчиковъ. „Семейство Разумовскихъ“, т. II, 109.

²⁾ „Древняя и новая Россія“ 1877 г., № 1, стр. 128.

съ огромнымъ портретомъ графа на груди. Вдѣланный въ медальонъ портретъ этотъ надѣвался только тогда, когда Каменскій былъ доволенъ Куриловою; въ противномъ случаѣ портретъ отъ нее отбирался, а вмѣсто него надѣвался другой, точно такъ же отдѣланный, но на которомъ лица не было видно, «а нарисована чья-то спина и на спинѣ же Куриловой его вѣшали». Въ такомъ нарядѣ ей приходилось въ парадные дни являться въ церковь на соблазнить всѣхъ молящихся ¹⁾).

Самъ графъ С. М. Каменскій очень любилъ всякаго рода церемоніи. Въ церковь онъ ходилъ въ парадной формѣ, въ лентахъ и орденахъ.

Торжественные и семейные праздники справлялись съ особеннымъ блескомъ.

Князь Куракинъ въ торжественные дни дѣлалъ парадные выходы, одѣвался въ бархатъ и парчу, съ алмазными пряжками и пуговицами. Въ рукахъ онъ держалъ усыпанную брилліантами табакерку, а его пальцы были унизаны перстнями съ драгоцѣнными камнями.

Князь Голицынъ, кромѣ парадныхъ выходовъ, устраивалъ для своихъ придворныхъ особыя балы. Онъ покупалъ на рынкѣ для крѣпостныхъ своихъ дамъ поношенныя атласныя и бархатныя платья и обшивалъ ихъ галунами. Въ ярко-освѣщенный залъ собирались приглашенные, и когда всѣ гости были въ сборѣ, собственный княжескій оркестръ игралъ торжественный маршъ, и подъ звуки его князь выходилъ въ залъ, опираясь на плечо своего гофмейстера. Балъ открывался полонезомъ, причѣмъ хозяинъ шелъ съ своею статсъ-дамою, которая предварительно цѣловала его руку.

Въ имѣніи графа Аракчеева, въ селѣ Грузинѣ, встрѣча св. Пасхи сопровождалась особымъ торжествомъ. Въ полночь съ батареи раздавался пушечный выстрѣлъ и, на музыкантской башнѣ, трубачи играли три пьесы. Черезъ полчаса послѣ второго выстрѣла зажигали плошки и фонари у собора, графскаго дома и флигелей. Послѣ третьяго пушечнаго выстрѣла, въ часъ ночи, начинался благовѣстъ, который продолжался до двухъ часовъ. Въ половинѣ второго приказывалось зажечь свѣчи въ соборѣ. Когда начинали пѣть «Христосъ Воскресе» производилось 20 выстрѣловъ и послѣ перваго пускали снапъ ракетъ. Графъ распоряжался всѣмъ самъ: указывалъ духовенству какія надѣвать ризы, какіе ставить подсвѣчники на престолахъ ²⁾).

Владѣлецъ 12.000 душъ крестьянъ и богатаго подмосковнаго села Воскресенскаго, премьеръ-маіоръ Петръ Александровичъ Собакинъ слѣдовалъ общему теченію богатыхъ баръ. Въ праздники св. Пасхи, Троицы и въ день своихъ именинъ, онъ, обыкновенно наканунѣ вечеромъ пе-

¹⁾ „Записки И. С. Жиркевича“ „Русск. Старина“ 1875 г., № 8, стр. 598

²⁾ „Древняя и новая Россія“ 1875 г., т. III, стр. 163.

редь всеюшнюю иллюминировалъ двѣ находившіяся въ его имѣніи церкви снизу до верху, такъ что весь фасадъ ихъ былъ буквально въ огнѣ; наверху же, противъ главъ устанавливались двѣ деревянные выкрашенные подь малиновый бархатъ короны, съ изображеніемъ въ среднѣ ихъ начальныхъ буквъ имени и фамиліи владѣльца. Въ Троицынъ же день церкви, образа и стѣны въ нихъ убирались снизу до верху гирляндами и вѣнками изъ цвѣтовъ и множествомъ оранжерейныхъ растений; весь полъ былъ усыпанъ цвѣтами.

Передъ началомъ благовѣста ко всеюшной и къ заутрени производился 101 выстрѣлъ изъ пушекъ и тогда только ударяли въ церковный колоколь. Крестьяне, какъ села Воскресенскаго, такъ и другихъ двухъ—Богородскаго и Владимірскаго—наполняли обѣ церкви и ожидали прибытія помѣщика. Божественную службу совершали соборнѣ: протопопъ и три священника, при двухъ дьяконахъ; собственные пѣвчіе пѣли великолѣпно.

На утро, послѣ литургіи, опять производился 101 выстрѣлъ, и Собакинъ принималъ у себя сыновей священниковъ, пріѣхавшихъ къ родителямъ изъ семинаріи. Они произносили ему поздравительныя и похвальныя рѣчи, за что и были награждаемы деньгами. Во время обѣда игралъ собственный великолѣпный оркестръ музыки, пѣлъ хоръ пѣвчихъ и заканчивалъ многолѣтіемъ хозяину, при звукахъ 101 выстрѣла.

Послѣ обѣда Собакинъ выходилъ на обширный дворъ, на которомъ были собраны его крестьяне, иногда болѣе 10.000 человекъ, одного мужескаго пола. Окруженный бурмистрами, сотскими и десятокими, онъ устраивалъ торжественный приемъ своимъ «подданнымъ». Крестьяне подходили по одиночкѣ, дѣловали руку помѣщику, за что и получали: мужчины сайку, 10 коп. мѣди и были угощаемы изъ огромныхъ чановъ водкою и пивомъ; женщины дѣлали то же и получали по красному бумажному платку, 10 коп. и угощались медомъ. Въ ненастную погоду Собакинъ принималъ своихъ крестьянъ въ особо устроенномъ для того домѣ, имѣвшемъ видъ манежа ¹⁾.

Подобные праздники заканчивались пѣснями, хороводами и плясками. Въ лѣтнее время барскій дворъ оглашался хоровыми пѣснями, подь которыя многочисленная дворня дѣвокъ, сѣнныхъ дѣвушекъ, кружевницъ и швей водила хороводы, а нянюшки и мамушки, сидя на крыльцѣ, любовались и внушали чинность и приличіе. Въ извѣстные праздники всѣ бабы и дворовые собирались на игрища то на лугу, то въ рошѣ крестить кукушекъ, завивать вѣнки, пускать ихъ въ воду и проч. ²⁾. Разгуляться было гдѣ: дворы были обширные, постройки огромныя.

¹⁾ „Разказы изъ былого времени“. Чтенія въ Московскомъ обществѣ исторіи и древностей 1874 г. кн. I, стр. 64 и 66.

²⁾ „Черты стариннаго дворянскаго быта“. Рус. Арх. 1877 г. т. II, 480.

Всѣ надворныя строенія у богатаго барина были каменные, и при нихъ большой садъ съ клумбами полными цвѣтовъ. У всѣхъ были оранжереи, теплицы и грунтовые сараи для фруктовыхъ деревьевъ.

Такъ называемый «господскій домъ» располагался на самомъ живописномъ мѣстѣ имѣнія—обыкновенно на возвышеніи или на берегу рѣки. Возлѣ дома находилась церковь большею частію каменная и часто, какъ напримѣръ, у князя С. Ѡ. Голицына въ его имѣніи Зубриловкѣ, по своей величинѣ превосходила самый большой уѣздный соборъ. Въ церкви у графа Завадовскаго, образа и иконостасъ были выписаны изъ Италіи.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома находилось «село» или «предмѣстье», состоявшее изъ бѣдныхъ крестьянскихъ избушекъ, нерѣдко съ населеніемъ въ рублищѣ и лаптяхъ ⁽¹⁾. Въ имѣніи графа Завадовскаго село соединялось съ господскимъ домомъ длинною аллеєю, усаженною большими деревьями, приводившею къ городку, съ каменнымъ красивой архитектуры домомъ въ нѣсколько этажей. Дворецъ графа былъ трехъ-этажный съ коллонами и зеркальными окнами изъ цѣлаго стекла. Зала была украшена мраморными статуями и историческими картинами; въ гостиной была позолоченная мебель; въ домѣ болѣе ста комнатъ.

Точно такой же домъ былъ у князя С. Ѡ. Голицына въ его имѣніи Зубриловкѣ. «Въ соединеніи съ двумя большими каменными же двухъ-этажными флигелями, посредствомъ двухъ предлинныхъ оранжерей», домъ этотъ и вся масса зданій представлялись глазу поразительными. «Съ лѣвой стороны господскаго дома были двѣ горы еще выше, покрытыя густымъ лѣсомъ, а въ ихъ промежуткахъ долины, ущелья, пригорки представляли весьма живописный видъ».

Украшеніемъ имѣній служили парки съ тѣнистыми аллеями и устроенные вокругъ домовъ бассейны и каскады. Среди аллей, тамъ и оямъ были разбросаны разнаго рода статуи и даже изящныя памятники. Тогда была мода ставить въ паркахъ памятники родственникамъ, знаменитымъ друзьямъ и благодѣтелямъ. Въ имѣніи князя Куракина въ селѣ Надежднѣ изображеніе облагодѣтельствовавшего его императора Павла было поставлено не только въ паркѣ, но почти въ каждой комнатѣ. Тоже самое было въ имѣніи графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ изображеніе императора Павла было помѣщено даже и въ церкви. Въ паркѣ у графа Завадовскаго, передъ прудомъ, стояла колоссальная статуя графа Румянцева, которому онъ обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ.

⁽¹⁾ „Зап. ски доктора де-ла-Флиза“. „Рус. Стар.“ 1892 г., № 2, 355.—Записки Ф. Ф. Вигеля ч. II, 75.

Лѣсъ графа Завадовскаго на протяженіи 15 верстѣ былъ обнесенъ кирпичною стѣною, внутри которой находились олени, кабаны и козули. Такая ширь и наружная обширность построекъ не всегда соответствовали внутреннему убранству. Такъ, въ Орлѣ постройки графа С. М. Каменскаго занимали цѣлый кварталъ. Близъ «Шеншинскаго дворца» была худо вымощенная обросшая травой степь, извѣстная подъ названіемъ «Каменской площади», обстроенной множествомъ одно-этажныхъ строеній, сѣрыхъ съ красными крышами и бѣлыми колоннами. Повсюду царствовала неописанная грязь и нечистота. Болѣе чѣмъ въ половинѣ оконъ торчали тряпки и подушки, замѣнявшія стекла; на крыльцѣ и лѣстницѣ недоставало нѣсколькихъ ступенекъ, перила валялись на землѣ. За переднею шла зала,—огромная комната саженей 12 въ длину и 7 въ ширину, уставленная кругомъ стѣнъ простыми стульями, выкрашенными сажей и покрытыми черной юфтью, а на потолкѣ висѣли три великолѣпныя хрустальныя люстры; по стѣнамъ хрустальныя кенкеты. Въ одномъ углу залы стояли два турецкихъ знамени и 8 бунчуковъ и при нихъ часовой (изъ дворни) одѣтый испанцемъ и смѣнявшійся черезъ каждые два часа. За залой шли три большихъ гостинныхъ, устланныя великолѣпными персидскими коврами, на которыхъ стояла мебель изъ корельской березы, покрытая подинаяю и потертою шелковою матеріею. Въ простѣнкахъ оконъ были венеціанскія зеркала, а на стѣнахъ картины.—При этихъ комнатахъ, обширныхъ, но не опрятныхъ, мебелированныхъ безъ всякаго вкуса, были церковь и театръ, пріобрѣвшій извѣстность въ Россіи ¹⁾).

Огромный каменный домъ владѣльца 11.000 душъ крестьянъ, извѣстнаго своими жестокостями и самодурствомъ генерала Измайлова былъ въ большомъ запущеніи: наружная штукатурка дома во многихъ мѣстахъ отвалилась, комнаты были въ небреженіи и нечистотѣ, особенно же прихожая, «въ которой всѣ стѣны покуда ростъ человѣческій досягать можетъ, опачканы нечистотою, такъ что невозможно узнать какого были онѣ нѣкогда цвѣта». Всѣ флигеля, кухни и прочія строенія были запущены, запачканы; внутренняя нечистота ихъ совершенно соответствовала отвратительному наружному виду ²⁾).

Въ имѣніи князя Долгорукова въ селѣ Знаменскомъ было смѣшеніе родовой гордости, остатковъ прежняго величія и богатства съ недостаткомъ самыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ потребностей.—Огромный деревянный домъ въ 40 комнатъ былъ наполненъ призраками роскоши

¹⁾ „Воспоминаніе о нѣкогда знаменитомъ театрѣ графа С. М. Каменскаго“. „Дѣло“ 1873 г. № 6, стр. 189.—Записки И. С. Жыркевича. „Рус. Стар.“ 1875 г. № 8, стр. 570 и 571.

²⁾ „Генералъ Измайловъ и его дворня“.—С. Т. Славутинскаго. Дрѣв. в Нов. Россіи 1876 г., т. III, 256 и 247.

и барства: семейными портретами, образами въ богатыхъ окладахъ и кіотахъ, обоями и занавѣсами изъ дорогихъ матерій, потерявшихъ уже свой первобытный цвѣтъ, и старинною мебелью съ рѣзьбой и инкрустациею попорченной и обветшалой. Передъ домомъ былъ обширный, но засорившійся садъ, съ запущенными аллеями и дорожками, заросшими травой ¹⁾).

Многіе богатые помѣщики опасались ремонтировать свои дома по предразсудку, что обновивши домъ скоро умрешь на новосельи.—Дома многихъ, съ теченіемъ времени, приходили въ ветхость и самый безобразный видъ. Помѣщикъ А. В. Марковъ, владѣлецъ 2.000 душъ крестьянъ, 30.000 десятинъ земли и до полумилліона наличныхъ денегъ, не строилъ новаго дома, а жилъ въ очень ветхомъ и неопратномъ.—Домъ его не былъ снаружи обшитъ тесомъ и, почернѣвшій отъ времени, стоялъ одиноко на живописной горѣ, внизу которой протекала полноводная рѣка Нара. Онъ былъ такъ ветхъ, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолки кой-гдѣ, безъ симметріи, подпирались необдѣланными березовыми столбами, даже безъ снѣтїа съ нихъ коры ²⁾).

Богатый кievскій помѣщикъ и предводитель дворянства Д. Д. Оболенскій помѣщался въ домѣ, стѣны котораго были оклеены самыми простыми обоями, комнаты уставлены мебелью изъ самаго простаго дерева, обитой ситцемъ, и рядомъ съ ней стояли простые шандалы, а по угламъ тяжелые канделябры изъ серебра и нѣкоторыя вызолоченныя ³⁾).

Въ то время о внутреннемъ убранствѣ мало думали, но считали необходимымъ строить большіе дома съ множествомъ комнатъ. Всѣ хлопотали только объ этомъ какъ богатые, такъ средняго состоянія и даже бѣдные помѣщики. Тогдашнимъ типомъ былъ деревянный домъ, часто безъ фундамента, но большой, сажень 12 длиною: съ огромною пролетною залою, глубокою и столь же широкою гостиною. Надъ домомъ возвышалася шатромъ крыша безъ всякихъ размѣровъ. «Въ земляхъ тульскихъ, рязанскихъ, тамбовскихъ и многихъ другихъ, говоритъ современникъ ⁴⁾), я видѣлъ дома совсѣмъ готовые, но безъ крылецъ; въ числѣ трехъ оконъ только одно съ рамою, въ шести или семи комнатахъ одну только печь». За недостаткомъ архитекторовъ дома строили свои плотники, не имѣвшіе понятія о строительномъ искусствѣ. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ гостиныхъ помѣщались ткацкія, столярныя и другія мастерскія.

¹⁾ „Воспоминанія А. М. Фадѣева“. «Рус. Арх.» 1891 г. № 2, стр. 316.

²⁾ „Изъ семейной памяти П. Кичеева“. „Рус. Арх.“ 1865 г. № 10—11, стр. 1294—1296.

³⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“ ч. I. 59.

⁴⁾ „Черты изъ жизни русскихъ дворянъ въ концѣ XVIII вѣка“. „Московскій Наблюдатель“ 1836 г. ч. IX, 249.

«Касательно помѣщиковъ недостаточныхъ, должно сказать, что ихъ жилия постройки большею частію состояли изъ двухъ деревянныхъ связей, раздѣленныхъ сѣнями, которыя, однакожь, въслѣдствіи обращались иногда въ приемную комнату, сѣни же прирубались съ боковъ; все это было крыто соломенными снопками, иногда тростникомъ, рѣдко тесомъ, а чаще всего перебитою соломой. У нѣкоторыхъ господъ бывали и небольшіе домики, выстроенные хотя и прочно, но относительно законовъ симметріи кое-какъ. На этихъ домикахъ въ-частую на переднемъ ихъ фасѣ, между ужасными простѣнками, бывали только четыре окна и надъ ихъ крышею торчала одна безобразно широкая и кривая труба, размалевываемая только для пріѣзда гостей или для праздника известью» ¹⁾.

Нерѣдко начатый постройкою домъ не доканчивался въ теченіе многихъ лѣтъ; нѣкоторыя комнаты оставались не только безъ оконъ или съ окнами безъ рамъ, но даже безъ косяковъ; полы также въ нихъ не настилались, а гдѣ и были, то весьма неровные и со щелями. «Я вошелъ въ залу, пишетъ М. Н. Кирѣевъ ²⁾, и чуть на первомъ шагу не ушибъ себѣ ногу объ выпятившуюся половницу; полъ весь былъ искоробленъ; на подбѣленныхъ, но не штукатуренныхъ стѣнахъ были повѣшены каррикатурные портреты: кавалеры въ губернскихъ мундирахъ, дамы въ огромныхъ чепцахъ, а нѣкоторыя повязанныя платочками; Ермакъ Тимофеевичъ глядѣлъ вытараща глаза на какого-то архіерея. Живописецъ кажется не богатъ былъ красками: сурикъ, вохра, сажа и бѣлѣла у него замѣняли все прочее; о правильности рисунка и говорить нечего».

Обстановка комнатъ была самая простая и бѣдная. Обыкновенно въ залѣ стояли плетеные стулья и карточные столы; въ гостиной висѣли хрустальныя люстры, а въ простѣнкахъ зеркала, съ подстольниками изъ краснаго дерева, вдоль стѣнъ стояли канапе и между ними кресла изъ краснаго дерева. Обивка бывала большею частію ситцевая или сафьянная. Передъ домомъ былъ всегда обширный дворъ, кругомъ службы, а сзади и съ боковъ сады съ кустами смородины, крыжовника, съ яблонями и другими фруктовыми деревьями.

Толпа дворовыхъ людей наполняла переднюю: одни лежали на прилавкѣ, другія, сидя или стоя, шумѣли, смѣялись и зѣвали 'отъ нечего дѣлать. Въ одномъ углу на столѣ кроились платья, въ другомъ—чинились господскіе сапоги; спертый и удушливый воздухъ царствовалъ въ этой комнатѣ ³⁾. Рядомъ съ залой бывала обыкновенно дѣвичья, гдѣ сидѣло нѣсколько десятковъ дѣвушекъ, кто за пальцами, кто за шитьемъ.

¹⁾ Тамъ же стр. 250.

²⁾ Въ своихъ запискахъ, «Русская Старина» 1890 г. № 7, стр. 55.

³⁾ «Записки Ф. Ф. Вигеля», т. I, 217.

бѣлья, кто за визаніемъ чулокъ ¹⁾). Громадное число прислуги содержалось даже и бѣдными помѣщиками, не говоря уже о богатыхъ.

У князя Долгорукова почти четвертая часть всего числа душъ его имѣнія составляла его дворню ²⁾). При генералѣ Измайловѣ находилось 271 мужчина и 231 женщина, а съ малолѣтними, стариками и старухами дворян его доходила до 800 человекъ. 12 дѣвушекъ состояло при незаконнорожденныхъ дѣтяхъ Измайлова ³⁾). У графа С. М. Каменскаго было 400 человекъ дворовыхъ, причѣмъ въ передней сидѣло 17 лакеевъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ опредѣленныя обязанности и не смѣлъ исполнять другихъ. Одинъ подавалъ трубку, другой стаканъ воды, докладывалъ о прїѣздѣ гостей и проч. Въ свободное время лакеи вязали чулки и невода. Дворян графа Каменскаго жила на военномъ положеніи, содержалась на общемъ плохомъ столѣ, собиралась на обѣдъ и расходилась по барабану; никто не смѣлъ ѣсть сидя, а непрѣменно стоя, чтобы неслишкомъ найдаться. Прислуга эта одѣвалась въ ливрейные фраки съ бѣлыми, красными и голубыми воротниками, обозначавшими разрядъ и степень должности, и по мѣрѣ заслугъ переводилась изъ одного цвѣта въ другой, о чемъ объявлялось въ ежедневномъ вечернемъ графскомъ приказѣ по дому. Въ этомъ же приказѣ указывались безпорядки, замѣченныя графомъ въ теченіе дня. Такъ, напримѣръ, дѣлались замѣчанія графинѣ за допущеніе ею того, что при входѣ ея въ лакейскую люди или не встали со своихъ мѣстъ, или не оказали должной ей почтительности ⁴⁾.

У помѣщика П. И. Юшкова въ одной Москвѣ находилось постоянно до 200 человекъ дворни ⁵⁾). Въ домѣ Гончарова, кромѣ множества прислуги, былъ оркестръ музыкантовъ отъ 30—40 человекъ и особый охотничій оркестръ роговой музыки, введенной княземъ Потемкинымъ, въ которомъ каждый музыкантъ игралъ только одну ноту ⁶⁾). Елатомскій помѣщикъ Кашкаровъ имѣлъ дворовыхъ болѣе 40 человекъ мужчинъ и столько же женщинъ; въ передней его дома сидѣло до 20 человекъ лакеевъ. Во время Отечественной войны, начальствуя Рязанскимъ ополченіемъ, генералъ Измайловъ предоставилъ своимъ офицерамъ 150 собственныхъ троекъ съ кучерами для катанья ⁷⁾.

¹⁾ „Кое что изъ прошлаго“. „Рус. Арх.“ 1879 г., т. II, 228, 229.

²⁾ „Воспоминанія А. М. Фадѣева“. „Рус. Арх.“ 1891 г., № 2, стр. 316

³⁾ „Древняя и новая Россія“ 1876 г., № 12, стр. 349.

⁴⁾ Театръ Гр. Каменскаго въ Орлѣ. Изъ записокъ гр. Бутурлина. „Рус. Арх.“ 1869 г., т. II, стр. 1710.

⁵⁾ „Воспоминанія П. И. Шенинга“. „Рус. Арх.“ 1880 г., т. III, 304.

⁶⁾ „Воспоминанія А. П. Бутенева“. „Рус. Арх.“ 1881 г., вв. III (1), стр. 7.

⁷⁾ „Древняя и новая Россія“ 1876 г., т. III, стр. 42.

Кромѣ многочисленной дворни, у многихъ помѣщиковъ была такъ называемая у веселительная прислуга, состоявшая изъ шутовъ и шутихъ, дураковъ и дурь, сказочниковъ и сказочницъ. Въ великолѣпномъ селѣ Черни помѣщикъ А. А. Плещеевъ держалъ фокусниковъ и механиковъ ¹⁾. Въ домѣ М. Г. Буниной жилъ дуракъ Варлаамъ—«не острякъ, не шутъ, а просто дуракъ совершенный, который въ наше время возбуждалъ бы сожалѣніе и отвращеніе; а тогда и священникъ села забавлялся исповѣдывая его и выслушивая грѣхи его: лиловые, голубые, желтые и т. п.» «Варлашка», какъ его звали, одѣвался въ камзолъ, оканчивавшійся юбкою, наглухо сшитую, и весь испещренъ былъ пѣтухами и разными фигурами» ²⁾.

Анонимный авторъ воспоминаній «Кое что изъ прошлаго» ³⁾ говоритъ, что у его бабушки была дура 70-ти-лѣтняя старуха Варька, которая, сидя въ темномъ углу комнаты, играла въ куклы и забавляла тѣмъ, что на дѣлаемые ей вопросы отвѣчала такъ скоро и такъ не связно, что ничего нельзя было понять. У князя Долгорукаго въ селѣ Знаменскомъ было нѣсколько шутовъ, дураковъ и дурь ⁴⁾. Во многихъ домахъ были араны и арапки, составлявшіе представительность богатаго барина.

Несмотря на многочисленность прислуги, часто въ передней и дѣвичьей не оказывалось никого.

— Куда онѣ, окаянныя, прости Господи! запропастились,—кричитъ барыня,—клячу и недоклячусь.

— Матушка, сударыня,—отвѣчаетъ ключница,—всѣ за дѣломъ пошли: Афишу сами изволили за мною послать; я побѣжала сюда, а ее оставила у погреба постеречь. Катю встрѣтила идучи—Катюша, куда каташь?—бриться барину—за горячей водой. А ты, Малашка?—Кондратьича позвать: вѣдь вчера шпанскія кудри въ песокъ рассыпались.

— Гдѣ же Дашка, Сашка, Машка и остальные?

— Всѣ, матушка, за дѣломъ. Дашка понесла рукомофникъ, Сашка собаку проваживаетъ, Машка мѣдный тазъ кирпичемъ чистить, другія бѣлье дѣтское просушиваютъ—всѣмъ довольно хлопотъ! Вѣдь у насъ не Богъ вѣсть сколько дѣвокъ! ⁵⁾.

Вся эта толпа въ сущности ничего не дѣлала, дорого стоила помѣщику, но обойтись безъ многочисленной дворни никто не могъ,—этого требовало дворянское достоинство.

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1877 г., т. II, 366.

²⁾ Черты стариннаго дворянскаго быта. „Рус. Арх.“ 1877 г., т. II, 479.

³⁾ „Русскій Арх.“ 1879 г., т. II, 225.

⁴⁾ „Воспоминанія А. М. Фадѣева“. „Рус. Арх.“ 1891 г., № 2, стр. 316.

⁵⁾ Картины русскаго быта въ старину. Изъ записокъ Н. В. Сушкова. „Раутъ на 1852 годъ“, стр. 443 и 444.

Однажды за столомъ, великая княгиня Екатерина Павловна жаловалась графинѣ Браницкой, что большое число прислуги и лошадей вызываетъ большіе расходы.

— А сколько у вашего высочества дворовыхъ людей и лошадей? спросила Браницкая.

— Людей до ста человекъ, а лошадей до 80,—отвѣчала великая княгиня.

— Какъ же вамъ имѣть меньше, когда я имѣю дворовыхъ людей до 300 и лошадей столько же.

— На что вамъ такая толпа?

— Потому, что я графиня и знатная помѣщица. Мнѣ они въ годъ не много разъ понадобятся; но когда нужно—не занимать же у сосѣдей ¹⁾).

Такъ разсуждали наши предки и, при тогдашнихъ условіяхъ жизни, считали себя правыми.

«Д. И. Павловъ, говоритъ С. П. Жихаревъ въ своихъ запискахъ, недавно возвратившійся изъ чужихъ краевъ, будучи въ домѣ А. Л. Нарышкина, заговорилъ объ огромномъ числѣ дворовыхъ, которые составляли принадлежность не только нашихъ богатыхъ баръ, но и бѣдныхъ помѣщиковъ. Указывая на порядки въ этомъ отношеніи за границею, Павловъ прибавилъ, что давно бы пора уничтожить дворню, съѣдающую половину доходовъ помѣщика.

— А позвольте вамъ сказать,—возразилъ Каменецкій,—не напрасно ли вы слишкомъ вооружаетесь противъ этой многочисленной прислуги нашихъ помѣщиковъ? Дворня ваша составлена не вами, а вашими предками, и вы наслѣдовали ее отъ нихъ вмѣстѣ съ ихъ привычками и вкусами, съ ихъ образомъ жизни и даже, большею частію, образомъ ихъ мыслей. Этотъ образъ жизни, какъ прежде былъ основанъ на мѣстныхъ условіяхъ, такъ остался и теперь. Иному кажется, что наступило другое время, что свѣтъ измѣнился, люди тоже; а ничего не бывало: и время, и люди сходны между собою. Настоящіе русскіе помѣщики, не исключая и васъ—такіе же, какими они были за сто лѣтъ назадъ, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣкоторыхъ понятій, которыя, съ постепеннымъ и непримѣтнымъ развитіемъ образованности, должны были необходимо измѣниться въ нихъ. Давнымъ давно придумываютъ средства, какъ бы уменьшить дворню и даже совсѣмъ освободиться отъ нея, но до сихъ поръ еще ничего не придумали. Графъ Ѡ. Г. Орловъ, который былъ, что называется русская здоровая голова, говорилъ: «Хотите, чтобъ помѣщикъ не имѣлъ дворни? Сдѣлайте, чтобъ

¹⁾ „Записки В. Н. Геттуна“. „Историческій Вѣстникъ“. 1880 г., № 3 стр. 489 и 490.

онъ не былъ ни псовымъ, ни конскимъ охотникомъ, уничтожьте въ немъ страсть къ гостепрѣимству, обратите его въ купца или мануфактуриста и заставьте его заниматься однимъ—ковать деньги». Скажутъ, что можно быть псовымъ и конскимъ охотникомъ и гостепрѣимнымъ хозяиномъ безъ того, чтобъ не прислуживали вамъ двадцать человѣкъ—справедливо; но тогда вы должны будете прибѣгнуть къ найму спеціальныхъ людей, которыхъ количество хотя втрое меньше, но содержаніе ихъ будетъ стоить втрое дороже; куда дѣвать своихъ? Обратитъ въ крестьянъ, завести фабрику? Съ первымъ способомъ сопряжено будетъ насиліе, и оно не удастся, потому что эти люди поватерлись около васъ, болѣе или менѣе образованы по вашей мѣркѣ, охотно за соху не возьмутся, и употребить ихъ въ такую работу, къ которой они не чувствуютъ склонности, ни способности и которую почитаютъ для себя униженіемъ, жестоко и несправедливо. Да и зачѣмъ вамъ жаловаться, что васъ съѣла дворянъ? Пусть ѣсть; чѣмъ ея у васъ больше, тѣмъ больше къ вамъ уваженія: это вывѣска, что живете не для одного себя, а кормите и поите другихъ ¹⁾.

Изъ этой многочисленной толпы нахлѣбниковъ формировались столяры, портные, сапожники, повара, кондитеры, художники, актеры для домашнихъ театровъ и музыканты.

Каждый не только богатый, но и бѣдный помѣщикъ считалъ своею обязанностію имѣть, по мѣрѣ средствъ, свой оркестръ и свою труппу, хотя часто то и другое было очень плохо. Люди же богатые достигали въ этомъ отношеніи до нѣкотораго изящества.

Гавриилъ Ильичъ Бибииковъ отдавалъ дѣтей своихъ лакеевъ, дворецкихъ и поваровъ на воспитаніе въ пансіоны, гдѣ ихъ учили иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, рисованію и пр. «Имъ давали французскія прозвища: одного называли la-Fleur, другого—la-Tour и т. д. Изъ нихъ составляли труппу актеровъ и танцовщицъ для домашняго театра и балета». Старикъ Йогель, котораго вся Москва знала, былъ выписанъ изъ Франціи, чтобы устроить въ подмосковномъ имѣніи Бибиикова балетъ ²⁾.

Пензенскій помѣщикъ Е. В. Кожинъ имѣлъ свой оркестръ музыки, домашній театръ съ труппою изъ крѣпостныхъ людей. А. А. Плещеевъ въ своемъ селѣ Черни построилъ театръ, сформировалъ изъ крѣпостныхъ большой оркестръ и труппу; самъ онъ обладалъ замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ ³⁾. Въ Москвѣ у Арбатскихъ воротъ, въ домѣ,

¹⁾ „Записки С. П. Жихарева“. „Русскій Арх.“ 1891 г., № 1, стр. 245 и 246 (Приложеніе).

²⁾ Бабушка Е. А. Бибиикова. „Русскій Арх.“ 1883 г., № 4, стр. 353.

³⁾ „Русскій Арх.“ 1877 г., т. II, 366.

гдѣ нынѣ Александровскій кадетскій корпусъ, былъ театръ Апраксина, на которомъ давалась недурная италіанская опера ¹⁾. Столыпинскій театръ въ Москвѣ былъ извѣстенъ по талантливости актеровъ, которые были потомъ украшеніемъ императорскаго театра ²⁾. Въ Казани была извѣстна труппа Петра Васильевича Есинова; въ Алатырскомъ уѣздѣ была труппа князя Грузинскаго, былъ театръ и въ Полтавѣ.

Вообще въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго домашніе театры сильно размножились и перечислять ихъ нѣтъ возможности. Достаточно сказать, что въ одной Москвѣ было до 20 барскихъ театровъ, съ оркестрами музыки и пѣвчими ³⁾.

Курскіе помѣщики, Анненковъ и графъ Волькенштейнъ имѣли театры. Театръ Анненкова былъ не важенъ по составу труппы, но блестящій по декораціямъ, костюмамъ, машинамъ, на которыя онъ и разорился ⁴⁾; изъ труппы же гр. Волькенштейна вышелъ М. С. Щепкинъ. Наибольшую извѣстностью въ провинціи пользовались театры графа С. М. Каменскаго въ Орлѣ и князя Н. Григорьевича Шаховскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. Графъ Каменскій былъ страстный любитель театра и тратилъ на него громадныя деньги. За талантливыхъ актеровъ, мужа и жену Кравченковыхъ съ 6-ти-лѣтней дочерью, которая хорошо танцевала качучу, Каменскій отдалъ г. Офросимову имѣніе въ 250 душъ. Музыкантовъ у него было два оркестра: инструментальный и роговой, каждый человѣкъ по 40. Разыгрываемыя пьесы постоянно мѣнялись и съ каждой новой являлись новые костюмы и декораціи; за постановку «Халифа Багдатскаго» графъ заплатилъ болѣе 30.000 рублей.

Актеры должны были знать свою роль безукоризненно, слово въ слово и играть безъ суфлера. Съ этою цѣлью въ ложѣ передъ графомъ лежала книга, куда онъ записывалъ замѣченныя имъ на сценѣ ошибки и упущенія, а сзади его, на стѣнѣ, висѣло нѣсколько плетокъ, съ которыми онъ ходилъ за кулисы и наказывалъ провинившихся. На игру не обращалось вниманія и театръ походилъ на какую-го полуумную затѣю. Въ антрактахъ публикѣ разносили моченые яблоки и груши, изрѣдка пастилу, а чаще всего вареный медъ ⁵⁾.

Въ труппѣ кв. Шаховскаго было болѣе ста человѣкъ. Сначала онъ содержалъ свою труппу въ своемъ ардатовскомъ имѣніи, въ селѣ Юоу-

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1877 г., т. II, стр. 369.

²⁾ „Полв. Собр. соч. кн. Вяземскаго“, т. VII, 86.

³⁾ Подубарскія затѣи. М. И. Пылева. „Историческій Вѣстникъ“ 1886 г., № 9, стр. 549.

⁴⁾ Воспоминанія о нѣкогда знаменитомъ театрѣ гр. С. М. Каменскаго. Дѣло 1873 г., № 6, стр. 189.

⁵⁾ „Записки И. С. Жиркевича“. „Рус. Стар.“ 1875 г., № 8, стр. 568—570.

повѣ, а потомъ перевелъ ее въ Нижній-Новгородъ. Во время представленій князь требовалъ отъ своихъ актеровъ величайшей благопристойности, состоявшей въ томъ, «чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе, какъ на аршинъ, а когда она должна была падать въ обморокъ, только прихвѣрно поддерживать ее».

Шаховской обращался съ своими актерами жестоко и за провинности надѣвалъ имъ рогатки на шею, приковывалъ къ стулу, наказывалъ палками и розгами.

У г. Горихвостова, въ Пензѣ, была труппа, назначенная для оперъ и итальянской музыки. Г. В. Гладковъ построилъ въ той же Пензѣ каменный театръ, на сцену котораго выгонялъ «всю дворню свою отъ дворецкаго до конюха и отъ горничной до портомойки» ¹⁾.

Тайный совѣтникъ Петръ Ивановичъ Юшковъ, любитель танцевъ, выучилъ до 20 наиболѣе красивыхъ крѣпостныхъ дѣвушекъ тацовать вальсы, кадрили, экосезы и другіе танцы того времени. Онѣ одѣли ихъ въ бальные туфли, штофные сарафаны, бархатныя повязки и въ лайковыя перчатки. «Онѣ дѣйствительно танцовали лучше многихъ барышень и разговорами были совсѣмъ не похожи на крестьянокъ. Несмотря на это, онѣ занимались всею крестьянской работой, но въ перчаткахъ и соломенныхъ шляпахъ, а волосы были въ папильоткахъ» ²⁾. У рязанскаго помѣщика Ржевскаго была балетная труппа въ Москвѣ на Никитской. Онъ устроилъ роскошный театръ и прожилъ на балетъ все свое громадное богатство.

Въ Казани П. В. Есиповъ, старый холостякъ, угощалъ своихъ друзей помимо театральнаго представленія еще и вакханаліями. «Я крайне удивился, говорить Ф. Ф. Вигель, увидѣвъ у него съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ—это все были Фени, Матрешы, Ариши, крѣпостныя актрисы хозяйской труппы; я еще болѣе изумился, когда онѣ пошла съ нами къ столу и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины сажались всѣ на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами такъ, что я очутился промежъ двухъ красавицъ». На другомъ концѣ стола сидѣли музыканты, т. е. слуги, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили гостямъ и потомъ опять сажались.

Еще лучшія балетныя представленія давались у князя Николая Борисовича Юсупова. Въ Москвѣ, въ особенномъ домѣ, въ Хоритоньевскомъ переулкѣ, помѣщался его гаремъ съ 15—20 дворовыми красивыми дѣвками. Ихъ обучалъ танцамъ извѣстный тогда только

¹⁾ «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. II, стр. 69.

²⁾ Воспоминанія Н. И. Шевнига. „Рус. Арх.“ 1880 г., III, 305.

что упомянутый танцмейстеръ Югель. «Великимъ постомъ, когда прекращались представленія на императорскихъ театрахъ, Юсуповъ приглашалъ къ себѣ закадычныхъ друзей и пріятелей на представленіе своего крѣпостного коръ-де-балета. Танцовщицы, когда Юсуповъ давалъ извѣстный знакъ, спускали моментально свои костюмы и являлись передъ зрителями въ природномъ видѣ, что приводило въ восторгъ стариковъ, любителей всего изящнаго» ¹⁾).

Подобнымъ же любителемъ былъ и богатый помѣщикъ Кашкаровъ. Десять-двѣнадцать наиболее красивыхъ дѣвушекъ занимали почти половину его дома и предназначались только для услуги барину (ему было 70 лѣтъ). Онѣ стояли на дежурствѣ у дверей спальни и спали въ одной комнатѣ съ Кашкаровымъ; нѣсколько дѣвушекъ особо назначались для прислуги гостямъ ²⁾).

Тудьско-рязанскій помѣщикъ, генералъ Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, имѣлъ гаремъ, состоящій изъ 30 красивѣйшихъ дѣвушекъ. Часть флигеля сообщалась только корридормъ съ внутренними комнатами господскаго дома, да небольшая калитка, въ высокой каменной стѣнѣ, вела отсюда на главный фасадъ, но она всегда была заперта на замокъ. Въ окнахъ этого флигеля были вставлены желѣзныя рѣшетки. Здѣсь-то и содержался гаремъ Измайлова. Дѣвушки разнаго возраста, запертыя днемъ и ночью, лишены были всякаго сообщенія даже съ родственниками. Въ случаѣ отъѣзда барина въ другія имѣнія или въ Москву, онѣ сопровождали его и содержались тамъ точно такимъ же образомъ. «Въ составъ этого гарема поступали не однѣ дворовыя, но и крестьянскія дѣвушки, и горе было тѣмъ, кто бы ослушался приказанія барина о выдачѣ ему требуемой!» Измайловъ жегъ дома ослушниковъ и жестоко сѣкъ изъ крестьянъ третьяго, а изъ бабъ десятую. При деревнѣ Хитровщинѣ, гдѣ онъ жилъ, находился крестьянинъ по прозванью Гусекъ. Онъ обязанъ былъ на тройкѣ собственныхъ лошадей, которыя содержались на помѣщичьемъ корму, развѣзжать по деревнямъ и собирать дѣвокъ на генеральскія игрища. На такія игрища собирались толпы царей и всякой челяди. Сюда же привозились въ особомъ экипажѣ, называвшемся лодкою, пѣсenniцы и плясуньи, дворовыя и крестьянскія дѣвушки и женщины. Здѣсь, во время игрищъ, производили выборъ и комплектованіе гарема, которымъ, впрочемъ Измайловъ не довольствовался и призывалъ къ себѣ на нѣсколько

¹⁾ Слово живое о не живыхъ И. А. Арсеньева. „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г., т. 27, стр. 76 и 77.

²⁾ Страница изъ исторіи крѣпостного права. „Рус. Стар.“ 1883 г., № 11, 433—434. О жестокостяхъ его съ крестьянами. См. „Древ. и нов. Россія“, 1877 г., № 1, 127.

дней дѣвушекъ изъ деревень. Мало того, дѣвушекъ, по приказанію хозяина, приводили и для гостей ¹⁾).

Конечно, большинство владѣльцевъ не заводило гарема, но пользовалось своею неограниченною властью, и многія крестьянскія дѣвушки дѣлались жертвою своего султана-помѣщика. «Но я не буду слишкомъ распространяться, говорить современникъ ²⁾, о жизни нашихъ помѣщиковъ; вообще она была для православнаго люда наказаніемъ Божиимъ, бичемъ варварскаго деспотизма».

Сами помѣщики проводили жизнь въ полномъ довольствіи и веселіи. Привольна была жизнь въ деревнѣ: отсутствіе шнуровокъ и затяжекъ, причесокъ и перчатокъ; широкіе халаты на мужчинахъ, просторныя платья на женщинахъ, небритыя бороды у мужчинъ, загорѣлыя лица и руки у женщинъ. Безгрѣшная скука, непорочная сонливость, неразорительная обжорливость, отдыхъ пытливому уму и покой тревожному сердцу царствовали въ жизни помѣщика. «Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть успокоительнѣе и питательнѣе, какъ восемь разъ покушать и три раза въ сутки соснуть» ³⁾).

И жизнь твоя течетъ, какъ свѣтлый ручеекъ,
 Бѣгущій по лугамъ; какъ легкій вѣтерокъ...
 Безнечность—твой удѣлъ! стократъ она милѣй
 И пышности владыкъ и блеску богачей!
 Не тотъ по мнѣ счастливѣе, кто многимъ обладаетъ,
 Воспитанъ въ роскоши, въ звѣздахъ златыхъ сіяетъ
 (Ни злато, ни чины ко счастью не ведутъ);
 Но тотъ, чьи асны дни въ невинности текутъ,
 Кто сердцемъ не смущенъ, кто славы не желая,
 Но искренно, въ душѣ, свой рокъ благословляя,
 Доволенъ тѣмъ что есть, и лучшаго не ждетъ—
 И небо на него лучъ благодати льетъ! ⁴⁾

Для большинства помѣщиковъ и ихъ семействъ день распредѣлялся такъ: утромъ чай, потомъ завтракъ, краткое отдохновеніе, передъ обѣдомъ закуска. Послѣ обѣда глава семейства отдыхалъ часа два, потомъ подавался кофе и лакомства; позже—чай и полдникъ, наконецъ, ужинъ и положительный сонъ. Въ промежутокъ этихъ занятій баринъ

¹⁾ „Генераль-лейтенантъ Левъ Измайловъ“, А. Г. Пушарева. „Русская Старина“ 1872 г., т. VI, стр. 653. „Генераль Измайловъ и его дворца“, С. Т. Славутинскаго „Древняя и новая Россія“ 1876 г., т. III, № 9, стр. 40 и 41.

²⁾ Воспоминанія стараго учителя, И. К. Зайцева „Русская Старина“ 1887 г. № 6, стр. 665 и 666.

³⁾ Картины русскаго быта въ старину. Изъ записокъ Н. В. Сушкова. „Раутъ на 1852 г.“, стр. 473.

⁴⁾ Посланіе въ деревню. „Полное собр. сочиненій кн. П. А. Вяземскаго“, г. III, стр. 3.

принималъ утромъ буфетчика съ запискою о произведенныхъ вчера расходахъ, а вечеромъ староста отдавалъ отчетъ о полевыхъ работахъ и получалъ приказанія и распоряженія на слѣдующій день. Для разнообразія въ теченіе дня предпринимались объѣзды полей, катанья на лошадяхъ, а то созовуть въ столовую горничныхъ, запѣваль, плясунъ и веселятся ихъ весельемъ ¹⁾.

Однообразный сельскій день нарушался прїѣздомъ гостей. Отличительною чертою русскаго дворянства было хлѣбосольство и гостепрїимство: каждый считалъ своею обязанностью собирать къ себѣ сосѣдей «хлѣбъ-соль покушать и пѣсенокъ послушать». И тогда вечеромъ накануне призывался поваръ на совѣщаніе.

— Завтра у насъ гости,—говоритъ ему хозяинъ.

— Надо постараться, чтобы не стыдно было чужихъ людей,—замѣчаетъ хозяйка.

Повару заказывали горячее: супъ и уху.

— Именинный пирогъ подать съ одной стороны,—говоритъ баринъ, а кулебяку съ другой. На холодное—погорячее (?) говядину въ перекладку съ ветчиною; два соуса: красный и бѣлый, и пудингъ подъ ромомъ. Жаркое, а послѣ пирожное—вотъ это, что топырится къ верху балдахиномъ, съ обливными бисквитами, съ миндальнымъ печеньемъ и марципанами.

— Знаемъ-съ,—отвѣчаетъ поваръ; сердечки изъ леденца, лавровые вѣнки изъ миндаля, грибки шоколадные, вензеля барыни и барышень.

— Да, да,—въ заключеніе бламанже и желе.

Въ извѣстное время года праздничный столъ измѣнялся. Съ Рождества буженина вытѣсняла говядину вплоть до Новаго года, а на Святой недѣлѣ—зеленая щи и зеленый соусъ, вмѣсто краснаго и бѣлаго были такъ же неизбѣжны за обѣдомъ, какъ красныя яйца и куличъ.

Въ семейные и церковные праздники у помѣщика сколько нибудь обезпеченнаго собиралось до 50 человекъ разнаго пола съ прислугою и лошадьми, которые гостили и кормились по нѣскольку дней ²⁾. Такой помѣщикъ, если только имѣлъ возможность, тоже заводилъ кое-какой оркестръ и въ особенности хоръ пѣсенниковъ, для потѣхи и увеселенія своихъ гостей ³⁾. Послѣдніе, не зная лучшаго, веселились отъ души. Всѣ они, погруженные въ мелкіе домашніе интересы, довольствовались и мелкими забавами.

¹⁾ Картины русскаго быта въ старину. Изъ записокъ В. Н. Сушкова. „Раутъ“ на 1852 годъ, стр. 483. Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1875 г., № 11, стр. 69.

²⁾ Посмертныя записки А. А. Одивцова. „Рус. Старина“ 1889 г., № 11, стр. 297.

³⁾ Записки А. М. Тургенева „Рус. Стар.“ 1885 г., № 12, стр. 473.

У богатыхъ гостеприимство было развито въ болѣе широкихъ размѣрахъ: ворота всегда были настежь, сосѣди и мелкіе дворяне такъ и валили поинировать на счетъ хозяина ¹⁾. У графа Чернышева, въ его имѣніи Точино, въ торжественные дни собиралось до 500 лошадей въ конюшняхъ, и гости жили по нѣскольку недѣль. «Отецъ мнѣ рассказывалъ, пишетъ старушка изъ степи ²⁾, какъ къ одному знакомому помѣщику пріѣхалъ разъ гость съ людьми и лошадьми своими, пріѣхалъ на нѣсколько часовъ и оставался у него 40 лѣтъ до самой своей смерти».

Тайный совѣтникъ П. И. Юшковъ самъ зазывалъ къ себѣ гостей. Получивъ въ наслѣдство 10.000 душъ крестьянъ, два дома въ Москвѣ, подмосковную дачу, 40 пудовъ серебра и брильянтовъ на 200.000, онъ прожилъ все свое состояніе на угощеніе и разныя затѣи. Въ 80 верстахъ отъ Москвы, въ Калужской губерніи, онъ имѣлъ деревню Чечково, изъ которой хотѣлъ сдѣлать чудеса. Прежде всего онъ построилъ тамъ паровую баню, что было въ то время рѣдкостью, въ которой самъ исполнялъ обязанности банщика: мылъ и парилъ своихъ гостей. Для встрѣчи ихъ, въ двухъ мѣстахъ были выставлены подставы, причемъ на каждой станціи жилъ дворецкій съ поварами, и когда бы ни пріѣхалъ самъ Юшковъ — обѣдъ и чай должны были быть готовыми. Гости своихъ въ Чечковѣ онъ закармливалъ, исполняя обязанность повара. Онъ превосходно варилъ борщъ, жарилъ особымъ образомъ индѣйку безъ костей и телатину, въ четверти которой было до двухъ пудовъ вѣсомъ.

Домъ и столъ у богатыхъ помѣщиковъ Гончаровыхъ былъ всегда открытъ для многочисленныхъ сосѣдей, которые пріѣзжали цѣлыми семействами, проводили по двѣ по три недѣли и пользовались всѣмъ готовымъ вмѣстѣ съ прислугою и лошадьми.

Необходимо замѣтить, что въ то время ни хозяинъ, ни гости не стѣсняли другъ друга: случалось, что обѣдныя дворяне гурьбою пріѣзжали къ богатому сосѣду и жили не показываясь ему на глаза.

Съ прибытіемъ князя Куракина на гѣто въ село Надеждино, все закипало шумной жизнью, полной всякаго довольства, не подчиненной строгому этикету и порядку. Зато и князь не церемонился съ своими многочисленными нахлѣбниками. Чтобы не стѣснять себя и другихъ князь Куракинъ вывѣсилъ въ разныхъ комнатахъ своего дома и во многихъ мѣстахъ парка слѣдующее объявленіе ³⁾:

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, стр. 76.

²⁾ Прижизальщики и приживалки. „Русскій Архивъ“ 1883 г., № 3, стр. 78.

³⁾ И. О. Горбуновъ. „Кн. А. Б. Куракинъ въ селѣ Надеждинѣ“, „Русская Старина“, 1887 г., № 12, стр. 618.

Обрядъ и правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ Надеждинѣ.

1) Хозяинъ, удаляясь отъ суеты и пышностей мірскихъ, желаетъ и надѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное, а отъ онаго произтекающее счастливое и ничѣмъ непоколебимое спокойствіе духа.

2) Хозяинъ почитаетъ глѣбосольство и гостепримство основаніемъ взаимнаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно видитъ въ оныхъ пріятныя для себя должности.

3) Всякое здѣсь сдѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято съ удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ.

4) Хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего сѣда пріѣзда, опредѣляетъ въ каждый день раздѣлить свое время, съ жалующими къ нему гостями, отъ часа пополудни до обѣда, время обѣда и все послѣ обѣда до семи часовъ вечера.

5) Хозяинъ, по вышесказанному наблюденію опредѣляетъ утро каждаго дня отъ семи часовъ до полудня для разныхъ собственныхъ его хозяйственныхъ объѣздовъ, осмотровъ и упражненій, а вечеръ каждаго дня, отъ семи до десяти часовъ опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма.

6) Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ или на два, или на многіе дни, чтобъ будучи въ его домѣ почитали сами себя хозяевами, никакъ не помня о немъ, единственно въ семъ качествѣ приказывали бѣ его людямъ всѣ надобныя для нихъ услуги, и однимъ словомъ распоряжались своимъ временемъ отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому удобно, отнюдь не спорювая къ провѣденію времени самого хозяина, который черезъ то, съ новою къ нимъ благодарностію, получить всю свободу имъ принятое безостановочно и съ продолжительнымъ тщаніемъ выполнить.

7) Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день въ девять часовъ вечера будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ пріобыкшихъ къ оному, и онъ, прося дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ случающихся гостей, несмотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать.

Вообще въ старину принимали гостей такъ, чтобы имъ захотѣлось пріѣхать въ другой разъ. У графа Чернышева гости угощались съ утра и до вечера; ѣли фрукты до обѣда и послѣ него; каждый кто хотѣлъ шелъ въ оранжерею или фруктовый сарай и срывалъ самъ съ деревъ плоды. «Въ настоящее время, говоритъ современникъ¹⁾, трудно понять

¹⁾ Воспоминанія Бутенева „Рус. Арх.“, 1881 г., кн. III (1), стр. 8.

до какихъ широкихъ размѣровъ простиралось это старинное гостеприимство».

«Вотъ другая недѣля, писалъ М. М. Сперанскій дочери изъ Пензы ¹⁾, какъ я здѣсь и каждый день на званыхъ обѣдахъ, гдѣ рѣдко бываесть менѣе 50 человекъ. Обѣдамъ и пирамъ я конца не вижу».

Къ полудню столъ былъ накрытъ чаще всего покоемъ и сервированъ смотря по состоянію хозяина, начиная отъ самой простой посуды, до золота и серебра у богатыхъ. На немъ ставились зеркальные, серебряные и стальные плато, съ фонтанами и фарфоровыми статуэтками. Лѣтомъ скатерть должна быть усыпана цвѣтами. Приѣзжавшіе гости группировались: мужчины въ залѣ, пожилыя дамы занимали гостиную, а дѣвѣны укрывались въ диванной. Входящій въ домъ мужчина цѣловалъ ручки хозяекъ и всѣхъ знакомыхъ барынь и барышень и уносилъ сотни поцѣлуевъ на обѣихъ щекахъ; барыни и барышни цѣловались между собою. Хозяинъ приглашалъ перекусить до обѣда и глотнуть для возбужденія аппетита. Спустя нѣкоторое время дворецкій докладывалъ, что «кушать поставлено». Гости длиннымъ полскимъ, по-парно, отправлялись въ столовую, гдѣ и садились: мужчины по одну сторону стола, а дамы—по другую. Мѣста занимались по чинамъ и значенію. За каждымъ сидящимъ стоялъ особый слуга съ тарелкою въ лѣвой рукѣ, чтобы при новомъ блюдѣ тотчасъ же поставить на мѣсто прежней чистую. Если у хозяина не хватало собственной прислуги, то за спинами гостей стояли приѣхавшіе съ ними ихъ же собственные люди ²⁾.

Какъ у бѣдныхъ, такъ и у богатыхъ число блюдъ было нескончаемое. Сначала подавали нѣсколько холодныхъ, нѣсколько горячихъ, нѣсколько жаркихъ и нѣсколько хлѣбныхъ (пироговъ), а между ними «неизбѣжныя два бѣлыхъ и два красныхъ соуса дѣлили обѣдъ на двое». Вина и наливки стояли на столахъ во множествѣ и послѣ перемѣны блюда дворецкій или слуга подходилъ къ каждому и наливалъ въ рюмки ³⁾. Какъ бы ни былъ бѣденъ помѣщикъ, но въ ледникахъ его были засѣчены бочки мартовскаго пива, квасу, разныхъ медовъ, которыми прежде щеголяли хозяева. Пиво варилось у себя дома и было пряное, тонкое, вкусное, здоровое—такое «какъ хлебнешь упадешь, вскопишь—опять захочешь». Этого напитка бывало три сорта: дѣдушка, батюшко и сынокъ, по различію степеней его крѣпости.

¹⁾ Отъ 31-го октября 1816 г., „Русскій Архивъ“, 1868 г., № 7 и 8, стр. 1107.

²⁾ Картины русскаго быта въ старину „Раутъ на 1852 г.“, стр. 449—460. „Дѣдъ мой помѣщикъ Сербинъ“, „Русскій Вѣстникъ“ 1875 г., № 11, 69.

³⁾ Записки Ф. Вигеля, ч. I, 218. Записки И. С. Жиркевича. „Русская Старина“, 1875 г., № 8, стр. 570.

Вмѣсто винъ радушный хозяинъ угощалъ наливками: малиновкой, смородиновкой, вишневкой, рябиновкой, розановкой, а въ промежуткахъ холоднымъ со льда мартовскимъ пивомъ и янтарнымъ медомъ. «Видно они были такъ хороши, что иностранцы-путешественники предпочитали ихъ венгерскимъ винамъ»¹⁾.

Хозяйство и домъ cadaго даже и мелкаго помѣщика былъ полною чашею, и даже при маломъ количествѣ земли въ имѣніи, были грунтовые сараи и сады съ прекрасными фруктами, огороды, овощи и часто пчельникъ. Приѣзжавшіе неожиданно гости никогда не заставляли врасплохъ хозяина. Къ незванному обѣду подавался кусокъ домашней ветчины, лапша, яичница-верещага или глазуны, индѣйка съ солеными лимонами, утка съ такими же сливами, свѣжій варенецъ и бѣлоснѣжный творогъ съ густыми сливками. Всего было много, всего было вдоволь.

Но особымъ обиліемъ кушаній отличались свадебные обѣды. Вотъ, что было подано на одномъ изъ нихъ: студень, заливная рыба, поросенокъ подъ хрѣномъ, разварная рыба, ветчина съ кореньями, щи и къ нимъ пирогъ съ кашей, кашница и къ ней пирогъ съ курицею, лапша, пирожки съ говядиной, уха и къ ней пирогъ съ морковью, три или четыре разныхъ каши, языки, мозги, телячьи ножки и голова. За тѣмъ слѣдовали жаркія: гуси, телятина, баранина, утки и жареная рыба; разные кисели, сладкіе пироги и пирожки, алады съ медомъ, особаго сорта сладкія ленты и розыны. Послѣ cadaго кушанья мужчины пили по стаканчику водки, но до бутылокъ съ иностраннымъ виномъ недотрогивались. Несмотря на обиліе прислуги, обѣдъ длился 3—4 часа²⁾.

Тогда угощеніе радушныхъ хозяевъ не оканчивалось однимъ обѣдомъ: гостей переводили въ гостиную, гдѣ столъ передъ диваномъ ломился подъ тяжестью наставленныхъ фруктовъ и сладостей домашняго приготовления. Люди съ ограниченными средствами подавали варенье, моченые яблоки и домашніе пряники въ видѣ человѣчковъ, коньковъ и пѣтушковъ; люди болѣе обеспеченные угощали смоквой, шепталой и проч.

Для такихъ обѣдовъ и угощеній вообще, въ погребяхъ помѣщиковъ, даже и не богатыхъ, припасены были кадки солонины, капусты, огурцовъ, разныхъ соленій; въ подвалахъ были зарыты въ песокъ овощи, зелень, плоды, варенье, масло, яйца и наливки; наружный чуланъ наполненъ былъ мукою, крупами и сухими лакомствами³⁾.

¹⁾ Воспоминавія И. М. Снегирева, „Русскій Архивъ“, 1866 г., № 4, стр. 526 и 527.

²⁾ Записки Э. И. Стогова, „Русская Старина“, 1886 г., № 10, стр. 90.

³⁾ Въ провинціи и въ Москвѣ. М. Л. Назимовъ, „Русскій Вѣстн.“, 1876 г. № 7, стр. 77.

Хотя все это было свое и подъ рукою, но непрерывные обѣды вели къ разоренію многихъ, и въ маѣ 1816 года было заложено 600 помѣщичьихъ имѣній съ населеніемъ въ 300.000 крестьянъ ¹⁾. «За то, говорилъ графъ де-Местръ ²⁾, я ѣлъ дыню въ 6 руб., французскій пирогъ въ 30 руб. и англійскія устрицы по 12 руб. за сотню».

Гости выходили изъ-за стола сытые и веселые. Обычай отдыхать послѣ обѣда разобщалъ на нѣкоторое время общество, по пословицѣ: «гость до обѣда — соловей, а послѣ обѣда — воробей». Мужчины ложились спать, а молодежь расходилась по комнатамъ или въ садъ, гдѣ играла въ фанты, жмурки, веревочку, въ кошку и мышку ³⁾.

Въ богатыхъ семействахъ тотчасъ же послѣ обѣда начинались танцы или прогулки верхами, въ экипажахъ и такимъ образомъ заполнялся весь день. Богатый помѣщикъ П. И. Юшковъ, угощая гостей на своей подмосковной дачѣ далъ въ теченіе трехъ недѣль сряду 18 баловъ, «съ фейерверками и музыкою въ саду, такъ что окрестныя фабрики перестали работать, ибо фабричные всѣ ночи проводили около его дома и въ саду; а Новодѣвичья игуменья не могла справиться съ своими монахинями, которыя вмѣсто заутрени, стояли на стѣнахъ монастыря, глядя на фейерверкъ и слушая цыганъ и роговую музыку ⁴⁾.

Валь начинался въ полночь и продолжался до разсвѣта; не ложась спать и напившись чаю, гости катались лѣтомъ въ экипажахъ, зимою — на горахъ, потомъ опять обѣдали, готовились къ балу и иногда проводили до трехъ сутокъ безъ сна. Вообще хозяева заботились о разнообразіи: устраивались катанья на лодкахъ днемъ и ночью съ гѣсенниками, музыкой, бенгальскими огнями и фейерверками ⁵⁾.

Особымъ искусствомъ устраивать parties de plaisir отличался богатый помѣщикъ Алексѣй Александровичъ Плещеевъ. Въ великолѣпномъ селѣ своемъ Черни онъ держалъ музыкантовъ, построилъ театръ и не могъ жить безъ пировъ, забавъ и увеселеній. Въ день рожденія своей супруги, урожденной графини Чернышевой, онъ задалъ такой пиръ, о которомъ говорили долгое время. «Послѣ обѣдни, на которую съѣхались ближніе и дальніе сосѣди, хозяинъ предложилъ прогулку. Пошли въ рощицу, гдѣ, къ общему удивленію, стояла выросшая за ночь роща. Когда

¹⁾ Изъ записной книжки графа Н. Н. Сухтелена, „Русскій Арх.“, 1876 г. т. I, 349.

²⁾ Въ письмѣ 18-го (30-го) августа 1803 г. изъ Петербурга въ Италию, „Русскій Архивъ“, 1871 г., т. I, 60.

³⁾ Въ провинціи и Москвѣ. М. Л. Назимовъ, „Русскій Вѣстн.“, 1876 г., № 7, стр. 91. Картины русскаго быта въ старину. „Раутъ на 1852 г.“, стр. 449—463.

⁴⁾ Воспоминанія Н. И. Шевнига. „Русскій Арх.“, 1880 г., кн. III, 305.

⁵⁾ Записки И. С. Жиркевича. „Русская Старина“, 1875 г., № 8, стр. 576.

виновница пира къ ней приблизилась, рожа склонилась передъ ней, и обнаружился жертвенникъ, украшенный цвѣтами; воагъ него стояла богиня, которая привѣтствовала Анну Ивановну (Плещееву) поздрави-тельными стихами. Потомъ богиня и жертвенникъ исчезли и на мѣстѣ ихъ явился столъ съ роскошнымъ завтракомъ. По выходѣ изъ-за стола Плещеевъ спросилъ у жены и гостей, расположены-ли они воспользо-ваться хорошею погодою и привелъ ихъ къ канавкѣ, за которой возвы-шалась стѣна. Входъ въ ворота былъ загороженъ огромной женской статуей, сдѣланной изъ дерева. «Madam Gigogne, voulez-vous nous laisser entrer» ¹⁾, закричалъ хозяинъ. Но негостепримная madame Gigogne, размахивала руками вправо и влево и кивала грозно головой. Тогда явился монахъ и сталъ творить надъ ней заклинанія, разумѣется, по-французски. Побѣжденная madame Gigogne упала во весь ростъ че-резъ канаву, и спина ея образовала мостъ. Съ своей стороны монахъ превратился въ рыцаря и приглашалъ гостей войти. Когда они пере-шагнули за ворота, цѣлый городъ представился ихъ взорамъ. Тутъ воз-вышались башни, палатки, бесѣдки, качели. Между ними стояли фо-кусники съ своими снарядами и сновали колдуньи, которыя предска-зывали каждому будущность. Подъ звукъ военной музыки маневрировалъ полкъ солдатъ. На ихъ знаменахъ и киверахъ стояла буква *H*, такъ какъ Плещеевъ звалъ свою жену Ниной. Лавочники приглашали посѣ-тителей взглянуть на ихъ товары и подносили каждому подарокъ. Для крестьянъ были приготовлены лакомства всякаго рода. У одной изъ башенъ стоялъ молодецъ, который зазывалъ къ себѣ гостей. У него была устроена камеръ - обскура; всѣ входили и глядѣли по оче-редно сквозь стеклышко, вставленное въ ящикъ, на портретъ Анны Ивановны, вокругъ котораго плясали амуры» ²⁾.

Послѣ роскошнаго обѣда общество было приглашено на спектакль, въ которомъ принималъ участие самъ Плещеевъ, а затѣмъ слѣдовали танцы ³⁾.

Въ гостяхъ, конечно, недостатка не было, и бѣдные дворяне толпами спѣшили воспользоваться приглашеніемъ богатаго баряна. Въ большин-ствѣ случаевъ они встрѣчали радушіе и ласку, но къ сожалѣнію были и самодуры, позволявшіе себѣ насмѣшки и издѣвательства.

¹⁾ Мадамъ Жигонь, позволите-ли намъ войти?

²⁾ Этотъ фокусъ былъ устроенъ очень искусно: на отдаленномъ лугу былъ начерченъ кругъ и крестьянскія дѣти, превращенныя въ амуровъ, плясали около него, а портретъ былъ поставленъ такъ, что занималъ пространство круга.

³⁾ Разказы и анекдоты. Толмчевой, „Русскій Архивъ“, 1877 г., т. II стр. 366 и 367

Извѣстный намъ генералъ Измайловъ былъ въ числѣ таковыхъ. Онъ бывало напонтъ мертвецки пьяными человекъ 15 небогатыхъ дворянъ, посадить ихъ еле-живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязеть къ обонимъ концамъ лодки по живому медвѣдю и въ такомъ видѣ спустить лодку съ горы въ рѣку. Былъ у него приверженець, нѣкто Шидловскій, который позволялъ дѣлать надъ собою все, что желалъ Измайловъ. Проиграеть послѣдній своему приверженцу тысячу рублей, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги по одиночкѣ и подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ быть выброшеннымъ въ окно¹⁾.

Да, отчего и не потѣшиться когда можно, когда, несмотря на всѣ безобразія, мелкіе дворяне «такъ и льнули къ нему, составляя постоянную его свиту, сопровождая его толпами на картежную игру, на псовую охоту, на скачки, на и грища—всюду, гдѣ онъ изволилъ тѣшиться»²⁾. Они переносили всѣ его безобразія. Въ минуты гнѣва или на потѣху себѣ и другимъ Измайловъ привязывалъ гостившихъ у него дворянъ къ крылу вѣтреной мельницы и послѣ нѣсколькихъ поворотовъ крыла привязаннаго снимали еле-живымъ; приказывалъ протащить подъ льдомъ изъ проруби въ прорубь; зашивалъ въ медвѣжью шкуру и травилъ собаками, окуналъ въ деготь и вываленнаго въ пуху приказывалъ водить по окольнымъ деревьямъ съ барабаннымъ боемъ и съ объявленіемъ о провинности передъ генераломъ.

Наступала осень, лѣтнія забавы кончались и замѣнялись охотою или такъ называемымъ полеваніемъ. Съ окончаніемъ уборки полей, богатые помѣщики проводили мѣсяца два на охотѣ и приглашали сосѣдей. У многихъ охота првняла видъ военныхъ упражненій. Въ назначенный день помѣщикъ давалъ приказаніе собираться, и тогда ловчій надѣвалъ охотничій костюмъ, бралъ трубу и, выйдя на крыльцо, долго трубилъ давая тѣмъ знакъ охотникамъ. По первому звуку трубы, конюшій собиралъ лошадей, псаря вели собакъ, а охотники въ особыхъ костюмахъ садились на лошадей. Они выстраивались сообразно званію, значенію и должности. Одежда ихъ была самая разнообразная: куртки, чекмени, казакины съ патронташами, картузы, княжалы въ серебряной оправѣ съ чернью, охотничьи ножи съ костяными рукоятками, тульскіе и турецкіе пистолеты, арапники и хлысты, свистки и духовые рожки. Ко крыльцу барскаго дома подавалась коляска, дрожки и одноколки для гостей. За каждымъ экипажемъ находился верхомъ конюшій, имѣя въ поводу верховую лошадь для помѣщика или для одного изъ гостей. Когда хозяинъ

¹⁾ Записки С. П. Жихарева, „Русскій Архивъ“, 1890 г., № 12. Прилож. стр. 150.

²⁾ Генералъ Измайловъ и его дворня. С. Т. Славутинскаго, „Древн. и Нов. Россія“, 1876 г., т. III, № 9, стр. 41.

садился въ коляску, ловчій снова трубилъ, охотники выстраивались въ рядъ и вся кавалькада съ пѣснями отправлялась въ путь. Часто за охотниками слѣдовали линейки съ дамами, окруженными молодежью на смирныхъ иноходцахъ—«это главный штабъ». За нимъ слѣдовало войско: стремянные веди запасныхъ господскихъ лошадей и на сворахъ борзыхъ. Наконецъ, за импровизованнымъ войскомъ слѣдовалъ обозъ, съ палатками, съѣстными припасами, таганами, кострюлями, сковородами и проч. ¹⁾.

Часто охота производилась въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ,—сѣзжалось человекъ двадцать сосѣдей со своею свитою и сворою собакъ, число которыхъ доходило до нѣсколькихъ сотенъ. Такъ, у одного генерала Измайлова было на псарнѣ 673 собаки, которыхъ онъ содержалъ несравненно лучше чѣмъ дворовыхъ. Въ то время когда въ грязныхъ и полуразвалившихся избахъ, на пространствѣ 41 квадратнаго аршина жило 29 человекъ мужчинъ и женщинъ—каждая собака имѣла отдѣльное помѣщеніе и всѣ удобства. Измайловъ любилъ собакъ болѣе чѣмъ людей и за четырехъ борзыхъ онъ отдалъ помѣщику Шебякину своего камердинера, повара, кучера и коня х т. е. самыхъ близкихъ ему людей. На кормъ собакъ выходило ежегодно 1.600 четвертей овса, при псарнѣ состояло 40 человекъ дворовыхъ. За удачныя травли Измайловъ давалъ награды псарямъ, на что выходило ежегодно до 10.000 р. ассигнаціями. Если прибавить къ этому расходы на ремонтъ собачьихъ зданій, на обмундировку и содержаніе охотниковъ, на угощеніе гостей, собиравшихся на охоту, то выйдетъ, что затѣя эта составляла главный расходъ въ бюджетѣ ²⁾. Зато сколько наслажденій доставляла она!

На просторномъ полѣ, перерѣзанномъ кое-гдѣ оврагами, притонами хитрыхъ, увертливыхъ лисицъ, у опушки рощъ и лѣсовъ, гомоздится за исто барскими веселымъ дѣломъ, подъ главнымъ распоряженіемъ самого барина, разнообразный людъ: псари, доѣзжачіе, стремянные, конюхи, казаки, приживальцы, помѣщики разныхъ сортовъ, богатые и бѣдные, съ ихъ собаками и псарями. Гончія заливаются звонкимъ, чистымъ лаемъ, выгоняя звѣря на широкій просторъ поля; борзья мечутся въ разныя стороны за добычей, а доѣзжачіе и гости помѣщики «порскаютъ, атукуютъ, трубятъ въ рога, скачутъ сломя голову». Да, все это доставляло истинное наслажденіе. «Какъ бы я же-

¹⁾ Страница изъ исторіи вѣрлостного права Я. М. Невѣрова, „Русская Старина“ 1888 г. № 11, 444; Картины изъ русскаго быта.—„Раутъ на 1852 г.“ стр. 490.

²⁾ Генералъ-лейтенантъ Левъ Измайловъ Г. Пупарева.—„Русская Старина“ 1872 г. № 12, 651; Генералъ Измайловъ и его дворня С. Т. Славутинскаго. „Древняя и Нов. Россія“ 1876 г., т. III, № 9, стр. 260 и 261.

лазь теперь, говорить С. П. Жихаревъ ¹⁾, вспомнить блаженные времена моего дѣтства и по прежнему порыскать

По полямъ, и по лѣсамъ,
И по мхамъ и по болотамъ,
По долинамъ и буграмъ,
И сказать: прости — заботамъ.

Часто охотники увлекались до того, что захватывали ночь и возвращаться домой было невозможно. Тогда раскидывался лагерь и пу- скалось въ ходъ все что было въ обозѣ. Кушали сытно и вино лилось рѣкою ²⁾. Господа тѣшились и пировали, а охотники-крестьяне часто утирали слезы. «Веселье это, говорить Н. Г. Левшинъ ³⁾, довольно часто обращалось въ горе не малое, ибо когда пропустятъ зайца, а спаси Боже лисицу, то тутъ же всѣхъ (цсарей) перепорятъ ихъ же плетками. Рѣдкое поле проходило безъ баталіи—большею частію вся прислуга кулакомъ глаза утирала и вздыхала».

Охота продолжалась до самой глубокой осени, до такъ называемой первой пороши, т. е. до выпаденія снѣга. Тогда богатые помѣщики переселялись въ Москву, а остальные замыкались въ своихъ имѣніяхъ.

Зимой устраивалась гонка на лошадяхъ и маскированная масленица. Толпы дѣвокъ и бабъ собирались для этой цѣли на барскій дворъ; тамъ вымазывали имъ лица сажею, чтобы поѣздъ рельефно походилъ на маскарадное представленіе. Вымазанныхъ и выпачканныхъ сажали въ большія сани по подобіе лукошекъ и, окруживъ поѣздъ верховыми всадниками, переѣзжали изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, при звукахъ бубенъ, тазовъ и сковородъ. Заслышавъ издали эту шумную оргію, народъ стекался отовсюду, чтобы полюбоваться какъ тѣшатся господа.

«На масленицѣ, пишетъ Т. П. Пасекъ ⁴⁾, послѣ всевозможныхъ блиновъ, отправлялись кататься въ нѣсколькихъ саняхъ, связанныхъ въ длину другъ съ другомъ, запряженныхъ гусемъ. «Въ переднихъ саняхъ садились господа и гости, въ заднихъ—прислуга; въ концѣ привязывались салазки, на которыхъ помѣщали шутовъ или шутихъ, и съ пѣснями катались по улицамъ, восхищая толпы зѣвакъ». Затѣмъ слѣдовалъ сытный обѣдъ, ледяныя горы, причемъ господа спускаются въ салазкахъ, прислуга—на округленныхъ льдинахъ; всѣ летятъ кувыркомъ, смѣхъ и веселье раздаются повсюду.

Такъ тѣшались дворяне, обречшіе себя на вѣчную жизнь въ деревнѣ. Немнѣя понятія о жизни городской они почти ничѣмъ не отличались отъ сво-

¹⁾ „Русскій Арх.“ 1891 г. № 1, прилож. стр. 201.

²⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русск. Арх.“ 1881 г. кн. III (1), стр. 10.

³⁾ „Русская Старина“ 1873 г. № 12, т. VIII, стр. 836.

⁴⁾ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, т. I, стр. 101.

ихъ крѣпостныхъ. — Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій), упоминающая о своемъ дальнемъ родственникѣ Петрѣ Степановичѣ Муравьевѣ, говоритъ, что это былъ человекъ безъ всякаго образованія. Обыкновенное его общество состояло изъ поповъ и приказчиковъ околodka, съ которыми онъ вмѣстѣ пилъ и нерѣдко дрался, причемъ часто привозили его пьянаго домой безъ часовъ и другихъ драгоценныхъ вещей при немъ находившихся. П. С. Муравьевъ былъ извѣстенъ въ околodka своими раскрашенными дугами, коренными лошадьми и хлѣбосольствомъ.

«Мы отправлялись, пишетъ Н. Н. Муравьевъ, къ Петру Степановичу; обѣдъ былъ хороший. Хозяинъ всячески старался угождать намъ, и хотя то было время великаго поста, онъ велѣлъ созвать всѣхъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ, поставилъ ихъ въ комнатѣ около стѣнъ и приказалъ имъ пѣть пѣсни. Между тѣмъ самъ онъ не переставалъ пить и насъ хотѣлъ къ тому же склонить, но мы были осторожны и выливали вино подъ столъ на полъ. Хозяинъ началъ было плясать, но не будучи въ состояніи ходить, приказалъ себя по комнатамъ водить, только приплясывалъ и кланялся намъ въ ноги, съ поддержкою, разумѣется, старосты и Ѳомки кучера».

Это очевидно былъ предокъ Ноздрева и посѣщеніе родственника кончилось бѣгствомъ гостей. Ноздревыхъ было тогда много на Руси и они оставались въ неизвѣстности только потому, что не было еще Чичикова, познакомившаго насъ съ ними.

Въ началѣ настоящаго столѣтія было много угнетенныхъ судьбою дворянъ, которые едва были въ состояніи доставлять семействамъ своимъ кое-какое пропитаніе собственнымъ трудомъ въ полѣ за сохою. Дѣти ихъ, приходя въ возрастъ, дѣлались помощниками престарѣлыхъ своихъ отцовъ, безъ всякаго ожиданія лучшей участи ¹⁾. Хорошо если они имѣли твердость характера и чистоту нравственности; но большинство ихъ впадало въ пороки и искало обезпеченія въ разнаго рода злоупотребленіяхъ. Тѣ же, которые успѣвали устоять противъ такого соблазна, находили полное удовлетвореніе въ обществѣ своихъ крѣпостныхъ и становились въ безвыходное положеніе при встрѣчѣ съ человекомъ иного круга, чѣмъ они сами, или ихъ сосѣди, къ которымъ привыкли. Многие ни за какія блага въ мірѣ не рѣшались покинуть, хотя бы на время, своихъ имѣній, гдѣ жилось такъ сытно и тепло, что они не любопытствовали знать, что дѣлается вокругъ.

Едва, какъ сквозь сонъ, слыхивали они иногда про Москву Бѣлокаменную и рѣдко про нѣмецкій—чиновничій городъ Петербургъ. «Въ ушахъ дѣтей, особенно въ глухомъ уѣздѣ, раздавалось постоянно имя древней и славной столицы нашей: про Петербургъ почти не было слышно» ²⁾.

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1812 г., ч. 64, № 15, стр. 78.

²⁾ Воспоминанія А. П. Бузуева. „Руск. Арх.“ 1881 г., кн. III (1), стр. 9.

Не видя ни одного печатнаго органа, кромѣ «Россійскаго календаря» и «Всероссійскаго гѣсенника» дворяне эти не интересовались и не знали, что происходитъ въ отечествѣ. «Безъ книгъ и газетъ, назидаясь житейскою мудростью отъ одного лишь отца благочиннаго; съ толпою слугъ, со сворою собакъ, съ табунами лошадей, съ хороводами бабъ и гѣсенниковъ— жизнь этихъ своего рода удалцовъ отнюдь не была въ тягость имъ самимъ.—Напротивъ, въ этой жизни они находили свой рай земной, свое эльдорадо, свою счастливую Аравію» ¹⁾. Они были счастливы и вполне блаженны!

Блаженъ—не тотъ, кто всѣхъ умѣе:
 Ахъ вѣтъ! онъ часто всѣхъ грустиѣе—
 Но тотъ, кто будучи глупомъ,
 Себя считаетъ мудрецомъ!
 Хвалю его! блаженъ стократно,
 Блаженъ въ безуміи своемъ!
 Къ другимъ здѣсь счастье превратно
 Къ нему всегда стоитъ лицомъ.
 Ему ли ссориться съ судьбою
 Когда доволенъ онъ собою?
 Ему-ль чернить сей бѣлый свѣтъ?
 По маслу жизнь его течеть.
 Онъ ѣсть пріятно, дремлетъ сладко,
 Ничѣмъ въ душѣ не оскорбленъ.—
 Какъ ночью кажется все гладко,
 Такъ міръ для глупыхъ совершенъ.

Такъ характеризовалъ своихъ современниковъ Н. М. Карамзинъ ²⁾, я имѣлъ на то полное основаніе.

— Въ Тулѣ не много было людей, говоритъ И. П. Сахаровъ ³⁾, читавшихъ и думавшихъ о чемъ нибудь.

Въ лучшемъ случаѣ политическія свѣдѣнія почерпались изъ «Московскихъ Вѣдомостей», наукъ не касались, считая ихъ не имѣющимъ близкой связи съ обыденною жизнью. Читали только романы, покупая ихъ почти на пуды у купцовъ пріѣзжавшихъ съ товаромъ ⁴⁾.

Въ тѣ времена, пишетъ Толычева ⁵⁾, «когда общественная жизнь была еще такъ слабо развита, когда и рѣчи не было о публичныхъ интересахъ, помѣщики, поселившіеся въ своихъ имѣніяхъ, имѣли мало сооб-

¹⁾ „Разсказы про старину“ Баронъ фонъ-Тольди. „Всемирный трудъ“ 1872 г., № 2 стр. 302—305.

²⁾ Собр. сочиненій Н. М. Карамзина изд. 1884 г. т. I, 227.

³⁾ Воспоминанія И. П. Сахарова. „Русск. Арх.“ 1878 г., т. I, № 6, стр. 901 и 902.

⁴⁾ „Изъ дальнихъ гѣтъ“. Воспоминанія Т. П. Пассека, т. I, стр. 97.

⁵⁾ „Русск. Арх.“ 1877 г., т. II, 362.

щенія съ остальнымъ міромъ». Газетъ не получалъ почти никто въ провинціяхъ, почта приходила въ уѣздныя города лишь разъ въ недѣлю, по неаккуратности и по своеволію почтмейстеровъ письма и газеты часто пропадали или лежали у нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ.

Вотъ причина почему помѣщики губерній, ближайшихъ къ Москвѣ, снаряжали своихъ собственныхъ хожалыхъ. Прикажетъ баринъ одному изъ своихъ крѣпостныхъ встать на другой день пораньше и идти въ Бѣлокаменную къ такому-то. При этомъ посланному давалось письмо, въ которомъ просилось сообщить новости и что дѣлается въ первопрестольной столицѣ.

Она и только она привлекала вниманіе всей Россіи, а всѣ остальные города назывались этимъ именемъ въ большинствѣ не заслуженно.

Въ тогдашнее барское время баринъ былъ вездѣ баринъ; типъ его лежалъ на всемъ окружающемъ: и дома, и въ гостяхъ, и въ дорогѣ. По его понятію, города не только уѣздные, но и губернскіе не могли назваться барскими. Неслужащихъ дворянъ жило въ нихъ весьма мало, хотя нѣкоторые и имѣли тамъ свои дома. Уѣздное дворянство пріѣзжало въ городъ, чтобы покутить или по дѣламъ: даже предводители дворянства жили болѣе въ своемъ имѣніи, чѣмъ въ городѣ. Въ немъ поселялись только служащіе дворяне, преимущественно бѣдные, и потому жили очень скромно. «Собственный домъ нашъ, говоритъ М. Л. Назимовъ ¹⁾, былъ довольно большой и красивый, съ четырьмя колоннами, балкономъ и большимъ палисадникомъ. Стѣны съ обоями, которыя были не наклеены, а прибиты гвоздочками, полы бѣлыя безъ окраски, мебель березовая съ ситцевою обойкою, зеркала, шкафы всѣ краснаго дерева, были и картины въ дубовыхъ рамахъ. Въ залѣ стоялъ теперь давно забытый гармоническій инструментъ гусли».

Городскую аристократію составляли: прежде всего городничій, потомъ уѣздный судья, стряпчій, исправникъ и казначей; играли довольно видную роль частный приставъ и секретари уѣзднаго и земскаго судовъ. Всѣ эти лица преклонялись однакоже передъ богатымъ купечествомъ ²⁾.

Внѣшній видъ уѣздныхъ городовъ мало чѣмъ отличался отъ селеній, даже и не особенно богатыхъ. Среди непроходимой грязи стояли лачужки, плетни и деревянные дома, крытые соломой или дерномъ. «Судилища помѣщены въ избахъ, городничій живетъ въ развалинахъ, торговля лавки по клѣтямъ и амбарамъ. Нѣтъ мастеровыхъ, ремесленниковъ, не отыщешь купить хлѣба, куска мяса. Однимъ словомъ, конечно,

¹⁾ Въ провинціи и въ Москвѣ. „Русскій Вѣст.“ 1876 г., № 7, стр. 76.

²⁾ Записки Д. И. Ростиславова. „Рус. Стар.“ 1888 г., № 7, стр. 63.

четвертая часть недостойна названія городовъ, хуже порядочныхъ слободъ»¹⁾).

Губернскіе города были немногимъ лучше уѣздныхъ. Въ 1803 году большая часть домовъ въ г. Тамбовѣ была крыта соломой, что вызвало со стороны правительства распоряженіе «къ искорененію такого безобразія, соединеннаго съ опасностью отъ пожаровъ».

Улицы были не мощены: лѣтомъ образовывались глубокія ямы и колеи, затруднявшія ѣзду, а осенью грязь непроходимая. «Въ грязную пору состоятельные чиновники разныхъ присутственныхъ мѣстъ г. Тамбова ѣздили на службу верхами, а менѣе состоятельные имѣли по двѣ пары сапоговъ: смазные сапоги они хранили въ канцеляріяхъ, а въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ путешествовали въ присутственные мѣста. Въ то же самое время въ гимназіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ недѣли на двѣ прекращались уроки. Разъ даже карета тамбовскаго архіерея Θεофила застряла въ грязи на одной изъ тамбовскихъ улицъ и ее принуждены были вытаскивать оттуда цѣлые десятки сбѣжавшагося народа».

Освѣщеніе улицъ было жалкое; навозъ съ дворовъ сваливался на соборной площади или же бросался въ рѣку Цну; бродяги или воры (босая команда) спокойно ночевали на улицахъ и въ холодъ зарывались въ навозныхъ кучахъ, чтобы согрѣться отъ холода. Когда въ 1817 году великій князь Михаилъ Павловичъ посѣтилъ Тамбовъ, въ немъ было всего три каменныхъ дома, а остальные были крыты или соломой, или дерномъ²⁾).

Въ Вологдѣ даже въ тридцатыхъ годахъ были вымощены только однѣ площади. На перекресткахъ были будки, въ которыхъ, въ торговые дни, собирали съ продавцовъ по 4 деньги на устройство мостовой. Горожане ходили по буднямъ въ лаптяхъ, а въ праздники надѣвали коты съ красною оторочкою, шляпы носили поярковыя, а зимою—шапки высокія, бобровыя. Тулупы носили черныя или красныя, калмыцкіе, крытые цвѣтнымъ иностраннымъ сукномъ, вмѣсто перчатокъ носили замшевыя рукавицы. Общественныхъ увеселеній не было, а приводили показывать верблюда, привозили восковой кабинетъ, «играли кукольную комедію и нѣсколько разъ было конокое ристалище»³⁾).

Въ то время, по свидѣтельству современника, даже и Петербургъ былъ мало похожъ на теперешнюю столицу. «Многія великолѣпныя зда-

¹⁾ Записка тайн. сов. П. Сумарокова. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла комитета 1826 г., № 84.

²⁾ Городъ Тамбовъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія И. Дубасова. „Древняя и Новая Россія“ 1877 г., т. III, 181—183.

³⁾ Воспоминанія архимандрита Пимена. „Чтенія“ 1876 г., в. III, стр. 13.

ніа, какъ Исаакіевскій соборъ, главный штабъ, великокняжескіе дворцы или не существовали, или только начинали строиться. Это давало городу видъ чего-то недоконченнаго». Наружность улицъ и площадей утомляли однообразіемъ и казарменнымъ видомъ. «Вмѣсто теперешняго бульвара Адмиралтейство было окружено каналомъ; посрединѣ Невскаго проспекта, отъ Казанскаго до Аничковскаго моста, шелъ бульваръ для пѣшеходовъ, обсаженный тощими липами... Михайловскаго дворца, площади, садика и улицы того же названія не было; это былъ пустырь, на которомъ сваливали со всей этой части города мусоръ и всякій соръ.

«Въ описываемое время Петербургъ во многихъ отношеніяхъ былъ городъ отсталый. Въ немъ было только два публичныхъ сада: Лѣтній и Юсуповскій, гдѣ лѣтомъ можно было подышать воздухомъ, а не пылью. Мостовая была въ очень плохомъ состояніи, омнибусовъ—ни одного; наемныхъ каретъ было мало и до крайности неисправныя и грязныя. Единственный общественный экипажъ были некрытыя дрожки-гитары, на которыя надо было садиться верхомъ и гдѣ извозчикъ сидѣлъ почти на колѣнахъ сѣдока. Зато высшій и средній классы щеголяли экипажами и лошадьми,—вздили въ каретахъ и коляскахъ четвернею, цугомъ съ форейторомъ или тройкою съ пристяжными, скачущими почти подъ прямымъ угломъ отъ коренной.

«Кулинарная часть въ ресторанахъ была очень плоха, и холостому человѣку, не имѣвшему своей кухни, почти невозможно было обѣдать въ русскихъ трактирахъ». Если и подавали нѣчто подъ именемъ бифштекса, то, говоритъ современникъ, это былъ псевдонимъ, но, при хорошемъ аппетитѣ, сносный ¹⁾. Театръ былъ только одинъ—русскій, на которомъ давали иногда балеты и оперы.

Такимъ образомъ Петербургъ не привлекалъ на себя вниманія, и всѣ богачи и люди болѣе или менѣе зажиточные, съ наступленіемъ осени, стремились въ Бѣлокаменную.

Сборы въ дорогу составляли весьма сложный вопросъ для многихъ: отъѣздъ часто откладывался день-за-день, и такимъ образомъ проходило иногда нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ трогались въ путь.

Путешествіе совершалось всегда «на долгихъ», т. е. на собственныхъ лошадяхъ, часто не совсѣмъ сытыхъ, потому что въ теченіе осени онѣ же исполняли должность верховыхъ у царей. Собираясь въ путь ихъ закармливали и объѣзжали, составляли списокъ, кого изъ многочисленной дворни взять съ собою. Наконецъ, призывали священника, служили молебень, и, съ крестомъ и хоругвями, отправляли впередъ обозъ под-

¹⁾ Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго. «Русская Старина» 1874 г., № 12, стр. 465, 469.

воду въ двадцать. Въ самомъ дѣлѣ, не покупать же въ Москвѣ продовольствіе, когда своего деревенскаго много и оно лучше городского. И вотъ трогались подводы, нагруженные замороженными жирными щами, морожеными густыми сливками, гусиными и утиными потрахами, разными полотками, гусями, утками, курами, индѣйками, копченою, вяленою и сушеною рыбою, кулями крупъ, муки, боченками свинины, солонины и даже яйцами, выщущенными въ кадки и замороженными ⁴⁾).

Спустя нѣсколько дней поднимался и помѣщикъ со всѣми домохозяевами; «тутъ весь домъ былъ: учителя, мамки, няньки, дядьки, мальчишки, дѣвочки, собачки, птицы разныя, даже былъ и хорекъ» ⁵⁾).

Семейство графа Толстаго, владѣвшаго всего 400 душами, перѣѣзжало изъ Тульской въ одну изъ Приволжскихъ губерній не менѣе какъ въ 10 экипажахъ, въ упряжкѣ которыхъ было 45 лошадей и 42 человѣка прислуги ⁶⁾). Прежде всего выѣзжала большая бричка съ кухней и поваромъ, чтобы приготовить обѣдъ на привалахъ и ночлегахъ. За нею выѣзжали кареты и коляски. Когда владѣлецъ садился въ экипажъ, то остающаяся дворня подымала плачъ и вой, точно провожала покойника: это считалось обязательнымъ, каковы бы господа ни были—дурные или хорошіе. Въ богатыхъ помѣстьяхъ, при которыхъ были церкви, священникъ съ крестомъ провожалъ отъѣзжающихъ, а дьячки звонили въ колокола ⁴⁾).

Въ полдень останавливались, чтобы покормить лошадей и самимъ попытаться. Мѣстомъ остановки избирали: зимою—заранѣе намѣченные постоянные дворы, а лѣтомъ—какой-нибудь ручеекъ или рѣчку, и на берегу ея, на лужайкѣ, раскидывался коверъ и принимались за трапезу. Въ деревняхъ избѣгали останавливаться по ихъ бѣдности и неустойчивости, точно стыдно было помѣщикамъ смотрѣть на своихъ крестьянъ.

«Наши селенія, говоритъ современникъ ⁴⁾), безъ всякаго устройства. Селеніе есть куча лачужекъ: впадшихъ, выпятившихся, разбросанныхъ на удачу, безъ малѣйшаго порядка. Таковыя жилища кажутся построенными по нуждѣ, на время, а не для постоянного пребыванія. Внутренность являетъ униженіе человѣчества, бѣдность, нерѣдко въ избыткѣ.

⁴⁾ Дворовые люди въ старые годы. Графа Н. С. Толстаго. „Отечественныя Записки“ 1860 г., № 1, стр. 111. Приживальщики и приживалки. „Русскій Арх.“ 1883 г., № 3, стр. 73.

⁵⁾ Домашній памятникъ, Н. Г. Левшина. „Русская Старина“ 1873 г. т. VIII, 843.

⁶⁾ Дворовые люди въ старые годы. Графа Н. С. Толстаго. „Отечественныя Записки“ 1860 г., № 1, 104.

⁴⁾ „Всемирный трудъ“ 1872 г., № 2, стр. 309—313.

⁴⁾ П. Сумароковъ въ своей запискѣ. Арх. Госуд. Совѣта дѣла комитета, 1826 г., № 84.

Хозяева существуютъ не лучше калмыковъ въ кибиткѣ, среди сырости, копоти, дыма, вмѣстѣ со своими скотами. Слобода на версту подобна согнутымъ въ рядъ картамъ, которыя упадаютъ одна за другою отъ малѣйшаго прикосновенія. Первая искра пожираетъ стяжанія многихъ лѣтъ и селеніе въ нѣсколько часовъ исчезаетъ».

Добрый и человѣколюбивый помѣщикъ еще давалъ своимъ крестьянамъ средства возстановить постройки и старался поддержать ихъ благосостояніе, но положеніе крестьянъ, оставленныхъ помѣщикомъ безъ призрѣнія и въ особенности государственныхъ, было по истинѣ печальное. Не было пріюта увѣчнымъ, старымъ и бѣднымъ—они скитались на распутьяхъ и по задворкамъ. «Нѣтъ помощи, ничего общественнаго, и крестьянинъ, оставленный самому себѣ, принадлежитъ слободѣ только по сбору съ него денегъ. Пылаетъ его домъ—нечѣмъ погасить, не имѣетъ сѣмянъ и денегъ—ссуда не существуетъ, полоса лежитъ не засѣянною; предстоитъ выгодный оборотъ, промыселъ,—никто не даетъ въ займы; хочетъ учить сына грамотѣ,—нѣтъ учителей; умретъ онъ—и никто не печется о сиротахъ».

Плохія постройки и неопрятность въ селеніяхъ дѣлали ихъ непривѣтливими и неприглядными. Останавливаться въ нихъ было неприятно и неудобно: негдѣ поставить экипажа и лошадей, негдѣ самому пріютиться—лучше отдохнуть въ своей каретѣ или коляскѣ. На подобные случаи въ нихъ были сдѣланы разнаго рода приспособленія.

Въ городахъ останавливались лишь тамъ, гдѣ жили родственники, «ибо не захать къ роднымъ, которыхъ, впрочемъ, можно было отъ души ненавидѣть, было бы крайне предосудительно и вмѣнилось бы отъ вѣхъ и отъ вся въ поступокъ непростительный»¹⁾.

Вотъ какъ, нѣкто М.²⁾, описываетъ тогдашнее путешествіе помѣщиковъ:

«Восемь лошадей тащили восьми-мѣстную линию, за которою слѣдовала дорожная карета, потомъ коляска, двѣ кибитки, а въ концѣ огромная фура, украшенная фамилінымъ гербомъ. Она наполнялась обыкновенно вещами двора, въ числѣ которыхъ находились: одинъ настоящій казакъ, одинъ такой же гусарь, два казака переряженныхъ изъ конюховъ и до пяти человѣкъ солдатъ, выпрошенныхъ на честное слово въ отпускъ у разныхъ военныхъ начальниковъ. Солдаты эти были необходимы какъ конвой, такъ какъ по многимъ дорогамъ бродили шайки разбойниковъ и ѣхать было не безопасно.

«Въ линіи насъ сидѣло, говоритъ М., кромѣ отца и меня, протор-

¹⁾ „Отечественныя Записки“ 1860 г., № 1, стр. 105.

²⁾ Черты изъ жизни русскихъ дворянъ. „Московскій Наблюдат.“ 1836 г., ч. IX, 246.

говавшійся купецъ изъ кожевенныхъ лавокъ Рукавишниковъ, уволенный шкловскій кадетъ Бородулинъ, мой гувернеръ французъ ле-Ганье, пѣвецъ, гитаристъ и флейтраверсистъ, прапорщикъ Григорьевъ, дворянинъ Щетининъ и еще кто-то также необходимый человѣкъ нашей свиты». Слѣдовавшая сзади коляска служила мѣстомъ отдохновенія для главы семейства, а въ каретѣ ѣхала его дочь съ «мадамою» и компаньонкою—8-ми лѣтнею дѣвочкою. Всѣ путешественники представляли собою пестроту необыкновенную: купецъ былъ одѣтъ чѣмъ-то въ родѣ черкеса, Бородулинъ и Григорьевъ имѣли какіе-то фракки и широкіе красные шаровары.

Подъ самую Московю встрѣтились они съ другимъ переселенцемъ, проказникомъ и чудакомъ генераломъ Неплюевымъ. Въ его поѣздѣ было «три восьми-мѣстныхъ линей», двѣ или три кареты четырехмѣстныхъ, многое множество колясокъ, кибитокъ, фуръ, дрожекъ, и все это было переполнено разнымъ народомъ.

«Подлѣ главныхъ экипажей, тянувшихся ровнымъ шагомъ, шли скороходы и гайдуки, на запяткахъ сидѣли вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была какъ садъ, изъ всякаго рода цвѣтистыхъ компаньоновъ, компаньоновъ, шутовъ, шутихъ и даже изъ дуръ и дураковъ; послѣдніе припрыгивали и вывизгивали голосами всякихъ животныхъ.

«Самъ хозяинъ въ богатомъ градетуровомъ зеленомъ цвѣта халатѣ, украшенномъ знаками отличій, лежалъ на сафьянномъ пуховикѣ въ одной изъ колясокъ; на головѣ его былъ зеленый же картузь съ красными опушками, отороченный, гдѣ только возможно, галунами. Изъ-подъ картуза виднѣлся бѣлый колпакъ. Руки помѣщика держали гигантской величины трубку, малиновый ость-индскій носовой платокъ и ужасную дорожную табакерку, съ изображеніемъ одного изъ мудрецовъ Греціи» ¹⁾.

Зимую устраивались теплые экипажи, обивавшіеся мѣхомъ или войлокомъ. Отправляя французскую актрису Луизу Фюзи изъ Петербурга въ Москву, оберъ-егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ приказалъ обить ея кибитку сибирскими волчьими шкурами, которыя многіе съ радостью взяли бы себѣ на шубу; полость была изъ медвѣжьего мѣха.

«Кибитка моя, говоритъ Фюзи ²⁾, была полна всякаго рода съѣстныхъ

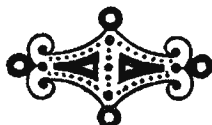
¹⁾ Тамъ же. М. И. Пыляевъ („Старое жительство“, изданіе второе, стр. 89) упоминаетъ объ еще болѣе оригинальномъ переселеніи барина; но къ сожалѣнію, не указываетъ источника, изъ котораго заимствовано это описаніе.

²⁾ Воспоминанія Луизы Фюзи. „Пантеонъ и репертуаръ русской сцены“, 1850 г., т. I, № 1, стр. 8 и 9.

припасовъ, безъ которыхъ въ то время нельзя было отправляться въ путь. Я ѣхала какъ мѣшокъ, ни о чемъ не заботясь, спала все время въ своей кибиткѣ, какъ въ постели, и выходила только, чтобы поѣсть или расправить отлежавшіяся ноги».

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.¹⁾

1.

Общее положеніе дѣлъ съ 1855 по 1857 годъ.—Дѣятельность Николая Александровича Милютина.

Въ 1855—1856 г. была тяжкая для Россіи. Кровь не переставала литься съ Крыму, не переставали полновать всякую русскую грудь страданія и доблести геройскаго нашего войска. Общее утомленіе было столь велико, и положеніе казалось до того безвыходно, что заключеніе мира ожидалось почти съ нетерпѣніемъ, хотя и предвидѣлось, какого онъ будетъ свойства. Никто уже не надѣялся на торжество нашего оружія, но, странное дѣло, столько еще чувствовалось жизненныхъ, непочатыхъ силъ, что народная гордость не падала духомъ и оставленіе Севастополя представлялось больше несчастіемъ, чѣмъ униженіемъ. Столько было ожиданій лучшаго для будущаго, что пятну, нанесенному предыдущими событіями, предвѣщалось быть смытымъ скоро и несомнѣнно. Народныя предчувствія рѣдко бываютъ совершенно обманчивы: не успѣла замолкнуть канонада, не успѣлъ остыть пепель Севастополя, какъ уже былъ брошенъ первый зародышъ великаго преобразованія: государь объяснился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о

¹⁾ Печатавъ въ высшей степени интересныя записки М. А. Милютиной, рожденной Абаза (см. о ней „Русскую Старину“ 1898 г. № 12 стр. 547), редакция считаетъ долгомъ напомнить читателямъ, что онѣ имѣють тѣсную связь со статьею „На зарѣ крестьянской свободы“ напечатанною въ „Русской Старинѣ“. 1897 г. № 10—12 и 1898 г. № 1—4.

своимъ намѣреніемъ освободить крестьянъ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ, подтвердивъ свое желаніе дворянскимъ депутатамъ, а вслѣдъ за этимъ приказавъ министру разослать секретное о томъ предписаніе всѣмъ губернаторамъ имперіи. Благовѣсть раздался тихо, невнятно, мѣстами непонятый, мѣстами понятный, но, во всякомъ случаѣ — «благою вѣстью» лишь въ той сферѣ (между крестьянами), куда онъ проникъ преждевременно.

Заключеніе мира вслѣдъ за томительною почти двухлѣтнею войною, раскрывшею новыя раны администраціи, восшествіе на престолъ молодого императора, кроткаго и гуманнаго, наконецъ, предвѣщаніе громадной реформы, потрясающей всѣ старыя порядки и отношенія сословій между собою, — сколько одновременныхъ первостепенныхъ событій, которыя должны были глубоко отразиться во всемъ, перепутать понятія, развить повсюду какое-то тревожное лихорадочное состояніе, испугать людей слабыхъ и свыкнувшихъ съ старыми порядками, окрылить талантиливыхъ и исполненныхъ вѣры въ лучшую будущность, подстрекнуть къ проносамъ и интригамъ людей мелкихъ, преслѣдующихъ личныя, а не отечественныя интересы! Сотрясеніе было всеобщее; всѣ какъ-бы проснулись отъ долговременной летаргіи; люди, не только отвыкшіе говорить, но даже думать, встрепенулись и все зашевелилось. — Выступила наружу сыпь, вогнанная внутрь, насталъ бредъ, часто уродливый, но, вѣсть съ тѣмъ, и благодѣтельный, ибо медленно приучалъ къ вольной и разумной рѣчи. Это всеобщее броженіе, эта огромная внутренняя работа, выбрасывая накопившуюся въ организмѣ гвиль и соръ, подобно бурливой тинѣ источника, по временамъ скрывающей отъ взоровъ его покойныя, чистыя и глубокія воды, не могла не наводить сомнѣнія, тревогъ, опасеній, не причинять судорожныхъ подергиваній, не волновать государство самыми сильными и противоположными страстями.

Было ли къ этому готово привительство, знало ли оно куда идетъ, сознавало-ли предстоящія трудности? На это отвѣтить не берусь. Несомнѣнно то, что во главѣ его, по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ власти, не было ни одной гениальной, ни одной энергической личности, а было много людей, противодействующихъ благимъ намѣреніямъ государя. Немедленно послѣ коронаціи (осенью 1856 года) былъ удаленъ единственный человѣкъ, который могъ бы тутъ быть полезенъ своимъ яснымъ умомъ, смѣлымъ характеромъ, зрѣлыми государственными понятіями и либеральнымъ направленіемъ; это былъ графъ Киселевъ, противъ воли своей и вслѣдствіе самыхъ убѣдительныхъ требованій государя, принявшій назначеніе русскаго посла во Францію. Правда, что и тамъ, послѣ крымской войны, нуженъ былъ человѣкъ съ головой, способный возстановить наше внѣшнее политическое вліяніе, но отъѣздъ его былъ большою потерей для политики внутрѣнной и тотъ-

часть же отразился на управляемомъ имъ до того времени министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ которомъ онъ такъ упрочилъ гражданскій бытъ и сравнительную вольность крестьянъ и куда, по его отъѣздѣ, былъ назначенъ сперва В. А. Шереметевъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ М. Н. Муравьевъ.

Первые два года послѣ заявленія царской мысли объ эмансипаціи прошли въ подергиваніяхъ, сомнѣніяхъ и нерѣшительности, въ безплодныхъ преніяхъ учрежденнаго по этому вопросу комитета, который разсматривалъ старыя попытки прежнихъ царствованій къ улучшенію быта крестьянъ и пришелъ по истеченіи этого времени лишь къ тому заключенію (и то весьма неохотно), что «вопросъ своевремененъ, и что приступить къ нему должно», но какъ и съ чего начать не вѣдалъ.

Результатъ этой потери времени былъ лишь тотъ, что императоръ Александръ убѣдился въ невозможности обращаться въ дѣлѣ новомъ къ людямъ старымъ, т. е. къ дѣтелямъ прошлаго царствованія; онъ понималъ необходимости привлечь людей новыхъ.

Правительство прислушивалось, присматривалось, давало возможность всѣмъ выказать свои убѣжденія и свои способности, иногда ошибалось въ своихъ сужденіяхъ, подстрекаемое еще старыми людьми, окружающими престолъ, но, во всякомъ случаѣ, шло путемъ новымъ и къ возможному обновленію. Литература отъ поры до времени помогала предпріятіямъ правительства по разработкѣ и разъясненію нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго вопроса, хотя весьма фантастически ¹⁾. Стали ходить и частыя проекты и записки въ рукописяхъ, нѣкоторые съ явною цѣлью пугать и тормозить, другіе въ стремленіяхъ къ благопріятной, либеральной и скорѣйшей развязкѣ ²⁾. Но тогда какъ послѣдняго рода произведенія навлекли на себя ненависть, недобросовѣстныхъ перетолковыванія и даже преслѣдованія ³⁾, первыя, подъ особымъ руководствомъ князей Орлова, Меншикова, Долгорукова, М. Н. Муравьева и другихъ сановниковъ, пользовались большимъ покровительствомъ публики и доходили до государя. Къ счастью большую часть этихъ записокъ онъ отсылалъ на обсужденіе въ состоящій при министерствѣ внутреннѣхъ дѣлъ комитетъ. Но, пока въ главномъ комитетѣ продолжалась апатія, нерѣшительность, даже скрытая надежда, что серьезнаго изъ этого ничего не выйдетъ, одинъ изъ чиновъ его, ге-

¹⁾ Позже эта опора, однако, рушилась; многіе литераторы и журналисты нашли, что имъ не выгодно ссориться съ номѣщиками, которые составляли большинство подписчиковъ.

²⁾ Къ числу послѣднихъ принадлежатъ записки: Ю. Самарина и К. Д. Кавелина.

³⁾ Подобно статьѣ К. Д. Кавелина, 1857 года.

нераль-адъютантъ Ростовцевъ, долженъ былъ своимъ усердіемъ и преданностью сдѣлать исключеніе. Онъ принялся изучать дѣло, присылалъ государю плодъ своихъ изученій въ формѣ писемъ объ эмансипаціи, и вслѣдъ затѣмъ выступилъ серьезнымъ поборникомъ крестьянскаго вопроса. Довѣріе къ нему государя принесло дѣлу великую пользу.

Странно кажется и съ трудомъ вѣрится, что Николай Алексѣевичъ (Милютинъ), которому въ скоромъ времени суждено было сдѣлаться главнымъ двигателемъ этого дѣла, первые три года со времени его возникновенія, оставался въ сторонѣ и лучше сказать—даже систематически отъ него устранился. Слѣдя за нимъ съ трепетомъ и надеждой, то омрачаясь дурными признаками, то радуясь всякому проявленію постоянства на этомъ пути правительства, бесѣдуя откровенно съ Ланскимъ ¹⁾, который умѣлъ цѣнить его совѣты, но не рѣшался облечь его участіе въ официальную форму; стараясь сколько можно въ дружескихъ бесѣдахъ разъяснять недоумѣнія Левшина и Соловьева и устранять ихъ колебанія, работая, наконецъ, частнымъ образомъ по проекту для имѣнія великой княгини Елены Павловны, гдѣ старался проводить общія начала для реформы—Николай Алексѣевичъ, быть можетъ, еще долго оставался бы въ этомъ вынужденномъ отчужденіи, еслибъ не произошли событія, которыя, какъ будто противъ общей воли, выдвинули его впередъ, такъ сказать и толкнули его къ ближайшему, непосредственному участію въ этомъ дѣлѣ ²⁾. Какими преградами ни закапывай ключевой потокъ, его природная неотразимая сила рано или поздно возьметъ свое и продолжитъ себя дорогу.

Какъ это случилось—расскажу далѣе, когда наступитъ этотъ періодъ въ хронологическомъ порядкѣ событій, а теперь обращусь къ тому положенію, въ которомъ я его застала въ 1855 году. При послѣднихъ дняхъ дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ Бябикова, Н. А. Милютинъ занималъ должность директора хозяйственнаго департамента, гдѣ сосредоточивалось хозяйство всей Россіи. Распоряженіями и заботами по своей части, Н. А. Милютинъ былъ гораздо извѣстнѣе въ провинціи самыхъ отдаленныхъ губерній, нежели въ Петербургѣ; однако всѣ министры, Строгановъ, Перовскій, Бябиковъ хорошо его знали, и равно цѣнили обширный умъ, непоколебимую честность характера и государственныя способности. Почти по всѣмъ труднѣйшимъ дѣламъ обращались къ Милютину: Перовскій, между прочимъ, не произнесъ ни одной рѣчи, не представилъ ни одного возраженія и объясненія по Государственному Совѣту, которыя

¹⁾ Тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ред.

²⁾ Справедливо будетъ сказать, что дѣйствовали не столько признаніе и протекція, сколько в р а ж ь н ы е с и л а.

не были бы писаны рукою Николая Алексѣевича, о чемъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ его карты. До какой степени благоволилъ къ нему Д. Г. Бибииковъ, можетъ обнаружить слѣдующій рассказъ: въ концѣ 1855 года графъ Киселевъ разъ пріѣхалъ съ визитомъ къ Дмитрію Гавриловичу и, заставъ его въ кабинетѣ во время доклада Николая Алексѣевича, спросилъ у него: какъ онъ доволенъ племянникомъ? Бибииковъ ему отвѣчалъ:

— Вы лучше спросите его, доволенъ-ли онъ мною; а же могу только сказать, что еслибъ государь мнѣ велѣлъ уйти изъ министерства и самому назначить преемника, я безъ всякаго колебанія указалъ бы ему на Милютина.

Несмотря на такой лестный отзывъ, нельзя сказать, чтобы Николай Алексѣевичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Бибиикову. Въ четырехлѣтнее управленіе его министерствомъ Николай Алексѣевичъ держалъ себя въ сторонѣ и ограничивался лишь официальными сношеніями, избѣгая видѣть министра иначе какъ на докладахъ. Судя по немногимъ о немъ отзывамъ, у меня составилось понятіе, что онъ мало цѣнилъ и уважалъ нравственные достоинства Дмитрія Гавриловича; но, по привычкѣ, которая всегда въ подобныхъ случаяхъ сказывалась, въ первое время паденія своего стараго начальника, онъ сблизился съ нимъ болѣе, нежели во времена его могущества, и сталъ посѣщать чаще прежняго, уже въ качествѣ простаго знакомаго, а не подчиненнаго. Впрочемъ, это сближеніе продолжалось не долго: Дмитрій Гавриловичъ все болѣе и болѣе кидался въ оппозицію, и сдѣлался, наконецъ, такимъ реакціонеромъ, что Николаю Алексѣевичу непріятно было встрѣчаться съ нимъ.

Удаленіе Бибиикова и назначеніе С. С. Ланскаго на должность министра внутреннихъ дѣлъ, происшедшее лѣтомъ 1855 года, далеко не предвѣщало тѣхъ результатовъ, которые впоследствии имѣло. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было удаленіе прежняго товарища, Лекса, и директора духовныхъ дѣлъ Скрипичина. Первый былъ замѣненъ Левшинимъ, а второй Д. П. Хрущевымъ. Съ мужемъ же Сергѣй Степановичъ (Ланской), съ самаго перваго приѣма, обошелся вѣжливо, и даже дружески; онъ сказалъ ему, что дѣятельность его давно ему извѣстна съ отличной стороны, что имѣть такого сотрудника для него лестно, и тому подобное. Поработавъ съ нимъ нѣсколько разъ, Николай Алексѣевичъ пришелъ къ заключенію, что новый его начальникъ отличный человекъ, добрый, честный, благородный, въ полномъ смыслѣ gentleman; но онъ далеко не воображалъ, какъ много сдѣлаетъ для Россіи этотъ простой, прямодушный, истинно преданный пользѣ отечества человекъ. Другъ и товарищъ декабристовъ, Сергѣй Степановичъ, до 70 ти-лѣтнаго возраста, не переставалъ свято чтить память

ихъ, и нѣкоторыя струны, пробужденныя ими, ожидали лишь вдохновенія и талантливой руки мастера, чтобъ издавать прекрасные звуки. Но объ этомъ говорить еще рано.

Въ продолженіе всего лѣта Николай Алексѣевичъ ежедневно ѣздилъ съ дачи въ городъ и просиживалъ отъ часа до шести въ министерствѣ. Кромѣ того, разѣ два-три въ недѣлю у него были вечернія засѣданія разныхъ комитетовъ (тарифныхъ, финансовыхъ, полицейскихъ и проч.). Но самая усиленная, серьезная работа происходила дома, далеко за полночь. Я сперва было очень хлопотала о перемѣнѣ этого образа жизни, столь вреднаго для здоровья, уговаривая его работать утромъ, а не засиживаться поздно; къ сожалѣнію, не успѣла я въ этомъ (легко ли измѣнить привычки, вкоренившіяся до 37-ми-лѣтняго возраста!). Тутъ онъ мнѣ не только не сдѣлалъ уступки, а, съ прибавленіемъ занятій, сталъ ложиться въ 3 и 4 часа утра и вставалъ въ 10. Отказавшись совершенно отъ клубовъ и отъ прочихъ немногочисленныхъ выѣздовъ, онъ въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ не покидалъ дома, иначе какъ по службѣ; единственныя исключенія дѣлались по требованіямъ великой княгини Елены Павловны и для графа Павла Дмитріевича Киселева, куда и мнѣ, иногда, приходилось ѣздить.

Между тѣмъ я продолжала вслушиваться во все то, что касалось мужа, болѣе и болѣе выикать въ его дѣли, убѣжденія и занятія. Помню, много удивляли меня борьба, непріятности, препятствія, которыя встрѣчалъ онъ въ самомъ простомъ исполненіи своего долга. Съ министромъ у него было полное согласіе, но по всемъ комитетамъ, которые входили въ кругъ его занятій по министерству, ему почти постоянно приходилось бороться. То выходили непріятныя столкновенія съ Васильчиковымъ, 75-ти-лѣтнимъ старцемъ, председателемъ Попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія, и съ остальными членами, которыхъ подчиненные, смотрители больницъ и пріютовъ, обкрадывали и надували на каждомъ шагу, и которые гнѣвались на Николая Алексѣевича за то, что онъ ограждаетъ казенныя деньги отъ этого закоренѣлаго воровства. То приходилось входить въ жесточайшія препирательства съ генераль-губернаторомъ Игнатьевымъ, непримиримымъ врагомъ Думы, ея самостоятельности и новаго городского управленія. То еще гнѣвалась помѣщицья партія за то, что онъ не поспрялъ жестокое обращеніе съ крестьянами. Словомъ, постоянная война, неудовольствіе, нападки со всѣхъ сторонъ. Но это не доказывало, чтобъ онъ былъ, какъ усердно про него говорили, un bouillon, человекъ тяжелого, безпокойнаго нрава, а причиною неудовольствія было то, что злоупотребленія вкоренились повсюду и сверху и донизу просочились въ администраціи и въ понятіяхъ самого общества, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, и я начинала понимать, почему у него такъ много враговъ. Онъ былъ

истинно передовымъ человекомъ еще въ то время, когда это слово не было опознано, когда за него ссылали въ Вятку. По своимъ взглядамъ, понятіямъ, образованію, по обширности ума, по энергій характера, онъ былъ несравненно выше той среды, въ которой приходилось работать, и не мудрено, что въ борьбѣ съ отсталыми понятіями, необразованностью и произволомъ, ему случалось терять всякое терпѣніе и задѣвать самолюбія. А между тѣмъ мысль его всегда была такъ вѣрна, слово такъ убѣдительно, что побѣда всегда оставалась за нимъ и это еще болѣе ослобляло людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Ненавистный многимъ лицамъ, стоявшимъ на первыхъ ступеняхъ власти, и совершенно неизвѣстный государю, Н. А. Милютинъ находилъ единственную опору въ небольшомъ кругу друзей, въ любви и преданности своихъ подчиненныхъ и вообще во второстепенной шеренгѣ дѣятелей по своему и по другимъ вѣдомствамъ. Тутъ онъ пользовался огромною репутаціей и вѣсомъ, и на него смотрѣли какъ на человека, который будетъ представителемъ новыхъ и лучшихъ силъ государства. Это мнѣ обнаружилось позже и понемногу; но первый годъ замужества меня сильно тревожила и волновала мысль, что онъ стоитъ совершенно одинъ безъ всякой поддержки, среди совершенно чуждыхъ и вражескихъ элементовъ. Даже отъ родственниковъ мнѣ приходилось слышать нареканія и злобвѣстія предсказанія, что онъ далеко не уйдетъ, что онъ рано или поздно сломитъ себѣ шею, что съ невоздержанностью его языка и характера, онъ никакъ не пріобрѣтетъ себѣ друзей, а наживетъ много враговъ. Я сперва горячилась и спорила, а потомъ попривыкла и стала отмалчиваться, и не обращать на это вниманія. Если по временамъ огорченіе и беспокойство овладѣвали мною, то сомнѣніе не пробуждалось никогда. Для меня горѣла надъ нимъ звѣздочка, которой я глубоко вѣрила, и даже позже, въ самыя критическія минуты, когда обстоятельства рисовали передо мной печальныя картины удаленій, униженій, ссылки и всякаго рода горькихъ испытаній, не затмевалось ни единого луча моей звѣздочки, не прекращалась вѣра во все то, что Россіи должно ожидать отъ нея. «Ну, что же, я въ Сибирь прогуляемся», говаривала я ему шутя, когда приходилось жутко, но онъ угадывалъ въ этомъ шутливомъ тонѣ чувство глубокой, серьезной преданности къ нему и къ его убѣжденіямъ, и это ободряло его.

II.

Протоколъ Думы по поводу письма Н. Безобразова.—Появленіе этого протокола на страницахъ „Русскаго Вѣстника“.—Гнѣвъ генераль-губернатора и походъ на Николая Алексѣевича.—Особое засѣданіе совѣта министровъ по запискѣ Игнаѣева.—Заступничество князя Горчакова. — Неудовольствіе государя.—Линской везеть отставку Николаю Алексѣевичу. — Новый поворотъ дѣла.—Представленіе по случаю Владимірской звѣзды; разговоры съ государемъ и императрицею. — Балъ въ Михайловскомъ дворцѣ. — Письма генераль-адъютанта Ростовцева. — Назначеніе Николая Алексѣевича въ члены крестьянскаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Увольненіе Ал. Иракліевича Левшина и толки о повоѣ товарищѣ. — Нѣсколько словъ о кандидатахъ на это мѣсто. — Разговоры государя съ Лавскимъ и Ростовцевымъ о Николаѣ Алексѣевичѣ. — Назначеніе послѣдняго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ редакціоннаго комитета. — Впечатлѣніе этого событія на публику.—Представленіе въ новой должности государю и разговоръ съ нимъ.

Непріятности, о которыхъ я говорила выше, и которыя чуть было не заставили Николая Алексѣевича выйти въ отставку, произошли въ ноябрѣ 1858 года. Поводомъ къ нимъ была Дума и новыя городскія учрежденія.

Городской уставъ—первое полное созданіе молодости Николая Алексѣевича. Онъ приступилъ къ нему въ 1844 г. при министерствѣ Перовскаго. Городское управленіе и хозяйство находилось тогда въ состояніи запущенія и безобразія. Городъ не имѣлъ никакой независимости отъ общей администраціи; два, три чиновника, въ совершенномъ повинновеніи и раболѣпствѣ предъ генераль-губернаторомъ, вели все дѣло, помыкая мѣщанами и купцами, единственными тогда представителями города.

Уставъ, вышедшій на совершенно новыхъ и широкихъ началахъ изъ-подъ пера Николая Алексѣевича, былъ введенъ въ дѣйствіе въ 1846 году и утвержденъ, по представленію Перовскаго, императоромъ Николаемъ I, который въ революціонныхъ тенденціяхъ замѣченъ, кажется, не былъ. Не менѣе того, уставъ этотъ болѣе всего способствовалъ къ распространенію репутаціи «революціонера» относительно моего мужа. Препятствій къ приведенію въ дѣйствіе этого новаго механизма встрѣчалось много и отъ тѣхъ самыхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ онъ болѣе всего былъ задуманъ. Всякая перемена, всякое новое дѣло встрѣчается у насъ недоувѣрливо. Вялость, нерадѣніе и недоувѣріе, съ которыми первое время отнеслись къ этой благодѣтельной переменѣ сами же купцы, сильно огорчали мужа. Дворяне, съ своей стороны, показывали мало сочувствія; иные относились совершенно враждебно къ новымъ порядкамъ, считая какъ бы обиднымъ для

своего достоинства обсуждать дѣла и вотировать на равныхъ правахъ съ низшими сословіями, и присутствовать въ общихъ собраніяхъ въ такой смѣшанной компаніи.

Въ числѣ такихъ находился Николай Безобразовъ (столь блистательно ознакомившій позже публику съ своими отсталыми понятіями въ заграничной прессѣ по поводу крестьянскаго вопроса). Исполненный дворянской снѣси, онъ уже тогда интриговалъ противъ Николая Алексѣевича и всячески ему противоудѣйствовалъ. Понемногу, однако, благодаря настойчивости и постоянству Н. А. Милютина, новые колеса задвигались, стали вращаться быстрѣе и свободнѣе, требуя по временамъ заботливаго ока и поддержки машиниста. Двѣнадцать лѣтъ практики, казалось, упрочивали и обезпечивали права Думы на существованіе, какъ начались опять нападки со стороны вновь назначеннаго генераль-губернатора Игнатьева.

Съ самой минуты вступленія своего въ эту должность, Игнатьевъ отнесся къ Думѣ враждебно, не переставая воевать съ нею. Самоуправленіе особенно его коробило. Ожидать согласія общаго собранія Думы на требованія, которыя, въ былые годы, исполнялись по первому мановенію генераль-губернатора, казалось ему чѣмъ-то невѣроятно дерзкимъ, неслыханно уродливымъ. Долго продолжалась война канцелярской перепиской, затрудненіями и задержками въ городскихъ распоряженіяхъ, словесными изверженіями негодованія, когда вдругъ онъ налетѣлъ на Думу, какъ коршунъ на добычу, за которою долго слѣдилъ съ высоты, и выступилъ на серьезное сраженіе, хотя предлогъ къ нему, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень серьезнымъ считаться не можетъ.

Между прочими незначительными нововведеніями формъ, распорядители Думы нашли полезнымъ разослать всѣмъ домовладѣльцамъ обывательскія грамоты или почетные дипломы, опредѣляющіе ихъ права на городскія владѣнія, и на право голоса въ распоряженіяхъ, касающихся до города. Эту бумагу всѣ петербургскіе хозяева или домовладѣльцы приняли безъ малѣйшаго недоумѣнія и распросовъ, за исключеніемъ одного Николая Безобразова, который цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ безсильно злобствовалъ на Думу, и высказывалъ, гдѣ могъ, свою барскую неприязнь къ этому «демагогическому», какъ онъ выражался, учрежденію. Онъ возвратилъ свою обывательскую грамоту при весьма дерзкомъ письмѣ, гдѣ съ негодованіемъ отвергалъ право у Думы жаловать или не жаловать грамоты дворянамъ вообще, а ему въ особенности, и въ будущемъ уже за нѣсколько столѣтій свои дворянскія грамоты, доказывающія его права на всевозможныя владѣнія.

Одинъ изъ членовъ общей Думы, Дмитрій Петровичъ Хрущевъ, человѣкъ прямой, дѣятельный и усердно преданный преусиыванію новыхъ учрежденій городского управленія, въ которомъ самъ, какъ домо-

владѣлецъ и старшина, принималъ живое участіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ рьяный покровитель возникавшей тогда «благодѣтельной гласности» (многимъ въ то время вскружившей головы), возымѣлъ неудачную мысль послать письмо Безобразова и протоколъ Думы по этому дѣлу въ Москву, въ редакцію «Русскаго Вѣстника», для напечатанія.

Поступокъ Безобразова былъ, точно, неумѣстенъ, а еще болѣе смѣшонъ; но оглашать его печатно ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало, а еще менѣе тогда, когда раздраженіе на Думу было безъ того сильно и слѣдовало приучать къ порядкамъ ея мирно, понемногу, не дразня гусей. Мужъ неоднократно говорилъ это Хрущеву, стараясь умирять его рвеніе въ этомъ случаѣ; но, какъ это часто случается, *le disciple allait plus loin que le maitre* ¹⁾ и, при упорствѣ Хрущева, увѣщанія мужа на него мало дѣйствовали.

Не успѣли еще высохнуть листы того нумера «Русскаго Вѣстника», въ которомъ описывалась Безобразовская выходка, какъ уже открылся со всѣхъ сторонъ батарейный огонь. Племянникъ князя Орлова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Безобразовъ не преминулъ пожаловаться дядюшкѣ на дерзостный поступокъ Думы и поднять грозное знамя нападенія. «Какъ!.. Дума не только дѣлаетъ оппозицію генераль-губернатору, не только самовластвуетъ въ своихъ распоряженіяхъ, она еще присвоиваетъ себѣ гласность печати, которая не существуетъ! Не самое ли это вредное, революціонное учрежденіе? Возможно ли его терпѣть въ государствѣ?»

Въ такомъ свѣтѣ было представлено дѣло на обсужденіе министровъ. Подъ особымъ покровительствомъ предсѣдателя князя Орлова, генераль Игнатьевъ испросилъ разрѣшеніе лично ввести и представить свою записку въ совѣтъ министровъ, что и было ему разрѣшено. Бура разразилась страшная; содрогнулся совѣтъ министровъ. Что при этомъ говорилось, какія употреблялись слова—теперь невѣроятно. Думу обвиняли цѣ государственной пзмиѣ, и обвиненіе это бросалось главнымъ образомъ на Николая Алексѣевича, «создателя этого революціоннаго учрежденія и нынѣ главнаго защитника его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Всѣ взапуски начали выражать свои мнѣнія на его счетъ, обращаясь съ укоризною къ Лаяскому и изумляясь, что онъ терпитъ при себѣ такого неблагонамѣреннаго челоѣка. Въ этихъ упрекахъ проглядывало какое-то злорадство, удовольствіе отмстить старику за сочувствіе, которое онъ обнаруживалъ къ возникавшему дѣлу освобожденія крестьянъ, первые за-

¹⁾ Ученикъ шелъ гораздо дальше своего наставника.

дѣла котораго разрабатывались, какъ сказано, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Добродушный старецъ (С. С. Ланской) вообще большимъ авторитетомъ въ совѣтѣ не пользовавшійся и отличавшійся въ засѣданіяхъ невозмутимымъ спокойствіемъ души и молчаніемъ, не нашелся, что сказать въ защиту своего директора.

Одинъ только человекъ во всемъ совѣтѣ на это отважился, но скоро долженъ былъ также смолкнуть: князь Горчаковъ попробовалъ было сказать, «что муниципальное управленіе вездѣ, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, есть часть совершенно отдѣльная, независимая отъ общей администраціи, что особенныхъ революціонныхъ нововведеній со стороны Милютинъ онъ тутъ не видитъ и что все дѣло ему кажется очень преувеличено». На это государь замѣтилъ: «Напрасно заступаетесь; Милютинъ уже давно имѣетъ репутацію краснаго и вреднаго человека».

Эти слова какъ будто всѣхъ успокоили и удовлетворили; негодованіе стихло, стали разсуждать о самомъ дѣлѣ и положили слѣдующее: во-первыхъ, сдѣлать Думѣ выговоръ; во-вторыхъ, нарядить комиссію, для пересмотра Положенія Думы.

Николай Алексѣевичъ уже давно понималъ, что Дума будетъ то орудіе, которымъ нанесутъ ему удары, и хотя всегда былъ готовъ встрѣтить поражение, выгораживалъ постоянно Думу, а не самого себя. Помочь дѣлу тутъ уже не было возможности, и оставалось выжидать, чѣмъ разыграется интрига. Но, по разсказу Ланскаго, онъ ясно увидалъ, что тутъ война направлена гораздо болѣе лично на него, нежели на Думу, и какъ ни скорбѣлъ онъ за самое дѣло, пришлось однакоже подумать и о себѣ. «Если государь такъ возстановленъ противъ меня, то онъ не долженъ терпѣть моего участія въ службѣ», было первымъ и логическимъ его заключеніемъ.

Онъ объяснился объ этомъ съ Ланскимъ, который дѣлалъ что могъ, чтобы утѣшить его и доказать, что дѣло не дошло еще до такой крайности, но однако взялся доложить государю.

Мы провели три слѣдующихъ дня, отъ этого засѣданія до доклада министра, въ очень, какъ легко представить, неспокойнымъ состояніи духа. Далеко не охотникъ до преждевременныхъ сѣтованій, Николай Алексѣевичъ въ такіа минуты бывалъ особенно молчаливъ, на видъ даже равнодушенъ, но знающему его близко всегда можно было угадать, что на душѣ у него не покойно. Онъ поддерживалъ шутивый тонъ и мы оба, этимъ обманывая другъ друга, положили, что если придется выйти въ отставку, снова попросимъ гостепримства у брата въ деревнѣ, побѣдемъ въ «Райки», поселимся тамъ на зиму и

лѣто, и оттуда Николай Алексѣевичъ будетъ присылать статьи серьезнаго содержанія въ какой-нибудь журналъ.

Между тѣмъ, день доклада министра внутреннихъ дѣлъ наступилъ. Онъ доложилъ, что «Милютинъ просится въ отставку, сомнѣваясь въ возможности оставаться на службѣ при нерасположеніи къ нему его величества». Послѣ минутнаго колебанія государь спросилъ Ланскаго: ручается ли онъ за своего директора?

— Какъ за самого себя, ваше величество, — отвѣчалъ добрый старецъ.

Повидимому, этимъ отвѣтомъ онъ совершенно обезоружилъ государя, который сказалъ, что въ такомъ случаѣ не видитъ надобности принимать прошеніе объ отставкѣ мужа. На этомъ, до поры до времени, дѣло и кончилось лично для Николая Алексѣевича. Не Думѣ все-таки вѣльно было сдѣлать строжайшій выговоръ и пересмотрѣть Положеніе. Развязка такого рода была для Николая Алексѣевича равносильна всякой личной неудачѣ, и нѣсколько времени послѣ того, когда заговаривалъ онъ о Думѣ, голосъ его дрожалъ и лобъ покрывался краской.

Три дня спустя, былъ вечеръ у великой княгини Елены Павловны (единственные вечера, куда Николай Алексѣевичъ ѣздилъ въ ту пору); тутъ онъ видѣлъ князя Горчакова, и въ первый разъ изъявилъ желаніе быть ему представленнымъ. Разговоръ тотчасъ же коснулся Думы и ея управленія, при чемъ мужъ выразилъ князю свою благодарность за поддержку въ совѣтѣ министровъ.

Съ Хрущевымъ, который до тѣхъ поръ принимался у насъ на дружеской ногѣ, Николай Алексѣевичъ разошелся; но, вообще незлопамятный, онъ не могъ долго на него сердиться. Не прошло и мѣсяца, какъ ему надо было писать Хрущеву по дѣлу, и онъ кончилъ свое письмо словами: «Все - т а к и любящій васъ Н. Милютинъ». Въ отвѣтъ на это Хрущевъ писалъ: «Неперестававшій васъ любить Д. Хрущевъ».

Они оба послѣ посмѣялись надъ этимъ спряженіемъ глагола любить, и снова воцарилось дружелюбіе, по крайней мѣрѣ, въ административныхъ вопросахъ.

Между тѣмъ развязка этого событія была еще впереди. 30-го августа, т. е. за три мѣсяца передъ этимъ, Николай Алексѣевичъ получилъ Владимірскую звѣзду и долженъ былъ представиться государю.

Нельзя было предполагать, чтобъ государь не сдѣлалъ никакихъ намековъ на столь недавнее происшествіе. Судя по неудовольствію, которое оно въ немъ возбудило, Николай Алексѣевичъ не могъ ожидать благосклоннаго пріема, а, напротивъ того, готовился къ выговору и притомъ незаслуженному. По мѣрѣ того, какъ приближался роковой часъ, онъ все болѣе и болѣе омрачался и снова заговорилъ объ отставкѣ. Когда пришло время отвѣзда, лицо его было блѣдно. У меня такъ-же

сердце было не на мѣстѣ, но я бодро и весело простилась съ нимъ, стараясь не замѣчать его тревогу.

— То непріятно, — сказала онъ, — что насъ нѣсколько человѣкъ представляются сегодня, пожалуй, при постороннихъ придется выслушать непріятности.

Съ трепетомъ ожидала я его возвращенія, сидя у окна съ работою и прислушиваясь къ стуку каждой кареты.

Наконецъ, остановился у подъезда экипажъ и раздался звонокъ. Я выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Ну что?

— Ничего.

— Все обошлось благополучно?

— Il a voulu être dur, mais sa bonne nature a pris le dessus ⁽¹⁾.

Затѣмъ онъ передалъ все подробно.

Государь принималъ его вмѣстѣ съ другими лицами, выше его чиномъ, съ которыми, говорилъ прежде, поочередно, и большею частью благосклонно, какъ съ знакомыми, посматривая сбоку на Н. А. Милютину нѣсколько сердито, но съ любопытствомъ. Когда очередь дошла до него, онъ не далъ даже договорить Рибопьеру обычную фразу о чинѣ и должности, перебилъ его, и, обращаясь серьезно къ Николаю Алексѣевичу, сказала:

— Очень радъ васъ видѣть. Вы, кажется, пользуетесь особеннымъ довѣріемъ вашего министра. Надѣюсь, что вы оправдаете это довѣріе.

Слова, сами по себѣ, особенно жестокаго не заключали, но тонъ, повидимому, поразилъ мужа рѣзкимъ различіемъ съ предыдущими разговорами; потомъ, поговоривъ еще съ двумя—тремя другими лицами, государь всѣмъ поклонился и сталъ удаляться, но, подойдя къ двери кабинета, обернулся и сказалъ громко:

— Милютинъ!..

Николай Алексѣевичъ отдѣлился отъ выходящей группы и вошелъ за нимъ въ кабинетъ.

Тутъ обращеніе уже совершенно перемѣнилось. Государь очень дружески говорилъ о Дмитріи Алексѣевичѣ (Милютинѣ) ⁽²⁾, о томъ, что ему пишутъ изъ Тифлиса о Барятинскомъ; много спрашивалъ о здоровьи Дмитрія Алексѣевича, восхвалялъ его дѣятельность и нѣсколько разъ повторилъ, что онъ имъ очень доволенъ. Однимъ словомъ, первое свиданіе кончилось благополучнѣе, нежели слѣдовало ожидать; а все-таки нельзя было не сдѣлать изъ него тяжелаго вывода: первыми словами государь выражалъ какъ бы сомнѣніе въ хорошемъ выборѣ Ланскаго и во всякомъ

⁽¹⁾ Онъ хотѣлъ быть суровъ, но добрая его натура взяла верхъ надъ гнѣвомъ.

⁽²⁾ Нынѣ графъ и генералъ-фельдмаршалъ.

случаѣ ясно показывалъ, что Николай Алексѣевичъ пользовался только довѣріемъ своего министра, а не государя.

Избраннымъ людямъ дѣйствовать нигдѣ и никогда легко не бывало.

Но грустно видѣть, сколько уходитъ силъ, сколько пропадаетъ энергіи въ этихъ непрерывныхъ столкновеніяхъ съ фиктивными опасеніями, созданными невѣжествомъ и часто просто личными ненавистями! Кажется, стоитъ пройти чрезъ эту школу, чтобъ утратить въ ней всѣ лучшія стремленія, всякій пылъ и рвеніе къ государственной дѣятельности и сдѣлаться равнодушною муміей.

Николай Алексѣевичъ не только не вникъ Ланскаго за упорное молчаніе въ совѣтъ по дѣлу, въ которомъ онъ раздѣлялъ его убѣжденіе, а былъ даже тронутъ его отвѣтомъ государю. Старикъ не любилъ ни за кого ручаться и если Николаю Алексѣевичу случалось это дѣлать въ оправданіе кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ, онъ всегда перебивалъ его словами:

— Ну, какъ это можно, Николай Алексѣевичъ, въ чужую душу не влѣзешь, — или:

— On voit bien que vous êtes encore jeune ¹⁾; quand vous aurez mon âge, vous verrez qu'on ne peut répondre de personne comme de soi-même ²⁾.

Этотъ эпизодъ надѣлалъ въ административныхъ сферахъ и въ петербургскомъ обществѣ много шума. Но если, съ одной стороны, были причины падать духомъ, то съ другой — находились также и ободряющія, утѣшительныя явленія. Цѣлыхъ двѣ недѣли въ непрерывныхъ разговорахъ слышались подтвержденія и новыя доказательства того, какъ любимъ, цѣнимъ и уважаемъ былъ Николай Алексѣевичъ всѣми мыслящими людьми. Популярность его росла съ каждымъ днемъ, и громко жалѣли, что государь враждебно настроенъ къ этому новому учрежденію, вмѣсто того, чтобы поощрять его введеніе въ остальныхъ городахъ Россіи, о чемъ уже просило населеніе Москвы и Одессы.

Другое неожиданное послѣдствіе этой катастрофы было знакомство съ императрицею, мягкія слова которой ему, въ то время, показались утѣшительны. Любопытство ея было, вѣроятно, подстрекаемо всѣми противоположными слухами и мѣлкими на его счетъ. Это произошло также на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны, салоны которой въ ту зиму открывались по четвергамъ для избраннаго меньшинства петербургскихъ разнородныхъ кружковъ (не говорю beau monde'a, ибо тутъ встрѣчались не одни государственные и свѣтскіе люди, но и артисты, и

¹⁾ Въ 1858 г. Николаю Алексѣевичу было 40 лѣтъ.

²⁾ Видно, что вы еще молоды; когда вы будете въ моихъ годахъ, то увидите, что нельзя ручаться ни за кого, кромѣ себя.

ученые, и чиновники небольшого сана). Императрица подошла къ мужу въ ту минуту, когда онъ разсуждалъ о крестьянскомъ дѣлѣ съ флигель-адъютантомъ и тульскимъ помѣщикомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ, и, узнавъ о предметѣ ихъ разговора, сама вошла въ бесѣду, при чемъ выразила глубокое огорченіе въ томъ, что члены Главнаго комитета, вмѣсто того, чтобы помогать государю въ достиженіи столь высокой цѣли, противодействуютъ ходу дѣла и замедляютъ его. При этомъ она, съ истинно-женскою ловкостью, успѣла сказать пріятное слово мужу:

— De tous ces Messieurs, il n'y avait que le comte Kisséleff, qui avait étudié cette question, et qui la désirait sincèrement ¹⁾.

Говоря о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Тулу (для участія въ губернскомъ комитетѣ), графъ Бобринскій назвалъ кого-то изъ тамошнихъ помѣщиковъ «conservateur enragé». Императрица улыбнулась и, глядя на мужа, сказала:

— Voilà encore un de ces grands mots dont on use chez nous à tort, et à travers ²⁾.

— Ce n'est pas pour vous, comte, que je dis cela,—прибавила она обращаясь къ Бобринскому;—j'exprime seulement le regret que tous ces surnoms de rouge, de révolutionnaire et de conservateurs aient couru chez nous, ou ils n'ont pas le sens commun ³⁾.

Во все время этой бесѣды великая княгиня Елена Павловна не переставала бросать въ ихъ сторону люющіе взгляды. Она давно желала познакомиться лично государя и государыню съ Николаемъ Алексѣевичемъ и радовалась, что желаніе ея, наконецъ, исполнилось. Участіе, которое она показывала мужу десять лѣтъ до того времени, никогда не измѣнялось. Знакомство ихъ произошло по поводу той же Думы и вотъ какимъ образомъ. Н. А. Милютину случалось проводить лѣтомъ два-три дня въ недѣлю у дяди своего графа Павла Дмитриевича Киселева, на дачѣ въ Лѣсномъ Институтѣ. Лѣтомъ 1846 года, когда вводилось новое городское положеніе и собиралось первое общее собраніе, Николай Алексѣевичъ разъяснялъ дядѣ пользу городской реформы, а тотъ, въ свою очередь, заинтересовалъ великую княгиню. Она пожелала видѣть виновника преобразования и просила графа привести его къ

¹⁾ Изъ всѣхъ этихъ господъ только графъ Киселевъ научилъ этотъ вопросъ и который желаетъ его осуществленія.

²⁾ Это опять одно изъ громкихъ словъ, которыя у насъ употребляютъ и впривъ и вкосъ.

³⁾ Я это отношу не къ вамъ, графъ, прибавила она обращаясь къ Бобринскому. Я хочу только этимъ выразить сожалѣніе о томъ, зачѣмъ пускаютъ въ ходъ клички красныхъ, революціонеровъ и консерваторовъ у насъ, гдѣ онѣ не имѣютъ никакого смысла.

себѣ. Киселевъ, далеко не зараженный nepотизмомъ и державшій племянниковъ своихъ очень строго, пока они сами не вышли въ люди и не обратили на себя вниманіе, не очень охотно повезъ къ вей Николаю Алексѣевича, поглощеннаго трудовою жизнью и чуждавшагося всякихъ величій, за что дядюшка называлъ его демагогомъ. Чтобы молодой человекъ не возгордился приглашеніемъ, онъ считъ нужнымъ, между прочимъ, сказать ему, что великая княгиня большая покровительница артистовъ, и что онъ приглашается именно въ качествѣ артиста.

Какъ бы то ни было, но великая княгиня скоро оцѣнила умъ и дарованія Николая Алексѣевича, и съ этихъ поръ онъ сталъ близкимъ гостемъ Михайловскаго дворца.

За этимъ первымъ разговоромъ съ императрицею послѣдовали настоятельныя требованія Ланскаго представиться императрицѣ. Вообще, это время его какъ-то совали впередъ, находя, что послѣ недавней непріятности скрываться болѣе не должно, и что надо убѣдить que le diable n'est pas aussi noir qu'il en a l'air.

Къ величайшему моему конфузу великая княгиня Елена Павловна прислала сказать, чрезъ свою гофмейстерину, что и мнѣ также необходимо представиться государынѣ. Выросшая въ одиночествѣ ¹⁾, безъ матери, безъ покровителей, вдалекѣ отъ большого свѣта, я думала всегда остаться отъ него въ сторонѣ. Я не искала случая ѣздить и въ Михайловскій дворецъ; это сдѣлалось поимю моей воли и единственно по ласковымъ отношеніямъ великой княгини къ Николаю Алексѣевичу. Еще когда я сдѣлалась его невѣстой, она пожелала видѣть меня и съ тѣхъ поръ всегда была благосклонна. Но и на ея вечера я ѣздила неохотно. Это отвлекало отъ домашнихъ занятій, отъ дѣтей и вводило въ туалетныя издержки.

Тѣмъ не менѣе, по приказанію великой княгини Елены Павловны я поѣхала къ княгинѣ Салтыковой, а нѣсколько дней спустя явилась къ официальному представленію вмѣстѣ съ поддужиною другихъ дамъ. Государыня очень милостиво говорила со мной, спрашивала гдѣ я провела молодость, почему меня въ свѣтѣ не видѣли, сказала, что помнятъ моихъ братьевъ молодыми офицерами, сестру мою, Львову, и обо всѣхъ съ участіемъ спрашивала. На другой день до меня дошло, что она въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвалась обо мнѣ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая передала это брату моему Александру Аггеевичу (Абаза), занимавшему тогда должность ея гофмейстера.

На той же недѣлѣ былъ принятъ и мужъ мой; съ нимъ также государыня была милостива и ласкова и откровенно бесѣдовала объ эмансипации.

¹⁾ Братья и сестры мои были гораздо старше меня, а матушка скончалась, когда мнѣ было два года.

Выдвинутая неожиданно из своей спокойной, семейной жизни, я была раза три на придворныхъ балахъ; памятиѣ всѣхъ остался маскарадный праздникъ въ Михайловскомъ дворцѣ на Рождество 1858—1859 г. Цѣль была достигнута вполне и государь говорилъ, что не веселился такъ съ самаго дѣтства.

Вечеръ начался маленькимъ театральнымъ представленіемъ, въ которомъ главныя роли исполнялись любимой пѣвицею великой княгини Елены Павловны m-lle Stubbe, вмѣстѣ съ Ронкони и Кальцолари въ опереткѣ «A deux pas du bonheur». Это происходило въ комнатахъ нижняго этажа или такъ-называемыхъ салонахъ княжны Львовой, гдѣ была устроена сцена и ряда два стульевъ для избранныхъ міра сего, ибо комната очень мала. Пока всѣ члены царской фамиліи и сановники слушали оперу, въ другихъ комнатахъ собирались остальные гости обоего пола, въ маскахъ и костюмахъ или балльныхъ одѣяніяхъ. Къ десяти часамъ всѣ приглашенные были уже на лицѣ, и тутъ шла оживленная бесѣда, при которой всѣ веселились чуть-ли не болѣе, нежели при открытіи бала. Когда спектакль кончился, то подъ предводительствомъ графа Фредро (великаго балагура, пользовавшагося на этомъ основаніи разными ласками и льготами въ большомъ свѣтѣ, несмотря на то, что онъ смахивалъ на польскаго шпиона), вся толпа масокъ, костюмовъ и домино образовала шествіе попарно и длиною процессіею двинулась въ залу, которая сверху до низу, не исключая потолка, убрана была цвѣтами, переплетенными растеніями и гирляндами, испещренными тысячею огней въ разноцвѣтныхъ фонарикахъ въ формѣ цвѣтовъ. Вся комната имѣла видъ какой-то волшебной бесѣдки. Тутъ еще представлялись разныя картины и аллегоріи; въ маленькихъ нишахъ, изъ цвѣтовъ и зелени устроенныхъ, разыгрывались аллегри, предсказывалось будущее импровизированными жрецами. Во все это время играла музыка, а потомъ начались танцы. Многіе не танцевали, но ходили подъ масками интриговать; оживленіе было общее. Государь былъ въ одеждѣ пилигрима. Нѣсколько молодыхъ людей одѣлись дамами въ эlegantныя домино, интриговали своихъ начальниковъ и чуть не вскружили имъ головы. Такъ, напримѣръ, военный министръ Сухозанетъ почти весь вечеръ просидѣлъ съ розовымъ домино, ухаживалъ за нимъ донельзя, восхищаясь его любезностью и умомъ, цѣловалъ его руки и всѣхъ допрашивалъ: «Кто эта очаровательная женщина?» Не знаю добился-ли онъ правды, но многіе скоро узнали, что эта очаровательнѣйшая изъ женщинъ не кто иной, какъ его адъютантъ Кавелинъ.

Праздникъ этотъ, по всеобщему отзыву, вполне удался, и сама великая княгиня Елена Павловна долго и съ удовольствіемъ о немъ вспоминала. Позже были повторенія, но этотъ, какъ первый въ своемъ родѣ,

былъ всего удачнѣе. Тутъ же произошло слѣдующее событіе, которое общало нѣкоторое покровительство крестьянскому дѣлу.

Императрица на этомъ вечерѣ въ первый разъ встрѣтившись съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ послѣ возвращенія его изъ-за границы, рѣшилась подойти къ нему и съ нимъ заговорить (чего никто не ожидалъ, зная ея нерасположеніе съ нему), и просила прислать ей копію съ его «писемъ» объ освобожденіи крестьянъ.

Сама жизнь складывается такъ, что мелкое и незначительное идетъ рядомъ съ крупнымъ и серьезнымъ.

Возвращаясь къ положенію Николая Алексѣевича.

Съ зимы 1858 года произошла перемѣна въ образѣ его жизни. Дурные замыслы людей часто обращаются противъ нихъ: враги строили ему козни, думали очернить его, а сдѣлали то, что онъ сталъ лично извѣстенъ государю.

Какъ бы въ утѣшеніе за недавнюю служебную непріятность (по Думѣ), Сергій Степановичъ Ланской назначилъ Николая Алексѣевича членомъ крестьянскаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тутъ безъ всякаго домогательства, одною силою вещей и благодаря огромному запасу законодательныхъ свѣдѣній и точнаго пониманія нуждъ, потребностей и обычаевъ своего народа, Николай Алексѣевичъ скоро сдѣлался la cheville ouvrière дѣла, предусматривая дальнѣйшій ходъ его развитія. Такъ, напримѣръ, вопросъ о выкупѣ казался ему дѣломъ первостепенной важности для успѣха всего дѣла. Но надъ однимъ словомъ **в ы к у п ѣ** было произнесено какъ бы проклятiе, и всякій разъ, какъ Ланской заикался о немъ государю, его величество прерывалъ его словами:

— Это невозможно, объ этомъ нельзя и думать.

Частныхъ проектовъ ходило тогда много по рукамъ; всѣ они, конечно, изображали стремленія и интересы дворянскіе, интересы же государственные и крестьянскіе мало имѣли представителей; большинство этихъ проектовъ и записокъ государь отсылалъ, по прочтеніи, въ министерство внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе комитета, при немъ состоящаго. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе Николая Алексѣевича; въ немъ предлагался проектъ о выкупѣ. Онъ былъ подписанъ графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ.

Окруженный самъ всякими преградами, помѣхами и недоброжелательствомъ, Николай Алексѣевичъ рѣшился сдѣлать изъ Бобринскаго орудіе для проведенія мысли о выкупѣ или, по крайней мѣрѣ, чрезъ него освоить съ этою мыслью государя и общественное мнѣніе. Познакомившись съ Бобринскимъ у великой княгини Елены Павловны, онъ сказалъ ему, что читалъ его работу, что кое-что слѣдовало бы передѣлать, но что сущность ея очень дѣльная.

По соглашенію съ Ланскимъ, Бобринскій былъ приглашенъ принять участіе въ крестьянскомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, передѣлавъ или, лучше сказать, сдѣлавъ по своему проекту о выкупѣ Бобринскаго, Николай Алексѣевичъ вскорѣ выпустилъ его съ нимъ по всѣмъ салонамъ, министерствамъ и царскимъ покоемъ.

Между тѣмъ, Я. И. Ростовцевъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшій довѣріе государя по крестьянскому дѣлу, получалъ предписаніе учредить редакціонную комиссію — для всѣхъ губернскихъ проектовъ и окончательной разработки общаго закона. Онъ скоро вошелъ въ сношеніе съ производителемъ дѣла крестьянской комиссіи по министерству внутреннихъ дѣлъ, Соловьевымъ, и чрезъ него далъ знать Николаю Алексѣевичу, что рассчитываетъ на его сотрудничество и желалъ бы его видѣть.

Николай Алексѣевичъ до тѣхъ поръ не былъ лично знакомъ съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ; онъ никогда не встрѣчалъ его у графа Павла Дмитриевича Киселева и не могъ надѣяться, чтобы онъ выступилъ искреннимъ поборникомъ и защитникомъ эмансипаціи. Положеніе Николая Алексѣевича было очень тяжело; съ одной стороны, ему больно было устраниваться отъ участія въ крестьянской реформѣ, о которой смолоду мечталъ, съ другой стороны, ему казалось невозможнымъ работать заодно съ Яковомъ Ивановичемъ, который былъ мало знакомъ съ юридическими вопросами. Цѣлыхъ двѣ недѣли Николай Алексѣевичъ не могъ рѣшиться сдѣлать ему визитъ, но необходимость этого требовала и онъ, наконецъ, поѣхалъ.

— Отъ подобнаго дѣла отказываться нельзя, — говорилъ онъ въ такомъ раздумьи.

Но затѣмъ сыпались самыя тревожныя сомнѣнія насчетъ того, какъ пойдутъ работы?

Результатъ первыхъ совѣщаній былъ, однако, утѣшительнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Прежде всего ему удалось убѣдить Ростовцева въ необходимости не ограничиваясь бюрократическою помощью пишущихся на лицо чиновниковъ, привлечь въ составъ комиссіи людей новыхъ, опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, руководясь въ выборѣ ихъ тѣми заявленіями мѣстныхъ, которыя обнаруживались при губернскихъ комитетахъ. Такимъ образомъ были выписаны всѣ наиболѣе даровитые люди, направленіе которыхъ выяснилось въ губернскихъ работахъ, какъ, напримѣръ, Самаринъ, князь Черкасскій, Галаганъ, Тарновскій и нѣсколько другихъ ¹⁾. Всѣ они были испрошены въ члены всеподданнѣй-

¹⁾ Лично Николай Алексѣевичъ былъ до этого времени знакомъ лишь съ однимъ Самаринымъ.

шимъ докладомъ Ростовцева, вступившимъ въ званіе предсѣдателя еще до личнаго состава комиссіи.

Въ то самое время, какъ Николай Алексѣевичъ приведенъ былъ въ сношеніе съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходило слѣдующее событіе: товарищъ министра, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, сильно поколебавшій довѣріе къ себѣ Ланскаго и самого государя, былъ принужденъ просить объ увольненіи отъ должности, на что тотчасъ же получилъ согласіе.

Кандидатами на мѣсто Левшина называли: князя Дмитрія Оболенскаго изъ морского министерства, бывшаго Курляндскаго губернатора Валуева, незадолго предъ тѣмъ вызваннаго Муравьевымъ на мѣсто директора департамента государственныхъ имуществъ, и Николая Алексѣевича, но противъ послѣдняго шла сильная агитація со стороны генераль-адъютанта Игнатьева, Михаила Николаевича Муравьева, князя Василія Андреевича Долгорукова и генераль-адъютанта Чевкина ¹⁾, Буткова и Тимашева.

Хотя списокъ этотъ и не великъ, а все же не вмѣщаетъ въ себѣ и половины тогдашнихъ его доброжелателей.

Яростная оппозиція и интриги со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ недавнею неприятною по поводу Думы, не только колебали, но парализовали добрыя намѣренія Сергѣя Степановича Ланскаго испросить его себѣ въ товарищи и онъ молчалъ, пока, наконецъ, самъ государь не назвалъ ему своего кандидата—князя Дмитрія Александровича Оболенскаго.

Дмитрій Оболенскій былъ одинъ изъ хорошихъ знакомыхъ мужа, хотя до того времени не принадлежалъ къ близкому его кругу. Они рѣдко посѣщали другъ друга, но часто встрѣчались *sur terrain neutre* и всего болѣе у великой княгини Елены Павловны, гдѣ уже лѣтъ пятнадцать оба принимались на самыхъ интимныхъ вечерахъ. Оболенскій, человекъ весьма милаго и добраго нрава, вполне образованный и вполне благородный, чувствовалъ нравственное надъ собой превосходство мужа, вовсе этого не скрывалъ и охотно ему подчинялся. Онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія, переданнаго ему Ланскимъ. Съ нами онъ никогда не говорилъ объ этомъ и Николай Алексѣевичъ узналъ это позже, отъ самого Ланскаго, которому онъ сказалъ, «что мѣсто товарища принадлежитъ, по всѣмъ правамъ, Милютину, что назначеніе его, Оболенскаго, было бы ужаснымъ *passe droit* Николая Алексѣевича и, наконецъ, что ни по лѣтамъ, ни по службѣ, ни по способностямъ не чувствуетъ себя въ правѣ быть его начальникомъ».

¹⁾ Послѣдній сталъ благоволить къ нему лишь два-три года спустя.

Такіе поступки рѣдки вообще.

Воодушевленный такимъ рыцарскимъ прямѣромъ, подерѣвленный, съ другой стороны, совѣтами великой княгини Елены Павловны, Сергѣй Степановичъ, наконецъ, почувствовалъ надлежащее мужество, чтобы назвать Николая Алексѣевича государю, при передачѣ отказа Оболенскаго. Государь показался удивленнымъ и недовольнымъ, сказалъ, что надо подождать, еще подумать и поискать.

Случилось, что именно въ тотъ же день, вслѣдъ за докладомъ Ланскаго, Ростовцевъ представлялъ первыхъ наличныхъ членовъ редакціонной комиссіи (а именно: Соловьева, Булгакова, Жуковскаго, Семенова, Любоцинскаго и мужа). Государь, видѣвшій тутъ въ первый разъ всѣхъ, кромѣ Булгакова и Николая Алексѣевича, обошелъ ихъ съ вопросами—гдѣ и давно ли они служатъ; потомъ сказалъ имъ всѣмъ маленькую рѣчь о важности поручаемаго имъ дѣла и о надеждѣ, что они оправдаютъ его довѣріе. Тутъ онъ опять особенно пристально смотрѣлъ на мужа, какъ-будто относя сказанное преимущественно къ нему. По окончаніи этого представленія онъ отвелъ Ростовцева въ сторону и съ нимъ говорилъ конфиденціально.

Къ вѣчеру того же дня Ростовцевъ прислалъ просить мужа къ себѣ и рассказалъ ему, что государь, повидимому озабоченный предложеніемъ Ланскаго, много спрашивалъ его о томъ, «какого рода человѣкъ Милютинъ? говори, что мнѣнія на его счетъ очень разнорѣчивы и преимущественно дурны, что хотя нѣкоторые считаютъ его человѣкомъ весьма даровитымъ, но большинство признаютъ самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи».

— Вредными людьми у насъ вообще принято считать всѣхъ либераловъ, — отвѣчалъ Ростовцевъ, — а Николай Алексѣевичъ точно человѣкъ либеральный и вполне современный при наступающемъ на очередь дѣлѣ, что онъ весьма способный и пр. и пр...

Эти вѣчныя сомнѣнія насчетъ его «преданности престолу и отечеству», эти безпрестанные намеки на «вредность его направленія» оскорбляли лучшія чувства благородной души Николая Алексѣевича.

— За кого же меня принимаютъ,—горько говорилъ онъ,—если думаютъ, что я могу играть двусмысленную роль, обманывать правительство, если я разъ служу ему, беру жалованье и отдаю ему себя всецѣло, не щадя ни времени, ни силъ, ни здоровья.

Не зная почти вовсе Николая Алексѣевича, государь неизбежно вслушивался въ сужденія о немъ другихъ, хотя, можетъ быть, небезусловно имъ вѣрилъ и повидимому желалъ доискаться правды—дѣло нелегкое вообще, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ особенно трудное. Пронскамъ и интригамъ въ административныхъ сферахъ не было конца.

Въ числѣ искателей мѣста Левшина находились: Петръ Алексан-

дровичъ Валуевъ, и еще два лица: Ш—въ и Б—й. Этимъ искательствамъ нельзя не приписать совершенную переѣву отношеній ихъ къ мужу.

Съ самаго пріѣзда своего изъ Митавы, Валуевъ не переставалъ ухаживать за мужемъ, съ которымъ былъ знакомъ по Москвѣ, но потому цѣлыхъ двадцать лѣтъ не видался. Николаю Алексѣевичу онъ оставался памятенъ, какъ отличный танцоръ, извѣстный необычайною свѣтскою ловкостью, любезностью и названіемъ «jeune homme modèrè», которымъ окрестилъ его и его современника, Скарятина, государь Николай Павловичъ, проѣзжая чрезъ Москву. Это названіе долго за нимъ оставалось и доставило ему камеръ-юнкерство. По возобновленіи знакомства, мужъ говорилъ, шутя, что Валуевъ «развился», и на первыхъ порахъ восхищался его фразеологіей. Скоро, однако, она ему надоѣла и онъ увидалъ, что подъ этимъ псевдо-краснорѣчіемъ скрывается большая пустота, страшное честолюбіе и крайній феодализмъ. Валуевъ безпрестанно пріѣзжалъ къ мужу, пускался въ развитіе своихъ политическихъ profession de foi, напрашиваясь на интимныя бесѣды, и просиживалъ цѣлые вечера. Заваленный дѣлами, слишкомъ серьезными, мужъ скоро сталъ этимъ тяготиться и выпроваживалъ его изъ своего кабинета ко мнѣ въ гостиную, гдѣ на мнѣ лежала обязанность занимать тѣхъ, кто ему мѣшалъ ¹⁾. Со мною Валуевъ также разсыпался въ любезностяхъ и разъ, наконецъ, объявилъ, что скоро ожидаетъ жену изъ Митавы, что она въ Петербургѣ никогда не была, никого не знаетъ, и что онъ проситъ позволенія привезти ее ко мнѣ. Меня это извѣстіе очень удивило: я не воображала, что онъ вторично женатъ. Оказалось, что по смерти первой жены (рожденной Вяземской), будучи губернаторомъ въ Митавѣ, онъ плѣнилъ дочь мѣстнаго полиціймейстера Вакульскаго (католика и поляка), и женился на этой дѣвицѣ. Вскорѣ затѣмъ прибывшая ко мнѣ новая m-me Валуева оказалась весьма некрасивою, но скромною, доброю и хорошею женщиною, совершенно нѣмецкаго свойства (она по матери нѣмка-лютеранка, хотя ея сестра и братъ католики). Въ продолженіе всей зимы 1858 года и начала 1859 года мы съ нею видѣлись довольно часто. Нашъ домъ былъ первый въ Петербургѣ, который пріютилъ ее; она пріѣзжала съ сестрой запросто и просиживала часто вечера. Барыни, впрочемъ, были совершенно чуждыя всему русскому, всѣмъ роднымъ интересамъ, и я порадовалась

¹⁾ Не малое число посѣтителей гнѣвалось на меня за него. On vient voir et parler d'affaires à Monsieur Milutine, говорили они, et on est renvoyé à M-me Milutine; ce n'est pas la même chose, въ чемъ я совершенно съ ними согласна, но ничего не могла тутъ измѣнить; скажу только себѣ въ утѣшеніе, что и меня это мало забавляло и принималось лишь какъ неизбежное зло моего положенія.

когда онѣ расширили свой кругъ знакомства и стали посѣщать рѣже, что сдѣлалось, однако, не с проста. Валуевъ сблизилъ ихъ съ дамскимъ кругомъ своего непосредственнаго начальства.

Съ той минуты, какъ стало извѣстно удаленіе Левшина — Валуевъ значительно остылъ къ мужу, а въ городѣ сильно поговаривали объ его надеждахъ вступить товарищемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Эта переиѣна произошла съ петербургскою атмосферическою быстротою и безъ малѣйшей застѣнчивости ¹⁾.

Что касается остальныхъ кандидатовъ, то частыя ихъ посѣщенія и шумныя пренія съ Николаемъ Алексѣвичемъ всегда наводили на меня страхъ, и я умоляла мужа быть съ ними осторожнѣе. Но осторожность была не въ его характерѣ, когда она нужна была для него лично, а не для дѣла; и онъ продолжалъ быть съ ними нараспашку, что все глубже и глубже рыло пропасть между ними. Взгляды ихъ были слишкомъ различны, и Николай Алексѣвичъ стоялъ слишкомъ нравственно-высоко, чтобъ быть ими понятымъ. Старанія ихъ привлечь его къ своей аристократической точкѣ зрѣнія (имъ хотѣлось оставить всю землю и всю власть за помѣщиками, какъ въ Англіи, что такъ несовмѣстно съ духомъ славянскихъ племенъ, и что отчасти погубило Польшу) приводили лишь къ взаимному раздраженію и къ недобросовѣстному искаженію словъ Николая Алексѣвича—«des pots», которыя, на другой день, распускались по городу въ обезображенномъ видѣ. Къ довершенію раздраженія государь предложилъ самъ В. въ члены редакціонной комиссіи, чего тотъ сильно добивался; но Ростовцевъ отклонилъ государя отъ этого на томъ основаніи, что комиссіи нужны законники и труженники, что В. самъ трудиться не умѣетъ, а другимъ будетъ мѣшать своимъ строптивымъ и придиричьвымъ характеромъ. Николай Алексѣвичъ совершенно раздѣлялъ его мнѣніе, однако узналъ объ устраненіи В. нѣсколько дней спустя отъ Я. И. Ростовцева; но это не помѣшало самому В. приписать свое устраненіе Милютину и окончательнo стать къ нему въ враждебныя отношенія.

Оба претендента были люди ловкіе и въ настоящемъ смыслѣ слова свѣтскіе, дотолѣ не занимавшіеся ничѣмъ серьезно, и всего менѣе государственными дѣлами, получившіе то поверхностное образованіе, каковымъ довольствовались въ то время въ Пажескомъ кадетскомъ корпусѣ, и обуреваемые непомѣрнымъ, по достоинству, честолюбіемъ ²⁾, были довольно опасными врагами Николая Алексѣвича и крестьянскаго

¹⁾ Тогда ему это не удалось, но, два года спустя, онъ уже вступилъ въ товарищемъ, а министромъ.

²⁾ Будущію баденскіе генералы (см. „Дымъ“ Тургенева).

дѣла; опасными потому, во-первыхъ, что эта вражда прикрывалась формами дружелюбія и сочувствія къ самому вопросу, а во-вторыхъ, потому, что по служебнымъ и семейнымъ связямъ они принадлежали къ близкому кругу двора, гдѣ и считались своими людьми.

Недѣлю спустя послѣ того доклада, за которымъ слѣдовали совѣщанія съ Ростовцовымъ насчетъ Николая Алексѣевича, государь встрѣтилъ министра внутреннихъ дѣлъ словами:

— Eh bien, et votre adjoint?— toujours Milutine? ¹⁾

Ланской низко поклонился.

— Mais Левшинъ ne peut-il attendre encore? ²⁾

— Sire, il attend, mais ne travaille plus, et ne m'est d'aucune utilité ³⁾.

Государь продолжалъ:

— Le fait est que je suis pas très porté vers Milutine; cela fera crier. Il y a plusieurs partis contre lui: les uns disent qu'il hait la noblesse, d'autres—qu'il veut la constitution ⁴⁾.

При этомъ онъ взглянулъ на Сергѣя Степановича и улыбнулся, какъ бы дѣлая уступку нелицеприятнымъ петербургскихъ сплетней. Ланской усердно присоединился къ этому веселому настроенію, но это не помѣшало ему отвѣтить очень дѣльно:

— Les deux accusations se contredisent trop pour être fondées, Sire. Quant à moi, je puis assurer Votre Majesté que je ne me serais pas fait le défenseur de Milutine, si je ne trouvais pas ses vues et ses idées assez gouvernementales. Il est possible qu'il n'adore pas la noblesse, mais je ne sais à quel point un tel amour serait légitime et nécessaire dans un moment où c'est du peuple qu'il s'agit ⁵⁾.

Государь отвѣтилъ «C'est vrai» ⁶⁾, однако рѣшенія о дѣлѣ на этотъ разъ не послѣдовало. Но дней пять спустя (на Вербной недѣлѣ) Ланской былъ приглашенъ къ царскому столу, в туть послѣ обѣда государь

¹⁾ Итакъ вашъ товарищъ все-таки Милютинъ.

²⁾ Но Левшинъ развѣ не можетъ еще подождать?

³⁾ Государь! Онъ ждетъ, но не работаетъ болѣе и не приноситъ мнѣ ни какой пользы.

⁴⁾ Дѣло въ томъ, что я не очень расположенъ къ Милютину; объ этомъ будутъ кричать. Есть много партій противъ него: одна говоритъ, что онъ ненавидитъ дворянство, другіе—что онъ хочетъ конституціи.

⁵⁾ Оба обвиненія слишкомъ противорѣчатъ другъ другу. Что касается меня, то я могу завѣрить ваше величество, что я бы не сдѣлался защитникомъ Милютина, если бы я не находилъ его взгляды и идеи правительственными. Возможно, что онъ не обожаетъ дворянство, но я не знаю насколько такая любовь была бы законна и необходима въ такой моментъ, когда рѣчь идетъ о народѣ.

⁶⁾ Это передаю въ точности со словъ Сергѣя Степановича мужу.

увелъ его къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ, что онъ согласенъ на назначеніе Милютіна, но не иначе какъ «временно исправляющимъ должность товарища министра».

Ланской возсіалъ, какъ отъ побѣды, и повидимому не подозрѣвалъ, что для самолюбія Николая Алексѣевича такого рода назначеніе, при подробномъ знаніи всего хода дѣла, будетъ едва ли не обиднѣе, чѣмъ еслибъ назначили другого товарища и не преслѣдовали его разными оскорбительными сомнѣніями.

Его брали въ товарищи только на пробу, годится ли онъ? и на время, не найдется ли другого болѣе удобнаго? ¹⁾

Несмотря на то, что онъ видѣлъ тутъ щелчекъ, а не повышеніе, публика поняла дѣло иначе. Партизаны и поклонники его радовались и поздравляли ²⁾; большинство же высшихъ сановниковъ и свѣтскихъ людей въ Петербургѣ кричало, что хотятъ разоренія, гибели дворянства, назначая злѣйшаго его врага въ товарищи того министерства, на которомъ будетъ лежать главный трудъ всей реформы.

Одинъ только хозяйственный департаментъ показалъ истинный тактъ: никто не поздравлялъ, понимая, что не съ чѣмъ; никто не приходилъ прощаться, ибо при временномъ исправленіи другой должности, Николай Алексѣевичъ со-дня-на-день могъ возвратиться въ прежнее. Онъ собственно и оставался при двойной должности—директора и товарища вплоть до окончанія крестьянской реформы и до удаленія своего изъ министерства.

На Страстной недѣлѣ былъ объявленъ указъ Сенату объ его назначеніи. Слово, вписанное самимъ государемъ, «временно», не мало всѣхъ озадачивало и удивляло; но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляло врагамъ его надежду на другой выборъ и полную свободу клеветамъ. Въ понедѣльникъ на Святой Николай Алексѣевичъ представлялся государю, какъ того требовала новая должность. Свиданіе произошло en tête-à-tête и началось съ того, что государь ему замѣ-

¹⁾ Онъ тогда еще не могъ предвидѣть, что это временное назначеніе будетъ продолжаться болѣе двухъ лѣтъ и кончится удаленіемъ изъ министерства, которому онъ отдалъ лучшіе 26 лѣтъ жизни. Но, съ другой стороны, не могъ онъ предвидѣть и того, что это самое положеніе, какъ оно ни было шатко, дастъ ему возможность до конца защищать и провести крестьянское дѣло. А такая увѣренность могла, конечно, во многомъ его утѣшить.

²⁾ Изъ губерній, гдѣ болѣе всего владычествовало взяточничество и гдѣ его боялись какъ известнаго карателя этого зла, ему, между прочимъ, писали: „Вмѣсто того, чтобы поздравить васъ съ назначеніемъ въ товарищи, я привошу вамъ за то свою благодарность, потому что съ тѣхъ поръ—именемъ твоимъ изыдутъ бѣсы“.

тиль, что онъ не былъ наканунѣ на выходѣ у заутрени и не похристосовался съ нимъ.

Въ началѣ его величество былъ сдержанъ и холоденъ, но понемногу разговорился, сдѣлался откровеннѣе и тѣмъ самымъ милостивѣе. На первыхъ же словахъ онъ сказалъ ему, что этимъ временнымъ назначеніемъ даетъ ему возможность «показать себя» и поправить свою репутацію «краснаго и революціонера». Николай Алексѣевичъ отвѣтилъ, что онъ и самъ принимаетъ это назначеніе какъ испытаніе, что готовъ служить ему и Россіи на сколько хватитъ силъ и умѣнья и во всякой должности, но что онъ просить государя судить о немъ не по слухамъ, а по дѣйствіямъ, которыя въ теченіе 23-хъ лѣтъ всегда соображались съ пользою государства и достоинствомъ правительства. Государь на это замѣтилъ, что и враги его отдають справедливость его дарованіямъ, но подають поводъ опасаться его мнѣній и стремленій, и повторилъ то, что передано со словъ Ланскаго. Николаю Алексѣевичу пришлось опять возражать: онъ сказалъ, что за недостаткомъ фактовъ легко выдумывать мнѣнія и стремленія, которыя труднѣе опровергнуть и доказать, но что и въ нихъ нѣтъ ничего такого, въ чемъ онъ не могъ бы признаться своему государю. Онъ сказалъ, что никакой сословной ненависти къ дворянству не имѣетъ, но что если не искалъ быть пріятнымъ одному сословію въ ущербъ другому, то тѣмъ думалъ исполнять долгъ безпристрастнаго администратора, который долженъ и обязанъ искать одну общую пользу—пользу государства.

— Что же касается до революціонерства,—добавилъ онъ,—объ этомъ позволительно было мечтать въ молодости и при совершенно другихъ условіяхъ; нынѣ же, когда я успѣлъ посѣдѣть въ борьбѣ съ произволомъ и неразвитостью высшихъ слоевъ нашего общества, которое при конституціонномъ правленіи создало бы у насъ деспотизмъ олигархій, чего я для своего отечества вовсе не желаю нынѣ, когда правительство либеральнѣе самаго общества и вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ, то-есть именно ту мысль, которая составляла предметъ лучшихъ надеждъ и упованій тѣхъ, кого клеймили названіемъ красныхъ и революціонеровъ,—нынѣ не только исчезаетъ всякій оппозиціонный духъ, а напротивъ всѣ силы и старанія могутъ совершенно искренно быть устремлены къ достиженію столь великихъ и прекрасныхъ цѣлей, и я сочту себя счастливымъ посвятить имъ всю мою жизнь.

Государь казался былъ удовлетворенъ и успокоенъ такимъ отвѣтомъ и перешелъ къ предстоящимъ работамъ редакціонной комиссіи, причѣмъ Николай Алексѣевичъ въ главныхъ чертахъ опредѣлялъ въ чемъ должна состоять ея задача. Его величество ихъ одобрилъ и, отпу-

ская новаго товарища, казался во многомъ переубѣжденъ на его счетъ.

Разговоръ былъ записанъ тотчасъ и прочитанъ Николаю Алексѣевичу, который подтвердилъ вѣрность редакціи. Никому больше, кромѣ С. С. Ланскаго, не было извѣстно, что произошло на этомъ представленіи. Но другіе, за неимѣніемъ данныхъ, сами сочиняли что должно было, по ихъ воображенію, тутъ быть сказано. Когда императрица въ первый разъ приняла Николая Алексѣевича, графъ П. А. Шуваловъ самолично высказалъ Николаю Алексѣевичу слѣдующія слова:

— Savez vous ce que l'on dit en ville de votre conférence avec l'Impératrice? On dit: «Voilà Mirabeau qui commence ses entrevues clandestine avec Marie-Antoinette» ¹⁾.

Mirabeau, Marat, позже Робеспьеръ—съ кѣмъ только не сравнивали Николая Алексѣевича!

Съ слѣдующаго дня департаментъ былъ сдать вице-директору, а Николай Алексѣевичъ весь отдался крестьянскому дѣлу, какъ членъ редакціонной комиссіи и председатель комитета по крестьянскому дѣлу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Знаете-ли вы, что въ городѣ говорятъ о вашей аудіенціи съ императрицею? Говорятъ: вотъ Мирабо, начинающій свои секретныя свиданія съ Маріей-Антуанетой.

Рѣчь Императора Александра II, обращенная къ дипломатическому корпусу, собравшемуся въ Зимнемъ дворцѣ 23 февраля 1855 года въ 2 часа пополудни.

Я увѣренъ, господа, въ искреннемъ участіи, которое принимаютъ ваши дворы въ томъ несчастіи, которое только что насъ поразило.—Полученныя съ разныхъ сторонъ сочувственныя заявленія весьма глубоко меня тронули, что я выразилъ вчера министрамъ прусскому и австрійскому.

Я предъ вами, господа, торжественно объявляю, что остаюсь вѣренъ всѣмъ чувствамъ моего отца и буду неуклонно слѣдовать политическимъ принципамъ, которымъ руководились мой дядя Императоръ Александръ и мой отецъ.—Принципы эти послужили основаніемъ для Священнаго союза.—Но если этотъ союзъ не существуетъ болѣе, то конечно, не по винѣ моего отца.—Намѣренія его всегда оставались искренни и законны;—и если въ послѣднее время (взглянувъ на австрійскаго посланника) они нѣкоторыми были непоняты,—я не сомнѣваюсь, что Богъ и исторія воздадутъ имъ должное.—Я готовъ протянуть руку на тѣхъ условіяхъ, которыя онъ принималъ.—Какъ онъ, я желаю мира и окончанія бѣдствій войны—(возвысивъ голосъ) но если конференція въ Вѣнѣ не будетъ клониться къ нашей чести,—тогда, господа, во главѣ моей вѣрной Россіи, я вмѣстѣ со всѣмъ моимъ народомъ буду драться—и скорѣе погибну нежели уступлю.—Что касается до моихъ личныхъ чувствъ къ вашимъ государямъ, то они никогда не измѣнились.—Я никогда не сомнѣвался (посмотрѣвъ на прусскаго посланника) въ братскомъ расположеніи и дружбѣ, которое его величество король прусскій всегда питалъ къ моему отцу.—И я вамъ вчера высказалъ, до какой степени я ему признателенъ; (на посланника австрійскаго) я глубоко тронутъ добрыми словами, которыя въ настоящемъ случаѣ переданы мнѣ отъ императора.—Его величество не могъ сомнѣваться въ искреннемъ расположеніи, которое мой отецъ выказалъ ему въ ту эпоху, о которой онъ только что упомянулъ въ приказѣ, отданномъ его величествомъ по арміи.

Передайте, господа, мои слова вашимъ уважаемымъ дворамъ.

Два доноса въ 1831 году.

IV¹⁾.

Всеподданнѣйшія письма М. Магницкаго императору Николаю
объ иллюминатахъ.

1.

Ревель, 3-го февраля 1831 г.

Государь Всемилостивѣйшій.

Съ пламеннѣйшимъ усердіемъ, съ совершенною откровенностію и полною надеждою на снисходительность вашего императорскаго величества спѣшу исполнить объявленную мнѣ высочайшую волю, поднося у сего первую записку объ иллюминатскомъ заговорѣ, потрясающемъ Европу.

Предметъ порученнаго мнѣ дѣла такъ глубокъ, обширенъ и сложенъ, что безъ пособій (ибо бібліотеку свою давно уже я продалъ) весьма трудно было не только изложить, но даже и свести всѣ мои о немъ свѣдѣнія потому, что я оставилъ было уже ихъ въ совершенномъ забвеніи и, даже самый заговоръ сей вида, такъ сказать, стороною, не имѣлъ я даже и средства наблюдать за нимъ такъ пристально, какъ прежде, ибо ни новыхъ книгъ пріобрѣтать, ниже всѣхъ вѣдомостей читать не было мнѣ возможности.

Не могу и не желаю укрыть отъ вашего величества недостатковъ сей работы, но, изъясняя причины ихъ, ищу только исходатайствовать снисхожденіе ваше.

¹⁾ См. «Р. С.» декабрь, 1898 г.

Записка сія есть ни что иное, какъ введеніе къ тому, что, по представленіи окончанія ея съ слѣдующею почтою, во второй запискѣ долженъ буду я говорить о Россіи. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій и преданнѣйшій подданный Михайлъ Магницкій.

Обличеніе всемірнаго заговора противъ алтарей и троновъ публичными событіями и юридическими актами.

Незадолго предъ тѣмъ, какъ 22-го іюня 1784 года открыто въ Мюнхенѣ общество иллюминатовъ, учрежденное Вейсгауптомъ, издано сочиненіе профессора Бабо подъ названіемъ: «Ueber Freymauer erste Wapning». Оно первое обнаружило предметъ адептовъ сего, поистинѣ, адскаго союза. Вслѣдъ за симъ графъ Тѣрингъ напалъ на него еще съ большею силою. Иллюминаты защищались дѣятельно и апологіями, и обычными своими коварствами.

Въ началѣ 1785 года Вейсгауптъ лишенъ мѣста профессора правъ въ Ингольштадскомъ университетѣ, какъ ослушникъ повелѣнія о закрытіи запрещенныхъ обществъ. Но тайна его собственнаго все еще оставалась необнаруженною. 30-го марта 1785 года объявлено, отъ имени курфюрста, священнику Козанде и аббату Ренеру (оставившимъ общество иллюминатовъ, по отвращенію къ ужаснымъ его началамъ, еще въ 1783 году) предстать предъ судъ для объявленія, подъ присягою, всего, что видѣли они въ оставленномъ ими обществѣ противнаго правамъ и религіи (ибо и правительство не знало еще тогда, что общество сіе имѣетъ цѣль политическую, или, по крайней мѣрѣ, думало еще, что возмутители противъ державства небеснаго могутъ оставить неприкосновеннымъ земное). Козанде и Ренеръ дали самыя основательныя и подробныя показанія.

Не взирая, однако-же, ни на формальность юридическаго вопроса, ниже на вѣрность открытій, въ показаніяхъ сихъ заключавшихся, иллюминаты успѣли-было заглушить сіе дѣло разгласкою, что общество ихъ разрушено, а открытый заговоръ не удался и оставленъ. Но тогда самъ Царь небесный, самымъ чуднымъ и видимымъ образомъ, вступилъ въ сіе дѣло для спасенія своихъ помазанниковъ: исключенный изъ Ингольштадскаго университета, Вейсгауптъ удалился въ Регенсбургъ и, вмѣсто оставленія своего заговора, занялся имъ съ новою дѣятельностью. Свободный отъ занятій публичныхъ и раздраженный мѣстной помѣхой его кознямъ, онъ занялся единственно предметомъ своего общества и стараніемъ распространить его дѣйствіе, рассылаемыми въ разныя мѣста адептами, для разрушенія не только алтарей и троновъ,

но и всѣхъ правительствъ, какого бы рода они ни были, и даже самыхъ основаній всякаго гражданства и образованности (что совершенно обличено подлинными актами его заговора, кои будутъ указаны мною въ своемъ мѣстѣ). Въ числѣ дѣятельнѣйшихъ его адептовъ былъ богоотступный священникъ Ланцъ. Онъ собирався везти заговоръ Вейсгаупта, со всѣми обрядами его таинства, въ Шлезію; но въ то время, какъ, выйдя съ нимъ за городъ, Вейсгауптъ давалъ ему послѣднія наставленія, изустно, вдругъ сдѣлалась гроза, громъ ударилъ въ Ланца и убилъ его подлѣ Вейсгаупта. (Сами иллюминаты признались въ истинѣ сего происшествія въ аполлогіи своей на стр. 62). Ужаснувшійся Вейсгауптъ бѣжалъ; полиція, подымавшая трупъ убитаго, нашла на немъ всѣ самыя тайныя бумаги иллюминатовъ и представила ихъ въ Мюнхенъ. Тогда началось слѣдствіе и допросы всѣмъ оставшимся въ Ингольстадѣ приверженцамъ сего заговорщика. Фишеръ, бывшій главнымъ судьей и бургомистромъ сего города, и библиотекарь Дрекиль посланы въ ссылку. Баронъ Фрауенбергъ и пятнадцать учениковъ иллюминатскихъ выгнаны изъ университета. Перехвачено и представлено курфирсту письмо Вейсгаупта къ Фишеру, въ которомъ сей нераскаянный злодѣй, ободряя своихъ сотоварищей, замышлялъ новыя козни, и тогда только наряжена секретная коммисія для подробнѣйшаго обслѣдованія сего дѣла. Показанія заключающіяся въ актѣ, всѣмъ допрашиваемымъ прочтенномъ и ими подписаннымъ, 10-го сентября 1785 года, обнаружили главнѣйшія слѣдующія правила ордена:

1) Иллюминатъ, желающій достигнуть высшихъ степеней, долженъ быть совершенно свободенъ отъ всякой религіи.

2) Готовность на самоубійство есть необходимая добродѣтель для иллюмината.

3) Цѣль оправдываетъ средство, ибо благо ордена извиняетъ клеветы, убійства, клятвопреступленіе, измѣну, возмущенія и, словомъ, все то, что предразсудки именовали преступленіемъ.

4) Начальникамъ ордена должно повиноваться болѣе, нежели всѣмъ другимъ властямъ. Для исполненія ихъ повелѣній обязанъ иллюминатъ жертвовать честью, имѣніемъ и жизнью. Правители земные суть похитители власти и никакой не имѣютъ надъ иллюминатами, какъ людьми совершенно свободными.

5) Иллюминаты должны стараться завладѣть всѣми правительственными мѣстами, помѣщая на нихъ своихъ адептовъ.

6) Цѣль ордена есть освобожденіе народовъ отъ государей, дворянства и духовенства.

Примѣтить надобно, что сін показанія не заключаютъ еще всей

тайны высшихъ степеней и только двумъ изъ самыхъ низшихъ открывались; между тѣмъ, какъ ихъ девять и всѣ извѣстны, равно, какъ и полный кодексъ ордена и руководство для преемника Вейсгаупта. (Подлинныя акты, кои укажутся ниже).

7) Любовь къ отечеству несовмѣстна съ предметами необъятной обширности, составляющими цѣль ордена; должно пылать усердіемъ къ сей цѣли.

Но цѣль сія предоставлена къ свѣдѣнію однѣхъ самыхъ высшихъ степеней.

Въ числѣ вопросовъ новопріемлемымъ были слѣдующіе:

Есть ли способъ и какой именно ввести единообразное правленіе и одинакіе нравы во всей Европѣ? Нужна ли для сего христіанская религія? Нужны ли бунты? Кого бы изъ орденскихъ братьевъ выбрали вы для исполненія важнаго предпріятія? Согласны ли вы предоставить ордену право жизни и смерти, право меча, *jus gladii*?

Узнавъ сіи начатки иллюминатства, въ первыхъ его степеняхъ, тайный совѣтникъ Утшнейдеръ, священникъ Диллисъ, профессоръ Грюнбергеръ, священники: Козанде, Ренеръ и Цапферъ его оставили и дали вышеприведенныя показанія, во всей строгости слѣдственнаго порядка отобранныя баварскимъ правительствомъ, утвердивъ ихъ своимъ единогласіемъ и присягою.

«Мы слышали—продолжали они—отъ бывшихъ собратій нашихъ, что общество ихъ распространено уже во всемъ мірѣ подъ именемъ масонства; что оно посѣваетъ уже вездѣ раздоры между отцами и дѣтьми, между царями и подданными и даже между самыми искренними друзьями. Мы удостовѣрились на опытѣ, что оно отравило уже все баварское юношество нечестіемъ, развратомъ нравовъ и духомъ неповиновенія властямъ и родителямъ.

«Мы не устрашили угрозы иллюминатовъ, состоявшей въ томъ, что никакая власть на землѣ не можетъ спасти измѣнившаго ихъ тайнѣ отъ ужаснѣйшей мести, но на самомъ дѣлѣ вскорѣ испытали ихъ преслѣдованіе немедленно по оставленіи нами ордена, ибо они повсюду насъ клеветали самымъ наглымъ образомъ, разстроили всѣ дѣла наши, сдѣлали ненавистными и подозрительными нашимъ начальникамъ и даже пытались взвести на насъ подозрѣніе въ смертоубійствѣ».

Не взирая на важность сихъ показаній, правительство слабо дѣйствовало противъ иллюминатовъ, ограничивъ отставками и изгнаніемъ за границу подозрительнѣйшихъ изъ нихъ и даже не лишивъ нѣкоторыхъ получаемыхъ ими пенсіоновъ.

Иллюминаты же, съ своей стороны, злоупотребляя сію самую снисходительность, наполняли всю Германію своими жалобами и воцланиями

на деспотизмъ, притѣсненіе и неправосудіе правительства и успѣян было не только обратить слѣдствіе уголовное въ литературную распрю, но наглостію своихъ апологій едва не заставили всю Германію усомниться въ благоразуміи и справедливости баварскаго курфюрета. Тогда настало время прибѣгнуть къ мѣрамъ рѣшительнымъ, и, наконецъ, 11-го октября 1786 года, схвачены баварскою полиціей бумаги двухъ главныхъ агентовъ Вейсгаупта: Цвака и барона Басуса, изъ которыхъ первый жилъ безопасно въ имѣніи своемъ Ландсгутъ, а послѣдній въ замкѣ Зандердорфъ. Плодомъ сей мѣры было пріобрѣтеніе переписки, рѣчей, проектовъ, статутровъ, кои, по справедливости, могутъ почестся полнымъ архивомъ всего иллюминатскаго заговора, который баварское правительство напечатало подъ названіемъ: «Подлинныхъ актовъ ордена и секты иллюминатовъ».

Какъ въ обличеніи семъ заговоръ Вейсгаупта представляется столь чудовищнымъ, что едва можно повѣрить, чтобы злодѣйство человѣческое могло достигнуть до столь сатанинской степени, то въ заглавіи двухъ томовъ сего изданія помѣщено оффиціальное приглашеніе всѣхъ тѣхъ, кои бы въ достовѣрности сихъ обнародованныхъ уликъ усомнились, рассмотреть подлинныя акты въ государственномъ архивѣ курфюрета, отъ коего приказано было никому изъ желающихъ не возбранять сей повѣрки.

Сами заговорщики до такой степени лишены были симъ средствомъ всякаго способа къ возраженію, что ограничились одною жалобою на нарушеніе домашнихъ тайнъ, а между тѣмъ имѣли еще наглость оправдываться, представляя акты свои болѣе предположеніями къ счастью человѣчества, нежели уликами заговора дѣйствительнаго противъ религіи и общества. Ни одинъ, однакоже, изъ нихъ не осмѣлился сказать, чтобы напечатанные акты были ложны или поддѣланы, и даже, напротивъ, тѣ изъ нихъ, которые старались оправдаться, Цвакъ, Басусъ и Книге, сами утвердили ихъ подлинность.

Баварское правительство не ограничилось обнародованіемъ сихъ адскихъ актовъ, но, открывъ заговоръ всемірный, противъ всѣхъ алтарей, всѣхъ троновъ, всѣхъ государствъ, оно послало ко всѣмъ европейскимъ дворамъ по экземпляру напечатаннаго имъ обличенія.

Какимъ образомъ въ прочихъ европейскихъ государствахъ, на всѣхъ языкахъ, для всѣхъ начальствъ, для всѣхъ воспитателей и отцовъ семействъ, не изданы, съ тѣхъ поръ, акты сіи? Какимъ образомъ не напечатаны они для внушенія всѣмъ подрастающимъ поколѣніямъ народовъ, что они должны остерегаться обмана сихъ богоотступныхъ заговорщиковъ, противодействовать имъ и обнаруживать ихъ, гдѣ только ихъ встрѣтятъ на попріищѣ гражданскаго бытія своего? Сколько разгово-

ровъ предупредить, сколько обмановъ разсѣять, сколько по невѣдѣнію погибшихъ спасти могло бы подобное оглашеніе тѣхъ тайнъ, къ коимъ, по большей части, особливо, въ молодости, влечетъ одно любопытство? Для тайнаго общества ничто не можетъ быть гибельнѣе какъ обнародованіе тайнъ его съ нужными осторожностями и указаніями.

Но вмѣсто того правительства, инья по равнодушію къ заговору, какъ имъ казалось, мѣстному, другія по ослѣпленію самими иллюминатами, ими уже овладѣвшими, оставили дѣло сіе безъ вниманія; иллюминаты же, зная опасность всякаго оглашенія ихъ тайнъ, выкупили и истребили, сколько было можно, книгу сію. И такимъ образомъ, опять, дѣло о нихъ затихло и въ самой Германіи, гдѣ Фридрихъ II скончался за два мѣсяца до изданія сего ихъ обличенія, котораго, какъ увѣряютъ сами иллюминаты (№ 12. «Weltkunde gazette de Tubingue»), онъ былъ первымъ возбудителемъ при дворѣ баварскомъ.

Императоръ Іосифъ II не былъ еще тогда вразумленъ въ опасность тайныхъ обществъ, его окружавшихъ, ибо тоже предъ кончиною только своей началъ было противъ нихъ дѣйствовать.

Прочими германскими правительствами владѣли уже тогда разсѣявшіеся по всей Германіи иллюминаты. Одинъ князь-епископъ Регенсбургскій дѣйствовалъ согласно съ баварскимъ курфюрстомъ.

Въ подлинныхъ актахъ иллюминатскаго заговора найдены, между прочимъ: на лоскуткахъ бумаги, въ цифрахъ, которыхъ открытъ ключъ, написанные рецепты aqua Toffana, ужаснѣйшаго изъ ядовъ, равно какъ и тѣхъ, коими можно вытравлять младенцевъ изъ утробы матерей и отравить воздухъ въ комнатахъ; собраніе 30-ти печатей разныхъ государей, министровъ и банкировъ, равно какъ и тайный составъ для поддѣланія всѣхъ тѣхъ печатей, въ коихъ, по обстоятельствамъ, можетъ орденъ имѣть нужду; описаніе замка, однимъ адептамъ извѣстнаго, и такого ящика для храненія ихъ актовъ, который долженъ вспыхнуть и разорваться, какъ скоро рука профана до него дотронется. Тутъ же находилось тайное примѣчаніе, чтобы всѣ иллюминаты учились писать обѣими руками и собственноручная рукопись Вейсгаупта, самая драгоценная для ордена, подъ названіемъ: «Besser als Hokus». Она содержала всѣ возможныя богохульства атеизма (подлинныя акты, томъ I-й, отд. 18, 19 и 21).

Вейсгауптъ, котораго головѣ назначена была въ то время въ Баваріи цѣна, бѣжалъ въ Готу, гдѣ онъ нашелъ пріютъ и покровительство, ибо царствовавшій тамъ князь былъ его адептомъ, назначилъ ему пенсію и когда, впоследствии, удостовѣрился, что иллюминаты не иначе допускаютъ государей въ свое общество, какъ открывая имъ тайны подложныя, то и тогда пенсіона сего, даже до 1800 года,

не отмѣнили. (Вейсгауптъ умеръ только въ концѣ прошлаго года въ самой глубокой старости).

Карлъ-Августъ, герцогъ веймарскій, былъ также его адептомъ и равнымъ образомъ открылъ обманъ и только оставилъ орденъ.

Герой мюнхенскій, принцъ Фердинандъ брауншвейскій, принадлежавшій къ обществу Шведенборга и мартинистовъ, занималъ въ орденѣ иллюминатовъ мѣсто ихъ первосвященника и умеръ въ семьъ званіи.

Князь Нейвидскій былъ усердѣйшимъ адептомъ Вейсгаупта, коего послѣдователи наполняли дворъ сего несчастнаго государя, когда еще не зналъ онъ, что сей адскій союзъ изгонитъ сына его изъ его владѣній и заставитъ прибѣгнуть къ имперскому сейму съ просьбою объ освобожденіи княжества его отъ сихъ злодѣевъ, покровительствованныхъ его отцомъ и дядею, и объ исторженіи изъ рукъ ихъ дѣтей его, которыхъ воспитаніемъ они насильственно завладѣли. Дѣло сіе публично производилось на имперскомъ сеймѣ въ 1794 году, что доказываетъ, что иллюминаты и тогда еще были довольно сильны.

Принцъ сей, изгнанный ими изъ владѣній отца, лишенный жены и дѣтей, процессъ свой выигралъ, но примѣчательно то, что сіе обстоятельство опять не открыло глазъ прочимъ правительствамъ, коимъ не могло быть неизвѣстно, чрезъ министровъ ихъ, жившихъ тогда въ Регенсбургѣ.

Здѣсь замѣтить также надобно, что въ жалобѣ принца Нейвидскаго германскому сейму, въ числѣ выгнавшихъ его иллюминатовъ упоминается веймарскій майоръ Шварцъ, который вскорѣ послѣ того былъ въ Россіи и находился при фельдмаршалѣ князѣ Репнинѣ, извѣстномъ покровителѣ бывшихъ у насъ иллюминатовъ, подъ названіемъ мартинистовъ, ибо открытое тогда правительствомъ общество Новикова въ Москвѣ, къ которому принадлежалъ и князь Репнинъ, почитало сего Шварца своимъ патріархомъ.

Сие водвореніе германскихъ иллюминатовъ у насъ и соединеніе, въ московскомъ обществѣ Новикова, съ шведенборгистами, коихъ таинства привезъ въ Петербургъ изъ Швеціи Елагинъ, находившійся въ 1764 году при императрицѣ Екатеринѣ, показываетъ, что съ давнихъ временъ противупобщественный заговоръ иллюминатовъ бросилъ и въ Россіи свой корень, который едва-ли совершенно истребленъ разрушеніемъ московской ложи, ибо, не позже какъ 15 лѣтъ тому назадъ, магистры ложъ петербургскихъ ѣздили посвящаться въ Вологодскую губернію, гдѣ жилъ тогда Поздѣвъ, главный адептъ Новикова, укрывшійся отъ бывшаго преслѣдованія. Живя тогда въ Вологдѣ, я зналъ сіе достоверно.

Въ то время, какъ обличено было общество иллюминатовъ въ адскомъ его замыслѣ, простиралось оно, какъ изъ подлинныхъ актовъ его видно,

по всей Германіи и отъ Голштейна до Венеціи, отъ Лифляндіи до Страсбурга и нигдѣ ни преслѣдуемо, ни тревожимо не было.

Бѣгство Вейсгаупта изъ Мюнхена, какъ Магометово, составило эгиру его общества, которое повсемѣстно скрыло свои дѣйствія, и адепты его начали увѣрять, что оно истреблено и болѣе не существуетъ. Но когда жизнь Цимермана, сочиненія Робизона и Барюеля обличили снова существованіе его, подъ видомъ масонства, то иллюминаты усиливались увѣрять («Нѣмецкій Меркурій», статья Бѣттигера № 11, стр. 267 и «Monthly Magazine» № 27, генваря 1798 года), что люди, преслѣдующіе иллюминатство, суть мечтатели, сражающіеся съ тѣнью, «ибо оно давно уже брошено и забыто, и что съ 1790 года и не думаютъ о немъ въ масонскихъ ложахъ Германіи». Но на сіе сильно возразили противники иллюминатства (Eudemonia (т. е. добрый духъ), томъ VI, № 2), ссылаясь на обличенія Цимермана, Гофмана и Штарка и доказывая, какъ то дѣйствительно и было, что въ то время иллюминатство, прикрытое формами масонства, наисильнѣе дѣйствовало.

Ово получило тогда новыхъ начальниковъ и приняло новый видъ, подъ именемъ: «Союза германскаго». Книге, Николаи и Боде, распространивъ мысль, что масонствомъ овладѣли іезуиты и, подъ именемъ начальниковъ невидимыхъ, ведутъ его къ своей цѣли, заставили всѣхъ масоновъ, бросивъ прежнія ложи, войти въ масонство иллюминатское.

Современно съ нечестивымъ парижскимъ скопищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Club d'Hoibach, составилось въ сѣверной Германіи общество для очищенія протестантизма, и оба сіи вертепа, служа низшею степенью иллюминатства, распространяли деизмъ, подъ именемъ религіи естественной. Вотъ почему наука права естественнаго такъ дорога иллюминатамъ, такъ искусно и тщательно введена въ курсы университетовъ и даже въ государственное постановленіе объ экзаменахъ, и вотъ почему преслѣдуетъ орденъ съ такимъ ожесточеніемъ всѣхъ противниковъ своихъ, осмѣлившихся обличить ее въ началахъ возмутительныхъ.

Первый изъ нѣмецкихъ авторовъ, заговорщикъ подъ личиною богослова, былъ Землеръ, профессоръ богословія въ Гальскомъ университетѣ. За нимъ слѣдовалъ Телеръ, профессоръ въ Гельмспедтѣ, и многіе другіе, доколѣ берлинскій книгопродавецъ Николаи сдѣлался начальникомъ сего союза. Онъ былъ одинъ изъ древнихъ адептовъ Вейсгаупта. Продавецъ всякаго рода нечестія, занялся онъ изданіемъ «Всемирной германской библіотеки». Сотрудникомъ его въ семъ дѣлѣ былъ славный жидъ Мендельсонъ, Бистеръ, королевскій библіотекаръ, и Гедике, совѣтникъ берлинской консисторіи. Цѣлью изданія сего было истребленіе лютерантизма и кальвинизма, и лучшимъ для сего способомъ

признано завладѣть всѣми отраслями литературы и всѣхъ ихъ отравить ядомъ иллюминатства. Главными адептами сего заговора были извѣстнѣйшіе авторы, почтмейстеры, издатели газетъ, журналисты и книгопродавцы, а подъ видомъ литературныхъ обществъ и кабинетовъ чтенія установлены собранія членовъ.

Въ Веймарѣ иллюминатъ Бодѣ началъ издавать «Всемирную литературную газету», а въ Зальцбургѣ адептъ Гюбнеръ.

Примѣчаніе: нынѣ газета *Ausland* издается снмъ же обществомъ (т. е. иллюминатовъ) и составляетъ полный курсъ практическаго иллюминатства для публики.

Цѣли всѣхъ изданій тогдашнихъ иллюминатовъ состояли въ томъ, чтобы опровергать и осмѣивать всѣ сочиненія, клонящіяся къ защитѣ христіанскихъ догматовъ или распространяющія мысли о повиновеніи государямъ и ихъ законамъ. Уловка иллюминатовъ, и до нынѣ ихъ сообщниками постоянно употребляемая, ибо всегда имѣла успѣхъ состояла въ томъ, чтобы всѣхъ друзей алтарей и троновъ выдавать за іезуитовъ, а образъ мыслей ихъ называть фанатизмомъ.— Пасторы лютеранскіе и самые кальвинисты не избѣгали сего названія, какъ скоро упоминали о необходимости положительныхъ догматовъ своей церкви. Извѣстный проповѣдникъ Штаркъ, совѣтникъ протестантской консисторіи въ Дармштадтѣ, подвергся сей участи, равно какъ и славный Цимерманъ, который провозглашенъ журналистами секты не въ ж дою, пресмыкающимся въ суевѣріи, и врагомъ просвѣщенія!

Адепты Вейсгаупта вездѣ и всегда олдвоали его наставленію: «клеветите въ общемъ мнѣніи всѣхъ, извѣстныхъ какими-либо достоинствами людей, которыхъ не можете пріобрѣсти нашему обществу».

Такимъ образомъ заговорщики берлинскіе, іенскіе, веймарскіе, готскіе, эрфуртскіе, брауншвейгскіе и шлезвигскіе овладѣли всѣми трубами германской литературы—одинъ или два журнала остались внѣ дѣлъ вліянія.

Но сіе ободрило наглость заговорщиковъ, которая и возбудила вниманіе прусскаго правительства. Король Фридрихъ-Вильгельмъ издалъ по сему случаю извѣстное постановленіе о религіи (*Edit de Religion*), но въ то же время появилось сочиненіе Бардта, въ которомъ и законъ сей и законодатель подверглись самымъ дерзкимъ насмѣлкамъ и сильнымъ возраженіямъ. Тогда прусское правительство велѣло взять и Бардта и бумаги его. Заговоръ германскаго союза опять открытъ и опять остался недослѣдованнымъ, ибо Бардтъ, выдержанный нѣскольکو времени въ тюрьмѣ, освобожденъ, а общество продолжало распространяться и дѣйствовать въ своемъ смыслѣ и успѣло завладѣть германскими университетами, въ коихъ первыми укоренителями иллюминат-

ства были профессора Фридерикъ Краммеръ, Эллерсъ и Коппе (avertissemens de Hoffman. Séction 16, 17 et 18).

Кавалеръ Борнъ, славный своего времени химикъ, былъ полномочнымъ отъ Вейсгаупта учредителемъ иллюминатства въ Вѣнѣ.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ учрежденія сего ордена обнялъ уже онъ всю Германію, Голландію, Венгрію и Италію. Одинъ изъ адептовъ его признается, что онъ одинъ учредилъ болѣе ста клубовъ своихъ заговорщиковъ, подъ видомъ ученыхъ обществъ и масонскихъ ложъ, въ Италиі, Швейцаріи и Венгріи.

Въ 1782 году Вейсгауптъ предположилъ распространить заговоръ свой во Франціи, но со всѣми осторожностями, коихъ требовало, по его мнѣнію, легкомысліе сего народа, столь удобно восплаяемаго, ибо изъ подлинныхъ его актовъ видно, что общество его, стремясь произвести всемірный мятежъ однимъ разомъ, опасалось преждевременныхъ мятежей, кои могутъ возбудить вниманіе и бдительность правительствъ, которыя должно держать въ усыпленіи. Вейсгауптъ имѣлъ уже нѣсколько адептовъ во Франціи: извѣстнаго Дидриха (Эльзаскаго Робеспьера) и Мирабо, который во время путешествія своего въ Берлинъ введенъ въ высшія таинства иллюминатовъ (avis important de Hoffmann, t. 2. section 7.)—Возвратясь во Францію Мирабо учредилъ тамъ иллюминатство, подъ именемъ Филалетовъ. Первымъ членомъ его былъ несчастно-славный аббать де-Перигоръ (Талейранъ); но какъ Мирабо не довольно еще былъ опытенъ въ иллюминатствѣ, то прибылъ въ Парижъ самъ начальникъ онаго, Боде. Онъ нашелъ Францію готовою уже къ принятію его таинствъ, ибо равенство и свобода, проповѣданныя школами Вольтера и Руссо, служили начальными степенями приуготовленія къ атеизму и анархіи. Французское иллюминатство приняло слѣдующій видъ: масонство, со всѣми его представленіями, осталось низшею степенію, вмѣстившею всю чернь заговора; за нимъ слѣдовали степени философическія (grades philosophiques), подъ коими разумѣлись: Рыцари солнца, Розенкрейцеры и Рыцари Кадошъ. Учрежденъ иллюминатскій сенатъ, подъ предсѣдательствомъ перваго принца крови, герцога Орлеанскаго. Въ 1787 году 182 города во Франціи имѣли уже свои ложи. Изъ той же книги (Tableau alphabétique de la correspondance des loges du grand orient de France), изъ которой взяты сіи свѣдѣнія, видно, что французскому великому магистру подчинены тогда были ложи савойскія, швейцарскія, брабантскія, кельнскія, лютихская; въ Германіи—Спа и леопольдская, варшавская, петербургская, московская, портсмутская, виргинская, гренадская и всѣхъ французскихъ колоній.

Такъ распространилъ Филиппъ Орлеанскій предѣлы иллюминатства.

Въ Эрменонвилѣ извѣстный S-t Germain основалъ общество тео-

софвъ, которое было ни что иное, какъ то же иллюминатство, съ величайшимъ развратомъ соединенное, ибо въ него принимались и женщины.

Во всѣхъ обществахъ французскаго иллюминатства, по подражанію Вейсгаупту, были черныи и красныи или кровавыи списки. Въ первый вносились имена членовъ подозрѣваемыхъ, а во второй тѣхъ, кои осуждались на смерть за предательство или оставленіе ордена. Калиостро, мартинисты, шведенборгисты и всѣхъ наименованій масоны соединились предъ открытіемъ французской революціи съ иллюминатами. Лафаетъ, ученикъ Сіеса, былъ уже тогда членомъ французскаго иллюминатства.

Съ сего времени, т. е. съ 1787 года, всѣ сіи соединенныя скопища заговора приняли тотъ политическій видъ, подъ которымъ вскорѣ должны были опрокинуть алтари и тронъ Франціи. Въ ложахъ начали говорить, что показывается заря того прекраснаго дня, въ который тайна масонства, дотогѣ недоступная, сдѣлается собственностью каждаго свободнаго чело-вѣка.

Въ высшихъ степеняхъ стали требовать ненависти ко всѣмъ религіямъ и ко всѣмъ царямъ вообще, а въ нижнія масонства начали принимать всю чернь парижскихъ предмѣстій. Въ деревняхъ учредились ложи, въ которыхъ проповѣдовались крестьянамъ: права чело-вѣка, равенство и свобода. Герцогъ Орлеанскій сталъ принимать въ свою ложу солдатъ королевской гвардіи въ такомъ множествѣ, что офицеры принуждены были выйти. Учредились клубы, коихъ политическія заключенія поступали на разсмотрѣніе Великаго Востока и разсылались въ провинціи. Герцогъ Орлеанскій, Мирабо, Сіесъ, Савалетъ и Кондорсетъ управляли симъ заговоромъ.

Не позже какъ въ 1788 году въ предписаніяхъ великаго парижскаго Востока угрожаются уже магистры ложъ провинціальныхъ, ежели повелѣній его не исполнять, аква то фаноемъ и кинжаломъ.

Но въ день общаго мятежа, 14-го іюля 1789 года, при всеобщемъ воплѣ: равенство и свобода, заговорщики оставляютъ ложи, волнуются въ Парижѣ, съ топорами, ружьями и пиками, Бастилія разбита. Курьеры, отвезшіе сію новость въ провинціи, привозятъ оттуда извѣстія, что всѣ города и деревни возмутились при всеобщемъ восклицаніи: равенство, свобода! Всѣ масоны перешли изъ своихъ вертеповъ въ кварталы, въ ратуши, въ революціонныя комитеты и составили, такъ названное ими, народное собраніе. Выпущены убійцы и грабители, сожжены заставы, пылаютъ замки, висятъ трупы на фонаряхъ, носятся головы на пикахъ. Король осажденъ во дворцѣ, тѣлохранители его перерѣзаны, едва спаслась королева и наслѣдникъ Ген-

риха IV-го и Людовика XIV-го посреди столицы своей взять въ плѣтъ илюминатами.

Всѣ ложи парижскія, по голосу Мирабо, собраны въ храмъ того Бога, на котораго ополчились, и храмъ сей названъ клубомъ якобинцевъ. Съ тѣхъ поръ всѣ разныхъ наименованій заговорщики противу Бога и царей, масоны разныхъ степеней, Розенкрейцеры, Рыцари Солнца, ученики Вольтера и Руссо, Темплиеры, послѣдователи Шведенборга, Сень-Мартеня и Вейсгаупта соединились подъ именемъ якобинцевъ и единодушно и открыто приняли за всѣ ужасы революціи.

Великій Востокъ парижскій послалъ ко всѣмъ европейскимъ ложамъ манифестъ, подписанный герцогомъ Орлеанскимъ, въ которомъ масоны всѣхъ странъ приглашались къ соединенію для поддержанія революціи и распространенія ея повсемѣстно всѣми возможными средствами (*avis important d'Hoffman, ч. 1, sec. 19*).

При началѣ революціонной войны ложа Майнцкая сдала сію неприступную крѣпость адепту Кюстину. Нидерланды, такимъ же образомъ, преданы Дюмуре, который, при занятіи Голландіи, вмѣсто вооруженныхъ защитниковъ отечества, находилъ повсюду сотоварищей заговора. Нимегенъ, Утрехтъ, Вилемстадтъ, Бреда, Горкумъ, Бергопзомъ, Амстердамъ сданы предательски заговорщиками. Легкія завоеванія Бонапарта въ Италіи имѣли ту же причину, ибо успѣхи войскъ французскихъ вездѣ были уже приготовлены тайнымъ обществомъ.

Въ доказательство всемірности илюминатскаго заговора должно припомнить, что убійца короля шведскаго Густава III, Аккерстрёмъ, былъ членомъ парижскаго клуба, въ которомъ воздвигнуть ему, тогда же, памятникъ.

Нѣкто Женеть, бывший въ Петербургѣ агентомъ версальскаго двора, остался послѣ революціи въ Россіи полномочнымъ агентомъ якобинцевъ, въ сотовариществѣ съ Босси, секретаремъ сардинскаго посольства. Онъ выгнанъ за границу при восшествіи на престолъ императора Павла I. Лесепсъ, жившій у насъ болѣе 20-ти лѣтъ и бывший губернаторомъ Москвы въ нашествіе Наполеона, былъ также членомъ французскаго илюминатства.

Въ Польшу было послано множество миссіонеровъ якобинства. Кабонъ, революціонный казначей въ Парижѣ, заявилъ въ публичной рѣчи, что тогда было отправлено (денегъ) болѣе 60 милліоновъ въ Варшаву. Столь большая издержка въ такое время, когда Франція сама нуждалась въ деньгахъ, изъясняется тѣмъ, что возмущеніе Польши потому всегда казалось для якобинцевъ важнымъ, что помощію его удерживаются въ бездѣйствіи три сильнѣйшія государства, коихъ соединенія они наиболѣе

опасались. Точно то же, что и нынѣ, 30 лѣтъ позже, ими сдѣлано. Такова сила и неизмѣняемость въ правилахъ тайныхъ обществъ.

Тогда же, но уже поздно, увидѣвъ императоръ Іосифъ II, что не только онъ самъ окруженъ иллюминатами (въ числѣ которыхъ былъ и другъ его, князь Лихтенштейнъ), но что и всѣ его выборы людей, коихъ почиталъ онъ самими вѣрными, были до такой степени ими руководимы, что они успѣли составить свою имперію въ его имперію. Раздраженный симъ открытіемъ, онъ рѣшился разрушить сей ковъ философізма, которымъ былъ, дотогѣ, совершенно ослѣпленъ; но преждевременная смерть ему въ томъ воспрепятствовала.

Наслѣдникъ его, Леопольдъ, желая узнать всю обширность огласившагося въ имперію его заговора, обратился для сего къ извѣстному Гофману, который вмѣстѣ съ берискимъ Цимерманомъ составилъ для сего государя весьма важную записку о способѣ остановить успѣхи революціи. («Lettre de Hoffmann dans l'Eudemonia», ч. VI, № 2).

Въ 1792 году въ Вѣнѣ и Берлинѣ открыты готовые къ приведенію въ дѣйство заговоры. Участвовавшіе въ нихъ преданы казни.

Наполеонъ былъ великій врагъ и гонитель иллюминатовъ; но между тѣмъ какъ онъ вооружилъ ихъ противъ себя въ Германіи, называя идеологами и разстрѣлявъ книгопродавца Пальма, одного изъ главнѣйшихъ ихъ адептовъ, въ самой Франціи боялся и берегъ ихъ, подъ именемъ якобинцевъ.

Будучи въ Дрезденѣ и видя поголовное вооруженіе Германіи подъ именемъ ландстурма, онъ говорилъ (*Mémoires de Fin*), что страшится сей милиціи болѣе союзныхъ армій, ибо зналъ, что древній плюминатъ Штейнъ воздвигаетъ на него сіи полчища, и что такимъ образомъ къ ополченіямъ политическимъ присоединяется сей опасный для него и обширнѣйшій германскій заговоръ такъ названныхъ имъ идеологовъ; и, дѣйствительно, адептъ Штейнъ, двигая Тугендбундъ и буршеншафты университетовъ, весьма много содѣйствовалъ успѣхамъ союзниковъ, кои принуждены были не только войти съ нимъ въ переговоры, какъ съ лицомъ политическимъ, ибо онъ могъ воздвигнуть Германію за нихъ и противъ нихъ, но и обѣщали ему такіе уступки на счетъ государственныхъ постановленій, которыхъ потомъ выполнить или не могли, или почли опаснымъ, какъ то и было дѣйствительно. Тогда Тугендбундъ, или подъ симъ новымъ именемъ тѣ же иллюминаты, начали дѣйствовать противъ союзниковъ. Частныя въ разныхъ мѣстахъ посягательства и мѣстные бунты въ Италіи ознаменовали ихъ дѣятельность. Съ стороны правительствъ приняты мѣры строгости; учреждена въ Майнцѣ коммиссія для разысканія и истребленія тайныхъ обществъ, но, вѣроятно, составлена будучи частію изъ ихъ же адептовъ, она не имѣла ожидаемаго успѣха, а плюминаты, сдѣлавъ,

между тѣмъ, неудачныя попытки къ мятежамъ въ разныхъ мѣстахъ, сосредоточили всѣ свои дѣйствія въ Англии и во Франціи, гдѣ свободныя конституціи, прикрывая дѣятельность ихъ личною законныхъ преній и свободы книгопечатанія, давали къ сему удобнѣйшее средство. Они за нѣсколько лѣтъ до революціи французской прошлаго года начали опять тѣ же разглашенія, которыми начинали первую революцію, при Людовикѣ XV, что иезуиты овладѣли правительствомъ, что роялисты дѣлають поджигательство и, не взирая на нелѣпость сей древней своей тактики, успѣли изъ всѣхъ легковѣрныхъ составить общее мнѣніе въ своемъ смыслѣ, почти во всей Европѣ, тѣмъ удобнѣе, что слухи сіи утвердились на духѣ древнихъ духовныхъ распрей, а иллюминаты, пользуясь симъ, произвели замышленное ими возмущеніе въ Парижѣ.

Тѣ же самыя лица, кои были членами Вейсгауптовой логи, Лафайэтъ, Талейранъ, Лафитъ и выѣ, почти чрезъ полвѣка, управляютъ рулемъ европейскаго мятежа, но уже со всею осмотрительностію заматорѣлаго злодѣйства, ибо не дѣйствуютъ насильственно, а тайно и систематически. Между тѣмъ какъ Франція обезопасила себя союзомъ съ Англіею, который основанъ единственно на цѣли тайнаго общества, овладѣвшаго правительствами сихъ государствъ (ибо въ политическихъ отношеніяхъ между двумя подобными соперниками по природѣ, по географическому и торговому положенію, никакъ онъ невозможенъ), она возмутила Бельгію, многія страны Германіи и Польшу, сдѣлалась вышешою ложею мятежей европейскихъ, чего и ораторы ея, и именно Лафайэтъ, ни мало не скрываютъ.

Возникающая партія въ камерахъ шведскихъ противъ царствующей династіи и союза Швеціи съ Россіею есть явный признакъ дѣйствія иллюминатовъ и съ сей стороны, ибо они видятъ съ ненавистію Россію, сего противоборца, страшнаго силою физическою, духомъ его истинной и несокрушимой религіи, преданностію къ его самодержцамъ, искреннею, сердечною, святою, потому что она основана на вѣрѣ, на чувствѣ, на тысячелѣтнемъ преданіи любви народной.

2.

Ревель, 7-го февраля 1661 г.

Государь всемогуществѣйшій.

Имѣя честь поднести у сего окончаніе первой записки моея, почтаю непремѣннымъ долгомъ дополнить ее слѣдующимъ:

Какъ вторая записка, которая въ теченіе будущей недѣли вашему императорскому величеству представится, состоять будетъ изъ историческаго

изложенія вреда и водворенія иллюминатства, во всѣхъ многоразличныхъ его видахъ, въ Россіи, сколько то возможно на память, безъ историческихъ и дѣловыхъ пособій, то и представляется нужнымъ для того, чтобы вашему величеству удобнѣе было обозрѣть сей важный предметъ, во всей его обширности, со всѣми его вѣтвями и въ надлежащей связи, припомнить предварительно тѣ дѣла, кои для сего необходимы, ибо прискать ихъ, по давности, будетъ вѣроятно довольно трудно. Онѣ суть:

1-е. Подлинныя акты иллюминатовъ, напечатанныя баварскимъ правительствомъ, доставленные къ нашему двору въ 1786-мъ или 87-мъ году. Они должны находиться въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ; но ежели не были бы они отысканы, то могутъ быть найдены въ Берлинѣ, ибо Фридрихъ II былъ первымъ возбудителемъ сего дѣла. Въ случаѣ же медленности сихъ отдаленныхъ сношеній и желанія вашего императорскаго величества имѣть изъ нихъ выписку, я могу ее составить изъ частныхъ сочиненій, въ коихъ она была напечатана.

Хотя просмотрѣніе всѣхъ тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ запискахъ моихъ упоминается будетъ, необходимо для общаго свода происшествій, о коихъ идетъ рѣчь, но важнѣе всего прочесть подлинныя акты иллюминатовъ, ибо, 1-е, они сами указываютъ какъ противъ нихъ дѣйствовать надобно, и 2-е, они такъ вводятъ въ смыслъ обыкновеннаго ихъ языка предъ царями, который съ тѣхъ поръ и донныѣ нимало не измѣнился, что ваше величество, имѣя сей ключъ, тотчасъ его узнавать будете и въ рѣчахъ, и въ книгахъ, и въ самомъ направленіи дѣлъ, ежели бы въ высшемъ правительствѣ встрѣтилось лицо, къ обществу сему прямо или косвенно принадлежащее.

2-е. Дѣло объ уничтоженіи ложи Новикова или, такъ названныхъ, мартинистовъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II и, ежели есть какой-нибудь слѣдъ по бывшей тайной канцеляріи, дѣло объ освобожденіи Костюшки и Новикова изъ крѣпостей Петербургской и Шлиссельбургской при восшествіи на престолъ государя Павла I, равно какъ и то, которое относится къ изгнанію профессора Мельмана, тоже при императрицѣ Екатеринѣ II, изъ Московскаго университета. Оно должно находиться въ архивѣ тайной канцеляріи.

Всѣ бумаги Новикова, по приказанію императрицы, московскимъ генералъ-губернаторомъ княземъ Прозоровскимъ, чрезъ чиновника Олсуфьева (который уже умеръ) захваченныя въ подмосковной, гдѣ жилъ тогда Новиковъ, находились, въ царствованіе императора Павла I и даже довольно долго при покойномъ государѣ, въ запечатанномъ ящикѣ, подъ зеркальнымъ столомъ въ той комнатѣ, гдѣ въ Зимнемъ дворцѣ прежде собирался государственный совѣтъ, до перевода его въ такъ называемый Шепелевскій. Многіе изъ значущихъ людей сіе знаютъ; но,

дабы не возбудить вниманія на занятіе вашего величества симъ предметомъ, кажется можно достовѣрно освѣдомиться о семъ ящикѣ отъ камеръ-фурьера Бабкина, которому, сколько припомню, поручено было устройство комнаты, для перевода совѣта на новое мѣсто, въ 1810-мъ году.

3-е. Дѣло о высылкѣ, при императорѣ Павлѣ I-мъ, за границу нѣкоего Женета и другихъ якобинцевъ.

4-е. Переписку швейцарскаго Лагарпа, ежели сохранилась, съ государемъ Александромъ Павловичемъ при восшествіи его на престолъ, ибо я знаю, что сей швейцарскій иллюминатъ часто именовалъ въ письмахъ своихъ тѣхъ изъ единомышленниковъ его въ Россіи, коихъ онъ совѣтовалъ употреблять съ довѣренностью.

5-е. Дѣло, въ царствованіе его же производившееся, о нѣкоемъ Грабянкѣ, кажется, въ канцеляріи тайнаго совѣтника Новосильцова и о коемъ должны знать тит. сов. Дружининъ и Вронченко, и которое, впрочемъ, должно быть извѣстно и бывшему тогда военнымъ губернаторомъ графу П. А. Толстому, ибо сей Грабянка былъ взятъ подъ стражу въ Петербургъ и умеръ подъ арестомъ полиціи.

6-е. Изъ дѣлъ при закрытіи масонскихъ ложъ въ Петербургѣ нужны бумаги, ежели есть, двухъ опаснѣйшихъ: Элизена и Лабзина; а ежели бы можно, въ отношеніи къ послѣднему, то нужно бы отыскать запрещеніе «Сіонскаго Вѣстника», имъ издаваемого, и послѣднее объ немъ производившееся дѣло, при высылкѣ его въ Симбирскъ, гдѣ онъ и умеръ. Первое о немъ дѣло производилось, кажется, у тайн. сов. Новосильцова, а послѣднее не знаю гдѣ.

7-е. Въ бумагахъ бывшаго тогда ст.-секр. Новосильцова, у котораго былъ правителемъ канцеляріи Дружининъ и довѣреннымъ чиновникомъ Вронченко, весьма бы нужно видѣть: а) дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета и особенно бумаги Каразина, о коемъ говорено будетъ послѣ, и б) проектъ конституціи для Россіи, сочиненный кн. Чарторижскимъ, который долженъ теперь находиться въ дѣлахъ канцеляріи государственнаго секретаря вмѣстѣ съ тѣми весьма важными бумагами Сперанскаго, кои служили введеніемъ, для одного государя, къ проекту конституціи для Россіи, коего первая (исполнительная) часть, учрежденіемъ новаго государственнаго совѣта и министерствъ, приведена въ дѣйство. Вторая (судная) читана мною въ государственномъ совѣтѣ и одобрена, а третья (законодательная и касающаяся до освобожденія крестьянъ, *code agraire*), прочтенная уже государемъ, не внесена въ совѣтъ по причинѣ приближенія военныхъ обстоятельствъ 1812-го года.

Въ бумагахъ сихъ важны разные проекты конституціи для Россіи и особенно одинъ, написанный рукою князя Чарторижскаго, равно, какъ и то введеніе къ сей обширной и важной работѣ, которое писалъ

Сперанскій, возвратясь изъ Эрфурта, гдѣ онъ былъ съ государемъ и откуда, кажется, привезъ разныя ивземныя впечатлѣнія. Всѣ сіи бумаги, опечатанныя при высылкѣ Сперанскаго изъ Петербурга въ 1812-мъ году, подъ предлогомъ принадлежности ихъ къ предмету коммиссіи законовъ, какимъ то образомъ добыты Александромъ Тургеневымъ, который мнѣ самъ сіе сказывалъ, и поступили уже незнаю куда.

8-е. Дѣло объ открытіи тайнаго общества въ Виленскомъ университетѣ, къ которому вѣрно прикосновенъ бывшій тогда членъ сего университета профессоръ Лелевель, о коемъ также неизлишне прислать въ журналѣ, «Сѣверный Архивъ» называемомъ, статью, довольно обширную, по случаю критики, симъ Лелевелемъ изданной, на польскомъ языкѣ, на исторію Карамзина. Особеннаго же уваженія заслуживаетъ та часть сего дѣла, гдѣ идетъ рѣчь о посягательствѣ на жизнь государя цесаревича учениками, сколько помнится, Кейданскаго училища, ибо въ семъ дѣлѣ сливается, такъ сказать, мятежъ Царства Польскаго съ расположеніями умовъ и замыслами иллюминатовъ въ Литвѣ.

Дѣло сіе, по донесенію государя цесаревича, производилось и кончилось въ собственной канцеляріи его величества, у графа Аракчеева

Разсмотрѣніе сего дѣла кажется мнѣ особенно важнымъ по настоящимъ обстоятельствамъ Польши, независимо отъ связи его съ моими записками.

Обнимая порученное мнѣ дѣло, по избытку усердія къ исполненію воли вашего величества, можетъ быть, на слишкомъ обширномъ размѣрѣ, я стараюсь только не умолчать чего-либо нужнаго, ибо все лишнее или бесполезное легко можетъ быть отброшено, но у меня на совѣсти не останется, по крайней мѣрѣ, упрека, чтобы я скрылъ что-либо иначе, какъ по забвенію или маловажности самого обстоятельства.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь, всемилостивѣйшій государь вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій и преданнѣйшій подданный Михаилъ Магницкій.

Окончаніе первой записки.

Общество иллюминатовъ, дѣйствительно, болѣе или менѣе, обнимаетъ уже всю Европу. Оно состоитъ теперь изъ начальниковъ невидимыхъ, подъ коими стоятъ немногіе главнѣйшіе адепты, а подъ сими послѣдними всѣ прочія степени—отъ меньшаго иллюмината до гіерофанта. Здѣсь примыкаютъ къ нему всѣ тайныя общества, подъ разными ихъ именами и видами, имѣя начальниками иллюминатовъ. Это составляетъ часть заговорщиковъ, такъ сказать, управляющую, а управляемая, или народъ иллюминатскій, состоитъ: 1) изъ всѣхъ людей нечестивыхъ и развратныхъ, которые, не видя дѣла бытію своему, для разсвѣнія какихъ-то мрачныхъ чувствъ, желаютъ переменъ

и потрясеній; 2) изъ всѣхъ людей, сбитыхъ полупросвѣщеніемъ съ пути религіи и желающихъ свободно предаваться страстямъ своимъ, 3) изъ всѣхъ расколовъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, ибо и они ни что иное, какъ возмутители противъ положительныхъ своихъ церквей; 4) изъ всѣхъ обманываемыхъ, подъ видомъ разныхъ мистическихъ ученій, ибо и они не терпятъ власти духовной, а слѣдовательно и гражданскую сносятъ только изъ страха или выгоды и мечтаютъ о переворотахъ въ общественномъ порядкѣ, подъ другими только формами, содѣйствуя, такимъ образомъ, не за вѣдомо, но тѣмъ же иллюминатамъ, ибо колеблютъ порядокъ существующій потрясеніемъ тѣхъ нравственныхъ, положительныхъ законовъ, безъ коихъ ни одно общество христіанское твердо стоять не можетъ.

Вотъ почему самые честные и добродушные люди могутъ быть слѣпыми и несчастнымъ орудіемъ иллюминатовъ.

Вотъ почему при обслѣдованіи злодѣйскихъ происшествій, ими возбуждаемыхъ, взрыва въ улицѣ Никезъ для убіенія Наполеона, посягательства на жизнь его во французскомъ театрѣ, заговора противъ него Жоржа Кадудала, предпріятія на Шёнбрунскомъ парадѣ, убійства Коцебу и герцога Беррійскаго, происшествія 14-го декабря 1825 г., заговора въ Варшавѣ слѣдованнаго — никогда юридическій порядокъ не могъ открыть нити происшествія, которая бы привела къ главнымъ его виновникамъ, и всегда дѣла сія оканчивались наказаніемъ нѣсколькихъ, пойманныхъ на самомъ преступленіи, низкихъ злодѣевъ.

Дѣла сего рода, по тайнымъ пронкамъ главныхъ иллюминатовъ, обыкновенно поддаются разбору сословій, въ кои успѣваютъ они помѣстить своихъ адептовъ, или поручаются людямъ, въ семь предметѣ не довольно свѣдущимъ; и вмѣсто самостоятельнаго старанія о томъ, чтобы дойти до источника происшествія и вырвать самый корень зла, благовидно запутываются такою сложностію допросовъ и формъ, что наконецъ главнымъ предметомъ дѣлается вопросъ: какъ выйти изъ сего лабиринта? Слѣдовательно, уснѣхъ иллюминатовъ обнадеженъ особенно тѣмъ, что заговорщики сіи дѣйствуютъ по твердому, вѣковому плану и совершенно систематически, а противъ нихъ поступаютъ урывками и безъ плана. Какъ иначе изъяснить, что и въ Вѣнѣ, и въ Италіи, и въ Берлинѣ, и въ Майнцѣ, и въ Россіи, болѣе уже полувѣка, самостоятельнѣйшее для всѣхъ религіи, для всѣхъ правительствъ, для всѣхъ народовъ дѣло, коего нить непрестанно попадаетъ въ руки повсемѣстно, остается неизслѣдованнымъ, оканчиваясь только мѣстною расправою или подписками объ оставленіи такого общества, въ которомъ не только нарушеніе данной подписки, но и клятвoprеступленіе и презрѣніе всѣхъ обязанностей общественныхъ и семейственныхъ и самой жизни есть основной догматъ.

Какъ изъяснить сіе иначе, какъ не тѣмъ, что обыкновенный юридическій порядокъ не достигаетъ въ глубину сего дѣла потому что оно въ его сферы или что и сія часть общественнаго управленія занята уже ежели не вездѣ еще иллюминатами, то, по крайней мѣрѣ, ихъ приверженцами и доброжелателями, подобно какъ политика Англии и Франціи, изъ которой уже выдѣлали они низшую степень или орудіе своего общества.

Прочитавъ акты тайнствъ и инструкцій ихъ весьма очевидно, какъ сіе дѣлается.

Иллюминатство, существуя такъ давно, имѣло все время усилиться, образовавъ, въ своемъ смыслѣ, то грозное общественное мнѣніе, которое направляется по его произволу. Литература, всѣ науки, всѣ искусства обращены уже къ его цѣли съ самымъ адскимъ ухищреніемъ, ибо отъ первоначальныхъ книгъ дѣтства до курсовъ высшихъ наукъ классическое иллюминатство такъ искусно привито, что, съ одной стороны, только самому опытному и изощренному наблюденію примѣтно, а съ другой—понятно (въ томъ, что для иллюминатовъ нужно) умамъ самымъ простымъ. Они составили цѣлое свое особенное нарѣчіе, которое, выражая съ совершенною точностію ихъ понятія, выставляетъ такую другую сторону, которая, какъ фальшивая монета, обманываетъ своею наружностью неопытность людей благонамѣренныхъ, а по сему единотласному признанію ея за настоящую лицами уважительными, тѣ, которые ясно видятъ подлогъ, не смѣютъ идти противъ общаго мнѣнія, чрезъ трубу которою иллюминаты провозгласили бы ихъ тотчасъ невѣждами, людьми безпокойными, фанатиками, инквизиторами и наконецъ іезуитами. Напримѣръ, аксіома общепринятая—должно соображать постановленія и законы съ духомъ времени, весьма кажется невинною, а между тѣмъ вмѣщаетъ она въ себѣ проходное слово иллюминатовъ, равно какъ и выраженія: должно распространять царство разума, покровительствовать свободу совѣсти, истреблять и осмѣивать фанатизмъ, имѣть либеральный образъ мыслей и пр.

Слова сіи, подъ наружностью выражений, всѣмъ извѣстныхъ, имѣя обоюдное значеніе, составляютъ родъ всемірнаго языка, который и употребляютъ иллюминаты для того, чтобъ безопасно говорить между собою съ одного края свѣта до другого, и дабы народы европейскіе, прислушавшись къ нему, неумышленно затверживали и повторяли ихъ догматы, составляя такимъ образомъ, механически, такъ сказать, общее мнѣніе въ ихъ смыслѣ.

Но и сямъ, столь сильнымъ и успѣшнымъ средствомъ они не ограничались; зная, что одни сословія хранятъ надежно и передаютъ изъ вѣка въ вѣкъ духъ и ученіе, изъ европейскихъ университетовъ составили они

себѣ настоящія твердыни. Университетъ Баварскій есть въ семъ родѣ самое ужасное и образцовое произведеніе, ибо, родившись тамъ и, какъ въ первой части сей записки доказано, никогда, кореннымъ образомъ, не истребленное иллюминатство, такъ глубоко пустило свои корни, что король, лѣтъ шесть или семь тому назадъ, собралъ въ сей университетъ все, что было славнѣйшаго изъ иллюминатовъ цѣлой Германіи. Между тѣмъ, какъ въ то же время, подъ предлогомъ совѣщанія о наблюденіяхъ надъ магнетическою силою и гальванизмомъ, ежегодно собираются изъ всей Европы, въ какомъ-либо мѣстѣ Германіи, всѣ натуралисты. Что сѣзды сіи суть не что иное, какъ конгрессы иллюминатовъ, на которыхъ неучаствующихъ въ семъ обществѣ забавляютъ разными естественными открытіями и наблюденіями, закрывая присутствіемъ ихъ совѣщанія другого рода, то сіе кажется утвердительнымъ изъ того: 1) что они учреждены внѣ сферы большихъ государствъ, и даже послѣдній былъ въ Гамбургѣ, гдѣ нѣтъ ни особенно извѣстныхъ ученыхъ, ни славной академіи, и, слѣдовательно, городъ сей былъ для того только для сѣзда сего выбранъ, что полиція гамбургскаго магистрата менѣе опасна для иллюминатовъ; 2) что о послѣдствіи сихъ сѣздовъ совершенно ничего не публикуютъ вопреки болтливой хвастливости ученыхъ.

Сверхъ того въ Германіи выходитъ газета («Ausland»), систематически иллюминатская, и издается очевидно большимъ и весьма умнымъ обществомъ, ибо появляется ежедневно, пишется прекраснымъ языкомъ и вмѣщаетъ отборнѣйшіе предметы изъ политики, исторіи и прочихъ наукъ, выработываемые весьма тщательно.

Таково положеніе иллюминатства германскаго и французскаго, сколько то можетъ быть видно наблюдателю не только частному, но и во всѣхъ отношеніяхъ стѣсненному самымъ малымъ горизонтомъ.

Но къ иллюминатству принадлежитъ еще и другая его отрасль, которую видѣть необходимо нужно для послѣдующаго, во второй запискѣ, раскрытія отношеній ея къ Россіи. Оно есть аглицкое, духовное иллюминатство, составившее обширнѣйшій заговоръ изъ разныхъ болѣе или менѣе нелѣпныхъ расколовъ аглицанской церкви и особенно методистовъ, кои, при началѣ своего установленія, сами себя называли иллюминатами. (Diction des Sectes par Gregoire).

Подробное раскрытіе сей пропаганды духовнаго иллюминатства здѣсь мною отлагается не по недостатку способствъ и самыхъ неоспоримыхъ доказательствъ, но для сбереженія времени, и потому только, что въ запискѣ о дѣйствіи всѣхъ сего рода обществъ на Россію говорено о ней будетъ.

Связь сего общества съ иллюминатствомъ доказывается двумя обстоятельствами: 1) соединеніемъ съ нимъ масоновъ высшихъ степеней и 2) единообразіемъ, подъ различными формами, обоюдной цѣли и жи-

даній ихъ. Иллюминаты—враги всѣхъ положительныхъ христіанскихъ исповѣданій и методисты тоже. Иллюминаты ожидаютъ всемірнаго преобразования, въ которомъ начнется блаженство человѣчества, и методисты тоже; по древнему расколу, называемому *les millenaires*, ожидаютъ они, что Спаситель скоро придетъ, всѣ церкви уничтожатся, останется одна истинная, изъ избранныхъ, т. е. изъ методистовъ, и тогда начнется тысящелѣтнее царство Божіе на землѣ.

Духовные сѣн иллюминаты, чрезвычайно усились въ Англіи, заморскихъ ея владѣніяхъ и въ Америкѣ, приготавливаютъ поле дѣйствию политическихъ иллюминатовъ, колебля церкви реформатскія и сглаживая я такъ ими называемыя, дѣленія (*ce sont des niveleurs*). Теперь, содѣйствуя мятежамъ Англіи, они повели въ парламентѣ открытое нападеніе на церковь англиканскую, точно такъ, какъ во Франціи нападаютъ иллюминаты на католическую, подъ именемъ іезуитовъ и конгрегаціи.

Впрочемъ, въ Лондонѣ и другого рода иллюминаты не теряли времени, ибо посреди сей столицы недавно учредился университетъ, въ которомъ статутами его исключено христіанское ученіе подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы оно не препятствовало людямъ всѣхъ исповѣданій, жидамъ, идолопоклонникамъ, обожателямъ огня и Далай-Ламы учиться наукамъ, независимо отъ ихъ вѣры.

Краткое и, по поспѣшности сей работы, слишкомъ поверхностное обзорѣніе положенія всемірнаго заговора довольно показываетъ, какъ опасность велика, стража прозорлива и защита должна быть правильно расположена для огражденія одной той имперіи, которой, по великой судьбѣ своей на землѣ, предопредѣлено, вѣроятно, быть несокрушимымъ оплотомъ, у подножія коего бурный потокъ сей долженъ исчезнуть.

Торопливое и недозрѣлое возмущеніе Польши при самомъ началѣ великаго мятежа, который долженъ, повидимому, снова объять Европу, есть явный признакъ, до какой степени всеразрушительный союзъ иллюминатовъ страшится того, который, возведенъ будучи за руку чудеснымъ Промысломъ Божіимъ на высочайшій престолъ въ мірѣ, обращаетъ на себя взоры и надежды всего человѣчества, истинный рыцарь Креста, свыше ополченный на пораженіе сей стоглавой гидры.

Н. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ исторіи Финляндской войны 1808 года.

Письмо императора Александра—Аракчееву.

5-го октября 1808 г. Лейпцигъ.

Всѣ заключенія и по онымъ предписанія послѣдовавшія нахожу совершенно основательными. Буксгевденъ продолжаетъ все глупости дѣлать. Поступокъ Тучкова противъ Долгорукова подлѣ до крайности и доказываетъ завистливую душу. Мнѣ, кажется, полезно было бы въ награду за одержанныя побѣды произвести Каменскаго въ генералы-отъ-инфантеріи, равномѣрно и Багратиона, который старѣе его и, кажется, исполнилъ хорошо ему порученное. Долгорукова произвести въ генералъ-лейтенанты. Такимъ образомъ мы бы подвинули людей, отличающихся отъ прочихъ, и которые принесутъ несомнѣнную пользу, бывъ начальниками. Тучкова я бы думалъ смѣнить, а весь его корпусъ препоручить Долгорукову, который лучше все исполнить. Если въ душѣ своей ты согласишь съ симъ мнѣніемъ, прикажи тотчасъ отдать въ приказъ; если же имѣешь какое возраженіе на оное, то погоди моего пріѣзда--я не замедлю долѣе 3-хъ дней или 4-хъ, послѣ сего курьера. Впрочемъ, я довольно не могу нахвалиться тобою и имѣю отличнаго въ тебѣ помощника.

Воцареніе императора Николая I-го.

(Изъ дневника Г. И. Вилламова).

Григорій Ивановичъ Вилламовъ (1775 — 1842 гг.), статсъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, большую часть своей службы провелъ при дворѣ императрицы Маріи Феодоровны, при особѣ которой онъ исполнялъ обязанности личнаго секретаря съ 1803 г. до самой ея кончины въ 1828 г. Чрезвычайное трудолюбіе Вилламова, его разностороннее образованіе и мягкій, уживчивый характеръ доставили ему особое довѣріе императрицы: она поручала ему всѣ болѣе важныя личныя свои дѣла и переписку, а также дѣла по благотворительнымъ своимъ учрежденіямъ. Благодаря этому, Г. И. Вилламовъ пользовался исключительнымъ положеніемъ чловѣка, который видѣлъ и зналъ все происходившее при дворѣ, и къ которому члены императорской фамилии привыкли относиться съ довѣріемъ и запросто, какъ къ домашнему чловѣку. Нравственный характеръ Вилламова также внушалъ къ нему всеобщее уваженіе: онъ удалялся отъ придворныхъ интригъ, отличался безкорыстіемъ, столь рѣдкимъ въ ту эпоху, и, въ теченіе 25-ти лѣтъ довольствуясь скромной ролью секретаря, ничѣмъ не обнаруживалъ личнаго честолюбія; между тѣмъ, онъ имѣлъ мужество, при докладахъ своихъ императрицѣ, постоянно говорить ей правду, хотя иногда его мнѣнія не могли быть пріятны императрицѣ. Были минуты, когда служебное положеніе Вилламова висѣло на волоскѣ, но императрица цѣнила выдающіяся его качества, привыкла видѣть въ немъ правую свою руку, и Г. И. прощалось многое.

Легко видѣть теперь, какое важное значеніе имѣеть дневникъ Вилламова, посвященный изложенію его придворной и служебной дѣятель-

ности. Его показанія писаны были имъ для себя, а не для потомства, и, при всей своей отрывочности, живо рисуютъ предъ глазами читателя тѣ событія и лица, среди которыхъ дѣйствовалъ Вилламовъ: читая его дневникъ, мы какъ бы переживаемъ то, что переживалъ самъ Г. И., а съ нимъ иногда и вся Россія. Дневникъ написанъ на французскомъ языкѣ быстрымъ, торопливымъ почеркомъ, который даетъ намъ понятіе о желаніи его автора сохранить въ своей памяти все болѣе или менѣе важное, происходившее въ теченіе дня. Къ сожалѣнію, дневникъ 'этотъ веденъ былъ Вилламовымъ лишь въ нѣкоторые годы и сохранился въ отрывкахъ за 1806, 1807, 1810, 1812—1814 и 1825—1826 г. Самый важный изъ этихъ отрывковъ, обнимающій собою время воцаренія императора Николая Павловича (ноябрь, 1825 г.—мартъ, 1826 г.), мы и предлагаемъ теперь читателямъ. Серьезное значеніе этого памятника для исторіи междоусобствъ, наступившаго въ Россіи по кончинѣ императора Александра I, легко оцѣнить каждому.

Евгеній Шумигорскій.

1825 г.

Н о я б р я 17-го. Во вторникъ, въ 3 часа, въ минуту отправленія къ обѣду, императрица-мать получила письмо отъ императора отъ 5-го числа, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о своемъ возвращеніи въ Таганрогъ и о легкомъ своемъ нездоровьи. Нездоровье это должно быть слѣдствіемъ простуды, которой онъ подвергся во время путешествія по Крыму, гдѣ днемъ было чрезмѣрно жарко. Мой сынъ Александръ ¹⁾ писалъ мнѣ, что вечеромъ было до 18°, а въ Севастополѣ они перешли въ гавани 1½ версты по водѣ будучи только въ мундирахъ. 4-го числа императоръ почувствовалъ себя худо.

Н о я б р я 18-го, среда. Великая княгиня Елена ²⁾ получила письмо императрицы Елисаветы отъ 9-го числа. Последняя проситъ ее увѣдомить императрицу-мать, что государю лучше, и прибавляетъ, что она не пишетъ ей сама объ этомъ, чтобы не придавать слишкомъ большой важности легкому нездоровью государя.

Н о я б р я 22-го, воскресенье. Утромъ императрица получила отъ

¹⁾ Александръ Григорьевичъ Вилламовъ, поручикъ, находившійся въ свитѣ государя.

²⁾ Великая княгиня Елена Павловна, супруга великаго князя Михаила Павловича.

императрицы Елисаветы письмо отъ 12-го числа, въ которомъ сообщалось о возобновленіи лихорадки у императора, которая помѣшала ему писать; императрица надѣется, впрочемъ, что дня черезъ два ей вовсе не придется говорить о его болѣзни.

Риль ¹⁾ получилъ бюллетень Вилье отъ 4—12-го числа, гдѣ онъ говорить о гастрической желчной перемежающейся лихорадкѣ у императора, продолжавшейся съ 11-го числа и сопровождавшейся сильными приступами. Я провелъ этотъ день у себя, принявъ лекарство. Вечеромъ я спалъ, а затѣмъ мнѣ принесли письмо отъ графа Нессельроде, сообщавшаго письмо князя Волконскаго ²⁾. Письмо это заключало въ себѣ то же, что императрица узнала изъ письма, полученнаго утромъ, и потому я не спѣшилъ его посылать къ ней. Для этого я воспользовался утромъ слѣдующаго дня, 23-го числа. За мной пришелъ курьеръ. Императрица не одобрила того, что я не прислалъ ей письма тотчасъ по полученіи, и воображала себѣ, что оно болѣе поздняго числа. Объ этомъ она писала графу Нессельроде ³⁾, но узнала отъ него, что письмо дѣйствительно отъ 12-го числа.

Н о я б р я 24-го, вторникъ. Я совершилъ поѣздку на Александровскую мануфактуру и тамъ, вмѣстѣ съ Вильсономъ ⁴⁾, разсматривалъ матеріалы, собранные имъ для составленія отчета, и затѣмъ я ему указалъ форму его составленія, которую онъ и принялъ. Я уѣхалъ отсюда въ 2½ часа, имѣя приказъ быть около 4-хъ часовъ во дворцѣ, такъ какъ императрица хотѣла отправить по экстренной почтѣ этого дня письмо въ Таганрогъ (почта идетъ туда по вторникамъ и пятницамъ въ 5 часовъ пополудни). Я переписалъ письмо, изготовленное къ императрицѣ Елисаветѣ и получилъ приказаніе помедлить его отправленіемъ. Наконецъ оно было отправлено въ 7 часовъ вечера.

Н о я б р я 25-го, среда. Я отправился во дворецъ, такъ какъ сегодня мой день службы. Окончивъ около восьми часовъ занятія у императрицы, которая отбыла къ принцу Евгенію Вуртембергскому (прибывшему сюда въ воскресенье вечеромъ), приказавъ мнѣ придти затѣмъ опять, я поднялся въ канцелярію и нашелъ тамъ почтъ-директора ⁵⁾ Булгакова, который меня искалъ. Я спросилъ о новостяхъ изъ Таганрога. Онъ показался весьма озабоченнымъ и сказалъ, что имѣетъ для меня пакетъ. Пакетъ этотъ заключалъ въ себѣ нижеслѣдующее письмо Дибича ⁶⁾

¹⁾ Лейбъ-медкъ.

²⁾ Князь Петръ Михайловичъ, генералъ-адъютантъ, находился при особѣ государя въ Таганрогѣ.

³⁾ Карлъ Васильевичъ, министръ иностранныхъ дѣлъ.

⁴⁾ Управлявшій Александровской мануфактурой Воспитательнаго дома.

⁵⁾ Константинъ Яковлевичъ, с.-петербургскій почтъ-директоръ.

⁶⁾ Баронъ, впоследствии графъ, Иванъ Ивановичъ, начальникъ главнаго штаба его величества, находившійся въ Таганрогѣ при особѣ государя.

отъ 15-го ноября: «Нужнымъ считаю предупредить ваше превосходительство о настоящемъ положеніи здоровья государя императора. По возвращеніи изъ Крыма въ Таганрогъ 5-го числа сего мѣсяца его императорское величество почувствовалъ, еще на возвратномъ пути сюда, сильную простуду. Въ первые дни прїѣзда его величества признаки желчной горячки ознаменовались постепенно, но не подали повода къ большому сомнѣнію. Съ 13-го же и въ особенности 14-го числа припадки сдѣлались гораздо сильнѣе и положеніе болѣзненности его величества возрождало тѣмъ болѣе безпокойствъ, что родъ горячки сей возобновлялъ припадки почти непрерывно. Такое состояніе августѣйшаго больнаго рѣшило окружающихъ его величество совѣтовать прибѣгнуть къ священнымъ таинствамъ. Сего утра въ 5 часовъ государь императоръ изволилъ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Тайнъ съ свойственною его величеству вѣрою и твердостью. Съ тѣхъ употребленіе пивницъ и другихъ средствъ успокоило нѣсколько жаръ и припадки, и хотя медки не теряютъ вовсе надежды, однако же и не скрываютъ, что они находятъ положеніе его величества весьма опаснымъ. Я покорнѣйше прошу ваше превосходительство о такомъ несчастномъ для всѣхъ вѣрнопомянутыхъ положеніи государя императора, если признаете нужнымъ, доложить ея императорскому величеству, съ крайнею притомъ осторожностью, по вашему благоусмотрѣнію. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч. P. S. Я считаю долгомъ васъ о семъ увѣдомить предварительно, дабы дѣйствовать по вашему благоразумію, а лейбъ-медикъ Вилле доставитъ письмо и журналъ подробный съ завтрашнею экстрапochtю, подобно какъ сіе сдѣлалъ я прошедшею экстрапochtю».

Булгаковъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, когда я выразилъ предположеніе доложить при удобномъ случаѣ императрицѣ объ этихъ печальныхъ новостяхъ. Онъ добавлялъ при этомъ, что, вѣроятно, такого же содержанія письма адресованы къ графу Милорадовичу ¹⁾, къ князю Лопухину ²⁾, къ генералу Воинову ³⁾, слѣдовательно ко всѣмъ властямъ. Я отвѣтилъ, что здѣсь нечего колебаться, и что я, прежде всего, доведу печальныя новости до свѣдѣнія императрицы. Булгаковъ расстался со мною, и я сошелъ внизъ. Императрица еще не прибыла. Я быстро побѣжалъ къ Рюлю пригласить его къ себѣ на помощь, но не засталъ его. На возвратномъ пути лакей сказалъ мнѣ, что императрица меня спрашивала. Я положилъ свою бумагу въ карманъ, рѣшившись сдѣлать изъ нея употребленіе только по прибытіи Рюля. Только что я собрался чи-

¹⁾ Графъ Михаилъ Андреевичъ, с.-петербургскій генералъ-губернаторъ.

²⁾ Князь Петръ Васильевичъ, председатель Государственнаго Совѣта.

³⁾ Воиновъ, Александръ Львовичъ, генералъ-адъютантъ, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ.

тать у императрицы, какъ доложили о Рюль. Я вышелъ, какъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда Рюль являлся, хотя она на этотъ разъ и притгласила меня остаться, и въ передней объяснилъ ему, въ чемъ дѣло, приглашая его предупредить императрицу, что имѣются неприятыя новости, и что я, тѣмъ временемъ, отправлюсь къ графинѣ Ливенъ ¹⁾. Въ тотъ моментъ, когда мы съ нимъ вмѣстѣ выходили, чтобы явиться къ императрицѣ, она сама вышла къ намъ на встрѣчу, спрашивая, что здѣсь такое. Я сказалъ ей, что вѣсти не хороши. Мы зашли къ графинѣ, и императрица, къ довершенію моей тревоги, потребовала письмо Дибича. Я прочелъ его. При чтеніи того мѣста, гдѣ говорилось о приобщеніи Святыхъ Тайнъ, она испустила крикъ и выказала все свое горе. Затѣмъ императрица направилась въ свои покои и тамъ я долженъ былъ еще разъ прочесть ей это роковое письмо, которое произвело на нее удручающее впечатлѣніе. Она взяла его у меня, стала пересматривать и затѣмъ пожелала остаться нѣсколько времени одной. Потомъ она вновь позвала меня къ себѣ и спросила, нѣтъ ли другихъ писемъ, выражая опасеніе, что несчастье, можетъ быть, гораздо больше. Я упомянулъ, что было еще письмо къ Милорадовичу, которое она мнѣ приказала поискать. Выходя я встрѣтилъ великаго князя Николая. Я ему сказалъ, что его мать уже предупреждена, и показалъ ему письмо. Онъ нашелъ, что оно похоже на то, которое получилъ Милорадовичъ. Наконецъ пріѣхалъ и Милорадовичъ, говоря, что онъ меня искалъ. Было условлено, что если завтра придутъ вѣсти еще хуже, то прежде всего соберутъ гарнизонъ и приведутъ его къ присягѣ императору Константину. Смотрѣть на это письмо, какъ на простое предвѣстіе ожидаемаго несчастья, — заставилъ приказъ, отданный изъ Таганрога по астафетѣ — приготовить на всѣхъ станціяхъ лошадей для фельдъегеря, который долженъ прослѣдовать. Императрица просила, чтобы я провелъ ночь во дворцѣ. Поэтому я написалъ домой, что полученіе дурныхъ извѣстій о здоровьи императора и ожиданіе послѣдующихъ задержать меня во дворцѣ, что моихъ весьма поразило. Великій князь Николай провелъ ночь въ малой передней, равно какъ г. Альбедиль ²⁾, адъютантъ великаго князя, Адлербергъ ³⁾, и Рюль. Я оставался въ канцеляріи; въ 2 часа я легъ на диванѣ совѣмъ одѣтый; въ 5½ часовъ я сошелъ внизъ и узналъ, что императрица или не спала, или часто просыпалась. Я заснулъ еще немного и около 8-ми часовъ опять сошелъ внизъ и узналъ,

¹⁾ Графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, статсъ-дама, бывшая воспитательница великихъ князей, другъ императрицы Маріи.

²⁾ Баронъ Петръ Романовичъ, гофмейстеръ двора императрицы Маріи Феодоровны.

³⁾ Владиміръ Феодоровичъ, флигель-адъютантъ, полковникъ, впоследствии министръ высочайшаго двора, другъ императора Николая Павловича.

что императрица заснула послѣ 6-ти часовъ и еще спить. По ея повелѣнію, я написалъ духовнику, чтобы онъ завтра утромъ въ дворцовой церкви отслужилъ молебенъ о здоровьи императора.

Ноября 26-го, четвергъ. Въ полчаса девятаго я отправился домой, чтобы немного привести себя въ порядокъ, и затѣмъ возвратился во дворецъ. Здѣсь шла обѣдня и молебенъ. Къ концу молебствія пришли сказать, что великій князь меня спрашивалъ и что прибылъ курьеръ. Я побѣжалъ къ нему и получалъ письмо Дибича, который увѣдомляетъ о томъ, что происходило въ Таганрогѣ съ 17-го ноября. Было также письмо къ императрицѣ отъ императрицы Елисаветы; она писала, между прочимъ, что здоровье императора находится въ лучшемъ состояніи. Вилле говоритъ въ своемъ бюллетенѣ, что наружными лекарствами удалось вывести императора изъ соннаго состоянія, въ которомъ онъ находился, что увеличиваетъ надежду на его выздоровленіе. Частное письмо отъ Волконскаго говоритъ, что 17-го числа утромъ императоръ узнавалъ лицъ, его окружавшихъ, и разговаривалъ съ императрицей довольно твердымъ голосомъ. Все это подаетъ надежды на лучшее; но великій князь Николай ихъ не раздѣляетъ. Вечеромъ Рюль получалъ письмо Вилле отъ 16-го числа и бюллетень по-латыни, изъ котораго видно, что въ этотъ день императоръ былъ почти при смерти! Но такъ какъ стало уже извѣстно, что 17-го числа ему было лучше, то этотъ бюллетень, казалось, свидѣтельствовалъ о благопріятномъ поворотѣ въ теченіи болѣзни, такъ какъ она, повидимому, уже достигла своего высшаго предѣла и стала ослабѣвать. Императрица чувствовала себя спокойнѣе и предложила мнѣ отправиться домой, добавивъ, что я нуждаюсь въ отдыхѣ. Въ этотъ вечеръ она отыскала въ своей красной книгѣ три письма великой княгини Маріи ¹⁾, за №№ 41, 42 и 43, которыя мы тщетно искали болѣе чѣмъ 8 дней. За утрату этихъ писемъ императрица дѣлала мнѣ весьма чувствительные упреки, и я хотѣлъ теперь дать почувствовать всю ихъ несправедливость, когда письма нашлись, но, при настоящемъ положеніи дѣлъ, я оказался неспособнымъ къ этому. Императрица отдала мнѣ письма, спросивъ однако, не я ли ихъ тамъ положилъ. Камердинеръ Гриммъ сказалъ мнѣ, что замѣтилъ эти бумага послѣ возвращенія изъ Гатчины, не зная, что это тѣ письма, которыя искали. Я покинулъ дворецъ въ 11 часовъ и провелъ ночь дома, сообщивъ своимъ послѣднія новости.

Ноября 27-го, пятница. Императрица сказала мнѣ, что англійскій курьеръ отправляется сегодня, завтра же съ почтой—пруссійскій курьеръ; поэтому она считала полезнымъ послать курьера отъ себя.

¹⁾ Великая княгиня Марія Павловна, великая герцогиня Саксенъ-Веймарская.

чтобы предупредить дочерей ¹⁾ о новостяхъ, которыя она получила о здоровьи императора,—прежде нежели онѣ узнаютъ ихъ изъ другихъ устъ, и поручила мнѣ посоветоваться объ этомъ съ графомъ Нессельроде; прежде чѣмъ послать курьера, она желала однако подождать новостей, которыя придутъ сегодня, потому что Потаповъ ²⁾ имѣлъ приказаніе отправлять курьера отсюда ежедневно, за исключеніемъ тѣхъ двухъ дней, когда изъ Таганрога приходитъ почта, и узналъ, что въ Таганрогѣ сдѣлано подобное же распоряженіе. Нессельроде былъ одинаковаго мнѣнія съ императрицей. Возвращаясь отъ него, я нашелъ въ нашей большой приемной массу лицъ: говорили, что прибылъ курьеръ.

Князь Хилковъ ³⁾ пришелъ изъ церкви и повторялъ тоже самое, ссылаясь на князя Лобанова (Дмитрія) ⁴⁾. Наконецъ прибылъ Милорадовичъ; онъ взялъ меня подъ руку, обнялъ и сказалъ: «уже теперь надо показать твердость духа». На глазахъ у него были слезы. Я понялъ наконецъ, что несчастіе совершилось! Онъ сказалъ мнѣ, что я найду Потапова въ покояхъ великаго князя и что надо стараться предупредить его о случившемся. Я нашелъ Потапова въ бесѣдѣ съ военнымъ министромъ ⁵⁾; къ намъ присоединился затѣмъ Рюль. Недоумѣвали, какъ сообщать эту ужасную вѣсть императрицѣ. Рюль предложилъ сдѣлать это, пока императрица еще въ церкви, потому что, вознося тамъ душу свою къ Господу, она скорѣе найдетъ въ себѣ силы перенести ударъ. Отправляясь въ церковь, мы раздѣлились на двѣ партіи: графъ Милорадовичъ, Татищевъ и Потаповъ направились черезъ аванъ-залу, а Рюль и я черезъ покои императрицы. Въ ея кабинетѣ мы нашли великаго князя въ ожиданіи страшной вѣсти (*dans l'attente de la terrible nouvelle*). Мы подтвердили ее ему. Великій князь потребовалъ, чтобы ему представлено было подлинное извѣщеніе. Я отвѣтилъ, что оно у Потапова. Великій князь сказалъ Рюлю, чтобы тотъ пошелъ извѣстить императрицу, что онъ самъ не въ состояніи этого сдѣлать. Тогда Рюль вошелъ впереди насъ въ прилегающую къ алтарю церкви комнату, гдѣ императрица находилась въ продолженіе обѣдни; вслѣдъ затѣмъ крикъ императрицы возвѣстилъ намъ, что печальное извѣстіе было ей сообщено. Она потеряла сознание. Когда она пришла въ себя, то, предшествуемая духовникомъ, приблизилась къ алтарю; великая княгиня Александра ⁶⁾

¹⁾ Великую княгиню Марію Павловну, великую герцогиню Саксенъ-Веймарскую, и великую княгиню Анну Павловну, принцессу Оранскую.

²⁾ Алексѣй Николаевичъ, дежурный генералъ.

³⁾ Второй секретарь Маріи Θεодоровны.

⁴⁾ Князь Дмитрій Ивановичъ, министръ юстиціи.

⁵⁾ Графъ Александръ Ивановичъ Татищевъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

⁶⁾ Великая княгиня Александра Θεодоровна, супруга великаго князя Николая Павловича, будущая императрица.

ее поддерживала. Великій князь вышелъ изъ церкви, чтобы принести присягу императору Константину; за нимъ послѣдовали генералы, а Потаповъ вручилъ мнѣ три письма: императрицы Елисаветы, князя Волконскаго и генерала Дибича. Императрица, сопровождаемая всѣми нами, медленно вернулась въ свои покои, присаживаясь отъ времени до времени на кресло. Мы оставили ее въ кабинетѣ и, прибывъ въ нашу большую приемную, нашли здѣсь гвардію, которая приносила присягу. Узнавъ, что то же дѣлаютъ и въ большой церкви, мы также туда отправились и подписали присяжный листъ. Пока все это происходило, прибылъ князь Александръ Голицынъ⁴⁾ и сказалъ, что слишкомъ поторопились принесеніемъ присяги, что должно было бы прежде всего прочесть завѣщаніе покойнаго императора, находящееся въ Государственномъ Совѣтѣ. Совѣтъ собрался въ засѣданіе и тогда вскрыли запечатанный пакетъ, положенный на храненіе въ Совѣтъ въ 1823 г. Онъ заключалъ въ себѣ манифестъ покойнаго императора Александра и приложенный къ нему актъ отреченія великаго князя Константина отъ его правъ на престолъ. Въ своемъ отреченіи великій князь писалъ, что, не считая себя никогда способнымъ вести бремя правленія и никогда не занимаясь государственными дѣлами, онъ по нынѣшнему своему положенію (вслѣдствіе женатобы на г-жѣ Грузинской)⁵⁾ болѣе, чѣмъ когда-либо, далекъ отъ мысли о тронѣ и проситъ своего брата и государя принять его отреченіе отъ правъ (предполагаемаго) наслѣдника въ пользу того лица, которое послѣ него имѣетъ наибольшія права на корону; въ манифестѣ своемъ императоръ принимаетъ это отреченіе, съ согласія матери, и наименовывааетъ великаго князя Николая наслѣдникомъ престола. Между тѣмъ уже написали въ Москву, гдѣ подобный актъ хранится въ Сенатѣ(?), чтобы, если этотъ актъ вскрыли уже, то, несмотря на это, принесли бы присягу Константину; если же актъ еще не вскрытъ, то чтобы оставили его запечатаннымъ и также приносили присягу Константину. Государственный Совѣтъ, выслушавъ манифестъ покойнаго государя и актъ отреченія Константина, объявилъ, что нельзя приносить присяги Константину, и что должно присягнуть Николаю. Тогда великій князь отправился въ засѣданіе Совѣта и объявилъ, что не можетъ принять престолъ, принадлежащій его брату, что лишь Константину принадлежитъ право окончательнаго рѣшенія вопроса, что если братъ пожелаетъ настаивать на своемъ отреченіи, то онъ, Николай, обязанъ будетъ принять правленіе, но что никакого рѣшенія нельзя принять, не зная воли Константина. Тогда Государственный Совѣтъ направился въ полномъ своемъ составѣ къ императрицѣ-матери,

⁴⁾ Кн. Александръ Николаевичъ, членъ Государственнаго Совѣта, главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ, личный другъ императора Александра Павловича.

⁵⁾ Морганатическая супруга великаго князя, свѣтлѣйшая княгиня Ловичъ.

которая приняла его у себя и выразила, что она дѣйствительно знала о существованіи вскрытыхъ Совѣтомъ бумагъ, что она одобряетъ намѣреніе великаго князя Константина, но что не ей рѣшать дѣло, возникшее между двумя ея сыновьями, одинаково дорогими для нея, что, поэтому, надлежало бы сообразоваться съ желаніемъ Николая. Альбедиль, Новосильцевъ¹⁾, Рюль и я, всѣ мы обѣдали въ комнатѣ Альбедилья, но едва лишь я отвѣдалъ супу и устриць, какъ императрица прислала за мной, чтобы заняться отправкой князя Гагарина, котораго она послала къ императрицѣ въ Тагарогъ, и двухъ курьеровъ—къ великимъ княгинямъ Маріи и Аннѣ. Я составилъ для нихъ бюллетень изъ извѣстій о болѣзни и смерти императора, полученныхъ послѣдовательно одно за другимъ. Я написалъ нѣсколько словъ Александру черезъ князя Гагарина. Въ семь часовъ въ покояхъ императрицы служили панихиду. Послѣ 9 часовъ я читалъ императрицѣ проповѣдь изъ книги: «Stunden der Andacht». Затѣмъ она ушла готовиться къ причастію. Императрица приказала мнѣ написать во всѣ наши учрежденія, чтобы завтра была отслужена панихида во всѣхъ нашихъ церквахъ. Вечеромъ я получилъ письмо Дибича отъ 18-го числа.

Н о я б р я 28-го, суббота. Я составилъ циркуляръ во всѣ наши учрежденія о принесеніи присяги императору Константину и, получивъ разрѣшеніе отъ императрицы, приказалъ его разослать. Я приказалъ также нашимъ канцелярскимъ чиновникамъ отправиться въ воспитательный домъ для принесенія присяги. Въ церкви дома была отслужена обѣда и панихида, на которой и я присутствовалъ. Вечеромъ получены были письма Константина и Михаила²⁾ изъ Варшавы отъ 21-го числа. Они не знали еще ничего о тяжелой болѣзни императора. Я прочиталъ императрицѣ двѣ проповѣди изъ книги «Stunden der Andacht». Послѣ обѣда я навѣстилъ графиню Томатисъ³⁾, которую нашелъ очень разстроенной. Бѣдная дѣвушка! Всѣмъ своимъ благосостояніемъ она обязана личнымъ благодѣяніемъ императора. Императрица поручила мнѣ написать утромъ къ г-жѣ Питтъ⁴⁾ въ Царское Село, чтобы выразить ей свое участіе. Послѣ обѣда мнѣ принесли письмо обратно, съ извѣстіемъ, что г-жа Питтъ возвратилась въ Петербургъ. Я послалъ письмо къ ней и получалъ отвѣтъ черезъ Моберлей, что она больна. Я отправился и напелъ ее въ постель. Я началъ этотъ дневникъ съ ноября 1825 г.

Н о я б р я 29-го, воскресенье. Была обѣда и панихида. Нужно

¹⁾ Второй секретарь императрицы Маріи, Николай Петровичъ.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ въ это время находился въ Варшавѣ.

³⁾ Графиня Томатисъ (Tomatis)—личность, о которой мы не встрѣчали нигдѣ никакихъ указаній.

⁴⁾ Г-жа Питтъ состояла при дворѣ императрицы Елисаветы и была ея другомъ.

было отправить курьера въ Таганрогъ, но такъ какъ весь день напрасно ожидали извѣстій отъ императрицы Елисаветы, то отправленіе курьера было отложено на завтра. Императрица причащалась и затѣмъ приказала мнѣ явиться къ ней; отпустила меня въ 9¹/₂ ч. и приказала мнѣ прійти завтра лишь послѣ десяти часовъ. Разсказывали сегодня, что покойный императоръ послалъ отреченіе Константина при письмѣ къ князю Лопухину ¹⁾. Тогда князь собралъ Совѣтъ, приказалъ членамъ поклясться соблюдать тайну и, сообщивъ имъ о содержаніи акта, положилъ его въ Совѣтъ на храненіе. Разсказываютъ, что другой экземпляръ акта былъ посланъ министру юстиціи съ письмомъ къ нему; тотъ спряталъ его въ чуланъ ²⁾ (такъ говорятъ), не сообщивъ о немъ Сенату; что теперь онъ отыскалъ этотъ актъ и послалъ его при своемъ рапортѣ императору Константину. Поведеніе довольно странное.

Н о я б р я 30-го, понедѣльникъ. Императрица получила слѣдующее письмо отъ императрицы Елисаветы отъ 21-го ноября:

«Что мнѣ вамъ сказать, дорогая маман! Я осталась навсегда самой несчастной изъ существъ. Я прошу помощи у Господа. Я молю эту ангельскую душу, которая теперь находится предъ Нимъ, тоже просить у Него для меня помощи. О Боже! Я не нахожу въ себѣ ни силъ, ни достаточной твердости. Онъ умѣлъ ихъ здѣсь возбуждать. Теперь я лишилась всякой поддержки, я потеряла цѣль жизни— съ нимъ для меня все кончено. Онъ причащался, не думая объ опасности, но испытывая то чистое блаженство, которое онъ всегда вкушалъ при исполненіи сего таинства; онъ причащался въ сознаніи, исповѣдывался также. Душа его поборола усыпленіе, подавлявшее всѣ его способности. Эта душа проявляла себя почти до самаго момента его кончины: онъ сохранялъ способность любить, потерявъ способность понимать. О, Боже, Боже! эти раздрающія душу воспоминанія будутъ преслѣдовать меня въ теченіе всей моей жизни. Да будетъ съ вами Господь, дорогая маман! Вамъ есть еще для кого и для чего жить: найдите же въ этомъ для себя силу и твердость!»

Князь Волковскій писалъ мнѣ того же числа, 21-го ноября:

«Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство для донесенія ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Федоровнѣ, что ея императорское величество государыня императрица Елисавета Алексѣевна, при всей скорби ужаснѣйшаго общаго несчастія, изволить переносить печаль сію съ удивительною твердостью, присутствуетъ ежедневно два раза при панихидахъ по блаженной памяти усопшемъ государѣ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, и здоровье ея императорскаго

¹⁾ Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

²⁾ Слово это написано по-русски. Разказы эти не точны. Р е д.

величества довольно хорошо. Вчера ввечеру послѣ панихиды изволила переѣхать въ другой домъ на время бальзамированія тѣла покойнаго государя императора и устроенія катафалка въ залѣ».

Великій князь Николай просилъ меня перевести на русскій языкъ бюллетень, который былъ посланъ великимъ княгинямъ, и я ему занесъ переводъ передъ обѣдомъ, вмѣстѣ съ копіей французскаго подлинника. Курьеръ отправился въ Таганрогъ, и я написалъ Александру. Вечеромъ я занимался чтеніемъ и ушелъ лишь въ 12 часовъ по полуночи.

Декабря 1-го, вторникъ. Императрица очень хорошо провела ночь. Она утвердила нѣсколько докладовъ и приказала мнѣ самому отнестись въ Опекунскій совѣтъ. Я обѣдалъ, какъ всѣ эти дни съ 25-го числа, съ Альбедилемъ, Рюлемъ и Новосильцовымъ. Фредерици ¹⁾ пришелъ принять участіе въ нашемъ обѣдѣ. Послѣ обѣда, такъ какъ императрица пошла отдохнуть, я провелъ часъ у графини Томатисъ, которая довѣряла мнѣ свои сомнѣнія, которыя рождались въ ней по отношенію ко многимъ предметамъ вѣры. Тогда я ей изложилъ свою систему, которая ей понравилась. Вечеромъ я занимался чтеніемъ и легъ спать около часу ночи. Сегодня появился въ газетѣ «Сѣверная Пчела» бюллетень, который я перевелъ съ французскаго языка на русскій. Вечеромъ передъ сномъ я написалъ графинѣ Эглофштейнъ, отъ которой утромъ получилъ письмо, съ приложеніемъ стихотвореній, написанныхъ по случаю юбилея Гёте ²⁾. Я посылаю ей метеорологическія наблюденія, сдѣланныя въ Перми и Иркутскѣ.

Декабря 2-го, среда. Я послалъ сегодня свое письмо къ графинѣ Эглофштейнъ, адресуя къ г. Сильвестру. Я написалъ также къ г-жѣ Брунтонаъ, чрезъ посредство Струве, и къ Александру, долгое молчаніе котораго начинаетъ меня беспокоить.

Приѣхавъ во дворецъ, я получилъ письмо Волконскаго, отъ 23-го числа. Онъ извѣщаетъ меня, что здоровье императрицы «довольно хорошо, но силы ея примѣтно ослабѣваютъ». Императрица (мать) поручила мнѣ составить для нея письмо къ королю Виртембергскому, которое она затѣмъ подписала, а также къ великому герцогу Голштинскому ³⁾ и къ эрцгерцогу Іосифу ⁴⁾. Къ двумъ послѣднимъ я уже писалъ для нея письма въ

¹⁾ Фредерици, Ермолай Карловичъ, полковникъ, управлявшій городомъ Павловскомъ.

²⁾ Придворная дама великой княгини Маріи Павловны, великой герцогини Веймарской.—Гёте жилъ въ Веймарѣ и пользовался вниманіемъ великой княгини.

³⁾ Т. е. Ольденбургскому, Августу-Павлу-Фридриху, племяннику императрицы.

⁴⁾ Эрцгерцогъ австрійскій Іосифъ, палатинъ венгерскій, супругъ великой княгини Александры Павловны, скончавшейся въ 1801 году.

минувшую пятницу. Рассказывали сегодня, что императоръ, уѣзжая изъ Севастополя, пожелалъ посѣтить обитель Св. Георгія, расположенную на возвышенности; что его проводники совѣтовали ему одѣться потеплѣе, потому что на вершинѣ горы воздухъ весьма свѣжъ. Онъ ихъ не послушался, но, прибывъ въ монастырь, продрогъ отъ холода и согласился, что воздухъ былъ рѣзкій. Тогда императору совѣтовали надѣть свой плащъ, но онъ отвѣтилъ, что сядетъ на лошадь и, чтобы согрѣться, поѣдетъ скорѣе; затѣмъ, когда прибыли къ одной рѣчонкѣ (названіе которой по-татарски означаетъ кладбище русскихъ, потому что они, вѣроятно, по неблагоразумію, лишились здѣсь жизни, и которую переходятъ въ бродъ)—его проводники говорили ему, что татары никогда не переправляются черезъ эту рѣку ни вечеромъ, ни ночью, такъ какъ въ это время отъ рѣки идутъ нездоровыя испаренія, и совѣтовали ему отсрочить переправу до слѣдующаго дня. Государь ихъ не послушалъ и переправился черезъ рѣку въ бродъ, даже промочилъ себѣ при этомъ ноги. Графиня Томатисъ рассказывала мнѣ вчера, что передъ выѣздомъ изъ Царскаго Села, прогуливаясь по аллеѣ лилій, которая находится какъ разъ противъ апартаментовъ императора, она замѣтила вѣтку, которая пускала новыя почки. Она ее сорвала и принесла къ себѣ домой, радуясь этой исключительно-рѣдкой находкѣ въ такое позднее время года. Старуха, которая находилась при этомъ, сказала ей: «нечего этому радоваться». «Какъ, что такое?»—«Это весьма плохой знакъ».—Стали надъ этимъ шутить, но, наконецъ, спросили, что же обозначаетъ собою эта находка?—«Это значить,—отвѣчала старуха,—что владѣлецъ сада долженъ умереть».—Было замѣчено еще, какъ частности, что, уѣзжая изъ Царскаго Села, императоръ, который обыкновенно выѣзжалъ прямо изъ дворца, приказалъ Дибичу вѣхать въ своей коляскѣ впередъ, а самъ на дрожкахъ объѣхалъ весь садъ,—говорили, что онъ прощался съ нимъ. Выѣзжая изъ Петербурга, государь бывалъ обыкновенно въ Казанскомъ соборѣ; на этотъ разъ онъ въ день отъѣзда отправился въ Александро-Невскую лавру. Вечеромъ я читалъ императрицѣ, былъ отпущенъ послѣ 11 часовъ и пріѣхалъ домой въ 11½ часовъ.

Декабря 3-го четвергъ. Прибывъ во дворецъ, я узналъ, что пріѣхалъ великій князь Михаилъ въ 6 часовъ утра. Извѣстіе о смерти императора получено было въ Варшавѣ 25-го числа, и великій князь отправился оттуда 26-го. Его братъ, Константинъ, получилъ извѣстіе о болѣзни императора вѣсколькими днями раньше, 15-го числа, но онъ скрылъ его даже отъ своей жены. Въ комнатахъ императрицы происходили совѣщанія, и Николай, казалось, былъ смущенъ (*avoir l'air un peu sarot*). Вечеромъ отправился курьеръ въ Варшаву, и императрица писала: его императорскому величеству. Впрочемъ ничего не выяснилось. Я читалъ послѣ 11 часовъ и вернулся домой послѣ полуночи.

Декабрь 4-го, пятница. Праздникъ моей жены и моей дочери. На завтракъ собралось много гостей. Никакихъ извѣстій изъ Таганрога. Намъ рассказывали, что сегодня Сенатъ единогласно принялъ предложеніе Дмитрія Ланскаго — испросить особымъ докладомъ соизволеніе императора на сооруженіе памятника почившему императору Александру съ надписью: «Александру I—Россія». Князь Василій Долгоруковъ къ этому предложенію добавилъ, что надо объявить конкурсъ, въ которомъ могли бы принять участіе всѣ европейскіе художники, обѣщавъ тому, чей проектъ будетъ одобренъ, отъ 2.000 до 2.500 руб. Я сказалъ объ этомъ императрицѣ, которая при этомъ выразила желаніе, чтобы сохранили наименованіе: благословенный. Я возвратился обѣдать домой, купивъ по дорогѣ пару серегъ въ 10 руб. для малышки и кольцо съ брилліантомъ за 200 руб. для моей жены. Тотчасъ же послѣ обѣда я возвратился во дворецъ. Вечеромъ императрица отправила нѣсколько бумагъ, я читалъ и явился домой послѣ полуночи.

Декабрь 5-го, суббота. Я получилъ слѣдующее письмо князя Волконскаго отъ 26-го числа:

«Для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что ея императорское величество вдовствующая государыня императрица Елисавета Алексѣевна сего утра въ 9 часовъ изволила приобщаться Св. Таинъ, и хотя съ чрезвычайною твердостью переносить общую горестъ, но силы ея величества примѣтно слабѣютъ и прошедшую ночь проводить изволила не весьма хорошо. Тѣло блаженной памяти въ Божѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича лежитъ еще на постели, по недостатку различныхъ вещей, ожидаемыхъ изъ Москвы для переноса тѣла въ залъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ, милостивый государь, увѣдомленія о дражайшемъ здравіи ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Феодоровны, молясь ежедневно о подкрѣпленіи силъ ея величества въ столь ужасномъ бѣдствіи, всѣхъ насъ постигшемъ».

Императрица получала также письмо отъ императрицы Елисаветы. Я не знаю, находится ли она лучшимъ состояніемъ здоровья императрицы Елисаветы: я же могу только замѣтить у нея постепенный упадокъ силъ. Императрица мнѣ сказала, что Реадъ¹⁾ отправляется въ Таганрогъ, и поручила мнѣ отвѣтить Волконскому, что я и сдѣлалъ. Она писала также императрицѣ Елисаветѣ.

По городскимъ слухамъ, графъ Аракчеевъ долженъ былъ вчера пріѣхать, опять вступивъ въ отправленіе своихъ служебныхъ обязан-

¹⁾ Флигель-адъютантъ.

ностей. Довольно странно, что смерть потаскушки (gouise) ¹⁾ произвела на Аракчеева такое впечатлѣніе, что онъ не могъ заниматься служебными дѣлами, тогда какъ кончина государя, осыпавшаго его своими благодареніями и почестями, пробудила его дѣятельность. Это по меньшей мѣрѣ непонятно. Многіе возбуждены противъ него. Графъ Милорадовичъ выслалъ отсюда Магницкаго ²⁾, прибывшаго въ Петербургъ по собственному побужденію. Милорадовичъ сдѣлалъ это подъ предлогомъ, что Магницкій пріѣхалъ безъ позволенія начальника (министра народнаго просвѣщенія), который ему приказалъ вернуться на свой постъ. Магницкій отговаривался недостаткомъ въ средствахъ. Милорадовичъ оказалъ ему помощь, т. е. далъ ему экипажъ — простую телѣгу, фельдгегера, въ качествѣ провожатаго, и денегъ на дорогу. Магницкій грозилъ жаловаться императору. Милорадовичъ предложилъ, самъ доставить государю эту жалобу. Великій князь Михаилъ уѣхалъ сегодня опять въ Варшаву. Чѣмъ больше дѣло будетъ тянуться такимъ образомъ, тѣмъ труднѣе будетъ Константину отказаться отъ престола. Кромѣ того, онъ имѣетъ здѣсь много сторонниковъ, — армию, которая высказывается въ его пользу, и затѣмъ Польшу. Мнѣ передавали сегодня одно предсказаніе, сдѣланное однажды о царствованіи трехъ братьевъ, — что Александръ умретъ на 25-мъ году царствованія, Константинъ — на 3-мъ и Николай — на 30-мъ. Первое исполнилось; посмотримъ, исполнятся ли два другія.

Императрица отправила докладъ, касающійся займовъ. Затѣмъ я читалъ и пришелъ въ полночь.

Декабря 6-го, воскресенье. Тезоименитство великаго князя Николая, по случаю котораго на этотъ день трауръ былъ святъ.

Императрица много работала и закончила пересмотръ всѣхъ бумагъ, накопившихся за минувшіе дни. Работа эта продолжалась до полуночи, послѣ чего я читалъ проповѣдь.

Сегодня говорили, что императоръ скоро прибудетъ въ Петербургъ. Я получилъ письмо отъ сына Александра, отъ 26-го ноября.

Декабря 7-го, понедѣльникъ. Генералъ - адъютанты императора, которые не имѣютъ здѣсь особыхъ служебныхъ обязанностей, уѣхали, чтобы находиться при тѣлѣ почившаго. Императрица писала императрицѣ Елисаветѣ черезъ полковника Германа, а я, по ея распо-

¹⁾ Извѣстная любовница гр. Аракчеева изъ его крѣпостныхъ, Настасья Минкина. Въ отсутствіе гр. Аракчеева, она убита была дворовыми его людьми, за жестокое обращеніе ея съ ними, 10-го сентября 1825 г., въ селѣ Грузинѣ.

²⁾ Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ, попечитель казанскаго учебнаго округа. Извѣстенъ былъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и доносами. Въ это смутное время Милорадовичъ, очевидно, не желалъ его присутствія въ Петербургѣ.

раженію, писалъ къ князю Волконскому, прося его приказать сдѣлать точный планъ дома, въ которомъ жилъ покойный императоръ, съ обозначеніемъ мебели, постели, катафалка и проч., и проч. Саблинъ ¹⁾ сдѣлалъ представленіе о покупкѣ свыше чѣмъ 2.000 четв. хлѣба для пропитанія крестьянъ и поселенныхъ питомцевъ села Горѣнова ²⁾. Было рѣшено, что туда на мѣсто отправится князь Хилковъ. Онъ возьметъ съ собою Лоде изъ Гатчины, если онъ согласится занять мѣсто Хрушова, а Саблину напишутъ, чтобы онъ посовѣтовалъ Хрушову просить отставки.

Вечеромъ прибылъ курьеръ изъ Варшавы, пріѣздъ котораго подалъ поводъ къ длиннымъ совѣщаніямъ. Послѣ 11 час. я началъ читать проповѣдь и почти приближался къ концу, когда пришелъ послѣ 11^{1/2} часовъ великій князь и оставался у императрицы около часу. Послѣ того императрица приказала мнѣ снова войти къ ней для того только, чтобы меня отпустить, не кончивъ проповѣди. Когда я уѣхалъ было 12^{3/4} ч. Я получилъ въ это утро въ Кабинетѣ 9.000 руб. ассигнаціями въ счетъ 10 тыс. руб. серебромъ, которые причитаются великой княгинѣ Аннѣ за послѣднюю треть, и отдалъ ихъ Дювалю ³⁾ за четыре саффира, которые она купила, согласно данному мнѣ о томъ распоряженію. Остальное будетъ мнѣ выдано взаимными письмами для отправки къ великой княгинѣ.

Декабря 8-го, вторникъ. Такъ какъ сегодня 20-й день послѣ кончины императора, то императрица отправилась на панихиду. Затѣмъ она просматривала отвѣтъ, который я приготовилъ на письмо Саблина о покупкѣ хлѣба для прокормленія мужиковъ и колонистовъ Горѣнова, а также отвѣтъ на другое его письмо. Затѣмъ императрица сѣла въ карету съ великимъ княземъ Николаемъ и направилась въ крѣпость. Отвѣтныя письма Саблину были подписаны послѣ обѣда и отправлены съ флигель-адъютантомъ императора Плаутинымъ, который черезъ Москву отправляется въ Таганрогъ. Императрица поручила ему также свое письмо къ императрицѣ Елисаветѣ. Императрица получала сегодня отъ императрицы Елисаветы раздирающее душу письмо: это голосъ холодной рѣшимости, или отчаянія, т. е. (лучше сказать) отсутствія надежды и желанія смерти. Волконскій мнѣ пишетъ, что здоровье императрицы «взрядно, но силы слабѣють»; что она возвратилась во дворецъ, послѣ того какъ тѣло положено было въ свинцовый гробъ. Вотъ письмо отъ 30-го ноября: «Для донесенія ея императорскому величеству

¹⁾ Саблинъ — Алексѣй Николаевичъ, вице-адмиралъ, почетный опекунъ Московскаго опекунскаго совѣта.

²⁾ Въ селѣ Горѣновѣ, Московской губерніи, поселенцы были питомцы Московскаго воспитательнаго дома.

³⁾ Ювелиръ высочайшаго двора

государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, имѣю честь ваше превосходительство увѣдомить, что здововье ея императорскаго величества вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны, при ужаснѣйшей ея печали, изрядно, но силы слабѣютъ. Вчера ввечеру изволила переѣхать во дворецъ и присутствовала у панихиды при тѣлѣ въ Бозѣ почивающаго государя императора, которое 27-го числа положено въ свинцовый гробъ и поставлено на катафалкъ, устроенный въ залѣ до окончанія таковаго же въ греческомъ монастырѣ во имя св. Александра Невскаго. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія отъ васъ о драгоцѣннѣйшемъ здоровьи ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны и проч.»

Утромъ Милорадовичъ показывалъ намъ письмо графа Аракчеева, писанное имъ собственноручно, въ которомъ онъ жалуется, что оберъ-полицеймейстеръ Чихачовъ (его же креатура, котораго онъ самъ рекомендовалъ и котораго онъ называлъ своимъ другомъ), придя къ нему и не будучи принятъ, отправился къ Клейнмихелю ¹⁾, и сказалъ, что онъ приходилъ къ графу съ совѣтомъ («съ своими совѣтами») ²⁾. Аракчеевъ находилъ, что со стороны молодого полковника дерзко ³⁾ давать совѣты старому заслуженному генералу, что его поведеніе не нуждается въ надзорѣ полиціи и проч.; въ концѣ концовъ письмо—чрезвычайно смѣшное, гдѣ Аракчеевъ себя компрометируетъ, ставя себя рядомъ съ Чихачевымъ. Графъ Милорадовичъ написалъ по этому поводу къ Шульгину, предлагая ему сдѣлать Чихачеву замѣчаніе за его не благодарность своему благодѣтелю и проч., и очень хорошо отвѣтилъ такъ-же Аракчееву. Баронъ Альбедиль такъ-же получилъ отъ Аракчеева письмо, гдѣ онъ проситъ частной аудіенціи у императрицы-матери; таковая ему была назначена на завтра въ 7 часовъ вечера. Я писалъ сегодня вечеромъ Каролинѣ ⁴⁾.

9-го декабря, среда. Написавъ къ двумъ великимъ княгинямъ, императрица имѣла весьма продолжительное совѣщаніе съ княземъ Голицынымъ, затѣмъ съ Нессельроде, Куракинымъ ⁵⁾, Нарышкинымъ ⁶⁾, что продолжалось до 3 часовъ. Я кончилъ письмо къ Каролинѣ и отправилъ его. Послѣ обѣда императрица работала до 7 час. Затѣмъ она

¹⁾ Петръ Андреевичъ, генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба военныхъ поселеній.

²⁾ Во французскомъ подлинникѣ слова написаны по-русски.

³⁾ Во французскомъ подлинникѣ слово это написано по-русски.

⁴⁾ Личность намъ совершенно неизвѣстная.

⁵⁾ Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, членъ Государственнаго Совета.

⁶⁾ Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ.

приняла Аракчеева, который долго не оставался. Она мнѣ говорила, что онъ тронулъ ее своей печалью, что онъ показывалъ письмо, которое императоръ писалъ ему о происшествіяхъ въ Грузинѣ и которое написано было въ очень дружескомъ тонѣ, доказывая, что императоръ не былъ недоволенъ его поведеніемъ. Возвратившись отъ великаго князя, императрица искала между бумагами покойнаго императора Павла рукописи о системѣ, которую я и читалъ ей. Въ этой рукописи много разсужденій, о которыхъ, казалось, Павелъ совершенно забылъ, когда вступилъ самъ на престолъ. Потомъ я читалъ еще проповѣдь. Императрица сказала мнѣ, что завтра я могу посвятить утро своимъ дѣламъ, но просила явиться послѣ обѣда. Я оставилъ ее въ четверть перваго часа пополудни.

10-го декабря, четвергъ. Такъ какъ императрица желала знать, получаетъ ли г-жа Нелидова ¹⁾ пенсію въ 3.000 руб. изъ Кабинета, то я забралъ справки; оказалось, что она получаетъ 3.600 р., не въ видѣ пенсіи, но какъ окладъ.

Возвращаясь въ кабинетъ, я встрѣтилъ Булгакова, который мнѣ разсказалъ еще объ одномъ предзнаменованіи смерти императора, которое онъ слышалъ отъ одного почтоваго чиновника, фамилію котораго отъ мнѣ называлъ, а тотъ слышалъ его отъ Кайданова ²⁾, профессора лицея въ Царскомъ Селѣ. Какой-то сторожъ пришелъ къ нему однажды сказать, что скоро умретъ священникъ. На вопросъ Кайданова почему онъ такъ думаетъ, онъ отвѣтилъ, что ночью надъ крышей священника кричала сова. Дѣйствительно, священникъ вскорѣ послѣ того умеръ. Спустя нѣсколько времени тотъ же сторожъ пришелъ къ Кайданову сказать, что на этотъ разъ онъ очень озадаченъ и встревоженъ. Кайдановъ спросилъ его о причинѣ. «Проклятая сова, отвѣчалъ сторожъ, усмась надъ кабинетомъ императора и ночью кричала». Разсказываютъ, что она кричала до 19-го числа, а потомъ исчезла. Нейдгардтъ ³⁾ подтвердилъ мнѣ уже замѣченное совпаденіе, что 18-го ноября, наканунѣ смерти императора, въ театрѣ давали пьесу: «Le dernier jour de bonheur» («Послѣдній день счастья»), добавляя, что на 27-е, день, въ который было получено извѣстіе о смерти и открыто завѣщаніе, было назначено «Das Vermächtniss» («Завѣщаніе») — пьеса, которую не играли, потому что театры были закрыты; но онъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ афишу. Нейдгардтъ разсказывалъ мнѣ также исторію съ фельдшеремъ. Императоръ, возвращаясь изъ Крыма въ Таганрогъ и чувствуя себя нездоровымъ, пожелалъ остановиться, чтобы выпить чаю;

¹⁾ Камеръ-фрейлина Екатерина Ивановна, другъ императрицы.

²⁾ Кайдановъ проф. исторіи, членъ-корреспондентъ Академіи наукъ, авторъ учебниковъ по исторіи.

³⁾ Александръ Ивановичъ Нейдгардтъ, генераль-квартирмейстеръ.

онъ послалъ фельдъегеря къ императрицѣ предупредить ее объ этомъ и кончилъ письмо свое слѣдующими словами: «я за нимъ послѣдую». Затѣмъ, нѣсколько проѣхавъ, онъ нашелъ на большой дорогѣ опрокинутую тележку и мертвого фельдъегеря. Когда у него взяли записку и отдали ее назадъ императору, говорятъ, что онъ былъ пораженъ. Я провелъ нѣсколько времени у Томатисъ, гдѣ я нашелъ Шашкину и Пущину, и по этому поводу Томатисъ выразила мнѣ сожалѣніе, очень вѣжливимъ письмомъ (?). Я обѣдалъ въ канцеляріи опекунскаго совѣта и отправился послѣ обѣда во дворецъ. Чтеніе было окончено въ 11^{1/2}, час. вечера, и я возвратился домой немного позже полуночи. Судя по вѣсѣмъ этимъ пріѣздамъ и отъѣздамъ, посѣщеніямъ и совѣщаніямъ, мнѣ кажется, что Константія ставитъ затрудненія для своего восшествія на престоль. О его прібытіи ничего не слышно.

11-го декабря, пятница. Сегодня въ разговорѣ у императрицы вырвалось замѣчаніе: «Когда же мы будемъ знать, кто будетъ у насъ императоромъ?» Это служитъ подтвержденіемъ вчерашняго замѣчанія въ дневникѣ. Сегодня во время обѣда пришли письма изъ Таганрога. Князь Волковскій, присылая ко мнѣ письмо императрицы Елисаветы къ императрицѣ-матери, пишетъ отъ 3-го декабря: «Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для доклада ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, что здорovье ея императорскаго величества вдовствующей императрицы Елисаветы Алексѣевны, кажется, немного лучше, но я изволятъ проводить покойнѣе, но силы ея величества все еще слабы, что и не можетъ быть иначе, при столь чрезмѣрной ея горести. 1-го числа сего мѣсяца прібылъ сюда изъ Екатеринославля здѣшней епархіи преосвященный Ѳеофилъ, мною призванный, по сему несчастному случаю, для отдаванія послѣдняго долга въ Божѣ почивающему покойному государю императору Александру Павловичу. Преосвященный, со дня пріѣзда своего по утрамъ послѣ датургіи отправляетъ соборомъ панихиду у тѣла, а по вечерамъ—архимандритъ греческаго монастыря заступаетъ мѣсто преосвященнаго. Полученныя сегодня письма изъ С.-Петербурга усугубляютъ горестъ мою, узнавъ, въ какомъ безпокойствѣ изволятъ находится государыня императрица Марія Ѳеодоровна. Представляю себѣ положеніе ея величества, когда получатъ извѣстіе объ ужаснѣйшемъ бѣдствіи, насъ постигшемъ».

Императрица пишетъ, между прочимъ, что она облобызала руку императора во имя матери, что гроба его уже болѣе не открыта въ ютѣ¹⁾. Далѣе, говоря, что онъ на небѣ и проч., она добавляетъ: «Я это себѣ говорю, но не чувствую. Я боюсь, что не имѣю достаточно покорности»;

¹⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

еще далѣе: «Я хотѣла бы имѣть усладу думать (такъ приблизительно), что все это происходитъ по волѣ Творца, благаго и милосерднаго (такъ приблизительно), я это знаю, но не чувствую». Столько правды заключается въ этомъ различіи, что ея письмо поражаетъ столь простымъ выраженіемъ глубокой горести. Рюль получилъ письмо отъ Штоффегена ¹⁾, тоже мало успокоительное. Вечеромъ я читалъ проповѣдь. Дѣла были окончены въ 8 часовъ; въ 9 час. императрица отправилась въ великому князю, а послѣ 10 часовъ она послала за мной. Она продолжала свой дневникъ, заведенный вчера и начинающійся со времени болѣзни императора, а затѣмъ происходило чтеніе. Я былъ отпущенъ въ 11³/₄ ч., съ приказаніемъ придти завтра въ 11¹/₂ час.

Декабря 12-го, суббота. Я пришелъ во дворецъ только въ 11 час. Сегодня была панихида по почившемъ императорѣ, въ день его рожденія. Императрица поручила мнѣ приготовить письма для князя Волконскаго и ш-ле Валуевой ²⁾. Она просмотрѣла доклады и при этомъ завелъ разговоръ о типографіи. Императрица не находитъ аренды, уплачиваемой Гречемъ ³⁾, т. е. 6.100 р. достаточной и желаетъ, чтобы ему объяснили, что содержаніе сорока рабочихъ, которыхъ ему дали, стоитъ намъ 12.000 р. и что, слѣдовательно, онъ только на одномъ этомъ наживаетъ 6.000 р. Я долженъ былъ опять повторить, что Гречъ очень хорошо знаетъ эти выгоды, что другіе не нашли ихъ особенно привлекательными, такъ какъ никто не хотѣлъ дать столько. Императрица дала мнѣ однако приказаніе призвать Гетца ⁴⁾ и поручить ему объяснить это Гречу, и я это сдѣлалъ послѣ обѣда. Во время нашего обѣда намъ сказали, что прибылъ курьеръ изъ Варшавы. Тотчасъ послѣ обѣда императрица послала за мною и спросила меня, готовы-ли письма: я едва ли успѣлъ начать одно. Она мнѣ велѣла сначала ихъ кончить и сказала, что затѣмъ предстоить одна важная работа. Когда письма были готовы, императрица, послѣ обыкновеннаго предисловія о необходимости сохранять тайну, объяснила мнѣ, что Константинъ еще 26-го ноября прислалъ актъ, которымъ подтверждаетъ свое отреченіе отъ престола; актъ этотъ былъ доставленъ Михаиломъ, но его хранили въ тайнѣ, чтобы дать Константину время узнать, что присяга ему принесена, и тогда уже ожидать его послѣдняго рѣшенія; хотя онъ стоялъ на своемъ. Императрица дала мнѣ снять копію съ письма къ ней Константина, въ

¹⁾ Лейбъ-медикъ императрицы Елисаветы Алексѣевны.

²⁾ Фрейлина императрицы Елисаветы Алексѣевны.

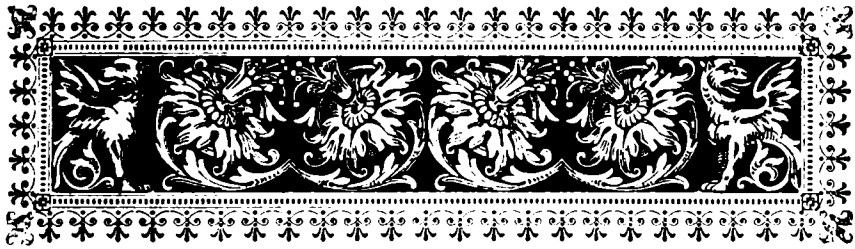
³⁾ Николай Ивановичъ Гречъ, писатель и журналистъ, издававшій „Северную Пчелу“. Онъ арендовалъ типографію Воспитательнаго дома, находившагося подъ покровительствомъ императрицы Маріи. Нынѣ типографія эта принадлежитъ училищу глухонѣмыхъ.

⁴⁾ Главный надзиратель Воспитательнаго дома.

которомъ онъ возобновляетъ свое отреченіе, признаетъ Николая государемъ и желаетъ только служить ему, какъ служилъ покойному отцу и брату. Онъ писалъ также Николаю въ такомъ же смыслѣ, признавая его государемъ. Все это сохраняютъ еще въ тайнѣ, пока Михаилъ не привезетъ съ собою какихъ-либо извѣстій. Письмо Константина сопровождается копіей съ письма покойнаго брата, писаннаго къ нему въ 1822 г. Я снялъ копія съ этихъ двухъ бумагъ. Хотя я съ самаго начала думалъ, что Константинъ не измѣнитъ своему слову, но я, сознаюсь, предпочелъ бы, чтобы онъ занялъ престолъ и далъ время своему брату Николаю немного болѣе созрѣть. Послѣ 11 часовъ происходило чтеніе двухъ проповѣдей, и я возвратился домой лишь послѣ полуночи.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 гг.).

Нрочитавъ книгу: «Тайныя развѣдки» (военное шпіонство) соч. подп. Клембовскаго, я подумалъ, не слѣдуетъ ли мнѣ, близко и практически знакомому съ этимъ дѣломъ, сказать и отъ себя нѣсколько словъ? Предметъ интересный и весьма важный, притомъ же мало у насъ разработанный. Мнѣ случилось, передъ минувшей турецкой войной, быть командированнымъ за границу для собиранія свѣдѣній о турецкихъ силахъ и вооруженіяхъ, я многое видѣлъ, слышалъ и испыталъ, а потому, думаю, было бы ошибкой молчать.

Но тутъ является другое сомнѣніе: дѣятельность моя по собиранію свѣдѣній о непріятелѣ до такой степени связана съ остальными событіями и обстановкой, предшествовавшими войнѣ и самой войны, такъ тѣсно связана съ дѣятельностью другихъ лицъ, участвовавшихъ и неучаствовавшихъ въ войнѣ, что выдѣлить изъ всего этого одну развѣдочную часть—невозможно. Повелюль затронешь много другого и выйдутъ воспоминанія участника минувшей войны съ турками. Хотя трудъ этотъ большой, тѣмъ не менѣе рѣшаюсь описать кое что изъ былого.

Буду очень радъ, если мои бывшіе товарищи по войнѣ, поправятъ невольныя ошибки, вкравшіяся въ эти воспоминанія; всякая поправка только разъяснитъ дѣло.

При составленіи воспоминаній, я пользовался письмами къ женѣ моей и ея сохраненными. Оказалось, что до открытія военныхъ дѣйствій, я писалъ раза по три въ недѣлю, а во время войны конечно рѣже, но все же писалъ при малѣйшей возможности подробныя и

объемистыя письма, что доставило довольно солидный матеріалъ. Не довольствуясь этимъ, я обратился къ сослуживцамъ и товарищамъ прося помочь и мнѣ удалось, при посредствѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, навести справки въ документахъ, лично мнѣ принадлежавшихъ и мною же переданныхъ въ Военно Историческую комиссію.

Считаю долгомъ упомянуть съ живѣйшею благодарностью о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ въ этомъ, генераломъ М. А. Газенкампомт, моимъ бывшимъ сослуживцемъ и генераломъ Домонтовичемъ, моимъ бывшимъ начальникомъ, которые дали мнѣ возможность провѣрить по документамъ хронологію нѣкоторыхъ событій и тѣмъ самымъ содѣйствовали окончанію моихъ воспоминаній.

I.

Сербско-турецкая война. — Впечатлѣніе ею производимое. — Кавалерійскіе маневры подъ Варшавою — Представленіе варшавскому генералъ-губернатору графу Коцебу. — Парадъ въ Скерневицахъ. — Объявленіе мобилизаціи. — К. В. Левицкій. — А. А. Непокойчицкій. — Приготовленія къ походу.

Лѣто 1876 года проводилъ я въ отпуску, въ деревнѣ Ивашевѣ, Вологодской губерніи и зачитывался газетами, наполненными въ то время извѣстіями о сербско-турецкой войнѣ. Я всегда увлекался славянскимъ вопросомъ, считалъ Россію тѣсно связанною съ другими славянскими народностями и ихъ судьбой и естественно, что славянская война за освобожденіе нашла во мнѣ горячаго приверженца.

Газеты наполнены были именами знакомыми мнѣ и даже близкими: И. С. Аксаковъ, М. Гр. Черняевъ, котораго я зналъ не только по его дѣятельности въ Средней Азіи, но и лично, Николай Кирѣевъ, товарищъ по Пажескому корпусу и одного выпуска со мной, Д. П. Доктуровъ, бывший при мнѣ камеръ-пажомъ, лейбъ-гусарь Раевскій, близко знакомый мнѣ по службѣ въ Петербургскомъ военномъ округѣ, гродненскій гусарь Андреевъ, ученикъ мой въ Учебномъ кавалерійскомъ эскадронѣ и много другихъ. Присутствіе этихъ лицъ въ сербской арміи придавало въ моихъ глазахъ войнѣ этой еще больше значенія въ смыслѣ славянства, дѣлала ее еще болѣе близкою сердцу. Не получая въ деревнѣ никакихъ побочныхъ, неофициальныхъ свѣдѣній и черпая таковыя только изъ газетныхъ статей, становилось очевиднымъ, что мы связаны съ этой войной и что недалеко то время, когда пойдемъ на выручку сербовъ.

Пусть военные, да здобавокъ молодые, войдутъ въ мое тогдашнее положеніе и настроеніе: мнѣ было 32 года, я былъ полковникомъ гене-

ральнаго штаба, здоровъ, бодръ, учился у Н. Н. Обручева, М. И. Драгомирова, Г. А. Леера, всегда мечталъ о войнѣ, готовился къ ней и наконецъ вижу ея приближеніе!

Полный воинственныхъ стремленій, увѣренный въ необходимости войны, въ августѣ поѣхалъ я въ Петербургъ и въ первый же день пріѣзда отправился къ одному высокопоставленному родственнику, человеку близкому къ тогдашнему военному министру Д. А. Милютину. Кому же, какъ не ему и знать все то, чего я не могъ вычитать въ газетахъ?

Въ волненіи вошелъ я въ его громадный кабинетъ и съ азартомъ спросилъ:

— Ну что, война?

— Какая война, любезный другъ? Все это глупости. Никакой войны не будетъ,—чуть не съ гримасой отвѣтилъ мнѣ онъ.

— Какъ, а сербы, а Черняевъ, добровольцы?..

— Все это пустяки и глупости, ни о какой войнѣ никто не думаетъ. Сербамъ прикажутъ сидѣть смирно, а Черняеву — вернуться назадъ!

Признаюсь, какъ-будто ушатъ холодной воды на меня вылили.

Огорченный и недоумѣвающій принялся я за обычную службу и жизнь.

Въ сентябрѣ получилъ я приказаніе, въ числѣ другихъ офицеровъ штаба Петербургскаго военнаго округа, отправиться въ свитѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго, на большіе кавалерійскіе маневры въ Варшаву. При отъѣздѣ нашемъ Варшавскій вокзалъ былъ набитъ публикой: толпы добровольцевъ, толпы провожающихъ, на платформѣ служили молебень, кричали «живо».

Варшавскіе кавалерійскіе маневры, чрезвычайно интересныя сами по себѣ, а въ особенности для насъ, пріѣзжихъ, на время отвлекли мои мысли отъ Сербіи и войны.

Хотя маневры эти не имѣютъ ничего общаго съ войной 1877—1878 годовъ, но вкратцѣ скажу и о нихъ нѣсколько словъ.

Кажется давно не было такого большого скопленія кавалеріи для маневровъ. Войска раздѣлены были на двѣ стороны; западный отрядъ изображалъ непріятельскій кавалерійскій корпусъ, наступающій впереди своей арміи, съ юго-запада на Варшаву; другой корпусъ—русскій, оборонялъ Вислу и Варшаву. Юго-западный корпусъ выдвигалъ отъ себя летучій отрядъ, въ 4 эскадрона, для совершенія набѣга (рейда) въ тылъ русскихъ войскъ съ цѣлью тревожить ихъ сообщенія и перервать желѣзную дорогу изъ Варшавы на Брестъ. Кажется, эти маневры совпали съ проповѣдью о рейдахъ, появившейся въ нашей военной литературѣ, и рѣшено было испытать рейдъ на дѣлѣ. Летучій

отрядъ былъ составленъ изъ эскадрона Митавскаго гусарскаго полка (ротмистра Бартенева), эскадрона Ямбургскаго уланскаго полка (ротмистра Бржозовскаго), сотни кубанцевъ изъ конвоя генераль-губернатора графа Коцебу и донской сотни. Отрядъ былъ подъ начальствомъ командира конвоя полковника Рубашевскаго и при отрядѣ находились: адъютантъ великаго князя полковникъ Александръ Петровичъ Струковъ, подполковникъ генеральнаго штаба Николай Николаевичъ Сухотинъ, авторъ сочиненія о рейдахъ американской конницы, и я, въ качествѣ посредника. Обстановку этого рейда старались приблизить къ дѣйствительности и между прочимъ жителямъ не было сообщено объ отводѣ намъ квартиръ для ночлеговъ, не было сдѣлано распоряженій о заготовкѣ фуража, направленіе наше держалось въ большомъ секретѣ и мы были предоставлены сами себѣ. Кѣмъ то былъ даже пущенъ слухъ будто мы и взаправду неприятели; это отчасти подтверждалось въ мѣстѣ населенія тѣмъ, что мѣстнымъ гражданскимъ властямъ, до солтыса включительно, приказано было давать знать начальству русской стороны о нашемъ проходѣ и направленіи. Дѣйствительно, жители встрѣчали насъ враждебно, однажды были даже пущены въ ходъ дрючки, а на первомъ ночлегѣ намъ пришлось связать и продержать подъ арестомъ до утра какого-то деревенскаго начальника, войта гмины или солтыса, стремившагося дать знать о мѣстѣ нашего ночлега. Мѣры предосторожности при движеніи, на ночлегахъ и привалахъ принимались дѣйствительныя, деревни оцѣплялись и никого изъ нихъ не выпускали. Н. Н. Сухотинъ руководилъ всѣмъ движеніемъ, изощрялся въ замѣтаніи слѣда и, долженъ отдать ему справедливость, дѣйствовалъ весьма энергично и искусно; ояъ былъ душою предпріятія. Въ первый день мы сдѣлали, кажется, версть 50. Бартеневъ, мой ученикъ по учебному эскадрону, съ мѣста просилъ разрѣшенія снять мундштуки для облегченія лошадей, а Бржозовскій, тоже мой ученикъ, на предложеніе поступить подобно Бартеневу, съ негодованіемъ отвергнулъ такое, но не болѣе какъ черезъ $\frac{1}{2}$ часа, не поспѣвая шагомъ за остальными и вынужденный все время рысить, сдался и снялъ, въ свою очередь, мундштуки.

Первый день мы шли довольно легко, но второй день былъ просто ужасенъ. Переночевавъ въ какой-то деревушкѣ мы направились въ обходъ Варшавы съ юга, на Гуру-Кальварію съ тѣмъ, чтобы тамъ переправиться черезъ Вислу и выйти на Ново-Минскъ, гдѣ и перерѣзать желѣзную дорогу.

Выступили до разсвѣта, было тепло, но очень сыро и густой туманъ окутывалъ окрестность. Предполагали въ этотъ же день дойти до Гуры-Кальваріи, сдѣлавъ около 127 верствъ, ночью переправиться черезъ Вислу на правый берегъ, отдохнуть, при сравнительно безопасной

обстановкѣ, такъ какъ вся русская кавалерія была на лѣвомъ берегу, а затѣмъ сдѣлать нападеніе на Ново-Минскъ и станцію желѣзной дороги. Но не суждено было намъ выполнить задачу нашу такъ, какъ предполагалось. Мы шли весь день, дѣлая по временамъ привалы; энергія Н. Н. Сухотана не ослабѣвала, А. П. Струковъ на чудесномъ ворономъ англичанинѣ тоже былъ бодръ, но отрядъ утомился, и темная ночь застала насъ еще довольно далеко отъ Гуры-Кальваріи, въ большомъ старомъ лѣсу. На бѣду дождь, сначала небольшой, превратился въ проливной, на столько сильный и продолжительный, что пришлось остановиться. И вотъ какая была картина: жестокой ливень, кругомъ лѣсъ и тьма, одно только шоссе, на которомъ мы стояли — блестящее отъ стекавшей по немъ воды, — поднималось въ гору, прямо передъ нашимъ носомъ. Цѣлые ручьи воды текли съ горы прямо на насъ и мы, усталые, измученные, промокшіе и продрогшіе начали чувствовать головокруженіе и галлюцинаціи. Не только мнѣ, сравнительно слабому физически, но и здоровымъ казакамъ и солдатамъ, дремавшимъ на сѣдлахъ, начало казаться, что мы плывемъ назадъ, что наши лошади осаживаютъ и вотъ-вотъ опрокинутся въ глубокія предорожныя канавы.

Поднялись крики: «не осаживай», «куда лѣзешь», начали понукать лошадей, задніе напирали въ темнотѣ на переднихъ, а передніе, подъ напоромъ хлеставшаго въ лицо дождя, вѣроятно и въ дѣйствительности, невольно осаживали назадъ. Однимъ словомъ хаосъ былъ презрительный. Вотъ, думалъ я, если теперь, ко всему этому да еще появится непріятель? Но успокаивалъ себя тѣмъ, что если намъ плохо, то и ему не лучше; да къ тому же въ темнотѣ не разгуляешься.

Такъ простояли мы довольно долго, а чуть только просвѣтлѣло, тронулись дальше. Прозабшія лошади шли быстро, чему мы вполне сочувствовали. Скоро показалась Гура-Кальварія, и мы подошли къ Вислѣ. На бѣду, всѣ парома оказались на противоположномъ берегу и никакіе крики и угрозы не дѣйствовали на паромщиковъ. Говорили, что это сдѣлано нарочно, что это входило въ планъ маневра. Какъ бы то ни было, стоять на берегу бушевавшей Вислы, при сильномъ вѣтрѣ, мокрымъ, голоднымъ и усталымъ было очень плохо, и вотъ если бы тутъ появился свѣжій, неутомимый противникъ, хотя бы въ половинномъ противъ насъ числѣ, то я думаю легко одержалъ бы успѣхъ.

Послѣ долгаго ожиданія и стоянія въ оконченномъ видѣ на берегу, удалось какими-то судьбами добыть съ того берега два парома; они были такъ малы, а Висла такъ полноводна, что при ея быстромъ теченіи, переправа затянулась до вечера, что дало нѣкоторымъ изъ офицеровъ, въ томъ числѣ и мнѣ, возможность воспользоваться гостеприимствомъ мѣстныхъ жителей, обсушиться, переодѣться и закусить.

На другой день, кажется, была дневка, но навѣрно не помню,

а затѣмъ достигли мы Ново-Минска и считали свою задачу исполненною.

Въ Ново-Минскѣ встрѣтился я съ старымъ знакомымъ полковникомъ Викторомъ Ивановичемъ Дмитровскимъ ¹⁾, командовавшимъ расположеннымъ тамъ Таврическимъ гренадерскимъ полкомъ; тамъ же къ полковнику Рубашевскому явился завѣдывавшій перевозкой войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, очень юный и любезный офицеръ армейскаго уланскаго полка С., и объявилъ, что весь отрядъ нашъ долженъ быть немедленно перевезенъ по желѣзной дорогѣ въ обратную сторону, въ Скерневицы, гдѣ предстоитъ большое одностороннее ученiе всей маневрирующей кавалерiи подъ руководствомъ самого великаго князя.

Упоминаю объ этомъ уланскомъ офицерѣ потому, что мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться впоследствии, при другой обстановкѣ, вызвавшей во мнѣ не мало смѣха.

Въ Варшавѣ познакомились мы съ нашими сослуживцами по генеральному штабу: генераль-маіоромъ Войде, бывшимъ тогда помощникомъ начальника штаба Варшавскаго военнаго округа, полковникомъ Бѣлянскимъ, впоследствии убитымъ при штурмѣ Карса, подполковникомъ Пфейферомъ и другими, а также представлялись начальнику штаба князю И. Ѡ. Шаховскому, а затѣмъ и генераль-губернатору графу Коцебу. Мнѣ пришлось тогда быть первымъ разъ въ замкѣ, называемомъ «бывшимъ королевскимъ», въ томъ замкѣ, въ которомъ потомъ, служа въ Варшавѣ, я такъ часто бывалъ. Графа Коцебу я прежде нигдѣ не встрѣчалъ и очень интересовался его видѣть.

Въ большомъ залѣ, въ которомъ и въ настоящее время собираются ожидающіе представленiя теперешнему генераль-губернатору І. Ел. Гурко ²⁾, было много народу; впереди и поодаль отъ всѣхъ, у средняго окна стоялъ очень высокій, пожилѣй генераль, въ сюртукѣ генеральнаго штаба; намъ сказали, что это Минквицъ, помощникъ графа Коцебу, по званію командующаго войсками. Скоро всѣ разговоры притихли и изъ внутреннихъ комнатъ вышелъ поразительно маленькій старичекъ, довольно живой и подвижный, но весьма не красивый. Обѣими руками держалъ онъ какую-то маленькую бумажку и быстро подошелъ къ Минквицу. Мы, конечно, слѣдили за всѣми его движеніями и крайне удивились, что подойдя къ своему помощнику, почтенному генераль-лейтенанту, Коцебу, здороваясь съ нимъ, не подавъ руки, а продолжалъ вертѣть бумажку. Намъ кто-то сказалъ, будто это всегдашняя уловка графа, не находившаго нужнымъ подавать руку. Это показалось мнѣ и пріѣхавшимъ со мной изъ Петербурга очень

¹⁾ Нынѣ членъ комитета о раненыхъ.

²⁾ Писано въ 1892 г.

страннымъ, такъ были мы избалованы добротой и доступностью нашего петербургскаго начальства: великаго князя Николая Николаевича, его помощника барона Р. Гр. Бистрома, начальника штаба графа Павла Андреевича Шувалова и даже самого государя. Подойдя ко мнѣ, графъ Коцебу, конечно, ограничился тоже легкимъ поклономъ, но очень подробно разспрашивалъ про отрядъ Рубашевского, про нашъ рейдъ и вдругъ особенно благосклонно спросилъ по какому случаю на мнѣ крестъ Прусской короны. Я былъ нѣсколько озадаченъ этимъ вопросомъ, такъ какъ ожидалъ совсѣмъ другого: у меня была Анна 3 ст. съ мечами, рѣзко выдѣлявшаяся, по тогдашней формѣ на лѣвой сторонѣ однобортнаго мундира¹⁾; я увѣренъ былъ, что услышу вопросъ: «а гдѣ вы получили орденъ съ мечами», и даже готовился отчеканить: «за разсѣяніе киргизскихъ скопищъ при урочищѣ Казбекъ, на р. Унгѣ, въ Уральской области, въ 1869 году, ваше сіятельство»,—а тутъ вдругъ совсѣмъ не то! Доложивъ графу, почему на мнѣ прусскій орденъ я, къ изумленію своему, увидѣлъ, что бумажка перешла въ лѣвую его руку, а правая протянулась во мнѣ... Что было тому причиною—не знаю; то ли, что я прѣвѣжій, состоящій для порученій при великомъ князѣ, или что былъ съ Рубашевскимъ въ рейдѣ. Злые языки не преминули воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сказать, что ни то, ни другое, а что причиною былъ прусскій орденъ. Тутъ же намъ рассказали про графа слѣдующій анекдотъ: послѣ франко-прусской войны была послана изъ Россіи въ Берлинъ депутація по какому то торжественному случаю; во главѣ депутаціи былъ графъ Коцебу. На парадномъ приѣмѣ или обѣдѣ, когда собралось уже много народу, нѣмцы очень интересовались знать, который изъ присутствующихъ Коцебу и спрашивали: «Aber wo ist der Kotzebu?» и когда имъ указали, то послышались удивленные возгласы: «wie, dieser Affe!...»

Вѣроятно пруссаки, привыкшіе видѣть своихъ рослыхъ, здоровыхъ полководцевъ послѣдней войны, не могли допустить мысли, что такой важный чинъ помѣщается въ такомъ маленькомъ и невзрачномъ тѣлѣ.

Ученье въ Скерневицахъ закончилось парадомъ; вся кавалерія, съ великимъ княземъ во главѣ, проходила церемоніальнымъ маршемъ мимо фельдмаршала князя А. Ив. Барятинскаго, проживавшаго на покой въ Скерневицахъ. Барятинскій былъ въ лейбъ-гусарской венгеркѣ, въ фуражкѣ и сидѣлъ на великолѣпной, маленькой вороной лошади. Глядя на него, не вѣрилось, что, страдая подагрой, онъ съ трудомъ ходитъ. Тутъ же, въ цегольскихъ экипажахъ, были какія-то дамы восточнаго

¹⁾ Въ то время у молодыхъ офицеровъ рѣдко можно было встрѣтить орденъ съ мечами развѣ у тѣхъ, которые служили въ Ташкентѣ.

типа, нѣкоторыя довольно красивыя; намъ сказали, что это жена фельд-маршала и ея родственницы.

По окончаніи церемоніала Барятинскій сѣлъ въ изящный шарабанъ съ самой молодой и красивой изъ дамъ, кажется, племянницей его жены, самъ взялъ вожжи и уѣхалъ.

День этотъ кончился большимъ обѣдомъ, который давалъ фельдмаршалъ великому князю и его свитѣ въ Скерневицкомъ театрѣ.

Спустя нѣкоторое время по возвращеніи въ Петербургъ узнали мы, что великій князь вызванъ въ Ливадію къ государю, а затѣмъ скоро дошла до насъ официальная вѣсть объ объявленіи мобилизаціи.

Сколько помню, это извѣстіе не особенно насъ поразило. Причиною тому, думаю, было то, что мы настолько уже наговорились о войнѣ, наводновались нашимъ бездѣйствіемъ, что вѣсть о приготовленіи къ ней явилась какъ нѣчто давно ожидаемое, естественное. Впрочемъ, это не была еще война, а только мобилизація части арміи въ подкрѣпленіе переговоровъ съ Портой.

Для насъ мобилизація выразилась тѣмъ, что нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба, служившихъ въ Петербургѣ, созвали въ штабъ, и помощникъ начальника штаба округа свиты его величества генераль-маіоръ Левицкій (Казиміръ Васильевичъ) засадилъ всѣхъ за работу—составленіе дислокаціи мобилизованныхъ корпусовъ въ Бессарабіи съ главной квартирой въ Кишиневѣ.

Личность Левицкаго, о которомъ придется часто упоминать въ этихъ запискахъ, обрисуетъя вполне впоследствии, изъ самаго разсказа, теперь же скажу слѣдующее: это былъ безспорно не злой и очень горячій человекъ, обладавшій громадной памятью, но до-нельзя разсѣянный, неутомимый и энергичный работникъ, за все бравшійся и къ сожалѣнію ничего не кончавшій толкомъ, весьма не глупый, способный, но мало образованный въ военномъ отношеніи. Его разсѣянность была по истинѣ необычайная и о ней придется часто упоминать, а его недостаточное военное образованіе (понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, какъ подобаетъ при оцѣнкѣ свойствъ генераль-квартирмейстера дѣйствующей арміи) несомнѣнно дурно отражалось на ходѣ военныхъ операцій.

Вообще это былъ человекъ деталей, не имѣвшій широкаго взгляда.

Дислокаціонная работа—одна изъ весьма скучныхъ, кропотливыхъ. Насъ раздѣлили на партіи, не имѣвшія между собой ничего общаго, никакой связи, и мы поочередно, сразу по нѣсколько человекъ, сидѣли въ кабинетѣ Левицкаго за большими столами и, наклонясь надъ картами, высчитывали число дворовъ въ населенныхъ пунктахъ, рисовали цвѣтными карандашами кружки, обозначавшіе штабы частей войскъ, и обводили этими же карандашами районы дивизій и корпусовъ. Левицкій

надождалъ намъ страшно. Бывало вечеромъ, за полночь, кончишь работу и доложишь ему.

— Хорошо-съ, хорошо-съ, прекрасно-съ,—скажетъ онъ, а придешь на другой день, онъ встрѣчаетъ фразой: «а знаете, я все переѣмнилъ-съ, да-съ; начинайте снова».

Скучная работа эта сопровождалась стаканами чая съ лимономъ и разказами о новостяхъ и подробностяхъ, касающихся будущаго. Дунай и Балканы не сходили съ языка. Внимательно прислушивались мы къ разказамъ полковниковъ Георгія Ивановича Бобрікова и Николая Дмитріевича Артамонова, путешествовавшихъ въ предшествовавшіе годы по Турціи съ официальной миссіей—градуснаго измѣренія дуги меридіана отъ Торнео до Филиппополя.

Г. И. Бобріковъ служилъ старшимъ адъютантомъ въ штабѣ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, въ которомъ К. В. Левицкій былъ начальникомъ штаба, но потомъ перешелъ въ ученый комитетъ главнаго штаба. Состоя въ комитетѣ онъ нѣсколько разъ былъ въ Турціи, отлично научилъ край, турецкую армію и можно сказать былъ влюбленъ въ Восточный вопросъ и восхищался Босфоромъ. Онъ такъ и сыпалъ турецкими и болгарскими названіями: Демиръ-Капу, Ханъ-Богазъ, т. е. ущелье Хама, Хаянъ-Кіюй, перевалы Розалитскій, Троянъ (Дери-Магаре или гибель ословъ), Берковацъ и проч.

Въ противоположность Бобрікову, Н. Д. Артамоновъ былъ молчаливъ и занимался съ Левицкимъ отдѣльно, предназначаясь на должность штабъ офицера надъ вожатыми⁴⁾.

Въ антрактахъ дислокаціонной работы вспоминали мы о нашемъ весьма уважаемомъ бывшемъ профессорѣ военной статистики Н. Н. Обручевѣ, который еще въ Николаевской академіи генеральнаго штаба читалъ намъ о Шипкинскомъ перевалѣ, указывая на него какъ на пунктъ операціонной линіи для арміи послѣ переправы черезъ Дунай.

И вотъ теперь, въ разговорахъ нашихъ, движеніе на Шипку считалось непреложнымъ и какъ бы дѣломъ рѣшеннымъ, но вопросъ о пунктѣ переправы, возбуждая безконечные споры, оставался для насъ нерѣшеннымъ. Левицкій въ диспуты не вступалъ, отмалчивался, по временамъ удалялся во внутреннія комнаты съ пріѣзжавшими къ нему по дѣлу лицами и тогда уже частенько на всѣ наши вопросы отвѣчалъ: «это секретъ». Впослѣдствіи это слово не сходило съ его устъ, такъ что одно время мы прозывали его: «Секретъ».

Насталъ день нашего представленія генераль-адъютанту Артуру Адамовичу Непокойчицкому, назначенному начальникомъ штаба дѣйствующей арміи.

⁴⁾ Обязанный собирать свѣдѣнія о непріятелѣ.

Непокойчицкаго мало кто изъ насъ зналъ, такъ какъ онъ, будучи предсѣдателемъ кодификаціоннаго комитета военнаго министерства, не имѣлъ сношеній ни съ войсками, ни съ штабомъ, но мы слышали, что въ бывшее время онъ пользовался на войнѣ репутаціей отличнаго начальника штаба, занимая должность эту у графа Лидерса, въ 1848—1849 годахъ, въ Трансильваніи, а потомъ на Дунаѣ въ 1853 году, причѣмъ руководилъ переправой черезъ эту рѣку. Такое боевое прошлое, конечно, и побудило назначить его теперь начальникомъ штаба арміи, призванной дѣйствовать въ Европейской Турціи.

По поводу его назначенія между нами ходилъ слѣдующій разговоръ: говорили, что великій князь телеграфировалъ Непокойчицкому изъ Ливадіи: что онъ назначается главнокомандующимъ, а Непокойчицкій—начальникомъ штаба дѣйствующей арміи. При этомъ великій князь предоставлялъ ему набрать штабъ по своему усмотрѣнію; но желалъ бы, чтобы въ помощники былъ взятъ Левицкій. Я этой телеграммы не читалъ, но отлично помню, что рассказывавшіе о ней излагали ея содержаніе именно въ этихъ выраженіяхъ. Впослѣдствіи, когда мы почти ежедневно видѣли какое-то безучастное отношеніе Непокойчицкаго къ вопросамъ стратегическимъ и боевымъ и господство въ этой области Левицкаго, невольно вспоминалась эта телеграмма, которая съ самаго начала, еще въ Петербургѣ, указала Непокойчицкому, что Левицкій persona grata. Онъ забралъ все въ свои руки, не имѣя данныхъ для такой широкой дѣятельности, а когда Непокойчицкій и желалъ, можетъ быть, страхнуть съ себя это ярмо и поставить «Казимира» на надлежащее мѣсто, то было уже поздно.

Одновременно съ служебными приготовлениями къ войнѣ шли наши домашніе приготовления. Главный вопросъ—денежный, въ то время, былъ у меня въ порядкѣ, а это было все. Большинство моихъ товарищей были еще холостые, а я женатъ и занималъ большую казенную квартиру въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, у Семеновскаго моста. Тамъ, въ кабинетѣ, на отоманкѣ, лежали какъ въ магазинѣ или на выставкѣ, разные предметы одежды, бѣлья, оружія. Чего, чего только тутъ не было; наступила зима, а потому теплыя фуфайки, шведскія куртки, носки и т. п. играли важную роль. Купилъ я у Воткея чудесный бинокль изъ алюминія и уговорилъ товарищей моихъ, Д. С. Нагловскаго и А. А. Фрезе, купить такіе же; заплатили по 55 руб., но зато мой бинокль служить мнѣ и по настоящее время (1892 г.). Товарищи собирались ко мнѣ частенько, пересматривали вещи, вѣны критиковали, другія одобрили и покупали таковыя же себѣ. Такъ пришелъ ко мнѣ однажды пріятель мой, артиллеристъ Z, замѣчательно умный и ученый человекъ, но страшный доктринеръ и оригиналь, какихъ мало; по просту чудакъ. Онъ очень много путешествовалъ и былъ однажды, кажется въ 1865 г.,

въ продолжительной командировкѣ въ Сербіи, для организаціи сербской арміи. Основываясь на своемъ знакомствѣ съ Балканскимъ полуостровомъ онъ, съ авторитетнымъ тономъ знатока, забравовалъ буквально всю мою обмундировку.

— Это все лишнее, повѣрь моей опытности,—говорилъ онъ,—брось все и заведи себѣ резиновые калоши и мѣховую куртку. Я даже могу тебѣ помочь: калоши купи самъ, а куртку я тебѣ пришаю. Она будетъ тебѣ впору. Повернись-ка—да, будетъ впору, а тебѣ ее завтра пришаю. Ты спори верхъ и пришли его мнѣ назадъ, а мѣхъ возьми себѣ.

И дѣйствительно на другой день я получилъ куртку на какомъ-то сомнительномъ, сѣромъ мѣху, крытую тоже чѣмъ-то сѣрымъ. Она мнѣ негодилась и осталась въ шкафу у жены моей, калошъ я тоже не купилъ.

Лошадный вопросъ былъ рѣшенъ благополучно. Я купилъ за 500 руб. у сына Шамиля, Магометъ-шефи замѣчательнаго кабардинца, съ которымъ тотъ разстался только тогда, когда его не пустили самого на войну, и еще другого кабардинца, подешевле, нанялъ конюха, отставнаго казака Кравчинскаго—и былъ вполне снаряженъ въ походъ.

По возвращеніи великаго князя изъ Ливадіи въ Петербургъ дѣятельность различныхъ органовъ управления арміей еще усилилась. Во дворцѣ его высочества часто собирались различные чины для совѣщаній, появлялись новыя лица, доселѣ мною не виданныя, образовывались учрежденія дѣйствующей арміи: канцелярія начальника штаба, управление военными сообщеніями, управление «Краснаго Креста», контроль, казначейство и т. д. Часто слышалось: «теперь уже будетъ не такъ какъ прежде, мы стараго повторять не будемъ» и т. п.

Наконецъ наступило 19-ое ноября 1876 года, день отъѣзда великаго князя и всей главной квартиры въ Кишиневъ.

II.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Поѣздка въ Троице-Сергіевскую лавру.—Составъ полевого штаба.—Кишиневъ.—Рѣчь епископа Павла.—Кишиневское сидѣнье.—Назначеніе меня делегатомъ Кишиневской городской думы.—Командировка въ Турцію.

19-го ноября 1876 года, вставши пораньше, вполне готовый къ отъѣзду, пригласилъ я священника О. Θ. Стрѣтенскаго отслужить на дому напутственный молебенъ, попрощался я съ моей крошкой Марусей и, провожаемый молодой женой, поѣхалъ на Николаевскую желѣз-

ную дорогу, чтобы съѣсть съ остальными чинами полевого штаба, свиты и канцеляріи въ великокняжескій поѣздъ и ѣхать въ Кишиневъ.

По Невскому и Знаменской площади толпились массы народа, и вокзалъ Николаевской желѣзной дороги былъ буквально запруженъ публикой, явившейся провожать великаго князя и отъѣзжавшихъ съ нимъ. Гвардейскіе офицеры приготовили икону для поднесенія главнокомандующему. На вокзалъ прибыла царская фамилія; только государя не было. За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда, въ открытой коляскѣ, сопровождаемый кавалергардскими и конногвардейскими офицерами верхами, пріѣхалъ самъ главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Весь путь его сопровождался криками «ура», дѣйствительно потрясающими.

Около двухъ часовъ пополудни, при единодушномъ, громогласномъ «ура» тронулся нашъ огромный поѣздъ. Думаю, что не одинъ я, размѣстившись поудобнѣе въ вагонъ быстро удалявшагося поѣзда и успокоившись послѣ осмотра вещей и вообще возни, сопровождающей всякій отъѣздъ, прійдя въ себя, подумалъ: ну теперь дѣйствительно, кажется, ѣдемъ на войну.

Все путешествіе наше уподоблялось ряду торжествъ: вездѣ встрѣчи, толпы народа, поднесеніе иконъ и хлѣба-соли, крики «ура» и самыя задумевныя пожеланія.

Прибывъ въ Москву, всѣ мы, съ экстреннымъ поѣздомъ, отправились въ Троице-Сергіевскую лавру. У раки преподобнаго Сергія, намѣстникомъ лавры архимандритомъ Антоніемъ былъ отслуженъ молебенъ. Изъ церкви мы прошли въ покои намѣстника, гдѣ насъ угощали завтракомъ или обѣдомъ, хорошенько не знаю, такъ какъ вслѣдствіе тѣсноты и массы публики мнѣ, по крайней мѣрѣ, ничего не удалось поѣсть. На прощанье монахи дали каждому изъ насъ по иконѣ.

Возвратившись въ Москву, въ тотъ же день мы выѣхали на Тулу, гдѣ былъ большой обѣдъ, затѣмъ на Курскъ, Кіевъ и дальше.

Начиная отъ Курска, мы стали нагонять и обгонять поѣзда съ мобилизованными уже частями войскъ, которыя, судя по наружному виду, были въ полномъ порядкѣ. Намъ говорили, что мобилизація окончилась очень удачно, за исключеніемъ мелкихъ, маловажныхъ фактовъ: призывные изъ запаса люди и лошади прибыли своевременно. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ жаловались на обозъ, который тяжелъ и неповоротливъ. Мнѣ припомнились слова французскаго военнаго агента въ Петербургѣ, почтеннаго полковника Гальяра (Gaillard), говорившаго лично мнѣ: «Vos troupes sont excellentes, mais votre administration et surtout vos trains

laisseut beaucoup à désirer ¹⁾). Слова его начинали частью оправдываться и, какъ увидимъ дальше—оправдалось и остальное.

Во время пути офицеры генеральнаго штаба провели время очень весело и сдружились. Споры и разговоры имѣли, конечно, одно постоянное основаніе—войну. Былъ, впрочемъ, еще одинъ предметъ частыхъ разговоровъ, предметъ, послужившій, хотя и косвенно, еще къ большому товарищескому нашему сближенію: это общее неудовольствіе на Левицкаго. У насъ было два Левицкихъ: одинъ Казиміръ Васильевичъ, о которомъ я уже говорилъ, другой Николай Васильевичъ, старшій адъютантъ полевого штаба, прекрасный человекъ и товарищъ. Не помню почему, Левицкаго (Казиміра) въ дорогѣ порѣшили называть «воно».

Итакъ, помощникъ начальника штаба дѣйствующей арміи, свиты его величества генераль-маіоръ Левицкій, Казиміръ, вовсе того не желая, сплотилъ насъ въ тѣсный товарищескій кружокъ, цементомъ котораго было общее къ нему нерасположеніе.

Всѣ мы жалѣли, что Непокійчицкій не взялъ въ помощники генераль-маіора Василія Николаевича Лаврова (командовавшаго въ то время лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ и убитаго при Горнемъ Дубнякѣ), человека знающаго, спокойнаго, высоко честнаго, деликатнаго и вполне самостоятельнаго.

23-го ноября, въ шесть часовъ утра, пріѣхали мы въ Кишиневъ, который встрѣтилъ насъ не особенно привѣтливо. Сырое, холодное, темное утро, невылазная грязь, вполне оправдывавшая характеристику города, сдѣланную еще Пушкинымъ: зимой—чернильница, лѣтомъ—песочница, и отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, большой недостатокъ извозчиковъ—все это, конечно, не очень понравилось путешественникамъ, пробывшимъ четверо сутокъ въ вагонѣ. А тутъ еще надо торопиться, отыскать квартиру, переодѣться и спѣшить въ соборъ на молебствіе. Всѣ злились и всюду слышалось: «ну ужъ Кишиневы!..», хотя это, конечно, не помогало. Но свѣтъ не безъ добрыхъ людей: на вокзалѣ встрѣтилъ я жандармскаго полковника В. А. Янова, брата моего бывшаго батарейнаго командира и другого жандармскаго офицера Вырубова, моего ученика по Учебному эскадрону. Они раздобыли извозчика, и я съ Нагловскимъ, не разъ засѣвши въ грязи, пріѣхали на отведенную намъ квартиру. Великій князь проѣхалъ въ богатый, барскій домъ мѣстнаго помѣщика Катарджи, воалѣ котораго стоялъ почетный караулъ отъ 14-й пѣхотной дивизіи, съ ея начальникомъ генераль-лейтенантомъ М. И. Драгомировымъ во главѣ; тутъ же представлялись великому князю мѣстныя власти: губернаторъ, свиты его величества

¹⁾ Ваши войска превосходны, но ваша администрація и въ особенности повозки оставляють желать многаго.

генераль-маіоръ Шебеко, городской голова и другія лица. Я слышалъ, будто великій князь, недовольный страшною грязью и другими безпорядками, обращаясь къ городскому головѣ, сказалъ: «Покуда мнѣ васъ благодарить еще не за что».

Въ одиннадцатъ часовъ утра въ соборѣ былъ отслуженъ епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ Павломъ молебенъ, въ присутствіи великаго князя и всей свиты. При входѣ главнокомандующаго въ церковь, епископъ произнесъ слѣдующую, всѣмъ очень поврававшуюся, рѣчь:

«Благовѣрный государь!

«Августѣйшій братъ твой—великій государь нашъ императоръ и весь народъ русскій напутствовали тебя на подлежащій тебѣ великій подвигъ сердечными желаніями всевозможнаго успѣха. Святая церковь и небесный покровитель Русской земли, преподобный Сергій, излили на главу твою благословенія свои. Съ тѣми же благожеланіями и благословеніями срѣтаемъ и мы тебя здѣсь; и съ нами срѣтаютъ тебя здѣсь святые печальники о землѣ Русской—благовѣрный великій князь Александръ-Невскій и святитель Митрофанъ, епископъ воронежскій, которыхъ сегодня память. О томъ, чего они просятъ для тебя у Господа на небѣ, мы можемъ гадать по дѣламъ ихъ на землѣ. Святой Александръ съ самоотверженіемъ и мужествомъ защищалъ землю Русскую отъ враговъ, сокрушая силу вражю. Подъ осѣненіемъ молитвъ и благословеніемъ св. Митрофана славный предокъ твой—великій Петръ—приготовлялъ въ Воронежѣ первые изъ тѣхъ сокрушительныхъ ударовъ, которые, по его почину, Россія стала наносить Турціи... Побѣды и успѣха всѣмъ начинаніямъ твоимъ просятъ у Господа святой Александръ и святой Митрофанъ.

«Побѣда звучитъ, благовѣрный государь, и въ самомъ имени твоёмъ и твоего августѣйшаго сына: Николай—побѣда людей. По имени твоему да будутъ и дѣла твои, твоихъ сподвижниковъ и предводимыхъ тобою войскъ христіюбавыхъ... Если мирные переговоры приведутъ къ миру, и тебѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, но безъ войны, предстоитъ обезоруживать и укрощать жестокихъ поработителей и обезпечивать человѣческія права для угнетенныхъ и поруганныхъ братій нашихъ по вѣрѣ и крови, то да поможетъ тебѣ Господь одержать побѣды мирныя: утвердить правду, миръ, благосостояніе среди народовъ, давно лишенныхъ этихъ благъ, и дѣлами своими покорить себѣ сердца всѣхъ. Если же возгорится война, то да поможетъ тебѣ Богъ браней такъ же побѣдоносно и сокрушительно поражать враговъ, какъ поражалъ ихъ Св. Александръ-Невскій, покрыть новою славой русское оружіе и побѣдами обезпечить для Россіи и для покровительствуемыхъ ею многострадальныхъ народовъ прочный, славный, плодоносный миръ».

Не могу точно опредѣлить, съ какого возраста началъ вырисовываться въ моемъ воображеніи образъ войны; вѣроятноѣ всего въ корпусѣ. Но когда бы это ни началось, во всякомъ случаѣ война рисовалась моему воображенію въ видѣ движенія, чрезвычайнаго напряженія силъ духовныхъ и физическихъ, работы мозга и мускуловъ, однимъ словомъ общій характеръ положенія на войнѣ рисовался мнѣ какъ нѣчто клочущее, стремительное, напряженное. По мѣрѣ возрастанія и изученія военной исторіи и военныхъ наукъ, образъ войны слагался въ моемъ возрѣвнн болѣе опредѣленно, но общій характеръ его оставался такимъ, какимъ въ смутныхъ чертахъ явился мнѣ раньше: движеніе, энергія, непрестанная работа духа и тѣла, борьба.

И вотъ прибыли мы на войну и сѣли: вышло Кишиневское сидѣнье.

Гдѣ и что дѣлается, кто дѣлаетъ—не знаемъ. Свѣдѣній о неприятелѣ не имѣемъ, газетъ не получаемъ. Пристаемъ къ Артамонову: «что турки?» Сердится и говоритъ, что ничего не знаетъ, бранить «вою» (Левцаго). Дни проходили томительно-однообразно. Встанемъ съ Д. С. Нагловскимъ, попьемъ чайку и пойдѣмъ шляться. Грязь, а то и гололедица. Зайдемъ къ А. А. Фрезе, онъ жилъ почти рядомъ и какъ разъ по дорогѣ, захватимъ его и часовъ около двѣнадцати идемъ въ военный клубъ. Тамъ мы спрашиваемъ о новостяхъ и насъ о томъ же спрашиваютъ. По большей части новостей никакихъ. Изрѣдка кое-что узнаемъ, но весьма неопредѣленно. Говорятъ, въ Бухарестѣ сидитъ нашъ офицеръ, генеральнаго штаба полковникъ князь Кантакузенъ и, состоя при Нелидовѣ, совѣтникѣ посольства нашего въ Константинополь, заключаетъ конвенцію съ румынскимъ правительствомъ относительно прохода нашихъ войскъ черезъ Румынію; говорятъ, Черняевъ отозванъ изъ Сербіи и скоро пріѣдетъ въ Кишиневъ, говорятъ, говорятъ... и все кончается тѣмъ, что бранимъ Казимира (Левцаго). По временамъ появляются новыя лица: М. А. Хитрово—дипломатъ, очень милый, весьма остроумный человѣкъ и, какъ оказалось впоследствии, поэтъ; пріѣхалъ полковникъ генеральнаго штаба Василій Григорьевичъ Золотаревъ—милая, прелестная личность; умный, образованный, благовоспитанный, онъ сразу сошелся со всѣми нами и сразу же имѣлъ исторію съ Левцакомъ.

Истощившись отъ бездѣлья въ теченіе дня, кое-какъ дотягивали мы до шести часовъ вечера и шли обѣдать къ великому князю. Обыкновенно мы собирались въ верхнемъ этажѣ, въ большой гостиной (она же и приемная) и выстраивались у стѣнки, въ ожиданіи выхода его высочества изъ кабинета; послѣднимъ приходилъ А. А. Непокойчацкій. Молча, съ неподвижнымъ лицомъ, кланялся онъ намъ, а иногда обходилъ и давалъ руку; затѣмъ, по выходѣ великаго князя, всѣ шли вязать, въ

столовую къ обѣду. При мнѣ, до моего отъѣзда за границу, насъ садилось за столъ около 30—35 человекъ ежедневно. Во время обѣда Непокройчицкій больше молчалъ или говорилъ такъ тихо, что намъ, сидѣвшимъ на концѣ стола, не было слышно; зато Левицкій ораторствовалъ и не только хохоталъ, но, какъ говорится, гоготалъ во всю глотку при какомъ-нибудь разсказѣ великаго князя. Случалось, что и за обѣдомъ появлялись вдругъ новыя, невѣдомыя лица. Такое событіе всегда возбуждало общее любопытство. Такъ, помню, однажды явился за обѣдомъ какой-то пожилой генераль-маіоръ въ обще-генеральскомъ сюртукѣ, съ трясущейся головой и не русскимъ лицомъ. Мы узнали, что это графъ Мавросъ, но не могли узнать, въ качествѣ чего онъ явился. Его пріѣздъ далъ поводъ М. А. Хитрово сострить очень удачно. Къ нему пріставали съ разспросами о румынахъ и о Румыніи; когда пріѣхалъ Мавросъ, то Хитрово сказалъ:

— Вотъ, господа, вы все спрашивали о румынахъ; взгляните на Мавроса, да возьмите пятнадцать милліоновъ такихъ Мавросовъ и будутъ румыны.

По вечерамъ сидѣли иногда въ клубѣ и довольно часто собирались у насъ потолковать. Нагловскій всегда любилъ сидѣть дома при условіи, чтобы были гости, чай съ булками, чтобы можно было бесѣдовать, разсуждать. Его свѣтлый умъ, обширныя познанія и симпатичность всегда привлекали товарищей и знакомыхъ и онъ вездѣ дѣлался центромъ собравій и бесѣдъ.

Посреди этой мертвящей кишиневской жизни большимъ утѣшеніемъ всѣмъ намъ служили два дома: генеральнаго штаба полковника Е. А. Жданова и М. Ив. Драгомирова.

Ждановъ, геодезистъ, начальникъ съемки на югѣ Россіи, былъ женатъ на Варварѣ Владиміровнѣ, сестрѣ моего и Нагловскаго пріятеля К. В. Снесорева и двоюродной сестрѣ того Z. который забраковалъ мои личныя мобилизаціонныя приготовленія. Домъ, который они занимали на выѣздѣ изъ города, стоялъ рядомъ съ домомъ М. И. Драгомирова; обѣ семьи жили очень дружно, принимали насъ въ высшей степени радушно. Тамъ мы отдыхали отъ нашихъ горестей, тѣмъ болѣе, что встрѣчали большое сочувствіе, особенно отъ М. И. Драгомирова, который, командуя мобилизованной 14-й пѣхотной дивизіей, испытывалъ на себѣ всю тяжесть общей неурядицы. Кромѣ того, Драгомирова мы привыкли уважать и любить еще въ академіи, какъ профессора.

Михаилъ Ивановичъ всѣмъ былъ извѣстенъ, какъ хлѣбосоль. Когда къ великому моему удовольствію, какъ не игроку, кончались партіи въ винтъ, всѣ садились ужинать за большой столъ, гдѣ часто красовался великолѣпный холодный поросенокъ подъ хрѣномъ, и тутъ-то шли нескончаемыя бесѣды о войнѣ и о нашемъ теперешнемъ сидѣннѣ. Въ

этихъ двухъ домахъ мы отдыхали нравственно и узнавали много интереснаго.

Наконецъ я получилъ командировку: Левицкій приказалъ мнѣ быть чѣмъ-то въ родѣ делегата въ Кишиневской городской Думѣ для возбужденія и разрѣшенія, *séance tenante*, разныхъ вопросовъ по расквартированію и вообще довольствію войскъ, въ городѣ расположенныхъ. Пошелъ я въ это заведеніе: грязь, вонь, смуглые, волосатые и бородастые пасцы—мѣстные уроженцы, и скорѣе апатія и равнодушіе, чѣмъ энергія и дѣятельность. Впрочемъ, надо сказать въ оправданіе Думѣ: въ ней, какъ и во всѣхъ нашихъ учрежденіяхъ, царствовали бюрократизмъ, журналы, реестры, постановленія и т. п. Нельзя было и ожидать, чтобы на какое-нибудь мое словесное заявленіе или требованіе являлось бы исполненіе тотчасъ или сію минуту, какъ того желалъ Левицкій; всякій вопросъ требовалъ или расходовъ, или отвода мѣста, дома, строенія, а это, въ свою очередь, требовало времени, занесенія въ журналъ, засѣданія, постановленія и т. п. Такъ что въ концѣ концовъ я отбывалъ мою повинность, ходилъ по утрамъ въ Думу, а въ сущности ничего не дѣлалъ, подобно мнѣмъ остальнымъ товарищамъ.

Тѣмъ временемъ войска все прибывали, нѣкоторыя проходили городъ и почти не было дня, чтобы главнокомандующій не смотрѣлъ какія-нибудь части. Сколько помню, великій князь обыкновенно выходилъ на крыльцо своего дома около двѣнадцати часовъ дня или послѣ двѣнадцати и къ этому времени собиралось туда много разныхъ чиновъ по дѣлу, а кто и безъ дѣла; нѣкоторые, кажется, только для того, чтобы показаться на глаза высшему начальству и напомнить о своемъ существованіи. Мнѣ рассказывали очень характерный разговоръ съ Радецкимъ по поводу этого стремленія показываться на глаза великому князю.

— Что это вы, Федоръ Федоровичъ, никогда не покажетесь въ двѣнадцать часовъ у великаго князя?—говорили ему;—вѣдь вы все-таки командиръ корпуса, чинъ большой. Можетъ быть, великій князь васъ увидитъ, что-нибудь спроситъ, понтересуется поговорить...

Радецкій въ нѣкоторомъ ужасѣ, какъ-будто испугавшись несообразности высказанной мысли, отвѣчалъ:

— Что вы, что вы! великій князь такъ занятъ, что ему не до меня. Я думаю у него голова-то кругомъ идетъ отъ заботъ, а я еще пойду его беспокоить, мозолить глаза... Нужно будетъ, такъ потребуешь, а такъ безъ дѣла беспокоить нельзя.

Не знаю, на сколько вѣренъ этотъ эпизодъ, но во всякомъ случаѣ онъ чрезвычайно мѣтко характеризуетъ Радецкаго, скромнаго, не болтливаго человѣка, спокойнаго на видъ, но такого, который «когда нужно будетъ»—то дѣло сдѣлаетъ.

Около этого времени случилось со мною нѣчто такое, что сразу вытолкнуло меня въ жизнь, полную дѣятельности и приключеній и поставило меня въ положеніе совсѣмъ не обыденное.

Числа 1-го или 2-го декабря, хорошенько не помню, кончивши обѣду у великаго князя, тутъ же въ столовой подошелъ я къ Левицкому и просилъ выслушать нѣсколько словъ, касавшихся какого-то неотлагательнаго дѣла въ Думѣ. Меня нѣсколько удивило то, что Казимиръ, всегда относившійся ко мнѣ сурово и съ неудовольствіемъ принимавшій мои доклады о дѣятельности Думы, тутъ какъ-то весело и умильно улыбнулся; фамильярничалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ точно и не слушалъ, а глядѣлъ куда-то вдаль, черезъ меня. Вдругъ я почувствовалъ, что меня въ голову что-то ударило; оборачиваюсь—по другой сторонѣ длиннаго обѣденнаго стола стоитъ великій князь, какъ оказывается бросившій въ меня кусочкомъ хлѣба, и, глядя на меня, смѣется самымъ добродушнымъ, привѣтливымъ, ласковымъ смѣхомъ. Онъ помянулъ меня къ себѣ, я обошелъ столъ, подошелъ къ его высочеству и какъ обыкновенно водилось въ подобныхъ случаяхъ, присутствующіе отошли подальше.

— Ну, маленькій, — сказалъ мнѣ великій князь ¹⁾, — я посылаю тебя въ Русукуъ...

Услышавъ эти слова, я не могу выразить, что со мной сдѣлалось. Я былъ тогда вполне здоровъ, не былъ еще нервнымъ, но тѣмъ не менѣе, сердце забилось, колѣнки задрожали, въ моихъ глазахъ лампы запрыгали и все завертѣлось.

— Я посылаю тебя въ Болгарію, собери мнѣ тамъ свѣдѣнія о туркахъ и пожалуйста съѣзди въ Русукуъ, посмотри его укрѣпленія. Я знаю, что эта командировка опасная, можетъ быть ты и не вернешься, но мы всѣ пришли къ заключенію о необходимости этого и, я надѣюсь, что ты постарайся. Непокойчицкій тебѣ еще ничего не говорилъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше императорское высочество.

— Ну такъ ступай къ нему, онъ тебѣ все расскажетъ.

Не слыша подъ собой ногъ отъ радости и волненія, побѣжалъ я къ Непокойчицкому. Русукуъ, турки и я! вотъ чѣмъ я былъ полонъ.

Прихожу къ Непокойчицкому, жившему рядомъ, черезъ улицу отъ великаго князя, въ одно-этажномъ сѣренькомъ домѣ, столъ намъ всѣмъ извѣстномъ. Артуръ Адамовичъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть дома въ очень длиннополномъ генеральскомъ пальто и туфляхъ. Въ такомъ видѣ нашелъ я его и теперь. Начальникъ штаба, всегда очень вѣжливый, пригласилъ меня сѣсть и съ обыкновенной своей невозмутимостью по-

¹⁾ Великій князь Николай Николаевичъ Старшій былъ всегда чрезвычайно ко мнѣ милостивъ и часто называлъ „маленькій“.

важь рѣчь, которую я достаточно помню и постараюсь возстановить по возможности точно.

— Ну, вамъ великій князь сказалъ въ чемъ дѣло и вѣроятно говорилъ о поѣздкѣ въ Русуку?

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Ну, въ Русуку-то я не думаю, чтобы вы попали, врядъ-ли это удастся—не пустякъ; а вы вообще поѣзжайте, слѣдите за турками и ихъ приготовленіями, да почаще намъ пишите. Мы ничего не знаемъ. Чѣмъ чаще будете писать, тѣмъ лучше; пишите даже о пустякахъ, лишь бы они касались нашего дѣла. Я думаю, что къ Рождеству вы вернетесь. Вы получите три тысячи рублей для собиранія свѣдѣній, да тысячу рублей на ваши расходы, конечно кредитными, золота у насъ нѣтъ. Условьтесь съ Левницкимъ, какъ вамъ ему писать, да поговорите съ Хитрово о вашей поѣздкѣ; онъ можетъ быть вамъ полезенъ. Ѣхать вамъ прямо на Унгени и Букарестъ нельзя; и Кишиневъ и вся дорога кишатъ румынскими и австрійскими шпионами; вамъ лучше Ѣхать на Кіевъ и Волочискъ. Есть у васъ статское платье?

— Никакъ нѣтъ.

— И отлично, вы выѣдете отсюда въ военномъ платьѣ, благо васъ тутъ вѣроятно уже многіе знаютъ и, не возбуждая подозрѣній, поѣдете въ Кіевъ, тамъ переодѣнетесь въ статское платье и отправитесь дальше. Только дѣйствуйте осторожно. Надо бы вамъ придумать имя какое-нибудь, вѣдь нельзя же путешествовать подъ вашими настоящими именемъ и фамиліей.

Затѣмъ, помолчавъ нѣсколько, какъ бы обдумывая что-то, Непокойчицкій продолжалъ:

— А вотъ что, какія у васъ мѣтки на бѣльѣ?

— Французскія Р. Р.

— Прекрасно, такъ и будьте вы Paul Paulson; это прекрасная фамилія, интернациональная; есть Paulson'ы нѣмцы, англичане, французы, русскіе и даже жида. Какіе вы знаете языки?

— Французскій и нѣмецкій.

— Ну и отлично; такъ вотъ будете вы Paul Paulson. Я вамъ, впрочемъ, дамъ рекомендательныя письма къ нашему дипломатическому агенту въ Букарестъ барону Стурарту, да пожалуй, на всякій случай и Кожевникову, нашему генеральному консулу въ Русуку. Только не думаю, чтобы вы туда попали. Теперь ступайте; соберитесь въ дорогу, да поѣзжайте скорѣй. Когда думаете вы выѣхать?

Я отвѣчалъ, что такъ какъ теперь уже поздно и надо повидать Левницкаго, Хитрово и получить деньги, что вѣроятно займетъ весь слѣдующій день, то могу выѣхать послѣ завтра. Непокойчицкій сказалъ мнѣ, что о деньгахъ распоряженіе уже сдѣлано, что Левницкій меня не задер-

жить, и чтобы я торопился. Откланявшись начальнику штаба, пошелъ я къ Левицкому, который просилъ меня зайти на другой день пораньше. Покопчивъ съ властями, отправился я въ тотъ же вечеръ къ М. А. Хитрово, о которомъ уже упоминалъ раньше. Михайлъ Александровичъ былъ боленъ: у него была какая-то простудная болѣзнь; въ комнатѣ было жарко, особенно мнѣ, сидѣвшему въ мундирѣ на мѣху. Хитрово далъ мнѣ массу полезныхъ указаній; онъ началъ съ того, что сдѣлалъ характеристику нашихъ консульствъ на Востокѣ, съ которыми мнѣ вѣроятно придется имѣть дѣло. По его словамъ, я найду въ баронѣ Стурартѣ прекраснаго, умнаго, дѣятельнаго и милаго человѣка.

Какъ на знатока Румыніи, М. А. указалъ мнѣ на нашего консула въ Галацѣ, Александра Степановича Романенко. Затѣмъ Хитрово упомянулъ мнѣ о нашихъ скопцахъ, которыми наполнена Румынія и преимущественно большіе города: Букарестъ, Яссы, Галацъ и др. Скопцы, по его мнѣнію, могли быть мнѣ весьма полезными помощниками.

Что касается Болгаріи, то тамъ дѣло обстояло не особенно важно. Въ Русчукѣ генеральнымъ консуломъ былъ Василій Федоровичъ Кожевниковъ, по словамъ М. А. Хитрово въ высшей степени порядочный, хорошій человѣкъ, но больной, неподвижный; зато въ его консульствѣ былъ золотой человѣкъ, кажется драгоманъ, Карвонидесъ, грекъ, знатокъ Болгаріи и турокъ, ловкій, пронырливый, умный, рѣшительный, находчивый, однимъ словомъ такой, какого мнѣ именно было нужно. Очень рекомендовалъ мнѣ Хитрово нашего консула въ Тульчѣ—Романенко, брата галацкаго консула; но Тульча была въ сторонѣ отъ моихъ операций и предполагаемыхъ дѣйствій арміи. Хитрово говорилъ мнѣ, что въ Букарестѣ я навѣрное найду болгарскихъ выходцевъ, и что они могутъ оказать мнѣ много услугъ. Такъ, между прочимъ, онъ особенно рекомендовалъ мнѣ нѣкоего Княжевскаго, старика, бывшего уже лазутчикомъ русской арміи на Дунаѣ въ 1853—1854 годахъ.

Хитрово одобрилъ мѣры, принятыя относительно меня Непокійчицкимъ, но совѣтовалъ взять паспортъ не на имя Паульсонъ, а на мое имя, конечно не называясь полковникомъ, въ виду того, что въ случаѣ неудачи за настоящее лицо консулъ или вообще дипломатическій представитель всегда можетъ заступиться; затѣмъ онъ далъ мнѣ нѣсколько практическихъ совѣтовъ. Такъ совѣтовалъ онъ постоянно носить шерстяные набрюшникъ, фуфайку и имѣть всегда запасъ вермута. Разсуждая о томъ, какимъ образомъ буду я путешествовать по Болгаріи, Хитрово рекомендовалъ мнѣ обзавестись осломъ, а также вьюкомъ на болгарскомъ сѣдлѣ или ленчикѣ, называемомъ сем ер ъ.

— А главное,—сказалъ онъ мнѣ на прощанье,—отыщите Княжевскаго.

Искренно поблагодаривъ любезнаго хозяина за эти свѣдѣнія и совѣты,

побѣхалъ я домой, гдѣ въ ожиданіи моего возвращенія уже собралась вся наша публика: А. А. Фрезе, Н. Д. Артамоновъ, Г. И. Бобриковъ и др. Понятно разспросамъ, разговорамъ конца не было; всѣ приняли во мнѣ и въ моей командировкѣ живѣйшее участіе. Артамоновъ и Бобриковъ, бывшіе уже въ Болгаріи и Турціи, имѣли, конечно, первенствующій голосъ въ этотъ вечеръ. Артамоновъ прямо говорилъ, что о Русукуѣ и думать нечего: повѣсать или зарѣжутъ, а потомъ, впоследствии, извинятся передъ русскимъ правительствомъ, отъ чего собственно мнѣ легче не будетъ. Бобриковъ допускалъ возможность, что не повѣсать и не зарѣжутъ, но утверждалъ, что побѣдка въ Русукуѣ будетъ совершенно безпѣльна, и, основываясь на собственномъ опытѣ, доказывалъ, что я ничего не уважу, такъ какъ за мной будутъ слѣдить шагъ за шагомъ, въ интересныя мѣста, т. е. укрѣпленные пункты, не пустятъ, городъ же самъ по себѣ не представляетъ съ военной точки зрѣнія ничего интереснаго. Бобриковъ прибавлялъ, что во всякомъ случаѣ я могу быть арестованъ и посаженъ въ конакъ (тюрьму). И Бобриковъ, и Артамоновъ сходились во мнѣніи, что главная моя задача должна заключаться не въ томъ, чтобы побывать въ Русукуѣ и не въ томъ, чтобы добывать случайно отрывочныя свѣдѣнія, а въ томъ, чтобы учредить постоянное наблюденіе, организовать цѣлую сеть агентовъ, систематическую постоянную агентуру, которая дѣйствовала бы непрерывно. При этомъ они выражали мысль, что на такого рода организацію, единственно полезную, трехъ тысячъ, мнѣ данныхъ примѣрно на одинъ мѣсяць, не только мало, но что это просто нуль, и что съ такими деньгами и соваться нечего. Много надеждъ возлагали они на болгаръ при данномъ настроеніи славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова, но совѣтовали отъ вѣду не рассчитывать на чиновъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

Разошлись поздно вечеромъ, при пожеланіи мнѣ всякихъ благъ.

Забравшись въ постель, неволью перебиралъ я въ умѣ все случившееся со мной въ этотъ день съ шести часовъ вечера. Голова трещала, многое путалось, пробѣгали какіе-то смутные образы: обѣденный столъ у великаго князя, улыбающійся Казиміръ, Русукуѣ, неподвижная физиономія Непокойчицкаго, какой-то Paul Paulson, осель, семеръ, старикъ Княжевскій, конакъ, и подъ конецъ просто казалось, что все это дѣлается не со мной, а съ кѣмъ-то другимъ, а я только вижу все это или читаю.

Но молодость взяла свое—и я заснулъ.

На другой день, рано утромъ, былъ я у Левицкаго. Ничего новаго отъ мнѣ не сообщилъ, а только приказалъ писать ему даже письма непрямо шифромъ, причеъ далъ мнѣ шифръ, чрезвычайно сложный

и неудобный, который послѣ первой же пробы въ Букарестѣ я больше не употреблялъ.

При окончаніи разговора Левицкій спросилъ меня, знаю ли я Р., и когда я сказалъ, что не знаю, то Левицкій сообщилъ мнѣ, что Р. лейтенантъ нашего флота, уже былъ на Дунаѣ въ командировкѣ, въ родѣ моей, но съ специальною цѣлью: выбрать мѣста для устройства минныхъ загражденій, что онъ только-что вернулся въ Кишиневъ, и что мнѣ полезно будетъ съ нимъ повидаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ Левицкій сказалъ, что въ настоящее время въ Румыніи еще проживаетъ нашъ морской офицеръ Новосельскій, путешествующій подъ псевдонимомъ Люба, и что если я его встрѣчу, то по этому прозвищу могу его узнать.

При мнѣ пришелъ къ Левицкому начальникъ военныхъ сообщений генералъ-лейтенантъ Каталей и тутъ произошла сцена тяжелая, прямо возмутительная, которую я какъ теперь помню.

Каталей былъ очень почтенный и уже весьма пожилой человекъ; онъ имѣлъ репутацію честнаго и знающаго, занималъ высокое и ответственное мѣсто. Весьма естественно, что онъ обратился къ Левицкому для полученія какихъ-то свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ и всѣ, рѣшительно ничего не зналъ о томъ, что дѣлается, и что предполагается, а слѣдовательно не могъ работать и весь его отдѣлъ, въ томъ числѣ желѣзнодорожный и этапный, бездѣйствовалъ. Левицкій не только не посадилъ его, но велъ рѣчь въ самомъ наглomъ и вызывающемъ тонѣ. Только и слышалось:

— Все-съ въ свое время узнаете; я вамъ теперь ничего не могу сообщить.

— Да помилуйте Казиміръ Васильевичъ,—упрашивалъ смущенный Каталей,—вѣдь я ничего не могу дѣлать, есть насущныя потребности; вы хоть мнѣ скажите въ общихъ чертахъ предположенія главнокомандующаго о томъ, что до меня касается, для руководства моимъ работамъ...

— Это секретъ-съ; я вамъ ничего сказать не могу. Своевременно все получите и вамъ останется только исполнять.

Старый генералъ-лейтенантъ, почтенный Каталей, красный какъ ракъ, смущенный всей этой сценой, стоялъ какъ провинившійся школьникъ передъ строгимъ, чуть не распекающимъ, учителемъ.

Другая сцена, смѣхотворная, подтверждаетъ сказанное мною выше, что Левицкій былъ человекъ не свѣдущій въ военномъ дѣлѣ.

Кажется въ то же утро, но во всякомъ случаѣ при мнѣ, пришелъ къ Левицкому начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи генералъ-лейтенантъ князь Масальскій.

— Я пришелъ къ вамъ, Казимиръ Васильевичъ, поговорить о передовомъ артиллерійскомъ запасѣ; пора бы этимъ позаняться.

Казимиръ смутился.

— А, передовой запасъ?—сказалъ онъ.—Да, да, какъ же, какъ же, непременно; да, да, это очень, очень важно. Извините, я очень теперь занятъ; но надняхъ непременно, непременно...

Когда Масальскій ушелъ, то онъ началъ бѣгать по комнатѣ, тереть себѣ лобъ и бормотать: «Чортъ его знаетъ, какой это у него тамъ передовой запасъ? Передовой запасъ? Право не знаю...»

Р... нашелъ я въ какой-то гостиницѣ; это былъ очень маленькаго роста рыжеватый блондинъ, греческаго происхожденія, довольно еще молодой, жавчикъ, суетливый, съ постоянно бѣгающими, пронырливыми глазами. Я рассказалъ ему, въ общихъ чертахъ, въ чемъ дѣло, не выдавая нѣкоторыхъ подробностей предстоящей мнѣ поѣздки, и просилъ его наставленій, указавъ и совѣтовъ. Р. моментально измѣнился и изъ льстиво-привѣтливаго сдѣлался немножко важнымъ.

— Вамъ будетъ очень, очень трудно; не зная мѣстныхъ языковъ, съ однимъ французскимъ и нѣмецкимъ немного подѣлаешь... Не знаете ли вы датскаго языка?

При этомъ вопросѣ я изобразилъ удивленіе; причемъ тутъ датскій языкъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Р... объяснилъ мнѣ, что знаніе датскаго языка было бы мнѣ очень полезно, что датчане мало ѣздятъ по свѣту, языка ихъ никто не знаетъ, тогда какъ французовъ и нѣмцевъ вездѣ можно встрѣтить и, причисливъ себя къ одной изъ этихъ націй, я могу попасться, натолкнувшись на дѣйствительнаго француза или нѣмца¹⁾. Вообще, весь разговоръ Р... состоялъ по большей части изъ самовосхваленія, съ постояннымъ припѣвомъ: «Вотъ я, разъ какъ-то...» и въ этомъ родѣ; полезныхъ совѣтовъ я отъ него не получилъ.

— А есть ли у васъ статское платье?—вдругъ спросилъ онъ.

И узнавъ, что нѣтъ, сдѣлался опять страшно любезенъ и не то что предлагалъ, а упрашивалъ купить у него, сдѣлавшійся уже ненужнымъ, статскій костюмъ.

Мнѣ не хотѣлось рассказывать ему приказанія Непокойчицкаго передѣться дорогой, я отказывался, но онъ приставалъ какъ апракси-нецъ; вытащилъ изъ чемодана свое платье и, показывая его мнѣ, говорилъ:

— Да вы только надѣньте, посмотрите, что будетъ въ пору; вѣдь

¹⁾ Мнѣ совѣстно было спросить его, съ кѣмъ же я буду говорить по-датски, если языка ихъ никто не знаетъ, а ѣду я не въ Копенгагенъ.

все дѣлано на заказъ, здѣсь такого не найдете; возьму я дешево, всего-то какихъ-нибудь сто рублей за все. Нѣтъ, право, надѣньте.

Почти насильно, суетась я хлопоча, снялъ онъ съ меня мундиръ, надѣлъ жилетку, пиджакъ и, поставивъ меня передъ зеркаломъ, все выхваливалъ:

— Да вы полюбуйтесь, вѣдь точно на васъ шито...

Однако, я устоялъ и не купилъ, чѣмъ Р... видимо остался недоволенъ.

— Какъ знаете, какъ знаете,—говорилъ онъ,—заплотите дорожку, такого здѣсь не достанете...

Покончивъ съ Р..., пошелъ я въ канцелярію къ казначею штаба получить деньги, а затѣмъ къ великому князю. Его высочество, узнавъ отъ меня, что Непокойчицкій направляетъ меня на Кіевъ и Волочыскъ, сказалъ:

— Такъ ты тогда поѣзжай черезъ Варшаву и Вѣну. Въ Вѣнѣ постарайся поймать генерала Обручева, онъ теперь тамъ. Миѣ необходимо узнать, какое настроеніе у австрійскаго правительства, а главное, какъ посмотрятъ они на то, если я направлю одну дивизію черезъ Сербію. Миѣ бы хотѣлось переправить дивизію черезъ Дунай у Кладова. Переговори объ этомъ съ Обручевымъ и нашимъ посломъ, да дай миѣ поскорѣй знать, а потомъ уже поѣзжай дальше. Скажи Непокойчицкому, чтобы далъ тебѣ рекомендательное письмо къ нашему послу въ Вѣнѣ.

Указанія свои великій князь кончилъ слѣдующими словами:

— Смотри, я тебѣ сообщаю то, что знаютъ государь, наслѣдникъ, военный министръ, Непокойчицкій и Левицкій.

Я немедленно пошелъ къ начальнику штаба, доложилъ ему новое приказаніе главнокомандующаго, которое видимо очень понравилось Непокойчицкому. Онъ передалъ миѣ уже заготовленные письма къ барону Стурту, Кожевникову, и тутъ же принялся писать письма въ Вѣну и варшавскому губернатору барону Меду—послѣднему съ просьбой выдать миѣ заграничный паспортъ въ Варшавѣ. Письма въ Вѣну, барону Стурту и Кожевникову были лаконическія, въ нихъ было сказано, что предъявитель сего есть состоящій для особыхъ порученій при его императорскомъ высочествѣ главнокомандующемъ дѣйствующей арміею генеральнаго штаба полковникъ Паренсовъ, командруемый съ особымъ порученіемъ главнокомандующаго, а потому начальникъ штаба проситъ оказывать всякое содѣйствіе.

Покончивъ всѣ приготовленія, запасшись всѣмъ нужнымъ для путешествія, за исключеніемъ статскаго платья, отправился я къ великому князю откланяться и попрощаться. Его высочество былъ довольно ласковъ, обнималъ, цѣловалъ, такъ что совсѣмъ меня растрогалъ.

Прощанье съ товарищами было самое дружеское, даже иъжное. Нагловскій говорилъ «пиши», Бобриковъ и Артамоновъ твердили, чтобы не ѣздилъ въ Рущукъ и Фрезушка (Фрезе) повторялъ: «Ну, Пётра, смотри у меня, будь молодцомъ!»

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ біографіи надворнаго совѣтника Дубровскаго.

Рескриптъ графу Строганову 27-го февраля 1805 г.

Графъ Александръ Сергѣевичъ! Согласно представленію вашему объ учрежденіи при Императорской бібліотекѣ особеннаго депо манускриптовъ, положивъ оному начало посвящаемымъ надворнымъ совѣтникомъ Дубровскимъ въ пользу Отечества драгоценнымъ собраніемъ манускриптовъ, въ теченіе 30 лѣтъ имъ составленнымъ, поручаю вамъ принять отъ него означенное собраніе и соотвѣтственно желанію его и способностямъ, опредѣлить его хранителемъ сего депо, которое и должно по важности своей составлять особенное отдѣленіе Императорской бібліотеки и находиться единственно подъ начальствомъ главнаго директора.

Указъ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ кн. Чарторыйскому.

27-го февраля 1805 г.

Надворному совѣтнику Дубровскому, опредѣленному изъ вѣдомства иностранной коллегіи къ Императорской публичной бібліотекѣ хранителемъ манускриптовъ, повелѣваю выдать единовременно изъ суммъ сей коллегіи 15.000 рублей.

Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту.

(1862—1883 гг.).

Константины Карловичъ Гротъ (р. 12-го января 1815 г., † 30-го октября 1897 г.) былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Константина Дмитріевича Кавелина. Они сблизились въ исходѣ сороковыхъ годовъ, когда оба служили въ хозяйственномъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, вице-директоромъ коего былъ въ то время Ник. Ал. Милютинъ. К. К. Гротъ былъ занятъ тогда выработкой новаго городского положенія для общественнаго управленія С.-Петербурга, являвшася слабой попыткой въ царствованіе императора Николая I нѣсколько расширить и видоизмѣнить уже обветшалыя городскія учрежденія Екатерины II и нѣкоторымъ намекомъ на тѣ измѣненія въ городскомъ и сельскомъ бытѣ Россіи, которыя осуществились только въ царствованіе Александра II. Въ 1853 году К. К. Гротъ былъ назначенъ губернаторомъ въ незадолго передъ тѣмъ учрежденную Самарскую губернію; въ этомъ же году умерла мать К. Д. Кавелина, и онъ сталъ помѣщикомъ, получивъ въ наслѣдство имѣніе въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. Часто посѣщая это имѣніе, онъ завѣдалъ по пути къ самарскому губернатору, что послужило къ еще большему между ними сближенію. К. К. Гротъ принадлежалъ къ числу весьма просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ губернаторовъ, каковыхъ, къ сожалѣнію, было весьма немного въ нашемъ отдаленномъ Поволжьи. Онъ заботился о насажденіи просвѣщенія въ дикой въ то время Самарской окраинѣ и боролся въ ней съ двумя общественными язвами, развѣдавшими всю «дореформенную Россію»—крѣпостнымъ правомъ и винными откупамн. Вотъ что, напримѣръ, писалъ К. К. Гротъ К. Д. Кавелину въ офшальномъ письмѣ отъ 8-го ноября 1859 года: «Милостивый государь,

Константинъ Дмитріевичъ! Въ губерскомъ городѣ Самарѣ предполагается въ концѣ сего года открыть общественную бібліотеку, которая, по недостаточности средствъ, нуждается въ постороннемъ пособіи. Просвѣщенный взглядъ вашъ, милостивый государь, на дѣло образованія и постоянное сочувствіе къ каждому общеплезному предпріятію позволяютъ мнѣ надѣяться, что вы удостоите вниманіемъ и возникающее во ввѣренномъ мнѣ краѣ книгохранилище и соблагодолите поощрить его зависящими отъ васъ средствами».

Плодотворная дѣятельность К. К. Грота на поприщѣ уничтоженія откупной системы и замѣны ея акцизнымъ сборомъ хорошо извѣстна всѣмъ современникамъ реформъ императора Александра II и изучавшимъ эти реформы: въ 1862 году К. К. Гротъ какъ организаторъ акцизной системы былъ назначенъ директоромъ департамента неокладныхъ сборовъ министерства финансовъ и занималъ эту должность до 1869 года, ознаменовавъ свое служеніе цѣлымъ рядомъ просвѣщенныхъ мѣропріятій по финансовой политикѣ Россіи. Гораздо менѣе извѣстна борьба К. К. Грота съ крѣпостнымъ правомъ, а потому помѣщаемъ здѣсь, сохранившуюся въ бумагахъ К. Д. Кавелина, копію съ представленія К. К. Грота оренбургскому и самарскому генераль-губернатору отъ 13-го іюня 1860 г. № 3373.

«Самарскій земскій исправникъ, писалъ К. К. Гротъ, во время управленія губерніею статскаго совѣтника Котляревскаго¹⁾ доносилъ ему, на основаніи дошедшихъ до него слуховъ, что въ имѣніи гг. Д... въ селѣ NN устроена для наказанія крестьянъ такъ называемая въ простонародьи кобыла или большой эшафотъ въ родѣ того, какой существовалъ до изданія Уложенія, для наказанія преступниковъ, и что управляющій имѣніемъ стрѣляетъ изъ ружья въ скотину крестьянъ, подходящую близко къ заводу или господскимъ полямъ. Чтобы провѣрить эти слухи, исправникъ производилъ подъ рукою секретное дознаніе, по которому открылось, что въ с. NN дѣйствительно устроена кобыла или скамья, къ которой привязываютъ человѣка при наказаніи, и при ней мѣра для опредѣленія величины и толщины розогъ, употребляемыхъ при наказаніи крестьянъ. Орудіе это видѣли: штатный письмоводитель пристава 2-го стана, сельскій писарь с. Новаго Семейкина и земскій ящикъ, подосланные исправникомъ въ село NN подъ предлогомъ соглашенія относительно отправления подводной повинности, и даже были очевидцами, какъ на кобылѣ наказывали сорока ударами розогъ 16-ти лѣтняго мальчика. На настоящемъ донесеніи, полученномъ 22-го апрѣля (1853 г.), статскимъ совѣтникомъ Котляревскимъ положена резолюція: поручить чиновнику особыхъ

¹⁾ Предмѣстникъ К. К. Грота. Самарская губернія была организована въ 1850 году.

порученій Канакотину дозвать секретнымъ образомъ на мѣстѣ о справедливости изложенныхъ обстоятельствъ; но это распоряженіе осталось неисполненнымъ въ ожиданіи моего пріѣзда въ Самару.

«Прибывъ въ Самару, я на другой же день потребовалъ къ себѣ, чрезъ земскаго исправника, управляющаго имѣніемъ NN и, въ присутствіи надворнаго совѣтника Ш—ва, сдѣлалъ ему внушеніе за допущенныя противозаконія, требовалъ немедленнаго уничтоженія изобрѣтеннаго имъ снаряда для наказанія крестьянъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ г. Ш—ва объяснить управляющему, что, за подобное управленіе крестьянами, имѣніе его довѣрителя можетъ быть взято въ опекунское управленіе по постановленію самарскаго дворянства.

«Я ограничился такимъ внушеніемъ въ тѣхъ видахъ, что зная лично гг. Д—выхъ и именно съ той стороны, что они не въ состояніи сдѣлать подобныя распоряженія, а также разсчитывая на скорый пріѣздъ ихъ въ Самару, полагалъ, что всякія мѣры строгости и официальныя съ моей стороны въ отношеніи управляющаго были бы преждевременными, тѣмъ болѣе, что я имѣлъ полное право надѣяться, что приказаніе мое объ уничтоженіи кобылы будетъ въ тотъ же день исполнено и что эти противозаконія устранятся безъ принятія болѣе строгихъ полицейскихъ мѣръ. Но послѣ того до меня вновь начали доходить слухи, что прежнія своеволія со стороны управляющаго продолжаются; почему, желая и на этотъ разъ еще устранить безпорядокъ безъ формальнаго слѣдствія, я вынужденъ былъ послать самарскаго исправника въ село NN для личнаго удостовѣренія, въ какой мѣрѣ исполнено мое распоряженіе.

«Нынѣ исправникъ возвратясь доложилъ мнѣ, что означенная кобыла не уничтожена, что управляющій помянутымъ имѣніемъ по-прежнему стрѣляетъ въ крестьянскій скотъ, что такимъ образомъ убито у крестьянъ до 100 штукъ разнаго мелкаго скота и что управляющій даже отозвался, что не получалъ отъ меня приказанія объ уничтоженіи кобылы, въ чемъ и далъ исправнику подписку.

«Видя изъ сего ослушаніе управляющаго въ исполненіи приказаній начальника губерніи, я, по соглашеніи съ г. губернскимъ предводителемъ дворянства, командировалъ 12-го сего іюня въ село NN самарскаго земскаго исправника и капитана корпуса жандармовъ Кретковскаго, поручивъ имъ, по прибытіи на мѣсто, отобрать кобылу и орудія къ ней принадлежащія и доставить все это въ Самару, такъ какъ я желаю лично удостовѣриться, какого рода этотъ снарядъ, ибо управляющій словесно мнѣ объяснилъ, что у него для наказанія есть только скамейка о 4-хъ ножкахъ, вовсе не похожая на существовавшую до изданія Уложенія кобылу;—затѣмъ уже приступить обще съ г. Кретковскимъ къ формальному слѣдствію и о безпорядкахъ, допущенныхъ управляющимъ NN—скимъ имѣніемъ.

«Имѣю честь почтительнѣйше донести объ изложенномъ вашему превосходительству, съ представленіемъ въ копіи даннаго мною исправнику предписанія».

Приписка самарскаго губернатора на копіи, сообщенной К. Д. Кавелину.

«Вскорѣ кобыла была доставлена сюда и по освидѣтельствованіи въ полиціи оказалась усовершенствованнымъ эшафотомъ для торговой казни, съ признаками зацеппшейся крови. Исправникъ и Кретковскій донесли мнѣ, что эшафотъ сдѣланъ былъ по указанію помѣщика Андр. Д—ва; что онъ первый началъ наказывать крестьянъ и онъ же первый подалъ примѣръ стрѣлять въ крестьянскій скотъ. Вслѣдствіе сего начальникомъ губерніи назначена коммиссія изъ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ Смирницкаго, уѣзднаго предводителя дворянства и капитана Кретковскаго,—для продолженія слѣдствія, о чемъ донесено сего числа и министру внутреннихъ дѣлъ, съ представленіемъ копій съ свидѣтельства снаряда и чертежа онаго».

Въ концѣ 1864 года К. К. Гротъ доказалъ на дѣлѣ свою давнюю дружбу К. Д. Кавелину: онъ вывелъ его изъ весьма затруднительныхъ обстоятельствъ, предложивъ юридическія занятія у себя въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, на правахъ частной службы. Эти занятія Кавелинъ не оставлялъ и послѣ того, какъ К. К. Гротъ покинулъ должность директора департамента неокладныхъ сборовъ, при назначеніи его въ 1870 г. членомъ Государственнаго Совѣта,—и сохранилъ ихъ до конца своей жизни. Дружескія отношенія Кавелина и Грота все болѣе и болѣе крѣпли и не омрачались ни разу никакимъ недоразумѣніемъ.

Я располагаю письмами К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту лишь начиная съ 1862 года, всего въ количествѣ двадцати четырехъ; но коллекція ихъ далеко не полна. «Не подлежитъ сомнѣнію, писалъ мнѣ К. К. Гротъ 12-го іюня 1886 г., что у меня сохранились далеко не всѣ его письма, иначе ихъ должно бы быть гораздо болѣе, потому что я въ послѣдніе 15—20 лѣтъ почти ежегодно уѣзжалъ на лѣтнее время изъ Петербурга и мы всегда переписывались, хотя и не всегда одинаково часто». Къ этимъ словамъ К. К. Грота слѣдуетъ добавить, что болѣею частью и онъ, и Кавелинъ жили въ Петербургѣ одновременно, обмѣниваясь короткими записочками и телеграммами. Только когда одинъ изъ нихъ бывалъ за границей или въ своемъ имѣніи—они писали другъ другу большія и откровенныя посланія. Въ этомъ отношеніи особенно

отличался Кавелинъ, любившій изливать свою душу въ письмахъ къ друзьямъ. Вслѣдствіе такого характера переписки, письма К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту, само собою, привелось печатать не всѣ и не въ полномъ видѣ: все, что касается частныхъ, интимныхъ отношеній ихъ между собою—мною исключено.

К. К. Гротъ передалъ мнѣ письма къ нему К. Д. Кавелина въ 1886 и 1887 годахъ, когда я печаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» извлеченія изъ семейной переписки Кавелина, «предоставляя располагать ими по моему усмотрѣнію» (письмо ко мнѣ К. К. Грота отъ 12-го іюня 1886 г.), а 9-го апрѣля 1887 года онъ мнѣ писалъ: «Вы можете быть найдете возможнымъ употребить въ дѣло и эту переписку, тѣмъ болѣе, что въ письмахъ 1862 г. есть оригинальные и интересные взгляды».

Д. Корсаковъ.

1.

Эмсь 15-го (27-го) іюня 1862 г., пятница.

Любезнѣйшій другъ Константинъ Карловичъ! Вотъ уже четыре мѣсяца, что мы не видѣлись, хотя я и знаю отъ жены, что вы меня не забыли и съ обычной вашей дружеской внимательностью навѣщали мое семейство въ Петербургѣ. Пробывши три мѣсяца въ Парижѣ, я обрадовалъ былъ прїѣздомъ моей жены и дочери въ Эмсь и поспѣшилъ къ нимъ на свиданіе ¹⁾. Пишу вамъ à la Napoleon, разговаривая съ женой, на столѣ, заставленномъ чашками, чаемъ, кофеемъ, сахаромъ и т. д., въ ту минуту, когда Соня ²⁾ отправилась съ Фейеромъ ³⁾ пить воды, и этотъ перерывъ нескончаемой ея болтовни даетъ надежду, что въ этомъ письмѣ не будетъ слишкомъ вопіющей путаницы. Къ нескладницѣ вы будете снисходительны.

Чтобъ имѣть возможность бесѣдовать съ вами безъ помѣхи и прерыва, предпосылаю всему просьбу. Валентинъ Коршъ ⁴⁾ былъ въ Парижѣ и оставилъ мнѣ нѣсколько книгъ, съ просьбою переслать ихъ въ

¹⁾ Въ 1862 году К. Д. Кавелинъ былъ командированъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головниннымъ за границу, во Францію и Германію, для изученія состоянія высшаго преподаванія и университетовъ.

²⁾ Дочь Кавелина, род. 16-го декабря 1851 года. Въ 1862 году ей шелъ 11-й годъ.

³⁾ Фейеръ—медикъ, вѣмецъ; прїятель Кавелина.

⁴⁾ Вал. Фед. Коршъ, шурина Кавелина, братъ его жены, Антонины Федоровны.

Петербургъ. Я обратился съ этимъ къ Ханыкову, который мнѣ сказалъ, что перешлетъ книги чрезъ посольство на ваше имя. Потому усерднѣйше васъ прошу, когда получите связку книгъ, передайте ее при свиданіи Валентину Коршу.

Пребываніемъ въ Парижѣ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, я былъ очень доволенъ, хотя больше отрицательно, чѣмъ положительно. Вы знаете, что я не очень долюбиваю великій народъ, идущій во главѣ цивилизаціи и прогресса. Вдобавокъ къ французской природной вѣтренности и фразамъ прибавили гнетъ ужасающій, гнетъ, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не видя его въ подробностяхъ, какъ я видѣлъ. Сходство съ нашимъ режимомъ пять лѣтъ тому назадъ поразительное и приводящее въ отчаяніе ¹⁾). И такъ я былъ доволенъ, что нимбъ, скрывающій отъ насъ дѣйствительное положеніе Франціи, для меня исчезъ, повязка спала съ глазъ. Кромѣ того, я былъ очень радъ другому открытію: множество плохого у насъ скопировано буквально съ французскаго. Такихъ копій гораздо больше, чѣмъ мы вообще думаемъ. Это плохое вездѣ производитъ одинакіе, горькіе плоды. Послѣднихъ у насъ избѣгнуть тѣмъ легче, что они не родовое, а благопріобрѣтенное. Il faut nous défranciser—вотъ выводъ, къ которому приходишь невольно, изучая наши постановленія въ источникѣ, изъ котораго они заимствованы. Если вамъ попадутся мои статьи, напечатанныя въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» въ майской книжкѣ, особенно извлеченіе изъ моего донесенія министру, то вы увидите, что эти двѣ мысли составляютъ сущность этихъ статей и проходятъ чрезъ нихъ отъ начала до конца ²⁾). Черезъ недѣли двѣ уѣду отсюда въ Парижъ доканчивать работу: остается сказать о высихъ учебныхъ заведеніяхъ, принадлежащихъ къ университету, написать бѣглый очеркъ французскаго университета и затѣмъ разстанусь съ Франціей и поѣду въ Бельгію.

Читалъ съ восторгомъ резолюцію государя по предложенію откупщиковъ. У насъ ходили слухи, что откупщики имѣютъ шансы выиграть дѣло; мнѣ это казалось очень неправдоподобнымъ, и я до смерти радъ, что мои предположенія сбылись. Безобразно было бы, еслибъ вышло иначе.

Вѣсти, идущія отъ васъ, то-есть отъ Петербурга и изъ Россіи, кромѣ этой, очень горестны. Татары мы и азіаты—это ясно какъ день. Сколько хорошихъ вещей, начатыхъ и разрѣшенныхъ, должно, благодаря послѣднимъ событіямъ, остановиться. Публичныя бібліотеки, кабинеты для чтенія, воскресныя школы при полкахъ—все это, судя по газетамъ,

¹⁾ Режимъ цезаризма Наполеона III. Пять лѣтъ тому назадъ—1857 годъ.

²⁾ «О высшемъ преподаваніи во Франціи». «Журн. мин. нар. проsv.» 1862 г., кн. 5 и 11, и «Очеркъ французскаго университета», тамъ же, книга 6, 7 и 11.

сметено, или, по крайней мѣрѣ, отложено подѣ влияніемъ послѣднихъ горестныхъ событій. Какая-то болѣзнь овладѣла молодежью, точно эпидемія или повѣтріе. Тяжкое время! Я очень радъ, что мнѣ удалось устроиться за границей до февраля. По министерству народнаго просвѣщенія очевидно теперь дѣлать пока нечего, а никакой другой службы я не приму. Очень можетъ быть, что мое пребываніе за границей продолжится гораздо дольше, потому что я не жду скорого успокоенія умовъ, а пока молодежь въ волненіи—ничего не подѣлаешь. Сколько мнѣ извѣстно, Головинъ самъ понимаетъ, что мнѣ нечего дѣлать въ Петербургѣ, но очень ошибается, думая, что при теперешнихъ условіяхъ я бы могъ быть полезенъ въ Николаевѣ ¹⁾. Я слишкомъ старъ, чтобъ рисковать на такія перемѣщенія, результатомъ которыхъ можетъ быть новая невозможность оставаться и въ Николаевѣ. Поэтому, на первое время, я останусь вѣроятно и послѣ февраля за границей, сколько придется; буду работать (а работается за границей хорошо), поселюсь въ какомъ-нибудь городкѣ въ Германіи, выжидая благоприятныхъ обстоятельствъ. Ни въ Николаевъ и никуда кромѣ Петербурга я ѣхать не намѣренъ ни въ какомъ случаѣ, развѣ въ деревню.

Что дѣлаютъ наши общіе друзья? Часто вспоминаю объ васъ и объ петербургскомъ кружкѣ, въ которомъ жилось такъ хорошо. Поклонитесь всѣмъ моимъ пріятелямъ и знакомымъ, съ которыми вы видаетесь.

Въ сію минуту, когда я дописываю письмо, Соня уже воротилась изъ Cuzsaa'а, потребовала кофе и хлѣба и затѣмъ занялась куклою, которую я привезъ ей изъ Парижа, въ подарокъ отъ М. А. Милутиной ²⁾. Надъ этой куклой повторяются всѣ педагогическіе приемы, черезъ которые прошла и проходитъ теперешняя ея владѣтельница: тѣ же родительскія увѣщанія, ласки, выговоры и проч. Нравственныя сентенціи сыплются на куклу въ удивительномъ изобиліи въ отвѣтъ на капризы, дурныя манеры и дурныя поступки куклы...

Жена дружески жметъ вашу руку. Благословенный климатъ Эмса (гдѣ, впрочемъ, стоитъ плохая погода) не такъ хорошо подѣйствовалъ на нее, какъ менѣе благословенный климатъ Павловска въ прошломъ году. Возня уборки, хлопоты переѣзда и уединеніе, дѣйствующее худо на чужой сторонѣ, не могли, разумѣется, способствовать быстрому поправленію здоровья.

Прощайте, дорогой Константинъ Карловичъ. Крѣпко обнимаю васъ. Преданный вамъ всею душою.

¹⁾ Первоначально, вмѣсто Одессы, предполагалось основать Новороссійскій университетъ въ Николаевѣ.

²⁾ Марія Аггеевна; рожденная Абаза, жена Ник. Ал. Милутина.

2.

Карлсруэ, 9-го (21-го) іюля, 1862 года, поведѣльничь.

Дорогой Константинъ Карловичъ! Такъ еще недавно я беспокоилъ васъ моими порученіями и просьбами и вотъ снова обращаюсь съ просьбой же. Вороновъ, которому я далъ довѣренность на управленіе моимъ самарскимъ имѣніемъ, требуетъ документовъ, которые относятся къ имѣнію и находятся у меня. Огрызко¹⁾, я полагаю, судя по его послѣднему письму, не въ Петербургѣ, а между тѣмъ документы нужны Воронову безъ отлагательства. Поэтому я рѣшился отправить документы прямо на ваше имя, съ покорнѣйшей просьбой, тотчасъ же по полученіи отправить ихъ къ Воронову. Для скорости можно бы только перемѣнить адресъ, тѣмъ болѣе, что документы на отдѣльныхъ листкахъ и при перепаковкѣ могли бы растеряться. Я хотѣлъ-было франкировать пакетъ до Петербурга, но наши остроумныя почтовые распоряженія этого не допускаютъ по какому-то, никому неизвѣстному, причинамъ, и потому я по необходимости франкировалъ пакетъ только до границы. Фрахтъ отъ границы до Петербурга и отъ Петербурга до Воронова потрудитесь получить отъ Огрызко, который имѣетъ мои деньги и есть мой петербургскій комиссіонеръ.

Дня черезъ два послѣ того, какъ писалъ къ вамъ изъ Эмса, я заболѣлъ лихорадкой, очень тяжелой, которая, однако, мало-по-малу ослабѣла, но не хотѣла со мной разстаться, пока я оставался въ Эмсѣ. Фейеръ рѣшилъ для этого оставить Эмсъ и переѣхать въ Карлсруэ. Послѣдствія показали, что его соображенія были совершенно основательны. Третьяго дня мы переѣхали, вчера былъ лихорадочный день, но дѣло обошлось безъ припадка. Сегодня я почти здоровъ и если завтра опять не будетъ припадка, то въ четвергъ я ѣду въ Парижъ, а семья, съ Фейеромъ, въ Швейцарію.

Вотъ, любезнѣйшій Константинъ Карловичъ, объясненіе, почему я въ Карлсруэ, куда и не думалъ, и не гадалъ ѣхать. Болѣзнь заставила меня потерять для занятій болѣе 2-хъ недѣль; но какъ нѣтъ худа безъ добра, то и пребываніе въ Карлсруэ не останется безъ пользы для моего порученія. Здѣсь, въ Германіи, образцовый политехническій институтъ, а Головинъ просилъ меня, между прочимъ, собрать ему свѣдѣнія о техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что онъ предполагаетъ дать Нѣжинскому и Демидовскому лицеямъ техническое назначеніе. Пребы-

¹⁾ Юс. Петр. Огрызко, служившій въ то время въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, подъ начальствомъ К. К. Грота.

вашемъ здѣсь я воспользуюсь, чтобъ собрать подробныя свѣдѣнія объ лучшемъ въ Германіи заведеніи этого рода.

Видѣль Скребицкаго ¹⁾ въ Боннѣ и потомъ въ Эмсѣ. Онъ крѣпко работаетъ и очень вамъ кланяется. Милютина ²⁾ оставилъ въ Эмсѣ, куда онъ пріѣхалъ для жены. Изъ Эмса онъ поѣдетъ, для жены, на островъ Уайтъ, а потомъ отправится осенью къ вамъ.

Кажется я вамъ писалъ, что мое пребываніе за границей отсрочено до февраля. Но очень вѣроятно, что, окончивъ казенное порученіе, я не поспѣшу возвратомъ и останусь за границей еще. Дѣлать мнѣ въ Петербургѣ нечего, а забиваться въ глушь, кромѣ своей деревни, я ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ, при шаткости всѣхъ дѣлъ у насъ.

Обиняю васъ крѣпко и много разъ. Жена дружески вамъ кланяется, дочь дѣлаетъ книксенъ. Обѣ не очень здоровы. Жена за границей начинаетъ скучать. Будьте здоровы и дай Богъ, чтобъ ваши дѣла шли вполне по вашему желанію. Поклонитесь всѣмъ общимъ друзьямъ и пріятелямъ.

3.

Иваново ³⁾, 21-го іюля 1872 года.

Дорогой другъ, Константинъ Карловичъ. Письмо ваше отъ 5-го (17-го) іюля я получилъ лишь 18-го въ Ивановѣ, то-есть въ день моего пріѣзда сюда. Повѣрите ли, что только 11-го іюля одесское дѣло ⁴⁾ кончилось въ комитетѣ министровъ, куда оно, благодаря невѣжеству и бессмыслию министерства, перенесено, безъ всякой надобности, изъ Государственнаго Совѣта. Впрочемъ, на комитетъ жаловаться нельзя. Онъ повернулъ дѣло живо. Но въ Государственномъ Совѣтѣ дѣло провалялось, благодаря тому, что государственная канцелярія о немъ совершенно забыла, всѣ разбѣхались и такъ дѣло осталось неизвѣстно у кого. Выручено оно только благодаря моему напоминанію и запискѣ министра, который тоже началъ терять терпѣніе. И вотъ, благодаря такимъ

¹⁾ Ал. Ил. Скребицкій—медикъ, юристъ и публицистъ; давнишній пріятель Кавелина и К. К. Грота.

²⁾ Ник. Ал. Милютинъ.

³⁾ Имѣніе К. Д. Кавелина, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи.

⁴⁾ Дѣло по процессу казны съ городскимъ управленіемъ Одессы изъ-за Бульницко-Хаджибейскихъ соляныхъ источниковъ. По этому дѣлу К. Д. Кавелинъ неоднократно ѣздилъ въ Одессу и юридическую сторону его изложилъ въ особой статьѣ, напечатанной въ „Юридическ. Вѣстн.“ за 1873 и 1874 г.г.

обстоятельствамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣломъ и его существомъ, я прожилъ въ городѣ ¹⁾ по 14-е іюля. Погода была отличная и это нѣсколько вознаградило меня, потому что въ деревнѣ хорошая погода началась лишь съ моимъ прїѣздомъ. Кромѣ того, я, благодаря моему пребыванію въ городѣ, могъ видѣться съ дочерью одесскаго Вейнберга, моего прїятеля, которая 2-го іюля вышла замужъ за профессора Одесскаго университета Шведова и прїѣхала съ нимъ въ Петербургъ недѣля на двѣ. Премилая барыня лѣтъ 21, какъ моя дочь и великій мой другъ. Единственными моими ресурсами были: Э. О. Раденъ ²⁾, Городковъ ³⁾, Стасюлевичъ; послѣдніе только въ началѣ лѣта, и Надежда Ал. Блокъ ⁴⁾, къ которой я урвался въ Ямбургскій уѣздъ въ деревню съ 28-го іюня по 8-е іюля, въ свободный промежутокъ времени. Кромѣ этихъ удовольствій я умиралъ отъ скуки въ Петербургѣ, хандрилъ какъ никогда, вдали отъ своихъ, одинъ и посреди смертей—холерной, оспенной и положительнаго мора на писателей и порядочныхъ людей. Жоховъ убитъ на дуэли помнится еще при васъ; потомъ умерли Борися Ис. Утинъ, профессоръ—для меня великая и горестная утрата ⁵⁾—Миклуха-Маклай, нашъ путешественникъ въ Новой Гвинее, Гильфердингъ въ Олонецкой губерніи и Пекарскій академикъ—послѣдній отъ холеры въ Павловскѣ. Прїѣхалъ сюда въ Иваново—здѣсь отъ холеры вымерла цѣлая семья; но покуда не слышно, чтобъ болѣзнь пошла дальше, хотя отдѣльные случаи выскакиваютъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

Мои личныя дѣла идутъ довольно плохо. До сихъ поръ не могъ хлопотать займа въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Вездѣ затрудненія, вездѣ палки бросаются въ колеса подъ самыми незаконными предлогами. А съ рядчиками никакого дѣла нельзя имѣть: забираютъ деньги впередъ, ничего не дѣлаютъ, и послѣ иди тягайся съ ними при нашихъ-то разстояніяхъ и нашихъ судахъ. Вообще, есть изъ чего хандрить, и только наука, кабинетныя занятія еще кое-какъ утѣшаютъ и успокоиваютъ.

Жена, по обыкновенію, прихварываетъ, но въ этотъ прїѣздъ больше довольна деревней, чѣмъ въ прошлые. Соня тоже немножко хандритъ, разочаровалась въ русской жизни, въ прелестяхъ русскаго народа, но

¹⁾ Т. е. Петербургъ.

²⁾ Баронесса Э. О. Раденъ, гофмейстерина двора великой княгини Елены Павловны.

³⁾ Военный врачъ. Давнашній прїятель Кавелина.

⁴⁾ Также давнишняя и близкая знакомая К. Д. Кавелина и его жены. Она лѣто проводитъ постоянно въ своемъ имѣніи, въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи.

⁵⁾ В. И. Утинъ, † 12-го іюня 1872 года.

здорова, толста, красна. Марья Аггеевна ¹⁾ прислала ей въ подарокъ родъ рубашки съ передникомъ и прицѣвкой съ бантомъ сзади, спитые изъ деревенскихъ передниковъ и полотенець. Видъ пестрый и преувидительный. Она въ этомъ костюмѣ точно мордовка. Но крестьяне и крестьянки не наивбоятся—такъ это близко къ ихъ идеалу.

Если васъ не затруднитъ, привезите съ собою для меня книгу: «Philosophische Zeitfragen». Populäre Aufsätze von Iürgen Bona Meyer. Gross Octav, geheftet 2 Thlr. Это очень талантливый писатель и можетъ быть вы сами пробѣжите кое-какія статьи, чтобъ ознакомиться съ теперешнимъ положеніемъ важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ. Лѣтомъ много читалъ «Вѣстникъ Европы», чего не могъ дѣлать зимой, по недостатку времени, и скажу вамъ: восхищаюсь этимъ журналомъ. Рядъ интереснѣйшихъ вещей, начиная съ января, такъ что всѣхъ и не пересчитать. У васъ этого журнала теперь нѣтъ подъ руками, а то я бы вамъ называлъ статей съ десятокъ, одніе другихъ лучше и интереснѣе.

Не знаю при васъ ли утверждень, вопреки мнѣнію большинства Государственнаго Совѣта, проектъ реальныхъ училищъ. Когда я былъ въ Петербургѣ, сильно говорили объ усиленіи войска, о предстоящей неминуемой будто бы войнѣ съ Германіей, о томъ, что по германской арміи есть уже распоряженіе не производить въ маіоры безъ знанія русскаго языка, объ обязательномъ изученіи русскаго языка въ прусскихъ военныхъ училищахъ и т. п. Всѣ эти слухи вы можете провѣрить на мѣстѣ. Можетъ быть всѣ эти слухи—плодъ какого-то болѣзненнаго, ненормальнаго общественнаго настроенія, какой-то спертой атмосферы, духоты моральной, которая чувствуется во всемъ и всюду.

Былъ, пробѣдомъ черезъ Москву, на выставкѣ ²⁾; всего провелъ на ней часа четыре и слѣдовательно судить о ней основательно никакъ не могу. Меня, при бѣгломъ обзорѣ, поразило только отсутствіе общаго шана цѣлаго, при накопленныхъ превосходныхъ деталяхъ. Въ этомъ смыслѣ выставка Московская—явленіе чисто російское: брильянты въ кучѣ навоза, въ которомъ чего хочешь, того просишь и совершенное отсутствіе одушевляющей, систематически проведенной идеи. Рядомъ съ кіоскомъ Петра, съ отдѣлами севастопольскимъ, морскимъ, военнымъ, туркестанскимъ—выставка париковъ и косъ женскихъ, конфетъ и шололаду, рядомъ съ замѣчательными предметами техническаго производства—образцовый помѣщичій домъ, конюшни и скотные дворы, устланные коврами, даже образцовая церковь! Ничего не поймешь.

¹⁾ Милюткина, вдова Ник. Ал. Милюткина († 26-го января 1872 г.).

²⁾ 30-го мая 1872 года въ Москвѣ была устроена „Политехническая выставка“, въ память чествованія двухсотлѣтія дня рожденія Петра Великаго.

Въ Заволжьи совершенная засуха и голодъ, какихъ не бывало. У насъ здѣсь—такъ себѣ.

Обнимаю васъ, дорогой другъ, отъ всего сердца. Тютчевы ¹⁾ вамъ кланяются и Масловъ ²⁾. Я ихъ видѣлъ въ Москвѣ. Жена и Соня посылаютъ вамъ самыя дружескія, искреннѣйшія поклоны.

Всѣ ваши порученія по стипендіи Милютина ³⁾ выполнены съ религіозною точностью, о чемъ вѣроятно вы ужъ имѣете свѣдѣнія черезъ К. И. Домонтовича.

Если увидите, обнимите за всѣхъ насъ милаго Фейера и поклонитесь Розѣ Карловнѣ. Гдѣ Заблоцкій ⁴⁾ и что онъ дѣлаетъ? Я надѣюсь пробить въ Ивановѣ до половины сентября.

4.

С.-Петербургъ, 20-го сентября (2-го октября) 1872 года.

Дорогой и почтеннѣйшій другъ Константинъ Карловичъ! 9-го сентября пріѣхалъ я въ Петербургъ (мой 2-го) и въ этотъ же день услышалъ отъ барона Розена горестную вѣсть, которую подтвердилъ мнѣ и Яковъ Карловичъ ⁵⁾; что вы проведете эту зиму въ чужихъ краяхъ. Меня и мою семью, а также Н. Н. Тютчева это извѣстіе точно по лбу обухомъ хватило. Вы мнѣ писали, что будете въ Берлинѣ просить отсрочки. Ну и думалось мнѣ—на мѣсяць, другой—это еще куда бы ни шло. По не видать васъ цѣлый годъ—это насъ просто деморализировало. Мы повѣсили голову и еслибъ не было стыдно, то просто бы заплакали. Я еще утѣшалъ себя мыслью, что ваше отсутствіе изъ Петербурга на

¹⁾ Н. Н. Тютчевъ, членъ совѣта департамента удѣловъ, давнишій пріятель К. Д. Кавелина и В. Г. Бѣлинскаго. Вмѣстѣ съ Тютчевымъ на одной квартирѣ жилъ Кавелинъ въ Петербургѣ въ 1842 году.

²⁾ И. Н. Масловъ, тоже знакомый Кавелина еще по его петербургской жизни 1842—1843 г.г. Въ 70-хъ годахъ былъ управляющимъ Московской удѣльной конторы.

³⁾ Стипендія имени Н. А. Милютина для приготовления сельскихъ учителей.

⁴⁾ А. П. Заблоцкій-Десятовскій, долго служившій въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и человѣкъ очень близкій къ графу П. Д. Киселеву. Впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта († 24-го декабря 1881 г.). Съ нимъ были въ очень близкихъ отношеніяхъ и К. К. Гротъ и К. Д. Кавелинъ.

⁵⁾ Яковъ Карловичъ Гротъ—братъ Конст. Карловича. Академикъ Академіи Наукъ, а затѣмъ ея вице-президентъ, по смерти Буяковскаго.

такое долгое время вызвано болѣзнью политическаго свойства, но и въ этомъ разочаровалъ меня вашъ братъ и отчасти Тютчевы, которые остались недовольны вашимъ внѣшнимъ видомъ. Такъ долго васъ не видать и вдобавокъ знать, что вы и здоровьемъ плохи—это два горя, съ которыми не легко справиться, особливо въ наши лѣта. Съ каждымъ годомъ кругъ друзей рѣдѣетъ; все становится пустѣе и пустыниѣе вокругъ насъ; некуда голову преклонить, не съ кѣмъ отдохнуть и душу отвести; а тутъ у нищаго и суму отнимаетъ судьба. Я смотрю на вашу отлучку, какъ на великое горе, которое въ конецъ испортитъ мнѣ нынѣшнюю зиму и какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ ярче, рельефнѣе, живѣе я припоминаю, не безъ скорбнаго чувства, *alles Zusammen Durchgemachtes und Erlebtes* съ первыхъ дней знакомства.

28-го сентября. Письмо это, какъ вы видите, дорогой другъ, провалялось восемь дней. Множество всякихъ хлопотъ и спѣшныхъ дѣлъ отвлекли меня отъ бесѣды съ вами. Между прочимъ, я и не очень спѣшилъ, полагая, что вы таки пробудете въ Vevey, да и хотѣлось написать вамъ нѣчто точное и опредѣлительное... Но у насъ все тянется и откладывается до непозволительности. Повѣрите ли, что я просилъ о ссудѣ въ обществѣ поземельнаго кредита въ ноябрѣ, а получилъ лишь прошлый вторникъ, то-есть третьяго дня? Повѣрите ли, что простѣйшая изъ простѣйшихъ вещей—снятіе запрещенія съ имѣнія по свидѣтельству, по которому не было сдѣлано займа и которое возвращено въ гражданскую палату въ 1855 году, длилось съ апрѣля по августъ, да и то надо было жаловаться на окружный судъ въ судебную палату, тратиться и проклинать новые суды и порядки, поразительно похожіе на старые! Все это, съ распуханіемъ печени и не разъ, а много разъ.

Что вамъ сказать еще? Всѣ еще въ отсутствіи, да и тѣхъ, которые здѣсь, я еще не видалъ. Право, какъ-то не тянетъ изъ дому и, кромѣ необходимыхъ прогулокъ, какъ-то предпочитаешь сидѣть дома. Впрочемъ, эти дни я простудился и дня три сидѣлъ дома безвыходно; горло болѣло. Затѣмъ, пока не совсѣмъ оправился, боялся выѣзжать по вечерамъ. Теперь починился и думаю въ воскресенье сходить къ Милютину ¹⁾. Не знаю даже здѣсь ли онъ. Тамъ вѣрно увижу (если онъ здѣсь) общихъ знакомыхъ и дамъ вамъ объ нихъ подробный отчетъ.

Вы, конечно, уже знаете о смерти Бориса Утина. Это для меня большая утрата. Мы были съ нимъ дружны. Утинъ былъ человѣкъ рѣдкихъ нравственныхъ качествъ. Послѣ него осталась пустота, которую не скоро наполнишь. Заблочнока ждутъ въ концѣ этой недѣли. Итакъ,

¹⁾ Графъ Д. А. Милютинъ, въ то время военный министръ.

за границей ему надоѣло и проектъ его провести тамъ зиму не состоялся.

Наше общество весьма своеобразное ¹⁾. Идетъ оно очень порядочно. Надняхъ намъ отказалъ, по завѣщанію, какой-то Тимофѣевъ 1.200 р., то-есть надняхъ мы должны получить эти деньги; другой, изъ Новочеркасска, заявилъ, что намѣренъ платить всю жизнь ежегодно по десяти рублей. О томъ и другомъ мы не имѣемъ никакого понятія. Все это добрые признаки.

На этихъ же дняхъ пришелъ ко мнѣ съ рекомендаціей нѣкто профессоръ исторіи, Rambeau, изъ Кана ²⁾, пріѣхавшій сюда изучать богатую коллекцію документовъ и рукописей въ Публичной Библіотекѣ, куда они были куплены по разрушеніи Бастиліи въ числѣ выброшенныхъ на улицу. Этотъ господинъ мнѣ понравился, несмотря на то, что французовъ, какъ вы знаете, я не долубливаю. Rambeau молодой человекъ, очень привлекательной наружности, вполне порядочный и образованный, не нахалъ, не хвастунъ, безъ всякихъ избитыхъ фразъ и откосится съ большимъ интересомъ ко всему, что здѣсь видить. Сужденія его основательны и просвѣщенны. Нѣмцевъ онъ не любитъ, но умѣетъ дѣлать, что въ нихъ есть хорошаго, знаетъ по-нѣмецки и немножко по-русски. По-русски онъ учится и кое-какъ объясняется уже съ воззачиками и прислугой. Изъ всего этого вы видите, что это не одинъ изъ невѣждъ-проходимцевъ, какими въ такомъ изобиліи награждаетъ насъ великая нація. Я познакомилъ его съ Антониной и Соней, которыя тоже остались имъ очень довольны. Намѣренъ сдѣлать все, чтобъ удовлетворить его любознательность и познакомить здѣсь и въ Москвѣ кое съ кѣмъ.

Собираюсь на этихъ дняхъ начать давно задуманную статью о Куяльницко-Хаджибейскомъ дѣлѣ, для юридическаго журнала, издаваемого Квириномъ и Туромъ. Она раздѣлится на двѣ части: одна—разборъ или лучше сказать изложеніе интересныхъ вопросовъ о правѣ владѣнія, затронутыхъ въ процессѣ, который былъ начать городомъ Одессой и, какъ помните, не былъ доведенъ до конца; другая—подробный анализъ устава товарищества владѣльцевъ. И то, и другое представить крайне любопытные юридическіе факты, которые ни въ нашей судебной практикѣ, ни въ нашемъ законодательствѣ никогда еще не затрогивались. Если удастся написать какъ думается, статьи произведутъ сенсацію въ юри-

¹⁾ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

²⁾ Альфредъ Рамбо, извѣстный послѣдователь русской исторіи и византинологъ. Въ 1872 году былъ профессоромъ въ Каенѣ, затѣмъ въ Нанси и въ Парижѣ, въ послѣднее министерство Мелляна во Франціи былъ министромъ народнаго просвѣщенія французской республики.

дическихъ кружкахъ, потому что матеріалъ крайне интересенъ и новъ— конечно у насъ. Посмотримъ, что удастся сдѣлать ¹⁾).

Написалъ я, дорогой другъ Константинъ Карловичъ, гораздо больше, чѣмъ предполагалъ. Какъ ни тощъ матеріалъ при очень однообразной жизни, которую веду, а все-таки зудъ въ рукахъ сообщить вамъ и то немногое, что совершается въ моемъ маленькомъ міркѣ. Дорого бы я далъ, чтобъ пожить съ вами, какъ мы живали въ Павловскѣ, въ Одессѣ, въ Черновцахъ, въ Вѣнѣ ²⁾. Не будь я связанъ службой, я бы завтра укатилъ къ вамъ, благо приближающіеся холода, сѣрое и мрачное небо и прочія удовольствія не влекутъ въ деревню и не держатъ въ Петербургѣ. Но служба, волей-неволей, держитъ меня географически прикованнымъ. Все надѣюсь, что вдругъ, ни съ того, съ съ сего, выиграю тысячь семьдесятъ пять на билетъ внутренняго займа и тогда распрощусь со службой. Но это—Улита ѣдетъ, когда-то будетъ. Случись это³⁾ я бы жилъ въ Петербургѣ только четыре зимніе мѣсяца, лѣто и начало осени проводилъ бы въ деревнѣ, а раннюю весну и позднюю осень— за границей. Это было бы настоящее житье. Но—бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ. Обнимаю васъ отъ всего сердца и отъ всего помышления. Въ Ниццѣ, куда, говорятъ, вы ѣдете зимовать, должна быть Евгенія Сергѣевна Шеншина. Пожмите ей крѣпко отъ меня руку и скажите, что экземпляръ «Задачъ психологін» ³⁾, подписанный на ея имя, лежитъ у меня и ждетъ ея приказаній. Она, бѣдная, говорятъ, въ злой чашоткѣ.

Р. С. Соня такъ расчувствовалась, узнавъ, что вы не воротитесь этой зимой, что написала вамъ сама. Прилагаю ея письмо. Она не охотница до писанья писемъ. Это вамъ докажетъ, какъ ее заживо задѣло ваше отсутствіе и невозможность видѣться съ вами такъ долго.

5.

13-го ноября 1872 г., С.-Петербургъ.

Дорогой и почтенный другъ, Константинъ Карловичъ! Милое и отчасти строгое къ Домонтовичу письмо ваше я получилъ и начинаю мое,

¹⁾ Статья, какъ замѣчено выше, (см. примѣч. 2 къ письму отъ 21-го іюля 1872 г.) напечатана въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ 1873 и 1874 г.г.

²⁾ К. Д. Кавелинъ провелъ два гѣта въ Павловскѣ, на дачѣ К. К. Грота въ 1868 и 1869 г.г. Съ К. К. Гротомъ ѣздилъ онъ въ Одессу лѣтомъ въ 1868 году и остался тамъ одинъ, а Гротъ уѣхалъ за границу. Съѣхался съ нимъ Кавелинъ черезъ нѣсколько времени въ Черновцахъ и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ въ Вѣну.

³⁾ „Задачи психологін“, К. Д. Кавелина, вышли отдѣльной книгой въ маѣ 1872 г.

по закону христіанской любви, съ оправданія ближняго. Дѣло въ томъ, что положеніе о стипендіи Милютина провалялось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія цѣлое лѣто и утверждено лишь 30-го сентября, и то по просьбѣ Домонтовича, Деляновымъ, а не Толстымъ ¹⁾. Въ октябрѣ комитетъ ²⁾ собирався у Заблоцкаго; я былъ тоже приглашенъ. Присутствовали: хозяинъ дома, предсѣдатель, Домонтовичъ, Семеновъ ³⁾, Ламанскій ⁴⁾. Рѣшено напечатать утвержденныя правила; (исполнено) купить шести-процентныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ комиссіи погашенія долговъ сколько нужно, чтобъ получать ежегодно сто пятьдесятъ рублей на одного стипендіата въ Подольской семинаріи Московской губерніи. Ламанскій предложилъ эту бумагу, которая обойдется примѣрно въ 2.500 рублей, и имѣть то удобство, что не попадаетъ въ тиражъ, если будетъ записана въ государственную долговую книгу, какъ вѣчный долгъ. Надо замѣтить, что денегъ собралось до 8.000 рублей, а съ невнесенными, уже извѣстными пожертвованіями 8.700 рублей, не считая въ томъ числѣ ожидаемыхъ по книжкамъ и въ отдѣленіяхъ и конторахъ банка (извѣстенъ только взносъ по книжкѣ Самарина, брата его Петра въ 1.000 рублей; этотъ взносъ числится въ 8.000 р.). При такомъ положеніи фондовъ рѣшено войти въ сношеніе съ земствами Новгородскимъ и Рязанскимъ Марья Аггеевна ⁵⁾ отъ назначенія своихъ стипендіатовъ на три года отказалась, потому что ея кандидату всего тринадцать лѣтъ, а другихъ теперь у нея нѣтъ. Итакъ, вы видите, что дѣло идетъ своимъ чередомъ и гнѣваться вамъ никакъ не слѣдуетъ. Все обстоитъ благополучно.

14-го ноября. Окончивъ дѣла, я хочу съ вами бесѣдовать о всякой всячинѣ. Нынче зима какъ-то особенно скучна, хотя я и не могу отдать себѣ яснаго отчета почему. Какъ видите, мы всѣ переохворали: у Сони былъ нарывъ въ ухѣ, то-есть въ раковинѣ уха, и потомъ гриппъ, хотя менѣе сильный, чѣмъ въ прошломъ году; у меня были нестерпимыя ревматическо-нервные боли правой стороны лица, продолжавшіяся добрыхъ три недѣли; теперь лучше, хотя все еще я не совѣмъ починился. Всего хуже было то, что когда нестерпимыя дерганья въ зубу

¹⁾ Графъ Д. А. Толстой—въ то время министръ народнаго просвѣщенія; И. Д. Деляновъ—его товарищъ, управлявшій министерствомъ въ его отсутствіе.

²⁾ Комитетъ по организаціи стипендіи имени Н. А. Милютина.

³⁾ П. П. Семеновъ, членъ Государственнаго Совѣта, вице-президентъ Императ. Русск. Географическаго Общества. Племянникъ Я. И. Ростовцева, дѣятельнаго предсѣдателя редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ. На его сестрѣ, Нат. Петр. Семеновой былъ женатъ братъ К. К. Грота—Лк. Карл. Гротъ.

⁴⁾ Евг. Ив. Ламанскій, въ то время директоръ Государственнаго банка.

⁵⁾ Вдова Н. А. Милютина.

прекратились, началась боль головы, точно мозгъ страдалъ... Оспа упорно держится; эта гостья, разъ куда замѣшается, держится упорно; а у насъ и подавно, съ нашими милыми нравами и безпечностью. Какъ ей не держаться, когда даже люди съ достаткомъ (какъ напримѣръ мой хозяинъ дома) продаетъ на рынкѣ одежду и бѣлье, оставшіяся отъ его родственницы, умершей отъ оспы? Вообще всѣ и все больно, вслѣдствіе гнилой осени: у насъ теперь днемъ четыре и пять градусовъ тепла, нѣтъ снѣга, мы ходимъ въ пальто; а погода мерзвѣющая: туманъ, дождь, тьма, слякоть—словомъ петербургская осень въ полной формѣ.

Я работаю, и довольно усердно: какъ-то и выѣзжать нигуда не хочется. За мою психологію меня щиплютъ въ журналахъ. Свѣченое написалъ критику и общаетъ контръ-психологію; въ «Отечественныхъ Запискахъ» тоже большая критика; Самаринъ прислалъ письмо на шести листахъ, гдѣ бьетъ меня съ своей точки зрѣнія, впрочемъ съ разными любезностями относительно моего изложенія и личности. Ожидая еще и письменныхъ и словесныхъ возраженій и затѣмъ буду отвѣчать всѣмъ разомъ, чтобъ не растеряться въ мелкой полемикѣ. Теперь готовлюсь къ отвѣту, читаю для этого всякую всячину. Вообще, вопросъ видимо возбужденъ и интересъ къ дѣлу поднять. Давно пора. Въ полудикомъ обществѣ, каково наше, надо же, рано или поздно, возбудиться интересу къ духовной и нравственной сторонѣ человѣческаго существованія, иначе оно, переставши быть матеріальной силой, сгніетъ и развалится.

Совершенно неожиданно для меня является новый работникъ по части философіи и психологіи, человѣкъ вамъ очень близкій—племянникъ вашъ Николай Яковлевичъ Гротъ ¹⁾. Этотъ юноша съ жадностью прочелъ мою книгу, взялъ у меня курсъ исторіи философіи Стѣкля и ушваается имъ. Онъ будетъ прелезнейшій работникъ въ области знанія, которой у насъ по несчастію и на бѣду нашу слишкомъ пренебрегаютъ.

15-го ноябрѣя. Тютчевъ передать мнѣ съ чувствомъ глубокаго уваженія и сочувствія о вашемъ служебномъ заявленіи, сдѣланномъ по случаю долговременнаго вашего отпуска ²⁾. Мнѣ оно показалось, какъ идущее отъ васъ, совершенно естественнымъ, въ порядкѣ вещей; скорѣй бы меня удивило, еслибъ вы поступили иначе: это было бы непохоже на васъ. Само собою также разумѣется, что вамъ отказали. *Vous établissez un malheureux antécédent*, противъ котораго натурально должны возопить всѣ чиновники. Вы имъ мѣсто портите. Замѣчательно,

¹⁾ Сынъ Як. Карл. Грота. Въ настоящее время профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ.

²⁾ *Примѣчаніе К. К. Грота.* Взявъ 10-ти-мѣсячный отпускъ, я отказывался отъ жалованья по званію члена Государственнаго Совѣта, но на это не согласился.

что не этими словами, но въ этомъ смыслѣ выразились нѣкоторые лица изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Вотъ какъ глубоко сидятъ чиновничьи преданія и привычки, даже въ людяхъ безспорно порядочныхъ и образованныхъ.

Собирая для васъ всякую всячину, въ увѣренности, что вы прочтете вѣсти изъ Питера не безъ интереса, я наткнулся между прочимъ и вотъ на какую. Суворинъ издалъ календарь на 1873 годъ въ 15.000 экземплярахъ. Этотъ календарь цензурою заарестованъ. На дняхъ Комитетъ Министровъ разрѣшилъ это дѣло: календарь выйдетъ въ свѣтъ, но за исключеніемъ, говорятъ, 7-ми печатныхъ листовъ. Исключены біографіи и нѣкоторые сравнительныя свѣдѣнія о бюджетѣ или изъ бюджета и смѣтъ.

Вы вѣрно получаете «Вѣстникъ Европы». Прочтите въ ноябрьской книжкѣ «Характеристики» Пыпина о славянофилахъ. Статья очень интересная, въ основаніи своемъ справедливая, хоть нѣсколько строгая. Эта статья должна произвести въ Москвѣ впечатлѣніе, и я крайне удивлюсь, если она не вызоветъ отвѣта. Славянофилы будутъ ею очень обижены и должны подать голосъ.

Обратила также на себя вниманіе книга Стронина: «Политика какъ наука». Въ послѣдней части довольно толстаго тома, названной «діагностика и прогностика Россіи», есть любопытныя и главное сильныя вещи. Говорятъ, что цензура задержала эту книгу но министръ внутреннихъ дѣлъ пропустилъ.

16-го ноября. Въ письмѣ вашемъ вы очень строго отзываетесь о французахъ. Я, какъ вы знаете, тоже не большой ихъ любитель. Но судя по нѣкоторымъ даннымъ, погромъ 1870 года, кажется, прошелъ для нихъ не безъ пользы. Всѣ, ѣздившіе во Францію за последнее время, довольно согласно показываютъ, что въ молодежи замѣтна перемѣна къ лучшему, что она работаетъ усиленно, учится нѣмецкому языку и вообще серьезно занимается ближайшимъ своимъ дѣломъ. Здѣсь былъ недавно профессоръ Саен'скаго факультета, нѣкто Alfred Rambaud, котораго мнѣ рекомендовали. Если у нихъ много такихъ образованныхъ, порядочныхъ и милыхъ людей, то я готовъ вѣрить возрожденію Франціи; видѣлъ я и другого француза, Лежѣ¹⁾, слависта, отличнаго знатока славянскихъ нарѣчій, котораго готовятъ на кафедре Collège de France. Этотъ, по отзыву знающихъ людей, человекъ весьма серьезный и дѣльный. Боюсь вѣрить, а хотѣлъ бы повѣрить возрожденію Франціи, и не могу, какъ ни убѣждаю себя, радоваться образованію и усиленію «единой и нераздѣльной» Германіи. Достоинства этого племени несомнѣнны, но и

¹⁾ Луи Лежѣ въ настоящее время извѣстный профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Collège de France, въ Парижѣ.

недостатки и отталкивающія его стороны, особливо какъ они выступили наружу послѣ побѣды, точно также несомнѣнны. Что ни говорите, а преобладаніе Германіи въ Европѣ было бы большимъ несчастіемъ, и не свѣтлой, а мрачной страницей въ ея исторіи. Въ наукѣ нѣмецъ—космополитъ; въ жизни практической это сухарь, который тяжкимъ свинцомъ ложится на все, что не есть германское, и покоренныя племена не привяжутся къ Германіи, какъ привязался Эльзась къ Франціи. Вдобавокъ, въ послѣднее время нѣмецъ утратилъ то добродушіе и ту честность, которыя ставили ихъ во время дна такъ высоко. Они такіе же плуты, какъ и всѣ прочіе народы, не исключая и французовъ. Берлинъ—Grossstadt, столица міра, есть вопіющая нечѣстность, грозящая міру потерей всякаго вкуса и всего похожего на изящество. Сухая нѣмецкая механика хуже и угнетательнѣе и оскорбительнѣе всякаго самаго давящаго деспотизма.

На этотъ разъ довольно. До слѣдующаго письма. Крѣпко обнимаю васъ и жду отъ васъ скорыхъ вѣстей. Соня пишетъ вамъ особо.

6.

9-го января 1873 г., С.-Петербургъ.

Бывало, встрѣчая новый годъ, невольно чувствуешь какое-то особенное настроеніе, иной радостное и исполненное надеждъ, а иной разъ и мрачное: но все-таки настроеніе бывало какое-то экстраординарное. Нынче ничего этого не было. Новый годъ встрѣтили какъ каждый другой день. Соня отправилась къ Вал. Фед. Коршу, гдѣ собралась молодежь, пѣла, плясала, ѣла, опять плясала. Даниловичъ ¹⁾ на этотъ разъ не былъ у насъ по нездоровью. Мы, старики, оставались дома; Антоинна легла спать, а я, кажется, раскладывалъ пасьянсъ, что очень вамъ рекомендую...

За васъ я отчасти доволенъ, что вы не въ Петербургѣ. Не знаю отчего, но нынѣшняя зима мнѣ кажется неимоверно скучной. Сидѣлъ бы дома, не двигаясь никуда. Нѣтъ потребности обмѣниваться мыслями и впечатлѣніями, да и видѣть никого особенно не желаешь. Какая-то не-

¹⁾ Гр. Гр. Даниловичъ—въ то время директоръ 2-й петербургской военной гимназіи, впоследствии воспитатель наследника цесаревича Николая Александровича, нынѣ царствующаго Государя Императора. Въ настоящее время генералъ-адъютантъ, состоящій при особѣ его величества. Весьма близкій знакомый К. Д. Кавелину, который сошелся съ нимъ въ пятидесятыхъ годахъ, служа вмѣстѣ въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній.

обыкновенно скучная зима. Все какъ-то сморщилось, пошлѣетъ и пребываетъ въ удивительной апатіи.

Съ 26-го декабря открыта въ Академіи художествъ 2-я передвижная выставка. Она бѣднѣе прошлогодней количествомъ художественныхъ произведеній, но сама по себѣ очень хороша. Насъ съ Соней особенно поразила картина Крамскаго: «Спаситель въ пустынѣ», купленная Третьяковымъ въ Москвѣ за 6.000 руб. По моему, эта картина—единственная въ цѣломъ мірѣ, передающая живой образъ Христа вполне, со всѣхъ сторонъ, какъ Сикстинская мадонна передаетъ Богородицу. Спаситель сидитъ одинъ одинехонекъ, погруженный въ глубокую думу, въ пустынѣ на камнѣ, руки сложены и лежатъ на колѣняхъ; волосы въ беспорядкѣ: на лицѣ и во всемъ видѣ большое утомленіе и большая бѣдность. Ничего театральнаго, эффектнаго, никакой позы. Впечатленіе эта картина производитъ самое глубокое.

Въ субботу мы праздновали у Дюссо десятилѣтіе редакторства Корша «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ сборѣ было человекъ сорокъ. Были спичи, разныя хорошія пожеланія литературѣ. Обѣдъ прошелъ довольно хорошо. Въ заключеніе собрано на литературный фондъ 300 руб. Кстати объ литературномъ фондѣ. Онъ заключаетъ годъ блистательно. Капиталь увеличился на 3.000 руб. и составляетъ теперь 56.000 руб. Доходъ 16.000, расходъ 12.000 слишкомъ, въ томъ числѣ пенсій, стипендій, воспитаніе дѣтей, т. е. расходъ обязательныхъ—6.000 руб. Три пожертвованія по завѣщаніямъ на 1.700 руб. Наслѣдники Б. Утина—1.000 руб. Концертъ Лавровской далъ 2.300 руб. и т. д. Вы видите результатъ недурной. Соня и Антонина часто васъ вспоминаютъ. Объ насъ, вашихъ друзьяхъ, и говорить нечего. Соня непременно бы написала вамъ письмо, еслибъ знала, что я собираюсь писать вамъ...

Обнимаю васъ отъ всего сердца.

7.

22-го февраля 1873 г., С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій и дорогой другъ Константинъ Карловичъ! Поотписавшись отъ всякой всячины, служебной и неслужебной, крупной и мелкой, принимаюсь за перо, чтобъ поболтать съ вами. Надѣюсь скоро отправить къ вамъ это письмо, но удастся-ли это—не знаю. Пожалуй опять что-нибудь помѣшаетъ.

Кончина великой княгини Елены Павловны¹⁾ произвела нѣкоторую сенсацию, но меньшую, чѣмъ можно было ожидать. Причиной тому— та замкнутость, которой она подверглась въ послѣднее время.

25-го февраля. 19-го февраля мы отпраздновали, по обычаю у Дюссо²⁾. Народу было много, но мнѣ показалось противъ прежнихъ глѣть скучновато. Вся обуза тостовъ и рѣчей пала исключительно на А. П. Заблоцкаго, который прочелъ очень недурной некрологъ П. Д. Киселева. Но слушали какъ-то разсѣянно, по крайней мѣрѣ на лѣвомъ концѣ стола, гдѣ я помѣстился съ Арапетовымъ, Ламанскимъ, Гавриловымъ и Шульцомъ. Поминали васъ и часто поминаютъ ваши петербургскіе друзья. Безъ васъ пусто и ваше мѣсто остается незанятымъ, географически и нравственно.

Масленцу мы съ Соней кутили и почти дома не жили. Но меня этотъ образъ жизни тяготитъ не по глѣтамъ, да и какъ-то мало что влечетъ изъ дому. Дома—работаешь и наслаждаешься Соней, которая все также со страстью работаетъ за своимъ дѣломъ, расцвѣла, (ей уже 21 годъ минулъ) весела, жива... Ее знаютъ и не только любятъ, но и уважаютъ.

Жду не дождусь, когда можно будетъ отправиться изъ гнилого Петербурга въ деревню на глѣто. Въ нынѣшнемъ году не предвижу препятствій, продержавшихъ меня, безъ всякой нужды, въ прошломъ году, до половины іюля. Дѣлъ у меня по департаменту мало. Изъ стоящихъ упоминанія назову правила о взысканіяхъ по производству фотогена и послѣдныи Куяльницко-Хаджибейскаго дѣла, т. е. окончательное утвержденіе владѣльцевъ въ ихъ правахъ собственности, выдача имъ удостовереній, открытіе перваго общаго товарищества и т. п. Першке мнѣ сказывалъ, что дѣла общества идутъ блистательно. Постройки идутъ отлично, поперечная плотина сомкнута. Общество выработало 3 милл. пудовъ и заработало въ нынѣшнемъ году 60%, благодаря неурожаю соли въ Крыму. Пойдетъ ли дѣло впередъ такъ-же трудно сказать. Коптевъ сомнѣвается, говоря, что николаевская дорога (т. е. въ Николаевъ) отобьетъ у одесскаго промысла часть сбыта въ пользу крымской соли. Qui vivat—vegat!

Антонина³⁾ и Соня посылаютъ вамъ дружескіе поклоны; послѣдняя

¹⁾ Великая княгиня Елена Павловна, вдова великаго князя Михаила Павловича † въ Петербургѣ, 9-го января 1873 г.

²⁾ Эти обѣды устраивались ежегодно, начиная съ 1862 года. Участниками ихъ были члены редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ и выдающиеся изъ дѣятелей вообще по этой реформѣ. К. К. Гротъ часто председательствовалъ на этихъ обѣдахъ. См. о нихъ въ „Русской Старинѣ“ 1884 г., т. ХLI, стр. 669—734.

³⁾ Антонина Федоровна—жена Кавелина.

даже поцѣлуй, что для дѣвицы 21 года, въ отношеніи къ Junggeselle въ родѣ васъ я нахожу даже не совсѣмъ приличнымъ. Онѣ ѣдутъ весной въ Парижъ, а оттуда на лѣто въ Крейцнахъ, гдѣ Антонинѣ необходимо принимать соленныя ванны. Я, какъ сказано, въ деревню, заниматься хозяйствомъ. Необходимыя постройки кончены и отличны, но стоили дорого и это меня нѣсколько стѣснило, особенно потому, что вотъ уже второй годъ страшные неурожаи въ Новоузенскомъ уѣздѣ, вслѣдствіе чего я лишился значительной части дохода. Но все-таки этотъ годъ я кое-какъ извернусь, а тамъ дѣла имѣнія за Волгой поправятся и Тульское тоже начнетъ понемногу что-нибудь приносить. По мѣрѣ того, какъ старѣюсь, все больше и больше тянетъ въ деревню, конечно не на безвыѣздное житье, а такъ мѣсяцевъ на шесть, на семь въ году. Городъ становится нестерпимъ пустою и скукой. Кризисъ какой-то совершается; чѣмъ онъ разрѣшится—предугадать очень трудно, но жить во время кризиса—невыносимо. Вы вѣрно читали и слышали объ оваціяхъ Патти и Нильсонъ, которыя, по умѣренной оцѣнкѣ, обошлись—стыдно сказать—въ 15 тыс. руб. сер., въ странѣ, гдѣ нѣтъ школы, гдѣ бѣдность и нищета—страшныя. Благоразумные люди утѣшаются тѣмъ, что еслибъ не на Нильсонъ и Патти, то деньги все-таки не пошли бы на школы, а на какую-нибудь Blanche Gandon. Это очень справедливо, но мало утѣшительно. Кстати: читали вы о томъ, какъ полупьяный капитанъ, изъ Ташкента, дрался съ полиціей, расквасилъ кой-кому носы, своротилъ рыло и жалѣлъ, что нѣтъ подъ рукою пашки, а то бы снесъ съ плечъ дурацкія головы дворниковъ и полицейскихъ. Слышали вы о другой исторіи, замѣтой, одного офицера, который, на пари, въ какомъ-то трактирѣ, поцѣловалъ вовсе незнакомую женщину? Мужъ ея, американецъ, клоунъ, оторвалъ наглему уху, а когда послѣдній выхватилъ пашку, то клоунъ перешибъ ему руку. Герой-офицеръ, подъ шумокъ, переведенъ въ Азію, гдѣ теперь готовится походъ на Хиву и удалцамъ — если они дѣйствительно удалцы — представится много случаевъ полезно употребить свой излишній пылъ. Вотъ нравы. Это не Европа, а Азія, и Азія, не арабская или мавританская, а какая-то монгольская.

Обнимаю васъ отъ всего сердца.

8.

11-го апрѣля 1873 г., С-Петербургъ.

Любезнѣйшій, дорогой другъ Константинъ Карловичъ! Я получилъ письмо ваше и очень обрадовался, что наконецъ-то вы отыскались; а

то переѣздъ вашъ изъ Ниццы въ Неаполь былъ такой длинный, что ужъ я боялся, не попали-ли вы въ руки разбойниковъ, о которыхъ ходило столько слуховъ. Рассказывали даже, что они плѣнили (только въ обратномъ смыслѣ общепринятому) Е. Д. М—ну. Это, конечно, оказалось пуфомъ, но страхъ остался неволью.

Наконецъ Сѣченовъ двинулъ противъ меня обѣщанную большую психологическую статью, которая должна была меня убить¹⁾. Но статья оказалась слабой. Это не мое сужденіе, а мнѣніе тѣхъ, которые, по образу мыслей или по профессіи, стоятъ ближе къ Сѣченову чѣмъ ко мнѣ. Важно это потому, что онъ—глава школы, представитель ея теоретическихкихъ основъ. Вышло, что я хорошо сдѣлалъ, не торопясь отвѣтомъ. Теперь можно будетъ подвести итоги ко всѣмъ возраженіямъ вмѣстѣ, что я и сдѣлаю въ теченіе лѣта. Въ октябрѣ помѣщу въ «Вѣстникѣ Европы» (на что ужъ имѣю согласіе Стасюлевича) большую статью, которую думаю назвать: «Задачи психологіи и критики». Здѣсь я разберу всѣ аргументы противниковъ по косточкамъ и еще яснѣе выскажу основную мысль моей работы²⁾.

15-го апрѣля. Эти дни захопотаюсь и не успѣлъ кончить начатаго письма.

Сегодня у насъ въ Петербургѣ великое торжество. Приѣхалъ германскій императоръ, котораго встрѣтили съ величайшими почестями и пушечной пальбой. Городъ весь въ знаменахъ,— даже нашъ Васильевскій островъ...

Я живъ и здоровъ. Жду не дожусь, когда отпустятъ въ деревню на лѣто. Хоть Нева и не вскрылась, но весной сильно пахнетъ. Мои располагаютъ въ половинѣ мая ѣхать въ Парижъ, затѣмъ во второй половинѣ юня въ Крейцнахъ, гдѣ пробудутъ до начала августа. Какъ было бы хорошо, еслибъ вы съ ними повидались, списавшись. Мои, и конечно Соня, питаютъ къ вамъ большую нѣжность. Часто мы васъ вспоминаемъ, стараго друга, и вы намъ недостаете всю зиму. Вы никакъ не можете жаловаться на то, что отсутствующіе всегда виноваты; скорѣе, съ вами, на оборотъ; мы теперь чаще вздыхаемъ по васъ, чѣмъ когда насъ раздѣляла ѣзда на полчаса.

Прощайте, дорогой, милый другъ! Обнимаю васъ крѣпко отъ всего сердца.

Сообщ. Д. Корсаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Статья И. М. Сѣченова, направленная противъ „Задачъ психологіи“ К. Д. Кавелина, появилась подъ заглавіемъ: „Кому и какъ разрабатывать психологію“, въ „Вѣстн. Евр.“ 1873 г., апрѣль.

²⁾ Эта статья К. Д. Кавелина появилась въ „Вѣстн. Евр.“ (1874 г., мартъ, апрѣль, май, юнь), подъ заглавіемъ: „Психологическая критика“, письма въ редакцію по поводу замѣчаній и вопросовъ проф. Сѣченова.

Письмо И. И. Дмитріева—Павлу Петровичу Свиныну.

16-го августа 1833 г. Москва.

По возвращеніи моемъ сюда, первая моя забота была узнать въ сосѣдномъ домѣ молодого Майкова о вашей квартирѣ, но тамъ отозвались незнаемъ. Другіе изъ моихъ знакомыхъ также. Наконецъ, рѣшительно увѣрясь въ вашемъ отсутствіи, спѣшу принести вамъ сердечную благодарность мою за всѣ убѣдительные знаки вашей ко мнѣ пріязни, оказанные въ бытность мою въ Петербургѣ. Будьте здоровы и продолжайте наслаждаться домашнимъ, истиннымъ счастіемъ безмятежною дружбою и съ залогомъ. Забудьте авторскую зависть и пристрастіе, ступайте своимъ путемъ на поприщѣ исторіи и надѣйтесь на должную, хотя и позднюю справедливость.

Я продолжалъ и совершилъ путешествіе мое благополучно и еще засталъ кончикъ лѣта въ саду моемъ. Дерптъ мнѣ очень понравился, провелъ три дня въ семействѣ моего друга весело, въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Карловкою, помѣстьемъ г. Булгарина, котораго только видѣлъ однажды шествующаго съ трубкой во рту, вдоль своей нивы. Хотя и съ трубкою, но онъ напомнилъ мнѣ библейскаго Вооза.

Можетъ быть это излишне въ моемъ письмѣ, но мнѣ хотѣлось подольше съ вами поговорить. Прошу васъ и милостивую государыню Надежду Ашолоновну принять искреннее увѣреніе въ чувствахъ душевнаго почтенія, кои навсегда къ вамъ сохранить м. г. вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитріевъ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ

Валеріана Александровича Бельгарда ¹⁾.

9-го февраля 1897 года скончался одинъ изъ старѣйшихъ героевъ кавказской эпопеи генералъ-отъ-инфантеріи Валеріанъ Александровичъ Бельгардъ. На страницахъ «Русской Старины», давшей намъ уже столько жизнеописаній выдающихся отечественныхъ дѣятелей, конечно у мѣста будетъ и воспоминаніе о такой, во всѣхъ отношеніяхъ доблестной личности, какою былъ покойный.

Вскорѣ послѣ его кончины появились въ разныхъ газетахъ болѣе или менѣе обстоятельные некрологи, свидѣтельствовавшіе, что Бельгардъ не даромъ достигъ высокаго служебнаго положенія. Но не одна примѣрная служба его поучительна, поучителенъ и внутренній міръ этого человѣка. Міръ этотъ не могъ быть извѣстенъ писателямъ некрологовъ, равно какъ и разные подробности частной и служебной жизни Бельгарда.

Подробности эти выясняются въ ниже помѣщенной автобіографіи покойнаго, записанной съ его словъ однимъ изъ близкихъ родственниковъ.

Съ своей стороны долгомъ считаю предпослать этой автобіографіи (къ сожалѣнію, доведенной только до похода въ Дарго, въ 1845 г.) нѣсколько замѣтокъ о Бельгардѣ, какъ о человѣкѣ.

Имѣвъ честь знать его давно и близко, я ни разу не имѣлъ случая разубѣдиться въ составленномъ мною о немъ понятіи, а потому

¹⁾ Записано съ его словъ въ 1891 году.

смѣло утверждаю, что то былъ истинно рыцарскій характеръ, — изъ тѣхъ, которые все рѣже и рѣже встрѣчаются.

Въ высшей степени чуткій въ вопросахъ чести и справедливости, Бельгардъ, въ случаѣ ихъ нарушенія, ни передъ чѣмъ не останавливался, и, съ прирожденной ему пылкостью, высказывалъ свое негодованіе иногда въ очень рѣзкой формѣ. Нѣкоторые эпизоды, приведенные въ его автобіографіи, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Что подобныя выходы при тогдашней строгости дисциплины ему сходили съ рукъ безнаказанно, служить лишь доказательствомъ того, какъ дорожило имъ высшее начальство. Да и нельзя было не дорожить. Лично храбрыми людьми Кавказъ того времени изобиловалъ, но гораздо рѣже встрѣчались умѣлые, распорядительные начальники, хорошо усвоившіе себѣ уроки своеобразной войны съ горцами и, кромѣ того, внушавшіе своимъ подчиненнымъ безграничное довѣріе къ себѣ и преданность.

Съ безавѣтной отвагой Бельгардъ соединялъ рѣдкую правдивость и рѣдкое безкорыстіе. Въ своихъ частныхъ денежныхъ дѣлахъ онъ далеко не былъ, что называется, практическимъ человѣкомъ, и состоянія никакого не нажилъ, кромѣ жалованныхъ ему арендъ и маіората за служебныя отличія. Казенный рубль былъ для него святыней, до которой онъ касался лишь для удовлетворенія казенныхъ нуждъ. Скажутъ, что такъ и слѣдовало поступать и что въ этомъ особой заслуги нѣтъ. Вѣрно! но только припомнимъ ту эпоху, когда наживаться отъ командованія полкомъ или вообще какою нибудь частью считалось дѣломъ вовсе не предосудительнымъ, когда эта нажива совершалась, такъ сказать, съ вѣдома «власть имущихъ», и намъ нельзя будетъ не отнести Бельгарда къ горсти избранныхъ, не увлеченныхъ общимъ мутнымъ теченіемъ, и не поставить ему этого въ особую заслугу.

Пылкость характера соединялась у Бельгарда съ чрезвычайнымъ добродушіемъ и гуманностію. Въ минуту справедливаго гнѣва сильно доставалось иногда его подчиненнымъ; но никого изъ нихъ онъ не дѣлалъ несчастнымъ, и всегда оказывалъ сердечное и дѣятельное участіе тому человѣку, котораго считалъ заслуживающимъ помощи.

Какъ всѣ люди добраго сердца, Бельгардъ очень любилъ дѣтей. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ лѣтніе мѣсяцы проводилъ обыкновенно въ Павловскѣ, и тамъ вся дѣтвора была его друзьями пріятелями. Когда потомъ жестокая болѣзнь лишила его употребленія ногъ, онъ приказывалъ возить тебя въ колесномъ креслѣ на площадку вокзала, гдѣ днемъ, въ особомъ павильонѣ, играетъ военная музыка, и тамъ любовался на игры и танцы дѣтокъ. Каждого изъ подводимыхъ или подносимыхъ ему малютокъ онъ обласкаетъ, а тѣ, сидя на колѣняхъ у стараго ветерана, играютъ его георгіевскимъ крестомъ, добы-

тымъ въ кровавомъ бою съ горцами. На картину эту нельзя было не залюбоваться.

Добавимъ нашъ бѣглый очеркъ характера покойнаго Валеріана Александровича еще тѣмъ замѣчаніемъ, что карьерой своей онъ обязанъ былъ единственно личнымъ заслугамъ, такъ какъ никакой протекціей не пользовался и никакихъ связей съ сильными міра сего не имѣлъ.

За два года передъ кончиной Бельгарду довелось отпраздновать юбилей безпримѣрный, сколько намъ извѣстно, въ лѣтописяхъ русской арміи: то было 50-лѣтіе имъ же сформированнаго (въ 1845 г.) Кубанскаго егерскаго (нынѣ 76-го пѣхотнаго) полка. Въ этотъ достопамятный для него день онъ, кромѣ полученныхъ имъ отъ полка трогательныхъ по своему смыслу телеграммъ, зачисленъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ сформированный имъ полкъ съ правомъ носить мундиръ онаго.

То была послѣдняя награда угасавшему герою.

И. Оркусъ.

I.

Краткая родословная фамиліи Бельгардовъ.—Рожденіе.—Жизнь въ Выборгѣ.—Поступленіе въ Пажескій корпусъ.—Внутренняя жизнь въ корпусѣ.—Воспитатели.—Производство въ офицеры.—Служба въ Преображенскомъ полку.—Командированіе на Кавказъ.—Генераль А. А. Вельяминовъ.—Кабардинскій полкъ.—Экспедиція за Кубань.—Полученіе тяжелой раны.—Плохое леченіе.—Отъѣздъ за границу.—Столкновеніе съ иѣмцами.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Вслѣдствіе революціи во Франціи, мой дѣдъ, генераль-лейтенантъ Бельгардъ вмѣстѣ съ моимъ отцомъ эмигрировалъ въ Россію. Фамилія Бельгардъ была одною изъ древнѣйшихъ и лучшихъ фамилій Франціи и всегда отличалась своею преданностью королевскому дому.

Революція застала Бельгарда-дѣда генераль-лейтенантомъ и инспекторомъ артиллеріи, а отца—капитаномъ артиллеріи. Они оба были приняты при императрицѣ Екатеринѣ на русскую службу. Дѣдъ умеръ вскорѣ по прибытіи въ Россію и, какъ извѣстно по слухамъ, въ Митавѣ, а отецъ, дослужившись до чина генераль-маіора, умеръ въ 1816 г., въ Выборгѣ, будучи начальникомъ артиллерійской бригады. Отецъ оставилъ по себѣ память честнаго, храбраго и полезнаго генерала. Давъ присягу на вѣрнопопданство Россіи, онъ перенесъ любовь къ Франціи и преданность королямъ въ свое новое отечество. Онъ принималъ горячее участіе въ войнѣ съ Швеціей. За взятіе штурмомъ крѣпости Сварт-

хольмъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени; потомъ былъ комендантомъ въ Свеаборгѣ. Трѣмъ своимъ сыновьямъ: Александру, Карлу и Валеріану онъ завѣщалъ только свои вѣрнопо-данническія чувства къ Россіи. Старшій, Александръ доказалъ 4-го августа 1855 г., въ сраженіи при Черной-рѣкѣ, что достоинъ имени своего отца. Онъ палъ въ этомъ сраженіи смертію храбрыхъ, во главѣ вѣреннаго ему Украинскаго полка. Братъ Карлъ и я провели лучшіе годы нашей жизни на Кавказѣ.

Я родился въ 1812 г., 25-го марта, въ Свеаборгѣ, гдѣ отецъ мой въ то время былъ комендантомъ; крестнымъ отцомъ моимъ былъ командовавшій войсками въ Финляндіи графъ Валеріанъ Зубовъ, въ честь котораго и я былъ названъ Валеріаномъ; крестной же матерью была жена адмирала, графиня Гейденъ, мужъ которой въ то время начальствовалъ флотомъ, стоявшимъ тогда у береговъ Финляндіи. Когда моего отца назначили командиромъ артиллерійской бригады, мы всѣ переѣхали въ г. Выборгъ, на родину моей матери. Въ 1815 г. отецъ отвезъ моихъ двухъ братьевъ въ Петербургъ, для опредѣленія въ Пажескій его императорскаго величества корпусъ, а въ 1816 г. скончался. Моя матушка Наталья Карловна была рожденная Швенцонъ. Послѣ смерти моего отца она получила пенсію въ 1.800 р. ассигнаціями и такъ какъ на эти деньги трудно было жить и воспитывать дѣтей даже и въ скромномъ Выборгѣ, то она хлопотала о мѣстѣ, и въ 1823 г. была назначена инспектрисою Смольнаго монастыря. Двое ея сыновей уже учились въ Петербургѣ, а полученное мѣсто дало еще возможность воспитывать въ Смольномъ и двухъ дочерей.

Я былъ сначала оставленъ въ Выборгѣ у бабушки, которая меня очень любила и, хотя еще былъ очень малъ, но хорошо помню, что фizioномія края тогда была совершенно другая, чѣмъ теперь. Выборгская губернія совсѣмъ не имѣла шведскаго характера, мѣстные образованные классы населенія скорѣе были нѣмецкіе, такъ какъ дѣти норѣдко посылались учиться въ Дерптъ, и вообще губернія имѣла тяготѣніе къ Балтійскимъ провинціямъ. Въ Выборгѣ была гимназія и въ ней преподаваніе шло на нѣмецкомъ языкѣ, о шведскомъ же не было и помину. Я помню это очень хорошо, потому что учился въ гимназіи нѣсколько мѣсяцевъ въ самомъ младшемъ классѣ. Въ нашей семьѣ, при жизни отца преобладалъ французскій языкъ, но говорили и по-нѣмецки, и по-русски. Бабушка моя своимъ роднымъ языкомъ считала нѣмецкій, но по-русски знала хорошо, и я какъ теперь помню маленькую книжку стихотвореній Дмитріева, по которой она меня учила стихи «Стонеть, стонеть сизый голубочекъ».

Изъ гимназіи меня скоро взяли, и было рѣшено, что, продолжая жить у бабушки въ Выборгѣ, я буду готовиться къ поступленію въ

Инженерное училище, для чего и начали ходить ко мнѣ учителя математики и исторіи; но эти занятія не мѣшали мнѣ, рѣзвому и живому мальчику, вдоволь побѣгать и пошалить. Я помню какъ я пугалъ мою добрую бабушку, скатываясь зимой на салазкахъ съ огромной горы внизъ на проѣзжую дорогу; или взберусь, бывало, на самую верхушку большого дерева и раскачиваюсь тамъ на сучкѣ, а она, бѣдная, боится взглянуть на меня и проходить молча, твоя въ умѣ молитву. Долженъ признаться, что въ нашемъ маленькомъ городкѣ Выборгѣ меня всѣ знали и считали за большого шалуна.

Въ небольшой нашей библиотекѣ находилось жизнеописаніе великихъ людей, Плутарха. Это была моя любимая и, можно сказать, единственная книга, которую я читалъ, перечитывалъ и зналъ почти наизусть.

Большимъ моимъ другомъ былъ старый отставной солдатъ Суворовскихъ временъ. Онъ жилъ на форштадтѣ, и я часто къ нему бѣгалъ. Заберемса мы оба на высокую печь, прикроетъ онъ меня своимъ плушубкомъ и рассказываетъ безъ конца про свои походы и удачу молодецкую, про чудо-богатырей, про товарищей, погибшихъ въ бою и много, много такого, что заставляло биться мое сердце. Онъ меня очень любилъ, ходилъ со мною гулять, водилъ и въ трактиры, гдѣ и встрѣчалъ полный разгулъ; купить тамъ пряникъ и дать мнѣ; и съ какою радостью выбѣгалъ я изъ этого притона, чтобы вновь слушать прерванный рассказъ о богатыряхъ. Замѣчательно то, что мой старый другъ, хотя и любилъ въ праздничный день выпить лишнюю рюмочку, но при мнѣ онъ никогда не пилъ, оберегая такъ честно своего любимца.

Можно себѣ представить ужасъ моей бабушки, когда она узнала о моей дружбѣ, и въ особенности о моихъ прогулкахъ! Но ни просьбы ея, ни увѣщанія на меня не дѣйствовали: я продолжалъ убѣгать на форштадтъ. Тогда, несмотря на свою любовь ко мнѣ и на свою доброту, она вздумала какъ нибудь меня наказать и призвала для совѣщанія одного нашего дальняго родственника, Вульферта. Я не зналъ, что со мной будетъ и готовилъ на всякій случай, съ своей стороны, разные проекты. Вульфертъ тихо вошелъ въ мою комнату, долго и пристально на меня смотрѣлъ и молча удалился; но войдя къ моей бабушкѣ сказалъ, что наказывать меня не слѣдуетъ. Тѣмъ дѣло и кончилось къ полной радости и бабушки и внука.

Въ 1824 г. старшій мой братъ Александръ былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей въ Преображенскій полкъ, и въ томъ же году, 4 іюня, я былъ принятъ въ Пажескій корпусъ, согласно желанію покойной императрицы Маріи Феодоровны, которая всегда очень милостиво относилась къ моей матушкѣ.

О Пажескомъ корпусѣ я сохраняю самыя лучшія воспоминанія. Когда я туда поступилъ, то во 2-мъ классѣ еще находился мой братъ

Карль, который былъ старше меня пятью годами. Такимъ образомъ я поступилъ прямо подѣ его покровительство и былъ помѣщенъ въ одно съ нимъ отдѣленіе,—несмотря на свои 12 лѣтъ,—такъ какъ младшимъ братьямъ позволяли быть въ одномъ отдѣленіи со старшими. Въ каждомъ отдѣленіи, для надзора за порядкомъ, помѣщались два камеръ-пажа.

Тогда, при поступленіи въ корпусъ, не было никакихъ конкурсныхъ экзаменовъ. Мальчика, принятаго въ корпусъ, родители приводили и сдавали корпусному начальству. Въ корпусѣ его мыли, одѣвали въ форму и потомъ, если онъ былъ плохо подготовленъ (а нерѣдко и совсѣмъ не подготовленный), ему давали учителей и готовили его къ поступленію.

Когда меня привезли, то на разспросы о томъ, чему я учился, я такъ бойко называлъ предметы, которымъ меня обучали, готовя въ Инженерное училище, что мнѣ экзамена настоящаго не дѣлали, и въ первое время, поступивъ въ отдѣленіе, гдѣ былъ мой старшій братъ, я съ нимъ же сталъ ходить и въ классы; но потомъ меня проэкзаменовали и изъ 2-го класса переселили въ 5-й; а въ мартѣ 1825 года опять оставили въ томъ же классѣ, гдѣ на слѣдующій годъ я сдѣлался первымъ ученикомъ, и первымъ же шелъ въ 4-мъ и 3-хъ классахъ. Въ двухъ старшихъ я немного опустился; но все же попалъ въ камеръ-пажи, въ числѣ 8 человекъ. Камеръ-пажей по штату полагалось тогда 16, но случалось, что при выпускѣ иные изъ нихъ оставались въ классѣ на другой годъ, или по молодости лѣтъ (16 л.), или по неудовлетворительности экзамена, тогда слѣдующему классу иногда оставалось очень мало камеръ-пажескихъ ваканцій. Когда мы переходили въ старшій классъ, 8 камеръ-пажей было оставлено въ корпусѣ, а изъ насъ только 8 было произведено.

Пажескій корпусъ въ мое время помѣщался тамъ же, гдѣ и теперь, только зданіе подверглось, еще при мнѣ, большимъ передѣлкамъ. Мы помѣщались въ бывшемъ Мальтійскомъ дворцѣ и вокругъ него былъ огромный садъ, доходившій до Фонтанки. Садъ былъ намъ необходимъ, потому что лѣтнихъ каникулъ не было: мы жили лѣтомъ въ корпусѣ и продолжали учиться.

Зданіе не было приспособлено для учебнаго заведенія: все оставалось такъ, какъ было во дворцѣ. На потолкахъ были мнелогическія картины, писанныя на полотнѣ. Шалуны стрѣляли въ эти картины книгами и иногда такъ ловко попадали, что книги пробивали полотно и оставались между нимъ и потолкомъ. Гдѣ теперь помѣщается лазаретъ, тамъ у насъ была столовая, а лазаретъ помѣщался во флигелѣ. Гдѣ теперь столовая, тамъ было великолѣпное «антрѣ», съ колоннами и огромной лѣстницей, уставленное статуями. Особенно помню статую

Минервы и негодованіе начальства, когда на ней оказалась надпись въ стихахъ приблизительно такого содержанія:

„Минерва! образъ твой не къ мѣсту помѣщенъ,
Сей домъ не мудрости — разврату посвященъ.
Нагѣво взоръ свой обрати,
Ты видишь Гюне дурака,
Направо — Клугена обжору
И казначея Иванова вора*.

По всей вѣроятности, память мнѣ измѣняется, и стихи могли быть гораздо складнѣе; во всякомъ случаѣ въ нихъ была доля истины. Борисъ Егоровичъ Гюне былъ воспитатель 2-го отдѣленія и умомъ не отличался. Служилъ онъ сперва въ гвардію во время императора Павла. Ведя караулъ и встрѣтивъ государя, онъ растерялся и, вопреки всѣмъ правиламъ, остановилъ караулъ, для отданія чести. Императоръ, посмотрѣвъ на него пристально, сказалъ: «Дуракъ! перевести его въ гарнизонъ». Потомъ, уже во времена Александра I, директоръ Пажескаго корпуса и начальникъ артиллеріи, Гогель перевелъ его обратно въ гвардію и взялъ въ число корпусныхъ воспитателей. Гогель былъ ученый человекъ; имъ былъ составленъ курсъ артиллеріи. Онъ былъ молчаливъ и всегда серьезенъ, за что пажи прозвали его «бука». Въ Гюне онъ ошибся. Этотъ уменъ не былъ, — что и воспѣвалось пажами на всѣ лады. Одна изъ пѣсенъ, на него сочиненныхъ, начиналась такъ:

„А нашъ Гюне, рыцарь гора“...

Вообще, пѣніе процвѣтало въ корпусѣ. Много мы знали русскихъ пѣсенъ, народныхъ и солдатскихъ, много пѣлось и собственнаго сочиненія на мотивъ этихъ пѣсенъ. Обыкновенно пѣсня нашего сочиненія были комическія, съ прославленіемъ персонала воспитателей, въ числѣ которыхъ было много забавныхъ. Воспитатель Клугенъ, попавшій въ стихи, писанные на статуѣ Минервы, былъ дѣйствительно великій обжора. Онъ могъ ѣсть все, что угодно. Обыкновенно насъ кормили довольно хорошо, но иногда случались блюда дурно приготовленныя, или не нравившіяся намъ. Начинался шумъ и ропотъ. Обыкновенно предлагали Клугену попробовать, и онъ начиналъ съ большимъ удовольствіемъ ѣсть съ нашихъ тарелокъ и хвалить кушанье.

— Какъ вы говорите: не хорошо? Я съ Максимушкой цѣлую миску съѣмъ!

Это производило общій хохотъ. Впослѣдствіи Клугенъ вышелъ изъ корпуса и былъ полиціймейстеромъ. Изъ остальнаго персонала начальства помню, что инспекторомъ былъ Оде-де-Сюнгъ; Данзасъ занималъ должность гофмейстера (то же, что потомъ ротный командиръ); должность полиціймейстера корпуса занималъ Черниковъ, а казначея — Ива-

новъ, не безъ нѣкотораго основанія записанный на статую Минервы. Еще помню воспитателя Бёбера, пострадавшаго 14-го декабря 1825 г. вслѣдствіе своего любопытства. Онъ отправился въ домъ Лобанова, гдѣ теперь канцелярія военнаго министерства, и изъ окна смотрѣлъ на то, что дѣлается на Сенатской площади. Когда началась пальба, пули летѣли въ домъ Лобанова и одна изъ нихъ, пробивъ стекло, угодила Бёберу въ глазъ, отчего онъ окривѣлъ.

14-го декабря не одинъ Бёберъ былъ въ числѣ любопытныхъ; суматоха, распространившаяся по городу, царяла и въ корпусѣ; начальство совсѣмъ растерялось, и человекъ 10 пажей, я въ ихъ числѣ, воспользовавшись этимъ удрали изъ корпуса на Сенатскую площадь, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Мнѣ было тогда 13 лѣтъ; я не понималъ смысла событій, но стоя съ товарищами около Лобановскаго дома видѣлъ движеніе войскъ, помню залпы артиллеріи, ружейный огонь и свистъ пуль, осыпавшихъ стѣну и окна дома Лобанова, у котораго мы стояли. Къ счастью, мы благоразумно возвратились въ корпусъ. Это были первыя пули, свиставшія около меня. Еще ранѣ этого событія я помню наводненіе 7-го ноября 1824 г., когда около корпуса была вода и плавали лодки.

Внутренняя жизнь корпуса до реформы его въ 1827 г. была очень своеобразна. Пажи получали отъ казны жалованье, 200 руб. ассигнаціями въ годъ, и должны были имѣть свое ежедневное платье, состоявшее изъ двубортнаго сюртука темно-зеленаго цвѣта съ краснымъ воротникомъ и брюкъ того же зеленаго цвѣта. Мундиръ давался казенный и къ нему треугольная шляпа. Прислуга была тоже своя; у иныхъ были свои крѣпостные служители, а нѣкоторые платили отъ себя слугамъ товарищей. Вставали мы, ходили въ классы и сзывались къ обѣду и ужину по барабану. Барабанщиковъ было два: Ивановъ и Самодуровъ; они были одѣты въ особую форму и то же носили шпаги и треуголки.

Время было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: будили насъ въ 7 ч.; отъ 8 до 11 было два урока, по 1½ часа. Между 11 и 12 ч.—гимнастика, или фронтъ, или танцы; въ 12 ч. обѣдъ изъ 5 блюдъ; отъ 2 до 4 ч. опять уроки, по часу каждый, въ 5 ч.—чай (утренній и вечерній чай былъ свой, а булки казенныя); между 5 и 8 ч.—приготовленіе уроковъ, въ 8 ч. ужинъ, то же изъ 5 блюдъ; въ 9½ ч. отправлялись спать.

Сколько помню, нравы заведенія были очень мягкіе; къ новичкамъ никакихъ приставаній не было, и этого не допустили бы камеръ-пажи, находившіеся въ каждомъ отдѣленіи. Изъ всѣхъ корпусныхъ порядковъ самое непріятное было то, что по праздникамъ никого, кромѣ камеръ-пажей, безъ провожатаго домой не пускали. Это правило было очень

странное. Смѣшно было видѣть здороваго, почти взрослога пажа въ сопровожденіи присланнаго за нимъ лакея, иногда какого-нибудь мальчишка. Конечно, на улицѣ эти провожатые прогонялись, но выйти изъ корпуса одному было нельзя. Точно такъ же и вернуться надо было съ провожатымъ. Особыхъ шалостей у насъ не было, но взрослые пажи иногда, по праздникамъ, кутили въ кондитерской Амбіеля (на Невскомъ, близъ Армянской церкви); туда же часто заворачивали камеръ-пажи, которые находили возможность довольно часто отлучаться изъ корпуса подъ предлогомъ, что ихъ требуютъ во дворецъ. Устраивалось такъ, что за ними прѣзжали кареты, везли во дворецъ, тамъ они оказывались ненужны, но въ корпусъ возвращались уже поздно ночью, въ тѣхъ же каретахъ, а иногда и безъ каретъ. Возможность такихъ частыхъ отлучекъ вела къ тому, что камеръ-пажамъ нерѣдко приходилось оставаться въ классѣ на другой годъ, вслѣдствіе плохихъ успѣховъ въ наукахъ. Вообще же ученіе шло очень хорошо и составъ учителей былъ удовлетворительный. Пажей, плохо учившихся, не переводили въ высшій классъ; а взрослыхъ, но малоуспѣшныхъ выпускали даже изъ 4-го класса офицерами въ армію. При мнѣ былъ такой выпускъ стариковъ изъ 4-го класса въ армейскіе части и, по слухамъ, тамъ ими были довольны; они даже считались лучшими офицерами, и нѣкоторыхъ потомъ перевели въ гвардію.

Изъ преподавателей особенно хорошъ былъ учитель исторіи въ старшихъ классахъ, Роговъ; у него учились хорошо и охотно. Учитель исторіи въ младшемъ и среднемъ классахъ былъ тоже недурень. Звали его Андрей Петровичъ Петунинъ. Онъ былъ довольно трусливъ, и забавою пажей среднихъ классовъ было—разспрашивать его о событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II и Александра I. Петунинъ, отвѣчая на эти вопросы, видимо трусилъ, вертѣлся и все оглядывался на двери. Математику преподавалъ Анонскій, а физику Вольгсмуть, оба ничѣмъ особеннымъ не отличались. Въ старшихъ классахъ, кромѣ военныхъ наукъ, читали также «Дипломатію» и «Политическую экономію», оба предмета на французскомъ языкѣ. Политическую экономію читалъ Динокуръ, болѣе забавно, чѣмъ дѣльно. Я и до сихъ поръ помню тотъ наборъ фразъ, которыми начинался его курсъ.

До выпуска моего преподаваніе шло по-прежнему, и въ мое время реформы коснулись только внѣшней стороны корпуса и персонала воспитателей. Было это въ 1827 г., при чемъ между воспитанниками произошли безпорядки, что и составляетъ единственное для меня непріятное воспоминаніе о корпусѣ. Весною 1827 г. насъ перевели въ Петергофъ, въ Англійскій дворецъ, потому что зданіе корпуса должно было переделываться. Расписанные потолки, статуи и колонны велѣно было убрать и зданіе приспособить для учебнаго заведенія. Лѣто мы провели

въ Петергофѣ довольно мирно, но осенью начались неудовольствія. Было это уже въ октябрѣ; холодъ былъ страшный; во дворцѣ не было печей, а одни каминны, которые нисколько не грѣли. Мы были очень стѣснены: послѣ нашего просторнаго сада намъ отвели около дворца маленькое пространство, за которое не позволяли выходить. Мы сидѣли въ комнатахъ въ шинеляхъ, такъ было холодно, и, понятно, всё роптали. Къ тому же кормить стали плохо. Директора не было: онъ оставался въ Петербургѣ. Однажды за обѣдомъ, показавшимся намъ плохимъ, мы подняли шумъ и гамъ, стали стучать ногами и кулаками по столамъ и бросать чѣмъ попало въ воспитателей. На пажескомъ языкѣ это называлось бунтомъ. Я помню, что такъ увлекся, что бросилъ большой кусокъ хлѣба прямо въ стоявшаго противъ насъ воспитателя Гюне. Шумъ и беспорядокъ продолжались цѣлые три дня, такъ что и классовъ не было. Приѣхалъ Гогель и началось разбирательство. Трое признанныхъ главными виновниками: Князь Оболенскій, Веригинъ, а третьяго забылъ, были отданы въ солдаты; остальные отдѣлялись болѣе легкими наказаніями. Меня изболчилъ Гюне, и я былъ лишень отпуска въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и потерялъ 40 балловъ изъ поведенія (поведеніе у насъ оцѣнявалось 100 баллами; у меня было 90). Этотъ комокъ хлѣба, ловко попавшій въ Гюне, и послѣдовавшее за тѣмъ опасеніе за свою участь составляютъ единственное неприятное воспоминаніе во всей моей корпусной жизни. Несмотря на продолжительность такъ-называемаго бунта, начальство обошлось безъ тѣлесныхъ наказаній, которыя вообще у насъ не употреблялись. Мы знали, что они могутъ быть, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ и не по волѣ корпуснаго начальства, даже не по приказанію директора, а по разрѣшенію какой-либо власти, выше стоящей.

27-го октября насъ перевели во вновь отдѣланное зданіе корпуса и многое въ нашей жизни измѣнилось. вмѣсто жалованья намъ дали всю казенную одежду и бѣлье и казенную прислугу; вмѣсто сюртуковъ одѣли въ куртки, стали учить фронту и маршировкѣ тихимъ учебнымъ шагомъ, на что прежде почти не обращали вниманія, а въ слѣдующемъ году повели въ лагерь,—что то же до тѣхъ поръ не было. Зданіе корпуса было совершенно передѣлано. Гогель продолжалъ оставаться директоромъ. Онъ вышелъ только тогда, когда я уже былъ камеръ-пажемъ. На его мѣсто былъ назначенъ Кавелинъ. Остальной персоналъ воспитателей перемѣнился еще въ 1827 г.; много старыхъ офицеровъ было замѣнено новыми, болѣе молодыми. Капитанъ Гречъ, братъ извѣстнаго писателя, былъ назначенъ къ намъ ротнымъ командиромъ, но онъ скоро ушелъ на войну 1828 г.

Въ 1829 г. я былъ сдѣланъ камеръ-пажемъ, а 22-го августа 1830 г. выпущенъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ.

Передъ производствомъ моимъ въ офицеры, матушка моя хотѣла хлопотать, чтобы я былъ назначенъ въ 1-й баталіонъ полка. У нея было много знакомыхъ, и устроить это было нетрудно. Въ 1-мъ баталіонѣ офицеры получали 1.000 р. ассигнаціями сверхъ обыкновеннаго жалованья, и это было очень важно, такъ какъ состоянія у насъ никакого не имѣлось. Но я былъ всегда очень гордъ, и тогда мнѣ казалось унизительнымъ начинать службу съ просьбы о протекціи. Я упротилъ матушку ни о чемъ не хлопотать, и былъ назначенъ во 2-й баталіонъ, къ брату Александру. Полковымъ командиромъ былъ тогда Исленьевъ, но вскорѣ былъ вмѣсто него назначенъ Микулинъ, при которомъ, въ 1833 г., я былъ переведенъ въ 1-й баталіонъ, безъ всякихъ стороннихъ хлопотъ.

Въ 1834 г. я, уже въ чинѣ подпоручика, былъ командированъ въ Петергофъ, въ Конно-гренадерскій полкъ, для обученія людей пѣшему строю. Съ конно-гренадерскими офицерами я очень сошелся и жилъ тамъ отлично и покойно, пока разъ вечеромъ не узналъ отъ своихъ новыхъ товарищей, что къ нимъ въ полкъ пришло требованіе о назначеніи одного офицера въ командировку на Кавказъ, что изъ ихъ полка назначенъ Горголи и что въ каждый полкъ гвардіи пришло подобное же требованіе. Я всегда мечталъ о переводѣ на Кавказъ и потому сейчасъ же поѣхалъ въ Петербургъ и явился къ полковому командиру Микулину. Оказалось, что отъ нашего полка уже назначенъ прапорщикъ Батюшковъ, и несмотря на то, что по правиламъ нужно было назначить одного изъ старшихъ субалтернъ-офицеровъ, а я былъ старше чиномъ Батюшкова, Микулинъ ни за что не хотѣлъ перемѣнить назначеніе.

При подобномъ случаѣ я считалъ возможнымъ прибѣгнуть и къ протекціи, а потому отъ Микулина побѣждалъ къ старшему полковнику Назимому, который меня очень любилъ. Назимовъ, имѣвшій большое вліяніе на полкового командира, видя мое горе не отказалъ мнѣ въ помощи, пошелъ тотчасъ же къ Микулину и въ тотъ же день все было передѣлано: вмѣсто Батюшкова назначенъ я, а учить конно-гренадеръ послали Челищева. Это было въ мартѣ 1835 г. Изъ другихъ полковъ гвардіи назначены были: отъ Коннаго—Головинъ, отъ Кирасирскаго— князь Барятинскій, отъ Финляндскаго—Жигмонтъ. Съ послѣднимъ мы согласились отправиться вмѣстѣ, и поѣхали на Орель, Курскъ, Харьковъ, Ростовъ. Въ то время въ центральной Россіи былъ голодъ; особенно плохо было за Курскомъ къ Харькову; толпы народа встрѣчались на дорогѣ, обступали телѣгу и кричали: «Не денегъ, а хлѣба!»; дѣти и взрослые бѣжали за телѣгой и жалобно просили.

Хотя я принималъ всѣ мѣры, чтобы ѣхать сколь возможно удобнѣе, устроилъ себѣ сидѣнье въ родѣ кресель, которое переносилось и при-

вязывалось къ переплету перекладной, но тѣмъ не менѣе прїѣхалъ въ Ставрополь не только голодный, но и очень усталый. Утромъ мы сейчасъ же явились къ командиру войсками генералу Вельяминову, который принялъ насъ очень ласково и въ тотъ же день велѣлъ обоимъ прїѣхать къ нему обѣдать. Генералъ жилъ тогда въ Ставрополѣ съ большою пышностью; каждый день у него обѣдало много офицеровъ и столъ былъ самый изысканный. Генералъ былъ большой гастрономъ, но хворалъ и почти ничего не могъ ѣсть, однако любилъ кормить своихъ гостей и любовался ихъ аппетитомъ. Попавъ на такой обѣдъ голоднымъ послѣ дороги, я не церемонился и подкладывалъ себѣ съ каждаго блюда очень исправно. Въ серединѣ обѣда, когда я съѣлъ цѣлую тарелку чего-то очень вкусного, какой-то соусъ съ мясомъ, генералъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Дражайшій (это было его обычное обращеніе), какъ ты думаешь, что ты сейчасъ ѣлъ?» Я отвѣтилъ, что кажется это были фазаны. Оказалось, что нѣтъ. Тогда я сказалъ, что вѣрно цыплята. Генералъ засмѣялся. «Нѣтъ, дражайшій, это были лягушки». Всѣ разсмѣялись, но я не сконфузясь отвѣтилъ, что лягушки, такъ лягушки, но онѣ такъ вкусны, что не откажусь и повторить это блюдо. Генералъ велѣлъ подать мнѣ еще и былъ очень доволенъ.

Меня назначили въ Тенгинскій полкъ, а Жигмонта въ Кабардинскій. Предполагалась экспедиція на восточный берегъ Чернаго моря, и отрядъ собирался около Ольгинскаго укрѣпленія, на рѣкѣ Абинѣ. Въ Тенгинскомъ полку я попалъ въ роту капитана Волинскаго. Это былъ старый, сѣдой, боевой кавказскій офицеръ. Въ ротѣ его я былъ недолго. Чтобы быть въ одномъ полку съ Жигмонтомъ, мнѣ удалось помѣняться съ лейбъ-гренадеромъ Казнаковымъ и перейти въ Кабардинскій полкъ. Когда, впослѣдствіи, я перешелъ въ Апшеронскій полкъ, то былъ въ одномъ чинѣ съ Волинскимъ и оба командовали баталіонами; потомъ я былъ уже командиромъ бригады, а Волинскій—все баталіоннымъ.

Для меня вышло очень удачно, что я перешелъ въ Кабардинскій полкъ, потому что тамъ оказалась вакансія ротнаго командира и мнѣ велѣли принять начальство надъ 2-ю карабинерною ротой. Вакансія эта открылась потому, что баталіонный командиръ, майоръ Новяцкій, былъ устраненъ отъ должности за то, что въ дѣлѣ струсилъ и былъ усмотрѣнъ подъ телѣгой. Ротный командиръ, капитанъ Баллашъ принялъ начальство надъ 2-мъ баталіономъ, а мнѣ дали его роту.

Въ моей ротѣ былъ только одинъ офицеръ, прапорщикъ Копановъ, изъ армянъ, очень глупый; но зато фельдфебель Александровъ былъ превосходный старый боевой кавказецъ. Отрядъ собрался около Ольгинскаго, и Вельяминовъ долженъ былъ самъ вести экспедицію. Мѣстность, гдѣ отрядъ стоялъ, была нездоровая, и я, отъ непривычки, сильно

заболѣлъ лихорадкой. Вельяминовъ, узнавъ объ этомъ, хотѣлъ не брать меня въ экспедицію и уговаривалъ остаться и лечиться. Конечно, я отказался. Не идти въ экспедицію и сдать другому мою роту — было выше моихъ силъ, и я, перемогаясь, выступилъ въ походъ. Дѣла моего товарища Жигмонта были не такъ хороши, какъ мои: ему вмѣстѣ съ другими офицерами его отряда было поручено дежурить у парома черезъ Абинъ, потомъ—черезъ Кубань, и наблюдать за переправой войскъ. Онъ началъ разсуждать, что пріѣхалъ изъ гвардіи вовсе не для того, чтобы быть на паромѣ, и тому подобный вздоръ. Конечно, это возбуждало противъ него основательное неудовольствіе со стороны полкового командира Пяратинскаго (Ермоловскій, боевой офицеръ).

Еще до болѣзни моей, во время сборовъ въ экспедицію, мнѣ случалось ѣздить по сосѣднимъ мирнымъ ауламъ; завелось тамъ знакомство, и было иногда очень весело. Особенно любилъ я бывать въ аулѣ у мирнаго князя Абасъ-Турка, куда насъ, молодыхъ офицеровъ, привлекала красота трехъ его дочерей. Я помню, какъ ихъ звали: Хива, Хотейджи и Барагуель. Онѣ, принимая гостей, вышивали шелками. Наши объясненія шли пантомимами, но мы другъ друга конечно понимали, и время проходило весело.

Наконецъ, мы выступили въ экспедицію на лѣвый берегъ Кубани. Вельяминовъ шелъ съ нами, въ серединѣ отряда, гдѣ находились главные силы и обозъ. Съ Вельяминовымъ шло 30 верблюдовъ, навьюченныхъ провизіей и принадлежностями для стола. Каждый день у него обѣдало десятка три или четыре офицеровъ изъ его свиты и изъ отрядныхъ. Мы подвигались медленно. Главныя силы и обозъ прошли въ первый день всего 5 верстъ ущельемъ; Вельяминовъ ѣхалъ въ дрожкахъ. Въ то же время, боковыя роты сдѣлали болѣе 10 верстъ горами, непрерывно поднимаясь и спускаясь. Этотъ первый день показался очень труднымъ; моя рота весь день была на одномъ изъ фланговъ, и путешествіе пѣшкомъ по горамъ для больного лихорадкой было очень утомительно. Къ ночи люди должны были смѣяться, хотя немного отдохнуть и чего-нибудь поѣсть. Когда мы уже остановились на ночлегъ, вдругъ пріѣзжаетъ штабсъ-капитанъ Лабинцевъ, адъютантъ начальника нашей 20-й дивизіи, генерала Малиновскаго, и передаетъ мнѣ приказаніе идти съ моей ротой и разорить аулъ Ротоккибль. На вопросъ мой: да гдѣ же этотъ аулъ? Лабинцевъ только показалъ рукою направленіе и уѣхалъ, сказавъ, что пойдетъ съ 4-й ротой разорять другой аулъ. Положеніе мое было очень затруднительно; посоветоваться было не съ кѣмъ; офицеръ армянинъ былъ совсѣмъ безтолковъ, совѣтоваться же съ фельдфебелемъ было совѣстно. Я собралъ роту и пошелъ, въ темнотѣ, по направленію, указанному Лабинцевымъ. Долго шли мы ничего не видя передъ собой; наконецъ, впереди замелькали

огни аула и раздалась одиночные выстрѣлы черкесовъ. Я еще не успѣлъ сообразить, что нужно будетъ дѣлать и какъ распорядиться, какъ солдаты сдѣлали уже сами все, что нужно; образовалась цѣпь и началась перестрѣлка. Мы все шли впередъ. Передъ ауломъ оказался оврагъ и черезъ него высокій мостъ. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что черезъ мостъ идти нельзя, что перестрѣляютъ по одиночкѣ, и я скомандовалъ спуститься въ оврагъ и идти въ аулъ дощиной. Это было единственное распоряженіе, мною сдѣланное, но и безъ него, конечно, кавказскіе солдаты не пошли бы тамъ, гдѣ очевидно не слѣдовало идти. Скоро мы ворвались въ аулъ. Тутъ я потерялъ изъ вида своихъ солдатъ; при мнѣ осталось только три человѣка, всѣ остальные разсыпались по аулу. (Впослѣдствіи я узналъ, что по обычаю кавказскихъ войскъ къ начальнику, во время сраженія, всегда назначается конвой. Это и были, слѣдовательно, мои тѣлохранители, назначенные ко мнѣ безъ моего вѣдома). Со всѣхъ сторонъ гремѣли выстрѣлы. То здѣсь, то тамъ, солдаты стрѣляли пыжами въ соломенные крыши и зажигали ихъ. Аулъ загорался въ разныхъ мѣстахъ и пламя все усиливалось. Среди криковъ и выстрѣловъ слышалось кудахтанье куръ. Можно было догадываться, что и съ ними шла война. Мнѣ пришло въ голову, что это не совсѣмъ ладно; вѣдь это мародерство, о которомъ учили въ корпусѣ, грабежъ имущества жителей, да еще во время сраженія. Аулъ, очищенный отъ черкесовъ, горѣлъ. Дѣло, очевидно, было окончено. Солдаты стали собираться вокругъ меня; началось отступленіе. Я не успѣлъ еще обдумать, какъ лучше распорядиться, а уже все сдѣлалось само собой. Отступленіе шло правильно, перекатными цѣпями — порядкомъ вполнѣ усвоеннымъ кавказскими солдатами, у которыхъ мнѣ, новичку, нужно было учиться, а не ихъ учить. Во время отступленія черкесы насѣдали, но всегда были отлично отбиваемы ружейнымъ огнемъ отходящихъ цѣпей, и мы благополучно вернулись къ тому мѣсту откуда пошли. Тутъ уже стояла рота, пришедшая на смѣну, а моей ротѣ предстояло присоединиться къ главнымъ силамъ отряда. Голодный и измученный отыскалъ я, наконецъ, нашу общую палатку. Жигмонтъ уже собирался лечь спать; ужина для меня не оказалось; я отказался ждать пока разогрѣютъ чайникъ и заварятъ чай, и завалился спать. Но черезъ нѣсколько времени меня разбудилъ денщикъ Жигмонта, говоря, что готовъ ужинъ. Я удивился. Какой ужинъ? откуда? Оказалось, что солдаты моей роты дѣлили добычу и что по извѣстному обыкновенію прислали долю ея и ротному командиру. Явились и куры, и баранина, и медъ, и творогъ. Ужинъ былъ роскошный, особливо для человѣка, весь день бывшаго на ногахъ и съ утра почти ничего не ѣвшаго. Замѣчательно, что съ этого дня лихорадка у меня прошла.

Походъ нашъ продолжался, и ежедневно шла перестрѣлка съ чер-

кесами. Цѣлю похода было установленіе связи между Ольгинскимъ укрѣпленіемъ до Кубани и Анапы, для чего предполагалось выстроить по дорогѣ новое укрѣпленіе. Черкесы нападали на насъ ежедневно, иногда въ большихъ силахъ, и тогда бывали жаркія дѣла. Почти въ концѣ экспедиціи, когда мы подошли къ такъ названной Гвардейской долигѣ, не далеко отъ рѣчки Чемисо - Миколойко, весь день шелъ бой, и тутъ сперва я былъ раненъ, а потомъ князь Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ). Было это 18-го августа. Не помню навѣрное происхожденіе названія «Гвардейская долина»; кажется, тутъ было дѣло еще при Ермоловѣ и какъ-то разъ было убито и ранено много гвардейскихъ офицеровъ.

Я былъ раненъ 18-го августа пулею въ лѣвую руку, выше локтя, съ раздробленіемъ кости. Выстрѣлъ данъ изъ винтовки, на самомъ близкомъ разстояніи. Рота моя была въ цѣпи, и къмъ-то неудачно расположена слишкомъ близко къ лѣсу, гдѣ засѣли горцы. Не помню, чья тутъ была ошибка, можетъ быть и моя.

Раненаго меня перенесли въ то мѣсто, гдѣ предполагалось, на рѣчкѣ Чемисо-Миколойко, построить новое Николаевское укрѣпленіе. Нашъ полковой докторъ, Кривецкій, отлично перевязалъ мнѣ руку и забинтовалъ въ лубки.

Надо сказать, что кромѣ главнаго начальника отряда, Вельяминова, съ нами былъ въ походѣ генералъ Малиновскій, начальникъ 20-й дивизіи. Оба они меня очень любили и приняли во мнѣ живѣйшее участіе. Малиновскій былъ оригиналъ, но прекраснѣйшій человѣкъ. Съ молодю онъ обучался на медицинскомъ факультетѣ, воображалъ себя большимъ знатокомъ медицины, а поэтому плохо приходилось врачамъ его дивизіи, которыхъ онъ постоянно находилъ случаи распекалъ. Когда Вельяминовъ узналъ, что я серьезно раненъ, онъ послалъ ко мнѣ отряднаго доктора, Земскаго, и поручилъ ему меня лечить. Это чуть меня не погубило. Руку мою, отлично забинтованную, этотъ Земскій опять разбинтовалъ, расковырялъ и потомъ, промучивъ меня понапрасну, перевязалъ гораздо хуже, чѣмъ это было сдѣлано Кривецкимъ. Потомъ онъ сталъ приставать ко мнѣ, что надо отрѣзать руку, вылушивъ ее въ плечѣ, и говорилъ, что иначе смерть неизбежна, такъ какъ начинается автономъ огонь. Зная, что отъ этихъ операцій едва сотый остается въ живыхъ, я не соглашался, предпочитая умереть безъ ампутаціи.

Между тѣмъ отрядъ скоро долженъ былъ выступить въ обратный путь, а въ на-скоро построенномъ укрѣпленіи должна была остаться, въ качествѣ гарнизона, одна рота Навагинскаго полка и вѣскольکو тяжело раненыхъ, въ томъ числѣ и я, которыхъ невозможно было везти. Передъ выступленіемъ Вельяминовъ приходилъ меня провѣдать и, вѣроятно, по просьбѣ Земскаго, долго убѣждалъ согласиться на ампута-

цію, говоря, что лѣвая рука не такъ нужна, что отлично можно жить и съ одной правой. Я молчалъ, не желая заводить бесполезный споръ съ генераломъ, котораго очень любилъ. Послѣ его ухода явился Земскій съ инструментами, собираясь приступить къ своему дѣлу. Тогда я схватилъ изъ-подъ кровати ночную вазу и, замахнувшись на него, прыгнулъ, что сейчасъ пушу ее ему въ голову, если онъ не уберется вонъ. Докторъ убѣждалъ, крича, что отказывается меня лечить, и, дѣйствительно, ко мнѣ больше не появлялся. При мнѣ былъ фельдшеръ, и на другой день я послалъ его за Кривецкимъ. Тотъ пришелъ сконфуженный, говоря, что меня поручили Земскому, что отрядный докторъ его начальникъ и что онъ не рѣшается взять меня на свои руки, опасаясь, какъ бы тотъ не обидѣлся. Это меня уже совсѣмъ разсердило и я послалъ Жигмонта и товарищей, зашедшихъ меня провѣдать, чтобы рассказали Малиновскому о поведеніи докторовъ. Конечно, добрый Малиновскій сейчасъ пришелъ, успокоилъ меня и привелъ все въ порядокъ. Онъ не только приказалъ Кривецкому меня лечить, но даже его, полкового доктора, оставилъ при мнѣ въ Николаевскомъ укрѣпленіи, хотя тамъ оставалось всего нѣсколько раненыхъ, а изъ нашего полка, кромѣ меня, было всего два солдата. Товарищи офицеры, мои петербургскіе знакомые, уходя съ отрядомъ, позаботились обо мнѣ сколько могли, оставили теплую одежду; Баранцевъ (впослѣдствіи графъ) далъ свою походную кровать. Прощаясь со мной Малиновскій говорилъ, что черезъ три мѣсяца придетъ въ укрѣпленіе съ провіантомъ и тогда возьметъ меня съ собой. Товарищи желали мнѣ скорѣе поправиться, но потомъ выяснилось, что и Малиновскій, и другіе знакомые все это говорили, чтобы меня утѣшить; прощаясь они не думали, что увидятся со мной, такъ какъ докторами я былъ приговоренъ къ смерти и считался безнадежнымъ.

Три мѣсяца, которые я пролежалъ въ палаткѣ въ Николаевскомъ укрѣпленіи, были по-истинѣ ужасны. Я уже не говорю о томъ, что укрѣпленіе было неудачно поставлено и вокругъ были высоты, до которыхъ не могли долетать пули изъ нашихъ ружей; горцы же, изъ своихъ винтовокъ, имѣли полную возможность обстрѣливать съ этихъ высотъ все укрѣпленіе. Моя палатка была въ нѣсколькихъ мѣстахъ прострѣлена пулями, но это меня не беспокоило; мое положеніе было таково, что оставалось лишь желать, чтобы черкесская пуля прекратила страданія, которыя я испытывалъ. Я лежалъ на спинѣ и не могъ пошевелиться; забинтованная рука лежала на подушкѣ; бѣлье мѣнять было невозможно, такъ какъ меня нельзя было двинуть съ мѣста. Покрывать я былъ одѣяломъ на заячьемъ мѣху; въ немъ очень скоро заведись на-сѣкомыя, которыя и поселились у меня цѣлыми гнѣздами по всему тѣлу. Всюду у меня были пролежни и весь я былъ покрытъ струпами. Хо-

одно было страшно, а я былъ весь мокрый, потому что состоявшій при мнѣ фельдшеръ постоянно долженъ былъ, чтобы не давать развиться антонову огню, поливать мою руку какою-то жидкостью, и эта жидкость подтекала подъ меня. Я сознавалъ, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Докторъ Кривецкій, сколько могъ, за мною ухаживалъ и часто меня навѣщалъ. Я, какъ теперь, помню его фигуру въ халатѣ и съ трубкой. Считаю, что я нахожусь въ почти безсознательномъ состояніи и ничего не слышу, онъ обыкновенно, входя ко мнѣ утромъ, спрашивалъ шопотомъ у фельдшера: «что? еще живъ?» Только сильная, молодая натура могла бороться со смертью при такомъ положеніи, и потому всѣ удивлялись, что я выжилъ. Удивился и Малиновскій, прійдя съ отрядомъ и привезя въ назначенное время провіантъ. Онъ рѣшилъ, что если я не умру, то надо меня доставить, во что бы то ни стало, въ Екатеринодаръ, за 120 верстъ. Были сдѣланы носилки въ видѣ паланкина и на нихъ поставили мою кровать. Несли меня солдаты. Уже не помню, сколько дней продолжалось это путешествіе. Трудно было переправлять меня черезъ горныя рѣчки, бывшія тогда въ разливѣ. Быстрое теченіе могло унести и носильщиковъ, и меня съ моимъ паланкиномъ. Приходилось выше переправы ставить ряды казаковъ на лошадахъ и ими задерживать стремленіе воды. Когда меня несли уже нашими станицами, всѣ встрѣчные, видя наше шествіе, снимали шапки и крестились, принимая меня за покойника.

Въ Екатеринодарѣ, благодаря заботамъ добрѣйшаго Малиновскаго, меня положили не въ сухопутный госпиталь, а въ казачій, который былъ лучше устроенъ. Тамъ, наконецъ, меня обмыли и надѣли чистое бѣлье; но трудно было все это сдѣлать; часа три возились, чтобы переложить меня съ моей кровати на лазаретную. Всѣ обо мнѣ здѣсь очень заботились, и черезъ шесть недѣль я уже могъ выписаться.

Выйдя изъ госпиталя, я, еще не совсѣмъ оправившійся, переселился въ городъ, гдѣ всѣ меня очень любезно приняли. Но когда Малиновскій, вскорѣ послѣ того, переведенъ былъ въ Ставрополь, то и меня увезъ съ собою. Здоровье мое все же было слабо, и какъ только мнѣ былъ данъ отпускъ для окончательнаго излеченія, я отправился въ Петербургъ, торопясь повидаться съ матушкой, и нигдѣ дорогой не останавливался. Отъ Москвы до Петербурга пришлось мнѣ ѣхать въ приятномъ обществѣ Евграфа Петровича Ковалевскаго (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія), съ которымъ случайно познакомился на первой станціи за Москвой и который, заинтересовавшись моими разсказами о Кавказѣ, предложилъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, въ его кибиткѣ. Я, конечно, согласился, и время до Петербурга прошло для меня незамѣтно въ разговорахъ съ этимъ весьма умнымъ человѣкомъ. Вѣроятно мы произвели другъ на друга хорошее впечатлѣніе, потому что Кова-

левскій, прїѣхавъ въ Петербургъ, очень скоро меня разыскалъ, первый меня навѣстилъ и пригласилъ бывать у него.

Матушка ждала моего прїѣзда, и такъ какъ офицеру въ женскомъ институтѣ жить не полагалось, то просила полиціймейстера Смольнаго, барона Гейкинга, прінскать для меня меблированную комнату. Гейкингъ нашелъ таковую у булочника Вебера, поставлявшаго хлѣбъ для Смольнаго. Тутъ вышла неожиданная и забавная встрѣча. Годъ тому назадъ, до поѣздки на Кавказъ, мнѣ приглянулась одна продавщица въ булочной и дѣла мои шли довольно успѣшно. Потомъ, уѣхавъ на Кавказъ, я и забылъ про свою булочницу. Во время моего отсутствія она вышла замужъ и какъ разъ за Вебера, у котораго мнѣ наняли комнату. Само собою разумѣется, что жить мнѣ поэтому было недурно, и хозяйка была ко мнѣ очень любезна.

Въ Петербургъ я прибылъ весной. Доктора совѣтовали ѣхать лечиться за границу,—куда меня и отпустили, выдавъ годовое жалованье. Въ маѣ 1836 г. я двинулся въ путь. На пароходѣ я познакомился съ очень милымъ и образованнымъ семействомъ Сухово-Кобылиныхъ, состоявшемъ изъ матери и трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Елисавета Васильевна, была потомъ замужемъ за графомъ Сальясомъ и сдѣлалась извѣстною въ литературѣ подъ псевдонимомъ Евгени Туръ. Съ нами же ѣхалъ адъютантъ генерала Гурко, Львовъ, съ которымъ я и сговорился путешествовать вмѣстѣ. Такъ мы доѣхали до Травемиюнда, а оттуда въ Берлинъ, гдѣ доктора должны были опредѣлить, на какія воды намъ отправиться. Вышло такъ, что съ Львовымъ мнѣ пришлось разстаться: его послали куда-то на Рейнъ, а меня въ Теплицъ. Зиму я провелъ у старшей сестры моей, бывшей замужемъ за барономъ Засомъ, владѣльцемъ имѣнія Комальменъ въ Восточной Пруссіи; а слѣдующее лѣто (1837 г.)—опять въ Теплицѣ, а потомъ въ Баденъ-Баденѣ и Вильдбахѣ.

Въ Вильдбахѣ у меня вышла стычка съ нѣмцами. Тогда въ Германіи происходило политическое броженіе и публика была очень недовольна русскимъ правительствомъ, не поощрявшимъ революціонныя идеи, направленные въ то время къ объединенію Германіи. За тѣмъ-дѣтомъ цѣлая компанія нѣмцевъ, прибывшихъ большею частью изъ Штутгарта, при мнѣ стала громко бранить Россію и императора Николая. Они знали, что я русскій и что хорошо понимаю нѣмецкій языкъ. Я счелъ это за наглость, которую нельзя оставить безъ наказанія и, подойди къ ихъ компаніи, выругалъ какъ слѣдуетъ всѣхъ вообще, а почтмейстера Руфа въ особенности, такъ какъ онъ передъ всѣми ораторствовалъ. Въ заключеніе я имъ объявилъ, кто я, сказалъ адресъ и предложилъ дать удовлетвореніе Руфу или кому угодно изъ ихъ общества. Произошелъ общій конфузъ; нѣмцы примолкли, а я пошелъ до

мой, ожидая, что ко мнѣ скоро появятся секунданты. Мужъ моей сестры, баронъ Зассъ, передъ моимъ отъѣздомъ подарилъ мнѣ прекрасныя пистолеты, и я былъ увѣренъ, что придется ихъ попробовать на нѣмцахъ. Жду день, два—нѣтъ секундантовъ. Между тѣмъ мнѣ нужно было ѣхать изъ Вильдбаха и я опасался, что нѣмцы послѣ стануть еще рассказывать, что я уѣхалъ, чтобы не имѣть дуэли. Я отправился въ Бадень-Бадень, нашелъ тамъ адъютанта великаго князя Михаила Павловича, Шереметева, и моего знакомаго Желтухина и упросилъ ихъ поѣхать со мною въ Вильдбахъ, чтобы кончить это дѣло. Когда Шереметевъ явился съ вызовомъ къ Руфу и другимъ его компаніонамъ, то всѣ они страшно перепугались и стали просить извиненія. Тѣмъ дѣло и кончилось. Исторія эта имѣла большую огласку, и когда черезъ нѣсколько времени я пріѣхалъ въ Штутгартъ мнѣ говорили о ней нашъ посланникъ, прибавляя, что напрасно я прибылъ въ этотъ городъ, что нѣмцы, вернувшіеся изъ Вильдбаха, очень на меня злы. Я отвѣтилъ, что это не бѣда, и если они здѣсь стали храбрѣе, то пусть стрѣляются со мною я не откажусь и теперь.

Въ эту поѣздку не съ одними нѣмцами у меня было столкновение. Мнѣ высылали жалованье изъ Россіи, но передъ отъѣздомъ изъ Франкфурта выпала какая-то задержка; нужно было ѣхать, а денегъ нѣтъ; писать и ждать мнѣ не хотѣлось и я отправился къ консулу, чтобы взять у него займы на дорогу. Консулъ не отказалъ и обѣщалъ выдать деньги на другой день; но когда я пришелъ получать, то его секретарь, Струве, отдавая мнѣ деньги, началъ говорить, что много здѣсь бываетъ офицеровъ и по нѣсколько разъ обращаются за деньгами. Немѣстное замѣчаніе секретаря и его тонъ такъ меня вывели изъ себя, что я, возвысивъ голосъ, сказалъ ему: «Какъ ты смѣешь говорить подобнымъ образомъ съ русскимъ офицеромъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ!» Швырнулъ ему деньги въ лицо и ушелъ.

У меня никогда не было долговъ и я всегда избѣгалъ дѣлать займы; но на этотъ разъ пришлось нарушить свой обычай. Во Франкфуртѣ нашелся у меня хорошій знакомый, графъ Остерманъ, женатый на Вольвой, и у него я взялъ денегъ на дорогу.

Проведя два года за границей я совсѣмъ поправился и, вернувшись въ Петербургъ въ свой (Пресображенскій) полкъ, получилъ во временное командованіе 2-ю фузелерную роту, командиръ которой, Челищевъ, находился въ отпуску. Вскорѣ одинъ изъ ротныхъ командировъ, Потуловъ, получилъ повышеніе, и я принялъ отъ него 3-ю фузелерную роту 1-го баталіона, которымъ командовалъ прекрасный человекъ, Петръ Петровичъ Есиповъ. Съ нимъ я жилъ въ полномъ мирѣ и согласіи. Ротой своей я занимался съ увлеченіемъ и былъ ею очень доволенъ, и солдаты были довольны мною. Тогда солдаты были старые, сроки службы долгіе. Нужно

было понимать, что старыхъ, заслуженныхъ солдатъ не для чего учить по-долгу, это имъ надоѣдаетъ, и заднія шеренги невольно начинали скучать и дремать, отчего построения дѣлались не такъ отчетливо. У меня была другая система: ученье я велъ быстро и оживленно. Всякія построения дѣлалъ по разу, и солдаты знали, что если на ученье будутъ внимательны и все будетъ дѣлаться хорошо и отчетливо, то и ученье кончатся весьма быстро, а затѣмъ—иди домой съ пѣснями.

Я терпѣть не могъ тѣлесныхъ наказаній и никогда къ нимъ не прибѣгалъ иначе, какъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этимъ могъ избавить солдата отъ кары еще болышей, отъ судебной истомы и волокны. Вскорѣ послѣ принятія мною роты былъ такой случай. Вернулся я вечеромъ въ казармы, и фельдфебель доложилъ мнѣ, что въ ротѣ не все благополучно. По его словамъ, рядовой Федоръ Яковлевъ, будучи выпивши, оскорбилъ правящаго унтеръ-офицера Гаврилова. При этомъ фельдфебель прибавилъ, что Яковлевъ нрава строптиваго, характера дурного и часто замѣчался въ ослушаніи и грубости относительно старшихъ. Онъ уже распорядился посадить его подъ арестъ. На другой день я самъ разбиралъ дѣло при всей ротѣ. Мнѣ не достаточно было одного факта; я хотѣлъ выяснитъ обстоятельства, предшествовавшія этому нарушенію дисциплины. Я зналъ нашихъ солдатъ и въ мирное время, и на войнѣ, и докладъ фельдфебеля о строптивости и дурномъ характерѣ мнѣ сразу показался подозрительнымъ. Что-нибудь да не то! Такъ и вышло. Оказалось, что правящій, Гавриловъ, при содѣйствіи Яковлева, затаилъ ротныхъ деньги, о чемъ, вѣроятно, зналъ и фельдфебель. При дѣлѣжѣ оба выпили и вышла ссора. Мнѣ было жаль предавать ихъ суду; это повело бы къ лишенію нашивокъ и правъ, приобрѣтенныхъ долговременной службой, а наказаніе слѣдовало строго—главное за утайку ротныхъ денегъ, такъ какъ, при такой гадости, происшедшая затѣмъ ссора, сама по себѣ, теряла въ моихъ глазахъ всякое значеніе. Я и распорядился: при всей ротѣ дать Яковлеву 100 розогъ; затѣмъ отпустилъ такую же порцію правящему Гаврилову, но уже въ присутствіи однихъ унтеръ-офицеровъ. Всѣ затаенныя деньги вычелъ у фельдфебеля пзъ жалованья и возвратилъ въ ротную артель. Гаврилова даже не лишилъ его званія; ему и служить-то оставалось всего нѣсколько мѣсяцевъ; правящимъ онъ оставался номинально, а должность эту я, на дѣлѣ, поручилъ другому унтеръ-офицеру, Доронкину. Рота была въ восторгѣ отъ такого рѣшенія, говорили: «ротный разобралъ по правдѣ; наказалъ кого слѣдуетъ, и несчастнымъ никого не сдѣлалъ». Уже потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, былъ я проездомъ въ Петербургѣ; вдругъ мнѣ докладываютъ: «отставной преображенскій унтеръ-офицеръ пришелъ и очень желаетъ васъ видѣть». Я вышелъ. Смотрю—Яковлевъ. Онъ пришелъ, чтобы еще разъ поблагодарить за то, что я тогда не от-

далъ его подѣ судѣ и не сдѣлалъ несчастнымъ. «Не видать бы мнѣ этихъ галуновъ!» повторилъ онъ со слезами. Само собою разумѣется, что я поступилъ такъ только потому, что зналъ баталіоннаго командира за порядочнаго человѣка, смотрѣвшаго на дѣло одинаково со мною.

Есиповъ довольно скоро былъ произведенъ въ генералы, и на его мѣсто поступилъ Глуховъ. Это былъ представитель мирныхъ службъ того времени, т. е. именно человѣкъ такого рода, котораго я никогда переносить не могъ. У насъ сейчасъ пошли столкновенія. Первая стычка произошла по поводу одного солдата моей роты, котораго я за какую-то пустячную провинность наказалъ, по мнѣнію Глухова, слишкомъ слабо. Онъ сталъ требовать вторичнаго наказанія, но я наотрѣзъ отказался, заявивъ, что пусть онъ самъ распоряжается какъ угодно, если хочетъ подрывать авторитетъ ротнаго командира. Глуховъ на этотъ разъ отвязался, но сталъ придирается къ моей ротѣ на каждомъ ученіи. Это повело, наконецъ, къ объясненію съ нимъ съ глазу на глазъ, при чемъ я высказалъ ему все, что хотѣлъ высказать, и кончилъ разговоръ заявленіемъ, что болѣе служить съ нимъ не намѣренъ. Въ тотъ же день я подалъ рапортъ съ просьбою о переводѣ въ одинъ изъ полковъ кавказскаго корпуса, наиболѣе участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо графа фонъ-деръ-Палена—графу Ливену.

4-го августа 1800 г.

Во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, пріѣхавшихъ въ Санктпетербургъ дворянъ изъ губерній Тверской, неслужащихъ: Павла и Ивана Свистуновыхъ и Малороссійской—губернскаго регистратора Дмитрія Алиферова, имѣющихъ желаніе продолжать военную службу, имѣю честь къ вашему сіятельству при семъ препроводить, прося покорнѣйше васъ, милостиваго государя моего, представить ихъ къ государю императору.

Съ совершеннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь быть и проч.

Записка гр. Ливена—генералъ-лейтенанту Кутлубицкому.

29-го іюля 1800 г. Царское Село.

Государь императоръ указать соизволилъ, дабы, по прибытіи баталіона генерала-маіора Депперадовича завтрашняго числа въ Гатчино, тотъ же часъ всѣ караулы и посты были заняты тѣмъ баталіономъ, какъ то было въ присутствіи его императорскаго величества, кромѣ знамя, которое не прежде дано будетъ главному караулу, какъ по прибытіи туда его императорскаго величества.

П И С Ь М А

Н. С. Мордвинова (впоследствии графа) къ Н. О. Кутлубицкому ¹⁾.

1.

2-го декабря 1812 г., Пенза.

Ласковыя приглашенія, и домъ прекрасный, и комнаты назначенныя возмутили мысли наши. Желаніе есть привеликое воспользоваться, но морозъ и вьюги устрашаютъ насъ. Генріетта Александровна ²⁾, любясь чертежомъ дома вашего, говоритъ, жаль что далеко. Она не понимаетъ прелестей зимняго путешествія въ кибиткахъ, сколь ни старался я увѣрить ее, что зимою пріятнѣе ѣздить, нежели лѣтомъ во время жаровъ, пыли и стукотни колесной. Во время злочестивыхъ въ

¹⁾ Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ Николая Осиповича Кутлубицкаго, о которомъ было сообщено уже въ № 7 „Русской Старины“ 1898 г., сохранилось нѣсколько писемъ къ нему извѣстнаго государственнаго дѣятеля графа Николая Семеновича Мордвинова (род. 17-го апрѣля 1764 г. и умеръ 30-го марта 1845 г.), извѣстнаго безъ сомнѣнія читателямъ по прекрасной о немъ монографіи г. Иконникова. Письма эти обязательно сообщены намъ ввукомъ его, І. П. Кутлубицкимъ, и свидѣлствуютъ о близкихъ дружественныхъ отношеніяхъ Мордвинова къ Н. О. Кутлубицкому (отношеніяхъ, повидному, неизвѣстныхъ г. Иконникову, такъ какъ онъ вовсе не упоминаетъ даже о Кутлубицкомъ въ своей монографіи) и вмѣстѣ съ тѣмъ, указывая взгляды Н. С. Мордвинова на многія современныя ему событія, могутъ быть не лишнимъ дополненіемъ для біографіи сего послѣдняго. Это заставляетъ редакцію выразить г. І. П. Кутлубицкому свою признательность за ихъ сообщеніе.

П. Майковъ.

²⁾ Генріетта Александровна — супруга Н. С. Мордвинова (рожденная г-жа Кобля), съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ 1784 году (см. Иконниковъ—біографія Н. С. Мордвинова). Она родилась въ Англіи въ 1764 г. и скончалась въ Петербургѣ въ 1843 г.

Москвѣ, я покушался было дать ей первое испытаніе увозомъ въ Сибирь; но и при страхахъ не было возможности уговорить на смѣлый подвигъ стать противъ мороза 20 градусовъ. Худое въ здѣшнемъ домѣ мы уже перетерпѣли: законопатили, замазали щели и войлоками обдѣлали углы и полъ; и теперь довольно хорошо. Слава Богу, что грозная туча разсѣвается. Увѣряютъ, что ни одинъ не уйдетъ изъ русской земли; дай Боже, чтобы такъ сбылось и прошла охота незванному ходить къ намъ въ гости. Но боюсь, что званыхъ будетъ всегда у насъ много привычками, пристрастіями и прихотями нашими. У русскихъ кулаки еще крѣпки, но умы ослабли отъ выговора русскихъ словъ на французскій складъ. Москва горѣла, а французскіе театры открыты были.

По приложенной отъ васъ записочкѣ извѣстіе не можетъ быть вѣрнымъ. Таковыя вѣсти разносятъ французскіе духи. Избави насъ Боже отъ событія таковыхъ приключеній. Горше было бы московскаго пожара, тогда не было бы ни вамъ въ Костянкахъ, ни мнѣ въ Пензѣ безопасности. И васъ, и меня, и всякаго могли бы тогда безъ суда и расправы послать въ каторжную работу. Не вѣрьте рассказчикамъ, коихъ научаютъ въ Москвѣ, гдѣ изрубили подсудимаго до рѣшенія судьей ¹⁾; виноватаго должно судить и по приговорѣ казнить. Тѣ же самые, кои рассказываютъ подобныя вѣсти, старались огласить намѣнниками Платова, Барклая-де-Толя и самого кн. Кутузова. Всему бѣда французскій языкъ, который и русскими словами научилъ обманывать и обольщать, и преобразилъ людей такъ, что и узнать ихъ трудно.

Всеусерднѣйше благодарю милостивую государыню Авдотью Савельевну ²⁾ за дружеское и приласковое приглашеніе насъ въ домъ свой и желаніе согрѣть и успокоить насъ. Мы признаемъ всю цѣну привѣтствія и благоволенія къ намъ и знаемъ, что было бы намъ хорошо и весело; но зима сердитая въ морозахъ и вьюгахъ не позволяетъ воспользоваться тѣмъ, что желаетъ наше сердце. Примите нашу чувствительнѣйшую благодарность.

2.

21-го апрѣля 1813 г., Пенза.

Письмо ваше получено мною было, и на оное я отвѣчалъ вамъ; но котораго числа было оно—не упомяну. Последнее мною полученное отъ васъ означено 9-мъ апрѣля. Приношу покорнѣйшую мою благодарность

¹⁾ Убіеніе Верещагина.

²⁾ Упоминаемая въ письмахъ Авдотья (или Евдокія) Савельева— супруга Н. О. Кутлубицкаго, рожденная Ваксаль, съ которою онъ вступилъ въ бракъ въ 1799 или 1800 году въ Петербургѣ, какъ сообщаетъ его достопочтенный внукъ І. П. Кутлубицкій.

за поздравленіе съ праздникомъ, примите таковыя же и съ нашей стороны и увѣреніе искренняго сердца желающихъ вамъ и всему любезному семейству вашему всякаго благополучія. Въ путь, въ дорогу начинаю я собираться, но куда поѣду—самъ еще не знаю. Послѣ посѣщенія нечестивыхъ французовъ и всѣхъ отъ того послѣдствій трудно избрать мѣсто, которое не утратило бы болѣзнями, дороговизною и скудостью пристанищъ; въ полуденномъ краю, куда нужнѣ всего мнѣ ѣхать, были чума и падежы на скотъ, и не знаю еще, осталась ли лошадь почтовая живою. Итакъ, оставляю я рѣшительно сказать ямщикамъ, куда везть меня, когда сяду я въ карету. По сожженіи Москвы множество находится въ моемъ положеніи, не знаютъ, куда голову преклонить.

Жена моя и я приносимъ искреннѣйшее наше почтеніе милостивой государынѣ Авдотѣ Савельевнѣ; и препоручая себя продолженію дружбы вашей, имѣю честь быть и проч.

3.

8-го мая 1814 г., село Столыпино.

Съ душевнымъ порадованіемъ поздравляю васъ съ окончаніемъ французской революціи и низверженіемъ съ всемірнаго престола Неаполеона ¹⁾ Буанарте. По частнымъ письмамъ увѣряютъ насъ, что ему назначенъ ссылкой островъ Эльба. Сей островъ есть желѣзный, Італія—Нерчинскъ, куда опаснѣйшіе злодѣи ссылаемы были. Лицо земли напоминать ему будетъ зрѣлица, коими пресыщаль онъ свои глаза добровольно, но теперь принужденно. Поверхность ея ржавая представляетъ видъ запекшейся крови съ гноемъ. Обитавшіе городъ Ферраю (что значитъ желѣзный), состояли изъ малаго гарнизона и ссылочныхъ убійцъ, зажигателей, возмутителей общаго покоя и другихъ первостепенныхъ злодѣевъ. Буанарте совращать будетъ глаза свои отъ сей печальной и страшной страны на бывшія его царства, Францію и Італію, и на родину свою Корсику, кои находятся въ виду Эльбы, а море, кое тщетно онъ старался покорить, будетъ содержать его въ неволѣ. Я желаю его видѣть въ желѣзной клеткѣ; теперь онъ прикованъ къ желѣзной горѣ, ибо Эльба островъ есть гора желѣзная, изъ коей искапываютъ руду и которая (т. е. Эльба) ничего иного не порождаетъ. Я былъ на семъ острову и радуюсь, что всемірный царь и всемірный врагъ будетъ

¹⁾ Такъ написано ясно Неаполеона въ подлинномъ письмѣ г. Н. С. Мордвинова.

на ономъ по достоинству первымъ сожителемъ, яко сатана первый во адѣ.

Сожалѣю весьма о болѣзни вашей; надѣюсь, что наступающая весна и всеобщее радостное торжество возвратятъ вамъ крѣпость и полное здоровье.

Чтобы укрѣпить и мое, которое весьма ослабло въ прошедшія двѣ зимы, я ѣду на Кавказъ; хотя любезная моя Авдотья Савельевна и устрашаетъ меня умершими отъ подобныхъ испытаній. Я буду остороженъ, когда почувствую сильное дѣйствіе теплыхъ водъ надъ тѣломъ моимъ; кислыя же воды никогда вредными не могутъ быть. Я ихъ употреблялъ и прежде, выписывая изъ Англіи, и онѣ для меня были весьма цѣлебными. Но нужно мнѣ укрѣпить себя, потому что я долженъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ воздухъ мнѣ неблагопріятенъ. Я намѣреваюсь тамъ быть въ августѣ, разсчитывая, что государь императоръ къ тому времени прибудетъ. Генріетта Александровна для родинѣ Вѣриньки ¹⁾ останется здѣсь, а въ августѣ намѣревается ѣхать въ Москву и далѣе со мною.

4.

8-го іюля 1814 г., Москва, село Знаменское.

Пріѣхавши въ Знаменскъ мы облѣнились писать, потому что нашли много дѣла въ дому, въ саду, въ лѣсу, на полѣ. Послѣ французскаго посѣщенія и буйныхъ прошедшихъ временъ вездѣ находили беспорядокъ, разстройство и сокрушеніе. Стѣны — наги, а ларцы и стулья — изрублены. Начали теперь вновь устраивать; и хотя матеріалъ и работа очень дороги, но необходимость заставляетъ воскрешать потребное, но неприхотливое. Здѣсь мы намѣреваемся остаться по августъ мѣсяць, а потомъ ѣхать въ С.-Петербургъ. Надобно поклониться государю императору, спасителю отечества и многихъ другихъ народовъ, и поглядѣть на изъявленія всеобщей радости и удовольствія. Здѣсь мы еще не знаемъ навѣрно, когда послѣдуетъ прибытіе государя, полагаютъ, что будетъ его величество въ С.-Петербургъ къ 22-го іюля. Аркадій Алексѣевичъ избранъ въ числѣ депутатовъ отъ Пензенской губерніи и намѣревается ѣхать въ С.-Петербургъ на сихъ дняхъ.

Жена моя сказала Авдотѣ Савельевнѣ, что Вѣринька пожаловала насъ въ дѣдушку и бабушку. Слава Богу, родины ея окончились благополучно и на мѣстѣ покойномъ.

¹⁾ Вѣринька — дочь Н. С. Мордвинова, вышедшая незадолго предъ этимъ замужъ за Маркова, адъютанта знаменитаго Суворова (см. Иконниковъ — біограф. Мордвинова).

Цѣлую ручки у любезной моей Авдотьи Савельевны и цѣлую вашихъ дѣтокъ. Съ искреннимъ желаніемъ всѣмъ вамъ добраго здоровья и всякаго блага.

5.

22-го іюля 1816 г., С.-Петербургъ.

Я ожидалъ кончины Буонапарта, чтобы къ вамъ писать и поздравить васъ съ тѣмъ, что наиболѣе всего вы желали. Сей день получено извѣстіе, что онъ взятъ на островѣ Реѣ (Rê) и повезенъ въ заточеніе въ Шотландію. Долго онъ о драгоцѣнной жизни своей торговался; сдался наконецъ отъ состраданія къ своимъ товарищамъ, конхъ не хотѣлъ подвергнуть ядрамъ: таковы были слова при сдачѣ человѣколюбиваго сего чловѣка. Извѣстіе привезено графомъ Шуваловымъ, который прибылъ въ Казанскую церковь при самомъ началѣ молебствія, которое въ то время было въ присутствіи императрицы по случаю занятія Парижа. Явленіе г. Шувалова при началіи сего священнаго торжества произвело между нами, предстоящими, начально смятенное, а потомъ, когда онъ подведенъ былъ къ государынѣ императрицѣ, радостное восхищеніе. Изъ церкви высланъ былъ чиновникъ для объявленія народу о концѣ адекой сей фури и окончаніи войны. По окончаніи молебствія императрица возвратилась при громогласныхъ «ура» въ Таврической дворецъ, гдѣ былъ большой обѣдъ. Добычу раздѣлили союзные государи между собою. Намъ на часть достался Іосифъ, императору австрійскому—Люціанъ, а королю прусскому—Іеронимъ ¹⁾. Я надѣюсь, что нашего кормить будутъ русскимъ хлѣбомъ и по обряду церковному иногда кваскомъ съ огурцами, иногда крошечномъ капустнымъ, и нужно кажется поговѣть имъ хорошенько, чтобы перемялась ихъ кровь на лучшую. Мяса они кушали много, особенно чловѣческаго; потребна имъ пища христіанская. Куда его засадятъ—еще неизвѣстно.

Государь императоръ обѣщаетъ возвратиться въ половинѣ сентября. Гвардіи приказано возвратиться.

Сообщивъ вамъ сію добрую вѣсть цѣлую васъ и желаю засимъ расширять поля ваши засѣвами и богатѣть всѣми дарами мира, который ожидать мы теперь можемъ на долгія лѣта, когда будемъ всѣ читать русскую грамоту, а нечестивую французскую всю сожжемъ.

Приношу искреннѣйшее мое почтеніе и поздравленіе милостивой государынѣ Авдотьи Савельевнѣ и о томъ же свидѣтельству отъ жены моей.

¹⁾ Очевидно называются братья Наполеона I, бывшіе королями Вестфалии, Голландіи и Італіи.

6.

8-го апрѣля 1816 г., С.-Петербургъ.

Меня увѣрили, что вы будете зимою въ Петербургъ, и я оставался въ семь ожиданіи и терялъ время, которое пролетѣло невозвратно. Письмо ваше лежитъ въ ящикѣ ближайшемъ груди моей, въ столѣ, на которомъ и сіе я пишу къ вамъ. Я не послалъ оное потому, что у насъ продолжается непогодье, и солнца мы не видимъ. Все должно дѣлать вѣ-время, и красное яйцо хорошо завтрашній день, Пасхою; а сегодня суббота и еще рано. Но письмомъ моимъ я могу предварить и день праздника; а потому усерднѣйше васъ и милостивую государыню Авдотью Савельевну поздравляю съ Христовымъ Воскресеньемъ, желая вамъ въ вождѣльнномъ здравіи проводить оный и встрѣтити весело весну.

Мнѣ бы не должно было упоминать женскаго имени, потому что всѣ дамы гнѣвны на меня за злое и дерзкое мое намѣреніе лишить ихъ французскихъ ленточекъ и куколъ всякихъ модныхъ; меня здѣсь про-кляли въ прозѣ и на стихахъ, въ журналахъ и газетахъ, и нарядныя ба-рыни и щеголи въ иностранномъ уборѣ, — всѣ единогласно приговорили меня запереть на-крѣпко и лечить отъ сумасбродства. По ихъ волѣ (словамъ!) теперь у насъ всего будетъ много и будетъ дешево, какъ сказываютъ вопреки печатной моей книжкѣ, гдѣ я сказалъ, что все будетъ еще до-роже и не будетъ у насъ денегъ для покупки ожидаемыхъ къ привозу со всѣхъ сторонъ игрушекъ и флеревыхъ для зимы русской одеждъ. Кто правъ и кто виноватъ — сказать еще рано; но чрезъ годъ умнѣе будемъ и посудимъ основательнѣе.

Тарифа ожидали какъ обоза съ деревенскимъ запасомъ; но за обозъ тарифный заплатить должно будетъ серебромъ и золотомъ, какихъ ни у кого съ избыткомъ нѣтъ и кои нужны для домашняго расхода. Я такъ мыслить, другіе иначе, и радуются теперь многіе о будущемъ многомъ и о будущей дешевизнѣ. Я желаю только, чтобы домашнія сливки не сдѣлались дороже, потому что дороговизну прочаго можно приписать и монополіи; а коровницъ назвать невозможно монополистами.

P. S. Жена моя приноситъ искреннѣйшее свое почтеніе.

7.

24-го февраля 1821 г., С.-Петербургъ.

Отъ всего нашего сердца поздравляемъ васъ съ добрымъ зятемъ, для нѣжныхъ родителей съ вышнихъ Небесъ благословеніемъ. Въ селахъ,

сказываютъ, обитаетъ добродѣтель, а въ городахъ—развратъ; а потому выборъ вашъ и надежда ваша имѣютъ твердое основаніе, что Иванъ Егоровичъ будетъ въ вашемъ семействѣ хорошимъ семьяниномъ, какъ вы пишете. Кто въ нынѣшнемъ свѣтѣ и коренномъ обычаѣ приходитъ безъ долгу, тотъ даетъ вѣрное обѣщаніе не умалить, но увеличить достоиніе получаемое, и деревья вами насаждаемыя не погибнуть въ рукахъ его, а внучата ваши плоды ихъ будутъ кушать. Намъ судьба не дозволила жить въ деревнѣ, со всѣмъ добрымъ нашимъ на то желаніемъ; но не лишила насъ удовольствія радоваться о лучшемъ счастьи нашихъ пріятелей. Ваши дни лучше текутъ, нежели наши, кои сладки рѣдко, горьки часто, и всегда шумны, хотя чаще васъ пляшемъ и кружимся, какъ бы веселые люди. Мы дикари, старикъ съ старухой и съ дѣтьми нашими мало знаемъ, что дѣлается въ просвѣщенномъ свѣтѣ; но слышимъ, что веселья начинаются около полуночи, что двери запираютъ ключемъ за прѣзжимъ и не открываютъ ихъ до пяти часовъ утра. Но веселое время прошло и всѣ обратились теперь къ раскаянію и исповѣди о содѣланныхъ грѣхахъ; иные ходятъ въ церковь, другіе на концерты для успокоенія чувствъ и смиренія душевнаго. А мы одинаково сидимъ дома, слѣдуя доброму деревенскому вашему примѣру, при которомъ желаю искренно, чтобы вы и всегда остались.

Генріэтта моя Александровна, по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ, поменьку приходитъ въ силу; но руками еще не владѣетъ отъ ревматизма, которымъ она страдала въ чужихъ краяхъ. Она сама не можетъ писать и изъявить на письмѣ усердное ея поздравленіе милой государственнѣ Авдотѣ Савельевнѣ, но какъ мать нѣжная знаетъ и трепетанія сердечныя, и надежды лестныя, и страхи и радости матери благословляющей любезную дочь свою къ вѣнцу. Она препоручаетъ мнѣ увѣрить васъ о искреннемъ участіи, которое она приѣмлетъ въ благополучіи вашемъ въ выборѣ жениха, достойнаго дочери вашей. Примите искреннѣйшее поздравленіе всего нашего семейства и желаніе усердное о неизмѣнномъ вашемъ счастьи.

8.

4-го іюня 1823 г., С.-Петербургъ.

Я умедилъ отвѣчать на письмо ваше, потому что не имѣлъ удачи и по послѣднему вашему препорученію. Съ генераломъ Кутузовымъ я мало знакомъ, но со всѣмъ тѣмъ желалъ лично объявить ему просьбу мою; для чего потребна была встрѣча съ нимъ и случай. Сей случай не скоро открылся. Когда же онъ представился, то я ему сдѣлалъ предло-

женіе мое со всѣмъ должнымъ и предварительнымъ привѣтствіемъ. Но въ отвѣтъ получилъ отъ него, что по штату положено ему два адъютанта, что сіе число онъ имѣеть и что ни котораго изъ нихъ онъ не имѣеть причинъ перемѣнить.

Сей отвѣтъ его и останавливаетъ дальнѣйшее мое при немъ ходатайство и причиняетъ мнѣ прискорбіе, что я невозмогу исполнить воли вашей и дать пріятное о успѣхѣ увѣдомленіе.

Милостивой государынѣ Авдотѣ Савельевнѣ жена моя приноситъ свое почтеніе ея превосходительству.

Сообщилъ П. М. Майковъ.

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

Одною изъ самыхъ загадочныхъ личностей въ исторіи является безъ сомнѣнія личность Дмитрія Самозванца. Таинственность его происхожденія, его выдающіяся способности, его смѣлые и обширные планы, поразительная удача вначалѣ и трагическая кончина возбуждали интересъ не только людей науки, но даже романистовъ и повтовъ; поэтому онъ является героемъ многихъ повѣстей и драматическихъ произведеній европейской литературы.

Но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей той же эпохи ⁽¹⁾, исторія Лжедмитрія представляетъ собою не одну лишь интересную историческую загадку или интересный историко-романический эпизодъ, но можетъ служить опредѣленіемъ умственного и нравственнаго развитія правящихъ классовъ Россіи въ началѣ XVII вѣка. Допустивъ, что Лжедмитрій былъ не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ, монахъ Чудова монастыря, достигшій званія секретаря московскаго патріарха, придется вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что хотя этотъ монахъ, по занимаемой имъ должности, конечно былъ извѣстенъ, въ 1601 г., высшему духовенству и боярской думѣ, однако онъ былъ признанъ, четыре года спустя, русскимъ духовенствомъ и дворянами ихъ законнымъ царемъ и сыномъ Іоанна Грознаго единственно изъ боязни казаковъ и поляковъ. Чуть не цѣлый годъ властвовалъ Са-

⁽¹⁾ Евгенийъ Щепкинъ въ своемъ изслѣдованіи о томъ кто былъ Лжедмитрій (Wer war Pseudo Demetrius I?) Начало этого изслѣдованія помѣщено въ „Архивъ славянской филологіи“. (Archiv für Slavische philologie, т. XX. Berlin. 1898.) По выходѣ въ свѣтъ окончанія изслѣдованія Е. Щепкина мы скажемъ о немъ особо.

Р е д .

мозванецъ въ Москвѣ и ни у кого не хватало смѣлости назвать его въ лицо настоящимъ именемъ и съ негодованіемъ свергнуть съ престола.

Какою же неизменною боязнію, какимъ равнодушіемъ къ чести и святости престола отличался въ такомъ случаѣ высшій классъ русскаго общества!

Совершенно инымъ рисуется русское общество XVII вѣка, если допустить, что Димитрій Самозванецъ былъ не монахъ Григорій Отрепьевъ и не законный наслѣдникъ престола, но посторонняя третья личность. Тогда становится понятнымъ затруднительное положеніе, въ какомъ очутился бояре: имъ приходилось выбрать между двухъ золъ: или отвергнуть настоящаго царя, или присягнуть Самозванцу; этимъ объясняются всѣ ихъ колебанія и нерѣшительность.

Въ такомъ же затруднительномъ положеніи находились историки, трудившіеся надъ этимъ вопросомъ. Несмотря на громадный интересъ, какой представляла личность Самозванца, она до послѣдняго времени остается загадочною и невыясненною. Причину этого надобно искать между прочимъ и въ томъ обстоятельстве, что изслѣдователямъ были недоступны многіе, весьма важные матеріалы, хранящіеся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ частныхъ польскихъ архивахъ и книгохранилищахъ и въ нѣкоторыхъ государственныхъ архивахъ Европы. Поэтому имъ приходилось пользоваться по большей части русскими сочиненіями, актами и перепиской, напечатанными въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, и записками иностранцевъ, находившихся въ то Смутное время въ Москвѣ. Тѣ же русскіе современники Димитрія, которымъ обстоятельства дѣла были хорошо извѣстны, не смѣли говорить правду изъ боязни Шуйскихъ, а если и оставили какія либо записки, то онѣ погибли вѣроятно въ то Смутное время; поэтому ключъ къ разъясненію этого крайне любопытнаго періода слѣдуетъ искать въ заграничныхъ архивахъ и бібліотекахъ и въ особенности въ рукописныхъ польскихъ источникахъ, ибо поляки не только были очевидцами этихъ событій, но нѣкоторые играли въ нихъ выдающуюся роль.

На основаніи преимущественно этихъ польскихъ источниковъ, заключающихъ массу драгоценныхъ подробностей о Смутномъ времени, составленъ вышедшій въ прошломъ году въ г. Львовѣ, на польскомъ языкѣ, трудъ Александра Гиршберга о Димитріи Самозванцѣ. ¹⁾ Въ виду значительнаго интереса, представляемаго этимъ изслѣдованіемъ, мы предлагаемъ его читателямъ «Русской Старины» въ возможно подробномъ извлеченіи. Документы, сдѣлавшіеся въ послѣднее время достояніемъ исторической науки, проливаютъ новый свѣтъ на личность Самозванца и заставляютъ предполагать въ лицѣ его не истиннаго царевича, какимъ признаетъ его Пирлингъ, и не бѣгло монаха растрюгу Гришку Отрепьева, за котораго признавали его современники и вслѣдъ

¹⁾ Aleksander Hirschberg. Dymitr Samozwaniec. We Lwowie. 1898.

за ними многіе писатели XIX вѣка, въ томъ числѣ нашъ извѣстный историкъ Соловьевъ, а постороннюю третью личность, которая, достигнувъ московскаго престола, при помощи поляковъ и іезуитовъ, сумѣла удержаться на немъ болѣе года, благодаря своей удивительной ловкости и находчивости.

Работая нѣсколько лѣтъ въ заграничныхъ государственныхъ и частныхъ польскихъ архивахъ, А. Гиршбергъ нашелъ массу матеріаловъ донынѣ совершенно неизвѣстныхъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ, по его словамъ, «Запискамъ» Станислава Немоевскаго, которыя, за исключеніемъ небольшого отрывка, напечатаннаго въ одномъ изъ краковскихъ современныхъ изданій ¹⁾, были до сихъ поръ совершенно неизвѣстны. Рукопись этихъ записокъ, особенно цѣнная потому, что она просмотрѣна самимъ авторомъ, приобрѣтена недавно книгохранилищемъ Оссолинскихъ отъ семейства Мнишекъ; самый дневникъ заслуживаетъ также особаго вниманія потому, что онъ писанъ человѣкомъ образованнымъ, отличавшимся наблюдательностью и здравымъ сужденіемъ.

Немоевскій прибылъ въ 1606 г. одновременно съ Мариною Мнишекъ въ Москву. Онъ предпринялъ эту пѣздку по порученію шведской королевы Анны, сестры Сигизмунда III, которая, узнавъ о страсти Самозванца къ приобрѣтенію драгоценностей, довѣрила ему часть своихъ цѣнныхъ вещей, поручивъ продать ихъ царю. Хотя Немоевскій не былъ родственникомъ Мнишекъ и не принадлежалъ къ числу ихъ друзей, но, какъ стольникъ короля, онъ былъ принятъ при московскомъ дворѣ какъ нельзя лучше и не только присутствовалъ на всѣхъ торжествахъ, но даже имѣлъ случай неоднократно бесѣдовать съ Дмитріемъ, который говорилъ съ нимъ откровенно.

По смерти Самозванца онъ былъ сосланъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, сначала въ Ростовъ, а затѣмъ на Бѣлое озеро. Тутъ то онъ и принялся за составленіе своихъ записокъ.

Второй источникъ, которому авторъ также придаетъ большое значеніе, составляютъ записки Мартина Сталницкаго, который находился въ Москвѣ одновременно съ Мариною Мнишекъ, въ качествѣ придворнаго учителя. Хотя эти записки очень кратки и не даютъ много новыхъ фактовъ, но зато всѣ подробности, сообщаемыя въ нихъ, заслуживаютъ полнаго вниманія потому, что онѣ записаны человѣкомъ, состоявшимъ въ близкомъ родствѣ съ воеводою сендомирскимъ и несомнѣнно посвященнымъ въ его планы.

Многія письма и документы, коими пользовался для своего изслѣдованія А. Гиршбергъ, найдены имъ въ богатомъ архивѣ Чарторыйскихъ и въ книгохранилищѣ Оссолинскихъ.

¹⁾ О которомъ упоминаетъ Костомаровъ въ спискѣ источниковъ, приложенныхъ къ IV т. его монографій.

Пользуясь всѣми этими, въ высшей степени любопытными и до сихъ поръ совершенно неизвѣстными матеріалами, а также документами Ватиканскаго архива и нѣкоторыхъ государственныхъ архивовъ Западной Европы и Россіи, авторъ изслѣдованія о Димитріи Самозванцѣ имѣлъ возможность освѣтить многія событія того времени и весьма живо и характерно обрисовать личность самого Самозванца, отношеніе къ нему и отзывы о немъ многихъ выдающихся поляковъ, настроеніе шляхты, выразившееся въ рѣшеніяхъ сеймиковъ, участіе въ этомъ дѣлѣ Мишка, руководившія имъ побужденія и наконецъ дипломатическія сношенія Сигизмунда III съ первымъ Самозванцемъ.

I.

Кончина царя Феодора Иоанновича.—Вступленіе на престолъ Бориса Годунова.—Богданъ Бѣльскій.—Его неудавшійся замыселъ въ 1584 г.—Недовольство, вызванное управленіемъ Бориса.—Кто принадлежалъ къ числу его враговъ?—Первая мысль о самозванцѣ.—Лица, участвовавшія въ замыслѣ Лжедмитрія въ Польшѣ.

19-го января 1598 г. угасалъ въ Кремлѣ послѣдній потомокъ Мономаха. У его смертнаго одра собрались думные бояре, и Московскій патріархъ обратился къ нему съ вопросомъ кому онъ хочетъ вѣрить сиротѣющее царство. «Всѣмъ міромъ управляетъ Господь, да будетъ Его святая воля» отвѣчалъ на это Феодоръ Иоанновичъ.

Нѣсколько дней спустя, собравшись вторично бояре рѣшили оставить управленіе государствомъ въ своихъ рукахъ. Между тѣмъ народъ громко требовалъ, чтобы на престолъ былъ избранъ Борисъ Годуновъ.

Этотъ необыкновенный человѣкъ уже нѣсколько лѣтъ добивался короны и съ удивительной послѣдовательностью шелъ къ намѣченной имъ цѣли. Уже при Иоаннѣ Грозномъ онъ игралъ видную роль, а со вступленіемъ на престолъ немощнаго Феодора Иоанновича, Борисъ, какъ его зять, имѣлъ огромное вліяніе и правилъ государствомъ почти самовластно. Онъ ловко сумѣлъ устранить со своего пути всѣ препятствія въ лицѣ царевича Димитрія и другихъ членовъ царской фамиліи, постарался привлечь на свою сторону самыхъ вліятельныхъ бояръ или отдѣлаться отъ нихъ подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, отправивъ ихъ въ ссылку. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пользовался всякимъ случаемъ увеличить свое огромное состояніе и привлечь къ себѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ, народъ и духовенство. Поэтому, на земскомъ соборѣ, созванномъ послѣ кончины царя Феодора, подъ вліяніемъ угрозъ

и убѣжденій его сторонниковъ, всѣ высказались, почти единогласно, за избраніе на царство Бориса.

Въ то время какъ совершалось это избраніе, онъ находился въ Новодѣвичьемъ монастырѣ яко бы погруженный въ молитву объ упокоеніи души своего благодѣтеля, покойнаго царя. Борисъ долго отказывался отъ предложеннаго ему престола; наконецъ, уступая просьбамъ народа и патриарха, онъ заявилъ, что повинуется волѣ Божіей.

Казалось, Годуновъ достигъ цѣли своихъ многолѣтнихъ стараній, но побѣда его была непродолжительна.

Нѣсколько лѣтъ спустя по вступленіи его на престолъ, началось такъ называемое «Смутное время», ознаменовавшееся неурядицей и волненіями внутри государства; строго говоря «смуты» начались гораздо раньше, чуть не во время малолѣтства Іоанна Грознаго, когда во главѣ государства стояла его мать, Елена. Послѣ ея смерти государствомъ управляли почти самовластно князья Василій и Иванъ Шуйскіе, но князь Иванъ Бѣльскій, съ помощью московскаго патриарха, вскорѣ захватилъ власть въ свои руки. Три года спустя побѣда склонилась снова на сторону Ивана Шуйскаго; Бѣльскій погибъ въ тюрьмѣ, а патриарху пришлось искупить въ монастырѣ свое участіе въ его честолюбивыхъ замыслахъ. Но Шуйскіе оказались виновны въ такихъ злоупотребленіяхъ, что молодой царь вскорѣ принялъ бразды правленія. По смерти Іоанна, въ виду неспособности его сына, Θεодора, соперничество именитыхъ боярскихъ родовъ проявилось во всей своей силѣ. Богданъ Бѣльскій, тотчасъ послѣ кончины Грознаго, пытался взять власть въ свои руки.

Онъ былъ однимъ изъ любимцевъ покойнаго царя; въ его характерѣ преобладали всѣ черты, свойственныя тогдашнимъ московскимъ боярамъ и царедворцамъ: онъ былъ хитеръ, лицемеръ и преслѣдовалъ исключительно свои собственныя выгоды. Кромѣ того онъ былъ чрезвычайно корыстолюбивъ и неразборчивъ въ средствахъ, подобно Борису Годунову, повинувшись во всемъ единственно своему чрезмѣрному самолюбію. По вступленіи на престолъ Θεодора Іоанновича, Бѣльскій вздумалъ воспользоваться своимъ положеніемъ и, съ помощью нѣсколькихъ знатнѣйшихъ бояръ захватить власть съ свои руки. Эта попытка, вызвавшая кровавый мятежъ въ Москвѣ, окончилась побѣдою его противниковъ.

Въ разсказахъ современниковъ и иностранцевъ, находившихся въ то время въ Москвѣ, эти событія описаны весьма кратко и разнорѣчиво. Но мы имѣемъ весьма обстоятельное и вполне достовѣрное описаніе ихъ въ донесеніи Льва Сапѣги, который находился въ то время въ Москвѣ въ качествѣ посланника.

Въ письмѣ отъ 26-го апрѣля 1584 г. ¹⁾, онъ описываетъ это событіе слѣдующимъ образомъ:

12-го апрѣля польскому послу была назначена въ Кремль торжественная аудіенція. Бѣльскій воспользовался этимъ случаемъ и уговорилъ царя Ѳеодора приказать стрѣльцамъ собраться во дворецъ—какъ это было принято въ подобныхъ случаяхъ его отцомъ. Когда они собрались, Бѣльскій обѣщалъ щедро наградить ихъ и предоставить имъ полную свободу, какую они пользовались при Іоаннѣ Грозномъ, ежели они будутъ безпрекословно исполнять его приказанія. Онъ намѣревался истребить, съ ихъ помощью, Ивана Мстиславскаго, Никиту Романова, Петра Шуйскаго и нѣкоторыхъ другихъ знатнѣйшихъ бояръ. Стрѣльцы изъявили готовность служить ему, и какъ скоро Сапѣга уѣхалъ изъ Кремля, и вслѣдъ за нимъ разѣхались думные бояре, Бѣльскій приказалъ запереть дворцовые ворота, отправился къ Ѳеодору Іоанновичу и сталъ уговаривать его содержать дворъ и опричнину такъ, какъ было при жизни его отца, Ивана.

Царь навѣрно далъ бы на все свое согласіе, если бы объ этомъ не узнали немедленно прочіе бояре. Они поспѣшили во дворецъ, но впущены не были, и только двумъ знатнѣйшимъ изъ нихъ, Мстиславскому и Романову съ великимъ трудомъ удалось проникнуть къ царю. Слуги, которые ихъ сопровождали были побиты палками, а когда народъ, ими взволнованный, толпою устремился къ Кремлю и хотѣлъ ворваться въ него, то стрѣльцы начали стрѣлять, убили до двадцати человекъ и многихъ раняли. Тѣмъ временемъ боярамъ удалось склонить царя на свою сторону. Мстиславскій, Романовъ и Щелкаловъ успокоили взбунтовавшійся народъ и уговорили его разойтись; Бѣльскій былъ немедленно сосланъ въ Нижній-Новгородъ. ²⁾

Побѣда бояръ принесла пользу только одному Годунову, который исподоволь, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, подвигался все ближе и ближе къ престолу. Бѣльскій нѣсколько лѣтъ спустя былъ возвращенъ изъ ссылки, и послѣ смерти Ѳеодора Іоанновича старался помѣшать избранію Борича Годунова, но и этотъ разъ онъ не вышелъ побѣдителемъ изъ неравной борьбы. Тѣмъ не менѣе онъ не оставилъ своихъ честолюбивыхъ плановъ. Неудача учила его терпѣнью; онъ сталъ выжидать удобнаго момента, чтобы достигнуть своей цѣли при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Случай къ тому не замедлилъ представиться.

Избраніе Бориса Годунова на престолъ былъ страшнымъ оскорбле-

¹⁾ Всѣ даты приведены по новому стилю.

²⁾ Это любопытное донесеніе, которымъ русскіе историки до сихъ поръ не пользовались, находится въ „Архивѣ Радзивилловъ“ („Scriptores Regum Polon“ т. VIII, стр. 174—175).

ніемъ для московскихъ бояръ. Его предки, татарскаго происхожденія издавна славившіеся своимъ богатствомъ, никогда не занимали въ государствѣ высшихъ должностей. Онъ самъ снискалъ расположеніе Іоанна Грознаго и сдѣлался однимъ изъ его любимцевъ уже послѣ брака Теодора Іоанновича съ его сестрою. Его положеніе царскаго любимца было для родовитыхъ бояръ бѣднотомъ на глазу, тѣмъ болѣе они должны были возненавидѣть его, когда онъ увѣнчалъ свою главу короною.

Были и другія причины неудовольствія, которыя еще болѣе усиливали нелюбовь къ нему бояръ.

Крестьяне имѣли до тѣхъ поръ право свободного перехода съ мѣста на мѣсто по своему усмотрѣнію. Многіе пользовались этимъ и поселились на земляхъ монастырскихъ или принадлежавшихъ лицамъ высшаго духовенства, которыя не подлежали никакимъ повинностямъ. Это движеніе усиливалось по мѣрѣ того какъ границы Московскаго государства постепенно расширялись на югъ и востокъ; переселенія совершались въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что, по словамъ современныхъ путешественниковъ, въ центрѣ Россіи встрѣчались цѣлые округа, нигдѣмъ не населенные.

Это обстоятельство было менѣе тягостно для богатыхъ бояръ, у которыхъ была масса крестьянъ, но оно угрожало совершеннымъ разореніемъ мелкодѣстнымъ дворянамъ, которые по недостатку рабочихъ рукъ получали со своихъ помѣстій гораздо меньшій доходъ чѣмъ прежде. Борись, желая снискать расположеніе этого многочисленнаго класса, издалъ указъ, прикрѣпившій крестьянъ къ землѣ. Но эта мѣра не принесла ожидаемыхъ результатовъ. Крестьяне попрежнему самовольно покидали своихъ господъ, что порождало многочисленныя жалобы и тяжбы, доходившія нерѣдко до суда. Смѣльчаки изъ бѣглыхъ крестьянъ поступали въ казацкое войско или шли въ разбойничьи шайки, которыя грабили не только проѣзжихъ на большихъ дорогахъ, но даже и въ столицѣ. На улицахъ Москвы чуть не каждый день находили трупы людей, убитыхъ этими разбойниками.

Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ многочисленными и весьма тяжкими налогами способствовали разоренію жителей. Тогдашняя Москва представляла весьма оригинальное зрѣлище. Иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ столицу Московскаго царства, поражалъ страшный контрастъ между золочеными куполами церквей и царскихъ палатъ и курными избами ея жителей. Весьма странною была жизнь тогдашнихъ москвичей. Богатые представлялись бѣдняками, чтобы не подать повода къ доносамъ завистниковъ и недоброжелателей и не лишиться всего своего имущества, которое могло быть взято въ казну. Они прятали деньги, золотыя и серебряныя вещи, цѣнную одежду и ходили въ тулупахъ и старомъ поношенномъ платьѣ. Подобное положеніе вещей сче-

видно должно было создать массу недовольныхъ; это было весьма выгодно для происковъ партіи, враждебной Борису. Его противникамъ было открыто широкое поле дѣятельности тѣмъ болѣе, что преступленіе, совершенное Годуновымъ, возбудило всеобщее отвращеніе; многіе относились къ нему до такой степени враждебно, что приписывали ему даже всѣ бѣдствія, обрушившіяся тогда на Россію.

Изъ кого же состояли враги Бориса? По словамъ Михаила Ратомскаго, старосты остерскаго, большинство его враговъ находилось въ западной части Московскаго государства, а именно въ княжествахъ Смоленскомъ и Сѣверскомъ. ¹⁾ Члены этой партіи дѣйствовали въ величайшей тайнѣ, но когда ихъ дѣятельность перенеслась въ Польшу и центромъ ея сдѣлался сначала домъ Вишневецкаго, а затѣмъ домъ сендомірскаго воеводы Мнишека, то обнаружались мало-по малу если не главные руководители этой партіи, то по крайней мѣрѣ ея второстепенные дѣтели и агенты.

Папскій нунцій Ронгони доносилъ въ письмѣ отъ 1-го ноября 1603 г., что когда Димитрій появился у князя Адама Вишневецкаго, то къ нему тотчасъ прибыли многіе знатные московскіе люди, призвавшіе его сыномъ Іоанна Грознаго ²⁾. Число русскіихъ, прибывавшихъ въ Польшу постепенно возрастало; и съ разныхъ концовъ Московскаго царства ихъ набралось наконецъ до двухсотъ человекъ. Они вели оживленную переписку съ прочими членами своей партіи и показывали свои письма полякамъ. Кромѣ «сыновей боярскихъ» приходили также чернецы, которые, переходя свободно изъ монастыря въ монастырь, исполняли обязанность главныхъ посредниковъ и агитаторовъ. Наконецъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1604 г., когда Самозванецъ находился въ Краковѣ, къ нему явилось посольство отъ донскихъ казаковъ, которые предложили ему свои услуги. Кромѣ того, какъ утверждалъ нѣсколько лѣтъ спустя Василій Шуйскій, агитація проникла и въ Приволжскій край и распространилась въ особенности среди тамошнихъ казаковъ, содѣйствіемъ коихъ враги Годунова хотѣли заручиться ³⁾.

Таковы были главнѣйшіе элементы, изъ коихъ состояла партія враждебная Борису. Мы видимъ въ ней, слѣдовательно, массу мелкопомѣстныхъ дворянъ, чернецовъ, и такую мощную силу, какую представляли изъ себя, въ случаѣ войны, казаки. Во главѣ этой партіи стояло нѣсколько именитѣйшихъ бояръ; хотя большинство представителей старинныхъ боярскихъ родовъ не вступала открыто въ борьбу съ

¹⁾ „Copia literarum Michaelis Ratomski, Capitanei in Ostro et Bobrowniki, ad Demetrium“. Arch. Watykans, Borgh. III, 90 b. 165.

²⁾ Пирлигъ, „Rome et Démétrius“, Pièces justificatives, ч. II, стр. 175

³⁾ Русскіе акты копенгагенскаго государственнаго архива. (Русск. историческая бібліотека, т. XVI, стр. 401).

Годуновымъ, но ненавидя его, сочувствовали провскамъ его враговъ.

Главою ихъ партіи былъ Богданъ Вѣльскій. Зная его характеръ, его прошлое и въ особенности выдающуюся роль, которую онъ игралъ первое время послѣ того какъ побѣда склонилась на сторону самованца, это кажется вполне естественнымъ. То-же подтверждаютъ Конрадъ Буссовъ и Іеронимъ Горсей, который, явивъ болѣе десяти лѣтъ въ Москвѣ, обстоятельно зналъ всё тамошнія дѣла.

Къ числу выдающихся личностей этой партіи принадлежали Василій Щелкаловъ и семейство Романовыхъ ¹⁾, равно князь Василій Масальскій, Гаврилъ Пушкинъ и Наумъ Плещеевъ ²⁾, весьма вѣроятно также и Аеанасій Власевъ, думный дьякъ или канцлеръ Московскаго царства ³⁾.

Всѣ эти лица поставили себѣ цѣлью во что бы то ни стало отдѣлаться отъ Бориса Годунова. Но кого же можно было противопоставить ему, когда онъ былъ избранъ земскимъ соборомъ почти единогласно? Правда, между представителями московскихъ княжескихъ родовъ были потомки Рюрика и Гедимины, но никто изъ нихъ не могъ сравняться съ Годуновымъ ни способностями, ни богатствомъ, ни положеніемъ. Было одно средство, а именно, воспользоваться преданностью народа къ угасшей династіи, объявить, что законный ея наследникъ Димитрій, братъ скончавшагося царя Феодора Іоанновича, не былъ убитъ и найти личность, которая рѣшилась бы взять на себя эту трудную роль и сыграть бы ее съиграсть.

Въ сосѣдней Молдавіи было не мало авантюристовъ, которые охотно приняли бы на себя подобную задачу. Но враги Бориса Годунова могли не знать о тамошнихъ самованцахъ, къ тому же имъ не было и надобности искать примѣровъ такъ далеко, когда самъ Годуновъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ показавъ имъ къ этому путь. Вотъ что писалъ Андрей Сапѣга, староста Оршанскій, имѣвшій чрезъ своихъ шпионовъ самыя подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ Москвѣ. Борисъ, въ то время когда еще не былъ увѣренъ въ своемъ избраніи, хотѣлъ подставить одного изъ своихъ клеветовъ, который долженъ былъ разыграть роль убитаго имъ Димитрія, чтобы Борисъ могъ управлять его именемъ и удержать такимъ образомъ въ своихъ рукахъ верховную власть. Это былъ юноша, старше лѣтами убитаго ца-

¹⁾ Костомаровъ. Кто былъ первый Лжедимитрій? Спб. 1864 г., стр. 43.

²⁾ Massa. Histoire des guerres de la Moscovie 1601—1610. Bruxelles 1866, т. I, стр. 94, 96, 119 и 139.

³⁾ По вступленіи на престолъ Димитрій оказывалъ ему постоянно знаки величайшаго довѣрія. По смерти Самованца, Василій Шуйскій сослалъ его въ Сибирь. (Тургеневъ. „Hist. Russiae Monumenta“, т. II, стр. 183.

ревича, но, какъ говорили, имѣвшій съ нимъ сходство. Годуновъ, отъ его имени приготовлялъ уже манифестъ, въ которомъ объявлялось о вступленіи на престолъ Дмитрія, брата скончавшагося царя Феодора; манифестъ этотъ онъ намѣревался послать также въ близъ лежащій Смоленскъ, находившійся въ то время, какъ извѣстно, подъ управленіемъ великихъ князей Московскихъ. Но обманъ былъ скорѣ обнаруженъ и вызвалъ даже бурное столкновеніе между Годуновымъ и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ бояръ ¹⁾).

Чтобы лишить Бориса Годунова престола, враги его воспользовались тѣмъ же самымъ средствомъ, коимъ онъ думалъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Разу мѣтся весьма трудно было подыскать чело вѣка, который могъ бы сыграть роль царевича Дмитрія, и въ тогдашней Москвѣ даже было почти невозможно найти юношу, который съ успѣхомъ могъ бы взять на себя эту трудную задачу. Поэтому враги Годунова рѣшили прибѣгнуть за помощью къ литовскимъ магнатамъ. Это было тѣмъ удобнѣе, что глава ихъ партіи, Богданъ Бѣльскій, находился со многими изъ нихъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ. Всѣ приготовленія дѣлались разу мѣтся въ величайшей тайнѣ; лишь послѣдующія событія обнаружили цѣлый рядъ личностей, которыя принимали участіе въ прояскахъ партіи враждебной Годунову.

Въ Польшѣ, не мало вельможъ и мелкой шляхты были проникнуты рыцарскимъ духомъ и готовы принять участіе въ самыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ. Къ этому были особенно склонны Вишневецкіе, игравшіе въ судьбѣ Самозванца не послѣднюю роль. Всѣмъ извѣстно участіе въ ней Адама и Константина Вишневецкихъ; не менѣ важныя услуги оказалъ Самозванцу и третій ихъ братъ Михаилъ, староста овручскій; Городокъ Лубны, принадлежавшій ему, былъ въ концѣ 1603 г. сборнымъ пунктомъ сторонниковъ Дмитрія ²⁾. На лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Острожбѣ жилъ Михаилъ Ратомскій, староста остерскій, служившій посредникомъ при пересылкѣ людей и корреспонденціи. Съ этими лицами вошли въ сношенія сандомірскій воевода Юрій Мишкеть и литовскій писарь Мацѣй Война. Однимъ изъ главныхъ участниковъ этого дѣла былъ также литовскій каапцлеръ Левъ Сапѣга, который, въ бытность свою въ Москвѣ двукратно польскимъ посланникомъ, вошелъ въ

¹⁾ Въ письмѣ, помѣченномъ изъ Оршы 15-го февраля 1598 г. („Archiwum domu Sapiehow“, т. I, стр. 177—179).

²⁾ Краковскій каштелянъ, Янъ Острожскій писалъ Сигизмунду III 12-го января 1604 г. „Коморникъ“ в. к. в. панъ Мецѣльскій, объѣхавшій Украину, претерпѣвъ по пути всевозможныя неприятности, нынѣ возвращается въ в. к. в. и не замедлитъ донести о безчинствахъ, творящихся нынѣ на Украинѣ. Количество вольницы постоянно возрастаетъ; они собираются теперь въ Лубнахъ и намѣрены посадить этого москвитя на престолъ“.

близкія сношенія съ московскими боярами. Объ его участіи свидѣлствуютъ донесенія тогдашняго папскаго нунція въ Польшѣ, Ронгопи. Въ письмѣ отъ 13 марта 1604 г. онъ сообщалъ, что «литовскій канцлеръ предлагалъ доставить Дмитрію деньги и людей» для его дѣла, а въ одномъ изъ предыдущихъ донесеній (отъ 17 января того же года)— что «при посредничествѣ литовскаго канцлера» въ домъ князя Константина Вишневецкаго отправленъ тотъ инфлячякъ, который служилъ Дмитрію въ Угличѣ.

Таковы были главныя лица, принявшія участіе въ замыслѣ Самозванца въ Польшѣ. Съ ихъ помощью удалось найти способнаго юношу, который взялъ на себя роль московскаго Царевича и блистательно исполнилъ ее.

II.

Посольство Льва Сапѣги въ Москву въ 1600 г.—Первые слухи о Дмитріи.—Преслѣдованія Годуновымъ своихъ враговъ.—Голодъ.—Необычныя явленія.—Прибытіе Дмитрія въ Кіевъ.—Пребываніе въ Гоцѣ.

Въ исходѣ сентября 1600 г. Левъ Сапѣга отправился съ чрезвычайнымъ посольствомъ въ Москву. Въ его святѣ, состоявшей чуть не изъ тысячи лицъ, находился и тотъ таинственный юноша, который долженъ былъ вскорѣ выступить въ роли царевича Дмитрія. Находясь при дворѣ Бориса Годунова одновременно съ литовскимъ канцлеромъ, онъ взиралъ, по его словамъ, съ великой скорбью на этого «предателя», возсѣдавшаго на престолѣ его отца.

Несмотря на строгій надзоръ, какимъ Годуновъ окружалъ польскихъ пословъ, Сапѣга и тогда уже имѣлъ сношенія съ его врагами и оставилъ имъ загадочную личность, которая должна была явиться въ роли московскаго царевича. Въ Москвѣ дѣйствительно разнесся въ скоромъ времени слухъ, что Дмитрій не былъ убитъ, что онъ живъ и скрывается въ надежномъ мѣстѣ.

Слухъ этотъ чрезвычайно встревожилъ Бориса Годунова; онъ былъ человѣкъ хитрый и слишкомъ хорошо зналъ, какъ враждебно относились къ нему бояре, чтобы хотя на мгновеніе усомниться въ истинномъ значеніи этихъ слуховъ. Это были первые предвѣстники надвигающейся бури, которая унесла всѣ плоды его многолѣтнихъ стараній, стоявшихъ ему не мало трудовъ. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало открыть виновниковъ этихъ слуховъ и уничтожить въ самомъ зародышѣ пророски своихъ враговъ.

Годуновъ не ошибся, предположивъ, что во главѣ ихъ долженъ былъ стоять Богданъ Бѣльскій. Относясь къ нему съ недоувѣріемъ, онъ сослалъ его, вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ южныя степи, гдѣ ему было поручено заняться постройкою крѣпости и города Царево-Борисова. Благодаря своему огромному состоянію, Бѣльскій велъ тамъ роскошную жизнь, имѣлъ многочисленный штатъ и даже свое собственное войско, которое онъ составлялъ всякими путями, какъ будто готовясь къ открытой борьбѣ. Желая его допросить, Борисъ приказалъ сначала привезти его въ Москву, а затѣмъ послалъ въ одинъ изъ низовыхъ городовъ, гдѣ онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Подобная же участь постигла многихъ изъ его приближенныхъ и лицъ, вмѣвшихъ съ нимъ частыя сношенія. Къ числу ихъ принадлежало прежде всего семейство Романовыхъ, состоявшее въ то время изъ пяти братьевъ. Изъ нихъ четверо были отправлены въ ссылку, а имущество ихъ было конфисковано. Пятый, Ѳедоръ, избѣгнувъ этой участи укрывшись въ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ съ тѣхъ поръ съ именемъ Филарета, подъ самымъ строгимъ надзоромъ. Борисъ сослалъ всѣхъ ихъ родственниковъ и друзей, не исключая двухъ Щелкаловыхъ, пользовавшихся недавно его лаской и пріязнью. Онъ преслѣдовалъ этихъ лицъ подъ разными предлогами. Такъ, напримѣръ, Романовы были сосланы по доносу одного изъ ихъ холоповъ, утверждавшаго, что они замышляютъ отравить Годунова, чтобы доставить престолъ одному изъ членовъ своей семьи. Большею частью Борисъ обвинялъ своихъ враговъ въ волшебствѣ и въ коварныхъ противъ него замыслахъ; эти обвинения исходили обыкновенно отъ ихъ собственной челяди, и такъ какъ доносчиковъ щедро награждали, то число ихъ быстро увеличилось. Одного слова, одного неосторожнаго выраженія было достаточно для гибели. Гдѣ только было какое нибудь сборище, вездѣ въ толпѣ оказывалось нѣсколько царскихъ шпионовъ. Это позорное ремесло исполняли попы, чернецы и даже бояре, но большинство шпионовъ были холопы, которыхъ Годуновъ одарялъ деньгами и помѣстьями. Бывали однако и трогательные примѣры привязанности слугъ къ своимъ господамъ; нѣкоторые даже подъ пыткой отказывались показать противъ нихъ и мужественно переносили самыя жестокия мученія. Нерѣдко преслѣдванію подвергались и лица вполне невинныя, вслѣдствіе чего число недовольныхъ еще болѣе увеличивалось; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала всеобщая ненависть къ Борису и ко всѣмъ Годуновымъ.

Въ это время Москву посѣтило ужасное бѣдствіе.

Въ 1601 г., вслѣдствіе дождливаго лѣта и ранней зимы, во многихъ мѣстностяхъ оказался неурожай, который, повторяясь три года подъ рядъ, вызвалъ страшный голодъ и дороговизну. За четверть ржи платили, напримѣръ, по пяти рублей, что по тогдашнимъ цѣнамъ было

очень дорого. «Крестьяне, рассказываетъ Исаакъ Масса, иностранецъ жившій въ то время въ Москвѣ, истребивъ всё запасы, коровъ, лошадей, живность и барановъ, питались грибами, кореньями, собаками и кошками. Отъ дурного питанія тѣло распухало, и они умирали въ страшныхъ мученіяхъ. По дорогамъ валялось множество труповъ, которыхъ пожирали волки, лисицы, собаки и другіе дикіе звѣри».

«Въ самой столицѣ положеніе было не лучше. Хлѣбъ привозили на рынокъ тайкомъ изъ опасенія, чтобы его не отобрали по пути съюзу. Изъ города ежедневно выѣзжали люди съ возами, подбирали трупы и вывозили ихъ за городъ, гдѣ бросали въ глубокія ямы, для этого вырытыя; это дѣлалось такъ просто, какъ у насъ вывозятъ грязь и нечистоты.

«На улицахъ часто попадались люди совершенно обезсиленные, хотя еще живые; этихъ несчастныхъ хватили за рука или за ноги и кидали на возъ, гдѣ, лежа вмѣстѣ съ трупами, они задыхались подъ ихъ тяжестью».

Въ то время было опасно похвастать тѣмъ, что имѣешь деньги или какіе либо запасы, и раздавать публично милостыню. Кто осмѣлился бы сдѣлать это, на того набросилась бы голодная толпа и растерзала бы его. «Я самъ, пишетъ тотъ же очевидецъ, однажды искренно желалъ вынести что либо съѣстное одному юношѣ, который сидѣлъ противъ нашего дома и четыре дня питался одною соломой—отчего онъ и умеръ, но не смѣлъ этого сдѣлать изъ боязни, чтобы не напали на меня»¹⁾.

Ничто такъ не рисуется страшной нужды, царствовавшей тогда въ Москвѣ, какъ слѣдующій случай. «Одинъ голландецъ, по имени Арендъ Классенъ (Agent Classen), пишетъ Масса, долгое время бывшій придворнымъ аптекаремъ и пользовавшійся у знатнѣйшихъ бояръ особымъ уваженіемъ, рассказывалъ мнѣ, что поѣхавъ, однажды, зимою въ свое имѣніе, онъ увидѣлъ, въ совершенно пустынномъ мѣстѣ дѣвочку, лежавшую въ снѣгу и едва живую отъ холода и голода. Убѣдившись, что она подавала еще нѣкоторые признаки жизни, онъ взялъ ее въ свои санки и накрылъ шубой. Въ ближайшемъ селеніи, гдѣ еще было нѣсколько жителей, онъ положилъ ее отогрѣться на печь въ банѣ; когда же она пришла въ себя, то онъ далъ ей поѣсть. Тогда она рассказала слабымъ голосомъ, что вся ея семья умерла съ голода. «Только мать моя осталась въ живыхъ, сказала она. Бросивъ свою избу она ходила нѣкоторое время со мною, но не имѣя силъ смотрѣть какъ я умираю отъ голода, она положила меня при дорогѣ на снѣгъ, а сама убѣжала въ лѣсъ». Больше отъ нея ничего нельзя было добиться.

«Классенъ, которому предстоялъ еще дальній путь, оставилъ дѣ-

¹⁾ Масса. Тамъ же, т. I, стр. 55—56. т. II, стр. 62—63.

вочку въ деревнѣ, давъ крестьянамъ провизію для ея прокормленія и поручивъ имъ заботиться о ребенкѣ до его возвращенія, когда онъ намѣревался взять ее съ собою. Къ сожалѣнію, вернувшись онъ уже никого не нашелъ въ деревнѣ—всѣ жители перемерли. Онъ предполагалъ даже, что крестьяне, истребивъ всѣ запасы, убили ребенка и съѣли его».

Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ оно подтверждается разказами другихъ современниковъ. Такъ, на примѣръ, шведъ Патерсонъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ однажды въ Москвѣ, на улицѣ, женщину, изнуренную голодомъ, которая вырвала изъ тѣла своего ребенка два куска мяса и усѣвшись, преспокойно съѣла ихъ. «Не подлежитъ сомнѣнію, присовокупляетъ авторъ, что она убила бы своего ребенка и съѣла бы его, если бы народъ не отнялъ его у нея изъ рукъ».

Подобный же потрясающій случай, описываетъ Яковъ Мержереть. «Четыре сосѣдки мои, читаемъ мы въ сочиненіи, въ которомъ онъ описываетъ событія той эпохи, сговорились, что одна изъ нихъ пойдетъ на рынокъ за дровами. Купивъ дрова, она сказала мужику, что заплатитъ ему дома; когда же, сложивъ дрова, онъ вошелъ въ избу, то женщины набросились на него и задушили. Трупъ его онѣ спрятали въ ледникъ, чтобы онъ могъ долѣе сохраниться, такъ какъ намѣревались предварительно убить и съѣсть его лошадь.

«Когда преступленіе было обнаружено, онѣ сознались, что это былъ уже третій мужикъ ими погубленный»¹⁾.

Вообще, употребленіе въ пищу человѣческаго мяса въ то время въ Москвѣ было не рѣдкость. Другіе писатели, современные Конраду Буссову говорятъ, что «многіе родители съѣдали своихъ дѣтей, а дѣти родителей. Крестьяне убивали путешественниковъ, господа своихъ крестьянъ. На рынкѣ продавали даже пироги съ начинкой изъ человѣческаго мяса»²⁾.

Несмотря на существовавшую страшную нужду, всѣ утверждаютъ, что въ Московскомъ государствѣ было достаточно зернового хлѣба. У иныхъ были запасы, сдѣланные въ предъидущіе годы; въ иныхъ мѣстностяхъ былъ довольно обильный урожай, но помѣщики не хотѣли продавать хлѣбъ, выжидая болѣе высокихъ цѣнъ. Были между ними и такіе, которые выгоняли изъ дому свою прислугу и даже родныхъ, обрекая ихъ на голодную смерть, лишь бы сохранить такимъ путемъ запасы и продать ихъ какъ можно дороже.

¹⁾ Etat de l'empire de Russie et Grand Duché de Moscovie и т. д. (стр. 105—106).

²⁾ Тамъ же, стр. 23.

Борисъ Годуновъ, стараясь помочь бѣдѣ, приказалъ отбирать у купцовъ заготовленные ими запасы и раздавать ихъ бѣднымъ. Но подкупленные чиновники не исполняли этого приказа. Тогда Годуновъ повелѣлъ открыть свои хлѣбные амбары и выдавать народу изъ казны хлѣбъ и деньги. И эта мѣра не могла устранить бѣдствія, такъ какъ чиновники раздавали пособія своимъ роднымъ и пріятелямъ, которые приходили за ними одѣтые въ рубище изображая нащихъ, а дѣйствительно бѣдныхъ гнали прочь. Голодъ и нужда усиливались; вмѣстѣ съ тѣмъ росло убѣжденіе, что всѣ эти бѣдствія суть Божеское наказаніе за преступленіе, совершенное Годуновымъ.

Независть къ нему усиливалась, и народъ ожидалъ чрезвычайныхъ событій, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя необычныя явленія природы поддерживали его въ напряженномъ состояніи. Въ рѣкахъ не было рыбъ, въ поляхъ и лѣсахъ дичи и звѣрей. Въ окрестностяхъ Москвы появилась масса лисицъ и волковъ, которые забѣгали даже въ центръ города и къ самому Кремлю: Въ появленіи этихъ звѣрей въ такомъ огромномъ количествѣ видѣли предзнаменованіе, что хитрые и корыстолюбивые люди нападуть въ скоромъ времени на Москву, которая сдѣлается ихъ добычею.

Сильное впечатлѣніе производили также небесныя явленія, которыя народъ наблюдалъ въ то время. Разсказывали, что среди ночной темноты сверкала молнія, походившая на два поичаща, которыя сражались между собою. Однажды, ночью, царская стража видѣла на небѣ огромный возъ, запряженный шестью лошадьми, коими правилъ мужчина, одѣтый въ польское одѣяніе. Когда возъ пролеталъ надъ дворцомъ, возница щелкнулъ кнутомъ и издалъ какой то страшный возгласъ. Нѣкоторые изъ солдатъ были до того напуганы этимъ явленіемъ, что убѣжали даже въ сосѣдній садъ; когда на утро объ этомъ донесли царю, то онъ былъ сильно встревоженъ ¹⁾.

Особенно страшила всѣхъ блестящая комета, появившаяся въ іюнѣ мѣсяцѣ 1604 г. Годуновъ, еще болѣе встревоженный этимъ явленіемъ, просилъ разъясненія у одного нѣмецкаго астролога. Отвѣтъ былъ далеко не успокоительный. Астрологъ сказалъ, что Господь посылаетъ подобныя знаменія только въ тѣхъ случаяхъ, когда монархамъ угрожаетъ большая опасность.

Всѣ эти явленія и объясненія поддерживали въ народѣ постоянную тревогу и ожиданіе какихъ то чрезвычайныхъ событій. Тѣмъ легче повѣрили всѣ слуху, что царевичъ Дмитрій живъ и скорѣе явится, чтобы свергнуть Бориса съ престола и освободить народъ отъ неволи. Казаки съ Волги, договоренные врагами Бориса, уже въ началѣ 1604 г. грозили, что они скоро явятся въ Москву съ Дмитріемъ во главѣ.

¹⁾ Масса, т. I, стр. 62, т. II, стр. 70.

Тѣмъ временемъ таинственный юноша, прибывшій ко двору царя Бориса одновременно съ литовскимъ канцлеромъ, жилъ въ Московскихъ монастыряхъ, переѣзжая изъ одного въ другой, вѣроятно для того чтобы ближе познакомиться съ тамошними порядками и обитателями.

Эти переѣзды облегчали ему чернецы, которые дѣйствовали безъ сомнѣнія въ полномъ убѣжденіи, что они служатъ истинному царевичу Димитрію. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ между ними былъ Гришка Отрепьевъ, коего многіе русскіе историки отождествляли съ той загадочной личностью, которая приняла на себя роль убитаго царевича.

Въ 1601 г. Димитрій появился впервые въ Кіевѣ и подъ видомъ чернеца провелъ нѣкоторое время сначала въ Печерской Лаврѣ ¹⁾, а затѣмъ въ домѣ кіевского воеводы князя Острожскаго ²⁾. Затѣмъ онъ переселился въ Дермань, въ Острожско-Троицкій монастырь ³⁾, гдѣ пробылъ болѣе продолжительное время. Тутъ онъ ожидалъ вѣроятно увѣдомленія о томъ, когда и передъ кѣмъ ему надлежало выступить въ роли царевича. Но увѣдомленіе не получалось. Преслѣдованіе Борисомъ его враговъ не разрушило ихъ замыслы, но стѣсняло ихъ дѣйствія и отдалило моментъ, въ который они вступили въ открытую борьбу съ нимъ. Между тѣмъ честолюбивый юноша, характерною чертою котораго была страсть ко всякаго рода приключеніямъ, начиналъ терять терпѣніе и повидимому собирався уже дѣйствовать совершенно на иномъ поприщѣ. Многое соблазняло его къ тому. Вѣроятно во время пребыванія въ Кіевѣ онъ познакомился съ кіевскимъ каштеляномъ и маршаломъ двора князя Константина Острожскаго, Гавриломъ Гойскимъ, который былъ, какъ извѣстно, ревностный арианинъ. Незаурядныя способности будущаго Самозванца обратили на него вниманіе каштеляна кіевского, который усердно вербовалъ послѣдователей своего ученія. Вѣроятно подъ его вліяніемъ Димитрій покинулъ Дерманскій монастырь и переѣхалъ въ Гошу ⁴⁾, гдѣ, по словамъ князя Януша Острожскаго ⁵⁾, «онъ исполнялъ церковные обряды анабаптистовъ». Но не на этомъ поприщѣ, не въ качествѣ послѣдователя ученія Арія въ Польшѣ, ожидала его роковая будущность.

¹⁾ Supplem. ad. hist. Russiae Monumenta, стр. 409

²⁾ Посевинъ, Historia narratio и т. д. стр. 7 и Relatio della conquista и т. д. стр. 6. (М. Оболенскій, иностранныя сочиненія и акты. Москва 1847).

³⁾ Дермань, село Дубенскаго уѣзда, Волынской губ.; Острожско-Троицкій монастырь основанъ въ XV в.

⁴⁾ Гоша, мѣстечко Острожскаго уѣзда. Волынской губ.

⁵⁾ Князь Янушъ Острожскій въ письмѣ къ Сигизмунду III. 2 марта 1604 г. (Rps. Muz. XX Czartoryskich, стр. 155 и 917, 745).

III.

Вліяніе Гойскихъ на образъ мыслей Дмитрія.—Его пребываніе въ домѣ князей Вишневецкихъ.— Легковѣріе тогдашняго общества.— Агітація въ Московскомъ государствѣ.— Хлопко Косолапъ.— Военныя приготовленія на Украинѣ.— Узязъ Сигизмунда III.— Король измѣняетъ свое отношеніе къ Дмитрію.

Въ Гоцѣ открыто процвѣтала въ то время школа, основанная аріанами. Дмитрій провелъ въ ней по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ учась по-латыни и по-польски. Хотя, въ столь короткое время, онъ не могъ, разумѣется, вполне серьезно познакомиться съ аріанской догматикой, но во всякомъ случаѣ, пребываніе въ домѣ Гойскихъ должно было повліять на его образъ мыслей. Въ Гоцѣ господствовала, по нѣкоторымъ указаніямъ ¹⁾, самая рационалистическая секта арианъ, которые принадлежали тогда къ числу наиболѣе просвѣщенныхъ людей въ Польшѣ. Въ ихъ кругу Дмитрій проникся не только принципами вѣротерпимости, но и свободомыслія и религіознаго индифферентизма, которое онъ проявлялъ впоследствии.

Тутъ, въ Гоцѣ, до него дошла, въ августѣ или въ сентябрѣ мѣсяцѣ, вѣсть, что близокъ моментъ, когда ему придется выступить въ роли московскаго царевича. Эту вѣсть привезъ ему Отрепьевъ, бывшій въ августѣ того года на Волыни. Сообразуясь съ полученными имъ указаніями, Дмитрій отправился оттуда въ Брагнѣ къ князю Адаму Вишневецкому, гдѣ онъ прожилъ довольно долго въ качествѣ его слуги. Наконецъ, въ половинѣ 1603 г. онъ выступилъ открыто въ своей роли претендента на московскій престолъ.

Само собою разумѣется, что начало такого рода дѣятельности, которая имѣла грандіозной цѣлью овладѣть престоломъ сосѣдняго государства, представляло огромныя трудности. Прежде нежели предпринять что либо для осуществленія этой цѣли, надлежало убѣдить современниковъ въ томъ, что этотъ юнша былъ дѣйствительно сыномъ Іоанна Грознаго. Для этого ему и его покровителямъ пришлось разыграть цѣлый рядъ сценъ, весьма искусно придуманныхъ и рассчитанныхъ какъ нельзя лучше на легковѣріе тогдашняго общества.

Первою изъ нихъ было заявленіе самого Дмитрія о своемъ яко бы царскомъ происхожденіи. Это было сдѣлано подъ видомъ припадка, будто бы случившагося съ нимъ подъ вліяніемъ неожиданнаго событія, которыя привели его къ открытію такъ тщательно скрываемой имъ до тѣхъ поръ тайны.

¹⁾ „Христ. чтеніе“, 1885 № 5—6 стр. 694

Объ этой первой попыткѣ Самозванца выступить въ принятой имъ на себя трудной роли существуетъ два различныхъ разсказа. По одному изъ нихъ, Димитрій, послѣ довольно долгаго пребыванія въ домѣ Вишневецкаго, одержимый однажды тяжкимъ недугомъ и чувствуя приближеніе смерти, просилъ привести къ нему православнаго священника. Исповѣдывавшись передъ нимъ, онъ сказалъ:

— Если я умру, похороните меня съ почестями, подобающими царскому сыну.

Услыхавъ эти слова, священникъ удивился, и просилъ объяснить ихъ смыслъ.

— Теперь я тебѣ ничего болѣе не скажу, отвѣчалъ юноша, пока я живъ, и не говори объ этомъ никому. Но послѣ моей смерти возьми письмо, спрятанное у меня въ постели, и ты все узнаешь.

Духовникъ поспѣшилъ сообщить это любопытное открытіе князю Вишневецкому, который отправился въ избу, гдѣ лежалъ его больной слуга, и будто бы всячески старался выпытать у него истину. Но Димитрій упорно молчалъ. Тогда князь Адамъ вынулъ письмо, спрятанное у него въ постели, изъ котораго онъ узналъ, что его слуга не кто иной, какъ сынъ Іоанна Грознаго.

По другой версіи, Самозванецъ обнаружилъ свое происхожденіе слѣдующимъ образомъ.

Однажды, въ банѣ, князь Вишневецкій велѣлъ ему подать какую то вещь, и тотъ исполнилъ его приказаніе не достаточно быстро. Князь страшно разсердился и даже ударилъ его по лицу. Тогда Димитрій горько заплакалъ и сказалъ:

— Если бы ваше сіятельство знали кто я, то вы бы меня не били и не ругали такъ. Но я вашъ слуга и долженъ все свосить покорно.

— Кто же ты такой?—спросилъ его князь Адамъ.

Тогда Димитрій сказалъ ему, что онъ сынъ московскаго царя Ивана Васильевича, и сообщилъ какимъ образомъ ему удалось спастись отъ подосланныхъ къ нему убійцъ и какъ онъ скрывался, затѣмъ, по монастырямъ отъ шпионовъ Годунова ¹⁾. Въ доказательство истины своихъ

¹⁾ О томъ какимъ образомъ Димитрій былъ спасенъ, разсказывали различно. По словамъ однихъ, онъ былъ будто-бы обязанъ спасеніемъ своему домашнему врачу, нѣмцу Симону, который, узнавъ о замыслахъ Годунова, спряталъ царевича за печью, а на его мѣсто, на постель, положилъ другого похожаго на него ребенка, который и былъ убитъ. Послѣ этого Димитрій жилъ у князя Мстиславскаго, а затѣмъ скрывался по монастырямъ, но чувствуя себя и тамъ не безопаснымъ, бѣжалъ въ Польшу. Другіе утверждали, что царевича спасъ Богданъ Бѣльскій, дѣйствовавшій съ вѣдома его матери. Зная все, что дѣлалось во дворцѣ Бориса, и объ его враждѣ къ Димитрію,

словъ онъ показалъ князю золотой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, полученный имъ, какъ онъ говорилъ, отъ своего крестнаго отца, князя Ивана Мстиславскаго; затѣмъ онъ бросился Вишневецкому въ ноги и сказалъ:

— Такъ какъ вашему сіятельству теперь извѣстно кто я, то я отдаю себя вполнѣ подъ ваше покровительство. Мнѣ не хотѣлось бы долѣе находиться въ такомъ положеніи! Если вы поможете мнѣ возвратитъ прародительскій престолъ, я щедро вознагражу васъ.

Князь Вишневецкій извинился за нанесенное ему оскорбленіе, попросилъ его побыть нѣкоторое время въ банѣ, а самъ поспѣшилъ къ своей женѣ и сказалъ ей, что вечеромъ къ нему будетъ въ гости московскій царь. Онъ приказалъ тотчасъ приготовить роскошное угощеніе, выбралъ на конюшнѣ шесть великолѣпныхъ лошадей, велѣлъ осѣдлать ихъ, запретъ шесть другихъ лошадей въ самую лучшую его карету и слугамъ надѣтъ праздничное платье. Затѣмъ онъ отправился, во главѣ семнадцати приближенныхъ къ Дмитрію, привѣтствовалъ его съ почетомъ, подобавшимъ царевичу, вручилъ ему дорогое платье и вывелъ его торжественно изъ бани, подарилъ ему шесть верховыхъ лошадей и роскошный экипажъ, множество конской збруи и разнаго рода оружіе...

— Ваше величество,—сказалъ онъ при этомъ, соблагодолите принять отъ меня этотъ скромный подарокъ. Даю вамъ слово служить вамъ отнынѣ вѣрою и правдою.

Самозванецъ искренно поблагодарилъ его и снова обѣщалъ сторицею вознаградить его, если Господь сподобитъ вернуть прародительскій престолъ ¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого въ Брагинское имѣніе Вишневецкихъ прибыло много «знатныхъ московскихъ людей» ²⁾ и чернецовъ ³⁾, которые всѣ единогласно подтвердили, что этотъ юноша былъ дѣйствительно сыномъ Ивана Грознаго.

Князь Адамъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ совершенномъ единомысліи съ прочими покровителями Дмитрія, поэтому онъ повезъ его тотчасъ въ Заложецъ, къ своему брату, князю Константину Вишневецкому, гдѣ также появилось не мало московскихъ людей, и всѣ они торже-

онъ спряталъ царевича нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. вмѣсто него въ Угличѣ воспитывался другой юноша, сынъ одного священника, который и былъ убитъ вмѣсто царевича 15 мая 1595 г.

¹⁾ Буссовъ, стр. 20—21,

²⁾ Пирлингъ, Pièces justifi. II, стр. 174.

³⁾ Supplem. ad hist. Russiae Monumenta стр. 409.

ственно подтверждали, что Самованецъ настоящій наследникъ московскаго престола.

Еще большее впечатлѣніе произвелъ слѣдующій случай. Въ то время прибылъ въ домъ князя Константина нѣкто Піотровскій, служившій у литовскаго канцлера Льва Сапѣги и утверждавшій, что онъ видѣлъ царевича въ Москвѣ и легко могъ бы узнать его. Будучи приведенъ къ Дмитрію онъ тотчасъ воскликнулъ.

— Подлинно, это московскій царевичъ!

Вѣсть о появленіи Дмитрія быстро разнеслась въ Польшу и въ Московскомъ государствѣ, тѣмъ болѣе что его приверженцы въ то же время дѣятельно агитировали противъ Бориса.

Этими происками руководили Михаилъ Ратомскій, Щесный-Свирскій и извѣстный Отрепьевъ, который отправился съ этой цѣлью къ казакамъ на Донъ. Эти агенты, какъ передавалъ впоследствии Василій Шуйскій въ своихъ письмахъ ¹⁾, разбрасывали воззванія Самованца въ городахъ, селахъ и въ общественныхъ мѣстахъ ²⁾. Ими несомнѣнно былъ вызванъ мятежь, вспыхнувшій въ Сѣверской области въ половинѣ 1603 г.

Во главѣ этого мятежа стоялъ Хлопко Косолапъ. Онъ располагалъ вѣроятно довольно значительными силами, такъ какъ осенью того же года двинулся на Москву. Борисъ выслалъ противъ него войско подъ предводительствомъ Ивана Басманова, который, встрѣтившись съ Косолапомъ въ окрестностяхъ Москвы, разбилъ мятежниковъ, хотя самъ былъ убитъ. Многіе мятежники, въ томъ числѣ самъ Косолапъ, были взяты въ плѣнъ и казнены въ Москвѣ; прочіе были повѣшены въ сосѣднихъ деревняхъ.

Между тѣмъ въ польской Украинѣ также готовились къ борьбѣ съ Борисомъ. Во многихъ мѣстахъ собирались отряды войскъ, которые доставляли большое безпокойство жителямъ. Эти отряды сосредоточились, въ январѣ мѣсяцѣ 1604 г., въ Лубнахъ, мѣстечкѣ, принадлежавшемъ князю Михаилу Вишневецкому, съ тѣмъ чтобы въ началѣ марта того же года вторгнуться въ предѣлы Московскаго государ-

¹⁾ Copia Aines Brieffes der Gaistlichen Jan der Moskaw Ahn den Herren Ostrosky den 13 Junya 1606. Abganngen (J. G. Meusel, Der Geschichtsforscher, ч. II, 1776, стр. 22 и 32). Warhaftige Copia des Schreibens, welches an d. k. Stadthalter Zu Revel и т. д.

²⁾ Одинъ изъ московскихъ бѣглецовъ рассказывалъ даже, будто Борисъ напелъ у себя въ комнатѣ письмо Дмитрія, въ которомъ тотъ укорялъ его въ томъ, что онъ покушался на его жизнь, хотя онъ долженъ былъ быть его вѣрнымъ подданнымъ. Годуновъ былъ чрезвычайно раздраженъ этимъ происшествіемъ и, не имѣя возможности отыскать истиннаго виновнаго, велѣлъ казнить осьмерыхъ своихъ слугъ. (Пирлингъ, Pièces justificatives, II стр. 181)

ства ¹⁾. Въ этомъ походѣ должны были принять участіе и запорожскіе казаки, предложившіе Дмитрію свои услуги чрезъ посланныхъ ²⁾.

Сборъ войска и приготовленія, дѣлаемая сторонниками Самозванца, не только были весьма непріятны и обременительны для жителей пограничныхъ повѣтовъ, но могли имѣть серьезныя послѣдствія для всей рѣчи Посполитой, а именно могли вовлечь ее въ новую войну съ Московію. Поэтому, какъ только подкоморій брацлавскій Лавринъ Пясенинскій (Lawryn Piasieczynski) донесъ объ этомъ королю ³⁾, то Сигизмундъ III отдалъ строгій приказъ украинскимъ старостамъ не дозволить формированіе этихъ отрядовъ и воспретить всѣмъ и каждому продавать этой «юльницѣ» оружіе и амуницію ⁴⁾. Этотъ королевскій приказъ былъ посланъ съ Яковомъ Мецельскимъ, который объѣхалъ Украину и, узнавъ о прибытіи посланцевъ отъ запорожскихъ казаковъ, велѣлъ схватить ихъ и посадить въ тюрьму ⁵⁾.

Однако, несмотря на рѣшительныя мѣры, принятыя вначалѣ, Сигизмундъ взглянулъ вскорѣ на дѣло иначе. Папскій нунцій Ронгони доносилъ въ письмѣ отъ 1-го ноября 1603 г., что король выразилъ желаніе, чтобы Дмитрій прибылъ въ Краковъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ какъ можно подробнѣе допросить его ⁶⁾. Два мѣсяца спустя, переимѣна, происшедшая во взглядахъ короля, выразилась еще нагляднѣе. Когда было получено извѣстіе, что Самозванецъ намѣренъ, въ мартѣ мѣсяцѣ того же года, вступить въ предѣлы Московскаго государства во главѣ казаковъ, то Сигизмундъ писалъ князю Янушу Острожскому, каштеляну Краковскому, чтобы онъ принялъ на себя роль посредника и отсовѣтовалъ Дмитрію начинать дѣло, имѣя войско, состоящее изъ однихъ казаковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ король приглашалъ Дмитрія прайбыть къ нему ⁷⁾.

¹⁾ Объ этомъ доносилъ Янушъ Острожскій въ письмѣ отъ 19-го февраля 1604 г. къ Тыландскому, коронному подканцлеру. Rps. Muz. XX Czartoryskich 917 стр. 741—3.

²⁾ Пирлингъ. стр. 177.

³⁾ Письмо изъ Форниша отъ 20-го октября 1603 г. Rps. Muz. XX Czartoryskich 320, стр. 129.

⁴⁾ П. А. Кулишъ, матеріалы для исторіи воссоединенія Руси, т. I, стр. 26.

⁵⁾ Объ этомъ донесъ Борису его агентъ Семень Волковскій Овсяный въ письмѣ отъ 2-го февраля ст. ст. 1604 г. (Кулишъ тамъ же, стр. 25).

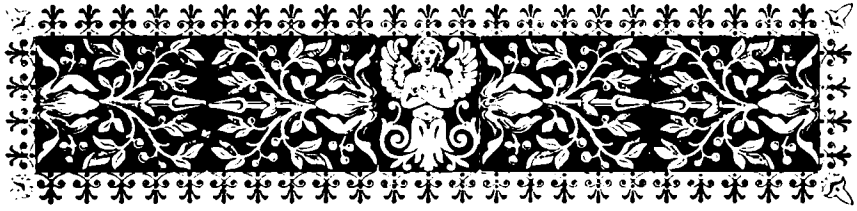
⁶⁾ Пирлингъ. Pièces justificatives II, стр. 175.

⁷⁾ Тоже стр. 177. Ронгони доносилъ объ этомъ письмомъ, отъ 7 февраля 1604 г. Дмитрій, въ своемъ первомъ письмѣ къ папѣ, также говоритъ, что онъ пріѣхалъ въ Краковъ по приглашенію короля польскаго. Польскій оригиналъ этого письма напечатанъ Пирлингомъ и приведенъ въ «Русской Старинѣ» въ статьѣ В. А. Вильбасова. См. «Рус. Ст.» 1898 г. май.

Съ этого момента, предпріятіе Самозванца, которое было до тѣхъ поръ лишъ смѣлымъ замысломъ враждебной Борису партіи московскихъ бояръ и ихъ единомышленниковъ въ Польшѣ, вступаетъ на совершенно иной путь—на широкую арену событій первостепенной европейской важности.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу.

(1806—1826).

Въ 1836 году Александръ Ивановичъ Тургеневъ, одинъ изъ самыхъ преданныхъ и искреннихъ друзей Карамзина, задумалъ выпустить въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ собраніе писемъ и записокъ къ нему покойнаго исторіографа. Мысль эта, высказанная Тургеневымъ въ письмѣ его (не напечатанномъ) къ князю Петру Андреевичу Вяземскому отъ 26-го октября 1836 г., была поддержана Жуковскимъ, но не была одобрена Софьей Николаевной Карамзиной, успѣвшей склонять на свою сторону и мать, которая въ началѣ сочувственно отнеслась къ предпріятію Тургенева. Между тѣмъ Тургеневъ, не ожидая серьезныхъ препятствій отъ Карамзиныхъ, приготовилъ къ печати свой сборникъ и, поручивъ Борису Михайловичу Фодорову представить его въ петербургскій цензурный комитетъ, уѣхалъ за границу. Но въ цензурномъ яѣдомствѣ осуществленіе предпріятія Тургенева встрѣтило большія затрудненія, что видно изъ дѣла, возникшаго по этому поводу и хранящагося въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія подъ № 148030.

Цензоръ П. И. Гаевскій, на рассмотрѣніе котораго поступило «Собраніе писемъ Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу»,—такъ называлась представленная рукопись, — не желая принимать на себя отвѣтственности, донесъ цензурному комитету, что нѣкоторыя письма и статьи, по важности своей, подлежатъ разрѣшенію главнаго управленія цензуры, а другія—рассмотрѣнію комитета. Къ первому разряду Гаевскій отнесъ слѣдующія мѣста:

1) Часть письма отъ 14-го января 1809 г., гдѣ говорится о пере-
мѣнѣ начальника комиссіи составленія законовъ.

2) Выноску о Новиковѣ въ письмѣ отъ 9-го сентября 1815 г. ⁴⁾

3) Письма отъ 18-го, 22-го, 23-го, 25-го мая и отъ 3-го августа 1824 г.

4) Письма къ Николаю Николаевичу Новосильцову отъ 3-го мая
1808 г. и отъ 23-го августа 1809 г. ²⁾

5) Письмо (апрѣль 1819 г.) на высочайшее имя отъ отца о сынѣ ³⁾.

6) Письмо къ императрицѣ Маріи Фёдоровнѣ ⁴⁾.

7) Записка отъ 14-го октября 1816 г. о печатаніи «Исторіи» безъ
цензуры ⁵⁾.

8) Записка о Н. И. Новиковѣ ⁶⁾.

9) Письмо къ князю Александру Николаевичу Голицыну отъ 11-го
апрѣля 1820 г. ⁷⁾

На разрѣшеніе цензурнаго комитета Гаевскій представлялъ слѣ-
дующее:

1) Въ письмѣ отъ 3-го іюня 1806 г., гдѣ сказано: «Наши лѣто-
писцы не говорятъ, чтобы Димитрій былъ именно орудіемъ іезуитовъ»;
не должно ли прибавить: же-Димитрій?

2) Въ письмѣ отъ 3-го сентября 1803 г. выноску о знакомствѣ Ка-
рамзина съ Н. И. Новиковымъ.

3) Въ письмѣ отъ 23-го августа 1809 г. выноску объ Энгелѣ.

4) Въ письмѣ отъ 21-го апрѣля 1811 г. невыгодный отзывъ объ
Историческомъ обществѣ.

5) Письмо отъ 1-го февраля 1812 г.

6) Въ письмѣ отъ 27-го іюня 1814 г. сравненіе Блудова съ Риваро-
лемъ, а Батюшкова съ Шарни.

7) Изъ письма отъ 17-го ноября 1815 г.: «Быть статсъ-секретаремъ,
министромъ или авторомъ, ученымъ—все одно.»

8) Изъ письма отъ 30-го марта 1816 г. объ Арзамасскомъ литера-
турномъ обществѣ.

¹⁾ Очевидно, рѣчь идетъ о какомъ-то примѣчаніи Тургенева.

²⁾ Первое письмо напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1847 г., ч. I, стр. 139—
140; второе—въ книгѣ Погодина: „Н. М. Карамзинъ“, ч. II, стр. 50—51.

³⁾ Напечатано въ книгѣ „Неизданныя сочиненія и переписка Н. М. Ка-
рамзина“, ч. I. С.-Пб. 1862, стр. 227—228.

⁴⁾ Не письмо, а записка, внесенная Карамзинымъ въ одинъ изъ Павлов-
скихъ альбомовъ (см. ниже, въ „возраженіяхъ“ Тургенева).

⁵⁾ Печатается съ копій, писанной Тургеневымъ и хранившейся въ
его архивѣ. См. Приложеніе I.

⁶⁾ Напечатана въ книгѣ „Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина“
стр. 223—226.

⁷⁾ Напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1869 г., стр. 618—619.

9) Въ письмѣ отъ 18-го декабря 1825 г. похвала государю-императору.

10) Въ запискѣ 1826 г. выраженіе: «Вы живете Богъ знаетъ гдѣ, подъ землею».

11) Письмо къ А. П. Протасову отъ 27-го марта 1810 г. ¹⁾

12) Статьи о сельскомъ домикѣ въ Павловскѣ ²⁾.

13) Копія записки преосвященнаго Филарета къ князю А. Н. Голицыну ³⁾.

14) Письмо къ А. С. Шишкову о Федоровѣ и Сербиновичѣ ⁴⁾.

15) Нѣкоторыя мысли Карамзина ⁵⁾.

Цензурный комитетъ представленнаго на его заключеніе мѣста призналъ дозволительными, за исключеніемъ 4-го, 5-го, 9-го, 12-го и 13-го, которыя 29-го мая 1837 г. рѣшили присоединить къ числу подлежащихъ разсмотрѣнію главнаго управленія цензуры. Последнее же, въ лицѣ С. С. Уварова, признало не своевременнымъ печатаніе рукописи Тургенева, который, живя въ Парижѣ, не переставалъ интересоваться судьбою предпринятаго имъ изданія, и въ письмѣ къ К. С. Сербиновичу отъ ²/₁₇-го октября 1837 г. спрашивалъ: «Что дѣлаетъ Борисъ Михайловичъ? Что дѣлаютъ и мои Карамзинскія письма? Все ли вы, въ союзѣ съ Екатериной Андреевной и съ Софьей Николаевной, возстаеете противъ напечатанія оныхъ? Все ли Уваровъ думаетъ, что рано еще для Россіи печатать письма Карамзина и давно пора бытъ ему тушальникомъ-министромъ?» («Русская Старина» 1881 г., т. XXXII, стр. 338).

Извѣстіе о недопущеніи сборника Тургенева въ печать дошло до него только въ 1838 году, что видно изъ слѣдующаго отношенія князя А. Н. Голицына къ С. С. Уварову: «Милостивый государь Сергій Семеновичъ! Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ, вслѣдствіе представленнаго имъ въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ въ рукописи собранія писемъ и записокъ покойнаго исторіографа Карамзина въ предположеніи напечатать ихъ съ богоугодною цѣлью, получилъ нынѣ въ Парижѣ слѣдующую выписку изъ журнала сего комитета: «Два обстоятельства обратили на себя особенное вниманіе главнаго управленія цензуры: одну часть вышеозначенной рукописи со-

¹⁾ Печатается нами съ копій, снятой Тургеневымъ и хранившейся въ его архивѣ. См. Приложение II.

²⁾ Напечатаны въ книгѣ „Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина“, стр. 185—186.

³⁾ Въ печати не появлялась.

⁴⁾ Напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., т. XI, стр. 70—71.

⁵⁾ Напечатано въ книгѣ „Неизданныя сочиненія и переписка Карамзина“, стр. 183—204.

ставляютъ письма и записки, которыя либо были писаны къ особамъ императорскаго дома, либо относятся къ нимъ, либо, наконецъ, касаются до вѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ. Главное управленіе цензуры признаетъ себя не въ правѣ разрѣшить само собою обнародованіе бумагъ этого рода; не считаетъ также удобнымъ испрашивать по сему предмету высчайшаго повелѣнія. Письма и статьи, которыя составляютъ остальную часть рукописи, относятся до многихъ современныхъ намъ лицъ, либо въ недавнее только время скончавшихся, либо еще живущихъ. Напечатаніе этихъ писемъ открыло бы путь въ нашей словесности современнымъ запискамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ неизбѣжному нарушенію параграфа 3-го статьи 4-й Устава о цензурѣ.

«Хотя литературная знаменитость исторіографа заставляетъ желать, чтобы всѣ оставшіяся послѣ него и еще не изданныя прозведенія его сохранены были для отечественной словесности, но обнародованіе теперь уже вышеозначеннаго собранія писемъ Н. М. Карамзина главное управленіе цензуры признаетъ преждевременнымъ и потому полагаетъ, что не слѣдуетъ дозволить его печатать.

«На такое положеніе цензурнаго комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ представилъ слѣдующія возраженія: письма и записки къ особамъ императорской фамиліи, по мнѣнію цензуры, составляютъ одну часть сего собранія, предположеннаго къ изданію, тогда какъ таковыхъ всего только одно письмо и одна записка, и то не къ особѣ императорской фамиліи, а написанная Карамзинымъ въ альбомѣ Павловска—дань сердечная въ честь незабвенной августѣйшей хозяйки онаго. Сію записку, безъ сомнѣнія, публика читала или читать могла. Цензурѣ слѣдовало бы только исключить сію записку, если признаетъ ее преждевременною, а не запрещать публикаціи всего собранія. Остальная часть рукописи, какъ называетъ ее цензурный комитетъ, состоитъ изъ писемъ Карамзина къ Тургеневу. Въ сихъ письмахъ онъ говорилъ о книгахъ и рукописяхъ, до російской исторіи относящихся, сообщалъ мысли свои объ авторахъ и ихъ твореніяхъ, изъяснялъ вѣкоторые пункты російской исторіи, иногда же изливалъ чувства свои съ свойственнымъ ему добродушіемъ и талантомъ великаго писателя какъ въ отношеніи служебныхъ обстоятельствъ Тургенева, такъ и другихъ личныхъ его дѣлъ; но все это (онъ повторяетъ) было имъ предварительно представлено чрезъ графа Бенкендорфа государю императору, и не найдено его величествомъ ни преждевременнымъ, ни неумѣстнымъ. Въ заключеніе Тургеневъ говорить, что вѣроятно цензура называетъ дѣломъ государственнымъ записку о Новиковѣ. Въ ней упоминается о его заслугахъ въ отношеніи къ литературѣ и нравственности, о бѣдности его семейства и о дѣлѣ, которое имѣло въ концѣ царствованія императрицы

Екатерины II влияние на всю судьбу его. Карамзинъ говоритъ въ сей запискѣ, что Новиковъ былъ жертвою подозрѣнія извинительнаго, но несправедливаго. Въ дѣлахъ давно минувшихъ лѣтъ не возвращается находить извинительныхъ ошибокъ, а это дѣло покрыто уже полустолѣтнемъ и славой Екатерины.

«Все вышеназванное, по просьбѣ г. Тургенева, было представлено мною къ возвращенію государя императора. Его величеству благоугодно было повелѣть мнѣ таковыя доводы и объясненія его передать на разсмотрѣніе вашего превосходительства.

«Сообщая сію монаршую волю вамъ, милостивый государь, покорнѣйше прошу васъ объ исполненіи оной съ вашей стороны не оставить меня увѣдомленіемъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Александръ Голицынъ».

С.-Петербургъ. 23-го марта 1838 г. № 108.

Разсмотрѣвъ доводы и объясненія Тургенева, Уваровъ, 27-го марта представилъ императору докладную записку слѣдующаго содержанія: «По высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Голицынъ передалъ на мое разсмотрѣніе доводы и объясненія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева противъ рѣшенія главнаго управленія цензуры о собраніи писемъ и записокъ покойнаго исторіографа Карамзина. Сообразивъ эти объясненія съ сущностью дѣла, я не могу признать, чтобы доводы Тургенева ослабляли основательность заключенія, которое главное управленіе цензуры сдѣлало по внимательномъ разсмотрѣніи рукописи, представленной Тургеньевымъ въ цензурный комитетъ, и по зрѣломъ обсужденіи всего въ ней содержавшагоса. Оно находило, что еще не время обнародовать мысли, которыя покойный исторіографъ съ откровенностію дружеской переписки изъяснялъ о разныхъ предметахъ, не подлежащихъ общему свѣдѣнію, каковы служебныя обстоятельства Тургенева и другія личныя его дѣла. Соглашаясь съ этимъ заключеніемъ я думаю, что нельзя позволить издать въ свѣтъ письма Карамзина по частнымъ обстоятельствамъ къ лицамъ или о лицахъ, которыя занимаютъ нынѣ важныя государственныя должности, какъ, напримѣръ, графъ Новосильцовъ, князь Голицынъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сперанскій, адмиралъ Шашковъ и другія.

«Въ объясненіяхъ своихъ Тургеневъ изъясняетъ, что все это было имъ предварительно представлено вашему императорскому величеству чрезъ графа Бенкендорфа и не найдено вашимъ величествомъ ни преждевременнымъ, ни неумѣстнымъ. Объ этой высочайшей резолюціи цензурному вѣдомству не было объявлено.

«Притомъ же, мнѣ частнымъ образомъ извѣстно, что и само семейство покойнаго исторіографа не желаетъ обнародованія его писемъ и записокъ, считая неудобнымъ сообщеніе ихъ во всеобщее свѣдѣніе».

Съ доводами Уварова императоръ Николай въполнѣ согласился. 29-го марта 1838 г. Уваровъ писалъ Голицыну: «Милостивый государь князь Александръ Николаевичъ! Въ исполненіе высочайшей воли, объявленной мнѣ отношеніемъ вашего сіятельства отъ 23-го марта, № 108, по дѣлу о напечатаніи писемъ и записокъ покойнаго Карамзина, я имѣлъ счастье представлять государю императору какъ о причинахъ, побудившихъ главное управленіе цензуры не соглашаться на напечатаніе этой рукописи, такъ и о замѣчаніяхъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева противъ замѣчаній цензуры.

«Его императорское величество, по разсмотрѣніи сего дѣла, дозволилъ найти замѣчанія главнаго управленія цензуры справедливыми. Что касается до объясненія г. Тургенева, что все это было представлено чрезъ графа Бенкендорфа государю императору и не найдено его величествомъ ни преждевременнымъ, ни неумѣстнымъ, то государь императоръ изволилъ отозваться, что не знаетъ, на чемъ г. Тургеневъ основываетъ это утверженіе, ибо его величество не читалъ и даже не видалъ этой рукописи и потому никакого сужденія произносить не могъ».

По смерти А. И. Тургенева, скончавшагося въ Москвѣ 3-го декабря 1845 г., Погодинъ воспользовался частью Тургеневскаго сборника, которую и напечаталъ въ своемъ «Москвитянинѣ» 1855 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ писемъ и къ другимъ лицамъ и нѣкоторыхъ неизданныхъ статей и записокъ, относящихся къ поясненію «Исторіи государства російскаго» или къ біографіи исторіографа».

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу съ 3-го іюня 1806 по 1826 годъ. XXXVII писемъ.

II. Указатель статей въ сборникѣ: „Извлеченіе изъ бібліотеки Ватиканской“, съ примѣчаніями исторіографа. ¹⁾

III. Нѣсколько писемъ и записокъ Карамзина къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ. Нѣкоторыя не издавныя статьи Карамзина, собранныя А. И. Тургеневымъ.

Письмамъ Карамзина, напечатаннымъ въ «Москвитянинѣ», была предпослана слѣдующая замѣтка Погодина: «Копія сихъ писемъ съ экзем-

¹⁾ Печатается нами съ автографа, хранившагося въ Тургеневскомъ архивѣ. См. Приложение III.

шляра, процензурованнаго и приготовленнаго къ печати, я получилъ отъ покойнаго А. И. Тургенева. Впослѣдствіи самый этотъ экземпляръ получилъ я для напечатанія отъ Александра Михайловича Языкова».

Изъ трехъ частей, отмѣченныхъ въ оглавленіи Тургеневскаго сборника, Погоднымъ начата только первая, заключающая въ себѣ не 37, а 52 письма, но съ пропусками, искажающими иногда смыслъ написаннаго, безъ соблюденія хронологическаго порядка, съ неточностями и ошибками, зависѣвшими не столько отъ типографіи, сколько отъ самого редактора.

Печатаемая теперь въ «Русской Старинѣ» письма Карамзина къ Тургеневу являются проверенными и дополненными по подлинникамъ, хранящимся въ Парижѣ, въ семейномъ архивѣ Тургеневыхъ. Подлинники эти обязательно сообщены Петромъ Николаевичемъ Тургеневымъ, роднымъ племянникомъ Александра Ивановича, сыномъ его знаменитаго брата. Къ сожалѣнію, письма, напечатанныя подъ номерами: 20, 44, 58, 59, 60, остались не проверенными по подлинникамъ, которыхъ не оказалось въ Тургеневскомъ архивѣ, но зато нашлись въ немъ новыя письма Карамзина къ А. И. Тургеневу, которыя и включены въ соответствующія мѣста Тургеневскаго сборника.

Изъ примѣчаній, которыми сопровождалась письма Карамзина къ Тургеневу, напечатанныя въ «Москвитянинѣ», удержаны только принадлежащія самому Тургеневу. Они обозначены его инициалами.

В. Сантовъ.

I.

[Мартъ-апрѣль 1806 г. Москва].

Съ великою благодарностью возвращаю вамъ книги, любезный Александръ Ивановичъ. Нѣтъ ли еще у васъ «Abhandlungen der Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften» на 1785 годъ?¹⁾ Я немедленно возвратилъ бы этотъ нужный для меня томъ. Каковъ батюшка?²⁾ Всѣмъ вашимъ мое почтеніе.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 23, 24, стр. 186.

¹⁾ О доставленіи этого изданія Тургеневъ просилъ и Михаила Никитича Муравьева въ письмѣ къ нему изъ Москвы отъ 6-го марта 1806 года г. («Москвитянинъ» 1845 г., кн. I, стр. 13).

²⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ находился тогда въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 28-го февраля 1807 г. Похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ.

2.

3-го іюня 1806 г. Москва.

Любезный Александръ Ивановичъ! Сердечно благодарю васъ за дружеское письмо и пропустилъ вѣсколько почтъ единственно оттого, что былъ въ деревнѣ. О древнемъ Евангеліи я уже зналъ и на сей почтъ пишу къ А. Н. Оленину¹⁾, прося у него маленькой изъ него выписки. Это—самое древнѣйшее; мое—новѣе 88-ю годами; но знаете ли, что у насъ въ Россіи есть надпись 996 году? Я скоро получу ее или самъ спешу, когда буду въ Кіевѣ²⁾. Остромиръ извѣстенъ намъ по Несторовой лѣтописи и Патерику³⁾. Я нашелъ еще довольно любопытныхъ вещей, напримѣръ: Путешествіе къ св. мѣстамъ одного современника Несторова, лично знакомаго съ Іерусалимскимъ королемъ Балдуиномъ или Бодуэномъ⁴⁾; я напечатаю его въ прибавленіяхъ къ Исторіи. Много, много теперь у меня хорошаго; дастъ ли Богъ только всѣмъ воспользоваться и кончить дѣло!—Я смѣялся, читая въ вашемъ письмѣ о египетскомъ жрецѣ и Блеровыхъ Таблицахъ⁵⁾. Святая Русь! чего у насъ не говорятъ и не пишутъ!

Я недавно сражался на бумагѣ съ Добнеромъ⁶⁾. Какими пустыми доводами хотѣлъ онъ утвердить древность буквъ глагольскихихъ!

Наши лѣтописцы не говорятъ, чтобы Дмитрій былъ именно орудіемъ іезуитовъ, но всѣ обвиняютъ его въ привязанности къ религіи католической. Мнѣнія польскихъ писателей были различны. Нѣкоторые считали Дмитрія побочнымъ сыномъ короля Баттора.

Дружески обнимаю васъ. Князь⁷⁾ и жена моя желаютъ вамъ всего добраго. Вы повѣрите, что я беру искреннее участіе во всемъ для васъ пріятномъ. Будьте здоровы, счастливы и любите вашего покорнѣйшаго слугу Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1854 г., кн. 1, № 1, стр. 79—80, безъ даты.

¹⁾ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ (род. въ 1763 г., ум. въ 1843), извѣстный любитель художествъ и знатокъ древностей, былъ въ то время товарищемъ министра удѣловъ.

²⁾ Подъ надписью Карамзинъ разумѣетъ буквы, сохранившіяся на стѣнѣ Десятинной церкви Рождества Богородицы въ Кіевѣ. Снимокъ съ нихъ находится въ IX-й главѣ I-го тома Исторіи Карамзина, изд. Эйнерлинга.

³⁾ Я увѣдомлялъ Карамзина, вѣроятно, о древней славянской рукописи Евангелія, хранившагося въ Библіотекѣ, и объ Остромировской рукописи, нынѣ изданной Востоковымъ. А. Т.

⁴⁾ Хожденіе Давидла-пугмена, отрывки изъ котораго помѣщены въ примѣчаніяхъ къ VI-й главѣ II-го тома „Исторіи“.

⁵⁾ Хронологическія таблицы Джона Блера были изданы въ Лондонѣ въ 1790 году. Русскій переводъ ихъ кн. И. А. Голицына вышелъ въ Москвѣ въ 1808—1809 гг.

⁴) Добнеръ—богемскій историкъ и филологъ. А. Т.—Геласій Добнеръ (род. въ 1719 г., ум. въ 1790) оставилъ множество историческихъ и филологическихъ сочиненій.

⁷) Андрей Ивановичъ Вяземскій.

3.

3-го сентября 1808 г. Село Остафьево.

Сердечно благодарю васъ, любезный Александръ Ивановичъ, и за дружеское письмо, и за книги, которыя возвращу въ цѣлости. Искренно любявъ почтеннаго Ивана Петровича ¹) и зная цѣну собственныхъ вашихъ достоинствъ, прошу вѣрить моей нелицемѣрной къ вамъ привязанности, основанной отчасти и на сходствѣ нашихъ вкусовъ: мы оба любимъ отечество и его славу. Не сомнѣваюсь, что вы съ ревностью благородной души посвятите вашу жизнь этому важному предмету. Дай Богъ вамъ всего добраго!

Хорошо, если бы вы могли достать диссертациі Ходкевича: онѣ непременно должны быть въ Залуцкой библиотекѣ²). Скажите, когда найдете эту книгу. Если нельзя будетъ прислать ее ко мнѣ, то можно хотя списать, а за трудъ писцу я заплачу съ радостію. Что касается до рукописи профессора Лоди, то она доставлена ему Николаемъ Назарьевичемъ Муравьевымъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе гг. Кругу и Лербергу. Очень буду радъ, если увижу перваго. О какихъ именно трактатахъ онъ желаетъ имѣть свидѣніе? ³)

Всѣ наши вамъ дружески кланяются. Думаю, что мрачная осень скоро выгонитъ насъ изъ деревни, а мнѣ хотѣлось было дойти здѣсь до времени Донского.

Въ первомъ засѣданіи Историческаго общества гг. Кругъ, Лербергъ и А. И. Тургеневъ будутъ, какъ надѣюсь, его членами. Честь не велика; но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Нельзя ли намъ заранѣе увидѣть сочиненныхъ ими диссертациій о Саркелѣ и прочее?⁴)

Обнимите за меня Ивана Ивановича⁵), а между тѣмъ обнимаю мысленно васъ. Любите и не забывайте преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 81—83.

¹) Отца моего, въ сіе время умершаго, съ конемъ Карамзинъ находился въ дружеской связи съ самой первой его молодости. Я горжусь тѣмъ, что отецъ мой едва ли не первый открылъ Карамзина въ Симбирскѣ и увлекъ его съ собою въ Москву, въ тогдашній кругъ друзей... И. И. Дмитріевъ, землякъ и другъ Карамзина, описавъ первую молодость и образъ жизни его въ Симбирскѣ, упоминаетъ о семъ первомъ знакомствѣ отца моего съ Карамзинымъ въ своей еще не изданной автобіографіи слѣдующимъ образомъ: „Но

разсѣянная свѣтская жизнь его не долго продолжалась. Землякъ же нашъ, покойный И. П. Тургеневъ, уговорилъ молодого Карамзина ѣхать съ нимъ въ Москву Тамъ онъ познакомилъ его съ Н. И. Новиковымъ, основателемъ или, по крайней мѣрѣ, главною пружиной Общества дружескаго типографическаго“.

И. И. Дмитриевъ позволилъ намъ украсить сими строками это собраніе писемъ и записокъ друга его. А. Т.

¹⁾ Сии диссертациі были отысканы и доставлены Карамзину. Рукопись Лоди содержитъ, кажется, исторію Львова (Лемберга), которою прежде я есужалъ историографа. А. Т.—Подъ „диссертациями“ разумѣется слѣдующее сочиненіе Клементія Ходжевича (а не Ходжевича): „Dissertationes historico-criticae de utroque archiepiscopatu metropolitano Kijoviensi et Haliciensi“. S. I. 1770. 4°.—Библиотека, основанная братьями Залускими въ Варшавѣ, въ 1795 г. была перевезена въ Петербургъ и вошла въ составъ книгъ Императорской публичной библиотеки.—Петръ Дмитриевичъ Лодій (род. въ 1764 г. ум. въ 1829 г.) былъ профессоромъ философіи сперва въ Львовскомъ, а потомъ въ Краковскомъ университетѣ. Въ 1803 г. былъ вызванъ въ Россію и читалъ философію и юриспруденцію въ Педагогическомъ институтѣ и въ Петербургскомъ университетѣ. Послѣ него, кромѣ печатныхъ трудовъ, осталось много сочиненій въ рукописяхъ

Н. Н. Муравьевъ (род. въ 1775 г. ум. въ 1845 г.), воспитанникъ Горнаго корпуса, служившій старшимъ письмоводителемъ при М. Н. Муравьевѣ въ бытность послѣдняго попечителемъ Московскаго университета, а впоследствии статсъ-секретарь, сенаторъ и управляющій собственною его величества канцеляріей, принадлежалъ къ числу плодовитыхъ, но бездарныхъ писателей. Самъ онъ былъ высокаго мѣнѣя о своихъ дарованіяхъ и признавалъ за собою важныя заслуги, оказанныя русскому просвѣщенію во „всѣхъ вѣтвяхъ человѣческихъ знаній“. И дѣйствительно, 14 томовъ его негнѣныхъ сочиненій, издаваемыхъ въ Петербургѣ въ 1828—1851 гг., кромѣ литературнаго отдѣла, заключаютъ въ себѣ статьи по философіи, исторіи, археологіи, правовѣдѣнію, политической экономіи, промышленности, торговлѣ, естествознанію, астрономіи, физикѣ, живописи. Этого самородокъ-эциклопедистъ, возвѣщавшій въ своихъ сочиненіяхъ „то, чего нигдѣ индѣ и нигдѣ другимъ не постигнуто и не говорено“, оставилъ слѣдующую любопытную характеристику Карамзина, какъ историка: „Г. Карамзинъ нашъ, наглядѣвшись иноземщины, вадивившись чужестранному, не одаренный особеннымъ гевіемъ ума, но обладавшій гевіемъ пѣсни, краснословія, пустился по слѣдамъ славы Гюма и особенно Гиббона, уже состарѣвшагося... Г. Карамзинъ передъ монми глазами, такъ сказать, сдѣлалъ начало своей Исторіи, которую онъ обѣщалъ, и которую отъ него ожидали потому, что русскій слогъ его писаній выходилъ пріятнымъ, намѣренія его любезными, добрыми. Онъ изъ журналиста, переводчика, легкаго стихотворца сталъ вдругъ историкомъ, для котораго у него не доставало надлежащей мѣры: и просвѣщенія, и хладнокровія, и вникательности, и знаній, и государственности, и любви различать истину отъ небылицы, и безпристрастія, и мѣткаго сужденія, и твердости, и возвышенія правды. Судя по содержанію его введенія въ его Исторіи, должно полагать, что онъ, приступая писать ее, за это и не брался: было бы только красно и пріятно“ (Нѣкоторыя изъ забавъ моего отдохновенія, ч. X, стр. 66).

²⁾ Сии слова относятся къ историческому запросу Круга, сдѣланному

через меня Карамзину о древнихъ трактатахъ Россіи съ Царегородомъ. А. Т.— Югачиъ-Филиппъ Кругъ (род. въ 1764 г., ум. въ 1844 г.) и его другъ Ааровъ Христіанъ Лербергъ (род. въ 1770 г., ум. въ 1813 г.) были уже членами Петербургской академіи наукъ и занимались древнею русскою исторіею, археологіей, нумизматикой, генеалогіей и древнею географіей.

*) Доставлены. А. Т.

*) Дмитріева. А. Т.

4.

26-го сентября 1808 г. Село Остафьево.

Ваши дружескія письма могутъ быть для меня только весьма пріятны, любезный Александръ Ивановичъ. Я скупъ на время не для всѣхъ и всегда радъ, чтобы вы давали мнѣ случай повторять, сколь уважаю и люблю васъ искренно.

Очень, очень благодарю васъ за обѣщаніе доставить мнѣ Шлёцера, копію манускрипта Львовскаго и диссертациі почтеннаго Лерберга: ожидаю ихъ съ нетерпѣніемъ. Диссертацию о Саркелѣ могъ бы я прочитать и безъ карты: умѣю вообразить мѣста и надѣюсь, что пойму автора безъ дальнихъ толкованій. Догадываюсь, что г. Лербергъ писалъ о внукахъ Мономаховыхъ, двухъ Владимірахъ ¹⁾. Въ хорошихъ лѣтописяхъ они различены. Тотъ и другой княжилъ въ Волини. Извѣстенъ ли автору внукъ сего Владиміра Мстиславича, о коемъ столь много говорится въ «Львовской хроникѣ»? ²⁾

Книгу Ходыкевича, по вашему письму, я досталъ и весьма радъ: она была мнѣ очень нужна. «Historia belli Cosacco-Polonici» ³⁾ у меня есть.

Желалъ бы и я взглянуть на «Исторію» Фоксову ⁴⁾: вѣроятно, что получимъ ее.

Мы все еще въ деревнѣ, и подъ конецъ здоровье мое стало худо, однако-жъ не отъ погоды. Въ октябрѣ переѣдемъ въ городъ.

Скажите отъ меня привѣтливое слово г. Орлаю ⁵⁾. Желаю узнать его лично, какъ достойнаго человѣка.

Простите, любезный мой Александръ Ивановичъ! Всѣ наши вамъ дружески кланяются. Любите меня и будьте увѣрены въ моей искренней любви. Преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Великій мужъ Батонди ⁶⁾ непрестанно ожидаетъ теперь курьера изъ Петербурга и десять разъ въ день спрашиваетъ у меня: «Кто древнѣе, египтяне или китайцы?» Объ васъ говоритъ съ особеннымъ почтеніемъ.

Напечатано въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 83—84.

¹⁾ Сія критическая диссертациія г. Лерберга, адъюнкта Академіи наукъ,

слишкомъ рано для древней исторіи и географіи россійской умершаго, также была доставлена мною Карамзину въ рукописи. А. Т.

¹) „Дивовская Хроника“ Генриха Лагыша была впервые издана на латинскомъ языкѣ Іоанномъ-Данииломъ Груберомъ во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ въ 1740 г.

²) Это сочиненіе принадлежитъ Самуилу Грондскому и издано въ 1789 г.

³) Фокса, англійскаго министра-оратора. Ранняя смерть помѣшала ему кончить твореніе его объ отечественной исторіи, изданное въ отрывкѣ подъ названіемъ: „A History of the early part of the reign of James II“. London. 1808. 4°. Я посылалъ Карамзину сію „Исторію“, какъ одно изъ превосходныхъ сочиненій сего рода, гдѣ историкъ побѣждаетъ иногда оратора. А. Т.

Карлъ-Іаковъ Фоксъ, политическій врагъ знаменитаго Вильяма Питта, родился въ 1748 году, умеръ въ 1806.

⁴) Докторъ Орлай предлагалъ Карамзину также нѣкоторыя книги, до карпато-русской исторіи относящіяся. А. Т.

Иванъ Семеновичъ Орлай (род. въ 1771 г., умеръ въ 1829 г.), родомъ карпато-россъ, находившійся въ Россіи съ 1791 года, былъ гофъ-хирургомъ (1800 г.), ученымъ секретаремъ Медико-хирургической академіи (1803 г.), директоромъ Лицея князя Везбородко (1821 г.) и Ршелевскаго лицея (1826 г.). Кромѣ специальныхъ сочиненій, изъ которыхъ многія остались въ рукописяхъ, Орлаю принадлежатъ „Краткая исторія о карпато-россахъ“, напечатанная въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ 1804 г. На нее ссылается Карамзинъ въ первомъ томѣ своей „Исторіи“.

⁵) Батонди—италиянецъ и домашній поэтъ, жившій въ домѣ князя Вяземскаго А. Т.

Роговъ Батонди, шестидесятилѣтій старикъ, поселившійся въ домѣ Вяземскихъ незадолго до смерти князя Андрея Ивановича, умершаго въ 1807 г., „былъ чудакъ и существо не равгаданное. Никто изъ насъ не могъ провѣдать о происхожденіи и прежней жизни его. Исключая эпохи 1793 года, которую, вѣроятно, зналъ онъ на дѣлѣ и по опыту, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о природѣ, ни о мирѣ, его окружающемъ. Между тѣмъ, онъ вовсе былъ не глупъ и даже имѣлъ нѣкоторую проныцательность и оригинальность въ понятіяхъ и въ способѣ ихъ выраженія. Онъ обыкновенно предъ собравшимися гостями начиналъ читать собственныя философскія, а иногда о современной политикѣ разсужденія, набросанныя на доскутѣ бумаги. Чтѣ была за философій, что за изложеніе, что за слогъ, о томъ говорить нечего. Но все было оригинально, часто пелѣно и всегда забавно Карамзинъ вообще не былъ хотливъ, но нерѣдко и онъ заливался веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ при выходкахъ его изустнаго и письменнаго витійства“ (Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 107—109). Батонди умеръ въ Остафьевѣ въ концѣ 1812 г. („Русскій Архивъ“ 1866 г., ст. 234)

5.

3-го декабря 1803 г. Москва.

Любезный Александръ Ивановичъ! Историческое общество въ первое свое собраніе выбрало въ члены васъ, гг. Круга и Лерберга, о чемъ прошу сказать имъ при случаѣ. «Несторъ» печатается, и мы понукаемъ издателей ¹).

Здоровы ли вы? Съ великою благодарностью возвращаю вамъ Шлёцера и Гоппе ¹⁾, но Энгеля еще оставилъ у себя съ вашего дозволенія. Вы обѣщали мнѣ «Троякій Львовъ» Зиморовича на нѣсколько дней ²⁾.

Простите и будьте во всѣхъ смыслахъ благополучны. Преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1. стр. 84—85.

¹⁾ Общество исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ, основанное въ 1804 г. по мысли знаменитаго Шлёцера, немедленно приступило къ критическому изданію русской лѣтописи по древнѣйшему, Лаврентьевскому списку, принадлежавшему графу А. И. Мусину-Пушкину. Редакція была поручена профессору Х. А. Чеботареву, которому помогалъ профессоръ Н. Е. Черепановъ. Но изданіе это не состоялось, хотя и было уже отпечатано десять листовъ текста.

²⁾ Гоппе—писатель о ливонской исторіи. А. Т.

³⁾ Сія книга была препровождена Николаю Михайловичу въ свое время. А. Т.

Львовскій бургомистръ Іосифъ-Вареломей Зиморовичъ (род. въ 1597 г., ум. въ 1682 г.) въ 1672 году написалъ изслѣдованіе „Triplex Leopolia“, оставшееся не напечатаннымъ. У Карамзина находился не подлинникъ, хранившійся во Львовѣ, а списокъ, принадлежавшій П. Д. Лодію.

6.

14-го января 1809 г. Москва.

Здравствуйте, любезный Александръ Ивановичъ! Извините, что отѣчаю поздно на ваше дружеское письмо.

Сердечно радуюсь, что перемѣна начальства въ вашей Комиссіи ¹⁾ не имѣла для васъ никакихъ вредныхъ слѣдствій; съ другой стороны ихъ и не должно было опасаться: у насъ не такъ много людей знающихъ и способныхъ. Трудитесь! Предметъ важенъ. Вашъ новый начальникъ ²⁾ работаетъ ли самъ или только судить и поправляеть?

Сдѣлайте одолженіе, изъясните мое душевное почтеніе Н. Н. Новосильцову и благодарность за его обязательное воспоминаніе. Жалю сердечно, что я не могъ представить трудовъ моихъ на его судъ. Такъ и быть! Если загляну въ Петербургъ, то постучусь у его дверей ³⁾.

Дипломовъ не ожидайте скоро: Общество наше не богато деньгами, а пергаментъ дорогъ. Въмѣсто благодарныхъ писемъ, присылайте намъ диссертацию о Саркелѣ или о чемъ другомъ. Задача Кругова предложена по совѣту Шлёцера ⁴⁾. Сказано ли въ ней, какихъ происшествій и какой эпохи хронологію должно объяснить? Задача Лербергова входитъ въ планъ моей работы, также и первая. Но я отказываюсь отъ наградъ академическихъ, а другихъ охотниковъ вызывать готовъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю львовской рукописи. Нельзя ли попросить почтъ-директора, чтобы онъ велѣлъ ее принять на почтъ? Я съ радостью заплатилъ бы за вѣсъ ея по цѣнѣ писемъ.

Простите, любезный мой пріятель! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ наши вамъ кланяются. Любите преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 85—86.

¹⁾ 8-го августа 1808 года Сперанскій былъ назначенъ присутствующимъ въ совѣтъ комиссіи составленія законовъ, который до этого времени состоялъ только изъ министра юстиціи и его товарища. Тургеневъ же съ 1806 г. занималъ должность помощника референдарія 1-й экспедиціи этой комиссіи.

²⁾ М. М. Сперанскій. Отвѣтъ—въ семидесяти томахъ „Свода російскихъ законовъ“. А. Т.

³⁾ Карамзинъ, со смертью Миханла Никитича Муравьева (1807 г.) потерявшій „единственнаго своего покровителя при дворѣ“ и дѣятельнаго помощника въ своемъ трудѣ, въ лицѣ Н. Н. Новосильдова приобрѣлъ новаго посредника и помощника, который сообщалъ императору о ходѣ ученыхъ работъ исторіографа и снабжалъ его рукописями и печатными книгами, находившимися въ академической библиотекѣ (см. письма Карамзина къ Новосильцову въ „Москвитинѣ“ 1847 г., ч. I, стр. 139—140, и въ книгѣ М. П. Погодина: „Н. М. Карамзинъ“, ч. II, стр. 50—51).

⁴⁾ Бывшаго профессора въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, сына знаменитаго отца. А. Т.

Христіанъ Августовичъ Шлёцеръ (род. въ 1774 г., ум. въ 1831 г.) занималъ катедру политической экономіи съ 1801 по 1826 г. Кроме многихъ сочиненій по своей спеціальности, онъ издалъ книгу „О происхожденіи славянъ вообще и въ особенности славянъ російскихъ, или опытъ рѣшенія задачи относительно прогнанія славянъ съ береговъ Дуная волохами“. М. 1810. Это сочиненіе было написано на тему, предложенную въ 1806 г. Московскимъ университетомъ. За свое изслѣдованіе Шлёцеръ получилъ награду отъ университета (см. его „Объяснительныя примѣчанія“ къ „Началу російскаго государства“, тетрадь I. М. 1809, стр. 4).

7.

28-го февраля 1809 г. Москва.

Любезный Александръ Ивановичъ, здравствуйте! А я болѣе мѣсяца сижу дома и охаю отъ нездоровья. Сердечно благодарю васъ за доставленіе мнѣ львовской рукописи; возвращаю ее вамъ при первомъ случаѣ.

Извѣстіе Татищева, что Мономахъ выгналъ жидовъ ¹⁾, взято имъ изъ головы, а не изъ лѣтописей, которыя гораздо послѣ упоминаютъ о жидлахъ кievскихъ по случаю бывшаго тамъ пожара. Знаемъ и то, что во время ига татарскаго евреи брали въ Россіи на откупъ дань ханскую, а болѣе ничего не знаемъ.

«Эбна Гаукала» ¹⁾ не имѣю до сего времени, хотя уже давно объ немъ забочусь. И въ «Восточной Эрбелотовой библіотекѣ» ²⁾ найдете, что одинъ изъ государей Козарскихъ принялъ вѣру іудейскую. Думаю, что объясненіе на книги Моисеевы сочинено въ Галиціи, а не въ нынѣшней Россіи. Желалъ бы я взглянуть на книгу графа Чапкаго ³⁾ и крайне васъ благодарю за обѣщаніе доставить мнѣ «Путешествіе» Клапротова ⁴⁾ вмѣстѣ съ «Записками» нашей академіи. «Грамматика Фатеровой» ⁵⁾ еще не имѣю, но слышу, что онъ производитъ россіянъ отъ козаровъ. Читаю теперь Коцебу «Geschichte Preussens» ⁶⁾: есть нѣсколько весьма любопытныхъ для васъ страницъ. Дай Богъ, чтобы ваши законодательные труды были полезны для государства. О начальникѣ вашемъ слышу много хорошаго. Дѣлайте свое дѣло, любезный и почтенный пріятель, остальное зависить не отъ насъ. Простите, будьте здоровы и не забывайте преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Изъ «Путешествія» Карпинна ⁷⁾ извѣстно, что кавказскій народъ, именуемый *brutaques*, а въ нашихъ летописяхъ буртасы, держался вѣры іудейской. И нынѣ тамъ не мало жидовъ, а буртасы называются теперь буртанами.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 86—87.

¹⁾ Въ то время поручено мнѣ было писать о евреяхъ въ Россіи, кои хъ участь тогда занимала правительство. Я обратился съ запросомъ о нихъ къ Карамзину. Впослѣдствіи дѣла о евреяхъ вошли въ составъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, коего я былъ первымъ директоромъ. А. Т.

²⁾ Арабскаго писателя, въ которомъ находятся свѣдѣнія о древней Россіи и о евреяхъ. Я писалъ о немъ также Карамзину. А. Т.

³⁾ „Bibliothèque Orientale“ — извѣстный трудъ французскаго ориенталиста Barthélemy Herbelot (род. въ 1625 г., ум. въ 1695 г.), изданный въ Парижѣ послѣ его смерти въ 1697 году.

⁴⁾ „О евреяхъ“, особенно, а другая — „Объ исторіи польскаго законодательства“, на польскомъ языкѣ. А. Т.

Первая была напечатана въ Вильнѣ въ 1807 г., вторая — въ Варшавѣ въ 1800 году. Всѣ вообще труды гр. Фаддея Чапкаго (род. въ 1766 г., ум. въ 1813 г.) дають богатый матеріалъ для исторіи Литвы.

⁵⁾ Сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго ориенталиста Генриха-Юлія Клапрота (род. въ 1783 г., ум. въ 1835 г.): „Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808“ было напечатано въ двухъ томахъ въ Галле и Берлинѣ въ 1812—1814 гг.

⁶⁾ Нѣмецкій филологъ Іоганнъ-Северинъ Фатеръ (род. въ 1771 г., ум. въ 1826 г.) въ 1808 г. издалъ въ Лейпцигѣ „Praktische Grammatik der russischen Sprache“.

⁷⁾ Четырехтомная „Исторія Пруссіи“ была напечатана извѣстнымъ Августомъ Коцебу въ 1808—1809 гг.

⁸⁾ При изученіи „Путешествія“ Платона Карпинна въ Великую Монголію (1245 г.), Карамзинъ, какъ видно изъ его примѣчаній къ „Исторіи“, пользовался трудомъ Петра Бергерона „Traité des Tartares“, изданномъ въ XVII столѣтіи.

8.

23-го августа 1809 г. Москва.

Посылаю вамъ «Эльмакина» ¹⁾, любезный Александръ Ивановичъ. Князь Долгоруковъ ²⁾ прислалъ мнѣ его при учтивомъ письмѣ. Изъявивъ ему благодарность, я сказалъ въ отвѣтъ, что эта книга у меня есть.

Кромѣ обыкновенной моей работы, разныя хлопоты лишали меня удовольствія писать къ вамъ. Вы уже знаете, думаю, что мы отдали нашу бывшую княжну за князя Щербатова ³⁾. Это сдѣлало большую революцію въ нашей жизни: бывший открытый домъ обратился въ уединенный.

На сей же почтѣ пишу къ Н. Н. Новосильцову и прошу его о доставленіи мнѣ двухъ книгъ изъ академической бібліотеки.

Какую сдѣлалъ я находку: «Волинскую лѣтопись», полную, доведенную до 1297 г., богатую подробностями, вовсе неизвѣстную! Что скажетъ Энгель? ⁴⁾ Я не спалъ нѣсколько ночей отъ радости. Списокъ прекрасный, четвертаго-на-десять вѣка. Слогъ для знатоковъ любопытный. Однимъ словомъ, это—сокровище: Богъ послалъ мнѣ его съ неба.

Кланяюсь Кругу, Лербергу, почтеннымъ моимъ сотрудникамъ. Доставьте мнѣ ихъ диссертациі, какъ скоро можно, чѣмъ меня весьма одолжите ⁵⁾. А ргоро: гдѣ Лербергъ ищетъ Саркела? Я нашелъ его, кажется, не слѣдуя Деллиу и Баэру, а по русскимъ лѣтописямъ. Въ XIV вѣкѣ одинъ нашъ монахъ, думаю, видѣлъ развалины Серкеліа на Дону.

Сколько бы я могъ ваболтать и Лербергу, и Кругу! Пока еще сижу надъ своими манускриптами, какъ курица на яйцахъ.

Мысленно обнимаю васъ. Преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 80—81, при чемъ ошибочно отнесено къ 1807.

¹⁾ Эльмакинъ, или Альмакинъ, арабскій писатель въ самомъ началѣ XIV вѣка, иначе называемый Ибнъ-Эль-Амидъ. Я выписывалъ книгу его „Historia Sagasena“ для Карамзина изъ Голландіи. Въ 1807 году книга Эльмакина не была еще извѣстна въ Россіи. Академикъ Френъ упоминаетъ о ней не разъ въ книгѣ своей. Карамзинъ ссылается на нее пять разъ въ примѣчаніяхъ къ первому тому „Исторіи государства російскаго“. А. Т.

Георгій Эльмакинъ родился въ 1223 г., умеръ въ 1273 г., слѣдовательно, относится не къ XIV-му, а къ XIII-му вѣку. Неполюный переводъ его книги, сдѣланный Эрпеніусомъ, напечатанъ былъ въ Лейденѣ въ 1625 году.

²⁾ Юрій Владиміровичъ (род. въ 1740 г., ум. въ 1830 г.), бывший московскій генералъ-губернаторъ.

²) Княжна—Екатерина Андреевна Ваземская (ум. въ концѣ 1809 г.), сестра князя Петра Андреевича, весной 1809 г. вышедшая замужъ за князя Алексѣя Григорьевича Щербатова.

¹) Энгель—историкъ Малороссіи, Галиціи Ладомири, Венгрии и сопредѣльныхъ къ ней странъ, ученикъ Августа-Людвига Шлёцера, снабдившаго его матеріалами для исторіи Малороссіи и Венгрии. Впослѣдствіи Шлёцеръ почиталъ Энгеля неблагодарнымъ и написалъ на него примѣчательную критику, исполненную сильныхъ укоризнъ. Онъ подарилъ мнѣ ее въ рукописи, нигдѣ не валецатанной, но у меня ее зачитали. Я помню только заключеніе сей критики, написанное красными чернилами. Сія Шлёцеровская выходка напоминаетъ и другія, особливо вторую часть его такъ называемой „Всемирной исторіи“, написанной противъ Гердера. Раздражительность была характеристическою чертой великаго историка-критика, слишкомъ, можетъ быть, чувствительнаго къ неблагодарности. Если тотъ, кому я отдалъ рукопись Шлёцера для прочтенія, пожелаетъ мнѣ возвратити оную, то я приму ее, какъ новый даръ. Книгу Энгеля о Венгерской исторіи, исполненную матеріалами и для нашей, сообщилъ я первый историографу. А. Т.

Иоганнъ-Христіанъ Энгель род. въ 1770 г., ум. въ 1814 г.

³) Впослѣдствіи я исполнилъ желаніе Карамзина и доставилъ ему нѣсколько диссертаций Круга и Лерберга, изъ коихъ многія еще и теперь неизвѣстны публикѣ и не напечатаны. Я старался быть посредникомъ между тѣми, кои въ то время разработывали темное поле древней россійской исторіи въ чужихъ краяхъ, и нашимъ историографомъ. Третью, четвертую и пятую части Шлёцеровскаго „Нестора“ я также привезъ Карамзину изъ Геттингена въ 1805 году. А. Т.

9.

17-го сентабря 1809 г. Село Остафьево.

Искренно благодарю васъ, любезный Александръ Ивановичъ, и за дружеское письмо, и за диссертацию г. Лерберга, основательно писанную. Характеры двухъ князей подлинно весьма различны, но въ хорошихъ спискахъ нигдѣ одинъ не идетъ за другого. Авторъ ошибается, думая, что Владиміръ Андреевичъ, по изгнаніи Долгорукова изъ Кіева, жилъ въ Суздальскомъ княженіи. Нѣтъ, онъ взялъ, наконецъ, Іаиславову сторону и дѣйствительно вѣдиль встрѣчать его нѣвѣсту, по самымъ древнѣйшимъ харатейнымъ спискамъ лѣтописей.

Все, что есть въ Татищевѣ справедливаго, не вымышленнаго, но чего нѣтъ въ печатныхъ лѣтописяхъ, взято изъ Волянской: онъ имѣлъ ее, доведенную до смерти Рюрика Ростиславича, около 1211 года, а мой списокъ идетъ до конца XIII вѣка.

Какъ мнѣ горестно слышать о болѣзни умнаго, ученаго, столь для меня интереснаго Лерберга! Дай Богъ, чтобы онъ оправился, и чтобы я имѣлъ сердечное удовольствіе узнать его лично! Спасибо ему за то, что онъ нашелъ на картѣ Пересопницу; я зналъ, что она недалеко

*

отъ Горыни, но не находилъ ее на извѣстныхъ мнѣ картахъ. За то знаю Червень, близъ Хелма, по Волинской лѣтописи. Онъ теперь есть неважное селеніе. Возвращу вамъ диссертацию при первомъ случаѣ.

Ради Бога, любезный мой пріятель, убѣдите Николая Николаевича Новосильцова доставить мнѣ на время лѣтопись академическую, о которой я просилъ его. Она для меня необходима ¹⁾. Примѣты ея слѣдующія: 1) писана въ листъ и въ два столбца; 2) на первомъ бѣломъ листѣ, подписано, что она принадлежала монаху и служкѣ Ипатовскаго или Ипатіева монастыря; 3) названа «Хронографомъ» или «Временникомъ» и продолжается почти до 6780 года. Вы окажете большую услугу усердному историографу. Слова ваши очень справедливы: главная моя за трудъ награда есть удовольствіе труда. Сердечно обрадуюсь, когда увижу васъ въ Москвѣ; между тѣмъ буду радъ и вашимъ письмамъ. Сколько теперь у меня новыхъ драгоценностей! Напримѣръ, я получилъ изъ кѣнигсбергскаго архива въ копіяхъ всѣ письма нашихъ галицкихъ князей къ великому мастеру ордена, въ началѣ XIV вѣка, весьма важныя для хронологіи и въ другихъ отношеніяхъ. Нѣтъ, я досталъ «Волинскую лѣтопись» не отъ Руссова ²⁾, а изъ бібліотеки одного бывшаго купца коломенскаго. Эта находка спасла меня отъ стыда, но стоила мнѣ шести мѣсяцевъ работы. «Боги не даютъ, а продаютъ живыя удовольствія», какъ говорили древніе.

Жена моя вамъ усердно кланяется. Еще разъ: постарайтесь доставить мнѣ «Ипатовскую лѣтопись». Затѣмъ, простите! Мысленно васъ обнимаю; на всегда преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитиннѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 87—88.

¹⁾ О ней, какъ и другихъ книгахъ, просилъ Карамзинъ въ помѣщенномъ ниже письмѣ его къ Н. Н. Новосильцову отъ 23-го августа 1809 г. Всѣ онѣ были ему доставлены въ свое время. А. Т. — Письмо это почему то не было напечатано въ „Москвитиннѣ“ и впервые появилось въ книгѣ Погодина „Н. М. Карамзинъ“, ч. II, стр. 50—51.

²⁾ Руссовъ — Степанъ Васильевичъ (род. въ 1770 г., ум. въ 1842 г.), трудолюбивый и разносторонній писатель, авторъ многихъ историческихъ трудовъ, горячій поклонникъ Карамзина.

10.

15-го октября 1809 г. Москва.

Двѣнадцатидневное нездоровье лишило меня удовольствія писать къ вамъ, любезный Александръ Ивановичъ.

Сердечно благодарю васъ за доставленіе мнѣ «Ипатовской лѣтописи» и «Моисея Хоренскаго» ¹⁾. Прошу изъявить мою усердѣйшую благодарность и Николаю Николаевичу. Книги возвращу исправно. Та

и другая была для меня весьма нужна. Надѣюсь, что г. библіотекаръ внесетъ теперь «Ипатьевскую лѣтопись» въ каталогъ ²⁾).

Искренно пожалѣлъ я о Шлёцерѣ, не только въ отношеніи къ наукамъ, но и собственно ко мнѣ или къ труду моему ³⁾: онъ такъ усердно занимался русской исторіею. Если получите продолженіе его «Нестора», то дайте мнѣ взглянуть на это послѣднее произведеніе знаменитаго критика.

Что касается до шведскихъ документовъ здѣшняго архива, то древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ 1513 и 1589 годамъ. Буде хотите, то могу доставить вамъ нѣкоторые ⁴⁾. Первая война новгородцевъ съ финляндцами, извѣстная намъ по лѣтописямъ, была въ 1042 году. Тогда Владиміръ Ярославовичъ ходилъ на емь: такъ назывались финляндцы, на что доказательства очевидныя представляю въ моей «Исторіи». Емь жила въ южной Финляндіи, а сумь—въ сѣверной.

Слабость головы не позволяетъ мнѣ писать болѣе. Я дней 18 не принимался за перо. Простите, любезнѣйшій мой пріятель. Мысленно васъ обнимаю. Любите меня всегда. Я никогда не забуду ни Ивана Петровича ⁵⁾, ни Андрея Ивановича ⁶⁾. Это должно утвердить вашу пріязнь. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 88—89.

¹⁾ Моисей Хоренскій—знаменитый армянскій историкъ (ум. въ 492 г.). Его „Исторія Арменіи“ впервые была напечатана на армянскомъ языкѣ въ Амстердамѣ въ 1695 г. Въ 1736 г. она была издана въ Лондонѣ, съ латинскимъ переводомъ, подъ заглавіемъ „Mosis Chorenensis Historiae Armeniacae libri tres“ etc. Этимъ изданіемъ и пользовался Карамзинъ, что видно изъ письма его къ Новосильцову, напечатаннаго въ книгѣ Погодина „Н. М. Карамзинъ“, ч. II, стр. 50—51.

²⁾ Вѣроятно, она догдѣ не была внесена въ каталогъ А. Т.

³⁾ Я уведомилъ Карамзина о кончинѣ знаменитаго критика и историка А. Т.

Шлёцеръ умеръ ⁹/₂₁-го сентября 1809 г.

⁴⁾ Мнѣ поручено было составить историческое и статистическое описаніе Финляндіи, которая тогда присоединялась къ Россіи. Я требовалъ свѣдѣній о древнихъ сношеніяхъ русскихъ или новгородцевъ съ финнами. А. Т.

⁵⁾ Отца братьевъ Тургеневыхъ (род. 21-го іюня 1752 г., ум. 28-го февраля 1807 г.).

⁶⁾ Моего брата, бывшаго другомъ Жуковского. А. Т.

Андрей Тургеневъ скончался въ Петербургѣ 8-го іюля 1803 г. и похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, вмѣстѣ съ отцомъ.

11.

12-го декабря 1809 г. Москва.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Сердечно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ знакомствомъ Дмитрія

Александровича Кавелина, достойнаго, любезнаго человѣка ¹⁾, и за освѣдомленіе о моемъ здоровьи. Около шести недѣль я долженъ былъ скучать прайдностію отъ лихорадки и головной боли; даже и теперь не совсѣмъ оправился. Пишу, но по немногу.

Москва въ восхищеніи отъ государя и великой княгини ²⁾. Дворянство и народъ спорили въ изъявленіяхъ усердія. Завтра все утихаеть.

Карты Шлёцеровы ³⁾ заслуживаютъ то, что вы объ нихъ сказали, но многіе ли у насъ въ состояніи судить о такихъ произведеніяхъ? Надобно хвастаться и врать: назовутъ ученымъ. Правда, что истинно ученые презираютъ и хвалу, и брань невѣждъ.

Виновать, что я забылъ послать къ вамъ трактатъ Лерберга о двухъ князьяхъ Владимірахъ, прощаясь съ Д. А. Кавелинымъ. Найду другую оказію. Давно уже просилъ я въ архивѣ списать для меня первый трактатъ шведскій, чтобы доставить его вамъ, но за болѣзнію не бывъ тамъ долго, не могъ получить этой бумаги до сего времени.

Сдѣлайте одолженіе, любезный мой пріятель, попросите отъ меня Н. Н. Новосильцова, чтобы онъ дозволилъ мнѣ продержатъ академическую лѣтопись еще нѣсколько недѣль: отъ нездоровья я не могъ пользоваться ею. Возвращу исправно, какъ скоро уже не будетъ мнѣ нужна, вмѣстѣ съ «Моисеемъ Хоренскимъ».

Статья «Сѣверной Почты» ⁴⁾ написана, кажется, не съ худымъ намѣреніемъ. По крайней мѣрѣ глава издателей ⁵⁾ мнѣ доброжелательствуетъ.

Мысленно васъ обнимаю со всею дружескою нѣжностью, а жена моя усердно вамъ кланяется. На вѣкъ преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 89—90.

¹⁾ Д. А. Кавелинъ (род. въ 1780 г., ум. въ 1851 г.), питомецъ Московскаго благороднаго пансіона, араамасецъ, носившій прозвище Пустынника, получилъ впоследствии печальную извѣстность, какъ директоръ Петербургскаго университета, дѣйствовавшій заодно съ Магницкимъ и Руничемъ.

²⁾ Елизаветы Павловны.

³⁾ Въ это время изданы Шлёцеровъ-сыномъ „Историческія карты Россіи“. Я осмѣлился сказать о нихъ мое мнѣніе историографу. Приговоръ подтвержденъ имъ и публикою. Requiescant in pace—съ авторомъ, уже умершимъ. А. Т.

Названный трудъ носилъ слѣдующее заглавіе: „Начало Россійскаго государства. Въ историческихъ картахъ, хронологическихъ и генеалогическихъ таблицахъ“. Двѣ тетради. М. 1809—1810. in-f°. Съ „Объяснительными примѣчаніями“, in 12°. Переведено съ нѣмецкаго М. А. Паренаго.

⁴⁾ Карамзинъ разумѣетъ слѣдующую замѣтку, напечатанную въ № 11 „Сѣверной Почты“ за 1809 годъ: „Здѣсь теперь заплдливо извѣстно, что почтенный нашъ историографъ, г. Карамзинъ, кончилъ уже описаніе временъ Димитрія Донскаго и намѣренъ издать трудъ свой тогда, когда дойдетъ до времени возведенія на престолъ царя Миханла Федоровича. Друзья г. Ка-

рамына разсказывають весьма много любопытнаго о „Волынской лѣтописи“, найденной имъ вмѣстѣ съ „Церковными правилами“ кievскаго митрополита Іоанна, Несторова современника, и съ „Уставомъ“ князя Святослава Ольговича, жившаго въ XII столѣтіи; также о русскихъ грамотахъ XIV вѣка, присланныхъ къ нему изъ Молдавіи. Но публика узнаеть все это обстоятельно, имѣя уже въ рукахъ его „Россійскую исторію“, надъ которою онъ трудится со всѣмъ возможнымъ для человѣка прилежаніемъ.

⁵⁾ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, бывшій тогда товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ былъ главнымъ редакторомъ газеты „Сѣверная Почта“, бывшей министерскимъ органомъ.

12.

3-го апрѣля 1810 года. Москва.

Любезный Александръ Ивановичъ! Искренно и сердечно благодарю васъ за участіе, которое вы дружески принимали и въ нашей горести, и въ моей болѣзни. Последняя миновалась; первая еще дѣйствуетъ, особенно въ сердцѣ моей Екатерины Андреевны и молодого князя ⁶⁾.

Благодарю васъ за Шлѣцера «Нестора». Старикъ оживился предъ смертію, отвѣчая нашему Буле ⁷⁾ и браня Эверса ⁸⁾; остальное не важно. Напрасно онъ такъ возвышаетъ извѣстія Льва Діакона ⁹⁾; Кедринovy и Зонарины ¹⁰⁾ подробности, а въ основаніи тѣ же. Левъ только означаетъ вездѣ число, едва ли не изъ воображенія. Я уже давно писалъ въ Парижъ о ненапечатанныхъ византійскихъ историкахъ: общають скоро ихъ выдать и мнѣ доставить. Здѣшняго Шлѣцера давно не вижу. Сомнѣваюсь, чтобы онъ рѣшился продолжать «Нестора». Для кого? Для семи или восьми любопытныхъ? Да и пользы не много. Изъясненія и переводъ текста весьма плохи и часто смѣшны. Старикъ не зналъ хорошо ни языка лѣтописей, ни ихъ содержанія далѣе Нестора, а выписки изъ иностранныхъ лѣтописцевъ не новы для ученыхъ. Сынъ, конечно, не лучше отца знаетъ нашъ старинный языкъ.

Вотъ вамъ древнѣйшій трактатъ шведскій ¹¹⁾.

Когда выйдутъ «Акты академическіе» ¹²⁾ и диссертациі Круговы? Скажите мой поклонъ г. Кругу, мною уважаемому. Каковъ въ своемъ здоровьи г. Лербергъ? «Шлѣцера» возвращу вамъ на той почтѣ. Ежели можно, то пришлите Гереново сочиненіе о Мюллерѣ, какъ историкъ ¹³⁾.

Снова занимаюсь усердно своимъ дѣломъ. Поправки уже кончены; выписываю теперь важнѣйшія мѣста изъ «Волынской лѣтописи» для вотъ; а тамъ впередъ, коли Богъ дастъ.

Мысленно васъ обнимаю, любезнѣйшаго моего пріятеля. Навсегда преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 91—93.

¹⁾ Петра Андреевича Вяземскаго.

²⁾ Профессоръ Императорскаго университета въ Москвѣ, а прежде профессоръ въ Гёттингенѣ, гдѣ я слушалъ курсъ его философіи. А. Т.

Иоаннъ Теофілъ Буле (род. въ 1763 г., ум. въ 1821 г.) жилъ въ Россіи съ 1804 по 1814 г. Съ 1811 г. состоялъ при великой княгинѣ Екаторинѣ Павловнѣ. Шлёцеръ отвѣчалъ Буле, вѣроятно, на слѣдующее сочиненіе послѣдняго: „Versuch einer kritischen Litteratur der russischen Geschichte“. М. 1810.

³⁾ Эверсъ—профессоръ Дерптскаго университета, писавшій о русской исторіи. Онъ также подвергъ себя критическому негодованію старика Шлёцера, назвавшаго его за извѣстную его гипотезу о происхожденіи русскихъ отъ хозаръ „Chazaren-Dichter“. А. Т.

Иоаннъ-Филиппъ-Густавъ Эверсъ (род. въ 1781 г., ум. въ 1830 г.), ученикъ Шлёцера и Геерена, одно время занимавшійся русскою исторіей подъ руководствомъ Карамзина, издалъ, между прочимъ, слѣдующее сочиненіе: „Vom Ursprunge des russischen Staats“. Riga und Leipzig. 1808.

⁴⁾ Византійца, впоследствии изданнаго въ Парижѣ бібліотекаремъ Королевской бібліотеки Гавомъ. А. Т.

Левъ-Діаконъ (ум. послѣ 976 г.), написалъ „Византійскую исторію, которая въ 1819 г. была подана въ Парижѣ Карломъ-Бенедиктомъ Газе на средства графа Н. П. Руминцова подъ заглавіемъ: „Leonis Diaconi Caloenis historia scriptoresque alii ad res Byzantinas pertinentes“. Руминцовъ же поручилъ Д. П. Попову перевести съ греческаго хроникъ Льва-Діакона и издалъ его переводъ подъ заглавіемъ „Исторія Льва-Діакона Колойскаго“. С.-Пб. 1820.

⁵⁾ Хроника Георгія Кедрина, заключающая въ себѣ исторію евреевъ, римлянъ и византійцевъ, начинается отъ сотворенія міра и доведена до 1057 г.—Хроника Іоанна Зонары, названная „Всемирною исторіею“, также начинается отъ сотворенія міра и доведена до 1118 г. Карамзинъ, пользуясь Кедриною и Зонарою, руководствовался изданіемъ Іоанна-Готтлиба Штриттера: „Memoriae popularum“ etc. Petropoli. 1771—1779.

⁶⁾ Онъ доставленъ мнѣ для внесенія въ исторію нашихъ сношеній съ Швеціею о Финляндіи. А. Т.

Исследование Тургенева въ печати не появлялось.

⁷⁾ „Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg“, II томовъ. С.-Пб. 1809—1830.

⁸⁾ Я доставлялъ Карамзину біографическое похвальное слово профессора Гёттингенскаго университета и моего наставника Герена, автора „Исторіи древнихъ колоній и торговли“, писанное имъ Іоанну Мюллеру, историку Швейцаріи. Герень судитъ Мюллера съ высокимъ безпристрастіемъ, и мнѣ хотѣлось, чтобы нашъ исторіографъ короче познакомился не съ твореніями обоихъ, — они были ему давно извѣстны, — но съ нѣкоторыми особенными мнѣніемъ Герена о Мюллерѣ. Въ этой примѣчательной книжкѣ превозноситъ Герень „Письма“ Мюллера къ Бонштетену: „Briefe eines jungen Gelehrten“, отчасти переведенныя по моему предложенію Жуковскимъ. Герень не хочетъ рѣшить, „Письма“ ли сінъ къ юному другу, или вся „Швейцарская исторія“ Мюллера болѣе даютъ ему право на вѣнокъ безсмертія. А. Т.

Знаменитый историкъ Арнольдъ-Германъ-Людвигъ Гееренъ (род. въ 1760 г., ум. въ 1842), книга котораго „Handbuch der Geschichte des esto-

räisichen Staatensystem's und seiner Colonien", напечатанная въ 1809 г., считалась классическимъ сочиненіемъ, издалъ свой критико-біографическій этюдъ о не менѣе знаменитомъ историкѣ Іоаннѣ Мюллерѣ (род. въ 1752 г., ум. въ 1809 г.) въ Лейпцигѣ въ 1809 г.—"Письма" Мюллера были напечатаны въ 1802 году въ Тюбингенѣ. Извлеченія изъ нихъ, въ переводѣ Жуковскаго (съ французскаго), появились въ 16-мъ номерѣ „Вѣстника Европы“ за 1810 годъ и въ 6-мъ номерѣ за 1811 годъ

13.

14-го іюля 1810 г. Село Остафьево.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за искреннее участіе, принимаемое вами во всемъ, что до меня касается. Съ живѣйшею благодарностью принялъ я милость государеву ¹⁾, хотя впрочемъ нынѣшнее расположеніе души моея весьма близко къ глубокому унынію. Еще не успѣвъ отдохнуть послѣ ковчины нашей сестры любезнѣйшей, послѣ тяжелой моей болѣзни, я былъ пораженъ смертію дочери ²⁾, которая составляла наше главное семейственное утѣшеніе, и два мѣсяца трепеталъ, видя и прочихъ нашихъ дѣтей въ опасности. Теперь имъ лучше, но все еще болѣзня не прошла. Моя Катерина Андреевна всякій день плачетъ. Скрывая горестъ собственную, хочу и не могу утѣшать эту нѣжную сестру и еще нѣжнѣйшую мать. Однако жъ я здоровъ и съ нѣкотораго времени опять работаю: вотъ мое единственное разсѣяніе. Съ января мѣсяца я какъ бы разстался съ свѣтомъ, а теперь живемъ въ совершенномъ уединеніи.

Мнѣ доставлено множество любопытнаго изъ кѣнигсбергскаго архива; кромѣ писемъ, реляцій, трактатовъ, журналъ одного знатнаго нѣмца, бывшаго въ Москвѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, содержитъ въ себѣ не мало важнаго для исторіи ³⁾.

Люблю и почитаю васъ душевно; любите и меня. Обнимаю васъ мысленно; остаюсь на вѣки вашимъ добрымъ, вѣрнымъ пріателемъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 90—91.

¹⁾ Карамзинъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени, при рескриптѣ отъ 1-го іюля 1810 г.

²⁾ Наталья, родившейся въ октябрѣ 1804 г., умершей въ маѣ 1810 г.

³⁾ Объ этихъ бумагахъ упоминаетъ Карамзинъ: т. VIII, въ примѣчаніяхъ 479, 515; т. IX, въ примѣчаніи 166, и проч. А. Т.

14.

[Конецъ марта 1811 г. Москва].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Давно я не писалъ къ вамъ

отъ разныхъ заботъ; а теперь только возвратился изъ Твери ¹⁾ и хочу сказать вамъ нѣсколько словъ.

Мы, слава Богу, здоровы. Послѣ отдыха собираюсь вновь заниматься своею обыкновенною работою, среди моего семейства и воспоминаній грустныхъ и пріятныхъ. Вы, думаю, озабочены дѣлами; но я душевно радъ, что имѣете мѣсто, столь выгодное въ разныхъ отношеніяхъ ²⁾. Будьте увѣрены, любезнѣйшій мой пріятель, что я издали смотрю на васъ съ живѣйшимъ участіемъ. Успѣвайте во всемъ и не забывайте меня.

Вручите приложенное письмоцо Кругу, почтенному любителю нашей исторіи, и сообщайте мнѣ, что у васъ выйдетъ хорошаго.

Въ Твери видѣлъ я Феслера ³⁾ и говорилъ съ нимъ о метафизикѣ, мистикѣ, масонствѣ и проч. Онъ напомнилъ мнѣ старину. Все слова, а мало дѣла. Слышно, у васъ въ Петербургѣ масонство въ модѣ. Такъ ли? Думаю, что вы профанъ, такъ же, какъ и нашъ общій пріятель Блудовъ ⁴⁾. Гдѣ онъ? Скажите ему, что я искренно люблю его и всегда вспоминаю объ немъ съ искреннимъ удовольствіемъ. Скажите мнѣ также о Столыпнѣ ⁵⁾; видите ли его? Онъ, кажется, не весьма счастливо кончилъ свою сенатскую исторію. Ко мнѣ писали, что книги изъ библіотека великаго князя ⁶⁾ отпавлены въ Москву на мое имя, но по сіе время не получаю ихъ. Увѣдомьте о томъ Д. И. Затрапезнова ⁷⁾, буде съ нимъ видите. Откладываю писать къ нему до полученія книгъ. Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Жена моя и князь вамъ дружески кланяются. Вашъ вѣрный Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 186—187, безъ даты.

¹⁾ Карамзинъ выѣхалъ изъ Твери 22-го марта (Письма его къ И. И. Дмитріеву, стр. 142).

²⁾ Съ 13-го сентября 1810 г. Тургеневъ былъ директоромъ главнаго управленія духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.

³⁾ Игнатій-Аврелій Феслеръ (род. въ 1756 г., ум. въ 1839 г.), воспитанникъ іезуитовъ, бывшій капуцинъ, перешедшій въ лютеранство, масонъ и равносторонній писатель, былъ товарищемъ П. Д. Лодія по Львовскому университету, въ которомъ занималъ кафедру богословія и восточныхъ языковъ. По рекомендаціи Лодія, былъ приглашенъ Сперанскимъ въ Петербургскую духовную академію, но въ 1810 году уволенъ изъ нея по настоянію рязанскаго архієпископа Теофилакта Русанова, считавшаго Феслера плюминатомъ. Послѣ долгихъ скитаній по Россіи, Феслеръ въ 1819 г. былъ наконецъ назначенъ по желанію князя А. Н. Голицына, духовнымъ предсѣдателемъ Евангелической консисторіи въ Саратовѣ и суперъ-интендендомъ. Онъ умеръ въ Петербургѣ, нося званіе генераль-суперъ-интендента.

⁴⁾ Д. Н. Блудовъ находился тогда при главнокомандующемъ молдавскою арміей графѣ Н. М. Каменскомъ.

⁵⁾ Аркадій Алексѣевичъ Столыпня (род. въ 1778 г., ум. въ 1825 г.), другъ

Сперанскаго, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, съ 1809 г. былъ оберъ-прокуроромъ въ 7-мъ департаментѣ сената. 22-го января 1811 г. онъ, по прошенію, былъ уволенъ въ отставку, но въ 1816 г. вновь поступилъ на службу и въ 1819 г. былъ назначенъ сенаторомъ.

⁴⁾ Великаго князя Константина Павловича, находившагося въ Мраморномъ дворцѣ. Я разбиралъ оную съ графомъ Чацкимъ и, нашедъ въ ней много книгъ о русской исторіи, доставилъ оныя историографу. А. Т.

⁷⁾ Дмитрій Ивановичъ Затрапезновъ былъ старинный московскій пріятель Карамзина, который въ письмѣ своемъ къ И. И. Дмитріеву отъ 2-го сентября 1795 г. такъ отзывается о немъ: „Радуюсь, мой другъ, что Д. И. Затрапезновъ тебѣ понравился; я самъ люблю его сердечно, какъ умнаго и очень умнаго человѣка. Такіе люди у насъ рѣдки“. Объ этомъ Затрапезновѣ, безъ сомнѣнія, упоминается и въ письмѣ изъ Парижа графа А. И. Моркова къ графу С. Р. Воронцову отъ 7-го февраля 1803 г., какъ о смѣлѣ известнаго ярославскаго фабриканта и секретарѣ великаго князя Константина Павловича („Архивъ князя Воронцова“, т. XX, стр. 133), а также въ письмѣ Н. М. Ловгивова къ тому же Воронцову отъ 7-го марта 1812 г., какъ о финляндскомъ помѣщикѣ, членѣ финляндской комиссіи, учрежденной для соединенія и образованія старой и новопріобрѣтенной Финляндіи. Лонгиновъ называетъ Затрапезнова человѣкомъ опытнымъ и съ просвѣщеннымъ умомъ (тамъ же, т. XXIII, стр. 93). Затрапезновъ, находясь въ 1803 г. въ Парижѣ, коротко сошелся съ Бертрамомъ Барреромъ, бывшимъ членомъ національнаго конвента, который въ своихъ „Мемуарахъ“ (Paris, 1843, t. III, pp. 132—134), отзывается о немъ въ самыхъ лучшихъ выраженіяхъ.

15.

21-го апрѣля 1811 г. Москва.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Хотя и поздно, но сердечно благодарю васъ какъ за дружеское письмо, такъ и за присылку «Устава» ¹⁾ съ книгою Вольмана о Мюллерѣ ²⁾. Ни «Уставъ», ни Вольманъ мнѣ не нравятся: въ томъ и въ другомъ наврано не мало. Можно ли о мертвомъ и другѣ писать такія мерзости! Кромѣ злобы, что за пустая метафизика! Всѣ учатъ, какъ писать исторію, а много ли хорошихъ исторій? Мюллеръ, безъ сомнѣнія, дѣльно вооружался противъ метафизическаго бреда тамъ, гдѣ надлежитъ изображать дѣйствія и характеры. Мюллеръ былъ историкъ, и при томъ одинъ изъ лучшихъ; а Вольманъ—умный врагъ и при томъ чернаго разбора. Объ «Уставѣ»—ни слова; объ Историческомъ обществѣ—ни слова, кромѣ того, что я въ немъ не былъ и не буду, ибо не люблю пустяковъ. Говорить ли о Кутузовѣ? ³⁾ Онъ самъ себя наказываетъ злобою: это чувство неприятно. По сіе время не удалось ему сдѣлать мнѣ зла; а что будетъ впредь—не знаю и знать не хочу. Мщенія не люблю; довольствуюсь презрѣніемъ, и то невольнымъ.

Искренно благодарю С. С. Уварова ⁴⁾ за его доброе ко мнѣ расположеніе: онъ достойный молодой человѣкъ. Еще усердиѣ благодарю васъ

за дружеское, ласковое слово, сказанное вами въ письмѣ по этому поводу. Любовь ваша для меня драгоценна.

Послѣ трехъ путешествій въ Тверь отдыхаю за «Исторіей» и спѣшу окончить Василія Темнаго. Тутъ начинается дѣйствительная исторія Россійской монархіи. Впереди много прекраснаго. Обнимаю васъ дружески и нѣжно. Преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 93.

¹⁾ Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, утвержденный только 21-го января 1811 г.

²⁾ Вольгманъ, извѣстный по своимъ историческимъ сочиненіямъ, пользовался тогда незаслуженною славой въ Германіи, а еще болѣе по своей перепискѣ съ Иоанномъ Мюллеромъ и по гнусной неблагодарности къ великому историку. А. Т.

Книга Карла-Людвига Вольгмана (род. въ 1770 г., ум. 1817 г.), бывшаго профессоромъ Іенскаго университета, вышла въ Берлинѣ въ 1810 году.

³⁾ Павелъ Ивановичъ Голенщевъ-Кутузовъ (род. въ 1767 г., ум. въ 1829 г.), бывший тогда попечителемъ Московскаго университета, писалъ министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому неоднократные доносы, обвиняя Карамзина въ яacobинствѣ, безбожій и въ стремленіи сдѣлаться новымъ Сіасомъ или первымъ консуломъ.

⁴⁾ Сергій Семеновичъ Уваровъ съ 31-го декабря 1810 г. былъ уже попечителемъ петербургскаго учебнаго округа.

16.

1-го февраля 1812 г. Москва.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Давно я не писалъ къ вамъ, но всегда люблю васъ и помню. Какъ вы поживаете? Здоровы ли? Довольны ли? Дайте вѣсть о себѣ старому вашему пріятелю. Между тѣмъ дружески прошу васъ оказать услугу человѣчеству и бѣдной матери молодого Шварца, котораго отецъ былъ любимъ вашимъ. Прилагаю копію съ указа объ этомъ несчастномъ. Увидите, что онъ былъ подъ судомъ и содержался въ крѣпости; но мать по сіе время не знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось послѣ. Выпущенъ ли и куда дѣвался? ¹⁾ Прикажете справиться и сдѣлать для него, что можете. Вы добродушны: свидѣственно могу быть увѣренъ, что меня не выберите.

Я теперь здоровъ. Жена моя должна родить въ концѣ зимы или весною. Это помѣшало мнѣ заглянуть къ вамъ въ Петербургъ. Готовлюсь перейти въ XVI вѣкъ. Мнѣ сказывали, что у Лерберга есть англійскій переводъ арабскаго географа Гаукада: не можетъ ли онъ прислать его мнѣ недѣли на двѣ. Кланяюсь ему, Кругу и Д. Н. Блудову, а васъ отъ сердца обнимаю. Будьте благополучны и любите преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 94.

1) Въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ Московскаго университета, т. II, стр. 598, сказано, что сынъ Ивана Григорьевича Шварца, „оставившій нѣсколько сочиненій относительно садоводства, скончался года два тому назадъ“. Въ „Росписи“ Смирдина и въ Ольхинскомъ „Систематическомъ реестрѣ русскихъ книгамъ съ 1831 г. по 1846 г.“ указаны такіе труды подъ именемъ Павла Шварца, члена Общества любителей садоводства и члена-корреспондента ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Впрочемъ, онъ и былъ сынъ знаменитаго Шварца, который въ 1780 г. женился на русской, гувернанткѣ какого-то князя Голицына (М. Н. Лонгиновъ. „Новиковъ и московскіе мартыновцы“. Москва. 1867, стр. 132).

17.

21-го января 1813 г. Нижній-Новгородъ.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Давно я не писалъ къ вамъ, но всегда помнилъ и любилъ васъ. Сколько происшествій! Какъ не хотѣлось мнѣ бѣжать изъ Москвы! Отпустивъ жену и дѣтей, я жилъ тамъ до 1-го сентября, когда наша армія оставила Москву въ жертву неприятелю. Что мы видѣли, слышали и чувствовали въ это время! Сколько разъ въ день спрашиваю у судьбы, на что она велѣла мнѣ быть современникомъ Наполеона съ товарищи? Добрый, добрый народъ русскій! Я не сомнѣвался въ твоёмъ великодушіи, но хотѣлъ бы лучше писать древнюю твою исторію въ иной вѣкъ и не на пепелищѣ Москвы. Библіотека моя имѣла честь обратиться въ пепель, вмѣстѣ съ Графовою палатой; однако жъ рукописи мои уцѣлѣли въ Остафьевѣ¹⁾. Жаль Пушкинскихъ манускриптовъ²⁾: они всѣ сгорѣли, кромѣ бывшихъ у меня. Потеря невозвратима для нашей исторіи! Университетъ также всего лишился: бібліотеки, кабинета.

По крайней мѣрѣ, дай намъ Богъ славнаго мира, и поскорѣе! Между тѣмъ спужу какъ ракъ на мели: безъ дѣла, безъ матеріаловъ, безъ книгъ, въ несносной праздности и въ ожиданіи горячки, которая здѣсь и во многихъ мѣстахъ свирѣпствуетъ. Просторно будетъ въ Европѣ и у насъ! Но вы, петербургскіе господа, сіяя въ лучахъ славы, думаете только о великихъ дѣлахъ. Извините меланхолію бѣдныхъ изгнанныхъ московскихъ. Оставимъ шутку не веселую и поговоримъ о другомъ. Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, исполните ваше обѣщаніе и пришлите «Льва Діакона». С. С. Уваровъ также обѣщаль доставить его мнѣ. Скажите ему мой усердный поклонъ. Я и здѣсь нашелъ нѣчто любопытное: «Степенную книгу», съ прибавленіями неизвѣстными, касательно времени царя Ивана Васильевича. Не можете ли прислать мнѣ еще «Архангелогородскаго печатнаго лѣтописца?»³⁾ Вы его, думаю, знаете?

Маленькая книжка въ четвертку. Обрадуюсь вашему письму. Я живу здѣсь въ домѣ Степана Алексѣевича Львова ⁴⁾. Жена моя вамъ кланяется. Если Д. Н. Блудовъ не забылъ насъ, то скажите ему, что и мы его помнимъ, какъ нашего умнаго и добраго пріятедя. Вотъ вамъ множество порученій, а главное—то, чтобы вы любили меня по старому. Очень хотѣлось бы мнѣ ѣхать въ Петербургъ и тамъ работать; но съ крестьянъ нечего взять, а безъ денегъ не ѣздить въ резиденцію. Простите, будьте здоровы и благополучны! Обнимаю васъ мысленно. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ на 1847 годъ“, стр. 388—389 и въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 94—95.

¹⁾ Село, принадлежавшее князю П. А. Вяземскому и находящееся въ семи верстахъ отъ уѣзднаго города Подольска, Московской губерніи.

²⁾ Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. въ 1744 г., ум. въ 1817 г.) обладалъ драгоценнымъ собраніемъ книгъ и рукописей.

³⁾ Напечатанъ въ Москвѣ въ 1781 году.

⁴⁾ Дѣйствительный статскій совѣтникъ С. А. Львовъ, нижегородскій помещикъ, былъ своякъ Александра Михайловича Карамзина, брата исторіографа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ біографіи Ѳ. Ѳ. Гежелинскаго.

Въ «Русской Старинѣ» 1898 г. ¹⁾ помѣщена статья Н. Н. Селифонтова: «Судъ надъ Ѳ. Ѳ. Гежелинскимъ». Имѣя возможность дополнить эту статью, сообщаю слѣдующія официальные данныя.

Съ 27-го января 1829 г. по 11-е декабря 1835 г. былъ въ С.-Петербургской губерніи гражданскимъ губернаторомъ Ив. Сем. Храповицкій. Его губернаторство осталось памятнымъ у старожиловъ губернскаго правленія и казенной палаты привозомъ въ эти присутственныя мѣста Ѳ. Ѳ. Гежелинскаго, управлявшаго дѣлами Комитета Министровъ. Указъ Сената по дѣлу Гежелинскаго полученъ былъ въ губернскомъ правленіи 9-го іюля 1831 г., въ отсутствіе губернатора изъ столицы, и тогда же занесенъ въ журналъ. По этому дѣлу состоялась слѣдующая резолюція: «Какъ сему правленію не извѣстно, гдѣ находится бывшій дѣйствительный статскій совѣтникъ Гежелинскій, то о испрошеніи такового свѣдѣнія, о распоряженіи къ представленію его въ сіе правленіе для приведенія въ исполненіе означеннаго указа Правительствующаго Сената, представить г. военному генераль-губернатору (а когда Гежелинскій явится, то объявить оному состоявшееся ²⁾ о немъ рѣшеніе Правительствующаго Сената, высочайше утвержденное, и снявъ съ него знаки отличія, отослать въ рекрутское присутствіе)» ³⁾.

«1831 г. іюля 13-го (листъ 305, ст. 1) въ губернское правленіе прибыли: за отсутствіемъ г. гражданского губернатора предѣдатель 2-го департамента гражданской палаты Павелъ Алексѣевичъ Семеновъ, совѣтники: Николай Михайловичъ Бартеневъ, Петръ Яковлевичъ Бочаровъ и Егоръ Аванасьевичъ Шахуринъ. Слушали: во-первыхъ, предложеніе г. С.-Петербургскаго военнаго генераль-губернатора ⁴⁾; отъ 12-го сего іюля № 6542, коимъ на представленіе сего правленія отъ

¹⁾ № 4, стр. 23—46.

²⁾ Въмѣсто этого слова въ журналѣ написано: „состоящее“.

³⁾ Все написанное въ скобкахъ прибавлено рукою вице-губернатора Ив. Гр. Желѣзнова; всѣ журналы до настоящаго о Гежелинскомъ утверждены за губернатора подписью предѣдателя 2-го департамента гражданской палаты П. А. Семенова, а журналъ о Гежелинскомъ (№ 37)—Желѣзновымъ.

⁴⁾ Генераль-губернаторомъ былъ Петръ Кирил. Эссенъ.

9-го числа № 17504 увѣдомляетъ, что онъ, г. военный генераль-губернаторъ, сообщилъ коменданту С.-Петербургской крѣпости объ учиненіи распоряженія къ доставленію содержащагося въ оной дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гежелинскаго въ сіе правленіе для исполненія послѣдовавшаго о немъ указа, и 2-е, отношеніе коменданта вышеупомянутой крѣпости генераль-адъютанта Алдр. Як. Сукина отъ 13-го іюля № 335, при коемъ препровождаетъ означеннаго Гежелинскаго и проситъ о принятіи его увѣдомить. А по справкѣ оказалось (приведенъ указъ Сената и журнальное постановленіе, состоявшееся 9-го іюля). Приказали: поставленіе сего правленія, состоявшееся 9-го сего іюля, исполнить. Потомъ, вышеозначеннаго Гежелинскаго для отдачи надлежащимъ порядкомъ въ рядовые, буде къ тому окажется способнымъ, отослать въ здѣшнее рекрутское присутствіе съ тѣмъ, дабы благоволило въ случаѣ неспособности увѣдомить сіе правленіе, о чемъ и г. коменданта крѣпости увѣдомить и Правительствующему Сенату донести».

Въ формулярномъ спискѣ казенной палаты за 1831 г. о сданныхъ въ рекруты, на страницѣ 66 значится: «№ 866 (номеръ этотъ написанъ между №№ 4128 и 4129) Фед. Фед. Гежелинскій, 44-хъ лѣтъ, росту 2 арш. 5¹/₄ вершковъ, лицомъ бѣлъ, глаза черные, волосы русые, разжалованный изъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, принятъ (въ рядовые) 13-го іюля, холостъ, грамотѣ знаетъ».

По рассказамъ въ свое время нѣсколькихъ старожиловъ, привозъ Гежелинскаго привелъ въ замѣшательство членовъ губернскаго правленія и казенной палаты. Губернатора, какъ упомянуто выше, не было въ столицѣ, вице-губернаторъ Желѣзновъ устранился и дѣломъ орудовалъ П. А. Семеновъ. Гежелинскій пріѣхалъ въ губернское правленіе едва-ли не съ братомъ въ каретѣ, въ мундирѣ и регаліяхъ. Нужно было дать приказъ о снятіи орденовъ (св. Анны 1-й ст. съ алмазами, св. Владиміра 3-й ст. и проч.), а между тѣмъ члены присутствія какъ бы не вѣрили разжалованію его, были въ нерѣшительности и стѣснялись. Появлялъ-ли Гежелинскій положеніе членовъ или нѣтъ, но онъ началъ самъ снимать ордена, въ чемъ помогалъ ему и братъ; при этомъ Гежелинскій всталъ, въ присутствіи передъ портретомъ государя, на колѣни и поклонился ему въ ноги. Руки виновнаго тряслись, такъ что помощь при этомъ брата оказалась необходимою.

Изъ губернскаго правленія его повели въ казенную палату, гдѣ должна была состояться сдача его въ солдаты. По отсутствію вице-губернатора и здѣсь руководилъ дѣломъ тотъ же Семеновъ. Нѣсколько времени послѣ того лежали въ палатѣ мундиръ и другія вещи Гежелинскаго.

Сообщ. Г. И. Студенкинъ.

Мысли и воспоминанія Оттона фонъ-Бисмарка.

(Gedanken und Erinnerungen von Otto Fürst von Bismark. Stuttgart. 1898).

Издатель помѣщаемыхъ ниже воспоминаній германскаго канцлера въ своемъ предисловіи говорить, что князь Бисмаркъ началъ писать свои «Мысли и воспоминанія» вскорѣ послѣ того какъ былъ уволенъ въ отставку и когда у него была отнята, какъ онъ самъ неоднократно выражался, та поддержка, за которую онъ цѣплялся всю жизнь. Первую мысль къ составленію этихъ записокъ подавъ книгопродавецъ Коттъ, предложившій князю Бисмарку издать его воспоминанія, если таковыя имъ написаны, вслѣдствіе чего 6-го іюля 1890 г. было заключено княземъ Бисмаркомъ съ представителемъ этой фирмы условіе, по которому князь предоставлялъ ей право изданія своихъ воспоминаній, если таковыя будутъ когда-либо имъ написаны. Дипломату и историку Л. Бухеру, который послѣ отставки князя съ небольшими перерывами гостилъ много лѣтъ въ Фридрихсруэ и Варцинѣ, принадлежитъ заслуга, что онъ поддерживалъ князя Бисмарка въ его намѣреніи изложить свои воспоминанія и политическія мысли и своими ежедневными бесѣдами не давалъ ему охладѣть къ начатому дѣлу. Стенографически записанный имъ рассказъ князя составилъ главную основу этихъ записокъ въ ихъ первоначальной редакціи. Надъ исправленіемъ своихъ записокъ Бисмаркъ трудился нѣсколько лѣтъ, раздѣлялъ ихъ на главы и дополнялъ ихъ собственноручными своими замѣтками. Для облегченія работы, «Мысли и воспоминанія» были набраны еще въ 1893 г. и князь Бисмаркъ имѣлъ возможность, исправивъ раза два или три свой рассказъ, довести его до конца.

На обязанности издателя лежало возстановить въ точности по оригиналамъ нѣкоторые документы, помѣщенные въ текстъ, которые были

приведены не по точнымъ печатнымъ экземплярамъ, исправить нѣкоторыя мелкія погрѣшности въ числахъ и правописаніи именъ собственныхъ, просмотрѣвшія отъ недостатка официальныхъ матеріаловъ, и наконецъ дать нѣкоторыя поясненія литературнаго свойства. Но самый текстъ нигдѣ не измѣненъ и не сокращенъ.

Желая познакомить читателей съ воспоминаніямъ Бисмарка редакція помѣщаетъ ихъ въ переводѣ за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, которыя не представляютъ интереса ни для Россіи, ни для политической жизни Европы.

I.

Школьные годы.—Вліявіе Гамбахскаго праздника и франкфуртскаго восстанія на національное нѣмецкое сознание и на либерализмъ Бисмарка.—Склонность его къ дипломатической части.—Идеаль дипломата по мнѣнію Ансильона.—Иностранцы въ тогдашней прусской дипломатіи и въ войскѣ.—Служба по министерству юстиціи и занятія въ отдѣленіи гражданскихъ дѣлъ.—Антипатія Бисмарка къ тогдашней бюрократіи.—Оставленіе государственной службы.—Столкновение съ бюрократіей и оппозиціей.—Рѣчь его и отношеніе къ нему Фридриха-Вильгельма IV.

Я окончилъ школу въ Пасхѣ 1832 г., и, какъ естественный результатъ нашей государственной системы преподаванія, вышелъ изъ нея пантенстомъ, и если не республиканцемъ, то по крайней мѣрѣ съ убѣжденіемъ, что республика есть самая разумная форма правленія. Я вынесъ изъ нея также склонность размышлять о причинахъ, заставляющихъ миллионы людей повиноваться одному человѣку, хотя мнѣ приходилось слышать отъ взрослыхъ довольно рѣзкіе и не слишкомъ уважительные отзывы о правителяхъ. При этомъ приготовительная школа Пламайна, устроенная по образцу гимнастическихъ заведеній Яна ¹⁾,

¹⁾ Фридрихъ-Людвигъ Янъ (Jahn), „отецъ“ гимнастики, какъ называютъ его яѣщцы, р. 1778 г. † 1852 г. Пораженіе, нанесенное Германіи Наполеономъ, произвело на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ на всю жизнь затаилъ къ французамъ непримиримую ненависть. Въ 1810 г. появилось его сочиненіе „Deutsches Volkstum“, въ которомъ онъ доказываетъ, что спасеніе Германіи заключается въ ея объединеніи, въ развитіи чувства національнаго самосознанія и въ созданіи арміи изъ бодрыхъ духомъ и крѣпкихъ тѣломъ гражданъ. Поступивъ въ томъ же году преподавателемъ въ одно изъ учебныхъ заведеній въ Берлинѣ, Янъ организовалъ здѣсь для дѣтей гимнастическія упражненія. Занятія эти своею новизною обратили на себя всеобщее вниманіе. На его упражненія стали являться и взрослые люди, и такимъ образомъ неважная на первый взглядъ затѣя быстро превратилась въ самостоятельное правильно организованное учрежденіе, по образцу котораго стали образовываться такія же организаціи и въ другихъ мѣстахъ. В. В.

въ которой я воспитывался съ шести до двѣнадцатилѣтняго возраста, дала мнѣ понятіе о нѣмецкомъ національномъ единствѣ. Но это понятіе не выходило изъ рамокъ теоретическихъ разсужденій и было не настолько сильно, чтобы искоренить во мнѣ преданность къ Пруссіи и монархіи.

Въ области исторіи всѣ мои симпатіи были на сторонѣ власти. Съ точки зрѣнія моихъ дѣтскихъ понятій о правѣ, Гармодій и Аристогонъ были преступники, точно такъ-же какъ Брутъ, а Телль былъ бунтовщикомъ и убійцею.

Меня раздражали нѣмецкіе принцы, начиная съ великаго курфюрста, которые дѣйствовали передъ Тридцатилѣтней войною противъ императора, но при этомъ я былъ настолько пристрастенъ, что осуждалъ мысленно императора и находилъ естественнымъ возникновеніе Семилѣтней войны. Тѣмъ не менѣе, нѣмецкое національное чувство было во мнѣ такъ сильно развито, что въ первое время моего пребыванія въ университетѣ я сошелся съ кружкомъ тѣхъ студентовъ, которые ставили себѣ цѣлью заботиться о развитіи этого чувства. Но при личномъ знакомствѣ мнѣ не понравилось отсутствіе въ нихъ внѣшней благовоспитанности и манеръ, свойственныхъ порядчному обществу. Когда я узналъ ихъ ближе, то не могъ одобрить и ихъ крайніе политическіе взгляды, обусловливавшіеся недостаткомъ образованія и знакомства съ существующими, исторически развившимися условіями жизни, которыя мнѣ, въ 17 лѣтъ, приходилось чаще наблюдать нежели большинству этихъ студентовъ, хотя многіе изъ нихъ были старше меня. Въ глубинѣ души у меня сохранилось національное чувство и убѣжденіе, что въ близкомъ будущемъ событія приведутъ насъ къ германскому единству; я даже держалъ пари съ моимъ другомъ, американцемъ Коффиномъ, что эта цѣль будетъ достигнута лѣтъ черезъ двадцать.

27-го мая 1832 года былъ устроенъ Гамбахскій праздникъ ¹⁾, коего пѣсеня запали мнѣ въ душу; 3-го апрѣля 1833 г. произошли беспорядки во Франкфуртѣ. Эти манифестаціи произвели на меня отталкивающее впечатлѣніе; мнѣ, воспитанному въ прусскомъ духѣ, было противно слишкомъ стремительное вмѣшательство въ государственный строй. Я возвратился въ Берлинъ не столь либерально настроенный чѣмъ до моего отъѣзда оттуда. Но эта реакція ослабѣла послѣ того какъ я вошелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ государственнымъ механизмомъ. Мои взгляды на внѣшнюю политику, которою публика весьма мало, въ то время, интересовалась, были въ духѣ войны за освобожденіе, на которыя я смотрѣлъ съ точки зрѣнія прусскаго офицера. При взглядѣ на

¹⁾ Такъ называлось происходившее въ Гамбахѣ въ 1832 г. многочисленное народное собраніе, для пропаганды республики. В. В.

географическую карту меня бѣсило, что Страсбургомъ владѣли французы, а мое посѣщеніе Гейдельберга, Шпейера и Пфальца возбудило во мнѣ чувство мести и настроило весьма воинственно.

Серьезно подумывая о служебной карьерѣ, я всегда останавливался мысленно на дипломатическомъ поприщѣ, даже и послѣ того какъ я не встрѣтилъ къ этому особаго поощренія со стороны министра Ансильона, которому я представлялся. Говори о недостаткахъ, присущихъ нашимъ дипломатамъ, онъ указалъ на князя Феликса Лихновскаго¹⁾, какъ на образецъ тѣхъ качествъ, которыхъ имъ недоставало, хотя можно было предположить, что эта личность, какъ она заявила себя въ Берлинѣ, не могла вызвать особеннаго сочувствія со стороны министра, происшедшаго изъ среды евангелическаго духовенства.

Министръ находилъ, что наше доморощенное прусское провинціальное дворянство не могло дать дипломатіи необходимыхъ для нея людей, что оно не въ состояніи было пополнить недостатокъ въ дарованіяхъ, который онъ замѣчалъ въ личномъ составѣ этой отрасли администраціи. Этотъ взглядъ имѣлъ свое основаніе. Будучи министромъ, я питалъ всегда къ кореннымъ прусскимъ дипломатамъ, какъ къ своимъ землякамъ, особую симпатію, но долгъ службы рѣдко позволялъ мнѣ проявлять эти симпатіи на дѣлѣ. Въ прусскихъ дипломатахъ изъ статскихъ, которые вовсе не были знакомы съ военной дисциплиной или были знакомы съ нею недостаточно, я находилъ обыкновенно слишкомъ большую склонность къ критикѣ, къ претензіи будто они знаютъ лучше другихъ, къ оппозиціи и къ обидчивости. Прусскій дворянинъ стараго закала, проникнутый идеями равенства, испытываетъ обыкновенно недовольство, когда сослуживецъ переростетъ его головою или является его начальникомъ внѣ сферы военной службы. Въ арміи эти господа издавна привыкли къ подобнымъ случайностямъ. При томъ, въ дипломатіи, тѣ личности, которыя имѣютъ собственное состояніе или случайно владѣютъ иностранными языками, въ особенности французскимъ, видятъ въ этомъ особый поводъ къ тому, чтобы имъ было оказано предпочтеніе, и относятся поэтому къ высшему начальству еще требовательнѣе и гораздо болѣе склонны къ критикѣ, нежели другіе. Знаніе языковъ, хотя бы по столько, какъ ими владѣтъ порядочный кельнеръ, зачастую давало у насъ людямъ поводъ считать себя призванными къ дипломатической карьерѣ. Такъ было до тѣхъ поръ, пока существовало требованіе, чтобы донесенія на-

¹⁾ Князь Феликсъ Лихновскій р. 1814 г. † 1840 г. Избранный въ 1848 г. въ національное собраніе онъ явился однимъ изъ значительнѣйшихъ ораторовъ правой стороны. Какъ горячій защитникъ легитимизма и почти фанатическій католикъ вызвалъ ожесточеніе радикаловъ и палъ жертвою франкфуртскаго возстанія.

пихъ посланниковъ, въ особенности посылаемыя ad Regem, писались на французскомъ языкѣ; хотя это не всегда исполнялось, но предписаніе это было въ силѣ до моего назначенія министромъ. Изъ числа нашихъ престарѣлыхъ дипломатовъ я знавалъ нѣсколькихъ лицъ, которые, не имѣя понятія о политикѣ, дошли до высшихъ должностей единственно благодаря тому, что они прекрасно владѣли французскимъ языкомъ; но зато они сообщали въ своихъ донесеніяхъ только то, что могли свободно изложить на этомъ языкѣ. Мнѣ приходилось еще въ 1862 году писать свои донесенія изъ Петербурга по-французски; посланники, которые писали министру и частныя письма на этомъ языкѣ, считались въ силу этого одаренными особымъ призваніемъ къ карьерѣ дипломата, хотя бы про нихъ было извѣстно, что они не имѣютъ въ политикѣ своихъ собственныхъ мнѣній.

Я не могу поставить въ вину Ансильону, что говоря о нашемъ провинціальномъ дворянствѣ, онъ находилъ, что дворяне съ трудомъ отрѣшались отъ узкаго круга своихъ тогдашнихъ берлинскихъ или, если можно такъ выразиться, провинціальныхъ взглядовъ, и вступивъ на дипломатическое поприще, не легко отполировывались на европейскій ладъ. Этотъ взглядъ отразился весьма чувствительно на тогдашнемъ составѣ нашего дипломатическаго корпуса. Просматривая списокъ дипломатовъ, удивляешься встрѣчая въ немъ такъ мало настоящихъ пруссаковъ.

Когда я былъ назначенъ во Франкфуртъ, то кромѣ меня, барона Карла фонъ-Вертера, Каница и графа Макса Гацфельда, женатаго на французкѣ, я не могу припомнить изъ пруссаковъ ни одной личности, занимавшей сколько-нибудь видный дипломатическій постъ.

Точно также лучшіе наши полководцы, Блюхеръ, Гнейзенау, Мольтке, Гебенъ (Goeбел) были не прусскіе уроженцы, точно такъ-же, какъ Штейнъ, Гарденбергъ, Моцъ и Грольманъ на поприщѣ гражданской службы. Выходить, какъ будто наши государственные люди, подобно деревьямъ въ питомникѣ для полнаго развитія своихъ силъ требуютъ пересадки.

Ансильонъ совѣтывалъ мнѣ прежде всего выдержать экзаменъ на чинъ ассессора, а затѣмъ искать доступа въ нѣмецкую дипломатію Пруссіи окольнымъ путемъ, чрезъ Таможенный союзъ.

Я принялъ его совѣтъ къ свѣдѣнію и рѣшилъ держать въ скоромъ времени экзаменъ на чинъ ассессора.

Учрежденія нашего министерства юстиціи, въ которомъ началась моя дѣятельность, и люди въ нихъ служившіе давали моему юношескому уму скорѣе пищу къ критикѣ, нежели къ назиданію. Практическое образованіе аудитора началось съ составленія протоколовъ уголовного суда. Къ этому занятію опредѣлилъ меня совѣтникъ фонъ-Браугицъ, подъ начальство котораго я былъ назначенъ; онъ навалилъ на меня массу дѣла, такъ какъ я писалъ въ то время очень быстро и четко. Изъ «розысковъ»,

какъ назывались уголовныя дѣла при тогдашнемъ инквизиціонномъ порядкѣ судопроизводства, на меня произвелъ особенно сильное впечатлѣніе процессъ о существовавшемъ въ то время и весьма распространенномъ въ Берлинѣ обществѣ приверженцевъ противуестественнаго порока. Общество это имѣло сторонниковъ и въ высшихъ слояхъ. Судебные акты, касавшіеся этого дѣла, были вытребованы изъ министерства юстиціи, какъ говорили, по настоянію князя Витгенштейна и не были возвращены, по крайней мѣрѣ, за все время моей службы въ уголовномъ судѣ.

Пробывъ четыре мѣсяца въ должности протоколиста, я былъ перемѣщенъ въ городской судъ, гдѣ разбирались гражданскія дѣла; это было повышеніе, такъ какъ я перешелъ при этомъ отъ механическаго писанія подѣ диктовку къ самостоятельной работѣ, исполненіе которой затруднялось для меня моей неопытностью и моими личными взглядами. Бракоразводныя дѣла были пробнымъ камнемъ дѣятельности новичка въ юриспруденціи, и такъ какъ имъ придавалось не особенно важное значеніе, то они были поручены самому бездарному совѣтнику по фамиліи Преториусу и производились, подѣ его наблюденіемъ, самими юными аудиторами. Онъ никогда не присутствовалъ при разбирательствѣ этихъ дѣлъ и намъ рассказывали, что разбуженный во время засѣданій изъ сладкой дремоты, для подачи голоса, Преториусъ говорилъ обыкновенно: «Я присоединяюсь къ мнѣнію моего коллеги Темпельгофа», при чемъ иной разъ приходилось ему замѣтить, что г. Темпельгофа вовсе не было въ засѣданіи.

Я обратился къ нему однажды въ затруднительномъ случаѣ, когда мнѣ, двадцатилѣтнему юношѣ, пришлось сдѣлать попытку къ примиренію супружеской четы,—обстоятельство, представлявшее для моего ума нѣкотораго рода религіозную и нравственную загадку, которую я не былъ въ состояніи разрѣшить самъ. Я засталъ г. Преториуса въ томъ не особенно пріятномъ настроеніи, въ какомъ бываетъ пожилой господинъ, несвоевременно разбуженный отъ сна и вдобавокъ настроенный, какъ многіе чиновники стараго закала, не слишкомъ доброжелательно къ молодому дворянину. Онъ сказалъ съ презрительной улыбкою: «Какъ досадно, когда человѣкъ не умѣетъ хоть чуточку самъ справиться съ дѣломъ. Я вамъ покажу, какъ это дѣлается». Мы вернулись въ залу засѣданія. Дѣло заключалось въ томъ, что мужъ желалъ развода, а жена на это не соглашалась; мужъ обвинялъ ее въ нарушеніи супружеской вѣрности, а жена, обливаясь слезами, доказывала свою невинность и, несмотря на худое обращеніе мужа, хотѣла по прежнему жить вмѣстѣ съ нимъ. Шепелявя г. Преториусъ обратился къ женѣ: «Не будь же такой дурой. Что тебѣ отъ него за корысть? Вѣдь прійдя домой, мужъ избежитъ тебя. Скажи, что ты согласна: вась тотчасъ раз-

ведутъ». Женщина плакала и кричала: «Я честная женщина, я не могу взять на себя вину, я не хочу развода». Послѣ неоднократныхъ увѣщаній и возраженій въ этомъ родѣ, г. Преторіусъ обратился ко мнѣ со словами: «Такъ какъ она не хочетъ внять голосу благоразумія, то напишите...» и затѣмъ продиктовалъ мнѣ заключеніе, которое произвело на меня столь сильное впечатлѣніе, что я и посейчасъ помню его отъ слова до слова. «Послѣ того какъ была сдѣлана попытка къ примиренію сторонъ, и когда всѣ убѣжденія, основанныя на доводахъ нравственности и религіи, остались безъусибины, а по сему было приступлено какъ ниже слѣдуетъ». Мой начальникъ всталъ, сказавъ: «Замѣйте себѣ какъ это дѣлается и впредь не беспокойте меня подобными пустяками». Я занимался бракоразводными дѣлами, сколько помнится отъ 4—6 недѣль, но мнѣ не пришлось болѣе мирить сторонъ.

Болѣе интереса представляло мнѣ рѣшеніе дѣлъ по гражданскимъ искамъ. Но помѣщеніе суда и судебное производство этихъ дѣлъ напоминало нѣсколько суетню, происходящую у желѣзнодорожной кассы. Пространство, гдѣ засѣдали, спиною къ публикѣ, предсѣдательствующій совѣтникъ и три или четыре аудитора, было обнесено деревянной рѣшеткою, и передъ образовавшимся такимъ образомъ четырехугольникомъ толпились стороны, смѣняя другъ друга и болѣе или менѣе шумя и галдя.

Впечатлѣніе, вынесенное мною изъ знакомства съ существующими учрежденіями и со служащимъ въ нихъ персоналомъ, не измѣнилось существеннымъ образомъ, когда я перешелъ къ службѣ въ администраціи. Чтобы сократить путь, который долженъ былъ привести меня къ дипломатической карьерѣ, я обратился къ одному изъ правительствъ Рейнскаго Союза, именно къ Аахенскому, гдѣ можно было пройти практическій курсъ службы въ два года, тогда какъ въ старо-германскихъ учрежденіяхъ на это требовалось не менѣе трехъ лѣтъ.

Уѣзжая изъ Аахена, я составилъ себѣ довольно жалкое мнѣніе о нашей бюрократіи въ общемъ и въ частности, за исключеніемъ даровитаго президента графа Арнима Бойценбурга. Но относительно нѣкоторыхъ лицъ это мнѣніе измѣнилось въ болѣе благоприятномъ для нихъ смыслѣ, когда я ознакомился съ административными учрежденіями Потсдама, куда я былъ переведенъ, по собственному моему желанію, въ 1837 году.

Чины администраціи произвели на меня болѣе выгодное впечатлѣніе, нежели члены суда въ Аахенѣ, но, въ общемъ, они все-таки казались мнѣ порядочными колпаками.

Ходъ дѣлъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ Потсдама и Аахена не могъ особенно поощрить меня къ дальнѣйшей служебной дѣятельности. Предоставленный мнѣ кругъ дѣятельности казался мнѣ слишкомъ скучнымъ и ограниченнымъ; взысканіе пошлинъ за ввозъ зерно-

ваго хлѣба и участіе мое въ дѣлѣ постройки плотины въ Ростлицѣ, близъ Вюстераузена, не заставили меня пожалѣть объ оставленной службѣ. Отказавшись отъ честолюбивой мечты о чиновничьей карьерѣ, я охотно послѣдовалъ желанію моихъ родителей и занялся управленіемъ нашихъ помѣстій въ Померани. Я рассчитывалъ жить и умереть въ имѣніи, потрудившись на поприщѣ сельскаго хозяйства и, быть можетъ, отличиться на войнѣ, если-бы къ этому представился случай. Если я чему-нибудь завидовалъ еще на свѣтѣ, такъ это чину поручика ландвера.

Идеи, усвоенныя мною въ дѣтствѣ, не могли внушить мнѣ призванія къ военному дѣлу. Въ учебномъ заведеніи Пламанна, основанномъ по принципамъ Песталоцци и Яна, частичка «фонъ», стоявшая передъ моею фамиліей, мѣшала мнѣ чувствовать себя вполне привольно въ обществѣ моихъ сверстниковъ и учителей. Точно также и въ гимназій «Сѣраго Монастыря» (Grauer-Kloster) мнѣ пришлось испытать на себѣ ту ненависть нѣкоторыхъ учителей, которую питало къ дворянству большинство интеллигентныхъ бюргеровъ подѣ влияніемъ воспоминаній объ эпохѣ, предшествовавшей 1806 г. Это враждебное настроеніе, которое проявлялось, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ бюргерскихъ кружкахъ, никогда не вызывало во мнѣ желанія отвѣтить имъ тѣмъ же.

Отецъ мой былъ чуждъ аристократическихъ предразсудковъ, и если его взгляды относительно равенства людей съ теченіемъ времени нѣсколько измѣнились, то это слѣдуетъ приписать исключительно убѣжденіямъ, вынесеннымъ имъ въ молодости изъ военной службы, а отнюдь не преувеличенному мнѣнію о преимуществахъ происхожденія. Мать моя была дочерью профессора Менкена, личнаго секретаря Фридриха Великаго, Фридриха-Вильгельма II и III, который пользовался въ то время, при дворѣ, репутаціей большого либерала; въ семействѣ Менкенъ было нѣсколько выдающихся профессоровъ, занимавшихъ кафедры въ Лейпцигѣ, а представители ближайшаго ко мнѣ поколѣнія этой семьи поступили на службу Пруссіи ко двору и по министерству иностранныхъ дѣлъ. Баронъ фонъ-Штейнъ отзывался о моемъ дѣдѣ, Менкенѣ, какъ о человѣкѣ честномъ и яркомъ либералѣ. Такимъ образомъ, идеи, всосанныя мною съ молокомъ матери, были скорѣе либеральныя, нежели реакціонерныя, и если бы мать моя дожила до того времени, когда я былъ назначенъ министромъ, то врядъ ли она одобрила бы направленіе моей министерской дѣятельности, хотя внѣшній успѣхъ, сопровождавшій мою служебную карьеру, конечно, чрезвычайно порадовалъ бы ее. Она выросла въ бюрократической и придворной сферѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV, вспоминая о своихъ дѣтскихъ играхъ съ нею, называлъ ее не иначе, какъ «Минхенъ»¹⁾. Поэтому я рѣшительно протестую про-

¹⁾ Мать канцлера князя Бисмарка звали Вильгельминою, род. 1790 г., † 1838 г. В. В.

тивъ ошибочной оцѣнки моихъ юношескихъ взглядовъ, когда мнѣ приписываютъ «предразсудки моего сословія» и высказываютъ догадку, будто идея о прерогативахъ дворянства послужила исходнымъ пунктомъ моей внутренней политики.

Мною руководила исключительно забота о пользѣ государства, и я признаю клеветою обвиненіе, которое возводили на меня даже доброжелательные мнѣ публицисты, утверждая, что я дѣйствовалъ когда-либо исключительно въ интересахъ дворянскаго сословія. Защищая землевладѣніе я не имѣлъ въ виду интересы землевладѣльцевъ дворянъ, людей одного со мною сословія; я поступалъ такъ потому, что видѣлъ въ упадкѣ сельскаго хозяйства величайшую опасность, угрожающую нашему государственному благосостоянію.

Въ Помераніи я не пользовался сочувствіемъ за мои сословно-либеральные взгляды, а въ Шенгаузенѣ они списали мнѣ сочувствіе землевладѣльцевъ моего округа. Мои тогдашнія убѣжденія нѣсколько измѣнились вслѣдствіе крайне несимпатичнаго мнѣ способа оппозиціи перваго (въ 1847 г.) соединеннаго ландтага, въ засѣданіяхъ котораго я принималъ участіе въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ, вмѣсто заболѣвшаго депутата фонъ-Браугича. Рѣчи депутатовъ Восточной Пруссіи возбуждали во мнѣ отвращеніе; даже и теперь, когда я перечитываю протоколы засѣданій, всѣ эти рѣчи производятъ на меня впечатлѣніе шаблонныхъ и заимствованныхъ фразъ. Я чувствовалъ, что король стоялъ на истинномъ пути, и что ему надобно было дать время, чтобы справиться со своей задачей.

Я имѣлъ крупное столкновеніе съ оппозиціей, когда я произнесъ, 17-го мая 1847 года, свою первую пространную рѣчь, въ которой я оспаривалъ существовавшее мнѣніе, будто бы Пруссія воевала, въ 1813 году, для того, чтобы получить конституцію, и выразилъ весьма понятное негодованіе по поводу высказаннаго въ ландтагѣ мнѣнія, будто иноземное владычество не было достаточнымъ поводомъ для войны ¹⁾. Мнѣ казалось недостойнымъ, со стороны націи, предъявлять королю требованіе о вознагражденіи народа конституціей за то, что нація боролась за свое собственное освобожденіе.

Мои слова вызвали дѣлую бурю. Я не сонелъ съ трибуны, началъ перелистывать лежавшую на ней газету, и когда шумъ умолкъ, я окончилъ свою рѣчь.

На придворныхъ празднествахъ, происходившихъ во время соединеннаго ландтага, король и принцесса прусская замѣтнымъ образомъ избѣгали меня по разнымъ причинамъ; принцесса потому, что я не былъ либераломъ и не пользовался популярностью, а король по при-

¹⁾ Politische Reden. Изд. Котта. I, стр. 9.

Прим. издателя.

чинѣ, которая выяснилась мнѣ позднѣе. Когда онъ избѣгалъ говорить со мною при приѣмѣ членовъ ландтага, или когда въ кругу придворныхъ, сказавъ каждому, по очереди, нѣсколько словъ, онъ смолкалъ, подойдя ко мнѣ или направлялся на противоположный конецъ зала, тогда у меня невольно являлось подозрѣніе, что я переступилъ, въ своемъ увлеченіи реализмомъ, границы, которыя были имъ намѣчены въ его видахъ. Неосновательность этого предположенія выяснилась только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда я посѣтилъ Венецію во время своего свадебнаго путешествія. Король, увидавъ меня въ театрѣ, назначилъ мнѣ на другой день аудіенцію и пригласилъ меня къ обѣду; это было для меня такой неожиданностью, что я не имѣлъ возможности явиться въ должномъ парадѣ, такъ какъ захватилъ съ собою лишь самый легкій багажъ, а мѣстные портные не были достаточно умѣлы, чтобы помочь моей бѣдѣ. Король принялъ меня такъ милостиво и бесѣдовалъ со мною въ такомъ духѣ о вопросахъ политики, что я могъ видѣть въ этомъ только лестное для меня одобреніе всего, высказаннаго мною на ландтагѣ. Король приказалъ мнѣ явиться къ нему зимою, что и было мною исполнено. На этомъ приѣмѣ и на маленькихъ обѣдахъ въ замкѣ, на которыхъ я присутствовалъ, я убѣдился въ благоволеніи ко мнѣ обоихъ царственныхъ особъ и въ томъ, что король, избѣгая говорить со мною при всѣхъ, во время ландтага, не хотѣлъ выразить этимъ неодобренія моему образу дѣйствій въ политикѣ, но не желалъ показать въ то время другимъ, что онъ меня одобряетъ.

II.

Событія 18-го и 19-го марта 1848 года въ Берлинѣ.—Участіе въ нихъ Бисмарка.—Свиданіе его съ принцессою прусскою и принцемъ Фридрихомъ-Карломъ.—Неудачная попытка Бисмарка проникнуть во дворецъ.—Письмо его къ королю.—На улицахъ Берлина.—Бесѣда Бисмарка съ Приттвицемъ и Мендendorфомъ.—Депутація шегаузенскихъ крестьянъ.—Рѣчь короля офицерамъ гвардейскаго корпуса.—Письма Бисмарка генералу Приттвицу и въ Магдебургскую газету.—Противодѣйствіе Бисмарка отказу короля отъ престола.—Отношеніе къ принцессѣ прусской и къ принцу Фридриху-Вильгельму.—Разговоръ съ королемъ.—Братья Леопольдъ и Людвигъ фонъ-Герлахъ.—Генералъ фонъ-Раухъ.—Новое министерство, съ графомъ Бранденбургомъ во главѣ.—Мѣры, принятыя для безопасности министровъ въ національномъ собраніи.—Поведеніе Врангеля.

Я получалъ первое извѣстіе о событіяхъ 18-го и 19-го марта 1848 г. въ домѣ моего сосѣда по имѣнію, графа фонъ-Вартенслебенъ-Карова, у котораго искали убѣжища берлинскія дамы. Въ первый моментъ я

не столько оцѣнилъ политическое значеніе этихъ событій, какъ меня возмутило убійство нашихъ солдатъ на улицахъ города. Король быстро подавить возстаніе, думалъ я, если только онъ будетъ свободенъ. Поэтому объ освобожденіи короля, который былъ, какъ говорили, во власти мятежниковъ, слѣдовало, по моему мнѣнію, и озаботиться прежде всего.

20-го числа, шенгаузенскіе крестьяне донесли мнѣ, что къ нимъ явились депутаты изъ г. Тангермюнде ¹⁾, лежащаго въ разстояніи трехъ четвертей мили отъ ихъ села, съ требованіемъ поднять, по призыву города, на башнѣ трехцвѣтный черно-красно-желтый флагъ, угрожая, въ случаѣ отказа, придти съ вооруженной силой. Я спросилъ крестьянъ, желаютъ ли вооружиться, и когда они единогласно выразили къ тому полную готовность, то я посоветовалъ имъ прогнать горожанъ, что и было исполнено при дѣятельномъ участіи женщинъ. Затѣмъ я приказалъ поднять на башнѣ взятую изъ церкви бѣлую хоругвь съ чернымъ крестомъ, напоминавшимъ желѣзный крестъ, и привелъ въ извѣстность сколько ружей и боевыхъ припасовъ можно было найти въ деревнѣ; оказалось, что у крестьянъ было до пятидесяти охотничьихъ ружей. У меня ихъ нашлось также штукъ двадцать, считая въ томъ числѣ и старинныя ружья, и я послалъ верховыхъ за порохомъ въ Іериховъ ²⁾ и Ратеновъ ³⁾.

Затѣмъ я объѣхалъ съ женою сосѣднія деревни; крестьяне вездѣ выражали полную готовность идти въ Берлинъ, выручать короля. Съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ объ этомъ старикъ Краузе изъ Нейермарка, служившій нѣкогда вахмистромъ въ полку «карабинеровъ», коимъ командовалъ мой отецъ. Ближайшій мой сосѣдъ сочувствовалъ событіямъ, происшедшимъ въ Берлинѣ, обвинялъ меня въ подстрекательствѣ мѣстныхъ жителей и заявилъ, что ежели крестьяне въ самомъ дѣлѣ вздумаютъ идти въ Берлинъ, то онъ вмѣшается въ это дѣло и отговоритъ ихъ. Я возразилъ на это:

— Вы знаете, что я человекъ миролюбивый, но если вы это сдѣлаете, то я васъ убью.

— Конечно вы этого не сдѣлаете,—сказалъ онъ.

— Даю вамъ честное слово,—продолжалъ я,—вы знаете, что я его держу, поэтому лучше оставьте это дѣло.

Затѣмъ я поѣхалъ одинъ въ Потсдамъ, гдѣ встрѣтилъ на станціи желѣзной дороги г. фонъ Бодельшвинга, бывшаго до 19 марта мини-

¹⁾ Пруссійскій городъ Тангермюнде лежитъ при слияніи рѣкъ Тангера и Эльбы. В. В.

²⁾ Іериховъ (Jerichow) маленькій городокъ, лежащій недалеко отъ Магдебурга.

³⁾ Ратеновъ (Rathenow) уѣздный городъ при рѣкѣ Гавелѣ. В. В.

стромъ внутреннихъ дѣлъ. По всей вѣроятности ему не хотѣлось, чтобы его видѣли бесѣдующимъ со мною, съ «реакціонеромъ»; онъ отвѣтилъ на мое привѣтствіе:

— Ne me parlez pas ¹⁾.

— Les paysans se lèvent chez nous, — возразилъ я ²⁾.

— Pour le Roi? ³⁾.

— Oui ⁴⁾.

— Это канатный плясунъ, — сказалъ онъ, — закрывая руками глаза, въ которыхъ виднѣлись слезы.

Въ городѣ я увидѣлъ пѣхотныхъ солдатъ гвардіи, стоявшихъ бивуакомъ въ скверѣ воиствѣ полковой церкви; я поговорилъ съ солдатами, которые были недовольны полученнымъ приказаніемъ вернуться и желали снова идти въ бой. Когда я пошелъ отъ нихъ вдоль набережной канала, за мною шли слѣдомъ какія то подозрительныя статскія личности, походившія на шпионовъ, которые старались вступить въ разговоръ съ войскомъ и произносили по моему адресу угрозы. У меня было четыре заряда въ карманѣ, но мнѣ не пришлось пустить ихъ въ дѣло. Я зашелъ къ моему другу Роону (Roop), которому, какъ воспитателю принца Фридриха-Карла, было отведено въ городскомъ замкѣ нѣсколько комнатъ, посѣтилъ также въ «Нѣмецкомъ домѣ» генерала Моллендорфа, еще совершенно разбитаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему, когда онъ велъ переговоры съ мятежниками, и генерала Приттвица, командовавшаго войскомъ въ Берлинѣ. Я описалъ имъ настроеніе сельскаго населенія, а они сообщили мнѣ нѣкоторыя подробности событій вплоть до утра 19-го числа. Все то, что они могли сообщить мнѣ и что мы узнали позднѣе изъ извѣстій, полученныхъ изъ Берлина, еще болѣе убѣдило меня въ томъ, что король не былъ свободенъ.

Приттвицъ, который былъ старше меня и судилъ спокойнѣе, сказалъ:

— Не присылайте намъ крестьянъ, мы въ нихъ не нуждаемся, у насъ довольно солдатъ; приходите намъ лучше картофеля и хлѣба, да пожалуй и денегъ, такъ какъ я не знаю, приняты ли всѣ нужныя мѣры для продовольствія солдатъ и уплаты имъ жалованья. Если бы ко мнѣ пришло подкрѣпленіе, то я получилъ бы изъ Берлина приказаніе отпустить его, что я и долженъ былъ бы исполнить.

— Такъ освободите же короля изъ Берлина! — сказалъ я.

— Это не представило бы особенной трудности, — отвѣчалъ онъ. Съ

¹⁾ — Не говорите со мною.

²⁾ — У насъ крестьяне берутся за оружіе.

³⁾ — За короля?

⁴⁾ — Да.

моими силами я могу взять Берлинъ, но въ такомъ случаѣ придется сражаться. Что же намъ дѣлать, когда король приказалъ намъ принять на себя роль побѣжденныхъ? Не получивъ приказанія я не могу атаковать города.

При этихъ обстоятельствахъ мнѣ пришлось на умъ получить инымъ путемъ приказаніе дѣйствовать, такъ какъ его нельзя было ожидать отъ короля, лишеннаго свободы. Я постарался найти доступъ къ королевскому принцу. Когда мнѣ сказали, что для этого необходимо имѣть согласіе принцессы, то я явился къ ней, чтобы узнать отъ нея о мѣстопробываніи ея супруга (онъ находился, какъ я узналъ впоследствии, на Павлинемъ островѣ ¹⁾). Она приняла меня въ комнатѣ для служителей, находившейся въ антресоляхъ, сидя на простомъ сосновомъ стулѣ, отказала мнѣ въ моей просьбѣ, сказавъ въ сильномъ возбужденіи, что она обязана охранять права своего сына. Какъ можно было судить по ея словамъ, она видимо предполагала, что король и ея супругъ не будутъ въ состояніи удержать власть и что ей придется быть регентшей во время малолѣтства ея сына. Такъ какъ мнѣ не удалось добиться свиданія съ прусскимъ принцемъ, то я попытался поддѣйствовать на принца Фридриха-Карла; я представилъ ему, какъ важно было для королевской фамиліи сохранить сочувствіе арміи и дѣйствовать въ пользу короля хотя бы безъ его приказанія, такъ какъ его величество лишентъ свободы. Онъ отвѣчалъ мнѣ, глубоко тронутый, что хотя вполне сочувствуетъ моей мысли, но онъ еще слишкомъ молодъ, чтобы взять на себя ея исполненіе, что не можетъ подражать студентамъ, которые будучи однихъ лѣтъ съ нимъ вмѣшиваются въ политику. Я рѣшился тогда сдѣлать попытку проникнуть къ королю.

Принцъ Карлъ далъ мнѣ въ Потсдамскомъ дворцѣ слѣдующее открытое предписаніе, которое должно было служить мнѣ удостовѣреніемъ личности и паспортомъ:

«Податель сего—лично мнѣ извѣстный—имѣетъ порученіе, лично освѣдомиться у его величества, всемилостивѣйшаго брата моего, о высочайшемъ его здоровьи и доставить мнѣ извѣстіе, по какой причинѣ я не получаю, въ теченіе 30 часовъ, никакого отвѣта на мои неоднократные, собственноручные запросы о томъ, могу ли я пріѣхать въ Берлинъ. Карлъ принцъ прусскій».

Потсдамъ, 21-го марта 1848 г.

Я отправился въ Берлинъ. Будучи со времени соединеннаго ландтага лично извѣстенъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, я счелъ нуж-

¹⁾ Pfaueninsel—островъ на Гавелъ, притока Эльбы, въ окрестностяхъ Потсдама.

нымъ сбрить бороду и надѣть широкополую шляпу съ пестрой кокардой. Надѣясь получить аудіенцію у короля, я былъ во фракѣ. Въ концѣ желѣзнодорожной станціи стояла тарелка съ приглашеніемъ жертвовать въ пользу сражавшихся на баррикадахъ, а возлѣ нея стоялъ долговязый городской стражъ съ мушкетомъ за плечомъ. Мой двоюродный братъ, съ которымъ я встрѣтился, выходя изъ вагона, досталъ изъ кармана кошелекъ.

— Неужели ты намѣренъ дать что-нибудь этимъ убійцамъ?—сказалъ я, но, замѣтивъ его взглядъ, коимъ онъ меня предостерегалъ, я прибавилъ: «а ты не боишься солдатской пули?»

Я еще раньше замѣтилъ тутъ моего добраго пріятеля, совѣтника высшаго суда Мейера, который, услышавъ мои послѣднія слова, съ гнѣвомъ обернулся и, узнавъ меня, воскликнулъ:

— Чортъ побери, да это Бисмаркъ! на кого это вы похожи! Что за свинство тутъ творится!

Городовая стража, стоявшая во дворцѣ, освѣдомилась что мнѣ нужно. Когда я отвѣчалъ, что долженъ вручить королю письмо отъ принца Карла, то караульный сказалъ, подозрительно оглядывая меня, что этого быть не можетъ, такъ какъ принцъ находится въ настоящее время у короля, и слѣдовательно онъ выѣхалъ изъ Потсдама ранѣе меня. Стража потребовала, чтобы я показалъ письмо; такъ какъ оно было открыто и невиннаго содержанія, то меня отпустили, но во дворецъ я все-таки не попалъ. Въ гостиницѣ Мейнгарда, въ нижнемъ этажѣ я увидѣлъ знакомаго мнѣ доктора, который смотрѣлъ въ окно; я зашелъ къ нему и у него же изложилъ королю письменно все то, что я былъ намѣренъ сказать ему лично. Съ этимъ письмомъ я отправился къ князю Богуславу Радзивиллу, который имѣлъ свободный доступъ во дворецъ и могъ передать его королю. Я говорилъ въ этомъ письмѣ, между прочимъ, что революція ограничивается большими городами, и что страна будетъ въ рукахъ короля, если только онъ уйдетъ изъ Берлина. Король ничего не отвѣтилъ мнѣ, но говорилъ впоследствии, что онъ тщательно сохранилъ это плохо написанное и на плохой бумагѣ письмо, которое было первымъ знакомъ сочувствія, въ то время имъ полученнымъ.

Когда я расхаживалъ по улицамъ, желая увидѣть слѣды бывшаго сраженія, ко мнѣ подбѣжалъ незнакомецъ.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ,—что васъ преслѣдуютъ?

Другой неизвѣстный шепнулъ мнѣ:

— Идите за мной.

Я послѣдовалъ за нимъ въ маленькій переулокъ.

— Уѣжайте, иначе васъ арестуютъ.

— Вы меня знаете?—спросилъ я.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—«вы господинъ Бисмаркъ».

Съ какой стороны мнѣ угрожала опасность и откуда я получилъ предостереженіе, такъ и осталось для меня тайною. Незнакомецъ послѣпно скрылся. Уличный мальчишка закричалъ мнѣ вслѣдъ «Э! да это французъ»,— слова, которыя мнѣ припомнились впослѣдствіи, при одномъ случайномъ сопоставленіи. Оставшаяся у меня небритая эспаньолка, широкополая шляпа и фракъ произвели на мальчишку впечатлѣніе чего то иностраннаго. Улицы были пусты, нигдѣ не видѣлось ни одного экипажа; мимо меня прошло только нѣсколько группъ въ блузахъ со знаменами; одна изъ нихъ вела по Фридрихштрассе какого то героя баррикады, увѣнчаннаго лаврами, которому готовили овацію.

Я возвратился въ тотъ же день въ Потсдамъ, не потому, чтобы я испугался сдѣланнаго мнѣ предостереженія, а потому, что я не нашелъ въ Берлинѣ почвы для дѣятельности; мы совѣщались вторично съ генералами Моллендорфомъ и Приттвицомъ о томъ, какимъ путемъ было бы возможно дѣйствовать самостоятельно.

— Какъ намъ взяться за это дѣло?—сказалъ Приттвиць.

Я брелъ на открытомъ фортепіано, воелъ котораго я сидѣлъ, пѣхотный маршъ къ атакѣ. Моллендорфъ, весь въ слезахъ, обнялъ меня, не будучи еще въ состояніи согнуться отъ боли, которую причиняли ему полученныя имъ раны.

— Если бы вы это намъ устроили!

— Я не могу этого сдѣлать,—возразилъ я,—но чѣмъ же вы рискуете, сдѣлавъ это безъ приказанія? Страна поблагодаритъ васъ, а въ концѣ концовъ и король будетъ вамъ благодаренъ.

— Ручаетесь ли вы,—сказалъ Приттвиць,—что Врангель и Гедеманъ пойдутъ съ нами? Поступая самовольно, мы не можемъ, вдобавокъ, внести разладъ въ армію.

Я обѣщалъ выяснитъ этотъ вопросъ, съѣздить въ Магдебургъ, а въ Штетинъ послать довѣреннаго человѣка и зондировать почву. Изъ Штетина былъ полученъ отвѣтъ отъ генерала фонъ-Врангеля: «какъ поступитъ Приттвиць, такъ поступлю и я». Мнѣ же самому не посчастливилось въ Магдебургѣ. Я отправился сначала къ адъютанту генерала фонъ-Гедемана, молодому маіору, которому я высказалъ все откровенно и который выразилъ мнѣ свое сочувствіе. Но нѣсколько времени спустя отъ пришелъ ко мнѣ въ гостиницу и просилъ меня немедленно уѣхать, чтобы не подвергать себя неприятности и не ставить въ смѣшное положеніе генерала, который намѣревался арестовать меня какъ государственнаго преступника. Тогдашній оберъ-президентъ фонъ-Бонинъ, который былъ высшей политической властью въ провинціи, обнародовалъ прокламацію слѣдующаго содержанія: «Въ Берлинѣ совершилась революція; я намѣренъ стать во главѣ партіи». И это была «опера престола»! Онъ былъ впослѣдствіи министромъ и занималъ вы-

сокія и вліятельныя должности. Генераль Гедеманъ принадлежалъ къ кружку Гумбольдта.

Вернувшись въ Шенгаузенъ, я старался разъяснить крестьянамъ, что имъ нельзя идти вооруженнымъ въ Берлинъ, но этимъ я навлекъ на себя подозрѣніе, что заразился въ Берлинѣ революціоннымъ духомъ. Тогда я предложилъ, чтобы депутаты изъ Шенгаузена и другихъ деревень отправились вмѣстѣ со мною въ Потсдамъ, дабы лично въ этомъ убѣдиться, переговорить съ генераломъ фонъ-Приттвицемъ и можетъ быть съ самимъ прусскимъ принцемъ, что и было рѣшено.

Когда мы пріѣхали 25-го числа на станцію желѣзной дороги въ Потсдамъ, король только-что прибылъ туда и былъ встрѣченъ огромной толпою народа весьма сочувственно. Я сказалъ крестьянамъ, которые были со мною:

— Вотъ король, я васъ представляю ему, поговорите съ нимъ.

Но они со страхомъ отклонили это предложеніе и поспѣшно отошли въ задніе ряды. Я почтительно поклонился королю, но онъ, не узнавъ меня, отвѣтилъ тоже поклономъ и поѣхалъ во дворецъ. Я послѣдовалъ за нимъ и слышалъ рѣчь, произнесенную имъ въ мраморномъ залѣ, съ которой онъ обратился къ офицерамъ гвардейскаго корпуса ¹⁾. При словахъ: «Я никогда не былъ свободнѣе и безопаснѣе какъ подъ охраною моихъ бюргеровъ», поднялся такой ропотъ и такъ загремѣли ножны сабель, что врядъ ли прусскому королю когда-либо доводилось слышать что-либо подобное среди своихъ офицеровъ; и надобно надѣяться, что это болѣе не повторится ²⁾.

Съ горькимъ чувствомъ вернулся я обратно въ Шенгаузенъ.

Воспоминаніе о разговорѣ, который я имѣлъ въ Потсдамѣ съ генераль-лейтенантомъ фонъ-Приттвицемъ, побудило меня написать ему, въ маѣ мѣсяцѣ того же года, слѣдующее письмо, которое было подписано мною и моими друзьями, изъ окрестныхъ жителей Шенгаузена:

«Всякій, у кого бьется въ груди прусское сердце, безъ сомнѣнія, читалъ съ такимъ же негодованіемъ, какъ и мы, нижеподписавшіеся, тѣ нападки, которымъ подвергались со стороны прессы королевскія войска первое время послѣ событій 19-го марта, въ награду за то, что они честно исполнили свой долгъ въ бою и, получивъ приказаніе уйти обратно, показали неподобный примѣръ военной дисциплины и самоотверженія. Если пресса соблюдаетъ, съ нѣкоторыхъ поръ, болѣе при-

¹⁾ Напечатана со словъ одного офицера въ „Denkwürdigkeiten“ Герлаха, т. I, стр. 148.

²⁾ Передо мною лежатъ противорѣчивые и несогласные съ моими личными воспоминаніями рассказы объ этомъ событіи, напечатанные въ газетахъ: Allgemeine Preussische, Vossische и Schlessische Zeitungen (Wolff, Berliner Revolutions-Chronik, I, 424).

Примѣч. О. Бисмарка.

личный тонъ, то это надобно приписать со стороны руководящей ея партіи не тому, что она стала держаться болѣе правильнаго взгляда на вещи, а скорѣе тому обстоятельству, что стремительный ходъ событій оттѣсняетъ впечатлѣніе предыдущихъ событій на задній планъ; нѣкоторые даже дѣлаютъ видъ, будто войскамъ надобно простить ихъ прошлыя дѣла въ награду за то, что ими совершено вновь ⁴⁾). Превратныя толкованія, распространяемыя со всѣхъ сторонъ отчасти прессою, отчасти эмиссарами, подстрекающими народъ по случаю происходящихъ выборовъ, и которыя всѣ между собою болѣе или менѣе согласны, пріобрѣтаютъ уже вѣру даже среди сельскаго населенія, которое встрѣтило первыя извѣстія о берлинскихъ событіяхъ съ такимъ озлобленіемъ, что его съ трудомъ можно было сдержать; благомыслящіе изъ крестьянъ начинаютъ думать, что врядъ ли безъ всякой причины была умышленно произведена войсками берлинская рѣзня, съ вѣдома или желанія наследнаго принца, на котораго уже много клеветаютъ, или даже безъ его вѣдома и желанія, чтобы отнять у народа тѣ уступки, которыя были сдѣланы ему королемъ. Въ посторонніе происки, въ систематическое подстрекательство народа теперь почти никто не вѣритъ. Мы опасаемся, чтобы эта ложь, проникнувъ въ сознаніе низшихъ классовъ, не была принята ими, по крайней мѣрѣ, на долгое время за истину, если ей не будетъ противопоставлено подробное и подкрѣпленное доказательствами изложеніе этого событія въ томъ видѣ, какъ оно на самомъ дѣлѣ происходило, и притомъ какъ можно скорѣе, такъ какъ въ будущемъ, которое никто не въ состояніи предвидѣть, не сегодня, завтра могутъ совершиться новыя событія, которыя своею важностью до того поглотятъ вниманіе публики, что разъясненіе прошлыхъ событій ни въ комъ не вызоветъ сочувствія.

«Мы полагаемъ, что если бы народу хоть отчасти были разъяснены гнусныя причины берлинской революціи, а равно и то, что героямъ мартовскихъ событій не было никакой надобности сражаться для достиженія мнимой цѣли, т. е. для защиты обѣщанныхъ его величествомъ конституціонныхъ учрежденій, то это могло бы имѣть весьма важное вліяніе на политическіе взгляды населенія. Ваше превосходительство, какъ командовавшій достославными войсками, которыя дѣйствовали въ этомъ событіи, болѣе чѣмъ кто-либо другой имѣете, по нашему мнѣнію, возможность исполнить это и можете вполне точно выяснить истину объ этихъ событіяхъ.

«Убѣжденіе въ томъ, насколько это важно для нашего отечества и какъ много выиграетъ отъ этого слава нашей арміи, послужитъ намъ извиненіемъ, что мы обращаемся къ вашему превосходительству съ все-

⁴⁾ 23-го апрѣля былъ захвачъ войсками Шлезвигъ. Прии. Бисмарка.

покорной и убѣдительною просьбой, обнародовать какъ можно скорѣе, насколько позволятъ это соображенія служебнаго характера, обстоятельное и подкрѣпленное доказательствами описаніе берлинскихъ событій, съ военной точки зрѣнія»¹⁾).

Генераль фонъ-Приттвицъ не исполнилъ этой просьбы. Только 18-го марта 1891 г. генераль-лейтенантъ фонъ-Мейеринкъ (A. Meyerinck) напечаталъ въ приложеніи къ военному журналу «Militär-Wochenblatt» статью, имѣвшую указанную мною цѣль; къ сожалѣнію, она появилась такъ поздно, что самые важные свидѣтели тѣхъ событій, а именно флигель-адъютантъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель и графъ Оріола въ то время уже скончались.

Въ дополненіе къ исторіи мартовскихъ событій я привожу здѣсь разговоры, которые я имѣлъ съ нѣкоторыми лицами, пожелавшими видѣть меня, одни—потому что считали меня довѣреннымъ лицомъ консерваторовъ и вслѣдствіе этого хотѣли оправдаться въ своемъ поведеніи до и послѣ событій 18-го марта, другіе—для того, чтобы передать мнѣ свои наблюденія. Президентъ полиціи фонъ-Минутоли жаловался, что его упрекали въ томъ, будто онъ предвидѣлъ революцію и ничего не сдѣлалъ, чтобы предупредить ее. Онъ отрицалъ, что ему были извѣстны какіе-либо тревожные признаки. На мое возраженіе, что я слышалъ въ Гентинѣ отъ очевидцевъ, будто за нѣсколько дней передъ 18-мъ марта по направленію къ Берлину проѣхали какія-то личности, походившія на иностранцевъ, которые говорили по-польски, и что одинъ изъ нихъ открыто везли съ собою оружіе, а другіе имѣли при себѣ большую поклажу,—Минутоли отвѣчалъ, что министръ фонъ-Бодельшвингъ призывалъ его въ половинѣ марта къ себѣ и выражалъ ему свои опасенія по поводу происходившаго броженія умовъ; тогда Минутоли свелъ его въ одно собраніе, происходившее въ лагерѣ. Послушавъ рѣчи, говорившіяся тамъ, Бодельшвингъ сказалъ:

— Люди говорятъ вполне разумно, благодарю васъ, вы спасли меня отъ глухости.

По мнѣнію Минутоли, его популярность въ первые дни послѣ уличнаго боя была подозрительна.

Меня посѣтилъ также генераль фонъ-Приттвицъ, командовавшій войсками около дворца. По его словамъ, онъ были удалены слѣдующимъ образомъ: когда ему сдѣлалась извѣстна прокламація «Къ моимъ любезнымъ берлинцамъ», онъ прекратилъ сраженіе, но продолжалъ занимать войскомъ дворцовую площадь, цейхгаузъ и прилегавшія улицы для защиты дворца. Тогда Бодельшвингъ потребовалъ удаленія войска.

— Дворцовая площадь должна быть очищена,—сказалъ онъ.

¹⁾ Bismarck-Jahrbuch, VI, 8.

— Это немислимо,—отвѣчалъ Приттвицъ,—этимъ я подвергну короля опасности.

— Король повелѣлъ въ своей прокламаціи, чтобы всѣ «площади» ¹⁾ были очищены,—сказалъ Бодельшвингъ. Дворцовая площадь—площадь она или нѣтъ? Я пока еще министр и знаю какъ нельзя лучше, что мнѣ надо дѣлать. Я требую, чтобы вы очистили дворцовую площадь.

— Что оставалось мнѣ дѣлать послѣ этого, какъ не увести войска, такъ закончилъ Приттвицъ свой рассказъ.

— А я счелъ бы болѣе цѣлесообразнымъ, отвѣчалъ я, командовать унтеръ-офицеру: «возьмите этого статскаго подъ стражу».

— Издали всегда виднѣе какъ поступить, замѣтилъ Приттвицъ. Вы разсуждаете какъ политикъ; я поступилъ какъ подобаешь военному, исполняя приказаніе министра, оправдываясь на высочайшую прокламацію.

Я слышалъ изъ другого источника, что Приттвицъ прекратилъ этотъ разговоръ съ Бодельшвингомъ, происходившій на улицѣ, тѣмъ, что побавровѣвъ отъ злости, вложилъ саблю въ ножны, пробормотавъ тотъ вызовъ, который Гецъ фонъ-Берлихингенскій ²⁾ бросаетъ правительственному комисару. Затѣмъ онъ повернулъ лошадь налѣво и молча отвѣхалъ шагомъ. Когда посланный къ нему изъ дворца офицеръ спросилъ его, почему войска уходятъ, онъ отвѣчалъ рѣзко: *Die sind mir durch die Finger gegangen, wo Alle mitreden* ³⁾.

Офицеры, бывшіе въ свѣтѣ короля, передавали мнѣ, что они искали короля, но не могли сразу найти его, такъ какъ онъ скрылся по весьма понятнымъ причинамъ. Когда онъ появился вновь, они спросили его.

— Ваше величество приказали войскамъ уйти?

— Нѣтъ, отвѣчалъ король.

— Однако онѣ уходятъ, сказалъ адъютантъ и подвелъ короля къ окну.

Дворцовая площадь кишѣла статскими, позади которыхъ видѣлись послѣдніе штыки уходившихъ солдатъ.

— Я этого не приказывалъ, это быть не можетъ, воскликнулъ король, при этомъ лицо его выражало удивленіе и негодованіе.

О князѣ Лихновскомъ мнѣ разсказывали, что онъ распространялъ наверху, во дворцѣ, слухъ о слабости войска, о недостаткѣ провіанта и патроновъ, чѣмъ нагонялъ на всѣхъ страхъ, а внизу, на площади, со-

¹⁾ Въ прокламаціи было сказано: „всѣ улицы и площади“. Пр. Бисмарка.

²⁾ Въ романѣ Гете „Гецъ фонъ-Берлихингенъ“, написанномъ въ 1773 г. В. В.

³⁾ Они мнѣ проскочили между пальцевъ въ то время, какъ шла общая болтовня.

вѣтоваль нѣмецкимъ и польскимъ революціонерамъ потерпѣть, говоря что на верху уцали духомъ.

Въ краткую сессію второго соединеннаго ландтага я сказалъ въ своей рѣчи, произнесенной 2-го апрѣля ¹⁾:

«Я принадлежу къ числу немногихъ лицъ, которые подадутъ голосъ противъ адреса; я просилъ слова только для того, чтобы мотивировать это рѣшеніе и сказать вамъ, что на сколько адресъ этотъ является программой будущаго, я приму его безъ дальнѣйшихъ объясненій, но сдѣлаю это единственно потому, что я не могу поступить иначе.—Я дѣлаю это не добровольно, но побуждаемый къ тому силою обстоятельствъ, ибо я не измѣнилъ своихъ взглядовъ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ; я полагаю, что это министерство единственное, которое можетъ вывести насъ изъ настоящаго положенія и привести къ порядку и законности; поэтому я буду поддерживать его насколько позволятъ мои слабыя силы вездѣ, гдѣ это окажется возможнымъ. Но выраженія радости и признательности, которыя мы слышали по поводу того, что совершилось въ послѣдніе дни, побуждаютъ меня вотировать противъ адреса. Прошлое погребено, и я скорблю, болѣе нежели многіе изъ васъ, о томъ, что никакія человѣческія силы не въ состояніи воскресить его, такъ какъ правительство само бросило горсть земли на свою могилу. Но, соглашаясь на это подъ давленіемъ обстоятельствъ, не могу же я закончить свою дѣятельность въ соединенномъ ландтагѣ ложью, не долженъ же я благодарить и выражать свою радость по поводу того, что я признаю, по меньшей мѣрѣ, вступленіемъ на ложный путь. Когда новый путь, на который мы теперь вступили, приведетъ насъ дѣйствительно къ объединенному нѣмецкому отечеству, когда мы будемъ пользоваться счастливымъ или хотя бы только законнымъ состояніемъ, тогда настанетъ моментъ, когда я выскажу свою благодарность тому, кто былъ виновникомъ новаго порядка вещей; въ настоящее время сдѣлать этого я не могу».

Я хотѣлъ сказать больше, но волненіе не позволило мнѣ продолжать, я зарыдалъ истерически и долженъ былъ оставить трибуну.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ, нападеніе, которому я подвергся со стороны Магдебургской газеты, вынудило меня послать въ редакцію слѣдующую замѣтку, въ которой я воспользовался новымъ приобрѣтеніемъ, котораго народъ настойчиво добивался и которое онъ получилъ вслѣдствіе отмѣны цензуры, именно «правомъ свободно высказывать свое мнѣніе», не подозревая, что его стануть у меня ослепить 42 года спустя ²⁾.

¹⁾ Politische Reden т. I, стр. 45.

²⁾ Вслѣдствіе распоряженія Каприви отъ 23-го мая 1890 г. Прим. Бисм.

«Милостивый государь, въ сегодняшнемъ номерѣ вашей газеты помѣщена статья изъ Альтмарка, которая бросаетъ тѣнь на нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и на меня; поэтому я полагаю, что вы сочтете справедливымъ помѣстить нижеслѣдующее возраженіе. Хотя я и не тотъ господинъ, указанный въ статьѣ, который пріѣхалъ будто бы изъ Потсдама въ Стендаль, но я точно также заявилъ на прошедшей недѣлѣ моимъ сосѣдямъ крестьянамъ, что король лишаетъ, какъ мнѣ извѣстно, свободы, и предлагалъ имъ послать куда слѣдуетъ денуціацію, но при этомъ я не желалъ бы, чтобы мнѣ приписывали тѣ эгоистичные мотивы, которые указаны вашимъ корреспондентомъ: 1) весьма естественно, что всякій, кому были извѣстны событія, совершившіяся съ королемъ послѣ удаленія войска, могъ думать, что король не былъ властенъ дѣлать и предпринимать то, что онъ хотѣлъ; 2) я считаю каждого гражданина свободнаго государства въ правѣ лично высказывать согражданамъ свое мнѣніе въ томъ случаѣ, когда оно не согласуется въ тотъ моментъ съ общепринятымъ мнѣніемъ общества, тѣмъ болѣе послѣ только что пережитыхъ событій было бы трудно оспаривать у кого нибудь право поддерживать свои политическіе взгляды при помощи народнаго возстанія; 3) если всѣ дѣйствія его величества въ послѣдніе 14 дней были совершены имъ вполне добровольно, чего ни вашъ корреспондентъ, ни я не можемъ сказать съ увѣренностью, то ради чего же сражались берлинцы? Въ такомъ случаѣ сраженіе 18 и 19 числа было бы по меньшей мѣрѣ дѣломъ безцѣльнымъ и излишнимъ и все кровопролитіе не имѣло бы ни повода, ни послѣдствій; 4) я полагаю, и вѣроятно мнѣніе мое согласуется въ этомъ случаѣ со взглядомъ большинства дворянства, что въ такое время, когда идетъ рѣчь о социальномъ и политическомъ существованіи Пруссіи, когда Германія со всѣхъ сторонъ угрожаютъ раздоры, у насъ не можетъ быть ни времени, ни охоты тратить силы на реакціонерныя попытки или на защиту тѣхъ незначительныхъ помѣстныхъ правъ, которыя мы еще сохранили. Находя этотъ вопросъ второстепеннымъ, мы готовы употребить наши силы на дѣло болѣе достойное, считая возстановленіе въ Германіи законнаго порядка и сохраненіе чести и цѣлости нашего отечества единственной, въ настоящее время, задачей, достойной человека, коего взгляды на наше политическое положеніе не затемнены партійными интересами.

«Если вы примете вышеприведенное объясненіе, то я не буду ни чего имѣть противъ преданія имени моего гласности. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ я имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь покорнымъ слугою. Бисмаркъ».

Шенгаузенъ близъ Герхова, 30-го марта 1848 года.

Считаю нужнымъ замѣтить, что я съ молодыхъ лѣтъ подписывалъ свою фамилію безъ частицы «фонъ» и сталъ подписываться въ настоящее время фонъ-Бисмаркъ лишь въ видѣ протеста противъ проекта 1848 года объ упраздненіи дворянства.

Слѣдующая статья, которая сохранилась у меня, набросанная мною собственноручно, была написана, какъ показываетъ ея содержаніе, въ промежутокъ времени между вторымъ соединеннымъ ландтагомъ и выборами въ національное собраніе. Я не могъ дознаться, въ какой газетѣ она была напечатана ¹⁾.

«Изъ Альтмарка.

«Тѣ изъ нашихъ согражданъ, которые при существовавшей системѣ сословной отчужденности, пользовались большимъ представительствомъ, а именно жители городовъ, начинаютъ чувствовать, что при новой системѣ выборовъ, когда городскому населенію почти всѣхъ округовъ приходится конкурировать съ значительно превышающимъ его численностью сельскимъ населеніемъ, интересы ихъ должны будутъ уступить передъ нуждами огромной массы сельскихъ жителей. Мы живемъ въ эпоху матеріальныхъ интересовъ и когда новая конституція упрочится, когда успокоится нынѣшнее броженіе умовъ, борьба партій будетъ направлена къ рѣшенію вопроса, какимъ образомъ должны быть распределены государственные налоги, соразмѣрно личному имуществу или соразмѣрно съ цѣнностью земли, которая представляетъ самый вѣрный и удобный предметъ обложенія, малѣйшая часть котораго никогда не можетъ быть скрыта. Вполнѣ естественно, что горожане стремятся освободить, какъ можно болѣе, отъ обложенія фабричную промышленность, городское имущество, рантьеровъ и капиталистовъ и распределить налоги предпочтительно на поля, луга и ихъ произведенія. Начало этому уже положено тѣмъ, что въ городахъ, въ которыхъ до сихъ поръ существовалъ налогъ на ввозъ зернового хлѣба, низшій классъ освобожденъ отъ введеннаго нынѣ прямого налога, тогда какъ въ деревнѣ крестьяне теперь, какъ и прежде, платятъ подушную подать. Мы слышимъ также, что принимаются мѣры для поддержки казною промышленности, но что-то не слышно о томъ, чтобы хотѣли помочь сельскому жителю, который не можетъ продать свои произведенія по причинѣ угрожающей морской войны, а по недостатку средствъ въ наше бѣдное деньгами время, вынужденъ продать свой дворъ. Точно также когда говорятъ о косвенныхъ налогахъ, намъ приходится болѣе слышать о покровительственной таможенной системѣ для развитія мѣстныхъ произведеній фабричной промышленности и ремеслъ, нежели о свободѣ торговли, столь необходимой для сельскаго

¹⁾ Bismarck-Jahrbuch, VI, стр. 10.

населенія. Повторяемъ, вопль естественно, что часть городского населенія, ради выше упомянутыхъ спорныхъ вопросовъ, не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы выставить на предстоящихъ выборахъ свои собственные интересы и ослабить число представителей сельскаго населенія. Чрезвычайно дѣйствительнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли является стремленіе набросить тѣнь подозрѣнія на тѣхъ представителей сельскаго населенія, которые по своему образованію и развитію съ успѣхомъ могутъ защищать въ національномъ собраніи интересы земельной собственности; съ этой цѣлью стараются искусственно возбудить недовольство противъ землевладѣльцевъ дворянъ, полагая, что если этотъ классъ удастся устранить, то сельскому населенію придется брать адвокатовъ или ходатаевъ изъ горожанъ, которые не особенно заботятся о деревенскихъ интересахъ, или же въ собраніе явятся въ большинствѣ простые деревенскіе люди, которыми надѣются руководить незамѣтнымъ образомъ, пуская въ ходъ краснорѣчіе и ловкую политику главарей партій. Въ этихъ видахъ дворянъ стараются представить людьми, поддерживающими старый порядокъ, тогда какъ землевладѣльцы дворяне, также какъ всѣ благомыслящіе люди, полагаютъ, что было бы неблагоразумно и даже невозможно задержать ходъ событій или заставить ихъ вернуться вспять.

«Въ деревняхъ стараются также распространить мысль, что пришло время освободиться безъ всякихъ потерь отъ всѣхъ платежей, причитающихся дворянамъ по имперскимъ протоколамъ объ отчужденіи земель, но при этомъ умалчиваютъ, что правительство, охраняющее право и порядокъ, не можетъ начать съ того, чтобы ограбить одинъ классъ гражданъ въ пользу другого, иначе всѣ права, основанныя на законѣ или взаимныхъ договорахъ, всѣ требованія, которыя одинъ человекъ можетъ предъявить къ другому, всѣ права на ипотечные доходы и на капиталъ, могутъ быть отняты у тѣхъ, кто ими владѣетъ, съ такимъ же правомъ, съ какимъ у дворянъ могли бы отнять ихъ доходы, не выдавъ имъ за это полного вознагражденія. Крестьянина обманываютъ, будто землевладѣлецъ-дворянинъ не имѣетъ одинакіе съ нимъ интересы, какъ землевладѣлецъ и одного врага въ преобладаніи промышленной системы, которая претендуетъ на господство въ прусскомъ государствѣ. Если удастся этимъ обмануть крестьянъ, то будемъ надѣяться, что не надолго, и что этотъ обманъ будетъ обнаруженъ отрицно въ законномъ порядкѣ прежнихъ политическихъ привилегій аграрныхъ дворянскихъ имуществъ, и что глаза сельскаго населенія откроются, когда дѣло дойдетъ до платежа и когда будетъ уже поздно, и когда оно пойметъ, какъ тонко его перехитрилъ умный горожанинъ».

Въ то время когда долженъ былъ открыться второй соединенный ландтагъ, Георгъ фонъ-Финкъ, отъ имени своей партіи и, надо пола-

гать, по порученію лицъ болѣе высокопоставленныхъ, старался заручиться моимъ содѣйствіемъ для осуществленія проекта, имѣвшаго цѣлю побудить короля отказаться отъ престола, передавъ его помимо прусскаго принца, но съ его вѣдома и согласія, его малолѣтнему сыну и назначивъ принцессу регентшей. Я сразу отклонилъ это предложеніе, заявивъ, что отвѣчу на него обвиненіемъ въ государственной измѣнѣ. Финкъ зацципаль свое предложеніе, называя это мѣрой обдуманной и вызванной политической необходимостью. Онъ считалъ совершенно невозможнымъ вступленіе на престолъ принца, котораго обвиняли, впрочемъ совершенно несправедливо, въ участіи въ послѣднихъ событіяхъ, и высказалъ предположеніе, что принцъ уже далъ вѣроятно на это свое письменное согласіе.

Видя, что попытка не удалась, фонъ-Финкъ прекратилъ разговоръ, холодно замѣтивъ, что безъ содѣйствія крайней правой, которой онъ считалъ меня представителемъ, не удастся убѣдить короля отказаться отъ престола. Этотъ разговоръ происходилъ у меня, въ нижнемъ этажѣ Hôtel des Princes.

Я никогда не передавалъ этого императору Вильгельму, равно и того, что мнѣ говорила его супруга въ мартѣ мѣсяцѣ въ Потсдамскомъ дворцѣ; не знаю слышалъ ли онъ объ этомъ отъ кого-либо другого. Я умолчалъ объ этихъ фактахъ даже въ такіе важные моменты, каковыми были четырехлѣтній конфликтъ ¹⁾, война съ Австріей и Культуръ-кампфъ ²⁾, когда я встрѣтилъ въ лицѣ королевы Августы противника, мѣшавшаго мнѣ исполнить то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ,—обстоятельство, которое подвергло меня самымъ тяжелымъ испытаніямъ.

Зато принцесса написала вѣроятно своему супругу въ Англію, что я старался проникнуть къ нему, чтобы заручиться его содѣйствіемъ и произвести съ его помощью контръ-революцію для освобожденія короля; ибо, когда принцъ, на обратномъ пути изъ Англій, остановился на нѣсколько минутъ на станціи желѣзной дороги въ Гентингъ, то узнавъ меня, стоявшаго позади прочей публики, онъ подошелъ ко мнѣ сквозь толпу, протянулъ руку и сказалъ:

¹⁾ Разногласіе между прусскимъ правительствомъ и народными представителями въ 1861 г., возникшее по поводу отказа ландтага вопревать необходимые средства для предпринятой правительствомъ по собственной инициативѣ реорганизаціи арміи. Конфликтъ повелъ къ распушенію ландтага, назначенію Бисмарка главой министерства и взиманію налоговъ безъ утвержденія бюджета палатой. В. В.

²⁾ Впервые введенное Рудольфомъ Вирховымъ обозначеніе борьбы, которая велась со времени послѣдней франко-прусской войны между прусскимъ правительствомъ и католическимъ духовенствомъ. В. В.

— Я знаю, что вы дѣйствовали въ мою пользу и никогда этого не забуду.

Первый разъ я встрѣтился съ нимъ зимою 1834—1835 года на придворномъ балу. Я стоялъ рядомъ съ г. фонъ-Шакомъ, изъ Мекленбурга, который былъ такого же высокаго роста какъ я и также носилъ мундиръ министерства юстиціи, что подало принцу поводъ сказать въ шутку, что это министерство нынѣ выбираетъ себѣ служащихъ какъ въ гвардію, по росту. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, онъ спросилъ, почему я не поступилъ въ военную службу.

Я отвѣчалъ,—что таково было мое желаніе, но что родители мои были противъ военной карьеры, находя ее слишкомъ мало обѣщающей.

— Карьера дѣйствительно не блестящая,—отвѣчалъ принцъ,—но и служба въ министерствѣ юстиціи также не блестяща.

Во время перваго соединеннаго ландтага, въ которомъ онъ участвовалъ какъ членъ куріи господъ, принцъ неоднократно бесѣдовалъ со мною, въ такомъ тонѣ, который свидѣтельствовалъ, что онъ одобрялъ мое тогдашнее политическое поведеніе.

Вскорѣ послѣ нашей встрѣчи въ Гентинѣ, онъ пригласилъ меня въ Бабельсбергъ. Я сообщилъ нѣкоторыя подробности мартовскихъ событій, именно о настроеніи войскъ при выступленіи изъ Берлина, которое выразилось въ стихахъ очень язвительнаго содержанія.

Прослушавъ это стихотвореніе ¹⁾, принцъ такъ горько заплакалъ, что я видѣлъ его плачущимъ только еще разъ въ жизни, въ Никольсбургѣ, когда я доказывалъ ему необходимость прекратить войну (о чемъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ).

Принцесса, его супруга, относилась ко мнѣ, до назначенія моего во Франкфуртъ, настолько милостиво, что я приглашался иногда въ Бабельсбергъ, чтобы выслушать ея политическія взгляды и желанія, изложеніе которыхъ заканчивалось обыкновенно словами: «Мнѣ было очень пріятно слышать ваше мнѣніе», хотя при этомъ я рѣшительно не имѣлъ случая что-либо высказать. Будущій императоръ Фридрихъ, которому было въ то время лѣтъ 18 или 19, но который казался моложе, выражалъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ свою симпатію моимъ политиче-

¹⁾ Въ этомъ стихотвореніи, весьма характерно рисуящемъ въ тотъ моментъ настроеніе пруссаковъ, выражается ихъ преданность королю, готовность войскъ сражаться и умирать за него, ихъ грусть по поводу того, что имъ пришлось замѣнить свой прусскій черныи съ бѣлымъ флагъ общегерманскимъ знаменемъ, перестать быть пруссаками, и быть только нѣмцами; ихъ негодованіе по поводу позорныхъ дѣйствій черни и предостереженіе принцу, что онъ пожайдетъ со-временемъ о случившемся, такъ какъ въ преданности престолу никто не сравнивается съ ними, съ пруссаками.

скимъ взглядамъ тѣмъ, что провожая меня онъ крѣпко сжималъ мнѣ руку, когда я садился въ карету, какъ будто ему не было позволено выражать мнѣ свое сочувствіе при всѣхъ.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ царствованія Фридриха-Вильгельма III, стремленіе къ объединенію Германіи выражалось исключительно студенческими манифестациями, которыя прекращались полицейскими мѣрами. Фридрихъ-Вильгельмъ IV относился къ нѣмецкому національному движенію болѣе добродушно и сочувственно нежели его отецъ, но осуществленію его нѣмецко-національныхъ идей на практикѣ мѣшалъ остатокъ средневѣковыхъ традицій и его не любовь къ опредѣленнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ. Это было причиною того, что онъ пропустилъ благоприятный моментъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г. и нѣкоторые другіе случаи, коими можно было воспользоваться. Въ промежутокъ времени, протекшій между возстаніями въ южной Германіи, въ томъ числѣ и въ Вѣнѣ, и событіями 18-го марта, когда было очевидно, что изъ всѣхъ германскихъ государствъ, революція не коснулась только одной Пруссіи, нѣмецкіе принцы были готовы искать въ Берлинѣ покровительства и защиты, подъ условіемъ исполненія ихъ объединительныхъ стремленій, которыя были гораздо шире того, что было осуществлено впоследствии. Баварія также была готова примкнуть къ этому движенію. Если бы состоялся конгрессъ нѣмецкихъ принцевъ, который согласно заявленію, сдѣланному 10-го марта прусскимъ и австрійскимъ правительствами, долженъ былъ собраться въ Дрезденѣ 20-го марта, то, судя по настроенію умовъ, которое господствовало при нѣмецкихъ дворахъ, можно было ожидать, что ими была бы принесена на алтарь отечества такая же добровольная жертва, каковая была принесена Франціей 4-го августа 1789 г. Это предположеніе вполнѣ оправдывается тогдашними обстоятельствами; въ военномъ отношеніи Пруссія была достаточно сильна и нетронута, чтобы сдержать волну революціи и дать прочимъ нѣмецкимъ государствамъ въ будущемъ тѣ гарантіи порядка и законности, которыя прочія династіи въ то время готовы были принять.

Событія 18-го марта послужили доказательствомъ того, какъ опасно можетъ быть вмѣшательство грубой силы даже для достиженія той цѣли, къ которой она стремится. Однако, по утру 19-го марта еще ничего не было потеряно. Возстаніе было усмирено. Предводители его, въ числѣ которыхъ былъ знакомый мнѣ еще по университету ассесоръ Рудольфъ Шрамъ, бѣжали въ Дессау.

Если бы король подавилъ въ мартѣ мѣсяцѣ возстаніе и не далъ бы ему вновь усилиться, то послѣ паденія Австріи, императоръ Николай не создалъ бы намъ никакихъ затрудненій при выработкѣ прочной организаціи Германіи. Онъ болѣе симпатизировалъ въ началѣ Берлину нежели Вѣнѣ, хотя Фридрихъ-Вильгельмъ IV, лично, не пользовался, да

и не могъ пользоваться его симпатіей вслѣдствіе большого различія въ ихъ характерѣ.

Проѣздъ короля, 21-го марта по улицамъ Берлина, подъ знаменемъ союза студентовъ всѣхъ корпорацій, не могъ способствовать возвращенію того, что было имъ утрачено въ дѣлахъ внутреннихъ и вѣнскихъ. Король очутился не во главѣ своихъ войскъ, а во главѣ тѣхъ, кто сражался на баррикадахъ, во главѣ той своевольной толпы, угрозы которой вынудили нѣмецкихъ принцевъ, нѣсколько дней передъ тѣмъ, искать у него защиты. Мысль перенести засѣданія предложеннаго конгресса нѣмецкихъ принцевъ изъ Дрездена въ Потсдамъ, какъ единственное послѣдствіе мартовскихъ событій, потеряла всякій смыслъ послѣ этого недостойнаго факта.

Мягкость, съ какою Фридрихъ-Вильгельмъ IV, повинувшись непрощенымъ и быть можетъ предательскимъ совѣтамъ окружающихъ и уступая женскимъ слезамъ, хотѣлъ покончить кровопролитное столкновеніе въ Берлинѣ, въ которомъ побѣда была на сторонѣ войска, приказавъ ему отказаться отъ одержанной имъ побѣды, имѣла для нашей дальнѣйшей политики ту невыгодную сторону, что этимъ былъ пропущенъ удобный моментъ. Другой вопросъ, долго ли побѣда была бы на сторонѣ короля, если бы онъ воспользовался успѣхомъ, одержаннымъ его войскомъ. Во всякомъ случаѣ онъ не былъ бы тогда въ такомъ тяжеломъ настроеніи, въ какомъ я видѣлъ его во время второго соединеннаго ландтага.

Мое первое посѣщеніе Санъ-Суся произошло при не особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ. Я былъ въ Потсдамѣ въ первыхъ числахъ іюня, за нѣсколько дней до отставки президента министровъ Людольфа Кампгаузена, когда однажды ко мнѣ явился въ гостиницу лейбъ-егеръ съ увѣдомленіемъ, что меня желаетъ видѣть король. Я отвѣчалъ, подъ впечатлѣніемъ моего тогдашняго протестующаго настроенія, что къ сожалѣнію, я не могу исполнить приказаніе его величества, такъ какъ я собираюсь домой, и жена моя, здоровье которой требуетъ большихъ заботъ, можетъ взволноваться, если я вернусь позже чѣмъ было условлено. Немного погодя явился флигель-адъютантъ Эдвинъ фонъ-Мантейфель и передалъ вторично приглашеніе короля, который просилъ меня къ обѣду и сказалъ, что король предоставляет въ мое распоряженіе фельдъегеря, чтобы предупредить мою жену. Дѣлать было нечего, оставалось только отправиться въ Санъ-Суся.

За обѣдомъ, кромѣ дежурныхъ кавалеровъ и дамъ, не было, сколько помнится, приглашенныхъ никого кромѣ Кампгаузена и меня. Послѣ обѣда, король повелъ меня на террасу и любезно спросилъ:

— Какъ идутъ у васъ дѣла?

— Плохо,—отвѣчалъ я, съ раздраженіемъ, которое испытывалъ со времени мартовскихъ событій.

— Я полагаю, настроеніе у васъ должно быть хорошее,—замѣтилъ король.

— Настроеніе было прекрасное, отвѣчалъ я,—но оно испортилось съ тѣхъ поръ, какъ революція была преподнесена намъ королевскими учрежденіями, за королевской печатью. У насъ нѣтъ увѣренности въ томъ, что мы найдемъ защиту въ королѣ.

— Какъ вы смѣете такъ говорить? сказала королева, появившаяся въ этотъ моментъ изъ-за куста.

— Оставь насъ, Елисавета, сказалъ король,—я справлюсь съ нимъ; затѣмъ, обратясь ко мнѣ:

— Въ чемъ же собственно вы обвиняете меня?

— Въ удаленіи войскъ изъ Берлина.

— Это было сдѣлано не по моему желанію, возразилъ король.

Королева, которая могла еще разслышать то, что мы говорили, присовокупила:

— Въ этомъ король совершенно не виноватъ, онъ уже трое сутокъ не спалъ.

— Король долженъ спать, когда это нужно, возразилъ я.

Не смущаясь этимъ рѣзкимъ отвѣтомъ, король замѣтилъ:

— Впослѣдствіи всегда виднѣе какъ надобно было поступить, но какая польза въ томъ, если я сознаю, что я поступилъ неправильно? Упреки—плохое средство для того, чтобы возстановить пошатнувшійся престолъ; мнѣ нужна для этого помощь и дѣятельная преданность, а не критика.

Доброта, съ какой все это было сказано и съ какою все время говорилъ со мною король, побѣдила меня. Я явился къ нему въ протестующемъ настроеніи человѣка, которому было безразлично заслужить его неодобреніе, а ушелъ отъ него совершенно побѣжденный и обезоруженный.

На мое замѣчаніе, что онъ властитель страны и можетъ возстановить повсюду порядокъ, которому угрожаетъ опасность, король сказалъ, что онъ можетъ дѣйствовать не иначе, какъ на почвѣ формальнаго права: иначе монархіи можетъ угрожать опасность не только внутри, но и извнѣ.

Я отвѣчалъ, что при настоящемъ положеніи, границы формальнаго права весьма неясны и что противники такъ-же мало поцеремонились бы съ нимъ какъ и 18-го марта, если бы сила была на ихъ сторонѣ; я смотрѣлъ на положеніе вещей скорѣе съ точки зрѣнія необходимости личной обороны, нежели юридической аргументаціи. Но король настан-

важъ на томъ, что его положеніе будетъ слишкомъ неустойчиво, ежели овъ сойдетъ съ почвы законности.

Изъ многихъ разговоровъ, которыя я имѣлъ вслѣдъ за тѣмъ съ королемъ, мнѣ запомнились слѣдующія его слова:

— Я буду бороться противъ тенденцій національнаго собранія, но какъ бы я ни былъ увѣренъ въ своемъ правѣ, при настоящихъ обстоятельствахъ нельзя сказать, чтобы и другіе, въ томъ числѣ толпа, также раздѣляли этотъ взглядъ; для того чтобы я могъ быть въ этомъ вполне увѣренъ, надобно чтобы болѣе выяснился неправильный взглядъ національнаго собранія на такіе вопросы, въ которыхъ мое право защищаться силою оружія выразилось бы вполне ясно не только для меня, но и для всѣхъ остальныхъ.

Мнѣ такъ и не удалось убѣдить короля въ томъ, что его сомнѣніе въ своемъ правѣ прибѣгнуть къ защитѣ оружія было неосновательно. Справедливость моего взгляда подтвердилась тѣмъ, что всѣ, болѣе или менѣе крупныя возстанія, подавлялись единственно военной силой.

Бывая въ Санъ-Суси, я познакомился съ нѣкоторыми лицами, пользовавшимися довѣріемъ короля въ дѣлахъ подитими, съ конми я встрѣчался иногда въ его кабинетѣ. Изъ нихъ назову въ особенности генерала Леопольда фонъ-Герлаха и личнаго секретаря короля—Рауха.

Раухъ былъ человѣкъ болѣе практичный. Герлахъ, котораго болѣе мучила теоретическая сторона вопросовъ, затронутыхъ тогдашними событиями, былъ человѣкъ, благородный, въ высшемъ значеніи слова, но не такой фанатикъ какъ его братъ, президентъ Людвигъ фонъ-Герлахъ; въ частной жизни онъ былъ безпритязателемъ и безпомощенъ какъ дитя, но въ политикѣ былъ смѣлъ и способенъ къ высокимъ порывамъ, которые умѣрялись однако его флегматической натурой. Я помню, какъ мнѣ пришлось однажды высказать въ присутствіи обоихъ братьевъ, президента и генерала, свое мнѣніе по поводу приписываемой имъ непрактичности.

— Если мы увидимъ сейчасъ, всѣ трое, что на улицѣ произошелъ какойнибудь несчастный случай, сказалъ я, то господинъ президентъ произнесетъ по этому случаю остроумную рѣчь о недостаткѣ въ насъ вѣры и о несовершенствѣ нашихъ учреждений; генералъ скажетъ безошибочно, что слѣдовало бы сдѣлать, чтобы помочь бѣдѣ, но не двинется съ мѣста.—Я одинъ спустился бы вѣроятно на улицу и позвалъ бы людей на помощь.

Таковъ былъ самый вліятельный изъ политическихъ совѣтниковъ Фридриха-Вильгельма IV, человѣкъ благородный, чуждый эгоизма, вѣрный слуга короля, но физически и умственно неспособный съ быстротою приводить въ исполненіе свои вполне правильные взгляды, чему отчасти была причиною его чрезмѣрная тучность. Онъ былъ душою и тѣломъ преданъ королю, хотя не всегда раздѣлялъ его взгляды; онъ даже платился за свою преданность ему жизнью, когда, не взирая на вѣтеръ и

стужу, провожалъ, въ день похоронъ, тѣло короля съ обнаженной головою, держа каску въ рукѣ. Заболѣвъ рожею, онъ скончался нѣсколько дней спустя, напомнивъ своею смертью образъ тѣхъ древнихъ германцевъ, приближенныхъ королей, которые добровольно умирали вмѣстѣ съ ними.

Такимъ же какъ Герлахъ и быть можетъ еще большимъ вліяніемъ на короля пользовался въ 1848 г. Раухъ—человѣкъ даровитый, смѣлый и честный, но не получившій высокаго образованія; онъ былъ, по направленію своему, настоящій прусскій генералъ, въ лучшемъ значеніи этого слова; служба на дипломатическомъ поприщѣ онъ былъ нѣсколько разъ назначаемъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургъ. Однажды Раухъ пріѣхалъ въ Санъ-Суси съ словеснымъ порученіемъ отъ графа Бранденбурга испросить рѣшеніе короля по поводу одного важнаго дѣла. Когда король, обыкновенно нерѣшительный, не могъ дать ему окончательнаго отвѣта, Раухъ вынулъ наконецъ изъ кармана часы и взглянувъ на нихъ сказалъ:

— До отхода поѣзда остается всего двадцать минутъ; вашему величеству во всякомъ случаѣ придется сказать, долженъ ли я передать графу Бранденбургу утвердительный или отрицательный отвѣтъ, или же я долженъ сказать ему, что ваше величество не сказали ни да, ни нѣтъ.

Эти слова, сказанныя съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, которое сдерживалось военной дисциплиной, выражали смущеніе твердаго и рѣшительнаго генерала, который былъ утомленъ продолжительнымъ и безплоднымъ совѣщаніемъ.

— Ну хорошо, скажите пожалуй да, отвѣчалъ король, послѣ чего Раухъ поспѣшно удалился и быстрыми шагами направился къ станціи желѣзной дороги.

Постоявъ нѣсколько минутъ въ задумчивости, какъ бы взвѣсивая послѣдствія даннаго помимо воли согласія, король обратился къ Герлаху и сказалъ:

— Этотъ Раухъ! хоть онъ и не совѣтъ хорошо говорить по-нѣмецки, но у него больше здраваго смысла, чѣмъ у всѣхъ насъ, и уходя изъ комнаты онъ прибавилъ, обращаясь къ Герлаху: «а ужъ умнѣе васъ онъ всегда былъ».

Не знаю, правъ-ли былъ король въ этомъ случаѣ; Герлахъ былъ умнѣе, но Раухъ практичнѣе.

Дальнѣйшій ходъ дѣлъ не далъ возможности воспользоваться берлинскимъ національнымъ собраніемъ для обще-германскихъ цѣлей; между тѣмъ его вмѣшательство въ дѣла возростало, поэтому явилась мысль перевести собраніе въ другой городъ, чтобы хотя временно распустить его. Къ этому присоединилось затрудненіе сформировать мѣнистерство, которое взялось бы провести эту мѣру. Вообще, съ самаго

начала собранія королю было не легко подыскать министровъ, въ особенности такихъ, которые были бы согласны съ его довольно измѣнчивыми взглядами и конхъ твердость и энергія служили бы ручательствомъ, что они не откажутся отъ своихъ мѣстъ въ случаѣ какихъ-либо осложненийъ.

Когда графъ Бранденбургъ заявилъ о своей готовности быть президентомъ, надобно было подыскать ему подходящихъ сотрудниковъ. Въ списокъ, представленномъ королю, стояло и мое имя; противъ него, какъ рассказывалъ мнѣ Герлахъ, была сдѣлана королемъ на полѣ помѣтка: «употребить только тогда, когда дѣло дойдетъ до штыковъ»¹⁾. Самъ графъ Бранденбургъ сказалъ мнѣ въ Потсдамѣ:

— Я взялъ на себя это дѣло, но я едва успѣлъ просмотрѣть газеты и совершенно незнакомъ съ вопросами государственнаго права, я иду на рискъ. Мнѣ нуженъ вожакъ, человѣкъ, которому бы я довѣрялъ и который сказалъ бы мнѣ, что я долженъ дѣлать. Я принимаюсь за это дѣло какъ ребенокъ, блуждая впотьмахъ; одинъ только Мантейфель подготовленъ къ этому, и я лично довѣряю ему, но онъ все еще колеблется. Если онъ захочетъ, я завтра же пойду въ собраніе, если онъ откажется—намъ придется подождать и поискать другого человѣка. Поѣзжайте въ Берлинъ и уговорите Мантейфеля.

Мнѣ пришлось уговаривать его съ 9 часовъ до полуночи, и удалось наконецъ убѣдить, послѣ того какъ я общалъ увѣдомить его жену, которая находилась въ Потсдамѣ, и успокоилъ его насчетъ мѣръ, принятыхъ для личной безопасности министровъ въ зданіи театра.

9-го ноября, по утру, явился ко мнѣ назначенный военнымъ министромъ генераль фонъ-Стротъ, присланный Бранденбургомъ, чтобы выяснитъ ему положеніе дѣлъ. Сдѣлавъ это по мѣрѣ возможности, я спросилъ его:

— Готовы ли вы?

Онъ отвѣчалъ мнѣ вопросомъ:

— Какъ всѣ согласились быть одѣты?

— Въ статскомъ, отвѣчалъ я.

— У меня нѣтъ статскаго платья, сказалъ онъ.

Къ назначенному часу онъ успѣлъ приобрѣсти все, что было нужно.

¹⁾ Слова Герлаха заслуживаютъ, по моему мнѣнію, болѣе довѣрія, нежели тотъ источникъ, коимъ пользовался въ своемъ сочиненіи „Berlin und Wien“ графъ Фицгумъ фонъ-Экштедтъ, гдѣ онъ передаетъ (на стр. 247) эту помѣтку такъ: „Красный реакціонеръ, пахнетъ кровью: употребить позднѣе“.

Для безопасности министровъ были приняты всевозможныя мѣры. Кромѣ наряда полицейскихъ, въ самомъ зданіи театра было размѣщено около тридцати лучшихъ стрѣлковъ гвардейскаго егерскаго баталіона, которые по данному сигналу должны были появиться въ залѣ и въ проходахъ и защищать министровъ, если бы имъ дѣйствительно угрожала опасность. Также были приняты мѣры, чтобы обезпечить министровъ отъ нападенія при возвращеніи изъ театра.

Мантейфель обратилъ мое вниманіе на то, что самый входъ въ зданіе театра не былъ защищенъ; я предложилъ ему устроить, чтобы солдаты были поставлены напротивъ театра, въ квартирѣ гановерскаго посланника, графа Книпгаузена, который былъ въ то время въ отпуску.

Съ этой цѣлью я отправился въ ту же ночь въ военное министерство къ полковнику фонь-Грисхейму (Griesheim), на котораго было возложено порученіе принять необходимыя мѣры безопасности; онъ выразилъ сомнѣніе по поводу того, можно ли воспользоваться для этой цѣли зданіемъ посольства. Тогда я отправился къ гановерскому повѣренному въ дѣлахъ гр. Платену, жившему въ домѣ, принадлежавшемъ гановерскому посольству, подъ Липами. Онъ былъ того мнѣнія, что официальной резиденціей посольства должна считаться его квартира подъ Липами и уполномочилъ меня написать полковнику фонь-Грисхейму, что онъ представляетъ помѣщеніе «своего отсутствующаго друга» графа Книпгаузена, для политическихъ цѣлей. Поздно легши спать, я былъ разбуженъ въ 7 часовъ утра посланнымъ отъ графа Платена, который просилъ меня заѣхать къ нему. Онъ былъ, какъ оказалось, крайне раздраженъ тѣмъ, что отрядъ солдатъ, человекъ въ 100, вступилъ во дворъ къ нему, т. е. именно въ тотъ домъ, на который онъ указалъ какъ на помѣщеніе посольства.

Очевидно произошло недоразумѣніе. Я отправился къ Грисхейму, который отдалъ приказаніе начальнику отряда занять помѣщеніе Книпгаузена, что и было исполнено когда уже совсѣмъ разсвѣло, тогда какъ прочіе дома были заняты солдатами ночью.

Врангель, вступивъ (10-го ноября) во главѣ войскъ въ Берлинъ, началъ переговоры съ милиціей и побудилъ ее къ добровольному отступленію. Я считаю это политической ошибкой; если бы произошло хоть маленькое сраженіе, то Берлинъ былъ бы взятъ штурмомъ, а не въ силу капитуляціи; положеніе правительства было бы тогда иное. То обстоятельство, что король не распустилъ немедленно національнаго собранія, но отложилъ на нѣкоторое время и, переведя его въ Бранденбургъ, сдѣлалъ попытку составить большинство, съ которымъ можно было бы придти къ соглашенію, ясно показываетъ, что, по мнѣнію короля, роль этого собранія еще не была сыграна.

проект введени обязательнаго труда на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Пенитки прикрѣпленія къ сибирскимъ золотымъ промысламъ крестьянъ и сильно-поселенцевъ потеряли крушение, но то, что золотопромышленники не приобрили путемъ юридическаго закрѣпленія, было въ известной степени достигнуто посредствомъ экономическаго закабаленія рабочихъ вслѣдствіе полной имущественной несостоятельности поселенцевъ.

Пятая глава отведена авторомъ описанію бита рабочихъ съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ; въ шестой описывается положеніе рабочихъ при введеніи золотопромышленныхъ машинъ.

Въ седьмой и восьмой главахъ сосредоточены свѣдѣнія о битѣ мастеровыхъ на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ на Алтаѣ и сильно-каторжныхъ на Нерчинскихъ промыслахъ съ начала 30-хъ до 1861 года.

Указавъ въ девятой главѣ на измѣненіе частной золотопромышленности и появленіе старателей-золотничиковъ, г. Семеновскій въ десятой главѣ говоритъ о введеніи свободнаго труда на кабинетскихъ пріискахъ на Алтаѣ и объ измѣненіи бита рабочихъ при дѣйствіи Положенія 2-го марта 1861 года.

Въ послѣдней, одиннадцатой, главѣ перваго тома говорится о выработкѣ правилъ о наймѣ рабочихъ 1870 года.

Второй томъ труда В. И. Семеновскаго, какъ и первый, состоитъ изъ 11-ти главъ.

Въ первой главѣ авторъ разбираетъ правила о рабочихъ Устава о золотопромышленности 1870 г. Эти правила не только не представляли почти никакихъ улучшеній, сравнительно съ закономъ 1838 г., въ дѣлѣ регулированія положенія рабочихъ, но были въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже шагомъ назадъ: имъ не находимъ въ нихъ ни одного изъ постановленій закона 1838 г., имѣвшихъ въ виду защиту интересовъ рабочихъ. Новыя правила не регулировали продолжительности рабочаго дня, не опредѣляли количества праздниковъ, не ограничивали труда женщинъ и малолѣтнихъ рабочихъ, не опредѣляли размѣра индѣеваго довольствія рабочаго, весьма въ недостаточномъ размѣрѣ устанавливали вознагражденіе за увѣчья, не указывали притяжъ, дающихъ рабочему возможность прекратить договоръ и пр.

Во второй главѣ рассматриваются законодательныя и административныя мѣры относительно рабочихъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 до половины 90-хъ годовъ.

Въ главахъ третьей по восьмую говорится объ общеконтрактныхъ рабочихъ (съ 1870 до 90-хъ годовъ) на промыслахъ Тобольско-Акимовскаго и Семипалатинско-Семирѣнскаго округовъ (8-я гла.), — на промыслахъ Томской губерніи (4-я гла.) Енисейскаго округа (5-я гла.), — Олекминскаго

округа (6-я гла.) и на золотыхъ промыслахъ Амурской и Приморской областей.

Въ восьмой главѣ сообщаются свѣдѣнія о сильно-каторжныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ кабинетскихъ пріискахъ послѣ 1861 года, а въ девятой — о старателяхъ-золотничикахъ съ 1870 до 90-хъ годовъ.

Въ десятой главѣ говорится о волненіяхъ и стачкахъ рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ съ 1870 по 1896 годъ. „Официальные документы, — говоритъ между прочимъ авторъ, — далеко не всегда открываютъ намъ истинныя причины волненій, порождавшихся иногда въ неопытной тяжести труда, недостаточности отдыха, въ грубомъ и даже жестокомъ обращеніи съ рабочими служащими на промыслахъ и въ недостаточномъ бдительномъ надзорѣ администраціи, находящейся въ экономической зависимости отъ золотопромышленниковъ. Въ тридцатыхъ годахъ было не мало волненій на пріискахъ Западной Сибири, а въ 1849 г. волненіе охватило многіе промыслы Енисейскаго округа; въ пятидесятыхъ годахъ намъ не известно ни одного волненія; въ шестидесятыхъ — лишь одинъ случай коллективнаго протеста на одномъ изъ Забайкальскихъ промысловъ. Не особенно многочисленны были волненія пріисковыхъ рабочихъ за послѣднее двадцатилѣтіе: въ 70-хъ годахъ мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о 10 волненіяхъ, въ 80-хъ — о 23-хъ, въ первое пятилѣтіе 90-хъ — о 12-ти; несомнѣнно, слѣдовательно, что въ послѣднее время волненія становятся явленіемъ болѣе частнымъ“.

Въ одиннадцатой главѣ В. И. Семеновскій говоритъ о законодательномъ регулированіи положенія рабочихъ на золотыхъ промыслахъ въ послѣдніе годы, причемъ болѣе подробно разбираетъ законъ 20-го февраля 1895 г. — о наймѣ рабочихъ, и 2-го іюня 1897 г. — о продолжительности рабочаго дня. По мнѣнію автора, весьма серьезный недостатокъ закона 2-го іюня 1897 г. состоитъ въ назначеніи большой продолжительности рабочаго дня, которая можетъ быть еще болѣе увеличена допущеніемъ сверхурочныхъ работъ. Здѣсь же упоминается о пожертвованіи И. М. Сибиряковымъ капитала въ 420.000 руб. на существованіе рабочихъ и ихъ семействамъ на золотыхъ промыслахъ Якутской области; проектъ правилъ выдачи пособій изъ % съ этого капитала составляетъ В. И. Семеновскій, и Положеніе объ этомъ капиталѣ съ Высочайшаго соизволенія утверждено 15-го марта 1894 г. министромъ государственныя имуществъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе труда В. И. Семеновскаго, обращающаго на себя вниманіе серьезностью изслѣдованнаго имъ вопроса.

Н. К-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.**— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ— въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о). Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсакова). Въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. В. Ф. Духовникова (Шмидская ул.) Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются.

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственн. ученыхъ, военн. писателей духовн. и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; приванныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по 8 рублей; и съ 1888—1898 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи илѣтся въ продажѣ книга:

„М. И. СЕМЕВСКІЙ“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“ Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

ФЕВРАЛЬ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. О. Дубровинъ. 211—261	XI. Новые дѣянія о переимъ Самозванцѣ. Пылочен. В. В. Тимошукъ. 443—462
II. Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милутиной. 265—288	XII. Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу. (1806—1826). Съ прѣвѣч. В. И. Сантова. Сообщ. П. Н. Тургеневъ. 463—480
III. Два доноса въ 1831 году П. К. Шильдеръ. . . 289—314	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Собственноручная записка Аракчеева. * ноября 1801 г. (стр. 332). — Воспомы стараго времени. Сообщ. П. А. Боровковъ. (356). — Предисловіе министра истиники П. В. Лопухина обер-прокурору 6-го департамента Сената Л. Н. Штредту отъ 4 марта 1805 года № 1439, относительно службы молодыхъ дворянъ. Сообщ. Г. К. Рѣвнскій. (400). — Письмо Н. И. Дмитриева — П. П. Свиньичу. 2-го августа 1834 г. (410). — Письмо Петра Обольянинова — Ник. Осип. Кутлубицкому 29-го іюля 1800 г. (442).
IV. Воцареніе императора Николая I. (Изъ дѣлш. Г. И. Вязликова). Сообщ. Евгения Шумигорскій. 315—331	XIV. Библиографически. листонъ (на оберткѣ).
V. Изъ прошлаго. (Воспомы офицера генералша, штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Пареновъ. . . 333—355	
VI. Яковъ Петровичъ Полонскій. Ф. Вятбергъ. . . 357—376	
VII. Письма К. Д. Кавелина къ Н. М. Гроту. (1862—83 гг.). (Окончаніе). Сообщ. Д. А. Корсиковъ. . . 377—399	
VIII. Императоръ Николай I въ Черниговѣ въ 1845 году. Н. Чеселничъ . . . 401—409	
IX. Автобиографическія воспоминанія Валеріана Александровича Бельгарда. Съ предисл. П. Н. Ореуса. (Окончаніе). . . 411—433	
X. Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ. А. Н. Кирпичниковъ. . . 439—441	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ Якова Петровича Полонскаго. Граф. И. Хельмницкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за нѣсколько годов, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 часовъ дня.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, 39.

1899.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1899 г.

Библиографическій листокъ.

4-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады и краткій историческій очеркъ начала, развитія и заслугъ гвардейской артиллеріи. Составилъ и издавъ командиръ батареи, полковникъ Павелъ Потоцкій. Спб. 1898.

П. П. Потоцкій — не новичекъ въ нашей военно-исторической литературѣ: къ 9-му ноябрю 1896 г., — для столѣтія существованія гвардейскаго артиллерійскаго баталіона, — имъ была составлена „Исторія гвардейской артиллеріи“, довольно сочувственно встрѣченная и публикою, и периодическою печатью, давшей о ней лестные отзывы¹⁾.

Очень изящно изданный съ лучшей стороны, снабженный множествомъ прекрасно исполненныхъ рисунковъ и портретовъ, — новый трудъ г. Потоцкаго обладаетъ многими несомнѣнными достоинствами.

Главная часть этой книги полковника П. П. Потоцкаго, заключающая въ себѣ обзоръ 25-ти-лѣтней дѣятельности 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, состоитъ изъ одиннадцати главъ, имѣсто предисловія къ которымъ авторъ предпослалъ краткій очеркъ начала, развитія и заслугъ гвардейской артиллеріи.

Основателемъ гвардейской артиллеріи былъ Петръ Великій, еще въ младенцествѣ пристрастившійся къ артиллеріи и часто игравшій двумя маленькими орудіями, которыя были подарены ему отцомъ его, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ²⁾. Въ 1692 г. товарищи забавъ Петра I были названы бомбардирами, и имъ былъ составленъ списокъ. Въ 1637 г. ратные товарищи цари названы „потѣшными“ и раздѣлены на Преображенскихъ и Семеновскихъ, причѣмъ раздѣлены были и бомбардиры на двѣ половины, около 50 человекъ въ каждой. Въ 1698 г. были сформированы изъ потѣшныхъ полки Преображенскій и Семеновскій.

¹⁾ Въ нашемъ журналѣ объ „Исторіи гвардейской артиллеріи“ помѣщена замѣтка въ библиографическомъ листкѣ январской книги 1897 года.

²⁾ Въ настоящее время эти пушки находятся въ музеѣ гвардейской артиллеріи.

Бомбардиры были та знаменитая школа Петровскихъ воиновъ, въ которой самъ царь прошелъ всѣ обязанности, началъ службу званіемъ перваго бомбардира Преображенскаго полка.

При первой осадѣ Азова (1695 г.) Петръ съ своими бомбардирами разбилъ береговую башню (калачу) и собственноручно записалъ: „началъ службу бомбардиромъ у Азова, когда каланчи ваятъ“.

Въ 1697 г. изъ бомбардировъ была сформирована Бомбардирская рота при Преображенскомъ полку, званіе перваго капитана которой въ 1700 году принялъ самъ царь. Это была та часть, которая называлась Первѣйшей гвардіей Его Величества. Всѣ армейскіи Петра Великаго, — по словамъ г. Потоцкаго, — начинали съ Екатерины I до отдѣленія роты отъ Преображенскаго полка, въ память ея Великаго Основателя и по его призыву, возлагали на себя званіе капитана Бомбардирской роты.

9-го ноября 1796 г. императоръ Павелъ Петровичъ отдѣлилъ отъ гвардейскихъ полковъ артиллерію и, придавъ къ ней свою гатчинскую, образовалъ совершенно самостоятельную артиллерійскую часть — гвардейскій артиллерійскій баталіонъ, послужившій колыбелью тремъ старѣйшимъ частямъ гвардейской артиллеріи — 1-й, 2-й и гвардейской конно-артиллерійской бригадамъ. Далѣе авторъ перечисляетъ заслуги гвардейскаго артиллерійскаго баталіона, въ первый разъ отарившаго свои дѣйствія 20-го ноября 1805 г. подъ Аустерлицемъ.

4-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады была сформирована, какъ узнаемъ изъ первой главы труда полковника Потоцкаго, повелѣніемъ императора Александра II 5-го августа 1873 г. Несмотря на различныя затрудненія, которыя обыкновенно сопровождаютъ формірованіе всякой новой части, батарея была быстро сформирована, благодаря энергіи ея перваго командира, А. В. Оноприенко¹⁾.

¹⁾ Нынѣ генералъ-лейтенантъ, — начальникъ артиллеріи С.-Петербургскаго военного округа.

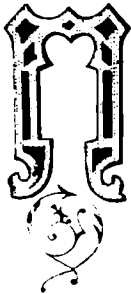
ЯКОВЪ ПЕТРОВИЧЪ
ПОЛОНСКІЙ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

IV ¹⁾.

Характеристика Москвы, особенности ея быта и значеніе въ тогдашней жизни русскаго общества.

ервопрестольная столица, хотя не имѣла тогда ни тротуаровъ, ни бульваровъ, но по своимъ связямъ съ провинціею, даже самую отдаленнѣйшею ²⁾, считалась городомъ священнымъ, имѣвшимъ вліяніе на всю Россію. Москва производила такое очарованіе, что для помѣщиковъ, жившихъ постоянно въ своихъ имѣніяхъ, тѣ сосѣди, которые хвастали, что бывали въ Бѣлокаменной, казались людьми высшаго порядка!

— Въ имперіи вашей, сказалъ одинъ иностранный посолъ, желавшій польстить императрицѣ Екатеринѣ II, сильный не утѣсняетъ слабого и Москва это доказываетъ: тамъ убогій домикъ стоитъ спокойно близъ великолѣпныхъ палатъ.

Тогдашняя Москва была царствомъ разнообразія. «Великолѣпные дворцы, разбросанные по всѣмъ частямъ города, рядомъ съ бѣдными деревянными домишками, превосходные сады и обширные огороды, среди наилучшихъ кварталовъ; огромные крытые базары, со множествомъ всякихъ лавокъ; конскіе бѣга на большихъ площадяхъ, нарочно

¹⁾ См. «Русскую Старину» январь, 1899 г.

²⁾ Изъ записокъ графа Ф. В. Ростопчина. «Русская Старина» 1869 г. № 12, стр. 658. Письмо графа Ф. В. Ростопчина императору Александру (безъ года и числа). «Русскій Арх.» 1881 г., в. III (1), стр. 216 и 217.

для этого назначенныхъ и приспособленныхъ, чуть не въ центрѣ города; въ назначенные дни кулачные бои, охоты на медвѣдя и волка, привлекавшіе множество зрителей—и рядомъ театры, цирки и акробаты на европейскій ладъ»¹⁾. Особенно поражало число церквей большихъ, среднихъ и малыхъ, архитектуры большею частію самой разнообразной.

Для пытливаго наблюдателя Москва могла служить многообразнымъ и неисчислимымъ источникомъ для изученія русскихъ нравовъ. «Вся російская держава со всѣми разновидностями своими въ ней заключается. Путешественникъ, только въ одной Москвѣ изслѣдовавъ образъ жизни, нравы и обычаи, можетъ сказать возвратившись въ отечество свое: я былъ въ Россіи»²⁾.

Посѣтившій первый разъ Москву, могъ подумать, что въ ней поселились народы всѣхъ странъ, и каждый строится по своему обычаю и живетъ по своему; онъ могъ бы сказать, что Москва представляетъ въ маломъ видѣ сколокъ со всѣхъ городовъ «извѣстныхъ намъ частей свѣта». И дѣйствительно, строгій блюститель отеческихъ нравовъ и правилъ жилъ рядомъ съ такъ называемымъ «русскимъ парижаниномъ» и страстнымъ любителемъ лондонскихъ обычаевъ. У каждаго изъ нихъ время было распредѣлено по своему: «когда у одного почти вечеръ, у другого начинается утро; одинъ приглашаетъ откушать хлѣбосоли, какъ дѣлывали его прадѣды, другой зоветъ à un heros, à un bal, à un déjeuner dansant». Иногородные, иноземцы, французъ, англичанинъ, нѣмецъ, италианецъ, каждый изъ нихъ пользовался равными правами, равнымъ гостеприимствомъ, былъ встрѣчаемъ ласково и дружелюбно. Не удивительно, что со временъ Екатерины II Москва прослыла р е с п у б л и к о ю; въ ней было болѣе свободы и жизнь текла по произволу каждаго. Здѣсь можно было встрѣтить грека, татарина, турка въ чалмѣ и туфляхъ, тамъ француза въ башмакахъ, искусно перескакивающего съ камня на камень, щеголя, одѣтаго по послѣдней модѣ, и нищаго, отдыхающаго на ступеняхъ Краснаго крыльца, положивъ голову на котомку. Его никто не беспокоитъ и онъ спокойно спитъ у подножія царскихъ палатъ, не зная даже кому онъ принадлежать. Однимъ словомъ, Москва была жилищемъ роскоши и нищеты.

«Я думаю, писалъ К. Н. Батюшковъ³⁾, что ни одинъ городъ не имѣетъ малѣйшаго сходства съ Москвою. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе; постоянство дѣдовскихъ временъ и вѣтреность неизмѣрная, какъ враждебныя стихіи въ вѣч-

¹⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. Тамъ же, стр. 9.

²⁾ Взглядъ на Москву. „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г., № 1, стр. 23.

³⁾ Прогулка по Москвѣ. „Русскій Арх.“, т. 2, стр. 1201.

номъ несогласіи, и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣ-
лое, которое мы знаемъ подъ общимъ именемъ—*Москва*».

Раскинувшись широко, безъ порядка и симметріи, Москва была боль-
шимъ городомъ, единственнымъ и несравненнымъ. Одинъ изъ бывшихъ
въ Москвѣ называлъ ее большимъ селомъ съ барскими усадьбами ¹⁾.

«Странное смѣшеніе древняго и новѣйшаго зодчества, нищеты и бо-
гатства, нравовъ европейскихъ съ правами и обычаями восточными.
Дивное непостижимое сляніе суетности, тщеславія и истинной славы и
великогѣпія, невѣжества и просвѣщенія, людскости и варварства—Москва
есть вывѣска или живая картина нашего отечества». Съ высоты Крем-
левскихъ стѣнъ кто не гордился Москвою! Кому не представлялась кар-
тина, достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной могуществен-
нымъ народомъ. «Тотъ, кто стоя въ Кремлѣ и холодными глазами смо-
трѣвъ на исполинскія башни, на древніе монастыри, на величественное
Замоскворѣчье, не гордился своимъ отечествомъ и не благословлялъ
Россіи, для того (и я скажу это смѣло) чуждо все великое, ибо онъ былъ
безжалостно ограбленъ природою при самомъ его рожденіи».

«Москва—это государственныя, политическія Елисейскія поля Рос-
сіи», говоритъ дѣвица Вильмотъ въ своихъ письмахъ! ²⁾

Столица безъ двора, Москва жила самобытною и самостоятельную
жизнью, подавала лозунгъ Россіи и имѣла вліяніе на провинцію. Москва,
по выраженію Н. Г. Левшина, была въ то время инвалиднымъ домомъ
всѣхъ російскихъ дворянъ знатныхъ и незнатныхъ, чиновныхъ и без-
чиновныхъ ³⁾. Здѣсь жило большое число нашихъ знаменитѣйшихъ и
старѣйшихъ родовъ и высшее дворянство. Большею частью это были
люди, занимавшіе прежде высшія государственныя должности и потомъ
отдыхавшіе на склонѣ дней въ пышномъ бездѣйствіи; или такіе санов-
ники, самолюбіе которыхъ было оскорблено, которые показывали, что
ищутъ независимости, или, наконецъ, богатые помѣшники изъ губерній,
не искавшіе службы и чиновъ, а желавшіе пользоваться своимъ богат-
ствомъ среди удобствъ и удовольствій столицы ⁴⁾. «Москва, говоритъ
Н. Г. Левшинъ ⁵⁾,—удивительное пристанище для всѣхъ, кому дѣлать
было нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ѣздить
со двора на дворъ; дѣловыхъ людей въ Москвѣ мало. Всѣ вообще от-

¹⁾ Воспоминанія Погожева. „Историческій Вѣст.“ 1893 г., № 6, стр. 721.

²⁾ Письма изъ Россіи въ Ирландію. „Русскій Арх.“ 1873 г., т. II, 1858.

³⁾ Домашній памятникъ Левшина. „Русская Старина“ 1873 г., № 12,
т. VIII, стр. 844.

⁴⁾ Воспоминанія А. П. Бутенева. „Русскій Архивъ“ 1881 г., кн. III (1),
стр. 10.

⁵⁾ Домашній памятникъ Н. Г. Левшина, „Рус. Старина“ 1873 г., № 12,
т. VIII, стр. 844.

ставные старяки, моты, весельчаки и празднoлюбцы—всѣ стекаются въ Москву и тамъ вѣкъ свой доживаютъ, припѣваючи. Раздѣлять-ли родители дѣткамъ имѣніе—ѣдутъ на покой въ Москву вѣкъ доживать; надобно-ли дѣтокъ малолѣтнихъ въ пансіоны отдавать (которыхъ нигдѣ кромѣ Москвы найти нельзя было)—ѣдутъ въ Москву; въ службу записывать сынковъ—опять на совѣты и отысканіе по роднымъ покровительства ѣдутъ въ Москву—словомъ сказать со всего російскаго свѣта стекается многое множество къ зимѣ въ родную Москву. Зато лѣтомъ, хотъ шаромъ покати, нѣтъ никого, даже на улицахъ станетъ травка пробиваться; всѣ разбредутся по деревнямъ—къ зимѣ деньги собирать».

Отсюда лѣтомъ разносились вѣсти по всей Россіи, а зимою онѣ собирались. Москва страстна была къ новостямъ и толкамъ о дѣлахъ общественныхъ болѣе чѣмъ Петербургъ, гдѣ умы развлекались дворомъ, обязанностями службы и погоней за почестями. Въ Петербургѣ,—говорить князь П. А. Вяземскій, была «сцена, въ Москвѣ зрители» ¹⁾. оцѣнивавшіе и судившіе петербургскихъ актеровъ. Зрителями были графы Орловы, Остерманы, князя Голицыны, Долгорукіе, Дашковы, графъ Растопчинъ и другія второстепенныя знаменитости. Всѣ они въ свое время были сами дѣйствующими лицами на государственной сценѣ, а теперь сдѣлались—зрителями. Эти вельможи полагали, что имъ нигдѣ приличіе жить нельзя, какъ въ отставной столицѣ ²⁾. Графъ Растопчинъ въ шутку называлъ ихъ и, конечно, самого себя, «безсмертными» москвичами и въ письмахъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и императору Александру, по свойственному ему характеру, подсмѣивался надъ ними. «Безсмертныя московскіе дышутъ исправно,—писалъ онъ. Остерманъ развѣзжаетъ по гостямъ. Мамоновъ почти молодець, хотя изъ 92 лѣтъ утаиваетъ восемь. Князь Долгорукій утромъ живетъ на Болотѣ и до обѣда второй гильдіи купецъ, а вечеромъ будто баринъ. Князь Ѡ. С. Барятинскій, коего и сама смерть боится, принимаетъ визиты паралича и не можетъ съ жизнью ласково разстаться. Товарищъ мой Нарышкинъ отплылъ по водѣ въ саняхъ благополучно, доволенъ бывъ отъѣнно покупкою за 1.200 р. козла» ³⁾.

Несмотря на то, старцы эти давали тонъ и руководили общественной жизнью Москвы. «Встревоженный и разукрашенный призракъ князя Голицына ⁴⁾ сохраняетъ свои знаки отличія, свои звѣзды и

¹⁾ Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. VII, стр. 82—84.

²⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, 74.

³⁾ Письмо графа Растопчина императору Александру I въ 1810 году (безъ числа). „Рус. Арх.“ 1881 г., кн. III (1), стр. 218.

⁴⁾ Оберъ-камергеръ въ царствованіе Екатерины II.

ленты, которыя, въ прибавокъ къ девяностолѣтнему бремени, вдвойнѣ клонятъ старческій станъ его къ землѣ. Этотъ призракъ носить на костлявыхъ раменахъ своихъ брильянтовый ключъ, ленты и всѣ свои блестящія доспѣхи и пользуется подобающимъ почетомъ среди своихъ товарищей-призраковъ, которые въ прежнія времена раздѣляли съ нимъ государственныя почести.

«Другой подобный, блестящій призракъ—это графъ Остерманъ ¹⁾. Орденскіе знаки св. Георгія, Александра Невскаго, св. Владиміра и проч. развѣшаны на немъ на красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ лентахъ. Восемьдесятъ три года мертвящею пирамидою воздвиглись надъ его головою; и этотъ трепещущій остовъ колышется въ своей каретѣ, запряженной восемью лошадьми, объѣдаетъ не иначе, какъ съ стоящими за его креслами гайдуками и требуетъ, чтобы ему оказывали изъ вѣжливости всѣ тѣ почести, которыя принадлежали ему по праву во дни дѣйствительнаго его значенія при дворѣ.

«Графъ Алексѣй Орловъ ²⁾ своимъ богатствомъ превосходитъ всѣхъ владыкъ образованнаго міра и утопаетъ среди чисто азіатской роскоши. Таковъ же и генералъ Корсаковъ,—этотъ осиротѣвшій фаворитъ, котораго можно почти назвать алмазнымъ видѣніемъ и который, не взирая на свои морщины, еще легѣетъ въ самомъ себѣ воспоминаніе о миновшемъ отличіи, возбудившемъ столько зависти въ средѣ его сверстниковъ» ³⁾.

Вотъ и еще вельможа, бывшій въ случаѣ при Екатеринѣ II,—Александръ Семеновичъ Васильчиковъ. «Домъ у него былъ сушій замокъ или какой дворецъ. Подъѣздъ былъ съ навѣсомъ—въѣдешь какъ будто прямо въ парадныя сѣни въѣхалъ. Швейцары встрѣчаютъ, звонятъ въ верхъ, а тамъ ливрейныхъ лакеевъ высыплетъ съ дюжину и начнутъ дверь отворять и провожать съ поклонами и 10-ю церемоніями, по-китайски, ведутъ черезъ всѣ парадныя комнаты, убранныя драгоценными картинами, мебелью, фарфорами и проч.». Въ самой же отдаленной небольшой комнаткѣ сидѣлъ хозяинъ, въ бархатномъ халатѣ, темнозеленомъ, опушенномъ соболями, при двухъ звѣздахъ и не премѣнно ⁴⁾.

Страсть къ украшенію себя орденами была даже у людей умныхъ, какимъ былъ, напримѣръ, графъ Н. С. Мордвиновъ. «Онъ дома всегда одѣвался въ шлафоркъ со звѣздами и ходилъ въ башмакахъ» ⁵⁾.

¹⁾ Бывшій государственный канцлеръ.

²⁾ Чесменскій, бывшій генералъ-адмиралъ.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1873 г., т. II, стр. 1859 и 1860.

⁴⁾ Домашній памятникъ П. Г. Левшина. „Русская Старина“ 1873 г., т. VIII, № 12, стр. 844 и 845.

⁵⁾ Воспоминанія А. М. Фадѣева „Рус. Арх.“ 1891 г., № 3, стр. 395.

Князь Николай Борисович Юсуповъ всѣми силами поддерживалъ свою сановитость: ѣздилъ всегда въ четырехмѣстномъ ландо, запряженномъ четверкою лошадей, пугомъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ и любимымъ калмыкомъ на козлахъ, возлѣ кучера. Князь самъ не выходилъ изъ кареты, а его вынимали и выносили гайдуки ¹⁾).

Примѣру важныхъ баръ слѣдовали и люди средняго состоянія. Барыни не ѣздили въ каретахъ иначе, какъ съ двумя лакеями сзади; чиновники штабъ-офицерскаго чина очень дорожили правомъ ѣздить въ четыре лошади, а статскіе совѣтники не выѣзжали иначе, какъ въ шести лошадяхъ пугомъ. Случалось, когда ворота выѣзжавшаго стояли рядомъ съ сосѣдними, то форейторъ былъ уже у чужого крыльца, а экипажъ не выѣзжалъ еще изъ своего двора ²⁾).

Семидесятилѣтняя старуха Анна Алексѣевна Оболянинова сидѣла постоянно въ креслахъ, потому что была безъ ногъ, но всегда наряжалась по модѣ и въ табельные дни непремѣнно надѣвала орденъ св. Екатерины. Въ такомъ видѣ она принимала гостей.

Сѣхавшіеся въ Москву, съ разныхъ концовъ Россіи, богатые помѣщики оспаривали другъ у друга первенство въ разнообразіи увеселеній и роскоши. Двухъ и трехъ-этажные дома, съ нѣсколькими флигелями, занятыми только семействомъ владѣльца и его прислугою, составляли украшенія столичныхъ улицъ.

«Роскошь, говорить графъ Ѡ. В. Растопчинъ ³⁾), которою окружало себя дворянство, представляло нѣчто особенное: тутъ являлось великолѣпіе рядомъ съ нищетою. Такъ, напримѣръ, встрѣчались огромные дворцы, одна часть которыхъ блистала богатымъ убранствомъ, а въ другой недоставало мебели; громадныя залы, множество гостинныхъ и отсутствіе внутреннихъ покоевъ для хозяина и хозяйки дома».

Отдѣлка комнатъ въ общемъ представляла смѣсь стараго быта съ новымъ западно-европейскимъ. Здѣсь можно было встрѣтить каминны изъ разныхъ родовъ мрамора, множество бронзы, мраморныя статуи и бюсты, старинную золоченую мебель, картины лучшихъ художниковъ и окна, драпированныя богатыми разноцвѣтными занавѣсами. Рядомъ съ этимъ въ сосѣднихъ комнатахъ стояла потертая простая мебель, а въ углу стоялъ часто богатый кіотъ съ образами и теплящеюся передъ ними лампадою. У премьеръ-маіора П. А. Собакина былъ семейный образъ Спаса Нерукотвореннаго, осыпанный драгоценными камнями и

¹⁾ „Слово живое о неживыхъ“ И. А. Арсеньева. „Историческій Вѣстникъ“ 1887 г., т. XXVII, стр. 76 и 77.

²⁾ „Записки Ф. Ф. Вигеля“, ч. I, стр. 218.

³⁾ „Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ“ въ запискахъ графа Растопчина. „Русская Старина“ 1889 г., № 12, стр. 659.

помѣщавшіяся въ лѣтомъ изъ серебра кіотѣ. Этотъ образъ цѣнили тогда болѣе чѣмъ въ 100.000 рублей ассигнаціями ¹⁾).

Типомъ стариннаго московскаго барскаго дома можно было назвать домъ фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича Каменскаго, въ которомъ жило его семейство ²⁾). Домъ этотъ былъ переполненъ разнымъ людомъ, составлявшимъ, какъ и во многихъ другихъ богатыхъ домахъ, прислугу и свиту графа. Няни, мамы, плѣнныя турчанки, крещеныя въ православную вѣру и кое-какъ воспитанныя, калмычки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки—«все это сливалось, во многихъ знатныхъ домахъ, со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости».

Въ домѣ былъ театръ, на которомъ любители, родственники и родственницы, играли комедіи Вольтера и другихъ французскихъ писателей. Когда дочь фельдмаршала выходила замужъ, то горничныя дѣвушки и приживалки пѣли свадебныя пѣсни «ежедневно во все время между помолвкой и свадьбой, такъ что, наконецъ, графининъ попугай выучился напѣву и нѣкоторымъ словамъ такъ твердо, что продолжалъ пѣть ихъ когда невѣста давно уже была замужемъ за Ржевскимъ. Въ этой средѣ сохранялась все-таки русская, хотя и уродливая жизнь» ³⁾).

Настоящую русскую жизнь можно было встрѣтить въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ, тщательно хранившихъ дѣдовскіе обычаи. Большой дворъ заваленъ сорожъ и дровами, позади огородъ съ овощами, а во дворѣ дома подѣбать съ перилами. Въ прихожей—толпа слугъ оборванныхъ, грубыхъ и полуныныхъ, которые, отъ нечего дѣлать, съ утра до ночи играютъ въ карты. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, по стѣнамъ большія и малыя картины кисти домашняго маляра. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы и бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; съ одной стороны сидитъ приходскій попъ, школьный учитель и шутъ, а съ другой—толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ ⁴⁾). Это домъ стараго москвича, замкнувшагося въ своей средѣ и удалившагося, какъ и многіе люди его положенія и состоянія, отъ прелестей и шума полувосточной жизни столицы. Эта послѣдняя жизнь была принадлежностью людей высшаго порядка, богатыхъ, сановитыхъ и отличалась крайнимъ разнообразіемъ.

— Какъ проводите вы въ Москвѣ лѣто?—спрашивалъ Н. В. Погожевъ одного изъ своихъ знакомыхъ.

¹⁾ „Чтенія въ Московск. Обществѣ исторіи и древнос.“ 1874 г. кн. I, стр. 64 и 65.

²⁾ Самъ графъ Каменскій жилъ большею частью въ своемъ имѣніи, гдѣ и былъ убитъ своими крестьянами.

³⁾ Воспоминанія графини Блудовой. „Заря“ 1872 г., № 1, стр. 138, 139.

⁴⁾ Прогулка по Москвѣ, „Русск. Арх.“ 1869 г., т. II, стр. 1208.

— По утрамъ,—отвѣчалъ онъ,—бродимъ или толкаемся по городу (гостиному двору), потомъ гуляемъ въ Александровскомъ саду, ѣздимъ въ театръ или въ Марьину рощу, или въ Сокольники, или на Воробьевы горы. Впрочемъ, лучшія семейства выѣзжаютъ въ подмосковныя деревни. А зимою все, что современное просвѣщеніе, роскошь и праздность могли придумать, все въ Москвѣ въ употребленіи и составило искусство или науку подъ названіемъ: *savoir vivre* и *edatger le temps*. Утренніе визиты, званые и запросто обѣды, вечера, балы, собранія, театры и маскарады—вотъ времяпрепровожденіе лучшаго типа московскихъ людей и пріѣзжающихъ изъ деревень, съ супругами и дочками, съ тугонабитыми бумажниками и кошельками ¹⁾).

По утрамъ, въ праздники почти вся Москва расходилась по церквамъ; шли въ церковь Старого или Большого Вознесенія, на Никитской, слушать превосходныхъ пѣвчихъ П. П. Бекетова или на Басманной улицѣ въ церковь Никиты Мученика, гдѣ пѣвчіе Колокольникова собирали московскую публику ²⁾). Пѣвчіе Шереметевской и Голицынской больницъ, прихода Василія Блаженнаго, Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери, Вознесенскій и Алексѣевскій монастыри привлекали къ себѣ московское общество. Въ Даниловъ монастырь съѣзжалось много молодыхъ барынь, чтобы посмотрѣть на молодого красиваго монаха, постриженнаго изъ купцовъ ³⁾).

По окончаніи службы люди старые и пожилые разѣзжались по домамъ, а молодежь устраивала гулянья близъ монастырей, шла на пруды или на Тверской бульваръ себя показать и на другихъ посмотрѣть.

Жаль разстаться мнѣ съ бульваромъ,
Туда не-хота идешь,
Тамъ глядишь на мнѣхъ даромъ
И утѣхи даромъ пьешь.

Вездѣ группю прекрасны
Представляются глазамъ.
О! сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ ⁴⁾).

«Совершенная свобода ходить взадъ и впередъ съ кѣмъ случится, великое стеченіе людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, имѣли всегда особенную прелесть для лѣнливцевъ, для праздныхъ и для тѣхъ, которые любятъ замѣчать фізіономіи» ⁵⁾). На Тверской бульваръ пріѣзжали изъ

¹⁾ Воспоминанія Погожева, „Историческ. Вѣсти.“ 1893 г., № 6, стр. 722.

²⁾ „Литературный вечеръ“, Москва, изданіе 1848 г., стр. 242. — Записки И. А. Второва, „Русская Старина“ 1891 г., № 4, стр. 17.

³⁾ Воспоминанія Погожева, „Историч. Вѣстникъ“ 1893 г., № 6, стр. 723.

⁴⁾ Сатира 1811 г. на Тверской бульваръ, „Русск. Старина“ 1897 г., № 4, стр. 67.

⁵⁾ „Русскій Арх.“ 1869 г., т. II, стр. 1198 и 1205.

далека, чтобы отдохнуть отъ заботъ и подышать свѣжимъ воздухомъ; женщины собирали похвалы, мужчины удивлялись и наслаждались ихъ красотою. Прѣнесенскіе пруды украшали городъ и были для москвичей также любимымъ мѣстомъ для гуляній. Здѣсь собирались всѣ тѣ, которые не имѣли подмосковныхъ дачъ и имѣній, и гуляли до ночи. Большое стеченіе экипажей со всѣхъ концовъ города, пѣвчіе и музыка дѣлали гулянье однимъ изъ пріятнѣйшихъ. Но какіе странные наряды, какія лица! Вотъ, какой-то чудакъ закутанный въ шубу въ бархатныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ. За нимъ идетъ слуга съ термометромъ, для наблюденій господина, который болѣе полувѣка простужается. Здѣсь вы встрѣтите тяжелого откупщика съ женою и карломъ, шалуна, напѣвшаго водевили и травящаго прохожихъ своимъ пуделемъ, столичнаго щеголя съ букетомъ цвѣтовъ и съ лорнетомъ и, наконецъ, провинціальнаго щеголя, который пріѣхалъ перенимать моды.

Статскіе носили тогда круглыя шляпы и англійскіе фраки, вмѣсто французскихъ кафтановъ стариннаго покроя. Шелковыя ткани уже не употреблялись для фраковъ и они шились съ откиднымъ воротникомъ и клапаномъ на груди; носили такъ называемый пюсовый фракъ и синіе панталоны. Первый, явившійся въ Петербургъ одѣтымъ по новой парижской модѣ à l'incroyable былъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій, возвратившійся изъ Парижа съ депешами отъ нашего посланника. «Народъ бѣгалъ на улицахъ за Магницкимъ и любовался его нарядомъ. Онъ имѣлъ вмѣсто трости, огромную сучковатую палицу называвшуюся въ Парижѣ droit de l'homme; шея его была окутана огромнымъ платкомъ, что называлось жабо»¹⁾). Франты ходили тогда лѣтомъ по улицамъ въ длиннополую до каблуконъ сюртукъ, съ высокимъ отложнымъ воротникомъ, въ узкихъ обтягивавшихъ ноги панталонахъ, входившихъ до половины икры въ сапоги, съ гусарской вырѣзкой и кисточкой впереди; на шею наворачивали нѣсколько косынокъ, чтобы составить широкій и высокій галстухъ, который скрывалъ всю нижнюю часть лица чуть не до верхней губы; большой бантъ этого галстуха расправлялся по модѣ въ видѣ розана. Затылокъ и виски выстригались подъ гребенку, а на головѣ, надо лбомъ, оставался густой и довольно высокій клокъ волосъ, который нужно было взбивать и причесывать въ кольца²⁾).

«Московскіе щеголи ничего не дѣлаютъ на половину, говоритъ С. П. Жихаревъ³⁾; отличатся такъ отличатся; подавай замоченыя колеса,

¹⁾ Воспоминанія О. В. Булгарина, изд. 1846 г., т. II, стр. 7.

²⁾ Записки графа О. П. Толстаго, „Русск. Стар.“ 1873 г., № 2, стр. 126 и 127.

³⁾ „Русскій Архивъ“ 1891 г., № 3, стр. 312 (приложеніе).

красную сафьянную сбрую съ вызолоченнымъ наборомъ, который горѣлъ бы какъ жаръ; подавай лошадей—львовъ и тигровъ, съ гриввою ниже колѣна, такихъ лошадей, которыя бы, какъ выражаются охотники, просили кофе. А какъ одѣть кучеровъ, иначе какъ въ бархатные кафтаны, голубые, зеленые, малиновые съ бобровыми опушками, съ какою-то блестящей оторочкой».

Наканунѣ Вербнаго Воскресенья бывало гулянье въ Кремлѣ; въ праздникъ Пасхи цѣлую недѣлю народъ толпился подѣ Новинскимъ, а въ обыкновенные праздничные дни устраивались гулянья: въ селѣ Воскресенскомъ, въ Петровскомъ паркѣ, въ Марьиной рошѣ, на Прѣсенскихъ прудахъ, въ садахъ Нескучномъ, Корсаковомъ и, наконецъ, 1-го мая Москва гуляла въ Сокольникахъ. Къ этому дню готовились задолго, стараясь щегольнуть экипажемъ, лошадьми, новымъ егеремъ или красавцемъ-гусаромъ. При этомъ одна экипировка егеря, а особенно гусара, стоила отъ 500 до тысячи рублей ассигнаціями, что составляеть нынѣ до 4.000 рублей ¹⁾.

Съ гуляній расходились на званые завтраки, обѣды, гдѣ проводили время сытно и весело. Не даромъ Москва слыла, да и доннынѣ слыветъ «хлѣбосольною». Гостепрѣимство было развито въ самомъ широкомъ размѣрѣ: въ другихъ городахъ и имѣніяхъ васъ сначала узнають, а потомъ приглашаютъ; въ Москвѣ же сперва пригласятъ, а потомъ узнають; бывало и такъ, что гости ходили годами и хозяева не знали кто они.

«Такъ водится, говоритъ Н. В. Погожевъ ²⁾, въ московскомъ большомъ свѣтѣ: одни ѣздятъ къ хозяину, другіе—къ хозяйкѣ, а часто ни тотъ, ни та не знаютъ гостя, что впрочемъ случается болѣе тогда, когда даютъ большой балъ. Тогда многіе привозятъ съ собою знакомыхъ своихъ, особенно танцующихъ кавалеровъ. Иногда подводятъ ихъ и рекомендуютъ хозяину или хозяйкѣ, а часто дѣло обходится и безъ рекомендацій. Мнѣ рассказывали, что однажды г-жа Постникова пригласила къ себѣ на обѣдъ какихъ-то извѣстныхъ французскихъ путешественниковъ, не предваривъ объ этомъ даже мужа своего, который впрочемъ и не зналъ французскаго языка. И вотъ сенаторъ выходитъ къ столу изъ своего кабинета; жена рекомендуетъ ему иностранныхъ гостей, но мужъ, будучи чѣмъ-то раздосадованъ, говоритъ женѣ:

— Что это ты, матушка, наводишь ко мнѣ всякой дряни, бродягъ?

Эти слова, конечно, не относились къ иностранному происхожденію гостей, потому что москвичи, напротивъ, принимали иностранцевъ съ особымъ радушіемъ и даже предпочтеніемъ.

¹⁾ „Московский Наблюдатель“ 1836 г., ч. IX, стр. 244. Воспоминанія Погожева, „Историческій Вѣстникъ“ 1893 г., № 6, стр. 724 и 725.

²⁾ „Историческій Вѣстникъ“ 1893 г., № 6, стр. 726.

«Московское гостепрѣимство, писалъ англичанинъ Ж. К. Пойль ¹⁾, со своими балами совершенно насъ заплонило. Ни одного дня не имѣю роздыха для странническихъ ногъ моихъ».

У Василя Сергѣевича Шереметева были постоянные завтраки, послѣ которыхъ подавалось до 30 саней, и гости объѣзжали всѣ большія московскія улицы; въ сани разсаживались по билетамъ ²⁾. У Давида Григорьевича Волчкова гости пировали постоянно, отчего домъ его получилъ названіе поварскаго собранія ³⁾. Обѣды были самыя изысканныя и многоблюдныя. Московскій откупщикъ П. Т. Бородинъ, несмотря на раннюю зимнюю пору, кормилъ своихъ гостей апельсиновыми фруктами, грушами и яблоками. Описывая одинъ изъ такихъ ужиновъ С. П. Жихаревъ ⁴⁾ говоритъ: «конфектъ груды, прохладительныхъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Что за осетръ, стерляди, что за сливочная телятина и гречанки-индѣйки» ⁵⁾.

Въ день именинъ А. С. Небольсиной, графъ Ѳ. В. Растопчинъ, зная, что она любитъ пастеты, прислалъ ей съ полиціймейстеромъ Брокеромъ, за нѣсколько минутъ до обѣда, огромный пастетъ, который и былъ поставленъ передъ хозяйкою. «Въ восхищеніи отъ вниманія и любезности графа, она, послѣ горячаго, просила Брокера вскрыть великолѣпный пастетъ—и вотъ показалась изъ него безобразная голова Миши, извѣстнаго карла князя Х., а потомъ вышелъ онъ и весь, съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ».

В. П. Оленина большую часть своего имѣнія, около тысячи душъ, промотала на обѣды и ужины. Она была большая хлѣбосолка, вся Москва къ ней ѣдила покушать, а подъ старость жила въ крайней бѣдности.

Званые обѣды отличались множествомъ церемоній. Вотъ какъ описываетъ миссъ Вильмотъ обѣдъ у генерала Кнорринга, на которомъ она присутствовала:

«Когда мы прѣѣхали, то насъ ввели въ переднюю, гдѣ 30 или 40 слугъ въ богатыхъ ливреяхъ кинулись снимать съ насъ шубы, теплыя сапоги и проч. Затѣмъ мы увидѣли въ концѣ цѣлаго блестящаго ряда изукрашенныхъ и ярко-освѣщенныхъ комнатъ самого генерала, съ старомодною почтительностью ползающаго къ намъ на встрѣчу, отражаясь въ зеркалахъ со всѣхъ сторонъ и даже вверхъ ногами въ зеркальных по-

¹⁾ Въ письмѣ Мазарову 20-го ноября 1806 г., „Литературный вечеръ“, изд. 1844 г., стр. 250.

²⁾ Тамъ же, стр. 253.

³⁾ Домашній памятникъ Н. Г. Левшина, „Русск. Старина“ 1873 г., № 12 стр. 849.

⁴⁾ „Русскій Архивъ“ 1890 г., № 10, стр. 17, приложение.

⁵⁾ Индѣйки, кормленныя грецкими орѣхами.

толкахъ, осыпаннаго орденами и поспѣшавшаго встрѣтить насъ въ дверяхъ передней съ постоянными поклонами. Когда онъ поцѣловалъ наши руки, а мы его въ лобъ, то провелъ насъ черезъ разные великолѣпные покои (но, странно сказать, безъ ковровъ), покуда мы дошли до закуски, т. е. стола, уставленнаго водками, икрой, хрѣномъ, сыромъ и маринованными сельдями, кругомъ котораго стоитъ обыкновенно общество и лакомится въ ожиданіи картъ, за которыми сидятъ до двухъ или трехъ часовъ. Тогда каждый мужчина подставляетъ свой локоть дамѣ, и вся эта процессія изъ 30 или 40 паръ торжественно выступаетъ подъ звуки музыки и садится за трехчасовое обѣденное пиршество!

«Всѣ горничныя, образуя цѣлый женскій хоръ, стоятъ толпою въ дверяхъ и поютъ національныя пѣсни съ аккомпанементомъ скрипокъ и другихъ инструментовъ. Маленькій китаецъ и маленький арапченокъ, въ присвоенныхъ имъ костюмахъ, черкешенка въ прелестномъ одѣяніи своей отчизны и калмычка въ княжескомъ костюмѣ (все дополнительныя принадлежности домашняго обѣда) съ присоединеніемъ къ нимъ еще нѣсколькихъ рабовъ, полоненныхъ въ военное время или полученныхъ въ подарокъ, бѣгаютъ кругомъ стола для потѣхи общества, иногда поютъ, иногда прыгаютъ, причемъ ихъ цѣлуютъ и одѣляютъ сластями»¹⁾.

Послѣ трехчасоваго сидѣнья за столомъ выходили въ гостиную, гдѣ ихъ ожидали тѣ же пѣсни и десертное угощеніе, а затѣмъ раздѣжались, для того, чтобы отправиться на званый вечеръ или на балъ въ благородномъ собраніи.

По понедѣльникамъ у Оболянинова, по вторникамъ у князя П. М. Дашкова²⁾, а по средамъ у Н. А. Дурасова были балы и театры для лучшаго московскаго общества. Къ Оболяниновымъ пріѣзжало столько, что нельзя было помѣститься, и многіе запоздавшіе, не входя въ домъ, возвращались именно потому, что ступить было негдѣ и отъ жару свѣчи гасли³⁾.

Въ теченіе зимы, начиная со второй половины ноября въ Москвѣ каждый день бывало 40 или 50 баловъ, на которыхъ играло до 1.300 человекъ музыкантовъ, принадлежавшихъ дворянамъ⁴⁾. Тогда не требовались на балъ такіе расходы какъ нынѣ. Освѣщеніе было слабое, «такъ, что отъ одного конца залы до другого нельзя узнать другъ друга»⁵⁾.

Обыкновенно въ 6 часовъ вечера зажигались двѣ плошки у крыльца,

¹⁾ Письма изъ Россіи въ Ирландію, „Русскій Архивъ“ 1873 г., т. II, стр. 1262.

²⁾ Въ то время московскій губернскій предводитель дворянства.

³⁾ „Литературный вечеръ“, Москва, изд. 1844 г., стр. 247.—„Русск. Стар.“ 1873 г., т. VIII, стр. 846.

⁴⁾ Записки А. М. Тургенева, „Русск. Старина“ 1885 г., № 12, стр. 474.

⁵⁾ Воспоминанія М. М. Муромцева, „Русск. Арх.“ 1890 г., № 1, стр. 79.

а фонарь освѣщаль путь отъ воротъ къ дому; на лѣстницѣ, по стѣнамъ, зажигались у людей богатыхъ восковыя, а у остальныхъ салныя свѣчи, которыя таяли и оплывали; въ прихожей цѣлая свѣча, обыкновенно стоящая въ бутылкѣ съ разбитымъ горлышкомъ, перемѣщалась въ жестяной подсвѣчникъ; въ люстрахъ пріемныхъ комнатъ горѣли свѣчи - а пликке (само налитое въ восковой чехолъ) также оплывавшія; жирадоли отражались въ зеркалахъ, стоящихъ въ простѣнкахъ, а на окнахъ мажанды свѣчи (салныя, толстофитильныя) воткнуты были въ деревянные некрашенныя треугольники, съ тремя жестяными горлышками для свѣчей по концамъ ¹⁾.

Балъ открывался «длиннымъ польскимъ», тянувшимся извилистой змѣей по всѣмъ комнатамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, въ шутку, то щеголевато кланяются, то присѣдаютъ. Не попавшіе въ польскій мужины одинъ за другимъ, останавливаютъ первую пару и, хлопнувъ въ ладоши, отбиваютъ даму. Кавалеры отвоєванныхъ дамъ, достаются сзади идущимъ дамамъ и переходятъ отъ одной къ другой; кавалеръ послѣдней пары оказывается въ одиночествѣ. Иной стойчески переноситъ остракизмъ и отправляется къ одному изъ карточныхъ столовъ отдохнуть отъ своего подвига; а иной преслѣдуемый словами: «усталъ! въ отставку! на покой!» бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. «Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданныя и нежданныя встрѣчи, извиненія, шутки и прибаутки весело кончаютъ длинный польскій».

За польскимъ слѣдовали легкіе танцы; мазурка еще только входила въ употребленіе. «Мы, говоритъ М. М. Муромцевъ, какъ пріѣзжіе изъ Польши, завели мазурку, настоящую въ четыре пары, съ прихлопываніемъ шпорами; становились на колѣни, обводили кругомъ себя даму и цѣловали ея руку». Французскій кадрили тогда еще нигдѣ не танцовали, а танцовали экосезъ-кадриль, называемый «русскій» съ вальсомъ; вальсъ *à trois temps*—и балъ оканчивался *à la greeque*, съ множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парю, и бѣготнею по всѣмъ комнатамъ.—Бальная музыка была въ большинствѣ очень плоха и однообразна.

Не то было въ Благородномъ собраніи или такъ называемомъ Дворянскомъ клубѣ. Здѣсь, отъ времени до времени устраивались маскарады и концерты, во время которыхъ стѣны комнатъ и головы дамъ сіяли болѣе обыкновеннаго: первыя, кромѣ люстръ, освѣщались еще стаканчиками, а вторыя сіяли множествомъ брильянтовъ. На концерты собирались около 8 часовъ вечера, но слушали музыку или пѣніе очень

¹⁾ Картины русскаго быта въ старину. Изъ записокъ Н. Сушкова, „Раутъ“ на 1852 г., стр. 463 и 464.

мало: разговоръ былъ до того шуменъ, что заглушалъ не только пѣніе, но и оркестръ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда онъ замолкнетъ, чтобы можно было ходить вокругъ скамеекъ, которыми была уставлена зала ¹⁾. Тѣмъ не менѣе собранія эти были всегда многолюдны.

Особенно велико было стеченіе публики по вторникамъ во время баловъ, на которые съѣзжались москвичи со всѣхъ сторонъ города. Плата за право быть членомъ собранія была почти ничтожная, такъ что въ числѣ ихъ были многіе иногородніе. Одинъ тамбовскій помѣщикъ, десять лѣтъ не посѣщавшій Москвы, былъ постоянно членомъ Благороднаго собранія.

— Цѣна не разорительная, говорилъ онъ, а вотъ случилось побывать въ Москвѣ и я ѣду въ собраніе встрѣчать всѣхъ моихъ старыхъ друзей и знакомыхъ, никому не обязываясь.

По его словамъ такихъ членовъ, какъ онъ, были многія сотни. Балы въ собраніи были всегда многолюдны и сопровождались бѣшенымъ весельемъ. Собираясь на балъ женщины употребляли все, чтобы «изобразить изъ себя Нимфу, Грацію и Богиню». Кто любилъ картины и статуи, тотъ не могъ пожаловаться на тогдашнюю моду дамскаго наряда и невольно поддавался увлеченію. Въ золотой вѣкъ Греціи о красотѣ женскаго платья судили по точности, съ которою оно обозначало формы тѣла, и потому древнія гречанки употребляли матеріи легкія и прозрачныя ²⁾. Къ тому же стремились и московскія дамы начиная отъ дѣвицъ и до самыхъ пожилыхъ.

Старушка жъ чудеса творить теперь умѣютъ:

Иныя на день-то разъ пять помолодѣютъ,

Въ уборной у себя съ часъ мѣста посидеть,

Морщины пропадутъ, румянецъ загорить,

И зубки явятся и бровва подстрижется,

Красотка!.. жаль одно... отъ драхлости трясется ³⁾.

Пространная и великолѣпная зала Благороднаго собранія, не имѣвшая себѣ подобной въ Россіи, созывала на балъ по вторникамъ тысячь до трехъ, до пяти и болѣе. Это былъ настоящій съѣздъ Россіи, начиная отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянства, отъ статсъ-дамы до скромной уѣздной невѣсты, которую родители привозили въ собраніе, чтобы на людей посмотреть, а особенно себя показать и при успѣхѣ выйти замужъ ⁴⁾.

Входъ въ освѣщенныя комнаты, особенно въ огромный длинный

¹⁾ О Московскомъ благородномъ собраніи. Аггял 1809 г. № 6, стр. 9—11

²⁾ Аггял 1809 г. № 6, стр. 7.

³⁾ Современное стихотвореніе: „Святѣи или „нынѣшней свѣтъ“. Рукопись Импер. Публич. библиотеки. Смѣсь т. II, № 90.

⁴⁾ Полное собр. соч. князя П. А. Вяземскаго, т. VII, 84.

залъ, наполненный лучшимъ обществомъ, былъ поразителенъ, въ особености для лицъ въ первый разъ входившихъ. «Въ 1803 году въ первый разъ отроду, пишетъ Н. Г. Левшинъ ¹⁾ былъ я въ Московскомъ собраніи на балѣ. Чувство неизъяснимое, незабвенное на вѣкъ осталось во мнѣ, когда я, вступилъ въ главную ротонду, неожиданно представившуюся моему взору. Я не хотѣлъ глазамъ вѣрить и долго не вразумлялся гдѣ я!»

Залъ освѣщался множествомъ люстръ и разноцвѣтныхъ въ стаканчикахъ огней, играло два оркестра инструментальной и роговой музыки. Кавалеры бывали въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ или же во фракахъ; французскій языкъ былъ въ большемъ употребленіи нежели русскій. Многолюдность собранія давала возможность изучать характеры и нравы общества, вслушиваться въ разговоры занимательные, умные и смѣшные до глупости. Здѣсь можно было встрѣтить молодыхъ людей прекрасно образованныхъ и скромныхъ, но едва-ли не больше глупыхъ, вѣтренныхъ, шарлатановъ, избалованныхъ счастіемъ и богатствомъ. «Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными мальтійскими орденами, выказывали свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны (были) въ очкахъ, не для пособія зрѣнію, а для моды» ²⁾.

Вторники въ благородномъ собраніи служили исходными днями для браковъ, семейнаго счастья и блестящей будущности. «Мы всѣ, молодые люди тогдашняго поколѣнія, говоритъ князь П. А. Вяземскій, торжествовали въ этомъ домѣ вступленіе свое въ возрастъ свѣтлаго совершеннолѣтія. Тутъ учились мы любезничать съ дамами, влюбляться, пользоваться правами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покоряться обязанностямъ общежитія. Тутъ учились мы и чинопочитанію и почитанію старости. Для многихъ изъ насъ эти вторники долго теплились свѣтлыми днями въ лѣтописяхъ сердечной памяти» ³⁾. Въ вихрѣ очаровательныхъ вальсовъ кружились многія головы, замирали и трепетали многія сердца.

«Для вашихъ летучихъ вальсовъ, писалъ Ж. К. Пойль ⁴⁾, въ цѣлой Европѣ, мастера только въ русскіе и кромѣ русскихъ дамъ—этихъ черезчуръ быстрыхъ, почти воздушныхъ летковъ не выдержать ни англичанка, ни нѣмка, ни даже французенка. Гляжу какъ

¹⁾ „Русская Старина“ 1873 г. № 12, стр. 860.

²⁾ Москва и Казань въ началѣ XIX вѣка. Записки И. А. Второва „Рус. Старина“ 1891 г. № 4, стр. 9.

³⁾ Полн. Собраніе соч. князя П. А. Вяземскаго VII, 84.

⁴⁾ Въ письмѣ Макарову 20-го ноября 1805 г. „Литературный вечеръ“. Москва, изд. 1844 г., стр. 250.

на чудо на мастероватость въ этомъ танцѣ князя Дашкова и на необыкновенно быстрое умѣнье кружить и кружиться Обрѣзкова» ¹⁾).

Все это пріобрѣталось, конечно, практикой, потому что молодые люди хорошаго тона должны были присутствовать на всѣхъ балахъ и спектакляхъ. Не желая и не умѣя заняться ничѣмъ серьезнымъ, чувствуя, что не привлечетъ къ себѣ вниманія познаніями, молодежь старалась обратить на себя вниманіе внѣшностью. Матеріально обеспеченные молодые люди «блестали одеждою, драгоценными бездѣлицами, они слонялись цѣлый день по городу въ прекрасномъ экипажѣ или пѣшкомъ, развѣзали по трактирамъ, театрамъ и баламъ» ²⁾). Они ежедневно скакали изъ дома въ домъ для того только, чтобы развѣяться новостями. Тогда визиты дѣлались очень рано, часовъ около 11 утра, и были такіе львы, которые ѣздили въ каретахъ не запирая дверецъ—такъ много было визитовъ и такъ близко жили ихъ знакомые другъ отъ друга.

Въ 1810 году Н. Страховъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Мои Петербургскія сумерки», въ которой такъ характеризовалъ общество: ³⁾

«Предки наши теряли жизнь сидючи, а нынѣ настала вѣкъ потери оной стоячи, ходя и внѣ дома.—Въ недавнія времена русскіе пріучались только къ европейскимъ обычаямъ, а нынѣ собственныхъ своихъ совѣмъ не помнятъ и не знаютъ. Дворяне прежде не учили дочерей своихъ русской грамотѣ, опасаясь чтобы онѣ не научились писать любовныя записочки; но теперь страхъ этотъ миновалъ и переписка сдѣлалась ненужною, потому что молодые люди сами находятя безотлучно при дочеряхъ. Недавно, взрослые дѣвицы спрашивали и узнавали какъ должно одѣться по модѣ, а нынѣ и малолѣтняя умѣетъ если не себя, то свою куклу нарядить съ ногъ до головы въ послѣднемъ вкусѣ. Прежде дѣвицы ѣздили только въ церковь, въ домъ родственниковъ и друзей, а теперь сами родители ежедневно трясутъ ихъ въ каретахъ, знакомятъ со множествомъ домовъ, развозятъ по гостямъ, театрамъ, маскарадамъ и гуляньямъ,—однимъ словомъ употребляютъ всѣ средства, чтобы отучить ихъ отъ куколей и заставить выбрать одну живую, т. е. мужа».

По тогдашнимъ понятіямъ женщина хорошаго тона должна была казаться безстрастною, не оказывать особаго вниманія, ни любопытства; должна быть ко всему равнодушна, безстрастна, говорить что ей вездѣ скучно, но въ то же время не пропускать ни одного бала, ни одного спектакля ⁴⁾).

¹⁾ Иванъ Алексѣевичъ генералъ-маіоръ.

²⁾ Всепопад. записка А. И. Арсеньева 2-го апрѣля 1826 г.

³⁾ Часть I, стр. 29 в 59.

⁴⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1809 г. № 2, стр. 292.

Когда красавицу хвалили
 Въ старинныя годы, то о ней
 Съ почтеньемъ просто говорили:
 Что милый взглядъ ея очей
 И соколиного ястреба.—
 Лицомъ румяна и бѣла;
 Что брови собола чернѣе,
 Не своеобразна, весела.
 Что грудь имѣя лебедину,
 Поетъ какъ вешній соловей,
 Походку жъ важную, павинну
 И что любима всей родней.

А нынче, гдѣ изображаетъ
 Красавицу съ огнемъ въ глазахъ,
 Въ котормъ пылкій умъ блистаетъ,
 И дѣлаетъ пожаръ въ сердцахъ.
 Вокругъ обстрижену кудрями,
 Богиней, Граціей зовутъ
 И страстно тоными стихами
 Въ романахъ ей хвалу поютъ.

Старинный цвѣтъ лица не въ модѣ,
 Онъ грубъ для нашихъ вѣжныхъ чувствъ,
 Хвалить его не ловко въ Одѣ
 Намъ нуженъ сталъ соборъ искусствъ.
 Красавица въ замѣнъ поклона,
 Съ улыбкой любить присѣдать,
 Въ бесѣдѣ франта-вѣтрогона
 Ученою себя казать ¹⁾.

Въ увлеченіи своемъ поэтъ ошибался: русская женщина тогдашняго времени была очень далека отъ учености и даже рѣдко заглядывала въ книги. «Мнѣ чрезвычайно хотѣлось, писала одна дѣвица своей пріятельницѣ ²⁾, подойти къ столу, на которомъ лежатъ газеты и журналы, но дамы къ нему не подходятъ, хотя комнату, въ которой онъ поставленъ, проходятъ безпрестанно».

Въ статьѣ «Наши мистики-сектанты» ³⁾, мы указали на слѣбое пристрастіе и подражаніе общества всему французскому, на то, что русская женщина, желая изобразить изъ себя Нимфу, Грацію и Богиню, обнажила свою талію и утонула во французской болтовнѣ; увлекшись кокетствомъ, она проводила время среди танцевъ, въ разсѣянной и пустой жизни.

Прекрасный полъ плавалъ тогда только въ морѣ удовольствій и

¹⁾ Изъ посланія А. С. Шишкову. „Русскій Вѣстанкъ“ 1811 г. № 8, стр. 73.

²⁾ Письмо одной дѣвушки къ пріятельницѣ, Аглая 1809 г. № 6, стр. 11.

³⁾ См. „Русскую Старину“ 1894 г., № 9, стр. 169—203.

свѣтской жизни. Безсмертный И. А. Крыловъ въ комедіи «Урокъ дочкамъ» такъ описываетъ словами Лукерьи, дочери богатаго помѣщика Велькарова, городскую жизнь дѣвушки.

«По утру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учителя—танцовальный, рисовальный, гитарный, клавирный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похождение, тамъ отъ мужа жена ушла; гдѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за той, другая за тѣмъ,—ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь кто себѣ фалшивый зубъ вставилъ, и не увидишь какъ время пройдетъ.—Потомъ пустишься по моднымъ лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что только есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ; подмѣтишь тысячу свиданій. На недѣлю будетъ что рассказывать».

Модными лавками считались тѣ, которыя принадлежали французамъ и имѣли французскія вывѣски. Въ появившейся въ 1807 году комедіи И. А. Крылова—«Модная лавка» ученица и продавщица Маша жалуется посѣтителю, что не можетъ открыть своего магазина, потому что она не имѣетъ фамиліи мадамъ ла-Брошь, или мадамъ Бошаръ, или мадамъ Каре. Та же Маша не стѣсняясь говоритъ помѣщику Сумбуровой, что лучшія и знатнѣйшія щеголихи «имѣютъ честь у насъ проматываться».

— Право такъ?—спрашивала Сумбурова.—Виновата душа моя! Услыша что ты говоришь по-русски, я ужъ было испугалась. Мои скоты (лакеи) вѣдь ничего не смыслятъ; они въ самомъ дѣлѣ готовы завести въ русскую лавку, а мнѣ надобны лучшіе товары...

— У насъ въ лавкѣ обычай такой, замѣчаетъ Маша.—Госпожи просятъ что имъ угодно, а мы съ нихъ беремъ, что намъ угодно.

Побывавъ въ модныхъ лавкахъ съ цѣлью одно купить, другое заказать отправлялись на обѣдъ или къ знакомымъ или къ родственникамъ, и тамъ, за столомъ оцѣнивали бабушекъ и тетусекъ; родню, не знающую иностранныхъ языковъ, предавали насмѣшкамъ.

— Послѣ обѣда,—рассказывала Лукерья¹⁾,—ѣдешь домой и снова займешься туалетомъ, чтобы ѣхать куда-нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучаешь жестокостью, другому—жизнь даешь улыбкою, третьяго—съ умаводишь равнодушіемъ. Танцуешь какъ полуумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не достается танцевать, какъ въ хвостѣ. Словомъ, не успѣешь опомниться, какъ уже разсвѣтаетъ и ты полумертвая ѣдешь домой.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, изд. 1859 года, томъ III, стр. 441—444.

Такая жизнь не нравилась Велькарову, и онъ взялъ къ себѣ дочерей, воспитывавшихся у тетки. Онѣ перевернули весь его домъ вверхъ дномъ и «накликали такихъ не-руссеѣ (иностранцевъ), между которыми бѣдный старикъ шатался какъ около Вавилонской башни не понимая ни слова, что говорить и чему хохочутъ». Выведенный изъ терпѣнія такимъ поведеніемъ своихъ дочерей Велькаровъ увезъ ихъ въ деревню.

— Никакъ заставилъ модницъ учиться деревенскому хозяйству?— спрашивалъ Семень горничную Дашу.

— Хуже,—отвѣчала она.

— Что-жь? посадилъ за книги да за пяльцы?

— Хуже.

— Неужели вздумалъ изнурять ихъ модною плотъ хлѣбомъ да водою?

— И того хуже.

— Неужели?.. и Семень сдѣлалъ знакъ будто хочетъ дать пощечину.

— И это бы легче, а то гораздо хуже,—отвѣчала Даша.

— Чортъ же знаетъ, я ужъ хуже побой ничего не придумаю.

— Онъ запретилъ имъ говорить по-французски. Бѣдныя барышни безъ французскаго языка, какъ безъ хлѣба сохнуть.

— Да неужели у нихъ такая страсть къ иностранному?

— А вотъ она какова, что онѣ бы теперь вынули послѣднюю сережку изъ ушка, лишь бы только посмотрѣть на француза.

Эта ѣдкая сатира на тогдашнее общество не отходитъ отъ истины и подтверждается письмами и статьями, печатавшимися въ журналахъ современныхъ той эпохѣ. Достоинство молодого человѣка, его аристократичность и даже дарованія принадлежали тѣмъ, которые путешествовали въ чужихъ краяхъ и на вопросы по-русски отвѣчали по-французски. Считалось какъ-то почтительнѣе и вѣжливѣе обращаться съ рѣчью на французскомъ языкѣ, тогда какъ заговорить по-русски казалось слишкомъ фамильярно и просто. Къ ошибкамъ въ русскомъ языкѣ относились даже болѣе снисходительно, чѣмъ къ незнанію французскаго языка, и несмотря на это, многія лица даже высшаго общества плохо его знали.

Князь Шаликовъ, являясь въ первый разъ къ И. И. Дмитріеву, сказалъ ему: *mon général*. Это было тѣмъ оригинально, что въ обстановкѣ Дмитріева не было ничего военно-генеральскаго и онъ не любилъ говорить иначе какъ по-русски, хотя и зналъ хорошо французскій языкъ.

Въ одномъ сраженіи Наполеонъ любовался атакою русской кавалеріи и спросилъ генерала Э. П. Уварова, кто командовалъ кавалеріею?

— *Je Sire*,—отвѣчалъ онъ.

Тотъ же Уваровъ, стоя въ сѣняхъ театра и слушая какъ вызывали кареты, кричалъ: «*Ras ша, рас ша*». Наконецъ, когда провозгласили

его карету: «ша, ша, ша», воскликнулъ онъ и выбѣжалъ изъ сѣней. Русская путешественница, представляясь одной изъ нѣмецкихъ королевъ, называла ее *Sigède*, на томъ основаніи, что королю говорятъ *Sire* ¹⁾).

Несмотря на все это, люди едва читавшіе и плохо говорившіе по-французски, считали неприличнымъ писать все по-русски и примѣшивали французскія слова кетати и некстати. Вотъ образчикъ одной изъ записочекъ: «*Billet* въ партеръ, начало à six heures. Особы qui не могутъ *s'y rendre* сами, *sont priées* возвратить *les billets*» ²⁾). Такія записочки въ изобиліи гуляли по Москвѣ и писались какъ женщинамъ, такъ и мужчинами.

— Хорошо бы было, говорилъ И. В. Лопухинъ ³⁾, при нужномъ знаніи иностранныхъ языковъ, при упражненіяхъ въ наукахъ и искусствахъ, не стыдиться многихъ своихъ старинныхъ обычаевъ. Покрой платья, цвѣтъ и доброта того, изъ чего оно шьется, не просвѣщаютъ, а покоряютъ частныхъ людей самой малодушной зависимости; цѣлое же государство подвергаютъ ослабленію.

Но русскіе обычай и русскій языкъ были забыты и высшее общество, воспитанное на иностранной выдѣ р ж к ѣ, говорило по-русски болѣе самоучкою и знало его по наслышкѣ; красоту и силу природнаго языка изучали у псарей, лакеевъ, кучеровъ, и надо отдать справедливость, что изученное такимъ путемъ краснорѣчіе знали въ совершенствѣ. «Я зналъ, говорятъ А. М. Тургеневъ ⁴⁾, толпу князей Трубецкихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Несвицкихъ, Щербатовыхъ, Хованскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ, — да всѣхъ не упомнишь я не сочтешь,—которые не могли написать на русскомъ языкѣ двухъ строчекъ, но всѣ умѣли краснорѣчиво говорить по русски...» не печатныя слова.

Иначе и быть не могло: русскіе учителя были не въ модѣ, ихъ избѣгали предпочтая иностранцевъ. Дошло до того, что французъ, жившій нѣкоторое время въ Россіи и возвратившійся въ свое отечество, публиковалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что близъ Парижа онъ завелъ пансіонъ специально для русскихъ молодыхъ дворянъ. Онъ приглашалъ родителей отправлять къ нему своихъ дѣтей на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему необходимому, особливо же языку русскому. Противъ такого объявленія возсталъ Н. М. Карамзинъ и написалъ статью «Странность». Но многіе не считали этого страннымъ,

¹⁾ Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго т. VIII, стр. 457.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1810 г., № 6, стр. 145.

³⁾ Въ своихъ запискахъ „Русскій Арх.“ 1884 г., № 1, стр. 135.

⁴⁾ Записки А. М. Тургенева. „Русская Старина“ 1879 г., № 4, стр. 216.

потому что въ русскихъ учителяхъ, книгахъ и въ особенности въ учебникахъ былъ большой недостатокъ.

«Недавно, говорилъ Н. Страховъ ¹⁾, дворянскія дѣти выучивали не дагѣ букваря, а съ псалтыря навѣки разставались съ чтеніемъ книгъ; но нынѣ они столь твердо выучиваютъ французскій языкъ, что совсѣмъ забываютъ природный, а чтеніе начиная со сказокъ продолжаютъ до непонимаемыхъ ими философскихъ системъ». Главное же чтеніе молодыхъ людей составляли романы и притомъ иностранные. «Спросите у книгопродавцевъ, писалось въ одномъ изъ современныхъ журналовъ ²⁾, и они скажутъ, что наживаютъ капиталы почти только отъ романовъ». Ихъ читали не только дворяне, но купцы и мѣщане—всѣ тѣ, которые знали грамоту. М. А. Дмитріеву приходилось не разъ подсмотреть въ рукахъ лавочниковъ Поль-де-Кока или другіе французскіе романы, изъ которыхъ они учились «семейному разврату и обману» ³⁾. Нѣмецкіе и англійскіе романы переводились всегда съ французскаго потому, что только этотъ языкъ былъ у насъ извѣстенъ, и до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія; знаніе же нѣмецкаго языка было большою рѣдкостью.

— Когда я былъ въ университетѣ (1813—1817 г.), говоритъ М. Дмитріевъ, почти никто не зналъ по-нѣмецки.

Лучшіе наши писатели того времени, въ томъ числѣ и Н. М. Карамзинъ, были вскормлены также на иностранныхъ хлѣбахъ. «Но чужой хлѣбъ они перепекали въ своей родной печи, прибавляли къ нему своей муки» ⁴⁾ и мало-по-малу вошли въ славу ихъ московскіе литературные калачи.

Такихъ людей было тогда не много и большинство слѣпо подражало французскимъ обычаямъ и французской модѣ. Это подражаніе существовало не только въ Москвѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Люди, съ ограниченными средствами старались одѣться и убраться свои комнаты по модѣ. Многие не знали названія предметовъ роскоши, не умѣли написать ихъ, произносили по своему и все-таки выписывали ихъ изъ Москвы, часто на послѣднія деньги. Въ этомъ отношеніи интересенъ реестръ вещей, составленный помѣщицею Еленинскаго уѣзда Смоленской губерніи А. Е. Свистуновой. Она просила, между прочимъ, купить ей: вуаль французскую «съ цвѣточками»; кружевъ англійскихъ на манеръ барабанныхъ (брабандскихъ), ма-

¹⁾ „Моя петербургскія сумерки“. Ч. I, стр. 59—61.

²⁾ „Другъ Юношества“ 1808 г., № 11, стр. 71.

³⁾ „Мелочи изъ запаса моей памяти“. М. А. Дмитріева. Москва 1859 г. Изданіе второе, стр. 48 и 52.

⁴⁾ Полное собр. соч. кн. Гиземскаго. Т. VIII, 456.

ленькую кларнетку (зорнетку) «такъ какъ я близка глазами» (близорука), сероги (серьги) писаграмовой (филиграновой) работы, духовъ душистыхъ аламбрé. Далѣе она просила купить ей: книжку самую лучшую, «чтобы не забыть, т. е. чтобы на память все приходило», билетовъ, что на нихъ ѣздить съ праздникомъ поздравлять, печатныхъ съ купидонами и съ моимъ вензелемъ. Для обстановки комнатъ—картинъ тальянскихъ (итальянскихъ) на манеръ рыхвалеевой (Рафаэлевой) работы на холстинкѣ и подносъ съ чашечками, «если можно достать съ пионовыми цвѣтами». «Да нельзя-ли, писала она, купить хорошаго кучеріонка, да тамбурную иголочку. Еще не забудьте, почаму (почемъ) животрепещущая малосольная рыба фунтъ. Нельзя-ли взять у кого-нибудь тамъ дрожекъ? Миѣ надобно; хочется поглядѣть городъ, я тамъ ни разу не была. Коли денегъ не станеть, то есть у меня капусты кадка залишбу (лишняя), да посканьины (особый холстъ) три куска. Да льнянаго сѣмени посылаю четыре гарнца, промѣняйте на деревянное масло, а то лампада погасла»¹⁾.

Читая этотъ интересный документъ,—результатъ слѣпного повиновенія модѣ,—невольно вспоминаешь слова И. А. Крылова:

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того смыкать;
А безъ ума перенимать
И, Боже сохрани, какъ худо! ²⁾

Необходимо однако-же сказать, что хотя приведенная нами характеристика общества принадлежитъ большинству, но среди этого большинства были блестящія звѣздочки, освѣщавшія путь остальнымъ.

Москва развивалась самобытно, сама собою, «ибо на нее почти никакія обстоятельства» вліянія не имѣли. Здѣсь каждый могъ жить какъ онъ хотѣлъ, не обращая на себя общаго вниманія. Среди множества лицъ, преданныхъ пустой свѣтской жизни, можно было видѣть на лекціяхъ старѣйшаго и славившагося своими профессорами университета знатныхъ дамъ, молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ, студентовъ. Законоспасской академіи и проч.³⁾

Высочайшею грамотою 5-го ноября 1804 г. Московскій университетъ былъ возведенъ на степень перваго въ Россіи вышшаго училища. Въ маѣ того же года высочайше разрѣшено учредить при университетѣ «Общество исторіи и древностей россійскихъ», принявшаго

¹⁾ Дамскія порученія въ началѣ XIX вѣка „Русская Старина“ 1891 г., № 8, стр. 410—413.

²⁾ „Обезьяны“. См. „Васни Крылова“ изд. 1895 г., стр. 18.

³⁾ Полное собр. сочин. кн. Вяземскаго, т. VII, 84.

на себя первую попытку къ изученію исторіи Россіи. Въ сентябрѣ 1804 года основано при университетѣ «Общество испытателей природы», а 2-го января 1805 г. открыло свои дѣйствія—«Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ». Библіотека университета насчитывала у себя до 20.000 томовъ разнаго рода сочиненій.

Говоря о состояніи Московскаго университета, «Вѣстникъ Европы» 1811 года выражалъ надежду, «что, наконецъ, и очень скоро университетъ будетъ имѣть своихъ кандидатовъ по всѣмъ частямъ учености, а слѣдственно и не будетъ принужденъ вызывать чужестранныхъ наставниковъ для преподаванія наукъ российскому юношеству на чужестранныхъ языкахъ.

«Въ настоящемъ (1811) году, сказано было въ журналѣ, записано въ университетъ обучающихся студентовъ казеннаго содержанія и своекоштныхъ 215, кромѣ многихъ стороннихъ посѣтителей, слушающихъ лекціи. Нѣкоторые профессора, особливо же преподающіе науки, для каждаго благовоспитаннаго человѣка необходимыя и притомъ на русскомъ языкѣ, имѣютъ слушателей по 100 человѣкъ и болѣе».

Хотя число это очень не велико, но въ другихъ городахъ и того не было. Петербургскаго университета еще не существовало и въ замѣнъ его были Педагогическій институтъ и іезуитская коллегія; въ Харьковѣ университетъ только основывался, и вся остальная Россія была отдана на произволъ иностранныхъ учителей, преимущественно французовъ.

Москва была единственнымъ городомъ, гдѣ въ то время можно было дать русское воспитаніе дѣтямъ, внушить имъ любовь къ отечеству и уваженіе къ родному языку.

Только въ одной Москвѣ можно было встрѣтить такое крупное частное книгохранилище, какое было у графа Бутурлина, профессоровъ Баузе, Страхова и у другихъ; такой ботаническій садъ, какой у былъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, съ растениями изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ всего міра. Въ ней же зародилась и изящная словесность и имѣла тамъ своихъ блестящихъ представителей. Въ Москвѣ выходило большинство русскихъ періодическихъ изданій. Россія училась говорить, читать и писать по-русски по книгамъ и журналамъ, издаваемымъ въ Москвѣ. Русская литература долго имѣла Москву своею столицею и своею колыбелью¹⁾. Петербургъ придерживался старому слогу; Москва развивала и проповѣдывала новый. Жившіе въ то время въ первопрестольной столицѣ Н. М. Карамзинъ и И. И. Дмитріевъ были его основателями и образцами. Къ нимъ при-

¹⁾ Записки Д. М. Ростиславова. „Русская Старина“ 1888 г., № 7, стр. 63.

мыкали молодыя дарованія: напрымѣръ, Макаровъ (Петръ)—по части прозы и журналистики, Жуковскій—на вершинахъ поэзіи. Около того же времени появился и «Русскій Вѣстникъ», издаваемый С. Н. Глинковъ порицавшій тогдашнее воспитаніе и пристрастіе общества ко всему французскому. О значеніи этого журнала и о томъ, что онъ навлекъ на себя нерасположеніе Наполеона мы скажемъ впослѣдствіи. Здѣсь же замѣтимъ, что имѣя среди толпы эмигрантовъ, жившихъ въ Россіи, многочисленныхъ природныхъ шпионовъ, императоръ французовъ зорко слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ. Онъ долженъ былъ сознать, что Москва была средоточіемъ русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и что значеніе ея громадно. Естественно, что вторгаясь въ Россію въ 1812 году и руководясь изреченіемъ Суворова, что змія надо бить въ голову, Наполеонъ двинулся на первопрестольную столицу, на Москву-Бѣлокаменную.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной. ¹⁾

III.

Участіе великой княгини Елены Павловны въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.— Письмо ея Н. А. Милютину и его отвѣтъ.— Положеніе крестьянскаго вопроса въ провинціи по письмамъ Ю. Ф. Самарина и Карамзина.— Записка о генералъ-губернаторахъ и контръ-проектъ министерства внутреннихъ дѣлъ.— Губернскіе комитеты.— Учрежденіе редакціонной комисіи.— Письмо Н. А. Милютина Самарину и отвѣтъ Юрія Федоровича о его готовности поступить въ число членовъ редакціонной комисіи.— Начало работъ.

Васказъ предыдущей главы отличается нѣкоторою пестротой; но, записанный подъ свѣжими впечатлѣніями того времени, въ итогъ, онъ вѣрно передаетъ характеръ и колоритъ среды и эпохи, гдѣ многое было точно пестро, незрѣло, шатко, гдѣ многое зависѣло какъ-бы отъ случайныхъ обстоятельствъ, неожиданныхъ встрѣчъ, часто пустыхъ сплетенъ.

Посреди этой обстановки, личныхъ непріятностей и всякаго рода интригъ, казалось бы трудно сохранять присутствіе и независимость духа, нужны законодателю для разработки дѣлъ сложныхъ, и проводить ихъ по опредѣленной строгой и стройной системѣ. Но не такъ было съ Николаемъ Алексѣевичемъ. Придется теперь оглянуться назадъ, на трудовую сторону его жизни, и, отрѣшившись отъ окружающей его ярмарки — тщеславія, проникнуть въ состояніе его нравственнаго, душевнаго міра и сношенія съ товарищами по крестьян-

¹⁾ См. «Русскую Старину», январь 1899 г.

яискому дѣлу. Переходъ будетъ рѣзокъ и задача трудна. Но, письма того времени сами раскрываютъ всю правду и не нуждаются въ комментаріяхъ.

Хотя служба и дѣла мало оставляли времени Николаю Алексѣевичу переписываться съ друзьями, хотя почти всѣ тѣ, съ кѣмъ переписка могла быть искренна и полна, сами находились тогда въ Петербургѣ, работали съ нимъ за тѣмъ же дѣломъ, однако и немногихъ строкъ, дополненныхъ воспоминаніями, достаточно чтобъ каждый съ невольнымъ вздохомъ² поставилъ себѣ вопросы: зачѣмъ не онъ, съ самаго начала, стоялъ во главѣ реформы? Зачѣмъ такъ долго и систематично подвергался устраненію, когда именно онъ въ ней былъ хозяинъ? Зачѣмъ такъ безжалостно истощали лучшіе годы и силы его жизни (на защиту самого себя и своихъ дѣлъ), когда въ нихъ заключалась честь и достоинство Россіи?

Первое, въ хронологическомъ порядкѣ письмо и мѣсто (по эмансипаціи) принадлежитъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая вслѣдъ за словами, произнесенными государемъ на коронаціи,—дѣйствительно первая отозвалась на призывъ къ благому началу и, съ свойственною ей теплотою и искренностью чувствъ, задумала показать дворянству примѣръ повиновенія монаршей воли, освободить крестьянъ своего крупнаго Полтавскаго имѣнія, Карловки. Она хорошо знала къ кому обратиться за содѣйствіемъ и руководствомъ. Послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній съ Николаемъ Алексѣевичемъ, она поручила ему изготовить записку, и подала ее государю въ первыхъ числахъ октября 1856 года, о чемъ собственноручно увѣдомляла мужа 14-го октября:

«По пріѣздѣ моемъ въ Царское село зашла рѣчь о запискѣ; прежде всего мнѣ замѣтили, что она не заключаетъ, какъ ожидали, обстоятельно выработаннаго проекта о томъ, какимъ образомъ я предполагаю устроить Карловку и что это было бы желательно для того, чтобы имѣть возможность сослаться впоследствии на этотъ примѣръ и руководствоваться имъ по отношенію къ прочимъ помѣщикамъ. Я замѣтила, что въ запискѣ изложены общіе взгляды и нѣкоторыя частныя предложенія и что предложенія такого рода какъ заключать договоры и взимать оброкъ въ видѣ поземельнаго налога, а не подушной подати, заключаютъ въ себѣ принципы первостепенной важности, которые могутъ быть значительно развиты впоследствии и которые я не могу высказывать иначе, какъ получивъ на то высочайшее соизволеніе¹). Было рѣшено, что мнѣ будетъ приказано чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ созвать собраніе помѣщиковъ Полтавской губерніи, готовыхъ принять

¹) Въ этомъ смыслѣ говорилъ ей Николай Алексѣевичъ.

участіе въ этомъ дѣлѣ, указавъ при этомъ, что такъ какъ вышеупомянутое предложеніе удостоилось высочайшаго одобренія, то я уполномочена дѣйствовать руководствуясь этими основаніями.

«О мѣрахъ предложенныхъ самому правительству не было рѣчи; по моему мнѣнію, мы могли бы, быть можетъ, примѣнить нѣкоторыя изъ нихъ, а другими могъ бы воспользоваться министръ внутреннихъ дѣлъ, а равно и графъ Блудовъ для той части, которая требуетъ преобразованій нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ.

«Затѣмъ меня спросили, кѣмъ написана записка, на что я отвѣчала, что она редактирована у меня, по основамъ выработаннымъ въ Москвѣ.

«Мнѣ кажется дѣло налаживается, хотя оно еще не обсуждалось во всей совокупности. Надобно взвѣсить, что именно слѣдуетъ сдѣлать въ настоящую минуту, какія надобно принять подготовительныя мѣры, какъ съ пользою употребить время моего отсутствія и наконецъ, какъ имъ образовать и изъ кого образовать комитетъ по моему возвращенію. Слѣдовало бы во всякомъ случаѣ послать Ланскому и графу Блудову копію съ моей записки, ежели Ланской, работая въ пятницу съ императоромъ, не получилъ ее изъ рукъ его величества»¹⁾.

Въ отвѣтъ Николаю Алексѣевича замѣтно много радости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожной сдержанности.

Вотъ что онъ писалъ отъ 18-го октября 1856 года.

«По мысли, выраженной въ запискѣ (съ которой имѣю честь представить при семъ двѣ копіи), предполагалось, ежели на то будетъ получено дозволеніе, войти предварительно въ переговоры съ нѣкоторыми помѣщиками Полтавской губерніи, чтобы выработать планъ организаціи проектированнаго комитета и только тогда, когда было бы получено вторичное подтвержденіе, приступить къ самому открытію комитета. Если таковой ходъ дѣла, впрочемъ исполнѣ естественный и во многихъ отношеніяхъ выгодный, былъ бы одобренъ его величествомъ, то въ настоящую минуту оставалось бы только войти въ официальные сношенія съ тѣми помѣщиками, намѣренія которыхъ извѣстны, а именно съ г. Тарновскимъ и съ княземъ Кочубеемъ, чтобы воспользоваться ихъ совѣтомъ относительно организаціи личнаго состава и трудовъ комитета. Ихъ отвѣты могли бы облегчить редакцію постановленія, которое было бы представлено на высочайшее утвержденіе. Все это дастъ возможность выиграть время, что, по моему мнѣнію, не можетъ повредить дѣлу, требующему величайшей осмотрительности. Если бы эти господа высказали одновременно свои мысли по существу вопроса, то мнѣ кажется было бы благора-

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

зумѣе не обсуждать ихъ въ настоящую минуту, чтобы сохранить полную свободу дѣйствій въ будущемъ».

Далѣе, отвѣчая великой княгинѣ на вопросъ не избрать ли ей во время пребыванія за границею «повѣреннаго по этому дѣлу», причѣмъ ея высочество указывала на Д. М. Хрушова, Николай Алексѣевичъ говорить какъ важно было бы имѣть, съ самаго начала, во главѣ крестьянскаго вопроса лицо вліятельное и непоколебимое въ своемъ официальномъ положеніи, какъ напр. великаго князя Константина Николаевича.

«... Весьма возможно, писалъ между прочимъ Н. А. Милютинъ ¹⁾, что при первомъ же обмѣнѣ мыслей, въ интересахъ самаго дѣла, потребуются энергичный руководитель, могущій оказать и нравственную поддержку для того, чтобы придать съ самаго начала нѣкоторую устойчивость столь нетвердымъ взглядамъ и убѣжденіямъ. Частный человекъ, въ родѣ того, на котораго ваше высочество соблаговолили указать, не можетъ имѣть достаточно авторитета и независимости, чтобы взять на себя подобную обязанность; онъ только повредитъ этимъ себѣ въ будущемъ, не достигнувъ цѣли. Смѣю ли я назвать единственнаго человека, который по положенію своему могъ бы быть выразителемъ вашихъ мыслей? Не зная намѣреній его императорскаго высочества, я не смѣю болѣе настаивать на этомъ, и умоляю ваше высочество простить мнѣ то, что я высказалъ мысль, о которой я не имѣю права судить ²⁾».

Всѣ послѣдующія совѣщанія съ великою княгинею происходили изустно, а документально ничего не осталось кромѣ этихъ двухъ писемъ, и самаго Карловскаго проекта. Изъ нихъ мы, однако, получаемъ указаніе откуда пошла первая мысль о созывѣ губернскихъ комитетовъ. Что не найдется ни въ какихъ бумагахъ и чего нѣтъ причины таить,—это какъ много стоило Николаю Алексѣевичу труда въ самомъ началѣ убѣдить великую княгиню не ограничиваться однимъ поспѣшнымъ примѣромъ великодушія, не отпускать своихъ крестьянъ на волю однимъ почеркомъ пера, какъ ей сперва хотѣлось, но опредѣлявъ ихъ поземельное устройство, воспользоваться случаемъ, чтобы предложить правительству нѣкоторыя основныя мѣры, которыя могли-бы современемъ войти въ общую программу реформы,

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Къ сожалѣнію этому не суждено было исполниться. Великій князь Константинъ Николаевичъ не принялъ предложенія, опасаясь чтобы вмѣшательство его не повредило дѣлу, и выступилъ лишь въ 1860 году, когда труды редакціонной комисіи поступили на рассмотрѣніе главнаго комитета, председателемъ коего государь назначилъ его. Отсутствіе этой forte direction весьма горько ощущалось, и слѣдующіе за этимъ письмомъ два года можно считать потерянными для дѣла.

словомъ—вывести крестьянскій вопросъ сперва изъ области мечтаній и благородныхъ фантазій, потомъ изъ сферъ канцелярскихъ тайнъ на тотъ честный, прямой, неизблемый законодательный путь, по которому ему слѣдовало разрабатываться. Много стоило Н. А. труда умѣрять живость впечатлительной и дѣятельной природы августѣйшей своей покровительницы, нелегко примирявшейся съ замедленіемъ, компромиссами, недобросовѣстностью. Глубоко уважая умъ и дарованія великой княгини, онъ, однако, цѣлыхъ пять лѣтъ опасался, чтобы она какою нибудь неосторожностью не повредила успѣху всего дѣла. Словомъ, онъ оберегалъ и дѣло, и самую великую княгиню, и въ то время когда считали необходимымъ его устранять отъ дѣла, какъ опаснаго человѣка, онъ можетъ быть одинъ направлялъ и руководилъ съ тайною любовью мысль объ освобожденіи крестьянъ. Это нарождавшееся новое сословіе, росшее тихо и болѣзненно въ тяжелой борьбѣ за существованіе со всѣми язвами своего времени, съ обветшалою, отжившею частью русскаго общества, никогда не дожило бы до совершеннолѣтія, т. е. до 19-го февраля 1861 года, если бы незримо и никѣмъ невѣдомо, добрый гений не поддерживалъ его первые слабые шаги, не вывелъ бы его на вольный воздухъ изъ душной атмосферы совѣтовъ, гдѣ возсѣдали престарѣлыя сановныя няньки, и не поставилъ его подъ опеку лучшихъ народныхъ силъ.

Какъ лицо официальное, не облеченное по этой части никакимъ полномочіемъ, Николай Алексѣевичъ съ 1856 по 1859 годъ, ради самаго дѣла, долженъ былъ скрывать свое въ немъ и къ нему участіе. Но «злота дня» и насущная его потребность выглядываютъ почти всякій разъ, какъ онъ берется за перо. Отвѣчая графу А. Г. Строганову (на просьбу рекомендовать ему нѣсколько чиновниковъ въ канцелярію Новороссійскаго генераль-губернаторства) онъ жалуется на недостатокъ людей для реформъ, которыя въ скоромъ времени должны были наступить.

Приготовляясь къ нимъ Николай Алексѣевичъ пришелъ къ убѣжденію, что безъ кредитной операціи освобожденіе крестьянъ никакъ не обойдется. Съ этою цѣлью онъ собралъ нѣкоторыя цифры, которыя доказывали, что это не такъ не возможно какъ вначалѣ думали.

Пессимисты крестьянскаго дѣла не вѣрили въ возможность выкупа, но нѣкоторыя болѣе передовыя и образованныя личности раздѣляли на этотъ счетъ его воззрѣнія. А. Н. Карамзинъ, будущій членъ отъ нижегородскаго комитета, между прочимъ писалъ ему въ началѣ 1858 года.

«Я рѣшился отложить свой officialный отвѣтъ по случаю запроса о цѣнности земли, потому что теперь во всѣхъ дѣлахъ собираются по возможности вѣрныя свѣдѣнія по сему предмету и по со-

браніи ихъ, я надѣюсь въ комитетѣ быть въ состояніи вамъ дѣльнѣе отвѣчать. Нѣтъ возможности безъ финансовой операціи сдѣлать что нибудь толковое. Правительство напрасно будетъ надѣяться, что оно совершитъ финансовый переворотъ милліоновъ частныхъ лицъ, не принимая въ этомъ переворотѣ ни малѣйшаго участія. Весь вопросъ въ томъ, чтобы изыскать средство лучшее и безопасное для разрѣшенія задачи, но надѣяться миновать задачу такъ-же дико со стороны правительства, какъ дика надежда нѣкоторыхъ помѣщиковъ на то, что можно удержать старый порядокъ вещей».

Главный комитетъ, открывшійся въ 1857 году, почти два года продолжалъ бродить въ потемкахъ, витать въ неясностяхъ и колебаніяхъ, а это горестно отражалось въ провинціи.

— Будемъ-ли имѣть что-нибудь по части эмансипаціи, спрашивалъ его Александръ Николаевичъ Муравьевъ въ 1857 году ¹⁾. Народъ разбуженъ слухами, а его вѣдь легче пробудить, чѣмъ усыпить.

Когда въ началѣ 1858 года, губернскимъ комитетамъ была наконецъ предъявлена изъ министерства внутреннихъ дѣлъ «программа для занятій по крестьянскому дѣлу», такъ сильно взволновавшая сперва помѣщицкии страсти, что до Н. А. Милютина доходили неблагоприятные слухи.

«Муравьевъ открылъ нашъ комитетъ рѣчью, писалъ А. Н. Карамзинъ въ 1858 году изъ Нижняго-Новгорода, по моему великолѣпно, но вся Закревщина ²⁾ здѣсь отъ нея въ негодованіи, находя, что официальное лицо ничего не должно говорить кромѣ пошлостей».

«Сдѣлайте милость, писалъ Ю. О. Самаринъ изъ Самары, внушите вашему министру, чтобы онъ хоть конфиденціально сообщилъ нашему губернскому предводителю копию съ рѣчи, произнесенной государемъ въ Москвѣ. Они считаютъ ее подложною, вѣрятъ всякимъ вздорнымъ слухамъ и не хотятъ убѣдиться въ твердомъ намѣреніи правительства».

Истерзанный такими извѣстіями, многими сдѣланными ошибками, потерей времени и неизвѣстностью куда наконецъ поступить губернскіе проекты для окончательной ихъ разработки въ общую законодательную форму, Николай Алексѣевичъ излаиваетъ передъ графомъ Киселевымъ душевное свое мученіе; надежда и терпѣніе начинаютъ измѣнять ему (прилагаемое письмо написано еще за 11 мѣсяцевъ до назначенія его въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ и члены редакціонной комисіи).

¹⁾ Нижегородскій губернаторъ.

²⁾ Графъ А. А. Закревскій, бывшій московскій генералъ - губернаторъ.

Графу П. Д. Киселеву. Петербургъ, 1858 года ¹⁾.

«Здѣсь, всё мысля, всё заботы, поглощены великимъ вопросомъ, который такъ неожиданно возбужденъ въ Россіи. Теперь для самыхъ близорукихъ проясняется ваша 18-ти-лѣтняя дѣятельность по министерству государственныхъ имуществъ. Но, въ какихъ теперь все это рукахъ? Что за безсмысліе и неурядица? Горестно вспомнить, какъ творится такое трудное и важное дѣло. Дворянство корыстное, неподготовленное, неразвитое предоставлено собственнымъ силамъ. Не могу себя представить, что выдѣтъ изъ всего этого, безъ руководства и направленія, при самой грубой оппозиціи высшихъ сановниковъ, при интригахъ и недобросовѣстности исполнителей. Нельзя не изумляться рѣдкой твердости государя, который одинъ обуздываетъ настоящую реакцію и силу инерціи.

«Нашъ образъ жизни все тотъ же, тихій и скромный между занятіями и дѣтьми».

Въ отвѣтъ своемъ (отъ 16-го апрѣля 1858 года) Киселевъ писалъ ему.

«Молю Бога объ успѣхѣхъ предпринятаго и прошу Его даровать настойчивость тѣмъ, кто трудится надъ этимъ святымъ дѣломъ. Я такъ старъ и такъ немощенъ, что не увижу результата этого великаго и славнаго дѣла; но я хотѣлъ бы знать, что оно продолжается и идетъ неустанно къ той цѣли, которая рано или поздно все таки будетъ достигнута—да не прогнѣваются тѣ, кто рассчитываетъ на утомленіе работниковъ» ²⁾.

Между тѣмъ, кромѣ текущихъ дѣлъ по министерству, Николай Алексѣевичъ былъ заваленъ всякаго рода дѣлами, изъ которыхъ каждое было само по себѣ важно, и удивляешься какъ онъ на все успѣвалъ! Помимо упомянутыхъ разработокъ Карловскаго и выкупнаго проектовъ, постоянныхъ хлопотъ по дѣлу новаго положенія Думы, у Николая Алексѣевича были занятія: по комитету Тенгоборскаго о новомъ тарифѣ; разработка уставовъ рабочихъ домовъ; разработка проектовъ порядка разбирательства споровъ между крестьянами и помѣщиками; разработка на самыхъ широкихъ основаніяхъ преобразованія земской полиціи и всѣхъ земскихъ учрежденій.

«Д. П. Хрущевъ сообщилъ мнѣ, писалъ Ю. О. Самаринъ въ началѣ 1858 года ³⁾, вновь составленные два проекта: 1) объ устройствѣ земской полиціи, 2) о порядкѣ разбирательства споровъ между помѣщиками и крестьянами. Они были въ моихъ рукахъ не болѣе трехъ или четырехъ часовъ. Этого было достаточно, чтобы убѣдиться въ достоинствѣ и глубокой обдуманности этого труда, но слишкомъ мало, чтобы сообра-

¹⁾ Мѣсяцъ и число не обозначены.

²⁾ Переводъ съ французскаго.

³⁾ Мѣсяцъ и число не обозначены.

зять ихъ во всѣхъ подробностяхъ, съ тѣми проектами, которые пойдутъ отъ Самарскаго комитета. Поэтому я желалъ бы, скажу болѣе, мнѣ почти необходимо имѣть ихъ всегда подъ рукою для постоянныхъ справокъ. Кроме того, я самъ намѣренъ писать объ устройствѣ встанцій для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами ⁴⁾.

«Почти всѣ начала, изложенныя въ проектѣ, совпадаютъ съ моими предположеніями, и потому мнѣ очень бы хотѣлось возбудить нѣсколько дополнительныхъ вопросовъ и предложить нѣкоторые варианты собственно по тѣмъ статьямъ, въ которыхъ мои убѣжденія расходятся съ проектомъ. Вы меня премного обяжете, приславъ мнѣ оба проекта».

Любопытно, что въ то самое время, когда Николай Алексѣевичъ и его пріатели, въ скромной средѣ своей, обдумывали и наискивали средства мирнымъ, законодательнымъ путемъ устранить могущіе возникнуть беспорядки, ближайшіе совѣтники государя и важнѣйшіе сановники имперіи, напуганные и взволнованные приступомъ къ такому необычному дѣлу, вмѣсто того, чтобы выработать требуемую отъ нихъ постановку вопросовъ и программу дѣйствій, придумывали мѣры репрессивныя для ожидаемыхъ беспорядковъ. Къ этой именно эпохѣ относится изобрѣтеніе покрыть всю Россію генераль-губернаторствами в контръ-проектъ, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Князь Орловъ, Ростовцевъ и другіе внушили государю мысль о необходимости организовать повсемѣстно нѣчто въ родѣ военнаго диктаторства. Первая рѣчь объ этомъ зашла весной 1858 года и очень не понравилась Николаю Алексѣвичу. Мы тогда только-что переѣхали на дачу Аптекарскаго острова, воелѣ казенной дачи министра внутреннихъ дѣлъ, и мужъ почти ежедневно видѣлся съ С. С. Ланскимъ, которому передалъ свои опасенія. Министръ не замедлил ихъ раздѣлить и взялся сдѣлать о томъ представленіе государю. Нижеслѣдующая записка была наскоро составлена у насъ на дачѣ, подъ величайшимъ секретомъ, при участіи лишь губернатора Арцимовича и князя Д. А. Оболенскаго.

Записка о послѣдствіяхъ предполагаемаго повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генераль-губернаторовъ.

Мысль о необходимости повсемѣстнаго учрежденія генераль-губернаторовъ основана (какъ видно изъ отношенія государственнаго секретаря къ министру внутреннихъ дѣлъ, отъ 17-го мая сего (1858) года) на предположеніи, что вслѣдствіе предстоящаго преобразованія въ бытъ крѣпостныхъ крестьянъ могутъ возникать такого рода волненія, для пре-

⁴⁾ Будущая должность мировыхъ посредниковъ.

кращенія которыхъ власть гражданскихъ губернаторовъ въ теперешнемъ ея состоянїи окажется недостаточною или слабою и, что, поэтому необходимо временно установить повсемѣстно другую власть, которая завѣдывала бы управленіемъ нѣсколькихъ губерній, была бы снабжена чрезвычайными полномочіями, и почти исключительно была бы направлена противу могущихъ произойти волненій между крестьянами. Поэтому прежде всего предстоитъ рассмотретьъ, во-первыхъ, дѣйствительно ли состояніе государства требуетъ повсемѣстнаго принятія чрезвычайныхъ мѣръ для охраненія порядка, и предупредить ли безпорядки учрежденіе временныхъ генераль-губернаторовъ? и, во-вторыхъ, какія послѣдствія произведетъ установленіе генераль-губернаторовъ въ отношеніи къ губернскому и общему управленію имперіи? А затѣмъ сами собою выведутся заключенія о томъ, какія законныя мѣры способны были бы отвратить затрудненія, могущія возникнуть при неисполненіи предположеннаго преобразованія въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ.

1.

Нужны ли повсемѣстные чрезвычайныя общія мѣры?

Главное ручательство успѣха въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостныхъ правъ помѣщиковъ заключается въ томъ, что это преобразование началось по непосредственному указанію государя императора.

Вслѣдствіе этого, оно получило возвышенное, даже можно сказать, святое значеніе для народа, который вѣруетъ, что подѣ милостивымъ руководствомъ монарха, дѣло это будетъ разрѣшено вполне беспристрастно и съ равномерною справедливостью относительно интересовъ обохъ сословій. При такомъ состоянїи дѣлъ, имѣетъ ли правительство причину ставить себя въ оборонительное положеніе противу всего государства?

Напротивъ, сознавая свое могущество, основанное на полномъ сочувствіи и довѣрїи народа, правительство должно дѣйствовать твердо и спокойно, заботиться о правильномъ направленїи крестьянскаго дѣла, тщательно избѣгать непосредственнаго вмѣшательства въ частныя раздоры и несогласія и держаться законнаго способа дѣйствій даже въ тѣхъ случаяхъ, если бы возникли какіе-либо мѣстные безпорядки. Такой образъ управленія поддерживаетъ въ народѣ довѣріе и сочувствіе его къ правительству; всякія же чрезвычайныя мѣры, къ числу какихъ можно отнести повсемѣстное учрежденіе временныхъ генераль-губернаторовъ съ необыкновенными полномочіями, приведутъ къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. И дѣйствительно, какія мысли возбудятся въ народѣ при видѣ особыхъ угрожающихъ мѣръ, вслѣдствіе которыхъ

него направленныхъ, когда онъ не только не сопротивляется, но вполнѣ сочувствуетъ распоряженіямъ правительства? Не естественно ли будетъ, если эти чрезвычайныя мѣры сочтутся за признакъ того, что предпринятое преобразование въ бытѣ крестьянъ предполагается рѣшить не безпристрастно и, что поэтому предвидится надобность въ насильственномъ подчиненіи правительственнымъ распоряженіямъ?

Подобное возрѣніе тѣмъ возможно, что, какъ извѣстно, генералъ-губернаторская власть, будучи совершенно личною, вообще не возбуждаетъ у насъ сочувствія, и упраздненіе въ 1856 году харьковскаго и витебскаго генералъ-губернаторствъ произвело общую радость не только въ губерніяхъ, освобожденныхъ отъ управления генералъ-губернаторовъ, но и во всей Россіи, ибо мѣра эта была принята, какъ выраженіе стремленія къ утвержденію законности. Кромѣ того, за исключеніемъ столицъ, въ которыхъ званіе генералъ-губернаторовъ имѣетъ особый по сложности полицейскаго управления характеръ, и гдѣ всѣ дѣйствія властей состоятъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ верховнаго правительства и, вообще генералъ-губернаторы существовали и существуютъ до сихъ поръ только въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, которыя по отдаленности географическаго положенія или по историческимъ и племеннымъ особенностямъ возбуждали недовѣріе правительства и потому признаны были требующими особаго чрезвычайнаго надзора.!

Очевидно, что повсемѣстное учрежденіе въ Россіи временныхъ генералъ-губернаторовъ возбудитъ мысль о возникшемъ недовѣрїи правительства и ко всему народу русскому, что вызоветъ подобное же чувство и отъ народа къ правительству и, слѣдовательно, уничтожитъ вѣрнѣйшій залогъ народнаго спокойствія.

2.

Какихъ ожидать послѣдствій отъ установленія генералъ-губернаторовъ?

Исторія нашего законодательства указываетъ на постоянное, уже давно существующее направленіе ограничить въ губерніяхъ произволь личной власти коллегіальными уставовленіями. Эта мысль принята въ основаніе при составленіи не только всѣхъ губернскихъ учреждений, но даже при изданіи учрежденія для управления Сибири, гдѣ произволь генералъ-губернаторовъ старались ограничить совѣтами. Этою мыслью руководствовался и комитетъ, 6 декабря 1826 года, при упраздненіи въ пяти Великороссійскихъ губерніяхъ генералъ-губернаторствъ, о которыхъ живутъ еще въ народѣ самыя тяжелыя преданія, напоминающія трудныя времена воеводскаго и намѣстническаго управленій съ принадлежащими имъ свойствами кормленія и произвола.

Замѣчательно, что еще въ царствованіе въ Бозѣ почившихъ императоровъ Александра I и Николая I, возбуждаемо было предположеніе о повсемѣстномъ учрежденіи въ Россіи генераль-губернаторовъ, но и въ ту и другую эпоху мѣра эта была отвергаема, ибо вѣроятно и тогда признана была не соответствующею системѣ правильнаго управленія.

Нынѣ же предполагается не только повсемѣстно учредить генераль-губернаторовъ, но еще и увеличить ихъ власть противу прежней, которая признается уже недостаточною. Въ основаніи этой мѣры лежитъ, между прочимъ, сознаніе, что нынѣшніе гражданскіе губернаторы слишкомъ обременены дѣлами и потому не могутъ при введеніи новыхъ положеній о крестьянахъ дѣйствовать съ достаточною силою и энергіей. Такое сознаніе должно бы, казалось, привести къ тому заключенію, что необходимо возвысить власть начальниковъ губерній и облегчить ихъ отъ менѣ существенныхъ занятій, но вмѣсто этой простой и естественной мѣры предполагается раздѣлить всю Россію на генераль-губернаторства.

Вслѣдствіе повсемѣстнаго установленія генераль-губернаторовъ необходимо измѣнится и іерархическій порядокъ и административные законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія всѣхъ существующихъ установленій, отъ Сената до послѣдней полицейской инстанціи; но это повело бы къ коренному преобразованію всѣхъ государственныхъ учрежденій, а подобныя преобразованія несвойственно предпринимать съ тою единственною цѣлью, чтобы сдѣлать возможною власть временную, и притомъ личную, какова будетъ генераль-губернаторская.

Но между тѣмъ избѣжать измѣненія этихъ отношеній также невозможно, ибо если оно даже не будетъ опредѣлено закономъ, то совершится само собою, вслѣдствіе неминуемыхъ и частыхъ столкновеній и пререканій между властями, которыя могутъ оказаться сильными и соперничающими.

Что же касается до власти начальника губерніи, то въ отношеніи къ ней учрежденіе генераль-губернаторовъ будетъ имѣть слѣдующія послѣдствія:

1) По естественному ходу дѣла, временные генераль-губернаторы усилятъ свою власть на счетъ постоянной власти гражданскихъ губернаторовъ, а между тѣмъ, власть сихъ послѣднихъ по учрежденію своему и по самому способу раздѣленія государства на губерніи заключаетъ въ себѣ всѣ элементы законной силы и значенія. Завѣдуя тремя или четырьмя губерніями, генераль-губернаторъ, разумѣется, вынужденъ будетъ дѣйствовать черезъ тѣхъ же губернаторовъ, но только съ тою разницею, что такой образъ дѣйствій будетъ очевидно еще слабѣе нынѣшняго, ибо званіе губернаторовъ, какъ лицъ второстепенныхъ въ губернскомъ управленіи, всюду упадетъ до малаго значенія самостоятельныхъ

чиновниковъ, заботящихся не столько объ управленіи, сколько объ угоденіи генераль-губернатору.

2) Нынѣ существующія затрудненія въ управленіи, происходящія отъ неустройства нашихъ полицейскихъ и другихъ установленій, а также отъ самаго обезпеченія чиновниковъ, отъ злоупотребленій откупной системы и вообще отъ нравственной порчи многихъ должностныхъ лицъ, ни въ какомъ случаѣ съ опредѣленіемъ генераль-губернаторовъ не устранился. Къ этому выводу приводитъ несомнѣнный фактъ, что въ такихъ областяхъ, которыя давно и постоянно находились подъ вѣдѣніемъ генераль-губернаторовъ, органы мѣстнаго управленія нисколько не улучшились, изъ чего слѣдуетъ заключить, что генераль-губернаторы вѣроятно по причинѣ самаго смысла этого личнаго учрежденія, не имѣютъ никакихъ условій ни къ возвышенію нравственнаго достоинства чиновниковъ, ни къ усовершенствованію хода администраціи, ни къ уничтоженію взяточничества и казнокрадства.

3) Единство губернскаго управленія съ установленіемъ временныхъ генераль-губернаторствъ нарушится, ибо губернаторы не всегда съумѣютъ передать свои убѣжденія и образъ возрѣнія на мѣстное управленіе генераль-губернатору, для котораго иногда многія дѣйствительныя препятствія и недостатки, по обширности порученнаго ему края, останутся закрытыми и неизвѣстными. Отсюда неизбѣжно разномысліе, проявляющееся непрерывно въ распоряженіяхъ несогласныхъ и нерѣдко порождающихъ переписку, которая задутываетъ и усложняетъ ходъ дѣла.

4) Предоставленіе генераль-губернаторамъ, какъ это указано въ отношеніи государственнаго секретаря, права и власти опредѣлять по своему усмотрѣнію всѣхъ чиновъ полицейскаго управленія въ 30—50-ти подвѣдомственныхъ имъ уѣздахъ можетъ имѣть самыя тяжкія послѣдствія; ибо значеніе губернаторовъ, съ устраненіемъ ихъ отъ выбора чиновниковъ на уѣздыя должности, ослабнетъ еще болѣе. Притомъ, перемѣны въ личномъ составѣ, при наступающихъ обстоятельствахъ, должны производиться съ крайнею осмотрительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и даже въ некоторыхъ случаяхъ со снисхожденіемъ къ недостаткамъ, выкупаемымъ опытностью и приобрѣтеннымъ авторитетомъ.

5) Предположеніе объ освобожденіи генераль-губернатора отъ текущихъ и мелочныхъ дѣлъ совершенно невозможно, ибо онъ, чтобы не уронить своей власти и не потерять нравственнаго значенія, обязанъ будетъ принимать прошенія, жалобы, письма, указанія уже не по одной губерніи, какъ гражданскій губернаторъ, а отъ жигелей 30—50-ти уѣздовъ. Словомъ, при неустройствѣ нашихъ присутственныхъ мѣстъ и недовѣрїи жителей къ правильности дѣйствій чиновниковъ, онъ будетъ заваленъ разными просьбами, и никакая инструкция не освободитъ его

отъ производства текущихъ дѣлъ. Да и какимъ образомъ надзирать за ходомъ дѣлъ, ежели не выслушивать просителей? Для освобожденія генераль-губернаторовъ отъ текущихъ дѣлъ, согласно предположеннымъ правиламъ, слѣдовало бы сложить съ нихъ надзоръ за ходомъ всей губернской администраціи, а это было бы съ этими самыми предположеніями не согласно.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ общимъ выраженіемъ: «мелочныя и текуція дѣла»? Всякое дѣло, пока оно не рѣшено, остается текущимъ, хотя бы это было важное или мелочное, и наоборотъ всякое дѣло мелочное или важное перестаетъ быть текущимъ, если оно производствомъ уже окончено.

6) Вышеупомянутая необходимость генераль-губернаторовъ входить въ подробности управленія повторить то самое явленіе, которое замѣчается во всѣхъ прежде бывшихъ и нынѣ существующихъ генераль-губернаторствахъ, а именно: канцеляріи ихъ получаютъ значеніе новой лишней инстанціи, болѣе способной къ привлеченію дѣлъ, чѣмъ къ правильному и скорому разрѣшенію ихъ.

7) Сомнительно также, чтобы назначеніе генераль-губернаторовъ имѣло особое полезное вліяніе на усиленіе дѣйствій военныхъ силъ, если бы таковыя повнадобились, ибо и гражданскіе губернаторы имѣютъ право и возможность всегда обращаться къ военному начальству съ требованіемъ содѣйствія.

8) Наконецъ и касательно собственно преобразования быта крестьянъ, власть генераль-губернаторовъ представляется также какъ и въ другихъ случаяхъ или бесполезною, или даже вредною, смотря по тому, въ какія они будутъ поставлены отношенія къ губернскимъ расправамъ.

Эти расправы предполагается образовать въ каждой губерніи, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскихъ предводителей дворянства, предсѣдателей палатъ государственныхъ имуществъ и губернскихъ прокуроровъ съ тою цѣлью, чтобы рѣшать всѣ недоумѣнія и споры между помѣщиками и сельскими обывателями окончательно и безъ апелляціи.

Если генераль-губернаторы не будутъ имѣть права отмигать и приостанавливать положенія ихъ расправъ, то посредничество ихъ сдѣлается совершенно излишнимъ и замедляющимъ только самое окончаніе и разрѣшеніе недоумѣній. Если же отъ усмотрѣнія генераль-губернаторовъ будетъ зависѣть отмигна положенія губернскихъ расправъ, то личное воззрѣніе получить перевѣсъ надъ установленіемъ, и вслѣдствіе этого, губернскія расправы потеряютъ силу и довѣріе тяжущихся и вообще всякое законное значеніе.

Такииъ образомъ учрежденіе генераль-губернаторовъ, предста-

вляющееся съ перваго взгляда мѣрою сильною и строгою, на самомъ дѣлѣ не внесетъ въ губернское управленіе новыхъ жизненныхъ началъ, но придастъ, напротивъ, губернскому управленію какую то двойственность, поколеблетъ и ослабитъ полезное вліяніе губернаторовъ, возбудитъ бесплодныя, даже вредныя столкновения съ высшими учрежденіями и неминуемо усложнитъ производство дѣлъ и переписокъ, а по крестьянскому вопросу это учрежденіе не только окажется слишкомъ слабымъ для предупрежденія безпокойствъ и волненій, но облеченное произволомъ начѣмъ неограниченнымъ, оно породитъ въ обоихъ сословіяхъ, и помѣщичьемъ и крестьянскомъ, недоувѣріе и неудовольствіе, которыя суть прямыя причины волненій и безпокойствъ.

Всѣ вышеупомянутыя соображенія, опровергающія самыя начала, на коихъ предположено учрежденіе временныхъ генералъ-губернаторовъ, приводятъ къ заключенію, что составленіе опредѣлительной, не выходящей изъ предѣла законовъ, но на сихъ самыхъ началахъ основанной инструкціи, дѣлается невозможнымъ безъ коренныхъ измѣненій въ существующемъ административномъ порядкѣ и законахъ.

Впрочемъ, еслибы даже эти измѣненія и послѣдовали, то составленіе инструкціи во всякомъ случаѣ было бы теперь преждевременно; ибо для этого потребовалось бы обсуждать права и обязанности генералъ-губернаторовъ по наблюденію за введеніемъ такихъ связанныхъ съ ними административныхъ и судебныхъ установленій (губернскихъ и уѣздныхъ расправъ и мировыхъ судей), кои еще не рассмотрѣны и не утверждены.

Ужели дальнѣйшее расширеніе власти генералъ-губернаторовъ возможно?

Если, въ видахъ соблюденія общественнаго порядка, имъ предоставлено будетъ употреблять исключительно одиѣ, на чувствѣ справедливости и законѣ основанныя, мѣры, то власть генералъ-губернаторская уже перестанетъ быть властью, а перейдетъ въ неограниченное самовластіе и безотчетный произволь.

3.

Соображенія о предстоящихъ мѣрахъ.

Успѣхъ осуществленія челоувѣколюбивой мысли улучшенія быта крестьянъ зависитъ не отъ предполагаемаго умноженія властей, но отъ правильнаго безпристрастнаго разбора положеній губернскихъ комитетовъ и отъ вѣрнаго практическаго соглашенія правъ и выгодъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Не должно опасаться важныхъ затрудненій и безпокойствъ, если

утвержденныя положенія будутъ заключать въ себѣ условія дѣйствительнаго улучшенія крестьянъ. Въ такомъ случаѣ крестьяне, спокойно ожидающіе положеній губернскихъ комитетовъ, спокойно будутъ ожидать и утвержденія этихъ положеній высочайшею властью.

Между тѣмъ усиленіе губернскихъ властей можно достигнуть слѣдующими законными мѣрами:

1) Обращать особенное вниманіе на личныя достоинства и способности начальниковъ губерній и, постоянно слѣдя за дѣйствіями ихъ по предпринятому преобразованію, давать имъ надлежащія наставленія для успѣшнаго разрѣшенія онаго.

2) Можетъ быть, между членами губернскихъ комитетовъ явятся люди съ направленіемъ и убѣжденіями, которыя будутъ соответствовать настоящимъ преобразовательнымъ намѣреніямъ правительства, то и этихъ людей имѣть въ виду на губернскія и высшія въ губерніи должности, не затрудняясь притомъ разрядами чиновъ, которые только стѣсняють въ выборѣ дѣльныхъ и способныхъ людей.

3) Расширить и усилить по возможности предѣлы власти начальниковъ губерній на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже собраны въ министерствѣ, по особому высочайшему повелѣнію.

4) При введеніи положеній о бытѣ помѣщичьихъ крестьянъ временно освобождать начальниковъ губерній отъ предсѣдательства во всѣхъ подвѣдомственныхъ ему губернскихъ учрежденіяхъ и предсѣдательство возложить на вице-губернаторовъ.

Вслѣдствіе сего самимъ губернаторамъ легко будетъ наблюдать за порядкомъ исполненія положеній объ улучшеніи быта крестьянъ и пещась о сохраненіи при этомъ спокойствія и общественной безопасности.

5) Предоставить начальникамъ губерній устранять всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ и по выборамъ и отъ правительства, кои окажутся неблагонадежными и неспособными къ безпристрастному дѣйствию при введеніи новаго порядка.

6) Ассигновать въ распоряженіе начальниковъ губерній особыя суммы на экстренные расходы.

7) Снабдить губернаторовъ особою инструкціею, которая, впрочемъ, не прежде можетъ быть составлена съ должною ясностью и опредѣлительностью, какъ по рассмотрѣніи положеній губернскихъ комитетовъ.

Въ этой инструкціи указать и объяснить мѣры, которыя должно будетъ принимать, какъ противъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ, возбуждающихъ затрудненія и препятствія ко введенію новыхъ положеній.

8) Сдѣлавъ предусмотрительное распредѣленіе войскъ, снабдить начальниковъ надъ оными надлежащими наставленіями, въ которыхъ, между прочимъ, ясно опредѣлить отношенія сихъ начальниковъ къ гражданскому вѣдомству.

Всѣ эти мѣры при предпринимаемомъ преобразованіи полпцейской власти достаточны для удержанія порядка и повиновенія, ежели только самыя положенія будутъ составлены добросовѣстно въ видахъ общей государственной пользы. Въ случаѣ особыхъ мѣстныхъ возникшихъ въ какой либо губерніи или даже уѣздѣ затрудненій и недоразумѣній при установленіи новыхъ крестьянскихъ отношеній, всегда можно будетъ посылать, куда понадобится, уполномоченныхъ и довѣренныхъ лицъ, которыя обязаны будутъ давать дѣлу правильное направленіе сообразно полученнымъ на этотъ исключительный случай инструкціямъ. Власть этихъ уполномоченныхъ лицъ, не вмѣшивающихся въ общій ходъ администраціи, оканчивающихъ свои въ губерніи дѣйствія съ прекращеніемъ повода ихъ командировки, будетъ различаться существенно отъ власти генераль-губернаторовъ и слѣдовательно не имѣть такихъ неудобствъ, которыя соединены съ этимъ учрежденіемъ.

Всѣ сія соображенія доказываютъ, какъ то, что для правительства нѣтъ надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для предупрежденія предполагаемыхъ волненій и безпорядковъ, такъ и то, что повсемѣстное учрежденіе генераль-губернаторовъ произведетъ неисчислимыя затрудненія, ибо эти сановники усложнятъ и еще болѣе обезсилятъ существующіе органы губернскаго и уѣзднаго управленія.

Въ ка стоящее же время, когда потребности законности начали выражаться еще сознательнѣе, въ особенности по причинѣ самаго преобразованія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ стремленія по преимуществу законнаго, со стороны правительства установленіе личнаго и самостоятельнаго управленія временныхъ генераль-губернаторовъ будетъ этому стремленію явно противорѣчать.

Нельзя также упустить изъ виду, что генераль-губернаторы по свойству человѣческой природы придавать себѣ особенную важность и значеніе, стануть преувеличивать опасность отъ могущихъ возникнуть мѣстныхъ недоразумѣній и будутъ находить всегда и во всемъ предлоги и мнимыя доказательства къ продолженію, а можетъ быть и къ превращенію своей власти изъ временной въ постоянную.

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, они могутъ даже сдѣлаться, къ несчастью, совершенно правыми, ибо, уклонившись однажды отъ путей естественныхъ и законныхъ, трудно впослѣдствіи избѣгнуть необходимости поддержанія порядка одною силою и страхомъ.

Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства.

Записка эта возвратилась отъ государя къ министру внутреннихъ дѣлъ 8-го августа 1858 г. съ слѣдующею припискою на послѣднемъ листѣ:

«Я прочелъ всю съ большимъ вниманіемъ, и долженъ сказать вамъ

откровенно, что эта записка сдѣлала на меня весьма грустное впечатлѣніе. Она вѣрно составлена не вами, а кѣмъ нибудь изъ вашихъ директоровъ департамента или канцеляріи, которымъ предполагаемое новое учрежденіе крѣпко не нравится, ибо должно ослабить ихъ власть и то значеніе, которымъ они привыкли пользоваться и часто употреблять во зло».

Отгѣтка эта, въ свою очередь, глубоко огорчила С. С. Ланскаго и мужа. Конечно, всегда есть большой рискъ выражать мнѣнія рѣзкія и правдивыя насчетъ неудовлетворительности существующихъ учреждений, которыя привыкли считать и полезными и прекрасными, но тутъ, кромѣ этого неудовольствія, замѣтно было, что государь обнаруживалъ крайнюю подозрительность и недовѣрчиво смотрѣлъ на мирный и благополучный исходъ крестьянской реформы. Нѣкоторыя отгѣтки, какъ напр. что «записку составилъ не онъ, а кто-нибудь изъ директоровъ», такъ смущали бѣднаго и добраго Ланскаго, что онъ рѣшился просить увольненія, и приготовилъ въ этомъ смыслѣ письмо, которое хотѣлъ подать въ концѣ слѣдующаго доклада. Съ нимъ вмѣстѣ вышелъ бы въ отставку и Николай Алексѣевичъ, который опять заговорилъ объ отъѣздѣ въ деревню. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ (такъ понималъ это и Ланской), что намекомъ на директоровъ департаментовъ, злоупотребляющихъ своею властью, государь разумѣлъ одного Милютина. Ланской повезъ свою отставку въ Царское Село, но государь встрѣтилъ его ласково и дружелюбно; гроза повидимому прошла, и старецъ не рѣшился вытащить письмо изъ кармана. Всего любопытнѣе, что въ концѣ именно этого доклада произошла между государемъ и министромъ очень интимная и откровенная бесѣда, съ искренними обоюдными признаніями насчетъ несовершенства внутренней администраціи и рѣшимостью предпринять что-нибудь для ихъ перерожденія. Результатомъ всего, вмѣсто отставки и отъѣзда въ деревню, было еще большее одушевленіе Николая Алексѣевича по работамъ объ общемъ земскомъ учрежденіи и постепенномъ развитіи ихъ въ земскую палату¹⁾.

¹⁾ *Примѣчаніе К. Д. Кавелина.* Изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ проектъ Ростовцева о генераль-губернаторахъ у меня удержалось въ памяти слѣдующее:

1-е. Князь Оболенскій проектировалъ письмо Ланскаго на имя государя объ отставкѣ. Оно при мнѣ читалось Ник. Ал. Милютинымъ и В. А. Арцимовичемъ и по этому предмету происходили совѣщанія, кажется по желанію Ланскаго. Но когда проектъ былъ ему представленъ, онъ нашелъ его слишкомъ легкимъ и написалъ свое письмо, гораздо болѣе сдержанное и рѣшительное.

2-е. О намѣреніи Ланскаго выйти въ отставку была предупреждена

Самыя любопытныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ губернскихъ комитетахъ, Николай Алексѣевичъ получалъ изъ писемъ Ю. Ѳ. Самарина и А. Н. Карамзина.

«Составъ нашего комитета со всячинкой, писалъ ему послѣдній въ мартѣ 1858 года, однако если Богъ поможетъ, я не теряю надежды, что онъ выразитъ нѣчто порядочное. Трехъ членовъ у насъ нѣтъ, безъ нихъ насъ изъ 22-хъ членовъ девять благонадежны. Всѣ девять—люди толковыя, а изъ противниковъ только одинъ пользуется настоящимъ смысломъ. Комитетъ у насъ имѣлъ десять засѣданій, но установилъ собственно для себя канцелярскій порядокъ и выслушалъ проектовъ семь, изъ коихъ три обратили на себя особенное вниманіе членовъ и, въ самомъ дѣлѣ, того заслуживаютъ».

«Въ общей сложности долженъ сказать, писалъ около того же времени Ю. Самаринъ, что здѣшній комитетъ составленъ не дурно».

Онъ, между прочимъ, жаловался на трудность добывать точныя свѣдѣнія:

«Здѣсь, въ Самарѣ, я узналъ отъ Грота ¹⁾, что Соловьевъ соста-

императрица. Ланской просилъ доклада, и когда явился, не могъ подать письмо, потому что былъ предупрежденъ государемъ.

3-е. Свиданіе между Ланскимъ и государемъ, какъ тогда рассказывали, происходило такимъ образомъ: какъ только Ланской явился, государь обнялъ его и сказалъ, что онъ надѣется, что Ланской на него не сердится. На это министръ замѣтилъ, что онъ думаетъ, что не пользуется больше довѣріемъ государя, тѣмъ болѣе, что ему, Ланскому, уже называютъ преемника.

— Кто же это называетъ?—спросилъ государь.

— Объ этомъ печатаютъ въ иностранныхъ газетахъ,—отвѣчалъ Ланской.

— Мало ли какіе пустяки тамъ печатаютъ,—возразилъ государь. — Мы съ вами,—продолжалъ онъ,—вмѣстѣ начали дѣло и вмѣстѣ кончимъ, и когда мнѣ больше не нужны будутъ ваши услуги, вы первый это отъ меня узнаете.

Въ 1861 году, передъ Пасхой, стали ходить сильныя слухи о томъ, что Ланскаго смѣняютъ. Н. А. Милютинъ, вида, что эти слухи держатся упорно, счелъ нужнымъ предупредить старика.

— Не можетъ быть,—сказалъ Ланской,—государь мнѣ обѣщалъ, что я первый узнаю о моемъ увольненіи.

Оказалось, что онъ узналъ о немъ послѣдній. Объявлено оно ему было такъ. Онъ былъ вызванъ къ докладу и какъ только явился, государь ему сказалъ: „Vous savez combien je vous aime (тогда, замѣтилъ, передавая этотъ разговоръ Ланской, я понялъ все), mais je ne puis abuser plus longtemps de votre grand âge et de votre dévouement“. Можетъ быть выраженія не были именно эти (разговоръ и въ первый и въ этотъ разъ шелъ по-французски), но смыслъ ихъ былъ именно такой.

Спб. 2-го февраля 1876 г.

¹⁾ Константина Карловича. См. письма К. Д. Кавелина К. Е. Гроту „Русская Старина“ 1899 г., № 1 и настоящій.

вилъ и напечаталъ статистическое изслѣдованіе Самарской губерніи. Этой брошюры здѣсь ни у кого нельзя достать. Я бы обратился прямо къ Соловьеву, но не знаю адреса его: вы съ нимъ видите часто, сдѣлайте одолженіе попросите его, чтобы онъ выслалъ свою брошюру прямо на мое имя въ Сызрань. Я теперь по крупицамъ собираю свидѣнія, въ которыхъ есть и будетъ большой недостатокъ».

Далѣе Юрій Федоровичъ жалуется на неясность программы:

«Третьяго дня и вчера происходили два предварительныя засѣданія губернскаго крестьянскаго комитета для составленія программы вопросовъ. Возникъ вопросъ о томъ, составляетъ ли выгонъ необходимую принадлежность крестьянской усадьбы? но несмотря на убѣжденія и усилія четырехъ членовъ, рѣшено было, что выгонъ не входитъ въ составъ усадьбы, и выкупъ не подлежитъ, на томъ основаніи, что въ опредѣленіи усадьбы, данномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ его циркулярѣ, выгонъ не упоминается. Въ буквальномъ смыслѣ они правы. Трудно спорить въ одно время противъ помѣщиковъ и противъ правительства, опровергать неумѣренныя притязанія первыхъ и обличать недомолвки, противорѣчія, неточность въ циркулярахъ и программахъ послѣдняго».

При полученіи такого рода извѣстій, Николай Алексѣевичъ старался косвеннымъ образомъ или указаніями изъ министерства помочь дѣлу, что было не легко до назначенія его въ члены комитета и могло рассорить его съ производителемъ дѣла этого комитета Соловьевымъ, человекомъ самолюбивымъ и раздражительнымъ; однако, дружелюбіе не нарушалось, а дѣло часто выигрывало отъ его указаній. При началѣ открытія губернскихъ комитетовъ у болѣе либеральной части дворянства была еще надежда дружно и согласно вести дѣло, по нѣсколькимъ мѣсяцамъ спустя, надежда эта значительно измѣнилась. Въ октябрѣ 1858 года, Самаринъ уже писалъ:

«Дѣла самарскаго комитета идутъ—не знаю, какъ вамъ сказать? насъ четверо противъ 11-ти или 12-ти, но сознательность убѣжденій, безукоризненность образа дѣйствій, даръ слова, грамотность и согласіе между собой—на нашей сторонѣ. Разумѣется, баллотировка всегда противъ насъ, а затѣмъ нѣкоторые члены являются къ намъ съ извиненіями. Ожесточеніе консерваторовъ растетъ со-дня-на-день: интригъ, клеветъ, дерзостей, грубостей, лганья, притворства, недобросовѣстности столько, что при всемъ желаніи не поддаваться ежедневнымъ впечатлѣніямъ, не выходить изъ себя, каждое засѣданіе отнимаетъ годъ жизни и прибавляетъ клокъ сѣдыхъ волосъ. Чтобы дать вамъ понятіе о характерѣ комитета, вотъ вамъ образчикъ: мое предложеніе, чтобы члены въ обсужденіи вопросовъ не выходили изъ предѣловъ высочай-

наго рескрипта, прошло большинствомъ одного голоса, послѣ ожесточенной рѣзни, продолжавшейся три засѣданія. Другое мое предложеніе, чтобъ свѣдѣнія о положеніи имѣній, представленныя помѣщиками, хранились при дѣлахъ комитета, прошло большинствомъ двухъ голосовъ. Было намѣреніе, по составленіи проекта, уничтожить эти документы, и черезъ это отнять всякую возможность, при введеніи новаго положенія, судить о томъ: улучшилось или ухудшилось положеніе крестьянъ. Мое опредѣленіе сущности переходнаго состоянія опровергнуто большинствомъ шести голосовъ, потому что въ немъ сказано, что цѣль преобразования—освобожденіе крестьянъ.

«Тяжело, а въ то же время лучше, нѣ тысячу разъ лучше, прежней спячки, тишины и неподвижности».

Къ рождественскимъ праздникамъ (именно во время неприяности мужа по исторіи Думы) всѣ члены губернскихъ комитетовъ разъѣхались, а Юрій Федоровичъ отправился въ Москву встрѣчать новый годъ съ матерью. 7-го января онъ писалъ оттуда:

«Сегодня я отправляюсь изъ Москвы обратно въ Самару. Предчувствую, что тамъ, во время праздниковъ, большинство опять смахнуло на старую дорогу, и что придется опять сызнова приниматься за воспитаніе малолѣтнихъ старцевъ. Нашъ комитетъ впрочемъ, кажется, перебѣсилъ, тогда какъ тульскій и рязанскій еще бѣсятся».

Бѣсились они въ самомъ дѣлѣ порядкомъ, и тульскій комитетъ серьезно думалъ объ исключеніи изъ среды дворянства князя В. Черкаскаго за либеральное направленіе. Но надо возвратиться къ тому, что происходило въ высшихъ административныхъ сферахъ.

Въ октябрѣ 1858 года братъ мой наскоро сообщилъ мужу изъ Гатчины, гдѣ былъ тогда весь дворъ и гостила великая княгиня Елена Павловна:

«On me charge de vous prévenir, que la correspondance Rostowzeff, sera discutée au Conseil des Ministres jeudi, après demain, et qu' il serait urgent de protester contre certains points. Mouraviëff a diné hier ici. Il a été traité avec une froideur marquée et n' est pas resté pour la soirée. En revanche Votre Ministre est, on ne peut mieux, en cour» ¹⁾

Къ назначенному засѣданію собранія министровъ для разсмотрѣнія писемъ Якова Ивановича (Ростовцева) по крестьянскому дѣлу Лан-

¹⁾ Мнѣ поручаютъ васъ предупредить, что письма Ростовцева подвергнутся обсужденію въ Комитетѣ министровъ въ четвергъ, послѣ завтра, и что было бы необходимо оспорить нѣкоторые пункты. Муравьевъ обѣдалъ вчера здѣсь. Онъ былъ принятъ съ примѣтной холодностью и вечеромъ не остался. Зато вашъ министръ какъ нельзя лучше принятъ при Дворѣ.

ской представлялъ записку, въ которой выражалъ къ намъ сочувствіе и замѣчанія по нѣкоторымъ пунктамъ¹⁾.

Пренія по этому поводу продолжались четыре мѣсяца, а 17-го февраля 1859 года Ростовцевъ получилъ отъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта высочайшее повелѣніе учредить редакціонныя коммисіи. Надо, кстати, замѣтить (и этимъ объясняются всѣ засѣданія), что изъ членовъ главнаго комитета: князя Орлова, графа Блудова, графа Адлерберга, князя П. П. Гагарина, С. С. Ланскаго, графа Панина, князя Долгорукова, М. Н. Муравьева, генераль-адъютанта Чевкина, генераль-адъютанта Ростовцева и Княжевича только три: Ростовцевъ, Ланской и Чевкинъ искренно желали освобожденія крестьянъ. Графъ Блудовъ и Княжевичъ относились къ вопросу крайне боязливо, а всѣ прочіе, усиленные княземъ Меншиковымъ, графомъ Строгановымъ, генераль-адъютантомъ Игнатьевымъ и цѣлымъ легиономъ сановныхъ союзниковъ, были совершенные противники реформы; но неотложная потребность отмѣнить крѣпостное право до того созрѣла уже въ умѣ государя и до того была опредѣлена на этотъ счетъ его воля, что въ его присутствіи почтенные старцы подчинялись и подписывали противные имъ журналы; противодѣйствіе и недоброжелательство ихъ сказывалось лишь за стѣнами засѣданія.

Только по рассмотрѣніи писемъ, Николай Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ коммисій отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и успѣлъ убѣдить Я. И. Ростовцева, вызвать экспертовъ со всѣхъ концовъ Россіи.

9-го марта 1859 года, Николай Алексѣевичъ писалъ Самарину:

«Почтеннѣйшій Юрій Ѳедоровичъ²⁾, въ дополненіе къ официалъному приглашенію, уже отправленному на ваше имя, мнѣ поручено обратить къ вамъ дружеское воззваніе и отъ себя. Съ радостью исполняю это порученіе, въ надеждѣ, что вы не отклоните отъ себя тяжелой, но пріятной обязанности довершить великое дѣло, которому мы издавна были преданы всей душой. Коммисія, въ которую вы приглашаетесь членомъ, открылась на сихъ дняхъ; вотъ ея составъ: предсѣдатель Я. И. Ростовцевъ, отъ главнаго комитета—Жуковский, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ—Соловьевъ, Гирсъ и я, отъ министерства государственныхъ имуществъ—Булыгинъ и Павловъ (оба бывшіе члены московскаго комитета), отъ министерства юстиціи—Любоцанскій и Семеновъ, отъ 2-го отдѣленія Калачевъ, наконецъ члены изъ помѣщиковъ (эксперты какъ у насъ называются): Шишковъ, князь

¹⁾ Записки этой къ сожалѣнію у Николая Алексѣевича не осталось.

²⁾ Письмо это съ маленькими сокращеніями было напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1880 года книга II, стр. 383.

В. Черваскій, Галаганъ и Тарновскій, послѣдніе два изъ черниговскаго комитета, Желѣзновъ—изъ новгородскаго и вы. Вѣроятно прибавится еще кой кто; но вы видите, что избираются люди искренно преданные дѣлу. Эксперты и министерскіе члены имѣютъ совершенно равныя права и обязанности. Депутаты же, призываемые изъ губернскихъ комитетовъ, вѣроятно будутъ имѣть голосъ лишь совѣщательный. Могу васъ вполне удостовѣрить, что основанія для работъ широки и разумны. Ихъ можетъ по совѣсти принять всякій, ищущій правдиваго и мирнаго разрѣшенія крѣпостного узла. Отбросьте всѣ сомнѣнія и смѣло пріѣзжайте сюда. Мы будемъ, конечно не на розахъ: ненависть, клевета, интриги всякаго рода вѣроятно будутъ насъ преслѣдовать. Но именно поэтому нельзя намъ отступить передъ боемъ, не измѣнивъ всей прежней нашей жизни. Идя въ комисію, я болѣе всего рассчитывалъ на ваше сотрудничество, на вашу опытность, на ваше знаніе дѣла. При всей твердости моихъ убѣжденій, я встрѣчаю тысячу сомнѣній, для разрѣшенія которыхъ нужны совѣты и указанія практиковъ. Здѣсь вы нужнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Обнимаю васъ отъ всей души въ надеждѣ на радостное свиданіе.

«P. S. Къ работамъ мы еще не приступили; но мѣшкать нельзя. У насъ уже семь проектовъ, ожидаемъ еще нѣсколько. Надо тотчасъ начать ихъ разработку и поставить вопросы, а вы знаете какъ это важно. Передайте мой дружескій поклонъ Гроту. Соображеній нашихъ о полиціи и мировыхъ судьяхъ не могу вамъ послать, но спѣшу извѣстить, что они вполне приняты. Всѣ сорныя травы вырваны, надѣюсь, окончательно».

«Я получалъ ваше письмо, отвѣчалъ Самаринъ 22-го марта 1859 г., одновременно съ официальнымъ приглашеніемъ отъ генерала Ростовцева, которому отвѣчаю по этой же почтѣ. Что я приму приглашеніе съ радостью и съ полною готовностью идти на всѣ послѣдствія, въ этомъ, я надѣюсь, вы не сомнѣваетесь. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ дѣлѣ всякій, кому удастся хоть одинъ камешекъ снять съ засореннаго пути, который одинъ ведетъ къ успѣху, долженъ почитать себя счастливымъ, я придаю великую важность этому первому шагу допущенія совершенно свободнаго совѣщательнаго элемента въ государственномъ вопросѣ. Если дѣло поведено будетъ удачно и благоразумно, то можетъ приохотить и на будущее время обращаться къ этому же способу; напротивъ, неудачи или скандалъ возымѣли бы очень дурныя послѣдствія. По крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи я могу сказать, что совершенно готовъ: въ теченіе моего шестимѣсячнаго пребыванія въ самарскомъ комитетѣ, я съ головы до ногъ обросъ непроницаемою чешуей долготерпѣнія.

«По приглашенію вашему, я бы тотчасъ пріѣхалъ, если-бъ не при-

ковывало меня къ Самарѣ то самое дѣло, для котораго вы меня зовете въ Петербургъ. На будущей недѣлѣ должны пройти послѣднюю главу программы: поручено мнѣ составить ее. Затѣмъ начнется редакція проектовъ. У насъ ихъ будетъ два, но на которой сторонѣ будетъ болѣе шансовъ—теперь еще предвидѣть нельзя. Одинъ проектъ пишу я, по порученію четырехъ членовъ комитета, постоянно подававшихъ голосъ со мною. Положившись во всемъ на меня, они не брали пера въ руки и ни къ чему не готовились. Бросить ихъ теперь, значило бы выдать ихъ безоружныхъ озлобленному большинству, и тогда противники передѣляли бы все, что намъ удалось сдѣлать. У меня уже совсѣмъ готовы пять главъ, для остальныхъ и пояснительныхъ записокъ изготовлены всѣ матеріалы; работы остается не болѣе какъ на три недѣли, и признаюсь вамъ, мнѣ самому не хотѣлось бы сдавать на чужія руки работу, надъ которой я много трудился и которою дорожу. Черезъ недѣлю Страстная, тамъ праздникъ, въ это время, вѣроятно и въ Петербургѣ будетъ роздыхъ, а я въ Самарѣ успѣю окончить и оставить готовый проектъ. Дня на четыре мнѣ нужно съѣздить въ деревню, а съ первымъ парходомъ я поднимусь вверхъ по Волгѣ до Твери. Въ первыхъ числахъ мая я буду въ Петербургѣ и тогда давайте трудиться, располагайте мною какъ знаете.

«Здѣсь я даже никому, кромѣ Грота, не сказалъ о моемъ назначеніи, иначе бы все пошло вверхъ дномъ; стали бы тянуть до моего отъѣзда, а потомъ передѣляли бы всѣ принятыя статьи.

«И такъ до скораго свиданья, обнимаю васъ отъ всей души, и оканчиваю стихами Хомякова:

Не брошу плуга, рабъ гнѣвный,
 Не отойду я отъ него,
 Доколѣ не прорѣжу нивы,
 Господь для сѣва Твоего..

Юрій Федоровичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, дѣйствительно, изъ послѣднихъ. Въ журналѣ засѣданія общаго присутствія редакціонной коммисіи отъ 3-го іюня, читаемъ:

«...Вновь прибывшій членъ Самаринъ изъявилъ желаніе войти въ составъ хозяйственнаго отдѣленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, принимать участіе и въ засѣданіяхъ административнаго отдѣленія, что предсѣдателемъ утверждено».

Первый изъ членовъ-экспертовъ пріѣхалъ Галаганъ изъ Кіевской губерніи, потомъ князь Черкасскій изъ Тульской губерніи, и Тарновскій изъ Полтавской, оба въ теченіе апрѣля мѣсяца 1859 года.

Весенними птицами слетѣлись они со всѣхъ концовъ Россіи, въ одну группу, покидая кто жену и дѣтей, кто свой безвыѣздный деревенскій уголь, всѣ свои частныя дѣла и занятія, пріѣзжая (безвозмездно) въ

Петербургъ, гдѣ ожидало ихъ столько мукъ всякаго рода, столько безсонныхъ ночей, проведенныхъ за работою, такая напряженная борьба, такая странная неблагодарность!

Почтенные товарищи благороднаго труда моего мужа! Гдѣ вы нынѣ? Многие ли изъ васъ дожили до утѣшенія видѣть лучшія времена, до «пожатія въ радости того, что посеяно въ слезахъ?»

Да, вы боролись «крѣпкою борьбою», не знали устали, не хотѣли знать ее, пока не довершили великаго дѣла. Какъ описать эту исполненскую борьбу добросовѣстнаго труда и знанія съ циническимъ невѣжествомъ, съ мелкимъ тщеславіемъ и мелкими интересами! Какъ нарисовать это чудовище-гидру — клевету, съ которой едва успѣвали вы срывать одну голову, какъ уже выростала другая.

Какъ передать опасенія ваши и надежды, по временамъ порывы негодованія и отчаянія и снова возвращающіяся бодрость и энергію!

Да, теперь предстоитъ начертить картину совсѣмъ другого рода, и передъ ея величавой строгостью и красотою невольно опускаются руки.

Вспоминаю о васъ, о колоссальномъ трудѣ вашемъ (исполненномъ подъ батарейнымъ огнемъ, какъ укрѣпленія Севастополя), вспоминаю о самоотверженной къ этому преданности, заставлявшей васъ, людей независимыхъ и гордыхъ, переносить и забывать нареканія, обиды, оскорбленія, испытывать чувство благородной гордости, что принадлежишь народу.....

(Продолженіе слѣдуетъ).

Два доноса въ 1831 году.

IV ¹⁾.

**Всеподданнѣйшія письма М. Магницкаго императору Николаю
объ иллюминатахъ.**

3.

Ревель, февраля 14-го 1831 г.

О водвореніи иллюминатства подъ разными его видами въ Россіи.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія иллюминатства въ Россіи оно раздѣлится въ запискѣ сей на четыре главные его у насъ рода. Я буду говорить о каждомъ отдѣльно, сколько можно, въ исторической его постепенности.

Иллюминатство въ Россіи можно раздѣлить на четыре рода:

1-е. Политическое. 2-е. Духовное. 3-е. Академическое
и 4-е. Народное.

1) Объ иллюминатствѣ политическомъ.

Иллюминатство политическое вошло къ намъ, сколько мнѣ извѣстно, слѣдующими путями:

1-е. Въ шестидесятыхъ годахъ привезъ или получилъ его бывшій при императрицѣ Екатеринѣ II-й Флагинъ изъ Швеціи и, какъ говорятъ, учредилъ первую ложу въ Петербургѣ, ибо до сего покровительство энциклопедистовъ составляло иллюминатство того времени, и главные онаго аденты, Гриммъ, жившій въ Парижѣ и переписывавшійся съ императрицею, князь Голицынъ, бывшій тамъ посломъ ея, и графъ И. И. Шуваловъ, были единственными, сколько мнѣ извѣстно, укоренителями его въ Россіи, поколику то возможно было, ободреніями патріарха сихъ иллюминатовъ, Вольтера, вызовомъ и приглашеніемъ Даламберта, для воспитанія великаго князя наслѣдника и пр.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь, 1899 г.

Примѣчаніе: при началѣ записокъ моихъ не коснулся я сего періода; онъ составляетъ древнюю, такъ сказать, исторію иллюминатства и, по отдаленію сего времени, болѣе занимателенъ, нежели нуженъ; но, чтобъ показать степень преобладанія у насъ энциклопедистовъ и соблазнительную наглость ихъ, я расскажу происшествіе, которое въ преданіи дошло до насъ.

Даламбертъ, выходя изъ кабинета императрицы, встрѣтилъ, при множествѣ свидѣтелей, іеромонаха Платона, бывшаго послѣ московскимъ митрополитомъ, а тогда законоучителемъ государя наследника и проповѣдникомъ двора, и, желая привести его въ замѣшательство, внезапно спросилъ: «Существуетъ ли Богъ?» Платонъ, по счастью, не смѣшавшись, отвѣчалъ на латинскомъ языкѣ изъ псалтыри: «Рече безуменъ, въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ!» и пошелъ далѣе.

Это представляетъ образчикъ духа времени.

Обращаюсь къ моему предмету.

Въ то время служилъ въ гвардіи сержантомъ бѣдный, но очень умный и особливо хорошо писавшій и велерѣчивый Новиковъ. Онъ вступилъ въ масонство, неизвѣстно мнѣ, въ Швеціи ли или въ ложѣ Елагина, ибо мои о немъ свѣдѣнія идутъ не далѣе, какъ когда сдѣлался онъ извѣстенъ прекраснѣйшимъ сатирическимъ сочиненіемъ, которое издавалъ, подъ именемъ «Живописца», и, пріѣхавъ въ Москву, завелъ типографію, купилъ огромнѣйшій домъ и учредилъ общество, подъ названіемъ м а р т и н и с т о в ъ, отъ ученія St. Martin, иллюмината французскаго, котораго сочиненіе привезъ изъ Парижа Плещевъ (книгу «Des egreurs et de la vérité»). Я учился тогда въ Московскомъ университетѣ и зналъ только, чрезъ отца, что секта сія весьма сильна богатствомъ и соединеніемъ въ ней многихъ знатныхъ лицъ (князей Трубецкихъ, Юрія и Николая Никитичей, Ив. Владиміровича Лопухина, о которомъ часто будетъ упоминаемо, князя Гавріила Петровича Гагарина и пр.). Между тѣмъ сіи московскіе иллюминаты въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ которыя не было обращено на нихъ никакого другаго вниманія, кромѣ литературныхъ насмѣшекъ (ибо императрица сочинила сама на нихъ піесу для эрмитажнаго театра), учили на свой счетъ многихъ бѣдныхъ студентовъ Московскаго университета, посылали ихъ на своемъ иждивеніи въ чужіе края, выставляли большую благотворительность, раздавалъ тулупы отправляемымъ партіямъ рекрутъ и пр., и такимъ образомъ старались приобрѣсть любовь народную. Кураторомъ университета былъ поставленъ ими Херасковъ, ихъ сочленъ. Многіе профессоры вступили въ ихъ общество и два, славнѣйшіе того времени, Страховъ и Чеботаревъ; первый видѣлъ всю Москву на своихъ лекціяхъ физики, а послѣдній воспитывалъ на дому тѣхъ студентовъ,

коихъ общество особо ему поручало (изъ нихъ остались теперь, сколько мнѣ извѣстно, два, т. е. Корнѣевъ, директоръ горнаго корпуса, и Лубяновскій, бывший пензенскимъ губернаторомъ. Первый—извѣстенъ въ бытность уже его харьковскимъ попечителемъ, на мѣстѣ дяди, переводомъ иллюминатской книги: «Христіанская философія», а второй— такою же, «Тоска по отчизнѣ», сочиненіемъ Штелинга, въ которой есть многіе намеки въ видѣ иллюминатскихъ надеждъ, довольно ясныя, и на Россію и именно, сколько припомню, на Тобольскъ).

Посреди сихъ успѣховъ общества начальникъ его, съ главными адептами, схвачены правительствомъ, бумаги взяты, огромнѣйшая типографія, которая уже нѣсколько лѣтъ наводила Россію иллюминатскими книгами, домъ и бібліотека мартинистовъ опечатаны, и начались допросы и обыскъ; но какъ все дѣло сіе поручено было московскому генералъ-губернатору князю Прозоровскому, который имѣлъ въ себѣ одно то достоинство, что донесъ императрицѣ объ опасности распространяющагося общества, а впрочемъ ничего не могъ понимать въ его ученіи, то розысканіе сіе и кончилось только тѣмъ, что Новиковъ отправленъ, подъ конвоемъ, съ важнѣйшими его бумагами въ Петербургъ, а оттуда въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и пробылъ до воцаренія императора Павла I, а сообщники его, знатнѣйшіе по ихъ фамиліи или знаніямъ, получили повелѣніе жить въ деревняхъ своихъ; важнѣйшіе же, по иллюминатской значительности, пользуясь невѣдѣніемъ допрашивавшихъ (какъ сами они послѣ рассказывали и именно И. В. Лопухинъ, о коемъ впоследствии говорено будетъ), такъ осторожно и коварно отвѣчали, что не оставили ни малѣйшаго слѣда для притязанія въ свободѣ ихъ лицъ. Въ числѣ спасшихся отъ сего кораблекрушенія значительнѣйшіе, и коихъ опять увидимъ на сценѣ иллюминатства, были: Лопухинъ, Поздѣевъ, Лабзинъ. Между тѣмъ союзники московскихъ мартинистовъ разсѣвали слухи въ своемъ смыслѣ. Изъ нихъ главнѣйшій былъ тотъ примѣчательный Плещеевъ (мужъ статсъ-дамы), который, будучи учителемъ государя наслѣдника и потомъ довѣреннымъ при немъ лицомъ, успѣлъ, какъ увѣряли, расположить его высочество къ нѣкоторому соболѣзнованію о жестокой участи таковаго общества, которое (якобы) другъ церкви и законности, потерпѣло гоненіе отъ преобладающихъ въ правительствѣ вольтеріанцевъ и энциклопедистовъ. И сіе то, вѣроятно, было поводомъ къ освобожденію Новикова и къ употребленію, впоследствии, Лопухина въ довѣренной должности.

Женатый на сестрѣ сего Плещеева, Кошелевъ, который скоро предстанетъ въ роли весьма значительной, былъ, по сей связи, тоже мартинистомъ; но, человекъ безъ дарованій, непріятной наружности, оглашенный смѣшнымъ дипломатомъ, по странному слогу депешъ его

*

изъ Копенгагена, гдѣ былъ посланникомъ, онъ почитался болѣе фанатикомъ, нежели важнымъ адептомъ ложи.

Дѣло мартинистовъ затихло, но не уничтожилось ихъ общество.

При князѣ Репнинѣ оставался иллюминатъ Шварцъ, упомянутый въ первой моей запискѣ, и, вѣроятно, распространялъ ученіе сіе въ своемъ кругу. Одинъ изъ оставшихся отъ того времени репинскихъ мартинистовъ, генералъ Инзовъ, управляетъ, кажется, нынѣ чѣмъ-то въ Бессарабіи и былъ постоянно покровительствуемъ методистами и давалъ, въ свое время, убѣжище Линделю, когда его гнали въ Одессѣ (какъ показано будетъ во второй статьѣ сей записки). Другой, Лубяновскій, бывший при Репнинѣ молодымъ офицеромъ. (Ф. И. Энгель служилъ при семъ генералѣ съ Инзовымъ и Лубяновскимъ). Третій—князь Г. П. Гагаринъ, жилъ въ своей деревнѣ, близъ Москвы и написалъ иллюминатскую книгу, сколько помнится: «Прогулки или вечера въ селѣ Знаменскомъ», которая послѣ была напечатана. Четвертый—Лопухинъ, готовилъ иллюминатскія сочиненія и въ числѣ ихъ одно: «Изильсофосъ или Духовный рыцарь», заключающее самоважнѣйшее ученіе русскаго иллюминатства, и до такой степени дерзкаго, что нигдѣ не можно было его напечатать въ самое благопріятное для секты сей время, и оно тиснуто въ типографіи какой-то ложи. Оно у меня было, но я отдалъ его одной изъ значущихъ особъ при покойномъ государѣ, для представленія его величеству, и не знаю, что съ нимъ сдѣлано. Пятый—Лабзинъ, готовясь сдѣлаться начальникомъ секты при первомъ удобномъ случаѣ, занимался приготовленіемъ важнѣйшихъ рукописей—какъ говорятъ, изъ ложи Новикова пмъ похищенныхъ, для ихъ преподаванія(?) и печати, какъ увидимъ впоследствии. Шестой—Поздѣвъ, жилъ отшельникомъ въ своей деревнѣ; но всѣ они сохраняли прежнюю связь возможными въ ихъ положеніи сношеніями. Плещеевъ, сколько мнѣ извѣстно, оставался при государѣ наслѣдникѣ.

Въ семъ положеніи нашего иллюминатства послѣдовала кончина императрицы.

Новиковъ освобожденъ послѣ, какъ увѣряютъ, свиданія и продолжительнаго разговора съ императоромъ; но, стѣсненный послѣдствіями строгаго заключенія и лѣтами, онъ поѣхалъ жить въ свою деревню, сдѣлавшуюся Меккою нашихъ иллюминатовъ, кои раздѣляли и носили, какъ святыню, бороду, отросшую у него въ крѣпости. Плещеевъ сдѣлался лицомъ случайнымъ и значительнымъ. Лопухинъ названъ статъ-секретаремъ. Князь Гагаринъ—президентомъ коммерцъ-коллегіи. Освобожденъ Костюшко, которому, какъ говорятъ, объявилъ сіе самъ императоръ, вошедшій въ темницу крѣпости и щедро его обогатившій съ тѣмъ, чтобы онъ, на честное слово, ѣхалъ въ Америку.

Это было первое дѣйствіе вліянія иллюминатовъ. Второе—состояло въ томъ, чтобы на новой монетѣ не было изображенія царскаго.

Обстоятельство, о которомъ много важнаго говорить, но не писать можно.

Преобладаніе иллюминатовъ не было впрочемъ ни весьма значительно, ни долговременно, и они только, можно сказать, тогда воскресли, но не могли или не успѣли произвести ничего, въ своемъ смыслѣ, систематическаго. Лопухинъ вскорѣ уволенъ, а Плещеевъ—умеръ, дѣйствительно или политически, не знаю, ибо вообще сіе время весьма мало мнѣ знакомо. потому что во все царствованіе императора Павла I я находился при посольствахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ.

При воцареніи покойнаго государя идеи самаго преувеличеннаго либерализма дали свободу иллюминатамъ, разныхъ родовъ, вступить на широкое поприще интригъ и происковъ, какъ личныхъ, такъ и сектаторскихъ. Молодой, неопытный и прекраснѣйшихъ свойствъ сердца государь, пламенно желающій счастья не только своей имперіи, но и всему человѣчеству, такъ жаждалъ достигнуть скорѣе до сей великой цѣли, что не только открылъ совершенно свободный къ себѣ доступъ всѣмъ лицамъ, которыя бы ему содѣйствовать въ томъ пожелали, всѣмъ дарованіямъ, кои бы могли указать кратчайшій путь къ сей священной его цѣли, къ сей, если смѣю такъ выразиться, ангельской мечтѣ души необыкновенной, но издалъ о семъ указъ и назначилъ человѣка, которому порученъ докладъ по сему предмету (Новосильцева). Кругомъ сего великодушнаго молодого царя составилось, совершенно въ духѣ его, молодое, неопытное, либеральное министерство. Явились, въ Москвѣ—Каразинъ, а въ Петербургѣ—безчисленное множество иллюминатовъ и нѣсколько искреннихъ либераловъ. (Въ числѣ коихъ, т. е. послѣднихъ, чрезъ три года послѣ воцаренія Александра, и Магницкій, возвратившійся изъ Парижа съ проектомъ конституціи и запискою о легкомъ способѣ ввести ее). Государь всѣхъ допускалъ къ себѣ, всѣхъ выслушивалъ, многихъ обнималъ въ восхищеніи, а Магницкому, между прочимъ, приказалъ сказать, чрезъ генераль-адъютанта Уварова, что его не забудеть, и, дѣйствительно, чрезъ семь лѣтъ сдержалъ слово, назначивъ его статсъ-секретаремъ и, при первомъ ему представленіи, удивилъ его и всѣхъ предстоявшихъ, сказавъ Оленину и Энгелю, тогдашнимъ его сотоварищамъ: «Хоть въ первый разъ его вижу, но и мысли его и руку знаю, какъ свои».

Въ числѣ примѣчательнѣйшихъ проектеровъ сего времени, съ коимъ государю угодно было наиболѣе сблизиться, былъ Парротъ (академикъ) и потомъ Каразинъ. Первый—старинный членъ майнцакаго иллюминатскаго клуба и одно изъ дѣйствующихъ лицъ французской революціи, войдя въ кабинетъ императора, подъ модною тогда личиною либерала,

долго имѣлъ самое сильное и опасное вліяніе. Онъ, какъ говорятъ, былъ между прочимъ крѣпкой опорой одного изъ важнѣйшихъ и самыхъ извѣстныхъ безбожностью своихъ сочиненій и умомъ, въ родѣ Вольтера, иллюмината генерала Клингера, который, начальствуя впоследствии надъ кадетскимъ корпусомъ и дерптскимъ университетомъ, въ то же время ужасалъ своими богохуленіями Германію, въ коей печаталъ и распространялъ свои сочиненія. Весьма вѣроятно, что Парротъ, послѣ швейцарскаго—Лагарпа, былъ важнѣйшимъ изъ adeptовъ того времени, изъ Франціи къ намъ присланныхъ. Потомъ онъ былъ ректоромъ дерптскаго университета. Второй—Каразинъ, малороссіянинъ, хорошо учившійся, знающій, краснорѣчивый, но болѣе всего гордый и пламенный, переговоривъ съ императоромъ о всѣхъ политическихъ матеріяхъ, въ самомъ либеральномъ смыслѣ, доставъ изъ ничего и безъ всякой опредѣлительной службы чины и кресты, образовалъ на родинѣ своей, въ Харьковѣ, университетъ и кончилъ тѣмъ, что перессорясь со всѣми, и особенно съ Новосильцевымъ, въ большой силѣ тогда бывшимъ, обратился къ иллюминатству академическому, приставъ къ бывшему министру просвѣщенія графу Завадовскому и соединясь съ подобнымъ ему, но холоднымъ и расчетливымъ иллюминатомъ Мартыновымъ, который былъ тогда директоромъ департамента просвѣщенія, а нынѣ правителемъ дѣлъ совѣта о военныхъ училищахъ и членомъ многихъ другихъ ученыхъ мѣстъ.

Въ порядкѣ политическомъ Каразинъ скоро потерялъ значеніе и, войдя въ толпу тѣхъ недовольныхъ крикуновъ, которые, заявляя образъ мыслей, противный правительству, хотятъ главнѣйше дать чувствовать, что самый важный его проступокъ состоитъ въ томъ, что оно ихъ оцѣнить не умѣло, женился, сталъ жить въ деревнѣ и, выѣжая оттуда по временамъ въ Петербургъ, въ нетерпѣливости чѣмъ-нибудь напоминать о себѣ, то подавалъ проскты и совѣты разнымъ правительственнымъ лицамъ, которыхъ двери наконецъ для него закрылись, то, занимая экономическое общество разными предположеніями объ усовершеніи сельскаго хозяйства; и такимъ образомъ я, въ числѣ прочихъ, потерялъ было совершенно изъ вида сіе докучливое и, какъ мнѣ казалось, пустое и безопасное лицо. Какъ вдругъ, вскорѣ послѣ происшествія, въ Семеновскомъ полку бывшаго, т. е., сколько припомню, на другой же день, чрезъ одно лицо, весьма благонамѣренное и, по мѣсту своему тогда, не могшее не знать всѣхъ происшествій достоверно, узналъ я, что рано по-утру, послѣ семеновскаго смятенія, найдены у воротъ разныхъ гвардейскихъ казармъ подброшенныя возмутительныя тетради, въ коихъ говорилось о конституціи; что многія изъ нихъ подняты полиціею, а прочія, вѣроятно, взяты уже въ казармы и тѣмъ болѣе кажутся опасными, что нашедшіе ихъ молчатъ. Узнавъ отъ

лица, со мною говорившаго, что по обыкновенному его начальству принято сіе важное донесеніе равнодушно и можетъ остаться не наблюденнымъ, я ему совѣтовалъ взять на свою отвѣтственность и тотчасъ рассказать графу Кочубею, который, несмотря на то, что я уже былъ съ нимъ въ холодномъ положеніи, казался мнѣ изъ всѣхъ, составлявшихъ тогда управляющій, въ отсутствіе государя, комитетъ, ближайшимъ къ приличному внушенію нужныхъ мѣръ. Совѣтъ мой, кажется, принятъ и исполненъ съ успѣхомъ, ибо, увидясь съ тѣмъ же лицомъ, по возвращеніи уже государя въ Петербургъ, узналъ я, что дѣлу сему не только данъ былъ ходъ, но, по всѣмъ соображеніямъ, особливо же, по почерку возмутительныхъ бумагъ, пало подозрѣніе на Каразина, и что государь, не рѣшаясь по одному, хотя и весьма сильному, подозрѣнію праступить къ какой-либо рѣшительной противъ него мѣрѣ, встрѣтивъ его на прогулкѣ, спросилъ, какъ бы въ удивленіи, зачѣмъ онъ въ Петербургѣ, и, узнавъ, что живетъ для тяжбы о 30.000 рублѣхъ, прислалъ ему сіи деньги изъ собственныхъ своихъ и приказалъ ѣхать домой ¹⁾.

Увлеченный впередъ рѣчью о Каразинѣ, для полного очерка политическаго бытія его, я обращаюсь къ связи иллюминатскихъ происшествій.

По либеральнымъ проектамъ Новосильцовъ былъ первое лицо изъ всего министерства и потому былъ онъ главнымъ начальникомъ комиссіи законовъ, гдѣ тогда важнѣйшею работою было сочиненіе такой первой главы къ первой части гражданскаго уложенія, которая бы служила началомъ конституціи, вмѣстивъ въ общія права лицъ постановленіе объ императорской фамилии, кои бы ограничили самодержавіе. Извѣстный Розенкамфъ былъ, по счастью, тупымъ орудіемъ сихъ затѣй.

Неподвижность сихъ конституціонныхъ предпріятій происходила особенно отъ того, что либеральное министерство наше не знало ни Россіи, ни самой науки о представительныхъ правительствахъ систематически и только путаясь въ смѣшанныхъ о семъ предметѣ понятіяхъ, отрывочно изъ чтенія, наслышки и путешествій заимствованныхъ, обмануло надежды императора, и, видя, что и въ немъ охота къ установленіямъ сего рода охлаждается отъ того, что правленіе, чѣмъ болѣе онъ входилъ въ него, представлялось ему практикою, а не теоріею, какъ оно и есть дѣйствительно, и озабочивало его занятіями гораздо существеннѣйшими, нежели мечтательныя умозрѣнія, то министерство, горю, начало и само мало-по-малу обращаться къ частнымъ дѣламъ и выгодамъ личнымъ. Вскорѣ остался одинъ тонъ либерализма, но самое

¹⁾ М. Д. Магницкій, сообщая эти свидѣнія на память, нѣсколько ошибается.

дѣло упало, и связь между лицами, составлявшими министерство, ослабла и расторглась. Внѣшнія обстоятельства, неудачи и опасности совершенно уронили систему политическихъ мечтаній. Между тѣмъ, однако же, иллюминаты не потеряли времени, столь благоприятнаго для преусиѣванія въ ихъ видахъ: Лопухинъ издалъ свои сочиненія о внутренней церкви и проч., Лабзинъ напечаталъ похищенную, какъ говорили въ ложѣ Новикова, рукопись: «Пастырское посланіе», составляющую одинъ изъ самоважнѣйшихъ иллюминатскихъ манифестовъ о причинахъ пріостановленія ихъ обществъ, объ ожиданіяхъ и тайномъ ихъ дѣйствіи. Сверхъ того началъ онъ издавать «Сіонскій Вѣстникъ», журналъ совершенно иллюминатскій. Новосильцовъ былъ причиною запрещенія сей опасной книги, но черезъ нѣсколько лѣтъ, и именно по возвращеніи государя изъ Парижа, продолженіе сего изданія дозволено, и тотъ же Лабзинъ получилъ вторую степень Владимира за распространеніе благочестивыхъ сочиненій¹⁾. Это относится впрочемъ къ статьѣ духовнаго иллюминатства, здѣсь же поставлено только для разительнѣйшаго сближенія сихъ противоположныхъ обстоятельствъ одного и того же лица.

Не помню точно въ которомъ году, но, кажется, около 1807 года, явилось на горизонтѣ петербургскаго иллюминатства новое свѣтило: Грабянко (графъ), полякъ, членъ авиньонскаго общества пророковъ. Въ весьма короткое время сдѣлалъ онъ великіе успѣхи черезъ m-me d'Atigny, жившую въ домѣ Маріи Антоновны Нарышкиной. Онъ познакомился съ сею послѣднею и въ комнатахъ Озерова, гофмаршала государя цесаревича, въ Мраморномъ дворцѣ, открылъ ложу, въ которую ѣздили: Нарышкина, m-me d'Atigny, Озеровъ съ женою, Сперанскій, служившій директоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Лубяновскій, бывшій секретаремъ при графѣ Кочубеѣ, и многіе другіе, которыхъ имена можно видѣть въ бумагахъ Грабянки.

Какъ собранія сіи открывались молитвою «Отче нашъ», ограничивались изясненіемъ евангелія, не довольствуя пытливости нѣкоторыхъ слушателей, простиравшихъ виды свои далѣе, то два изъ нихъ, мнѣ извѣстные, Сперанскій и Лубяновскій, дошли до особенныхъ свиданій съ Грабянкою, у него на дому; но въ то самое время, какъ они наиболѣе съ нимъ сблизились, полиція взяла его подъ стражу, и въ захваченныхъ у него бумагахъ найдены не только списокъ всѣхъ членовъ, но и дневникъ, въ который записывалъ онъ съ подробностію всѣ разговоры бывшихъ у него посѣтителей.

Смерть Грабянки подъ стражею кончила существованіе его обще-

¹⁾ Объ А. Ѳ. Лабзинѣ и его „Сіонскомъ Вѣстникѣ“. См. „Рус. Стар.“. 1894 г. № 9—12 и 1895 г., № 1 и 2. Ред.

ства въ Петербургѣ, прежде нежели успѣлъ онъ дойти до распространенія высшихъ степеней, ибо въ Авиньонѣ состояли онѣ въ томъ, что отъ молитвенныхъ упражненій избраннѣйшіе переводились въ школу пророковъ, въ которой каждый обязанъ былъ развивать въ себѣ даръ предвѣдѣнія, наблюдая за снами, вдохновеніями и видѣніями, кои имѣть можетъ. Сіи наблюденія записывались каждымъ членомъ, въ видѣ журнала, представлялись обществу и, изъясняясь въ его смыслѣ начальниками, вносились въ общую книгу сего нелѣпаго пророчища.

Около, сколько помню теперь, 1810 года пріѣхалъ въ Петербургъ, вызванный Сперанскимъ, неизвѣстно кѣмъ ему указанный, славнѣйшій илюминатъ, католицкій монахъ, содѣйствовавшій Иосифу II-му въ предпріятіяхъ его противъ церкви, бѣжавшій изъ Австріи, оставившій духовное званіе и вѣру свою и сдѣлавшійся преобразователемъ масонства въ Пруссіи—Феслеръ ¹⁾, человекъ съ отличнымъ умомъ, дарованіями и глубокимъ знаніемъ наукъ философскихъ, языковъ: латинскаго, греческаго и еврейскаго, обратившій всѣ сіи способы на систематическое опроверженіе св. Писанія для замѣны ученія вѣры илюминатскимъ. И сей человекъ выписанъ, съ большими издержками, для преподаванія еврейскаго языка и обученія его въ критическомъ разборѣ книгъ библейскихъ—и гдѣ же?—въ Петербургской духовной академіи!

Какъ дѣйствія его тамъ принадлежать къ илюминатству духовному, то и будутъ представлены въ своемъ мѣстѣ.

Онъ вступилъ въ самыя короткія сношенія съ Сперанскимъ, котораго кабинетъ сдѣлался ложею, ибо Феслеръ обѣщалъ преподавать ему всѣ высшія степени, безъ дальнѣйшихъ обрядовъ, за письменнымъ его столомъ и даже дать, впоследствии, такой перстень, который будетъ служить талисманомъ для расположенія всѣми илюминатами Германіи и дѣйствительно далъ нѣчто на то похожее. Все сіе было, вѣроятно, обычный обманъ илюминатовъ, кои ищутъ, какъ показано въ первой запискѣ моей, оболести въ значущихъ въ правительствѣ людей разными обманами, поддѣльных нарочно для нихъ тайнствъ, управлять ими въ видахъ своего общества. Но какъ Сперанскій тогда ничего не зналъ о семъ, а, при пытливости обширнаго ума, все знать хотѣлъ, то онъ не только совершенно попалъ въ сѣти сего коварнаго илюмината, да и, говоря о немъ съ восхищеніемъ, какъ о великомъ человекѣ, Магницкому, бывшему въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, до того плѣнилъ сего послѣдняго, что уговорилъ его вступить въ ложу, Феслеромъ открытую, подъ названіемъ: «Полярной звѣзды» въ саду комиссіи

¹⁾ М. А. Магницкій писалъ свою записку на память ему измѣнявшую. Феслеръ пріѣхалъ гораздо ранѣе. Р е д.

законовъ. Ложа сія, предсѣдательствуемая въ тотъ день Сперанскимъ, состояла изъ Феслера, Дерябина, Пезаровіуса, Злобина, Гогеншльда, и Розенкамфа. Протоколы сей ложи должны были поступить въ руки правительства, при закрытіи массонскихъ ложъ, и впрочемъ Магницкій, въ то время, какъ отъ всѣхъ отбирали подписки о массонствѣ, показалъ о сей ложѣ, къ которой онъ принадлежалъ, объявивъ письменно, что оставилъ ее въ 1811 году, по опаснымъ ея началамъ, именовавъ и установителя ея, но не прочихъ членовъ, ибо сего не требовали.

Магницкій, не довольствуясь симъ принятіемъ, присутствовалъ на многихъ бесѣдахъ Феслера съ Сперанскимъ въ кабинетѣ Сперанскаго, а о тѣхъ, на которыхъ быть не могъ, сей послѣдній ему рассказывалъ. Такимъ образомъ выслушалъ онъ отъ него: теорію сотворенія міра, теорію молитвы, вѣры, видѣній и пр., словомъ, всѣ тѣ обморочиванія, коими древній иллюминатскій обаятель сей искалъ приобрести двухъ пылкихъ и, по положенію ихъ, значущихъ молодыхъ людей. Прошло довольно времени въ удивленіи ему, ибо, дѣйствительно, не можно лучше злоупотреблять ума обширнаго и вмѣстѣ тонкаго, краснорѣчія разительнаго и самыхъ глубокихъ познаній въ древностяхъ, выворотивъ все сіе наизнанку, самымъ коварнымъ образомъ, для своей цѣли. Дошло дѣло до систематическаго и уже прямого опроверженія христіанства. Магницкій, хотя и весьма не набожный тогда, почувствовалъ какое-то непреоборимое отвращеніе отъ богохульствъ сего лжеучителя, особенно, когда онъ началъ представлять Спасителя сыномъ Эсеянина, обманывавшимъ народъ, для утверженія своего ученія. «Какъ же вознесся Онъ при пятистахъ очевидныхъ свидѣтеляхъ?» возразилъ Магницкій. «Какъ всѣ сіи свидѣтели, до одного, умерли въ пыткахъ, утверждая сію истину?». «Это очень просто», отвѣчалъ Феслеръ. «Онъ стоялъ на горѣ и могъ уйти за камень». Сей безразсудный отвѣтъ такъ поразилъ Магницкаго, что онъ объявилъ Сперанскому, что съ сей минуты оставляетъ общество, презираетъ его, Феслера, и симъ кончилось его иллюминатское поприще.

За симъ вскорѣ послѣдовало изгнаніе Феслера изъ Духовной академіи, какъ во второй статьѣ сей записки подробно будетъ рассказано; но Сперанскій, обязанный по многимъ причинамъ и опасеніямъ куда-нибудь пристроить сего изгнанника, который имъ выписанъ, опредѣлилъ его, для жалованья, въ комиссію законовъ и потомъ помѣстилъ къ одному изъ собратій ложи, свояку своему, К. С. Злобину, въ саратовскую деревню, гдѣ онъ, сколько мнѣ извѣстно, завелъ училища и жилъ, доколѣ сдѣлался въ судьбѣ его новый благоприятный переворотъ, о коемъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Есть нѣмецкая книга, у насъ запрещенная, доктора Линднера, въ которой заключается вся исторія Феслера.

Между симъ временемъ и тѣмъ, въ которое, по возвращеніи государя изъ Парижа, въ 1814 году, послѣдовалъ наисильнѣйшій приливъ иллюминатства въ Россію, учредились многія массонскія ложи въ Петербургѣ, Москвѣ и даже въ губерніяхъ. Начальники двухъ изъ петербургскихъ, графъ Віельгорскій и Ланской, неоднократно ѣздили въ Вологду, равно какъ и нѣкто Римскій-Корсаковъ, къ указанному мною Поадѣву, старинному адепту Новикова, за наставленіями. Я упоминаю о семъ для того, чтобы показать, какъ живущи общества сего рода, и какъ невидимая для правительствъ ихъ нить вѣрно сохраняется и скоро связывается со всѣми возникающими того же рода учрежденіями. Жеребцовъ, женатый на княжнѣ Лопухиной, ввелъ, кажется, въ ложу Пушкина. Не позже, какъ 1817 году массонство усилилось и сдѣлалось такъ смѣлымъ, что, въ бытность мою симбирскимъ губернаторомъ, тамошній помѣщикъ, князь Баратаевъ, открыто просилъ у меня дозволенія открыть ложу въ губернскомъ городѣ. Тщетно уговаривалъ я его отложить сіе предпріятіе, по причинѣ соблазна, который произведетъ въ народѣ заказъ гробовъ и присканіе череповъ, кои не могутъ укрыться отъ людей его; онъ настоялъ до того и такъ нагло, утверждая, что въ Москвѣ графъ Тормасовъ, по особенному высочайшему рескрипту массонство покровительствуетъ, что я долженъ былъ сказать ему, что хотя бы это была и правда, то я не могу принимать отъ него высочайшихъ повелѣній, а доколѣ не получу ихъ въ установленномъ порядкѣ, долженъ руководствоваться общими узаконеніями, которыя тайныя общества возбраняютъ, и потому, запрещая ему открывать ложу, прошу подать мнѣ просьбу, имъ принесенную, для представленія моему начальству, на письмѣ. Когда же заявилъ онъ себя письменно мастеромъ массонскаго стула и просилъ объ открытіи ложи, то я отвѣчалъ, что, для обстоятельнаго донесенія о семъ г-ну правящему министерствомъ полиціи, я прошу его доставить мнѣ: 1-е, списокъ членовъ его ложи, 2-е, статуты и, 3-е, катехизисъ оной. Онъ отвѣчалъ, что исполнить сего не можетъ, а я, доставъ все отъ него требуемое чрезъ полицію, представилъ графу Вязмитинову съ примѣчаніями на вредное ученіе сей ложи. Дѣло сіе должно находиться въ архивѣ особенной канцеляріи министерства полиціи. Представленіе мое осталось безъ отвѣта. Я выбылъ изъ должности—ложа Баратаева открыта, распространена по всей губерніи и до того усилилась, что начальникъ ея, отставной, кажется, гусарскій поручикъ, дошелъ въ короткое время до избранія его дѣлымъ дворянствомъ губерніи, мимо старыхъ и заслуженныхъ людей, въ губернскіе предводители. Въ Казани была также открыта ложа подъ предсѣдательствомъ ста-

раго массона, Романовскаго, друга Лабзина и того Попова (что нынѣ тайный совѣтникъ), о которомъ, въ послѣдующихъ статьяхъ сей записки, много и подробно говорено будетъ. Въ числѣ петербургскихъ ложъ на одной не было не подверженной, болѣе или менѣе, влиянію иллюминатовъ, но опаснѣйшія были: Элизена, Вейса и Лабзина, который, оставаясь отъ ложи Новикова и имѣя связи съ германскими иллюминатами (Штилингомъ, котораго сочиненія «Теорію духовъ» онъ перевелъ, а толкованіе на Апокалипсисъ подъ именемъ: «Побѣдной повѣсти» перевелъ и напечаталъ), возстановлялъ, такъ сказать, въ своемъ лицѣ иллюминатство, полуистребленное въ царствованіе Екатерины II.

Нѣкоторые изъ важныхъ лицъ духовныхъ здѣсь не именуется, потому что были въ связи съ Лабзинымъ не формально, ибо онъ освобождалъ ихъ отъ приемовъ и посѣщенія обрядовыхъ собраній; слѣдовательно, неумѣстно было бы простираť предметъ записки сей до связей, противныхъ дружбы и пріятельскихъ сношеній, входящихъ уже нѣкоторымъ родомъ догадки, которой я стараюсь избѣгать, держась, сколько можно, за событія, ежели не всегда публичныя, то, по крайней мѣрѣ, положительныя.

Въ извѣстной связи съ обществомъ Лабзина была въ сіе время Александра Петровна Хвостова, женщина, прежде довольно свободной нравственности, но имѣющая обращенная къ набожности, столько, по характеру сего рода обращеній, ученіемъ Лабзина проникнутая, что писала и печатала письма къ жемъ его, несущія печать самаго восторженнаго воображенія сектаторки.

Не знаю, жива ли она? Но одинъ изъ учениковъ ея остался теперь, нѣкто Прянишниковъ, котораго, женивъ на своей воспитанницѣ, она облагодѣтельствовала и вывела по службѣ, помощію своихъ покровителей, до мѣста довольно значительнаго, которое онъ теперь занимаетъ.

Такого же рода твореніе иллюминатовъ служащій нынѣ въ званіи камергера Ковальковъ, воспитанникъ послѣднихъ лѣтъ И. В. Лопухина. Онъ сдѣлался извѣстенъ, какъ нѣкотораго рода иллюминатскій святой, ибо, живъ въ домѣ Лопухина, въ Москвѣ, и углубляясь, подъ его руководствомъ, въ тайны иллюминатства, особенно же, въ мистическое ученіе М-ше Guyon ¹⁾, онъ имѣлъ какія-то чудесныя явленія, ко-

¹⁾ На которомъ оковчиваютъ свое поприще всѣ состарившіеся иллюминаты, кои, видѣвъ неудачу своихъ предпріятій, а иногда и устрасая приближающейся смерти, не могутъ, по вѣковой ихъ ненависти къ положительной церкви, вдругъ къ ней обратиться, но ищутъ развлечь, такъ сказать, тоску совѣсти своей какой-нибудь религіей, въ родѣ христіанской, и тѣмъ охотнѣе вдаются въ ученіе М-ше Guyon, что оно, не объявляя ихъ ни къ какимъ постановленіямъ власти духовной, тѣшитъ пытливыи ихъ разумъ призраками жи-

торыя видѣлъ я, имъ самимъ нарисованныя, въ одномъ изъ знатныхъ кабинетовъ въ золотой рамѣ. По прїѣздѣ его послѣ сихъ происшествій въ Петербургъ онъ поступилъ подъ покровительство Плещеевой, которая помѣстила его въ службу, ввела въ значительныя связи и содержала у себя въ домѣ, женила на своей воспитанницѣ, сопричтя его, такъ сказать, къ своему семейству.

Лица сїи упоминаются въ семъ мѣстѣ, потому что учителя ихъ играли значительныя роли въ иллюминатствѣ политическомъ.

Однимъ изъ извѣстныхъ тогда иллюминатовъ былъ Рябининъ, братъ умершаго дѣйств. стат. сов. Рябинина, числившійся по коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Въ другомъ родѣ—не знаю, живъ ли,—былъ престарѣлый отставной профессоръ Петербургскаго университета Рязановъ, трудившійся надъ открытіемъ квадратуры круга, опровергавшій законы Кеплера и, притомъ не сумасшедшій, особенно занимавшійся всѣми таинственными науками. Ученикъ его Никольскій, упражняющійся также въ семъ послѣднемъ предметѣ и бывший съ нимъ въ сношеніи, служить теперь профессоромъ математики въ Казанскомъ университетѣ.

Не задолго предъ войною 1812 года выходитъ на зрѣлище сперва придворной и, наконецъ, духовной интриги новое лицо, которое впоследствии будетъ играть весьма важную роль и имѣть гибельное вліяніе на дѣла правительства — Кошелевъ, упомянутый мною въ первой запискѣ. Маловажное обстоятельство вывело его изъ толпы суетливыхъ, но недѣловыхъ искателей: Сперанскій, бывшій въ 1808 или 1809 г. въ Кіевѣ, для свиданія съ дочерью, которая тамъ воспитывалась, познакомился съ женою сего Кошелева, урожденной Плещеевой, женщиной весьма добродѣтельной и почтенной, не молодыхъ уже лѣтъ. Возвратясь въ Петербургъ, онъ продолжалъ сие знакомство, которое обратилось въ прїязнь къ тому времени, какъ Кошелева умерла. Въ семъ скорбномъ для мужа ея обстоятельствѣ Сперанскій еще ближе съ нимъ сдружился и, когда въ 1810 году открытъ новый Государственный Советъ, то Кошелевъ, по сей связи и давнишнему, въ чужихъ краяхъ, знакомству съ графомъ Кочубеемъ, сдѣланъ членомъ онаго, къ удивленію всѣхъ, службу его знавшихъ. Тутъ онъ началъ дѣятельно интриговать, аща, съ одной стороны, поддерживать связь свою съ случайнымъ тогда государственнымъ секретаремъ, а съ другой, стараясь какъ чрезъ него, такъ и чрезъ инныя дороги, войти въ кабинетъ императора и быть какъ-нибудь употребленнымъ въ политикѣ того времени, ибо чѣмъ ме-

стическихъ мечтаній и даетъ гордости ихъ скорую надежду сдѣлаться изъ отступниковъ отъ Бога вдругъ святыми, удостоясь чудесныхъ откровеній, видѣній и пр.

Прим. Магницкаго.

нѣе былъ способенъ къ дипломатической службѣ, тѣмъ болѣе искалъ снова вступить въ нее.

Наконецъ, не знаю подлинно, черезъ кого и при какомъ случаѣ, но государю доложено, что онъ, по долговременной бытности въ Вѣнѣ, хорошо знаетъ австрійскій дворъ и можетъ совѣтами своими по обстоятельствамъ быть полезнымъ. Съ тѣхъ поръ Кошелевъ получилъ желанный къ императору доступъ и имѣлъ его, докладывая по вѣнскимъ депешамъ, ему сообщаемымъ, а, можетъ быть, и по особенной перепискѣ съ Вѣною, которая была ему дозволена. Сие введеніе къ его дѣйствіямъ было нужно, какъ изъ послѣдующаго видно будетъ.

Въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева служилъ въ то время чиновникъ, до чина 4-го класса дошедшій изъ низкаго званія, безъ извѣстности въ дѣлахъ и безъ всякой способности, кромѣ самаго терпѣливаго искательства—Поповъ. Прикрывая сею незначительностью обширный и выгодный для себя по службѣ планъ большой дѣятельности, учился онъ въ свободное отъ занятій время языкамъ англійскому и нѣмецкому и выучилъ ихъ въ такомъ совершенствѣ, что говорить и писать могъ равно хорошо на обоихъ, и никто не могъ замѣтить той отдаленной цѣли его, которой достиженіе составитъ предметъ разсказа о немъ во второй части сей записки.

2) Объ иллюминатствѣ духовномъ.

Для ненарушимости порядка матерій сей статьи долженъ я до-сказать предварительно первую часть повѣствованія о Феслерѣ, принадлежащую по роду своему къ сей статьѣ, а по времени—къ годамъ предшествовавшимъ. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: въ первой статьѣ разсказано его прибытіе, цѣль его и упражненія въ политическомъ иллюминатствѣ; здѣсь предлежитъ рѣчь о дѣйствіяхъ его въ Невской духовной академіи. Послѣ самаго страннаго конспекта предполагаемыхъ имъ преподаваній, котораго, какъ признавались мнѣ самому члены комисіи духовныхъ училищъ, никто изъ нихъ не понялъ, конспектъ сей утверждёнъ. Иллюминатъ взошелъ на кафедру одной изъ важнѣйшихъ духовныхъ академій въ имперіи. Онъ истощилъ на первыхъ шагахъ всѣ прелести ума и краснорѣчія для плѣненія своихъ слушателей и, по мѣрѣ надежды на свои подпоры и на оплошность академическаго надзора, раскрывалъ отъ часу яснѣе цѣль и смыслъ иллюминатскаго ученія. Восхищеніе студентовъ возбудило вниманіе духовнаго начальства. Оно обращено на тетради ихъ, гдѣ, конечно, не было еще и половины того, что говорилъ профессоръ, но то, что нашли уже въ нихъ, почтено и, дѣйствительно, было достаточнымъ для улыбки его

въ иллюминатствѣ. Теофилактъ, членъ комисіи духовныхъ училищъ, выступилъ на единоборство съ симъ опаснымъ лжеучителемъ. Бывшему тогда оберъ-прокурору Синода, князю Голицыну, принадлежитъ честь покровительства Теофилакта, обличеніе и изгнаніе Феслера изъ Невской академіи. Но единомышленники изгнаннаго иллюмината не оставили Теофилакта не наказаннымъ: по доносу, что онъ принялъ посвященіе книги Ансельона, въ которой якобы нашлось мѣстами вольнодумство, онъ посланъ въ Грузію, гдѣ и умеръ ⁴⁾).

Теперь, оставляя Феслера въ изгнаніи, до возвращенія его страннымъ случаемъ, который будетъ разсказанъ въ своемъ мѣстѣ, я приступаю къ изложенію главнѣйшей эпохи успѣховъ духовнаго иллюминатства.

Въ государствахъ самодержавныхъ, гдѣ счастье каждаго зависитъ отъ царствующаго лица, все вниманіе обращено на стараніе разгадать образъ мыслей и чувствъ государя, дабы, сообразуясь съ ними, прежде другихъ упредить въ угожденіи распредѣлителю всѣхъ благъ земныхъ. И личная выгода, прельщаемая всѣми возможными корыстями общезжитія, весьма въ семъ случаѣ тонка и прозорлива.

Такъ было съ покойнымъ государемъ при возвращеніи его изъ чужихъ краевъ, по изложеніи Наполеона. Всѣ акты прошедшей кампаніи несли на себѣ отпечатокъ того глубокаго чувства набожности, которую получилъ онъ отъ частаго обращенія къ Богу, въ превратностяхъ счастья, въ благодарности къ нему за чудесное избавленіе отъ бѣды, въ изученной, на опытѣ, твердой на него надеждѣ. Актъ священнаго союза торжественно обнаружилъ сіи его чувства. До возвращенія его величества было уже гласно, что союзные монархи имѣли сношеніе съ главою тугендбунда, Штейномъ; что извѣстный духовною необычайностію крестьянинъ Мюллеръ имѣлъ съ ними примѣчательное свиданіе въ Пруссіи; что нашъ государь видѣлся съ главнымъ мистикомъ Штилингомъ (Лабзинъ возвѣстилъ нѣкоторыя подробности сего свиданія, издавъ на русскомъ сочиненіе объ ономъ самомъ Штилинга). Сего было довольно, чтобы все вниманіе обратилось на предметы духовные. Наряду съ набожностію искренней и лицемеріе, оку человеческому не проицаемое, и всѣ секты основали на ней самыя счастливыя для себя надежды. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, методисты, иезуиты англиканскаго исповѣданія, неизвѣстно мнѣ чрезъ кого, ввели въ особенную добѣренность къ государю Кошелева, который противъ всякаго чаянія, открылъ тогда характеръ самый предприимчивый, соединенный съ духомъ преобладанія, тѣмъ болѣе опаснымъ, что онъ оградился устраненіемъ отъ себя всякой отвѣтственности и всякаго даже почетнаго или значительнаго наименованія. Явилось образованіе соединеннаго ми-

⁴⁾ Всѣ эти свидѣнія не точны.

нистерства духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, такимъ перомъ написанное, котораго никто изъ дѣйствующихъ въ семь случаевъ лицъ не имѣлъ. Министръ, сими двумя важными частями управляющій, отправляя каждый день въ домѣ Кошелева важнѣйшія дѣла и докладывая государю не иначе, какъ въ его присутствіи, выходилъ не что иное какъ нѣкоторый родъ директора надъ директорами обоихъ министерствъ; между тѣмъ Синодъ совершенно связывался въ дѣйствіяхъ, учредителемъ его, Петромъ Великимъ, присвоенныхъ ему, ибо вмѣсто прокурора его министръ духовныхъ дѣлъ облакался, по уставу, властью генераль-прокурора; а высшее надъ самымъ симъ министромъ лицо получало права обширнѣйшія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и самыхъ прежде бывшихъ патріарховъ. Тургеневъ, извѣстный своимъ вольнодумствомъ, сдѣланъ директоромъ духовнаго департамента, а Поповъ, ничему не учившійся, кромѣ языковъ, нужныхъ ему для чтенія методистскихъ книгъ, не имѣющій понятія о наукахъ—получилъ въ свое управленіе департаментъ просвѣщенія.

Сіе распредѣленіе главнѣйшихъ лицъ соединенныхъ министерствъ доказываетъ уже постороннее вліяніе, искавшее превратнаго хода или запутанности дѣлъ, для какихъ-либо своихъ видовъ; ибо нѣтъ вѣроятія, чтобы все сіе вышло случайно.

Многіе искатели окружили Кошелева. Ежедневные были, между прочими: Галяховъ, Поповъ, Ястребцовъ, военный министръ Татищевъ, женатый на племянницѣ Кошелева. Знатнѣйшіе члены Синода, пріѣзжающіе архіереи и даже всѣ монахи и игумены, въ Петербургъ зачѣмъ-либо прибывшіе, являлись къ нему на поклоненіе. И изъ сихъ посѣщеній выходили разныя повѣствованія, одни другихъ страннѣе.

Тогда методисты, устроивъ у насъ или примѣтя сіе положеніе нашихъ духовныхъ дѣлъ, устремили дѣйствіе свое на Россію: явился славнѣйшій изъ нихъ Пинкертонъ, бывший нѣкогда гувернеромъ въ домѣ княгини С. С. Мещерской, которая по приверженности своей къ методизму и связи съ Кошелевымъ, начинала играть важную роль.— Сей тонкій и проницательный агентъ методистовъ успѣлъ учредить въ Россіи библейское общество, весьма полезное въ земляхъ протестантскаго исповѣданія, которое по догмату реформы отвергаетъ всякое преданіе, представляя св. книги на судъ каждаго читателя, но не согласное съ нашимъ вѣроисповѣданіемъ, которое, не воспрещая никому читать книгъ библейскихъ, требуетъ, чтобы мы не предпочитали собственныхъ умствованій изъясненію тѣхъ свѣтилъ церкви, которыхъ именуешь она отцами и послѣ коихъ настѣдовали мы полное на все объясненіе. Всѣ лица, къ какимъ бы они тайнымъ обществамъ ни принадлежали, соединились за однимъ столомъ библейскаго общества. Методисты явно господствовали. Они выслали Патерсона, Гендерсона, и употребили да виншняго

въ Россіи ихъ агента, купца Венинга. Первый, казначей общества, забывъ самое безкорыстіе пропаганды, ваялъ себѣ квартиру, занявшую лучшей этажъ дома библейскаго общества, которому оставлены, затѣмъ, двѣ маленькія комнаты внизу. Онъ выписалъ изъ Англіи типографщика и переплетчика и началъ разныя спекуляціи изъ огромныхъ суммъ библейскихъ, кои слѣдое усердіе къ дѣлу, по наружности благому, вмѣстѣ съ фанатизмомъ секты и пронырствомъ искательствъ, понесли въ казну его. — Одинъ англійскій переплетчикъ общества получалъ 60.000 руб. за свою работу ежегодно. Начались два дѣйствія пропаганды:

Первое внутреннее, мѣстнымъ архіереямъ и начальникамъ губерній и мѣстъ воспитанія поставлено въ обязанность и отличіе по службѣ распространіе отдѣленій общества, въ городахъ и даже въ уѣздахъ, въ деревняхъ и школахъ.

Примѣчаніе. Примѣръ гоненія за противное былъ со мною, во время служенія моего губернаторомъ въ Симбирскѣ: городничій одного изъ уѣздныхъ городовъ донесъ, что отставной майоръ Ивановъ (массонъ, покровительствуемый Лабзинимъ), получивъ чрезъ Лабзина разрѣшеніе на открытіе библейскаго общества въ городѣ, гдѣ жилъ онъ, снесся съ мѣстнымъ протоіереемъ и, взявъ съ духовенствомъ соборныя хоругви и иконы, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, сдѣлалъ процессію изъ церкви въ домъ свой. Находя подобныя процессіи, по распоряженію частныхъ людей, не только противными полицейскимъ уставамъ, но во многихъ отношеніяхъ и, опасными, я сдѣлалъ должный выговоръ городничему, съ предписаніемъ, чтобъ впредь сего не было. Государь изволилъ быть тогда въ Москвѣ. Вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ курьеръ съ строжайшимъ выговоромъ за противодѣйствіе мое распространенію библейскихъ обществъ и съ предписаніемъ покровительствовать ихъ.

Второе, виѣшнее: Поповъ, избранный секретаремъ русскаго библейскаго общества, имѣя уже обширную переписку съ Англіей и Германіей и переводя переписку Пинкертонна съ цѣлымъ міромъ, началъ занимать собранія сего общества тѣмъ предметомъ, который, подъ предлогомъ распространенія св. книгъ, и истинную цѣль его составлялъ и былъ однако же явно противоположенъ утвержденнымъ у насъ его правиламъ. Въ нихъ сказано, что русскаго библейскаго общества будетъ печатать Библія, безъ всякихъ толкованій, что уже было несогласно съ правиломъ нашей церкви, не отвергающей толкованія св. отцевъ и соборовъ; но сіе для того только въ видахъ методистской пропаганды было постановлено, чтобы, устранивъ изъясненіе законной власти духовной, замѣнить его изъясненіями секты. И вотъ какимъ образомъ сіе выполнялось: сперва начали читать въ собраніяхъ выписки изъ писемъ со всѣхъ концовъ

свѣта, лондонскимъ библейскимъ обществомъ получаемыхъ, объ успѣхахъ раздачи книгъ священныхъ; потомъ выписки сіи стали подробнѣе, съ примѣрами чудеснаго дѣйствія отъ чтенія слова Божія на внезапное обращеніе невѣрующихъ лицъ и, наконецъ, цѣлыхъ обществъ идолопоклонниковъ. Такимъ образомъ сдѣланъ нечувствительный переходъ отъ раздачи Библий къ ученію лондонскаго общества методистскихъ миссіонеровъ. Выписки сіи отчасу дѣлались подробнѣе и открытѣе и, наконецъ, читавшій ихъ обыкновенно Поповъ, предавшись всему жару сектаторства, началъ, подъ ихъ видомъ, читать весьма продолжительныя проповѣди въ семъ смыслѣ и въ такомъ восторгѣ, что иногда принужденъ былъ отирать слезы. Письма нѣкоего фонъ-Эсса, отпаднаго отъ католической церкви священника, волновавшаго симъ средствомъ умы въ Германіи и перегоняемаго въ разныя мѣста правительствами, составили главный предметъ восхищеній общества. Наконецъ захотѣли видѣть успѣхи пропаганды и въ Россіи. Стали получать или поддѣлывать подобныя чудесности въ письмахъ простыхъ крестьянъ къ библейскому обществу (не объявляя, что то были духоборцы, т. е. русскіе квакеры) и въ нихъ повѣствовались происшествія чрезвычайныя. Методистское общество ассигновало важныя суммы на поддержаніе русскаго библейскаго, дабы не замедлило оно своихъ успѣховъ по недостатку денегъ. Попову воздвигнуть памятникъ въ залѣ лондонскаго библейскаго общества, помѣщеніемъ его портрета, въ числѣ лицъ покровительствующихъ сему дѣлу. Подъ предлогомъ болѣзни, онъ самъ, сопровождаемый Патерсономъ, ѣздилъ въ Лондонъ и въ тамошнемъ библейскомъ обществѣ, при 4.000 человекъ, говорилъ на англійскомъ языкѣ рѣчь, въ которой объявилъ торжественно, что все наше духовенство сдѣлалось уже библейскимъ, что на семъ языкѣ значить: стремящимся къ реформѣ, методистами предлагаемой. Возвратясь, онъ въ отчетѣ путешествія своего такъ ясно изложилъ преимущество духовности англійской передъ нашею, что митрополитъ Серафимъ, чтеніе сіе слышавшій, наконецъ возразилъ, что печатать сего не можно.

Пріѣхали въ Россію англійскіе миссіонеры, и, въ числѣ ихъ, славный проповѣдникъ Нилъ (Knill), имѣвшій цѣлю отвлеченіе петербургскихъ англичанъ отъ англиканской церкви. Онъ открылъ свои собранія близъ ея, въ домѣ Сарептскаго общества и началъ, въ назначенные дни, проповѣдывать, при необычайномъ стеченіи англичанъ, нѣмцевъ и русскихъ, въ числѣ коихъ была и княгиня Мещерская, учредительница библейскаго общества въ Москвѣ и издательница переводовъ методистскихъ книжекъ, о коихъ будетъ говорено ниже.

Для отвлеченія католиковъ отъ ихъ церкви выписанъ Линдель, пламеннѣйшій методистъ, подъ одеждою католическаго священника.

Онъ учредилъ насильственнымъ образомъ, въ самой католической церкви, свои дни для открытаго проповѣданія противъ догматовъ католицизма. — Церковь въ сіи дни наполнялась одними методистами всѣхъ націй. Духовенство католическое, долго и тщетно жаловалось на сіе насильственное водвореніе у самыхъ алтарей его, раскольника, стремящагося ихъ низвергнуть. Угрозы изгнанія, по примѣру иезуитовъ, заставили его прибѣгнуть къ покровительству значительныхъ лицъ того-же исповѣданія, и, наконецъ, съ успѣхомъ, ибо пылкій и простершій слишкомъ далеко самонадѣянную свою дерзость Линдель опредѣленъ въ Одессу, въ надеждѣ, что тамъ, вдаль и не такъ гласно, пропаганда его ученія пойдетъ успѣшнѣе; но, вмѣсто того, встрѣтивъ тамъ италянцевъ, столь же горячихъ къ запитѣ папы, какъ онъ къ его ниспроверженію, онъ возбудилъ совершенное смятеніе въ церкви, гдѣ начали бросать въ него яблоками, и сей шумъ, а особливо личная его опасность, заставили удалить его за-границу.

Но на мѣстѣ его, въ Петербургѣ, явился Госнеръ, гораздо образованнѣйшій и, хотя не менѣе враждебный къ своей Церкви, но коварнѣйшій и, наружно, болѣе умѣренный.

Нѣмецкая лютеранская церковь, равнымъ образомъ, не оставлена въ покоѣ. Приѣхалъ Веттигеръ, суперъ-интендентъ новороссійскій, другъ и единомышленникъ Линделя (тотъ самый, который послѣ, укравъ казенную сумму, бѣжалъ въ Саксонію, гдѣ, года два тому назадъ, по требованію нашего правительства, пойманъ и посаженъ въ тюрьму). Онъ въ реформатской церкви Св. Анны завладѣлъ большой залой и началъ проповѣдывать методизмъ.

Такимъ образомъ, въ одно и то же время, всѣ положительныя вѣроисповѣданія испытали систематическое нападеніе методистовъ, т. е. духовнаго иллюминатства, и можно ли представить, чтобъ сіе такъ вышло случайно?

Всѣ духовныя іерархіи сихъ законныхъ иностранныхъ церквей протестовали противъ сего потрясенія положительныхъ ихъ исповѣданій, признанныхъ и покровительствуемыхъ правительствомъ; но тщетно, ибо жалобы ихъ устрашали высшія ихъ начальства, поклонявшіяся случайности и, по сей причинѣ, ничто не доходило до государя. Я могу о семъ, ежели будетъ нужно, рассказать много удивительнаго.

Одно англійское духовенство, поддерживаемое посольствомъ сей націи, въ отвѣтъ на опубликованный въ англійскихъ газетахъ отчетъ объ успѣхахъ миссіонеровъ методистской пропаганды въ Петербургѣ, отвѣчало весьма сильною и основательною статьею сей самой газеты, изъяснивъ, что безумно въ успѣхахъ миссіонерствъ, для идола поклонниковъ и дикихъ учреждаемыхъ, помѣщать Петербургъ и живущую въ немъ англійскую факторію. Не знаю, кто писалъ статью,

сію, но она очень примѣчательна и была, кажется, написана менѣе для Лондона, чѣмъ для Петербурга, дабы сими средствомъ довести свѣдѣніе сіе до государя; но вѣроятно никто не смѣлъ, по преобладавшему тогда духу, помѣстить ее въ газетной для его величества выпискѣ.

Всѣ сіи обстоятельства, ежели бы нужно было еще прояснить ихъ, могутъ весьма сильно быть доказаны—и особливо подтверждены духовенствами всѣхъ упомянутыхъ мною иностранныхъ исповѣданій, кои имѣли важную выгоду замѣчать ходъ сего гоненія.

То же общество завело тюреныя, поставивъ въ цѣли ихъ, подъ благовиднымъ предлогомъ занятія нравственностію заключенныхъ, чтеніе и толкованіе имъ Евангелія членами общества и раздачу въ тюрьмахъ тѣхъ назидательныхъ книжекъ, которыя издають методисты; ихъ переводила на русскій—княгиня Мещерская; а въ книжкахъ сихъ, самымъ заманчивымъ, для простолюдиновъ, образомъ, подъ видомъ чудесныхъ повѣстей, толковался непрестанно одинъ, слѣдующій догматъ методизма: «къ обращенію и спасенію самаго ожесточеннаго грѣшника не нужна ни церковь, ни ея таинства, а одно чудесное дѣйствіе Божіе», и сіе подкрѣплялось разными примѣрами.

Пропаганда сія имѣла такъ положительно сію цѣль, что когда одинъ изъ директоровъ тюремнаго общества предложилъ, въ полномъ его собраніи, о необходимости священниковъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій, для духовной помощи заключеннымъ; то одинъ изъ членовъ Синода возразилъ ему публично: «а члены-то общества на что?»—«Я не зналъ, что они могутъ исповѣдывать»,—отвѣчалъ директоръ и послѣ сего отвѣта предложеніе его принято.

Ланкастерскія школы обращены также въ механическое содѣйствіе методизму. По слѣдующему случаю: Гречъ, при заведеніи одной изъ сихъ школъ въ Петербургѣ, въ видѣ спекуляціи, для своей типографіи, составилъ общество для распространенія сихъ школъ и особенно таблицъ имъ для того напечатанныхъ, по всей Россіи, для деревень и войскъ, начиная съ гвардейскихъ до поселенныхъ и армейскихъ. При министерствѣ учрежденъ особенный комитетъ для содѣйствія сему дѣлу. Предсѣдатель сего комитета, заявленный врагъ иллюминатства, разсматривая таблицы Греча, примѣтилъ, что не только въ складахъ, ничего повидимому не могущихъ вмѣщать опаснаго, есть неприличное соединеніе словъ, напр.: императрица-перепелица—патріархъ-шутъ. Удивленный сею странностію, онъ обратилъ уже особенное вниманіе на таблицы чтенія и нашелъ: сила солону ломить. Воды и царь не удержитъ. Гдѣ сила тамъ законъ ничто. Сіе показалось ему, ежели не злонамѣреннымъ, то, по крайней мѣрѣ, не безопаснымъ въ школахъ для народа и солдатъ. Онъ представилъ сія усмотрѣнія. Они одобрены и по высочайшему повелѣнію приказано

запретивъ таблицы сія и отобравъ ихъ изъ всѣхъ школъ, военныхъ и другихъ, замѣнить приличнѣйшими; но тутъ, замѣчаніемъ сего противоборника методистовъ воспользовались методисты. Ихъ собственные таблицы переведены и одобрены къ повсемѣстному употребленію. Между тѣмъ, какъ замѣтить надобно, что то, чего не допустила у себя церковь англиканская, допускалось у насъ; ибо двѣ есть методы взаимнаго обученія: Ланкастера (квакера) и Беля (епископальной церкви). Первая имѣетъ свои таблицы, которыя состоятъ изъ мѣстъ, выбранныхъ изъ Евангелія и приуроченныхъ къ ученію квакеровъ и методистовъ; а вторая—таблицы, согласныя съ догматическимъ ученіемъ, не секты, а положительнаго англиканскаго исповѣданія.

Тщетно сей предсѣдатель комитета, столь грубо обманутый, кричалъ и писалъ, что ежели уже непремѣнно нужно спѣшить обученіемъ народа нашего и солдатъ чтенію (между тѣмъ, какъ и читать еще мало для нихъ безвреднаго), то возьмите одинъ механизмъ ланкастерскій и вставьте букварь и катехизисъ, въ которыхъ бы затверживались, по всей Имперіи, въ селахъ и полкахъ тѣ святыя догматы, которые посѣваютъ страхъ Божій, почтеніе и любовь къ его помазанныкамъ, покорность властямъ. Не только напрасны были вопли сіи, но и обратили на него, хотя еще не явное гоненіе, но послѣднюю попытку къ обращенію сего несноснаго уже обличителя—въ методисты!

Самъ Поповъ приступилъ къ сему миссіонерству. Послѣ многихъ привѣтливостей и довѣренныхъ откровеній, онъ сказалъ ему, что есть одно благочестивое общество, вооружающееся повсюду противъ невѣрія обуревающаго Европу (онъ не подозрѣвалъ, что сей профанъ зналъ тогда совершенно хорошо методизмъ и связь его съ иллюминатствомъ), что общество сіе истинныхъ христіанъ есть методистское, что оно имѣетъ разныя степени друзей и искреннѣйшихъ (*amis et intimes*)—но вѣроятно о высшихъ степеняхъ какихъ-либо главныхъ водителей онъ умолчалъ; что по особенному уваженію къ благочестію и отличнымъ дарованіямъ значительныхъ лицъ можно быть приняту прямо въ высшую (будто бы) степень *des intimes*, но что сіе не иначе возможно, какъ присягнувъ и въ чемъ же? «въ томъ, что и тогда, когда присягающій перемѣнитъ бы свой образъ мыслей насчетъ методистовъ, то не перестанетъ онъ, согласно съ видами ихъ общества, противно собственному убѣжденію, въ исполненіе своей присяги дѣйствовать». Скрывъ удивленіе отъ сей фанатической и неслыханной присяги его поразившее, обращаемый отвѣчалъ, что онъ никому, по догматамъ вѣры своей, кромѣ законной власти и въ случаяхъ ею опредѣляемыхъ, присягать не можетъ. Разговоръ кончился, но и кончилась терпимость методистовъ. Началось тайное преслѣдованіе, которое ожидало только случая къ совершенному погубленію человѣка тѣмъ болѣе опас-

наго, что ему доверены уже нѣкоторыя тайны общества, которыхъ онъ хранить не обязался.

Линдель возвѣщалъ, что за нимъ идетъ тотъ, кому недостойнъ онъ развязать сапога. Онъ выписанъ и прибылъ. То былъ Госнеръ. Для проповѣди его противъ папы и католицизма, сляло отворили для него двери обѣихъ католическихъ церквей, приходской и мальтійской, гдѣ я самъ его слышалъ, при величайшемъ стеченіи лютеранъ, методистовъ всѣхъ націй и въ томъ числѣ русскихъ. Сямъ неудовольствовались: въ домѣ графа Завадовскаго, на казенный счетъ нанята для него огромная квартира, за 4.000 рублей въ годъ. Надъ каедрою поставлена въ ознаменованіе, что и сей апостолъ есть еще только предтеча, большая картина Іоанна Крестителя, и около двухъ тысячъ слушателей, по подпискѣ, по 25 руб. съ каждаго (50.000 р. въ годъ), собраны для услышанія такихъ проповѣдей, въ которыхъ, подъ предлогомъ католическихъ, опровергались существенныя догматы церкви господствующей.

Наконецъ, лжеучитель сей, отъ часу болѣе предприимчивый, напечаталъ, на нѣмецкомъ языкѣ, свое толкованіе на Евангеліе, во многихъ мѣстахъ противное христіанскому ученію, а въ иныхъ открыто опровергающее божественность Спасителя. Изъясненіе его на Евангеліе Св. Маттея, переведенное, сколько помню теперь, Бирюковымъ, служившимъ тогда въ департаментъ просвѣщенія, и выправленное Поповымъ, на казенный счетъ напечатано, въ очень большомъ количествѣ, вѣроятно, для разсылки по училищамъ, но въ сіе самое время обличено предъ государемъ, по несчастію, такими людьми, которые, видя одинъ отрывокъ сего обширнаго дѣла, всей связи его не обнимали, а изучить ее въ порядкѣ и съ трудомъ не хотѣли, обращая такимъ образомъ дѣло Божіе и государственное въ нѣкоторый родъ личности и интриги. Книга, до появленія ея изъ типографіи, остановлена и по высочайшему повелѣнію сожжена. Госнеръ высланъ за границу и, послѣ многихъ походовъ, занимаетъ теперь какое-то мѣсто въ Берлинѣ. Поповъ и Бирюковъ преданы суду сената, обвинены и дѣло о нихъ, какъ я слышалъ тогда, поступило въ Государственный Совѣтъ⁴⁾.

Поповъ, сверхъ того велъ обширную, на нѣмецкомъ языкѣ, переписку со всѣми духовными иллуминатами изъ славнѣйшихъ въ Германіи, отъ Пестолоци до Бадера, который особенно забавлялъ петербургскихъ своихъ корреспондентовъ разными чудесностями магнетизма. Я видѣлъ, какъ при отбытіи Попова въ Англію, перевозили для надежнѣйшаго сохраненія два шкафа сего, повидимому, важнаго архива въ такое мѣсто, гдѣ онъ казался безопаснымъ.

⁴⁾ Сообщаемыя Магницкимъ свѣдѣнія не точны.

Изъ сей переписки составлялъ онъ своеручныя выписки, кои представлялись на дальнѣйшее усмотрѣніе.

Мнѣ показаны были двѣ изъ нихъ для устрашенія силою сей партіи. Я могу наименовать ихъ, ежели будетъ нужно.

Съ великими предпріятіями на правительство и лучшее общество Петербурга пріѣхала, отовсюду выгнанная, ш-ше Krüdner — предшествоваемая славою претерпѣнныхъ ею гоненій, за проповѣдываніе истины и особенно извѣстностью статьи одной изъ нѣмецкихъ газетъ, въ которой былъ напечатанъ справедливый или подложный разговоръ ея, о принятомъ ею участіи въ заключеніи священнаго союза—ручались за успѣхи ея въ Россіи. И дѣйствительно, едва она явилась, какъ множество къ ней поѣхало, особливо сектаторы всѣхъ родовъ. Она разсказывала посѣтителямъ довольно однообразно о высокихъ особахъ, у ней бывшихъ, указывала, весьма гордо и напыщено, тѣ мѣста, гдѣ стоя (якобы на колѣняхъ) онѣ съ нею молились. Говорила, съ жаромъ и краснорѣчиво, о наступленіи дней послѣднихъ и утверждала, что Наполеонъ есть антихристъ, такъ настоятельно, что даже когда было объявлено о его смерти, она не хотѣла ей вѣрить, и говорила, что онъ бѣжалъ къ туркамъ и отъ нихъ, предводительствуя всею Азією, опять явится.

Съ нею жилъ зять ея Бергеймъ и жена его, которая и теперь, съ главной ея ученицей, княгиней Голицыной (сестрой княгини Мещерской, урожденной Всеволожской) въ имѣніи коей, въ Крыму, умерла ш-ше Krüdner, живутъ еще тамъ, какъ слышалъ я, вмѣстѣ. Бергеймъ сей, тотчасъ опредѣленный въ службу, по разсказамъ сектаторовъ (послѣдователей?) ш-ше Krüdner, былъ однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ примѣровъ ея чудотвореній, получивъ исцѣленіе отъ смертной болѣзни, ея молитвою.

Вѣра въ нее была такъ сильна, что когда государь (неизвѣстно мнѣ почему) приказалъ выслать ее изъ города, то люди, къ нему самые приближенные, не устрашилися выставить ея портреты въ своихъ кабинетахъ и открыто ѣздить посѣщать ее, въ мѣстѣ изгнанія, за городомъ. Никогда иначе не могъ я изъяснить себѣ сего сектаторскаго фанатизма многихъ, самыхъ добрыхъ изъ нихъ, какъ тѣмъ, что не изучивъ основательно ни исторіи религіи и церкви своей, ни ея догматовъ и чувствуя, въ послѣдней половинѣ жизни, нужду въ пищѣ духовной, обращались они съ сею потребностію къ первому изъ окружавшихъ ихъ обманщику, который, злоупотребляя невѣдѣніе и довѣренность ихъ, ловилъ ихъ въ сѣти своей секты, обольщая, между тѣмъ, гордость ихъ легкимъ переходомъ отъ жизни совершенно чувственной и порочной къ высокой степени святости, ничего не разстраивая въ привычкахъ ихъ. Много примѣчательныхъ наблюденій имѣлъ я случай сдѣлать въ семъ отношеніи потому только, что разные сектаторы, зная во мнѣ

человѣка имъ непріязненнаго, въ теченіе семи лѣтъ трудились надъ зазывомъ меня въ свои союзы, рассказывая многое, какъ о себѣ, такъ и о другихъ.

Сверхъ того Попова, о которомъ говорилъ я подробно, было еще два, того же имени, сектатора: братъ его Григорій Поповъ, откуда-то имъ выписанный, и Гавріиль Поповъ, приставленный имъ къ Кошелеву и служившій опорой сему духовному и тѣлесному слѣпцу, въ Царскомъ Селѣ, на его прогулкахъ.

Время, о которомъ говорю я теперь, отъ 1815 г. до 1824 г., было самое блистательное въ владычествѣ сектаторства. Всѣ пути были имъ заграждены, всѣ главнѣйшія мѣста въ министерствахъ духовномъ и просвѣщенія заняты. Царство его такъ было твердо, что оно не утрашилось открыто знаменованъ свою силу грозными ударами гоненія.

Нѣкто Станевичъ (теперь, кажется, гдѣ-то директоромъ гимназій), служившій тогда въ канцеляріи статсъ-секретаря Кикина, издалъ книгу: «Плачь надъ громомъ младенца». Сочиненіе довольно ничтожное, по весьма посредственному дарованію и тяжелому его слогу, но примѣчательное только по нѣкоторымъ истинамъ въ пользу православія и сильнымъ выходкамъ противъ духовныхъ сектъ. Мѣста сіи немедленно примѣчены сектаторскою полиціею и указаны ею Кошелеву. Духовный цензоръ, архимандритъ Иннокентій призванъ къ высшему начальству для допроса: «по недосмотрѣнію или намѣренно онъ пропустилъ сію книгу?» Бѣдный инокъ сей (сочинитель лучшей исторіи нашей церкви) чрезвычайно немогущій отъ примѣрно строгой жизни, слишкомъ вѣрующій и добродѣтельный, чтобы предать истину, которою святость въ сіи времена гоненій для друзей ея наиболѣе дорога, отвѣчалъ небоязненно: «съ намѣреніемъ, ибо самъ убѣжденъ въ томъ же мнѣніи». Въ тотъ же день Станевичъ схваченъ полиціею и посланъ въ изгнаніе. Книга его изъ лавокъ и даже изъ частныхъ домовъ, какъ самое опасное сочиненіе, отобрана и такъ истреблена подъ личнымъ надзоромъ Тургенева, что когда, по минованіи сего времени, въ 1824 году Станевичъ вызванъ государемъ, вознагражденъ и опять опредѣленъ въ службу, а книгу его приказано на счетъ его величества напечатать, то въ цѣломъ городѣ не могли найти ни одного экземпляра. Архимандритъ Иннокентій нареченъ епископомъ въ Оренбургъ, для ссылки его туда и потомъ, по многимъ просьбамъ и въ видѣ помилованія, назначенъ въ Пензу; но сраженный семи насиліями занемогъ въ Москвѣ, нуждаясь въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ, коихъ бы и не имѣлъ безъ призрѣнія графини Орловой. Доѣхавъ до Пензы и вслѣдствіе сей болѣзни скоро скончался, жертвою гоненій такой секты, которая непрестанно проповѣдуетъ терпимость. Не буду упоминать здѣсь ни о квакерахъ, заведшихъ въ Петербургѣ

свои училища, ни о поселеніи ихъ на царскосельской дорогѣ, подѣ особеннымъ покровительствомъ и начальствомъ тайнаго совѣтника Джунковскаго, давнишняго методиста, но долженъ говорить о самой вредной и нелѣпой сектаторкѣ Татариновой. Ей позволено жить въ тогдашнемъ Михайловскомъ замкѣ, дабы могла безопаснѣе отъ полиціи распространять свое общество. Занятіе его состояло въ какомъ-то особенномъ родѣ магнетизма. Люди, къ нему приготовленные, входили въ собраніе и помощью быстрого круженія поодиночкѣ, а иногда и вмѣстѣ, до пѣны у рта и безпамятства, изнемогая въ какомъ-то странномъ родѣ изступленія, пророчествовали для знатныхъ посѣтителей вещи, самыя для нихъ пріятныя, а для прочихъ, что случится. Славнѣйшимъ изъ сихъ вѣщунъ о вѣ былъ какой-то барабанщикъ. Кошелевъ съ друзьями и племянницею (Татищевой), Галаховъ, Поповъ и одинъ изъ племянниковъ графа Милорадовича, который чуть было не сошелъ съ ума отъ углубленія въ гнусныя тайны сего общества, въ которое вовлеченъ онъ былъ усерднѣйшимъ помощникомъ и другомъ Татариновой, Пилецкимъ, который былъ тогда секретаремъ тюремнаго общества. Отецъ Милорадовича, узнавъ о несчастномъ положеніи сына, прискакалъ изъ Малороссіи (онъ зять графа Кочубея), хотѣлъ увезти его съ собою, но, кажется, не успѣлъ въ томъ, и сей молодой человекъ, ежели не ошибаюсь, вскорѣ умеръ. Священникъ Маловъ, весьма покровительствуемый тогда Кошелевымъ, былъ членомъ сего общества.

Старинный учитель Татариновой, какой-то престарѣлый скопецъ, жившій гдѣ-то въ предмѣстіяхъ Петербурга, почитался вначалѣ патриархомъ сей секты. Поповъ и прочіе почитатели его ѣздили принимать отъ него благословеніе, цѣловали руку и получали какія-то просвирки. У него были также собранія. Онъ назывался въ обществѣ своемъ и с к у п и т е л е м ѣ. Пѣли духовныя пѣсни и какая-то женщина пророчествовала. Онъ поссорился съ Татариновой и до того былъ гонимъ сею случайно сектаторкою, что, наконецъ, схваченъ и отвезенъ въ Соловецкій или другой монастырь. (Дѣло сіе весьма извѣстно бывшему тогда оберъ-полиціймейстеру Горголи) ¹⁾.

Въ то время, какъ Феслеръ жилъ въ своемъ саратовскомъ изгнаніи, канцлеръ графъ Румянцевъ случайно его тамъ увидѣлъ. Возвратясь въ Петербургъ и величая его предъ государемъ великимъ и славнымъ въ Европѣ человекомъ, онъ успѣлъ склонить его величество на позволеніе ему пріѣхать въ Петербургъ. Такимъ образомъ все прошлое забыто и онъ явился опять на зрѣлище публичной дѣятельности. Иллюминать его ложи, бывший тогда директоромъ царскосельскаго пансіона Гогеншильдъ,

¹⁾ Въ разсказѣ этомъ много неточностей. О Татариновой см. „Русскую Старину“ 1895 г., № 10—12; 1896 г. № 1 и № 2.

ввелъ его въ милость Кошелева и въ самое короткое время, сей опасный сектаторъ опредѣленъ суперъ-интендендомъ въ Саратовъ надъ всѣми тамошними колоніями, надъ ихъ 120-ю училищами и 10-ю губерніями. Онъ ввелъ тамъ самовольно особеннаго рода обряды, состояще изъ литургіи его сочиненія, напечатанной въ Германіи, которой въ лютеранскомъ исповѣданіи совсѣмъ нѣтъ. Протестантское духовенство вѣранныхъ ему губерній много на сіе роптало, но не смѣло жаловаться, зная связи его въ высшемъ правительствѣ.

Онъ, кажется, сохраняетъ сношеніе свое съ германскими иллюминатами чрезъ сына, который ежели не живетъ теперь, то недавно жилъ въ Германіи.

Симъ закрылось для меня зрѣлище духовнаго иллюминатства въ теченіе пяти лѣтъ.

Сообщ. Н. К. Шильдеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воцареніе императора Николая I-го ¹⁾.

(Изъ дневника Г. И. Вилламова).

Декабря 13-го, воскресенье. Императрица объявила намъ незадолго до обѣда, что вчера полученъ отвѣтъ отъ Константина на увѣдомленіе о принесенной ему здѣсь присягѣ, что онъ не измѣняетъ своего рѣшенія и что вслѣдствіе этого сегодня вечеромъ Николай будетъ провозглашенъ въ Совѣтѣ императоромъ. Императрица приказала намъ быть тамъ въ 8 часовъ, чтобы находящіеся при ней лица могли его поздравить въ числѣ первыхъ.

Она написала къ императрицѣ Елисаветѣ, извѣщая ее объ этомъ событіи, и поручила мнѣ показать это письмо Николаю въ его Анничковскомъ дворцѣ и спросить, не желаетъ-ли онъ что-нибудь въ немъ добавить. Въ ожиданіи, пока послали за каретой, я сѣлъ за столъ въ нашемъ обыкновенномъ обществѣ и имѣлъ время съѣсть супу, нѣсколько устрицъ и икры. Я отправился къ Николаю, который вполне одобрилъ письмо и сказалъ мнѣ, что придетъ лично поблагодарить свою мать. Я нашелъ еще нашихъ господъ за столомъ и могъ еще съѣсть немного мяса. Послѣ того я сталъ снимать копія съ писемъ, а затѣмъ явился къ императрицѣ.

Наконецъ, послѣ того какъ она отправила нѣсколько бумагъ, прибылъ Николай, сопровождаемый супругой, одѣтой уже въ бѣлое платье. Около 8 часовъ императрица отправилась къ Николаю. Члены Совѣта собрались, но мы узнали, что ожидаютъ возвращенія Михаила, чтобы открыть засѣданіе. Послѣдній провелъ все это время въ Неннагѣ, станціи по Варшавской дорогѣ, въ ожиданіи Богъ знаетъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь, 1899 г.

чего. Такъ какъ до Ненналя 270 верстъ, а курьеръ могъ быть посланъ за нимъ лишь вчера послѣ д. ч., то мы разсчитали, что Михаилъ не можетъ прибыть сегодня сюда къ 10 часамъ. Императрица прислала намъ (Альбедилю, Самарину, Новосильцову, Фридрици, Рюлю и мнѣ) сказать, что если мы желаемъ идти домой, то можемъ это сдѣлать, такъ какъ придется долго ждать. Она приказала принести себѣ подушку и шаль, чтобы прилечь на диванѣ у Николая. Мы рѣшили остаться, но Рюль ушелъ домой. Наконецъ, въ полночь Альбедиль пошелъ въ свою комнату, а мы остались въ недоумѣніи, должно ли еще ждать, такъ какъ было весьма возможно, что Михаилъ могъ прибыть только на другой день утромъ. Новосильцовъ пошелъ за справками и сообщилъ намъ, что засѣданіе началось уже четверть часа назадъ, т. е. въ полночь. Наконецъ, въ три четверти часа по полуночи появилась императрица съ новымъ императоромъ и новой императрицей. Мы стали ихъ поздравлять, и Николай сказалъ: «Меня несчѣмъ поздравлять, обо мнѣ сожалѣть должно» ¹⁾. Наконецъ императрица насъ отпустила. Нарышкинъ намъ сообщилъ, что завтра будетъ приказъ, что императоръ сохраняетъ шифръ «А» генераль-адъютантамъ; что солдаты Государевой роты, находящіяся на дѣйствительной службѣ, будутъ имѣть особый знакъ; что мундиры гарнизонныхъ полковъ покойнаго императора будутъ розданы этимъ полкамъ, что имъ будетъ навѣрно пріятно. Завтра синодъ и сенатъ соберутся въ семь часовъ въ соединенное засѣданіе для принесенія присяги; войска принесутъ присягу тоже около 7 часовъ; въ 2 ч. во дворцѣ будетъ благодарственное молебствіе. Возвратившись домой, около часу ночи, я узналъ, что Артемій ²⁾ получилъ приказъ явиться завтра утромъ въ полной парадной формѣ къ своей части и не знаетъ по какому это поводу. Вотъ, наконецъ, наша судьба рѣшена! Дай Богъ, чтобы завтра присяга войскъ произошла такъ же тихо и въ добромъ порядкѣ.

Декабря 14-го, понедѣльникъ. Я отправился во дворецъ и шелъ въ передней Новосильцова, который читалъ манифестъ императора Николая I со всѣми приложениями: первымъ отреченіемъ Константина съ отвѣтомъ покойнаго императора и его манифестъ, а также послѣднія письма Константина къ матери и брату Николаю. Манифестъ очень хорошъ и въ общемъ представляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ историческихъ памятниковъ: это единственный примѣръ, что два брата спорять между собою не о томъ, чтобы отнять престолъ другъ у друга, а о томъ, чтобы уступить его. Узнавъ затѣмъ, что многіе уже прине-

¹⁾ Въ подлинникѣ слова эти записаны по-русски.

²⁾ Второй сынъ Вилламова, Артемій Григорьевичъ, подпоручикъ гвардейской артиллерійской бригады.

сли присягу, я отправился съ Хилковымъ въ церковь и тамъ мы также присягнули. Возвращаясь изъ церкви, я рассказалъ Хилкову о предсказаніи, которое приписывали одному астраханскому священнику добавивъ: «Слава Богу, въ данномъ смыслѣ предсказаніе не исполнилось, такъ какъ слышно, что гвардія принесла присягу безъ замѣнательствъ». Это предсказаніе, которое рассказывали вчера дома, гласитъ, что Константинъ не надолго останется императоромъ, но что въ день вступленія на престолъ Николая въ Петербургѣ будетъ кровопролитіе. Затѣмъ пришло еще нѣсколько лицъ и рассказывали, что императоръ, сойдя на дворцовый дворъ, былъ окруженъ народомъ, который цѣловалъ его руки, одежду, кричалъ «ура!», которое слышно было даже въ покояхъ императрицы, что многіе проливали слезы, что императоръ обнималъ нѣкоторыхъ стариковъ изъ толпы, что наконецъ проявился невыразимый энтузіазмъ. Затѣмъ мнѣ сказали, что императоръ, явившись на дворцовый дворъ, приказалъ гвардейцамъ, которые находились тамъ, зарядить ружья.

Фридеричи пришли отъ императора за манифестомъ и говорятъ, что императоръ читалъ его народу. Между тѣмъ, меня позвала императрица и выразила свое неудовольствіе по поводу этого чтенія. Слышны были новыя восклицанія «ура!» и затѣмъ звуки барабана. Императрица приблизилась къ окну; мы увидѣли войска въ шинеляхъ и фуражкахъ: оказалось, что это былъ первый баталіонъ Преображенскаго полка. Императоръ сѣлъ на лошадь. Новосильцовъ, вошедши къ императрицѣ и рассказывая о чтеніи императоромъ народу манифеста, увѣрялъ, что дѣйствіе, произведенное этимъ чтеніемъ, было прекрасное; я добавилъ, по рассказамъ другихъ, что проливали слезы и что энтузіазмъ былъ всеобщій. Между тѣмъ, преображенскій баталіонъ, построенный въ колонну, зарядилъ ружья. Императрица спросила, что это значитъ? Новосильцовъ отвѣтилъ, что это сдѣлано, вѣроятно, потому, что присягу приносятъ обыкновенно съ заряженными ружьями. Но баталіонъ двинулся по направленію къ Адмиралтейству, предшествуемый императоромъ, сидѣвшимъ на конѣ. Прибылъ принцъ Евгений ¹⁾ и, по порученію императора, сообщилъ императрицѣ, что произошелъ бунтъ въ Московскомъ полку. Я удалился, за мной послѣдовалъ Новосильцовъ. Естественно, что императрица была страшно поражена. Прибыла также молодая императрица. Узнали, что двѣ роты Московскаго полка отказались принести присягу и требовали Константина; что командиръ полка, генералъ Фридериксъ, былъ раненъ (го-

¹⁾ Принцъ Евгений Виртембергскій, племянникъ императрицы Маріи Теодоровны, генералъ адъютантъ, герой 1812 г. Заняски его о 14 декабря напечатаны въ „Рус. Архивъ“ 1878 года, I, 330.

ворять даже убить) офицеромъ полка Бестужевымъ, который сначала выстрѣлилъ въ него, а затѣмъ, когда пуля пролетѣла мимо, но не попавъ, ударилъ его саблей въ голову и повалилъ на землю ¹⁾; что затѣмъ эти двѣ роты двинулись съ барабаннымъ боемъ къ сенату и выстроились во фронтъ передъ сенатомъ въ оборонительномъ положеніи. Туда именно направился императоръ съ Преображенскимъ баталіономъ. Скоро мы увидѣли, какъ мимо дворца прошли другіе полки: Павловскій, Конной гвардіи и Гренадерскій, направляясь въ ту же сторону. Узнали затѣмъ, что когда Гренадерскій полкъ прибылъ на Петровскую площадь, то двѣ первыя роты перешли на сторону мятежниковъ. Когда они проходили около Фридрици, онъ слышалъ, какъ солдаты говорили, что идутъ за Константина, и увѣдомилъ о томъ генераль-адъютанта Кутузова. Императоръ употреблялъ всевозможные способы кротости, чтобы привести упорствующихъ къ повиненію, но все было напрасно. Командующій Гренадерскимъ полкомъ Стюрлеръ былъ тяжело раненъ. Графъ Милорадовичъ, выступивъ впередъ, чтобы говорить съ войсками, былъ пораженъ пулей, которая попала ему подъ 9 ребро и вышла между 5 и 6 съ другой стороны; рана была признана смертельною. Генералу Шеншину поврежденъ черепъ: рана его подобна той, которая нанесена была ранѣе генералу Фридриксу, который однако не былъ убитъ. Гвардейскіе піонеры при натискѣ на мятежниковъ потеряли двухъ человекъ убитыми и нѣсколько ранеными. Посылали къ нимъ даже митрополита съ крестомъ, но напрасно. Наконецъ императоръ, испробовавъ всѣ мѣры кротости, согласился двинуть артиллерию. Между прочимъ, нѣкто Якубовичъ, личность извѣстная по черной повязкѣ, которую онъ носилъ на головѣ, будто бы расчѣненной, отдѣлился отъ мятежниковъ и прошелъ просить прощенія у императора, который, желая дать ему случай загладить свою вину, послалъ его уговорить мятежниковъ покориться; но онъ вернулся, говоря, что ничего не могъ достигнуть. Наконецъ мы увидѣли артиллерию, которая, по нашему мнѣнію, должна была быть приведена съ самаго начала и могла однимъ своимъ появленіемъ устроить упорныхъ. Между тѣмъ день склонялся къ вечеру, и лишь тогда мы услышали нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ.

Императоръ хотѣлъ приказать стрѣлять холостыми зарядами, но кн. Трубецкой основательно возразилъ ему, что если необходимо прибѣгнуть къ помощи артиллеріи, то надо стрѣлять картечью; иначе мятежники станутъ смѣяться. Картечь сразу разогнала мятежниковъ, число которыхъ между тѣмъ увеличилось еще присоединеніемъ нѣкоторыхъ частей Финляндскаго полка и (гвардейскаго) морского экипажа и простиралось отъ

¹⁾ Какъ это, такъ и послѣдующія свѣдѣнія относительно лицъ и дѣйствій войскъ не точны и требуютъ поправки.

1.000 до 1.500 человекъ. Были и убиты. Часть бросилась въ сторону Васильевскаго острова, другая въ количествѣ отъ 100 до 150 человекъ бѣжала въ дома по Англійской набережной, а большая часть бросила свое оружіе. Наконецъ все было кончено, и императоръ возвратился во дворецъ въ 6 часовъ. Въ 7 часовъ отслужено было благодарственное молебствіе, на которое во дворецъ собрались всѣ чины еще съ 2 часовъ дня. Въ малой передней императрицы великій князь Михаилъ, рассказывая о происшествіяхъ дня, сказалъ, между прочимъ, глядя на меня, что конная артиллерія была также замѣшана, и мой сынъ также. Я высказалъ удивленіе; тогда великій князь приблизился ко мнѣ и сказалъ, что сынъ мой отказался принести присягу. Я отвѣтилъ, что это невозможно. «Это я вамъ говорю», возразилъ онъ, добавивъ, что отказалось присягнуть шесть человекъ. Я отправился потомъ къ великому князю Михаилу, и онъ объяснилъ мнѣ, что артиллеріи читалъ манифестъ сынъ мой, но когда начали приносить присягу, то одинъ изъ офицеровъ, Лукинъ, воскликнулъ, что все это ложь, что манифестъ—подложный, и вслѣдъ затѣмъ они всѣ отказались присягать; великій князь убѣждалъ ихъ, выражалъ имъ удивленіе, что они могли сомнѣваться въ актѣ, говоря Гагарину, что, такъ какъ этотъ актъ исходитъ изъ Сената, а его отецъ сенаторъ, то онъ обвиняетъ и его въ совершеніи подложнаго акта, а моему сыну сказалъ, что его отецъ принялъ присягу и т. д. Я отвѣтилъ на это великому князю, что сынъ мой не видѣлъ меня сегодня весь день и, слѣдовательно, ничего не знаетъ; что я искренно благодарю великаго князя за сообщеніе мнѣ этихъ подробностей, такъ какъ теперь я могу объяснить образъ дѣйствій сына, будучи увѣренъ въ его принципахъ. Великій князь прибавилъ, что императоръ велѣлъ возвратитъ сабли моему сыну и другимъ офицерамъ, но что они еще находятся подъ арестомъ. Когда пришелъ князь Гагаринъ, великій князь сказалъ ему почти то же, добавивъ, что, наконецъ, они принесли присягу одновременно съ великимъ княземъ и что они рассказывались въ своей глухости; великій князь сказалъ однако Гагарину, что онъ не замѣтилъ въ его сынѣ такого чистосердечнаго раскаянія, какъ у другихъ, и затѣмъ упомянулъ о необходимости перевода его въ армію. Все это происходило передъ благодарственнымъ молебствіемъ.

Когда я возвратился въ апартаменты императрицы, мнѣ сказали, что она меня спрашивала. Я вошелъ въ ея покои. Она произнесла маленькое предисловіе, спросивъ, имѣю ли я достаточно твердости и т. д., и рассказала мнѣ все происшедшее съ моимъ сыномъ. Въ отвѣтъ на это я сообщилъ императрицѣ все то, что мнѣ рассказывалъ великій князь, повторая ей, что за чистоту намѣреній и убѣжденій сына я отвѣчаю.

Послѣ благодарственнаго молебствія мы обѣдали около 8 часовъ. Намъ приказано было провести ночь во дворцѣ. На Дворцовой площади распо-

ложены были бивуакомъ войска, поставлены пушки и зажжены костры; въ концѣ концовъ мы были какъ бы въ осадномъ положеніи. Зрѣлище это внушало ужасъ. Я спросилъ великаго князя, могу ли я видѣть сына, и получилъ отказъ; онъ просилъ меня даже не пытаться его видѣть при настоящихъ обстоятельствахъ. Отправляясь въ церковь, я встрѣтилъ семейство Христіани¹⁾ и мы разговаривали о моемъ сынѣ; они находили тоже невозможнымъ, чтобы онъ желалъ отказаться отъ присяги. Фридераци, Хилковъ и я провели ночь въ канцеляріи.

Декабря 15-го, вторникъ. Я написалъ вчера своей женѣ, прося ее прислать мнѣ карету, но она не могла этого сдѣлать. Не дождавшись кареты, я отправился домой пѣшкомъ и нашелъ свою семью въ безпокойствѣ по поводу вчерашней исторіи и ареста нашего добраго Артемія, лучшаго и милѣйшаго существа. Умывшись и приведя себя въ порядокъ, я одѣлся въ полную парадную форму и вернулся во дворецъ.

Отрядъ гвардейскаго экипажа, принесъ свое раскаяніе и совершивъ присягу, собрался передъ Адмиралтействомъ, и здѣсь императоръ объявилъ ему прощеніе и возвратилъ знамя. Затѣмъ, къ великому нашему удовольствію, войска и пушки оставили Дворцовую площадь.

Арестовано много офицеровъ, которые, повидимому, принимали участіе въ обширномъ заговорѣ и для которыхъ отказъ въ присягѣ служилъ только поводомъ къ тому, чтобы произвести замѣшательство. У нѣкаго князя Трубецкаго, прикомандированнаго ко 2-му армейскому корпусу, въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера—нашли проекты конституціи. Въ числѣ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ, находились князь Одоевскій, изъ Конной гвардіи, племянникъ Д. С. Ланскаго по женѣ, морякъ князь Оболенскій, князь Щепинъ-Ростовскій, одинъ изъ первыхъ поднявшихъ бунтъ въ Московскомъ полку, четыре брата Бестужевы, изъ которыхъ одинъ былъ издателемъ альманаха: «Сѣверная Звѣзда»²⁾ и проч. и проч.

Великій князь Михайлъ приказалъ мнѣ прійти къ нему въ 8 часовъ вечера во ф р а к ѣ. Императрица повторила мнѣ это приказаніе. Лишь только я окончилъ у нея свою работу, я отправился къ великому князю; онъ въ это время садился обѣдать: было 8 часовъ. Ожидали также князя Гагарина, который наконецъ и явился. Генераль Сухожанеть приблизился къ намъ въ пріемной и сталъ насъ успокаивать насчетъ нашихъ сыновей, увѣряя, что они не были виновны, а были лишь вве-

¹⁾ Полковникъ Хр. Хр. Христіани, влослѣдствіи начальникъ инженернаго училища.

²⁾ „Полярная Звѣзда“.

дены въ заблужденіе, и что виновенъ нѣсколько одинъ только Коновницкій, ихъ товарищъ¹⁾.

Наконецъ великій князь приказалъ намъ войти къ нему и сказалъ, что проведетъ къ арестованнымъ нашимъ сыновьямъ, прося насъ не обнимать ихъ, что онъ насъ оставитъ съ ними и выйдетъ, запретивъ слѣдовать за собой. Мы отправились. Гагаринъ повезъ меня въ своей каретѣ. Въ казармахъ 1-й бригады пѣшей артиллеріи насъ провелъ къ нашимъ узникамъ. Великій князь сказалъ имъ, чтобы они краснѣли въ присутствіи своихъ отцовъ. Когда онъ уѣхалъ, я сталъ спрашивать своего бѣднаго Артемія о происшедшей исторіи. Оказывается, что ихъ ни о чемъ не предупредали, дали прочесть манифестъ, что и сдѣлалъ мой сынъ, и послѣ того: «извольте присягать». Они хотѣли спросить у полковника объясненій и его подтвержденія, что все это истинно. На первомъ же словѣ онъ воскликнулъ: «вы не хотите присягать». Они отвѣчали, что не отказываются принести присягу, но желаютъ имѣть подтвержденіе; что если великій князь Михаилъ прикажетъ имъ принести присягу, то они готовы повиноваться. Полковникъ не далъ имъ говорить, заподозривъ ихъ въ мятежныхъ умыслахъ и хотѣлъ ихъ арестовать. Часть офицеровъ присагнула, а семеро не были вовсе приведены къ присягѣ. Они направились къ казармамъ, но ихъ не пускали туда, требуя, чтобы они отдали свои сабли. Прибылъ генералъ Сухозанетъ, и они ему изложили дѣло; онъ ушелъ и пришелъ съ отвѣтомъ, что императоръ приказываетъ имъ отдать свои сабли. Между тѣмъ прибылъ великій князь Михаилъ, сдѣлалъ имъ выговоръ, указалъ Гагарину и моему сыну на примѣръ ихъ отцовъ, и мой сынъ отвѣтилъ, что онъ еще не видѣлся со мною. Наконецъ они, одновременно съ великимъ княземъ, принесли присягу.

Я представилъ Артемію всю неосновательность сомнѣній въ достовѣрности свѣдѣній, заключавшихся въ манифестѣ тѣмъ болѣе, что до него уже доходили слухи объ отказѣ Константина отъ короны. Артемій замѣтилъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, что постоянно ожидали скорого прибытія Константина, а потому, когда онъ получилъ приказъ, быть въ 7 часовъ утра при своей части, онъ полагалъ, что Константинъ уже прибылъ и желаетъ произвести имъ смотръ и пр. и пр. Гагаринъ узналъ отъ своего сына тѣ же подробности. Наконецъ мы покинули своихъ бѣдныхъ дѣтей, вполне убѣжденные въ чистотѣ ихъ намѣреній и въ томъ, что поведеніе ихъ было

¹⁾ Графъ Петръ Петровичъ, декабристъ, сынъ воспитателя великаго князя Николая Павловича и героя Отечественной войны, гр. Петра Петровича генерала-отъ-инфантеріи.

слѣдствіемъ не какихъ-либо замысловъ, а колебанія, имѣвшаго свою похвальную сторону и оправдываемаго обстоятельствами и образомъ дѣйствій лицъ, съ которыми имъ пришлось имѣть дѣло.

Возвратившись во дворецъ, я былъ позванъ къ императрицѣ и разсказалъ ей о своей поѣздкѣ. Она приказала мнѣ явиться къ великому князю; ему я высказалъ, что я объяснилъ своему сыну всю неразумительность сомнѣній, которыя питалъ онъ, но что я спокоенъ за его убѣжденія. Въ концѣ концовъ великій князь указалъ мнѣ на то, что послѣ всего происшедшаго сынъ мой не можетъ уже оставаться въ гвардіи, — «впрочемъ, увидимъ». Я возвратился къ императрицѣ и сообщилъ ей эти послѣднія слова великаго князя, указывавшія на предстоящее пониженіе сына моего по службѣ. Видя мое волненіе, императрица разрѣшила мнѣ уѣхать домой и поручила Новосильцову снять копию съ написанныхъ ею писемъ. Такимъ образомъ я могъ возвратиться домой, но домашнимъ я не сказалъ того, что великій князь говорилъ мнѣ о переводѣ Артемія въ армію.

Мы весьма сожалѣли, что въ воскресенье не разбудили нашего бѣднаго Артемія, такъ какъ тогда обстоятельства бы выяснились для него, и эта прискорбная исторія была бы предупреждена.

Декабря 16-го, среда. Утромъ Алединскій¹⁾ мнѣ сказалъ, что наши молодые люди получили прощеніе и будутъ освобождены въ теченіе того дня. Императрица сообщила мнѣ, что императоръ объявилъ прощеніе Коновницину ради заслугъ покойнаго отца, но отослалъ его къ матери²⁾, чтобы она его высѣкла (*afin qu'elle le fouetta*), такъ какъ Коновницинъ велъ себя какъ повѣса (*polisson*) и не только возбуждалъ артиллерійскихъ солдатъ, но вызвалъ также сопротивленіе среди саперовъ и другихъ частей. Это дало мнѣ увѣренность, что милость, оказанная Коновницину, должна обезпечить такую же и по отношенію къ нашимъ сыновьямъ, которые въ сущности не были виновны. Наконецъ вечеромъ я былъ призванъ къ великому князю Михаилу. Его адъютантъ, Ушаковъ, сказалъ мнѣ, что императоръ видѣлъ нашихъ арестантовъ, обнялъ ихъ и сказалъ, что онъ на нихъ рассчитывалъ болѣе, чѣмъ на другихъ. Наконецъ, мнѣ приказали войти, и великій князь сказалъ, что я могу теперь обнять своего сына, что онъ мнѣ возвращаетъ его невредимымъ, оставляя при немъ его саблю и службу въ гвардіи, какъ прежде. Итакъ я обнялъ дорогого своего мальчика и сказалъ великому князю, что онъ, конечно, будетъ стараться заслужить и что ручаюсь за него. Всѣ прочіе присутствовали при этомъ, а равно

¹⁾ Александръ Павловичъ, генералъ-лейтенантъ, находившійся въ свитѣ новаго императора.

²⁾ Графиня Анна Ивановна, урожд. Корсаковой († 1849 г.).

Сухозанеть и Чичеринъ. Я возвратился къ императрицѣ и благодарилъ ее и великаго князя, находившагося въ ея кабинетѣ. Великій князь сказалъ своей матери, что нужно сознаться, что съ офицерами поступилъ не вполне цѣлесообразно, и сталъ рассказывать о случившемся, въ тотъ моментъ, когда я уходилъ. Только въ часъ ночи я могъ возвратиться домой и нашелъ своихъ довольными возвращеніемъ добраго Артемія, который, страдая глазами, пошелъ прилечь. Императрица вызывала меня и сообщила о помилованіи сына, въ присутствіи великаго князя во время обѣда.

Декабря 17-го, четвергъ. Утромъ, за завтракомъ, я опять увидѣлъ своего добраго Артемія, который мнѣ рассказалъ нѣсколько подробностей о своей исторіи; изъ нихъ я увидѣлъ, насколько полковникъ худо повелъ дѣло. Когда великій князь спросилъ солдата, кому онъ присягалъ, и не получилъ отвѣта, онъ спросилъ, кому онъ присягалъ раньше?

— Императору Константину Павловичу!

— А теперь?

На это не послѣдовало никакого отвѣта. «Вотъ, какъ вы имъ объяснили!» сказалъ великій князь, обратившись къ начальникамъ отдѣльныхъ частей.

Императоръ, обнявъ Артемія и его товарищей и обойдясь съ ними особенно ласково, сказалъ:

— Я вижу, господа, что имѣю въ вашемъ лицѣ офицеровъ, которые не шутятъ съ присягой, и я рассчитываю на васъ болѣе, чѣмъ на другихъ!

Такимъ образомъ они не прощены, а оправданы.

Я провелъ день, какъ обыкновенно, во дворцѣ. Въ газетѣ находятся имена семнадцати новыхъ генералъ-адъютантовъ. Въ числѣ ихъ старый генералъ Войновъ, командующій гвардейскимъ корпусомъ, Сукинъ, генералъ-отъ-инфантеріи, а также Воропановъ и Шиповъ, лишь прошедшимъ лѣтомъ произведенные въ генералъ-майоры. Между новыми флигель-адъютантами находится Павелъ Ланской, изъ Конной гвардіи. Сегодня прибылъ курьеръ изъ Таганрога (т. е. между 2 и 3 час. ночи), и я получалъ письмо Александра съ приложеніемъ церемоніала перенесенія тѣла покойнаго императора въ греческій монастырь Александра въ Таганрогѣ. Онъ упоминаетъ о письмѣ своемъ отъ 10-го числа, котораго я еще не получалъ. Я возвратился домой въ часъ пополуночи и приготовилъ нѣсколько писемъ и записку, между прочимъ о назначеніи Озерова почетнымъ опекуномъ въ Москву. Я легъ въ 3¼ час. Утромъ приходилъ ко мнѣ сынъ Эндена ¹⁾, чтобы сказать, что отецъ

¹⁾ Контролеръ при Петербургскомъ опекуномъ совѣтѣ, завѣдывавшій контрольной экспедиціей Воспитательнаго дома.

вчера сильно заболѣлъ. Я отправился къ нему и нашелъ его уже въ лучшемъ состояніи.

Декабря 18-го, пятница. Какъ обыкновенно, я провелъ день во дворцѣ. Сегодня говорятъ, что это князь Оболенскій убилъ Милорадовича ¹⁾; что выстрѣливъ въ него, онъ вырвалъ штыкъ у солдата и нанесъ еще одинъ ударъ; что Кюхельбекеръ ²⁾ хотѣлъ выстрѣлить въ великаго князя изъ пистолета, но былъ удержанъ матросомъ изъ гвардейскаго экипажа; прибавляютъ, что великій князь узналъ этого матроса въ крѣпости, объявляя помилованіе императора матросамъ гвардейскаго экипажа, и общалъ ему награду за спасеніе своей жизни.

Почта изъ Таганрога прибыла и принесла письмо императрицы Елизаветы и письмо князя Волконскаго къ императрицѣ-матери, а также одно письмо ко мнѣ съ приложеніемъ церемоніала перенесенія тѣла. Найдя случай, я приносилъ государю благодарность за милость, оказанную моему сыну. Государь отвѣтилъ, что это не есть милость, что Артемій и его товарищи вполне оправданы. Я объяснилъ, что для меня драгоцѣннѣе всего видѣть своего сына оправданнымъ въ глазахъ его величества. Такъ какъ императрица дала мнѣ снять копію съ своего письма къ императрицѣ Елизаветѣ около 5 часовъ, а затѣмъ приказала написать Волконскому, то я возвратился къ обѣду лишь въ 7 часовъ. Къ государынѣ пришелъ Карамзинъ, а я отправился къ графинѣ Томатисъ, но не засталъ ея дома. Я былъ отпущенъ въ 11¹/₂ час.

Декабря 19-го, суббота. Я провелъ день во дворцѣ. Я получилъ почтой письмо Александра отъ 10-го числа, о которомъ онъ мнѣ упоминалъ въ письмѣ отъ 11-го числа. Онъ писалъ, что приготавливаются къ присягѣ новому государю, т. е. Константину. Императрица приказала намъ прочесть записку о мятежѣ 14-го числа, которая будетъ напечатана въ газетѣ ³⁾. Такъ какъ опекунскій совѣтъ былъ уже во вторникъ, то я пріѣхалъ въ 6 часовъ. Я читалъ проповѣдь и былъ отпущенъ въ 11¹/₂ час. Погребеніе Милорадовича назначено въ понедѣльникъ 21-го числа.

Декабря 20-го, воскресенье. Баронъ Ралль ⁴⁾ пришелъ ко мнѣ поговорить о своемъ намѣреніи обратиться къ императрицѣ, чтобы,

¹⁾ Слухъ не вѣрный. Р е д.

²⁾ Вильгельмъ Кюхельбекеръ, извѣстный писатель, одинъ изъ друзей Пушкина, принималъ участіе въ мятежѣ, не будучи военнымъ. Отецъ его служилъ при дворѣ императрицы Маріи, управляя Павловскимъ дворцомъ, и, благодаря ея покровительству, помѣстилъ сына въ новооткрытый Царскосельскій лицей.

³⁾ Записка эта напечатана въ прибавленіи къ № 100 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1825 года.

⁴⁾ Придворный банкиръ.

благодаря ея покровительству, получить право дѣйствительно выполнять обязанности придворнаго банкира, которымъ онъ состоитъ лишь по имени. Прїѣхавъ во дворець въ 11 часовъ, я узналъ, что императрица отправилась въ церковь и я хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы пойти къ Муравьеву ¹⁾ поговорить съ нимъ по распоряженію императрицы о формѣ писемъ, которыя онъ долженъ писать къ намъ, такъ какъ письмо, которое было уже получено нами, не понравилось. Муравьева я не нашелъ: онъ былъ во дворцѣ. По счастью, я успѣлъ его найти и скоро покончилъ съ нимъ дѣло, показавъ ему письмо отъ Дибича и поручивъ ему испросить у императора указаній относительно формы, которой надо придерживаться. Остальную часть утра, до 4 часовъ дня, я провелъ въ ожиданіи. Послѣ обѣда меня призвали къ императрицѣ около 6 часовъ; съ ней я работалъ до семи, а въ это время извѣстили о прїѣздѣ Карамзина. Я воспользовался этимъ моментомъ, чтобы видѣться съ маленькой Томатисъ. Послѣ 8 часовъ возобновили работу; прибылъ принцъ Александръ ²⁾ съ своимъ сыномъ, затѣмъ императоръ съ императрицей и пр. Въ 10 часовъ я былъ отпущенъ, но долженъ былъ ожидать кареты до 11 часовъ. Сегодня появился новый манифестъ о бунтѣ 14-го числа. Онъ очень хорошо написанъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» вчерашняго числа содержатъ слѣдующую статью изъ Берлина отъ 20-го числа: «Третьяго дня мы получили печальное извѣстіе о кончинѣ его императорскаго величества императора Александра. Царская семья погружена была въ глубокую печаль; вся Европа со скорбью чувствуетъ потерю монарха, который своимъ благоразуміемъ, своей ужѣренностію и своимъ постоянствомъ такъ существенно содѣйствовалъ упроченію и поддержкѣ мира, господствующаго между державами, спокойствію и общаго порядка».

Въ тотъ же день при королевскомъ дворѣ наложенъ былъ трауръ на четыре недѣли съ обыкновенными подраздѣленіями. Приказъ изъ кабинета его величества короля прусскаго его высочеству герцогу Карлу Мекленбургъ-Стрелицкому: «Чтобы почтить память его величества императора російскаго Александра I-го, который далъ маѣ всѣ доказательства нѣжной дружбы, который въ годы вѣчнопамятной войны проявилъ къ моей арміи вниманіе, полное благосклонности, и оказывалъ намъ существенное содѣйствіе всевозможными средствами, котораго мудрость давала направленіе дѣламъ Европы для восстановленія мира

¹⁾ Николай Назаріевичъ, писатель-археологъ, статсъ-секретарь императора († 1845 г.).

²⁾ Принцъ Александръ виртембергскій, братъ императрицы, бывшій главноуправляющимъ путями сообщенія.

и, благодаря которому достигнуты превосходнѣйшіе результаты, о возможности которыхъ едва ли осмѣливались надѣяться, я повелѣваю—чтобы моя армія, по случаю его кончины, носила трауръ. Этотъ трауръ начнется въ каждомъ гарнизонѣ согласно распоряженію, которое будетъ дано на сей предметъ особо. Во все время съ перваго дня траура военная музыка какого бы то ни была рода не должна играть; поэтому войска будутъ занимать караулы при полной тишинѣ. Данъ въ Потсдамѣ. 18-го декабря 1825 г. Подписано: Фридерикъ-Вильгельмъ». Нашъ трауръ также утвержденъ съ сегодняшняго дня, и мы уже бросили пудру.

Декабря 21-го, понедѣльникъ. Въ 9¹/₂ ч. я отправился въ Казанскій соборъ, чтобы присутствовать при похоронахъ графа Миловадовича. Здѣсь я узналъ, что имѣются извѣстія изъ Москвы, гдѣ принесеніе присяги произошло спокойно и въ порядкѣ. Тамъ лучше взялись за дѣло, чѣмъ здѣсь; начали съ того, что ознакомили со всѣми обстоятельствами дѣла. Всѣ отправились въ Успенскій соборъ, архіепископъ взялъ въ алтарѣ завѣщаніе покойнаго императора, показалъ ветровутыя печати собравшемуся Сенату, раскрылъ завѣщаніе и прочиталъ, затѣмъ читали манифестъ съ приложеніями и уже затѣмъ стали приступать къ присягѣ. Наканунѣ, командующій войсками собралъ сначала офицеровъ, затѣмъ прочихъ для объясненія своихъ дѣйствій, затѣмъ уже перешли въ казармы и тогда только приступили къ новой присягѣ, вполне сознательно понимая ходъ событій. Прибывъ во дворецъ въ 1 часъ, я узналъ, что изъ Веймара получены извѣстія и что великая княгиня писала лично. Вечеромъ императрица писала письма къ тѣмъ, которые посылаются въ различные родственные дворы съ увѣдомленіями. Она поручила мнѣ написать письма къ своимъ братьямъ: Вильгельму-Генриху и Фердинанду, къ супругѣ послѣдняго, къ вдовствующей наследной принцессѣ мекленбургской, привицу Августу гольштинскому, великому герцогу Павлу мекленбургскому и, наконецъ, къ герцогинѣ Луизѣ виртембергской. Это послѣднее я написалъ дома, а она собственноручно начертала семь первыхъ. Я оставилъ ее въ 1¹/₂ ч. по полуночи.

Декабря 22-го, вторникъ. Было 16° холода, и барометръ поднялся вчера съ 0,3 до 31°, на чемъ онъ продержался весь день. Императрица до 5 часовъ задерживала меня у себя, занимаясь приготовленіемъ всѣхъ писемъ, отправляемыхъ черезъ г.г. Рибопьера, Полетику, Стрекалова, князя Долгорукова и Обрѣзкова, изъ которыхъ 1-й отправляется въ Вѣну, 2-й—въ Штутгардъ и Карлсруэ, 3-й—въ Веймаръ и Гагу, 4-й—въ Мюнхенъ и 5-й—въ Людвигсгустъ¹⁾. Князь Щербатовъ, который отправляется въ Ольденбургъ, получилъ уже

¹⁾ Всѣ эти лица отправлены были къ иностраннымъ дворамъ съ официальнымъ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ императора Николая.

письмо лично, между тѣмъ какъ письма для остальныхъ господъ я послалъ графу Нессельроде. Я обѣдалъ одинъ, такъ какъ прочіе обычные застольники уже пообѣдали.

Затѣмъ императрица приказала мнѣ снять еще копія съ двухъ писемъ къ императрицѣ Елисаветѣ, отправляемыхъ одно съ курьеромъ, а другое черезъ почту. Въ этотъ вечеръ получено извѣстіе, что первая армія принесла присягу, и графъ Комаровскій ¹⁾ возвращается изъ Москвы. Я былъ уволенъ въ 9 часовъ и вернулся домой пѣшкомъ. Австрійскій дворъ посылаетъ сюда эрцгерцога Фердинанда д'Эсте, а прусскій—принца Вильгельма ²⁾ съ поздравленіями.

Декабря 23-го, среда. Императрица, спросивъ меня, приготовлена ли бумага для Коммерческаго училища о назначеніи Кусова ³⁾, о чемъ я совершенно забылъ, сдѣлала мнѣ выговоръ (*me fit une scène de l'autre monde*), добавивъ, что вечеромъ я долженъ идти съ докладомъ къ императору. Говорили такъ, какъ будто бы отъ этого зависѣло благо государства и какъ будто уже не было времени приготовить докладъ, хотя былъ только часъ пополудни. Я тотчасъ заготовилъ бумагу о Кусовѣ. Около 3 часовъ императрица потребовала меня къ себѣ, прочитала бумагу и приказала сдѣлать въ ней нѣсколько измѣненій. Во время обѣда она прислала мнѣ нѣкоторыя письма, чтобы снять съ нихъ копія. Въ 9 часовъ вечера императоръ прислалъ за мной и я въ первый разъ, съ нимъ работалъ. Государь принялъ меня благосклонно и просилъ указанія о формѣ, въ какой утверждались наши бумаги. Я доложилъ ему, какъ это дѣлалъ покойный императоръ. Онъ мнѣ сказалъ также, что Муравьевъ, будучи еще новичкомъ въ дѣлахъ, будетъ иногда совѣтоваться со мной относительно формы переписки и проч. Я оставилъ императрицу послѣ полуночи, но, прежде чѣмъ лечь спать, заготовилъ проекты повелѣній, согласно съ бумагами, представленными сегодня императору; здѣсь въ числѣ ихъ были бумаги о назначеніи Озерова почетнымъ опекуномъ и Кусова петербургскаго городского головы—членомъ совѣта Коммерческаго училища съ предложеніемъ Кусову передать купеческому сословію экземпляръ золотой медали, отчеканенной по повелѣнію императрицы въ 1814 г. въ знакъ благодарности за даръ, который сословіе купцовъ сдѣлало Коммерческому училищу въ видѣ капитала въ 100 т. рублей съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ его черезъ 4 года образовать сумму въ 25 т. для ремонта училища.

¹⁾ Генералъ-адъютантъ почившаго императора, посланный въ Москву съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ императора Николая.

²⁾ Будущій императоръ германскій и король прусскій Вильгельмъ I.

³⁾ Петербургскій городской голова, купецъ Кусовъ, назначался членомъ совѣта Петербургскаго коммерческаго училища, находившагося подъ покровительствомъ императрицы.

Декабря 24-го, четвергъ. Трауръ былъ снятъ на этотъ день. Изъ Веймара прибылъ камергеръ Гермаръ съ письмомъ. Онъ обѣдалъ съ нами. Гермаръ хотѣлъ прислать мнѣ письма, адресованныя на мое имя, но ничего этого не сдѣлалъ. Яковлевой писали, что великая княгиня Марія Павловна лишилась силъ, узнавъ о смерти императора. Гермаръ сказалъ только, что принцесса Марія ¹⁾ упала безъ сознанія къ ногамъ своей матери, получивъ это извѣстіе; онъ говорилъ также, что старый великій герцогъ былъ очень потрясенъ и плакалъ, какъ малое дитя. Я оставилъ императрицу въ 2¹/₂ ч.

Декабря 25-го, пятница. Праздникъ Рождества Христова. Я имѣлъ случай поздравить молодую императрицу, когда она шла къ своей свекрови. Я получилъ сегодня письма отъ Бьелке, г. Сильвестра и графини Эглофштейнъ, привезенныя Гермаромъ; послѣдняя написала мнѣ лишь нѣсколько строкъ. Въ 3¹/₂ часа императрица отпустила насъ до 6¹/₂ часовъ, чтобы въ это время мы могли пообѣдать съ семьей. Въ 6 часовъ, когда я собирался сѣсть въ карету, за мной явился ѣздовой. Императрица писала въ Таганрогъ по почтѣ и черезъ Васильчикова, который везетъ съ собою въ Москву двѣ голубыя ленты для генераль-губернатора Голицына ²⁾ и для графа Толстого ³⁾, командующаго войсками. Орденъ св. Александра Невскаго былъ пожалованъ сегодня генераль-адъютантамъ Комаровскому и Бенкендорфу ⁴⁾. Орлову (Алексѣю) пожаловано графское достоинство. Новосильцовъ и я—мы оставили императрицу лишь по полуночи. Сегодня барометръ сильно упалъ, а холодъ значительно уменьшился съ двѣнадцати градусовъ до одного. Передъ сномъ я написалъ къ своей свояченицѣ въ Гамбургъ; письмо отъ нея я получилъ сегодня вечеромъ.

Декабря 26-го, суббота. Я всталъ съ большимъ насморкомъ и совершенно охрилымъ голосомъ. Я успѣлъ утромъ кончить письмо къ своей свояченицѣ въ Гамбургъ, которой я сообщилъ подробности происшествія 14 числа, и отвѣтить Бьелке и графинѣ Эглофштейнъ, которой я посылалъ пакетъ отъ Китти. Такъ какъ императрица выѣхала въ 2 часа въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ и въ больницу, то я, пользуясь временемъ, зашелъ къ малюткѣ Томатисъ, которую я нашелъ въ бѣломъ платьѣ, бывшемъ ей весьма къ лицу. Она мнѣ рассказывала, что государь и государыня желаютъ помѣститься въ Эрмитажѣ на шесть недѣль, пока для нихъ будетъ приготовлено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ. Обѣдало лишь насъ трое: Новосильцовъ, Хилковъ и я.

¹⁾ Дочь великой княгини Маріи Павловны.

²⁾ Кн. Димитрій Владиміровичъ Голицынъ.

³⁾ Графъ Петръ Александровичъ.

⁴⁾ Графу Александру Христофоровичу.

Саврасову ¹⁾, который былъ приглашенъ явиться къ императрицѣ послѣ обѣда, было приказано явиться завтра утромъ, а затѣмъ послѣдовало новое измѣненіе: ему велѣно явиться завтра вечеромъ къ 7¹/₂ ч., что мнѣ весьма удобно, такъ какъ я хочу принять лекарство и утромъ подольше оставаться у себя дома. Много говорили о новомъ письмѣ Константина къ императору, которое должно было довершить изъясненіе его чувствъ вѣрноподданности. Я читалъ его сегодня вечеромъ: оно опубликовано въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ». Что касается до изъясненія Константиномъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ императору, то, конечно, это весьма цѣнное событіе при настоящемъ положеніи дѣлъ; но въ письмѣ высказывается въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ принципъ, который, конечно, будетъ сильно оспариваемъ. «Вы с о ч а й ш и й з а к о нъ—говорится въ письмѣ—священный законъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ «твердость бытія» разсматривается, какъ «благой даръ небесъ»—есть воля «милостію Божіею царствующаго монарха». Это принципъ самаго крайняго деспотизма; онъ можетъ годиться для насъ, гдѣ абсолютная монархія есть еще единственно возможный образъ правленія; но сохраненіе политическаго быта, «твердость бытія», конечно, и въ Англіи разсматривается, какъ благо неба, такъ же, какъ и у насъ, хотя тамъ воля короля не выше закона. Подобныя истины, высказанныя свыше при настоящихъ обстоятельствахъ, могутъ только разжигать и волновать умы, и безъ того уже склонные къ либерализму. Я оставилъ канцелярію въ 11¹/₂ часовъ и вернулся домой пѣшкомъ; карета за мной не прѣзжала. Я принялъ лекарство.

Д е к а б р я 27-го, воскресенье. Я оставался у себя до половины второго и затѣмъ отправился во дворецъ. Я не былъ позванъ къ императрицѣ и имѣлъ время написать нѣсколько отвѣтныхъ писемъ. Изъ нихъ полдюжину я оставилъ въ 3¹/₄ часа Новосильцову и отправился домой обѣдать. Послѣ обѣда я вернулся во дворецъ къ 7 часамъ. Призванный Саврасовъ имѣлъ свою аудіенцію, и я былъ задержанъ до 11 ч.; лишь тогда я пошелъ домой. Императрица утвердила докладъ, по которому типографія Воспитательнаго дома отдавалась въ аренду Гречу на пять лѣтъ за плату въ 6.100 рублей въ годъ.

Д е к а б р я 28-го, понедѣльникъ. Сегодня трауръ былъ снятъ, такъ какъ день этотъ былъ днемъ рожденія великой княгини Елены Павловны. Поэтому я взялъ карету и отправился во дворецъ великаго князя Михаила, но приѣма и поздравленій у него не было: его отсрочили до Нового года. Итакъ я направился въ Зимній дворецъ и провелъ тамъ остальную часть дня. Я былъ отпущенъ вечеромъ въ 9 часовъ. Когда

¹⁾ Почетный опекунъ Петербургскаго Воспитательнаго дома.

прибыла карета, я отправился къ Гётце, чтобы переговорить съ нимъ но нашелъ только его жену, больную отъ потрясеній, которая она испытала въ минувшіе дни, едва оправившись отъ родовъ. Я сообщилъ сегодня вечеромъ императрицѣ мысль по поводу наблюденія, сдѣланнаго Уваровымъ, что хотя Магницкій обвинялъ много лицъ въ революціонныхъ замыслахъ, но сравнивая списокъ тѣхъ, о которыхъ онъ доносилъ, съ тѣми, которые въ дѣйствительности были задержаны, какъ участники въ заговорѣ, оказывается, что ни одинъ изъ послѣднихъ не былъ названъ Магницкимъ: къ этому замѣчанію Уварова я присовокупилъ, что оно можетъ породить мысль, что имѣя дѣло съ человекомъ, подобнымъ Магницкому, который весьма легко можетъ самъ быть въ числѣ главныхъ двигателей, можно допустить, что онъ дѣлаетъ первые доносы лишь для того, чтобы отвратить подозрѣніе отъ настоящихъ адептовъ. Императрица возразила, что однако до сихъ поръ онъ не изобличенъ... Увидать, наконецъ!

Декабря 29-го, вторникъ. Я отправился въ 10¹/₂ къ нѣкому барону фонъ-Ранцау изъ Мекленбурга и къ Гермару изъ Веймара, чтобы сопровождать ихъ въ Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, но не засталъ ихъ дома. Тогда я продолжалъ свой путь въ Смольный и явился къ господамъ Адлербергъ; я узналъ отъ нея, что эти господа начали свой обзоръ съ мѣщанскаго училища. Я отправился туда; затѣмъ, обойдя кругомъ, направились чрезъ богадѣльню во Вдовій домъ, а оттуда въ Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ и присутствовали на обѣдѣ. Въ 3 ч. мы оставили Воспитательное общество, и я отправился во дворецъ, гдѣ обѣдалъ. Императрица позвала меня лишь послѣ обѣда. Она писала письмо къ императрицѣ Елисаветѣ и спустила меня въ 9 часовъ. Получавъ еще письмо отъ г. Сильвестра съ запиской къ графинѣ Томатисъ, я отправился къ ней. Возвратившись послѣ 10¹/₂ ч., я сѣлъ за работу въ 11¹/₂ ч., чтобы приготовить отвѣтныя письма для семи лицъ: принцу Августу Голштинскому и его женѣ, наследному принцу Кобургскому съ женой, къ графу Ливену, графинѣ Генкель и г-жѣ Нарышкиной, Маріи Яковлевнѣ. Работа продолжалась до 3 час.

Декабря 30-го, среда. Въ 10 часовъ я отправился на экзаменъ во вторую школу солдатскихъ дочерей, такъ какъ императрица приказала мнѣ присутствовать на немъ съ 10 ч. до 12 ч., а Новосильцовъ былъ на экзаменѣ въ школѣ № 1. Я прибылъ вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ, вслѣдъ за нимъ пріѣхали г-нъ Кутузовъ, затѣмъ графиня Комаровская, наконецъ гг. Васильчиковъ и Левашевъ. Экзаменъ продолжался до 12¹/₂ ч., и я возвратился во дворецъ, гдѣ послалъ къ императрицѣ проекты отвѣтовъ. Императрица подписала письма къ принцу и принцессѣ Голштинскимъ и отложила другія. Здѣсь я про-

вель день за полночь. Императрица поручила мнѣ написать записку о событіяхъ 27-го ноября, чтобы исполнить желанія великой княгини Маріи. Итакъ, сегодня вечеромъ я опять долженъ былъ работать.

Д е к а б р я 31-го, четвергъ. Я провелъ утро дома и побѣхалъ во дворецъ только послѣ полудня. Я узналъ, что трауръ будетъ снятъ только послѣ обѣда, и мы, лица, принадлежащіе къ штату императрицы, собрались обѣдать вмѣстѣ, чтобы послѣ обѣда принесть ей свои поздравленія; однако я вернулся домой, чтобы переѣвнить костюмъ и по дорогѣ зашелъ къ бѣдному Эндену, съ которымъ опять былъ болѣзненный припадокъ. Я засталъ его въ лучшемъ состояніи, а доктора подають надежду на выздоровленіе. Переодѣвшись дома, я опять вернулся во дворецъ. Послѣ обѣда мы поздравляли императрицу въ 9 часовъ. Она отпустила моихъ сотоварищей, а я оставался работать до полуночи. Въ полночь она поздравила меня съ Новымъ годомъ и отпустила, поручая мнѣ приготовить проектъ отвѣта на письмо, которое она только что получила отъ герцогини ангулемской, дочери Людовика XVI, прося обратитъ особое вниманіе на редакцію отвѣта. Я долженъ былъ написать проектъ этого отвѣта тотчасъ же и встрѣтилъ такимъ образомъ Новый годъ, какъ и прошлый, съ перомъ въ рукѣ.

Сообщ. Евгеній Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Собственнооручная записка Аракчеева ¹⁾.

“ ноября 1801 г.

Одна госпожа прислала государю книжку карманную, на ней вышита овца и приложены особо стишки такого рода:

Вышила овцу
Моему отцу
Для тѣхъ ради причинъ,
Чтобы дали мужу чинъ.

Монархъ, усмотря сіе и положивъ въ ту книжку сто рублей, обратилъ съ ними стихами:

Я поданныхъ отецъ,
Но не даю чиновъ для овецъ.

¹⁾ Собраніе автографовъ Публич. библіотеки. Лнт. А.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 гг.).

III ').

Отъѣздъ за границу.—Заметаніе слѣда.—Представленіе нашему послу въ Вѣнѣ и разговоръ съ нимъ.—Положеніе Австріи относительно Россіи и Турціи.—Отъѣздъ въ Бухарестъ.—Наше консульство.—Жизнь въ Бухарестѣ.—Положеніе дѣлъ.—Скопцы.—Болгаринъ Евлогій Георгіевъ.

З екабря 3-го вечеромъ, усѣвшись поудобнѣе въ вагонѣ 1-го класса, я выѣхалъ изъ Кишинева. Въ Бирзулѣ (кажется) поѣздъ стоялъ довольно долго, я вышелъ на платформу хотя было уже очень поздно и увидѣлъ толпу народа, глазѣвшую на какія то приготовленія. Сновали рабочіе, повидимому слесари, навѣшивали проволоки. Справившись, я узналъ, что г. Яблочковъ показываетъ новое освѣщеніе. Черезъ нѣсколько минутъ подошелъ ко мнѣ молодой еще господинъ, отрекомендовался инженеромъ Яблочковымъ и просилъ посмотрѣть на изобрѣтенное имъ освѣщеніе; онъ прибавилъ, что ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ намѣренъ продать или эксплуатировать свое изобрѣтеніе, а что «у насъ ничего не подѣлаешь». Скоро зажглись огни и вся платформа освѣтилась какъ днемъ. Жаль, подумалъ я, что у насъ ничего подѣлать нельзя.

') См. „Русск. Стар.“ 1899 г. январь.

Просидѣвъ вслѣдствіе заносовъ въ Жмеринкѣ все 4-ое декабря и пріѣхавъ въ Кіевъ 5-го ночью, остановился я въ гостиницѣ и отправился разыскивать офицера генеральнаго штаба А. С. Беневскаго, котораго я зналъ еще въ 1865 году, когда съ другими двумя офицерами, Рыбкнымъ и Якубовскимъ, держалъ въ штабѣ Кіевскаго военнаго округа предварительный экзаменъ для поступления въ академію генеральнаго штаба. Беневскій былъ товарищемъ Рыбкина, кажется, по Константиновскому военному училищу, а я былъ очень друженъ съ Рыбкнымъ и черезъ него познакомился съ Беневскимъ, весьма способнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень скромнымъ офицеромъ. Опасаясь передѣваться въ статское платье въ гостиницѣ, затрудняясь въ особенности куда дѣвать мое военное платье, я рѣшилъ открыться Беневскому и просить его содѣйствія. Онъ съ большой готовностью предложилъ мнѣ переѣхать къ нему на квартиру, переночевать у него, переодѣться, а также взялся отправить мои военныя вещи обратно въ Кишиневъ, Нагловскому. Воспользовавшись любезностью А. С. Беневскаго, я сложилъ у него мои пожитки и отправился покупать гражданское платье. Было 6-е декабря, Николинъ день, и всѣ лучшіе русскіе магазины были заперты; пришлось обратиться къ жидамъ. Сколько ни выбиралъ—все нехорошо; правда и то, что я ровно ничего не понималъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ первый разъ ѣхалъ за границу.

Пересмотрѣвъ разные костюмы я положился на вкусъ продавца и купилъ себѣ все нужное, казавшееся мнѣ вполне сноснымъ, но впоследствии я самъ убѣдился, что все мною купленное была гадость порядочная. Темновато-коричневый пиджакъ, жилетъ и брюки, длиннополое сѣраго, мохнатого сукна пальто, какъ мнѣ сказали пальмерстонъ, такая же мягкая, теплая шапка и плащъ составляли мой костюмъ. Такъ какъ поѣздъ на Брестъ и Варшаву отходилъ очень рано утромъ, то я съ вечера уложилъ военныя мои принадлежности и на утро очутился статскимъ.

На вокзалѣ, запасшись билетомъ, пилъ я чай и думалъ: какъ бы не встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ. На бѣду такъ и случилось. Въ вагонѣ, рядомъ со мной, сѣлъ какой-то высокій и толстый господинъ, очень приличный и солидный. Онъ началъ со мной разговаривать и откомендовался: «Предсѣдатель Одесской судебной палаты Дешпъ». Думаю, ужъ не братъ-ли нашему Дешпу, начальнику инженеро-въ дѣйствующей арміи, но спросить конечно не рѣшился. Обративши вниманіе, что я для удобства надѣлъ на голову феску, давно когда-то привезенную мнѣ изъ Смирны однимъ пріятелемъ, Дешпъ спросилъ:

- А вы феску носите?
- Да, ношу.
- Вѣрно привычка?

- Привычка.
- Вы вѣрно на Востокъ бывали?
- Да, бывалъ.
- Вы можете быть служите на Востокѣ?
- Служу; я консуль въ Смирнѣ.

Давая отвѣты на заданные вопросы я думалъ, зачѣмъ я лгу и причѣмъ тутъ Смирна. Затѣмъ пошли разспросы съ его стороны: хорошъ ли городъ Смирна, бывалъ ли я въ Дамаскъ, въ Иерусалимъ и т. д. Я подтверждалъ вопросы и только изрѣдка вставлялъ: «нѣтъ, тамъ не случилось побывать». Фамилію свою впрочемъ я назвалъ настоящую, вѣроятно отъ непривычки называть себя Паульсономъ, и какъ увидимъ дальше, хорошо сдѣлалъ.

Такимъ образомъ мы съ нимъ очень сошлись и отлично проводили время.

Въ Брестѣ мы рѣшили поѣсть, такъ какъ тамъ, по слухамъ, былъ хорошій буфетъ. Дѣйствительно, хотя въ то время еще не существовало теперешняго грандіознаго, каменнаго вокзала, а былъ маленькій, деревянный, но буфетъ и даже отдѣльная комната для чистой публики существовали. Едва вступили мы въ общій залъ, какъ прямо передъ собой я увидѣлъ того молоденькаго уланскаго офицера С., который не далѣе какъ въ минувшемъ сентябрѣ, т. е. полтора или два мѣсяца тому назадъ, перевозилъ меня съ летучимъ отрядомъ полковника Рубашевского изъ Ново-Минска въ Скерневицы. Онъ тоже меня замѣтилъ, очевидно узналъ и направился ко мнѣ. Что тутъ было дѣлать? увильзнуть не было возможности, и я былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе. Какими глазами, думалось мнѣ, будетъ смотрѣть на меня Деппъ, котораго я около сутокъ такъ безсовѣстно морочилъ? Но надо рѣшаться на что нибудь, надо продолжать комедію. Глядя въ пространство, я пошелъ впередъ, будто не замѣчая улыбокъ и поклоновъ улана, и только когда мы поровнялись и я услышалъ уже подъ самымъ моимъ носомъ: «Извините... виноватъ...» я остановился и снимая наивѣжливѣйшимъ образомъ шапку, недоумѣвающе спросилъ:

- Что прикажете?
- Вы меня не узнаете?
- Извините, не имѣю чести...
- Да вы... развѣ не полковникъ Паренсовъ?

Я захохоталъ какъ можно естественнѣе:

— Ахъ Боже мой, отвѣчалъ я, это всегдашняя исторія. Вы вѣроятно знаете брата моего, полковника генеральнаго штаба?

Уланъ сконфузился и я чувствовалъ, что партію выигралъ.

— Какъ же, какъ же, продолжалъ онъ; я имѣлъ удовольствіе съ

нимъ познакомиться здѣсь, въ Варшавѣ, на кавалерійскихъ маневрахъ. Но скажите какое поразительное сходство!

— Да мы близнецы. Это знаете напоминаетъ мнѣ Петербургъ, тамъ есть два близнеца, сыновья фотографа Левицкаго. Я близко знаю всю семью, и то иногда сбиваюсь, принимаю одного брата за другого. Такъ вы знакомы съ моимъ братомъ? Ну, очень радъ: консулъ въ Смирнѣ, Паренсовъ. Братъ писалъ мнѣ, что былъ на какихъ то кавалерійскихъ маневрахъ въ Варшавѣ; онъ теперь въ Кишиневѣ при великомъ князѣ.

— А я, знаете, смотрю на васъ да и думаю: вотъ полковникъ Паренсовъ, онъ состоитъ при главнокомандующемъ и вѣроятно ѣдетъ теперь въ командировку. А такъ какъ вы въ статскомъ платьѣ, то я и поѣхалъ: вѣрно въ какую нибудь такую, знаете, заграничную, секретную...

— Помилуйте какая тутъ командировка; просто печень ѣду лечить; знаете просидѣвши долго на Востокѣ—всегда печенью страдаешь.

Разговоръ этотъ имѣлъ хорошія послѣдствія: уланскій офицеръ, служа по перевозкѣ войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, оказался власть имущимъ, и благодаря его услужливости мы съ большимъ комфортомъ доѣхали до Варшавы. Простившись съ Дешпомъ я поѣхалъ къ моему товарищу М. П. Стаховичу, въ то время командовавшему Варшавскимъ жандармскимъ дивизиономъ. Онъ жилъ на помѣстительной казенной квартирѣ и уступилъ мнѣ совершенно отдѣльную комнату внизу.

Такъ какъ я пріѣхалъ вечеромъ, то всѣ дѣла отложилъ до утра.

На другой день отправился къ губернатору барону Медему, съ которымъ познакомился раньше, во время кавалерійскихъ маневровъ.

Баронъ Медемъ, прочитавъ письмо Непокойчицкаго, очень любезно просилъ немного подождать, послалъ за заграничнымъ паспортомъ и тутъ же у себя дома собственноручно прописалъ его. Съ этого времени я пересталъ уже быть полковникомъ, а сдѣлался, судя по паспорту, Вологодскимъ помѣщикомъ Паренсовымъ.

На другой день, 10-го декабря, поднявшись до свѣта, отправился я на Вѣнскій вокзалъ ¹⁾. Переѣздъ черезъ границу совершился благополучно. День былъ морозный, вьюга, въ купѣ очень холодно; грѣлки, положенныя подъ ноги, то слишкомъ грѣли,—просто жгли, то, быстро остывая, не достигали цѣли. Сквозь плохо пригнанные рамы и дверь наметало снѣгъ внутрь вагона, и я вспомнилъ наши чудесные, настоящие русскіе вагоны; кромѣ того, купѣ имѣло выходы только съ боковъ а слѣдовательно выйти можно было только на станціи. Гдѣ же, думать

¹⁾ Передъ отправленіемъ размѣнялъ я часть моихъ кредитокъ, причесть за 1.000 рублей бумажныхъ получалъ 748 рублей металлическихъ.

я, это прославленное многими наслажденіе, которое испытываешь выбравшись за границу Россіи.

Въ Вѣну пріѣхалъ я очень рано утромъ, еще горѣли фонари, и былъ пріятно удивленъ увидѣвъ чудесныя, чистенькія, извозчичьи каретки въ одну лошадь, что было очень кстати по морозному утру. Каретка довезла меня до рекомендованнаго мнѣ «Grand Hotel» на Кертнеръ Strasse.

Помывшись и почистившись, направился я къ нашему военному агенту флигель-адъютанту полковнику Ф. А. Фельдману. Добрѣйшій Федоръ Александровичъ былъ очень любезенъ, сказалъ мнѣ, что къ сожалѣнію Н. Н. Обручевъ только-что уѣхалъ, предупредилъ, что посоль нашъ очень горячъ въ разговорѣ, боится Андраши, боится войны и, наконецъ, предложилъ лично отвезти меня въ посольство, говори, что безъ его посредничества могутъ выйти задержки и недоразумѣнія.

Посольство наше помѣщалось тогда въ наемномъ домѣ. Пройдя мимо очень сѣдого швейцара, почтительно раскланявавшегося, и поднявшись по лѣстницѣ, взошли мы въ переднюю. Ф. А. Фельдманъ предложилъ мнѣ подождать, а самъ пошелъ къ послу, взявъ письмо Непокойчицкаго. Лакей съ черными, весьма изящными, бакеенбардами, снявши пальто съ Федора Александровича, остался со мной въ передней, рассматривалъ меня внимательно и не скажу, чтобы очень почтительно; затѣмъ сѣлъ на диванчикъ изъ гнutoй вѣнской мебели, а потомъ и прилегъ на немъ; я же стоялъ, въ качествѣ просителя, у окошка. Скоро Фельдманъ ввелъ меня въ какую-то комнату, въ родѣ гостиной или пріемной, со столомъ по срединѣ, у котораго я увидѣлъ нашего посла. Еще не старый, очень подвижный, нѣсколько суетливый на видъ, онъ принялъ меня очень сухо, и только разобравъ шифрованное письмо Непокойчицкаго, мною поданное, немного смилостивился и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

Я старался въ предстоящемъ мнѣ разговорѣ по возможности точно придерживаться не только общаго смысла, но даже подлинныхъ выраженій великаго князя.

— Его высочество поручилъ мнѣ, сказалъ я, спросить ваше превосходительство, въ какомъ положеніи находятся наши переговоры съ Австріей?

— Это вопросъ олинкомъ общій; это секретъ,—сказалъ мнѣ посоль,—я вамъ отвѣчать не могу. Все зависитъ отъ Петербурга, куда я послалъ донесеніе съ генераломъ Обручевымъ.

Я высказалъ чрезвычайное сожалѣніе о томъ, что позволилъ себѣ беспокоить его, и прибавилъ, что несомнѣнно великій князь не послалъ бы меня къ нему, если бы предвидѣлъ возможность такого исхода порученія.

— Такъ я сегодня же буду телеграфировать главнокомандующему,

сказалъ я, вставая,—что ваше высокопревосходительство не считаете себя въ правѣ сообщить черезъ меня ожидаемыя его высочествомъ свѣдѣнія.

— Постоите, постоите, молодой человѣкъ. Вы еще молоды и горячитесь,—замѣтилъ посоль, и заходилъ по комнатѣ.—Вы мнѣ задали слишкомъ обширный вопросъ, и я не могу сразу на него отвѣтить. Ставьте мнѣ отдѣльные вопросы, и вамъ выскажу мое мнѣніе, но оно не есть дѣло рѣшенное.

Поставленный въ необходимость задавать вопросы, я долженъ былъ сочинить ихъ, что было не легко, такъ какъ я о переговорахъ съ Австріей ничего не зналъ, а объ отношеніяхъ нашего правительства къ этой державѣ могъ судить только, какъ частный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, я поставилъ рядъ вопросовъ и получилъ отвѣты.

— Какъ смотритъ, спросилъ я, австро-венгерское правительство на сосредоточеніе нашихъ войскъ въ Бессарабіи и на возможность вступленія ихъ въ Румынію?

— Совершенно дружелюбно, отвѣчалъ посоль. Андраши мнѣ недавно сказалъ, *vous vous donnez la Roumanie* ¹⁾.

— Какъ смотритъ австро-венгерское правительство на возможность перехода нашей арміи черезъ Дунай?

— Смотря по тому, гдѣ вы будете переходить. Если будете переходить прямо въ Турцію, то съ Богомъ; Австрія ничего противъ этого не имѣтъ.

— Какъ посмотритъ Австрія на возможный переходъ нашей арміи черезъ Балканы, движеніе на Адрианополь, можетъ быть далѣе, вообще какое можетъ произвести на Австрію впечатлѣніе быстрое движеніе и успѣшныя дѣйствія нашихъ войскъ? Нельзя ли предвидѣть, по какимъ-нибудь примѣтамъ, что въ случаѣ, если зайдемъ далеко, то повторится 1853 годъ?

— Идите куда хотите, я ручаюсь, что кромѣ дружелюбнаго взгляда ничего не будетъ. За Адрианополемъ вы, вѣроятно, встрѣтитесь съ нашими друзьями—англичанами.

— Полагаетъ ли австро-венгерское правительство остаться пассивнымъ зрителемъ нашего движенія и не имѣтъ ли оно въ виду, содѣйствуя этому движенію, или изъ своекорыстныхъ видовъ, занять Боснію и Герцеговину?

— Весьма возможно, даже вѣроятно, что оно займетъ Герцеговину и Боснію, хотя правительство Австро-Венгрии всѣми силами старается этого избѣжать (?) въ виду того, что, занявши эти провинціи, придется оставить ихъ за собой, чего Австрія не желаетъ (?), чтобы не увели-

¹⁾ Мы вамъ отдаемъ Румынію.

чивать еще болѣе количества своихъ славянскихъ подданныхъ. И съ своей стороны желаю, чтобы Австрія заняла теперь же Боснію и Герцеговину; этимъ она занялась бы сама (отвлеклась бы отъ Россіи) и притянула бы на себя часть турецкихъ силъ, такъ какъ я не могу допустить, чтобы турки пустили къ себѣ безъ сопротивленія даже своихъ друзей австрийцевъ.

— Если, какъ ваше высокопревосходительство полагаете, Австрія займетъ Боснію и Герцеговину, а наши войска будутъ на Балканахъ и далѣе, то вѣдь окажется, что австрийская армія будетъ у насъ въ тылу и тылъ нашъ будетъ подъ гнетомъ сосѣдства арміи, дѣйствительныя намѣренія которой точно не опредѣлены.

— Это ничего. Я ручаюсь, что далѣе пограничной черты Босніи и Герцеговины австрийскія войска не пойдутъ, гдѣ бы вы ни были. Я еще недавно видѣлъ Андраши и эрцъ-герцога Альбрехта; они вполне расположены и смотрятъ дружелюбно на вступленіе нашихъ войскъ въ Турцію.

Послѣ всего сказаннаго я рѣшилъ, что пора нанести *le coup de sonner*, то-есть задать главный вопросъ о возможности движенія нашего черезъ Сербію. Дѣло въ томъ, что мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ о существованіи въ вѣнскихъ правящихъ сферахъ убѣжденія, что мы пойдѣмъ черезъ Сербію. Это австрийцамъ очень не нравилось, но все же они были увѣрены въ этомъ. Даже эрцъ-герцогъ Альбрехтъ, доброжелательный Россіи, спрашивалъ Э. А. Фельдмана, зачѣмъ мы хотимъ идти черезъ Сербію, что по его мнѣнію надо идти прямѣе, а главное быстро и рѣшительно, тѣмъ болѣе, что серьезнаго сопротивленія отъ турецкихъ войскъ мы встрѣтить не можемъ.

Естественно, что надо было оставить этотъ слухъ (путь на Сербію) существующимъ, если мы хотѣли идти другимъ путемъ, а потому взвѣсивъ личныя свойства главныхъ дѣйствующихъ въ Вѣнѣ лицъ, ненадежность Андраши, за котораго нельзя было поручиться, чтобы онъ не сообщалъ кое-чего турецкому правительству,—и даже оставить въ нѣкоторомъ заблужденіи нашего посла, что мы думаемъ идти черезъ Сербію, я спросилъ:

— А какъ посмотреть австрийское правительство на вступленіе части, болѣе или менѣе значительной, нашихъ войскъ, въ Турцію черезъ Сербію.

Посоль, сѣвшій за столъ противъ меня при началѣ постановки мною вопросовъ, вскочилъ какъ ужаленный:

— Какъ это можно! Этого нельзя--тогда сейчасъ война съ Австріей. Помилуйте, въ какое положеніе вы меня поставите? Да зачѣмъ такой кругъ? Скажите, вы знаете гдѣ будетъ переправа?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— Да вы не секретничайте; мнѣ нужно это знать. Вѣдь я не врагъ. Посоль опять сѣлъ.

— Ваше высокопревосходительство, сказалъ я, у васъ есть свои дипломатическіе секреты, которые вы не считаете возможнымъ мнѣ сообщить, а у меня, какъ у уполномоченнаго великаго князя, есть тоже свои секреты, военные, которыхъ я не считаю возможнымъ вамъ сообщить. Одно могу сказать, что переправа предположена между Килией и Кладово ¹⁾.

Произнеся эти слова, я чувствовалъ, что немного пересолелъ, что это очевидная несообразность: вѣдь это составитъ около 500 верстъ по прямой линіи, а если мѣрить по Дунаю, такъ и 700 наберется. При этихъ моихъ словахъ посоль опять вскочилъ.

— Что вы сказали? спросилъ онъ.

Между Килией и Кладово, повторилъ я.

Что тутъ произошло, трудно описать.

— Вы сказали Кладово, произносилъ съ азартомъ посоль; вамъ легко говорить Кладово, а каково мнѣ? Почему вы спросили меня, что будетъ дѣлать Австрія въ случаѣ вступленія русскихъ въ Сербію?

— Я спросилъ это потому, что, повидимому, въ Вѣнѣ этого очень опасаются.

— И имѣютъ основаніе; если русскіе солдаты появятся у Кладова, то при существующемъ сильномъ возбужденіи публики и австрійской прессы, а въ особенности венгерской противъ Россіи, произойдутъ сейчасъ же столкновенія русскихъ съ венграми и Австріей. Напишите великому князю, да я и самъ ему напишу, что Австрія нисколько и ничѣмъ не помѣшаетъ нашему движенію въ Турцію, лишь бы не черезъ Сербію. Я и то стараюсь замалчивать побѣдку Никитина въ Сербію; къ счастью меня не спрашиваютъ, но я знаю, что на это косятся.

Выслушавъ этотъ потокъ словъ, я возразилъ послу:

— Если мы будемъ переходить Дунай не въ Сербію, то все же наша армія будетъ значительною помощью Сербіи, такъ не все ли равно если какая нибудь часть нашей арміи войдетъ въ Сербію?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, отвѣчалъ посоль горячась,—о Сербіи и Кладовѣ не говорите. Посылайте туда Никитина ²⁾, добровольцевъ, оружіе, но не пробуйте идти организованными частями черезъ Кладово.

¹⁾ Здѣсь замѣчу, что великій князь приказалъ мнѣ, въ случаѣ разговора о войнѣ, проводить именно этотъ взглядъ.

²⁾ Начальникъ штаба Виленскаго военнаго округа генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ А. П. Никитинъ былъ командированъ въ Сербію для разбора и упорядоченія положенія нашихъ добровольцевъ, оставшихся безъ дѣла въ силу перемирія, заключеннаго между Сербіей и Турціей. Ознакомивъ

На этомъ моя аудіенція и кончилась. Посоль прігласилъ меня на другой день обѣдать прибавивъ, что ожидаетъ депешъ изъ Петербурга съ отвѣтомъ на его письма, посланныя съ генераломъ Обручевымъ, обѣщавъ телеграфировать великому князю и, провожая меня, приказалъ написать ему на бумагѣ мои вопросы. Почести, оказываемыя мнѣ посломъ, произвели очевидно большое впечатлѣніе на прислугу, которой набралось въ передней уже нѣсколько человѣкъ; одинъ надѣвалъ на меня мой знаменитый пальмерстонъ, другой подаль зонтикъ, швейцаръ же внизу, почтительно приподнявъ шляпу, спросилъ: *die adresse des Herrn Baron* (адресъ господина барона).

Уѣзжая отъ посла я сказалъ Э. А. Фельдману, что строго говори мнѣ въ Вѣнѣ дѣлать больше нечего, такъ какъ я узналъ все, что мнѣ было нужно, но Э. А. посовѣтовалъ остаться, такъ какъ было бы невѣжливо отказаться отъ приглашенія обѣдать у посла; когда же я сказалъ, что у меня нѣтъ приличнаго платья, то Фельдманъ успокоилъ говоря, что онъ меня поддержитъ надѣвъ не фракъ, а сюртукъ.

На другой день, сдѣлавъ кое какія закупки, между прочимъ карманный револьверъ, палку съ кинжаломъ внутри (*stilet*) и другую съ свицковымъ набалдашникомъ, отправился я на обѣдъ въ посольство.

Теперь уже и швейцаръ и лакеи принимали меня почтительно. Я порядочно сконфузился войдя въ гостиную и увидѣвъ нѣсколько человѣкъ изъ персонала посольства во фракахъ, но посоль меня успокоилъ съ утонченной вѣжливостью сказавъ, что онъ собственно для меня не надѣлъ фрака, и дѣйствительно онъ былъ въ какомъ то сѣренькомъ сюртукѣ. Меня представили супругѣ посла, очевидно бывшей когда то очень красивой женщиной, и мнѣ пришлось опять конфузиться, когда она, взявъ меня подъ руку, повела въ столовую въ первой парѣ и посадила по правую свою руку.

За обѣдомъ, на какой то вопросъ супруги посла я отвѣтилъ по-французски, а она дала мнѣ урокъ, очень практичный и полезный.

— Если вы, сказала она, въ посольствахъ нашихъ за границей хотите говорить такъ, чтобы прислуга не понимала, говорите всегда по русски...

Послѣ обѣда всѣ перешли пить кофе и ликеры въ какую то восточную комнату, всю въ коврахъ и съ чудесной мягкой, низкой мебелью; дерева не было видно. Особенно хороша была отоманка, неимоверной величины, такъ что на ней сразу усѣлось нѣсколько человѣкъ. Пошли разговоры съ разспросами о Кишиневѣ, великомъ князѣ, нашихъ пред-

швсь съ положеніемъ этого дѣла г. Никитинъ призналъ единственно возможнымъ исходомъ возвращеніе добровольцевъ въ Россію черезъ Румынію, организованнѣя партиями, что и было исполнено въ теченіе зимы 1877 года.

положенияхъ, о мѣстѣ переправы и проч. Я отвѣчалъ, что переправа будетъ между Килією и Кладово.

Походивъ немножко по комнатѣ посоль подошелъ ко мнѣ и, когда я всталъ, то взялъ меня за руку и сказалъ:

— Ну, вамъ завтра рано надо ѣхать; пойдете ко мнѣ въ кабинетъ, потолкуемъ еще.

Я откланялся хозяйкѣ, распростился съ гостями и прошелъ вслѣдъ за хозяиномъ въ великолѣпный его кабинетъ. Только что мы вошли, какъ посоль накинудся на меня.

— Что же это значить полковникъ?

— Что такое ваше высокопревосходительство?

— Какъ что, да вѣдь я вамъ уже сказалъ вчера, чтобы вы и не помышляли о Кладовѣ, а вы опять за свое!

— Я не виноватъ, если ваши подчиненные, дипломаты, задаютъ мнѣ публично такіе вопросы, о которыхъ и думать то надо съ опаской, не то что говорить, да еще публично.

Посоль видимо остался доволенъ моимъ отвѣтомъ и, потрепавъ меня по плечу, улыбался сказалъ:

— Ну да, да, я такъ и понялъ. Вы не думайте пожалуйста, что дипломатъ Богъ знаетъ что. Много ихъ тамъ,—сказалъ онъ протягивая руку по направлению къ той двери, черезъ которую мы вошли въ кабинетъ.

Затѣмъ посадивъ меня на кресло противъ большого письменнаго стола онъ сказалъ:

— Вы поймите меня: не далѣе какъ вчера на этомъ самомъ креслѣ, на которомъ вы сидите, сидѣлъ Андраши и повторилъ мнѣ въ сотый разъ, что первый солдатъ нашъ, появившійся вооруженнымъ въ Сербіи, вызоветъ войну съ Австріей. Повторяю вамъ и напишите великому князю: переправляйтесь гдѣ хотите только не въ Кладовѣ. Вы думаете я ничего не смыслю въ вашихъ дѣлахъ, думаете, что я не понимаю значенія для васъ Кладова, гдѣ сербы могутъ приготовить вамъ все нужное для переправы; ошибаетесь, отлично понимаю. Вы думаете кто я?

Такъ какъ онъ молчалъ и видимо ожидалъ отвѣта, то я почелъ нужнымъ отвѣтить:

— Посоль русскаго императора...

— Ошибаетесь, я магистръ славянскихъ нарѣчій!.

Долго еще говорилъ посоль, но все существенное для меня было уже сказано.

Я захватилъ проститься съ Ѳ. А. Фельдманомъ и отправился домой, съ тѣмъ чтобы на другой день выѣхать въ Букарестъ.

Изъ всего мною видѣннаго, слышаннаго отъ разныхъ лицъ и прочитаннаго въ Вѣнѣ я могъ съ достовѣрностью вывести слѣдующее:

австрійское правительство смотритъ не съ неприязнью на переходъ нашей арміи черезъ Дунай, лишь бы переходъ этотъ совершился не въ Сербіи. Занятіе и даже анекдотъ Босніи и Герцеговины Австріей—вопросъ рѣшенный, и вѣнское правительство этого безусловно желаетъ, вопреки мнѣнію нашего посла. Въ Вѣнѣ убѣждены, что мы будемъ переправляться именно въ Сербію, не желаютъ этого, препятствуютъ и будутъ препятствовать, но до какой степени—конечно вопросъ.

Возбужденіе въ прессѣ и публикѣ противъ Россіи громадное, но газеты не теряютъ надежды на мирный исходъ конференцій въ Константинополѣ.

Несмотря на упорно держащійся въ Вѣнѣ слухъ о предстоящей, въ случаѣ войны, переправѣ нашихъ войскъ въ Сербію, турки ждутъ насъ въ другомъ мѣстѣ, между Рушукомъ и Виддиномъ, особенно около первого.

При мнѣ въ посольствѣ было получено донесеніе отъ нашего консула въ Сараевѣ, Кудрявцева, что всѣ регулярныя турецкія войска изъ Босніи уходятъ къ Рушuku и Виддину, оставляя въ Босніи въ складахъ все оружіе, которое предназначается для милиціи, сборъ которой въ Сараевѣ объявленъ¹⁾. Черезъ Митровицу постоянно подвозятъ съ юга орудія, порохъ, снаряды, идущіе потомъ большею частію на Востокъ. Настроеніе нашего посольства въ Вѣнѣ не только миролюбивое, но и больше; думаю не ошибусь если скажу, что посольство наше считало необходимымъ *la paix à tout prix*.

Сколько я ни старался всѣми путями, прямыми и косвенными, добиться основаній подобнаго миролюбія, добился только неопредѣленныхъ отвѣтовъ: время (политическое) дурно выбрано, время года тоже, мы завязнемъ въ Болгаріи. Я узналъ, что нашъ Константинопольскій военный агентъ Зеленый теперь въ Кишиневѣ и сообщить, что въ настоящее время года по Болгаріи войскамъ ни ходить, ни ѣздить нельзя; въ видѣ иллюстраціи сообщалось, что чемоданъ Зеленаго въ 12 фунтовъ тащили 6 паръ воловъ.

Андраши не только человекъ не надежный, но прямо для насъ опасный; нашъ же посолъ, кажется, слишкомъ ему довѣряетъ и рекомендуетъ опасаться не Австріи, а Румыніи, которая держитъ себя весьма двусмысленно, причѣмъ румынскіе министры то и дѣло ѣздятъ въ Вѣну. Мнѣ, не дипломату, казалось, что именно эти-то поѣздки и указываютъ на то, что надо смотрѣть въ оба не на Румынію, которая все-таки ничтожество, а на Андраши.

Всѣ свои размышленія и весь разговоръ мой съ посломъ до мельчайшихъ подробностей, въ томъ видѣ какъ онъ изложенъ въ настоя-

¹⁾ Это свѣдѣніе не сходилось съ мнѣніемъ нашего посла, что турки не будутъ добровольно австрійцевъ въ Боснію.

щихъ запискахъ, я записалъ и сообщалъ Левицкому уже изъ Букареста.

13-го (25-го) декабря, въ первый день Рождества, н. с., рано утромъ, выѣхалъ я изъ Вѣны въ Букарестъ. Огромный вокзалъ Южной дороги былъ пустъ. Кассиръ, выдавая мнѣ билетъ прямого сообщенія до Букареста, очень любезно предложилъ взять дополнительный билетъ для полученія вечеромъ мѣста въ спальномъ вагонѣ. Я охотно согласился, заплатилъ деньги впередъ и, какъ теперь помню, получилъ изъ кассы печатную квитанцію на желтой бумагѣ.

Предпочитая во всѣхъ моихъ разѣздахъ быть въ одиночествѣ, я, наученный опытомъ, еще садясь въ вагонъ, сунулъ кондуктору какую-то монету, услышалъ въ отвѣтъ «danke», и усѣлся отлично.

Предвкушая удовольствіе на ночь раздѣться, вѣроятно въ тепломъ вагонѣ, а затѣмъ и заснуть, доѣхалъ я благополучно до какой-то станціи, на которой, по словамъ вѣнскаго кассира, долженъ былъ пересѣсть въ спальный вагонъ. Услышавъ крикъ кондуктора, провозглашавшаго названіе указанной мнѣ станціи, вышелъ я на платформу и обратился къ какому-то железнодорожному чину, справляясь о спальномъ вагонѣ. Онъ ничего не зналъ, послалъ въ кассу, къ начальнику станціи. Оказывается спального вагона нѣтъ. Ну нѣтъ, такъ нѣтъ, хотя и досадно.

— Такъ пожалуйста мнѣ назадъ деньги,—сказалъ я.

— Какія деньги?

— Тѣ, которыя я заплатилъ въ Вѣнѣ, въ кассѣ *Städ-Eisenbahn*, за спальный вагонъ. Вотъ и квитанція.

— Это уже вы обратитесь въ Вѣну, откуда вамъ выдали квитанцію.

— Помилуйте, да не могу же я ѣхать назадъ въ Вѣну за этими деньгами; во всякомъ случаѣ, вы обязаны дать мнѣ удостовѣреніе, что спального вагона я не получилъ.

— Извините, намъ некогда.

Затѣмъ звонокъ и я, конечно, побѣжалъ поскорѣе въ вагонъ—не спальный.

Ночью (въ эту или слѣдующую—не помню) пріѣхали мы въ Суцаву, на границу Румыніи. Помня наставленія, данныя мнѣ въ разныхъ мѣстахъ о строгости таможенъ относительно папирсъ, я, на вопросъ таможенныхъ чиновъ, храбро отвѣтилъ, что папирсъ нѣтъ, ибо я курю сигары.

— А сигары у васъ есть?

— Какъ же, вотъ,—сказалъ я, указывая на ящикъ.

При этомъ я былъ совершенно спокоенъ, такъ какъ ящикъ былъ откупоренный и начатый, а я слышалъ, что пошлину берутъ только за непечатые или нераскупоренные ящики.

— Мы должны конфисковать ваши сигары; ввозъ ихъ въ Румынію запрещенъ.

— Что такое? почему?

— Впрочемъ, если вы заплатите пошлину и штрафъ, то можете взять. Штрафу надо двадцать франковъ.

Вынимаю двадцать франковъ, прошу сказать поскорѣй сколько пошлины и въ то же время удивляюсь, какъ же такъ: вѣдь коробка начатая. На это мнѣ отвѣчали, что въ Румыніи существуетъ частная Regia.

— Какая Regia?

— Regia monopolitunilor... частная компанія.

А въ это время на платформѣ звонять и кричать: «Roman, Galatz, Bucureschi!», и какой-то очень услужливый господинъ говорить:

— Вы опоздаете, поѣздъ сейчасъ уходитъ.

На просьбу мою, поскорѣй взять съ меня пошлину, мнѣ отвѣчаютъ, что это надо еще рассчитать, да расписаться въ книгѣ, гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и наконецъ, кажется, просто глумясь надо мной говорятъ:

— Да вы куда ѣдете?

— Въ Букарестъ.

— Такъ оставьте намъ вашъ адресъ, мы вышлемъ.

Гдѣ тутъ адресъ давать, на платформѣ такой идетъ звонокъ, что того и смотри поѣздъ уйдетъ, и я побѣжалъ къ вагону, бросивъ сигары и двадцать франковъ, и чиновниковъ, которые, какъ мнѣ тогда по крайней мѣрѣ казалось, злобно издѣвались надо мной.

Послѣ этого казуса приключеній не было, и 15-го декабря, стараго стиля, очень рано утромъ, приѣхалъ я въ Букарестъ.

Городъ этотъ, показанный на картахъ и въ географіяхъ городомъ южнымъ, встрѣтилъ меня не по южному: холодъ, рѣзкій вѣтеръ, снѣгъ и мятель. Мнѣ рекомендовали двѣ гостиницы: Брофта («Hotel Browt») и Бульваръ («Hotel Bulward»). Первая была на самомъ бойкомъ мѣстѣ главной улицы Подъ-Могошой и славилась своимъ рестораномъ; вторая тоже на Подъ-Могошой, но въ концѣ этой улицы, однимъ фасомъ выходила на площадку съ церковью, а другимъ фасомъ почти во дворъ русскаго консульства. Я выбралъ послѣднюю. Хозяинъ, Поль Зейдель, очень любезный нѣмецъ, говорившій по-французски, указалъ номеръ — двѣ очень чистенькія и хорошенькія комнаты, но страшно холодныя и въ проходномъ корридорѣ. Тутъ впервые познакомился я съ комнатнымъ холодомъ заграничныхъ городовъ и съ способомъ отопленія, когда за очень возвышенную цѣну приносили маленькую вязанку хвороста.

Переодѣвшись, отправился я въ русское консульство, оказавшееся не далѣе, какъ въ 100—150 шагахъ отъ моего жилища.

Красивый, одно-этажный домъ, съ боковыми флигелями, стоялъ въ глубинѣ двора, выходившаго на Подъ-Могошой и отдѣленнаго отъ улицы

красивой рѣшеткой. Домъ имѣлъ видъ виллы или богатаго особняка. Пройдя черезъ дворъ, я позвонилъ у парадной стеклянной двери, которую открылъ мнѣ человекъ почтеннаго вида, солидныхъ лѣтъ, съ очень густыми и длинными бакенбардами. Осмотрѣвъ меня съ головы до ногъ, этотъ господинъ, котораго я принялъ за одного изъ служащихъ въ консульствѣ, предложилъ мнѣ обождать въ передней, и я опять, какъ и въ Вѣнѣ, очутился въ положеніи просителя, котораго въ комнаты допустить нельзя. Покуда ходили обо мнѣ докладывать, я успѣлъ разсмотрѣть переднюю. Это была громадной величины комната, теплая, кажется со сводами и съ тремя дверями; замѣняла она, одновременно, прихожую и сѣни. Ждать, впрочемъ, пришлось не долго; изъ средней двери появился блондинъ, въ золотомъ рпсе-пез, средняго роста, очень пріятливый. Быстро подойдя ко мнѣ, онъ пригласилъ меня въ кабинетъ короткой фразой «прошу покорно». Это былъ нашъ дипломатическій агентъ и генеральный консулъ баронъ Дмитрій Федоровичъ Стурартъ; милѣйшій, добрѣйшій, пріятнѣйшій человекъ, весьма остроумный, радушный хозяинъ—хлѣбосола, съ которымъ мнѣ пришлось видѣться ежедневно, почти жить у него. Представивъ свои вѣрительныя грамоты, то-есть письмо Непокійчицкаго и сняскавъ этимъ довѣріе барона, разговоръ нашъ сдѣлался интимнымъ. Какъ теперь вижу большой его кабинетъ въ три окна, нѣсколько мрачный, благодаря коричневымъ обоямъ, съ темносѣрой, мягкой, низкой мебелью. На двухъ противоположныхъ стѣнахъ, на кронштейнахъ, стояли бронзированные фигуры русскихъ витязей и князей, а на стѣнѣ, противоположной окнамъ, висѣлъ рисованный масляными красками большой портретъ канцлера князя Горчакова, съ его умными, слегка прищуренными, добродушно-насмѣшливыми глазами.

Баронъ прежде всего нашелъ нужнымъ установить, кто я таковъ, и послѣ разныхъ вариантовъ я очутился вологодскимъ помѣщикомъ для русскихъ, Paul Paulson le cousin de la bagonne—для остальныхъ. Въ знакъ довѣрія, а также, чтобы водворить меня у себя въ качествѣ близкаго человека, баронъ показалъ мнѣ другую комнату, рядомъ съ большимъ кабинетомъ, гдѣ было нѣсколько рабочихъ столовъ, огромный прессъ для сниманія копій съ бумагъ и всѣ принадлежности для письма. Это былъ, по выраженію Д. Ф., le cabinet noir, въ которомъ онъ велъ служебную переписку, работалъ съ секретарями и куда я долженъ былъ скрываться въ случаѣ пріѣзда неудобнаго лица. Изъ этого чернаго кабинета былъ отдѣльный выходъ въ корридоръ и на другое не парадное крыльцо, а расположеніе дома въ глубинѣ двора, за рѣшеткой, давало возможность изъ обоихъ описанныхъ мною кабинетовъ заблаговременно видѣть, кто проѣзжаетъ или идетъ не только по двору, но даже на

улицѣ, по другую сторону рѣшетки. Окончивши эти предварительныя приготовленія, баронъ крикнулъ: Иваненко!

На зовѣ его появился тотъ самый благообразный господинъ, который открылъ мнѣ дверь. Это былъ камердинеръ и буфетчикъ барона, весьма почтенный и хорошій человекъ. Иваненко получилъ отъ барона надлежащія относительно меня инструкціи, гласившія о всегдашнемъ безпрепятственномъ допущеніи меня не только въ квартиру, но даже въ черный кабинетъ. Это произвело на Иваненко огромное впечатлѣніе, и онъ сталъ ко мнѣ относиться не какъ къ сербскому добровольцу, пришедшему за пособіемъ, каковымъ онъ меня счелъ въ началѣ. Въ этотъ же день познакомился я съ семьей Дмитрія Ѳедоровича; его жена, рожденная Базилевская, въ высшей степени пріятливая и милая женщина, была серьезно больна и едва ходила отъ жестокаго суставчатого ревматизма. Я всегда любилъ дѣтей, а потому тогда же свелъ знакомство съ двумя чудесными мальчиками, сыновьями барона—Колей и Володей, которыхъ впоследствии мы всѣ русскіе, бывшіе у Стурта, называли сдѣтно: Коля-Володя, хотя бы на-лицо былъ только одинъ изъ нихъ. Кромѣ того была еще дочь Маруся, очень маленькая и милая, напоминавшая мнѣ мою Марусю, оставленную въ Петербургѣ.

Къ обѣду у барона явился весь персоналъ консульства: первый секретарь, тоненькій, повидимому нѣсколько изнѣженный блондинъ, большой франтъ, съ очень изящными, утонченными манерами и весьма пріятный въ обществѣ. Его спеціальностью было, кажется, быть представителемъ русскаго консульства въ румынскомъ обществѣ. Второй—секретарь Золотаревъ, котораго баронъ, да и другіе, близкіе къ барону русскіе, называли просто Сашинька, былъ, кажется, правой рукой, довѣреннымъ лицомъ у Стурта: онъ велъ всю секретную переписку, хранилъ влючъ отъ ящика съ шифрами; живя въ Румыніи около пяти лѣтъ, отлично ее изучилъ, говорилъ хорошо по-румынски и даже по-болгарски. Третьимъ лицомъ въ числѣ консульскаго персонала былъ драгоманъ Лука Анастасевичъ Няга, кажется уроженецъ Бессарабіи. Няга отлично зналъ мѣстные и другіе языки, нравы и обычаи Румыніи, былъ дѣловитъ и ко всѣмъ намъ относился весьма дружелюбно.

Всѣ эти лица обѣдали ежедневно у консула; въ число членовъ консульства поступилъ и я.

Передъ выѣздомъ моимъ изъ Кишинева, М. А. Хитрово обѣщала мнѣ предупредить барона Стурта о моемъ пріѣздѣ и просить приготовить къ этому времени нѣсколько довѣренныхъ лицъ, съ которыми я могъ бы тотчасъ же вступить въ сношенія. Надо замѣтить, что въ это время, т. е. въ серединѣ декабря по старому стилю, константинопольскія конференціи приближались къ концу, можно было скоро ожидать развязки, а потому надо было и мнѣ не зѣвать. Къ сожалѣнію, Стуртъ

отъ Хитрово ничего не получая. Тѣмъ не менѣ баронъ сказалъ мнѣ, что знаетъ кое-кого, подходящаго для моихъ цѣлей, но долженъ употребить нѣсколько дней для справокъ, переговоровъ и т. п. По поводу моей командировки вообще, Дмитрій Федоровичъ находилъ возможнымъ достигнуть результатовъ при содѣйствіи разныхъ лицъ, преимущественно болгаръ; онъ также возлагалъ надежды на ловкость и способность Яни Карвонидеса (Карвониди), служившаго драгоманомъ въ русскомъ консульствѣ въ Русукѣ, и отчасти на скопцовъ, но послѣдніе могли быть полезны преимущественно на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ у нихъ много связей.

По вопросу о денежныхъ средствахъ баронъ находилъ, что данныя мнѣ деньги—капля въ морѣ. (У меня были цѣлы 3.000 руб. кредитныхъ, которые, по размѣнѣ на звонкую монету, превратились въ 2.244 р. золотомъ). Стуартъ говорилъ, что этого положительно мало и что суть не въ томъ, чтобы израсходовать деньги, а въ томъ, чтобы они были всегда въ достаточномъ размѣрѣ подъ рукой.

— Почему вы знаете, говорилъ баронъ, можетъ быть послѣ долгихъ бесплодныхъ дѣйствій вдругъ вамъ представится случай, гдѣ надо будетъ сейчасъ же вынуть большую сумму и сразу отдать. Просите у великаго князя присылки еще 5.000 рублей. Пусть они лежатъ у меня въ Букарестѣ, какъ резервъ. Не истратите—отдадите, а истратите на дѣло, то эти 5.000 рублей найдетъ русская армія, придя на Дунай.

Относительно поѣздки моей въ Русукѣ баронъ отозвался весьма скептически, выставляя тѣ же мотивы, что и Г. И. Бобриковъ.

— Будутъ слѣдить, ничего не увидите, а въ концѣ концовъ вышлютъ и хорошо еще если вышлютъ безъ скандала и даже насилія.

Сношенія съ Русукомъ баронъ рекомендовалъ вести черезъ Карвонидеса, причѣмъ совѣтовалъ въ видѣ задатка за работу, а также съ цѣлью прикрѣпленія Карвонидеса къ работѣ и нѣкоторой гарантіи его добросовѣстности, выхлопотать принятіе въ одно изъ русскихъ учебныхъ заведеній сына Карвонидеса, о чемъ давно уже хлопочетъ Кожениковъ, но безуспѣшно. Это послужило бы поощреніемъ отцу въ его работѣ, да и аманатъ будетъ.

Въ началѣ существовало предположеніе объ опредѣленіи меня на службу въ качествѣ приказчика или конторщика къ одному болгаряну, весьма значительному хлѣбному торговцу въ Журжевѣ, но затѣмъ мысль эта была отклонена, такъ какъ городъ этотъ былъ переполненъ турецкими агентами, наблюдавшими оттуда за поведеніемъ Румыніи; по слухамъ румынской префектъ этого города былъ не только туркофилъ, но поговаривали даже, что онъ на жалованьи у Турціи.

Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ вообще сводились къ слѣдующему: въ возможность войны сегодня вѣрять, завтра не вѣрять. Между румынами господствуетъ мнѣніе, что русскіе пойдутъ въ Турцію черезъ Сербію:

причемъ простой народъ, по слухамъ, почерпнутымъ мною въ гостиницахъ, баняхъ, у извозчиковъ и т. п., встрѣтитъ русскихъ хорошо. Старики передавали молодымъ, что отъ русской арміи въ 1853 году народу обидъ не было, а была выгода и жили въ мирѣ. Интеллигенція, или по крайней мѣрѣ значительная часть ея, относилась къ вопросу иначе, но объ этомъ скажу впоследствии. Болгары, живущіе въ Турціи, не вѣрятъ движенію нашему въ Сербію, а полагаютъ, что мы будемъ осаждать Силистрію и Шумлу. Въ настоящее время въ Русукѣ и вообще по Дунаю войскъ не много, но ожидаютъ прибытія ихъ и сдѣлано распоряженіе объ отводѣ квартиръ у обывателей.

При разговорѣ съ Стуартомъ и Золотаревымъ, затронулъ я вопросъ о способѣ моихъ сношеній съ Кишиневомъ и весьма удивился, узнавъ, что въ этомъ дѣлѣ встрѣчаются значительныя препятствія. Посылать донесенія почтою не шифрованными письмами немисливо, такъ какъ перлюстрація (вскрываніе писемъ) на почтѣ въ большомъ ходу въ Румыніи, поставленной въ тиски между Россіей и Турціей, да еще вдобавокъ озирающейся на Австрію и Германію; посылка почтою шифрованныхъ донесеній еще хуже: распечатаютъ, подберутъ ключъ къ шифру и прочитаютъ, а въ самомъ счастливомъ случаѣ если не прочитаютъ, то задержатъ письмо или уничтожатъ. Оставалось одно самое вѣрное средство — посылка курьеровъ. Но тутъ я узналъ поразившую меня вещь: курьеровъ по штату букарестскаго консульства не полагалось и таковыхъ не было. Я поражался да и не одинъ я, а всѣ поражались, какъ это такъ, въ такое горячее время, букарестское консульство, лежащее на пути донесеній изъ Константинополя въ Петербургъ, Вѣну и Кишиневъ, въ которомъ была главная квартира дѣйствующей арміи, не могло сноситься ни съ однимъ изъ названныхъ пунктовъ иначе, какъ почтою или оказіей, что было въ нѣкоторыхъ случаяхъ немисливо. Изъ разговоровъ по этому поводу я узналъ, что практикой дознано о возможности дешифровать (разобрать) всякій шифръ; говорили, что il n'y a pas de chiffre indechiffable, а потому въ виду существовавшей перлюстраціи нѣкоторые изъ иностранныхъ правительствъ не посылали важныхъ извѣстій депешами или почтой, а только съ курьерами. Такъ, напримѣръ, Берлинъ и Лондонъ присылали при мнѣ въ Букарестъ каждую недѣлю два раза курьеровъ, которые, сдавъ въ Букарестѣ корреспонденцію, ѣхали далѣе въ Константинополь и обратно. Такимъ образомъ, англійское и германское правительства получали два раза въ недѣлю срочныя свѣдѣнія о ходѣ константинопольскихъ переговоровъ, что не исключало конечно экстренныхъ курьеровъ, въ важныхъ случаяхъ. Одни мы не имѣли не только курьеровъ, но даже не имѣли суммъ для найма ихъ, и наши донесенія ждали «оказіи». Бывали случаи, что и оказіей-то нельзя было пользоваться, какъ какъ нельзя же было довѣ-

рять первому встрѣчному важныя бумаги. А между тѣмъ Германія и Англія хотя и были заинтересованы разрѣшеніемъ вопроса, возникшаго между нами и Турціей, но въ то время не понесли еще никакого ущерба, не сдѣлавъ затратъ; мы же мобилизовали армію; стянули ее въ Бессарабію. ухлопали уже не мало денегъ, а все еще придерживались *économie des bouts de chandelles*.

Вслѣдствіе всего сказаннаго и не могъ послать въ Кишиневъ письма моего, въ которомъ было изложено подробное описаніе переговоровъ съ нашимъ посломъ въ Вѣнѣ, и ждалъ оказіи. По вопросу организаціи сбора свѣдѣній мнѣ посчастливилось. На другой день по пріѣздѣ моемъ баронъ познакомилъ меня съ двумя интересными субъектами. Первый былъ скопческій староста Матюшевъ, второй — богатый болгаринъ-банкиръ, Евлогій Георгіевъ.

Русскіе раскольники и представители различныхъ раскольничьихъ сектъ, избѣгая преслѣдованій русскаго правительства, искали себѣ убѣжища внѣ предѣловъ Россіи и между прочимъ въ Румыніи, гдѣ стали извѣстны такъ же, какъ и въ Турціи и Буковинѣ еще до половины XVIII столѣтія подъ общимъ именемъ липованъ. Въ колоніяхъ раскольниковъ за нашей границей стали скриваться различные бѣглецы изъ Россіи, совершившіе преступленія, а также бывшіе крѣпостные, уходившіе отъ притѣсненій помѣщиковъ.

Насколько извѣстно, до настоящаго времени раскольники наши въ Румыніи принадлежали къ слѣдующимъ сектамъ: 1) поповцы и безноповцы и 2) скопцы и молokane, а въ концѣ 50-хъ годовъ появились въ небольшомъ числѣ шалопуты (духовные скопцы). Собственно же скопцы начали селиться въ Румыніи нѣсколько позже, приблизительно въ концѣ XVIII или началѣ XIX столѣтія. Они жили преимущественно въ городахъ: Яссахъ, Букарестѣ, Галацѣ и около Килія. Все число проживающихъ въ Румыніи скопцовъ опредѣлялось въ концѣ 70-хъ годовъ приблизительно въ 1.000 душъ, но надо думать, что эта офиціальная цифра была далеко ниже дѣйствительной и добратся до настоящаго числа этихъ сектантовъ невозможно вслѣдствіе тайны, въ которую облечена какъ жизнь ихъ, такъ и прирость членовъ секты, тщательно скрываемый. Во всякомъ же случаѣ прирость скопческой секты въ Румыніи, по свидѣтельству изслѣдователя этого вопроса епископа Нижне-Дунайской епархіи Мельхиседека ¹⁾, существуетъ какъ посредствомъ переселенцевъ изъ Россіи, такъ и посредствомъ прозелитизма въ самой Румыніи.

Наибольшее количество скопцовъ было въ Галацѣ, затѣмъ въ Бу-

¹⁾ Липованство, т. е. русскіе схизматики или раскольники и еретики. Букарестъ 1871 г. Составлено епископомъ Мельхиседекомъ.

карестѣ (около 150 чел.) и приблизительно такое же количество въ Яссахъ. Труднѣе всего опредѣлить число скопческихъ женщинъ, такъ какъ онѣ, не будучи связаны семейными узами съ своими мужьями, не имѣютъ постоянного мѣстопробыванія и живутъ смотря по обстоятельствамъ то у однихъ, то у другихъ.

Во всей Румыніи скопцы занимаютъ преимущественно извозничествомъ и отчасти пчеловодствомъ, образуя общины подъ управленіемъ избраннаго ими старосты. Скопцы считаются румынскими подданными, но находятся въ то же время подъ протекторатомъ русскаго правительства въ лицѣ мѣстнаго русскаго консула, который почитается и уважается ими чуть ли не больше румынскаго правительства; объясняется это тѣмъ, что ни одинъ скопецъ не можетъ вѣхъ въ Россію безъ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія нашего консула, а такъ какъ прозелитизмъ и сношенія съ главарями, проживающими въ Россіи, для заграничныхъ скопцовъ стоятъ на первомъ планѣ, то понятно, что нашъ консулъ для нихъ сила. Скопцы, отличаясь трезвой, умѣренной жизнью и получая хорошіе заработки отъ извозничьяго промысла, живутъ зажиточно, а нѣкоторые и капиталомъ обладаютъ; лучшіе и дѣйствительно чудесные парные фаетоны и лошади въ городахъ Румыніи принадлежатъ скопцамъ. Несмотря на достатокъ и зажиточность, скопцы живутъ всегда на далекой окраинѣ города цѣлой общиной, называя себя православными, и причислены въ Букарестѣ къ приходской православной церкви свѣтуль Іоаннъ Мошь ¹⁾, около которой находится ихъ кладбище; въ предмѣстьи же Сильвестру находится ихъ модельная, гдѣ они и отправляютъ свои богослуженія, тайныя же религиозныя обряды справлялись ими, по слухамъ, въ одной пасѣкѣ въ лѣсу, близъ селенія Туари, Ильфовскаго округа, къ которому принадлежитъ и Букарестъ ²⁾.

Въ Букарестѣ старостой скопческой общины былъ Алексѣй Андреевичъ Матюшевъ, высокій, почтенный, степенный старикъ лѣтъ 60 на видъ, хотя дѣйствительный его возрастъ трудно было опредѣлить вслѣдствіе преждевременнаго старчества и морщинъ—результатовъ скопчества. Кто онъ и откуда—доподлинно никто изъ насъ не зналъ; можно было только съ увѣренностію сказать, что онъ великосельскій; это сказывалось въ его наружности, говорѣ и по другимъ при-

¹⁾ Святого Іоанна Мошь.

²⁾ Подробности о русскихъ раскольникахъ и русскихъ мистическихъ сектахъ въ Румыніи можно найти въ трудахъ П. Сырку и сообщеніяхъ, сдѣланныхъ имъ въ 1878 году этнографическому отдѣленію Русскаго географическаго общества, а также въ поманутой выше книгѣ соч. пресвященнаго Мельхиседека.

знакамъ. Огромнаго роста, тучный, съ чрезвычайно развитыми бедрами, осанистый Матюшевъ ходилъ медленной поступью, съ нѣкоторой важностью, говорилъ медленно, вдумываясь и вслушиваясь въ обращенныя къ нему слова, былъ очень тонкаго ума и великій дипломатъ. Мнѣ впоследствии придется еще упомянуть о немъ по особому случаю. За заслуги, оказанныя Матюшевымъ и его общиной во время войны съ турками, ему разрѣшено было, по окончаніи войны, съѣздить въ Россію. Онъ былъ у меня въ Петербургѣ, а потомъ встрѣтились мы въ Москвѣ въ 1880 году.

Къ сожалѣнію, Матюшевъ и его община не могли быть мнѣ полезны въ самой Турціи, по крайней мѣрѣ услуги ихъ могли быть только косвенныя; дѣло въ томъ, что секта эта не терпима въ Турціи; скопцы, по свидѣтельству преосвященнаго Мельхиседека, считаются тамъ уголовными преступниками, и какъ только появится подобное лицо, оно преслѣдуется полиціей и изгоняется изъ предѣловъ Оттоманской имперіи. Въ сборникѣ Кельсиева, выпускъ I, стр. 124, упоминаются донесенія Надеждина нашему правительству о положеніи скопцовъ въ Турціи въ 1846 году. «Что касается скопцовъ, говоритъ Надеждинъ, то ихъ прежде было много въ Европейской Турціи, оставшихся тамъ со времени пребыванія русскихъ войскъ за Дунаемъ во время войны 1828 года; но такъ какъ турки ненавидятъ этихъ чудовищъ гораздо болѣе, чѣмъ христіанъ и терпятъ только тѣхъ, которые нужны для наблюденія при гаремахъ, то они (скопцы) удалились оттуда въ разныя мѣста, такъ что теперь (1846 г.) во всей задунайской части, только въ Тульчѣ, находится три или четыре скопца. Въ другомъ мѣстѣ, во всей Болгаріи, Румелии и даже въ Константинополѣ нѣтъ ни одного». По моимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ уже въ Букарестѣ, въ то время (1876 г.) не было ни одного скопца въ Турціи и всѣ они перешли въ Румынію.

Такимъ образомъ дѣятельность скопцовъ въ моемъ дѣлѣ должна была ограничиться предѣлами Румыніи и сосредоточилась на Нижнемъ Дунаѣ преимущественно въ Вилковѣ ¹⁾, гдѣ жилъ воевода Велькъ, липованъ, имѣвшій большое вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Наблюденія его должны были быть направлены преимущественно на проходъ разныхъ судовъ въ Дунай какъ военныхъ, такъ и транспортныхъ; посредствомъ липованъ, жившихъ въ Тульчѣ и другихъ придунайскихъ городахъ Турціи, онъ могъ доставлять мнѣ свѣдѣнія изъ Добруджи. Кромѣ того черезъ Матюшева могъ я имѣть также свѣдѣнія изъ Галаца и Браилова какъ о движеніи турецкихъ судовъ, такъ и о запасахъ продовольствія, заготовляемыхъ турецкими агентами въ этихъ двухъ большихъ центрахъ хлѣбной торговли Дуная.

¹⁾ На сѣверномъ берегу Килійскаго рукава Дуная близъ его устья.

Покончивши переговоры съ Матюшевымъ въ заднихъ комнатахъ консульскаго дома, вернулся я въ кабинетъ барона, гдѣ ожидало меня второе лицо, съ которымъ Стюартъ находилъ нужнымъ меня свести; это былъ Евлогіи Георгіевъ. Я увидѣлъ мужчину роста выше средняго, очень тучнаго, на видъ вялаго, грузнаго, апатичнаго, съ маленькими сѣрыми глазами и лицомъ, на первый взглядъ, ничего не выражавшимъ. Мнѣ было сообщено, что Евлогіи родомъ болгаринъ изъ Карлова, давно уже живеть въ Букарестѣ, обладаетъ большимъ состояніемъ, имѣеть банкирскую контору и у него находятъ пріютъ и помощь болгары, вынужденные уйти изъ Турціи. Евлогіи понималъ по-русски, но плохо говорилъ и вслѣдствіе этого, а быть можетъ вслѣдствіе выработанной имъ въ себѣ осторожности и скрытности, былъ очень молчаливъ, сдержанъ, скромнень въ обращеніи и ограничивался краткими фразами. На вопросъ мой, можно ли подобрать болгаръ, соответствующихъ моей работѣ, онъ кратко отвѣчалъ:

— Отчего не можно, можно—и сейчасъ же прибавилъ съ своей стороны вопросъ: а что война буде?

Когда же я увѣрялъ его, что война будетъ и что не даромъ же цѣлая армія, имѣя во главѣ брата государя, сосредоточена въ Кишиневѣ, онъ недовѣрчиво качалъ головой и говорилъ:

— Не, не буде; Лондресь и Берлинъ не позволятъ.

Еще до пріѣзда моего въ Букарестъ, Евлогіи, черезъ барона Стюарта, довелъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, что въ случаѣ вступленія нашихъ войскъ въ Румынію, онъ жертвуетъ на 80.000 франковъ различнаго продовольствія для нашей арміи, если же потребуются, то дастъ продуктовъ и на 180.000 франковъ; компаньонъ Евлогіи болгаринъ Веронъ жертвуетъ продуктовъ на 50.000 франковъ. Холостой миллионеръ, ревностный патріотъ, можно сказать патріархъ болгарскій, Евлогіи былъ безвозмезднымъ банкиромъ всего болгарскаго движенія. Въ нашемъ консульствѣ въ Букарестѣ лежало его духовное завѣщаніе, по которому онъ все свое состояніе послѣ своей смерти отказывалъ на учрежденіе университета въ Болгаріи. Ни одно какое либо серьезное предпріятіе, клонящееся къ улучшенію быта Болгаріи безъ Евлогіи не обходилось; такъ, напримѣръ, депутація болгарскаго народа, посланная въ 1876 году къ европейскимъ дворамъ: къ государю, Горчакову, Бисмарку, Андраши, Гладстону и проч. поѣхала на средства Евлогіи, и представители этой депутаціи, Драганъ Цанковъ и Марко Балабановъ, писали Евлогію отчеты о своемъ путешествіи. Богатство Евлогіи кромѣ капитала и банковыхъ операцій заключалось въ хлѣбной торговлѣ, которая была весьма значительна; его складами была занята половина города Ольтеницы, были склады въ Галацѣ, Журжевѣ и далѣе по Ду-

наю вплоть до Калафата, а также были дѣла и агенты въ Шумлі, Рушукѣ, Систовѣ, Габровѣ и проч.

На основаніи положительныхъ данныхъ я донесъ въ главную квартиру, что, по слову Евлогія, къ намъ въ случай войны и перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай и даже до перехода присоединится болгарская молодежь и при томъ не безъ разбора, а настоящіе юнаки, которые могутъ быть намъ особенно полезны своимъ знаніемъ мѣстности и балканскихъ проходовъ. Евлогій совѣтовалъ въ случай войны и послѣ переправы брать во всё наши отряды болгарскихъ волонтеровъ, уроженцевъ Балканъ и окрестностей Габрова, Тырнова, Османъ-Базара, Беброва и т. д., которые, зная всё пути и горные проходы, будучи приданы въ извѣстномъ числѣ къ частямъ русскихъ войскъ, будутъ отличными жожаками и переводчиками, въ то же время сами наберутся храбрости и умѣнья; будучи же предоставлены сами себѣ не принесутъ пользы. Евлогій настоятельно просилъ не формировать изъ болгарскихъ добровольцевъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ отрядовъ.

Въ разговорѣ съ нимъ я узналъ, что онъ нѣсколько огорченъ тѣмъ, что на его давнишнее заявленіе о готовности жертвовать для нашей арміи продукты на значительныя суммы, до сихъ поръ не получено отвѣта хотя бы въ видѣ «спасибо», ни къ чему не обязывающаго. Это обстоятельство и неподдѣльное огорченіе Евлогія я счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія главной квартиры и писалъ К. В. Левицкому 26-го декабря стараго стиля 1876 г.: «Будьте такъ добры, въ виду пользы намъ же, скажите Артуру Адамовичу, нельзя ли ему написать письмо на имя барона Стурарта приблизительно такое, что его высочество, выслушавъ докладъ о предложеніи Евлогія Георгіева и Верона, извоилъ милостиво отозваться объ этомъ предметѣ и благодарить ихъ за преданность, любовь къ Россіи и проч. Евлогій будетъ читать и плакать, а намъ это въ пользу. Не откажите, убѣдительно прошу васъ сдѣлать это. Людямъ, подобнымъ Евлогію, деньги не дороги, у него у самого нѣсколько милліоновъ; имъ нужно ласковое слово и, конечно, пріятное щекотаніе тщеславія, что вотъ дескать, самъ великій князь благодарить. Евлогій умница, читаетъ газеты, разсуждаетъ и милостивое слово его высочества разнесется не только между болгарами въ Румыніи, но будетъ извѣстно вплоть до Филиппополя».

Упомянувъ впоследствии о различныхъ другихъ дѣйствіяхъ Евлогія въ нашу пользу, я еще разъ писалъ Левицкому такъ: «согласитесь, что всё подобныя дѣйствія Евлогія вознаграждаются не деньгами, а ласкою и поэтому, не боясь надѣсть вамъ, прошу настоятельно и убѣдительно исполнить просьбу мою и барона Стурарта—написать черезъ барона Стурарта благодарность Евлогію за всё его старанія и прино-

пенія, а Верону за приношеніе. Такое письмо воздастся намъ сторипею. Надо замѣтить, что Евлогіи и почти всѣ его агенты скомпрометированы у турокъ».

Евлогіи Георгіевъ, выслушавъ весьма внимательно мои предположенія о собираніи свѣдѣній, охотно вызвался помогать мнѣ и обѣщалъ выписать изъ Вѣны своего коммерческаго агента Начовича, пригоднаго для исполненія порученій, требующихъ особой смысленности, а также для рискованныхъ и смѣлыхъ путешествій, притомъ же образованнаго и говорящаго по-французски, нѣмецки, румынски и понимающаго русскій языкъ.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воеводы стараго времени ¹⁾.

Рапортъ воеводской канцеляріи Сенату.

Сего мая 20-го числа, на память мученика Фалалѣя, волею Божію, отъ разоренія по содержавію Феклы Ларіоновой, половина города выгорѣла дотла и съ пожитками, а изъ оставшейся половины города ползуть тараканы въ поле и видно, что быть и на эту половину гнѣву Божію, и на долго-ль коротко-ль и той половинѣ города горѣть, что и отъ старыхъ людей примѣчено. Того ради Правительствующему Сенату представляю, не благоугодно ли будетъ градожителямъ пожитки свои выбрать и оставшуюся половину зажечь, дабы не загорѣлся городъ не въ-время и пожитки всѣ бы не сгорѣли.

Отвѣтъ Сенатъ.

Половина города сгорѣла, велѣть жителямъ строиться, а впредь тебѣ, воеводѣ, не врать и другой половины города не зажигать; тараканамъ и старымъ людямъ не вѣрять, а дожидаться воли Божіей.

Сообщ. Н. А. Боровковъ.

¹⁾ Печатавъ всѣхъ входящую переписку съ весьма старинной рукописи, мы къ сожалѣнію не нашли на ней ни года, ни числа.

Р е д.

Яковъ Петровичъ Полонскій. ¹⁾

Октября 18-го 1898 года, въ 11 час. 45 мин. утра, въ Петербургѣ, въ своей квартирѣ на Знаменской улицѣ, скончался одинъ изъ крупныхъ литературныхъ дѣятелей нашихъ, Яковъ Петровичъ Полонскій.

Онъ родился 6-го декабря 1820 г. въ Рязани, въ небогатой помѣщичьей семьѣ. Десяти лѣтъ онъ лишился матери и въ то же время долженъ былъ разстаться съ отцомъ, служившимъ при рязанскомъ генералъ-губернаторѣ Болотовѣ и переведенномъ въ это время на службу въ Эривань. Заняться воспитаніемъ Якова Петровича выпало на долю его теткамъ Кафтыревымъ, сестрамъ его матери. Онѣ были женщины стариннаго склада, у которыхъ искреннее благочестіе смѣшивалось съ обрядностью и даже суевѣріемъ, что заставляетъ думать, что дѣтство писателя прошло не при особенно благопріятныхъ условіяхъ. А между тѣмъ изъ его собственныхъ стихотвореній можно заключить, что онъ вынесъ изъ своего дѣтства высокія и свѣтлыя впечатлѣнія, облекшіяся потомъ въ такую поэтическую форму, какъ стихотвореніе «Ангель»:

Любилъ я тихій свѣтъ лампы золотой,
Благоговѣнное вокругъ нея молчанье,
И тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкой пухъ облокотая рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Прійдетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?...

¹⁾ Рѣчь, читанная въ открытомъ общемъ собраніи „Союза“ ревнителей русскаго слова; 29 ноября 1898 г.

И мнилось мнѣ: на ложѣ, близъ меня,
 Въ сіяньи трепетномъ лампаднаго огня,
 Въ блѣдно-серебряномъ сѣдѣль онъ одѣяньи...
 И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
 И мысли, дѣтскому доступныя уму,
 И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
 Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
 Я весь проникнуть былъ божественною силой.
 Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
 Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
 Но очи кроткія его глядѣли вдалѣ,
 Они грядущее въ душѣ моей читали,
 И отражалась въ нихъ какад-то печаль...
 И ангелъ говорилъ: „Дитя, тебя мнѣ жаль!
 „Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?“
 Душой младенческой я ихъ не понималъ,
 Края одеждъ его ловилъ и цѣловалъ,
 И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

Въ 1831 году Яковъ Петровичъ поступилъ въ рязанскую гимназію и здѣсь въ немъ впервые сказалось его поэтическое дарованіе. Онъ сталъ извѣстенъ между товарищами своими стихотвореніями, одно изъ которыхъ удостоился поднести цесаревичу Александру Николаевичу при посѣщеніи имъ гимназіи въ 1837 г., за что получилъ отъ него золотыя часы.

Окончивъ гимназическій курсъ въ 1839 г., Я. П. Полонскій поступилъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ. Такой выборъ сдѣланъ былъ, вѣроятно, безъ опредѣленной цѣли, потому что Яковъ Петровичъ посѣщалъ лекціи и другихъ факультетовъ, свободное же время посвящалъ чтенію журналовъ и новымъ знакомствамъ. Особенно важно сближеніе его съ кружкомъ Чаадаева. П. Я. Чаадаевъ былъ выдающимся лицомъ въ тогдашнемъ литературномъ кругѣ Москвы, и у него собирались всѣ лучшіе представители тогдашняго московскаго образованнаго общества, особенно интересовавшіея вопросами философскими. Знакомство съ такимъ кружкомъ не могло остаться безъ вліянія на развитіе будущаго писателя, въ произведеніяхъ котораго постоянно замѣтно присутствіе не столько чувства, сколько строгой философской мысли. Въ 1844 г. Яковъ Петровичъ окончилъ университетскій курсъ и въ томъ же году выступилъ на литературномъ поприщѣ съ небольшою книжкою стихотвореній, подъ названіемъ «Гаммы», встрѣченной очень сочувственно тогдашней критикой.

Не найдя себѣ занятій въ Москвѣ, молодой Полонскій уѣхалъ на службу въ Одессу, гдѣ, черезъ одного, случайно встрѣченнаго имъ, школьнаго товарища, познакомился съ братомъ Александра Сергѣевича Пушкина, Львомъ Сергѣевичемъ, съ родственницей Жуковскаго, из-

вѣстной дѣтской писательницей Зонтагъ и съ молодымъ въ то время писателемъ, Н. Щерблиной.

Въ 1846 г. въ Одессѣ появился новый сборникъ его стихотвореній, подъ заглавіемъ «Стихотворенія 1845 г.», но критика встрѣтила его уже не такъ благосклонно какъ первый. Бѣлинскій, разбирая его вмѣстѣ со сборникомъ стихотвореній другого, тоже начинавшаго писателя, А. А. Григорьева (будущаго навѣстнаго критика), и отозвавшись довольно благосклонно о стихотвореніяхъ Григорьева, про сборникъ Полонскаго сказалъ, что при чтеніи его у него постоянно вертѣлся въ головѣ стихъ Кантемира:

„Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!
„Покойся, не понуждай къ перу мои руки“.

Къ счастью, такой суровый приговоръ не охладилъ Якова Петровича и не заставилъ его умолкнуть—признакъ большой самостоятельности и большой вѣры въ себя.

Въ томъ же 1846 г. Яковъ Петровичъ переѣхалъ на службу въ Тифлисъ, помощникомъ редактора «Закавказскаго Вѣстника». Жизнь на Кавказѣ, вдохновлявшая многихъ нашихъ поэтовъ, дала новую пищу и поэтическому вдохновенію Полонскаго. Въ 1849 г. появился въ Тифлисѣ новый сборникъ его стихотвореній «Сазандаръ» (т. е. «Пѣвецъ»), а въ 1851 г.—другой подъ заглавіемъ «Нѣсколько стихотвореній Якова Петровича Полонскаго».

Въ 1852 г. Яковъ Петровичъ уѣхалъ въ отпускъ на родину, въ Рязань, а оттуда въ Петербургъ, и на Кавказъ уже не вернулся. Живя безъ службы въ столицѣ, онъ долженъ былъ заняться частными уроками не только для того, чтобы существовать, но и для расходовъ по леченію, такъ какъ здоровье его разстроилось, и ему приходилось лѣтомъ уѣзжать лечиться то въ Гапсаль, то въ Гельсингфорсъ.

Въ 1856 г. онъ вынужденъ былъ принять обязанности воспитателя въ одномъ аристократическомъ семействѣ, съ которымъ въ 1857 г. уѣхалъ за-границу. Въ Женевѣ онъ познакомился съ художникомъ Диде, у котораго сталъ брать уроки живописи и впоследствии сдѣлался недурнымъ живописцемъ. Познакомившись въ Парижѣ съ семьей дьяча при русской посольской церкви Устюжскимъ, онъ вступилъ въ бракъ съ его дочерью; но ему недолго суждено было наслаждаться радостями семейной жизни, потому что черезъ полтора года супруга его скончалась. По возвращеніи въ Петербургъ, Яковъ Петровичъ дѣлается однимъ изъ редакторовъ журнала «Русское Слово» (1859—1860), издававшагося графомъ Купчелевымъ-Безбородко, съ которымъ Яковъ Петровичъ познакомился еще во время пребыванія за-границей, въ Римѣ. Въ этомъ журналѣ была помѣщена первая его поэма—знаме-

нитый «Кузнечикъ-музыкантъ», принадлежащая къ тому своеобразному разряду полу-сатирическихъ, полу-философскихъ поэмъ, который составляетъ оригинальную особенность поэтического творчества Полонскаго. Въ 1860 г. Яковъ Петровичъ разстался съ графомъ Куселевымъ-Безбородко и поступилъ секретаремъ въ комитетъ иностранной цензуры, гдѣ и остался на службѣ до конца своей жизни, проходя въ цензурномъ вѣдомствѣ постепенно различныя должности и скончавшись членомъ совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати, въ чинѣ д. с. совѣтника. Въ 1866 г. онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью известнаго врача Рюльмана, Жозефиной Антоновной, приобрѣтшей известность своими скульптурными работами, изъ которыхъ особенно замѣчательны бюсты И. С. Тургенева.

Погребенъ Яковъ Петровичъ въ своемъ рязанскомъ имѣніи.

Какъ поэтъ, онъ особенно извѣстенъ своими лирическими стихотвореніями, на которыхъ мы поэтому и остановимся—по преимуществу, хотя онъ писалъ не одни мелкія стихотворенія. Кромѣ извѣстныхъ поэмъ его—«Кузнечикъ-музыкантъ», «Куклы», «Собаки», «Анна Галдина», «Келіотъ»,—онъ писалъ драмы («Дареджана Имеретинская» и другія) и повѣсти. Но останавливаться на разсмотрѣніи всѣхъ его произведеній мы не будемъ и ограничимся попыткой выяснить особенности его, какъ поэта, по его мелкимъ стихотвореніямъ, въ которыхъ его міросозерцаніе выразилось такъ полно и опредѣленно, что наши выводы будутъ вполне приложимы и къ остальнымъ его произведеніямъ.

Отличительную особенность Якова Петровича Полонскаго, какъ поэта, составляетъ то, что его можно назвать поэтомъ-философомъ, и въ этомъ нельзя не видѣть явственнаго отпечатка того вліянія, какое оказало на него знакомство съ кружкомъ Чаадаева. Почти всѣ его стихотворенія проникнуты какою-нибудь серьезной, а часто и глубокой мыслью, и нерѣдко въ ущербъ художественной цѣльности произведенія. Если, не стѣсняясь хронологіей, расположить его стихотворенія по той внутренней, психологической связи, которая всегда связываетъ всѣ произведенія писателя въ одно цѣлое, то въ нихъ совершенно явственно обнаружится нѣкоторая двойственность, существовавшая, очевидно, и въ душѣ самого художника. Сознательно онъ смотрѣлъ на явленія жизни преимущественно, какъ философъ, стараясь осмыслить ихъ силою ясной, отвлеченной мысли; бессознательно же, какъ художникъ, не могъ не признать власти тѣхъ безотчетныхъ настроеній, которыя, какъ вдохновеніе, знакомы всякому истинному художнику. Онъ былъ слишкомъ умственно развитъ для того, чтобы слѣпо смотрѣть на жизнь, но не могъ подняться до высоты и безпристрастія отвлеченнаго мышленія, для того чтобы спокойно обсуждать явленія жизни. Какъ философъ, онъ понималъ, что нельзя пѣть о томъ, чего не видишь и не пони-

имашь; для его вдохновенія ему нуженъ былъ ясный свѣтъ отвлеченной мысли.

„Чтобы пѣсня моя разлилась какъ потокъ,

говорить онъ,

Ясной зорьки она дожидается:
 Пусть не темная ночь, пусть горящій востокъ
 Отражается въ ней, отливается...
 Пусть чирикаютъ вольныя птицы вокругъ,
 Сонный лѣсъ пусть проснется, — нарядится,
 И сова, — пусть она не тревожитъ мой слухъ —
 И, слѣвая, подальше усядется.

Но, вглядываясь въ жизнь не только какъ философъ, но и какъ поэтъ, онъ чувствовалъ безсильіе отвлеченной мысли въ стремленіи разгадать смыслъ жизни, и она казалась ему какой-то неразрѣшимой загадкой. Въ одномъ своемъ стихотвореніи, останавливаясь въ сердечномъ недоумѣніи передъ поразившей его въ глуши провинціальной жизни дѣвушкой, онъ спрашиваетъ.

Для кого расцвѣла? Для чего разлилась?
 Для кого это небо, — лазурь ея глазъ,
 Эта роскошь, — волнистыя кудри до плечъ
 Эта музыка, — усть ея тихая рѣчь?
 Ясно можетъ она своимъ чутьемъ умомъ
 Слышать голосъ души въ разговоръ простомъ;
 И для міра любви и для міра искусствъ
 Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ.
 Прикоснется ли клавишъ, — заплачетъ ролью;
 На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
 Подойдетъ ли къ окну — безотчетно грустна,
 Въ безотвѣтную даль долго смотреть она...
 Что звенитъ тамъ вдали, — и звенитъ и зоветъ?
 И зачѣмъ тамъ, въ степи, пылъ столбами встаетъ?
 И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
 Оттого-ль разлилась, что весна началась!
 И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
 Что, стряхая росу, по дѣвтамъ шелеститъ,
 Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
 Помавал, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?
 Не природа ли тайно съ душой говоритъ?
 Сердце ль проситъ любви и безъ равы болитъ?
 И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
 Для кого расцвѣла? Для чего разлилась?

Эти же вопросы онъ могъ обратить и къ своей музѣ, ибо во вдохновеніи художника присутствуетъ не одинъ только ясный свѣтъ отвлеченной мысли, но въ еще гораздо большей степени тѣ безотчетныя настроенія, конечная цѣль которыхъ таинственно скрыта даже отъ взоровъ самого художника.

Какъ философъ, какъ человѣкъ, отдающійся по преимуществу работѣ отвлеченной мысли, онъ не разъ переживалъ мучительное и не для всѣхъ безопасное состояніе сомнѣній, когда передъ неумолимой и безстрастной силой анализа падаютъ всѣ безотчетныя, но дорогія сердцу нѣрованія. Объ этомъ тяжеломъ душевномъ состояніи своемъ онъ такъ рассказываетъ въ своихъ стихотвореніяхъ:

Священный благовѣсть торжественно звучитъ,
 Во храмахъ еміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
 Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
 Святые помъсли души моей мрачатъ.
 И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
 Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ;
 Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
 Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
 И эту пустоту ничто не озаряетъ:
 Дыханьемъ бурь мой свѣточъ погашенъ.
 Бездонный мракъ на вошь не отвѣчаетъ...
 А жизнь—жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...

Печальныя послѣдствія такого состоянія прекрасно изображены имъ въ стихотвореніи: «Подслушанныя думы».

Зло, добро,—все такъ перемѣшалось,
 Что и зло мнѣ зломъ ужъ не казалось,
 И въ добрѣ не видѣлъ я добра...
 Проходили дни и вечера,—
 Вечера и ночи проходили,
 И хотъ мысли все еще бродили,
 Озаряя жизни темный путь,—
 Ни на чемъ не могъ я отдохнуть.

Эта мучительная борьба сомнѣній разрѣшилась, наконецъ, у него, какъ у философа, твердой вѣрой въ незыблемость человѣческаго развитія, въ могущество человѣческаго гениа. Въ стихотвореніи «И я сынъ времени» онъ такъ изображаетъ эту побѣду свою надъ «демономъ сомнѣнья»:

И я сынъ времени, и я
 Былъ на дорогѣ бытіа
 Встрѣчаемъ демономъ сомнѣнья;
 И я, страдая, проклиналъ,
 И, отрицая Провидѣнье,
 Какъ благодати ожидалъ
 Послѣдняго ожесточенья.
 Мнѣ было жаль волшебныхъ сновъ
 Отрадныхъ дѣтскихъ упованій
 И мнѣ завѣщанныхъ преданій
 Отъ простодушныхъ стариковъ.
 Когда молитвенный мой храмъ

Душавный демонъ опрокинулъ
 На жертву пагубнымъ мечтамъ
 Онъ одного меня покинулъ;
 Я долго вликала: Гдѣ же ты,
 Мой искуситель? Дай хоть руку!
 Изъ этой мрачной пустоты
 Неси хоть въ адъ!

И вотъ, среди мятежныхъ думъ,
 Среди мучительныхъ сомнѣній
 Установился шаткій умъ
 И жаждетъ новыхъ откровеній.
 И если вновь, о демонъ мой,
 Тебя нечаянно я встрѣчу,
 Я на привѣтъ холодный твой
 Безъ содроганія отвѣчу.
 Весь міръ открытъ моимъ очамъ,
 Я снова гордъ, могучъ, спокоенъ—
 Пускай разрушенъ прежній храмъ,
 О чемъ жалѣть, когда построенъ
 Другой— не на холмѣ гробовъ,
 Не изъ разбросанныхъ обломковъ
 Той ветхой храминны отцовъ,
 Гдѣ стало тѣсно для потомковъ.

И какъ великъ мой новый храмъ,
 Нерукотворенъ куполъ вѣчный,
 Гдѣ ночью путь проходитъ млечный,
 Гдѣ ходитъ солнце по часамъ,
 Гдѣ все живетъ, горитъ и дышитъ,
 Гдѣ раздается вѣчный хоръ,
 Который демонъ мой не слышитъ,
 Который слышитъ Пиеагоръ.
 И, чу!... въ отвѣтъ на эти звуки
 Встаютъ.

И вотъ
 Всѣ Гении земного міра,
 И всѣ, кому послушна зѣра,
 Мой храмъ наполнили толпой;
 Гомера, Данте и Шекспира
 Я слышу голосъ вѣковой.
 Теперь попробуй, демонъ мой,
 Нарушить этотъ гимнъ святой,
 Наполнить смрадомъ это зданье.
 О, вѣтъ! съ могуществомъ своимъ,
 Безсильный, уходи къ другимъ
 И разбивай одни преданья,
 Остатки формъ безъ содержания.

Вотъ тотъ путь, который совершила его философствующая мысль: доведя его до проклятія, до отрицанья Провидѣнія, почти до ожесточенья; заставивъ его разстаться съ волшебнымъ сномъ отрадныхъ дѣтскихъ

упованій, воспринятыхъ имъ отъ «простодушныхъ стариковъ» предшествовавшаго поколѣвія; опрокинувъ его молитвенный храмъ и повергнувъ его въ хаосъ мятежныхъ думъ и мучительныхъ сомнѣній,— она же, эта философствующая мысль, привела его къ другой вѣрѣ и ввела его къ новому, болѣе обширному храму, и онъ съ отраднымъ чувствомъ душевнаго успокоенія послѣ пережитой душевной бури говоритъ: «Что за бѣда, что разрушенъ мой маленькій, личный храмъ, что опрокинуты мои личные боги: есть другой, болѣе обширный и уже неизблемый, недосягаемый ни для какихъ сомнѣній храмъ общечеловѣческой мысли, построенный совокупнымъ гениемъ всего образованнаго человѣчества, трудами бессмертныхъ выразителей общечеловѣческаго гения— Гомеровъ, Дантовъ, Шекспировъ. Въ этомъ храмѣ ничто не умираетъ, а, наоборотъ, «все живетъ, горитъ и дышетъ», въ немъ «раздается вѣчный хоръ», прославляющій всемогущество Творца. Этого обширнаго храма, воздвигнутаго гениемъ всего человѣчества, не разрушить уже никакой «демонъ сомнѣнія», потому что онъ можетъ разрушать только то, что уже само начинаетъ разрушаться: одни преданья, одни «остатки формъ безъ содержанья».

Такимъ образомъ, веда неизбѣжную для всякаго мыслящаго человѣка борьбу съ «демономъ сомнѣнья», всякій изъ насъ, по мнѣнію Полонскаго, можетъ найти точку опоры въ сознаніи связи своей личной жизни съ жизнью всего человѣчества. Но одного этого мало, ибо при такой постановкѣ вопроса почти уничтожается самая нравственная личность человѣка. Входя въ этотъ безграничный храмъ общечеловѣческаго прогресса, каждый отдѣльный человѣкъ дѣлается просто человѣкомъ толпы, и исчезаетъ, какъ отдѣльная нравственная личность, въ тѣсную и безчисленную толпѣ молящагося въ этомъ храмѣ человѣчества. Приобщаясь путемъ умственнаго развитія къ этой общечеловѣческой толпѣ и преклонясь, вмѣстѣ съ нею, передъ гениемъ общечеловѣческаго прогресса, человѣкъ не можетъ и не долженъ забывать, что онъ не безличная составная часть этой толпы, но самостоятельное нравственное существо, живущее помимо этой общей жизни всего человѣчества, какъ его составная часть, еще и своей отдѣльной, личной жизнью, которая должна же чѣмъ-нибудь руководствоваться. Полонскій не обошелъ и этого вопроса и въ стихотвореніи «Внутренній голосъ» показалъ необходимость прислушиваться къ нашему внутреннему голосу, который въ каждомъ изъ насъ служитъ истиннымъ выраженіемъ нашей обособленной нравственной личности:

Когда душа твоя, страдая,
 Полна любви; а между тѣмъ
 Ты любишь, самъ не понимая,
 Кого ты любишь и зачѣмъ, —

Изъ глубины, откуда бьется
 Пульсъ жизни сердца твоего,
 Мой голосъ смутно раздается:
 Услышь его! пойми его!

Кто я? меня не видятъ око...
 Но—близкій сердцу, какъ печаль,—
 Я, какъ мечта, вонусь далеко,
 Зову и—увлекаю вдаль.

Я—недоступный мыслимъ празднымъ,—
 Я тотъ, кто въ благости своей
 Законы далъ звѣздамъ алмазнымъ,
 Свободу далъ душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
 Своей вѣчной свѣтъ вливая въ нихъ,
 Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
 Тревогъ и радостей твоихъ.

Но, безконечно всюду въя,
 Хочу, чтобъ жизнь была полна,
 Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
 Дышу на эти сѣмена—

И говорю: на почвѣ скудной
 Дай вырасть Божьимъ сѣменамъ,
 Въ день благодатный жатвы трудной
 Я за дѣла твои воздамъ.

Только вѣра въ силу этого внутренняго голоса можно такъ смѣло призывать человѣка къ неустанному и безповоротному движению впередъ, какъ это дѣлаетъ Полонскій въ слѣдующемъ стихотвореніи:

О, подними свое чело!
 Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
 Не предавайся сожалѣньямъ
 О томъ, что было я прошло,
 О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
 Чего мы воротить не въ силахъ.

Зачѣмъ такъ рано погребать
 Невозможныя надежды,
 И съ простодушіемъ невѣжды
 Во всеуслышанье роптать?
 Чтобъ жизнь была тебѣ понятна,
 Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
 Потокъ чувствъ и мыслей новыхъ,
 Своимъ стремленіемъ готовыхъ
 Тебя невольно увлекать—
 Туда, гдѣ впереди такъ много
 Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
 И для внимающаго слуха
 Доступенъ тайный образъ духа

И внятень смыслъ его рѣчей—
Глаголь въ пустынь вопіющій,
Неумолкаемо зовущій.

Какъ философъ, Полонскій твердо вѣрилъ въ могущество чело-
веческой мысли, въ силу науки, и вдохновенно говорилъ:

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ—
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.
Гордая Муза, не бойся коварства!
Вриваніи толпѣ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?
Въ темной толпѣ мы не много услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много ли жъ дѣлъ мы запишемъ
Много ли словъ?
Словъ разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила, и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ и полныхъ значенья
Правды святой.
Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки я, только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Для него, какъ для философа, само поэтическое вдохновеніе нахо-
дилось въ зависимости отъ свѣта науки, потому что «только при немъ
муза чело украшаетъ свѣжимъ вѣнкомъ».

Но, какъ у поэта, какъ у человѣка, доступнаго голосу безотчет-
ныхъ и неясныхъ, часто непонятныхъ для ума настроеній, у него сила
фантазій, поэтическаго вдохновенія часто брала верхъ надъ ясными
выводами науки и колебала истины ума. Въ стихотвореніи «На клад-
бищѣ» онъ говоритъ про себя, что, хотя

. . . изъ области мечтаній,
Изъ подъ власти темныхъ силъ
Я ушелъ—и волхвованій
Мракъ наукой озарилъ;
Муза стала мнѣ являться
Жрицей мысли, безъ оковъ,
И учила не бояться
Ни живыхъ, ни мертвецовъ“.
Но—
„Отчего же на кладбищѣ
Сердцу жутко въ часъ ночной?

и далѣе рисуетъ тѣ суевѣрныя картины, которыя невольно возникаютъ
въ его воображеніи, когда онъ бываетъ на кладбищѣ. Эту странную

на первый взглядъ невозможность побороть силою ума суевѣрныхъ созданий воображенія онъ объясняетъ тѣмъ, что хотя и есть много областей, въ которыхъ умъ нашъ можетъ проявить все свое могущество и въ своемъ свободномъ полетѣ открыть неизблемые законы окружающихъ насъ явленій, но:

Въ мірѣ тѣнѣхъ не выносить
Умъ—свидѣтельства нѣмыхъ,
И, безкрылый, робко проситъ
Убѣжать скорѣй отъ нихъ.
Здѣсь боюсь я вспомнить разомъ
Всѣ повѣрія отцовъ,—
Няки сказочнымъ рассказамъ
Здѣсь повѣрять я готовъ!“

Несмотря на всѣ эти колебанія, Полонскій, все-таки, увлекался преимущественно исвою областью ума, и умственный трудъ былъ всегда ему дорогъ: уединенныя кабинетныя занятія, надъ книгой или надъ листомъ бумаги съ перомъ въ рукѣ, онъ считалъ единственнымъ прибежищемъ въ житейскихъ горестяхъ и тревогахъ. По его мнѣнію, каждый человѣкъ долженъ создать въ своей душѣ свой собственный, интимный уголокъ завѣтныхъ думъ и стремленій, недоступный для суетнаго взора постороннихъ людей, и въ который, поэтому, никого не слѣдуетъ пускать въ тѣ минуты, когда человѣкъ, утомленный жизненной борьбой, жаждетъ душевнаго отдыха, душевной отрады и обновленія:

Уединись, если нужно,—и съ твердостью
Въ уголъ свой насъ не пускай;

говорить онъ какой-то истомленной жизнью, но дорогой ему женщинѣ:

Смѣйся надъ нашей обидчивой гордостью,—
Нашу тоску презирай.
Уединеніе, трудъ, размышленіе,
Книги, перо и тетрадь...
Въ нихъ ты для сердца найдешь исцѣвленіе
И для ума—благодать.

Какъ поклонникъ мысли, онъ былъ горячимъ и истиннымъ борцомъ за ея полную свободу. Въ стихотвореніи, написанномъ на юбилей Шиллера, онъ съ жаромъ проповѣдывалъ, что «для мысли, какъ для воздуха и свѣта, невозможно выдумать заставъ». И невозможно, прежде всего, потому, что мысль человѣческая зарождается тайно и незримо и ее нельзя не только поймать, остановить, преградить ей дорогу, но часто нельзя даже предвидѣть тѣхъ послѣдствій, къ которымъ она приведетъ. Иногда чуть свѣтящаяся въ сочиненіяхъ писателя мысль вдругъ загорается яркимъ блескомъ на его могилѣ, уже послѣ его смерти.

Какъ на ночномъ небѣ, при внимательномъ наблюденіи, внезапно за-гораются посреди далеко мерцающихъ ночныхъ свѣтилъ все новыя и новыя «звѣзды свѣтозарня»,

Такъ и вы, туманные
Мысли, тихо воситесь,
И, невзяснимыя,
Въ душу глухо проситесь;
Такъ и вы надъ нашими
Темными могилами
Загоритесь нѣкогда
Яркими свѣтилами“...

говорить онъ въ стихотвореніи «Звѣзды».

Вотъ почему онъ твердо вѣрилъ, что «къ познанію нѣтъ пути намъ, безъ пути къ свободѣ» («Поэту-гражданину») и что

ничего не сдѣлаетъ природа
съ такимъ отшельникомъ, которому нужна
для счастья законная свобода,
А для свободы—вольная страна“.—

(«Одному изъ усталыхъ».)

Въ то же время онъ непоколебимо вѣрилъ, что только истинно-свободная мысль не нуждается ни въ какихъ постороннихъ украшеніяхъ и можетъ властно предстать передъ людьми, во всемъ обаяніи своей всемогущей, ничѣмъ и никѣмъ непобѣдимой наготы:

Свободная мысль, если ты не больная,
Не тощая мысль, а полная красоты
И силы, явись намъ, какъ Фрина нагая,
Во всемъ обаяніи своей наготы,
И смѣло скажи намъ: знайте, кто я!
Смутится доносчикъ, и ахнетъ судья,—
И полны восторгомъ, и полны смятеніемъ
Толпы за тобой потекутъ съ увлеченіемъ.—

(«Фрина»)

Поэтому онъ отличался терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, отказывался бороться со связаннымъ, лишеннымъ свободы слова противникомъ, былъ непримиримымъ и смѣлымъ врагомъ всякаго внѣшняго насилія надъ мыслью и открыто высказалъ это въ стихотвореніи «Литературный врагъ».

Господа! я нынче все бранить готовъ,—

И не въ духѣ,—и не въ духѣ потому,

Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ

Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму...

Признаюсь вамъ, не изъ нѣжности пустой

Чуть не плачу я,—а просто потому,

Что подавлена проклятою тюрьмой

Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая въ нему.

Онъ лезилъ мена и въ прозѣ, и въ стихахъ;
 Но мы были не за старые долги,
 Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
 Нѣтъ!—мы были безкорыстные враги!
 Вольной мысли то владыка, то слуга,
 Я собрался безпощаднымъ быть врагомъ,
 Поражалъ безпощаднаго врага;
 Но—тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.

Передъ этою защитой я—пигмей...
 Или вы еще не знаете, что мы
 Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
 Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы...
 Или не знаете, что даже алая ложь
 Облекается въ сіяніе добра,
 Если ей грозить насилья острый ножъ,
 А не сила неподкупнаго пера.

Я вчера еще перо мое точилъ,
 Я вчера еще вилъ и возражалъ;
 А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
 Потому что я боецъ, а не нахалъ.
 Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
 Если бъ узника, да задумалъ уличать!
 Поневогъ онъ замолкъ передо мной,—
 И я долженъ поневогъ замолчать.

Онъ страдаетъ оттого, что есть семья,—
 Я страдаю, оттого что слышу смѣхъ...
 Но, что значитъ гордость личная моя,
 Если истина страдаетъ больше всѣхъ!
 Нѣтъ борьбы, и ничего не разберешь,—
 Мысли спутаны случайностью слѣпой,—
 Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
 Недосказанная правда стала тьмой.

Что же дѣлать? и кого теперь вопить?
 Господа! во имя правды и добра,—
 Не за счастье буду пить я,—буду пить
 За свободу мнѣ враждебнаго пера!

Но эту свободу мысли онъ разумѣлъ не въ узкомъ только политическомъ смыслѣ, а главнымъ образомъ въ смыслѣ свободы отъ всякихъ пристрастныхъ, партійныхъ вліяній, отъ всякаго рабства передъ текущими мимолетными настроеніями. Вотъ почему онъ и не примкнулъ ни къ какой партіи и не былъ глашатаемъ какихъ либо, хотя и соблазнительныхъ, но въ сущности узкихъ и переходящихъ вліяній, такъ быстро смѣнявшихся у насъ въ тотъ многозначительный періодъ нашей общественной жизни, къ которому принадлежалъ и самъ Яковъ Петровичъ. У него есть нѣсколько стихотвореній, изображающихъ охватившую общество борьбу партій, но я останавливаюсь только на одномъ изъ нихъ:

Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени,—
 За правду я биться готовъ,

Готовъ умереть,—но у каждаго знамени
 Съ друзьями встрѣчалъ я враговъ:
 Друзья ополчались на ложь ненавистную,—
 Враги, молча, думали думу корыстную.

Тамъ мира друзья, подъ эгидой воителей,
 Точили, какъ мальчики, ножъ!
 Здѣсь хитрый обманъ ждетъ себя покровителей
 Среди ненавидящихъ ложь...

И правду любилъ я,—ни въ комъ не увѣренный,
 Друзьямъ и врагамъ руки жалъ, какъ потеранный.

— „Намъ нужно одно лишь твое безпристрастіе“,
 Шептали друзья,—„помоги!“

— „Быть съ нами считай за великое счастье“,
 Бичась намекали враги.

Друзья! вы отвыкли винкать и угадывать;
 Враги! не желаю я спѣсь вашу радовать.—

Не рабъ,—а поэтъ я,—гордыней обиженный...—

Не въ вашихъ нестройныхъ рядахъ
 Пойду я,—нѣтъ! ратникъ свободы униженной,
 Оружье найду я въ стихахъ;
 Соратники будутъ—мой вдохновенія.
 И будетъ вождемъ ихъ духъ добраго генія.

Такимъ образомъ, обуреваемый со всѣхъ сторонъ духомъ партіи, оглушенный нестройнымъ и противорѣчивымъ гуломъ враждующихъ другъ съ другомъ направленій, онъ нашелъ точку опоры въ своемъ поэтическомъ дарѣ и понялъ, что, какъ поэтъ, онъ долженъ остаться внѣ этой ожесточенной борьбы партій, чтобы сохранить свободу мѣнѣнія, независимость сужденія и отзывчивость на такія явленія жизни, которыя всегда легко обходятся въ разгарѣ партійной борьбы.

Это приводитъ насъ къ необходимости остановиться на вопросѣ: какъ же онъ смотрѣлъ на призваніе поэта и на значеніе поэтическаго творчества? Если поэзія не должна быть отголоскомъ партійныхъ взглядовъ и мимолетныхъ временныхъ настроеній и направленій, то о чемъ же можетъ она говорить человѣку? На эти вопросы Полонскій отвѣчаетъ такъ-же, какъ отвѣчали и отвѣчаютъ всѣ наши истинные поэты-художники. Онъ твердо и искренно вѣрилъ, что поэтъ есть провозвѣстникъ божественныхъ истинъ, отрываемыхъ имъ въ окружающихъ его явленіяхъ жизни, а поэтому долженъ умиѣть прислушиваться не къ преходящему голосу современныхъ, хотя бы и насущныхъ нуждъ и потребностей, а къ вѣчному, неизмѣнному глаголу Божества, раздающемуся во всѣхъ концахъ вселенной. Въ стихотвореніи, обращенномъ имъ къ другу его, извѣстному и тоже недавно почившему поэту А. Н. Майкову онъ говорить:

Слѣды прекраснаго художникъ
 Повсюду видитъ и творить,
 И емямъ его горитъ
 Вездѣ, гдѣ ставитъ онъ треножникъ,
 И гдѣ Творецъ съ нимъ говоритъ.

Въ стихотвореніи «Поэзія» онъ видитъ поэзію только тамъ, гдѣ свѣтятся искренняя истинная вѣра, любовь къ природѣ и ко всѣмъ ея явленіямъ, отзывчивость на страданія души человѣческой, гдѣ человѣкъ вѣритъ «въ непреложный законъ любви, добра и истины святой». Истинное созданіе искусства всегда вызываетъ въ нашей душѣ неудовимый, но живо нами ощущаемый «божественный ликъ», что онъ и высказалъ въ стихотвореніи «Музыка».

И плывутъ, и растутъ эти чудные звуки!
 Захватила меня ихъ волна....
 Поднялась, подняла и невѣдомой муки,
 И блаженства полна....
 И божественный ликъ, на мгновенье,
 Неудовимой сверкнувъ красотой,
 Всплыть, какъ живое видѣнье
 Надъ этой воздушной кристалльной волной,—
 И отразился
 И покачнулся,
 Не то улыбнулся...
 Не то прослезился....

Поэзія—это свѣтъ Божественной мысли, который дорокъ намъ самъ по себѣ, независимо отъ того, откуда онъ идетъ. Такою именно мыслью оканчивается стихотвореніе «Откуда?»:

„Мнѣ, какъ поэту, дѣла нѣтъ,
 Откуда будетъ свѣтъ, лишь былъ бы это свѣтъ,
 Лишь былъ бы онъ, какъ солнце для природы,
 Животворящъ для духа и свободы
 И разлагалъ бы все, въ чемъ духа больше нѣтъ!“

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы по взгляду Полонскаго поэтъ былъ человѣкомъ чуждымъ живой, окружающей его дѣйствительности, глухимъ и неотзывчивымъ на ея существенныя тревоги. Какъ гражданинъ своей земли, онъ долженъ жить одной съ нею жизнью, жить ея радостями и тревожиться ея горемъ:

„Писатель,—если только онъ
 Волна, а океанъ—Россія,
 Не можетъ быть не возмущенъ,
 Когда возмущена стихія.
 Писатель, если только онъ
 Есть нервъ великаго народа,
 Не можетъ быть непораженъ,
 Когда поражена свобода“.

И мы находимъ у Полонскаго много произведеній, написанныхъ на темы, подсказанныя текущей дѣйствительностью, какъ напр., изъ мелкихъ стихотвореній: «На пути изъ гостей», «Хандра», «Жалобы музы», а изъ поэмъ—всѣ его большія философско-сатирическія поэмъ: «Кузнецикъ-музыкантъ», «Куклы», «Собака», «Анна Галдина».

Не останавливаясь на этихъ довольно извѣстныхъ произведеніяхъ, я не могу не привести здѣсь одного чуднаго, вполне художественнаго по своей цѣльности небольшого стихотворенія, показывающаго, что Полонскій вполне отчетливо понималъ, въ чемъ кроется источникъ всѣхъ отрицательныхъ явленій жизни:

„Вижу-ль я, какъ во храмѣ симпрено она
Передъ образомъ Дѣвы, Царицы небесной стоитъ,—
Такъ молится лишь можетъ святая одна.
И болитъ мое сердце, болитъ!

Вижу-ль я, какъ на балѣ сверкаетъ она
Пожирающимъ взглядомъ, горячимъ румянцемъ ланитъ,
Такъ надменно блеститъ лишь одинъ сатана...
И болитъ мое сердце, болитъ!

И молю я Владычицу Дѣву, скорбя:
Ниспосли ей, Владычица Дѣва, терновый вѣнокъ,
Чтобъ ее за страданья, за слезы любя,
Я ее ненавиждѣть не могъ.

И зову я къ тебѣ сатана! оглуши
Ослабни ты ее! подари ей блестящій вѣнокъ...
Чтобъ ее ненавида всей силой души,
Я любить ее больше не могъ“

Въ этомъ прелестномъ стихотвореніи въ краткой, но поразительно изящной формѣ выражено роковое противорѣчіе въ человѣческой природѣ—противорѣчіе святости присущихъ человѣку идеальныхъ сторонъ его души и той плотской страстности, которая является основной почвой человѣческой грѣховности.

Вдумываясь въ явленія окружающей его дѣйствительности, какъ философъ, и отражая ихъ въ своихъ произведеніяхъ, какъ поэтъ, Полонскій, конечно, не могъ ограничиваться обсужденіемъ только явленій современной ему жизни. Его философствующая мысль должна была останавливаться и на болѣе широкомъ вопросѣ объ историческомъ призваніи Россіи, о ея миссіи, и онъ выразилъ свой взглядъ по этому вопросу въ прекрасномъ стихотвореніи «Заступница»:

„Когда Архангелъ протрубитъ въ трубу,
И мертвецы проснутся въ ужасѣ; когда
Рѣшитъ земныхъ племень послѣднюю судьбу
Настанетъ страшный день послѣдняго суда;
Когда земная ось качнется подъ стопой

Царя земныхъ царей, судьи земныхъ судовъ,
 Чтобъ вѣчный свѣтъ его проникъ въ сердца людей,
 Чтобъ солнце зла познало западъ свой;
 Когда предъ Господа торжественно на судъ
 Смущенные народы потекутъ,
 Слова вѣнцы, послѣдній дать отвѣтъ
 За тысячи прожитыхъ ими лѣтъ;
 Когда и ты, о Русь, могучая! главой,
 Въ числѣ другихъ державъ, поникнешь предъ Судьей,
 И взглянешь на тебя неотразимый взоръ,
 Взоръ вопрошающій о подвигахъ добра.....
 •Тогда въ невидѣннхъ, что скажетъ приговоръ,
 Твоей заступницей придетъ твоя сестра,
 Твоя Иверія, съ мольбою на устахъ,
 И за тебя въ слезахъ повергнется во прахъ.
 И смардный адъ тогда умѣритъ клокогъ свой,
 И стихнетъ херувимовъ звучный хоръ,
 И ангеловъ сгустится свѣтлый строй
 Вокругъ того, чей вѣчный приговоръ
 Рѣшитъ послѣднюю судьбу земныхъ сестеръ,—
 И молвить томная Иверія, въ слезахъ,
 Преодоливъ души благоговѣйный страхъ:
 „О, Царь царей! Господь! суди моя дѣла,
 Но милуй Русь!—Безъ помощи сестры
 Я-бъ тяжкимъ сномъ спала до сей поры,
 Я-бъ никакихъ плодовъ тебѣ не собрала.
 Когда набитая мечами мусульманъ
 Лежала я въ горахъ и кровь текла изъ ранъ,
 Когда въ сынахъ моихъ я видѣла враговъ,
 И слезы капали на пепелъ городовъ,
 Единовѣрная, она ко мнѣ пришла,—
 Не за добычею,— не за моимъ добромъ
 Она пришла ко мнѣ въ ограбленный мой домъ,—
 Нѣтъ! изъ любви она мнѣ руку подала!!
 Съ тѣхъ поръ, добро и зло—все съ ней дѣлила я,
 Всю сладость бытія, всю горечь бытія,
 Всѣ страшные врагамъ вѣнцы ея побѣдъ
 И слезы тайныя во дни народныхъ бѣдъ.
 О, Царь царей! Господь! суди моя дѣла,
 Но милуй Русь!...“

Вотъ въ чемъ онъ видѣлъ нашу историческую миссію: въ томъ, чтобы всегда быть защитниками и покровителями обиженныхъ исторической судьбою, притѣсненныхъ и униженныхъ народовъ-собратій.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Полонскій не принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ «парнасцевъ», забирающихся въ заоблачныя области бесплодно-идеальныхъ мечтаній, чуждыхъ живой дѣйствительности, а потому и бесполезныхъ для нея. Онъ чутко отзывался на всѣ

существенные жизненные вопросы и эту свою поэтическую отзывчивость онъ самъ удачно выразилъ, сказавъ:

„Подъ грозой моя пѣсня, какъ туча, темна,
На зарѣ—въ ней заря отражается“.

Но, замѣчая всѣ отрицательныя стороны жизни, страдая и мучаясь отъ нихъ, искренно и глубоко болѣя о нихъ душою, онъ не дошелъ до отчаянія, до излобленія, до проклятій жизни. Его мягкое, глубоко-любящее сердце, его искренно-вѣрующая душа подсказала ему иное, болѣе достойное человѣка, отношеніе. Онъ видѣлъ отрицательныя стороны жизни, но не озлоблялся ими, а грустилъ о нихъ и глубоко сожалѣлъ о людяхъ:

Я-ль первый отойду изъ міра въ вѣчность, ты ли,
Предупредивъ меня, уйдешь за грань могилъ
Повѣдать небесамъ страстей земныхъ были,
Невѣроятныя въ странѣ безплотныхъ силъ!
Мы оба поразимъ своимъ рассказомъ небо
Объ этой злой землѣ, гдѣ братъ мой просить хлѣба,
Гдѣ золото къ враждѣ, къ безумію ведетъ,
Гдѣ ложь всѣмъ явная навивно лицемѣритъ,
Гдѣ робкое добро себя пощады ждетъ,
А правда такъ страшна, что сердце ей не вѣритъ:
Гдѣ ненависть,—я боролся и страдалъ,
Гдѣ ты,—любя,—томилась и страдала;
Но.....

*Ты скажи, что я не проклиналъ;
А я скажу, что ты благословляла!...*

И онъ не только не проклиналъ жизнь, а даже готовъ былъ благословлять ее не потому, что смотрѣлъ на нее сквозь розовыя очки сентиментальнаго оптимиста, а потому, что понималъ, что земныя страданія неразлучны съ земною жизнью человѣка по существу, и, какъ ни тяжелы они, но ведутъ насъ къ счастью и блаженству, о которомъ всѣ люди такъ горячо мечтаютъ и къ которому ведетъ одинъ только вѣрный путь — путь страданія.

„О, Боже, Боже:
Не Ты-ль вѣщаль,
Когда мнѣ далъ
Живую душу:
Любить,—страдать,
Страдать и жить—
Одно и то же.

Но я ропталъ,
Когда страдалъ,
Я слезы лилъ,
Когда любилъ,

Негодовавъ,
 Когда внималъ
 Суду глупцовъ
 Или подлецовъ.....
 И утомленный,
 Какъ полусонный,
 Я былъ готовъ
 Борьбѣ тревожной,
 Предпочитать
 Покой ничтожный
 Какъ благодать.

Прости! И снова
 Душа готова
 Страдать и жить,
 И за страданья
 Отца созданья
 Благодарить.....

«Страдать и жить — одно и то же»,—говоритъ Полонскій въ этомъ стихотвореніи, а въ такомъ случаѣ, конечно, не за что и проклинать жизнь, не для чего озлобляться отъ ея отрицательныхъ явленій, которыя именно и причиняютъ намъ эти страданія.

Не должно предаваться отчаянію еще и потому, что страданія эти не вѣчны: они только переходная ступень; вѣчно же въ человѣкѣ одно не-удержимое стремленіе впередъ, въ завытую область идеала, и пока человѣкъ не замѣнитъ этому, присущему ему стремленію, ему не страшны никакія страданія. Эта мысль прекрасно выражена Полонскимъ въ стихотвореніи «Утро».

„Вверхъ, по недоступнымъ
 Крутизнамъ встающихъ
 Горъ, туманъ восходитъ
 Изъ долинъ цѣбущихъ;

Онъ какъ дымъ уходитъ
 Въ небеса родныя,
 Въ облака свиваясь
 Ярко-золотыя
 И рассвѣваясь.

Лучъ вари съ лазурью
 На волнахъ трепещеть;
 На востокѣ солнце,
 Разгораясь, блещеть.

И сіяетъ утро,
 Утро молодое
 Ты ли это, небо,
 Хмурое, ночное!

Ни единой тучки
 На лазурномъ небѣ!
 Ни единой мысли
 О насущномъ хлѣбѣ!

О, въ отвѣтъ природѣ
 Улыбнись, отъ вѣка
 Обреченный скорби
 Геній человѣка!

Улыбнись природѣ!
 Вѣрь знаменованью!
 Нѣтъ конца стремленью,
 Есть конедъ страданью!

Оканчивая этимъ стихотвореніемъ нашъ краткій обзоръ основныхъ мотивовъ поэзіи Полонскаго, мы имѣемъ полное право сказать, что къ нему вполне примѣнимы слова, сказанныя его великимъ предшественникомъ и учителемъ Пушкинымъ:

„И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
 Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
 Что въ свой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу
 И милость къ падшимъ призывалъ.“

Ф. Витбергъ.

Изъ писемъ К. Д. Кавелина къ К. К. Гроту.¹⁾

(1862—1883 гг.).

9.

2-го іюня 1873 г., Сельцо Иваново, Тульской губ., Бѣлевскаго уѣзда.

...Не знаю, правы ли вы. Я не думаю, чтобы свобода торговли виномъ могла быть удержана гдѣ бы то ни было, а у насъ меньше чѣмъ гдѣ-нибудь. У меня на глазахъ разоряются цѣлыя деревни, гдѣ существуютъ кабаки, поправляются тѣ, гдѣ они закрываются. Не даромъ даже въ Англіи издаются драконовскіе законы о торговлѣ виномъ. А разъ свобода торговли крѣпкими напитками невозможна, я не нахожу справедливымъ относить ее къ числу *articles de foi* политическаго убѣжденія... Скажу вамъ, что безобразіе пьянства и бюджета, въ которомъ треть доходовъ покрывается водкой, бросаются въ глаза всѣмъ и нѣтъ человѣка, который бы съ радостью не встрѣтилъ теперь въ Россіи (законы) ограничивающіе свободную торговлю крѣпкими напитками.

Вѣсть о замѣнѣ Тьера Магъ-Магономъ поразила меня какъ громъ, тѣмъ болѣе, что я ее прочелъ въ газетахъ, будучи совершенно одинъ, въ деревнѣ. Я давно думалъ и думаю, что Франція—страна отпѣтая. Новыя событія только укрѣпляютъ меня въ этой мысли. Ни съ республикой, ни съ монархіей они ужиться не могутъ; а какъ-нибудь надо же жить. Упадокъ политической и всякой нравственности въ этой странѣ—ужасный. Она служитъ живымъ доказательствомъ, что одного богатства и промышленности мало для страны, а нужно еще нѣчто другое, чего Франціи не имѣетъ и чего, по мнѣнію множества людей, вовсе не нужно для счастья народовъ—хоть немного нравственнаго чувства.

¹⁾ См. «Русскую Старину» январь 1899 г.

Я блаженствую въ деревнѣ. Тотчасъ по отъѣздѣ своихъ отпросился въ деревню, хозяйничаю, устраиваюся и вполнѣ счастливъ. Дѣла въ имѣніи идутъ довольно ладно, изъ хаоса возникаетъ мало-по-малу нѣчто хорошее и стройное; не льщу себя надеждой, что все скоро получить надлежащій видъ, но не сомнѣваюсь теперь, что мало-по-малу все придетъ въ порядокъ и что машина заводится. Теперь снимаю хозяйственный планъ съ имѣнія, чтобъ устроить правильнымъ образомъ полеводство и сдѣлать переходъ отъ трехпольнаго хозяйства къ многопольному. Привезъ съ собою двѣ работы: отвѣтъ на критиковъ моей книги о психологіи и подготовленіе матеріаловъ для учебника гражданскаго права. Прибавьте къ этому газеты, журналъ «Вѣстникъ Европы» и письма—и вы представите себѣ легко, что скучать мнѣ рѣшительно некогда, что мое время занято сполна, и очень пріятно. Письма Соини и друзей поддерживаютъ нравственное и сердечное общеніе, безъ которыхъ жизнь не въ жизнь.

Обнимаю васъ, дорогой другъ, отъ всего сердца. Возвращайтесь къ намъ здоровый и бодрый. Бодрость стоитъ здоровья.

10.

21-го іюня 1874 г., Сельцо Иваново, Тульской губ., Бѣлевскаго уѣзда.

Теперь вы должно быть скоро будете въ Эмсѣ, дорогой другъ Константинъ Карловичъ, и я, помня назначенный мнѣ вами срокъ (не знаю за что друзья создали мнѣ репутацію неаккуратнаго и безпамятнаго), хочу перекинуться съ вами словечкомъ.

Я въ Ивановѣ съ 17-го мая, а 30-го былъ обрадованъ пріѣздомъ своихъ ¹⁾. Лѣто наше устроилось почти по программѣ, что рѣдко бываетъ въ жизни, и я наслаждаюсь въ полномъ смыслѣ слова. Всѣ мои собраны около меня. Зять рисуетъ... Оба супруга каждый день играютъ что-нибудь: Шумана, Глинку, Бетховена на полуроялѣ, который мы выписали. Соня пишетъ статью по исторіи, я дописываю возраженія Самарину ²⁾ и страшно хлопочу по хозяйству, особенно теперь, потому

¹⁾ Жены и дочери Кавелина, Софьи Константиновны и мужа послѣдней, Павла Ал. Брюлова, съ которыми она обвѣнчалась въ маѣ 1873 г.

²⁾ К. Д. Кавелинъ вступилъ съ Ю. О. Самаринимъ въ частную переписку по поводу своихъ „Задачъ психологіи“ Извлеченія изъ этой переписки см. VI т. „Сочиненій Самарина“ (стр. 373—477), а выводы изъ своей полемики съ Самаринимъ Кавелинъ напечаталъ въ „Вѣстн. Евр.“, 1875 г., май, іюнь и іюль.

что мой приказчикъ отправленъ мною въ Москву присмотрѣть кое-какія сельско-хозяйственныя машины, купить племенного бычка, поучиться косить и пахать на усовершенствованныхъ орудіяхъ и т. п. Дѣла у меня идутъ порядочно, толково. Строю школу, которая будетъ очень хороша и очень удобна. Понемногу подбирается хорошій личный составъ прислуги и рабочихъ. Вообще дѣло понемногу ладится. Вну-ченокъ, съ своей стороны, поправляется на свѣжемъ воздухѣ и загорѣлъ отъ солнца. Лѣто, сначала холодное, теперь поворотило на жаркое. Желаемъ дождя. Еслибъ можно было проводить такъ круглый годъ, то избаловался бы до невозможности. Но черезъ два мѣсяца придется возвращаться опять въ скучную, перетоненную, скучающую и бесплодную петербургскую среду, слышать восемь битыхъ мѣсяцевъ государственныя высшія соображенія, отъ которыхъ морозомъ подираетъ по кожѣ. Все это отчасти выкупается короткими минутами свиданія съ добрыми друзьями, но à la rigueur ихъ можно видѣть и въ деревнѣ. Даниловичъ собирается быть у насъ въ Ивановѣ на недѣлку въ концѣ іюля, на васъ мы рассчитываемъ въ будущее лѣто. Тютчевы тоже общались быть въ будущемъ году. Наконецъ, если конденсировать свиданіе съ друзьями въ два, три мѣсяца въ Петербургѣ, пріѣзжая туда на зиму безъ дѣла, то ихъ пожалуй будешь видать чаще, чѣмъ видишь теперь въ восемь мѣсяцевъ. Очень помышляю и въздыхаю объ отставкѣ. Безъ дѣла не останусь, за это вамъ ручаюсь. Здѣсь можно много дѣлать и дѣлать съ пользой не для себя одного. Вопросы сельскіе волей-неволей выдвигаются на первый планъ, и еслибъ вы могли сравнить дѣтей, бывшихъ какой-нибудь годъ въ нашей пока посредственной сельской школѣ, съ тѣми, которые въ школѣ вовсе не были, то вы бы тотчасъ убѣдились, что занимаясь однимъ этимъ можно быть не бесполезнымъ, какъ всѣ мы бесполезны въ Петербургѣ. Это убѣжденіе растетъ во мнѣ съ каждымъ годомъ. Къ несчастью я ни откуда не вижу пока избавленія состоять въ государственной службѣ, и потому поневолѣ остаешься прикованнымъ золотой цѣпочкой къ Питеру.

Съ 18-го началъ пить Виши съ Карлсбадской солью... Надо полегчить къ зимѣ.

Въ послѣдней главѣ статьи въ отвѣтъ Самарину, я намѣренъ коснуться подробнѣе вопроса довольно интереснаго, именно разлада между мыслью и жизнью въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Тема весьма благодарная, если удастся съ нею справиться, о чемъ я очень хлопочу. Меня больше и больше поражаетъ съ каждымъ годомъ, до какой степени наша мысль бесплодна, отвѣчаетъ не на наши вопросы, до какой степени она вся—иностранныя колонія въ Россіи, игрушка досужныхъ и праздныхъ людей, а не вымученная, выстраданная самою жизнью и ея потребностями. Глядя изъ глуши вверхъ на то, что дѣлается въ нашей

журналистикѣ, администраціи и слушаая наши салонныя разсужденія, невольно приходишь къ этому неутѣшительному выводу.

Крѣпко и нѣжно обнимаю васъ. Всѣ мои, не исключая и юнаго Вадима¹⁾, посылаютъ вамъ самыя дружескіе привѣты. Будьте здоровы, дорогой другъ, и не забывайте насъ. Грѣшный человекъ, не завидую вамъ, что вы за границей.

11.

18-го августа 1876 г., Сельцо Иваново.

Милый, дорогой Константинъ Карловичъ. Виновать тысячу разъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваши письма, одно большое и три открытыхъ. Захлопотался и затянулся приведеніемъ въ порядокъ счетной части, думалъ вотъ-вотъ кончу; такъ тянулись дни за днями, такъ что наконецъ стало стыдно, и я бросилъ все, чтобъ побесѣдовать съ вами, поблагодарить васъ и извиниться передъ вами.

Книжку князя Васильчикова и Яковлева о мелкомъ земскомъ кредитѣ и № «Голоса» съ отзывомъ о статьѣ Мекензи Уалласа я тоже получилъ. О первой, т. е. работѣ князя Васильчикова и Яковлева, скажу вамъ, что насколько я доволенъ критическою частью Васильчикова, настолько недоволенъ соображеніями Яковлева. Мысль создать частный, мелкій земельный кредитъ есть, по моему глубокому убѣжденію, не только ошибочная, но и положительно вредная. Частный кредитъ, по природѣ своей, стремится къ возможно большимъ барышамъ, и еслибъ въ началѣ, въ видѣ рѣдкаго изъятія, нашлись капиталисты-благодѣтели, которые согласились бы довольствоваться малымъ процентомъ, который только и можетъ выдержать мелкая собственность, то скоро частныя банки для мелкой собственности, самою силою вещей, обратились бы въ разбойничьи гвѣзда, которыя только содѣйствовали бы ликвидаціи мелкихъ собственниковъ. Мелкій поземельный кредитъ возможенъ и будетъ полезенъ только какъ государственная мѣра, проведенная послѣдовательно, систематически, въ цѣломъ рядѣ распоряженій, ведущихъ къ одной и той же главной цѣли: къ поддержанію и огражденію мелкой поземельной собственности. Какъ отдѣльная мѣра, въ родѣ теперешнихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, которой противурѣчитъ и наша податная система, и наше полное равнодушіе къ положенію и быту мелкихъ

¹⁾ Сынъ Брюловыхъ, внукъ К. Д. Кавелина. Въ то время ему было отъ роду нѣсколько мѣсяцевъ.

собственниковъ, мелкій поземельный кредитъ только обончательно разорить ихъ.

Къ такому же убѣжденію пришелъ я и относительно общиннаго владѣнія. Въ рукахъ заботливаго и добросовѣстнаго правительства оно было бы сильнѣйшимъ рычагомъ для устройства сельскихъ массъ. Надежды славянофиловъ, что изъ общиннаго владѣнія народъ самъ собою выработаетъ новые земельные порядки—совершенно напрасны; народъ самъ ничего не выработаетъ, вслѣдствіе крайняго невѣжества и бѣдности, если умное и честное правительство не придетъ къ нему на помощь. А если, какъ теперь, одно министерство будетъ раздѣлывать то, что дѣлаетъ другое, то ни изъ общиннаго владѣнія, ни изъ вопроса о мелкомъ поземельномъ кредитѣ ничего путнаго не выйдетъ.

Вы меня спрашиваете, что я думаю о турецкихъ дѣлахъ? Сяжу въ своей норѣ и негодую на легкомысліе и безобразіе русскаго общества. Въ деревняхъ нищета, анархія, дичь, невѣжество—невообразимыя, а мы дѣлаемъ сборы въ пользу балканскихъ славянъ! вмѣсто того, чтобъ заняться у себя дома и собирать деньги на пользу своихъ голодающихъ голяковъ, чортъ насъ дергаетъ отдавать свои силы и свои деньги балканскимъ славянамъ,—точно у насъ все такъ благоустроено, что дома дѣлать нечего и есть избытки, которые мы можемъ употреблять на пользу страждущаго міра.

Жизнь въ деревнѣ, какую я веду по лѣтамъ, занимаясь своимъ хозяйствомъ, очень поучительна. Тутъ вы видите русскую жизнь безъ прикрасъ, безъ театральной обстановки, во всей ея печальной, подчасъ ужащающей правдѣ. Невѣжество—поголовное, бѣдность—ужасающая, дичь—невообразимая. Хорошее только въ природныхъ условіяхъ, до которыхъ культура почти не коснулась. Весь строй порядковъ и привычекъ у крестьянъ и помѣщиковъ—чисто крѣпостническій, который только снаружи соскобленъ Положеніемъ 19-го февраля, но крѣпко сидитъ въ нравахъ. Медленно вывѣтривается крѣпостной строй. Собственно перемѣнились этикетки, а не сущность дѣла. Торговля такая же кулачская, грабительственная, помѣщичество такъ-же ничтожно, вѣтрено и пусто, попы такъ-же обираютъ людъ и поддерживаютъ, въ немъ выгодное для себя невѣжество и суевѣріе; администрація, правда, немного поумылась, но зато и ничѣмъ не интересуется, кромѣ исправнаго сбора податей, которая собираетъ несмотря ни на что. Общественная и экономическая анархія—полнѣйшая, которая всю свою тяжесть падаетъ на простой народъ и бѣдняковъ. Крестьяне видимо бѣднѣютъ изъ-года-въ-годъ, за исключеніемъ немногихъ кулаковъ и міроѣдовъ, живущихъ на счетъ другихъ, и если такъ долго продолжится,—я не знаю съ кого и съ чего будутъ собирать подати.

Какъ смѣшны и жалки кажутся отсюда разглагольствованія нашихъ

газетъ и журналовъ—вы не повѣрите! Это какое-то самооблаженіе гордости людей, живущихъ въ свое удовольствіе и совершенно незнакомыхъ съ дѣйствительностью, положеніемъ, нуждами и интересами нашихъ массъ. Теперь муссируютъ турецкій вопросъ и эффектные событія Балканскаго полуострова, потому что совершенно незнакомы съ неэффектной, но крайне печальной русской дѣйствительностью и конечно потому еще, что гораздо легче устроить литературное чтеніе, спектакль или вечеръ въ пользу герцеговинцевъ, чѣмъ основать и поддерживать въ добромъ порядкѣ одну сельскую школу или одинъ сельскій банкъ.

Посреди этого мрака, нищеты и дичи, голой или покрытой лохмотьями европеизма, идетъ и усиливается пропаганда объ отнятіи земель у помѣщиковъ и раздѣленіи ея между крестьянами. Успѣшныя усилія князя Гагарина (предсѣдателя комитета министровъ, умершаго) и П. А. Валуева по возможности ослабить и разстроить то, что было создано редакціонными комиссіями приносятъ свои горькіе плоды и грозятъ бѣдами въ будущемъ. Режимъ второй имперіи погубившій Францію, погубить и насъ. Лучшія наши силы уходятъ на поддержаніе роли великой державы, а для серьезной дѣятельности на пользу страны нѣтъ ни средствъ, ни времени. Въ недалекомъ будущемъ намъ придется горько за это поплатиться.

Всѣ бумаги, которыя вы мнѣ прислали, я привезу съ собою въ Петербургъ. Но ни въ выработкѣ программы на Самаринскую стипендію, ни въ собраніи матеріаловъ для податнаго вопроса я не могу быть вамъ полезенъ. Мало я понимаю въ томъ и другомъ дѣлѣ, требующемъ специальныхъ знаній и особаго навыка въ обращеніи съ статистическимъ и фінансовымъ матеріаломъ. О программѣ на Самаринскую премію скажу вамъ только, что она и послѣ передѣлки ея княземъ Черкасскимъ¹⁾, кажется мнѣ сбивчивой и черезчуръ подробной. Надо бы что-нибудь пообщѣе и попроще.

Князь Черкасскій прислалъ мнѣ свою программу съ премилымъ, дружескимъ письмомъ, въ которомъ проводится мысль о необходимости собраться всѣмъ живымъ русскимъ силамъ около одного какого-нибудь живого вопроса, какимъ онъ считаетъ вопросъ податей. Я написалъ ему въ отвѣтъ длинное и весьма откровенное письмо, въ которомъ выразилъ полнѣйшее сочувствіе къ его мысли, но прибавилъ, что собственно могу только ему сочувствовать, но что меня лично занимаютъ другіе вопросы, которые я считаю еще болѣе важными у насъ, — вопросы философскіе и нравственныя, безъ которыхъ никакая реформа не при-

¹⁾ Князь В. А. Черкасскій, вѣстный русскій общественный дѣятель въ царствованіе императора Александра II. Онъ съ дѣтства былъ знакомъ съ К. Д. Кавелинымъ, такъ какъ родители ихъ между собою были очень дружны.

несетъ пользы и не достигнетъ своей цѣли. По этому поводу я очень откровенно высказалъ ему, что между его друзьями и мною вырыта непереступаемая пропасть во взглядахъ на нашу вѣру и церковь, въ которыхъ я вижу главную и существеннѣйшую помѣху всякаго рода успѣхамъ. Благодаря имъ, наше юношество и нашъ простой народъ остаются совершенно чуждыми нравственнымъ элементамъ, безъ сильнаго развитія которыхъ ни одно общество устроиться не можетъ. Наблюденія надъ нашимъ духовенствомъ въ деревнѣ, послѣ каждого лѣта, укрѣпляютъ меня болѣе и болѣе въ этомъ убѣжденіи. Коренная реформа вѣры и церкви—вотъ, что намъ нужно прежде и больше всего. Все остальное легко распутается, когда этотъ вопросъ будетъ выигранъ.

Хозяйство мое понемногу налаживается, хотя и не такъ быстро, какъ бы хотѣлось. Надо бы усадить въ имѣніе еще тысячь сорокъ, пятьдесятъ, а ихъ нѣтъ. Скотъ, поля приходятъ по-маленьку въ порядокъ. Но что крайне затрудняетъ,—это недостатокъ людей: нѣтъ садовниковъ, нѣтъ порядочныхъ старшихъ рабочихъ, нѣтъ даже конторщика сноснаго для веденія счетной книги. Бьешься, бьешься, и все безъ толку! Это мнѣ напоминаетъ бѣдствія редакцій съ переводчиками, наборщиками, корректорами! Нѣтъ людей, потому что нѣтъ культуры, а есть фразы, фразы и фразы! Все выставка, все этикетки, а дѣла нѣтъ! Изъ цѣлаго потока словъ бисеринки дѣла не выберешь,—такъ его мало! А мы еще мѣряемся съ Европой и занимаемся счастьемъ человѣчества! Сущія мы дѣти и ребятышки.

Засимъ крѣпко, отъ всего сердца васъ обнимаю, дорогой другъ! Будьте здоровы. Скоро увидимся. Къ 1-му сентября буду въ Петербургѣ, а отсюда уѣзжаю 27-го августа, чтобъ пробыть по дѣламъ нѣсколько дней въ Москвѣ.

12.

7-го сентября 1876 г., С.-Петербургъ.

Дорогой другъ Константинъ Карловичъ! Милую вашу записочку получилъ только вчера и спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ.

Я въ Петербургѣ какъ всегда съ 1-го сентября, и признаюсь вамъ, то, что я слышалъ и видѣлъ въ Москвѣ, слышу и вижу въ Петербургѣ, нисколько не содѣйствовало измѣненію настроенія, подъ которымъ я вамъ писалъ изъ деревни. Легкомысліе, непониманіе положенія дѣлъ, какое-то метаніе безъ оглядки изъ стороны въ сторону, какъ въ бреду или опьяненіи—вотъ что поражаетъ. Привилегія нѣкоторой осмотри-

тельности, нѣкотораго благоразумія, остается на этотъ разъ за правительствомъ, которое понимаетъ, что положеніе опасно и не хочетъ очертя голову броситься на путь, куда его тащатъ безалабернѣйшіе возгласы и крики. Вчера мнѣ сказывали, что уже противъ публикованія о нѣкоторыхъ безмысленнѣйшихъ проявленіяхъ ребяческой общественной мысли приняты нѣкоторыя цензурныя мѣры. Не грустно ли, что репрессивнымъ мѣрамъ приходится сочувствовать нашему брату, проведенному всю жизнь въ оппозиціи всякимъ репрессіямъ!

Точно что дѣлается есть ие danse macabre, пляска смерти, какъ сказалъ мнѣ одинъ знакомый.

Э. О. ¹⁾ еще не видалъ. Арцимовича ²⁾ захватилъ наканунѣ отъѣзда въ Самару по дѣламъ своего имѣнія. Гдѣ другіе изъ общихъ друзей— не знаю, потому что никого еще не видалъ. Вал. Фед. Коршъ здѣсь. Ему отказано самымъ нелюбезнымъ образомъ въ безцензурномъ изданіи «Критическаго обозрѣнія науки и литературы» (безъ политики). Тимашевъ ³⁾ хвалился ему, что прекратилъ вредную его дѣятельность. Что онъ начнетъ, бѣдный, не могу придумать...

Осень очень хорошая, теплая, хотя и начинаетъ быть нѣсколько сумрачной. Заблodkaго еще не видалъ... Обнимаю васъ отъ всего сердца.

13.

12-го октября 1876 г., С.-Петербургъ.

Дорогой другъ Константинъ Карловичъ!

2-го октября мы собирались у Донова ⁴⁾ въ числѣ 7-ми; не было васъ, Соловьева ⁵⁾ и Арцимовича, который воротился только 8-го октября изъ поѣздки въ Заволжье, къ границамъ Оренбургской губерніи и въ Витебскую губернію. Васъ не доставало и мы пили за ваше здорье.

¹⁾ Эд. Фед. Радень.

²⁾ Викт. Ант. Арцимовичъ, въ то время сенаторъ.

³⁾ Ал. Ег. Тимашевъ, министръ внутр. дѣлъ.

⁴⁾ Въ ресторанѣ Донова по четвергамъ, начиная съ 1875 г., собирались дружескіе обѣды, въ которыхъ участвовалъ и Кавелинъ. На нихъ обсуждались разные текущіе общественные вопросы, какъ напр., объ общинномъ владѣніи, о волостныхъ судахъ, и т. д.

⁵⁾ Я. А. Соловьевъ, одинъ изъ членовъ редакціонныхъ комиссій, въ 1876 году сенаторъ.

Андр. Парфен. ⁴⁾ завелъ у себя четверги, *jong fixe*. Я былъ одинъ разъ только.

Видѣлъ въ рукописи адресъ Московской думы (печатать строжайше запрещено, вѣроятно, по случаю продолжающихся переговоровъ). Написанъ И. С. Аксаковымъ въ специфически московскомъ, васильблаженскомъ и кремлевскомъ стилѣ. Видно пришелся по вкусу москвичамъ, потому что былъ еще другой проектъ, Д. Ѳ. Самарина, но этотъ не принять. Я не думаю, чтобъ адресъ, когда его узнають, равно восхитилъ всѣхъ, кромѣ завзятыхъ москвичей. Общечеловѣческій элементъ, доступный всѣмъ, въ адресѣ почти отсутствуетъ.

Вы говорите, что война была бы несчастіемъ? Это совершенно справедливо; но теперешняя неизвѣстность чуть ли не хуже войны, и продлится она,—у насъ непременно будетъ промышленный, торговый и финансовый крахъ, почище вѣнскаго. Все стало; бумаги падаютъ и богатые купцы говорятъ, что лучше банкротство государственное, чѣмъ теперешнее положеніе. Чувствуется, что начинается что-то новое, хотя невозможно еще сказать, что это такое и въ какихъ формахъ оно себя заявитъ.

У насъ въ Россіи увлеченіе славянскими страданіями и славянской свободой въ интеллигентной публикѣ, какъ мнѣ сдается, есть пробужденіе отъ какой-то нравственной летаргіи, въ которую она была погружена въ послѣдніе десять лѣтъ. Я это замѣчаю съ другой совсѣмъ стороны, по интересу, какой начинаютъ къ себѣ возбуждать философія, этика, психологія, которыя еще недавно были въ совершенномъ забросѣ. Нажива, спекуляція, биржевая игра, банковыя, акціонерныя и желѣзнодорожныя мошенничества поглотили всю душу людей; полное отрицаніе нравственныхъ и идеальныхъ мотивовъ возводило поклоненіе золотому тельцу въ теорію и оправдывало этотъ культъ. Теперешнее движеніе умовъ показываетъ, что въ жизни и умахъ происходитъ какая-то перемѣна. Куда она приведетъ—трудно сказать пока. Я надѣюсь, что не къ завоеванію Турціи и не къ основанію славянской федераціи. И то и другое было бы вредно для Россіи. Я мечтаю о томъ, что теперешняя встряска заставитъ насъ посерьезнѣе посмотрѣть на наше внутреннее положеніе, которое, что ни день, становится хуже. Мы положительно бѣднѣемъ и тупѣемъ. Администрація теряетъ смыслъ вещей, не понимаетъ того, что дѣлается въ странѣ, уединяется въ свои личные вопросы и интересы, — ни дать, ни взять, какъ было въ послѣдніе годы минувшаго царствованія. А между тѣмъ въ нравахъ, привычкахъ, взглядахъ исподволь совершается глубокая коренная перемѣна, не въ однихъ столицахъ и большихъ центрахъ, но и во всей странѣ. Мотивы славя-

⁴⁾ Заблоцкій-Десятовскій.

нофильскіе, правильнѣе сказать, программа славянофильская, густо покрашенная старо-московскими идеалами, видимо уходитъ въ вѣчность и тонетъ въ забвеніи. Мы еще ее понимаемъ, а наши внуки и понимать не будутъ. Уже дѣти наши смотрятъ на эту программу, какъ на курьезъ. Все это предсказываетъ большія перемѣны въ ближайшемъ будущемъ. Теперешнее броженіе, по поводу турецкихъ дѣлъ, служить только предвѣстникомъ будущаго. Только съ этой точки зрѣнія настоящее увлеченіе дѣйствительно интересно, какъ симптомъ — не болѣе.

Слѣдите ли вы за процессомъ Струсберга? Интересная вещь. Посылаю вамъ вырѣзку изъ газеты «Спб. Вѣд.». Вскорѣ долженъ начаться въ Москвѣ другой курьезъ—процессъ клуба червонныхъ валетовъ, шайки мошенниковъ, начиная съ уличныхъ карманныхъ воровъ и оканчивая убійцами и поддѣльвателями фальшивыхъ векселей. Это—шайка организованная. Подсудимыхъ 48, мужчинъ и женщинъ всякихъ общественныхъ слоевъ, въ томъ числѣ 39 дворянъ съ извѣстными фамиліями, даже княжескими, нотаріусъ и проч. Воображаю, что изъ этого сдѣлаетъ Щедринъ!

Обнимаю васъ. Пріѣзжайте скорѣй. Жена, Соня съ чадами и ея мужъ очень вамъ кланяются и ждутъ васъ. Дѣти здоровы и очень милы. Всѣ ваши друзья безпрестанно о васъ спрашиваютъ.

Р. S. Былъ два раза у Э. О. ¹⁾, но къ несчастью каждый разъ ставалъ тамъ греческаго посланника, такъ что не могъ перемолвить съ ней словечка. Надоѣлъ же мнѣ этотъ посланникъ своими разсужденіями о философіи страшно.

14.

12-го іюля 1877 г., село Иваново, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

Еще какихъ-нибудь 45 дней или 6¹/₂ недѣль, и я опять потащусь изъ деревни въ городъ, дорогой другъ Константинъ Карловичъ! Порой думается, что будетъ интересно жить будущей зимой въ Петербургѣ; спящее болото нѣсколько всколыхалось, война его растормошила, надо же думать, что гниль и плѣсень уступятъ хоть на время живой водѣ. Но прочтешь газеты—скука, отсутствіе мысли, избитыя фразы, нелѣпости въ родѣ судебныхъ издержекъ по разбирательству дѣлъ въ мировыхъ инстанціяхъ—и думаешь: лучше бы остаться здѣсь, чтобъ не видать и не слышать всего этого. Единственной свѣтлой точкой въ этомъ непро-

¹⁾ Баронесса Эд. Фед. Раденъ.

ходимомъ мракѣ, невѣжествѣ, безсмыслии и апатіи,—это военное вѣдомство и войско со вѣмъ что къ войнѣ прикасается,—дѣятельностью общества Краснаго Креста, медицинской частью и т. п. Но и тутъ раздумье, и глубокое, беретъ: къ чему всѣ эти жертвы, трата силъ, самоотверженіе? Что принесетъ намъ блистательный исходъ войны, въ который я глубоко вѣрю? Новыя провинціи, выходъ свободный въ Средиземное море, паденіе Турціи, униженіе Англій и Австріи? Еслибъ большинство тѣхъ, которые управляютъ судьбами Русской Имперіи, пожили, какъ я живу, въ деревнѣ, приглядѣлись поближе къ нашей нищетѣ, невѣжеству, безобразію и безсмыслицѣ, въ которыхъ тонуть и погибаютъ безслѣдно лучшія народныя силы и способности, они сильно бы охладѣли ко всему тому мнимо-хорошему, что можетъ принести намъ война, и обратили бы всѣ силы на поднятіе страны, не истощая ихъ въ конецъ на облагодѣтельствованіе другихъ народовъ и на усиленіе вѣшняго могущества и вліянія, съ которыми мы не знаемъ, что дѣлать. Къ чему намъ новые рынки, когда мы ничего не производимъ? Къ чему намъ новые порты, когда мы не умѣемъ создать ни военнаго, ни торговаго флота при тѣхъ, которые имѣемъ? Что мы понесемъ съ собою въ новозавоеванныя страны и въ тѣ, которыя подпадутъ, вслѣдствіе войны, подъ наше вліяніе, когда нашъ ежедневный бытъ немного лучше, чѣмъ турецкій? Если война не натолкнетъ насъ на наше собственное безобразіе — а при успѣшномъ ея ходѣ это немислимо — мы, при громадной территоріи, большихъ естественныхъ богатствахъ и очень способномъ народѣ, обратимся въ Персію или Индію, лакомую добычу горсти умныхъ людей, которые будутъ высасывать насъ какъ пивки. Г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Д. А. Толстой, раскинулъ сѣть инспекторовъ надъ несуществующими народными училищами, тогда какъ въ послѣднихъ страшная нужда; покрылъ Россію никому не нужными классическими гимназіями, тогда какъ нѣтъ самыхъ элементарныхъ профессиональныхъ школъ, необходимость которыхъ начинаютъ чувствовать даже въ дикихъ захолустьяхъ, подобныхъ нашему. Г. министръ юстиціи боится, чтобы суды, при помощи правовѣдскаго элемента, не получили политическаго значенія и подъ этимъ предлогомъ перекраиваетъ судебныя учрежденія, по возможности подгоняя ихъ подъ типъ остзейскихъ, чтобы тамъ они не слишкомъ укоротили власть бароновъ, а вопіющая, насущная потребность провинцій — хорошо устроенныя волостныя суды — всячески имъ тормозится. Г. министръ финансовъ занимается высшими финансовыми и кредитными спекуляціями, поощряетъ несуществующую торговлю и коммерческіе обороты на пользу двухъ-трехъ проходимцевъ въ родѣ Струсберга и рѣшительно ничего не дѣлаетъ для поддержанія производительности массъ, которыя систематически обѣдняются тяжестью налоговъ, отсутствіемъ кредита. Ссудо-

сберегательныя товарищества, какъ начинаютъ понимать уже многіе и какъ начинаютъ писать даже въ газетахъ, устроены для однихъ богатыхъ мужиковъ и кулаковъ, а вовсе не для народной массы. Г. министръ государственныхъ имуществъ ¹⁾ осушаетъ пинскія и финскія болота, обводняетъ и облѣняетъ Таврической полуостровъ и Самарскія степи—конечно, на бумагѣ,—но палецъ о палецъ не ударить, чтобы доставить мужикамъ возможность расселиться попросторѣ тамъ, гдѣ земли мало, и увеличить народонаселеніе тамъ, гдѣ его мало. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ ²⁾ для насъ, деревенщины, рѣшительно ничего не дѣлаетъ. Спасибо хоть на томъ, что въ предѣлы его разума ввѣдрилось, послѣ 15-ти лѣтняго министерствованія, какъ вредно продавать крестьянскихъ коровъ и оставлять крестьянскихъ дѣтей безъ молока. Но отъ этого важнаго открытія мы, деревенщина, не ощутили пока никакой пользы, и коровъ мужицкихъ продаютъ за недоимки по-прежнему. Вся эта раззолоченная, живущая на счетъ казны и государства . . . , ничего не дѣлаетъ для страны, а когда дѣлаетъ, то во вредъ ей, а не въ пользу. Ей все думается, что народъ и страна ограничиваются тѣми немногими тысячами людей, которые живутъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ и толкуются въ гостиныхъ и переднихъ важныхъ баръ. А здѣсь, на мѣстахъ, мы видимъ, что बारे вымираютъ и отваливаются какъ пивки, и никакія силы въ мірѣ не въ состояніи спасти ихъ. Сквозь щели растрескавшася зданія дворянства начинаютъ проростать совсѣмъ другія растенія, волчцы и тернии въ видѣ російскихъ купцовъ, кулаковъ и проходимцевъ изъ мужиковъ, которые скоро затрутъ прежнее дворянство въ грязь, но не принесутъ ничего путнаго на его мѣсто и будутъ такъ же бесплодны и вредны для народа... Теперешняя администрація, т. е. ея высшіе представители, совершенно неспособны поднять и вести впередъ народъ; они какъ бы для того только и созданы, чтобы воспитывать и выводить кулаковъ и проходимцевъ, идущихъ на смѣну дворянства. А народъ—это феллахи, на сплнѣ которыхъ однѣ пивки смѣняются другими и высасываютъ его на разныя манеры.

Кончится ли это когда-нибудь и настанетъ ли у насъ когда-нибудь дѣйствительно народное правительство, не въ смыслѣ аристократіи или демократіи, о чемъ у насъ такъ много и негѣпо толкуютъ, не въ смыслѣ конституціи, республики или монархіи, что тоже одна праздная болтовня, а въ смыслѣ пониманія народныхъ нуждъ и потребностей и удовлетворенія имъ по мѣрѣ возможности? Война будетъ для насъ величайшимъ благомъ, если она, своими послѣдствіями, разгонитъ шайку раззолоченныхъ краснобаевъ, ни бельмеса не смыслящихъ въ настоящемъ

¹⁾ Графъ П. А. Вагуевъ.

²⁾ А. Е. Тимашевъ.

положеніи страны, и вызоветъ къ дѣятельности умныхъ, честныхъ, правдивыхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей, понимающихъ что нужно. Что Россія начинаетъ тяготиться устроенной на ея спячѣ и на ея счетъ говорильней—на это есть признаки. Оно и не мудрено. Очень тошно становится жить посреди безмысленной обстановки, какъ-будто нарочно созданной для того, чтобъ мѣшать всякому успѣху и всякому развитію. А что можетъ у насъ натворить одинъ путный человѣкъ—этому доказательствомъ служитъ Милютинъ ¹⁾, котораго травили и который уцѣлѣлъ какиѣ-то чудомъ...

Я продолжаю, по мѣрѣ силъ, работать надъ своимъ хозяйствомъ, которое поставилъ совсѣмъ на новую ногу, и плоды начинаютъ обнаруживаться раньше, чѣмъ я могъ ожидать. Всѣ завидуютъ массѣ корма для скота, которымъ я успѣлъ запастись нынѣшнимъ лѣтомъ, благодаря травосѣянію. Даже крестьяне, сначала смотрѣвшіе крайне недовѣрчиво на мое нововведеніе, теперь призадумались и совѣщались между собою, не слѣдуетъ ли и имъ ввести у себя травосѣяніе? Пока эти совѣщанія не привели къ окончательнымъ результатамъ; но довольно того, что мысль запала и работаетъ. Года черезъ два-три она созрѣетъ и тогда мнѣ, въ нашемъ краю, будетъ принадлежать честь починна въ переустройствѣ крестьянскаго полевого хозяйства на рациональныхъ основаніяхъ. Они видятъ, что благодаря новой системѣ хозяйства и хлѣба родятся у меня изъ-года-въ-годъ лучше, т. е. и больше ужиномъ, и больше и лучше зерномъ. Обидно только, что мало денегъ; а то бы дѣло подвинулось еще быстрѣе. По тому опыту, который у меня производится въ микроскопическихъ размѣрахъ, видно, какъ бы можно было скоро поднять наше хозяйство, еслибъ вмѣсто красносавъ въ высшемъ управленіи дѣйствовали серьезные и понимающіе люди.

Я успѣлъ до сихъ поръ составить программу для курса гражданскаго права, которую буду читать съ октября въ военно-юридической академіи, совершенно по новому плану, какъ оно нигдѣ и никогда не читалось. Съ трудностями новаго дѣла пока совладалъ; не знаю, что окажется при самомъ выполненіи. Если буду доволенъ, то по окончаніи года напечатаю свою программу, которая и теперь довольно подробна.

Въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» (№№ 68 и 69) вы можете быть прочли въ фельетонѣ мою статью о старушкѣ Елагиной. Если она показалась вамъ скучной по началу, то прочтите конецъ,—нѣкоторыя мысли о людяхъ Александровской эпохи. Наврано мѣстами непростительно въ печати, по безобразію корректора, но основную мысль вы все-таки поймете и оцѣните. Для меня съ каждымъ днемъ все яснѣе и яснѣе становится,

¹⁾ Бывшій военный министръ, графъ Дмитрій Алексѣевичъ.

что интеллигентные высшіе слои русскаго общества только въ той мѣрѣ имѣютъ и могутъ имѣть будущность и живучесть, въ какой они живутъ и дѣйствуютъ въ массѣ и для массы. Это новая фаза демократіи, не политическая (которая нигдѣ ей не удавалась, всего менѣе у насъ), а социальная, единственная, которая можетъ со временемъ повести и къ политической жизни и свободнымъ учрежденіямъ. Что у насъ этого не понимаютъ, что ищутъ другихъ, проторенныхъ уже въ Европѣ путей къ политической свободѣ, составляетъ нашу коренную ошибку, и это несчастіе единственно оттого, что мы судимъ о себѣ и своемъ положеніи не по нашимъ бытовымъ фактамъ и условіямъ, а по готовымъ европейскимъ шаблонамъ. Этимъ грѣшатъ одинаково и наши консерваторы, и наши либералы всевозможныхъ отгѣнковъ и направленій: и Валуевъ и Чернышевскій, Урусовъ и Аксаковъ, Шуваловъ и Нечаевъ.

Былъ на избирательномъ земскомъ собраніи въ Бѣлевѣ. Меня хотѣли избрать въ гласные, но я отказался, потому что не хотѣлъ быть номинальнымъ членомъ земства, а дѣйствительнымъ быть не могу, потому что во время собраній нахожусь въ Петербургѣ. Живи я здѣсь, я бы самъ хлопоталъ о томъ, чтобъ меня выбрали и сталъ бы сильно агитировать въ пользу школъ по деревнямъ и селамъ, безъ чего ничего путнаго не сдѣлаешь. А чтобъ найти средства для школъ, пришлось бы разсмотрѣть и перевернуть нашу безобразную раскладку земскихъ сборовъ. На этомъ я бы вѣроятно сломилъ себѣ шею и при первыхъ же выборахъ былъ бы блистательно забаллотированъ; но это ничего: мысль, пріемъ были бы пущены въ ходъ и черезъ два-три выбора взяли бы наконецъ свое. Матеріалъ вездѣ есть добрый; но его нужно вытаскать изъ-подъ спуда, подъ которымъ онъ томится и остается безъ дѣла. Русское общество надо выворотить на изпанку: исподъ въ немъ лучше, чѣмъ покрышка.

Статья о первыхъ пяти главахъ книги Васильчикова о землевладѣніи и земледѣліи въ Россіи и Европѣ печатается въ «Недѣлѣ»¹⁾. Позвольте вамъ ее рекомендовать. Новаго въ ней мало; зато она вамъ передастъ все существенное содержаніе первой половинны перваго тома этой замѣчательной книги, съ необходимымъ нравоученіемъ, къ которому она приводитъ. На грабежѣ бѣдныхъ массъ, наглость и безстыдноту, основанъ образованный и богатый высшій европейскій слой свое могущество, вліяніе и богатство, и теперь платится за это. Неправое дѣло мститъ за себя и будетъ еще больше мстить впереди, какъ того требуетъ строгая, неподкупная и неизбѣжная логика событій.

¹⁾ «Недѣла» 1877 г., №№ 26—29. Перепеч. во II т. «Сочиненій К. Д. Кавелина», изд. 1898 г., стр. 326—386.

22-го іюля. За разными дѣлами это письмо залежалось 10 дней въ моемъ столѣ. Теперь ужъ всего какой-нибудь мѣсяцъ съ недѣлей, и мнѣ придется возвращаться. Если бы пожить еще здѣсь до перваго зимняго пути и вѣрнѣе — не скучалъ бы.

Дружески васъ обнимаю. Передайте мои душевные поклоны общимъ друзьямъ, если вы кого-нибудь изъ нихъ видите, въ особенности Э. О. Раденъ и Заблоцкому. Оба должны быть въ городѣ или около Питера.

Управившись со счетами (такова милая среда, что не найдешь хоть (скольконибудь) сноснаго конторщика: а люди съ голоду умираютъ въ городѣ!) и съ программой гражданского права, сталъ опять работать надъ «задачами этики» или учени о нравственности, въ pendant къ «Задачамъ психологіи». Хочу воспользоваться остаткомъ дѣта, чтобъ закончить одну очень запутанную и важную главу этой работы. Иначе придется ее совсѣмъ бросить, потому что чтеніе лекцій, къ которымъ надо готовиться, и департаментскія занятія мало оставляютъ свободнаго времени, а прежнихъ силъ работать — увы! уже нѣтъ. Задача въ новой работѣ трудная, но въ высшей степени благодарная — найти цѣпь или нить, связующую крайнихъ матеріалистовъ съ крайними идеалистами. Кой-какіе проблески на этомъ пути я уже вижу, но мысль еще не вырѣла до той степени ясности, при которой можно выступить съ нею передъ публикой. Хотѣлось бы поработать, да все некогда.

До скорого свиданія въ Питерѣ. Еслибъ не пара друзей обоего пола — я бы охотно забылъ о гниломъ болотѣ ¹⁾).

15.

26-го сентября 1877 г., С.-Петербургъ.

Горестную вашу записку я получилъ вчера. Она застала меня приготовленнымъ. Вчера, рано утромъ, я отправился на Балтійскую желѣзную дорогу, и первое, что мнѣ представилось въ купленномъ № «Голоса», было объявленіе о кончинѣ Жуковскаго ²⁾ и панихидѣ въ его память. Я былъ приготовленъ Шторхомъ ко всему, но все-таки извѣстіе меня поразило! Добросовѣстнѣе, честнѣе, благонамѣреннѣе въ крестьян-

¹⁾ Т. е. Петербургъ.

²⁾ С. М. Жуковскій — членъ редакціонныхъ комиссій по освобожденію крестьянъ, а затѣмъ сенаторъ.

скомъ вопросѣ не было человѣка! Страхъ беретъ, какъ одинъ за другимъ уходятъ именно эти лица, поборники крестьянъ—Милютинъ, Соловьевъ, Самаринъ, Жуковский! Есть въ этомъ что-то фатальное! Изъ первыхъ умеръ Тарновскій—такой же, какъ они! Убираются орлы знаменитой и приснопамятной эпохи! Она тоже уходитъ въ даль прошедшаго, уступая мѣсто новымъ стремленіямъ и надеждамъ. Еще нѣсколько лѣтъ—и уйдутъ все они на покой. Одинъ кто-нибудь, запоздалый, выпьетъ дрожащей рукой бокалъ въ память 19-го февраля.

Р. С. Гдѣ будутъ хоронить Жуковского? Вчера я былъ слишкомъ утомленъ. Но когда будетъ еще панихида—поѣду непременно.

16.

11-го января 1878 г. С.-Петербургъ.

Дорогой другъ, Константинъ Карловичъ, я очень хорошо понимаю, что 12-го января, уже столько лѣтъ сряду, мы праздновали дорогого новорожденного, которому теперь, по моему счету, стукнетъ .¹⁾ ну сколько бы тамъ ни стукнуло²⁾. Отчего же въ нынѣшнемъ году³⁾ дорогое дитя не зоветъ на свое рожденіе? Или ужъ оно намъ обоимъ напомнить многое, чего всячески избѣгаешь вспоминать? Прошедшій годъ для насъ обоихъ—ужасный. Для меня хуже ужъ никогда не будетъ⁴⁾.

Думаю, что обѣдать и ввечеру къ вамъ не приѣду. Я опять простудился, кашляю, горло болитъ. Во всякомъ случаѣ вы меня не ждите. При каждомъ выѣздѣ простужаюсь и теперь гриппы у меня стали такіе упорные, что приходится сидѣть дома по-часту и по нѣсколько дней къ ряду. Сегодня отказался отъ обѣда у Тютчевыхъ.

Много работаю. Написалъ цѣлыхъ двѣ большихъ статьи, одну о Самаринѣ, котораго полное собраніе сочиненій уже начато братомъ⁴⁾. Первый томъ вышелъ. О немъ хотѣлось сказать поскорѣе. Теперь кромѣ департаментскихъ дѣлъ, работаю еще надъ своими лекціями для Военно-

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

²⁾ Константинъ Карловичъ Гротъ родился 12-го января 1815 г., слѣдовательно 12-го января 1878 года ему исполнилось 63 года.

³⁾ 4-го окт. 1877 г. скончалась дочь К. Д. Кавелина, Софья Константиновна Брюллова, на 26 году жизни.

⁴⁾ Статья К. Д. Кавелина—Московскіе славянофилы сороковыхъ годовъ, по поводу I т. „Сочиненій Ю. О. Самарина“. изд. Д. О. Самаринымъ. М. 1878 г.—въ „Сѣверн. Вѣстн.“, газетѣ, изд. В. О. Коршемъ, 1878 г., №№ 20, 23 и 24.

юридической академіи, гдѣ начну читать съ сентября будущаго года, разумѣется, если буду живъ. Какое спасеніе работа! И что за счастье, когда привыкъ работать въ тѣ годы, когда ужъ нѣтъ впереди ничего въ личной жизни, и судьба, съ обычной безсердечностью, наноситъ вамъ удары за ударами, выбирая самыя больныя мѣста. Что бы я сталъ теперь дѣлать, еслибъ не было работы.

Въ небольшой промежутокъ что могъ выѣзжать былъ утромъ у бар. Радекъ, и провелъ нѣсколько часовъ, не замѣтивъ, какъ прошло время.

Обнимаю васъ, дорогой другъ, поздравляю себя, всѣхъ вашихъ друзей и всѣ тѣ дѣла, управленія, губерніи и вѣдомства, которыя попадали и еще попадутъ въ ваши руки! Дай Богъ, чтобъ еще много и много лѣтъ дѣлались вамъ такія же пожеланія,—не мною, такъ другими, умѣющими любить и цѣнить васъ, имъ же имя легионъ.

Моя жена дружески жметъ вамъ руку и поздравляетъ. Зять вчера уѣхалъ въ Псковъ къ сестрѣ, которая очень больна.

Говорятъ, англійское посольство сильно повѣсило носъ. Сказываютъ, будто Вильгельмъ успокоилъ императора насчетъ Австріи: я-де ее уломаю, не беспокойтесь.

17.

4-го февраля 1878 г. С.- Петербургъ.

Дорогой другъ, Константинъ Карловичъ! ¹⁾

... На крышѣ надъ Сониной могилой висѣлъ покрытый снѣгомъ вѣнокъ. Листья робко колыхались отъ воздуха. А бывало, сколько жизни, сколько веселья, сколько ума, дѣятельности!

Все это надо забыть, а то сердце разорвется. Работаю много надъ курсомъ гражданскаго права, который буду читать въ будущемъ году въ Военно-юридической академіи, если буду живъ. Это меня очень занимаетъ и беретъ много времени. Посылаю вамъ мою статью о московскихъ славянофилахъ и Самаринѣ. Объ ней ужъ начинаются споры, — наши русскіе споры, при которыхъ одинъ другого совсѣмъ не понимаетъ, какъ будто люди впервые встрѣтились и никогда другъ друга не слышали.

¹⁾ Письмо начинается съ описанія пребыванія К. Д. Кавелина въ Павловскѣ, на кладбищѣ, по случаю погребенія сестры П. А. Брюллова, т-ше Спидъ, положенной рядомъ съ дочерью Кавелина, Софьей Конст. Брюлловой, въ семейной могилѣ Брюлловыхъ.

А англичане? Вотъ съѣли грибъ и получили полнолѣсную оплеуху, всею пятерней! Миръ обращается въ собраніе мазуриковъ. Куда имъ воевать! Это лавочники Всякій стыдъ и всякій умъ потеряны.

Прочтите въ послѣднемъ номерѣ «Отечественныхъ Записокъ» дворянскую хандру Салтыкова. Это chef-d'oeuvre, брильянты. Онъ все идетъ впередъ. Обнимаю васъ отъ всей души вашъ К. Кавлинь.

18.

8-го марта 1878 г. С.-Петербургъ.

Дорогой другъ, Константинъ Карловичъ!.. Крайне обидно, что опять не удалось намъ провести съ глазу на глазъ вечерокъ. Не получая долго отъ васъ отказа, я былъ убѣжденъ, то во вторникъ мы просидимъ мирно вмѣстѣ, вдвоемъ, какъ часто доводилось въ доброе старое время.

Въ понедѣльникъ обѣдалъ у графини Блудовой ¹⁾ и тотчасъ же ухалъ къ Заблоцкому, въ засѣданіе совѣта, гдѣ не могъ не быть. Старушка сильно опускается. Недолго проживетъ и она. Говоритъ много вздору, такъ что досадно бываетъ слушать.

Слышали вы, что маркизь Валуевъ ²⁾ отказался отъ предсѣдательства въ общихъ собраніяхъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита (гдѣ къ нему не были особенно любезны въ послѣднемъ собраніи) и на мѣсто его избранъ огромнымъ большинствомъ (301 голосъ изъ 310) нашъ другъ В. А. Арцимовичъ, политическій врагъ Валуева? Меня это очень обрадовало. Не радуется меня только то, что Арцимовичъ оставяетъ общество вспоможенія студенткамъ и педагогичкамъ, которое при немъ честно и добросовѣстно дѣлало свое дѣло. Надо надѣяться, что мѣсто его займетъ Тютчевъ.

Обнимаю васъ, дорогой другъ, крѣпко и много разъ. Очень скучно, что мы видимся такъ рѣдко. Утромъ я дорожу, какъ единственнымъ временемъ, когда могу работать, а вечеромъ вы не свободны.

Составляю курсъ гражданскаго права для будущихъ лекцій въ академіи ³⁾. Дѣло идетъ хорошо.

¹⁾ Графиня Ан. Дм. Блудова, фрейлиня высочайшаго двора, дочь графа Д. Н. Блудова.

²⁾ Графъ П. А. Валуевъ.

³⁾ Военно-юридической, гдѣ и началъ чтенія съ осени 1878 г.

19.

12-го іюня 1873 г. Сельцо Иваново.

Дорогой другъ, Константинъ Карловичъ! Я получилъ на дняхъ ваше милое письмо изъ Швейцаріи; оно меня удивило тѣмъ, что вы не предполагали никуда ѣхать до тюремнаго конгресса въ Швецію, а говорили, что послѣ конгресса, осенью съѣздите куда-нибудь на короткое время. Можетъ быть я васъ не понялъ, но во всякомъ случаѣ я никакъ не подозрѣвалъ въ Швейцаріи.

Я въ деревнѣ съ 19-го мая и благодаря семейству Вал. Фед. Корша не одинъ. Признаюсь вамъ, что это служить для меня большимъ утѣшеніемъ. Одному провести лѣто, послѣ всего, что произошло осенью, было бы очень тяжело. Теперь домъ шуменъ, благодаря двумъ дѣвочкамъ и смотреть жильемъ, а не пустыней, съ которой соединено столько раздражающихъ душу воспоминаній. А дѣла хозяйства непременно требовали моего присутствія здѣсь лѣтомъ. Если успѣю, разскажу вамъ и объ нихъ подробно ниже.

Газеты я пересталъ читать—въ такое глубокое негодованіе приводили меня лѣтописи берлинскаго конгресса и наша на немъ роль. Спичъ Горчакова и отвѣтныи на него спичъ Биконсфильда—до этого позора и не думалъ дожить! Вы совершенно правы, что, слава Богу, что хоть этимъ кончили, могло быть гораздо хуже. Тысячу разъ такъ. Но я спрашиваю себя: по какой фатальности несомнѣнныя доблести русской арміи и несомнѣнныя народныя силы привели къ результату, который не находится съ ними ни въ какомъ соотвѣтствіи? Почему при Петрѣ, Екатеринѣ, даже при Аннѣ и Елисаветѣ изъ того же матеріала, только гораздо менѣ развитаго и менѣ выработаннаго, выходили совсѣмъ другіе результаты? Надъ этимъ можно глубоко задуматься и есть надъ чѣмъ! Мой отвѣтъ готовъ и вы его знаете. Русская интеллигенція и правящіе классы упали до невозможности. Вся ихъ дѣятельность—научная, литературная, журнальная, административная, законодательная, судебная, дипломатическая, доказываетъ это до послѣдней очевидности. Вслѣдствіе того сложился порядокъ дѣлъ, который губить наши лучшія силы, даетъ всѣмъ нашимъ стремленіямъ ложное и превратное направленіе, заражаетъ, въ лицѣ нашей передовой молодежи, лучшіе наши соки и убиваетъ самую надежду на лучшую будущность. Благодаря нашей въ конецъ испошлившейся интеллигенціи, страна живетъ безъ кормила и руля, парализована и отдана на жертву всякимъ случайностямъ. Мы прозябаемъ со-дня-на-день, бросаюсь отъ скуки, очертя голову, на первое, что намъ попадется и насъ пома-

нить надеждой, авось выйдетъ что-нибудь занимательное и наполнить угнетающую насъ пустоту и скуку. Минувшая война была результатомъ подобнаго состоянія. Мы на нее бросились съ дѣтскимъ увлеченіемъ, не думая о послѣдствіяхъ, лишь бы развлечься. Что же изъ подобныхъ дѣлъ можетъ выйти хорошаго. Хорошее бываетъ результатомъ лишь глубоко обдуманнаго и вѣрно во всѣхъ подробностяхъ рассчитаннаго предпріятія. За все время войны я ничего такого не замѣтилъ. Все стремилось, надѣялось, хлопотало, надѣясь каждый, съ своей точки зрѣнія, что русскій Богъ выручитъ. Но видно и Ему, наконецъ, надобно выручать людей, неумѣющихъ вовсе думать.

Теперь, волей-неволей, мы должны будемъ подумать, и это, конечно, будетъ самымъ лучшимъ результатомъ войны и неудачъ. Придется, хотя-нехотя, разстаться съ глупѣйшими фантазіями, съ гвоздями вдобавокъ ржавыми, натканными безъ числа въ нашемъ мозгу, и серьезно, не въ видѣ фразъ, подумать, что начать. Славянофилы и западники, консерваторы и ходители въ народъ, аристократы и демократы—всѣ русскіе фантазеры на разные лады профершипились позорно, покрыли себя срамомъ и должны отнынѣ сойти со сцены, иначе Россія поплатится своимъ политическимъ значеніемъ и народнымъ достоинствомъ.

15-го іюля. Я не могу себѣ представить, что послѣ такого жестокаго урока мы будемъ продолжать по прежнему тащиться по той же сонной, пошлой и ржавой колесѣ, которая, убивъ наши силы и осудивъ насъ на сонливое равнодушіе и бездѣйствіе, привела къ позорному фіаско во внѣшнихъ дѣлахъ. Если въ правительствѣ сохранилось хоть сколько нибудь пониманія своего положенія, оно должно на много лѣтъ бросить вопросы внѣшней политики и всѣ силы обратить на внутреннее наше положеніе, распутать узлы, которыми мы повязаны по рукамъ и ногамъ, дать независимый судъ, независимый законъ, независимый отъ перваго встрѣчнаго администратора, начиная съ Тимашева и оканчивая кварталнымъ-надзирателемъ, освободить школу отъ давленія консерваторовъ и либераловъ и дать ей болѣе жизненное, болѣе близкое къ дѣлу и нуждамъ народа направленіе; наконецъ, постараться, чтобъ одна рука его не раздѣлывала того, что желаетъ другая, и Пенелопина работа законодательства и администраціи, благодаря которымъ мы вянемъ, сохнемъ и глупѣемъ, обратилась въ преданіе...

Я занимаюсь въ деревнѣ усердно двумя вещами: приготовленіемъ курса гражданскаго права и хозяйствомъ. Курсъ въ чернѣ уже набросанъ, кости есть. Теперь читаю сводъ законовъ заподрядъ, съ выписками, выбирая, что мнѣ нужно для моего предмета. Если проживу нѣсколько лѣтъ, работа выйдетъ недурная.

Хозяйство, отношенія къ крестьянамъ, школа—очень меня занимаютъ. Тутъ можно сдѣлать много хорошаго и полезнаго и у меня идетъ по-

рядочно. Теперь мое хозяйство на столько уже подвинулось, что можно и должно подумать о чемъ-нибудь болѣе серьезномъ. Я задумалъ развить молочное хозяйство и о заведеніи сыроваренія. Съ этою цѣлью послалъ женщину, которая служить у меня уже нѣсколько лѣтъ при скотѣ, къ Верещагину и, судя по ея письмамъ и по отзывамъ Верещагина, это дѣло должно пойти у насъ хорошо. Конечно, и тутъ нужна постепенность какъ и во всемъ. Хорошо уже то, что мы можемъ повести дѣло съ того, что у насъ уже есть и, получивъ доходъ, расширить его и усовершенствовать.

Результаты упорной и выдержанной работы надъ школой и надъ установленіемъ правильныхъ отношеній къ крестьянамъ и рабочимъ—самые отрадныя. Не только мальчики учатся и крестьяне охотно посылаютъ ихъ теперь въ школу, но и дѣвочки. Въ рабочихъ никогда нѣтъ недостатка, и вы были бы обрадованы, видя съ какимъ удовольствіемъ и готовностью крестьяне являются работать по первому зову. Очень приглядываются они къ новымъ приемамъ и машинамъ, которыя у насъ введены, и подумываютъ уже многіе, какъ бы ввести то и другое и у себя. Съ этимъ народомъ можно жить и можно вести его ко всему хорошему. Но надо приложить къ этому руки и сердце, а у насъ на это охотниковъ мало. Вотъ поговорить да пофантазировать мы большіе охотники.

Крестьяне бѣднѣютъ изъ-года-въ-годъ. Это фактъ столько же печальный, сколько несомнѣнный. Я не знаю, что съ нами будетъ, если это будетъ идти *сгезендо*, а что такъ будетъ идти при теперешней заброшенности крестьянъ, при теперешнемъ полнѣйшемъ, преступномъ невниманіи къ нуждамъ этого многочисленнаго и важнѣйшаго элемента въ Россіи—это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Теперешніе государственные и административные наши порядки благоприятны только для кулаковъ, барышниковъ, торгашей-плутовъ и всякихъ промышленныхъ проходимцевъ; для честнаго и правильнаго промышленнаго и земледѣльческаго труда и его развитія всѣ пути закрыты.

Я здоровъ. Цѣлый мѣсяць почти погода стояла отвратительная и мѣшала уборкѣ сѣна. Теперь какъ будто становится лучше. Завтра начну пить воды, чтобы немного справить печенку и приготовиться къ петербургской зимѣ,—проклятой 9-ти мѣсячной зимѣ. Какая-то она будетъ и что принесть съ собою? Я, вѣроятно, много буду занять своимъ курсомъ.

Отъ всего сердца обнимаю васъ, дорогой другъ! Поправляйтесь здоровьемъ и пріѣзжайте молодцомъ.

20.

12-го января 1879 г. С.-Петербургъ.

Дорогой, милый, глубоко въ сердцѣ носимый другъ, Константинъ Карловичъ!

Примите мои поздравленія съ нынѣшнимъ днемъ, съ которымъ было бы гораздо приличнѣе поздравить вашихъ друзей. Мы радуемся, что сегодня, довольно лѣтъ тому назадъ, родился такой другъ и такой человекъ, какъ вы. Посреди всякаго слабодумія, пошлости и поклоненія своей особѣ на васъ отдыхаетъ и сердцемъ и надеждами на лучшее. Дай вамъ Богъ пожить съ нами и для насъ, и для всѣхъ.

Сегодня смогъ въ календарѣ: празднуется Третій, покоренъ Новгородъ, уничтожено мѣстничество, основанъ Московскій университетъ... Гороскопы ясны. Университетъ—просвѣщеніе, Новгородъ—неподвластность общему закону. Вы произведете податную реформу, распространите общій законъ о податяхъ на всѣхъ, уничтожите привилегіи и поставите подати на просвѣщенную ногу. То же вы сдѣлаете съ расходами: уничтожите незаконные, отмѣните привилегіи, введете въ расходы порядокъ и экономію.

Обнимаю васъ отъ всего сердца.

21.

9-го іюля 1883 г. Сельцо Иваново. Тульск. губ., Бѣлевскаго уѣзда.

Дорогой другъ, Константинъ Карловичъ. Передъ разставаніемъ весной, Александра Николаевна ¹⁾ любезно назначила мнѣ *gandevous* съ собою и съ вами въ іюль въ своей Орловской деревнѣ. Этому проекту, который мнѣ очень, очень улыбался, едва ли суждено осуществиться. На пути къ себѣ въ деревню я опасно занемогъ сильнѣйшимъ воспаленіемъ легкихъ, особенно лѣваго, слегъ въ постель въ Бѣлевѣ (18 верстъ не доѣзжая Иванова) и пролежалъ тутъ до 30-го мая, ровно три недѣли. Въ мои лѣта не многіе переносятъ такую болѣзнь. Я ее вынесъ благодаря весьма искусному врачу въ Бѣлевѣ, Н. А. Лукину, крѣпкому сложенію и осторожному образу жизни. Въ деревню пріѣхалъ на поправку полуживой. Выздоровленіе шло очень

¹⁾ Супруга К. К. Грота. Овъ женился въ 1882 г.

медленно, но, наконецъ, я совсѣмъ оправился. Со всѣмъ тѣмъ предпринимать поѣздку 90 верстъ туда и обратно до желѣзной дороги и по желѣзной дорогѣ, по теперешней погодѣ, вѣтряной и переменчивой, я не рѣшаюсь. Надо запасаться силами на зимнюю кампанію въ Петербургѣ. Думалъ отъ васъ, изъ Одетовки ¹⁾, проѣхать въ Елецъ и надо бы было, но и эту поѣздку тоже отложу и по тѣмъ же причинамъ.

Мнѣ особенно обидно не видать васъ въ деревнѣ, потому что въ петербургскомъ водоворотѣ и толчеѣ какъ-то совсѣмъ раззнакомишься: нѣтъ возможности перекинуться словечкомъ, обмѣняться мыслями, да и думать-то некогда: все рыщешь, высуна лзыгъ, и пишешь. Въ деревенской тишинѣ чувствуешь себя опять человѣкомъ, и можешь сколько нибудь сосредоточиться. Оскорбительно даже думать, будто бы мы, старики, не многіе годы, которые намъ остается прожить, должны вертѣться волчкомъ, какъ мальчишки, Богъ вѣдаетъ, для чего и собственно безъ всякой пользы для себя и ближняго.

10-го іюля. Мы здѣсь живемъ тихо и мирно, купаясь въ волнахъ сельской демократіи, съ которой находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ. Урожай травъ и хлѣба—необыкновенный. Погода—самая благопріятная для уборки. Такъ здѣсь живется хорошо, что вздыхаешь, зачѣмъ наше русское лѣто такъ коротко! Пора на покой изъ бесплодной петербургской толкотни. Въ деревнѣ, имѣя книги подъ руками, можно въ мои лѣта устроиться превосходно. А чтобъ не обратиться въ медкѣда, двухъ-трехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ зимой совершенно достаточно.

Я теперь пишу статью противъ одного остзейскаго барона, господина фонъ - Самсона Гиммельстерна, который написалъ на меня пасевиль за мои взгляды на эмансипацію и крестьянскій вопросъ ²⁾. Въ долгу я у него не останусь, не потому чтобъ стоило отвѣчать на его выходки, а съ тѣмъ, чтобъ выяснить вопросъ остзейскимъ нѣмцамъ и многимъ изъ нашихъ, имѣющимъ остзейскіе взгляды. На дняхъ кончаю эту довольно большую работу и, если успѣю, примусь за другую, еще болѣе обширную. Мнѣ хочется разобрать всѣ наши, такъ называемыя, партіи и объяснить, почему всѣ онѣ провалились и потеряли кредитъ въ публикѣ. Надо когда-нибудь выйти изъ тумана и хаоса, въ которыхъ мы болтаемся, не зная какому Богу молиться и шатаясь то впередъ, то назадъ ³⁾. Многіе на меня разгнѣваются, прочитавъ мои мысли и взгляды; но пусть гнѣваются: истина и родина все-таки дороже всего на свѣтѣ.

Сообщилъ Д. А. Корсаковъ.

¹⁾ Имѣніе Александры Никол. Гротъ.

²⁾ Статья эта была напечатана въ „Вѣстн. Европы“, 1883 г., сентябрь.

³⁾ Эта статья, подъ заглавіемъ: „Злобы дня“, была напечатана уже послѣ смерти К. Д. Кавелина, въ „Русской Мысли“ 1888 г., кн. III и IV.

Предписаніе министра юстиціи князя П. В. Лопухина оберъ-прокурору 6-го департамента сената Л. Н. Шетреву отъ 4-го марта 1805 года за № 1439, относительно службы молодыхъ дворянъ.

Изъ получаемыхъ мною представленій вашего превосходительства вижу я, что многіе неслужащіе дворяне просятъ для опредѣленія въ правительствующій сенатъ. Недавно отказавъ въ томъ на представленную вамъ ко мнѣ просьбу дворянъ Захаровыхъ, я нужнымъ нахожу увѣдомить васъ, милостивый государь, что государю императору весьма непріятно, что молодые люди, не желая идти въ военную службу, гдѣ съ пользою могли бы употреблены быть, избираютъ для себя статскую, въ которой, и особливо въ сенатѣ, состоя сверхъ комплекта и не занимаясь ничѣмъ, становятся во вредъ и себѣ и отечеству. И такъ, прошу ваше превосходительство, чтобы вы при случаѣ подобныхъ просьбъ молодыхъ дворянъ совѣтовали имъ, согласно волѣ его императорскаго величества, вступать въ военную службу, яко приличнѣйшую званію и обязанностямъ ихъ ¹⁾).

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

¹⁾ Дѣло министерства юстиціи 1805 г. № 2897.

Императоръ Николай I въ Черниговѣ въ 1845 году.

Еще полвѣка тому назадъ сообщеніе Петербурга съ Кіевомъ производилось на почтовыхъ лошадяхъ и путь проходилъ чрезъ Черниговъ—послѣдній губернской городъ на этомъ длинномъ разстояніи. Для обыкновенныхъ смертныхъ людей, рѣшившихся на такое далекое путешествіе въ собственномъ экипажѣ или на перекладныхъ, это представляло подвигъ не малый, такъ какъ приходилось ѣхать нѣсколько дней и ночей безъ отдыха и спокойнаго сна, подвергаться въ пути разнымъ невздамъ и неприяностямъ.

Въ то время Кіевъ представлялъ изъ себя вполнѣ неблагоустроенный городъ: не было ни каменныхъ многоэтажныхъ домовъ, ни тѣхъ улицъ, которыя застроены теперь зданіями красивой архитектуры. На площади, гдѣ теперь городская Дума, была невылазная грязь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охотились даже на дикихъ утокъ. Мошечныхъ улицъ почти не существовало, освѣщались онѣ плохо даже въ центрѣ города. Около нынѣшней главной улицы, «Крепцатикъ», была запущенная роща, называвшаяся Жандармскимъ садомъ, а черезъ рѣку Днѣпръ, протекающую около самаго города, былъ проложенъ только плавучій мостъ, устроенный на большихъ баркахъ, укрѣпленныхъ якорями, безъ перилъ; проѣзжать по этому мосту въ бурную погоду и на пугливыхъ лошадяхъ было далеко не безопасно. Такимъ былъ Кіевъ, въ сороковыхъ годахъ. Императоръ Николай I обратилъ вниманіе на этотъ городъ, священный для каждаго православнаго, и рѣшилъ создать въ немъ первоклассную крѣпость. Съ этого момента Кіевъ, подъ руководствомъ военныхъ инженеровъ началъ застраиваться укрѣпленіями и многочисленными казенными зданіями, образовавшими цѣлый городокъ на Печерскѣ. Одновременно императоръ рѣшилъ построить университетъ на самомъ видномъ и красивомъ мѣстѣ, около большого сада, называемаго ботаниче-

скимъ, противъ обширной площади, на которой нынѣ находится величественный памятникъ императору Николаю I. Предполагенъ былъ къ постройкѣ постоянный дѣшпной мостъ чрезъ Днѣпръ и строилось шоссе отъ Кіева до Чернигова.

Хотя Черниговъ былъ губернской городъ и лежалъ на большомъ почтовомъ пути между Петербургомъ и Кіевомъ, тѣмъ не менѣе представлялъ собою скорѣе большое неустроенное селеніе, нежели городъ. На окраинахъ его можно было встрѣтить постройки, крытыя соломою. Не было ни одной мощеной улицы, на нихъ и на площадяхъ была грязь, нечистота; тротуары были только на нѣкоторыхъ главныхъ улицахъ и то деревянные. Освѣщенія тоже почти не существовало. Каменныхъ домовъ было только нѣсколько.

Послѣ зимы 1845 г., когда высота снѣга достигала до двухъ сажень, наступила ранняя весна. Стало быстро таять, вслѣдствіе чего рѣка Днѣпръ и притокъ ея Десна разлились на десятки верстъ, и переправы по почтовому тракту, между Черниговымъ и Кіевомъ, были очень затруднительны и даже опасны въ бурную погоду. Онѣ производились на пароммахъ, носимыхъ по водному пространству по волѣ вѣтра. Всѣ паромы были переполнены массой экипажей, тѣлѣгъ и людей, стремившихся поскорѣе переправиться на противоположный берегъ рѣки. И вотъ въ это время, въ срединѣ весны, когда половодье достигло самаго высокаго подъема, когда правильное сообщеніе по дорогамъ было почти прекращено, пришла вѣсть о проѣздѣ чрезъ Черниговъ въ Кіевъ сперва великаго князя Константина Николаевича съ воспитателемъ его адмираломъ Литке, а затѣмъ и самого императора Николая I.

Заволновался бывшій въ то время губернаторъ, Павелъ Ивановичъ Гессе, заволновалась вся губернія и жители Чернигова. Земская полиція занялась спѣшнымъ исправленіемъ дорогъ отъ Чернигова до Новгородъ-Сѣверска, съ одной стороны, и отъ Чернигова до Кіева, съ другой. Главная забота о приведеніи въ порядокъ дорогъ лежала на земскихъ исправникахъ и станovýchъ приставахъ. Самые опытные и бойкіе изъ нихъ были вызваны на почтовый трактъ, и работа подъ ихъ наблюденіемъ кипѣла днемъ и ночью. Всѣ радовались проѣзду царя и вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ трепетали въ ожиданіи царскаго проѣзда. Чтобы судить о томъ, на сколько основателенъ былъ трепетъ и страхъ каждаго изъ должностныхъ лицъ, назначенныхъ наблюдать за работами на почтовомъ пути, нужно было быть очевидцемъ самихъ работъ, производимыхъ по дорогѣ съ лихорадочной поспѣшностью. Нужно было зорко слѣдить за всѣмъ и изслѣдовать каждый гвоздь, вбитый въ мостахъ и мостикахъ, осмотрѣть каждую доску, каждую рывину на дорогѣ, такъ какъ императоръ Николай I ѣздилъ всегда въ большой четырехмѣстной открытой коляскѣ, съ сидѣньемъ сзади и любилъ самую быструю ѣзду

шестерикомъ съ форрейторомъ. На станціяхъ съ песчаной дорогой запрягали иногда восемь лошадей, но даже самыя выносливыя изъ нихъ рѣдко выдерживали подъ экипажемъ государя, падали въ пути, ихъ моментально бросали на дорогѣ, продолжая путь безостановочно. Выбирались самыя лучшія лошади, представляемыя съ особенной радостью и готовностью мѣстными дворянами-помѣщиками. Бывали случаи, когда помѣщики-любители лошадей сами правили въ экипажѣ царя. Такой любитель помѣщикъ былъ извѣстный Т. въ городѣ Мглинѣ. Выбирались лучшіе кучера, а главное форрейторы, отъ которыхъ, при упряжкѣ въ шесть лошадей, зависѣлъ удачный проѣздъ. И такіе кучера и форрейторы, имѣвшіе счастье провезти императора, пользовались извѣстнымъ почетомъ. Такимъ образомъ милость или немилость царская для служащихъ по пути слѣдованія царя зависѣла отъ массы случайностей въ дорогѣ. Эти проѣзды можно назвать легендарными, а въ настоящее время, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, даже непонятными. При безостановочныхъ работахъ исправность пути по грунтовой дорогѣ была обезпечена, но представлялся весьма серьезный вопросъ и затрудненіе, какимъ образомъ устроить удобный переѣздъ императора водою до перваго селенія по пути въ Кіевъ въ Количевку на протяженіи болѣе 20 верстъ по разливу рѣки Десны. Тогда на рѣкѣ Деснѣ ходилъ единственный буксирный, неуклюжій, самой простой конструкціи, пароходъ отставнаго генералъ-маіора Мальцева, знаменитаго въ то время владѣльца разныхъ заводовъ и громаднхъ имѣній въ Брянскѣ. Рѣшено было просить Мальцева выслать этотъ пароходъ для переправы, но такъ какъ пароходъ былъ буксирный, то его задумали передѣлать, украсить коврами и парчей, поставить небольшую мачту съ флагомъ и доставить его ко времени пріѣзда императора въ Черниговъ. Рѣшено было также для большей торжественности поставить около парохода шесть паромовъ, украсивъ ихъ также флагами. Пароходъ долженъ былъ стоять наготовѣ подъ парами у такъ называемаго Краснаго моста въ Черниговѣ, откуда, по особо устроенному трапу, долженъ былъ сойти на пароходъ императоръ.

До пріѣзда императора Николая I оставалось нѣсколько недѣль. Извѣстно было, что за недѣлю до его пріѣзда, долженъ былъ пріѣхать изъ Петербурга въ Кіевъ великій князь Константинъ Николаевичъ и тоже переправляться по разливу до селенія Количевки, между тѣмъ пароходъ Мальцева не могъ быть доставленъ къ тому времени въ Черниговъ. Трудно себѣ представить, какъ была озабочена всѣмъ этимъ высшая администрація во главѣ съ ея начальникомъ.

Въ то время жилъ въ своемъ имѣніи, въ 30 верстахъ отъ Чернигова, въ деревнѣ Павловкѣ, отставной капитанъ-лейтенантъ Черноморскаго флота Петръ Петровичъ Исаевичъ. Услышавъ за мѣсяць о пріѣздѣ великаго князя Константина Николаевича, и затѣмъ императора

Николая и зная, какое представляется затрудненіе въ переправѣ черезъ громадный разливъ рѣки, онъ, какъ старшій морякъ славнаго Черноморскаго флота, началъ думать какъ бы перевезти не только великаго князя, но даже и императора на настоящемъ двѣнадцативесельномъ катерѣ Черноморскаго флота, зная, насколько государю было бы пріятно увидѣть въ глуши на малой рѣкѣ катеръ любимаго имъ флота.

Хотя мнѣ было тогда восемь лѣтъ но я помню хорошо, какъ мой отецъ страшно волновался, не спалъ по ночамъ, ходилъ по обширному залу нашего деревенскаго дома, ожидая съ тревогой приѣзда какихъ-то, какъ мнѣ говорили, старыхъ отставныхъ солдатъ-матросовъ Черноморскаго флота. Помню я съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ онъ ожидаемыхъ съ нетерпѣніемъ старыхъ моряковъ, обнималъ ихъ, цѣловалъ, угощалъ и представлялъ матери, затѣмъ вмѣстѣ съ ними уѣхалъ въ Черниговъ. Насколько я также помню, въ нашу деревню приѣхало сперва девять чело-вѣкъ, а за тѣмъ уже въ Черниговъ еще два матроса, итого одиннадцать. Удалъ мой отецъ двѣнадцатаго, но не дождался. Этихъ матросовъ отецъ мой разыскивалъ въ Черниговской и другихъ губерніяхъ чрезъ полицію и знакомыхъ. Спустя недѣлю по отъѣздѣ отца, мать моя со мной и тремя младшими сестрами переѣхала также въ Черниговъ. Отца своего я не видѣлъ по цѣлымъ днямъ; мнѣ говорили, что онъ развѣзжаетъ по разливу рѣки на какой-то лодкѣ. Устроивъ наскоро большой катеръ на двѣнадцать гребцовъ, окрасивъ его въ красный и черный цвѣта полосами, онъ сдѣлалъ на немъ нѣсколько переѣздовъ до села Количевки.

Отецъ мой управлялъ катеромъ всегда стоя. Гребцы были въ бѣлыхъ рубахахъ съ длинными черными шейными платками, завязанными, какъ мнѣ говорили, морскимъ узломъ на шеѣ, въ черныхъ круглыхъ морскихъ фуражкахъ безъ козырьковъ. Когда мой отецъ убѣдился въ томъ, что катеръ его приведенъ въ надлежащій видъ, то онъ отправился къ губернатору Гессе съ предложеніемъ лично перевезти великаго князя Константина Николаевича чрезъ розливъ на своемъ катерѣ. Имѣя въ виду, что въ то время пароходъ Мальцева не былъ еще доставленъ въ Черниговъ, что отставной морякъ капитанъ-лейтенантъ Исаевичъ ручался за безопасность переправы его высочества, губернаторъ принялъ его предложеніе, о чемъ донесъ генераль-губернатору и воспитателю великаго князя адмиралу Литке, на что послѣдовало согласіе и разрѣшеніе. Великій князь, приѣхалъ утромъ рано въ Черниговъ, вмѣстѣ съ адмираломъ Литке, посѣтилъ древній черниговскій соборъ, построенный великимъ княземъ Изяславомъ, принялъ благословеніе отъ архіепископа Владиміра, посѣтилъ начальника губерніи и въ 11 часовъ утра подѣхалъ къ Красному мосту, гдѣ его уже ожидалъ катеръ. Подоровавшись съ рулевымъ Исаевичемъ и матросами, его высочество

сѣлъ въ катеръ и при громкихъ крикахъ «ура!» многочисленной толпы отправились въ путь. Погода была вѣтреная, но путешествіе до Количевки прошло незамѣтно въ нѣсколько часовъ. Его высочество остался очень доволенъ переправой, благодарилъ отца и матросовъ, милостиво разспрашивалъ его о службѣ въ Черноморскомъ флотѣ, выразилъ удивленіе, узнавъ, что гребцы на катерѣ бывшіе матросы Черноморскаго флота, приказалъ выдать каждому матросу по пяти рублей, а отецъ мой, кромѣ личной благодарности его высочества, получилъ изъ Кіева собственноручное письмо адмирала Литке слѣдующаго содержанія: «Милостивый государь, Петръ Петровичъ! Его высочество великій князь Константинъ Николаевичъ остался очень доволенъ переѣздомъ на вашемъ катерѣ подъ вашимъ управленіемъ, очень сожалѣть, что не могъ еще разъ видѣть васъ и вручить вамъ предлагаемый при семь подарковъ, золотую табакерку, поручаетъ мнѣ засвидѣтельствовать признательность и сердечную благодарность. О такомъ пріятномъ путешествіи на катерѣ его высочество желаетъ довести до свѣдѣнія своего августѣйшаго родителя».

Черезъ двѣ недѣли наступилъ торжественный день встрѣчи императора. Стеченіе народа въ Черниговѣ было необычайное. Почти весь городъ былъ переполненъ народомъ. Ободренный благополучнымъ переѣздомъ его высочества и полученной благодарностью великаго князя, отецъ мой былъ нѣсколько разъ у губернатора, просилъ его дозволенія поставить свой катеръ рядомъ съ пароходомъ, и не покидалъ надежды перевезти императора; но губернаторъ, по особому распоряженію кіевскаго генераль-губернатора князя Долгорукова, не только не дозволилъ ему поставить катеръ около парохода, но объявилъ рѣшительно, что онъ не можетъ стоять за неимѣніемъ свободнаго мѣста у пристани, а если желаетъ, то пусть станетъ съ своимъ катеромъ за паромами на довольно значительномъ разстояніи, особо указанномъ начальствомъ. Больно и грустно было моряку-офицеру услышать такое рѣшеніе властей послѣ благополучной переправы великаго князя и благодарности его высочества, но еще грустнѣе было ему передавать это распоряженіе матросамъ-черноморцамъ, жаждавшимъ съ нимъ вмѣстѣ видѣть поближе царя и такъ же, какъ и капитанъ-лейтенантъ Исаевичъ, мечтавшимъ перевезти государя. Многіе изъ стариковъ-матросовъ были изъ-далека, исключительно желая видѣть царя, съ которымъ нѣкоторые изъ нихъ дѣлали кампанію въ Черномъ морѣ на караблѣ «Императрица Марія». Еще за сутки до пріѣзда императора около Краснаго моста поставили пароходъ, разукрашенный парчей, и шесть паромовъ въ линію съ развѣвающимися флагами на мачтахъ. Народъ и даже интеллигентная публика, не видѣвшая вовсе парового судна или мало видѣвшая, приходила глазѣть на пароходъ, восхищаясь его убранствомъ и

выражая одобреніе, что для царя устраиваютъ такой парадный и удобный переѣздъ. Генераль-губернаторъ и губернаторъ были также довольны своей затѣей и убранствомъ парохода, а о катерѣ Исаевича забыли всё и даже не знали, гдѣ онъ будетъ находиться, а многие завистники и недоброжелатели отца говорили, что царь былъ будто бы недоволенъ, что его сына, великаго князя, перевозили на простой лодкѣ по разливу.

Утромъ еще съ восходомъ солнца отецъ мой молился долго предъ фамильнымъ нашимъ образомъ Покрова Пресвятой Богородицы, а затѣмъ, въ формѣ отставнаго моряка и въ треугольной шляпѣ, грустно отправился на свой катеръ, который съ небольшимъ флагомъ Черноморскаго флота на кормѣ очутился въ нѣсколькихъ стахъ саженьяхъ отъ пристани, за линіей паромовъ. Въ общей картинѣ разукрашенныхъ флаговъ парохода и паромовъ онъ казался чѣмъ-то особеннымъ, типичнымъ. Черныя и красныя полосы по бортамъ рѣзко выдѣляли сидящихъ матросовъ въ бѣлыхъ рубахахъ и фигуру отца, стоявшаго на рулѣ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ. Катеръ былъ направленъ бортомъ въ сторону моста.

Наконецъ торжественная минута пріѣзда царя настала. Загудѣли колокола собора, имъ сталъ вторить звонъ на всѣхъ другихъ колокольныхъ церквей, а съ нимъ громкое «ура» многотысячной толпы возвѣстило, что царь ѣдетъ, что царь близко, и, наконецъ, къ пристани подъѣхала коляска, въ которой сидѣлъ государь съ графомъ Орловымъ. На императорѣ была длинная шинель изъ темносѣрой непромокаемой матеріи, а на головѣ треугольная шляпа съ перьями. Когда экипажъ остановился, его величество, ставъ на подножку коляски и принявъ холодно и даже сурово рапортъ отъ губернатора, моментально окинулъ своимъ орлинымъ взоромъ всю пристань, пароходъ, паромы и когда увидѣлъ въ отдаленіи катеръ, громкимъ голосомъ сказалъ Орлову:

— Посмотри, вотъ гдѣ ихъ поставили; ты видишь?

Затѣмъ онъ гнѣвнымъ голосомъ спросилъ генераль-губернатора и губернатора: «Это что?» указывая рукою по направленію къ катеру. Ему отвѣтили, что это лодка капитанъ-лейтенанта Исаевича. Императоръ возразилъ:

— Какая лодка, это катеръ.

Въ этотъ моментъ весь народъ и всѣ бывшіе на пристани замерли, видя неудовольствіе императора. Среди полной тишины раздался могучій голосъ государя.

— Здорово черноморцы!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! Ура!—крикнули матросы и подняли весла, отдавая честь.

— Подать катеръ, сказалъ государь.

Лавируя между паромами, катеръ поданъ былъ къ пристани. Но такъ какъ устроенная на мосту пристань и трапъ на пароходъ мѣшали подходу катера, то отецъ мой, причаливъ катеръ къ мосту, подаль моментально готовую веревочную лѣстницу на мостъ, ее укрѣпили матросы, и его величество спустился по ней на катеръ только съ графомъ Орловымъ, сказавъ мимоходомъ генераль-губернатору и губернатору:

— А вы поѣжайте на вашей лодкѣ.

Пароходъ былъ съ разведенными парами, и отойдя отъ моста, не могъ уже пройти по намѣченному пути, въ виду передвиженія паромовъ при проходѣ катера, вслѣдствіе чего сѣлъ на мель и долго не могъ сняться съ нея, о чемъ потомъ узналъ государь и въ Кіевѣ спрашивалъ генераль-губернатора, хорошо-ли ему было сидѣть на мели и почему онъ не догналъ его катера.

Весь путь до селенія Количевки былъ пройденъ менѣе двухъ часовъ, несмотря на довольно значительный противный вѣтеръ. Государь былъ веселъ, милостиво обращался съ разными вопросами къ отцу. Спрашивалъ его о прежней службѣ въ Черноморскомъ флотѣ, на какомъ кораблѣ онъ служилъ и заставлялъ отца сказать что-нибудь на малорусскомъ языкѣ. Между прочимъ, императоръ обратилъ вниманіе на буйки, плавающіе на водѣ и укрѣпленные якорями, указывавшіе направление пути, и когда его величество обратился къ отцу съ вопросомъ: сколько осталось верстъ до пристани, то отецъ мой отвѣтилъ словами: «не скажу». Государь удивленно спросилъ отца: «Какъ не скажешь?» Тогда отецъ доложилъ его величеству, что это онъ отвѣтилъ по-малорусски выраженіемъ «не знаю». Государь улыбнулся. Болѣе всего императоръ былъ доволенъ, узнавъ, что всѣ матросы, за исключеніемъ одного, были моряки Черноморскаго флота, явившіеся по вызову отца перевезти его величество. Когда же оказалось, что между ними было два матроса, плававшихъ вмѣстѣ съ его величествомъ на кораблѣ «Императрица Марія» въ Черномъ морѣ во время сильнаго шторма, то государь сказалъ графу Орлову:

— Вотъ гдѣ я встрѣтилъ сослуживцевъ, въ Черниговѣ на катерѣ, и меня везутъ черноморцы.

— Спасибо, спасибо тебѣ, сказалъ императоръ, обращаясь къ моему отцу.— Молодцы моряки!

Громкое «ура!» раздалось среди водъ однообразной глади разлива. У пристани государь, милостиво нѣсколько разъ поблагодаривъ отца, подаль ему руку и поцѣловалъ въ голову, сказавъ при этомъ, что онъ будетъ всегда помнить это путешествіе. Десяти матросамъ его величество приказалъ выдать по двадцати пяти рублей каждому, а двумъ, коиъ его величество изволилъ милостиво назвать сослуживцами, каждому по пятидесяти рублей; отцу моему былъ присланъ большой пер-

стень, украшенный аметистомъ съ двѣнадцатью большими брильянтами, стоимостью въ тысячу рублей, и кромѣ того былъ присланъ графомъ Орловымъ письменный приборъ съ прозрачнымъ фарфоровымъ экраномъ для свѣчей, на которомъ были изображены замѣчательные по сходству портреты ихъ императорскихъ величествъ.

Весело возвращался экипажъ катера съ своимъ рулевымъ въ Черниговъ. Масса народа ожидала его возвращенія и привѣтствовала отца моего и моряковъ поздравленіемъ.

Такъ закончилась благополучная переправа чрезъ небольшую рѣку Десну императора Николая I. Катеръ, на которомъ переѣзжалъ императоръ, былъ принятъ отъ отца моего черниговской городской Думой. На кормѣ его была придѣлана большая доска съ двуглавымъ золоченымъ орломъ и на доскѣ большими золотыми буквами были обозначены годъ и мѣсяцъ переѣзда его величества. Катеръ съ этой доской и надписью я видѣлъ еще въ пожарномъ сараѣ городской Думы въ 1870 году, но затѣмъ гдѣ хранится этотъ катеръ—я не знаю.

Наступилъ 1846 годъ. Снова объявленъ былъ высочайшій проѣздъ императора Николая Павловича чрезъ Черниговъ въ Кіевъ въ началѣ юня мѣсяца. Въ назначенный день приѣзда отецъ мой повезъ насъ съ матерью въ Черниговъ, перевезъ на противоположный берегъ рѣки Десны, чрезъ которую его величество долженъ былъ переѣзжать на простомъ паромѣ. Помню я, мы стояли съ матерью у самой дороги, около пристани, по которой долженъ проѣзжать императоръ съ его высочествомъ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Отецъ мой стоялъ у пристани и ждалъ царя; народа не было. Видно было какъ всѣ бѣжали за экипажемъ государя, крича. «ура!» Но при быстрой ѣздѣ царя трудно было добѣжать кому бы то ни было до пристани во время переправы царскаго поѣзда. Сопроводять же государя въ экипажахъ или проѣзжать по пути слѣдованія императора было строго воспрещено, подъ страхомъ наказанія за ослушаніе. Когда его величество подѣхалъ къ пристани и увидѣлъ на противоположной ей сторонѣ моего отца, милостиво обратился къ нему съ словами:

— Здорово старый знакомый, а переправа уже не та, что была въ прошломъ году!

Когда царскій экипажъ поднялся на возвышенный берегъ рѣки и императоръ увидѣлъ мою мать и насъ, приказалъ остановиться экипажу, спросилъ отца, его-ли эта семья, подозвалъ меня, погладилъ меня по головѣ и далъ поцѣловать всѣмъ намъ руку. Какъ теперь я живо помню это счастье видѣть императора Николая Павловича съ наслѣдникомъ престола, бывшимъ тогда такимъ молодымъ и которому потомъ я имѣлъ счастье служить какъ императору сперва, какъ военный, а за тѣмъ,

при введеніи крестьянской реформы, посвятивши всѣ лучшіе годы моей жизни службѣ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ.

Заканчивая мой рассказъ, я не могу, чтобы не сказать о милостивомъ отношеніи государя къ отцу моему. Когда помчалась коляска его величества, отецъ мой вскочилъ въ свой экипажъ и мимо мостовъ, чрезъ рытвины, вблизи большой дороги, почти въ виду государя, обогналъ царскій экипажъ, встрѣтилъ его величество на станціи «Красное» и, подбѣжавъ къ коляскѣ, отворилъ дверцы и поддерживалъ государя при выходѣ изъ экипажа.

— Ты уже здѣсь, сказалъ императоръ Николай I, а знаешь-ли ты мой приказъ?

— Знаю, ваше величество: не смѣть провожать и обгонять ваше величество.

— Зачѣмъ же ты ослушался?

— Еще разъ желалъ имѣть счастье лицезрѣть ваше величество; это счастье бываетъ такъ рѣдко.

Императоръ сказалъ ему улыбаясь:

— Ну и я радъ былъ еще разъ тебя видѣть. Прощай. Богъ дастъ увидимся.

Къ несчастію, отцу моему не удалось уже болѣе видѣть государя.

П. Исаевичъ.

Письмо И. И. Дмитриева—Павлу Петровичу Свиньину.

2-го августа 1834 г. Москва.

Не могу довольно выразить, сколько я благодаренъ вамъ за вашу литературный гостинецъ! Первый томъ еще не дочитанъ, а я уже увѣренъ, что Ермакъ вашъ съ каждымъ томомъ будетъ занимательнѣе, кромѣ немногихъ рѣченій неправильныхъ ¹⁾, или коихъ не употребляли ни отцы, ни родители наши. Слогъ вашъ съ каждымъ новымъ сочиненіемъ болѣе и болѣе усовершенствуется; это, конечно, плодъ навыка, вниманія въ хорошіе образцы и врожденной разборчивости.

Не меньше благодарю васъ и за честь, оказанную мнѣ выборомъ стиховъ моихъ въ эпиграфы. Послѣдніе два, правду сказать, довольно пошлые. Стихи мои не нынѣшняго покроя и, по словамъ Полеваго, конечно, устарѣли; но я доволенъ и тѣмъ, что первый напомнилъ о Ермакѣ новому поколѣнію и подаль случай двумъ именитымъ авторамъ—поэту и прозаику заплатить достойную дань завоевателю Сибири. Я только издали показалъ тѣнь его, а вы и Хомяковъ воскресили его духомъ и плотію.

Наслаждайтесь же, любезный Павелъ Петровичъ, пріятностью авторской и поселянской жизни; забудьте зоиловъ и съ бодрымъ духомъ стремитесь къ вашей цѣли.

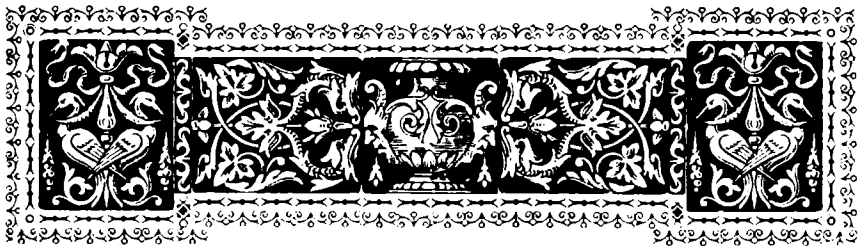
Я же отъ искренняго сердца обнимаю васъ, и съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію къ вамъ и милостивой государынѣ Надеждѣ Апполоновнѣ, имѣю честь быть и проч.

Иванъ Дмитриевъ.

P. S. Подздравляю васъ съ удачною продажею, а все жаль музеума, по крайней мѣрѣ рукописи нашли свое мѣсто.

¹⁾ Угоръ ешь—угоршъ. Слово—будто, какъ-бы. Покамѣсть—пока и еще нѣкоторые.

АВТОБІОГРАФІЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ Валеріана Александровича Бельгарда ¹⁾.

II.

Переходъ на службу на Кавказъ.—Апшеронскій полкъ.—Тогдашнее вооруженіе Кавказской арміи.—Полковникъ Симборскій.—Экспедиція въ Чечню.—Генералъ Голофѣвъ.—Бой съ горцами у ауловъ Капчугай и Ишкарты.—Новая рана.—Штурмъ аула Гимры.—Отъѣздъ въ Тифлисъ.—Шемаха.—
Главнокомандующій генералъ Головинъ.

Въ началѣ 1839 года я изъ штабсъ-капитановъ Преображенскаго полка былъ переведенъ маіоромъ въ Апшеронскій полкъ, который стоялъ тогда близъ Темиръ-ханъ-Шуры. Но я поѣхалъ не прямо туда, а въ Тифлисъ, гдѣ нѣкоторое время и задержался. Въ Тифлисѣ жило много моихъ знакомыхъ и товарищей; тамъ же находился бывший адъютантъ моего отца, а въ это время уже бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Симборскій. Въ Тифлисѣ жилось весело, и мнѣ пришло въ голову, что хорошо бы перейти въ одинъ изъ гренадерскихъ полковъ бригады Симборскаго, который встрѣтилъ меня такъ любезно, все вспоминалъ о моемъ отцѣ и высказывалъ большое расположеніе ко всей нашей семьѣ. Самъ онъ не разъ заговаривалъ со мною о томъ, что не лучше ли мнѣ служить въ его бригадѣ; но потомъ, когда я

¹⁾ См. „Русскую Старину“, январь 1899 г.

выразилъ намѣреніе къ нему перейти, вдругъ почему-то сталъ встрѣчать затрудненія и совѣтовалъ сперва послужить въ Апшеронскомъ полку, и уже современемъ переходить въ гренадерскую дивизію. Дѣло было въ томъ, какъ я впоследствии догадался, что братъ его долженъ былъ получить Апшеронскій полкъ, и генералъ Симборскій находилъ удобнымъ, чтобы я тамъ оставался, дабы у брата былъ хоть одинъ знакомый баталіонный командиръ.

Двуличное поведеніе Симборскаго меня очень разсердило, и я рѣшился сейчасъ же уѣхать въ Темиръ-ханъ-Шуру. Одно было досадно — денегъ было въ ту минуту совсѣмъ мало, а къ тому-же Симборскому обращаться за ними не хотѣлось. Судьба вывела меня изъ этого затрудненія. Я никогда не игралъ въ азартныя игры, но какъ разъ въ день моего разговора съ Симборскимъ, меня вечеромъ какъ-то уговорили играть, и я выигралъ десятка полтора или два червонцевъ. На другой же день я уѣхалъ въ Темиръ-ханъ-Шуру. Тамъ начальствовалъ войсками немолодой уже генералъ Клюки-фонъ-Клугенау. Это былъ почтенный, всѣми уважаемый человѣкъ и опытный кавказецъ. При первомъ же представленіи онъ принялъ меня очень любезно, и хорошія его отношенія ко мнѣ сохранились во все время моей службы подъ его начальствомъ.

Апшеронскій полкъ, незадолго передъ тѣмъ ходившій въ экспедицію на аулъ Ахульго, былъ въ очень слабомъ составѣ и только въ это время сталъ пополняться. Особенно былъ великъ недостатокъ въ офицерахъ. Я сейчасъ же долженъ былъ вступить въ командованіе 1-мъ баталіономъ. Полковымъ командиромъ былъ полковникъ Поповъ, человѣкъ недурной; между баталіонными были старые, заслуженные, кавказскіе офицеры: 3-мъ, стоявшимъ въ Казаницахъ, командовалъ Огіевскій; 2-мъ — подполковникъ Вагнеръ, бывший дерптскій студентъ, человѣкъ замѣчательно храбрый, но любившій выпить, и во хмѣлю былъ не хорошъ. Мнѣ говорили, что разъ, въ пьяномъ видѣ, онъ застрѣдилъ своего денщика, но что это дѣло замаяли, во вниманіе къ его боевымъ заслугамъ. Аdjутантъ у генерала Клугенау былъ въ то время Евдокимовъ, впоследствии сдѣланный графомъ, а родной его братъ командовалъ ротой въ моемъ баталіонѣ. Этому послѣдняго я очень полюбилъ; онъ былъ отличный офицеръ, гораздо вышихъ нравственныхъ качествъ, чѣмъ его прославленный впоследствии братъ. Я не отрицаю и въ томъ храбрости, ума и распорядительности; но онъ всегда былъ мнѣ антипатиченъ вслѣдствіе его жадности къ деньгамъ. Сколько разъ при мнѣ онъ съ поразительною откровенностью говорилъ: «хоть бы мнѣ когда нибудь получить конно-воловій транспортъ, — больше мнѣ ничего не нужно». — На этихъ транспортахъ командиры ихъ наживались. — Не отрицая заслугъ его при покореніи Кавказа, я долженъ ска-

затѣ, что это покореніе могло послѣдовать гораздо раньше. Кавказъ покорили нарѣзные ружья, введенныя въ тамошнія войска только послѣ Севастопольскаго урока. Въ сороковыхъ же годахъ наше оружіе было ужасно плохо. Это были гладко-ствольныя кремневыя ружья, которыми стрѣлять далѣе чѣмъ на сто шаговъ было бесполезно: между тѣмъ горцы были вооружены винтовками, бившими болѣе чѣмъ вдвое дальше. Позднѣе намъ дали по нѣсколько штуцеровъ на баталіонъ, тогда какъ нужно было всѣ войска вооружить штуцерами, и тогда кавказская война давно была бы окончена. Жаль было смотрѣть на кавказскихъ солдатъ;—лучшее въ мірѣ войско и вооруженное неизмѣримо хуже, чѣмъ тѣ дикари, съ которыми велась война!

Довольно скоро послѣ вступленія моего въ командованіе 1-мъ баталіономъ послѣдовала смѣна полкового командира. Былъ назначенъ къ намъ Симборскій, который въ военныхъ дѣйствіяхъ никогда неучаствовалъ и, до полученія полка, занималъ разныя мирныя должности. Этимъ назначеніемъ достигнутымъ благодаря протекціи, всѣ въ полку были очень недовольны.

Симборскій, принимая полкъ, рассчитывалъ на мою помощь. Ему очень хотѣлось поприжать Попова; но самъ онъ этого сдѣлать не умѣлъ, а я, конечно, помогать ему въ этомъ отказался. Этотъ отказъ послужилъ началомъ нашихъ холодныхъ отношеній. Клюки-фонъ-Клугенау очень хорошо понимаетъ, что Симборскій для войны не годенъ, а потому онъ его никуда и не посылалъ; Апшеронскіе баталіоны ходили въ дѣла каждый отдѣльно, или по два вмѣстѣ, а полковой командиръ сидѣлъ въ Темиръ-ханъ-Шурѣ съ денежнымъ ящикомъ и занимался только хозяйствомъ.

Зимой (1839—40 г. г.) мой баталіонъ съ двумя орудіями былъ двинутъ прямой дорогой черезъ Грозную и Внезапную на помощь Куринцамъ, такъ какъ волненіе начало охватывать всю Чечню. Мой баталіонъ долженъ былъ войти въ составъ отряда генерала Пулло. Имѣлось въ виду занять Герзель-ауль и строить тамъ укрѣпленіе. Въ виду похода я долженъ былъ озаботиться составомъ своихъ офицеровъ. Одинъ ротный командиръ былъ у меня надежный, это — Евдокимовъ; другой ротой командовалъ Ждановъ, старый капитанъ изъ фельдфебелей. Въ остальныхъ ротахъ были только молодые офицеры. Я поступилъ рѣшительно. Въ полку было два офицера, уже не молодые и бывалые: Дуровъ и Бурмистръ-Родошковскій. Оба были кутилы и такъ себя вели, что ротъ имъ не давали и всѣ баталіонные командиры отъ нихъ отказывались. Они не хотѣли или просто не умѣли имѣть на этихъ офицеровъ нравственное вліяніе; оба названные офицера дошли до совершеннаго упадка духа и дѣйствительно вели себя такъ, что стали непригодными для службы. При недостаткѣ въ офицерахъ, я рѣшился

попробовать, не удастся ли мнѣ съ ними справиться и ихъ нравственно поднять. Я позвалъ обоихъ къ себѣ, долго съ ними говорилъ, представлялъ имъ всю невыгодность ихъ положенія и невозможность ихъ поведенія и предложилъ имъ, что я возьму ихъ къ себѣ ротными командирами и дамъ возможность поправить ихъ репутацію, если они дадутъ мнѣ слово переимѣниться и во всемъ меня слушаться. Разговоръ этотъ имѣлъ отличное дѣйствіе. Оба со слезами благодарили меня, обѣщая исправиться, и дѣйствительно исполнили данное обѣщаніе. Во все время моего командованія баталіономъ они были отличными ротными командирами и вполсѣдствіи молодцами вели свои роты на штурмъ аула Гимры.

Первое мое движеніе съ баталіономъ было не особенно легкимъ. Прямая дорога шла черезъ лѣсъ, и на первомъ же переходѣ при одной изъ ротъ не оказалось ея командира Жданова; онъ по пути куда то зашелъ и, при выступленіи, его не могли отыскать. Догналъ онъ роту уже на привалѣ, проскакавъ верхомъ по такой дорогѣ, гдѣ баталіонъ только что прошелъ со всѣми военными предосторожностями.—Нужно было сразу показать примѣръ. Я арестовалъ Жданова и велъ пѣшкомъ при баталіонномъ ящикѣ; а на второмъ переходѣ началось дежурство, затѣмъ начались побѣги солдатъ-поляковъ, которыхъ въ баталіонѣ было множество. Надо было и это какъ-нибудь прекратить. Когда уже нѣсколько человекъ бѣжало, я оповѣстилъ по сосѣднимъ полумирнымъ ауламъ, что дамъ 10 руб. награды за приведеннаго бѣглаго. Ко мнѣ привели двухъ поляковъ моего баталіона, и я ихъ отдалъ на судъ солдатъ, сказавъ напередъ краткую, но сильную рѣчь о томъ, что побѣги мараютъ честь лучшаго полка кавказскихъ войскъ. Солдаты были въ полномъ негодованіи, и виновные были сильно наказаны. Это былъ судъ не начальства, а товарищей и на остальныхъ поляковъ произвелъ такое впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ ни одного побѣга не было.

Послѣ занятія Герзель-аула отрядъ генерала Пулло былъ распущенъ, а я на всю зиму былъ оставленъ со своимъ баталіономъ на Кумыкской площади, близъ Качкалыковского хребта для того, чтобы рубить лѣсъ и возить его въ строящееся укрѣпленіе. Со мною былъ войсковой старшина Алпатовъ съ казаками и 1000 паро-воловоныхъ арбъ, собранныхъ отъ нагайцевъ, надъ которыми Алпатовъ былъ представителемъ. Зима была трудная: нагайцы гибли отъ недостатка провіанта и подчасъ ѣли одну траву.—Горцы сколько могли мѣшали рубкѣ лѣса и перевозкѣ его въ Герзель-ауль. Роты мои каждый день, поочередно, ходили въ лѣсъ, на рубку, и каждый день шла перестрѣлка съ абреками, предводители которыхъ были известные въ горахъ рыцари, настоящіе джигиты. Я помню ихъ имена. Это были: Джавать-ханъ, Шуань-Мулла,

Уздемиръ, Ахверды-Магома. Впослѣдствіи ихъ всѣхъ, одного за другимъ, погубилъ Шамиль, добиваясь объединенія всѣхъ горскихъ племенъ подъ свою власть.—Въ отвѣтъ на ихъ набѣги, и мнѣ приходилось отвѣчать тѣмъ же. Случалось отбивать много скота, особливо барановъ, которыми мы и питались.

Весною, на подкрѣпленіе мнѣ прислали сперва два баталіона нашего полка, а потомъ началъ уже стягиваться весь отрядъ. Одинъ разъ мой баталіонъ съ баталіономъ Вагнера ходилъ въ экспедицію, съ цѣлью захватить непріятельскій скотъ, спущенный съ горъ пастись на Кумыкской плоскости. Отбили мы большое стадо; но при отступленіи было жаркое дѣло, и изъ баталіона Вагнера не всѣ убитые были вынесены. Двухъ солдатъ не досчитались. Зная, что въ кавказскихъ войскахъ не принято оставлять тѣла убитыхъ въ рукахъ непріятеля и вида, что это обстоятельство производитъ дурное впечатлѣніе, я отъ своего баталіона послалъ ночью команду съ офицеромъ въ дѣсь. Тѣла были найдены и принесены. Это доставило мнѣ большую популярность и въ другихъ баталіонахъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда отрядъ собрался, прибылъ новый начальникъ дивизіи, генералъ Голофѣевъ. Это былъ человекъ неопытный и непріятный. Назначенъ онъ былъ по протекціи военного министра, князя Чернышева, при которомъ прежде чѣмъ то состоялъ. Мнѣ онъ съ перваго разу не понравился своею безцеремонностью, чтобы не сказать болѣе. Вотъ тому примѣръ: зиму я жилъ въ двухъ калмыцкихъ кибиткахъ, которыя для меня досталъ Апатовъ; въ одной была моя спальня, а въ другой столовая; къ приходу отряда и отряднаго штаба, я, изъ своихъ небогатыхъ средствъ, приготовилъ ужинъ, рассчитывая угостить имъ своихъ хорошихъ знакомыхъ разныхъ полковъ. Что же вышло? Голофѣевъ, не спрашивая, чья кибитка и для кого изготовленъ ужинъ, занялъ мое помѣщеніе, а ужинъ съѣлъ и меня даже не позвалъ. Кибитками же такъ и завладѣлъ, точно у непріятеля ихъ отбилъ.

Голофѣевъ человекъ былъ не только неопытный, но и совсѣмъ вздорный. Имѣя большой отрядъ въ 15 баталіоновъ, онъ ничего не дѣлалъ. Время проходило: посылались лишь мелкіе отряды на поиски и то больше для добычи провіанта. Горцы понимали, что имѣютъ дѣло съ неспособнымъ предводителемъ и смѣлость ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалась. Въ глазахъ у отряда они сдѣлали дерзкое нападеніе на аулъ Энгель-Юртъ, расположенный на Кумыкской плоскости, и всѣхъ жителей съ ихъ имуществомъ увели въ горы. Голофѣевъ и тутъ не сумѣлъ распорядиться. Когда слышалась перестрѣлка въ сторонѣ аула, нужно было сейчасъ двинуть часть отряда на перерѣзъ горцамъ, чтобы загородить имъ путь къ переправѣ черезъ рѣку Койсу; но онъ

медлилъ, не слушалъ совѣтовъ опытныхъ офицеровъ, посылалъ узнавать о причинахъ тревоги, и тогда уже двинулся на выручку мирнаго аула, когда было поздно.

Послѣ разгрома Энгель-Юрта Голофѣевъ сталъ осторожнѣе; каждую ночь сталъ посылать мой баталіонъ въ засаду и усилить казачьи посты. Баталіонъ мой несъ тяжелую службу, и мнѣ казалось, что Голофѣевъ вымещаетъ на немъ свое нерасположеніе ко мнѣ, которое, впрочемъ, было совершенно понятно, такъ какъ я въ разговорахъ не стѣсняясь осуждалъ его дѣйствія и говорилъ, по моему обыкновенію, очень рѣзко. Разъ зоветъ меня къ себѣ начальникъ штаба, Россиліонъ и передаетъ мнѣ приказаніе идти на фуражировку и добыть для отряда барановъ. Тутъ я уже окончательно разсердился и объяснилъ Россиліону, для доклада генералу, что мои люди совсѣмъ измучены и что несправедливо всю тяжесть службы возлагать на одинъ баталіонъ изъ пятнадцати. При этомъ я заявилъ, что самъ считаю себя обязаннымъ идти, когда и куда прикажутъ, но пойду не иначе какъ со своднымъ отрядомъ изъ всѣхъ баталіоновъ, а мой нуждается хотя въ небольшомъ отдыхѣ. Я говорилъ такъ рѣшительно, что удалось настоять на своемъ, и въ отрядъ мой вошло по одной ротѣ съ cadaго баталіона. Набѣгъ удался вполнѣ, и я пригналъ большое стадо барановъ.

Голофѣевъ продолжалъ бездѣйствовать, а между тѣмъ Шамиль, види съ кѣмъ имѣеть дѣло, сталъ собирать силы для набѣга на Темиръ-ханъ-Шуру. Клюки-фонъ-Клугенау, недовольный Голофѣевымъ, требовалъ отъ него войскъ для защиты Темиръ-ханъ-Шуры, но тотъ медлилъ, и наконецъ рѣшился идти секретно, кружными путями, не смѣя идти прямой дорогой черезъ лѣсъ, гдѣ я шелъ осенью съ однимъ баталіономъ.

При этомъ движеніи, я съ моимъ баталіономъ долженъ былъ идти въ арьергардъ, что въ кавказской войнѣ, во время отступленія, было самымъ труднымъ и опаснымъ дѣломъ. Я назначеніемъ этимъ былъ доволенъ. Когда отступление началось, горцы со всѣхъ сторонъ стали напирать на меня, но баталіонъ отходилъ стройно, перекатными цѣпями и успѣшно отбивалъ всѣ покушенія непріятели бросаться въ атаку. Мнѣ нездоровилось, у меня была лихорадка, но обыкновенно въ дѣлѣ она у меня проходила, или я о ней забывалъ, и въ этотъ первый день отступленія все время былъ верхомъ, при отступающихъ цѣпяхъ. Вдругъ ко мнѣ подъѣзжаетъ адъютантъ и говоритъ, что генералъ меня требуетъ. Скачу назадъ къ моимъ резервнымъ ротамъ, и тутъ генералъ на меня накидывается со словами: «Господинъ маіоръ, гдѣ ваше мѣсто?—вы не знаете своего мѣста!.. развѣ ваше мѣсто въ цѣпи? вы должны быть при колоннѣ!»—Это меня взорвало, и я рѣзко отвѣтилъ ему, что «знаю очень хорошо, гдѣ мое мѣсто; мѣсто начальника арьергарда тамъ, гдѣ онъ на-

ходить свое присутствіе нужнымъ». — Голофѣевъ должно быть догадался, что сказалъ глупость и набросился на меня уже съ другой стороны. «Почему у васъ въ баталіонѣ такъ много больныхъ?» закричалъ онъ на меня. Я тоже возвысивъ голосъ отвѣчалъ, что у меня больныхъ не больше тѣмъ въ другихъ баталіонахъ, несмотря на то, что мой баталіонъ неизвѣстно почему несъ службу въ десятеро больше, чѣмъ другіе. — Голофѣевъ на это закричалъ: «не извольте разсуждать г-нъ майоръ! извольте молчать, когда вамъ дѣлаютъ замѣчанія!» — Дѣлать нечего, я замолчалъ, держа руку подъ козырекъ; но вечеромъ, когда мы остановились на ночлегъ, подавъ рапортъ о болѣзни. Голофѣевъ прислалъ ко мнѣ Россиліона, уговаривать продолжать командованіе арьергардомъ, обѣщая за то представить меня къ наградѣ за всѣ дѣяствія мои на Кумынской плоскости; но я настроивъ отвѣчалъ, что когда боленъ, то боленъ, и никакія представленія меня не могутъ сдѣлать здоровымъ.

Въ это время Алпатовъ отправлялся изъ отряда въ Шуру прямою дорогою (по которой не рѣшался идти Голофѣевъ), съ небольшимъ конвоемъ казаковъ. Я поѣхалъ съ нимъ, взявъ съ собою юнкера Ковалевскаго, изъ моего баталіона. Не торопясь приѣхали мы въ Шуру. Я, въ качествѣ больного, никому не являлся. Ключи-фонъ-Клугенау узналъ о моемъ прибытіи и, не видя меня, самъ зашелъ узнать, что со мной? Я сталъ говорить, что боленъ, но онъ не повѣрилъ и сказалъ, что вѣрно я поссорился съ Голофѣевымъ. Пришлось разсказать, какъ было дѣло. Клугенау очень меня любилъ и потому съ досадою сталъ говорить со своимъ нѣмецкимъ акцентомъ: «Ахъ это; и зачѣмъ вы уѣхали?» — потомъ сталъ мнѣ совѣтовать, что бы я поѣхалъ къ двумъ ротамъ моего баталіона, которые, по донесенію Голофѣева, были высланы на переправу черезъ Койсу. «Вотъ и прекрасно, говорилъ онъ, — подѣлжайте къ своимъ ротамъ, и будете подѣ моимъ начальствомъ, а не у Голофѣева». — Я, конечно, и самъ былъ радъ окончить такимъ образомъ весь этотъ инцидентъ, а потому, взявъ съ собою Ковалевскаго, отправился на другой же день къ тому мѣсту на Койсу, гдѣ, по словамъ Клугенау, должны были стоять мои двѣ роты.

Я ѣхалъ не торопясь; погода стояла прекрасная. У Ковалевскаго было охотничье ружье, и мы всю дорогу стрѣляли фазановъ и дикихъ голубей. Когда мы отѣхали болѣе половины дороги, насъ догналъ посланный отъ Клугенау съ запиской, заключающей приказаніе вернуться въ Шуру, гдѣ я буду нуженъ. Поворотивъ назадъ, я въ тотъ же день прибылъ въ аулъ Капчугай, лежавшій на половинѣ пути. Хозяинъ, у котораго я останавливался, казался очень озабоченнымъ и, провожая меня, все говорилъ, что они очень боятся набѣга Шамили. Отѣхавъ нѣсколько верстъ отъ аула, я увидѣлъ въ сторонѣ какую то

конницу. Долго мы присматривались къ ней; но бывшіе при мнѣ казаки увѣрили, что это должно быть всадники Шамхала Тарковского—и мы беззаботно продолжали путь. Потомъ уже оказалось, что видѣнная нами, въ какой нибудь верстѣ отъ насъ, конница были черкесы, педшіе въ Капчугай, который они и захватили черезъ часъ или два послѣ моего выѣзда оттуда. — Между тѣмъ, гонецъ изъ Капчугая вѣроятно обогналъ насъ, потому что когда я пріѣхалъ въ Шуру и тотчасъ же явился къ Кругену, то онъ меня встрѣтилъ словами: —«Это знаете-ли Капчугай взять?».—«Какъ, говорю, взять?—я сегодня ночевалъ тамъ».—«Я вамъ это говорю, взять!» закричалъ Кругену, и тутъ же приказалъ мнѣ идти выбивать оттуда горцевъ, для чего взять единственныя бывшія на-лицо двѣ роты 5-го (резервнаго) баталіона Апшеронскаго полка. Болѣе войскъ въ Шурѣ не было. Самъ Кругену сталъ отовсюду собирать солдатъ разныхъ полковъ: изъ лазаретовъ, съ огородовъ, изъ швалеръ, и такимъ образомъ успѣлъ въ одинъ день сформировать 5 сводныхъ ротъ. Съ ними онъ отправился вслѣдъ за мной. Артиллеріи совсѣмъ не было; но я взялъ съ собою какую то старую, давно брошенную пушку, наскоро поставивъ ее на лафетъ.

Вечеромъ я, съ моими двумя ротами, уже выгналъ непріятеля изъ Капчугая. Горцы были поражены быстрымъ появленіемъ пѣхоты съ артиллеріею,—чего они никакъ не ожидали, потому что Шамиль, ведя ихъ въ набѣгъ, увѣрялъ, что не только до Шуры, но до Кизляра и Дербента войскъ нѣтъ, а всѣ наши боевыя силы у Голофѣва, что отчасти было вѣрно. Я такъ скоро подошелъ къ Капчугаю, что горцы еще не успѣли вполне имъ овладѣть, и въ серединѣ аула, въ бекскомъ домѣ еще оборонялся аульскій старшина съ нѣсколькими десятками преданныхъ намъ жителей. Они бились на смерть, зная что имъ пощады отъ Шамиля не будетъ, и не ожидали, что помощь придетъ такъ скоро.

Въ Капчугай собралось все, что могъ взять Кругену, т. е. 7 ротъ (двѣ, которыя были со мною, да пять сборныхъ), Шамхаль-Тарковскій Ахметъ-ханъ со своей конной милиціей и нѣсколько казаковъ. Съ этимъ отрядомъ Кругену двинулся къ аулу Инкарты, намѣреваясь не допустить туда противника. Шамхаль Тарковскій успѣлъ было занять этотъ аулъ, но вскорѣ былъ оттуда вытѣсненъ. Тогда Кругену послалъ меня съ двумя ротами выбивать горцевъ, что я быстро исполнилъ; но только что успѣлъ распорядиться разстановкою стрѣлковыхъ цѣпей для защиты аула, какъ потребовали меня къ генералу. Я поскакалъ. Въ чемъ дѣло?—Оказалось, что на лѣвомъ флангѣ горцы оттѣснили одну изъ сводныхъ ротъ и захватили единственный водопой отряда. Кругену я засталъ не въ духѣ; онъ жаловался мнѣ на своихъ помощниковъ—офицеровъ, случайно набранныхъ въ Шурѣ, и послалъ меня же опять отбивать водопой. Только что я это исполнилъ и подѣхалъ къ гене-

ралу съ докладомъ, какъ онъ мнѣ указалъ на тотъ берегъ оврага, отдѣлявшаго насъ отъ аула, и съ ужасомъ говорить: «смотрите, что ваши дѣлаютъ! они отступаютъ!»—«Меня тамъ нѣтъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ я; вы сами меня оттуда вызвали. Если-бъ я былъ тамъ, они бы не отступили».—«Поѣжайте, возьмите опять Ишкарты», сказалъ мнѣ Клугенау. Я опять поскакалъ къ моимъ двумъ ротамъ, вытѣсненнымъ изъ аула; но исполнить приказаніе генерала было теперь уже не такъ легко, такъ какъ горцы заняли Ишкарты большими силами.

Ободривъ и устроивъ отступавшія роты, я повелъ ихъ на аулъ, ворвался въ него и занялъ лежавшій по срединѣ селенія бекскій домъ. Но дагѣ идти было невозможно, такъ какъ неприятельскія толпы все усиливались. Наконецъ мнѣ самому пришлось подумать объ отступленіи; но теперь и отступить было мудрено. Я съ одной ротой находился на дворѣ бекскаго дома; другая же рота была разсыпана по сосѣднимъ саклямъ. Горцы охватили меня со всѣхъ сторонъ. Подъ стѣной, окружавшей бекскій дворъ, сидѣли притаившіеся мюриды съ винтовками наготовѣ. Солдаты, черезъ стѣны, перебрасывались съ ними камнями. Выходовъ было только два: узкая калитка, ведшая къ оврагу, и широкая запертая ворота, выходившія на улицу, покрытую толпами горцевъ, которые сплотились и ждали сигнала, чтобы броситься на штурмъ.

Осмотрѣвъ мѣстность я убѣдился, что отступать по узенькой тропинкѣ, ведшей отъ калитки въ оврагъ, совсѣмъ невозможно. Засѣвшіе подъ стѣною и за камнями, многочисленные горцы перестрѣляли бы насъ по-одиночкѣ, какъ воронъ. Былъ одинъ шансъ и самимъ спастись и выручить тѣхъ, кто сидѣлъ въ сакляхъ: нужно было ударить въ штыки, выйдя прямо въ ворота. Тутъ уже что-нибудь одно: или одолѣемъ, или—смерть въ открытомъ бою. Что другого выбора не оставалось, это было для меня ясно, какъ Божій день. Но солдаты мои были ненадежны, и поэтому я чуть было не погибъ.

Дѣло въ томъ, что этотъ самый резервный баталіонъ Апшеронскаго полка, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, потерпѣлъ серьезное поражение въ экспедиціи подъ начальствомъ графа Ивелича, неопытнаго петербургскаго офицера, пріѣхавшаго на Кавказъ за отличіями. Распоряженія его были такъ плохи, что при отступленіи баталіонъ былъ разбитъ; половина солдатъ легла, а половина спаслась бѣгствомъ, оставивъ въ рукахъ горцевъ тѣла самого Ивелича и баталіоннаго командира Авраменко. Лучшие офицеры были перебиты.

Когда я собралъ роту и объяснилъ, что спастись можно только идя впередъ, то на мое приказаніе отпирать ворота начался ропотъ между солдатами, и даже одинъ офицеръ, Здоровенко плаксивымъ голосомъ сталъ увѣрять, что вылазка невозможна, что это значило бы идти на

ивную смерть, а лучше отступить черезъ калитку. Я страшно разсердился, обругалъ Здоровенко и ударилъ его плашмя шашкой, а къ солдатамъ обратился съ энергическимъ увѣщаніемъ. Тутъ все было: я имъ и Авраменку напомнилъ, говорилъ, что они опять хотятъ начальниковъ бросить, сказалъ, что все равно имъ не уйти, ихъ какъ воронъ перестрѣляютъ, а что я хочу умереть какъ честный человекъ и, на срамъ имъ, одинъ пойду противъ непріятеля; затѣмъ велѣлъ отворить ворота, и со словами: «прощайте: вы больше меня не увидите!» бросился на улицу. Я успѣлъ только выстрѣлить изъ пистолета и раза два рубнуть шашкой, какъ потерялъ сознание отъ удара по головѣ.

Когда я опомнился, то увидѣлъ, что горцы бѣгутъ, а наши ихъ колятъ. Оказалось, что мои слова пристыдили солдатъ и они за мной бросились. Черкесы не ожидали такой смѣлой вылазки; особенно же поразилъ ихъ крикъ «ура!» загремѣвшій и съ другой стороны. Тамъ, въ одной изъ сакель засѣлъ поручикъ Синановъ и съ нимъ человекъ 30 солдатъ. Онъ слышалъ, какъ я звалъ своихъ людей на вылазку, и одновременно со мной кинулся на горцевъ.

Я получилъ двѣ раны въ голову; шапка моя была разрублена, но все же она на столько ослабила ударъ, что я, очнувшись, былъ въ состояніи дѣлать распоряженія. Но бѣдный Синановъ получилъ такую тяжелую рану, что черезъ три дня умеръ. Нашъ совмѣстный ударъ былъ такъ неожиданъ и рѣшителенъ, что горцы, взятые врасплохъ, бѣжали какъ бараны. Мы захватили много лошадей и отступая везли на нихъ раненыхъ. Я уже забирался на другую сторону оврага, гдѣ находился отрядъ генерала Клугенау, когда горцы, опомнившись, вздумали было насъ преслѣдовать, но были отбиты нашимъ огнемъ.

Нѣкоторое время мы еще простояли противъ Ишкартовъ; но отрядъ генерала Клугенау былъ слишкомъ слабъ для рѣшительнаго нападенія. Шамиль тоже не рѣшался насъ атаковать, и наконецъ ушелъ во свояси, при ропотѣ горцевъ, укорявшихъ его, что онъ ихъ обманулъ, увѣривъ, что въ этой сторонѣ русскихъ войскъ нѣтъ. Затѣмъ мы вернулись въ Шуру. Я, еще не оправившись отъ раны, лежалъ у себя на квартирѣ, когда пріѣхалъ генералъ Граббе и зашелъ меня провѣдать, вмѣстѣ съ Клугенау и цѣлой свитой, для которой у меня даже и стульевъ не хватило. Въ свитѣ былъ и Голофѣевъ, которому, какъ мнѣ послѣ говорили, сильно досталось отъ Граббе за его нелѣпыя распоряженія, чуть было не отдавшіе Шуру на разореніе Шамилемъ. Граббе сѣлъ на мою кровать, наговорилъ мнѣ всякихъ любезностей, а затѣмъ, по его представленію, я за Ишкарты получилъ самый дорогой знакъ отличія георгіевскій крестъ.

Не успѣлъ я еще путемъ залечить свою головную рану, какъ пришлось идти въ новую экспедицію, на аулъ Гимры, которую Клуге-

нау предпринялъ со всѣмъ Апшеронскимъ полкомъ и небольшимъ числомъ казаковъ. Штурмъ этого аула, гдѣ засѣлъ Шамиль съ большимъ числомъ горцевъ, былъ кровавый. Мюриды дрались отчаянно и не просили пощады. Мнѣ съ моимъ баталіономъ поручено было обойти аулъ съ тыла, а самъ Клугенау съ остальными тремя баталіонами велъ атаку съ фронта. При немъ офицеромъ генеральнаго штаба былъ Веревкинъ, а при моей колоніи капитанъ Пассекъ, только что пріѣхавшій на Кавказъ. Какъ только мой баталіонъ атаковалъ Гимры съ тыла, Шамиль началъ отступать. Мимо меня, подъ ружейнымъ огнемъ бѣжали черезъ Койсу толпы горцевъ и среди нихъ, на мултѣ, ѣхалъ самъ Шамиль. Я видѣлъ его близко. Будь у насъ ружья, а не наши кремневые палки, не много бы горцевъ ушло!

Въ самыхъ Гимрахъ происходилъ ужасный рукопашный бой; лучшіе мюриды Шамиля тутъ погибли. На другой день со всѣхъ сторонъ приходили туда жены, матери, сестры убитыхъ горцевъ, искать ихъ тѣла или головы. Много жестокостей дѣлалось и съ нашей стороны: трудно было угладѣть за милиціонерами казаками, да на многое и не обращали вниманія. Помню какъ теперь головы убитыхъ горцевъ, сложенные пирамидами.

При этомъ штурмѣ, Шамиль едва не попалъ въ наши руки; онъ даже не успѣлъ захватить свои пожитки, и мнѣ солдаты принесли его мѣдную походную чернильницу (она должна быть гдѣ нибудь у насъ въ деревнѣ).

Въ Гимрахъ мы простояли не долго. Горцы стали собираться со всѣхъ сторонъ, и при неопытномъ начальникѣ отступление могло бы быть трудное и сопряженное съ большими потерями. Но Клугенау распорядился очень ловко: къ ночи въ аулѣ разложены были костры, въ войскахъ пробили вечернюю зарю, а затѣмъ они незамѣтно подъ покровомъ темноты, покинули Гимры. Когда горцы спохватились, было уже поздно, и отступление совершилось съ небольшою перестрѣлкой, почти безъ потерь.

По возвращеніи въ Шуру я продолжалъ лечить свою раненную голову и собирался куда нибудь поѣхать, чтобы хорошенько полѣчиться. Но и тутъ не пришлось уѣхать мирно: произошла у меня ссора съ Симборскимъ. Онъ еще до того былъ мною очень недоволенъ за внезапный отъѣздъ изъ отряда Голофѣева. Дѣло въ томъ, что хотя всѣ его баталіоны были въ отрядѣ, но онъ оставался въ Шурѣ съ полковымъ обозомъ; мнѣ же поручилъ фуражные деньги. Когда я уѣхалъ, сдавъ эти суммы другимъ баталіоннымъ командирамъ, онъ сталъ сильно опасаться за цѣлость денегъ. Затѣмъ, когда весь полкъ собрался около Шуры, Симборскій однажды собралъ всѣхъ баталіонныхъ командировъ и сталъ насъ упрекать за ослабленіе въ полку

дисциплины. Въ доказательство онъ приводилъ, что при проѣздѣ его черезъ одинъ изъ полковыхъ огородовъ, команда солдатъ обѣдала и отдыхала и не встала передъ нимъ во фронтъ. Въ такой распушенности, по словамъ Симборскаго, прямо виноваты господа баталіонные командиры. И это все говорилось послѣ блестящаго штурма Гимровъ, тѣмъ штабъ-офицерамъ, которые вели въ огонь штурмовыя колонны; говорилось тѣмъ полковымъ командиромъ, который подъ Гимрами только стоялъ при казенномъ ящикѣ!—Я взглянулъ на моихъ посѣдлыхъ въ бояхъ товарищей: Огіевского и Вагнера и не вытерпѣлъ. «Напрасно, говорю, полковникъ вы указываете на ослабленіе въ полку дисциплины; этого нѣтъ. Апшеронскій полкъ и теперь поддерживаетъ свою столѣтнюю славу, и этимъ онъ обязанъ единственно только своимъ баталіоннымъ командирамъ, которыми только вы, почему то, считаете возможнымъ быть недовольнымъ».—Можетъ быть я и еще что нибудь болѣе жесткое добавилъ, такъ какъ Симборскій, въ гнѣвъ, заявилъ мнѣ, что если я такого о немъ мнѣнія, то намъ вмѣстѣ служить невозможно. Тутъ ужъ и я разсердился, и крикнувъ ему: «я за срамъ сочту и служить съ такимъ полковымъ командиромъ!» ушелъ изъ комнаты.

На другой день, въ воскресенье, я долженъ былъ обѣдать у Клугенау, и конечно не пошелъ; но онъ самъ пришелъ вечеромъ меня провѣдать и дружески пенялъ за мою горячность съ Симборскимъ. Я вскорѣ получилъ отпускъ въ Тифлисъ, для лѣченія при тамошнемъ госпиталѣ. Передъ отъѣздомъ случился ротный праздникъ 1-й роты, и командиръ ея, Евдокимовъ пришелъ звать меня, а когда я сталъ отказываться, то онъ, догадавшись, что не желаю встрѣтиться съ Симборскимъ, успокоилъ меня, заявивъ, что полкового командира не будетъ.

Послѣ этого праздника я выѣхалъ вмѣстѣ съ офицеромъ генеральнаго штаба Веревкинымъ, который тоже отправлялся въ Тифлисъ. Большое общество офицеровъ провожало насъ до Кяфырь-Кумыка (3 в. отъ Шуры). Мы ѣхали верхами на перемѣнныхъ казачьихъ лошадяхъ, отъ поста до поста, на Казанище, Дербентъ, Баку. Въ Баку пригласилъ насъ остановиться у себя начальникъ тамошняго порта, капитанъ-лейтенантъ Фофановъ; у него была хорошенькая и очень любезная жена и мы время проводили очень весело, ѣздили смотрѣть на бившіе изъ земли нефтяныя фонтаны. Ночью, городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ огнями, казался очень живописнымъ. Побывали мы и въ монастырѣ огнепоклонниковъ и видѣли ихъ богослуженіе, которое сопровождалось очень оригинальными пантомимами.

Согласно уговору съ Веревкинымъ, путевые расходы до Баку долженъ былъ вести я, а отъ Баку—онъ. Но на бѣду мой спутникъ любилъ карты, и въ Баку совсѣмъ проигрался. У меня денегъ въ запасѣ

не было, и взять их было не откуда. Чтобы Веревкинъ еще болѣе не зарвался, я убѣдилъ его уѣхать въ Шемаху и уже оттуда написать въ Тифлисъ, чтобы прислали денегъ. Былъ уже ноябрь мѣсяцъ; въ Шемаху мы пріѣхали къ ночи, и долго насъ водили по городу, чтобы отвести квартиру. Домишки маленькіе; куда ни приведуть, всюду семья хозяина поднимаетъ вой. Наконецъ, въ одномъ домѣ я объявилъ, что останусь здѣсь и нигуда не пойду. Комната была одна и въ ней холодъ страшный. Я понять не могъ, какъ они всё не замерзнуть. Наконецъ я догадался въ чемъ дѣло: среди комнаты была яма и въ ней такъ называемый мангалъ (жаровня съ угольями) покрытый коврами. Хозяинъ и вся семья сидятъ вокругъ, уткнувъ ноги подъ коверъ, и имъ тепло. Мы съ Веревкинымъ сдѣлали тоже самое, несмотря на вопли татарокъ, и такъ провели ночь, а утромъ нашли уже болѣе сносную квартиру. Двѣ недѣли сидѣли мы въ Шемахѣ, ожидая денегъ, а далѣе поѣхали уже на почтовыхъ, черезъ Елисаветполь. Дорога была опасная; недавно тамъ былъ ограбленъ и едва не убитъ горцами полковникъ Чапличъ.

Въ Тифлисѣ я нанялъ квартиру у нѣмца-колониста, сталъ ежедневно ходить въ госпиталь и, считаясь больнымъ, могъ ни къ кому изъ начальства не являться. Вдругъ, черезъ нѣсколько дней, получаю предписаніе явиться къ главнокомандующему, генералу Головину. Надѣвъ полную форму, я въ назначенный часъ отправился къ нему не безъ нѣкотораго беспокойства: думалъ, ужъ не пришла ли какая нибудь жалоба на меня отъ полкового командира. Но это беспокойство оказалось напраснымъ. Головинъ принялъ меня въ кабинетѣ и началъ разговоръ тѣмъ, что много обо мнѣ слышалъ и желалъ поглядѣть на меня. Онъ наговорилъ мнѣ кучу любезностей, спросилъ о моемъ здоровьи и о дальнѣйшихъ предположеніяхъ. Я отвѣчалъ, что чувствую необходимость отдохнуть и желалъ бы получить отпускъ за границу. На это Головинъ сказалъ, что я имѣю полное право на отдохновеніе, но что онъ лично меня просить, если только здоровье мое сколько нибудь это позволяетъ, обождать съ отпускомъ, такъ какъ онъ на меня рассчитываетъ въ виду предстоящей, быть можетъ скоро, экспедиціи подъ его личнымъ начальствомъ. «У меня мало надежныхъ баталіонныхъ командировъ,—прибавилъ Головинъ; я только и надѣюсь на васъ, да на Радзивилова». Отпуская меня, Головинъ сказалъ, чтобъ я жилъ въ Тифлисѣ сколько хочу и лечился, чтобы набраться силъ и потомъ идти съ нимъ, братъ аулъ Чиркей.

Въ Тифлисѣ мнѣ жилось очень весело. Старыхъ знакомыхъ по гвардіи было много. Тутъ былъ племянникъ Головина, состоявшій при немъ адъютантомъ, и другой адъютантъ, Муравьевъ, впоследствии графъ Амурскій; Валеріанъ Муравьевъ и Дессимсъ—оба мои корпусные това-

рищи. Вскорѣ я получилъ приглашеніе къ Головину на раутъ. Эти рауты были очень торжественны и напоминали собою придворные балы. Въ назначенный часъ главнокомандующій выходилъ изъ внутреннихъ апартаментовъ въ залы и обходилъ собравшихся гостей. На этотъ разъ Головинъ вышелъ видимо озабоченный и, не глядя ни на кого изъ собравшагося генералитета прямо, прошелъ въ дальній конецъ залы, ко мнѣ. Къ общему изумленію, онъ взялъ меня, смиреннаго армейскаго маіора, подъ руку; отвелъ къ окну и долго со мной разговаривалъ. Онъ былъ озабоченъ только что полученнымъ имъ донесеніемъ отъ Клугенау о неудачной экспедиціи на аулъ Цельмесь. Головинъ спросилъ, слышалъ ли я объ этомъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта рассказалъ мнѣ содержаніе донесенія и спросилъ о моемъ мнѣніи о причинахъ неудачи.

Я зналъ, что восточные народы при пораженіяхъ быстро падаютъ духомъ, но зато при малѣйшемъ успѣхѣ силы ихъ удесатеряются. Съ опытными кавказскими военачальниками неудачи въ то время рѣдко случались; но когда наѣзжали изъ Петербурга генералы, желавшіе отличиться, имъ казалось, что легко мимоходомъ пожать лавры, ведя въ экспедицію боевыя кавказскія войска. Неопытность этихъ любителей отличій часто вела къ печальнымъ послѣдствіямъ. Головинъ сообщилъ, что на Цельмесь былъ направленъ баталіонъ Апшеронскаго полка съ двумя пушками и шамхальской конной милиціей. Начальствовалъ генералъ Бакунинъ, только что прибывшій изъ Петербурга инспектировать артиллерію. Цѣлью экспедиціи было—принудить цельмесцевъ къ выдачѣ скрывавшагося у нихъ Хаджи-Мурата (извѣстнаго впоследствии сподвижника Шамиля). Аулъ Цельмесь былъ не великъ, всего 15 сакель; но защищать его сбѣжалось все окрестное населеніе. Приступъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Горцы перешли въ наступленіе и даже захватили обѣ пушки, отбитыя у нихъ однако Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ съ его всадниками. Головина чрезвычайно озабочивалъ вопросъ о причинѣ неудачи. Я высказалъ ему, что, судя по донесенію, можно полагать, что Бакунинъ, по неопытности, повелъ одну фронтальную атаку, противъ которой горцы держатся всегда съ большимъ упорствомъ. Слѣдовало одновременно послать часть войскъ въ обходъ, и тогда неприятель, опасаясь потерять путь отступленія, сейчасъ показалъ бы тылъ. Головинъ, поговоривъ со мною подробно объ обходныхъ движеніяхъ и ихъ значеніи въ Кавказской войнѣ, остался очень доволенъ тѣми свѣдѣніями, которыя я ему сообщилъ и еще разъ повторилъ мнѣ свое непремѣнное желаніе, чтобы я участвовалъ въ предстоящей экспедиціи на Чиркей.

Мнѣ было очень досадно слышать о неудачѣ, постигшей нашъ баталіонъ. Уже потомъ я узналъ подробно, какъ было дѣло. Ахметъ-

ханъ-Мехтулинскій, резиденція котораго была въ Дженгутаѣ, состоялъ опекуномъ своего родственника, хана Аварскаго, за малолѣтствомъ котораго Аваріей управлялъ Хаджи-Муратъ, жившій въ Хунзахѣ. Онъ давно враждовалъ съ Ахметъ - ханомъ, и послѣднему удалось (уже послѣ моего отъѣзда изъ Шуры) представить Клугенау какія то доказательства сношеній Хаджи-Мурата съ Шамилемъ. Клугенау приказалъ арестовать обвиняемаго, поручивъ исполнить это и привести арестованнаго въ Шуру начальнику нашего гарнизона въ Хунзахѣ, капитану Флебсу. Разстоянія отъ Хунзаха до Шуры верстъ 70. Флебсъ, арестовавъ Хаджи-Мурата, самъ повелъ его въ Шуру подъ небольшимъ конвоемъ. Дорогою въ горахъ ихъ застала мятежь и они заблудились. Тогда Хаджи-Муратъ вызвался найти дорогу: его и пустили впередъ, какъ проводника, оставивъ впрочемъ со связанными руками. Онъ водилъ, водилъ свой конвой по горамъ и, наконецъ, улучивъ минуту, какъ былъ со связанными руками, бросился съ кручи и пропалъ въ ущельи. Прыгать туда за нимъ конечно никто не рѣшился, и Флебсъ, проплутавъ довольно долго, явился въ Шуру безъ арестанта. Въ то же время стало извѣстно, что Хаджи-Муратъ нашелъ себѣ убѣжище въ Цельмесѣ. На требованіе выдать его цельмесцы отвѣчали, что по ихъ обычаямъ имъ нельзя выдать гостя, пришедшаго къ нимъ искать убѣжища, а пусть придутъ и возьмутъ его, какъ знаютъ. Оставалось предпринять экспедицію для наказанія непокорнаго аула. Былъ назначенъ Вагнеръ съ его баталіономъ и 2 орудіями и врагъ Хаджи-Мурата Ахметъ-ханъ съ его всадниками. Въ это время въ Шуру пріѣхалъ состоявшій при великомъ князѣ Михайлѣ Павловичѣ генераль-маіоръ Бакунинъ. Въ разговорѣ съ съ Клугенау онъ выразилъ сожалѣніе, что не успѣлъ пріѣхать къ экспедиціямъ и что ему не придется принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Клугенау, желая угодить столичному гостю, отвѣчалъ, что у насъ на Кавказѣ экспедиціи бывають круглый годъ и что, если онъ желаетъ, то можетъ принять начальство надъ экспедиціей въ Цельмесъ. Бакунину это очень понравилось: онъ думалъ, что будетъ лишь числиться начальникомъ, а всѣмъ распоряжаться станетъ баталіонный командиръ. Для этого онъ предложилъ явившемуся къ нему за приказаніями Вагнеру помѣститься въ одной съ нимъ палаткѣ; но Вагнеру это было неудобно, такъ какъ по ночамъ онъ пьянствовалъ, и потому отклонилъ отъ себя эту честь. Тогда Бакунинъ, чтобы имѣть съ кѣмъ совѣтоваться, взялъ съ собою въ палатку поручика Лагоду, шедшаго съ двумя орудіями. Прибывъ въ Хунзахъ, онъ сталъ вести переговоры съ цельмесцами, теряя время и тѣмъ далъ горцамъ возможность собраться въ значительныхъ силахъ и приготовиться къ оборонѣ. Затѣмъ атака поведена была только съ фронта. Можетъ быть храброму баталіону и удалось бы, хотя съ огромными потерями, взять Цельмесъ, но на бѣду Вагнеръ былъ раненъ въ

самомъ началѣ дѣла, и распорядиться пришлось самому Бакунину. Дѣло кончилось полнымъ пораженіемъ; Бакунинъ былъ смертельно раненъ. Повторилась исторія графа Ивелича.

III.

Экспедиція къ Чиркею.—Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ.—Прибытіе въ Петербургъ.—Отъѣздъ за границу.—Возвращеніе.—Главнокомандующій генералъ Нейдгардтъ.—Переходъ въ Рязскій полкъ.—Командированіе на Кавказъ.—Командованіе Прагскимъ полкомъ.—Назначеніе князя Воронцова Намѣстникомъ Кавказа.—Флигель-адъютантъ Копьевъ.—Генералъ Лабинцевъ.—Экспедиція въ Дарго.—Заключеніе.

Я пробылъ въ Тифлисѣ до самой экспедиціи въ Чиркею; но еще до нея генералъ Фези, собиравшій для насъ отрядъ, послалъ меня производить слѣдствіе о безпорядкахъ въ Ширванскомъ полку. Фези не любилъ полкового командира Врангеля и подъ него подкапывался. Нарушеніе дисциплины оказалось въ шефской ротѣ капитана Бучкіева, въ которой собраны все были молодцы, старые гвардейцы, приведенные на Кавказъ послѣ 14-го декабря 1825 г. Я произвелъ слѣдствіе по сущей справедливости; чистосердечныя показанія храбрыхъ солдатъ меня тронули до глубины души. По совѣсти, во всемъ былъ виноватъ Бучкіевъ, о чемъ я и вывелъ въ слѣдствіи съ полной ясностью. Его отдали подъ судъ и посадили въ крѣпость, а Фези такъ и не удалось надѣлать неприятностей полковому командиру. Я продолжалъ числиться въ Апшеронскомъ полку, но временно назначенъ командиромъ 1-го баталіона Ширванскаго; а на время экспедиціи мнѣ было поручено два баталіона.

Къ Чиркею войска направлялись съ двухъ сторонъ: Граббе шелъ отъ р. Койсу; но онъ долженъ былъ только демонстрировать, чтобы оттянуть на себя часть непріятельскихъ силъ; главную же атаку долженъ былъ вести нашъ отрядъ, подъ начальствомъ самого Головина, который шелъ отъ крѣпости Внезапной въ Салатавію и долженъ былъ взять Хубарскія высоты, командовавшія надъ Чиркеемъ. При Головинѣ былъ и Клугенау.

Въ это время къ намъ перевели изъ Россіи полковника Шафранскаго; это былъ полякъ, съ молодю участвовавшій чуть ли еще не въ походахъ Суворова, но теперь совсѣмъ одряхлѣвшій. Служилъ онъ въ Гренадерскомъ корпусѣ и неизвѣстно почему его перевели на Кавказъ. Между тѣмъ, какъ онъ былъ старше меня чиномъ, то ему поручили, номинально, мои два баталіона. Мнѣ это было все равно, такъ какъ при штурмѣ высотъ, все таки мнѣ нужно было распорядиться, потому что взобраться на нихъ верхомъ было невозможно, а пѣшкомъ Шафранскій взойти не могъ.

Когда отдавались приказанія о штурмѣ высотъ, Клугенау потребовалъ къ себѣ начальниковъ колоннъ и позвалъ Шафранскаго и меня. Тутъ мнѣ не понравилось, что, отдавая приказаніе, Клугенау все обращался къ Шафранскому, точно онъ въ-серьезъ принимаетъ назначеніе его начальникомъ колонны. Мы стояли, на лошадяхъ, полукругомъ около генерала. Я попятилъ лошадь и выѣхалъ изъ этого полукруга. Замѣтивъ это Клугенау недовольнымъ образомъ закричалъ: «Это куда вы уѣхали? Я вамъ приказываю!» Однако потомъ, объясняя то, что относилось до командованія моими двумя баталіонами, сталъ обращаться уже ко мнѣ, а не къ Шафранскому.

Распоряженія относительно взятія Хубарскихъ высотъ были хорошо обдуманы, а исполнены блистательно. Мои баталіоны шли прямо съ фронта на высоты и быстро ими овладѣли. Подъ горою я бросилъ лошадь и поднялся на вершину вмѣстѣ съ моими солдатами; Шафранскій же такъ и остался подъ горой.

Послѣ взятія Хубарскихъ высотъ Чиркей уже не могъ держаться; мы его заняли безъ труда и соединились съ отрядомъ Граббе. Горцы разбѣжались по окрестнымъ лѣсамъ, куда попрытали свои семейства, скотъ и прочее имущество. Началось мародерство; солдаты ходили въ лѣсъ и возвращались оттуда съ разной добычей. Я, опасаясь убыли въ людяхъ и, вообще, не любя поощрять подобныя дѣла, сперва строго запретилъ въ своихъ двухъ баталіонахъ такія отлучки въ лѣсъ, а потомъ самому стало досадно. Въ другихъ частяхъ солдаты натащили всякаго добра; одни только мои сидятъ съ пустыми руками. Тогда я разрѣшилъ образовать команду, по 5 чел. съ каждой роты, подъ начальствомъ прапорщика Магдалинскаго, и послалъ ихъ въ лѣсъ на фуражировку. Добычу они притащили порядочную, но на бѣду наткнулись на сильную партію горцевъ, имѣли съ нею перестрѣлку, окончившуюся тѣмъ, что принесли троихъ раненыхъ и одного убитаго. Я немного струхнулъ: не попасть бы подъ отвѣтственность за разрѣшеніе такой экспедиціи, и отправился прямо къ Граббе, съ покаяніемъ. Тотъ только рукой махнулъ и меня успокоилъ. Вскорѣ затѣмъ Головинъ послалъ меня съ моими двумя баталіонами привезти провіантъ изъ Внезапной. Эта экспедиція удалась мнѣ отлично. Всю дорогу шла перестрѣлка съ горцами; на обратномъ пути ихъ собралось още больше, но провіантъ я доставилъ благополучно, понеся самую ничтожную потерю (2 убитыхъ и 5 раненыхъ). Головинъ былъ въ восторгѣ, благодарилъ меня и, давая отпускъ, сказалъ, чтобы я скорѣе поправлялся и когда вернусь, то для меня будетъ готовъ полкъ.

Я отправился въ Пятигорскъ и Кисловодскъ, гдѣ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, лечился отъ ранъ и лихорадки. Въ Кисловодскѣ я занималъ квартиру надъ гауптвахтой, вмѣстѣ съ однимъ моимъ то-

варищемъ по послѣдней экспедиціи. На водахъ намъ, офицерамъ, жилось очень весело; общество было большое. Часто я посѣщалъ домъ генеральши Верзилиной; былъ знакомъ съ Лермонтовымъ и Мартыновымъ, но въ тотъ день, когда у нихъ произошла дуэль, меня въ Кисловодскѣ не было, такъ какъ я именно въ это время долженъ былъ съѣздить въ Шуру для сдачи своего баталіона передъ отбытіемъ въ Петербургъ. Всю компанію офицеровъ, къ которой принадлежали Лермонтовъ и Мартыновъ, я передъ тѣмъ видѣлъ ежедневно. Лермонтовъ былъ очень остроуменъ и постоянно поднималъ на смѣхъ Мартынова, но они были пріятелями, и послѣдній на это не сердился. При мнѣ онъ говорилъ Лермонтову, что тотъ можетъ сколько хочетъ надъ нимъ смѣяться въ кругу товарищей и что онъ на это не въ претензіи, но просить только, чтобы не осмѣивалъ его при дамахъ. Говорили тоже, что онъ былъ сердитъ на Лермонтова будто бы за то, что тотъ везъ ему письмо отъ сестры изъ Москвы и распечаталъ его; между тѣмъ, въ письмѣ оказались деньги, а потому сослаться на потерю письма было невозможно. Пришлось передать деньги безъ письма, а потомъ Мартыновъ убѣдился въ томъ, что оно было вскрыто и утаено. Когда я вернулся въ Кисловодскъ, Лермонтовъ уже былъ убитъ, и Мартыновъ, ожидая суда, сидѣлъ на гауптвахтѣ, подъ нашей квартирой. Мартыновъ былъ съ виду добрый малый, недурень собой, очень занимался своей наружностью и любилъ дамское общество. Ходилъ онъ всегда въ черкесскомъ костюмѣ и съ большимъ кинжаломъ, который служилъ источникомъ нескончаемыхъ остротъ Лермонтова.

Изъ Кисловодска я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и провелъ всю осень 1841 года. Мнѣ довелось тогда представляться императору Николаю. Государь принялъ меня въ высочайшей степени милостиво и, спросивъ, кто меня лечитъ, приказалъ отправиться къ лейбъ-медику Арендту. Я былъ отпущенъ за границу съ консульской подорожной и получилъ 300 червонцевъ на дорогу. За границей я долго прожилъ въ Дрезденѣ, ѣздилъ въ Саксонскую Швейцарію, въ Вѣну, а часть времени провелъ въ Восточной Пруссіи, у сестры моей, баронессы Зассъ. На обратномъ пути, проѣзжая черезъ Варшаву, я представлялся фельдмаршалу князю Паскевичу, при которомъ родные мои желали мнѣ устроить назначеніе. Это, однако же, не состоялось, хотя Паскевичъ принялъ меня очень любезно.

Ранней весной 1843 года я возвратился въ Петербургъ, такъ какъ 1-го апрѣля истекалъ срокъ моего отпуска. Въ это время на мѣсто Головина назначенъ былъ на Кавказъ генералъ Нейдгартъ, хорошо знавшій мою мать, такъ какъ дочери его воспитывались въ Смольномъ. Зная отъ матушки, что я служу на Кавказѣ и долженъ скоро вернуться изъ-за границы, онъ изъявилъ желаніе меня видѣть. Я отправился пред-

ставляться въ гостиницу Демута, гдѣ онъ тогда жилъ. Приѣмъ былъ очень любезный, но генераль сразу произвелъ на меня дурное впечатлѣніе своимъ формализмомъ. Мнѣ хотѣлось еще мѣсяць пробить въ Петербургѣ, чтобы не ѣхать на Кавказъ въ самую ростепель, о чемъ и просилъ Нейдгардта, объяснивъ при этомъ, что экспедиціи ранѣе мая не начинаются и, что если я приѣду къ 1-му мая, то попаду къ самому началу военныхъ дѣйствій. Генераль согласился на мою просьбу, но затруднялся какъ ее оформить. Я отвѣчалъ, что если это необходимо, то могу подать докладную записку. Онъ нашелъ, что это будетъ очень хорошо, но когда записка была принесена, то сказалъ, что лучше будетъ подать въ формѣ рапорта. Прихожу въ третій разъ, уже съ рапортомъ—генераль опять затрудняется, спрашиваетъ медицинское свидѣтельство, находя, что едва ли можно дать отсрочку съ сохраненіемъ содержанія. Меня всѣ эти затрудненія разсердили, и я сказалъ, что рапорта переписывать не стану, но увѣренъ, что государь не отказалъ бы мнѣ въ моей просьбѣ. Вообще, изъ разговоровъ съ Нейдгардтомъ въ продолженіе нѣсколькихъ нашихъ свиданій я вынесъ такое впечатлѣніе, что едва ли назначеніе его можетъ оказаться удачнымъ. Мнѣ даже не было охоты возвращаться на Кавказъ. Подъ впечатлѣніемъ послѣдняго съ нимъ свиданія, я зашелъ къ остановившемуся въ той же гостиницѣ моему хорошему знакомому и бывшему сослуживцу Назимову, въ то время начальнику штаба 6-го корпуса. Назимовъ, выслушавъ мой рассказъ о Нейдгардтѣ, сказалъ, что какая же мнѣ охота ѣхать на Кавказъ, когда не жду прока отъ будущихъ распоряженій новаго начальника, и предложилъ устроить мнѣ переводъ въ другой корпусъ, что было возможно. Я съ удовольствіемъ на это согласился, и черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ мой переводъ изъ Апшеронскаго полка въ Рязскій.

Этотъ полкъ стоялъ въ Липецкомъ уѣздѣ, гдѣ былъ занятъ работами по строившемуся тогда шоссе; командовалъ имъ полковникъ Миллеръ. Штабъ моего батальона стоялъ въ селѣ Думчинѣ; по сосѣдству было много помѣщиковъ, и жилось очень весело. Особенно хорошо я былъ принятъ въ домѣ Афанасія Нефедьевича Шеншина, отца поэта Фета (котораго я тоже знавалъ еще очень молодымъ человѣкомъ); дочери его, Любовь и Надежда, были тогда въ Смольномъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Рязскій полкъ перевели въ Москву, гдѣ насъ прекрасно размѣстили въ Хамовницкихъ казармахъ. Въ Москвѣ у меня было много знакомыхъ, между прочимъ, баронъ Рейхель (впослѣдствіи директоръ гимназій). Часто бывалъ я съ нимъ на гуляньи въ саду Минеральныхъ водъ въ Ушаковскомъ переулкѣ, и тамъ однажды вымила неожиданная встрѣча. Ко мнѣ подошелъ совсѣмъ неизвѣстный мнѣ господинъ, откомендовавшійся Глѣбовымъ-Стрѣшневимъ и сказалъ, что знакомая мнѣ

дама желаетъ меня видѣть. Дама оказалась моею заграничною знакомою Сухово-Кобылиной, которая теперь была уже замужемъ за графомъ Сальясомъ. Она тутъ же познакомила меня со своимъ мужемъ, который на другой день прїѣхалъ ко мнѣ и пригласилъ у нихъ бывать. При большомъ знакомствѣ время шло незамѣтно. Служба тоже шла своимъ чередомъ; командиръ корпуса, генераль Тимофѣевъ и дивизионный начальникъ генераль Чебышевъ были всегда довольны и мною и моимъ баталіономъ. Особенно любезенъ былъ генераль Тимофѣевъ на разводѣ 17-го апрѣля, и говорилъ, что желаетъ какъ можно скорѣе видѣть меня полковымъ командиромъ.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, появляется приказъ о переводѣ моемъ изъ Рязскаго полка въ Прагскій, 5-то корпуса. Произошло это по слѣдующимъ обстоятельствамъ.

Нужно сказать, что въ то время, какъ я служилъ въ Рязскомъ полку, дѣла на Кавказѣ шли такъ плохо, какъ никогда. Нѣсколько укрѣпленій было взято Шамилемъ; всѣ горы Дагестана соединились подъ его властью и наши войска были отгѣснены по всей линіи. Чтобы поправить сколько нибудь наши дѣла рѣшено было двинуть на Кавказъ большія подкрѣпленія, въ томъ числѣ весь 5-й корпусъ, генерала Лидерса. Въ этомъ корпусѣ одинъ мой хорошій знакомый, Корниловъ, бывший адъютантъ Лидерса, командовалъ баталіономъ. Передъ самымъ выступленіемъ на Кавказъ, командиръ Прагскаго полка подалъ рапортъ о болѣзни. Когда Лидерсу доложилъ объ этомъ его начальникъ штаба Мендъ, онъ ужасно разсердился. Въ это время у него сидѣлъ Корниловъ, и зашелъ разговоръ о томъ, что невозможно идти на войну съ такими командирами, которые заболѣваютъ при первомъ извѣстїи о походѣ. Корниловъ сталъ говорить Лидерсу, что полезно было бы имѣть во главѣ полковъ, по возможности, сколько нибудь людей бывалыхъ, хорошо знающихъ Кавказъ, и тутъ вспомнилъ обо мнѣ. Онъ былъ человѣкъ увлекающійся и къ тому же очень меня любилъ; мы вмѣстѣ воспитывались въ корпусѣ и съ дѣтства были очень дружны. Корниловъ сталъ рассказывать Лидерсу о моей прошлой службѣ на Кавказѣ, и разговоръ ихъ кончился тѣмъ, что Лидерсъ пожелалъ непремѣнно имѣть меня къ своему корпусѣ. Присутствовавшій при этомъ начальникъ штаба Мендъ тоже зналъ меня, такъ какъ прежде служилъ на Кавказѣ. Лидерсъ, выслушавъ и его мнѣніе, сейчасъ же велѣлъ написать военному министру, что настоятельно просить о переводѣ меня въ его корпусъ, такъ какъ имѣетъ въ виду поручить мнѣ командованіе полкомъ. Все сдѣлано было такъ быстро, что меня никто не успѣлъ предупредить, и о своемъ переводѣ я узналъ лишь изъ приказа. Я былъ удивленъ, и мнѣ стало непріятно, что мною такъ, не спросясь, распоряжаются. Во-первыхъ изъ Москвы, гдѣ мнѣ было хорошо, уѣзжать

не хотѣлось; во-вторыхъ, Тимофѣевъ былъ такъ со мной любезенъ, что я и безъ того могъ рассчитывать попасть въ полковые командиры; самое же главное,—ужь если возвращаться на Кавказъ, то я всегда могъ опять перейти въ одинъ изъ старыхъ кавказскихъ полковъ, которые звалъ и гдѣ меня еще помнили,—что, конечно, было бы гораздо пріятнѣе, чѣмъ являться съ новичками, не имѣющими понятія о тамошней войнѣ. Сказавъ Тимофѣеву, которому мой переводъ былъ неприятенъ, что постараюсь остаться въ его корпусѣ, я написалъ Назимову, спрашивая, что все это значить и нельзя ли это передѣлать. Изъ его отвѣта я убѣдился, что надо ѣхать въ Прагскій полкъ. Оказалось, что письмо Лидерса было доложено министромъ государю, который переводъ мой въ 5-й корпусъ, идущій на Кавказъ, вполне одобрилъ. И такъ, весною 1844 г. я въ третій разъ поѣхалъ на Кавказъ, прямо въ Ставрополь, куда стягивались войска 5-го корпуса, стоявшаго до того времени около Одессы.

Когда я пріѣхалъ, то начальникъ 13-й дивизіи, генералъ Соболевскій послалъ меня произвести слѣдствіе о беспорядкахъ, происшедшихъ въ Бѣлостокскомъ полку. Можетъ быть онъ рассчитывалъ, что я, какъ кандидатъ въ полковые командиры, буду съ особеннымъ стараніемъ все раскапывать, чтобы очистить себѣ вакансію. Однако, по тщательно произведенному мною слѣдствію, оказалось, что въ происшедшихъ беспорядкахъ полковой командиръ Скалонъ ничѣмъ не виноватъ. Между тѣмъ, хотя я былъ переведенъ въ Прагскій полкъ, но мнѣ поручили командовать 1-мъ баталіономъ Бѣлостокскаго.

Въ числѣ высылаемыхъ подкрѣпленій проходили черезъ Ставрополь резервные маршевые баталіоны, назначенные на пополненіе убыли въ кавказскихъ полкахъ. Беспорядокъ въ этихъ баталіонахъ былъ ужасающій. Впослѣдствіи, когда пріѣхалъ уже князь Воронцовъ, было произведено строгое слѣдствіе, и не только баталіонные командиры, но и самъ начальникъ этихъ маршевыхъ баталіоновъ, генералъ Тришатный были отданы подъ судъ. Сначала же никто не рисковалъ притронуться къ этому дѣлу.

Однажды, при проходѣ такого баталіона, я получаю предписаніе принять его и на другой же день вести далѣе, въ Темиръ-ханъ-Шуру. Отправляюсь принимать баталіонъ. Оказывается, что вся одежда изорванная, сапоги дырявые, набрюшниковъ нѣтъ; кромѣ того, люди заявили претензію, что дорогой ихъ заставляли работать и ничего не платили.

Командиръ сталъ предлагать мнѣ выдать деньги на исправленіе того, что недостаетъ; но я не счелъ возможнымъ вести на другой день баталіонъ и рапортомъ донесъ въ какомъ онъ видѣ, прося три дня сроку для приведенія всего въ порядокъ и окончанія расчетовъ по заявленнымъ претензіямъ. Въ то же время я просилъ дать въ мое распоряженіе всѣ пивальни, чтобы обмундировать людей какъ слѣдуетъ,

такъ какъ становилось холодно, и по моему было безобожно вести ихъ далѣе оборванными, безъ набрюшниковъ и въ рваныхъ сапогахъ. Въ отвѣтъ получаю предписаніе: «минуи всѣ препятствія, принять баталіонъ и немедленно вести далѣе». Я на это, конечно, послалъ рапортъ о болѣзни, и командиру, приведшему баталіонъ, пришлось самому вести далѣе свою оборванную команду.

Черезъ нѣсколько дней въ штабъ нашей дивизіи пришло предписаніе генерала Гурко о томъ, чтобы я принялъ Прагскій полкъ отъ вышедшаго въ отставку полковника Левшина. Тогда я рапортомъ увѣдомилъ о выздоровленіи и поѣхалъ принимать полкъ. Это пришлось дѣлать не особенно аккуратно, такъ какъ на примѣръ новые мундиры и разное иное полковое имущество находилось еще или въ Херсонѣ, или на пути къ полку. Многое пришлось принять на вѣру. Не ѣхать же было въ Херсонъ.

Полкъ мой двинуть былъ въ Грозную. Это происходило уже по прибытіи на Кавказъ новаго начальника князя Воронцова. Начались дѣла съ горцами, но на первыхъ порахъ не особенно серьезныя. Со 2-мъ баталіономъ своего полка я участвовалъ въ жаркомъ бою при Чонхери, въ Аргунскомъ ущельѣ. Потомъ было ночное дѣло близъ Воздвиженскаго укрѣпленія. Тутъ въ составѣ отряда было 6 баталіоновъ: 2 Куринскихъ, 2 Навагинскихъ и 2 моихъ, Прагскихъ. Солдаты наши вообще превосходные, и послѣ нѣсколькихъ дѣлъ я уже не замѣчалъ большой разницы между старыми кавказскими полками и моимъ пришедшимъ изъ Россіи.

Зиму эту я провелъ въ станицѣ Червленной; а весной отрядъ сталъ собираться въ крѣпости Грозной для знаменитой экспедиціи въ Даргѣ.

Воронцовъ назначенъ былъ на Кавказъ весною 1845 г. Найдгардтъ уѣхалъ изъ Тифлиса совсѣмъ сконфуженный, среди общаго противъ него неудовольствія. Не было отрасли военнаго или гражданскаго управленія, гдѣ бы онъ не напуталъ. И въ отношеніи туземнаго населенія онъ отличался полнѣйшимъ незнаніемъ быта и обычаевъ, а потому дѣлалъ безтактности, приводившія къ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Такъ на примѣръ, на своихъ балахъ онъ, для увеселенія гостей, заставлялъ молодого султана Элисуйскаго танцовать лезгинку, не зная того, что, по ихъ правиламъ, высшій не долженъ танцовать передъ низшими. Султанъ лезгинку танцевалъ, но считая это за униженіе своего достоинства, полагалъ что главный начальникъ края умышленно его оскорбляетъ и подготавливаетъ этимъ къ лишенію его званія. Это повело къ тому, что онъ завелъ сношенія съ Шамилемъ. Когда измѣна султана обнаружилась, пришлось покорный дотолѣ Элису брать штурмомъ, а султанъ бѣжалъ въ горы и сдѣлался нашимъ непримиримымъ врагомъ.

Съ прибытіемъ князя Воронцова и съ приходомъ подкрѣпленій всѣ

ободрились. Новый начальник, на котораго возлагали бывшія надежды, былъ встрѣченъ радостно. Воронцовъ былъ человекъ безспорно умный, отличный администраторъ и обладавшій умѣньемъ обходиться съ туземцами. Если въ его административныхъ распоряженіяхъ и встрѣчались ошибки, то потому, что ошибаться свойственно всѣмъ людямъ. Въ отношеніи военныхъ дѣйствій собственно на Кавказѣ у него было мало опытности, такъ какъ онъ хотя и служилъ тамъ молодымъ офицеромъ, но уже давно, при кн. Цициановѣ, и то не долгое время. Теперь пріѣхавъ на Кавказъ онъ прежде всего обратилъ вниманіе на разные злоупотребленія по военному хозяйству; но и тутъ надо сказать, что имъ подчасъ допускались крупныя несправедливости. Онъ иногда любилъ слушать наушниковъ и слишкомъ былъ неосмотрителенъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Извѣстная исторія съ полковымъ командиромъ, флигель-адъютантомъ Копьевымъ можетъ служить тому примѣромъ. Копьевъ положительно пострадалъ вслѣдствіе армянскихъ интригъ. Всѣ армяне-подрядчики были недовольны тѣмъ, что онъ взялся самъ продовольствовать свой полкъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ требовали подрядчики интендантства. Начались доносы Воронцову, у воротъ квартиры котораго стоялъ ящикъ, для опусканія въ него письменныхъ просьбъ и заявленій. По доносамъ началось слѣдствіе, которое посланный княземъ Воронцовымъ Грекуловъ велъ очень пристрастно. У Копьева отняли полкъ, онъ сидѣлъ въ крѣпости, былъ лишенъ флигель-адъютантства; но на Кавказѣ всѣ были увѣрены, что онъ наказанъ напрасно. Впослѣдствіи ему удалось оправдаться и онъ получилъ другой полкъ, въ Россіи, а потомъ командовалъ бригадою.

Изъ кавказскихъ генераловъ того времени было много замѣчательныхъ. Граббе, Клюки-фонъ-Клугенау достаточно извѣстны. По храбрости своей и опытности еще былъ замѣчателенъ генералъ Лабинцевъ, — человекъ безъ всякаго образованія, грубый, неотесанный, съ большими странностями, но и съ большими военными дарованіями. Его посылали всегда въ самыя трудныя мѣста и онъ постоянно командовалъ арьергардомъ, что на Кавказѣ считалось опаснѣйшимъ постомъ. Лабинцевъ былъ ворчунъ и всегда недоволенъ дѣйствіями другихъ, на что часто имѣлъ полное основаніе. Помню хорошо, въ какое онъ пришелъ негодование, когда Воронцовъ, уйдя изъ подъ Дарго, представилъ къ Георгію начальника своего авангарда, генерала Бѣлявскаго. Воронцовъ тогда еще не вполне освоился съ Кавказомъ; уходить изъ подъ Дарго ему было трудно; на середину отряда, гдѣ онъ былъ самъ, горцы производили отчаянныя атаки. Но еще труднѣе было Лабинцову, такъ какъ всѣ усилія непріятели были направлены на арьергардъ. Бѣлявскому было всѣхъ легче. Горцы даже умышленно бросали позиціи и отступали, чтобы авангардъ ушелъ какъ можно дальше отъ главной колонны и арьер-

гарда. Лабинцевъ основательно обвинялъ Бѣлявскаго въ томъ, что онъ шель слишкомъ скоро и тѣмъ особенно затруднялъ его положеніе. И вдругъ, за такую неумѣлость даютъ Георгія!.. Когда я, послѣ Дарго, увидался съ Лабинцовымъ, онъ съ негодованіемъ сталъ мнѣ рассказывать о трудномъ положеніи, въ которое его ставилъ быстро уходившій авангардъ.

Въ другой экспедиціи, подъ начальствомъ Граббе, Лабинцевъ тоже командовалъ арьергардомъ. Дѣло у него было жаркое. При одномъ изъ натисковъ горцевъ онъ схватилъ ружье убитаго и дрался какъ простой солдатъ. По окончаніи дѣла Лабинцевъ сталъ упрекать Граббе за слишкомъ, по его мнѣнію, быстрое отступленіе главныхъ силъ отряда, оставившихъ его въ такомъ затруднительномъ положеніи, что онъ вынужденъ былъ самъ драться съ ружьемъ въ рукахъ. На послѣднее обстоятельство онъ особенно напиралъ, какъ будто оно служило неопровержимымъ доказательствомъ. Граббе это наконецъ надоѣло, и онъ закончилъ разговоръ, сказавъ: «Мнѣ очень жаль, ваше превосходительство, что въ сегодняшнемъ дѣлѣ у меня было однимъ солдатомъ больше и однимъ генераломъ меньше».

На этомъ обрываются личные воспоминанія В. А. Бельгарда; но такъ какъ участіе въ Даргинской экспедиціи ¹⁾ представляетъ одну изъ блестящихъ страницъ его боевой жизни, а между тѣмъ въ автобіографіи сказано о томъ лишь нѣсколько словъ, то полагаемъ нужнымъ дополнить ихъ нѣкоторыми подробностями.

Вдаваться въ полное описаніе этой экспедиціи будетъ здѣсь не у мѣста. Скажемъ только, что главнокомандующій кавказскими войсками князь Воронцовъ предпринялъ ее по указаніямъ, выработаннымъ въ Петербургѣ и высочайше утвержденнымъ, но основаннымъ на невѣрныхъ соображеніяхъ, которыя доказывали малое знаніе условій кавказской войны. По прибытіи князя Воронцова на мѣсто и по совѣщаніи съ опытными кавказскими генералами, увѣренность его въ успѣхъ задуманнаго предпріятія сильно поколебалась; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился его выполнить, и едва было жестоко не поплатился за это.

Отрядъ, надъ которымъ онъ принялъ личное начальство, былъ необычайно крупныхъ для Кавказа размѣровъ. Въ составъ его вошли какъ мѣстные полки, такъ и части прибывшихъ къ нимъ на подкрѣпленіе войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Наступленіе велось со стороны Темиръ-Ханъ-Шуры, черезъ Андію, откуда войска двинулись въ лѣса Ичкеріи,

¹⁾ Дарго—аулъ въ Ичкеринскомъ лѣсу, въ Большой Чечнѣ, считавшійся главною резиденціею Шамиля.

овладѣли ауломъ Дарго, но затѣмъ, не имѣя продовольствія и отовсюду обруженные непріателемъ, попали въ почти безвыходное положеніе. По невозможности отступить прежнимъ путемъ, князь Воронцовъ рѣшилъ двинуться къ сѣверу, по направленію на Герзель-ауль. Движеніе это, сопряженное съ страшными потерями, вѣроятно кончилось бы полною катастрофой, если бы не явился на выручку бѣдствующаго отряда генераль Фрейтагъ съ наскоро собранными на линіи войсками.

По мѣрѣ движенія главныхъ силъ въ Андію и далѣе, отъ нихъ оставляемы были, на пути слѣдованія войскъ, особые отряды, на которые возлагалось поддержаніе сообщеній и препровожденіе транспортовъ съ продовольствіемъ. Послѣднимъ изъ такихъ этаповъ былъ ауль Гагатль (около самаго перевала въ Чечню), у котораго устроили легкое полевое укрѣпленіе. Оставшіяся здѣсь отрядъ ввѣренъ былъ начальству подполковника Бельгарда и состоялъ всего изъ 5 ротъ, съ двумя полевыми и однимъ горнымъ орудіями, да нѣсколькихъ человекъ казаковъ и стрѣлковъ. При движеніи главныхъ силъ къ Дарго, на рукахъ Бельгарда оставлена была часть запаснаго парка Вагенбурга и болѣе 250 чел. больныхъ.

Положеніе этого маленькаго отряда въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ крупными скопищами непріателя, дѣлалось день-ото-дня все болѣе критическимъ, и горцы, зная, что главные силы русскихъ не могутъ дать ему помощь, имѣли право рассчитывать на полное его уничтоженіе.

Въ ночь съ 12-го на 13-го іюля, привели къ Бельгарду лазутчика съ слѣдующимъ письменнымъ приказаніемъ главнокомандующаго:

«Симъ предписываю вамъ, по полученіи этого приказанія, оставить полевое укрѣпленіе у Гагатля и, съ ввѣренными вамъ войсками, съ ранеными и больными, равно какъ со всѣми запасами, перейти къ Андійскимъ воротамъ.

«По прибытіи къ расположеннымъ у названныхъ воротъ войскамъ, старшій въ чинѣ принимаетъ начальство надъ всѣми собранными войсками, оставляетъ устроенный тамъ полевой окопъ и, со всѣми войсками, переходитъ къ Мичикалю, чтобы соединиться съ войсками, тамъ расположенными. Въ Мичикалѣ войска сосредоточиваются и поступаютъ подъ команду генераль-маіора князя Бебутова, которому я тоже посылаю нужныя по этому предмету приказанія.

«О движеніи вашихъ войскъ отъ Гагатля къ Буюру, во избѣжаніе бесполезнаго кровопролитія, не слѣдуетъ предварительно объявлять, и движеніе это, по возможности, должно совершиться неожиданно для горцевъ.

«Дабы облегчить подъемъ на горный хребетъ у Буюрскаго ущелья, поручаю вамъ предупредить начальника расположенныхъ у Буюрскихъ

*

воротъ войскъ о предстоящемъ прибытіи вашемъ, чтобы онъ могъ выслать на встрѣчу вамъ часть своихъ силъ, приблизительно—баталіонъ, до половины пути. 11-го іюля 1845 г. «№ 35., Дарго»¹⁾.

Трудное дѣло предстояло Бельгарду; но то былъ не такой человекъ, чтобы терять голову въ опасныя минуты. Не имѣя никакихъ средствъ для перевозки труднобольныхъ и раненыхъ, онъ приказалъ освободить отъ обыкновенной ноши всѣхъ подъемныхъ лошадей, бывшихъ при баталіонѣ; по его же предложению, офицеры, имѣвшіе верховыхъ и вьючныхъ лошадей, охотно уступили ихъ больнымъ. Для той же надобности употреблено было 18 казачьихъ коней; остальныхъ же больныхъ приказано было нести нижнимъ чинамъ. Для отвоза части парка, Бельгардъ велѣлъ людямъ разобрать по рукамъ ружейные патроны, а также часть артиллерійскихъ снарядовъ—и въ 6 час. утра отрядъ былъ уже готовъ къ выступленію. Передъ выступленіемъ предписано было: всѣ вещи, которыхъ нельзя было вывезти, собрать въ кучу и предать пламени.

Движеніе отряда изъ брошеннаго укрѣпленія на Буцрахкальскія высоты, подъ постояннымъ огнемъ противника, продолжалось съ 6 час. утра до 9 час. вечера. Въ 10 час. ночи отрядъ прибылъ къ ущелью, ведущему въ Андію и потому называемому «Андійскими воротами», а въ полночь присоединился къ второму транспортному этапу, состоявшему изъ двухъ баталіоновъ Житомирскаго полка, подъ командою подполковника Голикова. Бельгардъ, какъ старшій въ чинѣ, принялъ начальство надъ обоими отрядами.

14-го іюля онъ двинулся къ урочищу Мичикаль подъ непрерывными нападеніями непріятеля. Подъемъ на гору происходилъ уже ночью и сопряженъ былъ съ чрезвычайными затрудненіями; пошелъ сильный дождь; дорога была завалена камнями, расчистка ея производилась съ большими усиліями; много артиллерійскихъ лошадей было перебито и ранено; люди выбивались изъ силъ.

71-го іюля Бельгардъ достигъ, наконецъ, урочища Мичикаль. Оставивъ здѣсь, по приказанію князя Бебутова, два баталіона житомирцевъ, при двухъ полевыхъ орудіяхъ, онъ, съ остальными частями, присоединивъ къ нимъ 2-ой баталіонъ Куринскаго полка, прибылъ, 18-го іюля, къ аулу Кыркъ.

За все время отступленія отряда, онъ потерялъ убитыми 23 человекъ; ранеными и контуженными 10 офицеровъ и 61 нижнихъ чи-

¹⁾ Подлинникъ этого приказанія (хранящійся въ семьѣ Бельгарда) написанъ по-нѣмецки, въ виду того, конечно, чтобы, въ случаѣ захвата лазутчика непріятелемъ, находившіеся при Шамиль двертиры не могли разобрать написаннаго.

новъ. Во время остановокъ колонны, убитые и умершіе отгѣвались находившимся при отрядѣ священникомъ и тѣла ихъ тутъ же предавались землѣ.

Участь отряда, оставленнаго въ Гагатлѣ, очень беспокоила князя Воронцова. Уже по окончаніи экспедиціи онъ писалъ А. П. Ермолову: «Богъ намъ помогъ; потому что, безъ всякой нашей вины, могли бы быть большія непріятности. Не приди въ самую пору и съ неимовернымъ трудомъ, 13-го іюля къ утру, лазутчикъ нашъ въ Андю, мы бы можетъ быть, потеряли баталіонъ, оставленный съ храбрымъ Бельгардомъ, со всѣми тяжестими своими и съ частью артиллеріи. Я это чувствовалъ при выступленіи изъ Дарго и ужасно этого боялся, но дѣлать было нечего».

«Съ ужасомъ читаю въ письмѣ твоемъ, — отвѣчалъ Ермоловъ, — что могъ быть потерянъ оставленный въ Андіи баталіонъ; но Бельгардъ молодецъ и отступилъ славно, внушая къ себѣ уваженіе»¹⁾.

Легко понять, какъ отлегло на душѣ у князя Воронцова, когда онъ узналъ, что отрядъ, за участь котораго онъ такъ страшился, не только благополучно вернулся, преодолѣвъ всѣ опасности, но не оставивъ въ рукахъ противника даже и сломаннаго колеса.

Знаемъ достоверно, что князь Воронцовъ сейчасъ послалъ спросить у Бельгарда, какую бы желалъ онъ получить награду за свой подвигъ? Отвѣтъ послѣдняго былъ вполне его достоинъ: «Я исполнилъ свой долгъ, и награды не могу просить».

Князь Воронцовъ, конечно, безъ награды его не оставилъ, и 19-го августа того же года Бельгардъ произведенъ былъ въ полковники «за особое отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ».

Въ концѣ того же 1845 года Бельгардъ командированъ былъ для формированія Кубанскаго егерскаго (нынѣ 76-го пѣхотнаго) полка, котораго назначенъ командиромъ, и до 50-ти-лѣтняго юбилея котораго ему пришлось дожить.

Заключительнымъ актомъ боевой дѣятельности его на Кавказѣ было участіе въ экспедиціи отряда князя Аргутинскаго къ дагестанскому аулу Чохъ (1849 г.), за которую Бельгардъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры.

Черезъ два года послѣ того (въ декабрѣ 1851 г.) онъ оставилъ Кавказъ, и затѣмъ командовалъ разными дивизіями; но участія въ военныхъ дѣйствіяхъ ему уже не пришлось принимать. Во время польскаго мятежа 1863—64 г.г., Бельгардъ, состоя въ войскахъ, расположенныхъ

¹⁾ Газета „Кавказъ“, 1879 г., № 46.

въ Сѣверо-Западномъ краѣ, былъ начальникомъ Россіенскаго отдѣла ¹⁾, а потомъ, переведенный въ Царство Польское, завѣдывалъ Радомскимъ отдѣломъ.

Въ 1865 году Бельгардъ назначенъ былъ динабургскимъ комендантомъ; въ 1872—членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ; а въ ноябрѣ 1878 года произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи.

¹⁾ Мы слышали отъ очевидцевъ, что военныя мѣры, принятыя Бельгардомъ въ Россіенскомъ отдѣлѣ, были на столько разумны и дѣлесообразны, что во вѣрномъ ему районѣ можно было ѣздить безъ конвоя.

Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ

И ЕГО

ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ¹⁾.

Въ „Руслану и Людилѣ“.

Извѣстно, какъ преждевременно Пушкинъ познакомился съ знаменитой въ то время поэмой Вольтера «Pucelle d'Orléans» и какъ высоко цѣнилъ онъ ее, какъ образецъ веселой и остроумной эпической поэмы. Вотъ какъ онъ выражается о ней въ полномъ текстѣ своего перваго эпическаго опыта:

...вчера въ архивахъ роюся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехивисъ остроумія,
Словомъ, Жанну Орлеанскую,
Прочитайъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Вполнѣ естественно ожидать, что «Жанна Орлеанская», приводившая въ восхищеніе 16-ти-лѣтняго лицеиста, окажетъ сильное вліяніе на первую большую поэму молодого поэта, поэму тоже веселаго забавнаго характера.

Прочитайъ довольно внимательно этотъ, въ настоящее время весьма

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ редація имѣетъ въ виду помѣщать отъ времени до времени не только законченныя статьи и сообщенія, но и небольшія замѣтки и запросы. Извѣстно насколько такія непритязательныя статьи часто изъ десятка словъ, подъ заглавіемъ „Zur Frage ueber“... распространены въ журналахъ и сборникахъ Германіи и какую огромную пользу приносятъ онѣ наукѣ.

Р е д.

скучный, наборъ однообразныхъ сальностей, я пришелъ къ заключенію, что, усвоивъ въ общемъ традиціонный взглядъ на поэму Вольтера, Пушкинъ, дѣйствительно, прекрасно изучилъ ее, но воспользовался изъ нея для «Руслана и Людмилы» сравнительно немногимъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что Вольтеръ заимствовалъ у своихъ итальянскихъ предшественниковъ, съ которыми въ то время Пушкинъ не могъ быть знакомъ основательно. Такъ общій тонъ, обширныя введенія къ каждой пѣснѣ, вставочныя замѣчанія разнообразнаго характера, быстрые переносы читателя съ одного мѣста на другое, при чемъ дѣйствующія лица покидаются въ самую критическую для нихъ минуту,—всѣ эти приемы были прекрасно извѣстны Пушкину раньше, нежели онъ сталъ составлять планъ своей поэмы и просматривать «Некстоваго Роланда» во французскомъ переводѣ, извѣстны именно изъ «Жанны Орлеанской». Я полагаю, что знаменитая пародія на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковского въ IV пѣсняхъ, за которую позднѣе Пушкинъ осуждалъ себя довольно рѣзко, внушена именно поэмой Вольтера, имѣвшей главной цѣлью обличить «во лжи прелестной» всѣхъ, кто писалъ до него о подвигахъ «дѣвственницы». Кромѣ того, я позволю себѣ сопоставить два мѣста очень близкихъ не только по основной мысли, но отчасти по способу выраженія ея.

Въ изд. 1820 г. во II пѣснѣ мы читаемъ:

О люди, странна созданья!
Межъ тѣмъ, какъ тяжкія страданья
Тревожатъ, убиваютъ васъ,
Обѣда лишь наступитъ часъ
И въ мигъ вамъ жалобно доноситъ
Пустой желудокъ о себѣ
И имъ заняться тайно проситъ.

Въ V пѣснѣ мы читаемъ по поводу цѣломудрія Руслана:

...безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоемъ.

У Вольтера:

Fallut diner, car, malgré leurs chagrins
(Chétif mortel, j'en ai l'expérience)
Les malheureux ne font point abstinence.

У Вольтера по поводу грубаго насилія монаха надъ Агнесой:

Un honnête homme
Il n'est heureux qu'en donnant
des plaisirs.

Любопытно, что немедленно послѣ этой сентенціи Пушкинъ заговорилъ о монахѣ, повѣствованіемъ котораго онъ будто бы пользовался. Этотъ «монахъ», безъ сомнѣнія, заимствование съ запада, изъ Франціи, гдѣ авторы позднихъ Chansons de geste ссылались на несуществующія монашескія лѣтописи и латинскія повѣсти. Пушкинъ могъ быть знакомъ съ ними еще въ домѣ отца не непосредственно, конечно, а черезъ «Bibliothèque des romans», гдѣ многія изъ старыхъ поэмъ приводились въ близкомъ пересказѣ.

Бъ „Скупому рыцарю“.

Извѣстны напрасныя труды Анненкова для отысканія Ченстоновой трагикомедіи «The saveteous Knight», изъ которой будто бы взяты сцены, составляющія «Скупого Рыцаря». Вполнѣ основательно біографъ заподозрилъ лживыя причины такой мистификаціи со стороны Пушкина. Мнѣ кажется, что эти причины можно опредѣлить точнѣе на основаніи писемъ поэта къ брату и къ Жуковскому, а именно:

Какъ ни трудно, повидимому, связать представленіе о скупости съ Сергѣемъ Львовичемъ, столь небрежнымъ въ денежныхъ дѣлахъ, мы имѣемъ положительное указаніе на то, что молодой Пушкинъ испытывалъ очень серьезныя неприятыя именно отъ безсердечной расчетливости отца, который «вѣчно бранился за 80 копѣекъ», истраченный больнымъ сыномъ на извозчика (письмо № 41). Позднѣе Пушкинъ не одинъ разъ говоритъ о собственной своей «наслѣдственной» скупости, которая и у него, какъ у отца его, уживалась съ склонностью временами швырять деньги. Свою скупость Пушкинъ, безъ сомнѣнія, преувеличиваетъ выше мѣры, какъ преувеличиваетъ и свою непрактичность (какъ человѣкъ громаднаго ума, онъ былъ уменъ и въ денежныхъ дѣлахъ; но расчетливымъ и сдержаннымъ онъ не умѣлъ быть); зато мелочная скупость его отца въ всякаго сомнѣнія. Что же касается до наиболѣе трагическаго момента драмы, когда отецъ сознательно клеветаетъ на родного сына, обвиняя его передъ начальствомъ въ «зломъ преступленіи», я полагаю, что источникомъ въ данномъ случаѣ служитъ біографическій фактъ, именно та тяжелая сцена между Пушкинымъ, пріѣхавшимъ изъ Одессы, и отцомъ его, вслѣдствіе которой поэтъ самъ просился «въ одну изъ крѣпостей». Градація обвиненія («онъ меня хотѣлъ убить... Доказывать не стану я, хоть знаю, что точно жаждетъ смерти онъ моей» и пр.), возводимого на Альбера—гениальная жизненная черта, но она и взята непосредственно изъ жизни: точно такъ Сергѣй Львовичъ объявлялъ всему дому, что сынъ его билъ, потому, что хотѣлъ бить (письмо № 76) и наконецъ свелъ дѣло къ тому, что онъ убилъ отца словами и непристойно размахивалъ руками (письмо № 80).

А. Кирпичниковъ.

Письмо Петра Оболянинова — Ник. Осип. Кутлубицкому.

29-го іюля 1800 г. Царское Село.

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, полку Маркловскаго, назначенному въ Гатчино на ревю ¹⁾ и нынѣ остановившемся въ Кипени, по прибытіи въ Гатчино, занять квартиры въ Старой и Новой Скворицахъ и въ близъ лежащихъ деревняхъ; въ то же время когда будетъ ревю, по неимѣнію при семъ полку палатокъ, занять квартиры, буде можно за помѣщеніемъ баталіоновъ его императорскаго величества и генераль-маіора Депрерадовича въ Ингенбургскихъ и Маріенбургскихъ казармахъ; ежели же окажется сіе невозможнымъ, то на время ревю, имѣть квартиры полку Маркловскаго въ самыхъ ближайшихъ къ Гатчинѣ селеніяхъ, дабы люди могли на маневры приходить безъ всякаго отягощенія. О чемъ увѣдомивъ господина генераль-маіора Маркловскаго и сдѣлавъ надлежащія предписанія совѣтнику гатчинскаго городского правленія Рашкину и земскому исправнику Делину, долгомъ считаю сообщить и вашему превосходительству, для зависящаго съ вашей стороны исполненія высочайшей воли.

¹⁾ Т. е. на смотръ

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

IV¹⁾.

Вопросъ о союзѣ Польши съ Московскимъ государствомъ.—Мнѣніе Сигизмунда III о Дмитріи.—Планы короля и мнѣніе о нихъ сенаторовъ.—Отъѣздъ Замойскаго.—Положеніе Юрія Мишска и его участіе въ дѣлѣ Самозванца.—Пребываніе Самозванца въ Краковѣ.—Аудиенція у короля.—Секретный договоръ съ Дмитріемъ.—Пріемъ у нунція.—Переходъ въ католичество.

Въ концѣ октября 1603 г., князь Адамъ Вишневецкій сообщалъ королю о пріѣздѣ Дмитрія въ его Брагянское имѣніе и о чудесномъ спасеніи царевича отъ смерти. Это сообщеніе имѣло огромное вліяніе на всѣ послѣдующія событія.

Поляковъ уже нѣсколько лѣтъ занимала мысль о необходимости заключить союзъ съ Москвою. Когда, по смерти Сигизмунда-Августа, Польша осталась безъ короля, большинство шляхты желало государственнаго соединенія Рѣчи Посполитой съ могущественной Московіей подъ скипетромъ Іоанна Грознаго или его сына Θεодора Іоанновича. Впослѣдствіи, Стефанъ Баторій старался склонить Россію къ союзу съ Польшею и даже хотѣлъ принудить ее къ тому силою оружія. Этотъ вопросъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ предметомъ постоянныхъ совѣщаній въ кругу приближенныхъ совѣтниковъ этого короля и оживленной переписки съ Римомъ. Какъ извѣстно, только преждевременная кончина Стефана Баторія помѣшала ему осуществить эти смѣлые и обширные планы.

По смерти Стефана Баторія, царь Θεодоръ Іоанновичъ считался

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь, 1899 г.

однимъ изъ главныхъ кандидатовъ на польскій престолъ, а когда онъ скончался, не оставивъ законнаго наслѣдника, то многіе сенаторы Рѣчи Посполитой, въ томъ числѣ Янъ Замоѣскій и виленскій воевода Христофоръ Радзивиллъ, совѣтовали польскому королю 'добиваться московской короны для себя. Но нерѣшительный и слабый характеромъ Сигизмундъ III не воспользовался случаемъ и только два года спустя, когда Годуновъ утвердился уже на престолѣ, снѣ послалъ къ нему Льва Сапѣгу съ предложеніемъ заключить союзъ, который могъ со временемъ повести къ полному политическому соединенію обонхъ государствъ. Хотя всѣ эти старанія не привели къ желаемой цѣли, но многіе представители польской знати не оставляли мысль о союзѣ съ Москвою, который сулилъ Польшѣ большія выгоды и могъ обезпечить ее не только съ Востока, но и отъ шведовъ, турокъ и татаръ. Онъ могъ открыть ея вліянію широкое поприще католицизму и обширное поле для религіозной пропаганды.

Въ виду исконнаго соперничества, существовавшего между Москвою и Польшей, заключеніе этого союза было, разумѣется, дѣломъ не легкимъ; оно во многомъ зависѣло отъ личныхъ симпатій царя, возсѣдавшего на русскомъ престолѣ. Годуновъ не пожелалъ заключить союза съ Польшей, предложеннаго ему Сапѣгой, и согласился только продолжить перемиріе, заключенное Стефаномъ Баторіемъ и Іоанномъ Грознымъ въ 1582 г. на десять лѣтъ; такимъ образомъ Польшѣ приходилось либо совершенно отказаться отъ всякой мысли о союзѣ, либо отложить осуществленіе этихъ плановъ на неопредѣленное время.

Какъ разъ въ эту пору появился въ Польшѣ претендентъ на московскій престолъ, который, какъ можно было предполагать, согласился бы исполнить желанія поляковъ, еслибы ему удалось достигнуть престола при ихъ помощи и содѣйствіи. Замоѣскій, Ходкевичъ и нѣкоторые другія лица, раздѣлявшія ихъ взгляды, не совѣтовали королю принимать участіе въ замыслахъ Самозванца; это было бы нарушеніемъ договора, заключеннаго Московіей три года передъ тѣмъ и подтвержденнаго самимъ Сигизмундомъ. Ихъ доводы не повліяли на короля, такъ какъ въ его глазахъ имѣла первенствующее значеніе Швеція, а его ближайшіе совѣтники считали необходимымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы пріобрѣсти вліяніе на Россію и попытаться обратить ее въ католицизмъ. Итакъ, династическіе интересы, религіозныя побужденія и вліяніе окружающихъ толкнули короля Сигизмунда III на путь совершенно несогласный съ достоинствомъ большого государства и только что заключеннымъ съ Польшею договоромъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ, чтобы выяснитъ, что именно думалъ въ то время о Димитріи Сигизмундъ III. Нѣсколько лѣтъ спустя онъ считалъ его, несомнѣнно, обманщикомъ, какъ видно изъ бов-

фиденціальной инструкціи, данной польскому посланнику при королѣ испанскомъ Филиппѣ III.

Возможно, что таково же было его мнѣніе о Дмитріи и въ 1604 г.; во всякомъ случаѣ, надобно было оправдать чѣмъ-нибудь сношенія короля съ этимъ искателемъ приключеній, называвшемъ себя сыномъ Іоанна Грознаго, ибо всеѣмъ было извѣстно, что царевичъ былъ убитъ по приказанію Годунова еще въ царствованіе Феодора Іоанновича. Могущественные покровители Самозванца сумѣли устранить это затрудненіе.

Въ Литвѣ проживалъ въ то время человекъ, лѣтъ десять передъ тѣмъ находившійся въ Угличѣ, и даже будто бы служившій царевичу. Левъ Сапѣга послалъ этого человека къ князю Константину Вишневецкому, съ тою цѣлью, чтобы онъ переговорилъ съ Дмитріемъ и сообщилъ о немъ обстоятельныя свѣдѣнія королю.

Увидавъ этого человека, Самозванецъ тотчасъ призналъ въ немъ своего бывшего слугу, и, хотя послѣдній не сразу узналъ его, но, присмотрѣвшись къ Дмитрію внимательно и поговоривъ съ нимъ о разныхъ обстоятельствахъ, происходившихъ въ Угличѣ въ его бытность ¹⁾, вполне убѣдился, что въ домѣ князя Константина Вишневецкаго гостилъ истинный сынъ Іоанна Грознаго.

Прибывъ въ Краковъ, человекъ этотъ объявилъ, что у царевича есть на тѣлѣ нѣкоторые знаки, по которымъ легко можно его узнать, между прочимъ у него одна рука была короче другой. Основываясь на этомъ признакѣ, онъ утверждалъ какъ нѣчто не подлежащее ни малѣйшему сомнѣнію, что этотъ юноша есть истинный наследникъ московскаго престола. Коронный подканцлеръ Петръ Тылицкій подробно расспросилъ посланца и призналъ его слова справедливыми ²⁾.

Съ этого момента, не только покровители Самозванца, но весь королевскій дворъ и всѣ лица, имѣвшія съ нимъ какія-либо сношенія, утверждали единогласно, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Дмитрій есть истинный сынъ Іоанна Грознаго.

Вскорѣ Сигизмундъ III официально выразилъ желаніе принять участіе въ судьбѣ Дмитрія. Въ половинѣ февраля ³⁾ онъ разослалъ старѣйшимъ сенаторамъ письма, въ коихъ сообщалъ имъ о появленіи царевича въ Брагинѣ и о страшномъ переполохѣ, который былъ вызванъ этимъ обстоятельствомъ при дворѣ Бориса Годунова. Король ссылаясь на показаніе человека, который служилъ царевичу въ Угличѣ, доказывалъ какую огромную выгоду могла бы извлечь изъ этого Рѣчь По-

¹⁾ Listy Stanisława Żółkiewskiego (Kraków, 1863), стр. 123.

²⁾ Пирлингъ, ч. II, стр. 176 и 183.

³⁾ Всѣ даты приведены здѣсь по новому стилю.

сподитая, если бы Самозванцу удалось, при помощи поляковъ, возвратить прародительскій престолъ; просилъ сенаторовъ высказать по этому поводу ихъ мнѣніе и дать совѣтъ, какъ дѣйствовать дагѣе ¹⁾).

Весьма характеристичны отвѣты, полученные на эти письма. Только одно письмо было вполне согласно съ мыслями Сигизмунда, а именно отвѣтъ гнзненскаго архіепископа Яна Тарновскаго ²⁾), подписанный воеводою сѣрацкимъ Станиславомъ Банковскимъ каштеланомъ савтоцкимъ. Всѣ остальные, какъ-то: каштеланъ краковскій Янушъ Острожскій, воевода плочкій Станиславъ Красинскій и каштеланъ сендомирскій Станиславъ Тарновскій отвѣчали уклончиво, совѣтуя отложить рѣшеніе вопроса до ближайшаго сейма или, по крайней мѣрѣ, представить его на разсмотрѣніе «совѣта всѣхъ сенаторовъ».

Самые вліятельные изъ сенаторовъ, какъ напримѣръ, Замоискій, Ходкевичъ, Янъ Острожскій и др. рѣшительно не совѣтовали королю поддерживать Самозванца, находя его предпріятіе сомнительнымъ, и всѣ они указывали на то, что не слѣдовало забывать о союзѣ съ Московіей, нарушение котораго могло повлечь большія непріятности ³⁾).

Всѣ эти совѣты, какъ обыкновенно бываетъ, не достигли цѣли, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ, человекъ вообще колеблющійся и слабохарактерный, рѣшилъ этотъ разъ дѣйствовать самостоятельно, обойтись безъ согласія сейма и сената, сдѣлать нѣкоторыя приготовленія втайнѣ и затѣмъ выступить открыто на защиту Дмитрія, какъ законнаго наследника московскаго престола.

По предположенію короля, этимъ дѣломъ долженъ былъ руководить Замоискій или коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій ⁴⁾). Но Замоискій рѣшительно отъ этого отказался и въ пространномъ письмѣ доказывалъ королю, что помогать Самозванцу оружіемъ было бы явнымъ нарушеніемъ договора, заключеннаго съ Борисомъ Годуновымъ. По его мнѣнію, Рѣчи Посполитой было опасно начинать войну съ Московіей, не будучи къ ней достаточно подготовленной, тѣмъ болѣе, что эта

¹⁾ Rps. Muzeum XX. Czartoryskich 320, стр. 147.

²⁾ Listy Stanisława Zolkiewskiego и т. д., стр. 127—9 Это письмо, почтенное 18 февр., адресовано: „Николаю-Христофору Радзивиллу, воеводѣ троцкому“ (Rps. Muz. XX. Czartor. 99); отъ того же числа имѣется письмо къ воеводѣ бржесскому Христофору Зеновичу, напечатанное въ „Рус. Старины“ (изд. 1878 г., т. XXI), въ приложеніи къ статьѣ Стан. Пташицкаго „Деспоты-Зеновичи“ (стр. 135—136)

³⁾ Rps. Muz. XX. Czartoryskich 320, стр. 149, 153 и 161—3.

⁴⁾ Сигизмундъ предлагалъ это Замоискому въ письмѣ отъ 23-го марта т. г. (Naruszewicz. Historia Jana Karola Chodkiewicza. Варшава, 1805, т. I, стр. 236—7).

война могла принести лишь сомнительныя выгоды даже въ томъ случаѣ, еслибы на престолъ былъ посаженъ этотъ «князекъ» ¹⁾).

Мнѣніе, высказанное престарѣлымъ гетманомъ, удержало Сигизмунда отъ его воинственныхъ плановъ, однако не заставило его отказаться отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ Константинъ Вишневецкій, по приглашенію короля, отправился вмѣстѣ съ Димитріемъ въ Краковъ, заѣхалъ по пути въ Самборъ, къ своему тестю, сендомірскому воеводѣ, Юрію Мнишекъ.

Здѣсь въ теченіе двухъ недѣль происходили оживленныя совѣщанія о томъ, какъ вести дѣло далѣе, и было рѣшено, что роль главнаго покровителя Самованца приметъ на себя воевода сендомірскій. Въ это время возникла и мысль о бракѣ Самованца съ дочерью воеводы, красавицею Мариною. Димитрій, желая еще болѣе привязать къ себѣ Юрія Мнишекъ, обѣщавъ щедро вознаградить его впоследствии и даже подписать документъ, коимъ онъ обязался отдать «на вѣчныя времена ему и его потомкамъ княжества Смоленское и Сѣверское» ²⁾).

Что же побудило Мнишека войти въ столь близкія сношенія съ Самованцемъ и въ его преклонныя лѣта вступить на путь, сопряженный съ такимъ рискомъ и опасностями? Семейство Мнишекъ пользовалось въ Польшѣ довольно худой славой. Юрія Мнишекъ и его брата Николая обвиняли въ разныхъ предосудительныхъ поступкахъ и даже преступленіяхъ. Имъ приписывали развращеніе короля Сигизмунда Августа, говорили, что они были пособниками въ его любовныхъ интригахъ, всячески добивались его благосклонности какъ для себя лично, такъ и для людей, коимъ они покровительствовали и что въ день его смерти они безсовѣстнымъ образомъ обобрали его ³⁾).

Эти обвиненія высказывались гласно приближенными Сигизмунда-Августа и очевидцами этихъ событій, но Мнишеки, благодаря своимъ связямъ и богатству избѣгали заслуженной кары, хотя имъ не удалось оправдаться передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Въ правленіе Стефана Баторія, младшій изъ братьевъ, Юрій, также всячески добивался благоволенія новаго короля. Тотчасъ по его избраніи, онъ поспѣшилъ, вмѣстѣ съ депутаціей въ Семиградіе, чтобы поздравить его съ вступленіемъ на престолъ ⁴⁾. Служа въ войскѣ, онъ участвовалъ въ походахъ Баторія въ Россію и получалъ въ награду староства

¹⁾ Письмо отъ 4-го апрѣля г. г. (Teki Nar. t. 99, № 211). Содержаніе этого письма передано Грабовскимъ въ „Starozytnosciach hist. pols.“ т. II, стр. 476—7.

²⁾ Собр. гос. грам. п догов. ч. II, стр. 105.

³⁾ Orzelski, Bez Królewia Książ ośmiorgo, в т. д. Сиб. 1856, т. I. стр. 66, 70, 84—85, 100, 218—219, 221.

⁴⁾ Тамъ же, т. II, стр. 334.

Сапоцкое и Сокальское, а затѣмъ былъ назначенъ каштеляномъ радомскимъ. Впрочемъ, ни онъ, ни его братъ Николай, не играли въ то время видной роли въ общественныхъ дѣлахъ.

Юрій Мнишекъ достигъ болѣе виднаго значенія только въ царствованіе Сигизмунда III и былъ обязанъ этому вѣроятно покровительству своего родственника, краковскаго епископа Бернарда Мацѣевского, одного изъ вліятельнѣйшихъ лицъ при дворѣ Сигизмунда. Благодаря ему, Мнишекъ получилъ въ мартѣ 1588 г. въ управленіе Самборское королевское имѣніе и завѣдываніе рудниками, былъ назначенъ въ слѣдующемъ году воеводою сендомірскимъ, а нѣсколько лѣтъ спустя старостою львовскимъ.

Всѣ эти должности были весьма прибыльныя, но ни этихъ доходовъ, ни средствъ, нажитыхъ довольно постыднымъ образомъ въ царствованіе Сигизмунда Августа, не хватало воеводѣ, который, любя пышную жизнь, хотѣлъ сравняться въ роскоши и расточительности съ богатѣйшими польскими магнатами. Поэтому у него всегда были большія денежные затрудненія и онъ не выплачивалъ королю слѣдуемой суммы съ рудниковъ, съ Самборскаго староства, оправдываясь всевозможными расходами по управленію этими имѣніями и убытками, причисляемыми ему татарами или грабительствомъ солдатъ, стоявшихъ у него постоемъ.

Мнишекъ не измѣнилъ своего образа дѣйствій и въ послѣдующіе годы; его переписка съ Сигизмундомъ исполнена всевозможныхъ жалобъ, увертокъ и сѣтованій на то, что за неплатежъ слѣдуемыхъ королю доходовъ онъ терпѣтъ постоянныя оскорбленія, что ему приходится постоянно вымаливать у короля прощеніе. Наконецъ, Сигизмундъ, до крайности этимъ раздраженный, рѣшилъ наложить секвестръ на самборскую экономію или окончательно отобрать ее у него и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1603 г. послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ, чтобы привести въ исполненіе свое рѣшеніе. Тогда Мнишекъ, видя, что ему не помогутъ уже никакія просьбы и увертки, продалъ одно изъ своихъ родовыхъ имѣній за 28.000 злотыхъ и этимъ отчасти пополнилъ лежавшія на немъ недоимки, но все же остался долженъ королю значительную сумму.

Находясь въ столь отчаянномъ положеніи и продолжая прежній образъ жизни, онъ могъ выйти изъ него только благодаря какому-нибудь чрезвычайному событію. Не подлежитъ сомнѣнію, что воеводѣ хорошо было извѣстно все происходившее въ Москвѣ. Онъ зналъ, конечно, о страшной ненависти бояръ къ семейству Годуновыхъ, о горячей преданности русскихъ къ членамъ угасшей династіи, о богатствѣ царской казны и о могучихъ силахъ, коими располагали московскіе цари. Никто не могъ быть ему такъ полезенъ, какъ прибывшій въ гости претендентъ на русскій престолъ, если бы ему удалось возвратитъ свое наслѣдственное царство. Бракъ Димитрія съ дочерью воеводы, къ которой онъ былъ, кажется,

искренно расположенъ, служилъ порукою того, что онъ свято исполнитъ всѣ принятыя имъ на себя обязательства, и не только поможетъ Мишкеку выйти изъ затруднительнаго положенія, но обезпечитъ всей его роднѣ блестящую будущность.

Таковы были побужденія, заставившія воеводу принять дѣятельное участіе въ Самозванцѣ; въ концѣ февраля онъ отправился вмѣстѣ съ нимъ и съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ въ Краковъ, куда они прибыли около 5-го марта и гдѣ остановились въ домѣ, принадлежавшемъ сендомірскому воеводѣ.

Въ Краковѣ и при дворѣ у Мишекъ было много вліятельныхъ родныхъ и друзей. Одна изъ сестеръ Юрія была замужемъ за Николаемъ Фирлеемъ, воеводою краковскимъ. Кардиналъ Мацѣевскій былъ его двоюродный братъ. Мишекъ соединяли близкія узы родства со многими другими богатыми и знатными фамиліями, каковы Тарновскіе, Олесницкіе, Стадницкіе, Гербуртовы и Каменецкіе. Самъ Юрій былъ человѣкъ весьма общительный, краснорѣчивый, обладавшій даромъ пріобрѣтать расположеніе людей.

Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ въ Краковъ, Мишекъ, желая предоставить Дмитрію случай завести знакомство и завязать сношенія, далъ великолѣпный банкетъ, на который были приглашены многіе сенаторы и знатныя лица. Между ними былъ и папскій нунцій Клавдій Ронгони, который, въ своемъ донесеніи объ этомъ шршествѣ, описываетъ Дмитрія слѣдующимъ образомъ:

«Царевичъ сидѣлъ хотя и за другимъ столомъ, но въ той же комнатѣ, такъ что я имѣлъ полную возможность хорошо разсмотрѣть его и прислушаться къ высказываемымъ о немъ мнѣніямъ и взглядамъ. Это юноша весьма привлекательной наружности, смуглолицый, съ большою бородавкою подъ носомъ и таковой же подъ правымъ глазомъ. Руки у него длинныя, бѣлыя, своей формой свидѣтельствующія о его аристократическомъ происхожденіи. Онъ говоритъ весьма рѣшительнымъ тономъ; эта черта проглядываетъ также въ его походкѣ и вообще во всемъ его обхожденіи. Въ немъ есть что то незаурядное.

«Нѣкоторые выражаютъ сомнѣніе относительно законности его притязаній, но большинство считаетъ его истиннымъ наследникомъ московскаго престола. Война, великій коронный писарь литовскій, жившій въ Москвѣ, увѣряетъ, что онъ похожъ на умершаго великаго князя».

Въ общемъ, впечатлѣніе, произведенное Дмитріемъ на польскихъ самовниковъ, было для него благопріятно. Число его сторонниковъ и покровителей быстро возрастало. Особенно горячо приняли его сторону епископъ краковскій и воевода Николай Зебржидовскій. Нѣкоторые изъ литовскихъ магнатовъ заявили о своей готовности быть ему полез-

ними, въ томъ числѣ великій канцлеръ литовскій Левъ Сапѣга, который предложилъ доставить ему для похода протявъ Бориса Годунова деньги и людей. Вскорѣ по прїѣздѣ Димитрія въ Краковъ, туда пришло нѣсколько боярскихъ сыновей изъ Москвы, которые, увидавъ его, публично признали своимъ законнымъ монархомъ.

Еще болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ прїѣздъ двухъ посланцевъ отъ донскихъ казаковъ.

Когда проски враговъ Бориса Годунова проникли на Донъ, казаки положили идти на защиту претендента, находившагося въ Польшѣ, если онъ окажется дѣйствительно сыномъ Іоанна Грознаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, они послали въ Краковъ двухъ атамановъ своихъ Андрея Корела и Михайла Можакова. Одинъ казакъ, сопровождавшій ихъ, утверждалъ, что онъ знаетъ Димитрія, когда тотъ былъ еще ребенкомъ. Увидѣвъ же его въ Краковѣ, онъ увѣрилъ товарищей, что дѣйствительно это сынъ Іоанна Грознаго и тогда казаки пали предъ нимъ на колѣна и признали его своимъ законнымъ царемъ ⁴⁾.

15-го марта Самозванецъ имѣлъ аудіенцію у короля, который пріималъ его въ присутствіи только четырехъ сенаторовъ, посвященныхъ въ тайну. По словамъ Ронгои четырьмя свидѣтелями этой аудіенціи были: подканцлеръ Петръ Тылицкій, великій секретарь Симонъ Рудницкій, Мацѣй Вѣйна, великій писарь литовскій, и по всей вѣроятности, великій коронный маршалъ Сигизмундъ Мышковскій.

Подѣловавъ королю руку, Самозванецъ просилъ Сигизмунда, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, помочь ему. Въ своей рѣчи, сказанной весьма ловко и искусно, онъ сравнилъ себя съ сыномъ индійскаго короля Креза, который получалъ даръ слова только тогда, когда увидѣлъ, что жизни его отца угрожаетъ опасность. Онъ также молчалъ нѣсколько лѣтъ, живя въ униженіи и окруженный опасностями; только подъ вліяніемъ тяжелой болѣзни, вида, что его отечеству угрожаетъ опасность и что на престолѣ его прародителей воссѣдаетъ безбожный тиранъ, онъ испыталъ страшную скорбь и рѣшилъ высказаться и просить короля польскаго оказать ему содѣйствіе и помощь къ возвращенію ему «отдовскаго наслѣдія». Онъ далъ королю торжественное обѣщаніе, что если Сигизмундъ возьметъ его подъ свое покровительство, то, движимый безпредѣльной признательностью, онъ постарается отплатить ему за это; при этомъ онъ выразилъ надежду, что быть можетъ Господь сподобитъ его оказать великую услугу Польшѣ и всему христіанскому міру.

На эту рѣчь, отъ имени короля, отвѣчалъ въ короткихъ словахъ подканцлеръ. Король успокаивалъ Димитрія въ самыхъ сердечныхъ вы-

⁴⁾ Supplem. ad hist. Russiae Monum., стр. 411.

раженіяхъ, но ограничился общими увѣреніями доброжелательства, оставивъ обсужденіе подробностей до болѣе откровенной бесѣды ¹⁾).

Желая доказать Дмитрію свое доброжелательство на дѣлѣ, Сигизмундъ повелѣлъ, по отвѣдѣ воеводы сендомірскаго изъ Кракова, принять на счетъ казны всѣ личные расходы Дмитрія и его свиты, состоявшей изъ 30 шляшкомъ лицъ ²⁾).

Большой писарь литовскій, Мацѣй Вѣйна, велъ между тѣмъ съ Самозванцемъ тайные переговоры о тѣхъ выгодахъ, какія Дмитрій обѣщавъ доставить королю за оказанную ему поддержку, если ему удастся возсѣсть на московскій престолъ. Самозванецъ соглашался такъ охотно на всевозможныя уступки, какъ будто онъ и въ то время уже не думалъ сдерживать своихъ обѣщаній. Такимъ образомъ былъ заключенъ договоръ, коимъ Дмитрій клятвенно обязался сдѣлать королю рядъ весьма важныхъ уступокъ, а именно, возвратить Польшѣ половину Смоленской земли и нѣкоторые города Сѣверскаго княжества, заключить съ Польшей союзъ на вѣчныя времена, помочь Сигизмунду возвратить Швецію, допустить въ Россію іезуитовъ и дозволить имъ строить костелы.

Несмотря на эти грандіозныя обязательства, Самозванецъ вскорѣ убѣдился, что сочувствія Сигизмунда и нѣсколькихъ доброжелательныхъ къ нему магнатовъ не было еще достаточно для осуществленія его смѣлыхъ и честолюбивыхъ плановъ. Напротивъ, приходили извѣстія, что большинство поляковъ относятся крайне несочувственно къ политикѣ приключеній, несогласной съ достоинствомъ Рѣчи Посполитой и которая могла вовлечь ее въ новую и чрезвычайно тяжкую войну съ могущественной московскою державой. Въ своихъ отвѣтахъ на королевскія письма, почти всѣ сенаторы высказались, какъ мы видѣли, противъ предложенія Сигизмунда и настаивали на томъ, чтобы не было принято окончательнаго рѣшенія до слѣдующаго сейма; поэтому можно было предугадать, что сеймъ врядъ ли согласится объявить войну Россіи, хотя бы ради поддержанія самыхъ справедливыхъ притязаній и полученія особенныхъ выгодъ. Нѣкоторые сенаторы, какъ напр. Замоискій, кіевскій воевода Константинъ Острожскій и его сынъ,

¹⁾ Пирлингъ, стр. 180.

²⁾ О близкихъ отношеніяхъ Сигизмунда къ Самозванцу рассказывали удивительныя вещи. Такъ напр. говорили, будто король не только пригласилъ готовить для него особый столъ и заказалъ для него весь столовый приборъ, изъ серебра, украшенный московскимъ гербомъ—но видѣлся съ нимъ ежедневно у королевича. Эти слухи передаетъ ѣхавшій въ то время въ Москву австрійскій посланникъ Генрихъ ф. Логау, въ письмѣ къ германскому императору Рудольфу II, изъ Волгаста, отъ 17-го мая т. г. („Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка“, Спб., 1896, стр. 56):

Ячъ, каштеланъ краковскій, заявили рѣшительно, что слѣдуетъ воспретить полякамъ даже неофициально принимать участіе въ этомъ дѣлѣ. Надобно замѣтить, что вліяніе этихъ лицъ не ограничивалось нравственнымъ воздѣйствіемъ на короля: Замоискій, какъ великій коронный гетманъ, былъ начальникомъ военныхъ силъ, а Острожскіе, богатѣйшіе изъ польскихъ магнатовъ, имѣли собственное многочисленное войско и огромное вліяніе и связи.

Совѣвъ рати и военные походы, какъ извѣстно, не обходились въ то время безъ поборовъ, насилій и злоупотребленій всякаго рода. Слѣдовательно, сенаторы, радѣя о пользѣ края, могли воспретить сборъ войска и всѣ военныя приготовленія, дѣлаемыя сторонниками Самозванца, подъ предлогомъ охраны мѣстныхъ жителей. И дѣйствительно, письма къ королю напимѣръ, князя Януша Острожскаго, преисполнены жалобами по этому поводу и просьбами, чтобы онъ усмирилъ эту «вольницу» и взялъ бы жителей пограничныхъ повѣтовъ подъ свое покровительство¹⁾.

Въ виду такого отношенія поляковъ, Дмитрію было необходимо подыскать себѣ другихъ, болѣе могущественныхъ покровителей и союзниковъ, которыхъ ему и удалось вскорѣ пріобрѣсти, по совѣту и указанію все того же Мнишека, въ лицѣ іезуитовъ и весьма вліятельнаго въ то время польскаго костела. Апостольская столица уже лѣтъ сто обратила особое вниманіе на московское государство. Великій князь Василій и его сынъ Іоаннъ Грозный поддерживали сношенія съ Римомъ и пользовались его посредничествомъ при заключеніи мирныхъ договоровъ съ Польшею; папы охотно принимали на себя въ этомъ случаѣ роль посредниковъ, надѣясь, что имъ удастся когда-нибудь склонить Московію къ принятію католической вѣры. Несмотря на неудачу всѣхъ ихъ попытокъ въ этомъ смыслѣ, они не теряли надежды, что ихъ старанія увѣнчаются со-временемъ успѣхомъ.

Вступленіе на польскій престолъ такого ревностнаго католика, какимъ былъ Сигизмундъ III, заключеніе Брестской уніи, смуты, наступившія въ московскомъ государствѣ по прекращеніи династіи Рюриковичей,—все это оживило надежды католиковъ. Зная объ этихъ вожделѣніяхъ апостольской столицы, естественно было предположить, что, принявъ католическую вѣру, Дмитрій могъ разсчитывать на поддержку со стороны папы, и что онъ могъ облегчить ему приготовленія къ войнѣ, дѣлаемыя въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Руководствуясь этими соображеніями, Самозванецъ и его усердный пособникъ и совѣтникъ, Юрій Мнишекъ, приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы пріобрѣсти къ Дмитрію сочувствіе католической церкви.

¹⁾ Rps. Muz. XX Czartoryskich 917, стр. 673 и т. д.

Прежде всего Дмитрій постарался заручиться симпатіями находившагося въ то время въ Краковѣ папскаго нунція Ронгои; онъ отправился къ нему 19-го марта вмѣстѣ съ воеводою сендомірокимъ, «окруженный огромною толпою народа». Поздоровавшись съ нимъ весьма пріятливо и выказавъ ему при этомъ знаки особаго почтенія, Дмитрій сказалъ, что онъ давно уже хотѣлъ посѣтить его, какъ представителя апостольской столицы, не только для того, чтобы засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, но чтобы представить ему свое положеніе и просить его ходатайства за него предъ святымъ отцомъ, чтобы онъ поминулъ его въ своихъ молитвахъ и, какъ защитникъ всѣхъ угнетенныхъ, взялъ бы его подъ свое покровительство и защиту. Самованецъ подагъ надежду, что если бы ему удалось вернуть прародительскій престолъ, то это принесло бы не маловажную пользу всему христіанскому міру, такъ какъ онъ будетъ не прочь заключить союзъ съ прочими государями, чтобы начать вмѣстѣ съ ними войну противъ турокъ.

Во время этой бесѣды не было затронуто главнаго вопроса о переѣзѣ вѣроисповѣданія, но благоговѣніе, съ какимъ Дмитрій отзывался о папѣ, давало надежду, что онъ не останется глухъ къ убѣжденіямъ нунція; весьма выгодное впечатлѣніе произвело также упоминаніе о коалиціи противъ турокъ, которая давно была мечтою папской дипломатіи. Нунцій похвалилъ его чувства къ апостольскому престолу, обѣщавъ тотчасъ обо всемъ донести папѣ и увѣрилъ его въ своей готовности быть ему полезнымъ ¹⁾.

Желая еще болѣе расположить къ себѣ католиковъ, Дмитрій считалъ нужнымъ выказать себя человѣкомъ весьма набожнымъ; онъ заявилъ о томъ, что онъ далъ обѣтъ сходить пѣшкомъ на богомолье въ Ченстохово и въ тотъ самый день, когда онъ былъ у нунція, онъ участвовалъ въ церковной процессіи, идя съ зажженной свѣчой и молясь съ большимъ усердіемъ. Вообще, всѣми своими поступками онъ старался показать себя человѣкомъ глубоко религіознымъ.

По всей вѣроятности Самованецъ тогда уже мысленно рѣшилъ перейти въ католическую вѣру, но такъ какъ его не столько интересовала переѣзѣна вѣроисповѣданія, сколько возможность извлечь изъ этого обстоятельства наибольшую выгоду для своихъ честолюбивыхъ цѣлей, то руководствуясь, вѣроятно, совѣтами и указаціями своего главнаго совѣтника и доброжелателя Юрія Мнишека, Дмитрій рѣшилъ достигнуть этой цѣли при помощи іезуитовъ, которые пользовались въ то время огромнымъ вліяніемъ и всегда были готовы дѣйствовать, ради славы и распространенія католической вѣры.

Посредникомъ въ знакомствѣ Самованца съ іезуитами явился Фран-

¹⁾ Пирлингъ. Pièces justif. ч. II, стр. 182—183.

цискъ Помаскій, самборскій священникъ, много лѣтъ находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ семейству Мнишекъ. Вызванный сендомирскимъ воеводою, онъ прибылъ въ Краковъ въ исходѣ марта того же года, тотчасъ отправился къ іезуитамъ и предложилъ имъ свои услуги, чтобы представить ихъ Дмитрію.

Іезуиты съ радостью ухватились за этотъ случай. 31-го марта Дмитрія посѣтилъ настоятель церкви св. Варвары, Каспаръ Савицкій и былъ принятъ имъ весьма любезно; когда, въ послѣдующія свои посѣпенія, онъ затронулъ нѣкоторые догматическіе вопросы, то Самозванецъ признался, что у него возникли въ этомъ отношеніи нѣкоторые сомнѣнія, которыя онъ желалъ бы разъяснить въ болѣе обстоятельной бесѣдѣ. Съ этой цѣлью Дмитрій обратился къ содѣйствію Николая Зебржидовскаго, прося облегчить ему свиданіе съ іезуитами, такъ какъ онъ не хотѣлъ, чтобы объ его сношеніяхъ съ іезуитами провѣдали московскіе люди, которые находились въ Краковѣ и зорко слѣдили за всѣми его дѣйствіями.

Краковскій воевода изъявилъ свою полную готовность быть ему полезнымъ. Дмитрій часто посѣщалъ Зебржидовскаго, при чемъ оставлялъ обыкновенно своихъ спутниковъ въ другой комнатѣ, а самъ бесѣдовалъ съ воеводою съ глаза на глазъ. Такъ было и 7-го апрѣля, когда, до его пріѣзда, въ домъ воеводы были тайно проведены два іезуита—ксендзы Станиславъ Гродзицкій и Каспаръ Савицкій; они вошли затѣмъ, чрезъ потайную дверь, въ ту комнату, гдѣ находился съ воеводою Дмитрій.

— Ваше величество, можете побесѣдовать съ ними,—сказалъ Зебржидовскій увидавъ ихъ,—о своихъ сомнѣніяхъ въ дѣлѣ религіи. Скажите имъ ваши мысли и желанія откровенно, ничего не утаивая—и вы получите такой же откровенный отвѣтъ. Если они успѣютъ васъ убѣдить, вѣроятно вы въ этомъ не раскаетесь,—въ противномъ случаѣ, это не принесетъ вамъ ни малѣйшаго ущерба, вы будете жить по-прежнему, какъ признаете болѣе подходящимъ.

Дмитрій отвѣчалъ, что онъ радъ ихъ видѣть и охотно воспользуется случаемъ, чтобы разъяснить свои сомнѣнія и успокоить свою совѣсть. Затѣмъ, обратясь къ іезуитамъ, онъ сказалъ, что его сомнѣнія касаются главнымъ образомъ двухъ пунктовъ: происхожденія Духа Святаго отъ Отца и Сына и таинства евхаристіи: онъ сомнѣвается, согласно ли со св. писаніемъ принятіе св. причастія подъ однимъ видомъ; и не былъ также увѣренъ въ томъ, должны ли всѣ хрістіане почитать папу какъ намѣстника Христа и какъ преемника св. Петра?

Бесѣда длилась долго. На всѣ доводы и объясненія іезуитовъ, Дмитрій отвѣчалъ весьма искусно, основываясь на догматахъ восточной церкви и на толкованіяхъ аріанъ, съ коими онъ познакомился во время

своего пребыванія въ Гощѣ. Только подѣ конецъ бесѣды, онъ какъ будто не могъ ничего возразить на нѣкоторые ихъ доводы и замолчалъ, глубоко надъ ними задумавшись.

Относительно нѣкоторыхъ пунктовъ, онъ тогда же заявилъ себя побѣжденнымъ и видимо остался доволенъ своимъ диспутомъ съ отцами-іезуитами и общалъ чаще бесѣдовать съ ними, въ особенности съ ксендзомъ Савицкимъ, коего умѣнье вести споръ ему очень повравилось.

Нѣсколько дней спустя, именно 15-го апрѣля, Дмитрій бесѣдовалъ съ ними вторично въ монастырѣ Бернардиновъ и послѣ этого заявилъ рѣшительно, что признаетъ одно только ученіе католической церкви истиннымъ и вполне правильнымъ, сообщилъ Зебржидовскому о своемъ намѣреніи перейти въ лоно католической церкви и, въ виду приближавшагося праздника Пасхи, выразилъ желаніе исповѣдаться. Въ собраніи іезуитовъ, въ которомъ участвовали Петръ Скарга и ксендзъ Фридрихъ Барчъ, духовникъ короля, обсуждался на слѣдующій день вопросъ, какимъ образомъ устроить это дѣло. Краковскій воевода, ревностный католикъ, взялся и въ этомъ случаѣ облегчить Дмитрію исполненіе его желаній.

Въ Краковѣ существовало въ то время благотворительное общество или братство, поставившее себѣ цѣлью помогать тѣмъ немущимъ, которые стыдились нищенствовать и просить милостыню. Членами этого братства были многія знатныя особы, въ томъ числѣ и Николай Зебржидовскій. Главною обязанностью этихъ членовъ было собирать пожертванія или милостыню, чѣмъ они занимались особенно усердно на Страстной Недѣлѣ, ходя изъ дома въ домъ и собирая подаванія на улицѣ у прохожихъ, а для того, чтобы отношенія людей не играли въ душевнеспасительномъ дѣлѣ никакой роли, они собирали милостыню переодѣтые, тщательно закрывъ себѣ лицо.

Этимъ обычаемъ воспользовался Зебржидовскій, отправившись въ Страстную Субботу, которая пришла въ 1604 г. 17-го апрѣля, вмѣстѣ съ Дмитріемъ собирать милостыню. Накѣмъ не узанные они зашли въ іезуитскій домъ при церкви св. Варвары, гдѣ ихъ ожидалъ предупрежденный о томъ ксендзъ Каспаръ Савицкій, и въ то время когда воевода пошелъ помолиться въ костелъ, Савицкій пригласилъ Дмитрія въ свою комнату и на-единѣ долго бесѣдовалъ съ нимъ. Одобривъ его желаніе перейти въ католическую вѣру онъ увѣщевалъ его не приступать къ исповѣди, если онъ не достаточно къ этому подготовленъ и не проникнуть сознаниемъ святости этого шага тѣмъ болѣе, что для предстоящаго ему труднаго дѣла, ему необходима была помощь и благословеніе Божіе.

Самозванецъ съ минуту колебался, но затѣмъ сказалъ ксендзу, что

онъ поступаетъ по отношенію къ людямъ и къ Богу всегда правдиво и искренно, и полагалъ всю свою надежду на милость Провидѣнія, которому онъ до сихъ поръ такъ много обязанъ.

Послѣ столь рѣшительнаго заявленія Савицкій приступилъ къ исповѣди, а по окончаніи ея Димитрій торжественно отрекся отъ ереси и призналъ себя сыномъ католической церкви¹⁾.

На слѣдующій день Димитрій написалъ папѣ на польскомъ языкѣ письмо, прекрасно характеризующее его необычайную ловкость и которое съ латинскимъ его переводомъ, сдѣланнымъ ксендзомъ Савицкимъ, онъ намѣревался отправить какъ можно скорѣе въ Римъ, чтобы извѣстить святѣйшаго отца о его переходѣ въ католическую вѣру²⁾.

Два дня спустя Димитрій, пригласивъ къ себѣ Савицкаго, заявилъ ему, о своемъ желаніи пріобщиться св. Тайнъ и быть помазаннымъ муромъ. Такъ какъ Самозванецъ долженъ былъ въ скоромъ времени уѣхать изъ Кракова, то онъ отправился 24-го апрѣля на прощальную аудіенцію къ нунцію, гдѣ въ одной изъ дальнихъ комнатъ ожидали его Минь-

¹⁾ Рассказъ о переходѣ Димитрія въ католичество описанъ А. Гиршбергомъ по донесенію Ронгони (Пирлингъ, тамъ-же, ч. II, стр. 183—186), и по рассказу ксенда Яна Велевицкаго (Dziennik spraw domu zakonnego oo. jezuitow u św. Barbary w Krakowie. Краковъ, 1886 г., т. X, стр. 54—58).

Надобно замѣтить, что таинственность, которой сопровождался переходъ Димитрія въ католичество, считалась многими совершенно излишнею, и нѣкоторые писатели (въ томъ числѣ напр. Костомаровъ, ч. I, стр. 104) находятъ этотъ рассказъ даже весьма неправдоподобнымъ, несогласнымъ съ истинною и приписываютъ его измышленію іезуитовъ. Н. Левитскій, разбирая этотъ вопросъ обстоятельно въ своей статьѣ: „Гдѣ, когда и кѣмъ обращенъ въ католичество Лжедимитрій“ („Христ. Чтеніе“, 1883 г., стр. 386 и сл.) находитъ, что іезуиты не имѣли никакой надобности сочинять сказку о прибытіи Лжедимитрія къ іезуитамъ замаскированнымъ. „Напротивъ, говоритъ онъ, они сами признаютъ, что маскированіе Лжедимитрія была ихъ выдумка, съ цѣлью вѣрнѣе провести московскихъ людей, слѣдившихъ за Самозванцемъ, и хитрость эта вполнѣ удалась, такъ какъ его обращеніе въ католичество осталось долгое время подъ покровомъ глубокой тайны. Скрыть его присоединеніе къ католичеству было не только нужно, но даже необходимо; онъ самъ опасался, чтобы объ его измѣнѣ православію не узнали московскіе люди: открылся этотъ фактъ—его дѣло было бы проиграно: русскій народъ никогда не пошелъ бы подъ знамена католика. Да и московское правительство могло бы воспользоваться этимъ свѣдѣніемъ какъ могучимъ орудіемъ, чтобы возстановить народъ противъ Самозванца-католика. Неудивительно поэтому, что онъ старался половить и незамѣтнѣе для московскихъ людей совершить присоединеніе къ латинству. Дѣйствовать на авось было слишкомъ опасно, это значило для Лжедимитрія рисковать своимъ успѣхомъ и будущимъ царствомъ“. В. В.

²⁾ Это письмо, найденное недавно Пирлингомъ и изданное имъ въ 1898 г. вмѣстѣ съ латинскимъ его переводомъ отдѣльнымъ изданіемъ, было напечатано въ „Русской Старинѣ“, 1898 г., № 5, стр. 307—309, въ сообщеніи В. А. Вильбасова, поэтому считаемъ излишнимъ приводить его здѣсь. В. В.

шекъ и ксендзъ Савицкій; тутъ былъ устроенъ алтарь и приготовлено все нужное для богослуженія. Исповѣдывавшись предъ тѣмъ вторично, Димитрій отслушалъ обѣдню, которую служилъ самъ Ронгони, принялъ изъ его рукъ св. причастіе и былъ помазанъ имъ мвромъ. Нунцій подарилъ ему изображеніе Агнца Божія въ золотой оправѣ и 25 венгерскихъ дукатовъ. Димитрій сердечно поблагодарилъ его, вручилъ ему поминутное письмо къ папѣ собственноручно имъ написанное и подписанное по-польски ¹⁾ и, упавъ передъ нимъ на колѣни, сказалъ что признаетъ власть святѣйшаго отца и готовъ всегда ему быть покорнымъ, какъ долженъ повиноваться ему всякій истинный христіанинъ.

Желая еще болѣе снискать расположеніе католиковъ, Самованецъ тогда же обѣщалъ склонить своихъ православныхъ подданныхъ отказаться отъ ереси и перейти въ лоно католической церкви, а также окрестить въ католическую вѣру всѣхъ пребывающихъ въ его государствѣ язычниковъ или исповѣдающихъ магометанскую вѣру. Онъ клятвенно подтвердилъ нунцію, что говорилъ все это вполне искренно, а не изъ какихъ-либо расчетовъ и даже хотѣлъ поцѣловать его ногу, отъ чего тотъ ловко уклонился.

Заявленія Димитрія о его горячей преданности римско-католической вѣрѣ произвело на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе. Его искренности повѣрили иезуиты и самъ Ронгони, который прощаясь благословилъ его, сердечно обнялъ и въ донесеніи своемъ превозносилъ его «искреннюю набожность» и выражалъ надежду на успѣхъ его честолюбивыхъ плановъ ²⁾.

Такимъ образомъ Самованецъ, благодаря своей удивительной ловкости, достигъ намѣченной цѣли. Онъ воспользовался и уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, при свиданіи съ нунціемъ, просилъ его замолвить за него слово у короля. Но это не принесло ему ожи-

¹⁾ „Рус. Старина“, 1898 г., № 5, стр. 306.

²⁾ Не подлежитъ сомнѣнію, что принатіе Димитріемъ католичества было дѣломъ политики и расчета, а не внутренняго убѣжденія (см. Соловьевъ, Истор. Россіи, М., 1873 г., т. VIII, стр. 116) и что набожность его была притворная, какъ это доказали нѣкоторые его поступки и не особенно уважительные отзывы о папѣ, высказанные имъ по вступленіи на престолъ; индифферентизмъ его въ дѣлахъ вѣры вполне понятенъ. На его душѣ было слишкомъ много наслоеній, чтобы онъ могъ быть твердъ въ вопросахъ религіи. Его знакомство съ рационалистическимъ ученіемъ арианъ, которые проповѣдывали, что Иисусу Христу не должно воздавать никакого поклоненія, какъ простому человѣку (см. „Христ. Чтеніе“, 1885 г., май, іюнь, стр. 670—695) должно было поматнуть его прежнія вѣрованія, посвятъ въ его душѣ смена свободомыслія, развитъ въ немъ критическое отношеніе къ вопросамъ религіи, словомъ подготовить почву, не особенно благопріятную для насажденія на ней догматовъ католической церкви. В. В.

даемой пользы, ибо Сигизмундъ, въ виду известнаго уже намъ неприязненнаго отношенія къ Самозванцу большинства поляковъ, не могъ явно помогать ему и рѣшилъ только не мѣшать его военнымъ приготовлениямъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой.

Предъ отъѣздомъ изъ Кракова Дмитрій имѣлъ прощальную аудіенцію у короля. Сигизмундъ принялъ его и этотъ разъ весьма милостиво, подарилъ ему золотую цѣпь съ медалькой, изображавшей его портретъ, 4.000 злотыхъ и цѣнную матерію, затканную золотомъ и серебромъ; онъ сказалъ при этомъ, что не можетъ пока ничего болѣе сдѣлать для него, но въ будущемъ употребить все свое стараніе быть ему полезнымъ.

Обнадеженный этимъ обѣщаніемъ, Дмитрій выѣхалъ изъ Кракова два дня спустя, а именно 25-го апрѣля, вмѣстѣ съ Юріемъ Мишикомъ.

V.

Новые пріятели и сторонники Самозванца.—Его попытки заручиться содѣлствіемъ Замойскаго и Острожскаго.—Обязательства, принятыя на себя Самозванцемъ по отношенію Мишекъ.—Мѣры, принятыя Годуновымъ —Царница Марса.—Покушеніе на жизнь Дмитрія.

Изъ Кракова, Мишекъ отправился вмѣстѣ съ Самозванцемъ сначала къ своему сыну Станиславу въ Санока, а оттуда въ Самборъ.

Положеніе сендомірскаго воеводы становилось затруднительно. Уже въ Краковѣ Самозванецъ началъ выказывать большое нетерпѣніе; ему хотѣлось какъ можно скорѣе начать войну съ Борисомъ Годуновымъ и отправиться на границу московскаго государства, чтобы лично руководить военными приготовлениями¹⁾. Но прежде, чѣмъ начинать походъ, надобно было собрать достаточное количество войска и быть увѣреннымъ въ томъ, что Замоискій и Острожскій не помѣшаютъ ему пройти черезъ южныя воеводства Рѣчи Посполитой.

Въ началѣ мая, ко времени открытія засѣданій мѣстнаго суда, въ Саноки собралось много окрестной шляхты. Это и побудило, вѣроятно, сендомірскаго воеводу пріѣхать туда вмѣстѣ съ Дмитріемъ, чтобы доставить ему случай завести необходимыя для него знакомства и связи.

¹⁾ Папскій нунцій Ронгони доносилъ о томъ уже 3-го апрѣля того года (Arch. Watykaniski, Borgh. III, 90 b); объ этихъ желаніяхъ Дмитрія онъ упоминаетъ также въ письмахъ своихъ отъ 10-го и 17-го числа того же мѣсяца (Шпрлингъ, Pièces justif., II, стр. 183—184).

Даровитая личность Самованца произвела на всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе. Въ актахъ мѣстнаго суда находится любопытная отмѣтка, что на засѣданіи 4-го мая 1604 г. присутствовалъ пресвѣтлѣйшій и непобѣдимый царь Дмитрій Ивановичъ.

Подъ самымъ городомъ находился королевскій замокъ, занимавшій довольно большое пространство; онъ состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ зданій, обнесенныхъ стѣною; такъ какъ Сигизмундъ III никогда не прѣзжалъ въ Самборъ, то всѣ эти зданія занималъ воевода и его многочисленная родня. Къ прѣзду Самованца въ этотъ замокъ съѣхалось множество родныхъ Мишекъ и ихъ ближайшіе сосѣди, кто по приглашенію воеводы, чтобы принять участіе въ военныхъ приготовленіяхъ, кто изъ любопытства увидѣть «московскаго царя». На собраніяхъ и балахъ, происходившихъ въ домѣ воеводы, Дмитрій привлекъ всѣхъ своимъ умомъ и краснорѣчіемъ и быстро приобрѣлъ массу друзей и сторонниковъ. На охотѣ, любимомъ развлеченіи тогдашняго общества, онъ выказалъ себя искуснымъ и ловкимъ наѣздникомъ. Слава его быстро росла и около него собиралось все больше и больше смѣльчаковъ и искателей приключеній, готовыхъ предложить ему свои услуги въ ожиданіи будущихъ благъ.

Въ то время какъ друзья Дмитрія вербовали для него войско, онъ самъ и Юрій Мишекъ старались расположить въ свою пользу Замойскаго и обоихъ Острожскихъ. Еще до отъѣзда изъ Кракова они писали гетману, прося его замолвить королю слово за «царевича». Ихъ просьба не имѣла успѣха; Замоискій даже не отвѣтилъ какъ на это, такъ и на два послѣдующія письма Дмитрія. Князь Янушъ Острожскій отнесся къ домогательствамъ Самованца еще недоброжелательнѣе и писалъ воеводѣ, что онъ не позволитъ войску Дмитрія перейти границу Рѣчи Посполитой. Такъ же несочувственно относились къ нему многія другія влиятельныя лица.

Въ это время Самованецъ получилъ отвѣтъ на свое письмо къ папѣ, въ которомъ Климентъ VIII увѣрялъ его въ своемъ доброжелательствѣ и посылалъ ему свое благословеніе. «Царевичъ» успѣвшимъ отвѣтатъ святѣйшему отцу и, чтобы еще болѣе снискать расположеніе апостольской столицы и всѣхъ добрыхъ католиковъ, онъ подтвердилъ ему свое обѣщаніе употребить всю свою жизнь, всѣ силы во славу Божию и на пользу всего христіанскаго міра, если Господь сподобитъ его вернуть прародительскій престолъ ¹⁾. Въ то же время онъ писалъ нунцію, прося его походатайствовать у гетмана и каштеляна Краковскаго. Мишекъ со своей стороны продолжалъ работать въ его пользу, даже ѣздилъ съ

¹⁾ Пирлингъ, стр. 160—161. Тургеневъ, „Hist. Russiae Monum.“, т. II, стр. 78—79.

этой цѣлю въ Краковъ къ князю Янушу Острожскому и успѣть, наконецъ, въ своихъ хлопотахъ настолько, что Замоискій и Острожскій обѣщали не мѣшать сбору войска и движенію его къ западнымъ границамъ Рѣчи Посполитой.

Заботясь о «царевичѣ», Мнишекъ не забывалъ себя и своей родни, стараясь выговорить себѣ щедрую награду въ случаѣ если изъ старанія увѣнчаются успѣхомъ. Дмитрій по-прежнему былъ готовъ на всѣ уступки. 25-го мая и 12-го іюня 1604 г. онъ подписалъ два документа, изъ коихъ по первому онъ обязался жениться на Маринѣ, дочери воеводы и подарить ей изъ царской казны массу драгоценностей и серебра, а отцу ея выдать милліонъ польскихъ золотыхъ на уплату долговъ и на путевыя издержки будущей своей супруги. По вступленіи на престолъ Дмитрій обѣщаль тотчасъ послать къ королю торжественное посольство просить ея руки, дать ей въ приданое Псковъ и Великій Новгородъ, предоставивъ ей полное право управлять ими по своему усмотрѣнію, между прочимъ, строить тамъ костелы, учреждать монастыри и католическія школы; наконецъ, онъ обѣщаль приложить все свое стараніе, чтобы московское государство присоединилось къ лону католической церкви ¹⁾).

Вторымъ документомъ были выговорены нѣкоторыя уступки, коими воевода сендомірскій могъ воспользоваться въ своихъ личныхъ видахъ. Такимъ образомъ, если бы предпріятіе Самованца увѣнчалось успѣхомъ, то цѣль, которую преслѣдовалъ Юрій Мнишекъ, принявъ участіе въ его судьбѣ, была бы имъ блестящимъ образомъ достигнута; онъ не только уплатилъ бы всѣ свои долги и могъ бы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которое повергла его расточительность, но могъ бы обезпечить всю свою родню.

Все, что происходило въ Польшѣ, въ особенности съ момента появленія «царевича» въ Брагинѣ, было какъ нельзя лучше извѣстно Борису Годунову чрезъ тайныхъ его агентовъ ²⁾). Онъ счелъ необходимымъ принять мѣры предосторожности, сосредоточилъ войска въ Украинѣ, подъ предлогомъ ожидаемаго нападенія татаръ, приказалъ закрыть западную границу и никого не пропускать чрезъ нее, яко бы опасаясь заноса эпидеміи, появившейся въ Литвѣ; воеводы пограничныхъ областей, незаслужившіе его довѣрія, были отозваны и замѣнены другими лицами, на преданность которыхъ царь вполне полагался.

Желая повредить Самованцу во мнѣніи поляковъ, онъ приказалъ

¹⁾ Собр. гос. грам. и догов., ч. II, стр. 159—162.

²⁾ Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ былъ Семенъ Волковскій-Овсяной. Его донесенія напечатаны П. А. Кулишемъ („Матеріалы для исторіи соединенія Руси“, т. I).

черниговскому воеводѣ разослать его друзьямъ и сторонникамъ письма, въ которыхъ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что князь угличскій давно уже скончался и ихъ предостерегали отъ «чернца, облыжно называвшаго себя Дмитріемъ».

Кажется самъ Госудовъ вѣрилъ по временамъ, что юноша, появившійся въ Польшѣ, былъ истинный царевичъ Дмитрій. Желая разсвѣять свои недоумѣнія, онъ вызвалъ въ Москву мать покойнаго царевича, инокиню Марю, жившую подъ строгимъ надзоромъ въ одномъ изъ отдаленныхъ монастырей; онъ посѣтилъ ее вмѣстѣ съ патриархомъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ она была помѣщена, и старался вывѣдать у нея истину, а 7-го апрѣля, въ страстную субботу, ее привели въ Кремль. Когда она вошла въ царскую опочивальню, гдѣ находились только Борисъ Годуновъ и его жена, царь спросилъ ее строго:

— Говори правду, живъ ли еще твой сынъ?

— Не знаю, — отвѣчала Мареа, пораженная этимъ вопросомъ.

— Не скрывай того, что тебѣ хорошо извѣстно, — закричала супруга Бориса и въ раздраженіи схватила горѣвшую свѣчу и хотѣла выжечь ей глаза. Годуновъ удержалъ ее.

Тогда Мареа сказала:

— Сынъ мой еще живъ. Люди, давно умершіе, тайно увезли его изъ Углича; это было сдѣлано безъ моего вѣдома.

Эти слова, конечно, не могли успокоить Бориса. Еще болѣе встревожило его извѣстіе, привезенное германскимъ посланникомъ Генрихомъ фонъ Логау о томъ, что Сигизмундъ III готовъ помочь Дмитрію, и дошедшіе въ Москву слухи, что Самозванецъ собираетъ войско.

При дворѣ всѣ были убѣждены, что роль умершаго царевича принялъ на себя бѣглый монахъ Чудова монастыря Григорій Отрепѣевъ, который въ дѣйствительности былъ только однимъ изъ главныхъ агентовъ партіи, составленной врагами Годунова.

Въ глазахъ царя Бориса, Дмитрій былъ уже въ то время грозной силой, поэтому вида, что всѣ его попытки убѣдить сторонниковъ мнимаго царевича въ его самозванствѣ оказались неудачны, онъ рѣшилъ не останавливаться даже передъ преступленіемъ, лишь бы отъ него отдѣлаться.

Въ числѣ московскихъ людей, нахавшихъ въ то время въ Самборѣ, было два человека, подкупленныхъ Годуновымъ, которые, польстясь на большое вознагражденіе, согласились убить Самозванца.

Однажды, воспользовавшись случаемъ, когда пиршество въ самборскомъ замкѣ затанулось далеко за полночь, и большинство гостей были пьяны, одинъ изъ этихъ людей пробрался въ спальню Дмитрія, вооруженный хорошо отточеннымъ ножомъ и спрятался въ ожиданіи его возвращенія. Между тѣмъ его товарищъ долженъ былъ приготовить верховыхъ лошадей, чтобы бѣжать, совершивъ преступленіе. Случайность

помѣшала имъ исполнить свой замыселъ. Они были задержаны и казнены, передъ смертью они сознались, что кромѣ нихъ, Годуновымъ было подослано еще нѣсколько человѣкъ, чтобы избавить его отъ опаснаго противника.

В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу¹⁾.

(1806—1826).

18.

18-го августа 1813 г. Село Остафьево.

Здравствуйте, любезный мой Александръ Ивановичъ! Негодованіе мое происходитъ единственно отъ истинной дружбы къ вамъ, слѣдственно, нѣтъ нужды въ изъясненіяхъ etc. Я доволенъ, видя, что мой пріятель имѣетъ совѣсть. Будьте, по крайней мѣрѣ, впередъ здоровы. Вы заплатили дань земной человѣческой природѣ. Не полагайтесь излишне на крѣпость вашего сложенія. Слабые живутъ иногда долѣе, потому что берегутся.

Искренно сожалѣю о преждевременной кончинѣ достойнаго Лерберга. Географическія его работы должны быть интересны. Мнѣ довѣряю его княжескія генеалогіи, если онъ не зналъ Кіевской и Волынской лѣтописи. Надѣюсь, что ученый Кругъ не полѣнится исполнить дружескаго завѣщанія¹⁾.

Вы сдѣлаете мнѣ удовольствіе сообщеніемъ любопытнѣйшихъ новостей въ историческихъ произведеніяхъ. Я желалъ бы прочесть Мюллера о «Всемирной исторіи» и Гереново «Введеніе», которое вамъ полюбилось. Нельзя ли какъ-нибудь выручить «Льва Діакона» и мнѣ доставить, хотя на самое короткое время? Надѣюсь на благосклонность А. Н. Оленина²⁾.

Богъ знаетъ, скоро ли буду въ Петербургъ, куда готовлюсь ѣхать

¹⁾ См. «Русскую Старину», январь 1899 г.

для того, чтобы издать свою «Исторію». Последняя горестъ наша ³⁾ сильно жала мое сердце и прокладила къ свѣту, слѣдственно и къ «Исторіи».

Оставляю авторское кокетство и желаю скорѣе расплатиться съ публикою, а тамъ—будетъ, что будетъ. Хотя живу въ подмосковной, однакожь часто вижу съ Иваномъ Ивановичемъ ⁴⁾ и теперь собираюсь ѣхать къ нему. Почти жалѣю, что онъ не могъ дожидаться меня въ Петербургѣ: я скорѣе пріѣхалъ бы къ вамъ, а теперь мнѣ труднѣе оставить Москву. Ждемъ вѣстей изъ арміи. Дай Богъ хорошей развязки и скорой! Простите, любезнѣйшій пріятель! Катерина Андреевна вамъ дружески кланяется. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Искренно преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1856 г., кн. I, № 1, стр. 95—96.

¹⁾ Кругъ, отложивъ собственныя работы года на два, занялся приведеніемъ въ порядокъ и изданіемъ превосходныхъ сочиненій своего друга-соперника. Я могъ бы еще много подобнаго высказать о Кругѣ, но онъ еще живъ. А. Т.

Сочиненія Лерберга вышли подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands“. St.-Petersbourg. 1816. Въ 1819 г. они появились на русскомъ языкѣ въ переводѣ Д. И. Языкова.

²⁾ А. Н. Оленинъ получилъ тогда для Императорской бібліотеки „Льва Діакона“, но пользовался имъ для изображенія древнихъ русскихъ великокняжескихъ костюмовъ. А. Т.

Оленинъ съ 1808 г. былъ помощникомъ директора Публичной бібліотеки, а съ 1811 г. ея директоромъ.

³⁾ Потеря дочери.

⁴⁾ Дмитріевымъ. А. Т.

19.

2-го ноября 1813 г. Москва.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Въ надеждѣ на вашу пріязнь, прошу сдѣлать мнѣ одолженіе. Прилагаю записку, изъ которой увидите, что начальникъ Нижегородской губерніи въ прошломъ юлѣ представилъ о награжденіи совѣтника Аверкіева ¹⁾ Владимірскимъ крестомъ. Попросите, кого надобно, чтобы это представленіе имѣло дѣйствіе. Прошу васъ о томъ убѣдительно: право есть, и человекъ достоинъ награды. Буду ждать отвѣта. Мы, наконецъ, совсѣмъ перѣехали въ жалкую и безобразную Москву, гдѣ все теперь неудобно и дорого. Судь Божественный свершился, и Германія должна быть свободною.

Пока простите! Мысленно васъ обнимаю. Будьте здоровы и любите преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 96—97.

*) Иванъ Алексѣевичъ Аверкіевъ былъ совѣтникомъ нижегородскаго губернскаго правленія. О немъ упоминается также въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву.

20.

12-го генваря 1814 г. Москва.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ одолжить преданнаго ему Карамзина, если возьметъ на себя трудъ замолвить слово за дѣвицу Мольеръ, хотя она не родня бессмертному сочинителю «Мизантропа» etc. Вотъ записка. Обнимаю и оставляю васъ, чтобы встрѣтить Ивана Ивановича, который только что пріѣхалъ изъ Сызрани. Будьте здоровы и любите меня!

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 97.

21.

15-го іюня 1814 г. Остафьево.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за ваше дружеское письмо, которое дало мнѣ почувствовать, что я еще имѣю изрядную мѣру самолюбія. Такъ и быть! По крайней мѣрѣ не хочу притворяться смиреннымъ и нечувствительнымъ къ одобренію такихъ людей, какъ вы. Вы имѣете право сдѣлать все, что вамъ угодно съ моими стихами: напрасно испрашивали моего согласія *).

Итакъ, мы можемъ общать себѣ времена спокойныя. Всякій день радуюсь и благодарю небо. Вы меня гораздо моложе, слѣдственно вамъ должно быть еще веселѣе моего.

Оканчиваю Василя Ивановича и мысленно уже смотрю на Грознаго: какой славный характеръ для исторической живописи! Жаль, если выдамъ «Исторію» безъ сего любопытнаго царствованія. Тогда она будетъ какъ павлинъ безъ хвоста. Живемъ въ подмосковной, вамъ извѣстной, гдѣ лечусь отъ своей лихорадки. Беременность Катерины Андреевны заставила меня отложить на нѣсколько времени свиданіе съ вами, петербургскими друзьями.

Пожалуйте, скажите мою искреннюю благодарность С. С. Уварову за его любопытную книжку, прочитанную мною съ истиннымъ удовольствіемъ †). Я замѣтилъ для себя карандашомъ нѣкоторыя очень хорошія мѣста. Желаю, чтобы онъ писалъ. Простите, любезный! Не забывайте ни меня, ни Аверкіева. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 97—98.

*) Карамзинъ доставилъ мнѣ рукопись стиховъ своихъ на избавленіе

Москвы отъ французовъ. Я просилъ позволенія напечатать ихъ и напечаталъ. А. Т.

Стихотвореніе Карамзина „Освобожденіе Европы и слава Александра I“ было напечатано въ 75-й части „Вѣстника Европы“ за 1814 годъ. Въ томъ же году оно вышло отдѣльнымъ изданіемъ, съ предисловіемъ автора, въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

*) „Mystères d'Eleusis“. А. Т.

Это сочиненіе было напечатано въ Петербургѣ еще въ 1812 году. Не послалъ ли тогда Уваровъ другое свое сочиненіе: „L'empereur Alexandre et Buonaparte“, напечатанное въ Петербургѣ же въ 1814 году?

22.

27-го іюня 1814 г. Москва.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Я замедлил отвѣчать вамъ на дружеское письмо и теперь скажу только слова два, потому что у насъ больна дочь ¹⁾, нездоровъ князь Петръ, а сынъ его въ опасности ²⁾: судите, спокойно ли у меня сердце и воображеніе? Мы перешли въ городъ, и Богъ знаетъ, когда и какъ возвратимся въ деревню.

Изъ Германіи получилъ я не грамоту въ списокѣ, а «Дреера», въ которомъ она напечатана отъ слова до слова и, безъ сомнѣнія, вѣрно. Все существенное выбралъ я изъ нея и внесъ въ «Исторію», а грамоту латинскую—въ примѣчанія ³⁾. Съ удовольствіемъ сообщу вамъ нѣкоторыя замѣчанія на грамоты Булгаковскія, какъ скоро буду въ состояніи заниматься своимъ обыкновеннымъ дѣломъ. Хвалю ваше намѣреніе издать ихъ: это полезно и нужно ⁴⁾. Обнимаю васъ, дружески кланяюсь Блудову-Риваролю и Батюшкову-Цариз. Вашъ Н. Карамзинъ.

Жена моя вамъ усердно кланяется.

Напечатано въ „Москвитини“ 1835 г., кн. I, № 1, стр. 97.

¹⁾ Тоже Наталья, названная такъ въ память умершей. Она родилась въ маѣ 1812 г., умерла въ ноябрѣ 1815 г.

²⁾ Андрей, сынъ князя П. А. Вяземскаго, родился въ 1812 г., умеръ въ 1814 г.

³⁾ Въ Любекскомъ архивѣ находился списокъ договора голландцевъ и нѣмцевъ съ Новгородомъ, напечатанный Дрееромъ въ книгѣ его „Specimen juris publici Lubecensis“. Впослѣдствіи, читая новый списокъ этого договора, присланный графу Н. П. Румянцову, Карамзинъ убѣдился, что Дрееровскій списокъ былъ не полонъ и отличался грубыми ошибками (примѣчанія къ VII-й главѣ III-го тома „Исторіи“, изд. Эйнерлинга, стр. 96).

⁴⁾ Все сіе относится до намѣренія моего издать собраніе Ватиканскихъ рукописей о Россіи и Польшѣ, полученное мною отъ Я. И. Булгакова. Оно находилось у Карамзина едва ли не до самой кончины его, а нынѣ обогатилось новыми списками съ древнихъ документовъ о Россіи, приобретенными мною въ Римѣ. Постараюсь исполнить священную для меня волю. А. Т.

Въ 1841—1842 гг. появилось въ Петербургѣ двухтомное изданіе „Monumenta Historica Russiae, ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgeniev“

23.

21-го сентября 1814 г. Москва.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Посылаю вамъ нѣсколько замѣчаній на грамоты, усердно желая, чтобы вы скорѣ издали Булгаковское сокровище. Умные люди скажутъ вамъ спасибо.

Болѣзни и безпокойства вогнали насъ прежде времени въ городъ. Теперь жду разрѣшенія жены моей и бесѣдую съ Иваномъ Ивановичемъ. Если Богъ дастъ, то послѣ завтра начну царя Иоанна. А кончу ли? Обнимаю васъ мысленно. Не забывайте меня и Аверкиева!

Поклонъ съ добрымъ словомъ С. С. Уварову, Блудову, Батюшкову, котораго благодарю за сочиненіе о М. Н. Муравьевѣ ¹⁾. Будьте здоровы и любите преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 98.

¹⁾ Письмо къ И. М. Муравьеву-Апостолу о сочиненіяхъ г. Муравьева, изданныхъ по его кончинѣ. Москва, 1810, напечатанное въ „Смѣлѣ Отечества“ 1814 г., ч. XVI, № 35.

24.

21-го генваря 1815 г. Москва.

Желаю вамъ добраго здоровья, почтенный и любезный Александръ Ивановичъ! Слѣдуя старой привычкѣ, убѣдительно прошу васъ сдѣлать доброе дѣло по приложенной запискѣ, то-есть, одолжить меня вашимъ ходатайствомъ за моего добраго хозяина Семена Анисѣевича Селивановскаго ¹⁾. Низко вамъ кланяюсь.

Мы часто говоримъ о васъ, особливо теперь: поэтъ Жуковский въ Москвѣ. Можетъ быть въ теченіе зимы увижусь съ вами.

Между тѣмъ пишу о царѣ Иванѣ и вѣнчаю его Мономаховымъ вѣнцомъ.—Обнимаю васъ и любезнаго Д. В. Дашкова. Усердно также кланяюсь С. С. Уварову, Блудову, Батюшкову. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 99.

¹⁾ Извѣстный московскій типографчикъ, род. въ 1772 г., ум. въ 1835. Карамзинъ впоследствии находился съ нимъ въ перепискѣ. Письма къ нему Карамзина напечатаны въ „Библиографическихъ Запискахъ“ 1858 г.

25.

9-го сентября 1815 г. Село Остафьево.

Съ величайшимъ удовольствіемъ, любезный Александръ Ивановичъ, исполню ваше пріятное порученіе и доставлю вамъ портретъ незабвен-

наго Ивана Петровича ¹⁾), какъ скоро получу его. Письмо къ Н. И. Новикову отправлено. Надѣюсь, что онъ еще живъ.

Желалъ бы я взглянуть на «Венгерскую исторію» Феслера, удивляясь, какъ онъ могъ писать ее въ Саратовской губерніи ²⁾).

Честь и хвала нашему канцлеру! ³⁾ У него благородный вкусъ, достойный истиннаго вельможи.

Утвердите нашего поэта Жуковского въ Петербургѣ, съ условіемъ, чтобы разсѣяніе не мѣшало ему писать «Владимира» ⁴⁾. Клянюсь ему дружески.

Думаю, какъ и прежде, издать написанное мною, когда государь возвратится, для чего мнѣ надобно будетъ съѣздить въ Петербургъ. Управляюсь мало-по-малу съ царемъ Иваномъ. Казань уже взята, Астрахань наша, Густавъ Ваза побитъ, и орденъ Меченосцевъ издается, но еще остается много дѣла, и тяжелаго: надобно говорить о злодѣйствахъ, почти неслыханныхъ. Калигула и Неронъ были младенцы въ сравненіи съ Иваномъ.

Здоровъ ли почтенный Кругъ? Занимается ли исторіей? Желая скорѣе видѣться съ нимъ, равно какъ и съ вами, если Богъ дастъ. Думаемъ прожить въ деревнѣ до ноября. Въ декабрѣ Екатерина Андреевна должна родить. Она вамъ усердно кланяется. Напомните обо мнѣ любезному С. С. Уварову. Что онъ дѣлаетъ? Обнимаю васъ. Помышляете ли объ издаваніи Булгаковскихъ грамотъ? Будьте здоровы, благополучны и любите преданнаго вамъ Н. Карамзина.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 99—100.

¹⁾ Тургенева.

²⁾ Суперъ-интендентъ Феслеръ, восьмидесяти-лѣтній старикъ, написалъ въ степяхъ Саратовской губерніи „Исторію Венгріи“, изданную въ Лейпцигѣ въ 8-ми и въ 10-ти томахъ. Я доставилъ ее Карамзину, который въ слѣдующемъ письмѣ произнесъ судъ о ней. А. Т.

³⁾ Графу Николаю Петровичу Руминцову.

⁴⁾ Жуковский собирался тогда писать поэму „Владимиръ“. А. Т.

26.

20-го октября 1815 г. Село Остафьево.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за дружеское письмо и за Феслерову «Венгерскую исторію», которую еще читаю и возвращаю вамъ изъ Москвы. Теперь живемъ въ деревнѣ по-неволю: меньшая дочь въ скарлатинѣ, и если другія дѣти также занемогутъ этою болѣзнью, то можемъ еще долго остаться здѣсь. Надѣемся на милость Божію.

Феслеръ пишетъ складно, умно, но только выписываетъ изъ другихъ безъ разбора, безъ критики; напрямѣръ, повторилъ всѣ ошибки Энгеля; отъ недоразумѣнія впалъ въ новыя; не имѣетъ источниковъ передъ глазами; внесъ свой мистицизмъ въ исторію и неприятно подражаетъ Іоанну Мюллеру въ описаніяхъ. Это компиляція, а не твореніе; нѣтъ единства, характера, души. Вотъ мое мнѣніе, сказанное только для васъ.

Не знаю, о какихъ стихахъ къ портрету Ивана Ивановича говорилъ вамъ нашъ любезный Жуковский. Лѣтъ за пять передъ симъ написалъ я слѣдующіе (сколько помню):

Министръ, поэтъ и другъ: я все тремя словами
Объ немъ для похвалы и зависти сказалъ.
Прибавлю, что чиновъ и риетъ онъ не искалъ,
Но риемы и чины къ нему легли сами.

Теперь онъ уже не министръ. Развѣ скажемъ:

Онъ съ честью былъ министръ, со славою поэтъ;
Теперь для дружества и счастья живетъ ¹⁾.

Эпиграммы сыплются на князя Шаховского; даже и московскіе пріятели нашихъ пріятелей острятъ на него перья; Василій Пушкинъ только что не въ конвульсіяхъ. Въ здѣшнемъ свѣтѣ все воюетъ: и Наполеоны, и Шаховскіе. У насъ, какъ и вездѣ, любятъ брань. Пусть Жуковский отвѣчаетъ только новыми прекрасными стихами: Шаховской за нимъ не угонится ²⁾. Желалъ бы я видѣть «Славянку» ³⁾, особенно, если она напечатана. Князь Петръ ⁴⁾ ждетъ отъ васъ «Ограды», которую вы обѣщали доставить ему. Что нашелъ Кругъ въ «Гардуиѣ» ⁵⁾ для російской исторіи? Въ описаніи соборовъ, что ли? На силу досталъ я «Oriental Geography» ⁶⁾ и перемѣнилъ нѣсколько строкъ въ первомъ томѣ моей «Исторіи». Живъ или умеръ Чацкій? Я уже не буду говорить ни вамъ, ни Уварову о «Львѣ Діаконѣ»: вы оба столько разъ обѣщали его мнѣ. А. Ѳ. Малиновскій купилъ за 160 рублей харатейное «Слово о полку Игоревѣ» ⁷⁾. Жаль только, что списокъ не исправенъ и не поясняетъ печатнаго. Очень буду благодаренъ, если пришлете мнѣ мелкія сочиненія І. Мюллера: люблю его умъ и талантъ. Простите, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ. Катерина Андреевна вамъ дружески кланяется. Она уже болѣе недѣли сидитъ надъ больною Наташей, несмотря на свою беременность. Обнимаю васъ отъ души. Преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 100—101.

¹⁾ Объ эти надписи къ портрету И. И. Дмитріева напечатаны въ первомъ томѣ Смирдинскаго изданія сочиненій Карамзина.

²⁾ Князь Александръ Александровичъ Шаховской (род. въ 1777 г., ум. въ

1846 г.), известный драматургъ и членъ Бесѣды любителей русскаго слова, въ новой своей комедіи „Липецкія воды“ осмѣялъ Жуковскаго, какъ нѣкогда осмѣялъ и Карамзина въ „Новомъ Стернѣ“ (1807 г.). Комедія Шаховскаго, представленная 23-го сентября 1815 г., вызвала бурю негодованія среди того кружка, къ которому принадлежалъ Жуковскій. На Шаховскаго посыпался градъ ѣдкихъ эпиграммъ, и было написано много полемическихъ статей. Въ этой „страшной войнѣ на Парнассѣ“ главными защитниками Жуковскаго были Д. В. Дашковъ, князь П. А. Вяземскій, В. Л. Пушкинъ и Д. Н. Блудовъ, написавшій упоминаемую ниже „Ограду“, то-есть, „Видѣніе въ какой-то оградѣ, данное обществомъ ученыхъ людей“—сатиру, послужившую поводомъ къ основанію Араамасскаго литературнаго общества. Самъ Жуковскій во всей этой распрѣ не принималъ никакого участія. „Около меня дерутся за меня, а я молчу“, писалъ онъ къ своимъ роднымъ: „да лучше было бы, когда бы и всѣ молчали. Городъ раздѣлился на двѣ партіи, и французскія волненія забыты при шумѣ парнасской бури. Всѣ эти глупости еще болѣе привязываютъ къ поэзіи, святой поэзіи, которая не зависима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собою“ („Русскій Архивъ“ 1864 г., стр. 459—460).

³⁾ „Славянка“ была впервые напечатана въ „Стихотвореніяхъ“ Жуковскаго, издаваемыхъ въ 1815—1816 гг.

⁴⁾ Князь Петръ—Вяземскій.

⁵⁾ Собраніе актовъ вселенскихъ соборовъ Гардунна. Оно перешло, съ моею бібліотекой, въ Московскій императорскій университетъ. А. Т.

Трудъ французскаго іезуита Іоанна Гардунна (род. 1646 г., ум. въ 1729 г.), носить слѣдующее заглавіе: „Acta consiliorum et epistolae decretales ac constitutiones summorum Pontificum“, 12 vol. Paris. 1715.

⁶⁾ „Oriental Geography of Ebn-Haukal, an Arabian Traveller of the tenth century, translated by W. Ouseley“. London. 1800.

⁷⁾ О Чацкомъ см. въ примѣчаніяхъ къ 7-му письму.

⁸⁾ Смотри о подлогѣ этого списка въ слѣдующемъ письмѣ. А. Т.

Алексѣй Ѳеодоровичъ Малиновскій (род. въ 1762 г. ум. въ 1840) былъ директоромъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и членомъ Общества исторіи и древностей.

27.

17-го ноября 1815 г. Остафьево.

Любезнѣйшій Александръ Ивачовичъ! Десять дней тому, какъ мы погребли милую нашу дочь Наташу, а другія дѣти въ той же болѣзни, въ скарлатинѣ. Не скажу ничего болѣе. Вы и добрый Жуковскій объ насъ пожалѣете. Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать цѣну и знаки вашей дружбы. Только не легко говорить. Отвѣчаю на главное, на ваше omnis poëtiog. Жить есть не писать исторію, не писать трагедіи или комедіи, а какъ можно лучше мыслить, чувствовать и дѣйствовать, любить добро, возвышаться душою къ его источнику, все другое, любезный мой приятель, есть шелуха: не исключаяю и моихъ осьми или девяти томовъ. Чѣмъ далѣе мы живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни

и совершенство ея. Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юмъ ¹⁾ въ минуту невольнаго живого чувства написалъ: «*Douce paix de l'âme resignée aux ordres de la Providence!*» Даже Спиноза ²⁾ говорить о необходимости какой-то неясной любви къ Вышнему для нашего благоденствія. Мало розницы между мелочными и такъ называемыми важными занятіями: одно внутреннее побужденіе и чувство важно. Дѣлайте, что и какъ можете, только любите добро, а что есть добро—спрашивайте у совѣсти. Быть статсъ-секретаремъ, министромъ или авторомъ, ученымъ—все одно ³⁾. Обнимаю васъ въ заключеніе.

Пока живу и движусь, присылайте мнѣ относящееся къ русской исторіи: Византійцевъ, Лерберга, Круга. Прошу васъ изъявить мою душевную признательность г. Аделунгу: умѣю цѣнить достоинство труда его ⁴⁾. Вы упомянули о скептикѣ Калайдовичѣ ⁵⁾. Знаете ли, что онъ сошелъ съ ума? А умъ его, *tel quel*, былъ лучше его характера. Когда Богъ дозволить мнѣ возвратиться въ Москву, посмотрю на купленное Алексѣемъ Федоровичемъ ⁶⁾ «Слово о полку Игоревѣ»: это любопытный подлогъ. Простите! Еще разъ обнимаю васъ съ искренностію дружбы. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Получили ли вы отъ меня обратно нѣсколько Ватиканскихъ грамотъ, съ нѣкоторыми легкими замѣчаніями? Могу доставить вамъ и еще что-нибудь.

Напечатано въ „Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ“ на 1847 г., стр. 389—390 и въ „Москвитиниѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 101—102, безъ даты.

¹⁾ Давидъ Юмъ (род. въ 1711 г., ум. въ 1776)—знаменитый англійскій историкъ и философъ.

²⁾ Бенедиктъ Спиноза (род. въ 1632 г., ум. въ 1677)—великій мыслитель, создавшій особую философскую систему.

³⁾ Это, очевидно, сказано не въ духъ самолюбія. А. Т.

⁴⁾ Федоръ Павловичъ Аделунгъ (род. въ 1768 г., ум. въ 1843)—извѣстный историкъ, археологъ и библиографъ.

⁵⁾ Константинъ Федоровичъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1832), археологъ и филологъ.

⁶⁾ Малиновскимъ. А. Т.

28.

30-го марта 1816 г. Москва.

Здравствуйте, мой любезный другъ Арзамасецъ! ¹⁾ Обнимаю васъ съ чувствомъ нѣжности и признательности за все доброе, чѣмъ вы преисполнили мою душу въ теченіе моей петербургской пятидесяти-лицы ²⁾. Кажется, что люблю васъ еще болѣе, нежели прежде. Я до-вѣхалъ благополучно: нашелъ только Андриюшу ³⁾ нездороваго; впро-

чемъ, надѣюсь на милость Божию. Будемъ ждать мая и васъ въ Москву. Что-то слышно о Царскомъ Селѣ? Я еще никуда не выѣзжалъ и не принимался за работу; однако-жъ бумаги и книги уже разложены.

Всѣмъ нашимъ друзьямъ дружескій поклонъ и арзамасское рукожатіе: С. С. Уварову, Д. Н. Блудову. Пусть они любятъ меня столько, сколько ихъ люблю; болѣе не потребую. При случаѣ скажите князю Александру Николаевичу ⁴⁾, что я душевно почитаю его. Простите, любезнѣйшій! На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Притиска Е. А. Карамзиной.

Первую минуту, которою могу располагать, спѣшу употребить. милостивый государь мой Александръ Ивановичъ, въ изъявленіе моей искренней благодарности за ваши строки, столь живо доказывающія вашу дружбу къ Николаю Михайловичу. Ваши собственные качества, которыя заставляютъ любить васъ всѣхъ, кто васъ знаетъ, еще вдвое украшаются для меня вашимъ чувствомъ къ мужу моему, чувствомъ, котораго никто не можетъ цѣнить выше преданной вамъ на вѣки К. Карамзиной.

P.S. Возьмите на себя трудъ поклониться дружески любезному Василію Андреевичу ⁵⁾.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 102—103.

¹⁾ Со-временемъ, можетъ быть, издадутся въ свѣтъ протоколы и рѣчи членовъ Арзамасскаго литературнаго общества безвѣстныхъ людей. Изъ нихъ узнаютъ въ новыхъ формахъ талантъ и геній Свѣтланы—Жуковского, экс-секретаря сего Общества. Акты сіи принадлежатъ исторіи нашей словесности XIX вѣка и могутъ служить матеріаломъ для біографій и не однихъ писателей. А. Т.

²⁾ Такъ называетъ Карамзинъ свое пятидесятидневное пребываніе въ Петербургѣ. А. Т.

Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ 2-го февраля.

³⁾ А. Н. Карамзинъ, впоследствии полковникъ гвардейской артиллеріи, родился 24-го октября 1814 г., убитъ въ Валахін 23-го мая 1854 г.

⁴⁾ Голицыну, подъ начальствомъ котораго служилъ А. И. Тургеневъ.

⁵⁾ Жуковскому.

29.

13-го апрѣля 1816 г. Москва.

Любезнѣйшій мой Александръ Ивановичъ! Дружеское письмо ваше отъ 3-го апрѣля тронуло меня до глубины сердца. Давно знаю, что вы меня любите; но когда это чувствую, тогда въ сердцѣ моемъ дѣлается какое-то особенное движеніе. Мы, два сибиряка, платимъ и даемъ въ займы другъ другу; разбчитаемся вѣрно, въ день послѣдней

земной разлуки. Однако жь могу поспѣяться надъ вами: надъ вашею въ меня вѣрою. Она не обманетъ васъ только въ одномъ смыслѣ: вѣрете моей искренности и дружбѣ, остальное не важно. Я не мистикъ и не адептъ; хочу быть самымъ простымъ человѣкомъ; хочу любить, какъ можно болѣе, не мечтаю даже и о возрожденіи нравственномъ въ тѣлѣ. Будемъ въ среду немного получить того, какъ мы были во вторникѣ, и довольно для насъ, лѣнливыхъ. Жуковский есть истинный нашъ братъ. Съ такими людьми хорошо жить и умереть! Да здравствуетъ Арзамасъ!

Я видѣлъ вашу матушку ¹⁾ и поѣду къ ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить объ васъ. Очень желаю свѣдать что-нибудь навѣрное о Царскомъ Селѣ; мнѣ хотѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не въ Петербургъ, гдѣ у меня нѣтъ пристанища. Вамъ все поручаю. Можете напомнить и доброму, обязательному князю ²⁾. Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это мирная гавань. Не говорю о людяхъ, говорю только о своемъ спокойствіи. Да будетъ, что угодно Всевышнему! Съ любовію цѣлую ручку у Софьи Петровны ³⁾. Сказалъ бы: «Для чего я узналъ ее, когда она хочетъ уѣхать изъ Петербурга?» Но хорошо и въ отдаленіи знать добрыхъ. Простите! Катерина Андреевна дружески вамъ кланяется. Обнимаю васъ крѣпко. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Московскомъ литературномъ и ученомъ сборникѣ“ на 1847 г., стр. 390—391 и въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 103—104.

¹⁾ Екатерина Семеновна, рожд. Качалова. Она умерла въ ноябрѣ 1824 г.

²⁾ Александръ Николаевичъ Голицынъ. А. Г.

³⁾ Свѣчиной, рожд. Соимоновой (род. въ 1782 г., ум. въ 1859). Въ 1816 г. она, принявъ католичество, переселилась въ Парижъ, гдѣ и умерла. Она пользовалась большимъ уваженіемъ среди русскаго образованнаго общества. Съ Тургеневымъ Свѣчина находилась въ большой дружбѣ.

30.

20-го апрѣля 1816 г. Москва.

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Сердечное спасибо за употребленное вами стараніе о принятіи моего племянника и Дорохова въ корпусъ ¹⁾.

Какъ любезенъ, обязательенъ вашъ умный, добрый князь! ²⁾ При случаѣ скажите ему, что я исполненъ къ нему благодарности. Ваше: «Не надѣйтесь на графы» и прочее остается для меня загадкою. Желаю, однако жь, чтобы графъ Литта ³⁾ не принадлежалъ къ этому числу, и чтобы онъ какъ можно скорѣе исполнилъ государево повелѣніе и отвелъ мнѣ домъ въ Царскомъ Селѣ, куда бы я могъ прямо отсюда ѣхать. Май наступаеть, а мнѣ нельзя будетъ тронуться съ мѣста, если не

получу отъ васъ извѣстія о домѣ. Нѣтъ нужды просить васъ, моего юнаго друга, потому что вы сами все для меня дѣлаете такъ ревностно, такъ мило. Жду и буду ждать.

Между тѣмъ я нездоровъ и похудѣлъ въ Москвѣ, какъ церковная мышъ. Спѣшите вывезти меня отсюда поскорѣе: иначе могу умереть до изданія моей «Исторіи». Безъ шутки, не хорошо себя чувствую, но люблю. Сверхъ жены и дѣтей, люблю и васъ, моихъ душевныхъ пріятелей, очень живо. Не забывайте дружески кланяться отъ меня С. С. Уварову, Д. Н. Блудову и Сѣверину ⁴⁾, котораго прошу напомнить обо мнѣ умному графу Капо д'Истріа (я все еще держусь графовъ). На сихъ дняхъ я былъ у вашей матушки. Разумѣется, что мы много объ васъ говорили, такъ же, какъ и дома говорю объ васъ не рѣдко. Простите, любезнѣйшій! Катерина Андреевна увѣряетъ въ дружбѣ. На вѣки вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., кн. I, № I, стр. 105.

¹⁾ Николай Ѳедоровичъ Карамзинъ (род. въ 1803 г., ум. въ 1870 г.), сынъ Ѳедора Михайловича Карамзина, въ 1822 г. былъ выпущенъ изъ Пажескаго корпуса въ Екатеринбургскій гренадерскій полкъ прапорщикомъ. Впослѣдствіи перешелъ въ гражданскую службу.—Руфимъ Дороховъ, выпущенный изъ корпуса въ 1819 г. въ Учебный карабинерный полкъ прапорщикомъ, въ слѣдующемъ году былъ за буйство разжалованъ въ солдаты (графъ Г. А. Милорадовичъ. „Матеріалы для исторіи Пажескаго корпуса“. Кіевъ. 1876, стр. 161—165).

²⁾ А. Н. Голицынъ.

³⁾ Графъ Юлій Помпеевичъ Литта (род. въ 1763 г., ум. въ 1839) былъ въ это время оберъ-гофмейстеромъ и членомъ Государственнаго совѣта.

⁴⁾ Дмитрій Петровичъ Сѣверинъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1865) служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которымъ управлялъ графъ Капо д'Истріа. Сѣверинъ былъ воспитанникомъ И. И. Дмитріева.

31.

8-го мая 1816 г. Москва.

Сейчасъ получалъ ваше дружеское письмо отъ 2-го мая, любезнѣйшій мой Александръ Ивановичъ! Какъ добръ вашъ почтенный князь, думая о томъ, чтобы намъ было не худо въ Царскомъ Селѣ! Домъ, кажется, дѣйствительно очень тѣсенъ для человека съ семействомъ и съ маленькими дѣтьми. Поручаю вамъ судьбу моего тамошняго жителя-бытья. Устройте, какъ лучше. Между тѣмъ, послѣ завтра отпускаю лошадей и людей въ Царское Село, а сами надѣмся выѣхать около 15-го числа, чтобы пріѣхать туда къ 20-му мая. Поцѣлуйте за меня руку у доброй и милой Катерины Ѳедоровны ¹⁾. Можемъ ли мы, въ надеждѣ на ея милость, переночевать у нея въ Петербургѣ, куда мнѣ надобно будетъ съѣздить на сутки, тотчасъ по пріѣздѣ въ Царское

Село? Надѣюсь увидѣться съ вами скорѣе въ Петербургѣ, нежели въ Москвѣ: время уже коротко. Обнимаю васъ отъ души. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 105.

‘) Муравьевой, рожд. баронессы Колокольцовой (род. въ 1771 г., ум. въ 1848), вдовы Михаила Никитича Муравьева, покровителя Карамзина.

32.

24-го мая ввечеру [1816 г. Царское Село].

Здравствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Мы въ Царскомъ Селѣ. Въ Петербургѣ ли вы?—Думаю или надѣюсь. Можете ли заглянуть къ намъ, или мнѣ ѣхать къ вамъ? Между тѣмъ дружески прошу васъ сказать князю Александру Николаевичу ‘) выразительное слово о моей искреннѣйшей благодарности: мы очень довольны пріятнымъ домкомъ. Не можете ли онъ, будучи столь благосклоннымъ ко мнѣ, доложить государю, что я, по его высочайшей милости сдѣлавшись теперь жителемъ Царскаго Села, ожидаю, когда мнѣ позволено будетъ видѣть моего монарха и благотворителя? Обнимаю васъ отъ души и сердца. Напишите строчку въ отвѣтъ.

Не замедлю быть въ Петербургѣ. До свиданія! Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 188.

‘) Голицыну.

33.

20-го іюня [1816 г. Царское Село].

Здравствуйте и благодарствуйте, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Видно, что и по отъѣздѣ князя Лопухина совѣтъ упорствуетъ въ сильной дѣятельности ‘), потому что вы къ намъ не ѣдете; а любезный Сѣверинъ не пишетъ ли конституціи для какаго-нибудь африканскаго государства? Между тѣмъ, табуку, табуку! и въ нюренбергской лавкѣ. Не худо взять на пробу самую маленькую жестянку.

Что «Райнальдъ» ‘), XVI вѣкъ? Да вельзя ли напомнить Карлу Ивановичу Литке ‘), что я отъ его благосклонности жду извѣстія о выдачѣ послѣднихъ 25000 рублей. На сей разъ довольно порученій! Обнимаю васъ тѣлесно и душевно. Вашъ съ головы до ногъ Н. Карамзинъ.

‘) Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ (род. въ 1753 г., ум. въ 1827), былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, а Тургеневъ съ марта 1816 г. по 29-е августа 1818 исправлялъ должность статсъ-секретаря департамента законовъ.

2) „Annales ecclesiastici ab anno 1198“. Lucae 1747—1756. 1°. 15 томовъ.

3) Литке служилъ членомъ въ Кабинетѣ его величества.

34.

8-го іюля [1816 г., Царское Село].

Очень благодарю васъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, за исполненіе моихъ порученій, за табакъ и даже за «Райнальда», хотя и не имѣю въ немъ нужды. Возвращу книгу при первомъ случаѣ съ убѣдительною просьбой о XVI вѣкѣ.

Пожалуйте, скажите Д. А. Кавелину, что я жду письма изъ Москвы отъ содержателя типографіи Селивановскаго, которое рѣшить меня печатать «Исторію» здѣсь или тамъ. Самъ буду у Дмитрія Александровича ¹⁾.

Я не совсѣмъ здоровъ, хотя вчера цѣлый день былъ въ императорскомъ свѣтѣ, то-есть, отъ трехъ до девяти часовъ.

Увидимъ ли васъ еще въ Царскомъ дружескомъ Селѣ? Простите, любезный, до свиданія! Вашъ Н. Карамзинъ.

¹⁾ Д. А. Кавелинъ былъ директоромъ Медицинскаго департамента, при которомъ находилась и типографія, одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ.

35.

10-го іюля [1816 г. Царское Село].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Думаете ли вы ѣхать къ 22-му іюля въ Петергофъ? Нельзя ли вмѣстѣ? Нельзя ли имѣть намъ комнаты двѣ въ одномъ изъ кавалерскихъ домовъ или въ какомъ другомъ изъ казенныхъ? Мнѣ сказывали, что это зависитъ отъ князя Александра Николаевича ¹⁾. Увѣдомьте.

«Райнальдъ» отправленъ къ вамъ съ С. С. Уваровымъ. Буду ждать XVI-го вѣка. Между тѣмъ, надѣюсь увидѣться съ вами и между тѣмъ обнимаю васъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Въ Петергофъ поѣду съ Катериною Андреевной.

¹⁾ Голицына.

36.

[17-го іюля 1816 г. Царское Село].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Сію минуту получаю вашу записку, а Энгельгардта ¹⁾ уже нѣтъ въ Царскомъ Селѣ: онъ въ Петер-

бургѣ: пишу черезъ графа Ожаровскаго ²⁾). Все, что у насъ будетъ въ Петергофѣ, раздѣлимъ съ вами и съ Никитой Михайловичемъ Муравьевымъ ³⁾; а отъ князя П. М. Волконскаго ⁴⁾ еще ничего не имѣю. Развѣ уже не увидимъ васъ въ Царскомъ Селѣ до 22-го іюля? Мы были нынѣшній день въ пріятномъ ожиданіи.

Обнимаю васъ и пришлю адресъ, какъ скоро получу его. Думаемъ ѣхать прямо отсюда рано въ пятницу, а обѣдать въ Стрѣльнѣ. Завтра еще напишу къ вамъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

Понедѣльникъ, 11 часовъ вечера.

¹⁾ Егоръ Антоновичъ (род. въ 1775 г. ум. въ 1862), директоръ Царско-сельскаго лицея съ 4-го марта 1816 г.

²⁾ Франца Петровича, царскосельскаго коменданта. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Муравьевой-Апостолъ, дочери Ивана Матвѣевича, который приходился двоюроднымъ братомъ Михаилу Никитичу Муравьеву.

³⁾ Сынъ Михаила Никитича, декабристъ.

⁴⁾ Генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій былъ тогда начальникомъ Главнаго штаба и пользовался большимъ довѣріемъ императора Александра.

37.

18-го іюля [1816 г. Царское Село].

Князь Волконскій сказалъ мнѣ, что для насъ комнаты наняты въ Петергофѣ у гофъ-фурьера Яковлева, но что онъ потерялъ записку и послалъ за новою въ городъ. Итакъ, вотъ адресъ, какой имѣю. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы, любезнѣйшій, пріѣхали къ намъ и вмѣстѣ съ нами отправились въ Петергофъ рано въ пятницу, но это въ вашей волѣ: можетъ ѣхать и прямо къ гофъ-фурьеру. Обнимаю васъ. До свиданія и до гроба вашъ Н. Карамзинъ.

38.

18-го августа 1816 г. Царское Село.

Желаю вамъ добрыхъ дней и добрыхъ ночей, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Нѣтъ объ васъ ни слуху, ни духу. Что дѣлаете и хотите дѣлать? Слѣшу до вашего отъѣзда воспользоваться еще вашею дружескою услужливостью: 1) Шторкъ ¹⁾ сказывалъ мнѣ, что у Круга была продажная веленевая бумага Крузенштернова: нѣтъ ли еще, и сколько, и какого формата? Я купилъ бы ее; 2) желаю имѣть Лейбницовы «Scriptores Brunsvicensium», томъ II ²⁾). Обнимаю васъ. Преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитяинѣ“ 1855 г., т. I, № 1, стр. 105.

¹⁾ Андрей Карловичъ (род. въ 1766 г., ум. въ 1835 г.), академикъ, извѣстный своими трудами по статистикѣ Россіи и по политической экономіи. Карамзинъ познакомился съ нимъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ.

²⁾ „Scriptores rerum Brunsvicatarum“, издаване Лейбницемъ, — рѣдкое собраніе хроникъ нѣмецкихъ, въ коихъ много о мнѳологіи славянъ, въ Германіи обитающихъ. Я доставилъ сіи четыре фоліанта Карамзину изъ моей библиотеки, вошедшей послѣ въ составъ библиотеки Императорскаго Московскаго университета. А. Т.

Этотъ трудъ знаменитаго Лейбнида былъ напечатанъ въ Ганноверѣ въ 1707—1711 гг.

39.

[Октябрь, 1816 г., Петербургъ].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Поздравляю васъ съ пріѣздомъ и прошу напомнить князю о докладѣ по моей «Исторіи», которая почти совсѣмъ не печатается. Въ запискѣ моей надобно только уничтожить одно слово, а именно, что Закревскій ¹⁾ велѣлъ остановить печатаніе, ибо они въ этомъ запряются.

¹⁾ Арсеній Андреевичъ Закревскій (род. въ 1786 г., ум. въ 1865 г.) съ 12-го декабря 1815 года состоялъ дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба. Въ вѣдѣніи Закревскаго находилась, между прочимъ, и военная типографія, въ которой печаталась „Исторія“ Карамзина.

Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву 26-го октября 1816 года: „Военные господа начальники типографіи старались дѣлать мнѣ разныя неудовольствія и въ отсутствіе государя даже останавливали было печатаніе, требуя, чтобы я отдалъ книгу свою въ цензуру. Но теперь это кончилось. Государь велѣлъ печатать безъ цензуры. Записку мою подавалъ князь А. Н. Голицынъ“. Эта записка, напечатанная въ книгѣ Погодина (т. II, стр. 171—172) съ пропусками и ошибками, помѣщена нами въ приложеніи I.

40.

10-го сентября, ввечеру [1819 г. Царское Село].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Нынѣшнее извѣстіе худо; еще подожду завтрашняго и повѣду видать умирающаго или умершаго. Катерина Андреевна хочетъ непременно ѣхать со мною. Обнимаю васъ и благодарю отъ глубины сердца. Вашъ на вѣки Н. Карамзинъ.

Въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о родномъ племянникѣ историографа, Николаѣ Фѳedorовичѣ Карамзинѣ, который воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и въ то время былъ опасно боленъ. Тургеневъ слѣдилъ за его болѣзью и почти ежедневно навѣщалъ.

41.

21-го сентября [1819 г.] Царское Село.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Ожидаю отъ вашей дружбы извѣстiя о племянникѣ: напишите строку съ подателемъ сего. Коляски наъ Анничкова дворца уже не ѣздятъ въ Павловское: итакъ, прошу васъ доставлять мнѣ вѣсти чрезъ Павла Ѳедоровича Малиновскаго ¹⁾. Донаурова всякій день посылаетъ въ Царское Село павѣдываться о здоровьи ея сына ²⁾.

Обнимаемъ васъ отъ души. На сихъ дняхъ опять побываю въ городѣ. Вашъ Н. Карамзинъ.

¹⁾ П. Ѳ. Малиновскій (ум. 9-го сентября 1832 г.), родной братъ Алексѣя Ѳедоровича, прiятеля Карамзина. былъ директоромъ Ассигнаціоннаго банка, а съ 1809 года находился въ отставкѣ. Лѣтомъ онъ проживалъ въ своемъ имѣнiи Бѣловеркѣ, находившемся между Царскимъ Селомъ и Павловскомъ. Племянница его, Анна Васильевна Малиновская, дочь перваго директора Царскосельскаго лицея, была замужемъ за декабристомъ барономъ Андреемъ Евгеньевичемъ Розеномъ, а ея родной братъ, Иванъ Васильевичъ Малиновскій, былъ товарищемъ Пушкина по лицее.

²⁾ Донаурова—вѣроятно Марiя Ѳедотовна, рожденная Веригина (род. въ 1774 г., ум. въ 1846 г.), вдова сенатора Михаила Ивановича Донаурова (род. въ 1758 г., ум. въ 1817 г.). Сыновья ихъ: Николай (род. въ 1805 г., ум. въ 1830 г.) и Иванъ (род. въ 1807 г., ум. въ 1849 г.) воспитывались въ Благородномъ пансіонѣ Царскосельскаго лицея, гдѣ и кончили курсъ: первый—въ 1822 году, а второй—въ 1824 году.

42.

[20-го марта 1820 г. Петербургъ].

Вотъ письмо къ Ивану Ивановичу. Дѣйствительно, я имѣю право на вашу любовь, любя васъ искренно и всею душой. Мужъ и жена надѣются, что вы ихъ будете помнить. Простите, любезный другъ! Обнимаю васъ, какъ немногіе и немногихъ обнимають. Дай Богъ, чтобы мы увидѣлись въ радости.

Напечатано въ „Москвитиннѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 187, безъ даты.

¹⁾ Эта записка была препровождена Тургеневу вѣсткѣ съ письмомъ къ И. И. Дмитріеву отъ 20-го марта 1820 г., въ которомъ Карамзинъ говоритъ: „Завидую любезному А. И. Тургеневу, который отдастъ тебѣ это письмо“.

43.

1-го апрѣля 1820 г. С.-Петербургъ.

Христось Воскресе, любезный, добрый другъ Карамзинныхъ! Это двусмысленно: кто нашъ другъ? Христось или Тургеневъ? Оба, если угодно.

Что съ вами было, что дѣлается? Васъ били, а теперь ласкаютъ: не правда ли? Просимъ однако жъ въ ласкахъ московскихъ не забывать и петербургскихъ.

Еще мы рукъ не опускали,
Которыми тебя, прощаясь, обнимали.

Графъ Хвостовъ.

Скорѣе прѣзжайте—или руки наши устанутъ. Мы живы, ибо къ вамъ пишемъ; здоровы, ибо такъ пишемъ. Здѣсь говорятъ, что васъ нарочно выждали изъ Петербурга для развода Константина Павловича съ Анною Федоровною ¹⁾ (увы, которой имя на вѣки умолкнетъ въ церквахъ православія!). Люди тонкіе увѣряютъ, напротивъ того, что вы сами нарочно уѣхали, дабы не участвовать въ фактѣ критическомъ. Кому вѣрить? Молчу, улыбаясь значительно, хитро, даже краснорѣчиво. Толкуютъ еще, будто вы и съ кортесами гишпанскими въ тайной связи и не безъ отношенія къ ихъ либеральному дѣлу; по скверной дорогѣ ускакали въ Москву будто бы для того именно, чтобы при громкомъ звонѣ московскихъ колоколовъ объявить всей Россіи, что вѣнецъ слетѣлъ съ головы Фердинанда VII, а остался на ней одинъ колпакъ, почти шутовской ²⁾. Однимъ словомъ, любезнѣйшій, снѣшите возвратиться для пресѣченія такихъ ужасныхъ толковъ. У насъ чай всегда на столѣ, и ваиа чашка закрыта мыслями Олѣниина узника или проосто невольника. Вы догадаетесь, что здѣсь разумѣется не Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, а извѣстная книжка, которой еще къ вамъ не посылаю ³⁾.

Обнимаю васъ фамильно; братцу ⁴⁾ кланяюсь дружески. Вашъ etc.
На оборотѣ: А. И. Тургеневу. Nonni soit qui mal у pense.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., кн. I, № 1, стр. 106.

¹⁾ Юлія-Геприетта-Ульрика, принцесса Саксенъ-Заальфельдъ-Кобургская (род. въ 1781 г., ум. въ 1860 г.), была обвинена 15-го февраля 1796 г., а разведена 20-го марта 1820 г.

²⁾ Фердинандъ VII долженъ былъ, по требованію испанцевъ, возстановить конституцію 1812 года.

³⁾ Книжка эта носила слѣдующее заглавіе: „Maximes et pensées du prisonnier de St.-Hélène. Manuscrit trouvé dans les papiers de Las-Casas“. Paris 1820.

⁴⁾ Сергѣю Ивановичу Тургеневу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

III.

Вопросъ объ объединеніи Германіи.—Усмиреніе возстанія въ Баденѣ.—Парламентская сессія въ Берлинѣ.—Русскій повѣренный въ дѣлахъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Будбергъ.—Отношенія Россіи къ Пруссіи.—Назначеніе Бисмарка сначала совѣтникомъ посольства, а потомъ посланникомъ при союзномъ Франкфуртскомъ сеймѣ.—Носостоявшееся назначеніе его посломъ въ Вѣну.—Разговоры его съ королемъ.—Вопросъ о занятіи министерскаго поста.—Бесѣды съ королемъ ганноверскимъ

Неудачи нашей политики въ 1848 г. надобно приписать не столько слабости Фридриха-Вильгельма IV, сколько легѣннѣе имѣ въ тайнѣ мечтѣ объ объединеніи Германіи. Король надѣялся, что ему удастся достигнуть желаемой цѣли, не нарушая своихъ легитимистскихъ традицій. Если бы Пруссія и король не желали ничего иного, кромѣ того, что они имѣли до 1848 года, если бы у короля не было никакихъ особыхъ цѣлей, для достиженія которыхъ ему нужна была извѣстная популярность, то, что мѣшало ему, когда министерство Бранденбурга упрочилось, встрѣтить революціонныя попытки въ Пруссіи тѣми же мѣрами, какими было подавлено возстаніе въ Баденѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ Пруссіи? Усмиреніе этого революціоннаго движенія доказало всѣмъ и каждому, что на армію можно было вполне положиться; ландверъ исполнилъ свой долгъ по мѣрѣ силъ даже въ тѣхъ округахъ Бадена, которые считались ненадежными.

Хотя я не слѣдилъ въ то время за военными событіями такъ внимательно, какъ впоследствии, но, кажется, я не ошибусь сказавъ, что для усмиренія возстанія въ Баденѣ и Пфальцѣ было употреблено болѣе кадровъ, чѣмъ слѣдовало; этого можно было бы избѣжать, двинувъ туда полевые войска. По крайней мѣрѣ, во время Ольмюцкой конференціи, военный министръ доказывалъ мнѣ невозможность мобилизовать своевременно большую часть арміи потому, что ея кадры находились въ Баденѣ или вдали отъ мѣста стоянокъ и снабженія войска; онъ указывалъ на это какъ на одну изъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ было необходимо поддержать миръ или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько повременить войною. Если бы весной 1849 г. мы считали нужнымъ рѣшить вопросъ вооруженной силой и были бы въ состояніи мобилизовать армію, то у Фридриха-Вильгельма IV было бы вполне достаточно силъ не только для того, чтобы подавить всякое революціонное движеніе въ Пруссіи и внѣ ея предѣловъ, но мы имѣли бы возможность приступить къ рѣшенію вопросовъ, возникшихъ въ 1850 г., въ смыслѣ, для насъ желательномъ.

Я и тогда былъ вполне убѣжденъ, что Пруссія могла подавить своими войсками всякое возстаніе; это принесло бы тѣмъ болѣе пользы

монархіи и дѣлу національнаго объединенія, чѣмъ большее сопротивленіе правительству пришлось бы преодолѣть; всего выгоднѣе было бы побѣдить революціонеровъ въ одномъ большомъ сраженіи. Во время возстаній, происходившихъ въ Баденѣ и Пфальцѣ, довольно долго нельзя было рѣшить, къ которой сторонѣ примкнетъ баварская армія. Когда баварскій посланникъ, графъ Лерхенфельдъ пріѣхалъ, въ этотъ критическій моментъ, проститься со мною передъ отъѣздомъ въ Мюнхенъ, помнится, я сказалъ ему:

— Коль скоро и ваша армія колеблется, дай Богъ, чтобы она открыто стала противъ правительства; тогда борьба будетъ серьезная, но рѣшительная и нарывъ прорвется. Если же вы придете съ ней къ соглашенію, то гной изольется внутрь.

Лерхенфельдъ, встревоженный и удивленный моими словами, назвалъ меня легкомысленнымъ.

— Будьте увѣрены, мы справимся и съ вашими и съ нашими дѣлами, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,—сказалъ я, закончивъ нашъ разговоръ.

Онъ мнѣ не повѣрилъ, но моя увѣренность ободрила его; я и теперь думаю, что тогдашній кризисъ легче было бы покончить въ желаемомъ смыслѣ, если бы возстаніе въ Баденѣ было поддержано баварскими и виртембергскими войсками,—чего тогда именно и опасались.

Невыясненнымъ остается также вопросъ, чѣмъ руководствовался генераль Радовицъ, стараясь вліять на короля, вводить его въ заблужденіе и помѣшать протестантской Пруссіи воспользоваться благопріятнымъ моментомъ? Я до сихъ поръ не могу рѣшить, былъ ли онъ врагомъ Пруссіи, какъ католикъ, или же онъ только старался сохранить свое положеніе у короля. Несомнѣнно, что онъ искусно поддерживалъ средневѣковыя традиціи короля и въ значительной степени былъ причиною того, что его величество, увлекаясь историческими воспоминаніями, упустилъ случай воспользоваться тогдашними обстоятельствами.

Сойдясь въ Эрфуртѣ довольно близко съ графомъ Бранденбургомъ, я убѣдился, что его прусскій патриотизмъ поддерживался главнымъ образомъ воспоминаніями о 1812 и 1813 гг., и поэтому былъ проникнутъ идеей о необходимости объединенія Германіи. Однако, у него преобладала надо всѣмъ преданность къ династіи и Пруссіи и желаніе содѣйствовать усиленію прусской власти.

Въ ноябрѣ 1850 г. я, какъ офицеръ прусскаго ландвера, былъ вызванъ въ полкъ и въ то же время, какъ депутатъ, получилъ приглашеніе явиться на предстоящую сессію парламента. Проѣздомъ въ полкъ черезъ Берлинъ я заѣхалъ къ военному министру фонъ-Штокгаузену, съ которымъ я былъ лично въ очень хорошихъ отношеніяхъ, оказавъ ему кое-какія услуги, за которыя онъ былъ мнѣ признателенъ.

Раздраженный необходимостью явиться въ полкъ и вызывающимъ

тономъ австрійцевъ, я далъ волю моему воинственному задору. Министръ, человекъ пожилой и извѣстный своею храбростью, въ мужествѣ котораго никто не могъ сомнѣваться, сказалъ мнѣ приблизительно слѣдующее:

— Въ настоящую минуту мы должны всячески избѣгать разрыва съ Австріей. Мы не имѣемъ достаточно силъ, чтобы сдержать натискъ австрійцевъ даже въ томъ случаѣ, если они не будутъ поддержаны саксонцами. Намъ придется отдать имъ Берлинъ и мобилизовать войско въ двухъ пунктахъ, вдали отъ столицы, въ Данцигъ и въ Вестфалин; къ Берлину мы можемъ стянуть черезъ 14 дней около 70.000 человекъ, но этого недостаточно, чтобы начать войну съ тѣми силами, которыя Австрія теперь уже выставила противъ насъ. Если мы хотимъ побѣдить,—продолжалъ онъ,—намъ необходимо прежде всего выиграть время, поэтому надобно желать, чтобы предстоящія пренія въ палатѣ депутатовъ не ускорили разрыва, какъ этого можно ожидать по тону, господствующему въ прессѣ.

На этомъ основаніи министръ просилъ меня остаться въ Берлинѣ и повліять успокоительно на тѣхъ знакомыхъ мнѣ депутатовъ, которые уже съѣхались туда или вскорѣ должны были пріѣхать.

Штокгаузенъ взялъ на себя увѣдомить начальство моего полка, который находился въ Лаузицѣ, о томъ, что онъ приказалъ поручику фонь-Бисмарку остаться въ Берлинѣ. Я отправился прежде всего къ моему земляку Гешперту, который стоялъ тогда во главѣ многочисленной партіи, которую можно было назвать правымъ центромъ и которая была готова поддерживать правительство, но считала необходимымъ защищать національную задачу Пруссіи не только принципиально, но при дѣятельномъ вмѣшательствѣ военной силы. Онъ противопоставилъ мнѣ, съ первыхъ же словъ, парламентскіе взгляды, не согласовавшіеся съ программой военнаго министра, и мнѣ пришлось доказывать ему неосновательность тѣхъ мнѣній, которыя я самъ раздѣлялъ до моего разговора съ Штокгаузенемъ. Мнѣ пришлось неоднократно и подолгу бесѣдовать съ нимъ по этому поводу.

Я высказалъ взгляды, навѣянные на меня разговоромъ съ военнымъ министромъ, въ рѣчи, произнесенной мною въ парламентѣ 3-го декабря 1850 г., въ которой я проводилъ мысль о необходимости повременить съ войною до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ достаточно къ ней подготовлены.

Въ то время, въ ноябрѣ 1850 г., въ Россіи относились къ революціонному движенію, происходившему въ Германіи, гораздо спокойнѣе, нежели въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 г., въ тотъ моментъ, когда тамъ вспыхнула революція.

Я былъ очень хорошъ съ русскимъ военнымъ уполномоченнымъ,

*

графомъ Бенкендорфомъ, и вынесъ изъ интимной бесѣды съ нимъ въ 1850 г. впечатлѣніе, что революція въ Германіи и мятежи въ Польшѣ не тревожили Петербургъ, какъ вначалѣ, и не считались болѣе опасными симптомами, угрожавшими войною.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1848 года въ Россіи смотрѣли на революцію въ Германіи и на мятежи въ польскихъ провинціяхъ, какъ на событія, послѣдствій которыхъ нельзя было предвидѣть и которыя угрожали во всякомъ случаѣ опасностью. Первый изъ русскихъ дипломатовъ, который своими донесеніями повліялъ на перемѣну этого взгляда, былъ тогдашній повѣренный въ дѣлахъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, впоследствии посланникъ въ Берлинѣ, Будбергъ. Его донесенія были написаны въ сатирическомъ духѣ; пренебреженіе, съ какимъ молодой дипломатъ отзывался въ нихъ о рѣчахъ нѣмецкихъ профессоровъ и о значеніи національнаго собранія, такъ понравилось императору Николаю, что карьера Будберга была этимъ сдѣлана. Придерживаясь анти-нѣмецкой точки зрѣнія, онъ оцѣнивалъ въ своихъ донесеніяхъ политическія событія въ томъ духѣ, какой господствовалъ въ старо-прусскихъ кругахъ—въ Берлинѣ, въ которыхъ онъ прежде вращался. Можно сказать, что взгляды, которыми онъ былъ обязанъ своей карьерой въ Петербургѣ, были по происхожденію изъ берлинскаго «казино». Съ тѣхъ поръ Россія стала придавать менѣе значенія тѣмъ послѣдствіямъ, какія могла имѣть революція, и составила себѣ болѣе ничтожное мнѣніе о нѣмецкихъ правительствахъ. Тонъ рѣчей, которыя я слышалъ въ 1850 году отъ русскаго посланника барона Мейендорфа, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и отъ его соотечественниковъ, былъ вполне успокоительный, съ русской точки зрѣнія; притомъ ихъ рѣчи были проникнуты обиднымъ для меня чувствомъ личнаго доброжелательства и участія къ будущей судьбѣ дружественной Пруссіи. Ихъ разговоры произвели на меня такое впечатлѣніе, какъ-будто на Австрію смотрѣли, какъ на державу болѣе сильную и надежную, а Россію считали достаточно сильной, чтобы взять на себя рѣшеніе спора между ними.

Хотя я не былъ въ то время такъ хорошо знакомъ, какъ впоследствии, со всѣми тонкостями и ухищреніями дипломатіи, но при всей моей неопытности я былъ увѣренъ въ томъ, что если бы мы желали войны и были бы къ ней готовы, то даже послѣ Ольмюцкой конференціи и послѣ Дрезденскихъ переговоровъ можно было найти поводъ къ войнѣ и всегда можно было вызвать ее, прервавъ переговоры. Штокгаузенъ какъ-то сказалъ мнѣ, что ему было необходимо имѣть шесть недѣль, чтобы приготовиться къ войнѣ; по моему мнѣнію, искусными переговорами можно было выиграть въ Дрезденѣ вдвое болѣе времени, если бы неподготовленность къ войнѣ была единственной причиной, которая заставляла бы насъ избѣгать ее.

Главная ошибка тогдашней прусской политики заключалась въ томъ, что мы надѣялись достигнуть путемъ публицистическаго, парламентскаго и дипломатическаго лицемѣрія тѣхъ результатовъ, которые могли быть достигнуты только войною или только готовностью къ ней.

Это называли «нравственной» побѣдой; мы надѣялись, что другіе сдѣлаютъ за насъ то, что мы сами не рѣшались совершить.

Когда прусское правительство рѣшилось принять участіе въ возстановленномъ, по настоянію Австріи, союзномъ сеймѣ, то генералъ Роховъ, аккредитованный въ то время въ Петербургѣ, былъ временно назначенъ посланникомъ при этомъ сеймѣ. Совѣтниками посольства были назначены я и фонъ-Грюнеръ. Передъ тѣмъ, какъ состоялось мое назначеніе, его величество и министръ Мантейфель предупредили меня о томъ, что имѣлось въ виду назначить меня, современемъ, посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Роховъ долженъ былъ приучить меня къ дѣлу, но онъ не могъ самъ много работать и употреблялъ меня какъ редактора, не посвящая, однако, въ сущность политическихъ дѣлъ.

Предшествовавшій моему назначенію разговоръ съ королемъ происходилъ слѣдующимъ образомъ. Когда я отвѣтилъ односложно «да» на предложенный мнѣ министромъ Мантейфелемъ, совершенно неожиданно, вопросъ о томъ, согласенъ ли я принять мѣсто посланника при союзномъ сеймѣ, то король, узнавъ о моемъ отвѣтѣ, велѣлъ пригласить меня къ себѣ и сказалъ:

— Вы очень смѣлы, соглашаясь безъ малѣйшаго колебанія принять совершенно незнакомую вамъ должность.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я,—доказали свою смѣлость, рѣшившись предложить мнѣ это мѣсто, хотя не обязались держать меня, ежели я не оправдаю вашего довѣрія. Я самъ не могу быть увѣренъ въ томъ, не превосходить ли эта задача моихъ способностей, прежде нежели я ознакомлюсь съ нею ближе. Я имѣю смѣлость повиноваться, когда ваше величество имѣете смѣлость приказывать.

— Ну такъ попробуйте,—сказалъ король.

11-го мая 1851 года я пріѣхалъ во Франкфуртъ. Роховъ, человѣкъ не особенно честолюбивый и любившій болѣе всего покойную жизнь, утомленный петербургскимъ климатомъ и шумной придворной жизнью, предпочелъ бы остаться на долгое время посланникомъ во Франкфуртъ, что вполне удовлетворяло его желаніямъ и хлопотамъ въ Берлинѣ о назначеніи меня посланникомъ въ Дармштадтъ, съ тѣмъ, чтобы я былъ одновременно аккредитованъ при герцогѣ Нассаусскомъ и при Франкфуртскомъ сеймѣ; пожалуй, онъ былъ бы даже не прочь помѣняться со мною и мѣстомъ посланника въ Петербургѣ. Ему нравилась жизнь на берегахъ Рейна и отношенія къ нѣмецкимъ дворамъ. Но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ. 11-го іюля фонъ-Мантейфель извѣстилъ меня

о томъ, что король утвердилъ мое назначеніе посланникомъ въ союзный сеймъ.

«Само собою разумѣется,—писалъ министр,—что г-на фонъ-Рохова нельзя уволить brusquement; поэтому я предполагаю сегодня же написать ему объ этомъ нѣсколько словъ и увѣрять, что вы не будете имѣть ничего противъ, если я поступлю въ этомъ случаѣ сообразуясь вполнѣ съ желаніями г-на фонъ-Рохова, которому я, въ сущности, весьма благодаренъ за то, что онъ принялъ это трудное и неблагодарное назначеніе, тогда какъ нѣкоторые другія лица, всегда все критикующія, дойдя до сути дѣла, отступаютъ отъ него. Нѣтъ надобности говорить, что подъ этимъ я не подразумѣваю васъ, такъ какъ вы идете съ нами на проломъ и кажется одни вынесете дѣло на своихъ плечахъ».

15-го іюля послѣдовало мое назначеніе посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Хотя съ Роховымъ поступили очень деликатно, но онъ былъ этимъ очень разстроенъ и выместилъ на мнѣ свои несбывшіяся желанія тѣмъ, что уѣхалъ однажды утромъ изъ Франкфурта, не предупредивъ меня о томъ и не передавъ мнѣ дѣлъ и документовъ. Узнавъ объ его отъѣздѣ стороною, я успѣлъ въ-время явиться на станцію желѣзной дороги, чтобы поблагодарить его за его доброжелательное ко мнѣ отношеніе.

О моей дѣятельности на союзномъ сеймѣ писали такъ много въ официальныхъ и частныхъ сообщеніяхъ, что мнѣ остается сказать весьма немногое.

Я засталъ во Франкфуртѣ двухъ прусскихъ комиссаровъ, назначенныхъ въ промежутокъ времени между двумя сеймами: оберъ-президента фонъ-Беттихера, сынъ котораго впоследствии былъ статсъ-секретаремъ и министромъ, и генерала фонъ-Пейкера, который доставилъ мнѣ впервые случай заняться изученіемъ орденовъ. Это былъ дѣльный и храбрый офицеръ, получившій специальное научное образованіе, которое онъ имѣлъ впоследствии случай примѣнить, занимая мѣсто генерал-инспектора военно-учебныхъ заведеній. Въ 1812 году, когда онъ служилъ въ корпусѣ Йорка, у него украли плащъ и ему пришлось совершить обратный походъ въ одномъ мундирчикѣ; у него были отморожены пальцы на ногахъ и онъ очень пострадалъ отъ холода. Несмотря на то, что онъ былъ весьма некрасивъ, этотъ умный и храбрый офицеръ получилъ руку хорошенькой графини Шуленбургъ. Замѣчательно несогласовалась съ его умомъ извѣстная его страсть къ внѣшнимъ побрякушкамъ—къ орденамъ.

Зайдя къ нему однажды утромъ, я засталъ его передъ столомъ, на которомъ были разложены заслуженные имъ на полѣ битвы ордена, коихъ стройный порядокъ былъ нарушенъ только-что полученною имъ звѣздою. Поздоровавшись со мною, онъ заговорилъ не объ Австріи или

Пруссіи, но пожелалъ узнать мое мнѣніе, съ художественной точки зрѣнія, о томъ, на какое мѣсто лучше было посадить полученную имъ звѣзду. Чувство глубокаго уваженія, съ какимъ я привыкъ съ дѣтства относиться къ этому заслуженному генералу, заставило меня совершенно серьезно обсуждать и рѣшать этотъ вопросъ прежде, нежели говорить о дѣлахъ.

Надобно сознаться, что когда я получилъ въ 1842 году первый орденъ, медаль за спасеніе, то я былъ весьма обрадованъ и даже польщенъ этимъ, такъ какъ не былъ еще пресыщенъ въ то время въ этомъ отношеніи. Состоя на государственной службѣ я утратилъ эту непосредственность впечатлѣнія; не припомню, чтобы полученіе дальнѣйшихъ орденовъ доставляло мнѣ объективное удовольствіе; я испытывалъ только субъективное чувство удовлетворенія, получая эти видимые знаки благоволенія, коими король вознаграждалъ мою преданность или коими прочіе монархи свидѣтельствовали о томъ, что я успѣвалъ въ своихъ стараніяхъ заслужить ихъ довѣріе и благосклонность. Нашъ посланникъ въ Дрезденѣ, фонъ-Горданъ шутя отвѣчалъ на мое предложеніе уступить мнѣ одинъ изъ его многочисленныхъ орденовъ: «*Je vous les cède toutes, pourvu que vous m'en laisserez une pour couvrir mes nudités diplomatiques*». Въ сущности, орденъ (*grand cordon*) составляетъ необходимую принадлежность туалета дипломата; и если имѣешь орденъ иностранныхъ дворовъ, то представляется возможность мѣнять ихъ, что для эlegantныхъ дипломатовъ такъ же пріятно, какъ для женщинъ мѣнять платье. Въ Парижѣ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одинъ видъ «*d'un monsieur désoigné*» (господина, украшеннаго орденами) сдерживалъ проявленіе грубой силы толпы. Только въ Петербургѣ и въ Парижѣ я считалъ необходимымъ носить орденъ; въ обоихъ этихъ городахъ въ толпѣ необходимо имѣть какой-нибудь вышій знакъ отличія для того, чтобы полиція и публика отнеслись къ вамъ вѣжливо. Я надѣвалъ обыкновенно лишь тѣ орденъ, которые требовались обстоятельствами; мнѣ всегда казалась какой-то китайщиной та болѣзненная страсть къ накопленію орденовъ, которую я подмѣчалъ въ моихъ коллегахъ и сотрудникахъ на бюрократическомъ поприщѣ, когда я видѣлъ, какъ тайные совѣтники, которые и безъ того не знали, какъ справиться съ массою орденовъ, которая едва помѣщалась на ихъ груди, хлопотали о томъ, чтобы поскорѣе окончить какое-нибудь соглашеніе, такъ какъ имъ было необходимо получить для пополненія своей коллекціи какой-либо орденъ того государства, съ которымъ велись переговоры.

Члены палаты, которымъ приходилось выработать въ 1849—50 гг. союзную конституцію, трудились усердно; съ 8 до 10 часовъ происходили засѣданія комиссій, съ 10 до 4 часовъ общія засѣданія, которыя продолжались иногда до поздняго вечера, смѣняясь весьма продолжи-

тельными засѣданіями отдѣльныхъ партій, такъ что я могъ удовлетворять своей потребности къ движенію только ночью, и мнѣ случалось иногда очень поздно прохаживаться взадъ и впередъ посреди улицы «Подъ Липами», между зданіемъ оперы и Бранденбургскими воротами. Совершенно случайно я обратилъ тогда вниманіе на пользу, въ гигиеническомъ отношеніи, танцевъ, которые оставилъ съ 27-ми лѣтъ, считая это развлеченіе болѣе приличнымъ юношеству. На одномъ придворномъ балу моя хорошая знакомая попросила меня разыскать для котильона ея исчезнушаго кавалера; а когда я не могъ этого исполнить, то она предложила мнѣ замѣнить его. Сдѣлавъ нѣсколько туровъ по гладкому паркету Бѣлаго Зала, что вызвало у меня сначала головокруженіе, я танцевалъ затѣмъ съ удовольствіемъ и послѣ этого спалъ такимъ хорошимъ, здоровымъ сномъ, какого я давно не зналъ. Во Франкфуртѣ танцовали всѣ, начиная съ 65-ти-лѣтняго французскаго посланника маркиза де-Талленай; я также легко усвоилъ эту привычку, хотя участіе въ сеймѣ оставляло мнѣ достаточно времени для прогулокъ и катанья верхомъ.

Въ Берлинѣ, въ то время, когда я уже былъ министромъ, я также не отказывался танцовать по приглашенію моихъ добрыхъ знакомыхъ или въ тѣхъ случаяхъ, когда какая-либо принцесса приглашала меня танцовать съ нею; но мнѣ приходилось выслушивать по этому поводу саркастическія замѣчанія короля.

— Меня упрекають,—говорилъ онъ,—за то, что я избралъ въ министры человѣка легкомысленнаго. Вамъ бы не слѣдовало поддерживать этого мнѣнія танцуя.

Принцессамъ было тогда же запрещено избирать меня кавалеромъ. Любовь, которую питалъ къ танцамъ г. фонъ-Кейдель, была причиною тѣхъ затрудненій, которыя я встрѣтилъ со стороны короля къ повышенію его по службѣ. Это развлеченіе не соответствовало скромной натурѣ короля, который привыкъ соблюдать свое достоинство, избѣгая бесполезныхъ вѣшнихъ проявленій, которыя могли подать поводъ къ критикѣ. Танцующій государственный дѣятель былъ, по его мнѣнію, умѣстенъ только тогда, когда онъ участвовалъ въ царскихъ почетныхъ кадрилихъ; быстрый темпъ вальса подрывалъ довѣріе къ разумности его совѣтовъ.

Когда я уже совершенно освоился со своимъ положеніемъ во Франкфуртѣ, послѣ того какъ я имѣлъ довольно бурныя столкновенія съ австрійскимъ посланникомъ по вопросу о флотѣ, относительно котораго онъ старался ограничить значеніе Пруссіи въ административномъ и финансовомъ отношеніяхъ и сдѣлать его совершенно ничтожнымъ въ будущемъ, король вызвалъ меня въ Потсдамъ и сообщалъ, что онъ рѣшилъ послать меня въ высшую дипломатическую школу, въ Вѣну, сперва временно-

исполняющимъ должность посланника, а затѣмъ преемникомъ графа Арнима, который былъ серьезно боленъ. Съ этой цѣлью король вручилъ мнѣ нижеслѣдующее рекомендательное письмо къ его величеству императору Францу-Іосифу, помѣченное 5-го іюня:

«Ваше императорское величество, прошу васъ благосклонно принять тѣ немногія строки, коими я рекомендую подателя сего собственноручнаго моего письма, г. Бисмарка - Шенгаузена, къ вашему двору. Онъ принадлежитъ къ дворянскому роду, который поселился въ нашей странѣ ранѣе, нежели мои предки, и который всегда отличался добродѣтелями, особенно ярко выразившимися въ немъ. Его смѣлымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ мы обязаны тѣмъ, что сохранили и упрочили наши владѣнія въ цвѣтущемъ состояніи, во время тяжкихъ событій послѣднихъ лѣтъ. Вашему императорскому величеству извѣстно, что г. фонъ Бисмаркъ состоитъ моимъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Такъ какъ болѣзненное состояніе моего посланника при дворѣ вашего императорскаго величества, графа фонъ Арнима, потребовало временнаго его отсутствія, а между тѣмъ отношенія, существующія между нашими дворами не позволяютъ (по моему мнѣнію) замѣнить его второстепеннымъ лицомъ, то я избралъ фонъ Бисмарка замѣстителемъ графа Арнима на время его отсутствія. Мнѣ пріятно думать, что ваше величество познакомится съ человекомъ, который пользуется у насъ уваженіемъ многихъ, но котораго многіе и ненавидятъ за его чисто дворянскую преданность престолу и за непримиримую вражду къ революціи въ самыхъ ея основахъ. Онъ мой другъ и вѣрный слуга и явится къ вамъ подъ живымъ впечатлѣніемъ моихъ принциповъ, моего образа дѣйствій, моихъ намѣреній и, прибавлю, моей любви къ Австріи и къ вашему величеству. Онъ можетъ, если окажется нужнымъ, отвѣтить вашимъ совѣтникамъ на многіе вопросы какъ никто иной и кратковременное его пребываніе въ Вѣнѣ, по истинѣ, можетъ быть обильно благими послѣдствіями, ежели чудовищныя, издавна подготовляемыя недоразумѣнія не пустили слишкомъ глубокихъ корней, отъ чего да сохранить насъ Господь.

«Г. фонъ Бисмаркъ ѣдетъ къ вамъ изъ Франкфурта, гдѣ всегда существовала благоприятная почва для тѣхъ происковъ, которые государства средней Германіи, мечтающія о Рейнскомъ Союзѣ, называютъ съ наслажденіемъ несогласіями между Австріей и Пруссіей и гдѣ эти происки даже нерѣдко зарождались; но онъ всегда смотрѣлъ на подобнаго рода вещи и домогательства трезвымъ и проникательнымъ взглядомъ. Я приказалъ ему отвѣтить на всѣ вопросы, которые могли бы быть предложены ему по этому поводу вашимъ величествомъ или вашими министрами такъ, какъ мнѣ самому. Если бы ваше величество пожелали получить отъ него объясненія относительно моего образа мыслей и моего

отношенія къ таможенному вопросу, то я увѣренъ, что мой образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ заслужитъ ваше уваженіе, хотя бы онъ и не имѣлъ счастья пользоваться вашимъ одобреніемъ. Пребываніе дорогого императора Николая было для меня истинною отрадою. Подтвержденіе давно лелѣянной мною надежды, что мы вполне сходимся съ вашимъ величествомъ во мнѣніи относительно того, что только одинъ нашъ тройственный, непоколебимый, священный и дѣятельный союзъ можетъ спасти Европу и пощаливающее, но тѣмъ не менѣе горячо любимое отечество отъ настоящаго кризиса, преисполнило меня благодарности Богу и еще болѣе усилило мою давнишнюю любовь и преданность къ вашему величеству. Не лишайте и вы меня, дорогой другъ, того расположенія, какимъ я пользовался въ дивные дни, проведенные на берегу Тегернского озера; искренно желаю, чтобы ваше могущественное столь важное и необходимое для нашего общаго отечества довѣріе и ваша дружба ко мнѣ еще болѣе упрочились. Отъ всей души поручаю себя этой дружбѣ, дражайшій другъ, пребывая вашего императорскаго величества вѣрный и искренно преданный дядя, братъ и другъ».

Министерство Буоля, Баха, Бруха и т. д. относилось не особенно дружелюбно къ Пруссіи, но было любезно со мною, въ надеждѣ что за оказанное мнѣ высокое благоволеніе я буду сговорчивѣе въ дѣловыхъ переговорахъ. Официально, мнѣ былъ оказанъ болѣе почетный пріемъ, нежели я ожидалъ, но съ дѣловой точки зрѣнія, т. е. во всемъ что касалось таможенныхъ вопросовъ, моя миссія осталась безуспѣшной. Австрія и тогда уже стремилась къ заключенію съ нами таможеннаго союза, но я никогда не считалъ нужнымъ идти на встрѣчу этимъ желаніямъ. Общность интересовъ въ таможенныхъ вопросахъ можетъ существовать единственно при одинаковыхъ условіяхъ потребленія; интересы сѣвера и юга, востока и запада расходятся даже въ предѣлахъ нѣмецкаго Таможеннаго Союза и для того, чтобы примирить ихъ, нужно имѣть много добраго желанія, истекающаго изъ чувства національнаго единства; разница въ потребленія предметовъ, обложенныхъ таможенной пошлиною между Венгріей и Галиціей, съ одной стороны, и таможеннымъ союзомъ—съ другой, настолько велика, что между ними весьма трудно установить въ этомъ отношеніи какое либо соглашеніе.

При заключеніи таможеннаго договора между Германіей и Австріей, всякая раскладка была бы въ ущербъ первой изъ этихъ державъ, хотя бы цифры говорили, повидимому, не въ пользу Австріи. Цислейтанія и Транслейтанія ¹⁾ живутъ почти исключительно своими собственными, а не привозными произведеніями. Надобно замѣтить также, что я ни-

¹⁾ Т. е. собственно Австрія и Венгрія.

когда не питалъ особаго довѣрія къ мелкимъ чиновникамъ не нѣмецкаго происхожденія, которые служатъ на востокѣ.

Единственный нашъ секретарь посольства въ Вѣнѣ встрѣтилъ меня съ неудовольствіемъ по той причинѣ, что онъ не былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ; онъ послалъ въ Берлинъ прошеніе объ увольненіи его въ отпускъ, который не былъ ему разрѣшенъ министромъ; но я далъ ему отпускъ своею властію. Такимъ образомъ, ганноверскому посланнику, графу Адольфу Платену, съ которымъ я былъ давно въ дружескихъ отношеніяхъ, пришлось взять на себя обязанность представить меня министрамъ и ввести меня въ дипломатическій кругъ.

Бесѣдуя однажды откровенно, онъ спросилъ меня, рассчитываю ли я быть со временемъ преемникомъ Мантейфеля. Я отвѣчалъ, что пока я этого не желаю, но полагаю, что король думаетъ сдѣлать меня со временемъ министромъ, что онъ видимо готовится къ этому и съ этой цѣлью возложилъ на меня эту *mission extraordinaire* въ Австрію. Что касается меня, то я желалъ бы прослужить лѣтъ десять посланникомъ при разныхъ дворахъ, познакомиться со свѣтомъ, затѣмъ прослужить, по возможности съ отличіемъ, лѣтъ десять министромъ, а потомъ уже, поселившись въ своемъ имѣніи, обдумывать пережитое и по примѣру моего старика дяди, живущаго въ Темплинѣ, близъ Потсдама, заниматься разведеніемъ и прививкою плодовыхъ деревьевъ¹⁾. Этотъ шуточный разговоръ былъ переданъ фонъ Платеномъ въ Ганноверъ, дошелъ до свѣдѣнія директора таможенъ, генерала Кленце, который велъ въ то время съ Мантейфелемъ переговоры о таможенныхъ вопросахъ и ненавидѣлъ меня какъ юнкера²⁾, въ смыслѣ либеральныхъ бюрократовъ. Онъ поспѣшилъ передать Мантейфелю донесеніе фонъ Платена, искаженное въ томъ смыслѣ, будто я стараюсь смѣстить его. По возвращеніи изъ Вѣны въ Берлинъ (8 іюля) мнѣ пришлось испытать послѣдствія этихъ наветовъ, которыя выразились въ болѣе холодномъ отношеніи ко мнѣ моего начальника, не приглашавшаго меня болѣе останавливаться у него во время моихъ наѣздовъ въ Берлинъ. Мои дружескія отношенія къ генералу Герлаху также какъ будто нѣсколько пострадали отъ этого.

Выздоровленіе графа Арнима позволило мнѣ уѣхать изъ Вѣны; такимъ образомъ желаніе короля назначить меня преемникомъ графа не

¹⁾ Сравни письмо Бисмарка къ Мантейфелю отъ 23-го іюля 1852 г. напечатанное въ „Preussen im Bundstage“ IV, 99. Прим. издателя.

²⁾ Наименованіе молодыхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, не имѣющихъ другаго титула и положенія; съ 1850-хъ годовъ слово это служитъ названіемъ реакціонной дворянской партіи сперва въ прусскомъ, затѣмъ въ обще-германскомъ парламентѣ.

осуществилось. Если бы онъ не выздорѣлъ, то я занялъ бы его мѣсто крайне неохотно. Чувствуя что я сдѣлался, вслѣдствіе пребыванія во Франкфуртѣ, persona ingrata въ Вѣнѣ, я опасался, что на меня будутъ смотрѣть тамъ какъ на элементъ враждебный, а это затруднило бы мнѣ исполненіе служебныхъ обязанностей и уронило бы меня въ мнѣніи берлинскаго двора; разумѣется это легче могло быть достигнуто придворной перепиской въ то время, когда я бы находился въ Вѣнѣ, нежели во Франкфуртѣ. Припоминаю нѣкоторые разговоры относительно Вѣны, которые я имѣлъ вслѣдствіи съ королемъ во время моихъ продолжительныхъ поѣздокъ съ нимъ съ глаза на глазъ по желѣзной дорогѣ. Въ этихъ случаяхъ я говорилъ ему обыкновенно.

— Я поѣду въ Вѣну, если ваше величество прикажете, но только не по доброй волѣ; служба во Франкфуртѣ я приобрѣлъ нерасположеніе австрійскаго двора и, получивъ назначеніе въ Вѣну, буду чувствовать себя какъ бы отданнымъ на съѣденіе моимъ врагамъ. Каждое правительство легко можетъ повредить аккредитованному при немъ посланнику и пошатнуть его положеніе тѣми средствами, какія пускаетъ въ ходъ австрійская политика въ Германіи.

— Я не хочу приказывать, отвѣчалъ обыкновенно король на подобныя слова, вы должны отправиться туда добровольно и даже попросить меня о томъ; это будетъ высшей школою вашего дипломатическаго образованія; вы должны бы быть мнѣ благодарны за то, что я забочусь о вашемъ воспитаніи въ этомъ отношеніи; дѣлаю же я это въ увѣренности, что мои труды не пропадутъ даромъ.

Министерскій постъ также не особенно отвѣчалъ въ то время моимъ желаніямъ. Я былъ увѣренъ, что мое положеніе въ качествѣ министра прусскаго короля не будетъ прочно. Онъ видѣлъ во мнѣ человѣка имъ созданнаго и воспитаннаго и въ случаѣ какого либо разногласія въ мнѣніи у него всегда являлась бы мысль, что яйцо курицу учить. Для меня было совершенно ясно, что мои взгляды на задачи внѣшней политики Пруссіи не вполне соответствовали взглядамъ на этотъ предметъ короля; такъ же ясно представлялись мнѣ тѣ затрудненія, которыя пришлось бы преодолѣть будучи отвѣтственнымъ министромъ монарха съ такими самодержавными попонженіями, съ такою измѣнчивостью взглядовъ, неправильностью въ занятіяхъ и доступностью непрошеному вліянію политическихъ интригановъ. Въ числѣ ихъ были приверженцы нашихъ курфюрстовъ, которые и позднѣе, въ царствованіе строгаго Фридриха Вильгельма I, имѣли, съ задняго крыльца, доступъ къ царствующему дому.

Быть покорнымъ слугою и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтственнымъ министромъ было въ то время труднѣе нежели при Вильгельмѣ I.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1853 г. мнѣ представлялась возможность за-

нять постъ министра въ Гановѣрѣ. Въ то время когда я окончилъ леченіе купаньемъ въ Нордерне, бывший министръ Бакмейстеръ, только что вышедшій изъ министерства Шеле, спросилъ меня, соглашусь ли я быть министромъ короля Георга. Я отвѣчалъ, что могу служить въ Гановерскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ только въ томъ случаѣ, если король думаетъ идти рука объ руку съ Пруссіей; я не могу измѣнить своей преданности Пруссіи какъ мѣняютъ пару перчатокъ.

Проѣздомъ къ моей семьѣ, которая находилась въ Вилльневѣ, на берегу Женевскаго озера и куда я отправился изъ Нордерне черезъ Гановѣръ, я имѣлъ случай неоднократно бесѣдовать съ королемъ. Одна изъ нашихъ бесѣдъ происходила въ нижнемъ этажѣ дворца, въ кабинетѣ, помѣщавшемся между его спальнею и спальнею королевы. Король не желалъ, чтобы всѣмъ было извѣстно о нашемъ свиданіи; между тѣмъ онъ пригласилъ меня въ тотъ день къ пяти часамъ къ обѣду. Король не спрашивалъ меня соглашусь ли я быть его министромъ, но потребовалъ чтобы я, будучи знакомъ съ дѣлами союзнаго сейма, объяснилъ ему какимъ образомъ конституція 1848 г. могла бы быть пересмотрѣна при участіи сейма. Когда я высказалъ ему свой взглядъ, то онъ попросилъ меня тутъ же изложить его письменно и мнѣ пришлось набросать въ общихъ чертахъ планъ дѣйствій въ присутствіи короля, который сидя у того же стола, на которомъ я писалъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія моей работы, осложнявшейся тѣмъ, что письменныя принадлежности, видимо рѣдко употребляемыя, были изъ рукъ вонъ плохи: чернила были густы, перо плохое, бумага груба, пропускной бумага вовсе не было; исписанныя мною четыре страницы политическаго содержанія, съ ихъ чернильными пятнами, отнюдь не могли бы сойти за образцовое произведеніе канцелярскаго искусства. Король подписалъ бумагу въ той же комнатѣ, гдѣ онъ меня принялъ ради соблюденія тайны, которая была, впрочемъ, нарушена тѣмъ, что наша бесѣда затянулась до шестого часа и особы, приглашенныя къ обѣду къ 5 часамъ, не могли не догадаться о причинѣ опозданія. Когда часы, стоявшіе позади короля, пробили шесть, онъ вскочилъ съ мѣста и не сказавъ ни слова съ поразительной при его слѣпотѣ быстротою и увѣренностью прошелъ по комнатѣ заставленной мебелью въ смежную спальню или уборную. Я остался одинъ не получивъ никакихъ указаній. Не зная расположенія дворца, я запомнилъ только изъ разговора съ королемъ, что одна изъ трехъ дверей вела въ спальню королевы, которая въ то время была больна корью. Когда я убѣдился наконецъ, что за мною никто не придетъ, чтобы провести меня, то я вышелъ черезъ третью дверь и наткнулся на лакея, который меня не зналъ и видимо былъ встревоженъ и перепуганъ моимъ появленіемъ въ этой части дворца, но успокоился когда, судя по его акценту, я отвѣтилъ на его недоумѣ-

вающій вопросъ по англійски и потребоваль, чтобы онъ провелъ меня къ королевскому столу.

Въ тотъ же или на слѣдующій день вечеромъ, хорошенько не помню, я имѣлъ еще разъ продолжительную аудіенцію у короля безъ свидѣтелей, во время которой я замѣтилъ съ удивленіемъ, какъ небрежно относились слуги къ слѣпому монарху. Все освѣщеніе большой комнаты состояло изъ двойнаго подсвѣчника, въ который были вставлены двѣ восковыя свѣчи съ надѣтыми на нихъ тяжелыми металлическими абажурами. Одна изъ свѣчей догорѣла, и абажуръ со страшнымъ трескомъ упалъ на полъ, но на шумъ никто не явился; въ сосѣдней комнатѣ также никого не оказалось и монарху пришлось самому указать мнѣ, гдѣ находился звонокъ. Эта небрежность слугъ особенно бросалась въ глаза, такъ какъ столъ, возлѣ котораго мы сидѣли, до того былъ заваленъ всевозможными дѣловыми и частными бумагами, что нѣкоторыя изъ нихъ падали при малѣйшемъ движеніи короля и мнѣ приходилось поднимать ихъ. Не менѣе удивительно было то обстоятельство, что слѣпой монархъ цѣлыми часами бесѣдовалъ съ постороннимъ дипломатомъ и что объ этомъ не было извѣстно его министрамъ.

Пребываніе въ ГанOVERѣ напоминаетъ мнѣ одинъ случай, который до сихъ поръ остается для меня загадочнымъ. Къ прусскому комисару, назначенному въ ГанOVERѣ для веденія переговоровъ по таможеннымъ вопросамъ, былъ прикомандированъ изъ Берлина въ помощники консулъ Шпигельталъ. Когда я упомянулъ о немъ въ разговорѣ съ моимъ добрымъ знакомымъ министромъ фонъ Шеле, какъ о прусскомъ чиновникѣ, то онъ засмѣялся и выразилъ мнѣ по этому поводу свое удивленіе, сказавъ что судя по дѣятельности Шпигельталя онъ «принялъ этого господина за австрійскаго агента». Я послалъ объ этомъ шифрованную депешу министру фонъ Мантейфелю, и совѣтовалъ ему приказать осмотрѣть на границѣ вещи этого Шпигельталя, который собирался вскорѣ ѣхать въ Берлинъ, и арестовать его бумаги. Мое ожиданіе услышать объ этомъ или прочесть въ газетахъ не сбылось, а въ концѣ октября, когда я провелъ нѣсколько дней въ Берлинѣ и Потсдамѣ, генералъ фонъ Герлахъ сказалъ мнѣ однажды между прочимъ:

— У Мантейфеля бываютъ иногда удивительныя фантазіи; такъ напримѣръ онъ потребовалъ недавно, чтобы консулъ Шпигельталъ былъ приглашенъ къ королевскому столу и добился исполненія своего желанія, подъ угрозой отставки кабинета.

IV.

Графы Карлъ и Робертъ фонъ-дербъ Гольцы.—Интриги ихъ противъ Мантейфеля.—Рудольфъ Ауерсвальдъ.—Крымская война и вліяніе ея на политику Пруссіи.—Оборонительно-наступательный союзъ Пруссіи съ Австрією.—Шлавъ Бисмарка о поднятїи значенія Пруссіи.—Переписка Бисмарка съ генераломъ фонъ-Герлахомъ.—Настроеніе, господствовавшее при Берлинскомъ дворѣ.—Предположеніе о разчлененїи Россіи.—Вопросъ о возстановленіи Польши.—Политическая программа О. фонъ-Бисмарка.

Въ кругахъ, составлявшихъ оппозицію прусскому правительству, для успѣха національнаго дѣла возлагали надежду на герцога Кобургскаго, а также на помощь Англїи и даже Франціи, но болѣе всего надѣялись на либеральныя стремленія нѣмецкаго народа. Выразителемъ этихъ надеждъ былъ небольшой кругъ придворной оппозиціи, который всячески старался заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ принца прусскаго. Я не считалъ этихъ господъ пустыми мечтателями, но на оборотъ относился къ нимъ серьезно.

Вліятельный и здравствующій по нынѣ (1891 г.) престарѣлый адъютантъ императора Вильгельма, графъ Карлъ фонъ дербъ-Гольцъ былъ, въ свое время, изящный и весьма не глупый гвардейскій офицеръ. Пруссакъ съ головы до ногъ и царедворецъ онъ интересовался остальной Германіей лишь настолько, насколько этого требовало его положеніе человѣка придворнаго. Онъ былъ весельчакъ и страстный охотникъ, обладалъ красивой наружностью, пользовался успѣхомъ у женщинъ и ловко умѣлъ лавировать на придворномъ паркетѣ; политикой онъ не особенно интересовался, придавая ей значеніе лишь тогда, когда она была ему нужна для придворныхъ цѣлей. Онъ зналъ, что воспоминаніе объ Ольмюцѣ было наилучшимъ средствомъ, чтобы заручиться содѣйствіемъ принца въ борьбѣ съ Мантейфелемъ, и пользовался случаемъ поддержать въ немъ это настроеніе.

Оппозиція встрѣтила поддержку въ лицѣ графа Роберта фонъ дербъ-Гольца, человѣка весьма дѣятельнаго и способнаго, котораго Мантейфель вымѣлъ однажды неосторожность обойти по службѣ. Потерявъ положеніе, графъ сдѣлался руководителемъ партїи, которая играла въ началѣ роль въ качествѣ придворной партїи, а во время регентства вошла въ составъ министерства. Она приобрѣла вліяніе на прессу посредствомъ основаннаго ею органа «Preussische Wochenblatt», дѣятельно вербовала себѣ сторонниковъ и черпала денежные средства изъ огромнаго состоянія Бетманъ-Гольвега и графовъ Фюрстенбергъ-Штаммгейма и Пурталеса. Выполненіе политической задачи, намѣченной этой партїей, главную цѣль которой составляло низверженіе Мантейфеля, взяли въ свои искусныя руки графы Гольцъ и Пурталесъ. Оба они отлично

говорили по французски, съ прекраснымъ акцентомъ, тогда какъ Мантейфелю приходилось пользоваться, при составленіи дипломатическихъ актовъ, услугами своихъ подчиненныхъ изъ французской колоніи въ Берлинѣ. Графъ Пурталесъ также имѣлъ столкновеніе съ президентомъ министровъ и былъ въ глазахъ короля его соперникомъ.

Можетъ быть Гольцъ и не рассчитывалъ быть непосредственнымъ преемникомъ Мантейфеля, но всячески надѣялся рано или поздно быть министромъ. Я, лично, много способствовалъ его назначенію сначала въ Петербургъ, а затѣмъ въ Парижъ.

Рудольфъ фонъ-Ауерсвальдъ также принадлежалъ къ оппозиціи, но въ іюнь мѣсяцѣ 1854 г., онъ пріѣзжалъ ко мнѣ во Франкфуртъ, чтобы заявить, что онъ готовъ бросить все это и, получивъ мѣсто посланника въ Бразиліи, онъ дастъ слово не вмѣшиваться болѣе въ дѣла внутренней политики.

Я совѣтывалъ Мантейфелю воспользоваться этимъ въ его личныхъ интересахъ, чтобы устранить подъ благовиднымъ предлогомъ этого умнаго и опытнаго противника, друга принца прусскаго, но его недовѣріе и антипатія къ Ауерсвальду были такъ велики, что онъ отклонилъ это назначеніе. Ауерсвальдъ остался въ Пруссіи и былъ однимъ изъ главныхъ посредниковъ между принцемъ и партией враждебной Мантейфелю.

Графъ Робертъ Гольцъ, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ молодыхъ лѣтъ, также пріѣзжалъ во Франкфуртъ, чтобы завербовать меня въ свою партію, но я отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, по скольку оно касалось низверженія Мантейфеля, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что такъ какъ самъ Мантейфель назначилъ меня съ полнымъ довѣріемъ во Франкфуртъ, то я считалъ бы нечестнымъ воспользоваться своимъ положеніемъ для того, чтобы низвергнуть его до тѣхъ поръ, пока онъ не вынудитъ меня порвать съ нимъ всякую связь; тогда я объявлю ему открыто войну и объясню ея причину.

Строгое порицаніе всего, что было сдѣлано въ Ольмюцѣ, хотя въ этомъ мѣстѣ были виноваты прусскіе уполномоченные, ведшіе переговоры, нежели неумѣлыя дѣйствія руководителей прусской политики и разъясненіе послѣдствій этой политики—таково было оружіе, которымъ Гольцъ поразилъ Мантейфеля и снискалъ расположеніе принца прусскаго. Съ его точки зрѣнія, какъ человѣка военнаго, Ольмюцкій договоръ былъ дѣломъ совершенно непонятнымъ; чувство обиды и огорченія, вызванное этимъ договоромъ, умѣрялось только военной дисциплиной и династической преданностью къ королю.

Несмотря на искреннюю преданность принца къ его русскимъ родственникамъ, которая выразилась въ горячей дружбѣ къ императору

Александрѣ II, онъ глубоко чувствовалъ униженіе, причиненное Пруссіи императоромъ Николаемъ; это чувство росло въ немъ по мѣрѣ того, какъ онъ не одобрялъ все болѣе и болѣе политику Мантейфеля, возмущался противъ домогательствъ Австріи, и выяснялъ себѣ роль, которую должна была играть Пруссія въ вопросѣ о политическомъ объединеніи Германіи, который до тѣхъ поръ былъ ему совершенно чуждъ.

Во время Крымской войны еще болѣе усилились нападки оппозиціи на Мантейфеля. Президентъ министровъ доказалъ свое твердое желаніе избѣгать разрыва съ Австріей, когда нашей дружбѣ съ этой державой угрожала опасность. Въ то время, когда въ Австріи министромъ былъ князь Шварценбергъ, въ эпоху Крымской войны и въ то время, когда Австрія старалась заручиться содѣйствіемъ Пруссіи для проведенія своей восточной политики, наши отношенія къ ней напоминали отношенія Лепорелло къ Донъ-Жуану. Когда всѣ государства германскаго союза настаивали во Франкфуртѣ на томъ, чтобы Пруссія взяла на себя роль ихъ защитницы отъ поползновеній Австріи и западныхъ державъ, то я, какъ представитель прусской политики, не могъ не испытать чувство горечи и стыда, видя какъ мы уступали требованіямъ Австріи, которыя предъявлялись даже не въ особенно вѣжливой формѣ, и какъ мы приносили въ жертву свою собственную политику и свои самостоятельныя убѣжденія, отступая шагъ за шагомъ и, увѣренные въ своей слабости, боясь Франціи и смиряясь передъ Англіей, думали найти спасеніе, идя на буксирѣ у Австріи. Король раздѣлялъ мой взглядъ, но не рѣшался выйти изъ этого положенія, прибѣгнувъ къ энергичной политикѣ.

Когда Англія и Франція объявили 28-го марта 1854 года ¹⁾ войну Россіи, мы заключили съ Австріей 20-го апрѣля наступательный и оборонительный союзъ, по которому Пруссія обязалась, въ случаѣ необходимости, выставить въ теченіе 36-ти дней 100.000 человекъ, изъ коихъ треть въ восточной Пруссіи, а двѣ трети въ Познань и Бреславль и увеличить, кромѣ того, армію, если бы потребовали обстоятельства, на 200.000 человекъ, дѣйствуя въ обоихъ случаяхъ по соглашенію съ Австріей.

3-го мая 1854 г., Мантейфель написалъ мнѣ слѣдующее обиженное письмо:

«Генералъ фонъ-Герлахъ только-что сообщилъ мнѣ, что его королевское величество приказалъ вамъ присутствовать здѣсь на совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью выяснить отношенія австро-прусскаго союза къ германскому союзу и, что генералъ уже писалъ вамъ объ этомъ.

¹⁾ Даты по новому стилю.

Въ виду этого высочайшаго приказанія, о которомъ мнѣ до сихъ поръ, впрочемъ, ничего не было извѣстно, я считаю необходимымъ предложить вамъ безотлагательно прибыть сюда. Принявъ во вниманіе предстоящія, въ скоромъ времени, засѣданія союзнаго сейма, я полагаю, что ваше пребываніе здѣсь не можетъ быть продолжительнымъ».

Во время переговоровъ, происходившихъ по поводу союза, заключеннаго 20-го апрѣля, я предлагалъ королю воспользоваться случаемъ, чтобы выйти изъ положенія подчиненнаго и, какъ мнѣ казалось, недостойнаго прусской политики, и занять то положеніе, на которое давали намъ право симпатіи и желанія нѣмецкихъ государствъ, которыя хотѣли соблюдать вмѣстѣ съ нами и при нашей поддержкѣ независимый нейтралитетъ. По моему мнѣнію, этого можно было достигнуть, изъявивъ готовность исполнить предъявленное намъ Австріей требованіе, выставить войско, но при этомъ слѣдовало выставить 66.000 и даже болѣе человекъ не у Лиссы, а въ Верхней Силезіи, чтобы наша армія могла перейти одинаково быстро и русскую и австрійскую границы, т. е. намъ слѣдовало не стѣсняясь выставить гораздо болѣе 100.000 человекъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи 200.000 человекъ, его величество былъ бы въ тотъ моментъ властителемъ судебъ Европы, могъ бы продиктовать условія мира и занять въ Германіи положеніе вполне достойное Пруссіи ¹⁾. Франція не могла особенно угрожать нашей западной границѣ, такъ какъ ея войска были заняты въ Крыму. Армія, которой располагала Австрія, находилась въ восточной Галиціи, гдѣ она пострадала отъ болѣзней гораздо болѣе нежели отъ потерь, понесенныхъ въ сраженіяхъ. Обѣ арміи были пригвождены къ мѣсту 200.000 войскомъ, которое Россія выставила въ Польшѣ, какъ значилось по крайней мѣрѣ на бумагѣ, и которое, будучи двинуто въ Крымъ, рѣшило бы участь войны, если бы этому не помѣшало войско, выставленное Австріей на границѣ. Нѣкоторые дипломаты тогда же включили въ свою программу проектъ возстановленія Польши подъ покровительствомъ Австріи. Обѣ вышеупомянутыя арміи стояли одна противъ другой и не могли никуда двинуться, такъ что Пруссія имѣла полную возможность дать перевѣсъ любой изъ нихъ, прійдя ей на помощь. Блокада, которой могли подвергнуться наши берега со стороны Англіи, не болѣе угрожала намъ опасностью, нежели блокада, которой мы подверглись нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ со стороны Даніи, которая заперла всѣ наши порты; мы были бы вознаграждены за это, освободившись сами и освободивъ Германію отъ угрозы австро-франкскаго союза и отъ гнета прочихъ нѣмецкихъ государствъ.

¹⁾ Сравни сказанное Бисмаркомъ въ рѣчи, произнесенной имъ въ рейхстагѣ 6-го февраля 1883 г. „Politische Reden“, XII, 459. Прим. издателя.

Во время Крымской войны, престарѣлый король Виртембергскій сказалъ мнѣ однажды, бесѣдуя со мною откровенно у камина, въ Штутгартѣ:

— Мы, южно-германскія государства, не можемъ рисковать одновременно враждою Австріи и Франціи; Страсбургъ слишкомъ близокъ отъ насъ; отсюда на насъ могутъ напасть, и съ запада на насъ нападутъ скорѣе нежели подоспѣтъ помощь изъ Берлина. Если непріятель неожиданно нападетъ на Виртембергъ, и я частнымъ образомъ удалось въ прусскій лагерь, то вопли моихъ подданныхъ, угнетенныхъ непріателемъ, призовутъ меня обратно; виртембергская рубашка мнѣ ближе къ тѣлу, нежели мантия союза ¹⁾.

Безнадежность, выразившаяся въ этихъ словахъ престарѣлаго монарха, которая имѣла свое основаніе, и болѣе или менѣе озлобленное настроеніе прочихъ союзныхъ государствъ, конечно, смѣнились бы другимъ чувствомъ, если бы рѣшительныя дѣйствія Пруссіи въ верхней Силезіи доказали, что Австрія и Франція не могли оказать намъ въ это время дѣятельнаго сопротивленія, и если бы мы энергично воспользовались ихъ довольно опаснымъ и неприкрытымъ положеніемъ. Убѣжденный тонъ, какимъ я объяснялъ королю положеніе дѣлъ и могущія произойти изъ этого послѣдствія, видимо произвелъ на него впечатлѣніе; онъ благосклонно улыбнулся и сказалъ мнѣ:

— Душа моя, все это прекрасно, но это обойдется мнѣ слишкомъ дорого. Столь рѣшительныя мѣры можетъ принимать человекъ такого закала, какъ Наполеонъ, а не я.

Рѣшеніе вѣмецкаго союза примкнуть къ договору, заключенному Австріей и Пруссіей 20-го апрѣля 1854 г., стараніе графа Буоля создать поводъ къ войнѣ, неудавшееся вслѣдствіе выступленія русскихъ войскъ изъ Молдавіи и Валахіи, предложенный имъ и заключенный 2-го декабря въ тайнѣ отъ Пруссіи договоръ съ западными державами, четыре пункта Вѣнской конференціи и дальнѣйшій ходъ событій вплоть до Парижскаго мира, заключеннаго 30-го марта 1856 г., описаны Зибелемъ на основаніи архивныхъ документовъ ²⁾, а мое участіе во всѣхъ этихъ вопросахъ, какъ лица должностнаго, изложено въ сочиненіи «Preussen im Bundestage». О томъ же, что дѣлалось въ это время въ кабинетѣ и о разныхъ соображеніяхъ и вліяніяхъ, коими опредѣлялись дѣйствія короля, мнѣ сообщалъ тогда письменно генераль фонъ-Герлахъ; приложу наиболѣе интересные отрывки изъ его писемъ.

Осенью 1855 г., мы придумали для этой корреспонденціи особый

¹⁾ Сравни сказанное Бисмаркомъ въ рѣчахъ отъ 22-го января 1864 г. и 2-го мая 1871 г. „Politische Reden“, II, 276, V, 52. Прии. издателя.

²⁾ См. „Русскую Старину“ 1898 года, № 1, „Друзья или недруги“.

шифръ, въ которомъ государства обозначались названіями извѣстныхъ намъ деревень, а люди Шекспировскими типами, что не было лишено нѣкотораго юмора.

24-го апрѣля 1854 г., Берлинъ.

«Мантейфель привелъ въ исполненіе рѣшеніе принятое имъ съ (фельдцейхмейстеромъ) Гессомъ и сдѣлалъ это такъ, что я могу это назвать не иначе какъ проиграннымъ сраженіемъ. Всѣ мои военныя расчеты, всѣ ваши письма, которыя доказывали самымъ неоспоримымъ образомъ, что Австрія никогда не рѣшится прійти безъ насъ къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію съ западными державами, ни къ чему не привели. Какъ бы то ни было, это рѣшеніе стало *un fait accompli* и намъ приходится теперь, какъ послѣ проиграннаго сраженія, собирать силы, чтобы противустать снова противнику; надобно замѣтить, что въ договорѣ, все основано на взаимномъ соглашеніи. Непремѣннымъ и весьма неприятнымъ послѣдствіемъ этого будетъ то обстоятельство, что какъ только мы станемъ настаивать на объясненіи, которое покажется намъ наиболѣе правильнымъ, насъ тотчасъ обвиняютъ въ двоедушіи и нарушеніи даннаго слова. Къ этому надо приготовиться и не обращать на это вниманія; но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно стараться предупредить это теперь же, пока еще не произошло столкновенія, и выяснить въ Вѣнѣ и во Франкфуртѣ нашъ взглядъ на этотъ договоръ, ибо при теперешнемъ положеніи дѣлъ у энергичнаго, дѣятельнаго министра иностранныхъ дѣлъ руки еще не связаны. Мы дѣлаемъ всѣ шаги въ Петербургѣ самостоятельно, слѣдовательно, можемъ оставаться послѣдовательны и достигнуть во всякомъ случаѣ соглашенія и взаимности и всего того, чего не достаетъ въ договорѣ. Будберга я старался успокоить по мѣрѣ силъ; Нибуръ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ весьма усердно и дѣятельно и держитъ себя какъ всегда ловко и превосходно. Но какой толкъ зашивать эти прорѣхи; въ концѣ-концовъ все же это неблагодарная работа...»

1-го іюля 1854 г., Санъ-Суси.

«Дѣла снова страшно запутались, но пока они еще въ такомъ положеніи, что если дойдемъ до развязки, то можно ожидать благоприятнаго окончанія... Если мы не удержимъ Австрію какъ можно долѣе, то возьмемъ этимъ на душу большой грѣхъ, вызовемъ къ жизни союзъ трехъ государствъ, составляющій основу Рейнскаго союза, и дадимъ Франціи возможность распространить свое вліяніе до воротъ Берлина. Въ настоящій моментъ жители Бамберга сдѣлали попытку образовать тройственный союзъ подъ покровительствомъ Россіи, отлично понимая, что не трудно переимѣнить протекторатъ тѣмъ болѣе, что въ концѣ-концовъ дѣло все-таки окончится франко-русскимъ союзомъ, если Англія не приметъ всего безумія войны и союза съ Франціей...»

Шарлоттенбургъ, 9-го августа 1864 г.

«...Въ настоящее время Мантейфель вполне благоразуменъ, но полагаться на него нельзя. Мнѣ кажется, вамъ предстоитъ наставить обѣ стороны на путь истинный. Во-первыхъ, вы должны дать понять вашему другу, Прокешу ¹⁾, что въ настоящее время намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности идти по стопамъ Австріи въ ея желаніи во что бы то ни стало воевать съ Россіей. Затѣмъ, вамъ надобно указать нѣмецкимъ государствамъ тотъ путь, по которому имъ надлежитъ идти...

«Какъ жаль, что пребываніе (короля Фридриха-Вильгельма) въ Мюнхенѣ снова возбудило въ извѣстныхъ кругахъ германскій энтузіазмъ. Мечта о нѣмецкой резервной арміи съ нимъ во главѣ дурно вліяетъ на политику. Людовикъ XIV говорилъ: l'état c'est moi. Его величество имѣетъ несравненно болѣе права сказать: l'Allemagne c'est moi» ²⁾.

Слѣдующее письмо, полученное мною отъ личнаго секретаря короля, Нибура, дало мнѣ болѣе ясное понятіе о настроеніи, господствовавшемъ при дворѣ.

Путтбусъ, 22-го августа 1864 г.

«Я не отрицаю добрыхъ намѣреній, хотя они направлены, по моему мнѣнію, не туда, куда нужно, и выполняются не такъ, какъ слѣдуетъ; я не отрицаю также, что мы имѣемъ право соблюдать свои интересы, хотя это совершенно протаворѣчитъ тому, что я считаю правильнымъ. Но я требую правды и ясности, и отсутствіе ихъ можетъ довести меня до отчаянія. Я не могу упрекнуть нашу политику въ недостаткѣ правдивости во вѣнскихъ дѣлахъ, но она заслуживаетъ этого упрека по отношенію къ намъ самимъ. Мы очутились бы въ совершенно иномъ положеніи и не сдѣлали бы многого, если бы сознали истинные мотивы, руководившіе нашими дѣйствіями, а не морочили бы себя тѣмъ, что дѣйствія нашей политики вытекаютъ изъ ея основныхъ принциповъ. Истинная причина того, что мы не отказались отъ участія въ конференціи, происходившей въ Вѣнѣ послѣ того, какъ англо-французскій флотъ вступилъ въ Дарданеллы, и поддерживали послѣднее время въ Петербургѣ требованія западныхъ державъ и Австріи, заключается въ ребяческомъ страхѣ, что «насъ исключатъ изъ concert européen» и что «мы утратимъ положеніе великой державы». Нелѣпѣ этого ничего нельзя себѣ представить. Нелѣпо говорить о европейскомъ концертѣ въ то время, когда двѣ державы воюютъ съ третьей; притомъ, мы обязаны положеніемъ великой державы разумѣется не угодливости Лондона, Парижа или Вѣны, а превосходству нашего оружія. Къ этому

¹⁾ Графъ Антонъ Прокешъ (Prokesch), австрійскій дипломатъ, р. 1795 г. † 1876 г. Въ 1853 году былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ. В. В.

²⁾ Briefwechsel, стр. 181.

Прим. издателя.

примѣшивается нѣкоторая раздражительность противъ Россіи, которую я вполне понимаю и которой нельзя въ настоящее время поддаваться, не повредивъ этимъ себѣ.

Наши поступки не могутъ быть вполне понятны, если мы не дѣйствуемъ чистосердечно, поэтому хотя мы возвращаемся и не въ такихъ потемкахъ, какъ въ Вѣнѣ, гдѣ все дѣлается какъ бы съ просонья, словно Россіи война уже объявлена: но моему слабому уму все же непостижимо, какъ можно въ одно и то же время быть нейтральнымъ, взять на себя роль примирителя и вмѣстѣ съ тѣмъ стоять за предложенія въ родѣ тѣхъ, которыя были сдѣланы въ послѣднее время морскими державами».

Приводимые ниже отрывки заимствованы также изъ писемъ Герлаха.

Санъ-Суси, 13-го октября 1854 г.

«...Въ Вѣнѣ повидимому рѣшили воевать. Тамъ поняли, что нельзя болѣе оставаться въ выжидательномъ положеніи, готовыми къ бою, что это невыносимо даже со стороны финансовъ, но возвратиться вспять считаютъ опаснѣе нежели идти впередъ. Вернуть войска въ самокъ дѣлѣ не такъ-то легко и я не вижу причины, которая могла бы побудить къ этому императора. Австрія можетъ, на первыхъ порахъ, помириться съ революціонными планами западныхъ державъ, напр. съ восстановленіемъ Польши, съ безцеремоннымъ отношеніемъ къ Россіи и т. д., легче, нежели Пруссія; равно не подлежитъ сомнѣнію, что Франція и Англія скорѣе могутъ создать затрудненія Австріи въ Италіи и Венгріи, нежели намъ. Императоръ въ рукахъ своей полиціи; что это значитъ, я понялъ въ послѣдніе годы; онъ повѣрилъ, будто бы Россія подстрекнула Кошута и т. п., этимъ онъ успокоилъ свою совѣсть; чего же не въ состояніи сдѣлать полиція, то сдѣлаютъ ультрамонтане изъ ненависти къ православной церкви и къ протестантской Пруссіи. Поэтому уже поговариваютъ о королевствѣ польскомъ подъ управленіемъ австрійскаго эрцгерцога... Изъ всего этого слѣдуетъ, что надобно быть весьма на сторожѣ и готовымъ ко всему, даже къ войнѣ съ союзными Австріи западными державами, и что нѣмецкимъ князьямъ довѣрять нельзя. Дай Богъ, чтобы насъ не признали слабыми, но, положи руку на сердце, я не могу сказать, чтобы я особенно довѣрялъ тѣмъ, кто руководить нашей судьбою. Поэтому намъ необходимо тѣсно сплотиться¹⁾».

Санъ-Суси, 15-го ноября 1854 г.

«...Что касается Австріи, то ея политика выяснилась мнѣ наконецъ изъ послѣднихъ переговоровъ. Въ мои лѣта соображаешь не особенно

¹⁾ Briefwechsel, стр. 191.

быстро. Австрійская политика, по существу не ультрамонтанская, какъ воображаетъ его величество, хотя она и пользуется ультрамонтанами смотря по надобности. Австрія не преслѣдуетъ обширныхъ завоевательныхъ плановъ на Востока, она не мечтаетъ объ императорской коронѣ; ея политика есть политика страха, въ основѣ котораго лежитъ затруднительное положеніе внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ въ Италіи и Венгріи, запутанное положеніе ея финансовъ, боязнь Наполеона, боязнь мести со стороны Россіи, а также боязнь Пруссіи, отъ которой ожидать гораздо болѣе дурного, нежели у насъ думаютъ. Мейендорфъ говорить: «Мой зять Буоль—политическій прох—ъ, онъ боится всякой войны, но съ Франціей, разумеется, болѣе нежели съ Россіей». Мнѣніе вполне справедливое».

Потсдамъ, 4-го января 1855 г.

«Мантейфель—убѣжденный бонапартистъ; припомните его поведеніе во время *coup d'état* и если хотите знать что-нибудь новенькое, то я скажу вамъ, что онъ написалъ Вертеру (тогда посланникъ въ Петербургъ) слѣдующую нелѣпность: «Если мы хотимъ извлечь пользу изъ Россіи, то намъ слѣдуетъ присоединиться къ договору 2-го декабря, чтобы участвовать въ переговорахъ».

«Если переговоры, происходящіе въ Вѣнѣ, примутъ такой оборотъ, при которомъ можно будетъ рассчитывать на успѣхъ, то и насъ постараются привлечь къ участию въ нихъ и нами не пренебрегутъ съ нашими 300.000 человекъ войска.

«Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы пріѣхали сюда хоть на нѣсколько дней для того, чтобы ориентироваться. Я знаю по личному опыту, какъ легко выбиться изъ колеи при продолжительномъ отсутствіи. Въ виду вашихъ личныхъ свойствъ мнѣ очень трудно объяснить вамъ положеніе дѣлъ у насъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ замѣшаны люди безпринципные и на которыхъ нельзя положиться. Мнѣ всегда очень неприятно, когда его величество секретничаетъ съ Мантейфелемъ. Когда король увѣренъ въ своей правотѣ передъ Богомъ и передъ своей совѣстью, то онъ бываетъ откровеннѣе не только со мною, но и со многими другими нежели съ Мантейфелемъ. При этомъ секретничанья является какое-то сочетаніе слабости и лукавства, съ одной стороны, и страшнаго подобострастія—съ другою, что ведетъ обыкновенно къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ ¹⁾».

Берлинъ, 23-го января 1855 г.

«Меня весьма печалитъ бонапартизмъ, обуявшій всѣхъ и каждого, а равно индеферентизмъ и легкомысліе, съ какими всѣ относятся къ этому надвигающемуся величайшему изъ всѣхъ золъ. Неужели же такъ

¹⁾ Ср. Briefwechsel, стр. 216.

Прим. издателя.

трудно разгадать чего собственно добивается этотъ человекъ? Да и въ какомъ положеніи находятся здѣсь дѣла? The king can do no wrong. Объ этомъ я молчу; Мантейфель—ярый бонапартистъ. Бунзекъ и Узедомъ—совершенно не пруссаки. Гатцфельда, который находится въ Парижѣ и женатъ на бонапартисткѣ, до того обошли, что его зять, находящійся тутъ, сравнивая Наполеона III съ Наполеономъ I, называетъ послѣдняго осломъ. Что изъ этого выйдетъ и можно ли упрекать короля, когда у него такіе слуги. О постороннихъ совѣтникахъ остается только умолчать.

«Дѣятельная, предприимчивая анти-австрійская политика встрѣтить со стороны Мантейфеля еще менѣе сочувствія нежели со стороны короля, хотя въ то время, когда мы обсуждали этотъ вопросъ съ моимъ начальникомъ съ глаза на глазъ, казалось, что онъ раздѣляетъ мое негодованіе, какъ пруссака, по поводу обиднаго пренебреженія, съ какимъ относилось къ намъ министерство Буоля, Пронеша и пр. Когда же дошло до дѣла, чтобы совершить рѣшительный дипломатическій шагъ въ анти-австрійскомъ духѣ или хотя бы только отнестись къ Россіи такъ, чтобы не стать къ этой, доселѣ намъ дружественной державѣ, въ отношенія явно враждебныя, то разногласіе между королемъ и президентомъ министровъ доходило обыкновенно до того, что дѣло едва не кончалось отставкою кабинета и король угрожалъ Мантейфелю мною или графомъ Альвенслебеномъ, а однажды, зимою 1854 г., даже графомъ Пургалесомъ, который принадлежалъ къ партіи Беттманна Гольвега и имѣлъ на дѣла внѣшней политики взгляды совершенно противоположныя моимъ, и едва ли могъ сойтись въ этомъ случаѣ съ графомъ Альвенслебеномъ.

«Столкновенія эти кончались обыкновенно примиреніемъ короля съ министромъ. Одинъ изъ трехъ кандидатовъ на министерскій постъ, графъ Альвенслебенъ, заявилъ во всеуслышаніе, что онъ не желаетъ принять никакой официальной должности при этомъ монархѣ. Король хотѣлъ послать меня къ нему въ Эркслебенъ ¹⁾, но я отклонилъ это порученіе на томъ основаніи, что Альвенслебенъ незадолго передъ тѣмъ высказалъ мнѣ во Франкфуртѣ свое рѣшеніе въ довольно рѣзкой формѣ. Но когда мы съ нимъ увидѣлись вновь, то его недовольство прошло и онъ былъ готовъ отвѣтить на предложеніе его величества согласіемъ, выразивъ при этомъ желаніе, чтобы я вступилъ въ такомъ случаѣ въ министерство вмѣстѣ съ нимъ. Но король не упоминалъ болѣе объ Альвенслебенѣ, можетъ быть потому, что вскорѣ послѣ моей поѣздки въ Парижъ (въ августѣ мѣсяцѣ 1855 г.) при дворѣ произошло ко мнѣ охлажденіе, собственно говоря со стороны ея величества королевы.

¹⁾ Erkleben—село недалеко отъ Магдебурга.

Графъ Пурталесъ, вслѣдствіе своего богатства, казался королю слишкомъ «независимымъ». Король находилъ, что министры, не имѣющіе своего собственнаго состоянія и живущіе однимъ содержаніемъ, болѣе способны подчиняться. Я также уклонялся по мѣрѣ возможности отъ отвѣтственнаго поста при этомъ монархѣ и всегда старался помирить его съ Мантейфелемъ, къ которому вѣднѣ съ этой цѣлью въ его имѣніе (Дрансдорфъ) ¹⁾.

«При этихъ обстоятельствахъ журнальная партія, какъ ее называли, вела удивительно двойственную игру. Я помню, какими объемистыми записками обмѣнивались эти господа, которые надѣялись привлечь меня въ свою партію, познакомивъ съ содержаніемъ этихъ записокъ, въ конхъ была намѣчена цѣль, къ которой должна была стремиться Пруссія, какъ передовой боецъ Европы; цѣль эта заключалась въ расчлененіи Россіи, отнятіи у нея остзейскихъ губерній, которыя, включая Петербургъ, должны были отойти къ Пруссіи и Швеціи, и всѣхъ земель, составившихъ территорію польской республики въ самыхъ обширныхъ ея предѣлахъ, въ раздробленіи остальной части на Великороссію и Малороссію.

«Въ оправданіе этой программы ссылались на теорію барона Гакстаузена (исслѣдованіе о внутреннихъ отношеніяхъ народной жизни и въ особенности о сельскихъ учрежденіяхъ Россіи), который доказывалъ, что эти три области, взаимно дополняющія другъ друга своими произведеніями, составляя одно цѣлое, дадутъ многомилліонному русскому народу перевѣсъ надъ остальною Европою».

Изъ этой теоріи дѣлали выводъ о необходимости соблюдать естественный союзъ съ Англіей, намекая на то, что если Пруссія поможетъ ей войсками противъ Россіи, то и она съ своей стороны поддержитъ прусскую политику въ такъ называемомъ «готовскомъ» смыслѣ ¹⁾.

Будущее политическое устройство Германіи, завоеванное вполнѣдствіи войсками короля Вильгельма на полѣ битвы, было совершенно вѣрно предугадано общественнымъ мнѣніемъ Англіи вмѣстѣ съ принцемъ Альбертомъ, который давалъ королю и прусскому принцу непрощенныя наставленія, и лордомъ Пальмерстономъ, который въ разговорѣ съ депутаціей радикаловъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1851 г., назвалъ

¹⁾ См. Politische Reden. XII, 448.

Примѣч. издателя

²⁾ Готовцами (Gothaer), были прозваны лица, принадлежавшія къ партіи наследника престола во франкфуртскомъ парламентѣ, которые, собравшись въ іюнь мѣсяцѣ 1849 г. въ г. Гота, рѣшили поддерживать объединительныя стремленія Германіи и выборы въ эрфуртскій парламентъ, на который была принята въ 1850 г. союзная конституція.

В. В.

Англію разсудительнымъ секундантомъ всякаго народа, борющагося за свою свободу, я объявилъ, въ своихъ брошюрахъ, принца Альберта опаснымъ противникомъ своихъ освободительныхъ стремленій. Никто не чувствовалъ потребности обсудить какъ слѣдуетъ вопросъ о томъ, захочетъ ли Пальмерстонъ или какой-нибудь другой англійскій министръ, идя рука объ руку съ готовскими либералами и съ оппозиціей прусскаго двора, вызвать Европу на неравную борьбу и принести интересы Англіи въ жертву на алтарь нѣмецкихъ объединительныхъ стремленій; никто не хотѣлъ обсудить, въ состояніи ли это сдѣлать Англія, не встрѣтивъ поддержки другихъ континентальныхъ державъ, при содѣйствіи одной только прусской политики, руководимой въ Кобургскомъ духѣ; менѣе всего объ этомъ думали тѣ лица, которые рекомендовали производить подобные эксперименты. Пробѣлы, которые замѣчались въ шаткомъ зданіи тогдашней западной политики придворной оппозиціи, прикрывалось фразой и готовностью одобрить, ради партійныхъ интересовъ, всякую глупость. Этими ребяческими утопіями тѣшились люди несомнѣнно умные, играя въ партіи Беттманъ-Гольвега роль государственныхъ людей; они считали возможнымъ отнестись къ шестидесяти милліонамъ великорусскаго народа какъ къ *caput mortuum*, съ которымъ можно поступать жестоко, не создавъ этимъ союзника для всякаго будущаго врага Пруссіи и не думая, что въ случаѣ войны съ Франціей Пруссія будетъ этимъ поставлена въ необходимость прикрывать свой тылъ отъ Польши, ибо немислимо устроить дѣла въ Пруссіи, Познани и даже Шлезвигѣ такимъ путемъ, который удовлетворилъ бы Польшу, не нарушивъ этимъ цѣлости самой Пруссіи. Эти политики не только сами мнили себя въ то время мудрецами, ихъ превозносила такъовыми и либеральная пресса.

Изъ произведеній, украсившихъ страницы «Preussisches Wochenblatt», мнѣ запомнилась въ особенности записка, составленная, яко-бы, въ царствованіе императора Николая въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ, для руководства наслѣдника престола; въ этой запискѣ были изложены, въ примѣненіи къ современному положенію, основныя черты русской политики, намѣченныя въ подложномъ завѣщаніи Петра Великаго, которое было издано въ 1810 г. въ Парижѣ, и Россіи приписывались разные злые умыслы противъ остальныхъ государствъ, съ цѣлью владычествовать надъ міромъ. Мнѣ говорили впоследствии, что это сочиненіе, которое распространилось въ заграничной и преимущественно въ англійской прессѣ, было написано Константиномъ Францомъ.

Въ то время, какъ Гольцъ и его берлинскіе сподвижники вели свое дѣло довольно ловко, примѣромъ чего можетъ служить вышеупомянутая статья, Бунзенъ, посланникъ въ Лондонѣ, имѣлъ неосторожность по-

слать, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 г., министру Мантейфелю пространную записку, въ которой онъ настаивалъ на восстановленіи Польши, расширеніи Австріи до Крыма, утвержденія Эрнестинской линіи на саксонскомъ престолѣ и т. п. и совѣтывалъ Пруссіи содѣйствовать осуществленію этой программы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ берлинскому двору, что англійское правительство не будетъ имѣть ничего противъ того, чтобы Пруссія заняла Приельбскія герцогства, если она прикнетъ къ западнымъ державамъ; въ Лондонѣ же онъ далъ понять, что прусское правительство согласится на это, если ему будетъ обѣщано означенное вознагражденіе¹⁾. Оба эти заявленія были сдѣланы имъ безъ всякаго на то уполномочія. Когда это дошло до свѣдѣнія короля, то несмотря на всю его любовь къ Бунзону, онъ былъ этимъ крайне возмущенъ и приказалъ ему, черезъ Мантейфеля, проситься въ отставку; вскорѣ послѣ этого онъ былъ уволенъ въ отставку. Въ біографіи Бунзена, выданной его семьей, перепечатана упомянутая записка, съ пропускомъ наиболѣе рѣзкихъ мѣстъ, но безъ указанія на эти пропуски; тамъ же приведена, въ односторонней окраскѣ, официальная переписка, окончившаяся его отставкой.

Въ 1882 г. въ печати проявилось письмо принца Альберта къ барону фонь-Штокмару, въ которомъ «паденіе Бунзена» объясняется русской интригой, и поведеніе короля изображено не согласно съ истинной; это подало поводъ обнародовать, на основаніи документовъ, полный текстъ записки и весь ходъ дѣла, впрочемъ все-таки съ нѣкоторыми ограниченіями (*Deutsche Revue*, 1882, стр. 152).

Принцъ прусскій не былъ посвященъ въ планы, имѣвшіе цѣлью расчлененіе Россіи. Будучи вызванъ въ Берлинъ для того, чтобы уладить недоразумѣніе, возникшее у короля съ Мантейфелемъ, я имѣлъ случай бесѣдовать съ принцемъ и изъ разговора съ нимъ выяснилъ себѣ какимъ образомъ удалось настроить его противъ Россіи и какъ могли достигнуть того, что принцъ, который, не сочувствуя либеральной и національной политикѣ короля, выражалъ свое мнѣніе до 1848 г. не выходя изъ границъ должнаго братскаго почтенія и повиновенія, началъ дѣйствовать довольно энергично въ оппозиціи правительственной политикѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Берлинъ, я былъ приглашенъ къ принцу, который, дѣйствуя очевидно подъ влияніемъ окружающихъ, выразилъ желаніе, чтобы я говорилъ съ королемъ въ антирусскомъ, западническомъ духѣ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы увидите тутъ два противоположныя теченія, представителемъ одного изъ нихъ является Мантейфель, представителемъ другого, дружественнаго Россіи направленія служатъ здѣсь Герлахъ и графъ

¹⁾ Ср. Sybel, *Die Begründung des Deutschen Reichs*, II, 181.

Мюнстеръ въ Петербургѣ. Вы являетесь сюда со свѣжими взглядами; король призываетъ васъ до нѣкоторой степени въ качествѣ посредника, поэтому ваше мнѣніе можетъ быть рѣшающимъ. Умоляю васъ высказать его въ томъ смыслѣ, котораго требуетъ не только польза Европы, но и истинное, дружеское участіе къ Россіи. Она возстановила противъ себя всю Европу и въ концѣ концовъ должна будетъ покориться. Всѣ эти великолѣпныя войска (это было сказано послѣ неудачнаго для русскихъ сраженія на Альмѣ), всѣ наши друзья были бы еще живы, если бы мы взяли за дѣло какъ слѣдуетъ и принудили бы Россію къ миру. Дѣло кончится тѣмъ, что Россія, нашъ старинный другъ и союзникъ, будетъ уничтожена или ей будетъ нанесенъ большой ущербъ. Задача, возложенная на насъ Провидѣніемъ, заключается въ томъ, чтобы диктаторски предписать миръ и спасти нашего друга хотя бы противъ его воли.

Такова была роль, которую Гольцъ, Альбертъ Пурталесъ и Узедомъ придумали для Пруссіи въ своей политической программѣ, разсчитанной на сверженіе Мантейфеля и въ этомъ приблизительно смыслѣ они сѣмъли навязать ее принцу; имъ не мало помогла антипатія къ Россіи принцессы, его супруги.

Желая измѣнить его взглядъ на это дѣло я сталъ доказывать, что мы не имѣемъ, лично, ровно никакой причины воевать съ Россіей и что у насъ нѣтъ въ Восточномъ вопросѣ никакихъ интересовъ, которые оправдывали бы такую войну или хотя бы необходимость принести въ жертву наши давнія, многолѣтнія дружескія отношенія къ этой державѣ и что, напротивъ, каждая побѣдоносная война съ Россіей угрожаетъ намъ, какъ ея сосѣдямъ, не только въ томъ отношеніи, что она можетъ вызвать у русскихъ желаніе отомстить за то, что мы напали на нее не имѣя къ тому ни малѣйшаго повода, но можетъ навязать намъ еще весьма затруднительную задачу, а именно—рѣшеніе польскаго вопроса въ смыслѣ сколько нибудь желательномъ для Пруссіи. Если же наши собственные интересы не только не требуютъ разрыва съ Россіей, но даже говорятъ противъ этого, то нападъ на нашего бывшего друга и вѣрнаго сосѣда, не будучи къ тому вызваны имъ, мы сдѣлаемъ это либо изъ боязни Франціи, либо изъ желанія оказать услугу Англіи и Австріи. Мы разыграемъ въ такомъ случаѣ роль индѣйскаго вассальнаго принца, который, находясь подъ покровительствомъ Англіи, обязанъ сражаться за нее, или роль, которую игралъ корнусъ Іорка во время похода нашихъ войскъ въ 1812 г., когда весьма попятная, въ то время, боязнь Франціи заставила насъ быть ея покорной союзницей.

Мои слова задѣли принца за живое, онъ вспыхнулъ отъ гнѣва и прервавъ меня сказалъ:

— О вассалахъ и страхѣ не можетъ быть и рѣчи.

Однако онъ не прекратилъ разговоръ. Тотъ, кто пользовался его довѣріемъ и благосклонностью, могъ довольно свободно и даже нѣсколько рѣзко высказывать ему свой взглядъ. Я понялъ, что мнѣ не удастся поколебать мнѣніе, которое принцъ составилъ себѣ подъ вліяніемъ домашнаго, Англіи и Веттманнъ-Голльвегской партіи. Вліяніе послѣдней еще могло бы быть поколеблено, но я никакъ не могъ побороть вліяніе принцессы, его супруги.

Во время Крымской кампаніи была обнаружена кража депешъ, которая продолжалась довольно долго и, если не ошибаюсь, именно была вызвана войною. Одинъ обдѣившій полицейскій агентъ (Tächer) доказалъ свою ловкость нѣсколько лѣтъ тому назадъ тѣмъ, что переплывая ночью р. Шире, онъ проникалъ въ виллу, которую занималъ въ то время графъ Берссонъ, французскій посланникъ въ Берлинѣ, и списывалъ его бумаги; этотъ человекъ и былъ употребленъ министромъ Мантейфелемъ, получилъ при посредствѣ подкупленныхъ слугъ доступъ къ портфелю, въ которомъ хранились получаемыя депеши и переписка, происходившая по поводу ихъ между королемъ, Герлахомъ и Нибуромъ, и снималъ съ нихъ копіи. Вознагражденный Мантейфель съ чисто прусской скупостью, онъ искалъ случая примѣнить свои способности въ иномъ мѣстѣ и при посредствѣ агента Гассенкруга нашелъ себѣ дѣло у французскаго посланника Мустье и у нѣкоторыхъ другихъ лицъ ¹⁾).

Къ числу клиентовъ этого агента принадлежалъ между прочимъ президентъ полиціи, фонъ-Гинкельдей. Онъ явился однажды къ генералу Герлаху съ копіей письма, въ которомъ тотъ писалъ кому-то, по всей вѣроятности Нибуру: «Въ то время, когда король былъ въ Стольценфельсѣ съ высочайшими гостями, туда съѣхались такія-то и такія-то личности, въ числѣ ихъ былъ и Гинкельдей; въ библин говорится, что гдѣ орелъ, туда слетаются и орлы; въ этомъ случаѣ можно бы сказать, что гдѣ орелъ, туда сбѣгаютъ и ослы». Гинкельдей потребовалъ у генерала по этому поводу объясненія; когда же, на вопросъ Герлаха какимъ образомъ онъ получилъ это письмо, президентъ отвѣчалъ: «Это письмо обошлось мнѣ 30 талеровъ», то генералъ воскликнулъ:

— Какая расточительность! Я написалъ бы вамъ за 30 талеровъ десять такихъ писемъ!

Дополненіемъ къ тому, что было сказано мною официально по поводу участія Пруссіи въ мирныхъ переговорахъ, происходившихъ въ Парижѣ («Preussen im Bundestage», ч. II, стр. 312—317, 337—339, 350), служить слѣдующее письмо мое къ Герлаху:

¹⁾ См. „Gerlach's Denkwürdigkeiten“, II, 346.

Франкфуртъ, 11-го февраля 1856 г.

«Я все еще надѣялся, что мы займемъ болѣе прочное положеніе прежде, нежели насъ рѣшатся пригласить къ участию въ конференціяхъ и что мы не измѣнимъ его, хотя бы этого приглашенія не воспослѣдовало. По моему мнѣнію, только этимъ путемъ мы и могли бы добиться того, чтобы намъ предложили принять въ нихъ участіе. Но, судя по инструкціямъ, полученнымъ мною вчера, мы хотимъ, не долго думая, согласиться, съ болѣшими или меньшими ограниченіями, на такое рѣшеніе, которое обяжетъ насъ и союзъ къ соблюденію предварительныхъ условій мирнаго договора. Если имъ удастся заручиться этимъ обѣщаніемъ съ нашей стороны, въ то время какъ западныя державы и Австрія подписали еще только «проектъ» предварительныхъ условій мира, то ради чего же съ нами будутъ някнчиться на конференціяхъ. Болѣе вѣроятія, что воспользуются, смотря по надобности, согласіемъ, которое будетъ дано нами и прочими нѣмецкими государствами на сеймѣ, въ увѣренности, что стоитъ потребовать—и мы на все согласимся. Мы слышкомъ добры для этого мира. Мнѣ неприлично критиковать рѣшенія его величества и моего начальника, когда она уже ими приняты (12-го февраля), но все мое существо, помимо воли, протестуетъ противъ этого. По полученіи упомянутой инструкціи, заставляющей насъ дѣйствовать противъ нашего желанія, я страдалъ непрерывно цѣлыхъ двое сутокъ рвотою съ желчью, а лихорадка до сихъ поръ не оставляетъ меня. Я могу сравнить свое тѣлесное и душевное состояніе только съ тѣмъ, что я испыталъ весною 1848 года; чѣмъ болѣе я обдумываю положеніе дѣлъ, тѣмъ менѣе нахожу удовлетворенія моему прусскому чувству чести. Недѣлю тому назадъ все казалось мнѣ еще твердо и прочно и я самъ просилъ Мантейфеля предоставить Австріи выборъ между двумя предложеніями, которыя мы съ ней могли бы одобрить, но я не воображалъ, что графъ Буоль отвергнетъ оба эти предложенія и предпшетъ намъ, по собственному своему усмотрѣнію, даже отвѣтъ, который намъ слѣдуетъ дать. Я надѣялся, что каковъ ни будетъ въ концѣ концовъ нашъ отвѣтъ, мы все же не попадемъ въ западню до тѣхъ поръ, пока ваше участіе въ конференціяхъ не будетъ дѣломъ рѣшеннымъ.

«Такимъ ли представляется наше положеніе въ настоящій моментъ? Австрія, въ теченіе двухъ лѣтъ, четыре раза продѣлала съ нами одну и ту же штуку: она требовала, чтобы мы упустили изъ-подъ ногъ всю почву, на которой мы стояли,—и мы уступили, послѣ нѣкотораго колебанія, половину ея или около этого. Теперь дѣло идетъ о послѣдней пяди, на которой можетъ быть воздвигнуто прусское зданіе. Успѣхъ сдѣлалъ Австрію заносчивой и она требуетъ теперь не только, чтобы мы, называющіе себя великой державой и претендующіе на равноправность

съ нею, пожертвовали ей остатокъ нашего независимаго положенія, она даже предписываетъ намъ, въ какихъ именно выраженіяхъ мы должны сдѣлать это отреченіе, приказываетъ намъ дѣйствовать съ неприличной, по часамъ разсчитанной, поспѣшностью, и отказываетъ намъ въ какомъ бы то ни было вознагражденіи, которое могло бы заживить наши раны. Мы не дерзаемъ даже сдѣлать ни малѣйшей поправки въ заявленіи, которое она предписываетъ сдѣлать Пруссіи и Германіи.

«Пфортенъ ¹⁾ рѣшаетъ дѣло съ Австріей, полагая, что онъ впередъ можетъ рассчитывать на согласіе Пруссіи, и что если Баварія выскажетъ свое мнѣніе, то это будетъ для Пруссіи *res judicata*. Послѣдніе два года, при подобныхъ же обстоятельствахъ мы предъявляли, по крайней мѣрѣ въ самомъ началѣ, нѣмецкимъ дворамъ прусскую программу, и никто не дерзалъ принимать окончательнаго рѣшенія прежде, нежели мы придемъ къ соглашенію съ Австріей. Теперь же Баварія договаривается съ Австріей, а мы подчиняемся за одно съ Дармштадтомъ и Ольденбургомъ. Мы отдаемъ при этомъ послѣднее изъ того, что отъ насъ могутъ потребовать, а когда Австрія будетъ имѣть въ карманѣ рѣшеніе союза, включая согласіе Пруссіи, то мы увидимъ, какъ Буоль, пожимая плечами, будетъ говорить съ сожалѣніемъ о невозможности преодолѣть нежеланіе державъ допустить насъ къ участию въ конференціяхъ. На поддержку Россіи, въ этомъ случаѣ, по моему мнѣнію, нельзя рассчитывать, ибо уныніе, которое овладѣетъ нами, когда мы промѣняемъ остатокъ нашей политики за входный билетъ на конференцію, должно быть какъ нельзя болѣе пріятно русскимъ. Кромѣ того, они, очевидно, менѣе надѣются на нашу поддержку на конференціяхъ, нежели опасаются, что мы, въ роли «посредника», будемъ поддерживать политику ихъ противниковъ. Несмотря на всю дипломатическую хитрость Бруннова, мои разговоры съ нимъ и письма изъ Петербурга, мною прочитанныя, не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

«Единственное средство добиться участія въ конференціяхъ есть и будетъ нѣкоторая сдержанность съ нашей стороны относительно нашего рѣшенія на австрійское предложеніе. Что за охота будетъ имѣть на конференціяхъ прусскаго спорщика, когда рѣшеніе союза и выѣстъ съ нимъ мы сами будемъ у нихъ въ карманѣ? Австрія съумѣетъ предъявить его въ то время, когда насъ тамъ не будетъ. Изъ оффиціозной нѣмецкой прессы и изъ поведенія Рехберга вытекаетъ ясно, что она и теперь уже ограничиваетъ пятою статьею жалкую оговорку, сдѣланную къ австро-баварскому проекту. Намъ и союзу предоставляется право

¹⁾ Баронъ Людвигъ фонъ-Пфортенъ (Pfordten) баварскій государственный дѣятель, род. 1811 г. † 1880 г., съ 1859—64 г.г. былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ во Франкфуртѣ.

высказать свое мнѣніе относительно тѣхъ *conditions particulières*, которыя будутъ предъявлены воюющими сторонами; но относительно условий, предъявляемыхъ Австріей, мы лишены этого права; что же касается истолкованія четырехъ пунктовъ, то предполагается, что Пруссія и Германія заранѣе присоединятся къ мнѣнію Австріи—державы имъ покровительствующей и являющейся ихъ представительницею, и этотъ взглядъ оправдывается тѣмъ, что когда мы заявили о своемъ желаніи сдѣлать оговорку, то Баварія и Австрія отклонили ее и мы на этомъ успокоились.

«Отказавшись высказать свое рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ это своевременнымъ, мы разстроимъ всѣ эти расчеты. Пока мы будемъ держать себя такъ,—въ насъ еще будутъ нуждаться и въ насъ будутъ заискивать. Врядъ ли здѣсь сдѣлаютъ попытку произвести на насъ давленіе большинствомъ голосовъ; даже Саксонія и Баварія дѣйствуютъ въ «предположеніи», что мы согласимся на предложеніе Австріи: они уже привыкли къ тому, что мы уступаемъ въ концѣ концовъ, поэтому они и позволяютъ себѣ дѣлать подобныя предположенія. Если же у насъ хватить смѣлости настаивать на своемъ мнѣніи, то, вѣроятно, найдутъ нужнымъ подождать заявленія Пруссіи, прежде нежели приступить къ рѣшенію вопросовъ нѣмецкой политики. Если мы твердо рѣшимъ повременить рѣшеніемъ и заявимъ о томъ нѣмецкимъ дворамъ, то мы еще будемъ имѣть на своей сторонѣ порядочное большинство даже въ томъ случаѣ, если-бы Саксонія и Баварія душою и тѣломъ продались Буолу, чего по всей вѣроятности не случится.

«Если мы не хотимъ этого допустить, то мы должны быть готовы къ тому, что Сардинія и Турція будутъ самостоятельно обсуждать въ Парижѣ тѣ мѣры, которыя должны быть приняты къ огражденію германскихъ интересовъ по обоимъ пунктамъ, принятымъ союзомъ, между тѣмъ какъ за насъ будетъ говорить Австрія. Мы не будемъ даже изъ первыхъ въ хвостѣ у Австріи, ибо графъ Буоль, дѣйствуя jako бы по полномочию Германіи, скорѣе посоветуется съ Пфурдомъ и Бейстомъ, нежели съ Мантейфелемъ, котораго онъ ненавидитъ, и когда ему удастся привлечь на свою сторону Саксонію и Баварію, то онъ обратитъ на противодѣйствіе Пруссіи еще менѣе вниманія послѣ рѣшенія сейма, нежели до него.

«Не лучше ли намъ предупредить подобныя случайности и въ качествѣ европейской державы вести переговоры о нашемъ участіи въ конференціяхъ непосредственно съ Франціей и Англіей, нежели дѣйствовать, какъ несовершеннолѣтній подъ опекою Австріи и быть на конференціяхъ не болѣе какъ одною изъ стрѣлъ въ колчанѣ Буоля...»

Вынесенное мною впечатлѣніе, что Австрія, по тону и по существу, относилась къ намъ пренебрежительно, какъ я и высказалъ это въ вы-

Во второй главѣ говорится о прибытіи этой батареи на театр военных дѣйствій нашихъ въ послѣднюю турецкую войну и поступленія ея въ запасный отрядъ генерала Гурко; о боѣ подъ Горнишъ Дублякомъ, обложеніи Плевны и движеніи на Балканы до г. Этрополя.

Описать въ третьей главѣ немногочислыя трудности подъема орудій на Вратешскій перевалъ, авторъ въ слѣдующей главѣ останавливается на артиллерійскомъ боѣ 21, 22 и 23 ноября съ редутами Шандорникъ Арабъ-Кованской позиціи.

Въ пятой главѣ г. Потюкскій говоритъ о вѣдѣннѣ Шандорника, бѣдствіяхъ войскъ отъ сильныхъ морозовъ и бурановъ и при skutъ батарей съ позиціи, а въ шестой — описаніе движенія чрезъ Траяновы ворота за Балканы къ Филиппополю.

Описаніе славныхъ дѣлъ 4-й батареи въ окрестностяхъ Азакіа, Каднаіа, Каратавра и Карадермена и подъ Филиппополемъ составляетъ содержаніе седьмой главы.

Въ восьмой главѣ мы находимъ описаніе торжественнаго вступленія нашихъ войскъ въ Филиппополь; далѣе говорится о движеніи на Адрианополь и вступленіи въ эту вторую столицу Турціи. Заканчивается эта глава описаніемъ парада по поводу заключенія Санъ-Стефанскаго мира 19-го февраля 1878 г.; тутъ же напечатанъ приказъ великаго князя главнокомандующаго отъ 27 февраля 1878 г.

Девятая глава начинается описаніемъ жизни нашихъ войскъ въ Санъ-Стефано. Хотя этотъ городъ представлялъ всѣ условія, — говорить, между прочимъ П. П. Потюкскій, — благоприятствующія отдыху офицеровъ, утомленныхъ трудами и лишениями, перенесенными во время войны, и давалъ достаточно имъ развлеченій, но разочарованіе въ скоромъ возвращеніи на родину не могло не прозвѣсти своего дѣйствія и на нихъ. Когда оказалось, что войскамъ, вмѣсто скораго возвращенія въ отечество, предстояло долгое и неопредѣленное ожиданіе, многіе изъ офицеровъ написали своихъ жень, и въ Санъ-Стефано образовались семейные очаги, у которыхъ группировалось общество офицеровъ.

Далѣе авторъ приводитъ Высочайшую грамоту, которою 4-й батареѣ всенностильнѣе былъ пожалованъ знакъ отличія на головные уборы съ надписью: „за 3, 4 и 5 января 1878 г., подъ Филиппополемъ“.

14-го сентября 1878 г. лейбъ-гвардіи 1-я артиллерійская бригада съ частью войскъ гвардіи вступила въ Петербургъ. Прибывъ къ Триумфальнымъ воротамъ, войска построились по обѣ стороны Московскаго шоссе. Едва войска заняли указаннаго мѣста, какъ тутъ же окружающая толпа и представители города принялись украшать офицеровъ и солдатъ вѣнками и цвѣтами, а всѣ орудія обвивали гарляндами. „Трудно описать оваціи, — говоритъ г. Потюкскій, — какъ со стороны лицъ царской фамиліи, такъ и публики, выказанныхъ войскамъ при ихъ прохожденіи. Особенно эффектно было прохожденіе разукрашенныхъ орудій, что, по тѣснотѣ площадки, представлялось дѣломъ не легкимъ и требовало большого искусства ѣздовыхъ, такъ какъ лошади отъ непрерывныхъ со всѣхъ сторонъ раздававшихся криковъ „ура!“ и тучей сыпавшихся на нихъ вѣнковъ и бузетовъ то и дѣло поднимались на дыбы, останавливались и невольно рвались впередъ изъ этого необычнаго для нихъ круга.“

Въ двухъ послѣднихъ главахъ говорится объ измѣненіяхъ по строевой и хозяйственной частямъ въ 4-й батареѣ, и перечисляются заслуги командировъ этой батареи. Заканчивается авторъ свой трудъ описаніемъ участія батареи въ большихъ маневрахъ 1898 года.

Въ помѣщеніяхъ въ концѣ книги приложенія приведены списки командировъ и офицеровъ 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады съ 1878 по 1898 г., штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ батареи, получившихъ награды за турецкую войну 1877—78 г., а также всѣхъ раненныхъ, контуженныхъ, убитыхъ и безвѣстн пропавшихъ, а въ заключеніе напечатанъ списокъ личнаго состава батареи ко дню двадцати-пяти-лѣтія ея существованія — 5 августа 1898 года.

Н. К.-шъ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ руб.** — въ тосударства, входящая въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста заграницу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсамова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Киевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, къ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1

Въ „**РУССКОЙ СТАРИНѢ**“ помѣщаются.

I. Записки и воспоминавiя. — II. Историческiя изслѣдованiя, очерки и разсказы о вѣсныхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событiяхъ русской исторiи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живеописанiя и материалы къ биографiямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственннхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовннхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи объ исторiи русской литературы и искусствъ: переписка, автобиографiи, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческiе разсказы и преданiя — Челобитница, переписка и документы, рисующiе бытъ русскаго общества прошлаго времени — VII. Народная словесность — VIII. Родословiя.

Редакцiя отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцiю.

Въ случаѣ неполученiя журнала, подписчики, немедленно по полученiи слѣдующей книжки, присылають въ редакцiю заявленiе о неполученiи предъидущей, съ приложенiемъ удостовѣренiя мѣстнаго почтоваго учрежденiя.

Рукописи, доставленныя въ редакцiю для напечатанiя, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращенiямъ и измѣненiямъ; признанныя неудобными для печатанiя сохраняются въ редакцiю въ теченiе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакцiя на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакцiи **Русскую Старину** за слѣдующiе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8 рублей**; и съ 1888—1898 до **9 рублей**.

Въ конторѣ редакцiи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКIЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портретовъ **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3 рубля**. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2 рубля**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

МАРТЪ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Особенности поэтическаго творчества А. Н. Майкова, объявленные им самимъ. Академ. М. И. Сухомятиновъ.	481—498	X. Письма Н. М. Марамзина къ А. М. Тургеневу. (1806—1826).	707—716	
II. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. Сообщилъ Академ. Д. Н. Майковъ.	499—537	XII. Записная книжка „Русской Старины“: Письмо къ А. Н. Голицына — генер. Ф. И. Кавигеру. 1-го марта 1810 г. (стр. 538).—Донесеніе коменск. полиціимъ, майора Вистрона, литовскому воев. губери, ген. отъ инфант. Ринскому-Корсакову. Мая 5-го дня 1812 г. Сообщ. В. И. Харкевичъ. (570).—О правахъ священниковъ и диаконовъ, добровольно слагающихъ съ себя духовный санъ. Сообщ. Н. И. Соловьевъ. (574).—Письмо генералъ-адъютанта графа Толя — генералу отъ - инфантеріи графу Курутъ. 3-го февр. 1831 г. (602).—Записка гр. М. М. Сперанскаго кн. Николаю I. 21-го января 1830 г. Сообщ. П. М. Майковъ. (632).—Письмо гр. Н. П. Румянцова — бар. В. В. Кампогаузену. 10-го апрѣля 1803 г. (656).—Письмо Я. И. Дмитриева — П. П. Свиньину. 28-го августа 1832 г. (690).		
III. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Ф. Дубровинъ.	539—569	XIV. Библиографическ. листокъ (на оборотѣ).		
IV. Наслѣдникъ цесаревича Николай Александровичъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. П. Д. Стрешковъ.	571—573			
V. Изъ записокъ Маріи Аггевны Милютинной.	575—601			
VI. Памяти Феликса Фора. Сообщ. П. М. Майковъ.	603—606			
VII. Два доноса въ 1831 году. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. (Окончаніе).	607—631			
VIII. Изъ прошлаго. (Воспомн. офицера генеральн. штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Паресовъ.	633—655			
IX. Изъ воспоминаній А. Х. Востонова о его дѣтствѣ и юности. Сообщ. В. И. Срезневскій.	657—664			
XIII. Вѣдраніе императора Николая I. (Изъ дневн. Г. И. Вилламова). Сообщ. Евгеній Шумигорскій.	665—689			
XI. Новые данныя о первомъ Самозванцѣ. Извлечен. В. В. Тимошукъ.	691—706			

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.
2) Портретъ Александра Христофоровича Востонова. Грав. И. Хольмицкій.
Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.
Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.
Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольшая Подъячская, 39.
1899.

III-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1899 г.

Бібліографическій листокъ.

Исторія Россіи. Соч. Д. И. Иловайскаго. Тома четвертаго выпускъ второй. Эпоха Михаила Федоровича Романова. Москва, 1899 г.

Рассматриваемый нами второй выпускъ четвертаго тома Исторіи Россіи, состоящій изъ семи главъ и относится ко времени сравнительнаго затишья, которое наступило послѣ бурной, напряженной эпохи смуты, — время постепеннаго восстановления и укрѣпленія государственнаго и общественнаго порядка вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ московской централизаціи.

Нельзя не согласиться съ почтеннымъ авторомъ, что одно только событіе нарушаетъ относительное однообразіе и безцвѣтность этой эпохи, — это Смоленская эпопея, весьма любопытная въ политическомъ и культурномъ отношеніи и важная по своимъ послѣдствіямъ. Ей Д. И. Иловайскій отдаетъ въ рассматриваемомъ нами выпускѣ довольно видное мѣсто и даетъ, на основаніи новоявленныхъ матеріаловъ и подробнаго изученія фактовъ, — нѣсколько иное освѣщеніе.

Въ нашей историографіи, — говоритъ г. Иловайскій, — сложились мнѣнія, что главнымъ виномъ бѣдственнаго исхода Смоленской эпопеи было плохое состояніе тогда нашего военнаго искусства, т. е. его полная отсталость отъ западно-европейскаго, что наемъ нѣсколькихъ тысячъ иноземцевъ не принесъ намъ пользы, такъ какъ они, будто-бы, не соблюдали дисциплины и часто измѣняли, а начальники ихъ не слушали главнокомандующаго и заводили ссоры между собою, и что Шенна кромѣ того погубилъ интриги его завистниковъ бояръ.

Д. И. Иловайскій, на основаніи новыхъ матеріаловъ, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: во-первыхъ, армія, выставленная Московскимъ правительствомъ для войны съ Польшею, превосходила польскую не только числомъ, но, повидимому и качествомъ. Сами поляки отзываются, что пѣхота русская была лучше ихъ пѣхоты. Поляки превосходили насъ только качествомъ своей гусарской конницы, которая состояла изъ тяжело вооруженныхъ всадниковъ, закованныхъ въ желѣзныя латы и шлемы и дѣйствовавшихъ копытами въ 17 футовъ длинны. Вмѣстѣ съ тѣмъ холмистая, лѣсистая, пересѣченная мѣстность вокругъ Смоленска была вообще неблагопріятна для открытыхъ конныхъ атакъ, и, слѣдовательно, пѣхота получала тамъ господствующее значеніе. Наконецъ, наша великобѣдная артиллерія

имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ неприятельской.

Во-вторыхъ, нареканія на иноземцевъ не совсемъ справедливы, и не они виноваты въ нашемъ пораженіи. Иноземцы, кажется, довольно добросовѣстно исполняли свою службу, и во всякомъ случаѣ не хуже тактикъ же наемниковъ, которые сражались противъ нихъ въ рядахъ польскаго войска. Дисциплина пошатнулась между ними только въ концѣ сидѣнья подъ Смоленскомъ, когда неспособность и неумѣлость Шенна сдѣлались для всѣхъ очевидными; тогда увеличилось и количество перебѣжчиковъ; но иноземцы-перебѣжчики были также изъ польскаго лагеря въ русскій. Въ донесеніяхъ Шенна мы не встрѣчаемъ никакихъ жалобъ на иноземныхъ полковниковъ, а судебный приговоръ подтверждаетъ, что Шеннъ не только не слушалъ ихъ совѣтовъ, но и препятствовалъ имъ, когда они хотѣли дѣйствовать или „чинить государевъ промиселъ“, какъ тогда выражались. Слѣдовательно, — заключаетъ авторъ, — и съ этой стороны главная неудача возводится все къ тому же предводителю. „Если бы былъ назначенъ главнымъ воеводою любой изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ бояръ, только не Шенна, навѣрно нашъ Смоленскій походъ не окончился бы такъ бѣдственно и безславно“.

Въ-третьихъ существуетъ мнѣніе о какихъ-то боярскихъ интригахъ, мѣшавшихъ успѣхамъ Шенна и въ особенности его интрижкамъ изъ-подъ Смоленска; это мнѣніе основано на однихъ произвольныхъ догадкахъ, — заявляетъ Д. И. Иловайскій. — Никакихъ интригъ такого рода въ дѣйствительности мы не видимъ, и въ источникахъ никакихъ указаній на нихъ не находимъ. Напротивъ, довѣріе царя и патріарха къ Шенну продолжалось слишкомъ долго, и глаза ихъ на его истинное поведеніе раскрылись слишкомъ поздно. Всѣ его требованія правительство исполняло или старалось исполнить; одна исторія съ доставкой большаго наряда изъ Москвы подъ Смоленскъ ясно это доказываетъ... Если и проявилась вражда къ нему со стороны бояръ за его непопулярную гордость и самовосхваленіе, то развѣ во время суда надъ нимъ и приговора.

Справедливъ ли былъ смертный приговоръ, произнесенный надъ Шеннымъ и его товарищемъ, — ставить вопросъ г. Иловайскій.

Какъ ни прискорбна эта казнь, — находимъ мы отвѣтъ на поставленный авторомъ вопросъ, — но надобно признаться, что она была бы справедлива не только для его, но и для нашего времени. Хотя бы прямой, сознательной вѣзвы тутъ не было, хотя бы

АЛЕКСАНДРЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ
ВОСТОКОВЪ.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКАГО ТВОРЧЕСТВА А. Н. Майкова, ОБЪЯСНЕННЫЯ ИМЪ САМИМЪ¹⁾.

Когда къ Аполлону Николаевичу Майкову обратились съ просьбою о сообщеніи матеріаловъ для его біографіи; покойный поэтъ отвѣчалъ: «Вся моя біографія не во вѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные и политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями жизни, въ осмысленіи приобретаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее — вздоръ, труха, формуляръ».

Внутренній міръ Майкова выразился въ его поэтическихъ произведеніяхъ. Для вѣрной оцѣнки ихъ имѣютъ большое значеніе объяснительныя замѣчанія, составленныя самимъ поэтомъ, и письма его, писанныя въ разные періоды его жизни. Въ письмахъ онъ обращается къ близкимъ ему людямъ, говоритъ съ полною откровенностью, дѣлается своими мыслями и впечатлѣніями, своими радостями и невзгодами.

Стихи, какъ художественная форма для выраженія мыслей, плѣняли Майкова съ первыхъ дней его поэтической дѣятельности. Онъ говоритъ:

¹⁾ Считаю долгомъ принести глубочайшую благодарность Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Константиновичу за разрѣшеніе пользоваться черепискою Его Высочества съ А. Н. Майковымъ. Искренно признателенъ Л. Н. Майкову, сообщившему мнѣ письма покойнаго поэта къ роднымъ и друзьямъ.

Бывало, уловить изъ жизни мигъ случайный
 И въ стихъ его облечь—блаженство для меня!
 Меня гармоніи тогда пѣвнели тайны,
 И самъ своихъ стиховъ заслушивался я.
 Я ими тѣшился, ихъ мѣрно повторяя
 Украдкой, какъ скупецъ, который по почамъ
 Червонцы по столу горстями пересыпая,
 Какъ бы невѣдомымъ внимаешь голосамъ.

Даръ стиховъ считалъ онъ высшимъ жребіемъ человѣка, сходясь въ этомъ вѣрованіи съ двумя родственными ему по духу поэтами, составлявшими вмѣстѣ съ нимъ союзъ, который, онъ для избѣжанія недоразумѣній, называетъ добрымъ тройственнымъ союзомъ. Привѣтствуя Я. П. Полонскаго, по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея, Майковъ говоритъ:

Тому ужъ больше чѣмъ полвѣка,
 На равныхъ русскихъ широтахъ,
 Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
 За высшій жребій человѣка
 Считая чудный даръ стиховъ,
 Имъ предалися невозвратимо....
 Тѣ трое были.... милый мой,
 Ты понялъ? Феть и мы съ тобой...
 Въ полустолѣтье жъ нашихъ Музъ
 Провозгласимъ мы тостъ примѣрный
 За поэтическій, нашъ вѣрный,
 Нашъ добрый тройственный союзъ!

Стихотворная форма была необходимымъ условіемъ для творчества нашего поэта. Въ одномъ изъ писемъ его (Дрезденъ, 25 янв., 1844 г.) читаемъ слѣдующія строки: «Странное дѣло: не могу писать прозой; кажется, рифма по натурѣ и по трудности своей должна быть препятствіемъ выраженія мысли; для меня напротивъ—я въ стихахъ не уступаю той мысли, которую хотѣлъ выразить, а въ прозѣ безпрестанно ее упускаю. Происходитъ ли это отъ недостаточнаго воззрѣнія на вещи?—я чувствую это затрудненіе, говоря объ самыхъ обыкновенныхъ и мнѣ извѣстныхъ предметахъ; отъ неумѣнія владѣть языкомъ?—языкъ у меня въ стихахъ болѣе правиленъ, чѣмъ неправиленъ, и слова выражаютъ понятія, которыя я хочу выразить. Это меня до того обеситъ, что я даже писалъ прозой; для того, чтобы выучиться писать, я на сей конецъ переводилъ изъ Тацита лучшія мѣста, какія встрѣчалъ, читая его еще въ Римѣ».

Майковъ долго работалъ надъ своими произведеніями, стремясь облечь мысли въ достойную ихъ вѣншую форму. Онъ самъ называлъ себя въ этомъ отношеніи ювелиромъ. Онъ требовалъ отъ молодого поэта стиховъ и стиховъ,

Чтобъ, взволновавъ, мнѣ дали миръ,
 Чтобъ я и плакалъ, и смѣялся,
 И вмѣстѣ—старый ювелиръ—
 Изъ обработкой любовался...

Самая тщательная обработка необходима для истинно-художественной формы:

Возвышенная мысль достойной хочетъ брони:
 Малѣйшую черту обдумай строго въ ней,
 Чтобъ выдержанъ былъ строй въ наружномъ безпорядкѣ,
 Чтобъ божественность сквозила въ каждой складкѣ,
 И образъ весь сіялъ—огнемъ души твоей!..

Придавая такое значеніе художественной формѣ, Майковъ оставался вѣренъ основнымъ началамъ эстетики, выраженнымъ съ особенною яркостью Шиллеромъ, и подвергавшимся впоследствии незначительнымъ въ сущности измѣненіямъ. По взгляду Шиллера, форма есть тотъ духъ, который художникъ вдыхаетъ въ свое произведеніе. Матерія его, содержаніе можетъ потерять свое значеніе, но великая форма не подлежитъ прихотямъ судьбы и людей. Храмы производили еще благоговѣнное наслажденіе, когда боги были уже осмѣяны; римляне работливо склоняли колѣна передъ цезарями, когда ихъ статуи стояли еще гордо и прямо. Человѣчество потеряло свое достоинство; искусство спасло и сохранило его... Позднѣйшіе представители эстетики утверждали, что она занимается формами подобно естественнымъ наукамъ: геологія, ботаника, зоологія изучаютъ формы, потому что формы остаются вѣчно, а содержаніе, заключенное въ нихъ, проходитъ, замѣняясь другимъ, образуемымъ природою по той же формѣ. Замѣчательнѣйшій изъ эстетиковъ девятнадцатаго столѣтія говоритъ: *Das Schöne ist reine Form. Form ist Ausfluss, daher Ausdruck eines Innern.* Современные Майкову русскіе ученые и писатели дорожили художественною формою. Графъ С. С. Уваровъ находилъ, что «идея безъ формы то же, что свѣтъ въ тускломъ стеклѣ; свѣтъ прекрасенъ въ брильянтѣ». По мнѣнію Грановскаго, изящная форма составляетъ большое достоинство и для научныхъ изслѣдованій. «Форма всегда соответствуетъ идеѣ—говорилъ Бѣлинскій—и размѣръ отнюдь не есть случайное дѣло».

Майковъ былъ убѣжденъ, что въ поэтическомъ произведеніи внѣшнее неразрывно связано съ внутреннимъ форма съ облеченною въ нее мыслию. Мысль требуетъ отъ художника большой внутренней работы. Возникнувъ въ душѣ, мысль долго зрѣетъ, поэтъ переживаетъ много тяжелыхъ минутъ, испытываетъ много волненій прежде, нежели она получитъ свое настоящее выраженіе:

Мысль поэтическая—вѣтъ!—
 Въ душѣ мелькнувъ, не угасаетъ!
 Ждетъ вдохновенья много глѣтъ,
 И—всплхнувъ вдругъ—какъ бы въ отвѣтъ
 Призыву свыше—воскресаетъ....
 Дать надо времени протечь,
 Нужна, быть можетъ, въ сердцѣ рана—
 И не одна—чтобы облечь
 Мысль эту въ образъ и повлечь
 Изъ первобытнаго тумана...

Въ другомъ стихотвореніи:

Вчера—и въ самый мигъ разлуки
 Я вдругъ обмолвился стихомъ—
 Исчезли слезы, стихли муки,
 И точно солнечнымъ лучомъ
 И близъ, и даль озолотило....

До какой степени поэтъ искрененъ въ этихъ стихотвореніяхъ, видно изъ слѣдующаго мѣста въ его замѣчательномъ письмѣ. Сообщивши о большихъ невпрятностяхъ, грозившихъ весьма печальными послѣдствіями, Майковъ утверждаетъ, что, несмотря на все имъ испытанное, онъ спокоенъ и веселъ потому, что тревоги эти подали поводъ къ обильному писанію стиховъ: «Когда душа моя разрядилась стихами, въ ней все утихаетъ. Пьеса хороша, и кажется, что породившія ее страданія были необходимы и законны: безъ нихъ не было бы мнѣ минуты великаго блаженства—творчества». (Апрѣль, 1859 г.).

Майковъ высоко, идеально-высоко ставилъ призваніе поэта. Каково бы ни было настроеніе вѣка, чѣмъ бы ни угрожала злоба дня, поэтъ не поступится своимъ призваніемъ и сохранить свою духовную свободу:

„Не отставай отъ вѣка“—лозунгъ живой,
 Коравъ толпы. Нѣтъ: выше вѣка будь!...
 Куда бъ ни шель шумящій миръ,
 Чтò бъ разумъ будничный ни строилъ,
 На чтò бъ онъ хоръ послушныхъ лиръ,
 На всѣхъ базарахъ ни настроилъ,—
 Поэтъ не слушай ихъ. Пускай
 Растетъ ихъ гамъ, кипятъ работа,—
 Онъ все въ Книгѣ Жизни—знай—
 Пойдутъ не дальше переплета!
 Святая тайна Книги сей
 Раскрыты вѣщему лишь оку:
 Богъ открывался самъ пророку...
 И пусть для всѣхъ погаснетъ небо,
 И въ тьмѣ приволье всѣ найдутъ,
 И ради похоти и хлѣба

На все святое посягнуть, —
 Одинъ онъ — съ поднятымъ забраломъ —
 На площади предъ всей толпой —
 Швырнетъ Астартамъ и Вааламъ
 Перчатку съ вызовомъ на бой.

Но дорожа своею самостоятельностью и стремясь къ идеаламъ, поэтъ не оставался равнодушнымъ и къ явленіямъ, происходившимъ въ окружающей дѣйствительности и оскорблявшимъ нравственное достоинство человѣка.

Въ Римѣ и Афинахъ Фрины были, Лиды,
 Вѣтренныя жрицы пламенной Киприды;
 Но съ Кипридой Музы въ двери къ нимъ влетали,
 И у нихъ Сократа розами вѣнчали....
 Нынѣ чужды Музамъ корифейки оргій;
 Чужды Мессалинамъ страстные восторги;
 Черезъ нихъ карьеру создаютъ франты,
 И связей и денегъ ищутъ спекулянты....

Бюрократія, попирающая человѣческія чувства подъ видомъ исполненія долга и во имя своеобразно понимаемой законности, нашла въ поэтѣ своего обличителя:

И вотъ — идетъ онъ въ блескѣ власти,
 Весь въ холодъ правды облеченъ;
 Въ груди молчатъ людскія страсти,
 Въ груди живетъ одинъ законъ.
 Его ничто не возмущаетъ:
 Какъ жрецъ, безъ внутреннихъ тревогъ,
 Во имя буквы онъ караетъ
 Тамъ, гдѣ помиловалъ бы Богъ....

Майковъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ писателей. Онъ цѣнилъ и уважалъ науку и неустанно работалъ надъ расширеніемъ круга своихъ знаній. Изученіе памятниковъ отечественной литературы, начиная съ древняго ея періода, а также произведеній устной словесности, соединялось у него съ изученіемъ литературъ иностранныхъ въ твореніяхъ ихъ главнѣйшихъ представителей. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ разносторонней образованности автора служатъ: лирическая драма «Три смерти» и трагедія «Два міра». Давая ключъ къ пониманію своего произведенія, авторъ поясняетъ, что желалъ изобразить христіанъ такими, какими они были въ дѣйствительности — не отвлеченными идеями, а живыми людьми: «біографія ихъ до принятія христіанства сквозитъ и по принятіи въ каждомъ различно». И поэтъ мастерски справился съ поставленною имъ задачею: какъ уже замѣчено критикою, въ «Двухъ мірахъ» изображены различные типы, созданные имъ подъ влияніемъ внимательнаго чтенія св. писанія и

произведений Ефрема Сирина, блаженного Августина, Иоанна Дамаскина и других писателей первых вѣковъ христіанства. Съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался авторъ своими источниками, и выраженные въ нихъ мысли и чувства передалъ въ живыхъ, поэтическихъ образахъ. Онъ возсоздалъ минувшую эпоху съ ея нравственною борьбою, съ ея горемъ и съ ея отдаленными надеждами. Сколько жизненной правды и какъ много поэзіи въ предсмертномъ монологе Сенеки въ драмѣ «Три смерти»:

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ пародомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ....
Когда жъ толпа, съ тобою равно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко,—
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, не легко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Прохо димъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обесмысленныя шелки
Побѣдоносныхъ кораблей..

Въ обширной запискѣ, составленной по поводу «Двухъ міровъ» и имѣющей видъ задушевной авторской исповѣди, Майковъ говоритъ: «Событія минувшихъ вѣковъ я старался вообразить себѣ по ихъ аналогіи съ тѣмъ, что прожилъ и наблюдалъ самъ на своемъ вѣку, а переживаемая нами историческая полоса такъ богата подъемами и паденіями человѣческаго духа, что внимательному взору представляетъ богатый матеріалъ для сравненія даже съ далекими минувшими эпохами. Открывается удивительная аналогія явленій—не роковая послѣдовательность непреложныхъ внѣшнихъ законовъ, а нѣчто живое, вѣчно-дѣйствующее въ самой сущности духа человѣческаго. Кто изъ мыслящихъ людей не пережилъ періодовъ сомнѣнія въ крѣпость и вѣчность того, что любишь, безъ чего жизнь кажется немислима? Съ другой стороны, кто изъ тѣхъ же мыслящихъ людей, при первомъ пробужденіи ума, не протестовалъ противъ историческаго склада, противъ

«старинны» и проч.? Кто, наконецъ, на старости «не покладывалъ рукъ», съ безнадежностью смотря въ даль и воздыхая, что «все гибнетъ!» Это я говорю о лучшихъ людяхъ, о Деціяхъ; они были у всѣхъ народовъ, во всѣ вѣка. Но они окружены волнуемою толпой безконечнаго разнообразія. Вглядитесь въ эту толпу всѣхъ эпохъ исторіи—вы увидите, что она вездѣ одна и та же въ духѣ; разница почти только въ костюмахъ, т. е. чисто вѣщная. Такимъ образомъ настоящее поясняетъ мнѣ минувшее и наоборотъ. Разъ это понявъ, уже облегчишь себѣ возможность рисовать историческую картину: люди явятся всѣхъ величинъ, видовъ и званій. И нынѣшняго стараго развратнаго сановника, балетнаго завсегдатая и весьма неразборчиваго въ способахъ пріобрѣтенія, узнаешь въ Публии, беззубомъ проконсулѣ, котораго дурачить Леэбія; надменнаго, сухого аристократа, у котораго отъ предковъ остались только фамильные пороки и имя, который бранить новое только потому, что не ему достается сбвратъ дань съ текущей жизни, признаешь—въ старомъ Фабиі, скрягѣ, скопидомѣ, вздыхающемъ о древнемъ правѣ, по силѣ коего онъ могъ бы въ рабство себѣ взять всѣхъ своихъ должниковъ. Въ этихъ нашихъ герояхъ *demi-monde*'а, добрыхъ и веселыхъ по природѣ, остроумныхъ, даже и знакомыхъ съ послѣдними словами «науки», при всемъ томъ скучающихъ и обремененныхъ долгами, истощенныхъ оргіями и наслажденіями и часто готовыхъ на все (какъ Катилина) для стяжанія чести и денегъ—развѣ не узнаете вы въ этой блѣдной толпѣ юныхъ патриціевъ, изъ которыхъ у меня на Деціевъ пиръ выхвачены Лелій, Клавдій, мечтающіе объ отцеубійствѣ, аплодирующіе скептикамъ адвокатамъ въ ихъ глумленіи надъ великимъ жрецомъ, а тайнѣ, въ минуты страха и отчаянія, тихонько впрочемъ другъ стъ друга, приносящіе козлятъ въ жертву богамъ... А этотъ великій жрецъ, изблевывающій клевету на христіанъ, что они пьютъ кровь человѣческую?.. А эти адвокаты, Галлусъ и Гиппархъ, знаете откуда они взялись? Раскрываю разъ Тацитъ и читаю въ жизни Агриколы мѣсто, гдѣ при описаніи южной Британіи, онъ говоритъ, что она покрыта уже городами, гдѣ есть и театръ, и церкъ, и бани, и проч., т. е., что она романизировалась, и прибавляетъ: это несмысленными людьми считается *humanitas* (по нашему въ переводѣ: «цивилизациѣ»), но что въ сущности есть печать рабства. Значить что же? Этотъ строгій Тацитъ, которымъ навѣрное зачитывались Фабиі, презираетъ, стало быть, этихъ вновь цивилизованныхъ-то, и какъ они ни восхваляй Римъ за его просвѣщающее и умиротворяющее вліяніе на народы міра, онъ (Тацитъ и ему подобные) все таки въ нихъ видитъ подлыхъ варваровъ, презрѣнныхъ *parvenus*! Провѣряю себя и нахожу, что всѣ почти гуманисты Рима, все это—инородцы, испанцы, галлы, греки. А въ Европѣ кто гуманисты? Кому

противвы национальнныя идеи въ Германіи, Франціи, у насъ? Кто бойцы новыхъ гуманннхъ идей? Гейне, Берне, Лассаль, Либкнехтъ... ихъ легионы! И такъ двѣ строчки Тацита озаряютъ мнѣ внутренность сердца цѣлыхъ двухъ половинъ римской интеллигенціи, проводятъ глубокую между ними черту и сразу создаютъ цѣлую сцену, создаютъ Галлуса, Гиппарха, Фабія, Эниія, Клавдія, Лелія и всѣ ихъ рѣчи... Когда творились у меня эти сцены и образы, я не рассуждалъ объ нихъ, а писалъ почти безсознательно, даже до того безсознательно, что мнѣ часто казалось, что кто-то Невидимый мнѣ диктуетъ, и я, какъ пишущій подъ диктантъ, впередъ гадаю и радуюсь, догадываясь, что дальше будетъ, куда, къ чему этотъ Невидимый ведетъ. Иногда мнѣ становилось даже страшно. Прошлаго года (1882?) Рейеръ рѣзалъ руку моему сыну у себя въ клиникѣ, а намъ, отцу и матери, не велѣлъ присутствовать при операціи; мы съ утра, какъ говорится, мѣста не находили. Я напрягалъ всѣ силы, чтобъ быть приличнымъ и спокойнымъ, но покоя этого не было, сердце ныло. Побѣжалъ въ церковь—церковь пустѣла, дослуживался какой-то молебень; я стою, сжавъ руки, устремивъ глаза въ куполь—вдругъ является этотъ Невидимый и диктуетъ мнѣ стихи Камиллы о больномъ ребенкѣ тогда, когда я менѣ всего могъ думать о стихахъ:

Съ дѣтми въ очю
 Увидишь Бога!.. Разболится,
 Ты что тогда?.. Горить, томится,
 Всю душу надорветъ твою,
 И нѣтъ тебѣ ни дня, ни ночи!
 Ты чувства всѣ окаменишь,
 Дохнетъ ли, двинется ль—слѣдишь,
 Вся въ немъ! и, наконецъ, нѣтъ мочи!
 Силъ, что осталось, соберешь
 И выльешь всѣ въ одно ихъ слово:
 „Спаси, спаси!“ и упадешь
 Предъ Тѣмъ, Кто можетъ все...

При всемъ уваженіи къ обширности знаній Майкова, литераторы-современники находили, что произведенія его не всегда производятъ впечатлѣніе, котораго можно бы ожидать отъ просвѣщеннаго поэта, мастерски владѣющаго художественною формою. Исполняя просьбу высказать откровенное мнѣніе о поэзіи Майкова, Фетъ писалъ (въ іюнѣ 1888) сочлену своему по «тройственному союзу» Я. П. Полонскому: «Ты говоришь, что помня наизустъ мои стихи, не помнишь ни одного Майковскаго; я говорю тоже самое по отношенію къ тебѣ. Что же касается до Майкова, то онъ несомнѣнно трудолюбивый, широко образованный и искусный русскій писатель, онъ не то, что иной нашъ

братъ самоучка вродѣ Кольцова—раздобылся карандашемъ да клоккомъ бумаги, и ну рисовать. Нѣтъ, студія Майкова снабжена всевозможными матеріалами и приспособленіями. Это скорѣе оптовый магазинъ, чѣмъ переносная лавочка; но въ этомъ магазинѣ не найдешь той бархатной наливки, какою подчасъ угостить русская хозяйка непретендующихъ ни на какія отличія. Если музъ слѣдуетъ титуловать, то къ нашимъ слѣдуетъ писать: ваше благородіе, а Майковскую надо титуловать: ваше высочество. Что касается до меня, то я скорѣе забѣгу къ скромному шкафчику еще разъ выпить ароматной влаги, чѣмъ въ великолѣпный оптовый магазинъ, въ которомъ ничѣмъ не дадутъ и рта подсластить. Ты просишь откровенности, вотъ тебѣ и откровенность».

Поэтъ нашъ задумывался надъ тайнами бытія и призваніемъ человѣка и, чуждый стремленія «рубить все въ корень и со взмаху», являлся и въ думахъ своихъ такимъ же объективнымъ художникомъ, какъ и въ другихъ произведеніяхъ. Видъ допотопной кости вызвалъ такую думу:

И насъ такой же ждетъ удѣлъ:
 Пройдетъ и племя человѣка
 Умолкнетъ славы нашей шумъ;
 Умрутъ о людяхъ и преданья;
 Все, чѣмъ могучъ и гордъ нашъ умъ—
 Въ яныя не войдетъ созданья.
 Оледенѣлоу звѣздой
 Или потухнувшимъ вулканомъ
 Помчится, какъ корабль пустой,
 Земля небеснымъ океаномъ.
 Такъ разумъ въ тайнахъ бытія
 Читаетъ намъ... но сердце бьется,
 Надежду робкую тая --
 Авовь онъ, гордый, ошибется!.

Предчувствіе этой, желаемой поэту, «насъ возвышающей» ошибки сквозить и въ другихъ стихотвореніяхъ.

Ты правъ, мудрецъ: все въ мірѣ тлѣнье,
 Все въ людяхъ ложь... Но что-нибудь
 Да есть же въ насъ, что жаждетъ свѣта,
 Чему вся ложь противна эта,
 Что рвется въ Вѣчность проглянуть...
 Но говоритъ мнѣ тайный голосъ,
 Что не вотще душа моя
 Здѣсь и любила, и боролась:
 Въ ней есть свое живое я!
 И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье...

Какъ человѣкъ просвѣщенный, и серьезно думавшій о «вопросахъ жизни», Майковъ рѣшалъ ихъ не съ чужого голоса, а сообразно съ

тѣмъ, что говорили ему его собственный умъ и его собственное чувство. Будучи, по собственному призванію, рѣшительнымъ врагомъ литературныхъ партій, Майковъ находилъ, что если поэтъ принадлежитъ партіи, то овъ уже «не поэтъ, а наемникъ; только личный внутрѣнный міръ—источникъ поэзіи». А въ тогдашней литературѣ упорно держался обычай дѣлать всѣхъ русскихъ ученыхъ и писателей на двѣ партіи, на два враждебные лагеря: западниковъ и славянофиловъ, подобно тому какъ Стефанъ Яворскій дѣлалъ всѣхъ людей на три рода: на праведныхъ, грѣшныхъ и военныхъ. Къ Майкову, какъ и къ Буслаеву, обращались съ вопросомъ, какого они лагеря? И Буслаевъ, и Майковъ дали весьма опредѣленные отвѣты на этотъ вопросъ. Буслаевъ не считалъ себя славянофиломъ, но въ той же мѣрѣ не признавалъ себя и западникомъ, потому что не могъ, говоря его словами, «вмѣстѣ съ Чаадаевымъ поклоняться римскому папѣ и не глумился вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ надъ нашими быличами и пѣснями». Майковъ въ одномъ откровенномъ дружескомъ письмѣ рассказываетъ слѣдующее: «Мы воспитывались, чтобъ быть образованными людьми; въ университетѣ искали истины, для жизни искали идеала и переходили отъ стопковъ къ эпикурейцамъ. Менѣ всего знали христіанскій идеалъ: не въ ту сторону шла поиски. Вдругъ надетѣла буря Бѣлинскаго: новыя идеи о бракѣ, что онъ ненуженъ; жоржъ-зандизмъ; о социальныхъ условіяхъ; старый міръ съ его религіей, устройствомъ общества отживаетъ, нуженъ новый; словомъ, западничество дохнуло всею своею силой и охватило конечно и меня, но не вполне... Кровная моя забота были стихи, а социальные вопросы какъ бы сторука. Пусть все это рѣшаются другіе, я беру уже какъ готовое, отмечая только то, что мнѣ не нравится, напримѣръ казарменная жизнь въ фаланстеріяхъ и общественныя работы; ну, а общественныя кухни пусть заведутъ—можетъ быть, дешевле будетъ, если при томъ меня не будутъ заставлять стряпать. Насчетъ брака—тоже нравилось, особенно насчетъ замужнихъ дамъ; да при томъ все это хорошо, какъ темы или точки зрѣнія для сочиненій. Хотѣлось, напримѣръ, написать итальянскую поему,—ну, такъ героя взять изъ современныхъ представителей (въ «Двухъ судьбахъ»), передовыхъ людей, въ родѣ Печорина, только университетскаго и начитавшагося твореній Бѣлинскаго,—хотя такого героя, какъ тамъ взять Владиміръ, я и не видывалъ, и въ себѣ не чувствовалъ. Отъ этого этотъ Владиміръ—такой двойственный: въ немъ и русскія чувства изъ «Москвитянина», они же и мои истинныя, и Бѣлинскаго западничество. Обою этого времени познакомился я съ славянофилами. Здѣсь показалось мнѣ болѣе правды, чѣмъ въ западническомъ наклонѣ. Но принявъ кое-что изъ идей славянофиловъ, я не могъ принять вполне ихъ ученія».

Въ теченіе всей своей жизни Майковъ пыталъ искреннюю, живую

любовь къ Россіи. Всего ярче и поэтичнѣе проявлялась она въ его изображеніяхъ русской природы. Онъ часто сравнивалъ ее съ природою чужахъ странъ и, несмотря на скудость и однообразіе первой и великолѣпнѣе послѣдней, первая была ему милѣе и болѣе говорила его душѣ. Довольно указать на стихотвореніе: «Мой взглядъ теряется въ торжественномъ просторѣ», или

Здѣсь весна, какъ художникъ ужъ славный, работаетъ тихо,
Отъ цвѣтовъ до другихъ по ведѣлѣй проходитъ и бодрѣ.
То ли дѣло нашъ Сѣверъ! весна, какъ волшебникъ нежданный,
Пронесется въ лучахъ, и растопитъ снѣга и угонитъ,
Словно вахомъ однимъ съ яркой овими сдернетъ покровы...

Путешествуя за границую, Майковъ писалъ изъ Флоренціи: «Чувство природы, возбуждаемое въ насъ ея созерцаемъ, ведѣ одно—и въ болотистыхъ окрестностяхъ Петербургскихъ, и гдѣ угодно. У насъ въ русской природѣ это чувство живѣе и непосредственнѣе, оттого что тамъ вокругъ васъ дѣсь, дуга и нивы, и все это жужжить, шумитъ, шелеститъ, интересничаетъ съ вами, а здѣсь—камень, декораціи, апельсинны, лимоны и оливы, очень (первыя) блестящія, деревья съ плодами, но все это кустарникъ, и все это маленькіе сады, которые вы видите съ горъ. Но этого живого трепета жизни не чувствуете, какъ въ еловомъ или березовомъ дѣсу, или въ лугахъ съ кузнечиками, бабочками и пр... Я и не воображалъ, что можетъ быть такая мука на свѣтѣ—не жить въ Россіи. Ума не приложу, какъ это дѣлають другіе» (1859 г. февраля 14-го стар. ст.).

Почти такими же чертами изображаетъ Герценъ впечатлѣнія, испытанныя имъ при видѣ красотъ чужеземной природы и при мысли о родинѣ съ ея необозримыми полями и убогими, невзрачными жилищами крестьянъ. Тоже что Майковъ и Герценъ, говоритъ и Некрасовъ:

Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

Для знакомства съ внутреннимъ міромъ Майкова весьма любопытны высказанныя имъ мысли о значеніи университетовъ и о нравственныхъ обязанностяхъ, налагаемыхъ званіемъ писателя.

Что касается университетовъ, то въ обществѣ нерѣдко, особенно въ былыя времена, считали ихъ учрежденіями совершенно тождественными со всѣми другими, такъ называемыми, высшими учебными заведеніями. Иначе смотрѣлъ Майковъ на университетское образованіе. Онъ писалъ:

«Рѣшительно, Россія дѣлится на двѣ части: университетскую и неуниверситетскую, да третья еще мужики. Въ первыхъ—мысль, въ послѣднихъ -- сила, конечно и нравственная, а вторая только—обезображенное челоуѣчество въ сравненіи съ мужиками, но испорченное челоуѣчество, и въ сравненіи съ университетскими—недоразвитое, дикое....» (1859 г. февр. 14-го стар. ст.).

Невольно вспомнятся при этомъ слова академика Я. К. Грота: «Убѣжденіе мое въ справедливости мысли о превосходствѣ университетскаго образованія побуждаетъ меня выразить желаніе, чтобы университетское образованіе получило въ русской общественной жизни подобающее ему значеніе. Никакой путь ученія не можетъ замѣнить той постепенности въ развитіи умственныхъ способностей и въ приобрѣтеніи знаній, какая доставляется послѣдовательно гимназіею и университетомъ. Только на этомъ пути широкое общее образованіе подготавливаетъ надлежащую почву для спеціальнаго, которое каждый, по окончаніи перваго, можетъ избрать съ достаточнымъ сознаніемъ своихъ способностей и наклонностей. Если бѣ я смолodu получилъ университетское образованіе, то не потерялъ бы времени на позднее подготовленіе къ своему настоящему призванію и сдѣлалъ бы гораздо болѣе».

Уваженіе Майкова къ званію писателя видно изъ эпизода, имъ самимъ разсказаннаго. Поету въ самомъ расцвѣтѣ его силъ и дарованія пришлось испытать нравственное огорченіе до того сильное, что предстояло два выхода: или перенести оскорбленіе и воспользоваться долею предлагаемыхъ ему благъ, или же отказаться отъ предложенія и навлечь на себя гнѣвъ людей, въ рукахъ которыхъ была, если не судьба его, то значительныя житейскія выгоды. Майковъ писалъ по этому поводу: «Я самъ все снесу, но за званіе литератора, которое, съ гордой увѣренностью, на страшномъ судѣ, скажу, что никогда не ровнялъ, постою, ибо знаю, что въ художникѣ мысли и слова—мысль и слово цѣлаго народа, и сосудъ, гдѣ она живетъ, т. е. душа моя, долженъ быть чистъ и святъ, и другіе его обижать не смѣй» (Апрѣль, 1859 г.).

Въ письмахъ Майкова выражается взглядъ его на художественныя произведенія и на тѣ требованія, которыя должна предъявить къ нимъ безпристрастная критика. Майковъ признавалъ необходимость объективнаго творчества: содержаніе и самый тонъ рѣчи изображаемаго лица должны строго соответствовать его духовнымъ особенностямъ и той эпохѣ, когда онъ жилъ и дѣйствовалъ. Къ письмамъ своимъ Майковъ прилагалъ иногда стихотворенія, только что имъ написанныя и подвергавшіяся впоследствии измѣненіямъ. Такимъ образомъ, благодаря письмамъ, сохранилось нѣсколько редакцій, проливающихъ свѣтъ на творчество нашего поэта.

Въ одномъ изъ своихъ посланій, появившихся въ печати, Майковъ говоритъ, обращаясь къ молодому поэту:

Вижу: тревожатъ Васъ творчества буря. Увы! эти бури
 Съ градомъ и снѣгомъ и съ кучами пыли на насъ налетаютъ.
 Надобно то лишь схватить, что намъ молніи пламя осветитъ,
 Все жъ, нанесенное вихремъ отбросить, какъ соръ непригодный;
 Образъ схватить и держать на него, какъ на огнь путеводаый,
 Все отстраняя, что можетъ затмить его, всякое пѣнье
 Хитрыхъ Сирень, насъ влекущее въ сторону, къ камнямъ и рифамъ.
 Тщетно потомъ выбиваешься къ дѣли и жалко отбросить
 То, что на кружномъ пути ухватывъ вдохновеній случайныхъ.
 Юность легко поддается коварному пѣвью, и только
 Опытъ научитъ держать на маякъ неуклонно кормило.
 Трудное дѣло—поэма! Для каждаго надо сюжета—
 Главное—то нъ свой, языкъ въ свой найти, ни на мигъ не забывши
 Кто говоритъ. . . Б то о немъ повѣствуетъ?
 Старецъ ли, чтитель Житій и въ чудесное вѣршиій слѣпо,
 Нашего ль общества авторъ, къ своимъ обращающій слово?
 Можно и такъ взять: объ немъ говорить пусть его современникъ,
 Даже язычникъ его не понявшій величья—но будетъ
 Это величье сквозить христіанамъ въ его ведомствахъ.
 Этотъ рассказчикъ и дастъ уже тонъ языку и поэмѣ,
 Одѣлавшись самъ интереснымъ лицомъ, своимъ складомъ понятій.
 Выдумать надо его—и все дастся самимъ ужъ собою.
 Вотъ „Дамаскинь“ Алексѣя Толстаго: за автора больно!
 Сколько погублено красокъ и чертъ вдохновенныхъ—за даромъ!
 Свелъ Житіе онъ на что? На протестъ за „свободное слово“...
 Противъ цензуры и вышелъ памфлетъ вмѣсто чудной легенды!
 Все оттого, что лица говорящаго опъ не видавъ предъ собою!
 Много подъ старость, увя! у меня накопилось замѣтокъ:
 Страхъ передать бы хотѣлось ихъ внымъ собратьямъ по Музѣ!
 Мелочь все это, все больше касается формы,—но форма—
 Это—одежда безсмертнаго духа! Мы духа не видимъ,
 Но объ его совершенствахъ гласитъ совершенная форма—
 То жъ, что и въ мірѣ, гдѣ каждый цвѣтокъ незабудки, а также
 Полныи звѣздъ небеса проповѣдуютъ славу Господню.

12-го августа 1890 года Майковъ писалъ: «Обветшала одежда чего то не старѣющаго, составляющаго мое настоящее-то я! Къ чему готовится это я, не знаю; но очевидно оно находится въ какомъ то новомъ для него періодѣ—подводитъ итога, глубже всматривается внутрь вещей, проявляется все больше возрѣвнїями Аполлодора Гностика. Вѣроятно подъ его влияніемъ написалось стихотвореніе. Хоть поводъ его написанія—тоже одинъ изъ итоговъ; но я думаю, подъ образъ, въ немъ очеркнувшійся, подойдутъ многіе образы, знакомые и близкіе тѣмъ кому Провидѣніе благоволило дать ихъ встрѣтить на пути жизни»:

Себя лишь Промыслу вѣрря,
 Она несетъ свой крестъ земной,
 Въ тревогахъ жизни почерная

Лишь въ сердцѣ силу и покой.
 Миръ, ею созданный, ревниво
 Отъ чуждыхъ взоровъ сторожить,
 И что въ душѣ у ней—стыдливо
 И отъ себя самой таить....
 Лишь въ мигъ удара громоваго,
 Или когда подъемъ волны
 На берегъ вынесетъ, и снова
 Наступитъ радость тишины,—
 Такое вымолвить вдругъ слово,
 Такія вскрыетъ глубины,
 Что въ новость ей и въ изумленье
 Вдругъ просіявшій подъ грозой,
 Отъ узъ земнаго принужденья
 Освобожденный образъ свой!

«Вы знаете, что это за Аполлоторъ Гностикъ? Это моя выдумка: не люблю обнаруживать моихъ интимнѣйшихъ мыслей и представленій, вотъ и прибѣгъ къ такой уловкѣ. Но секретъ обнаруживаю не многимъ, а многихъ оставляю въ заблужденіи (даже филологовъ), что будто есть такой поэтъ II вѣка; нѣкоторые отвѣчали мнѣ: «Знаю, знаю!» (письмо 28 сентября 1889 года).

Въ числѣ произведеній, принадлежащихъ будто бы Аполлотору Гностику, есть одно, вызвавшее любопытную переписку. Приводимъ его по двумъ первымъ рукописнымъ редакціямъ.

Аскетъ спасавшійся въ пустынѣ,
 Одинъ предъ ликомъ Божества,
 Ирекъ—для чернн и помыслъ
 Соблазна погнныя— слова:
 „Жизнь эта—сонъ и сновидѣнье,
 Миражъ среди нагихъ песковъ;
 Лишь Смерть—вѣчное забвенье
 Всей этой лжи, успокоенье,
 Сонъ въ лошѣ Бога и—безъ сновъ!“
 Предъ дивнымъ Разумомъ и Силой
 Мира создавшей, жизнь и свѣтъ,
 Я—смертный, немощный и хилый—
 Я знаю, я ничто!.. Но нѣтъ,
 Нѣтъ, говоритъ мнѣ тайный голосъ,
 Нѣтъ, не вотще душа моя
 Здѣсь и любила, и боролась;
 Въ ней есть свое живое я,
 И жизнь—не сонъ, не сновидѣнье,
 Нѣтъ, это—пламенникъ святой,
 Мнѣ оварившій на мгновенье
 Миръ и небесный и земной,
 И смерть—не мигъ уничтоженья

Во мнѣ того живаго я,
А новый путь и восхождение
Все къ высшимъ сферамъ бытія.

На замѣчанія, сдѣланныя автору по поводу этого стихотворенія, онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ: «Изъ вашихъ замѣчаній два, и самыя капитальныя, я самъ зналъ и чувствовалъ, да думалъ: такъ сойдемъ, не замѣтять! Анъ, вотъ и не сошло! Я и самъ чувствовалъ, что аскета надобно затушевать; онъ и ввязь-то былъ для рамки, послѣ написанія главной мысли—образнаго выраженія этой Нирваны, о которой философы пишутъ и все таки не могутъ дать намъ хоть мало-мальски вообразительное представленіе, затѣмъ противопоставить ей жизнь, какъ «пламеникъ». Чувствовалъ также и указанный вами провалъ. И вотъ, подстегнутый вами, какъ передъ преградой лѣвившій конь бичемъ, я сдѣлалъ отчаянный прыжокъ изъ всѣхъ силъ, и льщу себя надеждой, что удачный. Несомнѣнно удачный, что ни говорите! Насчетъ вашего замѣчанія о нашихъ пескахъ я не согласенъ. У насъ, особенно поэты, часто смѣшиваютъ степь и пустыни. Сахара—пустыня, у насъ—степя; тамъ—песокъ, здѣсь—высокая трава (степной травы пучокъ сухой). Я сознательно здѣсь выбралъ эпитетъ нагя хъ, чтобы обозначить мертвую пустоту, населяемую лишь нашимъ воображеніемъ. Что касается сферъ и вообще иностранныхъ словъ въ стихахъ, въ принципѣ вполне раздѣляю ваше мнѣніе; но и тутъ не слѣдуетъ быть крайнимъ пуристомъ, а то дойдешь до мокроступовъ. Есть такія слова, которыя вѣсть съ понятіемъ (или предметомъ), вторгаются въ жизнь и укореняются употребленіемъ и мало-по-малу усыновляются языкомъ. Таковы: театръ, поэзія, статуя, логика, сцена и пр. Теперь ужъ просятъ усыновленія и идеаль, и сфера. Дѣло въ томъ, чтобы употребить ихъ удачно, попробуемъ».

Въ новой редакціи стихотвореніе получило такой видъ:

Аскетъ, питавшій духъ въ пустынѣ
Лишь созерцаемъ Божества,
Изрекъ когда-то —и донынѣ
Еще не смолкшія слова:
„Жизнь эта —сонъ и сновидѣнье,
Миражъ среди нагихъ песковъ;
Лишь смерть—конечное забвенье
Всей этой жи—успокоенье,
Сонъ въ ловѣ Бога —и безъ сновъ!“
Аскетъ! прости мое сомнѣнье!
Я знаю—время мимо насъ
Несетъ событія, поколѣнья,
Подыметъ насъ въ своемъ стремленіи,
И въ бездну броситъ тотъ же часъ;

Я—жертва вѣкъ свой, до могилы,
 Всей этой бѣшеной игры,—
 Ничто предъ Разумомъ и Силою
 Въ пространство бросившей міры,—
 Но говорить мнѣ тайный голосъ,
 Что не вотще душа моя
 Здѣсь и любила и боролась:
 Въ ней есть свое живое я!
 И жизнь не сонъ, не сновидѣнье,
 Нѣтъ, это пламенный свѣтъ,
 Мнѣ озарившій на мгновенье
 Міръ—и Небесный, и Земной;
 И смерть не мигъ ушачтоженья
 Во мнѣ того живаго я,
 А новый путь и—восхождение
 Все къ высшимъ сферамъ бытія.

Поэтъ не былъ вполне доволенъ и этою редакціей, и сообщая ее, приписалъ: «Все таки кажется это еще не окончательный видъ пьесы. Надо дать ей полежать въ тѣнѣ».

Сохранились также двѣ рукописныя редакціи стихотворенія: «Старый и Дождь». Посылая первую изъ нихъ, Майковъ писалъ: «Не могу утерпѣть, чтобъ не сообщить вамъ объ одной моей дерзости. Есть у Пушкина 4 стиха—прелестнѣйшіе! Они подали мнѣ мысль, ввели во искушеніе докончить имъ начатое»:

„Ночь свѣтла; въ небесномъ полѣ
 Ходитъ Весперь золотой;
 Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
 Съ догарессой молодой“...
 Занимаетъ догарессу
 Умной рѣчью дождь сѣдой...
 Слово каждое по вѣсу
 Что червонецъ дорогой..
 Говоритъ о равновѣсьи
 Государственныхъ властей;
 Что какъ звѣзды въ поднебесьи,
 Чередой пня своей,
 Путь другъ друга направляють,—
 Такъ въ Венеціи у нихъ
 Всѣ и каждый долгъ свой знаютъ
 И слѣдятъ одни другнхъ.
 „Оттого весь ходъ событій,
 Всѣ интриги при дворахъ,
 Всѣ ихъ движущія нити—
 Въ вашихъ сходятся рукахъ.
 Далъ лишь знакъ—e vog' la barca!
 Міръ въ огнѣ и тамъ, и тутъ,—
 А ко льву Святаго Марка
 Груды золота плывутъ!“...

Плавно рѣчь его лилася;
 Но, окончивъ, онъ глядитъ—
 На плечо его склоняся,
 Догаресса мирно спитъ...
 Улыбнулся самъ онъ, старый!
 Только слышать... Это что-жь?
 Подгв-жь—пѣнье, звонъ гитары...
 Стать прислушиваться дождь...
 „Славный голосъ... Si грудное!
 И мелодія нова...
 Только это—что-жь такое?
 Что за глупыя слова?...
 — Съ старымъ дожемъ плыть въ гондолѣ...
 Быть его—и не любить...
 И къ другому, въ злой невожѣ,
 Тайный помыселъ стремить“...
 Смотритъ дождь оторопѣлымъ...
 Мысль за мыслью, цѣлый адъ,
 Словно молній вѣлыя стрѣлы
 Душу мрачную брааждать...
 А она—такъ ровно дышитъ...
 На плечѣ его лежитъ...
 „Что же? Слышать или не слышать?
 Спитъ она—или не спитъ?“...

Стихотвореніе это послано при письмѣ 14-го января 1888 года, а 27-го января того же года Майковъ писалъ: «Мнѣ обидно, досадно, больно и совѣстно, что я послалъ къ вамъ почти въ черновомъ видѣ моего «Старого Дожа». Онъ только что теперь убрался какъ слѣдуетъ:

„Ночь свѣтла; въ лазурномъ полѣ
 Ходитъ Весперь золотой;
 Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
 Съ догарессой молодой“...
 Занимаетъ догарессу
 Умной рѣчью дождь сѣдой—
 Слово каждое по вѣсу,
 Что червонецъ дорогой...
 Занимаетъ онъ картиной
 Ихъ Венеціи; тайкомъ
 Міръ какъ тонкой паутинной
 Обвила она кругомъ...
 „Ктобъ сказалъ—во дни Атиллы,
 Чтобъ изъ хижинъ рыбарей
 Всталъ на отмели унылой
 Этотъ чудный перлъ морей!
 Чтобъ, укывшійся въ лагунаѣ,
 Левъ Святаго Марка сталъ
 Выше всѣхъ владыкъ и втувъ
 Хотъ бы разъ на нихъ рычалъ?

Чтобъ его тяжелой лапы
 Всѣ почувствовать могли
 Императоры и папы,
 И султаны, и короли?...
 Дастъ лишь знавъ—гремѣть перуны,
 Всюду смута настаетъ,—
 А къ нему, — въ его лагуны,
 Только золото плыветъ!“
 Кончилъ онъ—полусмѣлся—
 Ждалъ улыбки—но гладить—
 На плечо его склоняся,
 Догаресса... мирно спитъ!
 „Все—дита!“ съ полу-ужоромъ,
 Съ полу-лаской молвилъ онъ,
 Только слышать—вскинулъ взоромъ—
 Словно пѣнье... цитры звонъ...
 И все ближе это пѣнье
 Къ нимъ несется надъ водой,
 Рассыпаясь въ отдаленѣхъ
 Въ голубой просторъ морской...
 Было время золотое
 Море зыбилось едва...
 Тотъ же Вespерь... „Что такое?
 Что за глупыя слова!!!...“
 Вадрогнулъ дождь, какъ отъ укола
 Прямо въ сердце... Глядь—плыветъ,
 Обгоняя ихъ гондола,
 Кто-то въ маскѣ тамъ поетъ:
 „Съ старымъ дождемъ плыть въ гондолѣхъ
 Быть его—и не любить...
 И къ другому, въ злой неволѣ,
 Тайный помыселъ стремить...
 Тотъ—другой... О догаресса!...
 Самый адъ не сладить съ нимъ!
 Онъ безумецъ, онъ повѣса,—
 Но—онъ любить и—любимъ!“...
 Дождь рванулъ усы сѣдые...
 Мысль за мыслью—цѣлый адъ—
 Слово молній стрѣлы злыя
 Душу мрачную браздать...
 А она—такъ ровно дышитъ,
 На плечѣ его лежитъ...
 „Что-же?... Слышать или не слышать?
 Спитъ она или не спитъ?“...

Въ изданномъ текстѣ пьесы есть нѣсколько измѣненій сравнительно
 съ рукописными редакціями. (Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова.
 Изданіе шестое. Т. II стр. 125—128).

М. И. Сухомлиновъ.

А. Н. Вульфъ и его дневникъ.

«Въ концѣ 1825 года, рассказываетъ Пушкинъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ, относящейся, по всему вѣроятію, къ 1832 году,—я часто видѣлся съ однимъ дерптскимъ студентомъ (нынѣ онъ—гусарскій офицеръ и промѣнялъ свои нѣмецкія книги, свое пиво, свои поединки на гнѣдую лошадь, на польскія грязи). Онъ много зналъ, чему научаются въ университетахъ, между тѣмъ какъ мы съ вами выучились танцовать. Разговоръ его былъ простъ и важенъ. Онъ имѣлъ обо всемъ затверженное понятіе, въ ожиданіи собственной провѣрки. Его занимали такіе предметы, о которыхъ я и не помышлялъ. Однажды, играя со мною въ шахматы и давъ конемъ матъ моему королю и королевѣ, онъ мнѣ сказалъ: «Холера-могъис подошла къ нашимъ границамъ и черезъ пять лѣтъ будетъ у насъ...»¹⁾).

Студентъ, о которомъ Пушкинъ даетъ столь лестный отзывъ, не кто иной, какъ Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ (отъ перваго брака) Прасковьи Александровны Осиповой, сосѣдки Пушкиныхъ по имѣнью въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Принадлежавшее ей село Тригорское соприкасалось межа съ межей съ селомъ Михайловскимъ, имѣніемъ Надежды Осиповны Пушкиной, матери поэта, и обѣ семьи издавна вели близкое знакомство. Оно въ особености усилилось съ тѣхъ поръ, какъ Пушкины, послѣ 1815 года, стали пріѣзжать на лѣтніе мѣсяцы въ Михайловское, между тѣмъ какъ Осипова безвыѣздно проживала въ Тригорскомъ. А. С. Пушкинъ впервые посѣтилъ своихъ сосѣдей въ 1817 г.,

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 186.

по выходѣ изъ лица, и на прощанье, 10-го сентября, написалъ въ альбомѣ хозяйки нѣсколько строкъ, въ которыхъ, между прочимъ, говорилъ:

Отъ васъ беру воспоминавье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ—сладкое мечтанье!—
Я къ вамъ вѣ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скать Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ грацій и ума ¹⁾.

Обстоятельства сложились такъ, что Пушкинъ вернулся въ Михайловское и Тригорское не добровольнымъ гостемъ, а ссыльнымъ: въ июлѣ 1824 года ему велѣно было жить безвыѣздно въ материнскомъ имѣннѣ, и съ тѣхъ поръ онъ провелъ здѣсь два слишкомъ года, причемъ поѣздки въ Тригорское составляли единственное его развлеченіе и отраду. Онъ питалъ чрезвычайное уваженіе къ П. А. Осиповой и высоко цѣнилъ любовь и пріятность того молодого женскаго общества, которое встрѣчалъ въ ея домѣ.

Въ кругу постоянныхъ обитательницъ и временныхъ посѣтительницъ Тригорскаго А. Н. Вульфъ былъ единственнымъ представителемъ мужскаго пола, да и онъ являлся тамъ только гостемъ: съ конца 1822 года онъ поселился въ Дерптѣ, у одного изъ профессоровъ, чтобы готовиться въ университетъ, куда вскорѣ и поступилъ; съ тѣхъ поръ, до окончанія курса въ исходѣ 1826 года ²⁾, Вульфъ посѣщалъ Тригорское только во время лѣтнихъ и зимнихъ вакацій. Въ Дерптѣ онъ подружился съ молодымъ поэтомъ Н. М. Языковымъ, который тоже слушалъ тамъ лекціи, а лѣтомъ 1824 года сошелся и съ Пушкинымъ, только-что пріѣхавшимъ въ Михайловское. Въ концѣ сентября 1824 года, по возвращеніи въ Дерптъ, Вульфъ получилъ отъ Пушкина слѣдующее посланіе въ прозѣ и стихахъ:

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
Пріѣзжай сюда зимою
Да Языкова поэта
Затащи ко мнѣ съ собой
Погулять верхомъ порою,
Пострѣлять изъ пистолета.
Лайонъ, мой курчавый братъ
(Не Михайловскій приказчикъ),
Привезетъ намъ, право, кладъ..
Что? — бутылочъ полный ящикъ.

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. I, стр. 184.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1867 г., стр. 713 и 723 (статья М. И. Селевскаго о Языковѣ).

Запируемъ же, молчи!
 Чудо—жизнь анахорета:
 Въ Тригорскомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта;
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ ставаны,
 Мы же—то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

«Въ самомъ дѣлѣ, милый, жду тебя съ отверзтыми объятіями и съ откупоренными бутылками. Уговори Языкова, да отдай ему мое письмо; такъ какъ я подь строгимъ присмотромъ, то если вамъ обоимъ заблаго-разсудится мнѣ отвѣчать, то пришли письма подь двойнымъ конвертомъ на имя сестры твоей Анны Николаевны. До свиданія, мой милый. А. П.».

Это письмо, препровожденное по адресу чрезъ посредство сестры Вульфа, свидѣтельствуешь, что между нимъ и Александромъ Сергѣевичемъ скоро установились короткія отношенія. Въ то же время Вульфъ подружился съ давно знакомымъ ему младшимъ Пушкинымъ, Львомъ, и въ свою очередь содѣйствовалъ сближенію старшаго брата съ Языковымъ. Однако послѣдній, несмотря на приглашеніе Пушкина и П. А. Осиповой, долго не рѣшался, по своей застѣчивости, пріѣхать въ ихъ края; онъ появился въ Тригорскомъ и Михайловскомъ только въ 1826 году, и хотя былъ восхищенъ гостепримствомъ хозяекъ перваго, однако продолжалъ дичиться женскаго общества,—за то по цѣлымъ часамъ читалъ своя стихи передь Вульфомъ и Пушкинымъ, который прозвалъ его «вдохновеннымъ». По возвращеніи въ Дерптъ, Языковъ заплатилъ берегамъ Сороти (гдѣ находятся оба села) поэтическую дань рядомъ стихотвореній, которыя посвящены П. А. Осиповой, ея сыну, А. С. Пушкину и даже его нянѣ и принадлежать къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній автора.

Вульфъ разстался съ Языковымъ въ концѣ 1826 года, и съ тѣхъ поръ между ними завязалась дѣятельная переписка, продолжавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, такъ какъ друзьямъ долго не приходилось встрѣчаться. Напротивъ того, съ Пушкинымъ, хотя и освобожденнымъ отъ обязательнаго пребыванія въ деревнѣ, Вульфъ, въ первое время по выходѣ изъ университета, видался довольно часто, а сверхъ того, иногда и переписывался, такъ какъ поэтъ, получивъ разрѣшеніе покинуть Михайловское, часто мѣнялъ свое мѣстопребываніе. Изъ этой корреспонденціи извѣстны только письма Пушкина, и если судить по нимъ, то съ перваго взгляда можетъ показаться, что короткость отношеній между переписывавшимися обуславливалась единственно жаждой матеріальныхъ наслажденій и основывалась на кутежахъ, на ухаживаніи за женщинами и т. п. Извѣстно, какою страстною натурой обладалъ поэтъ, и какъ дорого платился онъ за свои сердечныя увлеченія, а вмѣстѣ съ

тѣмъ извѣстно и то, что смолоду онъ любилъ преувеличивать свои пороки и какъ бы выставлять ихъ на показъ. Это объясняетъ тонъ его писемъ къ Вульфу; въ нихъ Пушкинъ называетъ то себя, то его Ловласомъ, то величаетъ его Вальмономъ ¹⁾ и сообщаетъ ему разныя новости нѣсколько игриваго свойства. Вульфу, который былъ на шесть лѣтъ моложе Пушкина, товарищеское его обращеніе, очевидно, было приятно, и хотя въ сущности это былъ человѣкъ иного нрава, гораздо менѣе пламенный, онъ не желалъ отставать отъ Пушкина и къ тому же, по своей крайней молодости, имѣлъ слабость, какъ говорить преданіе, «влюблять въ себя молоденькихъ барышень и мучить ихъ» ²⁾. Такое стеченіе обстоятельствъ давало поводъ къ разнымъ эпизодамъ, иногда комическаго свойства. Такъ, въ январѣ 1827 года Александру Сергѣевичу и Алексѣю Николаевичу случилось вмѣстѣ гостить у одного Вульфова родственника, помѣщика Старицкаго уѣзда; тутъ бывшему дерптскому студенту вздумалось приволокнуться за одною, жившею въ томъ же домѣ, молоденькою поповной, и онъ прокрался ночью въ комнату, гдѣ она спала со служанкой; та проснулась, прикрикнула на неожиданнаго посѣтителя, и онъ поспѣшилъ уйти; но на утро неудачное похождение Вульфа стало всемъ извѣстно. Пушкинъ превозносилъ дѣвушку за смѣлость и находчивость, а пріятеля безпощадно поднималъ на смѣхъ. Приключеніе это должно было тѣмъ болѣе позабавить поэта, что въ то время уже былъ написанъ «Графъ Нулинъ» и, конечно, извѣстенъ Вульфу, которому такимъ образомъ, неожиданно для самого себя, пришлось разыграть этотъ анекдотъ въ лицахъ.

Тотъ оборотъ, какой былъ приданъ описанному происшествію Пушкинымъ, показываетъ, что его занимала только забавная сторона этого случая. То была шалость, и ничего болѣе, во всякомъ случаѣ не проявленіе испорченной нравственности. И въ сущности таковы были все тѣ ужасныя поступки, за которые такъ строго корили Пушкина многочисленные современные ему моралисты разныхъ ранговъ. То же должно сказать и о Вульфѣ. Недаромъ Пушкинъ называлъ его: «*filius meus in spirito*»; недаромъ, даже въ концѣ 1829 года, то-есть, послѣ двухлѣтней разлуки, поэтъ писалъ ему: «Провѣжая изъ Арзрума въ Петербургъ, я своротилъ вправо и прибылъ въ Старицкій уѣздъ для сбора нѣкоторыхъ недомокъ. Какъ жаль, любезный Ловласъ Николаевичъ, что мы здѣсь не встрѣтились. То-то побѣсили бъ мы баро-

¹⁾ Безнравственный герой романа Шодерло-де-Лакло: „*Les liaisons dangereuses*“

²⁾ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Тверской губерніи въ 1827 году. В. Колосова. Тверь. 1888, стр. 11. Нлжеслѣдующія подробности заимствованы изъ той же брошюры.

новъ и простыхъ дворянъ!» ¹⁾ Но изъ строкъ, приведенныхъ въ началѣ настоящаго очерка, видно, что Пушкинъ любилъ и даже уважалъ А. Н. Вульфа за его просвѣщенный умъ и серьезный, хотя, можетъ быть, нѣсколько отвлеченный взглядъ на вещи. Когда Александръ Сергѣевичъ сблизился со своимъ молодымъ сосѣдомъ, послѣднему не доставало житейской опытности; но Алексѣй Николаевичъ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ разумныхъ, или какъ нынче говорятъ, уравновѣшенныхъ людей, къ которымъ все приходитъ въ свое время: Вульфу житейскій опытъ дала военная служба, въ которую онъ поступилъ въ концѣ 1828 года.

Это было для него важнымъ шагомъ. По окончаніи университетскаго курса Вульфъ долго не зналъ, какой избрать ему родъ дѣятельности; честолюбіе матери указывало ему на службу по дворянскимъ выборамъ, но онъ уклонился отъ нея и рѣшился воспользоваться тогдашними военными обстоятельствами. 9-го февраля 1829 года Языковъ все еще изъ Дерпта писалъ ему по этому поводу: «Поздравляю тебя съ ментикомъ и гусарскій полкъ принца Оранскаго и самого принца Оранскаго съ тобою; дай мнѣ обѣщаніе писать ко мнѣ изъ-подъ знаменъ войны православной, да вѣдаетъ твой пѣвецъ современный всѣ подробности новой судьбы твоей, необходимыя мнѣ для многихъ соображеній и предпріятій въ ономъ званіи» ²⁾. Не знаемъ, было ли дано Вульфомъ обѣщаніе, которое требовалъ отъ него Языковъ, но позволяемъ себѣ сомнѣваться въ томъ, чтобы молодой офицеръ привелъ его въ исполненіе. Еще во второй половинѣ 1827 года, живя въ деревнѣ безъ всякаго дѣла, Вульфъ задумалъ было вести свой дневникъ, но вскорѣ бросилъ эту затѣю и возвратился къ ея осуществленію лишь въ 1832 году, причемъ въ числѣ первыхъ записей этого времени является отмѣтка о томъ, что авторъ дневника возобновляетъ, одновременно съ нимъ, и свою корреспонденцію: отсюда можно заключать, что въ періодъ своего участія какъ въ Турецкой, такъ и въ Польской кампаніяхъ, Вульфъ не находилъ досуга ни для веденія своихъ подневныхъ записокъ, ни для переписки съ друзьями. Къ сожалѣнію, это обстоятельство служитъ причиною и тому, что наиболѣе оживленное время военной службы Вульфа (1829—1831 годы) остается самымъ темнымъ въ его біографіи.

Итакъ, вести послѣдовательно свой дневникъ Вульфъ началъ только съ половины 1832 года. Въ это время онъ находился со своимъ полкомъ на стоянкѣ въ Варшавѣ; затѣмъ ему дана была на нѣкоторое время командировка въ городъ Холмъ; потомъ онъ возвратился въ Варшаву и принялся хлопотать объ отставкѣ, а по полученіи ея поспѣ-

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 212.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1867 г., ст. 744.

шли уѣхать къ матери въ Тригорское. Послѣдовало это въ ноябрѣ 1833 года. Пока Алексѣй Николаевичъ пребывалъ на службѣ и жилъ въ Царствѣ Польскомъ, дневникъ его велся довольно аккуратно; при однообразіи полковой жизни на чужой сторонѣ, при маломъ числѣ знакомыхъ, Вульфъ всегда находилъ время для своихъ записей. Правда, интересъ ихъ не великъ: Вульфъ принужденъ былъ ограничиваться отрывками о своихъ служебныхъ занятіяхъ и о свиданіяхъ со своими сослуживцами; польское общество оставалось совершенно чуждымъ ему, и изъ польскихъ знакомыхъ онъ упоминаетъ только о нѣсколькихъ особахъ женскаго пола слишкомъ доступныхъ. Какъ бы то ни было, съ половины іюня 1832 года по ноябрь 1833 записи дневника идутъ обильно и связно. Но какъ только Алексѣй Николаевичъ водворился на родинѣ, хронологическая нить его замѣтокъ становится все прерывистѣе и случайнѣе. Конечно, и самая жизнь, какую онъ сталъ вести съ тѣхъ поръ, жизнь достаточнаго помѣщика, который прочно засѣлъ въ своемъ имѣніи, ѣздитъ иногда къ сосѣдямъ, изрѣдка посѣщаетъ свой уѣздный или губерскій городъ, въ конѣ вѣки заглядываетъ въ столицу, но большею частью живетъ въ своей усадьбѣ, лишь слегка принимая участіе въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ, не слишкомъ веселясь на людяхъ и не черезчуръ скучая въ уединеніи, и пуще всего дорожитъ своимъ покоемъ и независимостью, — такая жизнь немного давала матеріала для наполненія поденныхъ записокъ. Тѣмъ не менѣе, при просмотрѣ ихъ легко замѣтить, что интересъ къ этому труду охладѣлъ у Вульфа очень скоро; когда-то онъ предпринялъ его, — быть можетъ, согласно примѣру и совѣту Пушкина, — по такому плану, чтобы прежде всего рассказать о своемъ дѣтствѣ и юности, но намѣреніе это осталось безъ исполненія; равнымъ образомъ, не далъ онъ себѣ труда набросать воспоминанія о своихъ походахъ, во время которыхъ, безъ сомнѣнія, былъ свидѣтелемъ, а можетъ быть, и участникомъ замѣчательныхъ событій. Записи Вульфова дневника съ исхода 1833 года ограничиваются, большею частью, сферой его домашнихъ дѣлъ и интересовъ, и послѣдняя изъ нихъ, относящаяся къ ноябрю 1842 года, содержитъ въ себѣ лишь отрывокъ о состояніи погоды.

Какъ ни скудно, въ общемъ смыслѣ, содержаніе записныхъ тетрадей А. Н. Вульфа, мы однако не хотимъ отвергать возможнаго къ нимъ вниманія. Напротивъ того, мы охотно признаемъ, что записи этого дневника все-таки знакомятъ до нѣкоторой степени съ личностью его автора и съ тою средой, въ которой онъ вращался въ свои молодые годы. Уже одно то обстоятельство, что Алексѣй Николаевичъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ друзей Пушкина, и что въ свои тетради онъ занесъ нѣсколько такихъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ, которыхъ не встрѣчаются въ другихъ источникахъ, можетъ возбуждать наше любопытство. Рядомъ

съ записями о самыхъ обыденныхъ явленіяхъ своей жизни Вульфъ любилъ заносить на страницы своего журнала замѣтки о людяхъ, съ которыми встрѣчался, и особенно о книгахъ, которыя читалъ. Эти замѣтки, знакомя съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ писавшаго, получаютъ особенную цѣну, если мы вспомнимъ, что онѣ принадлежатъ человѣку, котораго Пушкинъ любилъ и уважалъ именно за его трезвый умъ и образованность.

Таковы соображенія, побудившія насъ извлечь изъ записокъ А. Н. Вульфа все, что въ нихъ есть наиболѣе любопытнаго. Въ заключеніе считаемъ долгомъ выразить нашу глубокую признательность баронамъ Степану Борисовичу и Павлу Александровичу Вревскимъ, столь обязательно предоставившимъ намъ возможность познакомиться съ записными тетрадами ихъ почтеннаго родственника.

Выдержки изъ дневника А. Н. Вульфа.

1827.

10-го августа 1827 г. (Тригорское).

Я родился 17-го декабря 1805 года. Мой отецъ Николай Ивановичъ Вульфъ, отставленный коллежскимъ ассессоромъ, жилъ по обычаю большей части русскихъ дворянъ у отца своего Ивана Петровича Вульфа въ тверской деревнѣ, не имѣя никакого постоянного занятія. Потерявъ его очень рано (въ 1813 году), я мало объ немъ помню, но сколько слышалъ, всѣ знавшіе его любили въ немъ человѣка съ рѣдкою добротою сердца и съ тою любезностью въ обращеніи, которая привлекала всѣхъ къ нему; чувствительность его души видна была въ нѣжной привязанности къ своему семейству: онъ былъ равно почтительнымъ сыномъ, какъ и нѣжнымъ братомъ; любя своихъ дѣтей, онъ былъ и добрымъ супругомъ. Я всегда буду жалѣть, что лишился его въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще не могъ ни узнать, ни оцѣнить его. Знакомый въ лучшемъ кругу тогдашняго общества обѣихъ столицъ, онъ имѣлъ и образованіе, общее нашему высокому дворянству того времени, то-есть, онъ зналъ французскій языкъ, слѣдственно, все, что на немъ хорошаго было написано. Я самъ помню его декламирующаго трагедіи Расина. Вотъ все, что я знаю объ моемъ отцѣ. Мать моя была дочерью Александра Максимовича Выдомскаго, человѣка съ умомъ и образованностью, приобрѣтенною имъ самимъ собою. Имѣвъ

большое состояніе, долго онъ былъ въ большомъ свѣтѣ, но наконецъ, удалился и жилъ въ своей деревнѣ въ Псковской губерніи, гдѣ, занимаясь разными проектами, потерялъ онъ большую часть своего состоянія. У него-то провелъ я первыя лѣта моего дѣтства; онъ меня очень любилъ, и естественно, ибо я былъ старшимъ сыномъ его единственной дочери ¹⁾; къ тому же онъ мнѣ хотѣлъ дать отличное воспитаніе совершенно въ своемъ родѣ, не такое, какъ вообще у насъ въ Россіи тогда давали. У меня не было ни мадамы-француженки, ни нѣмца-дядьки, но за то приходскій священникъ заставлялъ меня еще шести лѣтъ твердить: mensa, mensae etc. Кажется, что еслибы мой дѣдъ долѣе жилъ, то бы изъ меня вышло что-нибудь дѣльное. Но оставимъ возможности и будемъ благодарить судьбу за настоящее! Роковой 813-й годъ похитилъ и его!

Положеніе моей матери было тогда весьма затруднительно. Потерявъ мужа и отца въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, получила она въ управленіе разстроенное имѣніе, которое надобно было привести въ порядокъ, и заняться воспитаніемъ пятерыхъ дѣтей (двѣ обязанности, изъ которыхъ каждая почти выше силъ женщины), которымъ должно было дать воспитаніе, приличное ихъ состоянію ²⁾. Мать моя приняла на себя трудъ быть моею наставницею. Живя уединенно въ своей деревнѣ, ей оставалось довольно времени отъ другихъ занятій, дабы посвятить оное на воспитаніе своихъ дѣтей. Но къ несчастью, не имѣя ни права, свойственнаго къ такимъ занятіямъ—(ибо сколько надобно имѣть терпѣнія при наставленіи на трудный путь занятій? Даже у дѣтей, одаренныхъ природою особенными способностями, сухія занятія первоначальными науками отбиваютъ охоту отъ ученія. Сколько надобно здѣсь искусства, чтобы превозмочь природное отвращеніе отъ труда и заставить любить умственныя занятія! У самыхъ людей съ созрѣвшими понятіями только многолѣтній прилежный трудъ рождаетъ любовь къ наукамъ),—ни знаній, къ тому необходимыхъ, ея благое намѣреніе принесло мало пользы. Признано, сколько способъ (метода) ученія можетъ затруднять и облегчать занятія, особенно въ тѣ лѣта, когда еще мы не можемъ разсуждать. Что же можетъ выйти хорошаго, когда мы, вмѣсто постепеннаго, систематическаго ученія, занимаемся разными предметами на выдержку, какъ на счастье берутъ лотерейные нумера? Такъ было и со мною. Я учился, учился и только, безъ отдыха, безъ пользы. Оттого не осталось у меня ни одного пріятнаго впечатлѣнія дѣтскихъ лѣтъ; я те-

¹⁾ Онъ имѣлъ еще одну дочь, вышедшую замужъ за Ганнибала противъ его воли; она вскорѣ умерла, оставивъ одну дочь и сына.

²⁾ Насъ осталось пятеро: три брата и двѣ сестры, изъ коихъ одна, Анна, старѣе меня, прочіе—Михаилъ, Евпраксія и Валеріанъ—моложе меня.

рять охоту отъ ученія, ибо не видалъ никакой пользы отъ онаго; ѣхалъ сегодня, бояся наказанія, я набивалъ голову, то завтра я забывалъ. Не разъ долженъ былъ я выучить французскую грамматику наизусть отъ листа до листа, и, несмотря на это, я бы также назвалъ дверь прилагательнымъ именемъ. Но главною потерей отъ сего образа воспитанія было то, что я привыкъ видѣть въ моей матери не что иное, какъ строгаго и неумолимаго учителя, находившаго всякій мой поступокъ дурнымъ и не знавшаго ни одного одобрительнаго слова. Мы испытали, что на животныхъ гораздо скорѣе дѣйствуютъ кроткія мѣры, нежели насильственныя; неужели же къ людямъ, существамъ, одареннымъ духовными способностями въ несравненно высшей степени, нельзя примѣнить сего правила? Но наши отцы объ этомъ не думали, полагая, что страхъ можетъ то же произвести, что и любовь. Грубая, сожалѣнія достойная ошибка! Къ несчастью, есть еще много людей, которые держатся такихъ мнѣній, кажется, не отъ того, чтобы они признавали оныя неопровергаемыми или единственно спасительными, но болѣе потому, что они согласны съ ихъ характерами властолюбивыми и своенравными.

Что жъ было плодомъ всего этого? То, что уже одинъ голосъ моей матери наводилъ на меня трепеть. Я не былъ спокоенъ, когда ее зналъ вблизи. И сколь пагубное вліяніе имѣетъ такое обращеніе съ дѣтьми на нравственность ихъ! Не смѣя произнести слова въ присутствіи грозныхъ своихъ родителей, привыкають они скрывать свои мысли; убѣгая ихъ, они естественно попадаютъ въ общество слугъ, скопище всѣхъ пороковъ, гдѣ потухаетъ послѣдній лучъ сыновней любви, пока собственный нашъ рассудокъ не приведетъ насъ опять на истинный путь.

Странно, съ какимъ легкомысліемъ отказываются у насъ матери (я говорю о высшемъ классѣ) отъ воспитанія своихъ дѣтей; имъ довольно того, что могли ихъ на свѣтъ произвести, а прочее ихъ мало заботить. Онѣ не чувствуютъ, что лишаютъ себя чистѣйшихъ наслажденій, не исполняя долга, возложеннаго на нихъ самою природою, и отдавая дѣтей своихъ на произволъ нянекъ; оттолкнувъ ихъ такимъ образомъ отъ себя, онѣ винятъ дѣтей въ неблагодарности, не находя въ нихъ любви къ себѣ. Мы вездѣ видимъ, какъ преступленія противъ природы наказуемы бываютъ своими собственными слѣдствіями; такъ и здѣсь: въ тѣ лѣта, когда страсти начинаютъ въ людяхъ ослабѣвать, и они, вслѣдствіе физическихъ причинъ, начинаютъ искать покоя, тогда, пресытятся суетными наслажденіями разсѣянной жизни, ищутъ они утѣшенія въ кругу своего семейства. Но что жъ они тамъ находятъ? вмѣсто дѣтской любви холодное почтеніе и чаще равнодушіе, если не что-нибудь худшее, и не сознаваясь въ собственной винѣ своего несчастья, ропщутъ они на судьбу и на дѣтей. Вотъ что мы видимъ всякій день, если заглянемъ

въ домашнюю жизнь нашихъ бояръ, и гдѣ мы найдемъ и причины нашей дурной нравственности и невѣжества.

Итакъ, первыми моими успѣхами въ наукахъ обязанъ я моей матери. Но въ 1817 году она вступила во второй бракъ съ Иваномъ Софроновичемъ Осиповымъ, что было причиною переѣзду нашему въ Петербургъ, гдѣ меня въ слѣдующемъ году отдали въ Горный корпусъ. Итакъ, на 13-мъ году я сдѣлалъ первый шагъ за порогъ моего родительскаго дома. Меня поручили одному чиновнику, служившему при корпусѣ, у котораго я и жилъ. Я здѣсь остался не надолго, ибо въ слѣдующемъ (1819) году случай меня перенесъ въ Дерптъ—къ вреду ли моему или къ пользѣ—это покажетъ будущее. Это учебное заведеніе должно причислить къ одному разряду со всѣми кадетскими корпусами, про которыхъ можно сказать, что они лучше, нежели ничего, но не болѣе. Всѣ они далеки отъ того, чтобы приносить ту пользу, которую отъ нихъ ожидаеъ, ибо за очень обширныя познанія, которыя тамъ приобретаютъ воспитанники, слишкомъ много они теряютъ въ нравственномъ отношеніи, чтобы можно было назвать первое прибылью.

Сpartанское воспитаніе замѣчательно только тѣмъ, что оно доказываетъ силу великаго генія, его создавшаго, и до какой степени люди могутъ предаваться одной идеѣ, даже если она въ противорѣчій со всѣми наклонностями человѣка. Исторія доказала, что безнаказанно человѣкъ не можетъ противиться вѣчнымъ законамъ естества природы; страсти человѣческія, разорвавъ узы, такъ долго ихъ связывавшія, не находили уже преградъ своему неистовству. И Sparta, прежде знаменитая своими добродѣтелями, стала столь же славна своими порогами. Это естественно: когда законы ослабѣли, и грубые спартапцы узнали наслажденія образованныхъ народовъ, то что могло выйти иное изъ людей, не знавшихъ святѣйшихъ и благороднѣйшихъ связей человѣчества? Не зная ни имени отца, ни супруги, ни сына, могли ли они быть хорошими гражданами? Прежде они заключали всѣ сѣи священныя имена въ одномъ имени отечества, но съ разрушеніемъ сей идеи они потеряли все святое, ибо ихъ вѣра, бывшая не что иное, какъ гражданское постановленіе, не могла быть опорой. Люди соединились въ общества для того, чтобы обезопасить собственность и права каждаго члена отъ насилія, стараясь притомъ какъ можно болѣе сохранить первобытной своей свободы; итакъ, общество у нихъ было средствомъ, а не цѣлью, въ Spartѣ же было это на выворотъ. Если общественное воспитаніе и въ самой Spartѣ не было соотвѣтственно назначенію человѣка, то сколько вредно должно оно быть у насъ, гдѣ оно не въ столь тѣсной связи съ гражданскими постановленіями, и гдѣ такъ мало занимаются уменьшеніемъ зла, неразлучнаго съ симъ постановленіемъ?

Нравственное образованіе необходимо для человѣка, который дол-

женъ сдѣлаться полезнымъ гражданиномъ; могутъ ли же оное приобрести воспитанники нашихъ кадетскихъ корпусовъ, брошенные туда отцами своими въ самомъ нѣжномъ возрастѣ (не имѣя способа дать имъ другого воспитанія), тогда, когда имъ столь нужна подпора и любовь своихъ родителей. Но чего достойны тѣ отцы, которые для того удаляютъ отъ себя дѣтей своихъ, чтобы избавиться отъ бремени ихъ воспитанія! Конечно, необходимы общественныя заведенія для образованія офицеровъ, а особливо для морской службы, но не должно туда приниматьъ дѣтей; только молодые люди, окончившіе первоначальное воспитаніе, общее всякому образованному человѣку, которое они могли получить или дома, или въ гимназіяхъ, къ тому правительствомъ устроенныхъ,—сіи воспитанники должны бы были быть въ такихъ лѣтахъ, дабы могли понимать обязанности, на себя принимаемыя, избирая себѣ состояніе, къ которому они думаютъ себя способными. Разумѣется, что тутъ должно уничтожить варварскій обычай тѣлесныхъ наказаній, недостойный образованныхъ людей, истребляющій понятіе о чести, столь необходимою для всякаго чувствующаго свое личное достоинство.

(Приписка отъ 8-го іюня 1828 г.). Надобно побывать самому въ такомъ корпусѣ, чтобы имѣть понятіе объ немъ. Нѣсколько сотъ молодыхъ людей всѣхъ возрастовъ, отъ 7 до 20 лѣтъ, заперты въ одно строеніе, въ которомъ нѣкоторые изъ нихъ проводятъ болѣе десятка лѣтъ; въ немъ какой-то особенный міръ: полу-казарма, полу-монастырь, гдѣ соединены пороки обоихъ. Нѣтъ разврата чувственности, изобрѣтеннаго сластолюбіемъ Катона и утонченнаго греками, подробно поименованнаго въ «Кормчей книгѣ», котораго не случалось бы тамъ, и нѣтъ казармы, гдѣ бы болѣе встрѣчалось грубости, невѣжества и буйства, какъ въ такомъ училищѣ русскаго дворянства! Всѣмъ порокамъ открытъ входъ сюда, тогда, когда не принято ни одной мѣры для истребленія оныхъ (тѣлесныя наказанія нельзя къ такимъ причислить, ибо они наказываютъ, а не предупреждаютъ проступокъ). Принимаемые безъ всякаго разбора воспитанники приносятъ съ собою очень часто всѣ пороки, которые мы встрѣчаемъ въ молодыхъ людяхъ, въ праздности вскормленныхъ въ кругу своихъ дворовыхъ людей, у коихъ они уже успѣли все перенять, и передаютъ ихъ всѣмъ своимъ товарищамъ. Такимъ образомъ ежедневно, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ собираются пороки, пока они не сольются въ одно цѣлое и составятъ родъ обычая, закона, освященнаго временемъ (всегда сильною причиною) и общимъ примѣромъ. Тогда уже ничто не можетъ помочь, никакія мѣры—исправить такое заведеніе. Воздухъ, заключенный въ этихъ стѣнахъ, самыя стѣны заражены; только съ истребленіемъ всего какъ бы постигнутаго моровою язвою можно искоренить зло. Зная сіе, ясно, отчего новыя училища такого рода сначала нѣсколько соотвѣтствуютъ

своей цѣли и потомъ такъ скоро упадаютъ. Многіе подумаютъ, что здѣсь все увеличено, слишкомъ рѣзко описано: ни мало! Всякій, бывшій въ корпусѣ, согласится со мною. Къ тому же причины зла основаны на природѣ вещей: возьмите нѣсколько человѣкъ со всѣхъ концовъ земли, всѣхъ степеней образованности, всѣхъ исповѣданій вѣры, исключите ихъ изъ остального міра, подчинивъ одному образу жизни. Что выйдетъ? Одинакія занятія, одинакая цѣль жизни, радости, печали и вообще все, что они будутъ чувствовать, касающееся ихъ всѣхъ, а не одного изъ нихъ, дастъ имъ всѣмъ одну отличительную черту, одинъ характеръ, общій всѣмъ, но составленный изъ личности каждаго (таково было начало каждой народности). И не будетъ ли этотъ характеръ тѣмъ хуже, чѣмъ порочнѣе члены, составившіе общество? Примѣры сего мы видимъ въ колоніяхъ, монастыряхъ, университетахъ, разбойничьихъ шайкахъ и даже въ нѣкоторыхъ гражданскихъ сословіяхъ, гдѣ они сближаются съ кастами древнихъ.

Взглянувъ на учебную часть корпусовъ кадетскихъ, мы найдемъ въ нихъ немного болѣе утѣшительнаго. У насъ еще не знаютъ или не хотятъ знать, что хорошимъ офицеромъ можетъ быть только образованный, а образованнымъ офицеромъ—только образованный человѣкъ. Преимущественно передъ всѣми другими науками, и исключительно, занимаются преподаваніемъ математики. Впрочемъ, я не думаю, чтобы и самый Лапласъ былъ бы хорошимъ генераломъ. Конечно, офицеру необходимы познанія математическія, но чтобы сдѣлать ихъ единственными, это не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть полезнымъ; даже человѣку, посвящающему себя единственно наукамъ математическимъ, необходимы свѣдѣнія, по крайней мѣрѣ историческія, о предметахъ знаній, съ нею въ связи находящихся; напримѣръ, математикъ долженъ быть и логикомъ и пр. Кругъ познаній офицера такъ великъ, и оныя такъ разнообразны, что, право, у него нѣтъ времени лишняго, чтобы оныя могъ его посвящать исчисленіямъ высшей математики, ему ненужной (я не говорю здѣсь объ артиллеристахъ и инженерныхъ офицерахъ, которымъ, разумѣется, высшая математика необходима). На историческія, географическія науки, столь необходимыя, обращаютъ мало вниманія, даже и на знаніе отечественнаго языка. Также совсѣмъ не заботятся о томъ, чтобы пріохотить молодыхъ людей къ ученію, отчего тѣ и думаютъ только о томъ, какъ бы скорѣе выйти въ офицеры и бросить книги, полагая, что, достигнувъ эполець, они уже все нужное знаютъ, не подозрѣвая, что по сию пору ихъ только приготавливали къ настоящему ученію, что имъ только показали путь, по которому они теперь должны сами, безъ помощи другихъ, впередъ идти.

Кажется, гораздо полезнѣе было бы обратить вниманіе на состояніе уѣздныхъ и губернскихъ училищъ, переобразовать ихъ такъ, чтобы они

въ состоявіи были готовить воспитанниковъ своихъ для вступленія какъ въ университетъ, такъ и военныя академіи, кои замѣнили бы корпуса...

16-го сентября. (Тригорское).

Вчера обѣдалъ я у Пушкина въ селѣ его матери, недавно бывшемъ еще мѣстѣ его ссылки, куда онъ недавно пріѣхалъ изъ Петербурга съ намѣреніемъ отдохнуть отъ развѣянной жизни столицъ и чтобы писать на свободѣ (другіе увѣряютъ, что онъ пріѣхалъ отъ того, что проигрался). По шаткому крыльцу взоселъ я въ ветхую хижину первевствующаго поэта русскаго. Въ молдаванской красной шапочкѣ и халатѣ увидѣлъ я его за рабочимъ его столомъ, на коемъ были разбросаны всѣ принадлежности уборнаго столика поклонника моды; дружно также на немъ лежали *Montesquieu* съ «*Bibliothèque de samragne*» и «*Журналомъ Петра I*»; виденъ былъ также *Alfieri*, ежемѣсячники Карамзина и изъясненіе снова, скрывшееся въ подлюжинѣ русскихъ альманаховъ; наконецъ, двѣ тетради въ черномъ сафьянѣ остановили мое вниманіе на себѣ: мрачная ихъ наружность заставляла меня ожидать чего-нибудь таинственнаго, заключеннаго въ нихъ, особливо, когда на большей изъ нихъ я замѣтилъ полустертый масонскій треугольникъ. Естественно, что я думалъ видѣть лѣтописи какой-нибудь логи; но Пушкинъ, замѣтивъ вниманіе мое къ этой книгѣ, окончилъ всѣ мои предположенія, сказавъ мнѣ, что она была счетною книгою такого общества, а теперь пишетъ онъ въ ней стихи; въ другой же книгѣ показалъ онъ мнѣ только-что написанныя первыя двѣ главы романа въ прозѣ, гдѣ главное лицо представляетъ его прадѣду Ганнибалъ, сынъ Абиссинскаго эмира, похищенный турками, а изъ Константинополя русскимъ посланникомъ присланный въ подарокъ Петру I, который его самъ воспитывалъ и очень любилъ. Главная завязка этого романа будетъ, какъ Пушкинъ говоритъ, невѣрность жены сего арапа, которая родила ему бѣлаго ребенка и за то была посажена въ монастырь. Вотъ историческая основа этого сочиненія. Мы пошли обѣдать, запивая рейнвейномъ швейцарскій сыръ; рассказывалъ мнѣ Пушкинъ, какъ государь цензируетъ его книги; онъ хотѣлъ мнѣ показать «*Годунова*» съ собственноручными его величества поправками. Высокому цензору не понравились шутки стараго монаха съ харчевницею. Въ «*Стенкѣ Разинѣ*» не прошли стихи, гдѣ онъ говоритъ воеводѣ Астраханскому, хотѣвшему у него взять соболью шубу: «Возьми съ плечъ шубу, да чтобы не было шуму». Смѣшно рассказывалъ Пушкинъ, какъ въ Москвѣ цензировали его «*Графа Нулина*»: нашли, что неблагопристойно его сіятельство видѣть въ халатѣ! На вопросъ сочинителя, какъ же одѣтъ, предложили сюртукъ. Кофта барыни показалась тоже соблазни-

тельною: просили, чтобы онъ далъ ей хотя салопа. Говоря о недостаткахъ нашего частнаго и общественнаго воспитанія, Пушкинъ сказалъ: «Я былъ въ затрудненіи, когда Николай спросилъ мое мнѣніе о семь предметѣ. Мнѣ бы легко было написать то, чего хотѣли, но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сдѣлать добро. Однако, я между прочимъ сказалъ, что должно подавить частное воспитаніе. Несмотря на то, мнѣ вымыли голову».

Играя на бильярдѣ, сказалъ Пушкинъ: «Удивляюсь, какъ могъ Карамзинъ написать такъ сухо первыя части своей «Исторіи», говоря объ Игорѣ, Святославѣ. Это героическій періодъ нашей исторіи. Я непременно напишу исторію Петра I, а Александрову перомъ Курбскаго. Непременно должно описывать современные происшествія, чтобы могли на насъ ссылаться. Теперь уже можно писать и царствованіе Николая, и объ 14-мъ декабря».

1832.

9-го іюня. Варшава.

Послѣ четырехъ лѣтъ кочующей жизни, въ продолженіе которой почти всѣ связи мои были прерваны со всѣми, исключая своей семьи, начинаю опять понемногу входить въ прежній кругъ людей, съ которыми въ разныя времена моей жизни я встрѣчался и съ коими я болѣе или менѣе былъ связанъ узами дружбы или любви. Первый шагъ къ тому была поѣздка въ отпускъ, въ продолженіе котораго я возобновилъ одну послѣ другой всѣ нити, которыя меня соединяли съ людьми, мнѣ милыми. Я отыскалъ Языкова, Лизу, а мой единственный Французъ, прекраснѣйшее изъ созданій, украшающихъ этотъ міръ,—надъ раннею могилою, куда его низводитъ неизбежная судьба, вспомнилъ объ отдаленномъ другѣ его молодости и, несмотря на многолѣтнее его молчаніе, которое всякій бы принялъ за забвеніе, подаль мнѣ дружескую руку, чтобы еще разъ въ этомъ мірѣ привѣтствовать меня. Возвратившись, такимъ образомъ, опять къ обществу, я берусь съ новымъ удовольствіемъ за ежедневный отчетъ въ самомъ себѣ.

Я бы могъ теперь быть доволенъ моимъ положеніемъ на время, еслибы не смертельная болѣзнь брата Михаила. Возвращаясь изъ отпуска, нашелъ я его въ Брестѣ чрезвычайно слабымъ, до высшей степени изнуреннымъ болѣзью, и оставилъ тамъ съ надеждою въ выздоровленіе. Но теперь мнѣ пишутъ, что она исчезла; я прошусь въ отпускъ на 28 дней, чтобы съѣздить къ нему, но не знаю, застану-ли въ живыхъ... Недостатокъ денегъ заботитъ тоже меня. Жизнь здѣшняя раз-

орительна, а изъ дому скоро получить тоже едва ли будетъ возможно. Вотъ достаточныя причины, по которымъ жизнь мою здѣсь нельзя назвать пріятною.

10-го іюня.

Въ Варшаву ѣхавши, я ожидалъ найти здѣсь кучу удовольствій, но чрезвычайно ошибся, потому что никакихъ не нашелъ, кромѣ встрѣчи съ двумя или тремя молодыми людьми. Изъ нихъ Левъ Пушкинъ, съ дѣтства мнѣ знакомый, болѣе всѣхъ другихъ меня утѣшаетъ. Съ нимъ я говорю объ домашнихъ моихъ, объ поэзіи и поэтахъ—нашихъ друзьяхъ, объ любви, въ которой мы тоже сходились къ одному предмету, и даже о винѣ и обѣдѣ, которымъ онъ искушаетъ мой карманъ.

12-го іюня.

Вчера получилъ я прискорбное извѣстіе о кончинѣ брата Михаила, послѣдовавшей 20-го числа прошлаго мѣсяца, въ тотъ самый день, въ который Гаврило написалъ мнѣ, что онъ опасно заболѣлъ. Бѣдный братъ! Для чего онъ родился? Развѣ для того, чтобы перенести столько страданій! А мы зачѣмъ живемъ? Мнѣ больно, что обстоятельства не позволили мнѣ еще разъ его увидѣть: его умирающій взоръ не встрѣтилъ ни одного родного, послѣдній часъ его былъ столь же печаленъ, какъ и вся его жизнь. Будетъ-ли онъ утѣшенъ тамъ, гдѣ, говорятъ, уравниваются наше бытіе? Хотя цѣль его существованія и не была достигнута, но онъ могъ бы еще вкусить много радостей, ибо гдѣ тѣ люди, которые постоянно стремятся къ достойному? Алексѣй Дмитриевичъ Богушевскій, бывший его эскадронный командиръ, а нынѣ начальникъ пограничной стражи въ Брестъ-Литовскѣ, показалъ себя истиннымъ благодѣтелемъ моему брату: онъ пекся объ немъ съ отеческою нѣжностью и былъ для него самымъ нѣжнымъ родственникомъ. Онъ же меня извѣстилъ, какъ о смерти брата, такъ и о томъ, что ему отдалъ послѣдній долгъ, проводивъ останки его къ мѣсту покоя. Встрѣча въ жизни съ такими людьми, какъ Богушевскій, утѣшительна; она дѣлаетъ насъ самихъ лучшими, миритъ съ остальнымъ человѣчествомъ.

15-го іюня.

Большую часть моего времени, внѣ дома, провожу я съ Львомъ Пушкинымъ. Онъ меня завелъ здѣсь и къ своей знакомой—г-жѣ Вольфъ, гдѣ я бываю по вечерамъ; она приняла меня сначала болѣе, чѣмъ съ распростертыми объятіями, но замѣтивъ, что меня одурить ей не удалось, она возвратилась ко Льву и продолжаетъ съ нимъ продѣлывать разные фарсы.

Я познакомился съ Очкинымъ, старымъ пріятелемъ Языкова; онъ, кажется, очень добрый малый. Разказы про жизнь его въ Грузіи чрезвычайно любопытны; онъ былъ тамъ при Паскевичѣ и съ нимъ сюда пріѣхалъ.

13-го (30-го) іюня

Вотъ и къ Аннѣ Петровнѣ¹⁾ написалъ я письмо; остаются теперь неудовлетворенными Франціусъ и Языковъ. Я такъ отвыкъ отъ нѣмецкаго языка, такъ разучился ему, что мнѣ чрезвычайнаго труда стоить письмо къ нему. Такъ всякое знаніе требуетъ постояннаго занятія онымъ, безъ котораго въ непродолжительномъ времени все изглаживается изъ нетвердой памяти. Какъ-то она перенесла потерю своей матери? Пушкина писала Льву, что она очень больна; но, какъ уже тому болѣе мѣсяца и въ послѣднихъ письмахъ объ ней ничего не говоритъ, то это меня успокоиваетъ: если-бы ей сдѣлалось хуже, то вѣрно бы она написала. Я недоволенъ образомъ жизни, который веду: хочу чѣмъ-либо заняться; но я такъ отвыкъ отъ умственнаго труда, что не знаю, какъ и начать.

19-го іюня.

Все та же г-жа Вольфъ, тотъ же обѣдъ въ трактирѣ, тѣ же знакомые и такой же, какъ прежніе, бесполезный день! Я теперь ничего не читаю, чтобы скорѣе дописать письмо къ Франціусу, но оно не подвигается впередъ.

Я видѣлъ здѣсь одну книгу запрещеннаго нашего журнала московскаго «Европеецъ», который началъ издавать Кирѣевскій, извѣстный читающей публикѣ своими цѣнными критиками. Этотъ журналъ обѣщаль многое, но къ несчастью, кажется, пустился въ политику, почему и остановленъ правительствомъ. Въ этой книгѣ нашелъ я три прекрасныя стихотворенія Языкова, и каждое изъ нихъ принадлежитъ своей эпохѣ его стихотворческой дѣятельности. Воспоминаніе Воейковой принадлежитъ ко времени его любви къ ней, его студенческой жизни. Оно чисто, пламенно, исполнено чувствъ и юношескихъ восторговъ. «Конь» принадлежитъ къ его немногимъ пьесамъ, въ которыхъ, какъ въ водопадѣ, онъ изумляетъ смѣлостью, сжатостью и силой языка. «Элегія» его дышетъ нѣгой сладострастья, но не столь нескромнаго, какъ его пѣсни цыганкамъ; это—соблазны теплой лѣтней ночи, которые прикрыты собственнымъ ея мракомъ. Жуковского переводъ съ нѣмецкаго гекзаметрами «Войны мышей съ лягушками» чрезвычайно хорошъ. Онъ имѣетъ даръ во всѣхъ своихъ переводахъ казаться самобытнымъ. Есть тутъ же два

¹⁾ Кернъ.

хорошихъ стихотворенія Хомякова и Боратынскаго «Посланіе къ Языкову». Прозанческія статьи: повѣсти, критики, смѣсь не отличаются особенно ничѣмъ, кромѣ одной антикритики на разборъ «Наложницы» Баратынскаго, весьма отчетливо, благопристойно написанной. Недавно я прочиталъ давно извѣстнаго «Юрія Милославскаго» съ удовольствіемъ: все, что можно сказать про него, ибо ни слогъ, ни характеры, ни занимательность и искусство въ завязкѣ похвалить особенно нельзя. Изъ русскихъ до него писателей, конечно, онъ первый.

23-го іюня.

Въ военномъ нашемъ быту есть новости. Пѣхотѣ велѣно также, какъ и легкой кавалеріи, носить усы. Поговариваютъ, что офицерамъ позволено будетъ носить фраки; это мнѣ кажется невѣроятнымъ. Образъ моей жизни совершенно городской и столичный: встаю я очень поздно, выхожу изъ дому обѣдать обыкновенно около пяти часовъ, а возвращаюсь домой всегда послѣ полуночи. По примѣру Пушкина, котораго теперь трясеть лихорадка, сталъ я гастрономъ, но надѣюсь, что обойдусь безъ оной. Со всѣмъ своимъ умомъ иногда онъ очень забавенъ. По сю пору онъ еще пьетъ на славу, чтобы дивились тому, сколько онъ выпиваетъ не пьянѣя, твердить о томъ, что нѣсколько лѣтъ не былъ въ церкви и обѣщался никогда не входить, наконецъ хочетъ перепрямить лихорадку, какъ будто бы она—Вольфша! Или этимъ онъ доказываетъ свое молодечество? Таковы-то мы всѣ люди: у всякаго есть своя пята, какъ у богоподобнаго.

25-го іюня.

Наконецъ отправилъ я вчера мое посланіе къ Франціусу. Дай Богъ, чтобы оно доставило столько же удовольствія, какъ его письмо мнѣ. Остается теперь мнѣ одинъ милый Николай Михайловичъ; сейчасъ же пишу къ нему.

26-го іюня.

Меня сегодня нарядили въ развѣздъ, завтра, быть можетъ, въ карауль и т. д. Хорошо, что я окончилъ мои письма: къ Языкову, послѣднее, лежитъ уже готовое, а то я долго-бы теперь не собрался! Съ завтрашняго дня я намѣреваюсь вести жизнь добронпорядочную. Стану брать изъ бібліотеки книги и рѣже ходить къ Пушкину.

Письма я все еще не получалъ. Вотъ и оно, въ сопровожденіи другаго—отъ сестры Анны. Въ послѣднемъ, какъ и вездѣ, печаль сливается съ радостью. Послѣ извѣстія о смерти Пушкиной, бывшей Вревской, она пишетъ о предстоящемъ замужествѣ Саши¹⁾. Дай Богъ ей скорѣе

¹⁾ Александры Ивановны Осиповой.

выйти, а ему, господину псковскому полиціймейстеру, Беклешову, дай въ ней добрую жену. Она говоритъ, что ненавидитъ и ругаетъ меня; но мнѣ это не помѣшаетъ ее любить и сдѣлать все возможное, чтобъ будетъ зависѣть отъ меня къ ея благополучію. Анна осталась одна въ Тригорскомъ; бѣдной, должно быть, скучненько; что дѣлать!

27-го іюня.

... Возвращаясь домой, я шелъ мимо квартиры Ушакова; онъ еще не спалъ. Это мнѣ пригодилось, потому что, пришедши домой, я нашелъ на дверяхъ запоръ, а вѣрнаго моего служителя, кто знаетъ, а только не я, гдѣ. Я принужденъ былъ воротиться къ Ушакову, посидѣлъ у него и взялъ въ запасъ французскій переводъ послѣднихъ пѣсней «Dop-Juan», и хорошо сдѣлалъ, потому что успѣлъ прочесть (было утро) цѣлую пѣсню, пока дождался мучителя моего. Можетъ быть, не оттого ли и «Жуанъ» въ случаѣ мнѣ не понравился. Такъ проведенная ночь отзывается во мнѣ теперь.

28-го іюня.

Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ моихъ собратьевъ-студентовъ, съ которыми вмѣстѣ слушалъ лекціи военной науки у почтеннаго Адеркаса, котораго даже ввелъ въ наше университетское братство (Burschenschaft). Всю Турецкую войну служили мы въ одномъ корпусѣ; въ одномъ лагерѣ, подъ Шумлою, простояли цѣлое лѣто и ни разу не встрѣчались; недавно сошлись мы въ одной лавкѣ. Онъ служитъ теперь въ генеральномъ штабѣ и отправляется на тригонометрическую съемку. Вчера на прощанье выпили мы въ память прошлыхъ дней нѣсколько бутылокъ вина. Онъ добрый, честный малый, несмотря на то, что въ университетѣ не постигалъ ни насъ, ни цѣли, къ которой мы стремились. Это не мѣшаетъ быть ему хорошимъ офицеромъ, полезнымъ гражданиномъ, быть можетъ, полезнѣйшимъ, чѣмъ мы, энтузіасты. Если послѣдніе блестятъ, увлекаютъ, какъ поэзія, то первые, какъ проза жизни, постояннымъ трудомъ идутъ къ той же цѣли.

3-го іюля.

Два дня я занимался составленіемъ журнала военныхъ дѣйствій нашего полка и окончилъ первую кампанію 1828 года. На 29-мъ годѣ мнѣ будетъ трудно, ибо я долженъ совершенно изъ памяти составлять описаніе дѣлъ, за то онъ гораздо короче: одно Кулевчанское дѣло только

и есть ¹⁾). Сегодня бы я написалъ и это, но меня нарядили дежурнымъ по полку.

11-го августа.

... Вчера, совсѣмъ неожиданно, получилъ я дружескій отвѣтъ Франціуса и Рама; они мнѣ сообщаютъ извѣстія объ остальныхъ моихъ товарищахъ-студентахъ. Одного изъ нихъ уже не стало: Лейтгангъ, послѣдній изъ семи, оставшіяся со мною въ Дерптѣ, погибъ жертвою своей обязанности въ чумномъ госпиталѣ, бывшемъ въ его вѣдѣніи въ Варнѣ. Это второй (послѣ Кошгуля), выбывшій изъ круга нашего и, къ несчастью, третій, достойнѣйшій изъ всѣхъ, неминуемо долженъ вскорѣ послѣдовать за нимъ... Исполненная возвышенныхъ чувствъ, пламенная грудь Франціуса разрушается... Онъ знаетъ, какъ глубоко смерть уже гнѣздится въ немъ, сколько дней еще ему отсчитано, и мужественно встрѣчаетъ ее, умоляя только краткій срокъ, чтобы окончить изыщный трудъ, который онъ хочетъ намъ оставить, какъ памятникъ своего существованія, въ которомъ онъ желаетъ отразить свою душу и доказать, сколько въ ней было любви къ прекрасному. Несчастный другъ, какъ жестокъ твой удѣлъ!

Я имѣю теперь нѣкоторое понятіе о томъ, какъ проведу эту зиму. Я назначенъ въ учебную команду при дивизионной квартирѣ, которая соберется, когда полки возвратятся изъ караула на свои квартиры. Этому радуюсь я: буду имѣть, по крайней мѣрѣ, полезное занятіе, покуда не сподоблюсь выйти въ отставку. Во всякомъ случаѣ, пріятнѣе быть при дивизионной квартирѣ, чѣмъ жить въ какой-либо деревнѣ со взводомъ.

21-го августа.

Трехдневный срокъ содержанія моего въ караулѣ исполнился сегодня. Время на ономъ проходило для меня такъ скоро, что я не успѣлъ, въ продолженіе двухъ дней, прочесть трехъ книжечекъ очень занимательнаго романа «Le rouge et le noir», par Stendhal. Прекрасный садъ дворцовый, въ глуши деревъ коего потонула гауптвахта, посѣщенія товарищей вечеромъ, прекрасная музыка, свѣтъ луны попеременно занимали мои досуги.

23-го августа.

... Давно не читалъ я столь занимательнаго романа, какъ этотъ—Стендаля.

¹⁾ Это была работа, возложенная на А. Н. Вульфа его начальствомъ, и потому ее нельзя считать составною частью его записокъ. Л. М.

26-го августа.

Сегодня годовщина ¹⁾ интурма Варшавскаго. Кичливые бунтовщики въ это время, не смиренные первымъ ударомъ, еще мечтали объ возможности противостоять. Напрасно: упорное мужество сокрушило всѣ твердыни, и свобода Польши пала,—быть можетъ, надолго!

27-го августа.

... «Дочь купца Жолобова», романъ Калашникова, читаю я теперь, но съ меньшимъ удовольствіемъ, какъ ожидалъ.

1-го сентября.

Сегодня бы я уже могъ подать прошеніе объ отставкѣ, если бы я въ состояніи былъ опредѣлить мою будущность; но на это я не могу еще рѣшиться. Все, что я сдѣлаю, будетъ то, что напишу къ матери, сколько мнѣ мало можно ожидать отъ моей службы и сколь велико мое денежное затрудненіе. Если бы ей удалось перезаложить Тригорское скорѣе, тогда бы можно было мнѣ надѣяться получить тысячи двѣ, иначе же трудно мнѣ будетъ что-либо получить теперь. Не понимаю, отчего Богушевскій не шлетъ мнѣ по сю пору тѣхъ, которыя у него остались. Скоро я буду въ большомъ затрудненіи. Служба между тѣмъ идетъ своимъ чередомъ; вчера былъ я ординарцемъ у свѣтлѣйшаго.

13-го октября.

На этихъ дняхъ пріѣхала изъ Петербурга давно ожидаемая Ольга Сергѣевна Павлицева. Я чрезвычайно обрадовался ея пріѣзду, какъ ради удовольствія видѣть ее, такъ и потому, что съ нею я могу говорить обо всѣхъ лицахъ, меня нѣкогда занимавшихъ въ Петербургѣ. Она не перемѣнилась, сколько я замѣчаю; мила и забавна, какъ была прежде до своей болѣзни. Вечера у ней будутъ для меня вѣрнымъ убѣжищемъ отъ скуки.

16-го октября.

У Павлицевыхъ я обѣдалъ вчера и провелъ остатокъ дня. Ольга мила, какъ всегда; но сегодня что буду дѣлать?

¹⁾ Этими выраженіемъ я не совѣмъ еще доволенъ: оно, кажется, не точно. Я помню, какъ Пушкинъ, въ 28-мъ году, искалъ оваго. Мы сбивались на какое-то другое слово, котораго теперь не помню В. В.

17-го октября.

Ничего рѣшительно, кромѣ того, что обѣдать. Даже къ Павлицевымъ не пошелъ вечеромъ, а прямо домой, чтобы за романомъ Кока за-
снуть въ 10 часовъ вечера.

27-го октября.

Вчера съ Ольгою Сергѣевной ходилъ я гулять въ Лазенки и Бельведеръ; въ послѣднемъ убираютъ уже всѣ вещи и перевозятъ въ Петербургъ. Намъ показали, какъ самое любопытное, кровь генерала Жандра, оставшуюся на стѣнахъ, и его шляпу. Одинъ изъ нашихъ вѣрноподанныхъ написалъ на стѣнѣ, что онъ цѣловалъ и ту, и другую съ благоговѣнiемъ. Съ перваго взгляда оно кажется довольно смѣшнымъ—прикладываться къ крови Жандра, но разсудивъ, что онъ погибъ какъ будто бы жертвою привязанности и вѣрности, кровь его нѣкоторымъ образомъ смываетъ пятна съ его характера и пробуждаетъ сожалѣнiе въ постороннемъ зрителѣ. Какъ Милорадовичъ, онъ умеръ на своемъ мѣстѣ, на порогѣ своего господина, сдѣлавъ все, что могъ лучшаго, хоть, можетъ быть, и противъ воли; но такъ глубоко не должно вникать въ причины нашихъ поступковъ.

1833 г.

Городъ Хельмъ. 19-го февраля (3-го марта).

Перечитывая варшавскiя мои записки, родилось во мнѣ отъ удовольствiя, которое онѣ мнѣ доставили, снова желанiе продолжать ихъ. Не имѣя теперь на душѣ никакого дѣла (кромѣ письма Языкову, которому я не отвѣчалъ съ августа, что мнѣ да простить Всевышнiй!), а болѣе, чѣмъ нужно, свободнаго времени и при порядочномъ образѣ жизни, я съ наслажденiемъ берусь за перо, ибо оно будетъ часто выносить изъ настоящей скуки меня въ область воспоминанiй, въ которой всегда только цвѣтущее видишь.

Воскресенье, 10 часовъ утра.

Сейчасъ отправилъ я письма къ матери, сестрѣ и Сашѣ, въ отвѣтъ на два, отъ нихъ полученныхъ мною на прошлой недѣлѣ. Болѣзнь Анны удерживала ихъ еще 4-го февраля въ Петербургѣ, такъ что мать вынуждена была послать свое благословенiе на бракосочетанiе Саши съ Беклешовымъ для того, чтобы не отсрочивать до Святой недѣли свадьбы.

Въ эту минуту должны быть всё уже въ Тригорскомъ. Къ Франціусу я наконецъ тоже собрался съ силами и отвѣчалъ на два его письма отъ 1-го августа и 20-го ноября. Къ нему писать мнѣ вовсе не шутка, отвыкнувъ совершенно отъ нѣмецкаго языка. Онъ чрезвычайно добръ ко мнѣ, въ безпримѣрной снисходительности къ моей лѣни. Какъ душевно скорблю я о томъ, что дни его сочтены, и что столько высокихъ его способностей должны исчезнуть, какъ исчезаетъ въ пространствѣ пламя, слетая съ пепла! Желалъ бы еще разъ на него взглянуть и посмотрѣть, сколько тѣлесныя немощи властны надъ нашимъ духомъ. Рамъ—пишетъ онъ—женится и влюбленъ по-уши; этому человѣку, совершенному прозаику, можно смѣло предсказывать все счастье въ жизни, на которое имѣетъ право честный, благоразумный и трудолюбивый гражданинъ. Прошло десять лѣтъ, какъ мы семеро постановили нашъ союзъ во имя Бога, чести, свободы и отчизны. Честь онаго принадлежитъ вся Франціусу: онъ насъ соединилъ и далъ направленіе юношескимъ нашимъ умамъ къ высокой цѣли добра. Съ того времени я сталъ постигать благородное назначеніе жизни. Въ немъ одномъ себялюбіе жизни не ослабило прекраснаго стремленія, и онъ, благородѣйшій, уже на краю могилы! Еще, быть можетъ, немного дней, и того, кого я болѣе всѣхъ люблю (скажу, какъ Байронъ, всегда исключая прекрасный полъ), уже не будетъ!

20-го февраля. Полдень.

Я нахожусь здѣсь въ городѣ для повѣрки полковыхъ счетныхъ книгъ. Онѣ еще не готовы, и слѣдовательно, и комиссія нашей нѣтъ еще никакого дѣла. Утро провожу я обыкновенно дома, читая что-нибудь (мемуары Байрона теперь); потомъ бродишь по городу, обѣдаешь у подполковника Булацеля, человѣка очень порядочнаго и ко мнѣ благосклоннаго, а вечеръ играешь въ карты — единственное утѣшеніе въ столь скучномъ мѣстѣ, гдѣ мы, праздно живущій народъ, лишены всѣхъ способовъ къ развлеченію. Не будучи никогда игрокомъ азартнымъ, я если и не сдѣлался теперь имъ, но все успѣлъ проиграть 900 рублей по той причинѣ, что, кромѣ рѣдкаго несчастья, которое я всегда имѣлъ (исключая однажды въ жизнь, подъ Замосцемъ, гдѣ я шутя сорвалъ 38 банковъ сряду и на 39-мъ почти все проигралъ назадъ), я и мало опытенъ въ расчетѣ игры. Такой образъ жизни не только вовсе не приятенъ, но даже и вреденъ здоровью. Коль скоро земля немного просохнетъ, то я намѣренъ много ходить, хотя безъ какой-либо цѣли я и не люблю этого дѣлать.

Изъ Варшавы выѣхалъ я довольно удачно. Потерявъ надежду получить тамъ деньги, не вида возможности безъ большихъ неприятностей. то-есть, занимая у пріятелей деньги, долѣе такъ существовать, сѣлъ я

въ отправляющуюся оттуда новую коляску Плаутина, дѣланную подъ моимъ надзоромъ, и пустился въ путь. Съ Варшавой мнѣ не было очень трудно разставаться, потому что, кромѣ Льва Пушкина и Ольги Сергѣевны, да еще добраго обѣда у старика *Chovot*, ничего для меня тамъ не было привлекательнаго. Всѣхъ трогательнѣе была моя разлука съ Ольгой, тѣмъ болѣе, что ей она была совершенно неожиданною, почему при ней она и выказала болѣе свое дружеское благорасположеніе ко мнѣ, чѣмъ бы она это сдѣлала въ другомъ случаѣ, но все не столько, сколько я бы желалъ въ ней найти, ибо я ее очень люблю.

Послѣ долгой нерѣшимости и внутренняго боренія между убѣжденіемъ невыгоды продолжать мнѣ службу и заманчивыми надеждами на будущее, которыя нѣкоторымъ образомъ подкрѣплялись вѣроятностью въ непродолжительности получить нѣсколько чиновъ (у насъ вышло въ короткое время много офицеровъ изъ полка, и лучшие, къ сожалѣнію), разсудокъ мой одержалъ верхъ, и декабря 1-го дня я подалъ прошеніе объ отставкѣ. Скоро послѣ того я получилъ отъ матери письма, въ которыхъ она проситъ меня остаться служить; если бы они не проходили долгое время, какъ деньги, то вѣроятно, ихъ бы было достаточно, чтобы остановить меня. Но теперь все кончено, чему я очень радъ, тѣмъ болѣе, что по послѣднему письму матери вижу, что она не имѣетъ намѣренія, какъ я это ей предлагалъ, остановить въ Петербургѣ ходъ моего прошенія. Всѣ мои надежды и планы основываются теперь на томъ, чтобы хоть мѣсяца черезъ три моя отставка вышла, и мнѣ бы выслали столько денегъ къ тому времени, чтобы благопристойно можно возвратиться во свояси, а не блуднымъ сыномъ. Хотя съ нѣкотораго времени и родилось во мнѣ желаніе пошататься по свѣту образованному и необразованному, но я не смѣю предаваться оному, не видя никакой возможности къ исполненію онаго.

При такомъ образѣ жизни, скучномъ и безцвѣтномъ, какъ мой съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь въ Хелмѣ, мерзкомъ городишкѣ, гдѣ даже недостатокъ чрезвычайный въ квартирѣхъ для насъ, были для меня Мура «Переписка и записки о Байронѣ» драгоценностью. Всегда читалъ я и любилъ преимущественно этого пѣвца, какъ величайшаго генія, но съ тѣхъ поръ, какъ Муръ раскрылъ передо мною съ величайшимъ искусствомъ жизнеписателя, которое при первомъ взглядѣ же бросается въ глаза, всю жизнь его и показалъ характеръ его со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ положеніяхъ ея жизни и въ постепенномъ измѣненіи онаго, то сдѣлался я даже пристрастнымъ обожателемъ его слабостей въ такой же мѣрѣ, какъ любишь недостатки своей любовницы. Я, кажется, теперь совершенно понялъ этотъ великій духъ (довольно само-надѣянно) и узналъ всю прелесть, какъ наружную, тѣлесную, такъ и нравственную его. Кажется, будто бы я вмѣстѣ съ нимъ жилъ, — такъ

живо я себѣ представляю его образъ жизни, его привычки, странности. Даже умственное бытіе его, то, что мучило и улаждало духъ его творческій, какъ поэта и какъ простаго человѣка, стремящагося къ истинному и идеальному, постигъ я, и какъ обыкновенно это случается, свѣряя съ своими идеями, находилъ часто сходными, вѣроятно потому, что прежде, быть можетъ, почерпнувъ ихъ отъ него же, присвоивъ себѣ, считалъ за собственные. Всю Турецкую войну возилъ я его творенія съ собою,—теперь же они будутъ со мною неразлучны! Наполеонъ и Байронъ заключаютъ въ себѣ все великое, что я знаю.

21-го февраля. Вторникъ.

Прочитавъ Байрона, я взялъ Руссо, котораго я не знаю. Жаль, что и самое изданіе отнимаетъ охоту его читать: такъ мелки буквы, что трудно глазамъ читать. Не знаю, буду ли имѣть теперь терпѣніе дочитать его «Элизу»: это будетъ третій опытъ!

28-го февраля. Четвергъ.

Я былъ въ 20 лѣтъ хватомъ, слылъ забіякою (чего тогда и желалъ, не будучи имъ никогда), пилъ также въ свое время изъ удалства, потому волочился за женщинами, какъ франтъ. Наконецъ, оставалось мнѣ испытать только игру, чтобы заключить курсъ моей молодости, что теперь я, кажется, и дѣлаю. Не имѣя съ природы пылкихъ страстей, тѣмъ болѣе, что съ молодости я въ достоинство ставилъ ихъ обуздывать, не зная я страсти къ игрѣ. Теперь вижу я, что отъ празднои жизни можно легко ее получить, и что она можетъ сдѣлаться самою сильною. Никакая игра не доставляетъ столь живыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, потому что совершенно неопредѣленна, неограниченна, что во время самыхъ большихъ неудачъ надѣешься на тѣмъ болѣе успѣхъ, или просто въ величайшемъ проигрышѣ остается надежда, вѣроятность выигрыша. Это я слышалъ отъ страстныхъ игроковъ, напримѣръ, отъ Пушкина (поэта), и теперь я признаю справедливость его словъ. Вчера я былъ и въ игрѣ чрезвычайно счастливъ: для перемѣны попробовалъ метать банкъ и выигралъ 150 рублей; сегодня утромъ тоже выигралъ.

24-го февраля. Пятница.

Услужливая лѣнь породила во мнѣ престранную мысль не писать къ Языкову, пока не получу отставки. Но я ее съ негодованіемъ отвергаю, какъ недостойную чувствъ моихъ къ любезному Николаю Михай-

ловичу, и тотчасъ же сажусь отвѣчать, если можно назвать отвѣтомъ письмо, полгода позже, чѣмъ слѣдуетъ, отправляемое.

25-го февраля.

Все, что я былъ въ выигрышѣ, рублей 160, проигралъ я вчера опять. Поставлю себѣ за правило каждый день ограничивать проигрышъ извѣстною суммой. Сегодня день прекрасный; я воспользуюсь имъ окончить къ Языкову письмо. Ясная погода дѣлаетъ и нашъ духъ свѣтлѣе.

Я читаю теперь знаменитый «*Contrat social*» Rousseau, который во мнѣ родилъ мысль, что частныя лица, коихъ имущество (земля и пр.) уступается однимъ государствомъ другому, должны бы имѣть право требовать вознагражденія за переходящія въ другое владѣніе ихъ земли отъ того, въ пользу чью сія уступка дѣлается, разумѣется, только въ такомъ случаѣ, когда они не пожелаютъ переходить и сами съ ихъ собственностью, что всегда должно быть предоставлено ихъ произволу.

1-го марта. Среда.

Чтеніе мое теперь ограничено твореніями Байрона и Руссо. Я началъ сочиненія послѣдняго съ политики, съ «*Contrat social*» («Условіе общества»), который я нахожу достойнымъ славы своей. Въ Байроновомъ «Пророчествѣ Данте» остановился я на мысли, что тотъ, кто входитъ гостемъ въ домъ тирана, становится его рабомъ. Она сказана въ предостереженіе поэтамъ-лауреатамъ, которыхъ Байронъ очень не жалуетъ. Онъ повторяетъ часто, что великимъ поэтомъ можетъ только сдѣлаться независимый. Мысля объ этомъ, я разсчитываю, какъ мало осталось вѣроятностей къ будущимъ успѣхамъ Пушкина, ибо онъ не только въ милости, но и женатъ.

2-го марта.

«Должно избѣгать случая, въ которомъ обязанности въ противорѣчій съ нашими выгодами», говоритъ Руссо.— Правило столь же истинное, какъ и то, что несчастье другихъ не вселяетъ въ насъ столь живого участія, чтобы тотчасъ не видѣть въ немъ собственныхъ выгодъ своихъ, если онѣ отъ онаго могутъ произойти.

3-го марта.

Вчера я немного отыгрался: я выигралъ сотню рублей. День цѣлый я провожу, читая Руссо; для перемѣны—я за'его «Исповѣдью» теперь. Молодость его была такова, что ожидать было нечего отъ него! Безраз-

судность, непостоянство, слабость характера не поставили бы его на степень величайшихъ писателей своей страны и не сдѣлали бы проповѣдникомъ истины и свободы, если бы не раннее разстройство здоровья, которое ограничило дѣятельность его духа однимъ направленіемъ къ ученю и, умѣривъ пылъ его страстей, сдѣлало ихъ постояннѣе.

8-го марта.

Есть у меня въ головѣ двѣ мысли, коихъ пластически я никакъ не могу выразить. Одна, которая родилась, мнѣ кажется, изъ девиза Байрона: «Сгоус Вугон» — «вѣрь мнѣ»; другая, кажется, — плодъ собственного размышленія: «измѣняясь я усовершенствуюсь»; послѣдняя даже не полно выражается. Что избрать символомъ первой? Что въ этомъ мѣрѣ вещественномъ признано можетъ быть за неизмѣнное? Одно развѣ цѣлое, то-есть, весь мѣръ, вся природа. Другая жѣ тогда задача бытію всего человѣчества еще менѣе способна къ изображенію чѣмъ-либо вещественнымъ, когда она есть только понятіе невыразимое, точно такъ же, какъ Божество, коему другого не могли дать имени, какъ С и Й. Су щ и й и пр. Вотъ два эпитафя, которые я имѣю дерзость, надменность выбрать для себя. Если первымъ я слишкомъ много отъ другихъ требую, то-есть, вѣру въ меня, то вторымъ я, по крайней мѣрѣ, показываю, что знаю, къ чему я долженъ стремиться; дѣлаю ли я, или нѣтъ—это уже другой вопросъ.

4-го марта.

Изъ секретныхъ предписаній Ридигера, вслѣдствіе сообщеній графа Витта, командующаго Царствомъ на время отсутствія Паскевича, видно, что поляки, находящіеся теперь въ разныхъ странахъ и частяхъ свѣта, не оставили намѣренія какими бы то ни было средствами (отъявленные либералы не разборчивы въ выборѣ ихъ) противодѣйствовать правительству русскому, хотя бы сіе и привело къ конечному разоренію края и уничтоженію послѣдней самобытности Царства. Сія революціонисты точно также, кажется, далеки отъ истиннаго либерализма въ своихъ понятіяхъ, какъ и въ поступкахъ. Только народъ, достигшій извѣстной точки просвѣщенія, можетъ пользоваться истинною гражданскою свободою. Польша весьма далека отъ оной. Созрѣвшій народъ никогда не оставался въ рабствѣ и неволѣ: тому нѣтъ примѣра въ исторіи. Преждевременныя же попытки только удаляютъ отъ желаннаго времени. Ридигеръ пишетъ, что 20-го марта (вѣроятно, новаго счисленія), схваченъ былъ нѣкто Джевицкій, офицеръ извѣстнаго прежняго 4-го линейнаго полка, перемѣнившійся изъ Галиціи подъ видомъ ремесленника и

который вскорѣ отравился, не сдѣлавъ никакихъ показаній. Но отъ другого захваченнаго, унтеръ-офицера прежнихъ войскъ, и изъ переписокъ поляковъ, находящихся за границею, узнали, что онъ, Джевицкій, прибылъ изъ Франціи съ намѣреніемъ образовать шайки партизановъ, которыя, скрываясь въ лѣсахъ, старались бы по возможности вредить русскимъ и бунтовать край и наводнить ими все Царство. Съ 25 человекъ ему и удалось прорваться въ Сандомирское воеводство. Другая партія, подъ командою капитана Вронскаго, должна была дѣйствовать въ Краковскомъ. Въ Люблинскомъ также намѣревались нарушить спокойствіе. Въ непродолжительномъ времени сіи показанія и оправдались: въ Ленчинскомъ обводѣ Мазовецкаго воеводства показалась шайка, начавшая свои операціи забираемъ у жителей скота, хлѣба и т. под. Въ Люблинскомъ, въ лѣсахъ около Янова, показалась другая и взяла направленіе на М. Быхово и Пяски, пробираясь лѣсами, коими покрыто все сіе пространство. Наконецъ, полагають, что и въ Бѣловѣжской пущѣ, въ Гродненской губерніи, должна скрываться таковая же. Изъ всего этого заключаетъ правительство, что злоумышленники въ этихъ частныхъ нарушеніяхъ спокойствія слѣдуютъ общему предначертанію, и что скопища сіи состоятъ въ связи одно съ другимъ, почему и приказано усугубить со стороны воинскихъ чиновъ наблюденіе за всѣмъ, что происходитъ въ мѣстахъ расположенія войскъ, и всѣ мѣры предосторожности противъ неожиданныхъ случаевъ, особенно въ продолженіе наступившихъ праздничныхъ дней, въ кои жители, собирающіеся вмѣстѣ, болѣе подвержены злонамѣренными внушеніямъ, нежели въ обыкновенное время. Полиціи предписано строго разсматривать паспорта вновь прибывающихъ изъ-за границы ремесленниковъ и художниковъ, ибо извѣстно, что съ таковыми многіе изъ удалившихся за границу возвращаются назадъ. Даже многіе съ намѣреніемъ вступали въ ученіе разнымъ ремесламъ или въ фабрики, чтобы отъ оныхъ получить виды, подъ коими, не обращая на себя подозрѣнія правительства, проникнувъ въ Царство, имъ бы возможно было дѣйствовать на умы. Вотъ планъ, сознаться должно, весьма остроумно придуманный, но приведетъ ли онъ къ желанной цѣли? Весьма сомнительно. Когда цѣлый народъ, возставшій единодушно, не могъ противостоять, то чего надѣются нѣсколько сотенъ людей, не имѣющихъ ничего, кромѣ жизни своей, которую не знаютъ, чѣмъ поддерживать, и что изъ нея сдѣлать.

29-го марта.

Я прочиталъ трагедію Хомякова «Ермакъ». Въ ней казаки-разбойники, завоеватели Сибири, говорятъ языкомъ семейства Атридовъ во французской трагедіи. Самъ Ермакъ—какой-то унылый мечтатель, ко-

торый въ длинныхъ монологахъ, подъ блѣднымъ сіяніемъ луны, все вздыхаетъ объ минувшихъ лѣтахъ молодости, угнетенъ проклятіемъ отца и разлукою съ любовницею своею. И эта любовь даже не придаетъ никакой занимательности ходу пьесы, которая тянется безконечными монологами, хотя и писанными хорошими стихами, но не менѣе того утомительными. Какъ въ первомъ опытѣ молодого писателя, нельзя въ трагедіи его искать ярко очерченныхъ характеровъ, ни искусства въ ходѣ драмы. Такія произведенія у насъ не первыя въ своемъ родѣ: Ростовцевъ, Катенинъ дарили насъ такими же. Говорятъ, Хомяковъ пишетъ теперь «Самозванца»: въ этомъ предметѣ онъ найдетъ болѣе способовъ.

Еще прочелъ я исторію послѣдней турецкой войны Валентини, онъ поторопился съ нею, написавъ ее по однимъ официальнымъ донесеніямъ и по запискамъ, весьма краткимъ, одного офицера, вѣроятно дѣлавшаго одну кампанію 1828 года и, кажется, находившагося при Евгениіи Виртембергскомъ, ибо одни только дѣйствія 7-го корпуса, который принцъ принялъ подъ Шумлою отъ Воинова, рассказаны подробно, остальные же происшествія обѣихъ кампаній автору, видно, были извѣстны по однимъ газетнымъ реляціямъ, которыя всегда недостаточны и рѣдко справедливы бываютъ. Общій же взглядъ на войну эту, несмотря на то, вѣренъ и довольно безпристрастенъ, то-есть, не скрываетъ ошибокъ нашихъ полководцевъ. Мысли его объ образѣ войны съ турками весьма основательны, и по всему видно, что онъ говоритъ объ предметахъ, которые не только что самъ видѣлъ, но на конъ глядѣлъ глазами человѣка, знающаго свое дѣло.

23-го апрѣля. Воскресенье.

Сейчасъ получилъ я прискорбное извѣстіе, что Франціузъ скончался, прежде полученія моего послѣдняго письма, еще прошлаго декабря 6-го дня! И такъ, совершилось то, чего я уже давно страшился, о чемъ я скорбѣлъ душевно прежде, чѣмъ неизбѣжное исполнилось! Прекраснѣйшее и благороднѣйшее существо, коего чистый духъ, кажется, ничѣмъ земнымъ не былъ омраченъ, прошелъ своею чередою, и какъ упавшая звѣзда послѣ себя только на нѣсколько минутъ въ паденіи блеститъ, такъ и память объ немъ, быть можетъ, только недолго проживетъ въ памяти его друзей и потомъ исчезнетъ въ общемъ мракѣ. Я не встрѣчалъ еще человѣка, который такъ пламенно, какъ онъ, любилъ истину, все высокое и изящное, въ которомъ бы лѣта жизни, обычный бытъ, опытность, приобретаемая ежедневными обманами, физическія наконецъ страданія, которыя ежедневно, видимо, вели его къ ранней могилѣ,—

такъ мало ослабили его стремленія къ идеальному. Этотъ цвѣтъ молодости нашей былъ неизмѣннымъ качествомъ его пламенной души. Какъ человѣчество вообще столь же пламенно, съ такимъ же самоотверженіемъ любилъ онъ каждого изъ своихъ друзей. Эту чувствительную прекрасную душу озарялъ свѣтлый и мощный духъ. Познавъ истину, онъ вездѣ исповѣдовалъ оную, смѣло и мужественно возставалъ за оную не только противъ частныхъ лицъ, но даже противъ самовластнаго общаго мнѣнія. Такъ въ университетѣ не усумнился онъ, собравъ около себя нѣсколько человѣкъ (въ число коихъ благосклонная судьба и меня ввела), возстать противъ всего университета, распавшагося на землячества и ордена—вѣчная причина междоусобной ненависти, вражды и буйства студентовъ не только во время академической ихъ жизни, но переходящихъ и въ гражданскую позднюю,—и проповѣдать первыя истины, либеральныя идеи, недавно возникшія въ германскихъ университетахъ, клонящіяся къ тому, чтобы распространить истинное образованіе и искоренить въ юности направленіе къ буйству и разврату. Какъ всякое возстаніе противъ общихъ пороковъ общества никогда безъ возмездія съ его стороны не остается, такъ и здѣсь оно мстило клеветою на его характеръ, которая сколько бы жива ни была, но всегда намъ вредитъ; зависть назвала его буйнымъ и развратнымъ за то, что онъ искалъ слишкомъ много, быть можетъ—обыкновенную жизнь возвысить до идеальной. Но она безсилна была оспорить его умственные рѣдкія способности. Самые неприятели его соглашались въ обширности дарованій, коими природа его украсила: онъ обладалъ умомъ вѣрнымъ, быстрымъ и обширнымъ, и пріятныя пламенныя свои чувства изъяснялъ онъ всегда съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ равно перомъ, какъ и въ благоразумной рѣчи своей. Въ обществѣ студентовъ, пирующихъ на вѣкахъ освященныхъ своихъ празднествахъ или бесѣдующихъ объ знаніяхъ, ежедневно пріобрѣтаемыхъ каждымъ изъ нихъ, былъ онъ всегда душою всеоживляющею, веселя блистательнымъ остроуміемъ и сатирою, иногда очень ѣдкою, но никогда съ намѣреніемъ обиды. Божественный даръ поэзіи согрѣвалъ его душу; онъ пѣлъ, и пѣсни его такъ-же чисты были, какъ она. Многія изъ его произведеній (которыя теперь выдаются въ свѣтъ) имѣютъ много лирическаго достоинства; почитатель Шиллера, онъ и былъ счастливымъ его послѣдователемъ. Наружность его была привлекательная; ростъ имѣлъ средній, очень стройный, прекрасную голову съ темнорусыми кудрявыми волосами и лицомъ, полнымъ жизни и выраженіи въ голубыхъ его глазахъ и прекрасно очерченномъ ртѣ, въ определенныхъ, чистыхъ формахъ коего можно было узнать рѣшительный, живой и смѣлый его духъ.

Вотъ нѣкоторыя отличительныя черты блистательнѣйшаго созданія, которое я зналъ. Встрѣча съ таковымъ показала мнѣ, что есть въ мірѣ

люди, коихъ дѣйствія не основаны на одномъ себялюбіи, о чемъ бы я безъ того долго сомнѣвался. Рамъ пишетъ мнѣ, что и въ послѣднія минуты своей жизни онъ вспоминалъ обо мнѣ и завѣщалъ мнѣ дружескій поклонъ. Вотъ лучшее доказательство, какъ онъ любилъ своихъ друзей, и свѣжести его души, которая при гробѣ еще сохраняла впечатлѣнія, многими лѣтами ослабленныя. Душевно сожалѣю я о томъ, что судьба не свезла меня еще разъ съ нимъ: онъ бы передалъ мнѣ снова много прекрасныхъ, возвышенныхъ идей; его бы пламенемъ согрѣлась и моя хладѣющая отъ ежедневнаго опыта грудь, я бы освѣжился духомъ.

29-го апрѣля.

Въ послѣднемъ номерѣ «Инвалида» читаль я объявленіе о выходѣ въ свѣтъ стихотвореній Н. М. Языкова. Вѣрно, цензура много подстригла кудрей у его студенческой вольнолюбивой музы. Воейковъ хвалить его самобытность, но сожалѣеть только, что онъ не воспѣваетъ, какъ французы, воинскихъ подвиговъ христолюбиваго нашего воинства. Истинный издатель Военныхъ Вѣдомостей! Прошу угождать всѣмъ: одинъ хочетъ торжественныхъ одъ, другой—поэмъ народныхъ оригинальныхъ, третій—историческихъ драмъ! Любопытенъ я видѣть, чѣмъ насъ подарилъ мой лѣнивый пѣвецъ. Не напишетъ ли мнѣ онъ что-либо въ отвѣтъ на мое посланіе къ нему?

3-го (15-го) мая.

Я читаю теперь исторію Франціи Rouou, сочиненіе весьма обыкновеннаго разряда. Повѣствованіе довольно скучное очень не занимательныхъ событій первыхъ вѣковъ существованія Франціи. Она написана безъ всякаго общаго взгляда на событія и на людей, а только не что иное есть, какъ повѣствованіе объ сраженіяхъ, кой-гдѣ распещренное анекдотами. По времени (1819 годъ), въ которое это сочиненіе издано, его можно назвать очень запоздалымъ: вѣкомъ бы назадъ оно было въ своемъ мѣстѣ на ряду съ сочиненіями Роллена, Миллота, Шрекка и другихъ. Давно не читавъ ничего историческаго и викагда—вполнѣ подробную исторію Франціи, я читаю ее теперь съ удовольствіемъ.

5-го (17-го) мая.

Не ошибся я въ моемъ предположеніи, что мать только обѣщала писать, а, вѣрно, не исполнитъ: вотъ прошла и другая почта, а обѣщаннаго письма нѣтъ. Къ счастью, въ «Инвалидѣ» нѣтъ еще и моей отставки.

Горный кадетскій корпусъ переименованъ въ Горный институтъ, и у воспитанниковъ отбѣнены кивера, тесаки и пр.; весьма благоразумное преобразование. Отдать должно полную справедливость, что мѣры, принимаемыя правительствомъ при преобразованіяхъ по всѣмъ частямъ государственнаго управления, всегда клонятся къ явной пользѣ, сообразны съ цѣлью, которой желаютъ достигнуть и менѣе, чѣмъ прежде, находятъ подъ вліяніемъ солдатизма.

15-го мая.

Сегодня получилъ неожиданное письмо отъ Языкова, письмо, меня несказанно радующее, хотя, по привычкѣ своей, онъ и мало говоритъ про себя. Извѣщая о выходѣ изъ печати своихъ стихотвореній, обѣщаетъ выслать мнѣ экземпляръ оныхъ въ память нашей студенческой жизни. Онъ все еще не имѣетъ осѣдлости и будто бы отъ того ничего значительнаго не предпринимаетъ; меня же благословляетъ на мирную жизнь.

16-го (28-го) мая. Вторникъ.

Жаль, что Николай Михайловичъ, мой вселюбезнѣйшій (его выраженіе въ послѣднемъ письмѣ) пѣвецъ, не берется ни за чтѣ дѣльное, а вотъ, лѣтъ десять уже, все общается только: публика ожидала многого отъ него, но кажется, все обманываясь въ своихъ надеждахъ, охладѣла къ нему примѣтно. Журналисты давно перестали его ласкать и частенько бранятъ его студенческую музу. Пора, пора! Не то—такъ пройдетъ молодость, а съ нею и вдохновенье. Онъ говоритъ, что, вѣрно, мнѣ наскучила такъ-называемая поэзія военной жизни, и правъ въ этомъ, даже въ такой степени, какъ я не ожидалъ отъ него, не выдаваго этой поэзіи. Я вижу давно уже, что поэзія живетъ въ нашей душѣ, а не въ предметахъ такъ-называемыхъ поэтическихъ. Пламенное воображеніе облечетъ каждый въ изящный идеальный образъ тогда, когда холодное видитъ только одно, такъ сказать, чувствами и разсудкомъ осязаемое. Часто даже воспоминаніе сильнѣе на насъ дѣйствуетъ, чѣмъ самый предметъ онаго.

17-го (29-го) мая. Среда.

Сегодня какъ вчера было, и какъ будетъ завтра: все одно и то же, скучно, да дѣлать нечего! Единственное мое занятіе—г. Рюю; не смотря на свой ультра-роялизмъ и иезуитизмъ, и то, что онъ ожидаетъ канонизаціи Лудвига XVI, сознается онъ въ томъ, что причиною революціи были ложныя мѣры правительства и слабость онаго. Оно въ такой степени было ничтожно, что безъ досады на него нельзя читать исто-

рин этого времени. Хорошо также и г. Неккеръ! Наполеонъ справедливо назвать его главнѣйшимъ участникомъ и причиною революціи. Всего забавнѣе въ моемъ почтенномъ историографѣ, что царствованіе послѣдняго, Наполеона, онъ вовсе не признаетъ.

18-го мая.

Утромъ читали мы съ Шедевромъ романы, а именно: «*La tour de Montlehgu*» par Suger, историческій романъ XII столѣтія, довольно занимательный тѣмъ, что выведены въ немъ на сцену извѣстныя лица того времени, напримѣръ, Элоиза, и нѣсколько очерковъ нравовъ того времени.

Государь, осматривая войска 1-го пѣхотнаго корпуса, былъ до такой степени недоволенъ 1-ю гусарскою дивизіей за незнаніе своей обязанности офицерами (верховой ѣзды), что на мѣстѣ смотра у начальника дивизіи, генералъ-маіора Ланского, отнялъ оную, точно также и смѣнилъ одного изъ полковыхъ командировъ, на мѣсто котораго назначенъ пріятель мой Кусовниковъ. Такая строгость заставила и нашихъ генераловъ подумать объ ѣздѣ офицерской. Остальными войсками, въ томъ числѣ и гренадерами, которыхъ смотрѣлъ въ Лугѣ и Псковѣ, государь былъ очень доволенъ.

13-го іюня.

Прочитавъ г. Рою, одного изъ несноснѣйшихъ историковъ нынѣшнихъ временъ, какихъ я читывалъ когда-либо, заступника всего, что только было близко престолу, еще болѣе, кажется, іезуитовъ, и церковнаго самовластия (еократіи) и противника всего, что только есть либеральнаго,—теперь же нашелъ я у Булацеля «*Les Ruines*» Вольнея, совершенно противоположное въ разсужденіи о происхожденіи и развитіи религіозныхъ идей: этотъ выводитъ не только, что происхожденіе всѣхъ вѣръ есть общее, одинаковое, но даже и то, что ни одна изъ нихъ, самая христіанская, не основана на такъ-называемомъ «откровеніи». Онъ такъ же объясняетъ, какъ и Dupuis, сочинитель «*Origines de toutes les cultes*», что христіанство есть сабеизмъ, почитаніе солнца, составленный изъ міеологіи египтянъ, индѣйцевъ, послѣдователей Зердуша или маговъ, а жизнь Христа—аллегорическое описаніе годичнаго теченія солнца.

15-го іюня.

Съ большимъ удовольствіемъ перечелъ я сегодня 8-ю и вмѣстѣ послѣднюю главу «*Онѣгина*», одну изъ лучшихъ главъ всего романа, который всегда останется однимъ изъ блистательнѣйшихъ произведеній

Пушкина, украшеніемъ нынѣшней нашей литературы, довольно вѣрною картиною нравовъ, а для меня лично—источникомъ воспоминаній весьма пріятныхъ по большей части, потому что онъ не только почти весь написанъ въ моихъ глазахъ, но я даже былъ дѣйствующимъ лицомъ въ описаніяхъ деревенской жизни Онѣгина, ибо она вся взята изъ пребыванія Пушкина у насъ, въ губерніи Псковской. Такъ я, дерптскій студентъ, явился въ видѣ геттингенскаго подъ названіемъ Ленскаго; любезныя мои сестрицы суть образцы его деревенскихъ барышень, и чуть не Татьяна ли одна изъ нихъ. Многія изъ мыслей, прежде чѣмъ я прочелъ ихъ въ «Онѣгинѣ», были часто въ бесѣдахъ глазъ на глазъ съ Пушкинымъ, въ Михайловскомъ, пересуждаемы между нами, а послѣ я встрѣчалъ ихъ, какъ старыхъ знакомыхъ. Такъ въ глазахъ моихъ написалъ онъ и «Бориса Годунова» въ 1825 году, а въ 1828 читалъ мнѣ «Полтаву», которую онъ написалъ весьма скоро—въ недѣли три. Лѣто 1826 года, которое провелъ я съ Пушкинымъ и Языковымъ, будетъ всегда мнѣ памятнымъ какъ одно изъ прекраснѣйшихъ. Послѣдній ознаменовалъ оное и пребываніе свое въ Тригорскомъ прекрасными стихами и самонадѣянно прорекъ, что оно

Изъ рода въ родъ,
Какъ драгоценность, перейдетъ,
Завѣ Языковымъ воспѣто.

14-го (26-го) іюля.

Прочелъ я теперь двѣ драмы Гете: «Тассо» и «Незаконная дочь». Первая имѣетъ свое достоинство, какъ живое изображеніе восторженной страсти поэта и своеправія его; къ тому же въ ней высказано прекрасно много истинъ. Вторая же пьеса такъ слаба, что едва находишь въ себѣ терпѣніе ее дочитать: просто, это одни возгласы, декламація. Трудно узнать въ ней первостепеннаго поэта Германіи.

22-го іюля.

Моя отставка вышла! Принесъ сейчасъ Мануйловъ мнѣ радостное извѣстіе, и всѣ заботы мои кончились; настали другія, только болѣе утѣшительныя. Не могу опомниться отъ радости.

24-го іюля. Поведѣльничь.

Вслѣдъ за полученіемъ моей отставки началось поздравленія моихъ сослуживцевъ съ оною. Пріѣхалъ ко мнѣ мой бывшій эскадронный командиръ Аминовъ, съ нимъ Голубининъ. Пили чай, а послѣ онаго угощалъ я ихъ емкою, симъ напиткомъ благороднымъ, прославленнымъ Пушкинымъ и Языковымъ.

29-го іюля.

Булацелю вздумалось третьяго дня вдругъ пригласить меня съѣздить съ нимъ въ Грубешовъ, и я, которому такъ трудно отказывать, согласился съ нимъ ѣхать, несмотря на то, что очень не люблю поѣздки. За мое снисхожденіе я и былъ награжденъ, во-первыхъ тѣмъ, что Шепелевъ отдалъ мнѣ небольшой должокъ, а во-вторыхъ, что у него прочелъ знаменитаго Бальзака, коего по сю пору зналъ только по слуху. Небольшая повѣсть его «La Vendetta» передо мною оправдала его европейскую славу. Слогъ его истинно превосходный и мнѣ показался выше всего, что я ни читалъ изъ нынѣшнихъ и прежнихъ произведеній французскихъ писателей.

24-го августа. Варшава.

Вотъ, наконецъ, послѣ долговременной скитающейся жизни въ Холмѣ, Люблинѣ и самой Варшавѣ, гдѣ я уже живу другую недѣлю,—первая минута свободная для меня, что я могу помыслить, опомниться и сообразить все случившееся со мною въ продолженіе трехъ недѣль, какъ я странствую.

27-го августа (8-го сентября). Воскресенье.

...Все это время шатаюсь по лавкамъ, закупая разныя разности моего новаго убора. Теперь ожидаю я отъ портного платье, такъ что я сегодня буду въ первый разъ одѣтъ въ партикулярное платье. Послѣ пятилѣтней военной жизни кочевой, цыганской я возвращаюсь снова въ общество людей съ удовольствіемъ, безъ сожалѣнія о томъ, что оставляю. Мнѣ должно, по крайней мѣрѣ, благодарить за то судьбу, что каждая перемѣна моего образа жизни была добровольная, своевременная, въ которой я доселѣ еще не раскаивался, начиная отъ студенческаго значка до чина штабсъ-ротмистра, мною нынѣ добытаго, если не кровію, то такою жизнью, которая много оной портить.

9-го сентября (я. с.).

...Ольга Сергѣевна, повидимому, ко мнѣ очень благорасположена: это видно не только изъ всего обращенія ея со мною, но еще болѣе по довольно забавному предложенію, которое она мнѣ недавно сдѣлала: она просила меня какъ можно болѣе публично заниматься ею по той причинѣ, что въ варшавскомъ кругу ея знакомыхъ говорятъ, что будто бы она кокетничаетъ съ однимъ юношею—г. Софізно, который, кажется, влюбленъ въ нее.

Левъ—все тотъ же, свою скуку мыкающій въ Саксонскомъ саду или Розмайгостяхъ и, къ несчастію, въ совершенномъ безденежьи. Онъ имѣлъ неосновательность проиграть не только всѣ деньги, которыя онъ получилъ отъ отца и занялъ отъ другихъ, но даже болѣе, чему трудно помочь.

5-го сентября.

...Прочелъ я теперь нѣсколько повѣстей Eugène Sue, знаменитаго сочинителя «Саламандры», которую все не могу я прочесть еще. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей имѣютъ свое достоинство, какъ свѣжее, живое изображеніе страстей необузданныхъ.

22-го сентября.

...Войска, занимающія Царство Польское, собраны теперь почти всѣ около Модлина, для маневровъ. Сегодня ожидали туда и государя, возвращающагося съ конгресса, о коемъ ничего я не знаю основательнаго. Этотъ проѣздъ инкогнито черезъ Царство Польское занимаетъ теперь всѣ умы, и мнѣнія объ ономъ несходны весьма. Одни находятъ, что онъ хорошо дѣлаетъ, осматривая свои войска, а не обращая вниманія на жителей; другіе не согласны въ томъ и думаютъ, что неприлично Николаю таяться отъ своихъ подданныхъ; явивъ же себя имъ, должно облечь себя въ милость и разлить около себя одно благодѣаніе, показать себя народу истиннымъ солнцемъ, все оживляющимъ. Прибытія его въ Модлинъ ожидали вчера; неизвѣстно мнѣ, исполнилось ли ожиданіе. Сегодня имѣлъ быть смотръ войскамъ. Погода ему, по крайней мѣрѣ, не благопріятствуетъ: она стоитъ совершенно осенняя, дождлива и туманна.

12-го (24-го) сентября.

...Вчерашній «Курьеръ Варшавскій» возвѣстилъ жителямъ кичливой Варшавы, что «наияснѣйшій цесаржъ и круль» прибылъ 10-го (22-го) числа въ Модлинъ, что 11-го числа (вчера) назначенъ былъ смотръ войскамъ, тамъ находящимся, а сегодня—маневры. Это извѣстіе слѣдовало бы, по моему, напечатать не просто, какъ о пріѣхавшемъ какомъ-либо шляхтичѣ, а огненными буквами: такъ важно должно быть это событіе для жителей сего Царства. Варшавѣ же всей, всей слѣдовало бы къ нему выйти съ повинною головою—отъ перваго сенатора Царства до послѣдней обитательницы улицы Фурманской. Вѣрно бы это умалило его грозное чело. Рассказываютъ, что въ Калишѣ встрѣтилъ народъ его съ колѣноупреклоненіемъ, что, принимая генералитетъ, онъ

былъ съ нимъ чрезвычайно ласковъ, но про Варшаву сказалъ онъ Панкратьеву, что она «не стоитъ того, чтобы ему въ ней быть».

Такая фарса, какъ этотъ выходъ съ хлѣбомъ и солью, могъ бы много принести пользы. Народъ, вообще всякая толпа, такъ глупа, что, твердя ей одно, можно увѣрить въ томъ даже, что противно истинному образу ея мыслей. Если бы ей (толпѣ) чаще твердили, что она любитъ своего монарха, то она бы и повѣрила этому, особенно, когда бы къ этому присоединить двѣ-три высочайшихъ улыбки, которыя всегда имѣютъ чарующую силу. Странно, что правительство, употребляя столько людей на то, чтобы наблюдать за общественнымъ мнѣніемъ, чтобы отыскивать каждую сказанную глупость, такъ мало заботится о томъ, чтобы управлять этимъ общественнымъ мнѣніемъ. Это, мнѣ кажется, было бы не только легче, но и полезнѣе; менѣе было бы случаевъ дѣлать людей несчастливыхъ, да и самое ремесло было бы чище, слѣдственно, и лучшихъ бы людей можно бы было на оное употреблять. Судьба столь многихъ не была бы въ рукахъ столь низкихъ, коимъ по неволѣ правительство должно отдавать на жертву.

...У меня теперь послѣдній романъ Вальтера Скотта: «Опасный замокъ». И въ немъ видна широкая и могучая кисть романиста, но мнѣ кажется, что уже въ ней менѣе жизни, менѣе свѣжести и яркости въ краскахъ, что все подернуто тѣмъ же туманомъ, подъ коимъ и въ повѣсти многое дѣлается. Въ описаніяхъ же подробностей и лицъ онъ— все тотъ же.

13-го (25-го) сентября.

Вчера въ 4 часа пополудни государь былъ здѣсь, то-есть, въ здѣшней цитадели, осмотрѣвъ которую и войска, составляющія гарнизонъ городской, отправился въ дальнѣйшій путь—въ Брестъ-Литовскій. Представленныхъ ему членовъ правленія здѣшняго принималъ онъ очень ласково, и они остались очень довольными сямъ приѣмомъ. Красотою его не могутъ они нахвалиться. Варшавскихъ же жителей онъ не жалуетъ: не захотѣлъ принять и депутаціи ихъ, которая долженствовала просить его осчастливить ихъ его присутствіемъ.

20-го сентября (2-го октября). Среда.

...Изъ писателей, утѣшающихъ скучные мои дни, Бальзакъ есть рѣшительно первый: все, что ни прочелъ я изъ его повѣстей, прекрасно «Les contes drôlatiques» совершенны въ своемъ родѣ. Онъ выбралъ для нихъ древній французскій слогъ, тотъ, которымъ писалъ его учитель Раблэ, какъ онъ говоритъ. Прочитавъ нѣсколько страницъ, къ нему такъ привыкаешь, что понимаешь остальное безъ труда. Разказы

очень вольный этихъ повѣстей чрезвычайно смѣшонъ; конечно, не многимъ женщинамъ можно читать эти повѣсти, потому что онѣ довольно сильно дѣйствуютъ на чувственность, но которая ихъ прочтетъ, будетъ довольна ими и не найдетъ ихъ приторными, ради игривости ихъ, заглушающей остальные впечатлѣнія.

Повѣстями Jules Janin не столько я остался доволенъ: это все журнальныя, эфемерныя статьи, интересъ коихъ исчезаетъ за измѣненіями политическими, потому что политика въ нихъ занимаетъ первое мѣсто, литературное же достоинство—второе. Кромѣ того, онъ чрезвычайно многословенъ, какъ всякій журналистъ.

17-го октября.

Сегодня уѣхалъ или уѣзжаетъ мой добрый пріятель Левъ Пушкинъ. Судьба ждалась надъ нимъ въ особѣ Аничкова, который увозитъ его въ Петербургъ такъ, какъ Ушаковъ хотѣлъ увезти меня въ Москву. Онъ жилъ здѣсь два года для того, чтобы быть исключеннымъ изъ службы за неявку въ полкъ (ходатайствомъ фельдмаршала переименовали выключку въ отставку) и чтобы нажить нѣсколько тысячъ долгу, котораго, вѣроятно, онъ никогда не уплатитъ. Счастье его, что онъ еще нашелъ пріятеля, который его вывезъ изъ этого неприятнаго положенія, въ которомъ онъ бѣдствовалъ. Хотя я и душевно радуюсь, что онъ выѣхалъ, но мнѣ теперь въ моей болѣзни это большая потеря: я остаюсь въ совершенномъ одиночествѣ, потому что если кто будетъ меня навѣщать, то это все люди, съ которыми у меня мало общаго.

18-го октября.

...Я читаю теперь знаменитую книгу сто-одного писателя «Le livre des sept et un», или изображеніе Парижа. Большая часть статей, составляющихъ оную, весьма любопытна какъ по содержанію своему, такъ и по слогу, которымъ онѣ написаны. Одна изъ нихъ—«Дуэль»—снова привела мнѣ на память все, что мы (Burschenschaft) десять лѣтъ мыслили объ немъ, и всѣ старанія, которыя мы принимали къ искорененію онаго.

24-го октября.

...Есть одинъ романъ J. Janin подъ названіемъ «Вагнаве», одно изъ произведеній его пера, составившее ему извѣстность писателя, которую онъ теперь и пользуется довольно справедливо, несмотря на журнальную, французскую плодовитость его слова. Въ этомъ романѣ вывелъ онъ на сцену, кромѣ самаго Барнава и Мирабо преимущественно, еще нѣсколько лицъ того времени. Съ перваго взгляда я узналъ, что онъ

ихъ очертилъ вовсе не въ историческомъ образѣ, а совершенно въ идеальномъ, такъ что этотъ романъ нельзя назвать и историческимъ. Въ этомъ мнѣніи моемъ я еще болѣе убѣдился теперь, прочитавъ книгу «Les souvenirs sur Mirabeau», въ коей авторъ оной весьма просто и вѣроподобно рассказываетъ, что всѣ почти рѣчи, говоренныя Мирабо въ национальномъ собраніи, сочинены его сотрудниками, изъ коихъ онъ самъ былъ одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ, и что во всѣхъ остальныхъ сочиненіяхъ Мирабо, если бы всякій изъ его друзей взялъ бы назадъ свое, то у него бы мало что осталось, кромѣ великаго достоинства его собирать и обдѣлывать по своему чужіе матеріалы. Этимъ даромъ—говоритъ повѣствователь—владѣлъ онъ въ высокой степени; кромѣ того, имѣлъ онъ и другой—заставлять сотрудниковъ своихъ работать и поощрять въ ихъ занятіяхъ. Полную справедливость отдаетъ даже авторъ книги силѣ и могуществу его слова, которое заглушало, побуждало все. Способности же защищать свое мнѣніе онъ не имѣлъ и въ этомъ случаѣ далеко уступалъ Барнаву, великому диалектику и логику. Прозорливость Мирабо была, такъ сказать, пророческая. Она была слѣдствіемъ знанія его людей и свѣта, приобретеннаго имъ въ теченіе бурной и буйной его жизни. Съ перваго взгляда онъ безошибочно узнавалъ людей и всегда умѣлъ, когда хотѣлъ, снискивать ихъ благорасположеніе, употреблять ихъ въ свою пользу. Съ начала революціи предвидѣлъ онъ и предсказалъ ходъ ея.

17-го (29-го) октября. Вторникъ.

...Одно утѣшеніе моей жизни здѣшной—это Ольга Сергѣевна. Она истинно, кажется, ко мнѣ расположена дружески. Третьяго дня была она со мною такъ откровенна, что не только читала мнѣ всѣ свои стихотворныя произведенія, но и сказала, что меня такъ любитъ, что сожалѣетъ, зачѣмъ я не женщина, чтобы со мною быть еще откровеннѣе.

8-го ноября (н. с.).

Вчера былъ для меня день исповѣди. Ольга повѣрила мнѣ не только исторію чувствъ своихъ съ самаго дѣтства, изъ коихъ многія уже мнѣ знакомы были, но и самое настоящее положеніе ея сердца. Она такъ со мною была откровенна, какъ едва ли она была съ кѣмъ другимъ когда-либо, и я дорого цѣню эту откровенность.

20-го ноября. Тригорское.

Исполнились мои желанія: возвратился я въ домъ отцовъ моихъ. къ жизни новой, единственной оставшейся мнѣ на выборъ послѣ испы-

танныхъ. Не привлекательна она, не заманиваетъ она наше воображеніе ни разнообразіемъ, ни прелестью видовъ. Одинъ постоянный трудъ можетъ сдѣлать ее сносною, можетъ укротить не вовсе еще потушшія страсти—честолюбіе и жажду наслажденій. Испытаемъ ее!

Послѣ десятидневнаго пути отъ Варшавы, довольно благополучнаго, безъ особенныхъ происшествій, съ обыкновенными неприятностями путешествія въ такое время года, въ скромномъ перекладномъ экипажѣ пріѣхавъ, нашелъ я всѣхъ моихъ домашнихъ—матерь и сестеръ замужнихъ и незамужнихъ здравствующими: это все, чего я только и желалъ. Несмотря на тяжелый отъ общихъ неурожаевъ годъ кажется, и хозяйство не въ нуждѣ, по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно про оное: также важная причина къ общему удовольствію.

23-го ноября. Четвергъ.

Я засталъ еще здѣсь отцовъ Пушкиныхъ, собиравшихся въ путь ко Льву въ Петербургъ, и которые радовались моему пріѣзду, какъ радуются пріѣзду родного. Провожалъ ихъ до Брева—баронское владѣніе Евпраксіи.

...Хотя я и нисколько не сожалѣю о томъ, что оставилъ службу военную, и не желаю снова начать гражданскую, развѣ въ такомъ случаѣ, что представилась бы мнѣ въ которой-либо особенныя выгоды,—но все сельская жизнь землепашца, помѣщика пугаетъ меня своимъ однообразіемъ и отчужденіемъ отъ движущагося и живущаго міра.

Я уже рѣшилъ, что, хотя присутствіе мое въ Тверской деревнѣ и необходимо нужно, жить тамъ одинъ постоянно я не намѣренъ, тѣмъ болѣе, что это вовлекло бы меня въ большія издержки, чѣмъ доходы наши это позволяютъ: должно бы было тогда жить двумя домами, двумя хозяйствами. Мои желанія теперь ограничиваются тѣмъ, что, узнавъ настоящую цѣну и доходы имѣнія, мнѣ бы удалось найти управителя, которому бы можно было поручить оное подъ собственнымъ моимъ надзоромъ, а самому, живучи здѣсь въ Тригорскомъ, разнообразить мой бытъ хоть кратковременнымъ пребываніемъ въ одной изъ столицъ.

Вчера я приписывалъ въ сестриномъ письмѣ къ Ольгѣ Сергѣевнѣ и такъ расписался въ душевномъ удовольствіи, какъ никакой изъ пріятельницъ моихъ не писывалъ.

Сообщ. Л. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо кн. А. Н. Голицына—къ генер. Ф. И. Клингеру.

1-го марта 1810 года. С.-Петербургъ.

Государь императоръ, по прошенію сибирскаго генераль-губернатора тайнаго совѣтника Пестеля, высочайше указать соизволилъ: 1) изъ числа трехъ сыновей его, сверхкомплектныхъ пажей, старшему Павлу и младшему Владимиру, по представленіи ихъ въ Пажескій корпусъ, произвести нынѣ же экзамень, и потомъ, принявъ ихъ въ сей корпусъ на собственное ихъ содержаніе, помѣстить въ тѣ классы, къ которымъ они по экзамену окажутся принадлежащими; 2) средняго Бориса, по неспособности его къ военной службѣ, уволить изъ Пажескаго корпуса для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, съ чиномъ 14-го класса.

О такомъ монаршемъ соизволеніи сообщая вашему превосходительству для должнаго со стороны вашей исполненія, я имѣю честь къ сему присовокупить, в о-п е р в ы хъ, что по неимѣнію теперь въ Пажескомъ корпусѣ пансіонерскихъ вакансій, его императорское величество, изъ особеннаго уваженія къ службѣ Пестеля, всемилостивѣйше дозволяетъ двумъ вышепомянутымъ сыновьямъ его жить у директора сего корпуса генераль-маіора Гогеля, который (какъ объявилъ мнѣ Пестель) соглашается взять ихъ къ себѣ, и в о-в т о р ы хъ, что въ разсужденіи награжденія чиномъ третьяго сына Пестеля, увольняемаго къ опредѣленію въ статскую службу, сообщилъ я высочайшій указъ г. министру юстиціи, для надлежащаго объявленія его Правительствующему Сенату.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

V 1).

Положеніе семьи.—Воспитаніе.—Характеристика дворянства. — Дворянскіе выборы.

Незначительное число студентовъ въ Московскомъ университетѣ свидѣтельствуетъ о томъ нерасположеніи, которое питало дворянство къ наукѣ вообще и русской въ особенности. «Науки мысленны, писалъ преосвященный Евгеній ¹⁾, у насъ еще не въ модѣ. Да и обо всѣхъ вообще наукахъ твердятъ Иппократово слово: наука—трудное, долгое дѣло, а жизнь коротка». Наука считалась не дворянскимъ дѣломъ: дворянинъ могъ служить только въ военной службѣ или въ гражданской-административной. Если молодые люди высказывали желаніе посвятить себя наукѣ, то встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны родителей и родственниковъ. На графа Ѳ. П. Толстого смотрѣли непріязненно за то, что онъ избралъ для служенія отечеству неблагодарную дорогу художника. «Меня, говоритъ онъ ²⁾, многіе изъ лицъ, знатныхъ фамилій, обвиняли, утверждая, что этимъ поступкомъ безчещу мою фамилію». Въ такомъ же положеніи находился и Григорій Андреевичъ Глинка, впоследствии воспитатель великихъ князей Николая и Михаила Павлови-

¹⁾ См. „Р. Стар.“, февраль 1899 г.

²⁾ В. И. Маведонцеву 16-го мая 1804 г. „Рус. Арх.“ 1870 г., т. I, стр. 838.

³⁾ „Записки графа Ѳ. П. Толстого“, „Русская Старина“ 1873 г., № 2, стр. 125.

чей. Онъ почти первый изъ русскихъ дворянъ, съ независимымъ состояніемъ, поступилъ, въ 1807 году, профессоромъ въ Дерптскій университетъ на кафедре русскаго языка и словесности. Событіе это было настолько необычайно, что Н. М. Карамзинъ счелъ необходимымъ указать на него и написалъ статью подъ заглавіемъ «Феноменъ»¹⁾.

Относясь неуважительно къ русскому ученому сословію и не доверяя природнымъ учителямъ, русское дворянство не отдавало своихъ дѣтей въ гимназіи, которыя были открыты для дѣтей чиновниковъ, разночинцевъ и людей всякаго состоянія, а столбовое дворянство не считало возможнымъ сажать своихъ дѣтей рядомъ съ ними и отдавать въ заведенія, по правдѣ сказать, далеко неблагоустроенныя.

Отданный въ 1814 году въ московскую губернскую гимназію М. П. Погодинъ такъ описываетъ ея состояніе и обстановку:

«Годныя, говоритъ онъ²⁾, чуть-чуть замазанныя стѣны въ наемномъ домѣ (на Кисловкѣ), досчатые полы, которыхъ часто не видать было изъ-подъ грязи, кое-какъ сколоченныя лавки, животрепещущіе столы. Одежда—мы ходили въ желтыхъ сюртукахъ изъ такого сукна, которое безъ обиды можно было назвать войлокомъ; мы носили рубашки изъ такого холста, который въ толстотѣ спорилъ съ сукномъ, а въ мягкости ему уступалъ; жилеты у насъ были затрапезные. Пища—жидкіе щи съ кускомъ говядины, которая съ трудомъ уступала ножу, и гречневая каша съ масломъ, ближайшимъ къ салу. Надзора никакого, ни одного надзирателя не было у насъ и должность ихъ исполняли ученики изъ старшихъ двухъ классовъ».

Къ этому надо прибавить, что гимназія эта находилась въ столицѣ, въ центрѣ тогдашняго просвѣщенія, и что директоромъ ея былъ П. М. Дружининъ, человѣкъ любившій воспитанниковъ какъ своихъ дѣтей и настолько безкорыстный, что не оставилъ послѣ себя никакого состоянія и даже былъ похороненъ на чужія деньги.

Материально обезпеченное дворянство не могло видѣть своихъ дѣтей въ такой обстановкѣ и предпочитало домашнее воспитаніе, при содѣйствіи иностранныхъ гувернеровъ. Къ сожалѣнію, революція выгнала изъ Франціи подонки общества, тысячи невѣждъ, которые разнесли по всей Европѣ гордость, пустое тщеславіе и обветшалыя понятія о значеніи породы и родовитости. *Le beau, le pur sang de la noblesse*—было лозунгомъ всѣхъ истощенныхъ развратомъ и бѣжавшихъ въ Россію маркизовъ, виконтовъ, графовъ, дюковъ и принцевъ. «Какъ пчелы налетаютъ на дерево и облѣпляютъ всѣ его вѣтви, такъ эмигранты набѣжали на Россію, набѣжали, нанесли и водворили у насъ тысячи дотогѣ

¹⁾ „Русская Старина“ 1876 г., т. XVII, изд. 2-ое, стр. 77.

²⁾ „Жизнь и труды Погодина“. Н. Барсукова, т. I, стр. 23.

незнаемыхъ нами предрассудковъ, разврата, бездѣльности—словомъ, всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи» ¹⁾).

Бѣглецовъ, вмѣсто презрѣнія, приняли съ распростертыми руками, и они скоро завладѣли умами русскими, служили для насъ примѣромъ внѣшняго лоска, образованія и казались учеными, сами ничего не зная. Отъ нихъ мы приняли всѣ пороки, заблужденія, чванились сходствомъ съ ними и отвергли вѣру въ Бога ²⁾).

Въ тысячахъ французовъ, наводнившихъ Россію, конечно, были люди со свѣдѣніями, честные и съ чистымъ нравомъ, но ихъ было немного; а между тѣмъ всѣ остальные подонки заняли мѣста въ дворянскихъ семьяхъ и явились образователями ума и сердца не только дѣтей, но и самихъ ихъ пріотившихъ. Они усилили жертвоприношенія богинѣ любви и устроили тайныя развратныя общества: въ Москвѣ—клубъ адамистовъ, а въ Петербургѣ—общество свиней. Русскіе дворяне стали подражать во всемъ пришельцамъ: затвердили наизусть лучшихъ французскихъ авторовъ, глѣли французскіе романсы, знали множество анекдотовъ и каламбуровъ ³⁾). Вѣсть о томъ, что подобнымъ выходцамъ живется хорошо въ Россіи, усилила наплывъ французовъ. Люди низкаго состоянія, не имѣвшіе достатка и имущества въ своемъ отечествѣ, не привыкшіе трудомъ и знаніемъ снискивать себѣ пропитаніе, потянулись въ Россію *pour se faire ouchtel des enfants*. Корабли, нагруженные гувернерами и гувернантками, мусьями и мадамами, беспощинно выгружались въ Кронштадтъ, и вся эта толпа развозилась по государству. Они принимались въ дворянскіе дома безъ всякой оцѣнки ихъ знаній и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для тѣхъ обязанностей, которыя принимали на себя. Появившись въ семействѣ, люди эти основывали прочность своего положенія на совершенно особыхъ началахъ: мусью старался «сдѣлаться подмогою мужа въ сладостныхъ любовныхъ утѣхахъ хозяйки, а мадамы—подмастерьями женъ хозяйскихъ въ томъ же искусствѣ» ⁴⁾).

¹⁾ Записки А. М. Тургенева (рукоп.)

²⁾ Письмо М. А. Волковой къ В. И. Лавской 17-го сентября 1812 года. „Русск. Арх.“ 1872 г., т. II, стр. 2399.

³⁾ Впрочемъ, безпристрастный современникъ находилъ въ наплывѣ эмигрантовъ и нѣкоторую пользу. „Какъ современникъ-очевидецъ, говоритъ онъ, считаю обязанностью сказать, что съ водвореніемъ французовъ въ семействахъ дворянскихъ, состояніе крѣпостныхъ, господскихъ людей улучшилось: съ рабами начали обращаться лучше, снисходительнѣе, видѣтъ въ нихъ челоувѣковъ, по крайней мѣрѣ *une espèce du genre humain*.. Возліаніе Бахусу весьма уменьшилось. Бесѣды дворянскія начали оканчиваться безъ игры въ коммерческую, т. е. поединка на кулакахъ“ (Записки Тургенева рукоп.).

⁴⁾ Всепод. записка тайн. совѣтн. Александра Ивановича Арсеньева 2-го апрѣля 1826 г.

При такихъ условіяхъ прежняя патріархальность семья совершенно разстроилась. Гувернеры и гувернантки скоро дѣлались повелителями въ семействѣ и тиранами дѣтей, которые не смѣли жаловаться на дурное съ ними обращеніе, ни проговориться о порокахъ и дурномъ поведеніи своихъ наставниковъ и наставницъ. Съ другой стороны, воспитатели прикрывали пороки своихъ воспитанниковъ, а очарованные родители только и твердили дѣтямъ, что они во всемъ должны брать примѣръ съ французскаго экземпляра, и что все, чему онъ ихъ научить, хорошо и сущая истина. Такимъ образомъ, сложивъ съ себя добровольно родительскую власть и отрекшись отъ воспитанія своихъ дѣтей, отцы и матери отдали ихъ на произволъ пришельцевъ, которые не стыдятся печатали въ газетахъ объявленія, что будутъ учить насъ любви къ отечеству, приверженности къ вѣрѣ и государю. вмѣсто того они поселяли въ семьѣ полнѣйшій разладъ: внушали дѣтямъ неуваженіе къ родителямъ и, если не презрѣніе, то полное равнодушіе ко всему русскому и сочувствіе ко всему иностранному. Восхваляя Тюрена, Конда, Наполеона и другихъ, они унижали Румянцева и Суворова; твердили, «что во Франціи все превосходно, забавы безъ числа, всѣ блаженствуютъ»: въ Россіи же все мрачно, скучно, что люди не живутъ, а только дышать. «О вѣрѣ же, если не положительными, то мимоходными выраженіями, поселяютъ сомнѣніе» ¹⁾. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ юноши узнавали отъ своихъ воспитателей, что дѣлалось въ Лондонѣ, Парижѣ, но о Россіи не слыхали ни слова.

Какихъ результатовъ можно было ожидать отъ такихъ наставниковъ? Большинство ихъ едва знало грамоту и вся ихъ дѣятельность ограничивалась обученіемъ чтенію и письму. «Тогда, говорилъ Г. Р. Державинъ, учили языкамъ—безъ грамматики, числамъ и измѣреніямъ—безъ доказательствъ, музыкѣ—безъ нотъ и вѣрѣ—безъ катехизиса» ²⁾.

Пришельцы приняли на себя обязанность учителей только для денегъ, и внушали своимъ питомцамъ однѣ забавы и угѣхи. Кого винить въ этомъ, спрашиваетъ современникъ? ³⁾

— Отцамъ, говорятъ мнѣ, некогда: они службою заняты—такъ, конечно; но пять и десять часовъ сидѣть за картами, проигрывать имѣнія—есть время? Отецъ только и твердитъ: у меня, братецъ ты мой, лучший Аббе за сыномъ ходитъ; а мать повторяетъ, поправляя парикъ

¹⁾ Всепоход. записка А. И. Арсеньева 2-го апрѣля 1826 года. Записка Павла Сумарокова: „О новомъ устройствѣ всѣхъ частей въ губерніяхъ“. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

²⁾ Сочиненія Державина, т. VIII, стр. 59.

³⁾ „Мысли вслухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго“. Изд. 1807 года, стр. 6.

передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые волосы: а для чего и мадамъ держу? она и пекись о дочеряхъ моихъ.

Въ простотѣ душевной, сами не искусившись въ наукѣ, родители думали, что, заплативъ хорошо за такой присмотръ и ученье дѣтей своихъ, они исполнили свою обязанность, чисты передъ Богомъ, совѣстью и отечествомъ. Полагая, что можно приобрести чувство дѣтей къ родителямъ за деньги, они предавались сами шумной и веселой жизни, засыпали на разсвѣтѣ, подымались въ полдни, и рѣдко видѣли своихъ дѣтей.

Гувернеры и гувернантки также хотѣли жить въ свое удовольствіе, сами отправлялись въ гости или принимали ихъ, а дѣти, оставленные на попеченіи нянекъ и лакеевъ, бывали часто свидѣтелями самыхъ развратныхъ сценъ. Не даромъ А. С. Пушкинъ называетъ тогдашнее воспитаніе самымъ безнравственнымъ¹⁾.

Проходили годы, и отцы удивлялись, что дѣти ничему не выучились, кромѣ шалостей и дурныхъ поступковъ; тогда для исправленія недостатковъ и пополненія образованія отдавали дѣтей въ пансіоны, содержащіеся тѣми же иностранцами и бывшими еще пагубнѣе, чѣмъ домашніе гувернеры. Содержатели пансіоновъ имѣли только одну цѣль—наживу, брали дорого и часто не отдѣляли мальчиковъ отъ дѣвочекъ²⁾. «Бѣглыя и наглыя французенки, говоритъ И. П. Сахаровъ³⁾, открыли въ этихъ вертепахъ постыдный торгъ честью русскихъ женщинъ и русскихъ дѣвушекъ. Сколько сгубили тогда дѣтей: въ десять-двѣнадцать лѣтъ мальчики пили мертвую чашу и знали всѣ продѣлки разврата».

Родители слѣдили только за тѣмъ, чтобы въ пансіонахъ хорошо былъ столъ и дѣти порядочно содержаны, научены ловкому обращенію, танцамъ и музыкѣ; «но объ обученіи и внушеніи правилъ вѣры и обязанностей всякаго вѣроподданнаго» никакихъ попеченій не прилагали. Прежде всего мальчику внушалась необходимость имѣть сознаніе о собственномъ достоинствѣ—*point d'honneur*,—но въ чемъ оно заключалось, никто ему не объяснялъ; внушали неуступчивость, сварливость, «отчего молодежь составляетъ себѣ долгомъ и обязанностью ничего не извинять, что кажется оскорбительнымъ»⁴⁾. Отсюда происхожденіе частыхъ дуэлей, которыя существовали въ первую половину настоящаго столѣтія и поводы къ которымъ доходили до глузости и даже пошлости.

Въ 1808 или въ 1809 году, по словамъ князя П. А. Вяземскаго,

¹⁾ Болѣе подробныя свѣдѣнія о тогдашнемъ воспитаніи см. статью „Наши мистики-сектанты“, „Русская Стар.“ 1894 г., № 9, стр. 169—203.

²⁾ Записка А. И. Арсеньева.

³⁾ Для біографіи И. П. Сахарова. „Русскій Арх.“ 1873 г., т. I, стр. 903.

⁴⁾ Записка А. И. Арсеньева.

часть блестящей молодежи, сливки тогдашняго отборнаго московскаго общества, собрались пикникомъ на обѣдъ въ Царицынъ. Въ ожиданіи обѣда гуляли по саду. Въ числѣ прочихъ былъ Новосильцевъ (Сергій Сергѣевичъ), имѣвшій при себѣ ружье. Пролетѣла птица. Новосильцевъ готовился выстрѣлить въ нее.

— Что за важность стрѣлять въ птицу!—замѣтилъ князь Ѳ. Ѳ. Гагаринъ.—Попробуй выстрѣлить въ человѣка.

— Охотно,—отвѣчалъ тотъ,—хоть въ тебя.

— Изволь, я готовъ—стрѣляй!

Новосильцевъ прицѣлился, но ружье осѣклось. П. А. Валуевъ выхватилъ ружье изъ рукъ Новосильцева, спустилъ курокъ и выстрѣлъ раздался. Можно представить себѣ смущеніе и ужасъ зрителей этой сцены. Они думали сначала, что все это шутка и мало обращали на нее вниманія.

— Ты въ меня цѣлилъ, это хорошо,—говорить Гагаринъ Новосильцеву,—а теперь мы будемъ цѣлить другъ въ друга, увидимъ, кто въ кого попадетъ. Вызываю тебя на поединокъ.

Новосильцевъ не отказался, но пріятели вмѣшались въ наѣздничество двухъ отчаянныхъ сорванцовъ и насилу могли прекратить дѣло миролюбивымъ образомъ. Сѣли за столъ, весело пообедали и вся честная компанія возвратилась въ городъ благополучно и въ полномъ составѣ. Бойцы, готовившіеся совершить убійство другъ надъ другомъ, остались по-прежнему добрыми товарищами, какъ-будто ни въ чемъ не бывало ¹⁾).

Такіе поступки считались молодечествомъ, въ особенности среди офицеровъ. У большинства молодежи понятія о чести, долгѣ, справедливости и обязанностяхъ перепутались; учтивость замѣнила благодравіе, расточительность изгнала умѣренность, мнимая острога ума заглушила разсудокъ. Люди, причислявшіе себя къ большому свѣту, говорили, что человѣку «данъ умъ для злословія, вкусъ—для щегольства, а сердце—для волокитства» ²⁾). Благовоспитанный молодой человѣкъ въ сущности былъ круглый невѣжда, не имѣвшій никакихъ основательныхъ свѣдѣній.

«Время Пожарскаго, писалъ графъ С. Р. Воронцовъ въ одномъ изъ писемъ графу Ростопчину ³⁾), слыветъ вѣкомъ невѣжества и пустоты; но наше время, торжественно провозглашаемое вѣкомъ просвѣщенія и философій, едва-ли въ извѣстномъ смыслѣ не носитъ въ себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія; потому что

¹⁾ Поля. собр. сочин. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 437.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1808 г., № 7, стр. 337

³⁾ Изъ Лондона 7-го (19-го) марта 1813 г. „Рус. Арх.“ 1872 г., т. II, 2185 и 2186.

наше полупросвѣщеніе, наше ложное образованіе, эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ, развиваемое нашимъ правительствомъ въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, уже давно успѣли бы заглушить въ насъ всякую искру патріотизма, если бы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающею его силою ¹⁾, такъ сказать, вопреки правительству, которое, руководимое нѣмцами и ливонцами, само вводило къ намъ пороки».

«Въ бесѣдахъ нашихъ временъ, писалъ П. Сумароковъ ²⁾, молодые люди получали образованіе,—въ нынѣшнихъ развращаются. Отъ сего не великъ счетъ попечительныхъ родителей, нѣжныхъ супруговъ, почтительныхъ чадъ, добрыхъ подданныхъ. Улей силенъ пчелами и каждая скважина пополнена медомъ; проявятся трутни—и одинъ сухой воскъ въ немъ находимъ».

Трутни эти были—иностранные гувернеры и гувернантки, внушавшіе своимъ воспитанникамъ все то, чѣмъ сами были полны: безбожіе, самонадѣянность, неуваженіе къ родительской власти, отсутствіе любви къ родинѣ, пристрастіе ко всему иностранному, стремленіе къ роскоши и мотовству. Всаывая всѣ эти качества съ юныхъ лѣтъ, молодежь не могла отъ нихъ отдѣлаться и въ зрѣлыя годы.

Ученьемъ вреднымъ съ первыхъ дней
 Намъ стоять разъ лишь напиться;
 А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
 Каковъ ни будь ты на словахъ,
 А все имъ будешь отзываться.

Такъ говорилъ И. А. Крыловъ, зорко слѣдившій за тогдашнимъ воспитаніемъ и чуткій ко вреду имъ приносимому ³⁾. Еще въ «Почтѣ Духовъ» онъ писалъ, что прежде родители сами воспитывали своихъ дѣтей, толковали имъ о томъ, чтобы они были честными, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастья. Тогда молодые люди не были краснорѣчивы, «но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ». Теперь же рѣшили, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать безъ умолку, не затворяя рта. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учителя научаютъ промѣ-

¹⁾ Наполеономъ при вторженіи его въ Россію.

²⁾ Записка П. Сумарокова. Арх. Государств. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

³⁾ См. басню А. Крылова „Бочка“. Полное собраніе басенъ Крылова, изд. 1896 г., стр. 42.

нивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство ¹⁾).

— Когда въ обществѣ воцаряется роскошь, печаталь С. Н. Глинка въ своемъ журналѣ ²⁾, тогда люди оцѣниваются не по достоинству, но по богатству. Счетъ доходовъ составляетъ счетъ добродѣтелей. Тогда модный нарядъ и карета всюду отворяютъ входъ. Не смысла ничего въ живописи—покупаютъ картины, ненавидя чтеніе—заводятъ книгохранялица, потому что того требуютъ люди и хорошій тонъ.

— Куда покажется хорошій тонъ, говорилъ Вольтеръ, здравый разумъ оттуда удаляется.

Въ замѣнкъ его является пустота жизни, путаница въ понятіяхъ, потеря идеаловъ. В. А. Жуковский, въ своей статьѣ «Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ», отстаивая жизнь у семейнаго очага, хотя и упоминаетъ о службѣ и обязанностяхъ въ отношеніи къ отечеству, но обязанности эти являются въ какомъ-то туманѣ и сводятся къ службѣ чиновничьей. Попадается въ устахъ поэта и слово *гражданинъ*, но также съ неяснымъ опредѣленіемъ, которое легко можетъ быть замѣнено словомъ *чиновникъ* ³⁾.

По тогдашнимъ понятіямъ «сынъ отечества» былъ пустой мечтатель, ибо всѣ люди—граждане міра. Кто говорилъ иначе, тотъ считался отсталымъ, не исключая и родителей. Уваженіе къ послѣднимъ постепенно ослабѣвало, семейное начало разстроивалось. Правительство нуждалось въ дѣятеляхъ на поприщѣ государственной службѣ, но ихъ не было. Аристократія и богатое дворянство уклонялись отъ принятія должностей, было мало знающе, пусто, а деревенскіе ихъ подражатели—невѣжественны. О воспитаніи общественномъ въ провинціи не было и помину, оно не считалось необходимымъ. Многіе дворяне-помѣщики даже и зажиточные не обращали никакого вниманія на дѣтей и они воспитывались самою природою, достигали саженнаго роста, были днѣи, необузданны и ничѣмъ не отличались отъ своей двора.

«Большая часть отличнѣйшаго званія въ Россіи—дворянства, говоритъ современникъ ⁴⁾, погружена въ невѣжество, недѣтельность и роскошь. Имѣя всѣ способы на счетъ бѣднаго человѣка пресыщаться и удовлетворять прихотямъ своимъ, оно предается болѣе и болѣе одной праздности и разбѣянности. И вотъ плоды мнимаго его просвѣщенія: вѣра обратилась въ кощунство, воспитаніе пренебрежено, союзы супружества презрѣны, наглость, распутство и расточительность вгнѣваются

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова, т. I, стр. 151.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1809 г., № 1, стр. 296.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1884 г., № 2, стр. 481.

⁴⁾ Записка безъ подписи, подавшая императору Николаю I. „Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета“ 1826 г., № 58.

въ нѣкоторый родъ достоинства. Юношество не старается, да я нужды не имѣеть сдѣлать себя отечеству полезнымъ».

Въ числѣ правъ и вольностей дворянства, самое соблазнительное право состояло въ свободѣ отъ труда. Имъ-то дворянство преимущественно и пользовалось. Привычку пожинать плоды, ихъ же не сѣялъ, дворянинъ пріобрѣталъ съ пеленокъ, среди крѣпостного права и переносилъ ее въ другія области жизни.

Въ школѣ онъ считалъ обычнымъ дѣломъ списывать задачи, приготовленныя товарищами, и при помощи подарковъ, дѣлаемыхъ родителями наставникамъ и учителямъ, получалъ хорошіе отмѣтки и аттестацію ¹⁾; «на службѣ не совѣстился выдавать чужую работу за собственную и принимать награды, которыя вовсе ему не слѣдовали. Отсюда и развилась неудержимая склонность загребать жаръ чужими руками, достигать служебныхъ повышеній легко и даромъ, брать все, какъ говорится, шеромыжническимъ образомъ» ²⁾.

Въ описываемое нами время дворянство дѣлилось на три части, разграничавшіяся между собою довольно рѣзкими чертами. Во-первыхъ, оно состояло изъ большого числа помѣщиковъ, жившихъ въ полнѣйшемъ невѣжествѣ; во-вторыхъ — изъ людей полувоспитанныхъ, не имѣвшихъ никакого понятія о Россіи и едва знавшихъ имена губернскихъ городовъ ³⁾. Люди этой категоріи не видѣли и не понимали въ жизни ничего, кромѣ личныхъ своихъ матеріальныхъ интересовъ, которые ставили выше нравственныхъ. Наконецъ, третья часть дворянства состояла изъ людей отлично воспитанныхъ, получившихъ здравыя понятія объ обязанностяхъ гражданина, о правахъ человѣчества и о благахъ изъ того истекающихъ ⁴⁾. Но эти люди держали себя въ тиши и дали, не выражая, не сообщая своихъ идей и не обмѣниваясь имъ съ большинствомъ. Тѣсно сплотившись между собою, образованные кружки эти рѣзко выдѣлялись впередъ надъ остальной массой населенія, не имѣли съ нею ничего общаго и жили своею особою жизнью, соприкасаясь съ остальными слоями общества только внѣшнимъ образомъ. Среди русскаго народа кружки эти являлись оазисами, «въ которыхъ сосредоточивались лучшія умственныя и культурныя силы — искусственные центры, съ своею особою атмосфе-

¹⁾ Въ то время родители съ пустыми руками къ учителямъ не ходили. Ф. Л. Лялковъ рассказываетъ, что когда онъ поступалъ въ Московскій университетъ, то мать его подарила профессорамъ Н. Н. Сандунову и М. М. Свєгиреву по полдюжинѣ полотенецъ съ вышивками и кружевами. (Студенческія воспоминанія. „Русск. Арх.“ 1875 г., т. III, 377).

²⁾ Первые годы до поступленія въ школу. „Русскій Вѣстникъ“ 1876 г. № 5, 107.

³⁾ Показаніе Д. И. Завалишина.

⁴⁾ Записки П. В. Чичагова. „Рус. Стар.“ 1886 г., № 6, стр. 470.

рой, въ которой выработывались изящныя, глубоко-просвѣщенныя и нравственныя личности. Они въ любомъ европейскомъ обществѣ заняли бы почетное мѣсто и играли бы видную роль. Но эти, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательные, люди вращались только между собою и оставались безъ всякаго непосредственнаго дѣйствія и вліянія на все то, что находилось внѣ ихъ тѣснаго, немногочисленнаго кружка»¹⁾.

Они горячо любили отечество, скорбѣли о немъ, но не содѣйствовали его преуспѣванію. Они смотрѣли съ презрѣніемъ на общественные пороки, а большинство видѣло въ нихъ людей оригинальныхъ, вѣдущихъ непонятную жизнь. Въ общемъ дворянство тунеядствовало, ссорилось между собою, не было подготовлено къ серьезнымъ занятіямъ и къ полезной государственной дѣятельности.

Что такое наше дворянство? Каковъ составъ его, каковъ его духъ? спрашивалъ графъ П. А. Строгановъ въ присутствіи императора Александра I въ засѣданіи неофициальнаго комитета 18-го ноября 1801 г. и отвѣчалъ²⁾:

— Дворянство составилось у насъ изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службою, не получившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Это — сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу — наиболѣе тупое; вотъ приблизительная картина большей части нашего сельскаго дворянства. Тѣ же, которые получили нѣсколько тщательное воспитаніе, немногочисленны и по большей части проникнуты духомъ нисколько не склоннымъ противодействовать какимъ бы то ни было мѣрамъ правительства. Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ плутуя, но не сопротивляясь. Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія.

«Въ Россіи, говоритъ другой современникъ³⁾, всѣ стремятся къ знати и богатству, все приносится въ жертву симъ кумирамъ, сердца всѣхъ къ нимъ только прилѣплены». Стремленіе къ веселой и

¹⁾ К. Д. Кавелинъ. „А. П. Елагина“. „Сѣверн. Вѣстн.“ 1877 г., № 69.

²⁾ Извлеченія изъ засѣданій неофициальнаго комитета. „Исторія царствованія императора Александра I“. М. И. Богдановича. Т. I. Прилож. 52.

³⁾ Записка безъ подписи, подавшая императору Николаю I. „Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета“ 1826 г., № 58.

праздной жизни часто вело къ преступленію и пороку. Не единицами считались дворяне, которые держали у себя бѣглыхъ, пользовались ихъ трудомъ, вмѣстѣ съ ними пьянствовали и скрывали ихъ отъ розысковъ полиціи; нѣкоторые занимались грабежомъ сосѣдей и даже встрѣчались такіе, которые становились во главѣ разбойничьей партіи и грабили путешественниковъ, проѣзжавшихъ по ближайшимъ къ ихъ имѣніямъ дорогамъ ¹⁾).

Все это происходило отъ того, что «народъ русскій, при всѣхъ счастливыхъ расположеніяхъ и обстоятельствахъ своихъ, не имѣетъ самаго существеннаго: въ немъ нѣтъ души—истиннаго просвѣщенія и любви къ общему благу... Суетность—предметъ всѣхъ вниманій. Удобность къ достиженію чиновъ и почестей, такъ сказать, наслѣдственно, безъ заслугъ, по одному случаю и сопряженные съ тѣмъ выгоды и преимущества содѣлали нынѣ всѣ прочіе классы подлыми и презрѣнными. Дворяне тянулись за вельможами, богатые купцы за тѣми и другими и даже слуги за своими господами» ²⁾. Уѣздный судья старался жить такъ же, какъ губернской, и всѣ, разстраивая свое состояніе, думали не объ общественной пользѣ, а о пополненіи своего кармана. «Что такимъ людямъ до народной чести, до государственной независимости. Были бы у нихъ только карты ³⁾, гончія, зайцы, водка, пироги,

¹⁾ Въ справедливости этого можно убѣдиться просмотрѣвъ только описан дѣлъ, хранящихся въ архивахъ Сената и министерства юстиціи.

²⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1809 г., № 7, стр. 68.

³⁾ Карточная игра была развита въ сильной степени. Дворяне проигрывали свои состоянія въ собраніяхъ, клубахъ и даже трактирахъ и вызывали строгія распоряженія со стороны правительства. „Съ крайнимъ неудовольствиемъ, сказано было въ указѣ с.-петербургскому военному губернатору Голенщеву-Кутузову отъ 11-го іюля 1801 г.,—доходить до свѣдѣнія моего, что карточная азартная игра, многими законами запрещенная и никакимъ благоустроеннымъ правительствомъ нетерпящая, къ сожалѣнію, производится въ здѣшней столицѣ безъ зазору и безъ страху. Признавая зло сіе вреднѣйшимъ въ своихъ послѣдствіяхъ, нежели самое открытое грабительство, коего она есть благодѣтельная отрасль, и зная сколь глубоко, при малѣйшемъ поущеніи, можетъ пустить свои корни въ снѣгъ скопищахъ разврата, гдѣ толпа безчестныхъ хищниковъ, съ хладнокровіемъ обдумавъ разореніе цѣлыхъ семействъ рукъ неопытнаго юншества или нерасчетливой алчности, однимъ ударомъ исторгаютъ достояніе предковъ, вѣками трудовъ уготованныхъ и испровергая всѣ законы чести и человѣчества безъ угрызения совѣсти, и, съ челомъ безстыднымъ, нерѣдко похлопываютъ даже до послѣдняго пропитанія семействъ невзвѣжныхъ,—Я признаю справедливымъ обратить всю строгость закона на сіе преступленіе и, дабы остановить въ самомъ началѣ гибельнаго его дѣйствія, повелѣваю вамъ неослабно имѣть бдѣніе и наблюденіе, дабы запрещенныя игры отнюдь и нигдѣ не были производимы, и чтобъ вы, принявъ всѣ мѣры къ открытію такового дѣйствія, гдѣ бы ни таились виновные въ ономъ, безъ всякаго различія имѣть и лицъ, приказали брать подъ стражу и отсылать къ суду, донося мнѣ въ то же время объ именахъ ихъ сообщанковъ“.

шуты, балабачники, плясуны, цыганскія пѣсни—вотъ все ихъ блаженство»¹⁾).

Такимъ-то людямъ переданъ былъ внутренній порядокъ въ государствѣ и предоставлено выборное начало, для замѣщенія административныхъ должностей.

— Самодержавіе, говорилъ П. Сумароковъ²⁾, какъ бы изумясь иностранству круга своей дѣятельности, пожелало подѣлиться своею властью съ первѣйшимъ сословіемъ — дворянствомъ. Оно, вруча ему скрижали закона, предоставило и полную управу.

Въ этой управѣ, въ этомъ выборномъ началѣ или иначе въ дворянскихъ выборахъ выказались вполнѣ отсутствіе нравственныхъ началъ: своеволие, неуваженіе къ личности, ложь, склонность къ ябедничеству и продажность.

На обязанности дворянскаго собранія лежало разсмотрѣніе доказательствъ на дворянское достоинство и выдача свидѣтельствъ для утвержденія герольдіею. Для этого необходимо было свидѣтельство 12-ти членовъ дворянъ уѣзда, но оказывалось, что на показанія дворянъ полагаться было невозможно. «Мы часто встрѣчаемъ, писалъ П. Сумароковъ,

На другой день послѣ этого указа с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ дѣйств. статск. совѣтникъ Аплечеевъ былъ отставленъ отъ службы „за несоблюденіе должности своей и допущеніе въ городѣ азартной карточной игры, законами запрещенной“. (Указъ Сенату 12-го іюля 1801 г.). Вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣ клубы, собранія, трактиры и правительственныя учрежденія было сообщено, что „государь императоръ высочайше повелѣтъ дозволилъ обратить особенное вниманіе на карточныя игры въ столицѣ, въ особенности же на игру экартэ и предупреждать и удалять по возможности изъ общества всякій поводъ къ порокамъ. А какъ въ обществахъ образованныхъ поводъ такой весьма легко представляется въ карточной игрѣ, то всякое ограниченіе сей забавы составляетъ несомнѣнную пользу для самаго общества, и его величеству остается желать, чтобы какъ въ обществахъ публичныхъ, такъ и въ собраніяхъ частныхъ, всякаго рода карточныя игры были употреблены не иначе, какъ препровожденіемъ времени; игра же производилась бы по цѣли самой умѣренной такъ, чтобы не могла ни возбудить корысти, ни склониться къ расстройству состоянія участвующихъ въ оной. Особенно же государю императору желательно, чтобы всѣ служащіе елико возможно рѣже занимались игрою, которая часто отвлекаетъ ихъ отъ полезныхъ по службѣ занятій“.

Уѣздавія не дѣйствовали и въ губерніяхъ играли болѣе, чѣмъ въ столицахъ. Тогда 15-го іюня 1808 года послѣдовалъ новый высочайшій указъ, которымъ вмѣнялось въ обязанность всѣхъ гражданскихъ губернаторовъ имѣть бдительный надзоръ, чтобы въ губерніяхъ запрещенныхъ игръ не было (Поля. Собр. Закон., т. XXX, № 23094).

¹⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, стр. 232.

²⁾ Записка тайн. совѣтн. Павла Сумарокова. „Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета“ 1826 г., № 84.

ложные отъ 12-ти человекъ удостовѣренія, ложное включеніе въ родословныя книги. Недавно случилось, что наказанный публично плетью былъ признанъ дворяниномъ и находился совѣтникомъ въ губернскомъ правленіи».

Тогда за деньги все можно было сдѣлать, вывернуться изъ какой угодно бѣды и, какъ говорится, выйти сухимъ изъ воды. Извѣстный намъ тульско-рязанскій помѣщикъ, генералъ Левъ Дмитриевичъ Измайловъ, въ полномъ смыслѣ разбойникъ и развратникъ, при помощи денегъ, 1-го января 1802 г. былъ избранъ рязанскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и, несмотря на послѣдующія безобразія, пробылъ въ этой должности 12 лѣтъ сряду. Онъ не стѣснялся принятыми на себя обязанностями: будучи предводителемъ, онъ жилъ то въ Рязани, то въ своихъ деревняхъ и, не спрашивая разрѣшенія начальства, отправлялся на зиму въ Москву. Долго онъ своевольничалъ безнаказанно, но наконецъ слѣдствіе обнаружило, что онъ дѣйствовалъ на многихъ чиновниковъ интересомъ (давалъ взятки и иногда крупныя суммы) и страхомъ: одни боялись запальчиваго и дерзкаго его нрава, а другіе—богатства и связей. Чиновники мѣстной земской полиціи знали, что въ имѣніи Измайлова, въ страшной арестантской комнатѣ, томились въ тяжелыхъ желѣзныхъ кандалахъ и въ желѣзныхъ рогаткахъ на шеяхъ его крестьяне, и не принимали никакихъ мѣръ къ прекращенію вопіющихъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Они боялись Измайлова, который мало съ ними церемонился и въ состояніи былъ посадить и ихъ въ ту же арестантскую. Принимая въ торжественные дни должностныхъ чиновниковъ, Измайловъ удостоивалъ приглашенія къ своему столу только уѣздныхъ предводителей, судей и исправниковъ, а уѣздные стряпчие, засѣдатели уѣзднаго и земскаго судовъ и секретари разныхъ присутственныхъ мѣстъ кормились въ отдѣльномъ флигелѣ ¹⁾.

Наступили выборы въ 1805 году. Измайловъ заранѣе распредѣлилъ между приверженными ему дворянами разныя должности и требовалъ отъ остальныхъ, чтобы ихъ выбрали. При открытіи собранія онъ запретилъ секретарю дворянства читать весь обрядъ выборовъ и статьи закона, а приказалъ прочитать только начало и конецъ. Когда стали баллотировать его на прежнюю должность, то, по его приказанію, уѣздные предводители поставили, каждый передъ собою, баллотировальныя ящики съ наружными перегородками ничѣмъ не закрытыми, такъ что каждый могъ видѣть кто и куда кладетъ шаръ; они же отбирали у многихъ дворянъ шары и сами клали въ правую, избирательную перегородку.—Затѣмъ, каждый уѣздный предводитель почтительно подносилъ

¹⁾ Генералъ Измайловъ и его дворъ. С. Т. Славутинскаго. „Древн. и Новая Россія“ 1876 г., т. III, № 9, стр. 41—46.

свой ящикъ Измайлову и поздравлялъ его съ выборами на прежнюю должность. Кто изъ дворянъ оспаривалъ такой порядокъ выборовъ, тому Измайловъ грозилъ мщеніемъ и обѣщалъ сдѣлать его несчастнымъ ¹⁾.

Когда губернаторъ Шипковъ донесъ о безпорядкахъ происшедшихъ на выборахъ и своеволиі губернскаго предводителя ²⁾, то Измайловъ прикинулся смиренною овечкою и написалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею. Онъ обвинялъ Шипкова въ томъ, что тотъ ведетъ дружбу съ совѣтникомъ губернскаго правленія Барыковымъ, будто бы находящимся подъ судомъ. «Вамъ извѣстно, писалъ Измайловъ графу Кочубею ³⁾, что я не былъ безпокойнымъ доносителемъ и никогда не отягощалъ васъ неправыми донесеніями. Безпорочная моя служба, рвеніе объ общемъ благѣ, безъ всякихъ собственныхъ видовъ (?!), доказывается удостоеніемъ меня цѣлымъ дворянскимъ корпусомъ на другое нынѣ наступающее трехлѣтіе въ губернскіе предводители и какъ ни лестно такое ко мнѣ отъ благороднаго дворянства довѣріе, я не рѣшился бы, по видимому мною противъ меня отъ губернскаго начальства нерасположенію, принять сію должность, если бы не былъ убѣжденъ личными цѣлаго общества просьбами» ⁴⁾.

Измайловъ просилъ разрѣшить ему пріѣхать въ Петербургъ для личнаго доклада министру и надѣялся, при помощи денегъ, подкупить кого было можно и нужно. У себя, въ Рязани онъ это и сдѣлалъ: по его желанію нѣсколько дворянъ подписали заявленіе, что исключаютъ изъ собранія дворянства надворнаго совѣтника И. Ф. Барыкова, за недозволенную продажу казенныхъ питей, за ложный искъ 10.000 руб., за что Барыковъ и былъ преданъ суду. Хотя неизвѣстно было, справедливо или нѣтъ обвиненіе Барыкова, но для удаленія изъ собранія, достаточно было одного факта преданія суду. Въ 65 статѣй дворянской грамоты 1785 г. было сказано:

«Собранію дворянства дозволяется исключить дворянина, который опороченъ судомъ или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы и судимъ еще не былъ, пока оправдается».

При тогдашней подкупности на этой стрункѣ играли многіе и происходили самыя вопіющія несправедливости.

¹⁾ Донесеніе рязанскаго полиціймейстера губернатору 17-го декабря 1805 г. Письмо графу Кочубею Г. И. Обрютина 20-го декабря 1805 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, канцелярія министерства, дѣло 1806 г., № 1.

²⁾ Отношеніе губернатора министру внутреннихъ дѣлъ, 9-го декабря 1805 г. Тамъ же.

³⁾ 18-го декабря 1805 г. Тамъ же.

⁴⁾ Въ числѣ просившихъ и уговаривавшихъ Измайлова принять должность, былъ не принадлежащій рязанскому дворянству губернскій прокуроръ Мухановъ, явившійся на выборы вмѣстѣ съ своею женою.

«Несносные поступки извѣстнаго генераль-маіора Измайлова, доносилъ рязанскій губернаторъ ¹⁾), нынѣшняго губернскаго предводителя здѣшняго и открывшееся при настоящемъ его выборѣ въ предводителя самовластіе его, неуваженіе начальства и дерзость, побудили меня отправить донесеніе мое къ вашему сіятельству. Сверхъ описанныхъ въ ономъ дѣяніи его ²⁾), онъ азартностію своею и выставляемымъ своимъ могуществомъ, такой навелъ здѣсь на всѣхъ страхъ, что никто не только не смѣетъ ему явно въ чемъ либо противорѣчить, но даже бояся говорить объ его имени. Къ выбору многіе изъ лучшаго дворянства, зная его, не хотѣли ѣхать, но пріѣзжали большею частію такіе, которые или желали мѣсть или были имъ приглашены и обольщены, даже совѣмъ не слѣдующіе быть при выборѣ. Похваляется вездѣ публично, что не пожалѣетъ Дѣднова своего, въ которомъ три тысячи душъ ³⁾), но всѣхъ смѣнитъ и будетъ самъ губернаторомъ, а другихъ сдѣлаетъ солдатами. Онъ не только въ характерѣ предводителя, но ежели только останется и частнымъ человѣкомъ, то и тутъ требуетъ самаго строжайшаго за нимъ наблюденія. Иначе онъ въ состояніи разстроить каждое спокойствіемъ наслаждающееся общество».

Узнавъ, что губернаторъ не утверждаетъ его губернскимъ предводителемъ дворянства, Измайловъ отправилъ смѣлое прошеніе императору Александру I.

«Всемигостивѣйшій государь! писалъ онъ ⁴⁾). Оскорбленная честь дворянина, съ усердіемъ служившаго въ военной службѣ и по окончаніи оной избраннаго отъ рязанскаго благороднаго сословія губернскимъ предводителемъ, вопіетъ къ престолу правосудія.

«Дворянство рязанское въ послѣднемъ собраніи вторично избрало меня въ губернскіе предводители. Хотя по прошествіи одного трехлѣтія и могъ бы я не принять на себя сего званія, но за долгъ почелъ исполнить единодушное желаніе моихъ братьевъ. По окончаніи выборовъ, я со всѣми выбранными, въ присутствіи гражданскаго губернатора Шишкова, приведенъ къ присягѣ. Но не зирая на сіе, гражданскій гу-

¹⁾ Графу Кочубею 19-го декабря 1806 г. Тамъ же.

²⁾ Дѣянія эти описаны нами выше.

³⁾ Имѣніе Измайлова, въ которомъ онъ рѣдко жилъ и не имѣлъ господскаго дома. Онъ жилъ болѣе въ Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда въ селѣ Хитровщинѣ, или въ подмосковномъ селѣ Спасскомъ, Серпуховскаго уѣзда. Въ Дѣдновѣ онъ бывалъ наѣдомъ съ псовой охотою, остававливался лѣтомъ въ палаткѣ, а зимою въ крестьянскихъ домахъ. Пріѣзжалъ онъ съ гостями и пыганками, собиралъ бабъ и дѣвокъ для плясовъ и „для любовственныхъ прихотей“. (Всенод. донесеніе рязанскаго губернатора 16-го апрѣля 1802 г.).

⁴⁾ Отъ 21-го февраля 1806 г. Арх. минист. внутр. дѣлъ, дѣло канцеляріи министерства 1806 г., № 1.

бернаторъ далъ знать дворянскому собранію, что онъ, объ утвержденіи меня въ избранномъ званіи, представилъ министру внутреннихъ дѣлъ.

«Всемилоствѣннѣйшій государь! Не довольно ли оскорбительно уже, что начальникъ губерніи подаетъ сословію дворянъ сомнѣніе объ избранномъ ими предводителѣ, отзываясь, что онъ объ утвержденіи его въ семъ званіи представилъ министру внутреннихъ дѣлъ? Но не довольствуюсь сямъ, онъ отважился еще сказать мнѣ лично, что имѣеть отъ вашего императорскаго величества секретное повелѣніе наблюдать за моимъ поведеніемъ ¹⁾).

«Съ прискорбіемъ сердечнымъ прошелъ я въ мысляхъ все время службы моей и не нашелъ ничего такого, что могло бы побудить милосерднаго монарха моего дать подобное повелѣніе. Совѣсть моя чиста (!), развѣ клевета успѣла излить ядъ свой и очернить меня въ мнѣніи монаршемъ.

«Исслѣдовавъ безпристрастно все мое поведеніе и всѣ мои связи, не находилъ я никакой причины имѣть тайнаго непріятеля. Одинъ гражданскій губернаторъ заставилъ меня сомнѣваться не онъ-ли тотъ, который, желая удалить меня, употребляетъ клевету къ исполненію своего предпріятія? Я тѣмъ болѣе утвердился въ семъ сомнѣніи, что нерѣдко дѣлалъ ему представленіе о притѣсненіи бѣдныхъ дворянъ (?!) и о всемъ томъ, что къ разоренію ихъ служить могло. Тѣсная связь его съ подсудимымъ надворнымъ совѣтникомъ Барыковымъ и покровительство двухъ исправниковъ Рязанскаго и Пронскаго уѣздовъ, исключенныхъ дворянскимъ собраніемъ за утайку взятыхъ у разбойниковъ и смертоубійцъ денегъ, принуждало меня, яко сына отечества, противоборствовать сему злу подробнымъ представленіемъ министру внутреннихъ дѣлъ. Сей мой поступокъ вооружилъ противъ меня тайнаго врага, который явно отважился оскорбить честь мою и честь всего дворянства, не утвердивъ меня въ избранномъ званіи и объявивъ мнѣ, что онъ по высочайшему повелѣнію наблюдаетъ за моимъ поведеніемъ.

«Правосудію твоему, всеавгустѣннѣйшій монархъ, вручаю судьбу мою и молю, дабы высочайше повелѣно было разобрать меня судомъ съ рязанскимъ губернаторомъ и съ виновнымъ поступить по законамъ, въ полномъ увѣреніи, что правда твоя отдастъ справедливость оклеветан-

¹⁾ Въ 1802 году 23-го марта, рязанскій гражданскій губернаторъ Шпиковъ, получилъ слѣдующій указъ императора Александра I: „До свѣдѣнія моего дошло, что отставной генералъ майоръ Левъ Измаиловъ, пмѣющій въ Рязанской губерніи вотчину—село Дѣдиново, ведя распутную и всѣмъ порокамъ отверстую жизнь, приноситъ любострастію своему и разврату самья послѣднія и для крестьянъ его утѣснительнѣйшія жертвы. Я поручаю вамъ о справедливости сихъ слуховъ развѣдать безъ огласки и мнѣ съ достовѣрностью донести безъ всякаго лицепріятія, по долгу чести и совѣсти“.

ному невинно вѣрноподданному твоему, повергающемуся съ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ священнымъ стопамъ твоимъ».

Отправивъ это прошеніе въ Петербургъ, Измайловъ, при помощи подкупа, достигъ своей цѣли: губернаторъ былъ удаленъ, а онъ утвержденъ въ должности губернскаго предводителя дворянства. Порокъ восторжествовалъ и поговорка: «съ сильнымъ не борись» оправдалась на дѣлѣ. Рязанскіе выборы оставили намъ указаніе на шаткость и полнѣйшее безвластіе правительственной администраціи. Три года тому назадъ, губернаторъ пользовался полнымъ довѣріемъ и ему поручено было слѣдить за человѣкомъ завѣдомо порочнымъ и безнравственнымъ; теперь же лишенный безъ всякаго основанія довѣрія, онъ удаленъ отъ должности и порокъ поставленъ во главѣ рязанскаго дворянства. Что сказать о послѣднемъ? Оно баллотировало помѣщика Гагина въ совѣстные судьи четыре раза и каждый разъ общее число шаровъ превышало число избирателей. Такіе подлоги были тогда не рѣдкость.

На выборахъ въ Костромской губерніи, предводитель дворянства князь Козловскій принужденъ былъ сознаться министру внутреннихъ дѣлъ, что счетъ избирательныхъ и неизбирательныхъ шаровъ производился не вѣрно, что цифры переправлялись, «но кѣмъ не знаетъ»¹⁾.

Нижегородскій предводитель дворянства князь Трубецкой, 17-го декабря 1806 года, увѣдомилъ губернатора, что по большинству избирательныхъ шаровъ, онъ избранъ дворянствомъ въ ту же должность на слѣдующее трехлѣтіе. Между тѣмъ изъ представленнаго списка губернаторъ Румовскій увидѣлъ, что число шаровъ было: избирательныхъ 100, а неизбирательныхъ 26, число же подписавшихъ списокъ дворянъ было только 35 человѣкъ. Видя въ этомъ подлогъ, губернаторъ спросилъ дворянъ, отчего это произошло—и получилъ въ отвѣтъ, что, не имѣя ничего противъ князя Трубецкаго, дворяне желаютъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ былъ баллотированъ и князь Грузинскій, чему противится нижегородскій уѣздный предводитель Лѣвницевъ. Послѣдній говорилъ, что по 39 статьѣ дворянской грамоты въ губернскіе предводители избирается одинъ изъ уѣздныхъ и что на избраніе прямо въ губернскіе предводители нѣтъ узаконеній. Румовскій предложилъ дворянству баллотировать князя Грузинскаго. Поднялись споры, шумъ и крики; многіе дворяне, отказавшись отъ прежняго мнѣнія, переходили изъ одной партіи въ другую. Прошло два дня въ горячихъ преніяхъ и, наконецъ, дворяне отправили къ губернатору депутацію, съ просьбою возстановить порядокъ въ собраніи. Въ числѣ депутатовъ былъ и Лѣвницевъ.

— Какіе князь Грузинскій имѣетъ пороки, спросилъ губернаторъ,—

¹⁾ Выписка изъ журнала 24-го февраля 1809 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи, дѣло 1809 г., № 451.

по которымъ не можетъ быть допущенъ къ избранію на должность, въ которой онъ прежде уже находился.

— На это я ничего сказать не могу, отвѣчалъ Лѣнинцевъ.

Тогда губернаторъ далъ ему почувствовать, что онъ затрудняетъ выборы пустыми спорами, и вмѣстѣ съ депутатами отправился въ собраніе. Тамъ онъ предложилъ дворянамъ, согласно ихъ желанію, произвести въ его присутствіи, баллотированіе князя Грузинскаго. Когда были розданы шары, Лѣнинцевъ всталъ съ своего мѣста.

— Кто баллотировается? спросилъ онъ.

— Князь Грузинскій, отвѣчали ему, на должность губернскаго предводителя.

Поднявъ руку кверху и показавъ всѣмъ избирательный шаръ, Лѣнинцевъ громко сказалъ: «въ угодность начальству».

— Я пріѣхалъ въ собраніе, замѣтилъ губернаторъ, не располагая баллами, но для возстановленія тишины и спокойствія. Не отнимая ни у кого воли избирать или не избирать кандидата, требую установленнаго закономъ порядка.

Началась баллотировка, и князь Грузинскій получилъ 160 избирательныхъ и 19 неизбирательныхъ голосовъ. Избраніе это было встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ, и такъ какъ князь Грузинскій былъ въ то время въ Петербургѣ, то дворянство тотчасъ же отправило къ нему увѣдомленіе съ нарочною эстафетою ¹⁾).

Дворянскіе выборы рѣдко проходили безъ шума, брани и самыхъ крупныхъ скандаловъ. Тутъ все было: пристрастіе, ябедничество, допущеніе лицъ не имѣющихъ право баллотироваться, покровительство пороку и клевета на людей честныхъ. Въ 1806 году шацкій предводитель дворянства князь Енгальчевъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ на оскорбленіе, нанесенное ему Сипягинымъ ²⁾). Послѣдній не представилъ грамоты на дворянское достоинство и заявилъ только, что покупаетъ имѣніе въ уѣздѣ, но на самомъ дѣлѣ не купилъ его. На просьбу Енгальчева представить грамоту, Сипягинъ отвѣчалъ: «я благородіе всѣхъ васъ». Поднялся шумъ и крупный разговоръ, обѣщавшій дойти до скандала и только вмѣшательство помѣщиковъ Жихарева и Постельникова прекратило ссору.

— Здѣсь не мѣсто браниться, сказали они, разводя спорящихъ.

Въ выборахъ часто принимали участіе такія лица, которыя не имѣли на то права, или устранялись неправильно такія, присутствіе которыхъ

¹⁾ Донесеніе губернатора Андрея Румовскаго графу Кочубею отъ 26-го декабря 1806 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, дѣло 1807 г., № 1.

²⁾ Письмо князя Енгальчева графу Кочубею 20-го декабря 1806 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, дѣло 1807 г., № 2.

считалось неудобнымъ для партійныхъ интересовъ. Въ 1809 году, въ Костромской губерніи, были допущены въ собраніе титулярный совѣтникъ Кошелевъ и прапорщикъ Чагинъ, бывшіе подъ судомъ— послѣдній за дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій; коллежскій регистраторъ Воробьевъ, не имѣвшій права быть въ собраніи по молодости лѣтъ, а подпоручикъ Полозовъ въ числѣ макарьевскихъ дворянъ вовсе не значился ¹⁾).

Владимірскій губернскій предводитель дворянства Извольскій жаловался министру внутреннихъ дѣлъ, что губернаторъ не утверждаетъ въ должностяхъ многихъ лицъ, избранныхъ дворянствомъ, и просилъ защитить дворянство отъ притѣсненій начальника губерніи. На запросъ министра, губернаторъ князь Долгоруковъ отвѣчалъ: 1) маіоръ Шульцъ и коллежскій ассессоръ Бычковъ не утверждены въ званіи уѣздныхъ предводителей дворянства потому, что они настолько стары и дряхлы, что «совершенно неспособны къ отправленію многотруднаго въ настоящее время званія дворянскаго предводителя»; 2) коллежскій ассессоръ Кишкинъ, выбранный въ судьи, находится подъ судомъ; 3) поручикъ Каблуковъ, выбранный въ земскіе исправники, былъ побитъ въ гостиномъ дворѣ дворяниномъ Рагозинымъ и дѣло объ этомъ находится въ уголовной палатѣ; 4) маіоръ Бедриискій, избранный засѣдателемъ, былъ битъ барономъ Бутомъ, и дѣло, по распоряженію изъ Петербурга, поручено рассмотреть сенатору Неплюеву; 5) коллежскій совѣтникъ Вознесенскій, избранный въ засѣдателя, происходитъ изъ духовнаго званія, а не дворянинъ; 6) мячманъ Ознобишинъ не утвержденъ, потому что само дворянство не знаетъ гдѣ онъ находится ²⁾).

Дворянство Дмитровскаго уѣзда Курской губерніи избрало своимъ предводителемъ Д. Тютчева, находившагося подъ судомъ и подъ присмотромъ, какъ губернскаго предводителя дворянства, такъ и земской полиціи. Тютчевъ былъ человекъ грубый и дерзкій. Онъ обвинялся въ кражѣ у помѣщика Жекулина борзыхъ собакъ, въ причиненіи побоевъ священнику, въ корчемствѣ, держаніи бѣглыхъ, въ наѣздахъ на сосѣднихъ помѣщиковъ съ цѣлю грабежа, въ порубкѣ чужихъ лѣсовъ и проч. Неутвержденіе его въ должности губернаторомъ Протасовымъ возбудило огромную переписку и ябедничество. Тютчевъ жаловался вездѣ, гдѣ только могъ, объѣзжалъ помѣщиковъ, собиралъ о себѣ одобрительную подписку и представилъ ее въ Петербургъ. На сдѣланный запросъ,

¹⁾ Рапортъ костромскаго губернатора Пасынкова министру внутреннихъ дѣлъ, 5-го января 1809 г., № 459.

²⁾ Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, внесенный въ комитетъ министровъ „ * марта 1809 г. Арх. минист. внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи, дѣло № 446.

Протасовъ отвѣчалъ ¹⁾: «Изъ числа подписавшихся на данномъ Тютчеву одобреніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Анненковъ, чловѣкъ по службѣ и образу жизни почтенный, былъ мною спрашиваемъ о причинѣ подписанія имъ одобренія Тютчеву, съ сожалѣніемъ отозвался мнѣ, что подписалъ по неотступной его просьбѣ. На письменное же мое о семъ къ нему требованіе отвѣтствовалъ онъ, что Тютчевъ, не бывъ ему почти совсѣмъ знакомъ, пріѣхалъ къ нему утромъ, настаивая убѣдительною просьбою подписать одобреніе, въ чемъ ему, въ своемъ домѣ, отказать не могъ, считая невѣжливостью и чтобы онъ отказа не отнесъ къ грубости». Анненковъ просилъ губернатора не утверждать Тютчева въ должности. Такое двуличіе и ложность въ показаніяхъ вызывалось тогдашнимъ безправіемъ и опасеніемъ быть оклеветаннымъ, не только однимъ чловѣкомъ, но цѣлою партією, изъ личныхъ интересовъ, сознательно клеветавшею на тѣхъ, кто старался преградить путь къ своей волѣ и злоупотребленіямъ.

«Всемиловѣйшій государь! Внемли стону вѣрнопопданнаго твоего Орловской губерніи Елецкаго уѣзда дворянства къ тебѣ вопіющаго и по необходимости къ милосердію твоему, чрезъ предводителя своего, съ моленіемъ прибѣгающаго. Избавь отъ тирановъ, жестокостію въ Россіи неслыханныхъ и отъ наглыхъ начальствъ, никѣмъ здѣсь не унимаемыхъ, и отъ употребителей во зло своихъ должностей» ²⁾.

Елецкое дворянство жаловалось, что «къ несчастію всего уѣзда имѣло въ обществѣ своемъ трехъ чловѣкъ», которыхъ принуждено было удалить изъ своего собранія. Въ числѣ ихъ былъ исправникъ Колошинъ, который при допросахъ подсудимыхъ будто бы употреблялъ пытки; майоръ Ильинъ, причинявшій людямъ обиды и насилія; исправникъ Емельяновъ, не доставлявшій обиженнымъ правосудія, дерзшепіемъ болѣе тысячи дѣлъ и «доведеніе черезъ то угнетенныхъ до совершеннаго разоренія».

Колошинъ и Ильинъ жаловались на неправильное обвиненіе ихъ дворянствомъ цѣлаго уѣзда и представили одобрительный отзывъ губернскаго начальства. Сенатъ отмѣнилъ постановленіе дворянства, и тогда оно просило назначить слѣдствіе съ тѣмъ, что если исключенные изъ собранія окажутся невиновными, то дворянство подвергаетъ себя «за живыи поступокъ по законамъ наказанію».

Какъ не повѣрить этимъ словамъ? Какъ допустить ложь и обманъ со стороны дворянъ цѣлаго уѣзда? Слѣдствіе показало, однакоже, что приговоръ объ исключеніи трехъ дворянъ былъ составленъ не въ со-

¹⁾ Въ отношеніи министру внутреннихъ дѣлъ 10-го мая 1804 г. Архивъ минист. внутр. дѣлъ, дѣло 1804 г., № 2.

²⁾ Всепопданнѣйшее прошеніе елецкаго предводителя Михаила Палицына 17-го октября 1804 г. Дѣло канцеляріи мин. внутр. дѣлъ 1804 г., № 1.

бранин, а въ частномъ домѣ; что онъ подписанъ не всѣми дворянами уѣзда, а только нѣкоторыми, изъ коихъ многіе и права на то не имѣли. Преступленія, въ которыхъ обвинялись исключенные, оказались недоказанными и выяснилось, что главный во всемъ руководитель былъ помѣщикъ Александровъ, который былъ прежде елецкимъ городничимъ, самъ находился подъ судомъ за притѣсненіе и взятки, и, что наконецъ, приговоръ дворянъ былъ слѣдствіемъ личностей дворянства къ тремъ исключеннымъ ¹⁾.

Только благодать императора Александра I избавила елецкихъ дворянъ отъ наказанія за ябедничество и лживый поступокъ, но не могло внушить государю уваженія къ этому сословію. Характеристика Строгонова должна была казаться ему справедливою тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ въ ней частыя подтвержденія.

Въ 1808 году на дворянскихъ выборахъ въ Подольской губерніи произошли такіе беспорядки, что пришлось призвать полицію, арестовать нѣсколькихъ дворянъ, а за тѣмъ губернскаго маршала и вице-губернатора уволить отъ должности ²⁾. Опомнившись и сознавая всю неблагоприятность подобнаго поведенія подольское дворянство просило заступничества губернатора.

«Подольское дворянство, доносилъ онъ Сенату ³⁾, перенеся съ кротостію правосудный гнѣвъ монарха, наиболѣе страдаетъ и чувствуетъ всю тягость судьбы своей отъ того, что оно подало поводъ къ оскорбленію столь любезнаго для сердца ихъ государя и отца, готово повноваться всякой участи, какая имъ свыше изречена будетъ. Смѣютъ, однакоже, какъ чады умолять отца своего, дабы не остались навсегда отчужденны отъ имени вѣрнѣйшихъ и усерднѣйшихъ подданныхъ государя императора».

Распущенность нравовъ и своеволіе, грубость и необразованность, отсутствіе твердыхъ нравственныхъ началъ, разрозненность и преслѣдованіе личныхъ цѣлей, все это высказывалось на дворянскихъ выборахъ.

Виленскіе дворяне ссорились и жаловались другъ на друга. Въ теченіе двухъ недѣль, при ежедневныхъ совѣщаніяхъ и спорахъ, успѣли выбрать только маршаловъ по уѣздамъ. «Въ Тельшевскомъ новѣтѣ, доносилъ губернаторъ Н. Брусилловъ князю Куракину ⁴⁾, беспорядокъ доведенъ до того, что во время вечерняго собранія дворянъ, среди великаго шума

¹⁾ Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ „ апрѣля 1805 г. канцелярія министерства д. 1804 г. № 1.

²⁾ Выписка изъ журнала комитета министровъ 21-го октября 1808 г.

³⁾ Отъ 10-го марта 1809 г. арх. министер. внутр. дѣл. — Дѣло канцеляріи министер. 1816 г. № 255.

⁴⁾ Отъ „ января 1809 г. тамъ же. Дѣло департам. полиціи 1809 г. № 446.

и смятенія, сорваны были печати съ баллотировальнаго ящика, погашены свѣчи и списокъ наличныхъ дворянъ, мною съ повѣтровою книгою свѣренный и обще съ губернскимъ маршаломъ подписанный, унесенъ. Маршалъ въ рапортѣ своемъ пишетъ мнѣ, что начинщиками сей наглости были шляхтичъ Яковичъ и стряпчій того же повѣта Пузыревскій. Сверхъ сего упомянутый шляхтичъ-адвокатъ Яковичъ говорилъ въ собраніи всѣхъ дворянъ Тельшевскаго повѣта сочиненную имъ и безъ позволенія начальства и апробаціи цензуры напечатанную рѣчь. въ коей, кромѣ личныхъ ругательствъ маршалу, вмѣстивъ безъ нужды нѣкоторыя фразы, которыя, не имѣя никакой связи съ его предметомъ, могутъ быть злонамѣренными людьми примѣняемы и толкованы даже къ нарушенію общаго спокойствія».

Пригласивъ къ себѣ Яковича, губернаторъ спросилъ его, съ какимъ намѣреніемъ говорилъ онъ свою рѣчь?

— Меня склонили съ тому нѣкоторые шляхтичи, отвѣчалъ онъ.

Рѣчь эта была напечатана въ типографіи Виленскаго университета и состояла изъ набора словъ «безъ всякаго порядка, связи и даже ума. Начинается она похвалами государю императору, потомъ возбуждаетъ недовѣрчивость дворянъ противу нѣкоторыхъ помѣщиковъ, а оканчивается язвительными укоризнами на лицо маршала. Весь предметъ сей рѣчи, какъ видно, состоитъ въ томъ, чтобы не допустить маршала быть выбраннымъ на новое трехлѣтіе».

Такіе безпорядки вызвали энергическое вмѣшательство правительства.

«Съ прискорбіемъ усматривая, писалъ императоръ Александръ ¹⁾, что безпорядки сіи были полиціею допущены и дворянствомъ терпимы, и желая необходимымъ мѣ примѣромъ наказанія озаменовать, сколь непреложна воля моя ограждать всегда и повсюду святость законовъ во всей ея неприкосновенности, я повелѣваю: 1) Яковича, Пузыревскаго и всѣхъ сообщниковъ ихъ предать суду, коего приговоръ представить мнѣ на разсмотрѣніе; 2) типографію, въ коей тиснута безъ дозволенія цензуры рѣчь, Яковичемъ произнесенная, конфисковать; 3) содержателя или смотрителя сей типографіи, буде онъ иностранный—выслать за границу; буде же подданный россійскій—предать суду».

Произведенное слѣдствіе, а потомъ судъ обнаружили, что сорванные печати, опрокинутый столъ, разлитыя чернила, разметанная бумага, погашенныя свѣчи, крики, шумъ и драка были слѣдствіемъ полного безчинства дворянъ.

Если виновные не понесли въ должной степени заслуженнаго нака-

¹⁾ Въ указѣ литовскому военному губернатору Римскому-Корсакову отъ 6-го февраля 1809 г. арх. мин. внут. дѣлъ, полиціи исполнительный дѣло № 446.

завія, то обязаны были литовскому военному губернатору. Обидѣвшись тѣмъ, что гражданскій губернаторъ Брусилловъ о происшествіи этомъ донесъ ему и одновременно съ тѣмъ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ Римскій-Корсаковъ сдѣлалъ выговоръ Брусиллову и затѣмъ старался ослабить преступленіе виновныхъ, говоря что губернаторъ все преувеличилъ и что въ рѣчи Яковича нѣтъ дерзкихъ и зажигательныхъ словъ. На это Брусилловъ представилъ заявленіе, подписанное 49-ю дворянами, что донесеніе губернатора о происходившемъ справедливо, указалъ что военный губернаторъ прежде самъ приказалъ предать суду Яковича, собрать всѣ экземпляры его рѣчи и сжечь, что тогда же и было исполнено, а теперь отказывается отъ своихъ распоряженій. Такимъ образомъ желаніе повредить Брусиллову заставило Римскаго-Корсакова покривить душею и избавить виновныхъ отъ наказанія.

Тѣмъ не менѣе входя въ подробности всего происходившаго на выборахъ въ Виленской и Подольской губерніяхъ, правительство выяснило, что причиною случившагося было: 1) оставшіяся навѣкъ къ безпорядку, при народныхъ собраніяхъ въ Польшѣ бывшихъ, и 2) порочный составъ самаго дворянскаго сословія, въ которомъ первѣйшій помѣщикъ имѣлъ одинаковый голосъ съ такъ называемымъ шляхтичемъ, почти всегда челովкомъ «безъ всякаго понятія о чести, безъ собственности и часто наемщика какой либо партіи.

«Нужно было очистить сословіе дворянства отъ сей толпы, къ буйствамъ обыкшей, и изгладить тѣмъ все, что могло оставаться походяго на безобразіе бывшихъ въ Польшѣ діетовъ (сѣздовъ), сихъ скопищъ народныхъ, въ коихъ воля нѣсколькихъ партій, государство раздиравшихъ, знаменовалась и поддерживалась крикомъ и часто драками ихъ наемниковъ»¹⁾.

Мысль эта, единогласно принятая Государственнымъ Совѣтомъ, была причиною изданныхъ въ 1805 году дополнительныхъ правилъ для выборовъ въ польскихъ губерніяхъ, причемъ право избранія предоставлялось только лицамъ, имѣющимъ извѣстную опредѣленную собственность.

То же слѣдствіе показало, что въ повѣтовые книги часто вносились такіе дворяне, которые не имѣли права баллотировать, и напротивъ не включались имѣющіе на то право. Зло это не было исключительнымъ явленіемъ въ литовскихъ губерніяхъ, но оно практиковалось еще шире въ великороссійскихъ.

При полномъ торжествѣ права сильнаго, положеніе бѣдныхъ дворянъ, или какъ ихъ тогда называли мало-душныхъ и бездушныхъ, было очень тяжелое. Будучи въ полной зависимости отъ богатыхъ помѣ-

¹⁾ Полное Собраніе Законовъ т. XXX, 1809 г. № 23513.

щиковъ, они подчинялись имъ безусловно и были слѣпыми исполнителями ихъ воли и замысловъ.

По положенію о дворянскихъ выборахъ бѣдные дворяне имѣли равный голосъ съ богатыми владѣльцами и за стаканъ пунша клали шаръ на право кому угодно, не заботясь о томъ, каковъ избираемый ими кандидатъ. Пользуясь этимъ, богатые помѣщики подкупили бѣдныхъ и при ихъ помощи выбирались на должности.

«Такимъ образомъ поступилъ и Ш—въ, говоритъ современникъ ¹⁾. Онъ набралъ толпу мелкой шляхты, выбрилъ, умылъ, причесалъ ее и на крестьянскихъ подводахъ, по три человѣка на лошади, отправилъ въ Калугу, съ приказаніемъ на горки всходить пѣшкомъ. Между тѣмъ порціи травничку, а для другихъ дворянъ, не зараженныхъ самолюбіемъ,—порціи простой сивухи раздавались у каждаго кабачка въ исправности. Главное затрудненіе было въ обмундированіи господъ избирателей, но и это легко было сдѣлать нахватавши амуниціи на прокатъ у разныхъ приказныхъ, которые тогда носили одинаковые мундиры съ дворянствомъ. И вотъ по милости этой толпы Василій Семеновичъ Ш—въ предводитель. Но неблагодарный! онъ не сдержалъ своего слова: не развезъ своихъ избирателей обратно по домамъ, тотчасъ послѣ выборовъ прекратилъ имъ порцію живительнаго элексира, и бѣдняжки вынуждены были пѣшкомъ отправиться во-свои».

«Теперь, писалъ П. Коховскій ²⁾, на выборы дворяне не съѣзжаются, а ихъ привозитъ одинъ кто-нибудь изъ помѣщиковъ. Вздумавъ сдѣлать себя предводителемъ, набираетъ стаю подручниковъ, напередъ расположить имъ всѣ должности и привозитъ баллотировать себя. Съѣдутся, пошумятъ въ залѣ собранія, если случится имъ нѣсколько человѣкъ противниковъ, и по условленному порядку разложивъ другъ другу шары, ѣдутъ въ уѣздъ собирать оброки».

Въ такомъ положеніи дворянскіе выборы оставаться не могли, и въ 1809 году министру внутреннихъ дѣлъ высочайше повелѣно было про мыслить и составить новыя правила, которыя бы «точностію и справедливостію ихъ, поставляя въ границы избирающихъ, могли способствовать достиженію цѣли» ³⁾.

Князь Куракинъ думалъ объ этомъ не болѣе двухъ недѣль и рѣшилъ вопросъ очень просто. Онъ предложилъ, чтобы, при первомъ извѣстии о безпорядкахъ во время выборовъ, губернаторовъ тотчасъ же увольнять отъ должности, а дворянство лишать на два трехлѣтія права

¹⁾ Изъ подлинныхъ записокъ А. К. К.—на „Атепей“ 1858 г., № 10, стр. 134.

²⁾ Въ письмѣ генералу Левашеву 24-го февраля 1826 г., Госуд. Арх. I. бумаги Д. Блудова.

³⁾ Выписка изъ журнала словесныхъ высочайшихъ повелѣній 2-го февраля 1809 г. Арх. минис. внутрен. дѣлъ, департаментъ полиціи, д. № 446.

выборовъ; на всѣ же административныя мѣста, занимаемыя дворянами, назначать чиновниковъ отъ правительства.

Почему начальники губерній, спрашивалъ Куракинъ, представляютъ себѣ, что дворянскіе выборы, во время производства ихъ, составляютъ внутри самой губерніи *status in stato*—общество, никакой полиціи не подчиненное?

«Цѣль, говорить онъ ¹⁾, при удаленіи губернскаго начальства отъ выборовъ не была та, чтобы оставить многочисленное общество разныхъ классовъ дворянъ въ совершенной свободѣ ссориться и дѣлать драки; но состояла въ томъ, чтобы не стѣснить свободы собранія, всегда разумѣя, однакоже, до тѣхъ поръ, доколѣ общество сіе дѣйствуетъ въ правилахъ, ему предписанныхъ. Какъ же скоро отъ оныхъ отступило, то уже перестаетъ быть дворянствомъ на выборы собраннымъ и есть скопище людей, собственныя права поправшихъ, нарушившихъ коренные законы и виѣ оныхъ себя поставившихъ; а съ сей минуты не токмо начальникъ полиціи вправѣ войти въ бывшее собраніе дворянства, но можетъ и долженъ ввести полицію для разогнанія безпокойныхъ».

Комитетъ министровъ не могъ, конечно, согласиться съ такимъ оригинальнымъ предложеніемъ и положилъ губернатора удалять только тогда, когда окажется, что принятыя имъ мѣры къ прекращенію безпорядковъ были недостаточно энергичны или незаконны. Тѣхъ же дворянъ, которые окажутся зачинщиками, предавать суду, а сторонниковъ ихъ лишать права избранія на все трехлѣтіе ²⁾. Но и эти мѣры не въ силахъ были искоренить зло: безпорядки на выборахъ по-прежнему продолжались.

Въ январѣ 1811 года тульское дворянство, собравшись для выборовъ, приступило къ присягѣ, послѣ которой прокуроръ Гурьевъ сталъ читать, по своей обязанности, законы, касающіеся порядка и тишины, съ коими выборы должны быть производимы. Затѣмъ, не прерывая чтенія, какъ самъ помѣщикъ Ефремовскаго уѣзда, прочиталъ записку, въ которой порочилъ передъ обществомъ гвардіи прапорщика Арсеньева и титулярнаго совѣтника Челищева за то, что они содержали почтовую станцію, что по его мнѣнію было неприлично дворянамъ. По окончаніи чтенія поднялся шумъ, и дворяне, число которыхъ доходило до 200 человекъ, раздѣлились на партіи: одна аплодировала читавшему, а другая порицала его. Только вмѣшательство губернатора примирило споря-

¹⁾ Полное Собр. Законовъ, т. XXX, № 25513.

²⁾ Выписка изъ высочайше утвержденного журнала комитета министровъ 3-го марта 1809 года, Арх. министерс. внутр. дѣлъ, департам. полиціи, д. № 446.

шихъ и послѣ произведенной баллотировки Арсеньевъ и Челищевъ оказались выбранными кандидатами въ уѣздные предводители дворянства ¹⁾.

Въ томъ же январѣ въ Олонецкой губерніи произошли еще большіе безпорядки. Приступая къ выборамъ дворянство составило списокъ лицъ, подлежащихъ баллотированію, и отправило ихъ на утвержденіе губернатора съ особою депутаціею съ губернскимъ предводителемъ дворянства во главѣ.

«Но его превосходительство, сказано въ протоколѣ дворянства ²⁾, изволил принять депутацію не съ должнымъ уваженіемъ, ибо во время прихода оной (что было въ 12 часовъ передъ полуднемъ) находился въ шлафоркѣ и, вмѣсто привѣтствій, каковыхъ дворянство ожидало, и смотрѣть не хотѣлъ на нѣкоторыхъ изъ составляющихъ депутацію,—сидѣлъ въ непристойномъ положеніи на стулѣ, тогда какъ она стояла. Дворянство симъ считаеъ себя обиженнымъ. Притомъ его превосходительству угодно было отозваться губернскому предводителю, что баллотированіе учинено не сходственно съ его предназначеніемъ и что въ числѣ избранныхъ находится надворный совѣтникъ Рудниковъ, котораго онъ утвердить не можетъ».

Рудниковъ былъ подъ судомъ ³⁾, права на избраніе не имѣлъ и несмотря на то, дворянство отправило его въ качествѣ депутата въ Петербургъ съ двумя протоколами, причемъ во второмъ, отъ 1-го февраля, было сказано: «Если дворянское собраніе почтено уже отъ высококомаршей власти правомъ избирать изъ среды своей достойныхъ и если дворянство, избирая людей, не можетъ удерживать надъ избранными своего права потому только, что господа начальники губерній имѣютъ произволь отмѣнять оное, то уже нѣтъ никакой надобности и съзваться дворянству на выборы».

Такое заявленіе вызвало крайнее неудовольствіе императора Александра I.

«Бумаги сія, писалъ онъ олонецкому губернатору Мартенсу ⁴⁾, наполнены выраженіями непристойными насчетъ законами установленной власти, неприличными образу мыслей благороднаго сословія и разсужденіями духъ неповиновенія обнаруживающими.

«Находя таковой поступокъ олонецкаго дворянства предсудитель-

¹⁾ Донесеніе тульского губернатора министру полиціи 25-го января 1811 г. № 156. Арх. минист. юстиціи д. № 2878.

²⁾ Отъ 28-го января 1811 г. Тамъ же д. № 2601.

³⁾ Рудниковъ былъ до того подъ судомъ по девяти дѣламъ, а это было десятое.

⁴⁾ Въ указѣ отъ 17-го февраля 1811 года. Арх. Сената. Копія съ высочайшихъ повелѣній, кн. 308, л. 274.

нымъ и неблагонамѣреннымъ, тѣмъ напротивъ, что оно, поступивъ при выборахъ своихъ противу порядка и принявъ изданныя на таковыя случаи узаконенія совсѣмъ въ противномъ смыслѣ, дерзнуло еще прислать сюда депутата Рудникова»,— императоръ Александръ повелѣлъ: объявить дворянству Олонецкой губерніи его неудовольствіе. Губернскаго предводителя дворянства Тяпозкова, который по званію своему обязанъ былъ наблюдать за порядкомъ при выборахъ и который самъ подписалъ протоколы и отправилъ депутата, приказано немедленно доставить въ Петербургъ съ посылаемымъ фельдъегеремъ и посадить въ крѣпость; Рудниковъ былъ также арестованъ и посаженъ въ крѣпость, а губернатору было сдѣлано замѣчаніе.

«Изъ протоколовъ сихъ, писалъ ему императоръ, я увидѣлъ также, что будто депутацию, посланную къ вамъ отъ лица олонецкаго дворянства, по дѣламъ, до выборовъ касающимся, приняли вы не съ должнымъ уваженіемъ и въ неприличномъ одѣяніи. Если сіе справедливо, то я не могу сего упустить и вамъ безъ замѣчанія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ желая прекратить не только крупныя, но и мелкія безпорядки, императоръ Александръ, 3-го марта 1811 года, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлеву ¹⁾:

«По свѣдѣніямъ, нерѣдко до меня доходящимъ, вижу я, что при дворянскихъ по губерніямъ выборахъ, чрезъ продолженіе времени нечувствительнымъ образомъ вкрались нѣкоторыя отъ общихъ правилъ отступленія, подающія случай ко многимъ безпорядкамъ и превратнымъ истолкованіямъ изданныхъ по сему предмету узаконеній.

«Желая положить преграду самъ отступленіямъ и возстановить совершеніе дворянскихъ выборовъ на непреложныхъ и единообразныхъ правилахъ, поручаю вамъ и министру полиціи войти объ ономъ совокупно въ надлежащее соображеніе и, выикнувъ въ истинную цѣль установленія выборовъ, въ дворянской грамотѣ и прочихъ послѣдовавшихъ узаконеніяхъ предназначенную, извлечь изъ того и составить общія для произведенія дворянскихъ выборовъ правила, по которымъ бы во всѣхъ губерніяхъ безъ изыятія единообразное исполненіе чинимо было. Правила сіи повелѣваю поднести мнѣ потомъ на разсмотрѣніе».

Работа эта требовала значительнаго времени, а между тѣмъ присутственныя мѣста заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными. Молодые дворяне до 20 лѣтъ и болѣе сидѣли дома въ недоросляхъ, пока не наступало время женить

¹⁾ Арх. минист. внутр. дѣлъ, полиціи исполнит. дѣло № 1033. См. также Полн. Собр. Закон. т. XXXI, № 24,546.

ихъ. «Тогда родители записываютъ ихъ въ ниже-земскій судъ и вмѣстѣ съ празднованіемъ коллежскаго регистратора играется свадьба»¹⁾).

Затѣмъ молодая чета только и мечтала о томъ, какъ бы скорѣе вернуться въ отчій домъ, гдѣ ихъ ожидало «царствіе небесное». Дворянство находилось тогда въ такомъ блаженномъ положеніи, что не желало обременять себя службою и всѣми способами уклонялось отъ нея.

«Въ судахъ по выбору дворянскому мало служить, писалъ въ 1808 г. А. Поликарповъ князю А. Б. Куракину²⁾, такъ что суды скоро будутъ пусты, а нѣкоторые почти уже и есть»...

Болѣе всего дворяне избѣгали выбора на должность исправника—званія весьма почетнаго, какъ главы въ уѣздѣ, но находившагося въ совершенной зависимости отъ губернатора, дававшего ему порученія, неприличныя званію дворянина. Исправникъ, не угодавшій губернатору, могъ быть по произволу послѣдняго отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ. Неопредѣленность его обязанностей заставляла опасаться ежечасной возможности быть преданнымъ суду и, слѣдовательно, для устранения такой опасности, побуждала становиться въ зависимое положеніе къ губернатору. Невинность, правота и честность не могли спасти исправника отъ продолжительнаго суда и разоренія.

Множество дѣлъ съ малымъ числомъ помощниковъ, служившихъ почти безъ жалованья, сдѣлали исправника простымъ полицейскимъ, который, кромѣ другихъ непріятностей, принужденъ былъ вести жизнь кочующую, несомвѣстную съ его должностью.

— Кто пожелаетъ служить, говорилъ П. Каховскій, когда теперь исправникъ—по закону хозяинъ уѣзда, цензоръ нравовъ, блюститель благоденствія и порядка, помыкается губернаторами и даже ихъ чиновниками и какъ гончая собака по произволу ихъ скачетъ изъ одной губерніи въ другую на гауптвахту.

Для устранения такого злоупотребленія сенаторъ Ключаревъ пришелъ къ мысли о необходимости прекратить выборъ дворянъ въ исправники и засѣдатели земскихъ судовъ, а назначать на эти должности заслуженныхъ и раненыхъ офицеровъ, которые, писалъ онъ, «въ военной службѣ привыкли быть малымъ довольны, въ точности исполнять повелѣнное и приобрѣли дѣятельную расторопность. Они, не имѣя никакихъ связей, не страшны будутъ народу, который боится жаловаться на исправниковъ, его разоряющихъ, какъ на мѣстныхъ тамошнихъ жителей, всегда находящихъ удобность, при повторенныхъ выборахъ ихъ, мстить тѣмъ людямъ, кои сдѣлали имъ непріятность разными на нихъ оклеветаніями».

¹⁾ Записка губерна. секрет. Олега въ высочайше утвержденный комитетъ 1807 г. отъ 6-го іюля 1810 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣло № 2.

²⁾ Арх. министер. внутр. дѣлъ. Департ. полиціи. 9, № 359.

«Въ должностяхъ штатныхъ, писалъ М. Н. Муравьевъ ¹⁾, т. е. отъ правительства назначаемыхъ, чиновникъ переноситъ съ терпѣніемъ встрѣчающіяся неприятности и неудачи по службѣ, ибо имѣетъ въ виду лишь свою карьеру. Служащіе же по выборамъ (дворянства) не могутъ имѣть сего въ предметъ, а главная цѣль ихъ и награда должны быть: польза уѣзда, самостоятельность мѣста (должности) и уваженіе согражданъ...»

Ничего этого не было. Напротивъ, при шаткости и колебаніи высшей власти, при отсутствіи справедливости, при своеволіи и безнаказанности губернской администраціи,—усердіе къ службѣ по выборамъ, значеніе должности и честолюбіе служащихъ были столь подавлены, что люди, сознающіе свое достоинство, уклонялись отъ службы по выборамъ.

Служба государству была унижена и самыя почетныя мѣста занимались въ уѣздахъ людьми, часто несоотвѣтствовавшими исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей. «Никто, говоритъ современникъ ²⁾, не хотѣлъ быть избраннымъ въ уѣздныя чины или въ верхній земскій судъ и сіи мѣста предоставляли какъ милостыню дворянамъ, неимѣющимъ другихъ способовъ жизни...»

Псковскій губернаторъ едва добился того, чтобы былъ назначенъ въ уѣздъ исправникъ, «по причинѣ той, что кого ни выберутъ, всѣ рапортуются больными и человекъ четыре сіе сдѣлали, одинъ послѣ другого. Миѣ удивительно, писалъ А. Поликарповъ, что и суда не боятся, и если только станешь выговаривать, то извиняясь просятъ отдать ихъ подъ судъ; лучше хотятъ быть подъ судомъ, только бы впредь отъ службы быть свободными».

Свободу получить было тогда легко, стоило только заявить губернскому правленію, что боленъ, и оно, противно правиламъ и законамъ, увольняло служащаго дворянина отъ обязанностей, не справляясь о томъ выслужилъ-ли онъ трехлѣтіе или нѣтъ? Такое злоупотребленіе вызвало указъ Сената отъ 12-го августа 1803 года Ярославскому губернскому правленію ³⁾. Сенатъ требовалъ, чтобы «для избѣжанія частыхъ перемѣнъ служащихъ по выборамъ дворянства чиновниковъ, какъ они къ отправленію занимаемыхъ ими должностей назначаются всѣмъ обществомъ и безъ предосужденія не могутъ удаляться отъ оныхъ, въ случаѣ просьбъ ихъ не иначе увольнять какъ по точномъ освидѣтельствво-

¹⁾ Въ запискѣ, поданной императору Николаю I 23-го января 1827 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 111.

²⁾ Выписка изъ записки незнакомца, поданной Д. П. Трошинскому 16 мая 1801 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 87.

³⁾ Полное Собр. Закон. т. XXX, № 23,538.

ваніи и удостовѣреніи, что онъ за болѣзнями дѣйствительно не въ состояніи продолжать службы. Безъ чего никого изъ нихъ ни подъ какимъ предлогомъ не перемѣнять другими».

Несмотря на это, дворяне все-таки находили способы уклоняться отъ службы и дошло до того, что приходилось вакантныя мѣста замѣщать чиновниками.

«Изъ дошедшихъ къ намъ свѣдѣній, сказано въ указѣ Сенату ¹⁾, мы усмотрѣли, что по Псковской губерніи мѣста, отъ выборовъ дворянскихъ зависяшія, остаются праздыми по уклоненію отъ общественной службы дворянъ, отчего дѣла, во вредъ службы, въ своемъ теченіи остававляются».

«Признавая сіе небреженіемъ правъ, учрежденіемъ о губерніяхъ всемилостивѣйше дворянству дарованныхъ, мы повелѣваемъ: въ тѣхъ уѣздахъ Псковской губерніи, гдѣ мѣста, отъ выборовъ дворянскихъ зависяшія, по причинамъ вышелезъясненнымъ затрудняется начальство замѣщать, опредѣлять въ оныя чиновниковъ отъ герольдіи».

Дворянство охотно уступало свои права чиновникамъ, и лица сколько нибудь обезпеченныя отказывались отъ баллотировки на должности подъ разными предлогами.

— Кто захочетъ оставить домъ жену и дѣтей? спрашивалъ П. Сумароковъ, чтобы переселиться въ городъ за 300—600 руб. въ годъ жалованья? Кто съ добрымъ воспитаніемъ и имуществомъ рѣшится сносить грубости и презрѣніе отъ расплывшагося начальства. Люди съ именитостью, дарованіемъ, честностью начали мало-по-малу уклоняться отъ служенія; раболѣпствующіе, безъ опытности и просвѣщенія, заняли ихъ мѣста, и правосудіе перешло въ ненадежныя руки. То суть бракованныя лица, не тѣ, которымъ бы надлежало возсѣдать у зеркала. Не честолюбіе и усердіе къ общему благу управляетъ ихъ помышленіемъ, но страхъ передъ сильнымъ руководствуетъ, злато скрѣпляетъ приговоръ, судейство сдѣлалось арендою.

— На выборы, говорилъ М. Н. Муравьевъ, съѣзжаются по большей части дворяне, ищущіе не пользы общей, а лишь удовольшенія своихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ видовъ, которымъ даютъ поводъ неопредѣленность и мрачность, существующія въ порядкѣ службы.

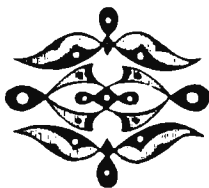
На службу по выборамъ шли тѣ, которые готовы были переносить всѣ непріятности и униженія, угождать лицамъ, имѣвшимъ голосъ, связи и богатство; тѣ, которые готовы были на всѣ несправедливости, лишь бы нажиться отъ промышленниковъ, поселянъ, купцовъ, бѣглыхъ и воровъ.

¹⁾ Отъ 30-го мая 1808 г. Арх. минист. внутрен. дѣлъ, департам. полиціи, дѣло № 359.

«Тамъ, гдѣ мало образованія, гдѣ общее мнѣніе не существуетъ, гдѣ никому, кромѣ служащихъ, неизвѣстно производство дѣлъ (закрытые суды), гдѣ они (служащіе) не въ законной, а въ самовольной зависимости отъ другихъ властей,—тамъ только подобная система службы возможна и удобна, особенно когда постановленія сему способствуютъ...»¹⁾

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ М. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ) въ запискѣ, поданной императору Николаю I 23-го января 1827 г. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 111. Записка эта напечатана Д. А. Кропотковымъ (Жизнь гр. М. Н. Муравьева, стр. 427—446), но вѣроятно съ черновой рукописи и потому мѣсяцъ и число не вѣрны. По просьбѣ гр. Кочубея М. Н. Муравьевъ переписалъ свою записку вторично и подалъ ему 11-го марта 1827 г. Эта дата и обозначена у Д. А. Кропотова.

Донесеніе ковенскаго полиціймейстера, маіора Бистрома, литовскому военному губернатору, генераль-отъ-инфантеріи Ринскому-Корсакову.

Мая 5-го дня 1812 г., въ 12 ч. пополудни, № 291.

Сейчасъ появился въ городѣ Ковно французской службы адъютантъ его императорскаго величества императора французскаго генераль графъ Нарбонъ, который посланъ съ письмомъ къ его императорскому величеству императору всероссійскому и, будучи уже пропущенъ чрезъ границу въ предѣлы Россійскіе—то въ такомъ случаѣ, видя я при немъ нѣсколько офицеровъ, сдѣлалъ ему въ дачѣ почтовыхъ лошадей должное вспомошествованіе. А дабы таковое и въ пути чинимо было, долгомъ поставилъ препоручить прибывшему сюда посланному отъ господина военнаго министра виленскому квартальному офицеру 14-го класса Шулинбергу проводить до Вильны и по тракту дѣлать всевозможныя вспомошествованіе и вѣжливости, причемъ имѣть за нимъ скрытый надзоръ. О чемъ вашему высокопревосходительству донести честь имѣю.

Сообщ. В. И. Харкевичъ.

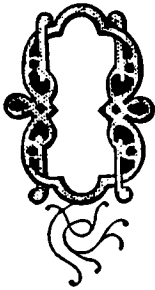

Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ

ВЪ

Нижнемъ Новгородѣ.

бращаясь къ прошлому, я съ чувствомъ благоговѣнія вспоминаю о тѣхъ минутахъ, когда я имѣлъ счастье видѣть покойнаго цесаревича Николая Александровича. Свѣтлая, высокосимпатичная личность безвременно сошедшаго въ могилу наслѣдника престола останется, конечно, навсегда въ памяти хотя разъ близко его видѣвшихъ: стройная, изящная его фигура, любезное обхожденіе, утонченная вѣжливость, всѣ его приемы—производила чарующее впечатлѣніе.

Въ августѣ 1861 года, во время Нижегородской ярмарки, цесаревичъ пріѣзжалъ въ Нижній, откуда предпринималъ путешествіе по Волгѣ. Его высочество сопровождали: попечитель его графъ С. Г. Строгановъ, флигель-адъютантъ полковникъ О. Б. Рихтеръ (нынѣ генерал-адъютантъ), секретарь его высочества Ѡ. А. Оомъ, графъ Н. С. Строгановъ и П. П. Мельниковъ (Печерскій), приглашенный въ качествѣ знатока Приволжскаго края; къ этимъ лицамъ присоединился, уже въ Нижнемъ, Н. А. Новосельскій, директоръ общества «Самолетъ», пароходъ котораго назначенъ былъ для путешествія его высочества. По прибытія цесаревича въ Нижній я представился ему по званію губернскаго предводителя дворянства и затѣмъ, съ его соизволенія, сопровождалъ его до границы Казанской губерніи¹⁾.

Въ продолженіе этихъ немногихъ, но памятныхъ для меня дней, я имѣлъ возможность уловить тонкія черты ума и наблюдательности царственнаго юноши,—ему было тогда лѣтъ 18—19; составить себѣ

¹⁾ Путешествіе цесаревича по Волгѣ описано было, кажется, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.

вполнѣ опредѣленное понятіе о внутреннихъ его качествахъ я не могъ; позволю себѣ лишь сказать, что во взглядѣ его, при всей его мягкости, просвѣчивалъ, какъ мнѣ казалось, твердый характеръ, а въ его, хотя не вполнѣ еще развернувшейся осанкѣ, было что-то напоминавшее рыцарскій образъ великаго его дѣда, императора Николая I-го.

Попечитель его высочества, графъ С. Г. Строгановъ, человѣкъ серьезнаго, нѣсколько холерическаго темперамента, представлялъ собою типъ аристократа стараго закала, съ присущею ему корректностью, вслѣдствіе чего строгій этикетъ соблюдался при особѣ цесаревича, молодая экспансивность котораго, кажется, находила себѣ исходъ болѣе всего въ тѣсномъ сближеніи съ состоявшимся при немъ и пользовавшимся его дружбою О. Б. Рихтеромъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда, мы уже съ вечера собрались на пароходѣ, гдѣ назначено было ночевать, съ тѣмъ, чтобы отплыть на разсвѣтѣ. Простившись съ нами и пожелавъ всѣмъ покойной ночи, цесаревичъ ушелъ въ свою каюту; удалился къ себѣ и графъ С. Г. Строгановъ. Мы же остальные, разсудивъ, что ложиться спать еще рано и соблазнившись идеей провожавшаго насъ нижегородскаго полиціймейстера полковника Цейдлера (старый Гродненскій гусарь), экспромптомъ рѣшили съѣздить на ярмарку и поужинать въ ресторанѣ знаменитаго тогда повара Никиты Егорова ¹⁾. Поужинали мы что называется на славу; выпили тоже здорово и вернулись на пароходъ, когда уже онъ стоялъ совсѣмъ подъ парами, готовый къ отплытію. Какъ ни старались мы осторожно добраться до своихъ каютъ, чтобы не потревожить сна цесаревича, да и не слышалъ бы графъ Строгановъ, а все-таки безъ нѣкотораго шума возвращеніе наше, кажется, не обошлось, и на другой день, по утру, цесаревичъ, обратившись къ кому-то, сказалъ:

— Однако позднеенько, господа, вы вернулись съ ярмарки; должно быть вы тамъ таки порядочно кутнули?

— А вашему высочеству завидно?—спросилъ графъ Строгановъ.

Цесаревичъ ничего не отвѣтилъ, только улыбнулся.

Во время завтрака (происходившаго на палубѣ), цесаревичъ, обратившись ко мнѣ (я сидѣлъ по правую его руку), и заговоривъ о дворянствѣ, выразилъ удивленіе по поводу той розни въ средѣ нашего дворянства, о которой ему приходилось слышать, и прибавилъ: «Остзейскій край въ этомъ отношеніи, кажется, представляетъ совсѣмъ другое явленіе. Когда я былъ въ Ригѣ ²⁾, на меня произвело пріятное впе-

¹⁾ Никита Егоровъ прославляеъ былъ даже въ англійскихъ газетахъ, въ статьяхъ по поводу посѣщенія нижегородской ярмарки принцемъ Уэльскимъ.

²⁾ Если не ошибаюсь, это было во время генераль-губернаторства князя Суворова.

чатлѣннѣе дружное согласіе тамошняго дворянства. Какое у нихъ единодушіе! какая сплоченность, какой *esprit de corps*».

— Когда ваше высочество будете императоромъ,—замѣтилъ графъ Строгановъ,—будете говорить иначе...

Послѣдовало молчаніе; разговоръ о дворянствѣ уже не продолжался и перешелъ на другіе предметы.

Цесаревичъ зналъ о моихъ враждебныхъ отношеніяхъ съ нижегородскимъ губернаторомъ Муравьевымъ и самъ замѣтилъ натушность этихъ отношеній, во время пребыванія своего въ Нижнемъ. Когда мы стали приближаться къ границѣ Казанской губерніи, гдѣ я долженъ былъ высадиться, о чемъ было доложено цесаревичу, онъ пригласилъ меня въ каюту и, прощаясь со мной, сказалъ:

— Могу васъ успокоить,—Муравьевъ у васъ долго не останется; это—дѣло рѣшеное; мнѣ сказала объ этомъ императрица передъ отъѣздомъ своимъ въ Нижній; сообщаю объ этомъ вамъ, не какъ губернскому предводителю, а какъ г. Стремоухову.

Передавалъ ли мнѣ цесаревичъ объ этомъ, весьма серьезномъ, не для меня только, но и вообще для нижегородскаго дворянства, обстоятельство—по собственному своему побужденію или по внушенію графа Строганова, я не знаю, но думаю, что во всякомъ случаѣ, не иначе какъ съ одобренія послѣдняго.

У меня сохранился фотографическій портретъ цесаревича, весьма удачно съ него снятый въ Нижнемъ-Новгородѣ. Отъ времени, портретъ этотъ, къ сожалѣнію, порядочно выцвѣлъ, но характерное выраженіе его осталось и рельефно возстановляетъ въ моей памяти дорогія для нея впечатлѣнія.

П. Д. Стремоуховъ.

**О правахъ священниковъ и діаконовъ, добровольно слагающихъ
съ себя духовный санъ.**

22-го февраля 1839 г.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ высочайшее его императорскаго величества собственноручное повелѣніе, послѣдовавшее въ 22-й день сего февраля, въ коемъ изображено: постановить впредь:

1) Діаконамъ, добровольно слагающимъ сіе званіе, воспретить вступать въ какой бы ни было родъ государственной службы ранѣе шести лѣтъ;

2) и священникамъ ранѣе 10-ти лѣтъ, возвращаясь каждому въ первобытное свое состояніе и не пользуясь впредь никакими иными выгодами, кромѣ состояніемъ симъ присвоенными.

Сообщилъ Н. И. Соловьевъ.

Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.

IV¹⁾.

Первыя засѣданія редакціонныхъ комиссій.—Письмо фрейлны Раденъ къ Н. А. Милютину по порученію великой княгини Елены Павловны.—Борьба редакціонной комиссіи съ помѣщиками-крѣпостниками.—Князь А. И. Барятинскій въ Петербургѣ.—Его отношенія къ Н. А. Милютину.—Устраненіе князя отъ аристократическихъ взглядовъ на освобожденіе крестьянъ.—Болѣзнь Ю. О. Самарина.—Позенъ и его проекты.—Собранія въ домѣ г. Безобразова.
Адресъ оппозиціонной партіи.

бодренный послѣднимъ разговоромъ съ государемъ²⁾, въ которомъ было выражено сочувствіе къ предстоящему плану дѣйствій, успокоенный насчетъ своего страннаго положенія временнаго товарища и предсѣдательства въ комитетѣ, чрезъ который проходили всѣ дѣла по крестьянскому вопросу, а главное утѣшенный и ободренный появленіемъ новыхъ и достойныхъ сотрудниковъ, Николай Алексѣевичъ весь преобразился; надъ нимъ какъ бы загорѣлась звѣздочка и сіяніе ея ярко озарилось кругомъ. Отнынѣ ему дѣла не было до того, что плелось вокругъ него и противъ него. Отнынѣ онъ чувствовалъ и понималъ не хуже своихъ враговъ, что крестьянское дѣло дѣйствительно въ его рукахъ, но въ то же время чувствовалъ, что съумѣетъ съ нимъ совладать и привести къ благополучному концу. Отнынѣ и Ланской, и Ростовцевъ становились его учениками, охотно воспринимавшими его мысль и при должной подготовкѣ умѣющими защищать и то, и другое

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1899 г., № 2.

²⁾ Въ понедѣльникъ, на Святой 1859 года, о чемъ передано во II главѣ.

въ глазахъ государя. Для этого однако надо было неусыпно заниматься ихъ политическимъ воспитаніемъ, развивать ихъ понятія. Съ Ростовцевымъ это дѣло было не легкое, можетъ быть онъ имѣлъ и болѣе природнаго ума, нежели Лавской, но по образованію былъ несравненно его ниже. Ему пришлось усвоивать себѣ совершенно новыя понятія, учиться законодательному строю государства, знакомиться съ финансовыми его отправлениями, словомъ, пройти цѣлый курсъ права и политической экономіи. Объ успѣхахъ его можно судить по сравненію первой и второй половины его дѣятельности. Первые засѣданія общаго присутствія редакціонной комисіи (съ 4-го марта по 12-ое мая) происходили у Ростовцева, въ залѣ занимаемаго имъ дома 1-го Кадетскаго корпуса, на Васильевскомъ островѣ, а послѣ 12-го мая до поздней осени у него же, на дачѣ Каменнаго острова. Хозяйственное отдѣленіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ Николай Алексѣевичъ, собиралось у насъ на дачѣ Аптекарскаго острова, на берегу Невки, въ маленькомъ 5-ти комнатномъ флигелѣ, принадлежащемъ казенной дачѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ до тѣхъ поръ жили прежніе товарищи, Левскъ и Левшинъ. Въ свѣтлыя, теплыя лѣтнія ночи столъ иногда выносился въ садикъ и ставился посреди душистыхъ сиреневыхъ кустовъ. Засѣданія начинались около 8-ми часовъ вечера и часто длились до 5-ти утра; окончаніе споровъ происходило иногда уже за ужиномъ. Первое время не доставало на дачѣ посуды, подсвѣчниковъ и даже нужнаго числа стульевъ (что не мало сокрушало хозяйку, но современнымъ все уладилось и обошлось). Окрестные работники и крестьяне, извозчики, лодочники скоро разузнали какого рода эти собранія и пользовались всякимъ случаемъ, чтобъ какимъ-нибудь трогательнымъ образомъ выразить труженникамъ свое участіе и благодарность.

Хорошо было бы имѣть полную подробную исторію редакціонной комисіи, этого поля сраженія, на которомъ встрѣтилось столько различныхъ мнѣній и разыгралось сраженіе, порѣшившее будущность русскаго крѣпостнаго народа! Живое описаніе главныхъ руководителей разнородныхъ группъ и партій, различныхъ мнѣній и стремленій, ожесточенныхъ споровъ, упорства и неизбежныхъ компромиссовъ, вліяніе двора, интригъ большого свѣта, словомъ всего, что отсутствуетъ въ печатныхъ трудахъ комисіи и официальныхъ бумагахъ, но не могло не отражаться въ стѣнахъ засѣданій, все это рассказанное талантливымъ перомъ очевидца, составило бы интересную страницу въ нашей современной исторіи. Полагаю и надѣюсь, что это будетъ сдѣлано (а можетъ быть уже и сдѣлано); моя же скромная работа состоитъ не въ томъ, чтобы рассказывать общій ходъ законодательнаго переворота, что превзошло бы мое умѣнье, но указать на источники, къ которымъ обратятся для того въ будущемъ, собрать матеріалъ нужный для біографіи мужа, и такъ сла-

зять, нанизать вмѣстѣ письма, которыя онъ писалъ и получалъ, соединяя ихъ лишь краткими объясненіями.

Первымъ распоряженіемъ Николая Алексѣевича было раздѣлить комиссію на 3 отдѣленія: финансовое, юридическое и хозяйственное и распредѣлить ихъ работы. На этихъ отдѣленіяхъ и лежалъ главный трудъ. Общія же присутствія, собиравшіяся два раза въ недѣлю подѣ предсѣдательствомъ Якова Ивановича Ростовцева, были сперва большою потерей времени и довольно мучительны. Ростовцевъ шелъ оцупью и не выходилъ изъ общихъ мѣстъ. Съ одной стороны онъ не чувствовалъ подѣ собою той твердой почвы, которая дается знаніемъ и убѣжденіемъ, съ другой—не обладалъ ни ораторскими, ни предсѣдательскими способностями. Онъ не умѣлъ формулировать ни своей, ни другими выраженной мысли. Въ первое время не проходило засѣданіе, чтобы онъ, между прочимъ, не повторялъ любимой своей фразы о ходѣ и исходѣ крестьянскаго дѣла и своихъ непремѣнныхъ трехъ условій:

- 1) чтобы крестьяне немедленно почувствовали, что быть ихъ улучшился;
- 2) чтобы помѣщики немедленно успокоились, что интересы ихъ ограждены (а между тѣмъ онъ слышать не хотѣлъ о выкупѣ и долго не могъ понять придуманной мужемъ системы выкупной операціи);
- 3) чтобы сильная власть ни на минуту не колебалась, отъ чего ни на минуту же и общественный порядокъ не нарушился бы.

Этотъ то 3-й пунктъ и былъ поводомъ къ предположенному учрежденію временныхъ генераль-губернаторовъ, и много стоило мужу труда, чтобы успокоивать Ростовцева, а чрезъ него и государя. Было ли какое-либо основаніе полагать (справедливо говорилось въ запискѣ о генераль-губернаторахъ), что крестьяне взбунтуются потому, что ихъ быть улучшится. Вся задача правительства должна была заключаться въ томъ, чтобы не было у нихъ разочарованій и чтобы обѣщанное улучшеніе ихъ быта привело къ дѣйствительной и полной гражданской свободѣ, при обезпеченіи матеріальнаго благосостоянія.

«Спокойствіе народа только тогда надежно, когда оно есть плодъ удовлетворенія законныхъ потребностей и всеобщаго довольства».

Этими словами, какъ мы видѣли, оканчивалась записка Николая Алексѣевича о генераль-губернаторахъ, и на смыслѣ этихъ словъ основана вся его государственная дѣятельность.

Два мѣсяца спустя послѣ открытія комиссіи произошелъ въ ней первый (и послѣдній) расколъ въ лицѣ представителей крупныхъ землевладѣльцевъ, Паскевича и Шувалова, и 29-го мая великая княгиня Елена Павловна, уѣзжая на лѣто за границу, уполномочила фрейлину Раденъ сообщить Н. А. Милютину слѣдующее:

«Великая княгиня, писала Раденъ, поручила мнѣ передать вамъ, что она имѣла вчера очень пріятный разговоръ съ императоромъ и воспользовалась случаемъ поручить комитетъ его милостивому вниманію, сказавъ, что онъ долженъ поддержать его противъ недоброжелательства, которое обнаруживается къ его стремленіямъ, и что вообще онъ долженъ попрежнему быть защитникомъ народа, всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ голоса въ дѣлѣ, оставаясь однако справедливымъ по отношенію къ дворянству. Ея высочество видѣлась также съ генераломъ Ростовцевымъ, котораго многіе ей рекомендовали. Великая княгиня сказала ему, что въ городѣ говорятъ, будто всѣмъ будетъ орудовать теперь Позень и что онъ будетъ вмѣшиваться въ дѣла комитета. Ростовцевъ покраснѣлъ и отвѣчалъ, что Позень человѣкъ весьма спокойный, что онъ не желаетъ ни во что вмѣшиваться и даже не надѣется быть министромъ финансовъ, хотя, между прочимъ, онъ на это мѣтитъ.

«Наконецъ вчера, послѣ обѣда, съ ея высочествомъ бесѣдовалъ князь Долгорукій, который выказалъ горячія симпатіи къ партіи Шувалова и очень сожалѣлъ о томъ, что изъ комитета исключенъ аристократическій принципъ и т. д. Великая княгиня отвѣчала очень находчиво и сказала, между прочимъ, что эти господа выходятъ изъ комитета нѣ по случаю того вопроса, который стоитъ теперь на очереди и относительно котораго съ нами пытались придти къ соглашенію, но что они являются противниками тѣхъ принциповъ, которые были одобрены самимъ императоромъ нынѣшнюю зиму; тогда князь Долгорукій долженъ былъ замолчать».

Въ концѣ письма приписано рукою великой княгини:

«Наконецъ, я рекомендовала васъ и Черкаскаго еще Ростовцеву. Да хранить васъ Господь. Не теряйте бодрости, такъ какъ я имѣю надежду ¹⁾).

Не лишнее будетъ замѣтить, что великая княгиня Елена Павловна только съ 1858 года переломила въ себѣ многолѣтнее свое нерасположеніе къ Якову Ивановичу Ростовцеву. Съ минуты назначенія его въ предсѣдателя редакціонной комисіи, она стала употреблять всѣ силы своего дѣйствительнаго очарованія, чтобы загладить прошедшее и отчасти успѣла въ этомъ: Яковъ Ивановичъ (который дотошъ платилъ ей взаимнымъ нерасположеніемъ), понемногу растаялъ и подъ конецъ хаживалъ повѣрять ей свои опасенія и сомнѣнія, жаловаться на трудность своего положенія.

Въ концѣ того же мая мѣсяца 1859 г. фрейлина Раденъ писала мужу изъ Берлина:

«Преобладающимъ настроеніемъ является о ж и д а н і е. Губернаторы

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

и уѣздные начальники губерній Царства Польскаго сказали великой княгинѣ, что они только и желаютъ, чтобы труды комитета были окончены какъ можно скорѣе и чтобы было объявлено рѣшеніе правительства. Они боятся продолжительной неизвѣстности ради своихъ экономическихъ интересовъ и изъ опасенія, что болѣе продолжительное ожиданіе увеличитъ соразмѣрно надежды крестьянъ, которые полагаютъ, что земля будетъ отдана имъ въ полную собственность и безо всякаго вознагражденія. Люди неблагонамѣренныя или несвѣдущіе распускаютъ повидимому умышленно слухи, невыгодныя для дворянства.

«Въ Кіевѣ происходитъ что-то очень странное. Послѣ войны, окончившихся въ 1815 г., мѣстные землевладѣльцы дали личную свободу многимъ изъ своихъ крестьянъ, которые самымъ спокойнымъ образомъ остались на своихъ земляхъ, не воспользовавшись правомъ переселенія. Число крестьянъ, освобожденныхъ такимъ образомъ, доходитъ, кажется, до 35.000 или около того. Въ настоящее время нѣкто, кажется, именно графъ Голуховскій, въ ожиданіи будущихъ переменъ, выселилъ со своей земли 150 свободныхъ крестьянъ. Онъ хотѣлъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ уже годъ тому назадъ, но губернаторъ выхлопоталъ имъ тогда отсрочку на годъ: крестьяне были приписаны къ городамъ, но это нисколько не увеличило ихъ средствъ къ существованію, а въ настоящее время ихъ прогнали и они остались безъ крова и пищи; многіе изъ нихъ сидятъ въ тюрьмѣ, другіе обречены на нищету»¹⁾).

Обезземеленіе крестьянъ въ то время казалось дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и естественнымъ, и творилось также по другимъ губерніямъ. Того же въ сущности добивались въ комисіи Шуваловъ и Паскевичъ. О чемъ произошла съ ними расколъ въ комисіи, формулируется въ журналѣ общаго присутствія 29-го мая 1858 года.

«Комисіа должна убѣдиться изъ множества ими рассмотрѣнныхъ рукописей, проектовъ и мнѣній, что еще и донывъ нѣкоторые лица продолжаютъ поддерживать мнѣніе по крестьянскому вопросу, прямо противорѣчащее высочайше указаннымъ началамъ и клонящееся въ той или другой формѣ къ окончательному освобожденію крестьянъ безъ земли и къ болѣе или менѣе постепенному образованію изъ нихъ класса свободныхъ, но бездомныхъ безземельныхъ работниковъ.

«Эта послѣдняя цѣль, не всегда ясно выраженная, не всегда равно сознаваемая даже тѣми, кто ее преслѣдуетъ, можетъ достигаться различнымъ образомъ. Нѣкоторые предлагаютъ прямо освобожденіе крестьянъ безъ земли, другіе указываютъ на косвенныя мѣры, которыя неизбѣжно приведутъ къ тому же; такъ напримѣръ, немедленное дозволеніе крестьянамъ отказываться отъ поземельнаго надѣла, для указанія

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

имъ дальнѣйшаго правильнаго исхода изъ обязательныхъ отношеній обратилось бы, безъ сомнѣнiя, къ ущербу самихъ крестьянъ. Желая скорѣе освободиться отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній и увлекаясь отдаленными надеждами, иногда даже ложными слухами, они могутъ безрасчетно покинуть свои поля къ явному разстройству помѣщичьяго хозяйства и съ опасностью для государственнаго спокойствiя; съ другой стороны—въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ земля прiобрѣла особенную цѣнность, могутъ быть и со стороны землевладѣльцевъ употребляемы болѣе или менѣе насильственные мѣры, чтобы заставить крестьянъ отказаться отъ надѣла, воспользоваться оными съ большею для себя выгодой. Пока крестьяне не привыкнутъ къ новому своему положенiю и не прiобрѣтутъ не только въ законѣ, но и на самомъ дѣлѣ, должной самостоятельности, пока не прекратится нынѣшнее напряженное положенiе и не установятся спокойныя и правильныя отношенiя между землевладѣльцами и крестьянами, до тѣхъ поръ правительство не можетъ рѣшенiе важнѣйшаго государственнаго вопроса предоставлять случайностямъ борьбы, возбужденной между двумя сословiями.

«Подобная, ничѣмъ не сдержанная, борьба (не говоря уже у условной несовмѣстимости ее съ правильною государственною жизнью) должна повести къ постепенному водворенiю между крестьянами полной безземельности и вмѣстѣ съ нею новой, хотя уже не юридической, но не менѣе дѣйствительной матеріальной зависимости пропитать себя и семейство. Правительство, имѣя въ виду и исторiю, и настоящее положенiе вещей въ другихъ государствахъ, безъ сомнѣнiя не можетъ допустить подобныхъ послѣдствiй.

«Вотъ почему правительство, а съ нимъ и комисiя полагаютъ выкупъ крестьянской земли главнымъ исходомъ вопроса, и, не дѣлая его обязательнымъ, желали бы обставить его такъ, чтобы въ большей части случаевъ онъ могъ удобно совершиться для общей пользы.

«Вотъ почему съ другой стороны, изучая порученное дѣло во всѣхъ подробностяхъ, комисiя не могла не придти къ убѣжденiю, что даже незначительное, повидимому, уклоненiе отъ указаннаго высочайшею волею пути въ дѣлѣ освобожденiя крестьянъ, можетъ въ дальнѣйшемъ своемъ развитiи довести до результатовъ самыхъ гибельныхъ»...

Послѣ того, какъ Паскевичъ и Шуваловъ отказались участвовать въ занятiяхъ комисiи, работы пошли быстрѣе, ибо не задерживались безконечными спорами и придирками къ мелочамъ, когда сущность разногласiя была въ серьезной сторонѣ дѣла.

Этой же весной прибылъ въ Петербургъ другъ государя, князь Барятинскiй; гдѣ именно онъ познакомился съ Николаемъ Алексѣевичемъ—не помню, но покоритель Шамниа былъ очень очарованъ Николаемъ Алексѣевичемъ, съ восхищенiемъ говорилъ о немъ, а лично показывалъ

ему всякое уваженіе и изъявленіе дружбы, просилъ чаще бывать у него, знакомить съ крестьянскимъ дѣломъ, объяснять на какихъ началахъ оно будетъ разрѣшаться. Н. А. Милютинъ, разумѣется, съ полною готовностью (по мѣрѣ возможности и свободнаго времени, котораго у него тогда было слишкомъ мало, чтобы читать лекціи) старался удовлетворять его справедливое любопытство, тѣмъ болѣе, что ему хорошо были извѣстны тайныя надежды, которыя возлагались на князя Бярятинскаго всею аристократическою партіею въ Петербургѣ, рассчитывавшей найти въ немъ себѣ твердую опору и поддержку въ глазахъ государя. Николай Алексѣевичъ съ удовольствіемъ объяснялъ кавказскому герою (какъ въ то время звали князя) главные принципы, на которыхъ все должно быть основано, въ чемъ состоитъ разногласіе съ помѣщичьей партіею, предостерегалъ его отъ несправедливыхъ и глупыхъ обвиненій въ коммунизмъ, въ нарушеніи права собственности и проч., о чемъ тогда громко кричали, злоупотребляя вкривь и вкось словами *partage de la propriété*. Выраженіе это находило себѣ особенно много потребителей въ кругу остзейскихъ бароновъ, которые еще прежде русскихъ помѣщиковъ почували намѣреніе правительства и представляли въ превратномъ видѣ цѣли, къ которымъ поведетъ его горсть «опасныхъ социалистовъ». Паника, что у нихъ отберутъ земли въ пользу крестьянъ, стала въ нихъ сказываться при самомъ первомъ возбужденіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Въ январѣ 1858 года, когда едва зашевелился вопросъ о надѣлѣ, одинъ изъ знакомыхъ мужа, русскій нѣмецъ, находившійся тогда за границею, писалъ ему слѣдующее:

«Il paraît qu'en Europe le Volcan se mettra bientôt à fumer. Проидетъ еще годъ, другой, а тамъ пойдетъ трескотня, послѣ которой мало что уцѣлѣетъ».

Помню, какъ по прочтеніи этого письма мужъ бросилъ его съ нетерпѣніемъ на столъ и воскликнулъ:

— И такой-то галиматѣей балтійскіе бароны будутъ теперь напускать туманъ на общество и пугать Зимній дворець.

А между тѣмъ, прошелъ годъ, прошелъ другой, прошелъ и третій и трескотня, какъ извѣстно, нигдѣ и никакой не было, кромѣ развѣ со стороны тѣхъ же бароновъ и всѣхъ корифеевъ враждебной эмансипаціи партіи.

Сношенія мужа съ княземъ Бярятинскимъ были кратковременны, какъ и самое его пребываніе въ Петербургѣ; кромѣ встрѣчъ въ свѣтскомъ кругу, Николай Алексѣевичъ видѣлся съ нимъ на-единѣ всего два раза. Вотъ что самъ Бярятинскій писалъ о немъ своему начальнику штаба Дмитрію Алексѣевичу въ іюнѣ 1859 года:

«Я имѣлъ удовольствіе видѣть у себя два раза брата вашего, Николая Алексѣевича. Я передамъ вамъ на словахъ то пріятное, утѣши-

тельное впечатлѣніе, которое онъ на меня сдѣлалъ. Онъ многимъ превосходитъ все то, что могъ я ожидать».

Барятинскій остался чуждъ всякому духу партій, не послужилъ орудіемъ для распространенія клеветъ и воротился на Кавказъ, унося съ собою великое неудовольствіе всей возлагавшей на него упованіе петербургской аристократіи.

Усиленные труды депутатовъ перваго призыва дурно отразились на ихъ здоровьи. Первымъ поплатился въ неуѣреннѣхъ занятіяхъ Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Вслѣдствіе ночей, проведенныхъ за работою, напряженія и раздраженія, нервная система разстроилась, онъ впалъ въ меланхолію, сталъ страдать жестокими головными болями, наконецъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ, весьма похожій на нервный ударъ. Призванный его друзьями докторъ обнаружилъ приливы крови къ мозгу, поставилъ пивки, запретилъ на долгое время всякое занятіе и совѣтывалъ предпринять поѣздку за границу для полнаго отдыха. Самаринъ однако не хотѣлъ и слышать объ этомъ; отчаяніе его было велико; «всю жизнь, всю жизнь объ этомъ думать и теперь заболѣть!» горько говорилъ онъ; но чрезъ двѣ недѣли, оправившись немного, снова вступилъ въ засѣданіе комисіи. Узнавъ о его болѣзни, великая княгиня Елена Павловна телеграфировала (изъ Остенде, гдѣ находилась на морскихъ купаньяхъ), чтобы его перевели изъ гостиницы пыльнаго и душнаго города (незавиднаго пристанища большей части членовъ редакціонной комисіи въ эти два лѣта 1859 — 1860 г.) на Каменный островъ, гдѣ одинъ изъ флигелей дворца ея высочества былъ по ея предложенію уже занятъ Черкасскимъ; Юрій Ѳедоровичъ переѣхалъ и тутъ на короткое время поправился.

Между тѣмъ члены редакціонной комисіи, несмотря на разность взглядовъ и мнѣній, въ виду все болѣе и болѣе возрастающей оппозиціи, сливались тѣснѣе и дружнѣе въ одно цѣлое. Въ стѣнахъ засѣданія бывали у нихъ жестокіе споры, но духъ, парящій надъ ними и заправляющій всѣмъ, былъ одинъ и тотъ же. Даже между С. С. Ланскимъ и Я. И. Ростовцевымъ, благодаря мягкому посредничеству Николая Алексѣевича (такъ несправедливо обвиняемаго въ раздражительности) наступили вполне согласныя дѣйствія. Этому помогалъ и самъ государь, которому случалось пересылать бумаги отъ одного къ другому и показывать, что онъ желаетъ ихъ считать солидарными. Съ своей стороны, Ростовцевъ, силою обстоятельствъ, сблизился съ людьми, съ которыми дотолѣ не имѣлъ ничего общаго, которымъ не довѣрялъ и которые съ своей стороны не довѣряли ему; съ тѣми же, на которыхъ онъ возлагалъ свои надежды, долженъ былъ разойтись. Долго не вѣри въ возможность выкупа и побаяваясь разоренія дворянства, съ другой стороны желая приобрести популярность въ народѣ, а болѣе всего уго-

дять государю, онъ очутился между двухъ огней. Поработавъ нѣсколько засѣданій съ членами редакціонной комисіи, онъ воодушевился бодростью и либеральными идеями. Возвращаясь изъ Царскаго Села послѣ доклада Я. И. Ростовцевъ разсказывалъ жалобы государя, что до него со всѣхъ сторонъ доходятъ слухи о неудовольствіи дворянъ и о томъ, что имъ завладѣла шайка социалистовъ. Въ маѣ онъ «краснѣлъ», когда ему говорили про Позена, и не хотѣлъ признаться, что дѣйствительно надѣялся на него, какъ на каменную гору; въ августѣ же они должны были разойтись какъ враги. Первое время, ожидая его пріѣзда съ нетерпѣніемъ, онъ не рѣшался ни на какія предложенія комисіи, говоря, что ему необходимо знать сперва мнѣніе Позена. Онъ служилъ по провіантской части; въ военномъ министерствѣ, состоялъ долго при князѣ Чернышевѣ и, приобретя большое состояніе, онъ незадолго до Крымской войны былъ однако уволенъ отъ службы и уѣхалъ въ Малороссію управлять своими имѣніями. Ростовцевъ, подружившійся съ нимъ еще въ 1840 годахъ, смотрѣлъ на это вынужденное удаленіе Позена отъ правительственныхъ дѣлъ, какъ на большую потерю и несправедливость; говорилъ, что онъ удивительный финансистъ и кромѣ того знатокъ по части сельскаго хозяйства и вообще смотрѣлъ на него, какъ на какого-то генія по всѣмъ частямъ управленія. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Позенъ въ самомъ дѣлѣ принялся учить Ростовцева. Трудно сказать, что вышло бы изъ этого, еслибъ онъ не встрѣтилъ энергическій отпоръ со стороны Николая Алексѣевича и главныхъ его сотрудниковъ. Наставническій тонъ Позена, двойственность его дѣйствій, возрастающая оппозиція, къ которой онъ все болѣе и болѣе склонялся, должны были окончательно бросить Ростовцева, такъ сказать, въ объятія членовъ редакціонной комисіи и въ нихъ искать себѣ опоры. Въ іюлѣ 1859 г. онъ имъ уже жаловался на Позена и выдавалъ его головою, а въ августѣ произошелъ открытый съ нимъ разрывъ. Позенъ подалъ на него же доносъ государю чрезъ князя Долгорукова, а нѣсколько дней спустя подписалъ адресъ съ прочими депутатами ¹⁾).

Оппозиціонный кружокъ всѣми силами старался затормозить дѣло.

Мой знакомый, писалъ въ августѣ Д. П. Хрущовъ Н. А. Милютину, нечаянно попалъ на дняхъ вечеромъ къ Михаилу Безобразову

¹⁾ Нѣсколько времени спустя въ сатирическомъ журналѣ „Искра“ (который тогда еще былъ хорошъ и остроуменъ) вышелъ номеръ съ карикатурой на Позена и четверостишіемъ.

Лишь долгая опытность въ службѣ и практика въ жизни
 Быть могутъ полезны любезной отчизнѣ.
 Стремленія жъ людей молодыхъ, хотъ разумны и честны,
 Но въ дѣлѣ столь важномъ совсѣмъ неужѣстны...

въ извѣстный вамъ домъ на Фонтанкѣ. Присутствовали, уже извѣстные своими помѣщичьими подвигами, Бланкъ, князь Гагаринъ (бывшій рязанскій предводитель дворянства), Орловъ изъ Вологды, князь Волконскій, Желтухинъ и другіе. Тутъ доставалось краснымъ, Ростовцеву, вамъ и вашимъ, которыхъ слѣдовало уничтожить. Какъ средство читали проектъ адреса государю объ уничтоженіи работъ губернскихъ комитетовъ и редакціонной комисіи и о принятіи одного главнаго основанія: личной свободы крестьянъ безъ земли. Затѣмъ въ адресѣ доказывалось, что красные суть предатели, а что престоль и отечество спасутъ только вѣрные дворяне, подписавшіе адресъ. Подписчиковъ предполагалось собрать до 10-ти тысячъ чрезъ разныхъ членовъ губернскихъ комитетовъ, изъ которыхъ просить государя составить особую комисію въ Петербургѣ на мѣсто редакціонной. О Шуваловѣ и Паскевичѣ говорятъ какъ о представителяхъ этого мнѣнія и очень на нихъ надѣются».

Копія съ этого адреса была все-таки подана государю А. Е. Тимашевымъ (тогда товарищемъ главнаго начальника III отдѣленія, князя Долгорукова) вмѣстѣ съ письмомъ къ нему и всеподданнѣйшею запискою Михаила Безобразова. Должно быть сей пресловутый адресъ, ходившій тогда по рукамъ, такъ же, какъ и прочія записки оппозиціонной партіи, казались весьма основательными. Но члены редакціонной комисіи были иного мнѣнія и даже радовались, что въ оппозиціи не было ни одного истинно даровитаго человѣка, который могъ бы стать во главѣ и вести противъ нихъ достойную войну. Въ сущности всѣ эти записки и адреса были не что иное, какъ доносы, съ общими мѣстами, пустословными обвиненіями, темными намеками, нападками на бюрократію и проч., не имѣющіе смысла относительно редакціонной комисіи, гдѣ было даже больше помѣщиковъ, нежели чиновниковъ и гдѣ не только не властвовала рутинна и бюрократизмъ, напротивъ обсуждалось гласно и всѣ журналы печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ; такъ продолжалось до назначенія графа Панина, который значительно сократилъ эту публикацію. Но къ сожалѣнію, въ то время никакъ нельзя было ручаться, что и самое нелѣпое обвиненіе не будетъ имѣть успѣха и не повліяетъ на встревоженное уже воображеніе государя, а потому Сергѣю Степановичу Ланскому, какъ министру внутреннихъ дѣлъ, надлежало безпрестанно входить въ объясненія, толкованія и опроверженія.

V.

Записка земскаго отдѣла редакціонной комиссіи о положеніи крестьянскаго дѣла въ августѣ 1859 года.—Послѣдствія этой записки.—Сдержанность крестьянъ.—Балъ въ Дворянскомъ собраніи.—Возобновленіе болѣзни Ю. О. Самарина.—Отъѣздъ его за границу.—Два письма его къ Николаю Алексѣвичу Милютину.

Въ августѣ 1859 года была подана отъ земскаго отдѣла редакціонной комиссіи записка, поясняющая ходъ крестьянскаго дѣла и въ какомъ положеніи оно тогда находилось. Составленная Соловьевымъ и Николаемъ Алексѣвичемъ записка эта имѣетъ историческое значеніе для будущаго, какъ правдивый отчетъ правительства того времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ должна была служить противоядіемъ отъ постепенной медленной отравы, изготовляемой на кухнѣ противоположнаго лагеря. Судьба этой записки также довольно курьезна. Копія съ нея была выкрадена у писаря земскаго отдѣла однимъ изъ депутатовъ и ходила между ними по рукамъ. Третье отдѣленіе Собственной его величества канцеляріи успѣшило доложить это государю; онъ пришелъ въ большое негодованіе, разбранилъ бѣднаго Ланскаго; Соловьева чуть не отрѣшилъ отъ должности, подозрѣвая его въ умыленномъ распространеніи этой записки тогда, какъ ничто не могло быть противнѣе служебному характеру Соловьева и ближайшимъ интересамъ дѣла, которому онъ былъ преданъ всей душой. Многого усилія стоило Ланскому успокоить государя и убѣдить его въ невинности Якова Александровича, который все-таки получилъ монаршіи выговоръ, а затѣмъ было потребовано отъ него письменное объясненіе и наряжено полицейское изслѣдованіе, которое, разумѣется, ничего не открыло, потому что никому изъ депутатовъ не хотѣлось признаться въ воровствѣ. У Николая Алексѣевича не было даже черноваго экземпляра, но въ 1862 году, послѣ смерти С. С. Ланскаго, вмѣстѣ съ нѣкоторыми бумагами отъ дочери покойнаго перешелъ въ его руки и самый подлинникъ этой записки съ отмѣтками государя.

Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время.

Возвращено отъ государя 8-го августа 1859 г.

Всѣ губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу (за исключеніемъ только пермскаго и ставропольскаго) кончили и прислали свои работы, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о главныхъ чертахъ направленной ими руководившихъ.

Отъ объявленія первыхъ трехъ рескриптовъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости (по Литовскимъ, С.-Петербургской и Нижегородской губерніямъ) прошло слишкомъ полтора года. На предварительное соединеніе дворянства всѣхъ прочихъ губерній потребовалось 11 мѣсяцевъ (съ ноября 1857 по октябрь 1858 года). Согласно воли вашего величества административныя мѣры по сему предмету не имѣли ничего понудительнаго. Они ограничивались однимъ лишь устраненіемъ недоразумѣній и опасеній, возникавшихъ въ дворянскомъ сословіи разныхъ мѣстностей.

Первое извѣстіе о предполагаемой реформѣ возбудило въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущенія, отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостного труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатокъ мѣстныхъ администрацій, чрезполосность и продажа усадебъ, долги кредитнымъ установленіямъ, и наконецъ, участь мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ—представлялись неодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимою лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможною въ остальныхъ полосахъ Россіи. Примѣръ с.-петербургскихъ и нижегородскихъ дворянъ не могъ еще дать рѣшительнаго оборота дѣлу, ожидали отзыва Москвы.

Для успокоенія и направленія умовъ, по непосредственному указанію вашему, сдѣланъ былъ цѣлый рядъ поясненій по всѣмъ предметамъ, возбуждавшимъ сомнѣніе. Сохраняя неприкосновенными общія начала и частное развитіе ихъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, объявлено что правительство беретъ на себя преобразование мѣстнаго управленія и устройства межеванія, сдѣланы нѣкоторыя указанія о способѣ выкупа крестьянами усадебъ и о пользованіи ими до выкупа; вмѣнено въ обязанность комитетамъ обратить вниманіе на положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и представить объ устройствѣ ихъ особыя соображенія; наконецъ объяснено, чрезъ предводителей дворянства, что не въ поспѣшности, какъ думали помѣщики нѣкоторыхъ губерній, а въ медленности изъявленія желаній на открытіе комитетовъ заключаются опасенія народныхъ волненій. Мало-по-малу опасенія разсѣялись, мысль о возможности и необходимости преобразования стала распространяться, а губерніи одна за другой стали присылать всеподданнѣйшіе адреса о желаніи приступить къ устройству крестьянскаго быта. Въ десяти губерніяхъ адреса эти представлены за подписью 219-ти предводителей и депутатовъ, по единогласному уполномочію дворянства, состоящаго изъ 25.204 помѣщиковъ; въ остальныхъ губерніяхъ они подписаны 18.548 дворянами. Вслѣдствіе сего состоялись высочайшіе рескрипты въ январѣ 1858 года по Московской губерніи. въ мартѣ по 8-ми губерніямъ, въ апрѣлѣ—по 12-ти, въ маѣ—по 11-ти.

въ іюнѣ—по 4-мъ, въ іюлѣ—по 3-мъ и высочайшее повелѣніе объ устройствѣ крестьянъ въ Сибири; наконецъ въ октябрѣ—по губерніямъ: Вятской, Пермской и Олонецкой.

По мѣрѣ полученія рескриптовъ были произведены выборы членовъ въ комитетъ и ихъ кандидатовъ, а за сѣмъ послѣдовало и самое открытіе занятій. Въ первую половину минувшаго года, начиная съ открытія с.-петербургскаго комитета 14-го января, было открыто 8 комитетовъ; во вторую половину—35, въ томъ числѣ виленская общая коммисія. Въ первые мѣсяцы текущаго года приступили къ своимъ работамъ остальные пять комитетовъ, въ томъ числѣ послѣдняя 19-го апрѣля кievская общая коммисія. Такимъ образомъ, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости обсуживался въ 48-ми губернскихъ комитетахъ и коммисіяхъ. Всѣхъ участвующихъ въ нихъ было до 1.377-ми, изъ числа коихъ можно положительно сказать, едва ли десятая доля занималась предположеннымъ предметомъ; остальные безсознательно покорялись вліянію нѣсколькихъ людей, умѣвшихъ овладѣть дѣломъ. Возложенное на комитеты порученіе не было окончено въ срокъ и породило, при своемъ исполненіи, значительное различіе мнѣній. Главная причина медленности заключалась въ новости дѣла и недостаткѣ рациональнаго знанія хозяйственнаго быта и мѣстныхъ условій, а оттого въ неясности понятій о предметѣ. Не имѣя самостоятельно выработаннаго взгляда и боясь повредить интересамъ помѣщиковъ, большая часть комитетовъ ждала себѣ образцовъ въ постановленіяхъ с.-петербургскаго и московскаго. Ко всему этому присоединялась неопытность предсѣдателей, соединенная съ опасеніями лишиться голосовъ на дворянскихъ собраніяхъ. Въ то же время изъ столицы доходили сбивчивые толки. Одни говорили, что положеніе уже написано въ Петербургѣ, и труды комитетовъ будутъ напрасны; другіе увѣряли, что все дѣло оставлено. Смущаясь этими слухами, большинство старалось оттянуть рѣшеніе вопроса и теряло время въ спорахъ о мелочныхъ, не относящихся къ сущности дѣла подробностяхъ.

Между тѣмъ разногласіе мнѣній касалось самыхъ коренныхъ началъ реформы: предоставленія крестьянамъ личныхъ правъ и прочной усадебной осѣдлости. Оба начала были сохранены твердою волею нашего императорскаго величества, выраженнаго, относительно личнаго выкупа—въ высочайшемъ повелѣніи по нижегородскому комитету, относительно усадебны—въ резолюціи на докладѣ бывшаго московскаго генералъ-губернатора и въ рѣчи московскому дворянству; указанія на эти высочайшія повелѣнія послужили предостереженіемъ другимъ комитетамъ, когда въ нихъ возникали подобные вопросы. Начало сохраненія за крестьянами усадебной осѣдлости, столь необходимой для обезпеченія ихъ быта, имѣло еще то благопріятное послѣдствіе, что навело

комитеты на мысль о предоставленіи крестьянамъ на выкупъ не одѣхъ усадьбъ, а всего надѣла.

При незнаніи членами порядка совѣщаній, разномысліе порождало во многихъ комитетахъ нарушеніе виѣшняго порядка засѣданій, которыя, впрочемъ, имѣли ту хорошую сторону, что убѣждали большинство въ необходимости установить въ преніяхъ болѣе порядка и давать каждому члену возможность свободно высказывать свои мысли.

Вообще, въ большинствѣ представленныхъ комитетами проектовъ не заключается безпристрастнаго соблюденія интересовъ обоихъ сословій, нѣтъ даже яснаго пониманія самыхъ выгодъ помѣщиковъ. Въ нихъ выразились стремленія къ безземельному освобожденію крестьянъ, и въ то же время затрудняются имъ переходы; составители проектовъ жалуются, что по неимѣнію капиталовъ земли ихъ останутся безъ рукъ; виѣстѣ съ тѣмъ уменьшаются надѣлы. Въ развитіи частныхъ замѣтно отсутствіе практическаго приложенія и незрѣлости сужденій: съ одной стороны, комитеты вдаются въ мелочныя подробности, напримѣръ опредѣляютъ вершками глубину пашни, съ другой—выходятъ изъ круга своихъ обязанностей и возбуждаютъ посторонніе вопросы о соединеніи вѣдомствъ, объ откупной системѣ и т. п. Нѣтъ также и примѣнимости къ мѣстнымъ условіямъ крестьянскаго быта. Положенія разнятся въ тѣхъ частяхъ, которыя должны быть общія для всей Россіи, въ личныхъ правахъ крестьянъ, въ устройствѣ обществъ, и наоборотъ, сходятся въ томъ, въ чемъ должны бы были отразиться мѣстныя различія, именно въ надѣлѣ и повинностяхъ. Такъ, напр. астраханскій комитетъ взялъ нормы надѣла прямо изъ с.-петербургскаго положенія. Для разнохарактерныхъ губерній установлены одинаковыя нормы; напротивъ, для смежныхъ и даже для одной и той же губерніи большинство и меньшинство приняли совершенно различныя надѣлы. Съ сожалѣніемъ должно сознаться, что комитетскія положенія не рѣшаютъ крестьянскаго вопроса, а знакомятъ только съ тѣмъ, какъ на него смотритъ большинство дворянства.

Въ нѣкоторое извиненіе комитетовъ слѣдуетъ сказать, что правительство возложило на нихъ рѣшеніе трудной и сложной задачи. Имъ поручено было не только устроить хозяйственныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, примѣняясь къ существующимъ нынѣ въ каждой мѣстности условіямъ, но и обсудить крестьянскій вопросъ съ юридической и административной точекъ зрѣнія.

Но если большинство почти вездѣ не оправдало ожиданій правительства, то въ мнѣніяхъ меньшинства и отдѣльныхъ членовъ многихъ комитетовъ нельзя не признать зрѣлости образованія, безпристрастія и правильности взглядовъ. Такъ, кромѣ выкупа земли, нѣкоторые проекты содержать въ себѣ сохраненіе за крестьянами настоящаго на-

дѣла, уменьшеніе повинностей, предоставленіе крестьянамъ безвозмездно ихъ строеній и движимаго имущества, оставленіе за ними права пользоваться лѣсомъ и т. п.

Не входя въ разборъ подробностей при общемъ обзорѣ комитетскихъ положеній, можно вывести изъ нихъ слѣдующія преобладающія мнѣнія:

Первое мнѣніе тѣхъ, которые мало показываютъ сочувствія освобожденію крестьянъ, побуждаемые къ тому личными матеріальными выгодами помѣщика. Иные подвергаютъ ихъ строгому и безусловному осужденію. Большинство изъ нихъ, рожденные и воспитанные въ понятіяхъ крѣпостного права, не могутъ ясно постигнуть настоящей нужды преобразования и ждуть отъ него неминуемыхъ потерь. Напуганное воображеніе рисуетъ имъ въ будущемъ разореніе и нищету какъ ихъ, такъ и ихъ потомковъ. Хотя всѣ губернскіе комитеты первою статьею своихъ положеній единогласно постановили отреченіе отъ крѣпостного состоянія, но тайное направленіе къ удержанію своихъ правъ подъ разными видами встрѣчается почти во всѣхъ комитетахъ, и въ весьма многихъ изъ нихъ составляетъ большинство. Всего сильнѣе оно выразилось въ комитетахъ: воронежскомъ, костромскомъ, курскомъ, полтавскомъ, въ большинствѣ тульского, вяземскаго, владимірскаго, московскаго, нижегородскаго, симбирскаго, вологодскаго, тамбовскаго и новгородскаго (13 изъ 48).

Начальныя дѣйствія противниковъ освобожденія состояли въ томъ, что они пытались остановить всякое движеніе по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвѣщаніями бунта. Къ числу такихъ попытокъ, въ особенности слѣдуетъ отнести представленную вашему величеству записку подъ лит. а, въ коей авторъ усиливается доказать, что въ освобожденіи крестьянъ «таится глубоко обдуманнѣйшій планъ демократической революціи въ Россіи». Убѣдившись въ неудачѣ остановить реформу, люди несочувствующіе стали заботиться о томъ, чтобы дать ей оборотъ, какъ можно болѣе выгодный для помѣщиковъ. Сначала они домогались выкупа за личность крестьянъ, возлагая его или на самихъ крестьянъ, или на правительство, или на всѣ сословія государства. Не достигнувъ этой цѣли, въ настоящее время они и ли желаютъ сохранить барщинный трудъ, и чрезъ сіе власть помѣщика надъ крестьянами, и ли же, соглашаясь на безусловное освобожденіе личности крестьянъ и выхваляя «свободу труда» желаютъ всячески уменьшить крестьянскій надѣлъ и ограничить пользованіе землями однимъ 12-ти лѣтнимъ срокомъ, а если можно, то и вовсе не дать крестьянамъ земельного надѣла. Воронежскій комитетъ напр. даже совсѣмъ не хочетъ употребить слово «надѣлъ», а называетъ его «наймомъ». Или же, наконецъ, какъ напр. ярославскій комитетъ, который изъ-

являетъ согласіе на выкупъ крестьянами полевыхъ угодій, но съ тѣмъ, чтобы получить отъ правительства по 270 рублей за каждую ревизскую душу. Словомъ сказать, люди этого мнѣнія въ настоящее время не имѣютъ никакого твердо установившагося плана. Они, убѣдившись окончательно въ невозможности противодѣйствовать освобожденію крестьянъ, заботятся лишь о томъ, какъ бы дѣло уничтоженія крѣпостного состоянія обратить въ выгодную для себя операцію.

Второе мнѣніе. Оно выдѣлилось изъ направленія личнаго матеріальнаго интереса, вскорѣ по обнародованіи рескриптовъ, и имѣетъ болѣе опредѣленный характеръ. Это направленіе сословнаго интереса. Оно нашло себѣ приверженцевъ всего болѣе между знатными и богатыми нашими помѣщиками.

Поставляя на первый планъ сословные интересы дворянства, желаютъ создать у насъ дворянскую, поземельную аристократію, подобную англійской и, вмѣсто нынѣшней привилегированной дворянской собственности на крѣпостныхъ началахъ, ввести другую, не менѣе привилегированную, на началахъ феодальныхъ. На предоставляемыя крестьянамъ въ собственность усадьбы, и въ пользованіе полевые угодья, оставляютъ за помѣщикомъ подъ именемъ «вотчинныхъ правъ» особья, чуждыя доселѣ нашему законодательству права, напоминающія средневѣковыя феодальныя привилегіи на западѣ. Но и такое ограниченное признаніе правъ крестьянъ на поземельное владѣніе есть со стороны этого отправления только уступка правительству и общественному мнѣнію; настоящая же цѣль, которой держатся люди этого мнѣнія весьма сознательно и настойчиво, есть освобожденіе крестьянъ безъ земли. Они увлекаются сословнымъ интересомъ и примѣромъ Англии, не принимая въ соображеніе различіе времени и обстоятельствъ. Мало зная Россію и почти вовсе не постигая всѣхъ условій крестьянскаго быта, не видятъ, къ какимъ губельнымъ послѣдствіямъ могло бы привести все государство такое направленіе, если бы оно осуществилось.

Поборники этого направленія нашли себѣ сочувствіе въ дворянствѣ можетъ быть и въ нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ вамъ, государь, и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Вопросъ о «вотчинныхъ правахъ» первоначально возбужденъ былъ въ с.-петербургскомъ комитетѣ, а изъ него перешелъ и въ другіе.

Третье мнѣніе принадлежитъ желающимъ полнаго уничтоженія крѣпостного права. Они составляютъ хотя далеко не большинство, но значительную часть русскаго дворянства. Къ нимъ принадлежитъ большинство тверскаго комитета, большинство харьковскаго и кіевскаго и меньшинство многихъ комитетовъ, въ особенности самарскаго, тульскаго, рязанскаго, владимірскаго и симбирскаго.

Сочувствуя вполне видамъ правительства относительно ограждения отъ произвола личности крестьянина и прочнаго обезпеченія его землею, они, впрочемъ, во многихъ частныхъ вопросахъ между собою расходятся. Но мнѣнія ихъ, будучи плодомъ самостоятельныхъ убѣжденій, приобретенныхъ труднымъ путемъ долговременнаго и всесторонняго изученія предмета, расходясь въ подробностяхъ, единогласно защищаютъ совершенную отъѣну помѣщичьей власти, и выкупъ, обязательный или необязательный, всего или части крестьянскаго надѣла въ полную собственность, на условіяхъ по возможности умѣренныхъ.

Между лицами, которыя придерживаются первыхъ двухъ мнѣній, стало обнаруживаться въ послѣднее время желаніе вызвать какое-либо явное проявленіе того, что они называютъ общественнымъ мнѣніемъ, дабы измѣнить направленіе правительства, которое ищетъ соглашенія взаимныхъ выгодъ двухъ сословій, а не односторонняго разрѣшенія вопроса въ интересахъ одного изъ нихъ. Нельзя также умолчать о напряженномъ ожиданіи со стороны крестьянскаго сословія. Давно уже мысль о свободѣ волнуетъ умы крѣпостныхъ людей. Давно уже между ними ходятъ толки, что государь жаждетъ освобожденія, но что дворяне мѣшаютъ этому дѣлу.

Съ самаго восшествія вашего на престолъ, народная молва время отъ времени назначаетъ то тотъ, то другой срокъ манифеста объ уничтоженіи крѣпостного состоянія. Въ настоящее время этимъ фактомъ, по общему во всѣхъ сословіяхъ распространившемуся слуху, назначается день рожденія и празднованіе совершеннолѣтія государя на слѣдника.

Объяснивъ со всею откровенностью вышѣшнее положеніе крестьянскаго дѣла, считаю обязанностью всеподданнѣйше обратить вниманіе вашего императорскаго величества на нѣкоторыя мои соображенія по этому предмету.

По мѣрѣ развитія крестьянскаго вопроса, мысль о выкупѣ все болѣе укореняется и становится общимъ убѣжденіемъ. При обнародованіи первыхъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта, правительство не упомянуло о выкупѣ. Комитеты: нижегородскій, ковенскій, виленскій, тверской, а за ними и другіе, сами вошли въ обсужденіе сего предмета, какъ лучшаго исхода для крестьянскаго вопроса. Дозволеніе комитетамъ составлять выкупныя положенія встрѣчено было со всеобщемъ радостью, и даже многіе комитеты понизили предполагаемую ими оцѣнку земли и въ особенности усадебъ; партія, не сочувствовавшая реформѣ, ослабѣла; нѣкоторые комитеты, уже окончившіе проекты срочно-обязаннаго положенія, спѣшили составить другіе на выкупномъ началѣ. Въ настоящее время на мысли о выкупѣ сошлись комитеты самыхъ противоположныхъ концовъ Россіи и самыхъ противоположныхъ

направлений: защищающіе исключительно помѣщичьи интересы и преданные крестьянскому дѣлу. Многіе изъ нихъ сознаютъ невозможность и несправедливость обязательнаго выкупа, но нѣтъ ни одного, который бы не признавалъ его безусловно полезнымъ при добровольномъ соглашеніи помѣщиковъ съ крестьянами.

Но при всемъ желаніи и общемъ распространеніи этой мысли, выкупъ угодій посредствомъ добровольныхъ соглашеній можетъ совершиться не скоро. Посему, немедленно надлежитъ даровать крестьянамъ гражданскія права; для обезпеченія этихъ правъ улучшить полицейскія учрежденія, открыть новыя учрежденія для разбора споровъ и недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами, сохранить за крестьянами настоящій надѣлъ угодьями, съ нѣкоторыми только измѣненіями и немедленно облегчать повинности, а вслѣдъ за симъ привести ихъ въ соразмѣрность съ надѣломъ. Но дабы вознаградить дворянъ за потерю помѣщичьей власти, имъ слѣдуетъ предоставить первенство въ мѣстной хозяйственной администраціи, а для того, чтобы даровать имъ возможность нравственнаго вліянія на мѣстныхъ жителей, полезно было бы прямое ихъ участіе въ выборахъ мировыхъ судей и другихъ общихъ для обоехъ сословій должностныхъ лицъ въ собраніяхъ общихъ, какъ дворянскаго, такъ и крестьянскаго сословія.

При такихъ только мѣрахъ можно будетъ спокойно ожидать послѣдствій добровольнаго выкупа, который при надлежащемъ посредничествѣ правительства, вѣроятно, не замедлитъ осуществиться. Въ заключеніе, обращаясь къ предстоящему прибытію избранныхъ 21-мъ комитетами членовъ, я признаю долгомъ выразить, что большинство изъ нихъ принадлежитъ къ послѣдователямъ двухъ первыхъ изъ объясненныхъ въ настоящей запискѣ мнѣній. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждый изъ членовъ явится съ намѣреніемъ поддержать и, если можно, то ввести въ будущее положеніе о крестьянахъ свой взглядъ на предметъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что поборники каждаго направленія, выразивъ стремленіе дѣйствовать по взаимному между собою соглашенію, стараются достигнуть измѣненія принятыхъ правительствомъ началъ, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями. Такое стремленіе не можетъ не затруднить дѣло. Для спокойствія государства, для успѣшнаго окончанія предпринятаго преобразованія, главная забота должна состоять въ томъ, чтобы мнѣнія, разсѣянно выраженные въ разныхъ комитетахъ, не слились бы въ единомысленные и не образовались партіи, гибельныя какъ для правительства, такъ и для народа. Посему стремленіе къ образованію партій съ самого начала должно быть положительно устранено. Согласно высочайшему вашему величеству повелѣнію избранные комитетами члены вызываются для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ

имѣть. Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности.

Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены призываются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ, или измѣненія въ государственномъ устройствѣ.

Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшечное въ благотворной мысли вашего величества и никакой перемены подлежать не можетъ. Царское слово не поколебимо. Дѣло подданныхъ осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какимъ оно произнесено вами для блага современниковъ и потомства.

На подлинной запискѣ государь собственноручно написалъ:

«Нахожу взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ съ моими собственными убѣжденіями. Прошу сообщить это генералъ-адъютанту Ростовцеву».

Подобная революція была истинною радостью для мужа и его друзей; желанная цѣль была достигнута, государь близко ознакомился со всѣми результатами уже добытыми, убѣдился въ необходимости для правительства идти неуклонно по тому же пути, увидѣлъ, что уже нѣтъ возврата, что обѣщанное улучшеніе быта крестьянъ не можетъ безъ нарушенія государственнаго спокойствія не перейти въ полное освобожденіе, съ надѣломъ земли посредствомъ выкупа. Въ то же время рѣзко устраняя возможность сохранить надъ крестьянами вотчинное право, въ ней, однако, въ первый разъ говорится о земскихъ учрежденіяхъ, которыя вознаградили бы дворянъ за потерю помѣщичьей власти. Опасенія насчетъ ожиданія народа къ совершеннолѣтію наследника, 8-го сентября 1859 года, къ счастью не оправдались, по крайней мѣрѣ они не выходили изъ предѣловъ сдержанныхъ надеждъ и упованій, и день этотъ сошелъ такъ-же благополучно, какъ и многіе послѣдующіе.

«Какое назидательное зрѣлище представляетъ народъ въ 24 милліона душъ!» писалъ Николаю Алексѣвичу, около того времени, Карамзинъ изъ деревни. «Годъ смѣняеть годъ, а куда все то же; носятя слухи, а все выходятъ пустые слухи; а народъ, жаждущій своего освобожденія, ожидающій его съ часу на часъ, постоянно подстрекаемый этими слухами, остается спокоенъ, переноситъ терпѣливо всякія неправды, которыя продолжаются безъ всякой перемены. Можно вообще сказать, что народъ въ мышленіи своемъ подвигается, онъ теперь со-

всѣмъ не такъ смотреть и не такъ мыслить, какъ назадъ тому 20 ть лѣтъ; между тѣмъ какъ масса помѣщиковъ почти ни на волосъ не пере-мѣнилась въ идеяхъ своихъ».

Опасность была не тамъ гдѣ ее ожидали, надо было видѣть какъ наша оппозиція поднимала голову даже на вечерахъ, въ салонахъ великой княгини Елены Павловны, и на балѣ 8-го сентября, данномъ въ дворянскомъ собраніи по случаю совершеннолѣтія наслѣдника! Сколько тутъ заготовлялось интригъ, сколько происходило наушничанья, какъ эти господа задирали носъ и плохо скрывали свою злобу на членовъ редакціонной комисіи!

Вслѣдъ за этимъ баломъ, который друзей и недруговъ засталъ еще на дачахъ по островамъ и окрестностямъ Петербурга, выпалъ снѣгъ, наступилъ морозъ, а 10-го сентября мы перѣехали въ городъ, куда перемѣстились и засѣданія комисіи.

Здоровье Юрія Федоровича Самарина съ наступленіемъ осени значительно ухудшилось; снова повторился припадокъ, послѣ котораго онъ по неволѣ долженъ былъ оставить на время работу и уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ за границу ¹⁾.

Грустно провожали его товарищи. Ничто лучше не характеризуетъ людей какъ собственные письма; потому приведу сюда нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Юрія Федоровича къ Николаю Алексѣевичу во время этой поѣздки за границу, которая все-таки не могла разлучить его мысль съ товарищами, ни съ заботами, имъ равно близкими и дорогими. Съ другой стороны, эти письма дадутъ возможность заглянуть въ частную жизнь и часы досуга того небольшого круга людей, отъ котораго отворачивалось, какъ отъ прокаженныхъ, высшее петербургское общество.

Вирцбургъ ²/₃, октября 1859 г.

«Сколько мнѣ помнится, передъ отъѣздомъ моимъ мы заключили любовную сдѣлку въ трехъ пунктахъ: 1) я къ вамъ буду писать; 2) вы мнѣ не будете отвѣчать, 3) обязываетесь читать мои письма. Теперь для меня самое время отдать вамъ отчетъ въ первой половинѣ моего путешествія, которое я заканчиваю завтра. Эта половина составляетъ отдѣльный періодъ, посвященный исключительно потребленію винограда въ неимоверномъ количествѣ и проведена мною безвыѣздно въ Вирцбургѣ. Именно Вирцбургъ, а не другой городъ избралъ я для леченія, потому во-первыхъ, что здѣсь я засталъ брата, у котораго поселился, во-вторыхъ виноградъ очень хорошъ и въ нынѣшнемъ году родился въ такомъ изобиліи, что продавцы отпускали его только что не съ прила-

¹⁾ Онъ уѣхалъ 15-го сентября и воротился въ первыхъ числахъ декабря.

тою отъ себя; въ-третьихъ, наконецъ, окрестности очень хороши, воздухъ отличный.

«Осмотрѣвъ всѣ церкви, замки, монастыри я въ продолженіе трехъ недѣль съ утра до вечера бродилъ по городу и окрестностямъ, деревнямъ, если только можно назвать деревнями группы домовъ, выстроенныхъ посреди виноградниковъ, изъ дикаго камня, крытыхъ черепицею и съ отлично вымощенными улицами. Мнѣ любопытно было вникнуть въ подробности домашней жизни, въ семейный и хозяйственный бытъ нашихъ сословій; съ этою цѣлью я подружился въ здѣшнихъ харчевняхъ съ разными ремесленниками и крестьянами изъ окрестныхъ деревень, у которыхъ не разъ бывалъ въ гостяхъ. Ихъ домашній бытъ поражаетъ съ перваго взгляда своею прочностью и какою-то строгою опредѣленностью во всѣхъ подробностяхъ. Хотя законодательство не признаетъ сословій, но они существуютъ на дѣлѣ въ видѣ рѣзко разграниченныхъ состояній; каждое изъ нихъ раздѣляется на классы, каждый классъ, въ свою очередь, распадается на мельчайшія группы, напримѣръ въ классѣ слугъ: горничныя, кухарки, рассыльные и т. д. Все это живетъ особнякомъ. Каждый кружокъ выработалъ себѣ цѣлый сводъ исторія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, о принятомъ для него образѣ жизни, о той степени благосостоянія, о тѣхъ развлеченияхъ и удовольствіяхъ, которыя ему доступны. Всѣ потребности въ точности соразмѣрены съ средними средствами и заключены въ извѣстныхъ предѣлахъ, которые никогда не переступаются. Малѣйшее нарушеніе этихъ всѣми подразумѣваемыхъ кодексовъ общезжитія немедленно казнится общественнымъ мѣщеніемъ. Отсюда какая-то странная и для насъ непонятная ограниченность въ понятіяхъ и требованіяхъ. Вы чувствуете, что общество, въ которомъ все такъ прочно обжилось, на своемъ мѣстѣ, рѣшительно неспособно обновиться сверху до низу.

«Какойнибудь забулдыга, слившійся съ кругомъ, загулявшійся или замотавшійся, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣдкихъ исключеній, о которыхъ цѣлый городъ говоритъ съ отвращеніемъ и ужасомъ. Прочное устройство общественнаго быта восполняетъ недостатокъ личной энергіи, и люди, по природѣ своей слабые, находятъ невольную поддержку въ безчисленномъ множествѣ всякихъ перилъ и перегородокъ, которыми они обставлены.

«Насмотрѣвшись на людей, я захотѣлъ скольконибудь ознакомиться съ учрежденіями и порядкомъ управленія. Это изученіе облегчено въ Германіи до послѣдней возможности. Въ любой книжной лавкѣ вы найдете по всѣмъ частямъ законодательства и по всѣмъ отраслямъ управленія множество превосходныхъ руководителей, учебниковъ и комментариевъ, составляющихъ совершенно особенный отдѣлъ

*

полу-официальной, полу-ученой литературы. У насъ онъ вовсе не существуетъ. Это нѣчто въ родѣ... ¹⁾, на которомъ сходятся для общія мыслей и для взаимной повѣрки своихъ взглядовъ, профессора и чиновники. Это мостъ,—перекинутый между отвлеченной наукой, преподаваемой въ университетахъ, и служебной практикой. Мы прямо, однимъ скачкомъ, переходимъ отъ энциклопедіи правовѣдѣнія Рѣдкна къ подведенію статей свода законовъ и съ перваго шагу теряемся въ массѣ частныхъ случаевъ. У нѣмцевъ есть цѣлая литература, предназначенная для приготовленія къ службѣ воспитанниковъ университетовъ, и служебная опытность, приобретаемая однимъ поколѣніемъ, не пропадаетъ для слѣдующаго, а передается ему въ видѣ стройнаго разработаннаго ученія. Объ этомъ я еще надѣюсь съ вами переговорить.

«Иностраннаго законодательства намъ вообще мало знакомо, особенно нѣмецкое, и изученіе ихъ могло бы принести намъ огромную пользу. Оно приучило бы насъ отрѣшаться мысленно отъ той точки зрѣнія, на которую насъ ставитъ наша современность, оглядывать возникающіе вопросы съ разныхъ сторонъ, и вселили бы въ насъ спасительное сомнѣніе въ безошибочности тѣхъ общихъ выводовъ, къ которымъ насъ приводятъ наши личные впечатлѣнія, взятые изъ очень ограниченнаго круга. Мы, напримѣръ, извѣдали на себѣ фактическія невыгоды и вопіющія несправедливости общиннаго устройства. Оно намъ колетъ глаза; но мы противопоставляемъ ему не другой фактъ, не другое устройство, а другой отвлеченный принципъ, который только потому и кажется намъ безукоризненнымъ, что мы у себя дома не видѣли его осуществленія. При этомъ, мы не хотимъ знать, что у нашихъ сосѣдей теорія, за которую мы распинаемся, давнымъ давно испробована на дѣлѣ и породила тысячи своеобразныхъ неудобствъ, опасностей и несправедливостей, противъ которыхъ идетъ теперь законодательная реакція. Всѣ нѣмецкія правительства съ начала нынѣшняго вѣка до 30-хъ годовъ усердно хлопотали о томъ, какъ бы скорѣе подорвать самородную сельскую общину, основанную на хозяйственныхъ поземельныхъ интересахъ, передѣлить всѣ угодья, предоставить полную свободу частнымъ лицамъ въ распоряженіи недвижимою собственностию и поставить ихъ въ прямыя сношенія и непосредственную зависимость отъ правительства, помимо всякой зависимости отъ общинъ и корпорацій. Имѣя на своей сторонѣ врожденный каждому человѣку личный эгоизмъ, не трудно было достигнуть этой цѣли; но какъ скоро осуществился такой порядокъ вещей, всѣ правительства разомъ почувствовали, что на плеча ихъ легла такая отвѣтственность, которую они не въ силахъ были снести. Всѣ эти явленія вы-

¹⁾ Одно слово неразобрано.

звали одновременную реакцію въ Пруссіи, въ Саксоніи, въ Вюртембергѣ, въ Баваріи и тутъ-то преобразователи повяли свою ошибку и начали рвать на себѣ волосы. Если мы не оплѣшивѣемъ къ концу нашего комитета, и мы подвергнемъ себя той же казни!

«Передо мной лежатъ теперь Баварскіе законы послѣдняго десятилѣтія. Нѣкоторые изъ нихъ очень любопытны; напримѣръ, новое положеніе о сельскихъ общинахъ, которымъ всячески затрудняется передѣлъ и отчужденіе въ личную собственность общественныхъ угодій, тогда какъ тому назадъ тридцать лѣтъ къ этому всячески поощряли и послушныхъ гладила по головкѣ. Теперь вмѣнено въ обязанность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство дозволяетъ отчужденіе общественныхъ угодій, оставлять изъ нихъ нѣкоторую часть про запасъ, для раздачи во временное пользованіе нуждающимся членамъ общины. Далѣе, на каждое общество возложена очень тяжелая обязанность содержать на свой счетъ бѣдныхъ. Наконецъ, закономъ 12-го марта 1850 года, городскимъ и сельскимъ обществамъ вмѣнено въ обязанность, въ случаѣ какихъ бы то ни было безпорядковъ, отвѣчать за всякій ущербъ, кѣмъ бы то ни было нанесенный, и выдавать вознагражденіе по оцѣнкѣ. Это вознагражденіе взыскивается не съ начальства, а по раскладкѣ со всѣхъ членовъ общины, не разбирая кто виноватъ, кто правъ, и затѣмъ уже общество вѣдается съ причинившими безпорядокъ. Всего замѣчательнѣе то, что каждый городъ и каждая деревня отвѣчаетъ только за дѣйствіе своихъ членовъ. Если бы, напримѣръ, въ Вирцбургѣ подгулявшіе Бромбергскіе граждане перебили окна у Вирцбургскихъ гражданъ или ограбили проѣзжаго, то за убытки отвѣчаютъ не Вирцбургскіе граждане, попустившіе безпорядокъ, а городъ Бромбергъ. Слѣдовательно, каждое общество отвѣчаетъ круговою порукою за нравственность своихъ членовъ. Что бы сказалъ на это Татариновъ? Въ послѣдніе дни моего пребыванія въ Вирцбургѣ мнѣ пришло въ голову, что не мѣшало бы мнѣ употребить досужее время на обревизованіе городского управленія. Я отправился къ бургомистру и объявилъ ему во-первыхъ, что я графъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ, во-вторыхъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской днемъ и ночью думаетъ только о томъ, въ порядкѣ ли пожарная часть въ Вирцбургѣ, исправно ли ведутся гипотечныя книги, возобновляется ли чрезъ каждыя 5 лѣтъ оцѣнка домовъ, и т. д. и что онъ поручилъ мнѣ все это разузнать на мѣстѣ и ему донести въ подробности. Вслѣдствіе такого моего заявленія, въ распоряженіе мое командированъ былъ магистратскій чиновникъ, съ которымъ я произвелъ подробную ревизію всего что меня интересовало. Вообще я остался доволенъ исполненіемъ, но самое городское учрежденіе безобразно. Здѣшній магистратъ соединяетъ въ себѣ два назначенія: общественнаго

представительства и низшей политической инстанціи, подчиненной окружному правленію, такъ что бургомистръ, какъ выборный отъ общества и блюститель общественныхъ интересовъ, безпрестанно протестуетъ и ведетъ тяжбу отъ имени города противъ распоряженій окружнаго правленія, которое онъ же приводитъ въ исполненіе. Бургомистръ есть въ одно и то же время городской голова и городничій. Пожарная часть устроена отлично и ничего не стоитъ городу. Всѣ служащіе, даже низшіе чины, набираются изъ охотниковъ, которые жалованья не получаютъ и содержатъ инструменты на свой счетъ.

«Я собралъ, на всякій случай, коллекціи уставовъ: прусскихъ, баварскихъ и австрійскихъ, о сельской полиціи и о паспортахъ. Послѣдніе, по порученію брата. Скажите ему, однако, отъ меня, что по части паспортной теперь уже ничему не научишься за границею.

«Я получилъ здѣсь письмо отъ княгини Черкасской; пожалуйста поблагодарите ее отъ меня за извѣстіе о томъ, что творится въ Петербургѣ и особенно поблагодарите отъ меня Марью Аггеевну за ея добрую память. Я не рѣшился писать къ ней потому, что чувствовалъ, что письмо мое выйдетъ прескучное и предлинное. Тысячи вопросовъ вертятся у меня на языкѣ, но я наложилъ на себя тяжелый обѣтъ воздержанія по всѣмъ комитетскимъ дѣламъ. Только одно слово: ради Бога берегите общину и не уступайте ее депутатамъ. По этому вопросу я не очень надѣюсь на Черкаскаго и Соловьева.

«Дружески обнимаю васъ и посылаю мой усердный поклонъ всему хозяйственному отдѣленію. Завтра я отправляюсь во Франкфуртъ, оттуда въ Швейцарію, Туринъ, Миланъ и т. д.»

Отъ 10-го ноября 1859 года. Венеція.

«Княгиня Черкасская увѣдомила меня, что вы собирались писать ко мнѣ, а потомъ раздумали, ну а что если не собираясь и не раздумывая, а просто уступая желанію на нѣсколько минутъ перенестись съ Адриатическаго моря въ вашъ домъ и подѣбсть къ столу, за которымъ вы теперь вяжете длинными спицами что-то очень мудреное, напишу вамъ безсвязное письмо, не испросивъ вашего на то позволенія. Хотѣлось бы мнѣ знать напередъ, что вы на это скажете?..

«Я не люблюсь на англичанъ. Гдѣ только они есть, а они встрѣчаются рѣшительно вездѣ, путешественникъ испытываетъ двойное наслажденіе. Горы, озера, соборы, картины, статуи, все прекрасно само-по-себѣ; а въ придачу ко всему дается еще фигура англичанина, который среди швейцарской и италіанской природы играетъ роль... подобно тому какъ на всѣхъ картинахъ, на которыхъ, изъ художниковъ венеціанской школы, даже на образахъ вы непременно увидите борзую собаку, кошку или цаплю, гдѣ-нибудь на первомъ планѣ. Но чтобы вполне

опѣнить англичанъ, надобно видѣть ихъ въ ту минуту, когда они слушаютъ итальянцевъ, разсуждающихъ о политикѣ, или точнѣе, размахивающихъ руками и выходящихъ изъ себя по поводу политической будущности Италіи. Это составляетъ для англичанъ особеннаго рода удовольствіе, новозобрѣтенный *sport*, за который они платятъ деньги. Два-три человѣка сговорятся, и подмѣтивъ въ кофейной какого-нибудь оратора, они приглашаютъ его на обѣдъ въ гостинацу. Итальянцы почти всегда голодны. За угощеніе платятъ, разумѣется, англичане, а итальянецъ за столомъ обязанъ разсказать какъ онъ понимаетъ федеративное устройство Италіи, какъ папа сдѣлается конституціоннымъ королемъ, какъ чрезъ медвѣдю Гарибальди можетъ занять Вѣну и т. д. Однимъ словомъ, вся разница между итальянцемъ и медвѣдемъ, котораго у насъ водятъ по деревнямъ, заключается въ томъ, что первый самъ себя показываетъ за деньги, тогда какъ съ медвѣдя зарабатываетъ оброкъ нижегородскій крестьянинъ. Для насъ, русскихъ, всего забавнѣе то, что какъ англичане такъ и итальянцы воображаютъ, что мы съ ними за одно, и берутъ насъ въ свидѣтели своего взаимнаго непониманія и обоюднаго безконечнаго презрѣнія.

«Я очень хорошо знаю, что лихорадочное одушевленіе и драматическая обстановка, которыми въ Италіи сопровождается всякое народное движеніе, имѣетъ въ себѣ много смѣшнаго. Скажу болѣе: худо если для народа его собственное стремленіе къ очень еще далекой цѣли дѣлается предметомъ художественнаго наслажденія, если, какъ теперь въ Италіи, самъ народъ себѣ рукоплещетъ и задаетъ торжества. Для насъ, жителей Сѣвера, воспитанныхъ въ спокойной сосредоточенности, этотъ соблазнъ самопоклоненія не существуетъ; но глядя на верхнюю Италію и откладывая въ сторону все, что составляетъ принадлежность южнаго темперамента, нельзя не позавидовать народу, которому далась же, наконецъ, историческая минута, вызывающая къ полному проявленію всего, что накопилось у него на душѣ. Каково же тѣмъ, кому приходится цѣлый вѣкъ утѣшаться мыслью, что хотя все, что у нихъ по виду дрябло, безцвѣтно и мертво, но за то на какой-то неизвѣданной глубинѣ, за тремя замками и пятью затворами, сидятъ до поры до времени какія-то невѣдомыя силы, приберегаемыя судьбою для неразгаданнаго призванія. Надобно видѣть восходъ и закатъ солнца на Адриатическомъ морѣ, чтобы понять, что у насъ оно какъ-будто нехотя выглядываетъ и потомъ прячется; стоитъ взглянуть на Италію въ настоящую минуту, чтобы почувствовать вдругъ разницу между полнотою народной жизни, и полусномъ... На пути изъ Милана въ Венецію, я видѣлъ въ одинъ день три арміи, утромъ — французскую, въ полдень — сардинскую, а вечеромъ — австрійскую. Всѣ онѣ имѣютъ свою особенную фязіономію. Французскіе солдаты вообще невзрачны, мелки,

одѣты очень дурно и отличаются какою-то неблагопристойною развязностью; но офицеры вообще держатъ себя очень строго и прилично; всѣ тѣ, съ которыми я имѣлъ случай говорить, очень хорошо образованы. Сардинцы ловки и граціозны какъ всѣ итальянцы, на лицахъ играетъ воодушевленіе первой молодости. Австрійцы смотрятъ какими-то допотопными великанами; казалось бы каждый изъ нихъ въ состояніи взять въ охапку десятокъ французовъ.

«Венеція превзошла всѣ мои ожиданія. Своеобразная красота этого города, отсутствіе трескотни и грома на улицахъ, беззвучность движенія по каналамъ и эти слѣды прошлаго величія и безпримѣрной роскоши, выглядывающіе на каждомъ шагѣ изъ-подъ живописныхъ лохмотьевъ настоящаго,—все это разомъ вырываетъ прѣважнаго изъ среды обычныхъ представленій и переноситъ въ какой-то фантастическій міръ...

«Я почти не схожу съ площади Св. Марка. Она великолѣпна днемъ и едва ли не лучше ночью при лунномъ свѣтѣ. Какъ только сядетъ солнце, сюда выходитъ вся Венеція подышать свѣжимъ воздухомъ. Посреди площади, ярко освѣщенной газомъ, собирается австрійская военная музыка. Она наигрываетъ свое «Боже царя храни», а въ сторонѣ толпа чернобровыхъ итальянцевъ, заломивъ шляпы на бекрень и взявшись подъ-руки, распѣваетъ хоромъ какія-то народныя пѣсни, очень противныя бѣлымъ мундирамъ. Эти полные звуки, подъ мѣрный топотъ шаговъ по мраморной мостовой, долго еще носятъ надъ городомъ, послѣ того какъ все въ немъ затихнетъ. Смѣшно было бы, еслибъ я вздумалъ описывать вамъ все это мраморное великолѣпіе, которое собрано здѣсь на тѣсномъ пространствѣ одной площади, но я не могъ отказать себѣ въ желаніи какъ-нибудь подѣлиться съ вами наслажденіемъ, которое я здѣсь испытываю одинъ; въ Венеціи продаютъ за безцѣнокъ превосходныя фотографическія снимки лучшихъ здѣшнихъ видовъ, я собралъ ихъ и везу съ собою, чтобы поднести ихъ вамъ и княгинѣ Черкасской.

«Завтра я уѣзжаю отсюда въ Триестъ, Вѣну, Прагу, Дрезденъ и обратно въ Москву, а оттуда въ Петербургъ. Давно не имѣлъ я извѣстій изъ Россіи, но я знаю, что въ Прагѣ меня ожидаютъ письма.

«Извините, что я на первый разъ не въ мѣру расписался и употребилъ во зло право взятое мною безъ спроса, но я до сихъ поръ не встрѣтилъ знакомой души, а когда проводишь цѣлый день въ вынужденномъ молчаніи, то невольно становишься болтливъ на письмѣ...

«...Нынче день воскресный, тотъ день, въ который я привыкъ являться гостемъ на вашу домашнюю трапезу, и потому, проработавъ всю недѣлю, я хочу доставить себѣ удовольствіе хоть заочно съ вами побесѣдовать и напомнить вамъ объ отсутствующемъ. Два года, проведенные мною въ Петербургѣ, меня избаловали, и мнѣ теперь не легко

привыкать опять къ совершенному одиночеству. Конечно, есть у меня и здѣсь хорошіе знакомые и добрые пріятели, но это не то; все это не замѣняетъ дружескаго дома. Знаете ли вы, что такое домъ въ настоящемъ, лучшемъ значеніи этого слова? То есть не четырехугольникъ, обнесенный каменными стѣнами, а такая среда, въ которой дышется честнымъ, здоровымъ, семейнымъ воздухомъ, въ которой раздаются дѣтскій смѣхъ и дѣтскія слезы, въ которой хозяевамъ нечего скрывать отъ людей въ ихъ прошедшей жизни и настоящемъ. Такихъ домовъ въ Петербургѣ очень не много. Большинство напоминаетъ клубъ, больницу или арестантскія роты. Васъ Богъ благословилъ высшимъ благословеніемъ, давши вамъ настоящій домъ, но вы, разумѣется, живя въ этой средѣ и не зная другой, не можете этого цѣнить какъ мы, старые холостяки».

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Письмо генераль-адъютанта графа Толя—генералу отъ инфанте-
ріи графу Курутъ.**

3-го февраля 1831 г.

Сейчасъ получилъ извѣстіе отъ генераль-адъютанта барона Гейсмара, что онъ 2-го числа сего мѣсяца, будучи атакованъ превосходнымъ не-
приятелемъ, былъ разбитъ при Сѣрачинѣ, съ потерей 8 пушекъ и 300
человѣкъ. Неприятель подошелъ къ нему съ тылу отъ стороны Сточекъ
и, вѣроятно, напалъ на него врасплохъ, ибо одна бригада нашей конно-
егерской дивизіи была только въ дѣйствиі съ 12-ю орудіями конной артил-
леріи. У неприятеля было четыре полка кавалеріи, 5 полковъ пѣхоты и
10 орудій артиллеріи. Вслѣдствіе сего г. главнокомандующему угодно,
чтобы ваше сіятельство тотчасъ распорядились послать сильный аван-
гардъ по дирекціи на Сѣрачинъ на рѣчку Муховець или далѣе по усмо-
трѣнію вашему, равно и отрядъ по дорогѣ къ Лукову къ Машегродкѣ,
который долженъ послать сильный развѣдъ къ Сѣрачину, Сточеку и Лу-
кову; обо всемъ, что открыто будетъ, донести господину главнокоман-
дующему.

Р. С. Господинъ главнокомандующій полагаетъ, что въ сихъ обстоя-
тельствахъ нужно непременно собрать къ Сѣдлецу всю гренадерскую ди-
визію. Генераль-адъютантъ Гейсмаръ находится въ Цивѣ.

Памяти Феликса Фора ¹⁾.

Въ Парижѣ ⁵/₁₇ февраля въ 10 часовъ утра скончался отъ апоплексическаго удара, Феликсъ Форъ, съ января 1895 года бывшій президентомъ французской республики. Онъ родился 30 января (нов. стиля) 1841 года въ Парижѣ, гдѣ его отецъ, прежде работникъ у фабриканта стульевъ Кюссара (Cuissard), вступивъ со-временемъ въ бракъ съ дочерью послѣдняго, имѣлъ свою фабрику стульевъ въ улицѣ предмѣстья Сень Дени, № 14. Онъ предназначалъ дать своему сыну коммерческое образованіе и помѣстилъ его, по желанію своей супруги, сперва въ школу въ Парижѣ, а затѣмъ въ Бова, носившую громкое названіе французская школа торговлн. (L'école française de commerce), въ которой молодой Франсуа-Феликсъ Форъ пробылъ только два года.

Сильный пожаръ въ 1855 году истребилъ зданіе этой школы, и молодой Форъ для дальнѣйшаго обученія былъ приведенъ въ Парижъ въ школу Иври, гдѣ занялся рисованіемъ. Не получивъ высшаго образованія, Феликсъ Форъ отправлялъ воинскую повинность въ 1862 году въ Амбуазѣ, а послѣ тутъ же поступилъ приказчикомъ къ крупному торговцу кожами г. Дюмъ. Въ Амбуазѣ же Форъ познакомился съ племянницею мэра этого города г. Гино (Guinot, —со временемъ сенатора), влюбился въ нее и вступилъ съ нею въ бракъ въ 1865 году. Между тѣмъ еще въ 1863 году Форъ переехалъ въ Гавръ, гдѣ поступилъ въ торговой домъ Гесслеръ, для занятій по торговой части и вскорѣ вмѣстѣ

¹⁾ Заимствуемъ біографическія свѣдѣнія о Форѣ изъ книги „Le president Felix Faure, sa vie commerciale, administrative et politique“—сочиненная Ег. Mailla rd, вѣрно по опечаткѣ обратившагося въ Меньяръ въ газетѣ „Новое Время“ 6 февраля № 8242, въ которой говорится, что Феликсъ Форъ родился въ Гавръ, тогда какъ онъ родился въ Парижѣ, какъ указано на 5 стр. книги Малляра.

съ другими двумя товарищами Бержеро и Кремеръ сталъ во главѣ этого дома, производившаго оптовую торговлю кожами въ особенности изъ Южной Америки и Лаплаты—извѣстнаго подъ именемъ домъ Бержеро и Кремеръ (Bergerault et Cremer).

Находясь во главѣ этого торговаго дома Форъ обращалъ очень большое вниманіе на рабочихъ, старался всячески имъ помогать и покровительствовать и заботился объ учрежденіи для нихъ различныхъ вспомогательныхъ кассъ. Въ то же время онъ дѣятельно хлопоталъ объ устройствѣ порта въ Гаврѣ и улучшеніи города. Онъ былъ назначенъ греческимъ консуломъ въ Гаврѣ и скоро совершилъ повѣзду въ Грецію для различныхъ торговыхъ дѣлъ. По возвращеніи своемъ Форъ былъ избранъ членомъ городского совѣта въ Гаврѣ, за тѣмъ помощникомъ мэра этого города въ 1870 году и принималъ дѣятельное участіе въ приведеніи Гавра въ оборонительное положеніе въ виду войны съ Германіею. Онъ же основалъ тогда оружейную фабрику и патронный заводъ для снабженію оружіемъ и патронами національной гвардіи и вольныхъ стрѣлковъ. Скоро самъ Форъ былъ назначенъ командиромъ баталіона этой гвардіи и отличился въ особеннсти въ сраженіи при Сенъ-Ромэнъ, за что и получилъ орденъ почетнаго легіона 31 мая 1871 года. Когда же получено было извѣстіе, что мятежники (коммунары) поджигаютъ Парижъ, Форъ набралъ сто человекъ вольныхъ пожарныхъ и отправился на собственный счетъ въ Парижъ для возможнаго прекращенія пожаровъ.

По водвореніи порядка, Форъ въ 1874 г., при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Брелъи, оставилъ должность помощника мэра и занялся исключительно торговлею, а также дѣлами благотворительности.

Потерпѣвъ неудачу на выборахъ въ депутаты палаты въ 1876 г., Форъ былъ избранъ значительнымъ большинствомъ въ 1881 году и сталъ въ рядахъ умѣренныхъ республиканцевъ. Онъ домогался осуществить во Франціи республику, которая, отличаясь либерализмомъ и терпимостью, охраняла бы права всѣхъ и каждого и покровительствовала бы всѣмъ интересамъ безразлично. Въ непродолжительное министерство Гамбетты 1881 г. Форъ былъ товарищемъ министра торговли и колоній и отправлялъ ту же обязанность при Ферри въ 1883 году и Тирафъ въ 1888 году, когда снова удалился отъ дѣлъ государственнаго управленія. Только въ 1893 году Форъ былъ избранъ вице-президентомъ палаты депутатовъ, а затѣмъ въ 1894 году—былъ сдѣланъ морскимъ министромъ и, отправляя эту должность до 1895 года, обнаружилъ большую дѣятельность и распорядительность.

Онъ много заботился о торговомъ флотѣ, о личномъ составѣ военнаго флота, о положеніи различныхъ портовыхъ сооруженій и старался доставить порту въ Гаврѣ возможность бороться съ успѣхомъ съ страш-

ною конкуренцію, которую ему дѣлали нѣмецкіе и англійскіе порты. Кромѣ того Форъ принималъ большое участіе въ устройствѣ различныхъ выставокъ. Вообще онъ проявлялъ замѣчательную дѣятельность: круглый годъ вставалъ въ шесть часовъ утра и ложился только въ полночь; постоянно заботился объ интересахъ своихъ избирателей и всячески старался удовлетворять ихъ просьбамъ и желаніямъ.

Какъ извѣстно, Парижъ и вся Франція съ изумленіемъ узнали вечеромъ 15 января (нов. стил.) 1895 г. что президентъ республики Казимиръ Перье отказался отъ своей должности, не будучи въ состояніи долге сносить различныхъ оскорбленій и диффамаций, направленныхъ на главу государства со стороны нѣкоторыхъ публицистовъ. На основаніи органическаго закона 16 іюля 1875 года конгрессъ, т. е. сенатъ и палата депутатовъ, немедленно созданные въ одно народное собраніе въ Версалѣ, подъ предсѣдательствомъ Шальмель-Лакура (президента сената), приступилъ къ выбору президента республики и таковымъ былъ избранъ морской министръ Феликсъ Форъ, тогда же заявившій, что отнынѣ онъ не принадлежитъ болѣе ни «къ одной партіи, а является посредникомъ всѣхъ ихъ и обращается къ содѣйствію всѣхъ представителей народа безразлично, какихъ бы убѣжденій и воззрѣній они ни были. Всѣ должны всѣми силами трудиться на пользу общаго дѣла, которое внушаетъ каждому любовь къ отечеству, преданность республикѣ, забота о справедливости и о судьбѣ всѣхъ согражданъ, въ особенности же всей меньшей братіи». Въ различныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ Форомъ во время его поѣздки по Франціи послѣ его избранія въ президенты, онъ вездѣ обращалъ вниманіе на слѣдующія двѣ главныя на немъ лежація обязанности: заставить полюбить республику и обезпечить нормальное управленіе конституціи. Для достиженія этого онъ, подобно своему предшественнику Карно, готовъ былъ принять безъ сопротивленія в сѣбѣ парламентское большинство и подчинить ему свои убѣжденія и желанія, а также выборъ министровъ, не обращая вниманіе на то какъ и почему образовалось такое большинство. Онъ твердо рѣшился отбыть семь лѣтъ своего президентства несмотря ни на какія препятствія Форъ все время старался дать управленію практическое и дѣйствительно полезное направленіе и доказать на дѣлѣ, что французская демократія можетъ явить въ политикѣ сильное и прочное государство. Форъ, какъ извѣстно, чрезвычайно заботился о тѣсномъ сближеніи Франціи съ Россією. Въ свое президентство онъ имѣлъ счастье встрѣтить въ 1896 году въ предѣлахъ Франціи Государя Императора и Государыню Императрицу. Всѣмъ извѣстно, какой восторгъ былъ вызванъ этимъ путешествіемъ Ихъ Величествъ во всей Франціи. Но кромѣ этого можно указать еще и на слѣдующія важныя

событія, свершившіяся въ президенство Фора, именно: 1) возстановленіе мира на дальнемъ востокѣ въ 1895 году послѣ войны Японіи съ Китаемъ, при содѣйствіи Россіи и Франціи (и участіи Германіи), при чемъ выразилось, что французское правительство преслѣдуетъ одну цѣль—именно быть въ союзѣ съ Россією; 2) это же самое выказалось еще болѣе въ участіи и одновременномъ прибытіи русской и французской эскадръ на морскіе маневры (17—20 іюня 1895 г.) и торжественное открытіе Кильскаго канала, соединяющаго Нѣмецкое море съ Балтійскимъ; 3) окончаніе войны на островѣ Мадагаскарѣ, завершившееся вступленіемъ французскихъ войскъ въ Тананараву 30 сентября 1895 г., послѣ чего королева говасовъ признала сперва протекторатъ Франціи надъ собою, а затѣмъ въ слѣдующемъ 1896 году и присоединеніе всего острова къ Франціи какъ ея колонія; 4) учрежденіе умѣренного министерства 29 апрѣля 1896 г., твердо рѣшившагося возстановить порядокъ и тишину въ странѣ, а также еднаненіе въ парламентѣ—что значительно стѣснило и ограничило проявленія радикализма и социализма; 5) состоявшееся въ 1896 году преобразование высшаго управленія въ Алжирѣ, давно являвшееся настоятельною потребностью. Кромѣ того въ послѣдніе годы французское правительство постоянно стремилось къ сохраненію мира въ Европѣ, не упуская впрочемъ развитія внутренняго могущества Франціи.

Все это дало странѣ полную возможность оцѣнить дарованія покойнаго президента, а также благоразумную его политику, и заставляетъ Францію сожалѣть о внезапной его утратѣ. Надо надѣяться, что той же политикѣ будетъ держаться и преемникъ его Лубэ (до этого президентъ сената), который до сихъ поръ былъ извѣстенъ какъ пламенный другъ Россіи и горячій сторонникъ союза между Россією и Францією.

Сообщилъ П. Майковъ.

Два доноса въ 1831 году.

V ¹⁾.

**Всеподданнѣйшія письма М. Магницкаго императору Николаю
объ иллюминатахъ.**

4.

Объ иллюминатствѣ академическомъ.

21-го февраля 1831 г. Ревель.

Предметъ сей записки, для удобнѣйшаго ея обозрѣнія, нужно раздѣлить на двѣ статьи, изъ которыхъ первая займется иллюминатствомъ классическимъ, а вторая литературнымъ.

I.

Объ иллюминатствѣ классическомъ.

Государь Петръ Великій, обнимая обширнымъ умомъ своимъ всѣ части государственнаго управления, не упустилъ изъ виду и просвѣщенія народнаго. Онъ переписывался о немъ съ Лейбницомъ и, наконецъ, составилъ такой проектъ Академіи, изъ котораго видна цѣль ея, поставить подъ направленіе правительства такое средоточіе народнаго просвѣщенія, которое бы расpredѣляло его не иначе, какъ въ смыслѣ коренныхъ законовъ ея имперіи и единообразно, повсюду; ибо предположенная имъ Академія, соединяя всѣ предметы наукъ, должна была имѣть при себѣ и университетъ. Кончина препятствовала ему привести сіе предположеніе въ дѣйствіе. Екатерина I, хотя исполнила волю его учрежденіемъ Академіи, но не совершенно по мысли

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль, 1899 г.

Петра; ибо университетъ при ней не образованъ и установленіе сіе, доставаясь въ управленіе людямъ болѣе случайнымъ, нежели свѣдущимъ, принимало разные виды подѣ именемъ преобразованій, доколѣ не только совершенно отошло отъ первой цѣли великаго своего учредителя, но раздробилось на четыре академіи: наукъ, медицины, художествъ и словесности. Такимъ образомъ разлучились исторія отъ живописи, математика отъ механики и архитектуры, физика и химія отъ медицины, словесность отъ наукъ. Исчезло единство—цѣли, управленія и средствъ. Одно и то же установленіе потребовало всего вчетверо. Но по счастью недѣятельность нашихъ Академій препятствовала имъ принести много вреда, хотя, какъ естественно, и принимали онѣ всѣ отпечатки духа времени. Медицинохирургическая, напротивъ, была въ видахъ иллюминатской пропаганды орудіемъ весьма дѣятельнымъ, имѣвъ тамъ нѣкогда кандидата Казанскаго университета Сыромятника, который, живя въ моей канцеляріи, учился въ ней хирургіи; я видѣлъ, могу сказать, своими глазами, какъ сей самый добрый и благочестивый молодой человекъ, слыша въ теченіе двухъ только лѣтъ одинъ чистый матеріализмъ и, наконецъ, поступивъ на лекціи иллюмината, самаго извѣстнаго печатными его сочиненіями, Веланскаго, сдѣлался совершенно невѣрующимъ. Дѣйствительно, большая часть молодыхъ лекарей, изъ сего заведенія въ полки поступающихъ, такъ образована и можетъ нечувствительно разносить по арміи начала весьма опасныя, тѣмъ удобнѣе, что лекарь, имѣя самый короткій доступъ къ больному и страждущему, весьма скоро съ нимъ обличается, не обращая на себя особеннаго надзора. Духъ сей Академіи знаменовался многими буйствами и особенно самоубійствами, кои весьма тщательно, подѣ предлогомъ бѣлыхъ горячекъ и сумасшествія, были отъ правительства скрываемы.

Отъ Иосифа II былъ присланъ агентъ для образованія у насъ школъ нормальныхъ, коихъ самое названіе, какъ многіе замѣтили, несетъ печать иллюминатства.

Но систематическое дѣйствіе иллюминатовъ на народное наше просвѣщеніе началось собственно съ самымъ началомъ текущаго столѣтія, когда, при первомъ образованіи министерствъ, учредилось министерство просвѣщенія. Оно ввѣрено графу Завадовскому, человекъ, по совершенной его лѣтнѣ и безпечности, самому способному быть орудіемъ интриги. Извѣстные въ первой запискѣ моей Мартыновъ и Каразинъ имъ овладѣли; первый, сдѣлавшись директоромъ его департамента, а послѣдній—душою министерства, потому что сохранялъ еще славу нѣкоторой случайности и неумоимо писалъ записки и проекты, которые безпечный и лѣтливый министръ представлялъ охотно. Два соединенные сіи иллюмината пересели уставы нѣмецкихъ университетовъ

почти слово въ слово и, придѣлавъ къ нимъ грамоты, ограждающія права ихъ такъ неизбежно, какъ ничто еще у насъ ограждаемо не было (дабы связать державную власть на случай перемѣны ея мыслей), сдѣлали то несвойственное съ нашимъ природнымъ правленіемъ и внутреннимъ устройствомъ образованіе университетовъ, которое нынѣ существуетъ, ибо:

1-е. Среди имперіи самодержавной составъ ихъ совершенно республиканскій, на томъ правилѣ германскихъ университетовъ, что всѣ ихъ члены равны, а ректоръ только первый между равными.

2-е. Молодымъ людямъ, въ нихъ обучающимся, даны чины, шпаги и права; къ чему сіи знаки заслугъ безъ службы? Имъ предоставлена большая свобода и ненаказанность за проступки, ибо университетъ по своему уставу ничего не можетъ сдѣлать болѣе, какъ удалить проступившагося.

Примѣчаніе. Сими часто пользуются университеты для недопущенія до правительства всего, что у нихъ происходитъ.

3-е. Университетамъ присвоенъ домашній судъ?—На что?

4-е. Они до того выгорожены изъ надзора полиціи, что почитаютъ себя какимъ-то особымъ царствомъ, общему порядку не подчиненнымъ.

5-е. Университетамъ предоставлена такая власть, какой никто въ имперію, кромѣ государя, не имѣетъ: они выбираютъ ординарныхъ профессоровъ, т. е. могутъ жаловать изъ ничего въ надворные совѣтники.

6-е. Попечитель никакой опредѣленной власти не имѣетъ, а только, по уставу, есть родъ ходатая о ихъ пользахъ.

Уставы университетовъ открыли широкую дверь иноземному иллюминатству. Къ намъ пріѣхали такіе люди, которыхъ потомъ насилу выгнали, но уже съ чинами и съ деньгами русскими (Шаде, Броннеръ, Раупахъ и пр.). Я между прочими нашелъ въ Казанскомъ университетѣ въ 1819 уже году профессора Броннера, который, бывъ иезуитомъ, обокралъ монастырь, бѣжалъ изъ него, перемѣнилъ религію и, будучи выписанъ къ намъ, сдѣланъ прямо ординарнымъ профессоромъ, т. е. надворнымъ совѣтникомъ, дворяниномъ, имѣющимъ право купить недвижимое имѣніе. Я нашелъ всю его исторію въ книгѣ, находившейся въ библіотекѣ университета. По официальному моему о семъ представленію оныя выключены.

Я нашелъ извѣстнаго царубійцу Грегуара, уже выключеннаго за то изъ камеры французскихъ депутатовъ, почетнымъ членомъ Казанскаго университета и въ сношеніяхъ съ нимъ присылкою своихъ сочиненій. Его тоже по моему представленію выключили, но отобрать патента не рѣшились.

Для центрального управленія семи установленіями набрано подобное имъ Главное правленіе училищъ.

Когда, по смерти графа Завадовскаго, вступилъ на его мѣсто старинный мартинистъ, графъ Разумовскій, выписанный изъ Москвы, то Мартыновъ продолжалъ управлять министерствомъ просвѣщенія въ прежнемъ смыслѣ, тѣмъ удобнѣе, что графъ до чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника не управлялъ ничѣмъ.

Но въ послѣдствіи министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія немедленно, по вступленіи въ званіе сіе, былъ принужденъ удалитъ его.

При Разумовскомъ вышелъ на сцену Уваровъ, зять его. Воспитанникъ французскаго аббата (Mauguin), выучившійся писать по нѣмецки и возмечтавшій быть славнымъ литераторомъ на семь языкъ, онъ вступилъ въ сношеніе съ древнѣйшимъ изъ иллюминатовъ, Гете, который, обольщая его тщеславіе, весьма успѣшно выдѣлалъ изъ него одного изъ самыхъ горячихъ ходатаевъ за иллюминатовъ германскихъ, коихъ при тестѣ своемъ, графѣ Разумовскомъ, въ званіи попечителя петербургскаго и потомъ президента Академіи, имѣлъ онъ всѣ средства покровительствовать подъ обыкновеннымъ именемъ ученыхъ и просвѣщенія. Наши иллюминаты славили его во всѣ свои трубы, какъ мужа самаго извѣстнаго своею ученостію.

Когда министерство просвѣщенія соединилось съ духовнымъ, то благонамѣренность управляющаго онымъ останавливалась — невѣдѣніемъ: какъ приняться за истребленіе зла?—и останавливала всѣ полезныя дѣйствія. Не хотѣли уже классическаго вольнодумства, но, не зная, что собственно составляетъ разныя науки и что чуждо имъ и привито невѣріемъ, не смѣли дѣйствовать рѣшительно. Мартыновъ отстраненъ отъ кормила народнаго просвѣщенія, но первая ошибка: онъ сдѣланъ членомъ Главнаго правленія училищъ, вторая: на мѣсто его опредѣленъ Поповъ, до того ничего не знающій въ наукахъ, что когда одинъ изъ членовъ Главнаго правленія училищъ подаль записку о необходимости обуздать иллюминатство, подъ видомъ науки права естественнаго преподаваемое, то директоръ департамента просвѣщенія на довѣренномъ совѣщаніи министра далъ мнѣніе: послать нарочнаго къ Стурдзѣ, жившему тогда въ своей деревнѣ, спросить: правда ли, что философскія науки можно удерживать отъ вреднаго ихъ направленія? По счастью сей оракулъ просвѣщенія одобрилъ и даже расхвалилъ мнѣніе своего сочлена, дотолѣ совсѣмъ ему незнакомаго;—и что же вышло?—Не стали ни противорѣчить ему, ни дѣйствовать въ его смыслѣ.

Весьма благоразумно вытѣснили нѣсколькихъ попечителей: Клингера, Кутузова и Северяна-Потоцкаго; но кѣмъ замѣстили? методистами

и мартинистами, кромѣ университета Московскаго, куда опредѣленъ племянникъ Кошелева, князь Оболенскій, человекъ совершенно безграмотный и которымъ такъ завладѣли иллюминаты, что никогда не отпускали его въ Петербургъ, безъ своего пристава, коимъ наичаще былъ извѣстный, въ семь смыслѣ, своими печатными книгами профессоръ Давыдовъ, и виленскаго князя Чарторижскаго, который оставался для охраненія сего университета въ томъ положеніи, которое заслужило ему вмѣстѣ съ Московскимъ и Дерптскимъ, въ предположеніяхъ нашихъ мятежниковъ 1825 года, право на совершенно независимость, какъ то изъяснено въ ихъ напечатанныхъ показаніяхъ и вѣрно не даромъ, ибо они могли наилучше знать духъ сихъ заведеній.

Виленскій и Дерптскій университеты особенно важны потому, что, замѣняя духовныя академіи своихъ исповѣданій, образуютъ и духовенство. Первый сдѣлалъ уже важныя въ семь отношеніи успѣхи изгнаніемъ изъ польскихъ губерній іезуитовъ и приобрѣтеніемъ вліянія на низшія духовныя училища. Духовенство польскихъ губерній тѣсно стеснаетъ подъ симъ игомъ, а оно по духу своему надежнѣе правительства, чѣмъ сотоварищи Лелевеля.

Иллюминаты, весьма благоразумно ища ускорять свои успѣхи дѣйствіями сосредоточенными, держались и у насъ сего вѣрнаго правила и потому всегда старались заводить педагогическіе институты, дабы помощю совокупнаго образованія въ одномъ духѣ извѣстнаго числа образователей, распространять свое ученіе на всѣ учебныя заведенія имперіи однимъ разомъ. Намѣреніе сіе очевидно, между прочимъ, изъ того, что иначе какая была бы нужда дѣлать большія издержки на особый педагогическій институтъ, когда при каждомъ университетѣ уставами онъ положенъ и потому вмѣсто одного ихъ должно быть у насъ шесть?

Первый педагогическій институтъ до преобразования его въ Петербургскій университетъ (т. е. до переимѣны только его имени), цѣль свою выполнилъ не только приготова множество одинъ другого хуже и развратнѣе, по духу ихъ, преподавателей, но и пославъ отличнѣйшихъ, по его усмотрѣнію, въ университеты германскіе для окончательнаго усовершенія.

Когда его назвали университетомъ, тогда Уваровъ, посылая молодыхъ, имъ выбранныхъ людей для обученія (въ угожденіе воцарившемуся тогда въ министерствѣ духу) ланкастерской методѣ, велѣлъ, по своимъ видамъ, захватъ къ извѣстнѣйшему изъ современныхъ иллюминатовъ, Песталоцію (о коемъ, ежели нужно, можетъ быть доказано изъ собственныхъ книгъ и писемъ его, особенно). Молодые люди сіи, вмѣсто изученія предмета ихъ путешествія, пробывъ самовольно

очень долго у Песталоціи и вдругъ, по возвращеніи ихъ, вмѣсто педагогическаго института для взаимнаго обученія, проявился въ Петербургѣ—институтъ Песталоціи. Министерство не прежде, какъ спустя довольно времени, подмѣнивъ сей примѣтило и нарядило комиссію для осмотра сего заведенія. Члены Главнаго правленія училищъ, Фустъ и Магницкій, для сего отряженные, нашли училище самое вредное и представили формальное въ томъ обличіе (акты Главн. правленія учил.); но дѣло сіе, по разнымъ уваженіямъ, затихло; институтъ, кажется, тогда уничтоженъ, лица, его составлявшія: учителя Тимаевъ, Буссе и Ободовскій равно, какъ и директоръ его Миддендорфъ, размѣщены по учебной части въ Петербургѣ; но нынѣ, черезъ 10 лѣтъ или болѣе, опять въ новомъ соединеніи снова составляютъ Главнѣйшій педагогическій институтъ. Какимъ образомъ это дѣлается? Какъ изъяснить такъ сильное и успѣшное направленіе, чрезъ многіе годы, чрезъ разныя царствованія и министерства, все къ одной и той же дѣли, не предполагивъ тутъ посторонняго вліянія?

Духъ иллюминатства въ разныхъ его видахъ и формахъ заразилъ наши учебныя заведенія слѣдующимъ образомъ:

1-е. Чрезъ возвратившихся изъ германскихъ университетовъ нашихъ профессоровъ, кои, заразясь его язвою сами, вывезли сверхъ того съ собою тетради тамошнихъ преподавателей, которые переводя и списывая, начали издавать на русскомъ и успѣли ввести въ книги учебныя (Куницынъ—право естественное, Галичъ—исторію системъ философскихъ, Лодій—логику, Веланскій—о животномъ магнетизмѣ и пр.).

2-е. Чрезъ установленныя сношенія, по праву университетовъ, съ германскими.

3-е. Чрезъ право каждаго профессора ввозить и выписывать запрещенныя книги.

Книги самыя вредныя для вѣры и правительства симъ средствомъ входятъ, въ университетахъ читаются и, наконецъ, то наследованіемъ ихъ, то продажей прочитавшихъ распространяются.

Духъ иллюминатства распространенъ уже у насъ на всѣ науки. Я постараюсь указать какимъ образомъ, поколику самая краткая рѣчь мимоходомъ можетъ сіе дозволить (но я не уклоняюсь симъ отъ обличенія схоластическаго и самаго подробнаго предъ профессорами сихъ самыхъ наукъ, ежели бы то было нужно).

Исторія подъ именемъ прагматической (имя значительное и по правамъ его весьма важное), начиная съ разныхъ оподленій народа, избраннаго Богомъ, до именованія злочестивѣйшаго истребителя его Антиоха—великимъ, Ирода—великимъ, Іуліана—мудрецомъ и мужемъ добродѣтельнымъ, представляетъ главнѣйшія событія міра или въ превратномъ видѣ, руководствуясь самыми ложными историками.

каковы Санхоніатонъ и Берроузъ, или коварными намеками потрясая косвенно всё основанія вѣры и гражданской нравственности, воспаляетъ юные умы ложнымъ представленіемъ благоденствія древнихъ республикъ, добродѣтелей ихъ философовъ, величія ихъ цареубійць и похитителей власти. И молодой человѣкъ принимаетъ сію сказку иллюминатства за исторію на всю жизнь, ибо переучиваться уже ни охоты, ни времени имѣть не будетъ.

Словесность пользуется безчисленными къ тому способами ея: въ выборѣ переводовъ, въ задачѣ сочиненій, въ критическомъ разборѣ древнихъ авторовъ и, особенно, въ примѣчаніяхъ на нихъ германскихъ классиковъ.

Самая математика такъ, повидимому, положительная и сухая, въ высшемъ ея отношеніи (небесной механики Лапласа), представляетъ одно изъ разительнѣйшихъ для молодого воображенія явленій: такое строеніе міра, которое по законамъ вѣчнымъ не имѣетъ ни начала, ни конца, ниже нужды въ предположеніи Создателя, иначе какъ для первоначальнаго и однократнаго, такъ сказать, толчка для сообщенія только перваго движенія сему вѣчному и совершенному механизму.

Въ наукахъ естественныхъ, геогнозія и геологія, выбирая одну изъ двухъ системъ, вулканистовъ или нептунистовъ производятъ землю отъ огня или отъ воды по произволу профессора.

Приложеніе философіи Шеллинговой къ наукамъ естественнымъ изъясняетъ: какимъ образомъ сочетанія силъ гальванической и магнетической, образуясь само собою въ разные организмы, благоухаетъ въ розѣ, реветъ во львѣ, летаетъ въ орлѣ и—мыслить въ человѣкѣ!

Физика, въ подкрѣпленіе небесному механизму Лапласа и Шеллингову происхожденію видимыхъ организмовъ, раскрываетъ законы сихъ двухъ силъ, изъясняя весьма заманчиво все подмѣченное натуралистами въ разсужденіи изліянія ихъ изъ полюсовъ (вотъ почему такъ часто и упорно къ нимъ ѣздятъ), гдѣ они, какъ бы составляя концы земной оси, указываютъ, какъ міры помощію ихъ вертятся. Потому-то натуралисты нашего времени, бросивъ всё упражненія положительныя, собственно науку ихъ составляющія, такъ пристально и повсемѣстно занимаются наблюденіями за протоколами магнетизма (рѣчь Гумбольда въ нашей Академіи и отчетъ его въ парижской). и за раскапываніемъ земли для открытія въ окаменѣlostяхъ допотопнаго міра доказательствъ, что человѣка тогда не было и что земля гораздо древнѣе, нежели выходитъ то по бытописанію библейскому.

Примѣчаніе. Вотъ почему, между другими причинами, всемірныя сѣзды натуралистовъ, въ Гейдельсбергѣ и Гамбургѣ,

ничего о послѣдствіи своихъ занятій не объявляютъ и объявить не могутъ.

Науки медицинскія, полагая въ основаніе своего матеріализма фізіологію Прохазки (вѣроятно варшавскаго или виленскаго профессора), переведенную Веланскимъ, болѣе или менѣе приближаются къ философіи Шеллинга, по мѣрѣ глубокости познанія въ ней преподавателей, и всѣ, соединенно, ведутъ къ тому заключенію, что организмъ человѣка такъ совершенъ, что заключающееся въ немъ начало жизненности (*vis vitalis*) достаточно для полного его дѣйствія: мышленія и чувствительности.

Науки собственно философскія сводятъ всѣ сіи бреды, ложные и пагубные, самаго утонченнаго матеріализма, въ полную теорію, гдѣ открыто уже замѣняется самый Творецъ Вселенной вѣчнымъ эфиромъ, изъ коего все существующее, посредствомъ сочетанія сего вѣчнаго начала съ началомъ влажности, сотворяется въ различные организмы и въ который опять все должно обратиться. Сіе обоготвореніе природы, занятое изъ весьма древней исторіи пантеизма, богохульно прикрыто (у Шеллинга) именами Св. Троицы, дабы удобнѣе подмѣнивало ученіе христіанское въ умахъ не дальновидныхъ, точно такъ, какъ дѣлалъ Вейсгауптъ, который, изложивъ всѣ мерзости своей догматики, говоритъ, въ одной изъ высшихъ степеней, что она согласна съ ученіемъ Спасителя, который приходитъ для освобожденія человѣчества отъ рабства и проповѣдывалъ равенство.

Примѣчаніе. Профессоры, не вездѣ смѣя преподавать сію философію открыто, поступаютъ такимъ образомъ: 1-е. Они указываютъ ее, предпочтительно, въ исторіи системъ философскихъ, распространяясь о ней болѣе, чѣмъ о другихъ, въ видѣ догматическомъ. 2-е. Не помѣщая всего въ тетради своего преподаванія, дополняютъ важнѣйшее на словахъ, и 3-е. Молодымъ людямъ, наиболѣе пылкимъ и способнымъ нѣкогда замѣнить ихъ, указываютъ они въ германскихъ авторахъ, самые источники своихъ системъ и даже даютъ книги (по незапрещенію никакихъ для университетовъ), въ коихъ система сей философіи не только изяснена въ самой обстоятельной подробности, но и прилагается ко всѣмъ наукамъ и даже къ теоріи изящныхъ искусствъ.

Когда, послѣ сего, въ философіи нравственной выучится студентъ видѣть въ себѣ не то падшее и преступное существо, которое искупилъ Спаситель, а совершеннѣйшій организмъ, въ которомъ все хорошо, даже и самыя страсти, кои, какъ вѣтры для корабля, для души нужны; а по догматамъ права естественнаго (Шмальца, Куницына и пр.) узнаетъ онъ, что человѣкъ естественный совершенно свободенъ, что господство надъ нимъ есть одно злоупотребленіе права сильнаго, что дѣти должны только

временно повиноваться родителямъ, чтобы дать воспитать себя, что бракъ есть только соединеніе двухъ лицъ разнаго пола для произведенія дѣтей—тогда экономія, теорія статистики и науки финансовыя покажутъ ему:

1-е. Что лица правительственныя, духовенство, дворянство, армія суть классы не производящія (трутни общества).

2-е. Что рабство весьма вредно, ибо препятствуетъ успѣхамъ труда, промышленности и богатства народнаго.

3-е. Что личная выгода каждаго изъ лицъ, общество составляющихъ, такъ смыслена, что правительству какъ можно менѣе должно вмѣшиваться въ дѣла ея, ограничиваясь только открытіемъ ей удобныхъ путей, сухопутныхъ и водяныхъ, для свободаго движенія.

4-е. Что есть религіи болѣе или менѣе выгодныя для умноженія народонаселенія (съ указаніемъ на вредъ для онаго отъ монастырей).

Но не смѣя обременять далѣе вниманія августѣйшаго моего читателя сими схоластическими разсужденіями въ отношеніи къ наукѣ правъ теоретическаго и положительнаго, я сокращу сію статью, послѣшая къ главной ея цѣли—заключенію о студентѣ, выслушавшемъ полный университетскій курсъ въ семь смыслѣ и принужденномъ вступить въ юнкера или въ училище подпрапорщиковъ. Что будетъ удивительнаго, ежели онъ, при первомъ случаѣ, соединится съ мятежниками и даже, что можно найти преступнаго (не говоря о несчастной необходимости карать для примѣра) въ такихъ поступкахъ молодого человѣка, кои не что иное, какъ самое логическое и правильное послѣдствіе началъ, данныхъ ему публичнымъ воспитаніемъ отъ его правительства? Ибо онъ не могъ не знать, что наставники его, нося мундиръ его правительства, питаея хлѣбомъ его свои семейства, получая отъ него права, знаки отличія доблестей гражданскихъ, смѣли злоупотреблять его благодѣянія и, по невниманію или невѣжеству ближайшихъ къ нимъ начальствъ, все му учили его превратно.

При семь положеніи классическаго иллюминатства на что еще тайныя общества, приемы, присяги, испытанія? Содержимая на иждивеніи самого правительства ложа сія, подъ именемъ просвѣщенія, образуетъ въ своемъ смыслѣ отъ 20 до 30.000 ежегодно такого новаго поколѣнія, которое, черезъ два или три года, готово дѣйствовать перомъ и шпагою, а въ теченіе каждаго десятилѣтія усиливаетъ нѣсколькимистами тысячъ тотъ грозный и невидимый легионъ иллюминатовъ, котораго члены, дѣйствуя въ его видахъ и совокупно и отдѣльно, и даже попадаясь правительству на самыхъ злодѣяніяхъ, ничего открытъ и показать не могутъ, ибо точно ни къ какому тайному обществу не принадлежатъ и никакихъ особенныхъ вождей не знаютъ (такова, по-

истинѣ, философическая исторія нашего мятежа 1825 года). Каждый такой воспитанникъ, чрезъ десять или пятнадцать лѣтъ по выходѣ его изъ университета, можетъ предводительствовать полкомъ или имѣть вліяніе на дѣла высшихъ государственныхъ мѣстъ и сословій.

Вотъ почему въ указѣ 6-го августа 1809 года для экзамена гражданскихъ чиновниковъ требуется условіемъ *si ne qua pop*, изученіе естественнаго права, ибо сямъ средствомъ 1-е: преградилась тотчасъ дорога къ дальнѣйшему повышенію всѣмъ титулярнымъ и коллежскимъ совѣтникамъ, въ академическомъ заговорѣ не бывшимъ, а просто служившимъ своему государю по присягѣ и по наслѣдственному чувству усердія преданности, ибо всѣ они, какъ нынѣ чрезъ 20 толькo лѣтъ уже и вышло, нашлись подчиненными тѣмъ неопытнымъ по службѣ юношамъ, которые, вмѣсто заслугъ и труда, приносятъ, подъ видомъ и именемъ просвѣщенія отвращеніе и ненависть къ отечественной законности и преступныя мечтанія либерализма. И сіе непріязненное правительству поколѣніе ищетъ обложить его такъ, чтобы ни одинъ голосъ, ему противный, не могъ къ нему проникнуть.

Много важнаго прехожу я здѣсь въ молчаніи, дабы не выступить за предѣлы сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ.

Воинственный духъ студентовъ и профессоровъ, который видѣли мы въ самыхъ послѣднихъ происшествіяхъ Польши, першелъ къ нимъ изъ Германіи, а тамъ весьма естественно водворился съ 1814-го и 15-го годовъ, когда университеты, какъ члены Тугендбунда, въ видѣ политическаго сословія, по приглашенію правительствъ, прельщавшихъ ихъ защитою любезной имъ свободы, обѣщаніями свободы политической, подвиглись, по голосу невидимаго дотолѣ начальника ихъ Штейна, въ громадѣ ландштурма. Когда потомъ съ воспоминаніемъ, какъ видѣли они знамена и пушки непобѣдимыхъ прежде наполеоновыхъ легионовъ въ рукахъ своихъ героевъ, какъ товарищи ихъ легли на полѣ чести; когда, говоря, съ сими воспоминаніями возвратились они на скамьи и кафедры своихъ университетовъ и узнали, что надежды ихъ обмануты, что кровь друзей и братьевъ ихъ не только пролита для нихъ бесполезно, но и за такую систему, которая по разуму и по чувству всегда была для нихъ ненавистной,—тогда составили они немедленно свой адекій союзъ царубійць (*Wartbourg*), стали пѣть, невѣстно кѣмъ сочиненную, кровавую пѣснь: *drei und drezig oder mehr* (обрекавшую тридцать трехъ государей и министровъ Европы на убіеніе) и начали всѣ прочія неистовства свои, начиная съ Занда.

Таковъ нынѣ, дѣйствительно, духъ сихъ заведеній, приостановившихъ только злодѣянія частныя въ надеждѣ на общественныя, при бунтахъ и мятежахъ народныхъ, возбуждаемыхъ главными начальниками илюминатовъ.

Свободное и частое сношеніе съ Германіею, какъ перепискою, такъ и 'переѣздами разныхъ лицъ туда и оттуда, равно какъ и самое мѣстное удаленіе Дерптскаго университета отъ всѣхъ центровъ полиціи, призываютъ на него особенное вниманіе правительства, особливо, если положено, какъ я слышалъ, довершить въ немъ образованіе лучшихъ кандидатовъ прочихъ нашихъ университетовъ. Сія мысль несетъ на себѣ знакомую печать.

Въ числѣ важнѣйшихъ причинъ, способствующихъ укорененію опасныхъ началъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, есть недостатокъ общаго за ними надзора людей въ семь предметъ свѣдущихъ, ибо академическое иллюминатство такъ уточнено и столь осторожно сокрыто подъ терминологіею наукъ, что никакая полиція подстеречь его не можетъ. Главное же правленіе училищъ, хотя бы и было оно составлено изъ лицъ неблагопріятствующихъ иллюминатству и во всѣхъ его уловкахъ свѣдущихъ (чего бы я утвердить никакъ не взялся), то и тогда не можетъ видѣть всѣхъ дѣлъ просвѣщенія въ совокупности, а департаментъ министра, составленный изъ людей, не совсѣмъ въ семь отношеніи надежныхъ, и съ давняго времени въ запутанности сего управленія участвующихъ, ограничиваясь своего рода подъячествомъ, покровительствуетъ мѣста и лица ему пріятныя, ведетъ своего рода интриги и не можетъ имѣть ни выгоды, ни цѣли обличать въ заведеніяхъ, такъ давно ему подвѣдомственныхъ — самого себя. А за симъ кто же можетъ видѣть весь ходъ и направленіе сей части управленія, едва ли не самаважнѣйшей?

Духовныя академіи наши не могли ни избѣжать вліянія духа времени, ни принять его такъ открыто, какъ свѣтскія.

Иллюминаты духовные дѣйствовали, однакоже, на нихъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ медленнѣе и осторожнѣе.

Мартинизмъ и масонство имѣли у нихъ свой періодъ. Время торжества духовнаго иллюминатства ознаменовалось первымъ преобразованиемъ духовныхъ академій. Но тогда введены только въ нихъ излишнія науки, усилена философія и выпущены изъ духовнаго воспитанія необходимыя для него предметы: основательное изученіе правилъ церковныхъ, познаніе обрядоваго порядка и надзоръ за нравственностію учениковъ. Сіе пріуготовительное распоряженіе имѣло свою цѣль и принесло ожидаемый плодъ. При воцареніи методизма довершено сіе дѣло: вышло новое преобразование духовныхъ академій и училищъ по системѣ такъ обдуманной и всеобъемлющей, что духовенство новаго духа составило уже особую касту, отъ того, къ которому принадлежали наши древніе Филареты, Гермогены и Сергіи; касту, которая отличаясь наименованіями, церкви дотолѣ чуждыми: докторовъ и магистровъ и даже неся наружные знаки сихъ прозвищъ, состоящіе,

между прочимъ, въ крестахъ (магистровъ), кои въ первый разъ народъ нашъ увидѣлъ на груди своихъ священниковъ, безъ изображенія Распятаго Спасителя; касту, которой существованіе упрочено огромнѣйшимъ капиталомъ, коимъ обеспечиваются ея пенсіоны, сверхъ доходнѣйшихъ мѣстъ, по праву ей предоставленныхъ, преимущественно предъ заслуженнымъ и благочестивымъ священствомъ прежняго духа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ, какъ усиливалось офилософствованіе нашего духовенства, ослаблялась положительность православнаго ученія. Журналъ невской академіи («Христіанское Чтеніе») вмѣщаетъ многія статьи изъ книгъ методистовъ и сектаторовъ, съ разными ихъ чудесностями, безъ всякой закрышки въ немъ напечатанныя, наряду съ извлеченіями изъ Златоуста, Василія Великаго и пр.

Въ комисіи духовныхъ училищъ сидѣлъ тогда Галаховъ, ученикъ Татариновой, а духовный иллюминаторъ Ястребцовъ былъ правителемъ дѣлъ ея.

Давно гонимый за смѣлое обличеніе сего духовнаго образованія, учитель невской академіи, священникъ Кочетовъ, знаетъ весь ходъ и ухищренія сего зла совершенно.

Однакоже, какъ ни очевиденъ вредъ сей изъ теоретическаго его разсмотрѣнія, но, чтобы постигнуть все его пространство, надобно видѣть магистровъ духовныхъ нашихъ академій, какъ мнѣ то случилось, въ сердцѣ Россіи, среди большого селенія симбирскихъ, нижегородскихъ или воронежскихъ крестьянъ. Смѣло можно сказать, что расколы усиливаются именно оттого, что сіе духовенство, совершенно иностранное народу, не удовлетворяетъ его духовной потребности, во всей простотѣ и доступности истинной вѣры отцовъ его. Вожди раскольниковъ симъ пользуются, какъ то будетъ показано въ IV запискѣ, и вѣра народа получаетъ кривое и опасное направленіе.

II.

Объ иллюминатствѣ литературномъ.

О книгахъ.

Полный каталогъ книгъ русскихъ, разобранный со вниманіемъ, представляетъ весь потокъ иллюминатства, литературу нашу наводнившяго отъ Вольтерова Кандида до Мартына Задеки. Въ немъ можно раздѣлить погодно, какъ бы полосы различныхъ періодовъ духа времени, много видныхъ формъ иллюминатства, искавшаго дѣйствовать на разныя состоянія нашей Имперіи.

Въ актахъ министерства просвѣщенія должно находиться предста-

вленіе казанскаго попечителя (1824 или 1825 года) съ полною фальсификаціею всѣхъ вредныхъ и опасныхъ русскихъ книгъ.

О журналахъ.

Надобно только прочесть классическія разсужденія о семъ предметѣ ораторовъ французской камеры, когда шло дѣло объ установленіи цензуры, чтобы проникнуться убѣжденіемъ, что журналы и газеты успѣшнѣе всего дѣйствуютъ на умы и, помощію самыхъ косвенныхъ внушеній, простого сближенія нѣкоторыхъ происшествій, приличной обстоятельствомъ исторической выписки, молчанія о чемъ-нибудь всѣхъ занимающемъ, руководятъ общественное мнѣніе.

Мы видѣли, въ послѣднюю французскую революцію, силу газетчиковъ.

У насъ духъ ихъ особенно примѣтенъ нынѣ, по молчанію ихъ о такихъ предметахъ, о коихъ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, имъ бы непремѣнно говорить надобно; и, дѣйствительно, какая матерія можетъ быть обильнѣе для дарованія, для всѣхъ родовъ краснорѣчія и поэзій, какъ не защита святого дѣла законности, особливо когда самыя лица, о коихъ должна идти рѣчь, по высокимъ ихъ характерамъ, по великимъ, именно въ семъ дѣлѣ, подвигамъ, предоставляютъ образцы столь изящныя?—Предъ какою Медузою окаменѣли наши авторы и журналисты?—Какимъ трудомъ благороднѣйшимъ займутся они для пользы отечества?

Негодование на нихъ въ семъ случаѣ приводитъ на мысль слово Наполеона о Сіесѣ: «Молчаніе этого человѣка есть заговоръ».

Объ иллюминатствѣ народномъ.

28-го февраля 1831 г. Ревель.

Неоднократно испыталъ я на себѣ, какъ, послѣ многолѣтняго и пристальнаго изученія Россіи, на четырехъ, почти противоположныхъ, концахъ ея, обманчива и увлекательна въ семъ отношеніи оптика Петербургская. Наружное сходство всего, что тамъ видишь, съ тѣмъ, что видалъ въ другихъ государствахъ, такъ совершенно, что весьма легко привыкаешь думать, что это Россія, и обманъ сей не прежде, какъ въ Москвѣ разсѣвается совершенно.—Сравненіе Петербурга съ Россіею такъ же справедливо, какъ сравненіе гвардіи съ заштатной командой уѣзднаго города.

Но въ замѣну сего недостатка, наружной образованности, добрый и вѣрный Богу и Царю народъ нашъ отдѣленъ по счастью отъ Европы, какъ мѣдною стѣной,—вѣрою, языкомъ, климатомъ, пищею, и всѣми сво-

ими обычаями и привычками.—Какъ ни старались сдѣлать его, въ илюминатскомъ смыслѣ, европейскимъ—прошло болѣе полувѣка и сіе не удалось.—Провидѣніе какъ бы сберегаетъ на что-то сей нововзбранный свой Израиль, подобно древнему, невредимымъ, посреди отпадающихъ отъ него и мятущихся народовъ. — Но, не осмѣливаясь проникать въ недоступныя судьбы Божіи, мы обязаны видѣть предметъ сей въ его человѣческихъ только отношеніяхъ: политики и благоустройства, и потому я приступаю къ обзорѣнью его съ одной сей точки зрѣнія.

Добрый народъ нашъ портятъ:

1) мелкое и вновь облагораживаемое чинами дворянство; 2) низкихъ классовъ, отставные и выбрасываемые изъ службъ военной и гражданской, чиновники и 3) расколы.

Мелкое и вновь облагораживаемое дворянство, владѣя изъ 11 мил. крѣпостныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ, половиною и держа при себѣ несоразмѣрное число дворовыхъ людей, портитъ народъ, колебля его вѣру, по близкой къ нему, въ деревняхъ, жизни, примѣромъ своего неуваженія къ ея уставамъ и обрядамъ, то есть, видя себя въ семъ отношеніи, какъ посмотрѣлись въ высшихъ состояніяхъ, а дворовые люди, слѣпо ему подражая, доводятъ соблазнъ сей и до крестьянъ, *en faisant devant eux les esprits forts.*

Сверхъ того, все то, что дурного и возмутительнаго знаетъ сей мелкій классъ дворянства, по наслышкѣ и изъ чтенія довольно обильныхъ для сего на нашемъ языкѣ книгъ, рассказываетъ въ обыкновенномъ разговорѣ за столомъ, при множествѣ, обыкновенно стоящихъ тутъ, слугъ, по русски, и распространяетъ тѣмъ самыя вредныя понятія о религіи и правительствѣ, весьма неумышленно и даже не заботясь о томъ, что проповѣдуетъ, такимъ образомъ, противъ самого себя.

Между тѣмъ домашняя челядь сія, утѣсняемая дурнымъ ея содержаніемъ, и разными притязаніями къ ней, и жестокостью, и самымъ гнуснымъ развратомъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ, ищетъ улучшить состояніе свое хитростью, обманами, кражею и, совершенно теряя отъ того послѣднюю нравственность (что можно видѣть изъ многихъ уголовныхъ дѣлъ, какъ мнѣ то случалось), составляетъ развратнѣйшій классъ, по крайней мѣрѣ, около двухъ милліоновъ.

Сей классъ есть совершенная чума народа, ибо подъ именемъ управителей, дворецкихъ, приказчиковъ и конторщиковъ, управляетъ большими его массами.

Дворовые люди точно такъ, въ маломъ видѣ, имѣютъ свое вліяніе на деревни и волости, какъ дворъ на столицы.

Отставные грамотные офицеры, солдаты и приказные, часто изъ службы, только съ аттестатами, выгнанные, волнуютъ умы крестьянъ,

пишутъ имъ жалобы и просьбы и образуютъ изъ нихъ, такъ называемыхъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, не знаю почему, капитановъ, а въ другихъ, мір о ѣ до в ѣ, которые не только служатъ земской полиціей для незаконныхъ ея сборовъ, но и затѣваютъ, для удобнѣйшаго обирания крестьянъ, непрестанно новыя дѣла, собираютъ деньги на хожденіе за ними въ Москвѣ и въ Петербургѣ и оттуда, по своимъ видамъ, пишутъ къ нимъ самыя нелѣпыя извѣстія. Этотъ классъ держитъ простой народъ въ томъ заблужденіи, что до Бога высоко, а до царя далеко и что правосудіа никакъ найти нельзя иначе, какъ за деньги.

Переходящіе изъ сего класса отставныхъ изъ одной губерніи въ другую очень вредны; ибо сверхъ окрадыванія народа, на счетъ котораго они живутъ, могутъ они быть употреблены, какъ сильное орудіе къ его волненію, самыми нелѣпыми слухами. Я видѣлъ примѣръ тому въ 1824 г. Вдругъ въ нѣсколькихъ изъ внутреннихъ губерній пронесся слухъ, отъ какихъ-то прохожихъ, что крестьяне вызываются, указомъ, къ переселенію на рѣку Дарью, гдѣ стоитъ серебряный столбъ, съ надписью: вольность. Тысячи помѣщичьихъ крестьянъ изъ губерній Пензенской, Симбирской, Саратовской и прочихъ забрали женъ и дѣтей и, бросивъ все свое имущество, пошли къ границамъ Бухаріи. Я видѣлъ своими глазами, объѣзжая Казанскій учебный округъ, сіе неслыханное и шумное переселеніе, преслѣдованіе ушедшихъ военными командами и возвращеніе ихъ большими толпами, изнуренными усталостью, голодомъ и стужей. Не знаю, было ли обращено должное вниманіе на источникъ сего важнаго, по моему мнѣнію, происшествія; но мнѣ тогда по разсмотрѣнію его на самыхъ мѣстахъ, по разпросамъ у разныхъ губернаторовъ и по разговорамъ съ переселявшимися, показалось оно какою-то пробой народныхъ волненій, въ національномъ вкусѣ испытанной, и по несчастію я не ошибся — оно предвѣщало бурю.

Происшествіе сіе показываетъ, какимъ образомъ иллюминатское общество, овладѣвъ высшими классами помощію средствъ, въ предшествовавшихъ запискахъ мною изложенныхъ, можетъ, не дожидаясь систематическаго развращенія нашей народной массы, средствами самыми легкими и дешевыми двигать ее для занятія правительства и войскъ въ нужную ему пору, напримѣръ, во время рекрутскаго набора, когда онъ къ спѣху надобенъ, совсѣмъ иными приемами, нежели мятутся имъ другіе народы. Слово вольница замѣняетъ у насъ конституцію. Нелѣпая вѣра въ разныхъ самозванцевъ и даже Пугачева изъясняетъ удобство сихъ волненій.

Въ семъ же смыслѣ расколы заслуживаютъ особенное вниманіе, ибо они:

1-е. Состоятъ изъ огромной массы крестьянъ, ведомыхъ самыми изъ

нихъ бойкими и коварными въ ненависти къ господствующей церкви и къ правительству, съ нею нераздѣльному и котораго высокія особы наравнѣ со всѣми прочими несторіанцами представляются въ ея понятіяхъ слугами антихриста и погаными.

2-е. Враждебное церкви и правительству сіе царство, въ имперіи образовавшееся (его полагаютъ въ 3 милліона), имѣетъ центральное свое управленіе и главныхъ начальниковъ въ Екатеринбургѣ, въ Перми, въ Оренбургѣ и Сибири и дѣйствуетъ распространеніемъ своихъ скитовъ (огромнѣйшихъ и богатыхъ монастырей) на такія губерніи, гдѣ надзоръ наименѣе присталенъ, а подкупъ удобнѣе. Имѣя огромныя капиталы въ своихъ рукахъ, ибо завладѣло уже многими вѣтвями торговли и особенно поставками и подрядами, въ коихъ имѣетъ случай лакомить чиновниковъ правительства, оно держитъ постоянныхъ агентовъ въ Петербургѣ, кои въ томъ мѣстѣ, которому дѣла раскольниковъ ввѣрены, выхаживаютъ общія въ ихъ пользу постановленія и отвращаютъ все для нихъ невыгодное. Изъ общихъ постановленій приведу нѣсколько примѣровъ.

1-е. Внезапное отдѣленіе дѣлъ раскольниковыхъ, изъ Синода, къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Сіе распоряженіе было весьма важно для раскольниковъ, ибо министерство, предположивъ даже его и неподверженнымъ ихъ вліянію (за что я не поручусь), не можетъ ни знать такъ хорошо ихъ ученія, ни предупреждать всѣхъ уловокъ и поползновеній ихъ къ распространенію своихъ обществъ, какъ знаетъ и можетъ то дѣлать духовная власть. Сверхъ того министерство дѣйствуетъ въ ихъ дѣлахъ по различнымъ мнѣніямъ и убѣжденію; а Синодъ по правилу постоянному, по долгу и званію.

Изъ сего произошелъ великій вредъ, ибо какъ скоро дѣла раскольниковы сдѣлались чуждыми духовной высшей власти, то и власть епархіальная отъ нихъ отстранилась; а они дерзость новыхъ къ себѣ обращеній тѣмъ съ большимъ успѣхомъ усилили, что мелкія мѣстные полиціи у нихъ до такой степени на откупъ, что не только надзора за ними нѣтъ, но и высшее правительство лишено всякаго положительнаго свѣдѣнія о семъ опасномъ для него народномъ и люмпинаствѣ. И отъ того теперь всѣ строжайшія его секретныя предписанія, въ разсужденіи не только обузданія расколовъ, но и свѣдѣнія о числѣ и родѣ ихъ, равно какъ о числѣ лицъ ихъ составляющихъ, приходя окончателно къ низшимъ полицейскимъ исполнителямъ, кои давно ими закуплены, или остаются безъ дѣйствія, или оканчиваются составленіемъ самыхъ поверхностныхъ и часто лживыхъ донесеній, кои безъ сличенія ихъ съ свѣдѣніями положительными духовныхъ начальствъ, знающихъ поименно всѣхъ чуждающихся церкви и враговъ

ея, остаются безъ повѣрки и потому составляютъ совершенно обманчивое основаніе для общихъ заключеній верховной власти.

Между тѣмъ вспомнить надобно, что духовныя заблужденія черни не могутъ не вводить ее и въ самыя грубыя заблужденія политическія. Нужно вспомнить бунты раскольниковъ противъ Петра Великаго, бунты запорожцевъ, Пугачева, выпущеннаго изъ тюрьмы казанской раскольниками и, наконецъ, въ недавнемъ времени (1824 г.) казака Котельникова, который, имѣя сто тысячъ сектаторовъ, готовыхъ на Дону поднять по слову его оружіе, будучи въ рукахъ правительства, въ кабинетѣ графа Аракчеева, заставилъ замолчать митрополита, оспоривъ его коварствомъ и пылкостью своего ума; умѣлъ обмануть своимъ лицемѣріемъ всѣхъ, говорившихъ съ нимъ духовныхъ, сыгралъ обращеніе къ церкви, такъ ловко перейдя чрезъ всѣ строгіе искусства духовной власти, что награжденъ щедро отъ государя и, будучи посланъ обращать своихъ единомышленниковъ, между тѣмъ какъ самыми умными и чувствительными письмами усыплялъ высшее правительство, распространялъ свою ересь, воспалая отчасу сильнѣе умы своей дружины, доколѣ снова не былъ взятъ и заключенъ въ монастырь. Чего не можетъ сдѣлать и предпринять подобная голова? Чего не могли бы сдѣлать съ подобными средствами иллюминаты, ежели бы они ихъ знали? Я потому привелъ въ примѣръ сего Котельникова, что былъ почти очевиднымъ свидѣтелемъ всего о немъ дѣла и, что онъ, дѣйствительно, есть феноменъ, въ семь родѣ классическій, ибо, соединяя съ умомъ необычайно быстрымъ глубокія познанія, кои почерпнулъ онъ въ одной изъ книгъ, нашими духовными иллюминатами изданныхъ (Ястребцова), онъ прошелъ далѣе на семь ученій, основалъ свою секту и, прельстивъ ею множество людей, сверхъ духовной весьма замысловатой теоріи, осмѣлился угрожать высшихъ правительственныхъ и духовныхъ лицъ, его допрашивавшихъ, сверхъ естественными своими силами такъ рѣшительно, что привелъ ихъ, какъ меня увѣряли, въ трепетъ. Въ дѣлѣ о немъ всѣ сіи обстоятельства должны находиться. Оно, кажется, производилось въ Собственной канцеляріи его величества.

Въ царствованіе либеральныхъ у насъ идей, при началѣ текущаго столѣтія, былъ посланъ сенаторъ Лопухинъ (Ив. Вл. описанный мною иллюминатъ) по какому-то дѣлу духоборцевъ, которое должно находиться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и великія имъ оказавъ по одному слову услуги.

Во время духовнаго у насъ иллюминатства Поповъ былъ извѣстнымъ покровителемъ раскольниковъ и особливо духоборцевъ, русскихъ квасеровъ.

Во времена сіи много выходило тайныхъ и публичныхъ повелѣній, потворствующихъ расколамъ; но меня увѣряли, я самъ не читалъ, что

данный на имя Ланжерона указъ, едва ли не по министерству духовныхъ дѣлъ о раскольникахъ, есть самое примѣчательное въ семъ родѣ постановленіе. Здѣсь должно указать и то, которое запрещаетъ духовному начальству преслѣдовать бѣглыхъ къ раскольникамъ священниковъ, кои послѣ того открыто служатъ въ церквахъ ихъ, въ самыхъ мѣстопробываніяхъ архіереевъ той господствующей церкви, которой алтари они бросили и священные обѣты попрали.

Я укажу нынѣшняго тверского архіепископа Амвросія, какъ самаго по уму знающаго въ семъ дѣлѣ; а по сердцу и правиламъ самаго удаленнаго отъ всякаго рода гоненій за вѣру.

Оберъ-прокуроръ Синода, князь Мещерскій, весьма хорошо знаетъ сію часть и весь историческій ея ходъ, во времена мною указанныя, ежели, устранивъ дворскія опасенія природной робости, захочетъ или, лучше сказать, рѣшится говорить искренно.

Раскольники наши, сверхъ политической и неизбѣжной отъ нихъ опасности, обращаютъ на себя вниманіе и потому, что скиты и монастыри ихъ служатъ убѣжищемъ всемъ людямъ безпаспортнымъ и даже бѣглымъ преступникамъ. Многіе изъ богатѣйшихъ ихъ фабрикантовъ дѣлаютъ изъ заведеній своихъ притонъ сего рода людямъ; а полиціи, живущія у нихъ на жалованьи, не только о семъ не доносятъ, но даже предваряютъ ихъ, когда то нужно, для осторожности.

Человѣкъ, большую услугу оказавшій разнымъ самымъ вреднымъ ихъ сектамъ, около Москвы, есть Витбергъ, бывшій архитекторомъ при сооруженіи большого храма на Воробьевыхъ горахъ. Будучи давнишнимъ массомомъ и какъ строитель зданія совершенно символическаго въ смыслѣ духовнаго и люминачества, онъ былъ весьма сильно покровительствуемъ и потому, подъ видомъ особой для сего строенія комисіи, дѣйствовалъ полномочно, особливо въ присканіи тѣхъ недвижимыхъ имѣній, кои должно было купить для сей церкви. Онъ, по просьбамъ и подкупу раскольниковъ, скупалъ цѣлыя ихъ волости и такъ явно для укрытія ихъ отъ полиціи губернской и даже нѣкоторыхъ отъ присужденныхъ уже наказаній по уголовному суду, что дѣла, производившіяся о нихъ въ Уголовной Палатѣ, были, вопреки нашимъ законамъ, отданы вмѣсто Сената, куда поступить долженствовали, на заключеніе члена сей строительной комисіи, московскаго тогда архіепископа, и по мнѣнію его вершились весьма снисходительно (я помню одно подобное дѣло по Владимірской губерніи, его и прочія, ему подобныя, можно найти въ бумагахъ сей комисіи).

Евреи имѣютъ также свои опасныя ереси. Они такъ ожесточены и упорны противъ христіанства потому особенно, что вмѣсто чтенія, какъ въ положительной ихъ религіи требуется, подлинныхъ

книгъ Закона Божія, они никогда ихъ не читаютъ и читать ихъ не могутъ, ибо:

1) Классическаго еврейскаго языка не знаютъ, точно такъ, какъ народъ нынѣшней Греціи не знаетъ языка Иліады.

2) Древніе ихъ раввины, толкованіями своими на всю Библию, исказили смыслъ, такъ ясныхъ о Христѣ пророчествъ, ложными преданіями своихъ кабалистовъ и разными магическими толкованіями. Для ученыхъ составили они два талмуда: «Вавилонскій» и «Іерусалимскій». Новѣйшіе раввины и нынѣшніе учителя народа, пользуясь неизвѣстностью еврейскаго языка, издають, подъ видомъ книгъ молитвенныхъ, разныя возмутительныя противъ народовъ и правительствъ христіанскихъ, особенно изъясняя, какъ меня увѣрялъ одинъ знатокъ въ семь языкѣ, что обманывать христіанъ и вредить имъ есть дѣло богоугодное.

Книги сіи, вывозимыя и выписываемыя безъ должнаго разсмотрѣнія изъ-за-границы, наводняютъ тѣ наши губерніи, кои населены жидами, и потому образуютъ и у нихъ иллюминатство особеннаго характера.

Лютеранская церковь Остзейскихъ нашихъ провинцій обуревается, въ семь отношеніи, зломъ особеннаго рода: духовенство ея, образуемое, по большей части, въ университетахъ германскихъ, принуждено будучи скрывать свой истинный образъ мыслей о христіанствѣ, избѣгаетъ, сколько можно, говорить въ его смыслѣ, противъ внутренняго убѣжденія и потому наполняетъ всѣ свои проповѣди таковаго рода сухою и языческою моралью, которая никакъ не можетъ удовлетворять набожности людей, требующихъ духовной, христіанской пищи. Оттого происходятъ два зла: 1) Люди, ищущіе только предлога или извиненія чуждаться церкви, совсѣмъ ее оставляютъ и 2) тѣ, которые искренно негодуютъ на сіе измѣненіе положительнаго ихъ исповѣданія, идутъ искать духовности въ молитвенныхъ домахъ «гернгутеровъ», о коихъ ниже будетъ говорено подробнѣе. И сіе не только происходитъ въ церквахъ, гдѣ проповѣдуется на нѣмецкомъ языкѣ, но даже и тамъ, гдѣ собирается народъ для слушанія ихъ на эстскомъ. Такимъ образомъ крестятъ, женятъ, приобщаютъ и хоронятъ по необходимости въ церквахъ положительнаго исповѣданія; а молятся, люди набожныя, у своихъ раскольниковъ (т. е. у гернгутеровъ).

«Гернгутъ» основанъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ иллюминатовъ, графомъ Цинцендорфомъ. Онъ воспѣтъ и прославленъ истинною церковью, всѣми духовными иллюминатами Германіи, изъ которыхъ главнѣйшій Штилингъ, въ своемъ изъясненіи на апокалипсисъ («Побѣдная повѣсть», переводъ Лабзина), нашель въ немъ несомнѣнное доказательство, что церковь сія есть именно та, въ которой вопарится Господь,

когда, по ожиданію германскихъ и нашихъ *millenaires* придетъ Онь царствовать на земли съ своими избранными. Общество сіе постоянно сохраняло своихъ высшихъ, невидимыхъ вождей и свои степени. Въ молитвенныхъ домахъ ихъ, въ губерніяхъ нѣмецкихъ, дѣлается сіе такъ: всѣ собираются и садятся вмѣстѣ; проповѣдникъ, постоянный или прїѣзжій изъ Гернгута (ибо ихъ апостолы непрестанно объѣзжаютъ церкви свои во всѣхъ странахъ Европы и наши колоніи и Остзейскія губерніи) проповѣдуетъ на языкѣ народномъ, потомъ объявляетъ, чтобы народъ вышелъ, а тѣ, которые хотятъ слышать проповѣдь нѣмецкую (т. е. высшее общество изъ дворянъ и купечества) остались. Обѣ проповѣди сіи бывають, обыкновенно, хороши по ихъ трогательности и простотѣ христіанской, которая весьма старательно соблюдается въ наружности и языкѣ проповѣдника. Когда послѣдняя кончится, всѣ выходятъ—и народъ и *amis*, остаются одни *in timore*, т. е. положительные гернгутеры обоихъ половъ, и тогда начинается настоящая ложа, тайная, съ затворенными дверями; что тамъ говорится, никому не извѣстно, кромѣ членовъ присяжныхъ. Въ Россіи средоточія сего общества находятся во всѣхъ колоніяхъ и особливо въ Саратовскихъ, Новороссійскихъ и въ Бессарабіи; а въ Петербургѣ главный центръ въ домѣ гернгутеровъ, гдѣ и англійскіе методисты проповѣдывали тоже.

Лица, особенно важныя, принимаются агентами гернгутеровъ на дому.

Здѣсь и въ Лифляндіи секта сія весьма усиливается. Разные значущіе люди изъ дворянства въ нее уже вошли.

Въ здѣшнихъ губерніяхъ, особенно въ народѣ, можетъ она имѣть слѣдующую опасность: здѣсь дворянство другой націи, нежели народъ, оба помнятъ, что одно—завоеватель, а другой—завоеванный; ежели народъ и по религіи своей будетъ видѣть въ дворянствѣ общество вѣрѣ его ненавистное (какъ всякая положительная церковь для своего раскола), то при малѣйшемъ вѣншемъ побужденіи иллюминатовъ, могутъ когда-либо произойти безпорядки, для коихъ въ нынѣшнее время не бываетъ недостатка въ предлогѣ.

Впрочемъ, Эстляндія, въ которую изъ новгородской еще республика ѣздили вопрошать волхвовъ, весьма обилуетъ, какъ и нѣкоторыя изъ русскихъ губерній (Архангельская, Симбирская, Казанская, Сибирскія и пр.) тѣмъ родомъ обаятелей, которые извѣстны подъ именемъ ворожеевъ и много дѣлають въ простомъ народѣ вреда своими леченіями, порчами и особливо вытравливаніемъ младенцевъ. Они имѣють какое то преданіе, передаваемое съ большими осторожностями и состоящее въ дѣйствительномъ познаніи весьма чудныхъ свойствъ разныхъ естественныхъ произведеній: травъ, куреній и пр., въ ученомъ мірѣ неизвѣстныхъ. Сей классъ народа, по чрезвы-

чайной къ нему вѣрѣ простолюдиновъ, весьма можетъ, при случаѣ, быть сильнымъ орудіемъ секты, ибо и въ иллюминатствѣ и у Розенкрейцеровъ есть своя степень de Mage, и Экартсгаузенъ писалъ, переведенное на нашъ языкъ Лабзинимъ магическое сочиненіе, подъ названіемъ «Ключъ къ тайнствамъ природы». Такъ замыкается, двумя крайними оконечностями сей черты, обширный кругъ иллюминатства, въ безчисленныхъ его видахъ, къ одной и той же цѣли направленного.

Всеподданнѣйшее письмо М. Л. Магницкаго.

3-го марта 1831 г. Ревель.

Государь всемилостивѣйшій,

Поднося у сего послѣднюю записку по дѣлу, которое вашему императорскому величеству угодно было поручить мнѣ, и исполнивъ симъ высочайшую волю, по лучшему моему разумѣнію, по совѣсти и присягѣ, священнѣйшимъ почитаю долгомъ принести вамъ, государь всемилостивѣйшій, самую сердечную, самую глубокую благодарность за случай, который вы мнѣ даровать благоволили для доказательства безпредѣльной преданности моей къ особѣ вашего величества и ко всему августѣйшему вашему дому.

Истинно, государь, по первому велѣнію вашего величества, истребилъ я, нетрепетной рукой, за собою мость и съ неограниченнымъ самопреданіемъ, всѣ тайныя помышленія и чувства сердца моего, судьбу мою и всего семейства моего—ввѣрилъ одному вамъ!

Я не имѣлъ, государь, жертвы великодушія вашего достойнѣйшей. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій и преданнѣйшій подданный Михаилъ Магницкій.

З а к л ю ч е н і е.

Заключеніе сіе, по числу главныхъ предметовъ, въ предшествовавшихъ ему запискахъ содержавшихся, будетъ раздѣлено, равнымъ образомъ, на четыре степени: 1-я объ иллюминатствѣ политическомъ, 2-я о духовномъ, 3-я объ академическомъ и 4-я о народномъ.

I.

Объ иллюминатствѣ политическомъ.

Потерявъ всё способы наблюденія за нимъ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и особливо найдя неумѣстнымъ сноситься, въ сіе время, письменно съ людьми благонамѣренными, кои могутъ ближе меня его видѣть, я ничего новѣйшаго объ немъ не знаю теперь, иначе, какъ по знакомымъ мнѣ отголоскамъ литературы и по молчанію ея о нѣкоторыхъ предметахъ—исключительно. Отголоски сіи и особенно появленіе нѣкоторыхъ на нашемъ языкѣ книгъ (сочиненія фонъ-Визина и Логина Галича), которыя, по весьма основательнымъ уваженіямъ, не смѣли появиться въ теченіе шестнадцати лѣтъ, заставляють заключать, что цензура приняла новый характеръ, который или чѣмъ либо руководствуется, или попускается; всего же вѣроятнѣе кажется, что выборомъ людей, по сей части, управляетъ постороннее вліяніе.

Впрочемъ, не вдаваясь далѣе въ сіи гадательныя сужденія, можно идти къ нужнымъ заключеніямъ отъ основаній положительныхъ: акты парламентовъ и правительствъ, многіе благонамѣренныя писатели и самыя событія политическія неоспоримо доказываютъ, что иллюминатство во Франціи и въ Англіи превратило уже самыя правительства сихъ государствъ въ ложу, которая, разоблачая понемногу власть верховную и Церковь ежедневно, оттого только приняла сей медленный образъ дѣйствія къ ихъ разрушенію, что надѣется, изъ-за нихъ, такъ сказать, распространять его на всю Европу и дѣйствительно быстро и вѣрно въ томъ успѣваетъ, какъ мы то видимъ въ теченіе полугода.

Изъ 180 милліоновъ европейцевъ, съ ихъ союзниками и владѣніями въ Азій, до 342 милліоновъ простирающихся, около 100 милліоновъ на сторонѣ законности. Таллеранъ и Велингтонъ стоятъ у руля замышленнаго ими всемірнаго переворота, сего торжества иллюминатства подъ именемъ представителей нѣкоторыхъ правительствъ, кои не что иное суть, какъ учрежденная призракомъ закона непрестанная борьба страстей цѣлой массы черни съ державною властію, непрестанное поруганіе сего второго величества Божія—узаконенный бунтъ.

Весьма естественно, что то государство, которое въ числѣ сихъ 100 милліоновъ, едва ли, безъ исключенія, совершенно надежныхъ оборонителей законности заключаетъ одно 45 милліоновъ, для коихъ благотворное самодержавіе его царей утверждено на вѣрѣ, на наслѣдственной, изъ рода въ родъ, любви къ такому царствующему дому, который, по славѣ всѣхъ родъ имъ для Россіи прибрѣтенной, вышестъ

для каждаго русскаго его отечествомъ и безъ коего нѣтъ и не можетъ быть отдѣльнаго отечества; естественно, говорю, что такое государство, страшный исполнитъ нравственною его силою, святостию его началъ, защитою Божіею въ дѣлѣ правомъ, должно въ наше время обратить на себя всѣ злоумышленія воцарившагося бунта. Бунтъ сей, имѣя цѣль всемірную, не можетъ имѣть главнымъ предметомъ злодѣяній личныхъ, кои нужны ему тогда только, когда общій переворотъ государства, въ его смыслѣ, созрѣетъ, и посему, доселѣ, полагать должно, что дѣйствія его на Россію могутъ быть только двухъ родовъ.

1-ое политическое, т. е. ослабленіе ея въ силѣ союзомъ, занятіе сосѣдственными войнами, мѣстными мятежами, ухищреніями для подрыва или искаженія ея кредитной системы, и

2-ое *La démoralisation Politique*. Для того и другого, кромѣ дѣйствій внѣшнихъ, до моего предмета только побочно касающихся, нужно иллюминатамъ установить съ нею сколько можно ближайшее сношеніе.

Сношеніе сіе могутъ они имѣть:

а) Черезъ литературу и особенно чрезъ книги въ учебныя мѣста, не взирая на запрещеніе ихъ, къ выпискѣ и вывозу дозволеннымъ, и тѣ, кои, сколько судить можно по удобству ихъ пріобрѣтенія въ портахъ, не иначе, какъ по открытіи навигаціи, должны провозиться шкиперами подъ видомъ ихъ собственныхъ.

Примѣчаніе. Открытіе сего послѣдняго особенно было бы важно для узнанія тѣхъ лицъ, кои выписываніемъ сего ядовитаго товара промышляютъ. Главный центръ сей торговли долженъ быть въ Ригѣ. Говорятъ, что и въ Петербургѣ возмутительныя пѣсни *Вегангер* покупать было можно, но только стереотипнаго изданія, вѣроятно для удобнѣйшей укладки при провозѣ, и за необъятно дорогую цѣну. Въ Ригѣ же цѣна довольно умѣренная доказываетъ, что провозъ обилень.

б) Черезъ разъѣзжающихъ, подъ разными видами адептовъ и нарочныхъ. Люди сего рода въ Россію проѣзжаютъ, по большей части, могутъ подъ именемъ приказчиковъ торговыхъ домовъ, отъ конхъ и дѣйствительно, для закрытія себя, легко имѣть имъ нѣкоторыя порученія на закупку нашихъ произведеній и проч., ибо нынѣ капиталы всей Европы приведены уже въ руки жидовъ (четыре брата Родшильды) и большая ихъ масса въ расположеніи самаго важнаго иллюмината Лафита. Цѣль сихъ комиссіонеромъ можетъ состоять въ разныхъ сообщеніяхъ, кои могутъ они привозить адептамъ общества ихъ въ Россіи и обратно отозвизать словесно сообщаемыя отъ нихъ свѣдѣнія; равно какъ и въ собраніи, о состояніи Россіи вообще, положительныхъ извѣстій.

с) Черезъ выѣзжающихъ къ намъ, безъ благонадежнаго ручательства нашихъ миссій, иностранцевъ разнаго рода.

II.

Объ иллюминатство духовномъ.

Мнѣ кажется, поколику можетъ сіе быть видно издали, союзъ сего иллюминатства, нанесенными ему ударами въ 1824 году, до того ослабленъ, что не имѣя ни силы, ни способствъ къ систематическому нынѣ дѣйствию, таится онъ въ малочисленной связи нѣсколькихъ лицъ, кои не иное, какъ косвенное вліяніе на дѣла, политическимъ значеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣть могутъ.

Феслеръ прибылъ въ Петербургъ въ мое отсутствіе и ежели имѣлъ какое участіе въ дѣлѣ о реформатскихъ церквахъ, то вѣроятно подъ рукою и сіе, ежели было, заслуживаетъ особенное вниманіе.

Не зная, впрочемъ, ничего о семъ предметѣ, кромѣ весьма сбивчивыхъ и невѣрныхъ слуховъ, я не могу судить о немъ. Посему и въ предшествовавшихъ моихъ запискахъ указалъ я нѣсколько совершенно знающихъ въ семъ предметѣ лицъ; они суть: Тверской архіепископъ Амвросій, князь Мещерскій и священникъ Кочетовъ.

III.

Объ иллюминатство академическомъ.

Не имѣя присовокупить ничего существеннаго о семъ иллюминатствѣ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, ко всему, что раскрылъ я въ предшествовавшихъ моихъ запискахъ, я почитаю нужнымъ сказать здѣсь, что сіе иллюминатство чрезвычайно усилилось; но какъ, при подробнѣйшемъ изъясненіи сего заключенія, не могу я избѣгать рѣчи о предметахъ, лично до меня касающихся; то дабы ни мало не смѣшивать сего частнаго, такъ сказать, предмета съ общимъ, я принужденъ, по самымъ чистымъ побужденіямъ, отклонить раскрытіе его до новаго повелѣнія, ежели бы почлось оно когда либо нужнымъ.

Университеты Виленскій и Дерптскій, въ семъ усиленіи академическаго иллюминатства, особенно сдѣлали большіе успѣхи.

Оно укрѣпилось въ центрѣ учебнаго управленія уничтоженіемъ всякаго противодѣйствія и выгоднымъ для него размѣщеніемъ людей.

Въ польскихъ губерніяхъ особенно, доколѣ тамошнее духовенство не освободится по всей учебной его части отъ опаснаго на него вліянія Виленскаго университета, не можетъ быть добраго духа въ классѣ учащагося народа, и сей край, сопредѣльный съ губерніями российскими, можетъ быть весьма вреднымъ для насъ проводникомъ.

Живя въ такое время, когда не только крупныя перемѣны, но и

самыя добрыя уновленія не безвредны, великая потребна осмотрительность для истребленія сего важнаго зла, подъявшаго корень Имперіи, безъ потрясеній, безъ преслѣдованія лицъ, однимъ истребленіемъ я до-ви то сти наукъ и злоумышленія; ибо, дѣйствительно, заблужденіе людей болѣе жалостно, нежели преступно; а науки, какъ прекраснѣйшіе цвѣты въ природѣ, издають животворный газъ при сіяніи солнца правды, и газъ смертоносный—во тьмѣ нечестія.

IV.

Объ иллюминатствъ народномъ.

Сіе послѣднее зло, по самому закону всякаго неостанавливаемаго зла, весьма усилилось; но вообще въ Россіи ошибочно было бы думать, что зло самое древнее и укоренившееся такъ же трудно истребить какъ индѣ. Правительство наше, по счастью, такъ сильно, что не только его распоряженія, но и самый оборотъ его образа мыслей имѣетъ величайшее вліяніе на общее мнѣніе, и посему всегда можетъ оно располагать столь огромною нравственною силою, какой ни которое изъ другихъ правительствъ не имѣетъ; и все доброе и полезное у насъ гораздо легче (?) нежели злое и вредное, тѣмъ болѣе, что нынѣ, въ сіе время всеобщаго потрясенія, перемѣнъ и колебаній, ничего не нужно, кромѣ противоположнаго имъ и, такъ сказать, отрицательнаго дѣйствія, однимъ систематическимъ охраненіемъ незыблемой положительности и законности.

Я не могу окончить сей статьи не отдавъ справедливости отличному духу нашего воинства. Сей цвѣтъ Россіи, преданный Богу и Царю, не знающій ни нужды, ни страха, какъ непреодолимый оплотъ, поражаетъ ужасомъ мятежные народы и вождей ихъ.—Надобно было видѣть съ какимъ духомъ готовился къ выступленію отсюда Суворовскій полкъ!—съ какимъ восторгомъ офицеры переписывали приказъ, при семъ случаѣ изданный, носили на себѣ и читали своимъ знакомымъ.—Кто взвѣситъ сію нравственную силу нашего правительства?—Какимъ образомъ исчислить сколько тысячъ замѣнить можетъ одинъ энтузіазмъ сей славной и доблестной дружины къ Царю-Товарищу въ бояхъ и опасности, къ Царю-Отцу и благодѣтелю женъ и дѣтей ея?

Наконецъ можно сказать утвердительно, что все многолѣтнее зло, отъ иллюминатства къ намъ привитое, какъ ни кажется оно обширнымъ, по объему его, ничто предъ волею правительства, какъ скоро оно его видитъ и захочетъ подвигнуть всѣ пружины нравственной силы 45-ти милліоновъ, во всемогущей рукѣ его, для блага Имперіи и всего чело-вѣчества вмѣщенныя.

Записка графа М. М. Сперанскаго императору Николаю I.

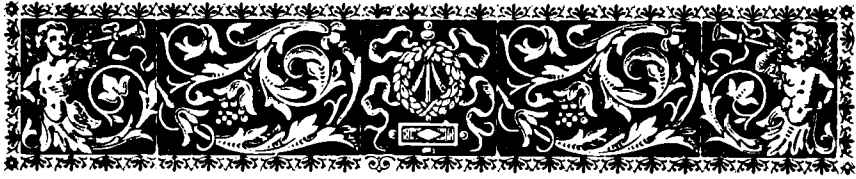
21-го января 1830 г.

Освободясь отъ болѣзни, имѣю счастье вашему императорскому величеству донести, что труды 2-го отдѣленія собственной канцелярїи, въ теченіе минувшаго года окончанныя, изготовлены къ поднесенію ихъ на высочайшее усмотрѣніе, когда повелѣтъ будетъ благоугодно.

На запискѣ рукою императора Николая I написано карандашемъ.—
«Буду просить ко мнѣ прїѣхать въ четвергъ; о часѣ дамъ знать позже».

Сообщ. П. М. Майковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877--1878 г.г.)

IV ¹⁾.

Положеніе Румыніи. — Правители: Братіано, Когольничано, Іонъ Гиеа, Сланичано. — Иностранная пресса о Россіи. — Наше политическое положеніе въ Румыніи. — Переговоры о конвенціи.

Вѣдѣнія о Румыніи, румынахъ, румынскомъ обществѣ и правительствѣ того времени, собранныя мною по пріѣздѣ въ Букарестъ и дополненныя впоследствии въ теченіе почти 7-ми мѣсячнаго тамъ пребыванія, сводились къ слѣдующему. На вопросъ что такое Румыніа — отвѣтить, конечно, легко, взглянувъ на географическую карту, а на вопросъ, что такое румыны — отвѣтить труднѣе, такъ какъ острога Хитрово, что 15 милліононъ мавросовъ составляютъ румынъ, или опредѣленіе, что румыны образовались изъ валаховъ и молдаванъ, соединенныхъ подъ однимъ правительствомъ — еще недостаточно. Но тутъ возникаетъ большая трудность въ точномъ опредѣленіи и бѣда заключается въ томъ, что исторіи Румыніи нѣтъ и не было (въ 1886 г.). Нѣтъ ни историческихъ преданій или легендъ, ни сказокъ даже, не только лѣтописей, въ которыхъ рисовалась бы жизнь народа. Просто ничего нѣтъ. Были молдаване, были и молдавскіе господа, были валахи и валахскіе господа и правители, но румынъ не было. И вотъ въ половинѣ XIX столѣтія явились на сцену исторической жизни Европы румыны, Румынское княжество и наконецъ королевство.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, февраль 1899 г.

Сами румыны говорятъ, что они произошли отъ римскихъ легионовъ, поселенныхъ во времена дны въ Дакіи, перемѣшавшихся съ аборигенами страны и принявшими въ себя многое отъ сосѣднихъ племенъ и государствъ. Эта гипотеза имѣеть много вѣроятія. Въ языкѣ румынъ слышатся италянскія и латинскія слова, италянское произношеніе, конечно, все приправленное чуточку греческимъ, турецкимъ, много славянскаго, есть и нѣмецкое. Существуетъ городъ Романъ; по-французски они называются les Roumains, что очень похоже на Romains; съ другой стороны религія и церковные обряды—православные. Типъ лица въ Валахіи, въ особенности къ югу отъ линіи Краіова-Букарестъ къ Дунаю: смѣсь италянскаго, греческаго и немного еврейскаго. Смуглый цвѣтъ кожи, черные какъ смоля волосы и глаза, овальныя, длинныя лица, горбатые и даже крючковатые носы и острые подбородки, особенно у женщинъ,—изобличаютъ южное происхожденіе. Въ Молдавіи встрѣчаются очень сильныя слѣды славянскаго племени: круглыя, курносые лица, свѣтлыя волосы, голубые и сѣрые глаза. Женщины въ Валахіи поклонниками южнаго типа считаются красивыми, но весьма скоро старѣютъ и тогда, когда длинный заостренный носъ начнетъ сближаться съ узкимъ заостреннымъ же подбородкомъ—совсѣмъ некрасивы. Молдаванки гораздо пріятнѣе, нѣжнѣе лицомъ и дольше сохраняются.

Говоря выше объ отсутствіи у румынъ отечественной исторіи, я сказалъ, что легендъ историческихъ или сказокъ нѣтъ; долженъ поправиться. Есть легенда о вѣкомъ Михайлѣ Храбромъ, или какъ его называютъ Михай Вѣда или Михаль Вѣда (вѣроятно Михайлъ воевода); ему даже памятникъ воздвигнутъ на площадкѣ противъ сената въ Букарестѣ. Стоитъ древній воинъ и грозитъ кому то мечомъ. Но какъ я ни старался разузнать, когда дѣйствовалъ Михайлъ Храбрый, противъ кого онъ сражался, гдѣ—не могъ добиться толку; наиболѣе подробные отвѣты клонились къ тому, что вѣроятно «воевалъ съ турками»; кстати они и близко и господствовали когда то въ теперешней Румыніи, были страшны, да и теперь страшноваты: вдругъ перейдутъ Дунай, напустятъ башибузуковъ и пропадетъ Букарестъ—petit Paris. Рассказывали мнѣ, вѣроятно въ шутку, что долго не могли рѣшить, какъ поставить памятникъ: хорошо бы повернуть его лицомъ къ югу, по направленію къ Дунаю—тогда бы онъ грозилъ мечомъ зарѣчному врагу—туркамъ, но въ этомъ случаѣ онъ станетъ спиной къ палатѣ, что не хорошо, точно отвернулся; поставить лицомъ къ палатѣ и сенату тоже неудобно: точно грозитъ сенаторамъ и депутатамъ, да и туркамъ спину повернуть, а вѣдь онъ ихъ билъ. Наконецъ, не знаю уже почему, поставили лицомъ къ сенату и спиной къ врагу.

Букарестъ, по словамъ румынъ—маленькій Парижъ; они очень гор-

дятся своей столицей. Гордятся они почему то и собой, увѣряя, что играютъ большую роль въ Европѣ, находясь на аванпостахъ цивилизаціи противъ варварства, грозящаго съ двухъ сторонъ: съ востока—Россіи, съ юга—Турціи. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать и читать въ газетахъ румынскихъ: *l'Europe nous regarde; la Roumanie, enfant chéri de l'Europe; la Roumanie fera son devoir aux yeux de l'Europe; l'Europe ne permettra pas de toucher à la Roumanie* и т. п.

Какъ во всякой вновь явившейся на сцену политической жизни странѣ, самолюбіе, бахвальство, фразѣрство и фанфаронство достигаютъ здѣсь невѣроятныхъ размѣровъ. Огромное количество газетъ, служившихъ орудіемъ партій и лицъ, наводняли страну, проводя свои взгляды, часто противоположные внутреннимъ дѣламъ, но по большей части единодушные въ проповѣдываніи вражды къ Россіи. Слухи одинъ другого нелѣпѣе, слетни, все было въ ходу. Конечно вся журналистика Румыніи подогрѣвалась извѣи враждебными намъ органами печати, среди которой особой злобой отличались венгерскіе, австрійскіе и англійскіе (консервативные) журналы. Понятно само собой, что во главѣ враждебныхъ намъ иностранныхъ органовъ находилась жидовствующая пресса, не останавливавшаяся ни передъ чѣмъ. Въ Румыніи того времени все и вся занималось политикой, конечно, кромѣ простого народа, который напоминаетъ мнѣ очень малоросовъ какъ по наружному виду и отчасти—одеждѣ, такъ и по характеру и домашней сельской обстановкѣ.

Выдающейся особенностью румынской интеллигенціи было чванство и непрочность семейныхъ узъ; титулы, служебныя отличія и названія играли большую роль. Сенаторовъ и *ex-ministres* была масса. Это, впрочемъ, кажется, черта общая маленькимъ государствамъ, особенно молодымъ, воображающимъ, что они играютъ большую роль. Я былъ пораженъ, узнавъ однажды, что въ Сербіи министръ, оставляя свой министерскій постъ, сохраняетъ званіе министра хотя и не у дѣлъ. У меня былъ товарищъ по академіи, сербъ, очень почтенный человекъ, принесшій много пользы сербской арміи, который былъ военнымъ министромъ, затѣмъ оставилъ свой постъ, не занималъ никакой должности, а долго еще спустя назывался: «министръ на распоряженіи короля сербскаго» и при этомъ назывался такъ не самозванно, а по праву; другой, тоже весьма уважаемый сербъ, извѣстный во всемъ славянскомъ мірѣ ученый, писалъ на своей визитной карточкѣ: *Conseiller d'Etat, ancien Ministre*, а не писалъ своего ученаго, доставившаго ему извѣстность, званія. Нѣчто въ родѣ этой любви къ титуламъ и внѣшнимъ отличіямъ видѣлъ я и въ Болгаріи; уже чего кажется демократичнѣе, какъ Болгарія послѣ ея освобожденія нами: всѣ равны; сегодня—министръ, завтра—лавочникъ, а между тѣмъ былъ такой фактъ: князь Александръ Батенбергъ, придававшій вездѣ и во всемъ большое значеніе внѣшнему блеску, въ томъ

числѣ и одеждѣ, подарилъ или далъ за деньги, теперь уже не помню, всѣмъ министрамъ форменные фраки съ металлическими пуговицами. Когда первое министерство, почему то названное нами консервативнымъ, пало, и нѣкоторые министры, не войдя въ новый кабинетъ, вышли въ отставку, то появился вопросъ о фракахъ, и я знаю лично нѣсколькихъ изъ нихъ, которые настаивали на правѣ ношенія министерскихъ фраковъ, находясь не у дѣлъ.

Друзей у насъ почти не было, небольшое число ихъ, входившее въ составъ прежняго министерства и принадлежавшее къ аристократической партіи: Флореско, Кантакузены, Граммонъ были или замкнуты въ частной жизни, или, если и служили, какъ Граммонъ, то роли не играли ¹⁾; къ этому же классу надо отнести и магнатовъ въ родѣ князей Стирбей, Бибеско, Суцо и проч.

Послѣ паденія аристократическаго министерства бѣлыхъ, у власти стало либеральное, демократическое министерство съ Юномъ (Иваномъ) Братіано (John Brătianu) во главѣ.

Братіано, съ которымъ я впоследствии познакомился и часто встрѣчался у барона Стурта, былъ маленькій худощавый и даже тщедушный старичекъ; съ длинными черными съ легкой просѣдью, вьющимися волосами и такой же бородой, весьма умными, живыми глазами; во всей его фигурѣ и движеніяхъ проглядывала нервность, живость и энергія. Всегда очень просто одѣтый, отличавшійся скромной жизнью, И. Братіано былъ, по общимъ отзывамъ, очень умный и тонкій человѣкъ, пламенный патриотъ, бѣдный и, что рѣдко встрѣчалось въ румынскихъ правящихъ сферахъ того времени, весьма честный человѣкъ. Онъ самъ про себя говорилъ: «nous autres rauxtes vignepous...» такъ какъ не имѣлъ состоянія, а владѣлъ небольшимъ имѣніемъ кажется въ окрестностяхъ Питешти, съ очень хорошими виноградниками. Когда-то горячій республиканецъ и революціонеръ онъ участвовалъ какими-то судьбами въ заговорѣ Орсини противъ Наполеона III, бѣжалъ послѣ неудачнаго исхода этого покушенія, былъ заочно приговоренъ французскимъ правительствомъ къ смертной казни, агитировалъ въ Румыніи противъ князя Кузы, покровительствуемаго императорскою Франціей, участвовалъ въ государственномъ переворотѣ, низвергнувшемъ этого князя, и привезъ въ Букарестъ теперешняго князя Карла Гогенцоллерна. Онъ не былъ партизаномъ Россіи по принципу, думаю даже, что вслѣдствіе своего революціоннаго прошлаго и демократизма скорѣе оправдывалъ кличку краснаго, которою окрестили все тогдашнее министерство Румы-

¹⁾ При Флореско Граммонъ былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства; съ паденіемъ Флореско удаленъ и Граммонъ, а въ описываемое время былъ начальникомъ штаба 3-й территориальной дивизіи. Штабъ расположенъ былъ въ Галацѣ.

ни, и не симпатизировалъ Россіи какъ олицетворенію монархическаго принципа, но былъ слишкомъ уменъ, чтобы идти противъ насъ открыто, умѣлъ соображаться съ обстоятельствами и понималъ, что въ случаѣ войны между Россіей и Турціей для Румыніи нѣтъ другаго исхода какъ идти съ нами рука объ руку; но онъ былъ очень остороженъ, былъ вынужденъ выжидать, тѣмъ болѣе, что политическій горизонтъ былъ весьма неясенъ. Конференція въ Константинополѣ тянулась безъ очевиднаго результата, мы шли на уступки и хотя мобилизировали армию, но далеко не проявляли той рѣшительности, которую выказали осенью 1876 г., пославъ Турціи ультиматумъ относительно Сербіи. Положеніе Австріи было болѣе чѣмъ двусмысленно, а Германія, дружбою которой мы въ то время утѣшались, была далеко не искренна. Колебанія наши и сложность обстановки заставляли Братіано быть сдержаннымъ, тѣмъ болѣе, что ему приходилось бороться и съ внутренними врагами, противниками союза съ Россіей, а также личными своими противниками, претендовавшими захватить кормило правленія. Поставленный въ весьма деликатное положеніе Братіано все-таки въ тайнѣ былъ на нашей сторонѣ, усердно работалъ въ пользу заключенія конвенцій съ нами и часто посѣщалъ барона Стурта, но приходилъ всегда въ сумеркахъ, пѣшкомъ, или прѣбжалъ на извозчикѣ, стараясь скрывать свои сношенія съ русскимъ консульствомъ. Чтобы вполнѣ охарактеризовать эту замѣчательную личность, я забѣгу впередъ и расскажу эпизодъ, случившійся гораздо позже, когда Братіано внесъ въ палату проектъ конвенціи съ Россіей. Въ палатѣ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ заключенія конвенціи съ нами былъ депутатъ Бларамбергъ, принадлежавшій къ туркофильской партіи. Возражая Братіано онъ между прочимъ сказалъ: «Vous avez commencé votre carrière avec Orsini et vous la terminez avec un cosaque», на что Братіано отвѣтилъ: «Si je savais qu'une alliance avec le diable, non seulement avec un cosaque, ferait du bien à ma patrie, je la signerais...»

Другимъ весьма выдающимся лицомъ среди румынскихъ министровъ былъ Когальничано, министръ иностранныхъ дѣлъ. Въ противоположность бѣдному Братіано, отличавшемуся своей скромной жизнью, Когальничано любилъ пожить и былъ какъ говорится *viveur*. Старый холостякъ, большой гастрономъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея проявленіяхъ, а въ особенности въ женщинахъ, знатокъ и любитель изящныхъ искусствъ Когальничано жилъ постоянно за городомъ въ собственномъ небольшомъ, но роскошномъ домѣ-особнякѣ, въ родѣ виллы, на шоссе, проведенномъ еще во времена оны графомъ Киселевымъ, въ разстояніи $\frac{1}{4}$ часа ѣзды отъ города. Говорили, что домъ этотъ представляетъ изъ себя изящнѣйшій музей, въ которомъ бывають Лукуловскіе пиры. Съ виду же министръ этотъ вовсе не соответствовалъ понятію

объ изящномъ; маленькій, толстый, безъ усовъ и бороды, страдавшій каменной болѣзью, обрюзглый Когальничано ходилъ всегда въ какомъ-то коричневатомъ сюртукѣ, широкомъ галстукѣ, скрывавшемъ даже признаки бѣлья, выглядѣлъ грязновато и своей наружностью обличалъ отъявленнаго сластолюбца. Понятно, что для удовлетворенія артистическихъ наклонностей требовались деньги, и ходилъ слухъ, будто Когальничано до нихъ падохъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ репутацію одного изъ самыхъ умныхъ, дѣльныхъ, образованныхъ и даже ученыхъ людей Румыніи, соперничая въ этомъ отношеніи съ министромъ просвѣщенія и исповѣданій (*instruction publique et des cultes*) Эпуриано. По политической окраскѣ Когальничано стоялъ по серединѣ между бѣлыми и красными, а по отношенію къ Россіи былъ скорѣе противъ нея, проявляя въ сношеніяхъ съ нами крайнюю двуличность, а по временамъ и явный антагонизмъ.

Часовъ отъ 12 до 2 дня почти всегда можно было найти Когальничано за отдѣльнымъ столикомъ въ рестораціи Брофта, окруженнаго поклонниками.

Во главѣ враждебной намъ туркофильской партіи былъ вице-президентъ сената Іонъ Гика, открытый, закоренѣлый врагъ Россіи и другъ Турціи, который не скрывалъ нигдѣ и никогда своихъ крайнихъ антипатій къ Россіи и симпатій Турціи. Этотъ Іонъ Гика былъ даже когда-то на турецкой службѣ, управлялъ островомъ Самосомъ и его называли *le prince de Samos*. Во всѣхъ переговорахъ и преніяхъ, которыя происходили между различными членами румынскаго правительства по вопросу о заключеніи конвенціи съ нами, Іонъ Гика былъ всегда коноводомъ оппозиціи противъ Братіано, къ нему примыкали: министръ путей сообщеній Дмитрій Стурдза, депутаты: Бларамбергъ, о которомъ я уже говорилъ; Градичано, пользовавшійся славою лучшаго румынскаго адвоката и обладавшій красавицей женой; президентъ камеры (палаты) Розетти, редакторъ вліятельной газеты «Румынуль» и многіе другіе. Розетти былъ завзятый республиканецъ, жившій въ Парижѣ во время германской блокады, членъ коммуны и настолько крайній въ своихъ коммунистическихъ воззрѣніяхъ, что даже коммунары находили его слишкомъ крайнимъ.

Къ нимъ же примыкалъ и военный министръ полковникъ Сланичано. Отецъ его, говорятъ, простой рендашъ¹⁾, былъ въ услуженіи у тестя бывшаго военнаго министра генерала Флореско. Маленькій Сланичано былъ воспитанъ въ этомъ семействѣ, поступилъ въ военную службу благодаря протекціи Флореско и, достигнувъ чина полковника, сдѣлался послушнымъ орудіемъ Іона Гика. Послѣ паденія бѣлыхъ, Сла-

¹⁾ По нашему—вухонный мужикъ.

ничано, благодаря Юну Гикѣ, добился до званія военнаго министра, при чемъ первымъ дебютомъ его было требованіе предать суду генерала Флореско, что и исполнилось. Сланичано былъ на видъ ничего не значущая, бѣлобрысая, слащавая фигура съ весьма плоскимъ лицомъ, скошеннымъ назадъ лбомъ и остроконечной головой; по общимъ отзывамъ человекъ бездарный, малознающій, но съ гибкой спиной; другъ Турціи и врагъ Россіи. Бывшій прежде военный министръ генералъ Флореско пользовался репутаціей весьма знающаго и слѣдящаго за военнымъ дѣломъ человека; онъ былъ не у дѣлъ, при господствѣ красныхъ вліянія не имѣлъ, но былъ неоднократно полезенъ намъ своими указаніями.

Изъ всѣхъ министровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ въ то время у власти въ Румыніи, для насъ имѣли первенствующее значеніе Братиано, Когальничано, Сланичано и Дм. Стурдза какъ министры, Юнгъ Гика и Розетти какъ люди вліятельные въ сенатѣ и палатѣ; остальные министры: Эпуряно, Юнеско, Вернеско и проч. не имѣли для насъ существеннаго значенія.

Необходимо закончить описаніе правителей Румыніи упоминаніемъ о князѣ Карлѣ.

Послѣ переворота въ Букарестѣ, низвергнувшаго князя Кузу, правители революціи обратились къ европейскимъ дворамъ для полученія князя, и выборъ ихъ остановился на князѣ Карлѣ Гогенцоллерскомъ, приходившемся родней многимъ европейскимъ дворамъ и женамъ на княжнѣ Елисаветѣ Видѣ ¹⁾, состоявшей тоже въ родствѣ съ царствовавшими тогда фамиліями. Князь Карлъ былъ какъ-то незамѣтенъ и потому, говоря о немъ, я ограничусь выпиской изъ письма моего генералу Левицкому отъ 25-го декабря (ст. ст.) 1876 г.: «Слѣдуетъ имѣть въ виду, что князь Карлъ боится Турціи, боится Австріи, слушается Берлина, боится Россіи и не довѣряетъ ей». Одинъ изъ извозчиковъ-скопцовъ, любимецъ Матюшева, бойкій, смышленный, молодой красавецъ Михайло, съ которымъ я часто бесѣдовалъ, говоря про румынъ, сказалъ мнѣ однажды, но гораздо позже: «Ихній-то Карла душой бы радъ быть вмѣстѣ съ нами, да министровъ боится». Въ донесеніи моемъ начальнику штаба арміи отъ 20-го апрѣля 1877 года, т. е. скоро послѣ объявленія нами войны Турціи, было сказано: «присутствіе князя Карла равносильно его отсутствію въ странѣ».

Отношенія румынскаго правительства къ нашему представителю были далеко не искренни, и часто сомнительны. Такъ, князь Карлъ не принималъ барона Стурта иначе какъ по предварительному, накануне испрошенной, аудіенціи. Понятно, что этикетъ тутъ былъ не при чемъ; просто надо было переговорить кое съ кѣмъ и условиться какъ

¹⁾ Извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Katmen Sylva*.

себя держать и что отвѣчать барону. Ионъ Гика, Розетти, Дмитрій Стурдза и ихъ сторонники шли противъ насъ въ открытую, а между тѣмъ, не говоря о вліятельномъ положеніи этихъ лицъ, Стурдза былъ для насъ очень важенъ по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, долженствовавшихъ перевозить наши войска. Сланичано, стоя во главѣ управленія арміею, могъ намъ очень вредить и вредилъ всегда, когда могъ; Когальничано политиковалъ, и баронъ Стуртъ могъ переговариваться только съ Братіано, который изображалъ человека, преданнаго Россіи, сообщалъ намъ разныя ненужныя секретныя свѣдѣнія и затагивалъ заключеніе конвенціи ¹⁾. На вопросъ барона Стурта когда же мы подпишемъ конвенцію Братіано отвѣчалъ: «*Vous savez le Prince; il est allemand, il ne veut signer qu'à la dernière heure; mais vous pouvez être sur...*» ²⁾

Такъ проходили дни за днями и дѣло не двигалось.

17-го декабря стараго стиля, т. е. черезъ день послѣ моего пріѣзда въ Букарестъ, туда же пріѣхалъ Г. И. Бобриковъ съ порученіемъ къ князю Карлу и Братіано. Сущность его порученія заключалась въ опредѣленіи нѣкоторыхъ подробностей, проектированныхъ въ конвенціи и въ настояннн о скорѣйшемъ ея подписаніи. Я очень обрадовался его пріѣзду и жалѣлъ, что пребываніе его въ Букарестѣ будетъ весьма непродолжительно. Бобриковъ привезъ подробности о болѣзни великаго князя и разныя свѣдѣнія изъ Кишинева. Я слышалъ уже раньше въ консульствѣ и читалъ въ газетахъ, что главнокомандующій заболѣлъ еще 7-го декабря, но слухи были такъ преувеличены, сбивчивы, невѣроятны, что мы имъ не вѣрили, въ особенности читая ихъ въ вѣдскихъ газетахъ, а также румынскихъ, перепечатававшихъ сенсаціонныя извѣстія первыхъ. Бобриковъ подтвердилъ, что болѣзнь великаго князя серьезна и опасна, что вызванъ Пироговъ, что въ то время главнокомандующему было уже лучше, но что до полного выздоровленія и возможности заниматься еще далеко. Болѣзнь его высочества несомнѣнно отъявлялась застоємъ въ дѣлахъ и повергла всѣхъ насъ въ большое уныніе. Мы любили великаго князя, вѣрили въ него, свыклись съ мыслью имѣть именно его во главѣ дѣйствующей арміи, а тутъ вдругъ такой ударъ.

Румыны всякаго сорта наводняли наше консульство, наводя справки о великомъ князѣ, и бѣдный Д. Э. Стуртъ долженъ былъ со всѣми справляться. Невозможно подробно рассказать, что только тогда говорилось

¹⁾ Конвенція, составленная Нелидовымъ, Стуртономъ, княземъ Кантакузинымъ и Братіано, хотя была написана, но палатамъ еще не сообщена, княземъ не подписана и не ратификована.

²⁾ Вы знаете князя; онъ нѣмецъ и не желаетъ подписывать до послѣдняго момента, но вы можете быть увѣрены...

и печаталось во враждебныхъ намъ газетахъ по поводу болѣзни главнокомандующаго и состоянія Россіи.

Какъ теперь помню, берлинскія газеты пустили слухъ, что нашъ государь, не находя среди русскихъ генераловъ достойнаго стать во главѣ арміи, обратился за помощью къ германскому императору и просилъ прислать Мантейфеля, мотивируя свой выборъ тѣмъ, что онъ русский фельдмаршалъ, но что Мантейфель отказался на томъ будто-бы основаніи, что берлинскій дворъ потребовалъ, въ случаѣ согласія его принять назначеніе у насъ, выйти изъ прусской службы. Вѣнскія газеты сообщали, что великій князь вовсе не болѣетъ желудкомъ, а что въ него выстрѣлили въ Кишиневѣ возмущившіеся офицеры и что онъ опасно раненъ; что сходка, бывшая 6-го декабря на Казанской площади въ Петербургѣ, состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ, для усмиренія которыхъ Треповъ созвалъ на площадь всѣ войска и атаковалъ толпы кавалеріей.

Самые ярые нападки на Россію были въ австрійской «Neue Freie Presse» и во всѣхъ венгерскихъ газетахъ, въ германской «Kölnische Zeitung», въ англійской «Standart» и въ большинствѣ румынскихъ. Иллюстрированные журналы были переполнены карриатурами на Россію, которая изображалась всегда или въ видѣ медвѣдя, или свирѣпаго мужика съ кнутомъ въ рукѣ и торчащимъ изъ кармана штофомъ, съ надписью: vodka. Наибольшей злобой и ядовитостью отличался вѣнскій журналъ «Kikireku», въ иллюстраціяхъ котораго почти всегда являлся, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, самъ хозяинъ журнала въ видѣ пѣтуха. Я помню одну возмутительную картину, которая всѣхъ насъ привела почти въ бѣшенство. На заглавномъ листѣ нарисована большая кровать и на ней, вытянувшись во весь ростъ, лежитъ великій князь, поразительно похожій, но съ страдальческимъ лицомъ и головой, повязанной платкомъ. За одну руку его держитъ докторъ, считаетъ по часамъ пульсъ и говоритъ: kaltes Fieber; другой, стоящій на противоположной сторонѣ кровати, говоритъ, что тифъ, pestartiges Fieber, а кикиреки, пѣтухъ, стоящій ближе къ зрителю у ногъ кровати, возражаетъ обоимъ: nein meine Herren, es ist kanonen Fieber!

Г. И. Бобриковъ привезъ барону письмо отъ Хитрово, въ которомъ упоминалось о полученіи великимъ княземъ телеграммы отъ посла нашего изъ Вѣны съ отвѣтомъ, касающимся движенія нашего черезъ Сербію. Денеша эта была послана послѣ моего отъѣзда изъ Вѣны, а потому я не зналъ точно ея содержанія, но по письму Хитрово было видно, что она произвела въ Кишиневѣ дурное впечатлѣніе, а между тѣмъ мои письма, въ которыхъ были подробности, несомнѣнно пояснявшія и освѣщавшія краткое телеграфическое извѣстіе—еще лежали въ Букарестѣ за неимѣніемъ курьера! Бобриковъ былъ у князя Карла и Братіано; всѣ были съ нимъ

по обыкновению очень любезны, и князь высказалъ даже готовность быть съ нами; но все это были слова и слова. Скоро послѣ отъѣзда Бобринкова случилось слѣдующее происшествіе. Въ Турціи была объявлена конституція, и въ Константинополѣ засѣдалъ знаменитый турецкій парламентъ, придуманный Митхадомъ-пашой. При открытіи парламента, предсѣдатель его, Савфетъ-паша, читая декларацію, назвалъ всѣ народы, такъ или иначе подвластные Турціи, въ томъ числѣ и румынъ—оттомавами, а Румынію—оттоманскою провинціею ¹⁾; это произвело во всемъ княжествѣ сильное возбужденіе. Румыны заволновались: «какъ, мы, аванпостъ Европы, оплотъ противъ варваровъ—и насъ называютъ оттоманами!» Въ публикѣ было рѣшено произвести демонстрацію и устроить передъ дворцомъ князя факельцугъ съ криками: «долой турокъ», но мѣрами полиціи демонстрація предотвращена. Тѣмъ не менѣе народился политическій инцидентъ, и румынское правительство вотировало и отправило въ Константинополь протестъ. 22-го декабря ст. ст. около 6 час. пополудни Братіано пріѣхалъ въ русское консульство втихомолку и прочиталъ барону протестъ. Стюартъ воспользовался такимъ настроеніемъ румынскаго правительства и задалъ обычный вопросъ: «Et bien—nous signons?», но получилъ въ отвѣтъ также обычную фразу Братіано: «Ah pas encore; nous devons attendre». Баронъ Стюартъ считалъ эту минуту весьма удобною для того, чтобы поставить категорическій вопросъ румынамъ: за насъ или противъ насъ, но не рѣшился поставить все на карту, не имѣя изъ Петербурга инструкцій, до какой степени настойчивости долженъ онъ требовать рѣшительнаго отвѣта. На неоднократно посланные вопросы по этому пункту Петербургъ отвѣчалъ молчаніемъ. Вообще положеніе нашего консула въ то время было до крайности тяжелое, отвѣтственное и въ общемъ незавидное. Бывая каждый день у Стюарта, снискавъ его довѣріе и расположеніе, я часто работалъ подъ его руководствомъ въ cabinet noir и былъ свидѣтелемъ и участникомъ тревожныхъ дней, переживаемыхъ почтеннѣйшимъ Дмитріемъ Ѳедоровичемъ. Онъ безусловно дѣлалъ все, что могъ и даже болѣе, но присужденъ былъ къ блужданію впотьмахъ, не получая указаній. Такъ напримѣръ, несмотря на нѣсколько запросовъ, посланныхъ имъ въ Петербургъ о томъ, каковы должны быть его отношенія къ Кишиневу, т. е. насколько откровенно долженъ онъ сообщать туда о своихъ дипломатическихъ дѣйствіяхъ и о политическомъ положеніи—отвѣта не было, а между тѣмъ Кишиневъ спрашивалъ, требовалъ, настаивалъ. Очень можетъ быть, что Петербургъ молчалъ умышленно, но отъ этого Стюарту было не легче; онъ не могъ игнорировать и относиться равнодушно къ главнокомандующему, который

¹⁾ Румыніи въ то время была еще вассальнымъ княжествомъ.

былъ не простой генераль, а братъ государя. Въ высшей степени энергично дѣйствовалъ баронъ по вопросу объ оказаніи мнѣ помощи въ моемъ дѣлѣ и ему исключительно, а также, насколько позволяло дѣло, второму секретарю А. Золотареву обязанъ я улаженіемъ и удачнымъ исполненіемъ моихъ работъ ¹⁾).

Выведенный окончательно изъ терпѣнія уклончивостію Братіано, недоступностью князя Карла, получая энергическія депеши изъ Константинополя отъ графа Игнатъева и побужденія изъ Кишинева—баронъ Стурартъ предложилъ наконецъ румынамъ выходъ: пускай они подпишутъ конвенцію въ послѣднюю минуту, но съ тѣмъ, чтобы князь Карлъ написалъ собственноручное письмо государю или великому князю съ заявленіемъ о своемъ намѣреніи быть за-одно съ нами.

Князь Карлъ отклонилъ это.

Какъ же помирить, съ одной стороны, готовность князя быть съ нами, высказанную имъ Бобрикову и, конечно, доложенную симъ послѣднимъ главнокомандующему, а съ другой — несогласіе князя Карла написать письмо личное, негласное? Сопоставивъ это съ вліяніемъ министровъ, явнымъ антагонизмомъ туркофильской партіи, поголовнымъ походомъ противъ насъ всей періодической печати, мѣстной и заграничной, было очевидно, что Румынія не довѣряетъ намъ и боится насъ. Конечно, тутъ работали и наши вѣнскіе друзья, а пожалуй и берлинскіе, гдѣ возсѣдалъ въ апогеѣ силы и славы честный маклеръ Бисмаркъ. Положимъ, что особенно стѣсняться Румыніей было нечего; въ послѣднюю минуту она несомнѣнно бы къ намъ присоединилась хотя и недобровольно, тѣмъ болѣе, что народъ былъ положительно за насъ; но эти колебанія румынъ и неувѣренность въ нихъ весьма затрудняли наши приготовления, командировки лицъ въ Румынію и вопросы о заготовленіи продуктовъ, а между тѣмъ время для заготовокъ было самое удобное: денегъ въ странѣ было мало, въ нихъ нуждались и все продавалось весьма дешево. Но приходилось прежде всего скрываться отъ румынскаго правительства.

Приближалось 23-е декабря стараго стиля 1876 года, послѣдній день конференціи, и надо было приготовиться къ этому дню, а потому Стурартъ, не получая инструкцій, находясь постоянно въ ожиданіи курьера изъ Петербурга и не видя его прибытія, послалъ заблаговременно въ Петербургъ съ депешами своего камердинера, уже извѣстнаго Иваненко, который долженъ былъ встрѣтиться въ Пашканахъ съ курьеромъ, въ званномъ изъ Яссы отъ тамошняго нашего консула Якобсона, передать

¹⁾ Я былъ очень радъ, что не воспользовался совѣтомъ, даннымъ мнѣ еще въ Кишиневѣ Р—й, о которомъ я уже говорилъ—дѣйствовать помимо консуловъ и шляться, по выраженію Р., по кабакамъ и въ толпѣ... и такимъ образомъ узнавать. Хорошо бы я былъ съ этими кабацкими свѣдѣніями.

ему для доставки въ Кишиневъ бумаги (въ томъ числѣ и два моихъ донесенія) и слѣдовать далѣе въ Петербургъ. Отъ Иваненко получена была телеграмма, что онъ благополучно прибылъ въ Петербургъ, сдать корреспонденцію въ министерство, но отвѣта по вопросу Стурта: насколько можетъ онъ воздѣйствовать Румынію—все еще не было, и мы сидѣли въ неизвѣстности.

29-е декабря было для консульства днемъ волненій и недоумѣній. Въ этотъ знаменательный день была получена отъ графа Игнатьева телеграмма, въ которой между прочимъ говорилось: «Удивительно, что въ то время, когда Румынія здѣсь (въ Константинополѣ) протестуетъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ и терминовъ новой конституціи—она же медлитъ подписать конвенцію. Настаивайте на скорѣйшемъ подписаніи» и т. д. Того же 29-го декабря получено было барономъ Стуртомъ письмо начальника штаба арміи, изъ котораго было видно, что въ Кишиневѣ желаютъ скорѣйшаго разъясненія положенія Румыніи,—другими словами, скорѣйшаго подписанія конвенціи, что понятно, особенно если принять во вниманіе необходимость заблаговременно произвести заготовки различныхъ интендантскихъ запасовъ, а также инженерныхъ матеріаловъ въ виду предстоявшей переправы. Въ письмѣ Непокойчицкаго было высказано желаніе, чтобы дѣйствія Стурта были направлены къ скорѣйшему разрѣшенію вопроса о конвенціи въ смыслѣ положительномъ, т. е. подписанію ея.

Итакъ, съ двухъ сторонъ давленія и указанія дѣйствовать настойчиво и энергично. Тѣ изъ насъ, которые были погорячѣе, въ томъ числѣ и я, приставали къ барону, прося его съѣздить къ Братіано, испросить аудіенцію у князя—вообще дѣйствовать; но баронъ былъ опытенъ и, обращаясь ко мнѣ, говорилъ:

— Вы горячитесь, а мы подождемъ, что-то еще намъ напишетъ князь Горчаковъ.

И вдругъ вечеромъ получается шифрованная телеграмма за подписью канцлера. Понятно, съ какимъ лихорадочнымъ волненіемъ приступили мы къ дешифрированію этой телеграммы; по мѣрѣ того, какъ изъ-подъ цифръ выходили буквы и слова, недоумѣніе наше, у а меня даже ужасъ, росли и подъ конецъ повергли насъ въ полное смущеніе. Телеграмма гласила: «Не настаивайте на подписаніи конвенціи, а представьте Братіано собственнымъ размышленіямъ».

На другой день опять пришла шифрованная телеграмма отъ князя Горчакова въ томъ же духѣ съ прибавленіемъ, что курьеръ, ѣдущій черезъ Кишиневъ, привезетъ измѣненія статьи 23-й конвенціи ¹⁾.

По полученіи всѣхъ этихъ свѣдѣній, первымъ моимъ движеніемъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, я забылъ, въ чемъ заключалась эта 23-я статья.

было поскорѣй сообщить все въ Кишиневъ, дабы вывести великаго князя изъ недоумѣнія относительно будущихъ дѣйствій Стюарта по отношеніи къ конвенціи, а генерала Непокійчицкаго избавить отъ необходимости писать безцѣльныя письма, но увы, этому моему намѣренію несуждено было осуществиться, такъ какъ баронъ Стюартъ взявъ съ меня формально честное слово не сообщать въ Кишиневъ содержанія послѣднихъ двухъ телеграммъ князя Горчакова. Я вынужденъ былъ дать слово и, конечно, исполнилъ его, но страшно волновался; тогда одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ сказалъ мнѣ:

— Да чего вы беспокоитесь; всѣ депеши изъ Петербурга сюда идутъ черезъ Одессу и Кишиневъ. Главнокомандующій имѣетъ право приказывать доставлять ему всѣ письма и депеши, однимъ словомъ, сдѣлать перлюстрацію депешъ. Ключъ у Хитрово есть. Баронъ, въ бытность свою въ Кишиневѣ, въ виду возможности полученія важныхъ депешъ, приказалъ всѣ телеграммы, адресованныя въ консульство въ Букарестъ, задерживать въ Кишиневѣ, если главнокомандующій потребуетъ, и уѣзжая въ Букарестъ отгнѣны этого распоряженія не дѣлать.

Я возражалъ на это предложеніе, находя его неудобнымъ съ моральной стороны, но мнѣ отвѣчали, что на свѣтѣ много вещей, практикуемыхъ постоянно, противъ которыхъ можно возражать съ моральной стороны, съ практической же стороны совѣтъ хорошъ. Мнѣ рассказали, что во всѣхъ европейскихъ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ существуютъ особые чиновники, занимающіеся перлюстраціей депешъ, потому-то Берлинъ и Лондонъ переписываются съ Константинополемъ не иначе, какъ посредствомъ курьеровъ; если мы будемъ стѣсняться перлюстраціей, то всегда будемъ назади, потому что съ нами не церемонятся. Баронъ присутствовалъ при этомъ разговорѣ, и хотя возражалъ и вставлялъ свое слово противъ перлюстраціи, но весьма уклончиво, прибавляя, что онъ опасается и даже увѣренъ въ существованіи перлюстраціи въ Кишиневѣ, такъ какъ не можетъ допустить, чтобы ея не было. Послѣ этого разговора мы еще возвращались къ перлюстраціи, и всякій разъ баронъ выражалъ увѣренность, что она существуетъ, но такъ какъ онъ не давалъ мнѣ разрѣшенія на раскрытіе секрета депешъ князя Горчакова и не уполномочивалъ меня, да и не могъ уполномочить предложить Кишиневу перлюстрировать, то я прибѣгнувъ къ безличной формѣ: тщательно записалъ всѣ разговоры мои о перлюстраціи, со всѣми pro и contra и сообщилъ ихъ К. Левицкому. Посылая донесеніе объ этомъ, я писалъ ему: «Замѣйте, что Петербургъ не отвѣчаетъ Стюарту на вопросъ: слѣдуетъ ли сообщать Кишиневу всю переписку Букареста съ Петербургомъ. Если бы Петербургъ былъ до крайности заинтересованъ, чтобы Стюартъ не сообщалъ, то навѣрное телеграфировалъ бы: не сообщайте ни за что; а онъ (Петербургъ) молчитъ. Съ другой стороны, можетъ

быть въ Петербургѣ считаютъ неловкимъ разрѣшить Стурту сообщать вамъ все и поэтому отдѣляются молчаніемъ. А Стуртъ конечно не рискуетъ.

«Понятно, что мои намеки на перлюстрацію составляютъ секретъ для Стурта, т. е. онъ, вѣроятно, догадывается, что я напишу объ этомъ, но громко не было произнесено съ его стороны: «напишите», а съ моей— «напишу». Хотя это въ родѣ игры въ кошки-мышки, но il faut sauver les apparences».

Слѣдуетъ прибавить, что въ это время, приблизительно съ 28-го декабря ст. ст., депеши изъ Петербурга за подписями князя Горчакова, Гирса и Гамбургера стали появляться чаще.

30-го декабря, вечеромъ, долженъ былъ придти къ барону Братіано, но увѣдомилъ, что боленъ и не можетъ прійхать; эта уловка часто употреблялась имъ, когда онъ долго не показывался, а считалъ нужнымъ заявить, что все-таки о насъ думаетъ, заботится о конвенціи и проч. Въ отвѣтъ на это баронъ, естественно, отправился къ нему на другой день—справиться о здоровьи. Изъ разговора Стурта, по возвращеніи его отъ Братіано, я вывелъ заключеніе, что до подписанія конвенціи еще весьма далеко; между прочимъ, румынскій премьеръ пожелалъ получить задатокъ, то-есть часть обѣщанныхъ ружей и 50 орудій. Я забылъ упомянуть, что румыны просили, въ случаѣ войны, дать имъ 50 орудій, 500 или 700 лошадей и сколько-то ружей, что и было имъ обѣщано. Впослѣдствіи вмѣсто ружей натурой они просили два милліона франковъ, предпочитая на эти деньги сдѣлать заказъ ружей во Франціи. Стуртъ не могъ дать Братіано положительныхъ отвѣтовъ по этимъ вопросамъ, такъ какъ на посылаемые по этому дѣлу телеграммы въ Петербургъ отвѣтовъ не было. Приблизительно въ это время въ средѣ румынскихъ министровъ возникла мысль ходатайствовать передъ Европой о признаніи Румыніи нейтральной, на подобіе Швейцаріи и Бельгіи; мысль эта, встрѣчая въ нѣкоторыхъ кружкахъ сочувствіе, находила и отпоръ по двумъ совершенно противоположнымъ причинамъ: одни—приверженцы Россіи, были противъ, желая союза съ Россіей и возлагая надежды на нее въ вопросѣ о признаніи Румыніи самостоятельной и вообще заботясь о благоденствіи княжества; другіе же, туркофилы или, какъ ихъ иногда называли, юнгикисты, по имени вождя партіи (Иона Гики), требовали разрыва съ Россіей и войны съ нами.

Этотъ проектъ о нейтрализаціи Румыніи, осуществленіе котораго было для насъ весьма невыгодно, провалился.

Около 4-го января получено было шифрованное письмо отъ графа Игнатьева, въ которомъ онъ сообщалъ, что конференціи кончились, что въ понедѣльникъ 3-го января, стараго стиля, будетъ предложенъ Портѣ словесный ультиматумъ и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта послѣдуетъ

отъѣздъ посла и разрывъ. Игнатъевъ прибавлялъ (вѣроятно по константинопольскимъ слухамъ или по своимъ соображеніямъ), что турки перейдутъ на гѣвый берегъ Дуная; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Букарестѣ было получено извѣстіе, будто въ рундукскомъ арсеналѣ спѣшно строятъ плоты, паромы и такъ-называемыя магоны (шапопе) то-есть транспортныя суда или баржи для переправы войскъ въ случаѣ надобности. Конечно, всѣ эти важныя новости были извѣстны и румынскому правительству, потому что 5-го января въ нашемъ консульствѣ совершилось событіе: долго не показывавшійся, подъ предлогомъ болѣзни, Братіано, явился, и вмѣсто прежнихъ выжиданій и всѣмъ намъ надоѣвшихъ фразъ («ah pas encore» или «il faut attendre») самъ предложилъ барону подписать конвенцію; при этомъ онъ вновь просилъ, въ силу обѣщанія, даннаго Россіей, доставить поскорѣе 50 пушекъ, 500 артиллерійскихъ лошадей и вмѣсто ружей—два милліона франковъ золотомъ, чтобы на эти деньги купить ружья въ Парижѣ. Кромѣ того, Братіано убѣдительно просилъ доставить поскорѣй мины и торпедо для защиты Барбошскаго моста и офицеровъ для укладки торпедо въ устья рѣки Сереть. О мостѣ Братіано говорилъ съ большимъ страхомъ. Баронъ Стюартъ телеграфировалъ въ Петербургъ и въ Кишиневъ, спрашивая какой дать отвѣтъ Братіано.

Чтобы пояснить значеніе Барбошскаго моста и страхъ Братіано за его судьбу, я долженъ вернуться немного назадъ.

Барбошскій желѣзнодорожный мостъ перекинуть черезъ рѣку Сереть, впадающую въ Дунай, на желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Букареста черезъ Галацъ и Яссы, въ Россію, черезъ Галацъ и Сучаву—въ Вѣну. Это единственный прямой желѣзный путь, соединяющій столицу Румыніи съ Россіей и ближайшій изъ числа путей, ведущихъ въ Вѣну и Берлинъ. Понятна важность этого пути. Мостъ находится у с. Барбошъ, въ трехъ верстахъ къ югу отъ Галаца; расположенъ онъ такъ близко отъ Дуная, что стоя на мосту отлично видно устье Серета и соединеніе его съ Дунаемъ, а съ этой рѣки отлично виденъ мостъ. Желѣзная дорога отъ Барбоша до Браилова, на разстояніи 6 верстъ, идетъ берегомъ Дуная въ разстояніи отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты отъ рѣки, и только пройдя Браиловъ уходитъ въ глубь страны ¹⁾). Такимъ образомъ, весь этотъ участокъ представлялъ большую опасность по легкости его уничтоженія, а на участкѣ этомъ выдающуюся роль игралъ мостъ, съ разрушеніемъ котораго прекращалось всякое движеніе. Этотъ уголъ желѣзной дороги обращалъ на себя вниманіе полевого штаба нашей арміи, да и въ публикѣ румынской и болгарской опасались за это мѣсто. Хотя рѣка Сереть очень

¹⁾ Весь участокъ дороги, отъ Галаца до Браилова, 24 версты и наибольшее удаленіе отъ Дуная около 5 верстъ.

серьезнаго препятствія не представляла (кромѣ времени разлива), но во всякомъ случаѣ задержка въ движеніи, въ случаѣ порчи желѣзной дороги и уничтоженія моста, была бы большаа. Румыны были убѣждены, что въ случаѣ военныхъ дѣйствій первымъ дѣломъ турокъ будетъ разрушить мостъ на рѣкѣ Сереть и участокъ желѣзной дороги Галаць-Браиловъ; они побаивались порчи моста башибузуками даже въ относительно мирное время зимы 1876—77 годовъ, еще до открытія военныхъ дѣйствій, такъ какъ турецкое правительство всегда могло отречься отъ своего участія въ этомъ дѣлѣ и пришлось бы приписать катастрофу какой-нибудь случайности, происходящей отъ воли Божіей. Въ виду явной опасности, угрожавшей мосту отъ турецкой флотиліи, свободно гулявшей по Дунаю, въ румынскомъ правительствѣ раздавались голоса о необходимости принятія заблаговременныхъ мѣръ для охраны моста и желѣзной дороги посредствомъ загражденія входа въ рѣку Сереть погруженіемъ минъ, а также расположеніемъ карауловъ на мосту и вдоль линіи желѣзной дороги, но благодаря тому, что военный министръ Сланичано былъ послушнымъ орудіемъ туркофила Іона Гики, ничего не было сдѣлано, несмотря на неоднократныя заявленія многихъ лицъ, въ томъ числѣ и начальника штаба дивизіи, квартировавшаго въ Галаць, полковника Граммона.

Желѣзная дорога была собственностью французской компаніи, а потому понятно, что за нее болѣе всѣхъ боялась эта компанія, а какъ я сказалъ выше, по полученіи свѣдѣній о неудачномъ исходѣ конференцій въ Константинополь и слухъ о возможной переправѣ турокъ на лѣвый берегъ Дуная, заволновался и Братіано. Нѣсколько ранѣе описаннаго выше визита Братіано 5-го января, къ барону Стурарту пріѣхалъ секретарь французскаго консульства маркизь д'Обепинь (le marquis d'Aubépine), занимавшій въ то же время мѣсто директора угрожаемой желѣзной дороги. Онъ передавалъ свои опасенія за цѣлость ея, жаловался на румынское правительство, которое ничего не хочетъ дѣлать для предупрежденія опасности, и просилъ барона нѣтъ ли теперь въ Румыніи русскаго офицера генеральнаго штаба, который могъ бы указать на мѣстѣ средства и мѣры для предохраненія моста отъ взрыва; д'Обепинь просилъ даже выписать изъ Кишинева такого офицера, если бы его не было въ Румыніи. Стурартъ отвѣчалъ: «Il n'y a pas ici pour le moment d'officier d'Etat major russe, mais j'ai un jeune dessinateur d'un journal illustré russe, qui ne manque pas pourtant de ressources et pourrait vous être utile»¹⁾. Говоря про jeune dessinateur баронъ

¹⁾ Въ данный моментъ здѣсь нѣтъ русскаго офицера генеральнаго штаба, но у меня есть молодой художникъ одного русскаго иллюстрированнаго журнала, который все же не лишенъ способностей и можетъ быть вамъ полезенъ.

имѣлъ въ виду меня. Догадливый французъ понялъ, ничего не отвѣчалъ, но многозначительно подмигнулъ и черезъ нѣсколько дней снова явился въ консульство съ тѣми же сѣтованіями о желѣзной дорогѣ и мостѣ. На этотъ разъ я былъ въ консульствѣ и меня ему представили, какъ обыкновенно дѣлалось: «le cousin de la Вагоппе», но смысленный д'Обенинь, поздоровавшись со мной, не подавалъ вида о томъ, что думаетъ, подошелъ къ Золотареву и спросилъ его: «C'est ça votre jeune dessinateur?»¹⁾

Всѣ эти обстоятельства привели меня къ поѣздкѣ въ Галацъ, которую опишу дальше.

V.

Собраніе депутатовъ палаты для обсужденія вопроса о конвенціи.—Переѣзныя румынскаго министерства.—Константинопольскія конференціи.—Представители иностранныхъ державъ въ Бухарестѣ.—Нравственное состояніе русскихъ въ Бухарестѣ.—Свиданіе съ Еялюіемъ Георгіевымъ.—Г. Д. Начоичъ — Организация тайной агентуры.—Свѣдѣнія о неприятелѣ.

Въ гостиницѣ Hôtel Boulevard, въ которой я жилъ, кромѣ номеровъ и большой залы въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣщался ресторанъ, была еще большая зала въ бель-этажѣ, въ томъ же корридорѣ, въ которомъ и я жилъ; зала эта предназначалась для случайныхъ пиршествъ, обѣдовъ, концертовъ и т. п. Въ этой же залѣ по вечерамъ собирались иногда депутаты палаты для неофициальнаго обсужденія вопросовъ, которые подлежали въ ближайшемъ будущемъ внесенію въ палату. На этихъ сходкахъ происходили соглашенія различныхъ партій, обсуждались злобы дня, готовились запросы министерству и принимались извѣстныя предварительныя рѣшенія. Эти частныя совѣщанія очень напоминали мнѣ существовавшую когда-то, въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, декутовскую биржу въ Петербургѣ, въ которой биржевики, собираясь въ гостиницѣ «Демуть», готовили свои ходы въ биржевой игрѣ, долженствовавшей затѣмъ разыграться официально на биржѣ Васильевского Острова.

Въ среду 5-го и въ четвергъ 6-го января, два вечера подъ рядъ, собирались депутаты, такъ какъ имъ было сообщено неофициально о намѣреніи правительства заключить военную конвенцію съ Россіей. 5-го января, когда въ первый разъ обсуждался этотъ вопросъ, пренія кончились послѣ двухъ часовъ ночи. Въ результатѣ большинство наличныхъ

¹⁾ Это-то вашъ молодой художникъ?

депутатовъ высказалось за заключеніе конвенціи. Во главѣ меньшинства были: Іонъ Гика, Дмитрій Стурдза и депутатъ Константинъ Градичано (адвокатъ). Въ городѣ говорили, что послѣ этихъ засѣданій военный министръ Сланичано выйдетъ въ отставку.

Приблизительно въ это же время получена была въ консульствѣ телеграмма нашего консула въ Бѣлградѣ Карцева о приготовленіи поѣздовъ для перевозки нашихъ добровольцевъ изъ Сербіи; депеша была нешифрованная и прочтена Братіано (перлюстрирована). На другой день Братіано явился къ Стурту и проговорился (можетъ быть нарочно), что знаетъ о предстоящемъ удаленіи добровольцевъ изъ Сербіи и спросилъ:

— Неужели вы покидаете Сербію?

Баронъ затруднился отвѣтомъ и говорилъ, что не знаетъ причины этой мѣры нашего правительства. Братіано не вѣрилъ и наконецъ спросилъ личное мнѣніе консула, который, чтобы отдѣлаться, отвѣчалъ, что хотя ничего не знаетъ, но по дружбѣ скажетъ Братіано свое предположеніе, а именно: не есть ли это военная хитрость съ нашей стороны, то-есть, что мы хотимъ усыпить подозрѣнія непріятеля относительно движенія нашего въ Сербію, а потомъ, пользуясь румынскими желѣзными дорогами—пойти туда. Братіано задумался, потомъ вдругъ схватился за лобъ съ восклицаніемъ и съ выраженіемъ человѣка, угадавшаго наконецъ сокровенную тайну. Можно было быть увѣреннымъ, что Братіано дастъ голову на отсѣченіе, что мы идемъ въ Сербію.

Около Крещенья консульство получило секретное свѣдѣніе, кажется въ видѣ слуха, что нѣкоторые наши эмигранты, сочувствуя Турціи, задумали устроить общество петролистовъ или петролейщиковъ, причѣмъ одной изъ цѣлей поставлено взрваніе русскихъ артиллерійскихъ и патронныхъ ящиковъ на походѣ, бизакѣ и на квартирахъ. Хотя свѣдѣніе это получено было, кажется, въ видѣ слуха ¹⁾, но консульство встревожилось и приняло мѣры для наблюденія за эмигрантами и нѣкоторыми другими лицами, находившимися въ Букарестѣ, Яссахъ, особенно же въ Галацѣ. Въ половинѣ января въ консульствѣ шла усиленная работа по перепискѣ конвенціи въ потребномъ числѣ экземпляровъ; все, что было свободно въ данную минуту отъ текущихъ занятій, въ томъ числѣ и я, сидѣло и строчило. Паденіе военнаго министра Сланичано ожидалось со - дня - на - день; засѣданія депутатовъ продолжались и на одномъ изъ нихъ Іонъ Гика предложилъ конвенцію отвергнуть, а въ случаѣ вступленія русскихъ войскъ въ Румынію, князю распустить всю армію, удалиться въ Краіово и оттуда протестовать передъ Европой о нарушеніи его правъ. Если протестъ не будетъ уваженъ, то отречься отъ престола. Говорили тогда, что эти громкія фразы, по переводѣ на обыкновенный языкъ,

¹⁾ Не знаю, впрочемъ, навѣрное.

слѣдуетъ понимать такъ: князь уйдетъ, турецкія войска вступятъ въ княжество, Румынія сдѣлается вліяетомъ на особыхъ правахъ, а я, Гика, каймакамомъ.

Враждебныя намъ румынскія газеты проводили взглядъ Іона Гики еще въ болѣе крайней формѣ: они говорили, что князю слѣдуетъ заключить конвенцію не съ нами, а съ Турціей, поставить свою армію фронтомъ на Востокъ, противъ Россіи, и отступить къ Краіово только тогда, «когда румынскія знамена обогрятся румынской кровью».

Дальнѣйшая программа приводила тоже къ протесту и отреченію. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что большинство вліятельныхъ депутатовъ высказывалось въ пользу заключенія конвенціи съ нами, враждебный намъ министръ публичныхъ работъ (и путей сообщеній) Дмитрій Стурдза подалъ въ отставку; его должность временно занялъ министръ внутреннихъ дѣлъ Вернеско, но уже тогда прочли на его мѣсто Фалькоіано, вполнѣ преданнаго Братіано. Вообще мы были наканунѣ развязки событій. Въ ночь съ 8-го на 9-е января получена была шифрованная депеша графа Игнатьева: «Конференціи кончились. Турція отвергла всѣ предложенія Европы. Выѣзжаю на будущей недѣлѣ». Но несмотря на такой повидимому опредѣленный и ясный характеръ дѣлъ многіе думали, что турки сдѣлають еще кое какія уступки и что снова начнутся переговоры. Какъ разъ въ это время, когда работа наша пошла энергичнѣе, когда самъ Братіано сдался относительно конвенціи, стали проникать въ Румынію и даже Болгарію тревожные слухи изъ разныхъ мѣстъ, даже изъ Петербурга, что Россія войны не объявитъ, а оставитъ Болгарію на произволъ судьбы и турокъ. Мысли и чувства, мною овладѣвшія при этомъ, вылились въ письмѣ къ К. Левицкому отъ 13-го января 1877 г., въ которомъ, сообщивъ объ этихъ новыхъ вѣдѣніяхъ, я писалъ: «здѣшніе болгаре и живущіе за Дунаемъ дѣ-нелзя смущены слухами, идущими изъ разныхъ мѣстъ, между прочимъ и изъ Петербурга, что Россія ни за что не будетъ воевать, но отступится отъ начатаго дѣла, несмотря на неполученіе удовлетворенія. Даже самые ревностные, а слѣдовательно вѣрующіе патріоты болгары поникли головой и начинаютъ терять надежду на заступничество Россіи. Нѣкоторые изъ моихъ агентовъ давали мнѣ понять, что не напрасны ли ихъ труды (не въ смыслѣ вознагражденія, а въ смыслѣ пользы дѣлу). Нельзя не согласиться, что положеніе Болгаріи будетъ горькое, если мы дѣйстви-тельно отступимся недостигнувъ ничего. Можно думать, что и для самой Россіи отступление—шагъ рискованный. Врядъ ли когда, кромѣ 1812-го года, наши народныя страсти доходили до такого возбужденія какъ теперъ. Ненаходя себѣ исхода въ войнѣ съ врагомъ внѣшнимъ, какъ бы не случилось, что страсти эти примутъ направленіе другое, внутреннее, и тѣмъ дадутъ почву для разныхъ дѣятелей.

«Хроника нашей внутренней жизни показываетъ, что у насъ, какъ и вездѣ, есть беспокойные элементы (чисто русскіе) готовые во всякое время волноваться, даже и тогда когда мысли и дѣйствія всѣхъ слоевъ общества устремлены на Югъ. Что же будетъ когда въ общество вернется масса людей, ждавшихъ борьбы, увлекавшихся, надѣявшихся и—вернувшихся обратно безъ результатовъ, неkosнувшихъ дѣла?»

Мы конечно не знали да и не могли знать, что творится въ Петербургѣ, который былъ центромъ дѣйствій и распоряженій, но депеши, оттуда приходившія, приводили иногда въ полное недоумѣніе барона Стюарта. Не помню какого именно числа, но во всякомъ случаѣ въ началѣ января 1877 года, послѣ упомянутой выше знаменитой депеши князя Горчакова о предоставленіи Братіано собственнымъ размышленіямъ, утромъ получена была депеша князя Горчакова: «предъявите данныя вамъ полномочія и приступайте при первой возможности къ заключенію конвенціи». Всѣ встрепенулись и баронъ собирался уже начать дѣйствовать, какъ вдругъ черезъ три часа послѣ этой телеграммы получена была другая, посланная очевидно въ догонку первой: «Не приступайте ни къ чему; ждите курьера, который привезетъ измѣненія»...

Я не помню, что именно случилось, но въ это время получилъ я разрѣшеніе отъ барона Стюарта сообщить въ Кишиневъ почему онъ, несмотря на настоянія начальника штаба арміи и графа Игнатьева дѣйствовать энергично по отношенію къ заключенію конвенціи—оставался въ бездѣятельности. Въ письмѣ К. Левицкому отъ 15-го января я сообщилъ содержаніе депеши князя Горчакова, а также далъ поясненія моихъ повѣствованій о перлюстраціи. Полагаю, что съ меня былъ снятъ обѣтъ молчанія, потому что развязка близилась и Петербургъ сталъ въ то время писать въ томъ же духѣ, какъ писали раньше графъ Игнатьевъ и Непокойчицкій.

Чтобы покончить съ Румыніей и Букарестомъ того времени, т. е. до конца января 1877 года, остается сказать еще нѣсколько словъ объ иностранныхъ представителяхъ въ Букарестѣ.

Въ виду необходимости жить инкогнито я избѣгалъ встрѣчь съ иностранными консулами, навѣщавшими барона Стюарта, и познакомился только съ французскимъ Debains (надо произносить Debainse—Дебансъ) и германскимъ Альвенслебеномъ.

Дебанса почему то въ нашемъ консульствѣ нежаловали, кажется находили его глупымъ и мужикомъ; его въ шутку называли Баньщикомъ. Лично я знаю про него только, что онъ былъ громаднаго роста брюнетъ и геркулесъ на видъ; онъ всѣхъ интересовалъ своей странной выходкой на балу у Суцо. Дѣло въ томъ, что въ серединѣ января проживалъ въ Букарестѣ, въ томъ же Hôtel Boulevard, гдѣ жилъ и я, испанскій претендентъ Донъ Карлосъ; зачѣмъ онъ пріѣхалъ—не знаю,

помню только, что въ Букарестъ онъ заѣхалъ по пути въ Кишиневъ. Въ столицѣ Румыніи его очень торжественно и радушно принимали; князь Карлъ прислалъ за нимъ придворный экипажъ и давалъ въ честь его парадный обѣдъ. Такими же обѣдами и балами чествовали гостя въ домахъ румынской аристократіи. На балу у Суцо Дебенсъ выкинулъ удивительную штуку; хозяйка дома пожелала представить его Донъ-Карлосу и только что выполнила все требуемое представлениемъ, подвела его къ принцу, назвала, какъ вдругъ Дебенсъ круто повернулъ спину Донъ Карлосу и удаллся. Можно себѣ вообразить смущеніе хозяйки, Донъ Карлоса и присутствовавшихъ при этой сценѣ гостей! Миѣ не удалось узнать разгадку этой выходки французскаго консула; надо впрочемъ думать, что тутъ играли роль республиканизмъ Дебенса и Бурбонское происхождение испанскаго принца. Съ Альвенслебенъ я столкнулся только одинъ разъ, войдя нечаянно вечеромъ въ кабинетъ барона и заставъ тамъ нѣсколько лицъ, игравшихъ въ карты, въ томъ числѣ Альвенслебена. Я его узналъ, такъ какъ встрѣчалъ прежде въ нѣкоторыхъ салонахъ Петербурга, онъ же, погруженный въ игру, хотя и сдѣлалъ миѣ shake hands, но очевидно не обратилъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Высокій рыжеватый блондинъ, широкоплечій, широкогрудый, съ бородой обстриженной лопатой, Альвенслебенъ наружностью изобличалъ чистокровнаго Тевтона; но не съ этой стороны заинтересовалъ онъ меня; меня занимало его отношеніе къ намъ, къ нашимъ приготовленіямъ, а также его отношенія къ румынскому князю, Гогенцоллерну по рожденію. Я узналъ, что Альвенслебенъ всего около полугода въ Румыніи, а передъ этимъ долго служилъ въ германскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, гдѣ благодаря своему служебному положенію былъ принятъ въ лучшее обществѣ. Надо замѣтить, что иностранные дипломаты составляютъ у насъ какой-то лакомый кусокъ всевозможныхъ раутовъ, баловъ, вечеровъ и всякихъ собравій въ высшемъ обществѣ. Особенно падки на дипломатовъ наши дамы. Съ перваго взгляда покажется страннымъ и пожалуй невѣроятнымъ, что даже дамское общество, по большей части ничего непонимающее въ политикѣ, приноситъ служебную пользу чинамъ дипломатическаго корпуса иностранныхъ державъ; но дѣло въ томъ, что дамы разныхъ салоновъ хотя и мало повимають въ дѣлахъ, но очень любятъ говорить о нихъ. Изъ схваченныхъ на лету отрывочныхъ фразъ, иногда противорѣчащихъ другъ другу, опытный слушатель всегда можетъ извлечь что нибудь для себя полезное, искусно направляя разговоръ, а такъ какъ очень часто, даже въ салонномъ разговорѣ, отражаются миѣнія и взгляды лицъ, стоящихъ у власти, то слушатель не будетъ въ накладѣ, внимая невинной повидимому болтовнѣ. Если къ этому прибавить, что въ иностранныхъ посольствахъ всегда есть много дѣльныхъ и умныхъ чле-

новъ, въ то же время ловкихъ, пріятныхъ а иногда и неотразимыхъ салонныхъ кавалеровъ ¹⁾, то станетъ понятнымъ, что иностранное посольство всегда, какъ говорится, au courant существующихъ въ данное время политическихъ теченій государства, въ которомъ оно проживаетъ. Альвенслебенъ уѣхалъ изъ Петербурга не по своей волѣ, а по волѣ своего начальства; уѣхалъ онъ съ служебнымъ повышеніемъ въ Букарестъ, который въ то время становился весьма интереснымъ узломъ грядущихъ событій. Перемѣщеніе его состоялось во второй половинѣ 1876 года какъ разъ въ то время, когда наши отношенія къ Турціи, по случаю сербской войны, усложнились. Хорошо знакомый съ Петербургомъ и его обществомъ, Альвенслебенъ конечно былъ очень полезенъ въ Букарестѣ. Переѣхавъ на новый постъ онъ не порвалъ сношеній съ прежнимъ, и мнѣ положительно извѣстно, что онъ оставался въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Петербургскимъ обществомъ и велъ дѣятельную переписку съ многими лицами изъ высшаго общества, которыя естественно были безсознательными, но полезными для него маріонетками. Альвенслебенъ былъ близокъ къ князю Карлу и очень можетъ быть, что странное и двуличное поведеніе послѣдняго коренилось въ знаніи имъ всей закулисной политической обстановки Европы, всѣхъ тайныхъ пружинъ, неискренности по отношенію насъ Берлина, явной двуличности Австріи, враждебности Англій и нашей нерѣшительности.

Въ концѣ января и началѣ февраля настроеніе духа въ нашемъ консульствѣ и вообще у русскихъ было весьма угнетенное. Чтобы очертить его, я позволю себѣ сдѣлать выписку изъ письма моего, писаннаго въ Букарестѣ 11-го февраля 1877 г. «Почти всѣ у насъ приходятъ къ заключенію, что мы накануне или обратнаго шествія или войны. Говорятъ даже, что обратное шествіе—пожалуй лучше, потому что съ каждымъ днемъ яснѣе видно, что не только мы не встрѣтимъ, въ случаѣ войны, сочувствія Европы, но даже не можемъ ожидать нейтралитета—даже Германіи! Это очень грустно. Не будетъ войны—Болгарія погибла. Не сразу, но медленно будетъ производиться поголовное истребленіе скомпрометированныхъ болгаръ, которые, въ виду сосредоточенія нашей арміи въ Кишиневѣ, окончательно сбросили маску и стали въ открытыя враждебныя отношенія къ Турціи. Погибнетъ навсегда наше вліяніе на Востокъ, но чего добраго придется пойти на это въ виду того, что война наша съ Турціей обратится въ войну съ Турціей, Англійей и

¹⁾ Какъ напримѣръ знаменитый красавецъ графъ Кевенгюллеръ, состоявшій при австрійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ и покорившій тамъ немало сердецъ, затѣмъ переведенный генеральнымъ консуломъ въ Болгарію, а потомъ посланникомъ въ Сербію. Я надѣюсь поговорить о немъ подробнѣе впоследствии, если мнѣ удастся описать мое пребываніе въ Болгаріи въ должности военнаго министра при князѣ Александрѣ Батенбергѣ въ 1879—1880 г.г.

Австріей безъ поддержки Германіи, даже такой поддержки, какую мы оказали ей во Франко-Прусской войнѣ.

«Это очень жаль тѣмъ болѣе, что даже иностранцы, англичане, посѣщавшіе Кишиневъ, пишутъ, что армія наша вполнѣ готова во всѣхъ отношеніяхъ, отличается порядкомъ, дисциплиной, отличнымъ духомъ и что успѣхъ, въ случаѣ войны, несомнѣненъ. Въ началѣ въ Кишиневѣ слѣдили за шпіонами, гнали ихъ прочь; но теперь, когда все готово выступить хоть черезъ 6 часовъ послѣ полученія приказанія, махнули рукой—пускай смотрятъ. Планъ кампаніи почти никому не извѣстенъ, кромѣ 4—5 лицъ, а остальное—смотри сколько хочешь».

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

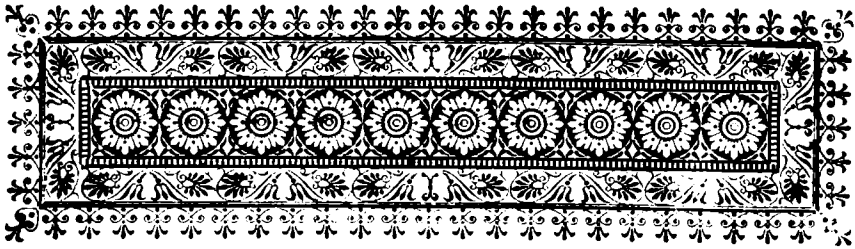

Письмо графа Н. П. Румянцева — барону В. В. Каппенгаузену.

10-го апрѣля 1803 г. № 821.

Имѣя въ непрестанномъ вниманіи Портъ Кефійскій, который будучи преимущественно приближенъ къ Царю-Граду, предъ другими крымскими Портами изъ древлѣ славился Богатѣйшею житницею Крыма, а нынѣ можетъ служить истопомъ естественному изобилію того края: не могу я не желать помѣщенія Градоначальникомъ въ сей Городъ человѣка извѣстныхъ качествъ и дознанной способности, къ руководству и одобреніемъ торговли. Простите мнѣ ваше Превосходительство. естли я въ семъ случаѣ къ вамъ обращаюсь съ темъ единственно, чтобъ вы пожаловали, вѣрили мнѣ вашу волю къ заступленію сего мѣста, и почтали бы меня увѣдомленіемъ вашимъ, дабы я могъ принять мѣры, въ Успѣхъ коихъ я даже и имѣю надежду, коль скоро получу ваше на то согласіе, въ прочемъ съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ есмь всегда и проч.

Изъ воспоминаній А. Х. Востокова

О ЕГО

ДѢТСТВО И ЮНОСТИ.

обственноручныя записи Александра Христофоровича Востокова о первыхъ годахъ жизни были найдены среди его бумагъ вскорѣ послѣ его смерти и въ небольшихъ выдержкахъ напечатаны И. И. Срезневскимъ частью въ «Обозрѣніи научныхъ трудовъ А. Х. Востокова» (Спб. 1865), частью въ «Перепискѣ А. Х. Востокова» (Спб. 1873). Касаясь юности и начала литературной дѣятельности знаменитаго русскаго филолога, эти записи во многихъ случаяхъ являются единственнымъ источникомъ для изображенія перваго періода его жизни вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ сообщаютъ много богатыхъ данныхъ и для описанія литературныхъ кружковъ начала нынѣшняго вѣка, и для исторіи внутренняго строя Академіи Художествъ, гдѣ съ 1794 по 1803 годъ воспитывался Востоковъ. Вся совокупность записей распадается на три части: 1) описаніе первыхъ лѣтъ жизни, дополненное позднѣйшими воспоминаніями, 2) помѣсячныя записи за 1794—1806 годы, озаглавленныя Востоковымъ «Лѣтопись моя», и 3) дневникъ 1807—1811 годовъ. Печатаемъ первую часть этихъ записей.

Рукопись, заключающая въ себѣ описаніе дѣтства и юности Востокова, писана въ позднее время его жизни разными почерками—сначала довольно твердымъ, потомъ старческимъ дрожащимъ, наконецъ уже не Востоковымъ, а какимъ-то другимъ лицомъ, можетъ быть, подѣ его

днетовку. Эта рукопись составлена на основаніи разныхъ старыхъ замѣтокъ, частью сохранившихся въ его бумагахъ донинѣ, частью утраченныхъ.

Вс. Срезневскій.

Женщина, у которой я жилъ въ Ревелѣ, сказывала мнѣ, что я родился въ Арнсбургѣ на островѣ Эзелѣ и что оттуда привезенъ къ ней для воспитанія. Я началъ себя помнить, кажется, съ четырехъ лѣтъ или еще съ трехъ. Помню, какъ я ходилъ еще очень слабо, какъ я былъ нѣсколько времени слѣпъ отъ какой-то глазной болѣзни, какъ у меня была корь. (Оспу прививали мнѣ во второй или третій годъ, чего я не помню). Въ то время, какъ я слегъ въ постель корью, получилъ я новаго совоспитанника, который такъ же, какъ и я, былъ найденышъ и, можетъ быть, оттуда же, откуда и я; его крестили и называли Георгомъ-Вольдемаромъ, меня же звали Александромъ-Вольдемаромъ; у насъ обоихъ крестнымъ отцомъ былъ одинъ сосѣдній кирпичникъ, къ которому я послѣ не однажды водимъ былъ въ гости, но совоспитанника своего я скоро потерялъ изъ виду: умеръ ли онъ или увезенъ куда, не знаю. Опишу теперь домъ, въ которомъ я жилъ. Онъ стоялъ въ Ревельскомъ предмѣстьи, неподалеку отъ церкви и отъ выгона, имѣлъ передъ собою небольшой дворъ съ сараемъ для гусей и пр. Домикъ обѣ одномъ этажѣ, перегородженъ былъ на двѣ половины [какъ водится въ Лифляндіи и Эстляндіи]. На лѣвой сторонѣ находились хлѣвы для трехъ коровъ, на правой двѣ жилия комнаты, въ серединѣ сѣни и кухня, а за нею кладовая. Жители дома были: 1) вдова маюрша Трейблуть, лѣтъ въ 40, которую я называлъ маменькою, 2) старуха, родственница ея, которую я называлъ бабушкою, 3) сержантъ гарнизонный Савелій, лѣтъ въ 50-ть, [4) дѣвица, родственница ея] 5) служанка Анна, лѣтъ 12-ти.

Первое мое воспитаніе въ Ревелѣ было весьма скудно: я имѣлъ для чтенія библію и иногда слушалъ сказки и басни, которыя мнѣ сержантъ въ зимніе вечера рассказывалъ; но если пособій было мало, то собственному уму моему было свободнѣе развиваться. На пятомъ году стали меня учить грамотѣ нѣмецкой; на шестомъ читалъ я уже бѣгло библію. Я пропускалъ притчи и пророчества и все, что было выше моего разумѣнія, но весьма занимался повѣстями, какъ-то: Товіемъ, Руфью, Іудіею, Маккавеями и проч., мечталъ о Голиаѣ, о Давидѣ, и мнѣ отменно понравились пріятныя греческія имена, которыя въ Маккавеяхъ встрѣчаются; отъ еврейскихъ же всегда отвращалось ухо

мое. [Не стану входить во все подробности тогдашней жизни моей, хотя бы иногда и могъ кое-что вспомнить какъ-будто сквозь сонъ]. До семи лѣтъ жилъ я въ Ревелѣ; послѣдній годъ моего пребыванія тамъ былъ для меня особенно памятенъ. Сержантъ водилъ меня гулять въ городъ на ярманку, въ корабельную гавань, на солдатское учение. Все для меня все было ново, пестро, непонятно, и изъ всего этого ничего не напечатлѣлось въ моей памяти. Наконецъ пришло письмо, рѣшившее мою участь: er soll Osteneck heiszen стояло въ немъ; до того времени я не зналъ себѣ иного имени, кромѣ Александръ; новое прозвище показалось мнѣ странно. Мнѣ начали твердить о будущемъ моемъ состояніи, о Петербургѣ, объ отцѣ моемъ, аренбургскомъ уѣздномъ предводителѣ дворянства изъ фамиліи Остенъ-Сакенъ ¹⁾. Однако жъ все это не много возбуждало во мнѣ любопытства, потому что я не могъ вообразить себѣ иныхъ благъ кромѣ тѣхъ, которыми наслаждался въ хижинѣ г-жи Трейблутъ. Пришло время отъѣзда. Меня снабдили овчиннымъ тулупомъ, дыравыми портками, и крестный мой отецъ кирпичникъ [жившій въ сосѣдствѣ], далъ мнѣ на дорогу рубль мѣдными деньгами. Меня отправили съ какимъ-то капитаномъ Линденомъ. Вдова Трейблутъ плакала, сержантъ Савелій также, а я спокойно разставаясь съ ними, не простираясь мыслями ни назадъ, ни впередъ, занятый минутнымъ удовольствіемъ сидѣть въ кибиткѣ, запряженной парю лошадей и готовой ѣхать въ путь.

Меня привезли въ Петербургъ весною 1787 года и сначала помѣстили въ семействѣ какихъ-то знакомыхъ капитана Линдена, неподалеку отъ Калинкина моста, гдѣ я провелъ нѣсколько дней. Оттуда повезли меня къ тайному совѣтнику Карлу Ивановичу Сакену ²⁾, жившему въ Зимнемъ дворцѣ

¹⁾ Отецъ Востокова былъ Христофоръ Ивановичъ Остенъ-Сакенъ. Въ родословной Остенъ-Сакеновъ, обязательно сообщенной мнѣ черезъ посредство В. И. Сантова г. Руммелемъ, о Христофорѣ Ивановичѣ Остенъ-Сакенѣ имѣются слѣдующія свѣдѣнія: Ludvig Christoph kais. russisch. Major, Landrath, Landmarschal zu Oesel Beisitzer des Gewisengerichts zu Arensburg, Erbherr aus Adsel, Metenpal und Keril, geb. 1737, 12 aug. †... У Долгорукова въ „Родословной книгѣ“ (т. III с. 509, № 38) сообщено, что умеръ онъ въ 1811 г. Съ маіоромъ Хр. Ив. Остенъ-Сакеномъ, жившимъ въ Эзелѣ, не слѣдуетъ смѣшивать лейтенанта Христофора (Рейнгольда) Ивановича Остенъ-Сакена, взорвавшего себя съ своимъ кораблемъ и нѣсколькими турецкими судами у Кибурнской косы во время войны съ турками 1788 г. (см. Военный энцикл. лексиконъ, т. 11, стр. 576—579).

²⁾ Въ „Извѣстіяхъ Второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ“ были напечатаны Л. Н. Майковымъ отрывки изъ дневника барона К. И. Остенъ-Сакена (одного изъ кавалеровъ при воспитаніи великаго князя Константина Павловича), касающіеся жизни Востокова; о пріѣздѣ послѣдьяго въ Остенъ-

подлѣ комнатъ великаго князя Константина Павловича. Этотъ Сакенъ былъ родственникъ моему отцу; но я у него прожилъ не долго: меня отправили на Невскій проспектъ за Аничковъ мостъ, къ другому Сакену, который былъ Саксонскимъ посланникомъ при русскомъ дворѣ. У него я жилъ до отдачи меня въ 1-й кадетскій корпусъ въ 1788 году. Въ первомъ возрастѣ не пробылъ я и двухъ мѣсяцевъ, прямо во второй по старанію маіора Сакена ¹⁾. Я былъ принятъ гимназистомъ, слѣдовательно не имѣлъ надобности обучаться военной экзерциціи и могъ посвятить себя совершенно мирнымъ наукамъ. Я подружился съ Хатовымъ ²⁾. Онъ первый служилъ къ моему образованію, научилъ меня рисовать и развивалъ во мнѣ охоту къ словесности. Между тѣмъ маленькая бібліотека 2-го возраста пособляла мнѣ кое-какъ. Я читалъ въ ней попавшіяся мнѣ нѣмецкія книги. По французски я еще не зналъ, а въ русскій языкъ только вникалъ. Вскорѣ я захворалъ и отправленъ былъ въ лазаретъ. Болѣзнь моя задлилась. Я былъ въ горячкѣ при смерти и долго поправлялся. Не помню, сколько мѣсяцевъ пробылъ я въ лазаретѣ. Послѣ того я опять долженъ былъ отправиться въ лазаретъ по причинѣ золотухи, покрывшей всю голову коростой. Лѣченье было продолжительное. Я выпущенъ изъ лазарета уже въ 1791 году. Это не помѣшало однако жъ успѣхамъ моимъ въ ученіи. Съ 1792 года я читалъ уже и французскія книги, а по русски началъ кое-что писать, разумѣется, дѣтское ³⁾. Изъ учителей моихъ я привязался болѣе всѣхъ къ Петру Семеновичу Желѣзникову ⁴⁾, преподававшему русскую

Сакену говорится слѣдующее: „1788. 30 mars. Le capitaine iLingen revenait d'Oesel et m'ammena de la part de mon frere un orphelin de 7 ans nommé Alexandre Osteneck pour lui donner ici une éducation convenable“ (1896, т. I 108).

¹⁾ Фабианъ Вильгельмовичъ фонъ-дёръ-Остенъ-Сакенъ, впоследствии фельд-маршалъ русской арміи, возведенный въ 1821 году въ графское достоинство, а въ 1832—въ княжеское; род. въ 1752 г., умеръ въ 1837 г. 7-го апр. См. Долгоруковъ: „Родословная книга“, т. 3, 511.

²⁾ Товарищъ Востокова по классу, Александръ Ивановичъ Хатовъ былъ выпущенъ изъ корпуса въ 1797 году въ Елецкій мушкетерскій полкъ; умеръ въ 1846 г. въ должности директора военно-учебнаго комитета. См. „Сѣверная Пчела“, 1846, № 238. Въ рукописной замѣткѣ Востокова говорится о Хатовѣ такъ: „Хатовъ мнѣ далъ охоту въ рисованію и способствовалъ къ развитію во мнѣ способностей и сообщилъ много познаній историческихъ и сказочныхъ. Съ Хатовымъ друачества и игры“.

³⁾ Эти стихотворенія сохранились въ бумагахъ Востокова въ тетради „Разныя сочиненія А. Остенека. 1-го января 1793 г.“

⁴⁾ Петръ Семеновичъ Желѣзниковъ, учитель русскаго языка и литературы въ первомъ кадетскомъ корпусѣ; по словамъ И. И. Срезневскаго, онъ имѣлъ большое вліяніе на Востокова своею любовью къ занятіямъ словесности (Перевиска Востокова, XVI—XVII). Желѣзниковымъ напечатана книга

словесность. Онъ познакомилъ насъ съ сочиненіями Карамзина, выступившаго тогда только на сцену въ Московскомъ Журналѣ. Товарищи дружные со мною были: кадетъ Волковъ и гимназисты Петровъ, Лафоржъ, Шубниковъ. Я былъ также въ сношеніяхъ съ двумя родственниками моими, воспитывавшимися въ корпусѣ, съ Людвигомъ и Александромъ Сакенами, изъ коихъ первый былъ въ 5-мъ возрастѣ, а второй въ 4-мъ. Они вмѣстѣ со мною ѣздили во дворецъ къ дядѣ нашему барону Карлу Ивановичу Сакену, тайному совѣтнику, воспитателю великаго князя Константина Павловича. Не долго пользовался я знакомствомъ съ маіоромъ Сакеномъ (барономъ Фабіаномъ), который находился на службѣ при корпусѣ и вскорѣ перешелъ въ армію, гдѣ дослужился до фельдмаршала (въ 1816 году). Но и я чуть было не попалъ въ военную службу: въ 1792 году по милости дяди меня записали сержантомъ въ Измайловскій полкъ. Между тѣмъ я считался уже гимназистомъ въ кадетскомъ корпусѣ. Въ это время родилось во мнѣ желаніе къ перемѣнѣ имени. Настоящее мое имя было Остенекъ, что товарищи мои въ корпусѣ передѣляли въ Остенекъ. Послѣднее имя мнѣ особенно не нравилось: я придумалъ себѣ названіе Осталянтъ, у котораго была своя земля Осталя. Но я не сообщалъ никому этой выдумки, а хранилъ ее собственно для себя. Въ 1793 году ¹⁾ мнѣ предстоялъ выѣздъ изъ Петербурга въ Фридрихсгамъ. Карлъ Ивановичъ Сакенъ нашелъ, что дальнѣйшее пребываніе мое въ корпусѣ для образованія моего не полезно, потому что я все болѣе и болѣе началъ заикаться. Не знаю, куда бы онъ меня тамъ помѣстилъ, но онъ скоро передумалъ и рѣшился перемѣстить меня въ академію художествъ. У Сакена былъ въ академіи художествъ знакомый чиновникъ конференцъ-секретарь Петръ Петровичъ Чекалевскій ²⁾, которому онъ и поручилъ

„Приняченіе Телемака, сына Улисса, Фенелона“, съ франц. (Спб. 1788—1789) и издава „Сокращенная Библиотека въ пользу господамъ воспитанникамъ перваго кадетскаго корпуса“ (Спб. 1800—1804), гдѣ Востоковъ помѣстилъ свои первые стихотворные опыты. См. о немъ въ „Воспоминаніяхъ“ Булгарина, т. I, с. 289, т. II с. 72.

¹⁾ Вѣроятно, въ 1794 году, какъ говорится въ рукописной „лѣтописи“ Востокова, на основаніи которой и слѣдующаго за нею дневника написана эта замѣтка.

²⁾ Петръ Петровичъ Чекалевскій, конференцъ-секретарь академіи художествъ (съ 1785 г.), вносилъствіи (съ августа 1799 г.) вице-президентъ академіи художествъ; ум. въ 1827 году. Изъ протоколовъ засѣданій совѣта Императорской академіи художествъ за апрѣль 1792 г. видно, что Чекалевскій внесъ плату за содержаніе „воспитанника Александра Остенека, считая 1798 года іюля съ 27-го—сего года (т. е. 1799) генваря по 27-е число семьдесятъ пять руб.“ (Петровъ. „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской академіи художествъ, т. I, 383); отсюда можно заключить, что между Востоковымъ и Чекалевскимъ были отношенія болѣе близкія, чѣмъ у ученика съ начальникомъ.

меня въ попеченіе. Въ новомъ мѣстѣ надобно было мнѣ заводить новыхъ товарищей; я подружился съ Осиповымъ ¹⁾, которому сообщилъ книжки Карамзина, вятны мною изъ корпуса. Сношеніе мое съ корпусомъ не прекратилось. Я ходилъ туда по воскресеньямъ къ Желѣзникову. Отъ него я почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ италіанскомъ языкѣ ²⁾, а во французскомъ довольно уже твердо былъ, читая съ Шубниковымъ книги французскія въ корпусѣ. Между тѣмъ связи съ академическими товарищами расширяются. Осиповъ плѣнилъ меня вкрадчивою ласковою и добрымъ сердцемъ. Я читалъ съ нимъ Аглаю Карамзина, которая произвела въ насъ живѣйшее впечатлѣніе. Потомъ познакомился я съ Александромъ Ермолаевымъ ³⁾ и Иваномъ Ивановымъ ⁴⁾. Эти товарищи настроили умъ мой на особенныя мечтанія: согласно съ книгами, которыя мы читали, занимали насъ попеременно приключенія Жилблаза, открытіе Америки, подвиги Кортеса и Пизарро, Робинзонъ-Крузе и другіе подобные предметы. Съ переходомъ въ 4-ый возрастъ я посвятилъ себя архитектурѣ и упражнялся въ черченіи рисунковъ ордеровъ архитектурныхъ. Рисованіе съ оригиналовъ у меня шло плохо: я не могъ дойти далѣе фигуръ. Между тѣмъ не прерываются сношенія мои съ кадетами: Шубниковъ занималъ меня философствованіемъ, Волковъ—словесностью. Въ 1796 году какъ въ корпусѣ, такъ и въ академіи былъ переходъ изъ 3-го возраста въ 4-й, съ чѣмъ соединено

¹⁾ Василій Петровичъ Осиповъ, ученикъ академіи художествъ по архитектурѣ (род. 1780 г.); вышущенъ изъ академіи съ аттестатомъ 1-й степени въ 1800 г. (Петровъ. „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. сиб. академіи художествъ за 100 лѣтъ ея существованія“ 1864 г.). Умеръ въ 1850-хъ годахъ.

²⁾ Въ „Лѣтописи“ Востокова отмѣчено: „Бралъ у Желѣзникова италіанскую грамматику и твердилъ изъ нея кое-что“ (февраль 1794 г.).

³⁾ Александръ Ивановичъ Ермолаевъ (род. 1780, ум. 1828 г.), извѣстный впоследствии художникъ-археологъ, хранитель отдѣленія рукописей Импер. публичной бібліотеки, конференцъ-секретарь Импер. академіи художествъ, сотрудникъ А. Н. Оленина въ его археологическихъ трудахъ. Въ 1794 г. Ермолаевъ былъ ученикомъ академіи художествъ, курсъ которой онъ окончилъ въ 1800 году по архитектурному классу съ аттестатомъ 1-й степени. Петровъ: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. сиб. академіи художествъ за 100 лѣтъ ея существованія“ (Сиб. 1864), с. 170, 410. См. въ примѣчаніи къ „Сочиненіямъ К. Н. Батюшкова“, т. III, стр. 637. Подробный некрологъ Ермолаева былъ помѣщенъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1828 года, № 88.

⁴⁾ Иванъ Алексѣевичъ Ивановъ, архитекторъ, перспективный живописецъ, рисовальщикъ и граверъ (род. 3 февр. 1779 г., ум. 25-го іюня 1848 г.) Въ 1790-хъ годахъ онъ былъ ученикомъ архитектурнаго класса; кончилъ академію съ аттестатомъ 1-й степени въ 1798 г. Это былъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Востокова; дружба между ними продолжалась до самой смерти Иванова. Въ бумагахъ Востокова (въ рукописномъ отдѣленіи бібліотеки академіи наукъ) сохранились письма Иванова 1799—1803 гг. (отрывки изъ нихъ приведены въ „Перепискѣ А. Х. Востокова“, VI—XII).

было перемѣщеніе изъ однихъ спаленъ въ другія и разныя перемѣны. Въ концѣ того года скончалась императрица Екатерина II и пошли новыя преобразованія. Между учениками академіи завелась игра въ солдаты. Я не участвовалъ въ этой игрѣ. Мои забавы были ученыя: чтеніе книгъ съ товарищами Иваномъ Ивановымъ, Александромъ Ермолаевымъ. Оба они были, какъ и я, въ архитектурномъ классѣ. Мы дѣлали также успѣхи и въ художествѣ; Ивановъ и я получили медали за архитектурные проекты. Ивановъ до выпуска изъ академіи ангажированъ былъ къ Николаю Александровичу Львову ¹⁾, а Ермолаевъ къ Алексѣю Николаевичу Оленину ²⁾, и оба эти товарища такимъ образомъ разлучены были со мною. Въ 1800 году при выпускѣ изъ академіи я оставленъ былъ въ ней еще на три года пенсионеромъ и вскорѣ опредѣленъ былъ на службу помощникомъ библіотекаря академіи художествъ. Между тѣмъ я особенно пристрастился къ стихотворству ³⁾ (хотя я и получилъ двѣ серебряныя медали и одну золотую, но призванія не имѣлъ къ архитектурѣ). Нѣкоторые стихи мои были тогда же напечатаны въ изданной Желѣзниковымъ библіотекѣ, и корпусный товарищъ мой Шубниковъ познакомилъ меня съ нѣсколькими членами составившагося тогда общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Это были воспитанники гимназій академіи наукъ: Попугаевъ ⁴⁾, Борнъ ⁵⁾, Вол-

¹⁾ Ивановъ былъ назначенъ къ дирекціи угольныхъ пріисковъ и поэтому былъ изъ академіи выпущенъ въ 1799 г.

²⁾ Александръ Николаевичъ Оленинъ въ эти годы былъ оберъ-прокуроромъ 3-го департамента сената. Ермолаевъ по окончаніи академіи въ 1800 году былъ опредѣленъ на службу въ канцелярію сената; въ 1801 г. Оленинъ его перевелъ въ канцелярію Государственнаго Совѣта; здѣсь Ермолаевъ прослужилъ до своей смерти (см. примѣч. къ „Сочиненіямъ Батюшкова“, т. III, 637).

³⁾ Далѣе писано не Востоковымъ

⁴⁾ Н. Гречъ въ замѣткѣ о А. Х. Востоковѣ такъ пишетъ о Попугаевѣ („Вѣсть“, 1864, № 15): „Василій Васильевичъ Попугаевъ, пламенный, эксцентрическій поэтъ, неустойчивый другъ правды и гонитель зла, бывший до Ив. М. Борна учителемъ въ Петровской школѣ, непостоянный, вспыльчивый, благородный и простодушный, бывшій предметомъ насмѣшекъ со стороны людей, непонимавшихъ и не стоявшихъ его. Умеръ въ 1816 году, если не ошибаюсь, въ Твери, гдѣ Борнъ доставилъ ему мѣсто“. Въ дневникѣ Востокова въ мартѣ 1811 г. отмѣчено: „11-го въ субботу собраніе общества, гдѣ Измаилова партія предложила о исключеніи Попугаева“.

⁵⁾ Иванъ Мартыновичъ Борнъ; см. о немъ въ „Сѣв. Пчелѣ“, 1857 г. № 125: „И. М. Борнъ, говорится въ замѣткѣ (Греча),— былъ старшимъ учителемъ русской словесности въ Петровской школѣ, въ 1809 г. сдѣлался извѣстенъ попечителю сей школы покойному принцу Георгію Ольденбургскому, преподавалъ его императорскому высочеству русскій языкъ, пользовался уваженіемъ и довѣренностью принца и супруги его великой княгини Екатерины Павловны и по кончинѣ принца оставался при ея высочествѣ; былъ наставникъ сыновей ея, потомъ уволенъ отъ службы съ полнымъ содержаніемъ и провелъ старость свою при-

ковъ ¹⁾, Красовскій ²⁾ и другіе. Я присоединилъ къ ихъ числу...

общ. В. И. Срезневскій.

вольно, въ путешествіяхъ по разнымъ странамъ Европы. Онъ скончался года за три предъ симъ (у. Геннади 1851 г.) въ Эстляндіи. Изъ литературныхъ трудовъ его извѣстенъ хорошій учебникъ: Руководство къ російской словесности, 1808 г. съ замѣчаніями А. Хр. Востокова. Въ его квартирѣ въ домѣ Петровскаго училища собиралось общество, названное вольнымъ обществомъ любителей словесности, наукъ и художествъ и утвержденное правительствомъ⁴.

¹⁾ Алексѣй Гавриловичъ Волковъ былъ адъюнктомъ химіи въ академіи наукъ; умеръ въ 1809 г. въ молодыхъ лѣтахъ; по словамъ Греча („Вѣсть“ 1864, № 15); Волковъ былъ поэтъ съ большимъ дарованіемъ. У Востокова есть стихотвореніе „Къ А. Г. Волкову въ декабрѣ 1802 г.“.

²⁾ Василій Ивановичъ Красовскій—чиновникъ бергъ-коллегіи, потомъ секретарь петербургскаго цензурнаго комитета (род. въ 1782 г., умеръ въ 1824. Геннади); по словамъ Греча („Вѣсть“ 1864, № 15), это былъ „умный даровитый, основательно ученый, строго нравственный человѣкъ“.

Воцареніе императора Николая I-го ¹⁾.

(Изъ дневника Г. И. Вилламова).

1826.

Января 1-го, пятница. Послѣ 10-ти часовъ, или точнѣе около 11-ти, я отправился во дворецъ. Сначала я былъ потребованъ къ императрицѣ, которую и поздравилъ. Сегодня даны были двѣ Владимірскія ленты: военному министру Татищеву и начальнику главнаго морского штаба Моллеру; одинъ другого стоитъ. Было много и другихъ пожалованій въ военномъ вѣдомствѣ; между прочимъ, въ чинъ генераль-лейтенантовъ пожалованы: Адеркасъ, Левашевъ, Чичеринъ и другіе. Послѣ обѣдни происходилъ пріемъ поздравленій у императрицы Александры, которая сказала мнѣ: «я очень рада познакомиться съ вами и поздравить васъ съ новымъ годомъ».

Затѣмъ поздравленія принимала великая княгиня Елена. Императрица дала мнѣ письмо свое къ императрицѣ Елисаветѣ, чтобы я снялъ съ него копію и отправилъ, и пригласила меня прійти къ ней послѣ обѣда. Отправивъ письмо, я удалился домой. За обѣдомъ у насъ были молодые Штенгеры. Полковникъ (Штенгеръ) 13-го декабря женился на сестрѣ Фридерики; женитьба эта—по разсудку, такъ какъ она доставляетъ дѣтямъ (Штенгера) хорошую мать: новая m-me Штенгеръ—довольно некрасивая, но хорошая особа. Послѣ обѣда я вернулся во дворецъ.

Императрица велѣла мнѣ переменить нѣсколько фразъ въ отвѣтѣ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ 1899 г. февраль.

герцогинѣ Ангулемской, а также и въ запискѣ отъ 27-го ноября, и поручила мнѣ приготовить письмо къ князю Волконскому и переписать письмо къ императрицѣ Елисаветѣ. Я былъ отпущенъ около полуночи. Я работалъ до 3-хъ часовъ ночи, снимая копія.

Января 2-го, суббота. Я написалъ письмо къ князю Волконскому и только въ 11-ть часовъ отправился во дворецъ, гдѣ я успѣлъ окончить еще нѣсколько работъ. Императрица принимала по-утру генерала Дибича, прибывшаго изъ Таганрога, затѣмъ генераль-адъютанта Червышева, также недавно прибывшаго, подобно первому. Работа была отложена на послѣ обѣденное время. Она кончала письмо къ императрицѣ Елисаветѣ и велѣла сдѣлать еще одно маленькое измѣненіе въ отвѣтѣ къ герцогинѣ Ангулемской, который, впрочемъ, она нашла весьма хорошимъ. Я былъ отпущенъ послѣ полуночи. Артемій получилъ записку отъ Александра отъ 26-го числа, со станціи Липцы, возлѣ Харькова. Онъ оставилъ Таганрогъ только 24-го числа.

Января 3-го, воскресенье. Я отправился во дворецъ между 11-ю и 12-ю часами. Я составилъ здѣсь нѣсколько писемъ, а затѣмъ собиралъ справки о капиталахъ великой княгини Александры Павловны, принадлежащихъ эрцгерцогу палатину.

Такъ какъ меня не требовали къ императрицѣ, то я отправился къ моей сестрѣ, къ которой, между прочимъ, я принесъ свою записку объ этихъ капиталахъ, и отъ сестры я узналъ, что она уже писала къ палатину, прося его объ уплатѣ пенсіи, выдававшейся обыкновенно за десять лѣтъ впередъ ¹⁾. Я возвратился потомъ во дворецъ и нашелъ тамъ Новосильцова, который сообщилъ мнѣ, что императрица меня не требовала и что она не имѣетъ времени заниматься. Поэтому я опять ушелъ, отправившись къ Плюскову и вернулся къ себѣ около 4-хъ часовъ. Послѣ обѣда я отправился съ сыномъ къ Гецу, у котораго я крестилъ дитя, 6-ть недѣль ждавшее крещенія. Моей кумой была молодая княгиня Голицына, рожденная Строгонова. Я вернулся во дворецъ, гдѣ Новосильцовъ опять сообщилъ, что я не рискую ничѣмъ, уйдя изъ дворца. Я поѣхалъ тогда къ Эндену, здоровье котораго нашелъ въ лучшемъ состояніи, и возвратился домой въ 9½ часовъ вечера. Около перваго часа ночи я занимался чтеніемъ, но, спустя полчаса, меня неожиданно позвали, и я имѣлъ удовольствіе увидѣть моего дорогого Александра, только что прибывшаго. Мы пошли разбудить мою жену и разговаривали часъ или болѣе.

¹⁾ Сестра Вилламова, Елизавета Ивановна Лавская (1764—1843), была воспитательницей великой княгини Александры Павловны, назначившей ей пенсію изъ своихъ суммъ. Послѣ кончины великой княгини капиталы ея перешли къ ея супругу, эрцгерцогу палатину, который принялъ на себя также обязанность производить изъ нихъ уплату пенсій.

Я в в а р я 4-го, понедѣльникъ. Я хотѣлъ выйти только послѣ 11-ти часовъ, но курьеръ отъ императрицы заставилъ меня поспѣшить. Императрица нашла, что Хилковъ нездоровъ, и отослала его лечиться, чтобы во вторникъ, въ 12-ть часовъ, онъ былъ въ состояніи выѣхать вмѣстѣ съ Лоде въ Гореново. Поэтому я отправился во дворецъ на цѣлый день. Жидлярди прабылъ изъ Москвы и привезъ мнѣ письмо отъ моей сестры Саблиной, которая уведомляетъ меня, что бѣдный Хрущовъ потерялъ свою жену. Я отправился обѣдать домой, гдѣ я нашелъ своего племянника и его жену. Послѣ обѣда я вернулся во дворецъ, и оставался тамъ до 12¹/₂ часовъ ночи. Великій князь Михайлъ пришелъ въ то время, когда мы съ Новосильцовымъ были у императрицы. Она вышла съ нимъ въ уборную, но такъ какъ онъ говорилъ громко, то мы услышали нѣсколько словъ, которыя, казалось, указывали на разладъ между двумя братьями: «если это не нравится»... «если онъ не хочетъ моихъ услугъ»... (*si cela ne plait pas, s'il ne veut pas de mes services*) и нѣсколько похожихъ выраженій. Государь прислалъ императрицѣ письмо Родофиникина и Кутузова, адресованное къ императрицѣ, въ которомъ они просятъ ее взять сиротскій домъ подъ свое покровительство. Она нашла письмо это безтактнымъ и незаконнымъ. Я не знаю навѣрное, на какомъ основаніи съ этой просьбой обращаются эти господа, а не генералъ-губернаторъ. Новосильцовъ нашелъ, что они на это не имѣютъ права. Она написала императору письмо, чтобы это ему разъяснить. Однако я выразилъ мнѣніе, что такъ какъ представилъ императрицѣ письма этихъ двухъ господъ самъ государь, то возможно, что они дошли до него законнымъ путемъ.

Я в в а р я 5-го, вторникъ. Я провелъ утро дома и въ 1¹/₂ часъ послалъ свою работу во дворецъ. Во время обѣда я получилъ отъ Новосильцова записку, въ которой онъ спрашиваетъ меня отъ имени императрицы, не получилъ ли я какихъ-либо извѣстій изъ Таганрога? Я отвѣтилъ, что нѣтъ, и просилъ сообщить мнѣ, нужно ли мнѣ и въ которомъ часу, прибыть во дворецъ. Я получилъ отвѣтъ, написанный самой императрицей на той же запискѣ, что я долженъ явиться, если мое здоровье позволитъ мнѣ это. Поэтому я отправился во дворецъ, снялъ тамъ копію одного письма и былъ отпущенъ лишь около 11-ти часовъ. Во дворцѣ я получилъ письмо ко мнѣ отъ князя Волконскаго, съ приложеніемъ письма къ императрицѣ-матери отъ императрицы Елисаветы. Онъ пишетъ мнѣ отъ 28-го числа, что печальная процессія съ тѣломъ покойнаго государя выступить изъ Таганрога 29-го, что императрица Елисавета опять испытывала припадки болѣзни сердца. Изъ Таганрога уже прибылъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ съ извѣстіемъ, что процессія дѣйствительно выступила 29-го числа, что императрица присутствовала на панихидѣ, простилась съ тѣломъ государя и, затѣмъ, возвратилась къ

себѣ, послѣ чего конвой выступилъ маршемъ. Я думалъ, что императрица послѣ этого слегла въ постель. Я писалъ до 2¹/₂ час. ночи.

Января 6-го, среда. Я провелъ день по обыкновенію во дворцѣ, такъ какъ это былъ мой день службы. Здѣсь я обѣдалъ совершенно одинъ. Я видѣлся съ генераломъ Дибичемъ, который весьма похудѣлъ и имѣлъ удрученный видъ; когда я упомянулъ о его несчастномъ путешествіи (съ государемъ), у него на глазахъ показались слезы. Императрица писала къ великому князю Константину о необходимости его пріѣзда сюда, котораго она желаетъ, но онъ находитъ, что еще не наступило для того благоприятное время, что необходимо, чтобы Николай утвердился (а п с г ё) на престолѣ самъ собою, и что его прибытіе въ данный моментъ можетъ служить даже предлогомъ къ новымъ беспорядкамъ. Императрица однако утверждаетъ, что Константинъ своимъ пріѣздомъ удовлетворитъ ожиданіямъ благомыслящихъ и успокоитъ умы, разсѣявъ всякое сомнѣніе. Я нахожу, что великій князь правъ, и что императоръ не долженъ подавать вида, будто нуждается въ чужой поддержкѣ, чтобы укрѣпиться на престолѣ, что надо дать ему время достигъ этого естественнымъ путемъ; что память о беспорядкахъ еще слишкомъ свѣжа, умы слишкомъ заняты еще всѣмъ этимъ, что надо имѣть время кончить всю эту исторію, и тогда прибытіе Константина можетъ произвести хорошее впечатлѣніе и привести дѣло къ концу.

Императрица настаиваетъ на томъ, чтобы Константинъ прислалъ сюда какого-либо польскаго вельможу, военнаго, въ выдающемся чинѣ, и особеннаго одного изъ генералъ-адъютантовъ покойнаго императора. Я полагаю, что это произведетъ хорошее впечатлѣніе. Я думаю, что Константинъ, считая себя лишь простымъ подданнымъ, исполняющимъ обязанности командующаго войсками въ Польшѣ, не можетъ облекать себя правомъ посылать сюда отъ себя лично генерала и, особенно, генералъ-адъютанта; генералъ-адъютанты покойнаго императора состоятъ теперь генералъ-адъютантами императора Николая, и посылать ихъ, какъ и всякаго другого генерала, можетъ только онъ одинъ. Сверхъ того, я полагаю, что все это бесполезно, и что надо спокойно ожидать прибытія Константина, когда наступитъ удобное для того время. Я вернулся домой около часу по-полуночи.

Января 7-го, четвергъ. Имѣя приказъ прислать Жиларди ¹⁾ въ 11-ть часовъ, я къ этому времени пришелъ во дворецъ. Утромъ нечего было дѣлать съ Жиларди, такъ какъ дѣло было отложено на послѣ-обѣденное время. Итакъ, я обѣдалъ съ Новосильцовымъ. Послѣ обѣда, въ 6-ть часовъ, насъ потребовали, но работа была нѣсколько разъ прерываема,

¹⁾ Жиларди, Дементій Ивановичъ, архитекторъ московскаго воспитательнаго дома.

такъ что мы окончили ее тольбо въ 10¹/₂ часовъ. Во время послѣдняго перерыва, происшедшаго благодаря прибытію князя Голицына, Владиміра ¹⁾, мы разсматривали планы Московскаго воспитательнаго дома и нашли средство помѣстятъ 300 мальчиковъ, которыхъ императрица желаетъ обучать въ латинскихъ классахъ, въ корделожѣ, не причиняя этимъ никакого безпорядка и даже расширивъ помѣщеніе повивальнаго института. Императрица была очень довольна нашимъ проектомъ. Такъ какъ идетъ рѣчь о томъ, чтобы намъ отрѣзать со стороны Китайгорода гораздо менѣ пространства, чѣмъ это было предложено сначала, и такъ какъ мы въ сущности очень мало теряемъ, то постройка съ этой стороны каменной стѣны, которая бы намъ ничего не стоила, была бы достаточнымъ удовлетвореніемъ; но мы полагаемъ, что можно добавить условіе, чтобы ее сдѣлали одинаковой высоты съ лабазами, что составляетъ отъ 7 до 7¹/₂ аршинъ. Это дало-бы возможность устроить у этой стѣны наши конюшни и склады, построивъ ихъ въз камня, вмѣсто нынѣшнихъ деревянныхъ, расположенныхъ по линіи лабазовъ. Мы получили бы въ результатъ хорошую стѣну, и это было бы вещественной для насъ выгодой. Императрица вполнѣ одобрила эту идею. Я уѣхалъ въ 11-ть часовъ. Такъ какъ въ полночь возвратились мои сыновья, то жена и дѣти пришли меня поздравить съ днемъ рожденія. Да благоволитъ Богъ новый годъ, который я начинаю, сдѣлать болѣе счастливымъ, чѣмъ предшествовавшіе, а меня болѣе достойнымъ Его милостей!

8-го января, пятница. День—моего рожденія. Гришка ²⁾ пришелъ меня поздравить, когда я былъ еще въ постели, и принесъ мнѣ рисунокъ своего произведенія. Варинька ³⁾ принесла мнѣ позднѣе поздравленіе въ письмѣ, довольно хорошо написанномъ, а маленькая Софія ⁴⁾—маленькую корзинку, сдѣланную ею самою. Я долженъ былъ оставить своихъ въ 10 часовъ, чтобы отправиться на службу, и не пріѣхалъ домой къ обѣду, такъ какъ былъ задержанъ до 4-хъ почти часовъ письмомъ къ императрицѣ Елисаветѣ, которое только что тогда получилъ. Я обѣдалъ одинъ во дворцѣ. Императрица рассказала намъ исторію возмущенія, поднятаго подполковникомъ Муравьевымъ ⁵⁾, который обольстилъ часть Черниговскаго полка по поводу принесенія присяги, нанесъ раны полко-

¹⁾ Голицынъ, Владиміръ Сергѣевичъ, флигель-адъютантъ императора Александра.

²⁾ Третій сынъ Вилламова Григорій Григорьевичъ (1816—1869), впоследствии генераль-адъютантъ, генераль-отъ-артиллеріи.

³⁾ Дочь Г. И. Вилламова, бывшая впоследствии замужемъ за Анненскимъ.

⁴⁾ Дочь Г. И. Вилламова, † 1865 г. въ дѣвцахъ.

⁵⁾ Сергій Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ Черниговскаго полка, декабристъ (род. 1796 г., казненъ 13 іюля 1826 г.).

вому командиру и разграбилъ маленькій городокъ Васильковъ, Кіевской губерніи; но, узнавъ, что его преслѣдуютъ, онъ бѣжалъ съ 500—600 чел.

Затѣмъ императоръ, выходя отъ матери, сказалъ намъ, что послѣдняя шайка разбита, что нѣсколько выстрѣловъ картечью произведено дѣйствию, и что Муравьевъ былъ тяжело раненъ. Онъ былъ окруженъ генераломъ Ротомъ, когда приготовлялся идти грабить Бѣлую Церковь. Въ этомъ дѣлѣ участвовало три брата Муравьевы, изъ которыхъ одинъ, главный, раненъ, второй убитъ и третій взятъ въ плѣнъ¹⁾. Вообще говорятъ, что въ этомъ заговорѣ замѣшано 9-ть генераловъ, въ этомъ числѣ—два сына покойнаго Михаила Нивитича²⁾ и братъ ш-ше Канкриной³⁾. Сумасшедшій Муравьевъ провозгласилъ предъ Черниговскимъ полкомъ славяно-русскую республику. Его спросили: «Кто же будетъ царемъ?» и когда узнали, что вовсе не будетъ царя, то его начали оставлять.

Я былъ отпущенъ въ 11 1/2 ч. и, возвратившись къ себѣ, засталъ маленькое общество, собравшееся по случаю моего праздника: Кошкиныхъ, Христіани, Миддендорфовъ, г-жу Любовь Колыману. Я приготовилъ нѣсколько писемъ на завтра.

Я и в а р я 9-го, суббота. День службы, который я провелъ во дворцѣ до 11 ч. вечера. Былъ совѣтъ (опекунскій), и послѣ обѣда появился приказъ по дѣлу Муравьева. Императоръ принялъ разумное правило: все—публиковать. Сегодня мнѣ передавали (именно Самаринъ⁴⁾) разговоръ, который императоръ имѣлъ съ Михаиломъ Орловымъ⁵⁾, замѣшаннымъ въ дѣло заговора. Позвавъ Орлова въ свой кабинетъ, онъ ему сказалъ: «въ этотъ моментъ съ тобой говорить не императоръ, но Николай Павловичъ». Они усѣлись. — «Ты любилъ моего покойнаго брата: ты знаешь,

¹⁾ Братья предыдущаго, декабристы: Матвѣй Ивановичъ (р. 1793, † 1886) подполковникъ, и Ипполитъ Ивановичъ (1806—1826), прапорщикъ свиты его величества по квартирмейстерской части, покончившій съ собою въ день подавленія мятежа самоубійствомъ.

²⁾ Муравьева (1757—1807), попечителя московскаго университета и наставника императора Александра.

³⁾ Графиня Канкринна. Екатерина Захаровна, урожденная Муравьева. Братъ ея, декабристъ. Артамонъ Захаровичъ, полковникъ, командиръ Ахтырскаго гусарскаго полка. Отецъ ихъ, Захаръ Матвѣевичъ Муравьевъ, долгое время былъ экономомъ Смольнаго монастыря и пользовался покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, такъ какъ женатъ былъ на баронессѣ Елисаветѣ Поссе, сестрѣ знаменитой Шарлотты Карловны Ливенъ. Графъ Канкринъ, чрезъ свою жену, приобрѣлъ себѣ уже въ началѣ своей карьеры покровительство двора.

⁴⁾ Ѳеодоръ Васильевичъ, шталмейстеръ.

⁵⁾ Орловъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, генералъ-маіоръ, флигель-адъютантъ императора Александра I, заключившій первую капитуляцію Парижа, родился 1788 † 1842.

что онъ тебя любилъ также; ты ему обѣщалъ оставить это сообщество (association). Что же ты сдѣлалъ? Вотъ письмо, которое ты писалъ послѣ своего обѣщанія. Что ты можешь отвѣтить? Честный человекъ сдерживаетъ свое слово и т. д. Говори, что можешь сказать?» Орловъ не далъ никакого отвѣта, несмотря на дружественныя увѣщанія императора, который, наконецъ, поднялся и сказалъ ему: «теперь императоръ приказываетъ тебѣ: «иди прочь!» при этомъ государь показалъ Орлову дверь. Сквозъжонный Орловъ хотѣлъ что то пробормотать, но императоръ, показывая дверь, сказалъ ему: «императоръ не повторяетъ; теперь ты станешь отвѣчать въ крѣпости на вопросы комисіи». Прекрасно, величественно! Вообще, по-истинѣ радостно слышать, какъ императоръ говоритъ такимъ тономъ со столь разнообразными личностями. Да поддержать его и сохранить Господы! Я не могу не думать, что если Европа съ полнымъ основаніемъ скорбитъ о смерти Александра и можетъ быть долго будетъ скорбѣть о ней, то Россія не потеряла отъ перемѣны царствованія, если Николай будетъ продолжать какъ началъ.

Января 10-го, воскресенье. Въ 8¹/₂ ч. я получилъ записку отъ императрицы, которая меня спрашиваетъ, не положила ли она двухъ писемъ во вчерашнія бумаги. Я увѣрялъ ее, что нѣтъ, что я пересматривалъ, но что для большей увѣренности пойду въ канцелярію. Письма наконецъ нашлись у императрицы. Въ ожиданіи я потерялъ утро до полудня. Затѣмъ я отправился по дѣламъ къ министру финансовъ. Я обѣдалъ дома; послѣ обѣда я вернулся во дворецъ.

Января 11-го, понедѣльникъ. Я отправился въ Кабинетъ, видѣвшись по дорогѣ съ Эвденомъ, чтобы тамъ получить деньги, и тамъ я получилъ также 83¹/₂ р. для Томатисъ. Я вернулся во дворецъ. Императрица ушла. Я отправился къ Томатисъ, чтобы ей занести деньги, пославъ также 500 р. моей сестрѣ. Послѣ обѣда я былъ позванъ во дворецъ, а вечеромъ пошелъ занести деньги господину Плюскову.

Января 12-го, вторникъ. Я провелъ день во дворцѣ до вечера.

Января 13-го, среда. День рожденія моего сына, которому 28 лѣтъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ чудесный малый. Я одѣлся въ парадную форму по случаю дня рожденія императрицы Елисаветы и провелъ день во дворцѣ до полуночи, но обѣдалъ я дома, чтобы провести время съ моимъ новорожденнымъ и выпить его здоровье.

Января 14-го, четвергъ. Мы имѣли приказаніе быть всѣ трое на лицо, чтобы приготовить бумаги для отправленія ихъ съ Хилковымъ, который долженъ отправиться завтра въ Гореново. Я написалъ письмо къ Саблину, а другое къ Хилкову въ родѣ инструкціи. На формальную просьбу Саблина освободить его отъ управленія Гореновымъ ему дали очень любезный отвѣтъ, что его просить обождать нашего прибытія въ

Москву, когда, можетъ быть, поѣдутъ осмотрѣть Гореново: тогда его поблагодарятъ и тѣмъ исполнять свой долгъ.

Января 15-го, пятница. Отправленіе для Хилкова было окончено.

Января 16-го, суббота. Хилковъ уѣхалъ; послѣ обѣда былъ совѣтъ (опекунскій).

Января 17-го, воскресенье. Я принялъ лекарство и провелъ утро дома.

Января 18-го, понедѣльникъ. Я исполнялъ службу. Вечеромъ принималъ лекарство.

Января 19-го, вторникъ. Я провелъ ночь худо и чувствовалъ себя очень плохо. Получивъ вчера приказъ прибыть во дворецъ послѣ обѣда къ почтѣ изъ Таганрога, я туда отправился. На вопросы о моемъ здоровьи я отвѣчалъ, что сегодня чувствую себя нехорошо, что у меня лихорадка. Позвали Рюля, и онъ нашелъ, что лихорадка у меня продолжается. Рѣшено было, что я останусь дома завтра и послѣ завтра, но послѣ завтра вечеромъ приѣду во дворецъ, для отправленія Гермара, если утромъ окажется, что я въ состояніи это сдѣлать. Надо было меня отпустить сейчасъ, однако меня задержали до 8¹/₂ часовъ для важнаго дѣла— уложить письма Константина. Говорятъ, что Кривцовъ, воронежскій губернаторъ, призванъ сюда по обвиненію въ соучастіи въ заговорѣ. Между прочимъ говорятъ, что крестьяне его деревни возмущались за принужденіе ихъ къ постройкѣ дорогъ. Г. Рюль предписалъ мнѣ принимать лекарство черезъ каждые 2 часа и я началъ принимать его тотчасъ же ¹⁾).

Января 20-го, среда. Я отослалъ свою работу во дворецъ и провелъ день дома, принимая лекарство Рюля. Меня посѣтили моя сестра и племянница, Зинаида. Онѣ обѣдали съ нами и провели у насъ весь день. Сегодня чувствую себя, вопреки ожиданіямъ, хорошо. Я писалъ къ графинѣ Эглофштейнъ, чтобы отослать ей книги, которыя Жуковскій далъ мнѣ для нея, и такъ какъ въ этомъ числѣ находились «Бесѣды лорда Байрона», то я прочелъ ихъ съ большимъ интересомъ. Онѣ дали мнѣ возможность понять Байрона. Я получилъ вчера письмо отъ своей свояченицы.

Января 21-го, четвергъ. Такъ какъ утромъ у меня былъ пароксизмъ лихорадки, то Рюль не позволилъ мнѣ выходить. Принималъ также Гермара послѣ обѣда. Онъ уѣзжалъ ночью или завтра утромъ. Я послалъ ему утромъ письмо для Линны и нѣсколько словъ къ Сильвестру.

Января 22-го, пятница. Я еще не получилъ разрѣшенія выходить изъ дому. Вечеромъ я игралъ со своими въ бостонъ.

¹⁾ Пропущены подробности о болѣзни Виллакова.

Января 23-го, суббота. Именины моего добраго Артемія. Рюль рѣшилъ, что я останусь еще сегодня и завтра дома. Онъ прописалъ мнѣ двѣ пилюли. Замѣтивъ по рецепту, что это пилюли изъ каломеля, какъ я и предполагалъ, я послалъ за ними, но ихъ не принявъ, а прибѣгнувъ къ обыкновенной своей микстурѣ, Кюлевейна. За обѣдомъ мы пили за здоровье нашего дорогого именинника.

Января 24-го, воскресенье. Микстура произвела свое дѣйствіе, и я далъ объ этомъ отчетъ Рюлю, умолчавъ о его пилюляхъ. За обѣдомъ было нѣсколько лицъ, пріѣхавшихъ поздравить Артемія, и пили за его здоровье. Вечеромъ я сыгралъ партію въ бостонъ, а молодежь прошла въ залу. Сегодня приходилъ ко мнѣ Жобаръ¹⁾, и я пригласилъ его къ своимъ дочерямъ по 10 рублей за урокъ, по два раза въ недѣлю.

Января 25-го, понедѣльникъ. Утромъ я получилъ записку, приглашавшую меня явиться во дворецъ завтра въ полдень, если я получу позволеніе выходить. Рюль согласился на это. Я вышелъ по полудни въ то время, какъ Жобаръ пришелъ начать свои уроки. Императрица прибыла послѣ 2 часовъ. Во дворцѣ я обѣдалъ одинъ, а послѣ обѣда мы работали: она меня отпустила передъ 7 ч., но я уѣхалъ лишь въ 8 часовъ, когда прибыла моя карета. Я узналъ сегодня, что Кюхельбекеръ схваченъ солдатомъ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка, который узналъ его въ Варшавѣ по примѣтамъ и арестовалъ его. Князь Сергій Голицынъ сегодня отбланивался.

Января 26-го, вторникъ. Я вышелъ въ 9 часовъ по дѣлу, которое мнѣ велѣно было покончить съ Жиларди, но было довольно поздно, когда мы съ нимъ кончили. Императрица одобрила его проекты и приказала вслѣдъ затѣмъ приготовить письмо къ Сабляну. Она меня отпустила около часу пополудни, а затѣмъ я закончилъ отправленіе почты въ Таганрогъ.

Извѣстія отъ императрицы Елисаветы постоянно хорошия, и, кажется здоровье къ ней возвращается. Лѣтнимъ своимъ мѣстопребываніемъ она избрала Царицыно²⁾, а до мая мѣсяца она будетъ жить въ Тулѣ или Калугѣ. Она отказалась отъ назначеннаго ей милліона рублей и желаетъ получить только тѣ 600 т. рублей, которые ей слѣдуютъ по закону. Она отказывается также отъ Каменнаго острова и принимаетъ Ораніенбаумъ, изъявляя желаніе бывать въ Павловскѣ (я полагаю, что мы не прочь были бы отказаться отъ этого, несмотря на наши красивыя фразы³⁾). Она настоятельно проситъ снять свой шифръ и портретъ съ фрейлянгъ

¹⁾ Извѣстный преподаватель французскаго языка, уволенный Магницкимъ отъ службы при Казанскомъ университетѣ.

²⁾ Императорскій лѣтній дворецъ подъ Москвою, выстроенный при Еватеринѣ II.

³⁾ Рѣчь идетъ объ императрицѣ Маріи.

и статсъ-дамъ. Но мы настаиваемъ, очень естественно, потому, что этому разумному примѣру и мы должны были бы послѣдовать, и насъ не поблагодарили бы, если бы мы такъ не сдѣлали. Всетаки это хорошій случай исправить то, что мы недостаточно обдумали при вступленіи на престолъ Александра. Вечеромъ въ 8 часовъ, оставивъ дворецъ, я пошелъ къ Эндену. Возвратившись къ себѣ, я приготовилъ письмо къ Саблину. Графиня Томатисъ и Глазенапъ посѣтили меня въ канцеляріи послѣ обѣда. Здѣсь находился и Новосильцовъ.

Января 27-го, среда. Я вышелъ въ 9^{1/2} часовъ. Такъ какъ императрица отправилась въ полдень въ училище ордена св. Екатерины, чтобы показать его эрцгерцогу Фердинанду, то я воспользовался этимъ временемъ и зашелъ на часикъ къ Китти. Императрица вернулась только въ 4 часа. Послѣ обѣда немного работали. Она помѣтила письмо къ Саблину и отпустила Жиларди. Князь Голицынъ своимъ приѣздомъ прервалъ работу въ 7 часовъ. Я отправился къ принцу Павлу Мекленбургскому ¹⁾, чтобы поговорить съ нимъ о его капиталахъ. Онъ желаетъ взять ихъ обратно, чтобы купить землю. Императрица не желаетъ допустить его къ участию въ проданомъ, а онъ отказывается отъ этого противъ воли. Онъ домогается получить отсюда 3000 талеровъ дохода. Я заговаривалъ съ нимъ о пенсіи молодого Бека. Я былъ отпущенъ въ 3^{1/2} часа съ приказаніемъ придти завтра утромъ.

Января 28-го, четвергъ. День рожденія великаго князя Михаила. Я отправился къ нему во дворецъ, гдѣ мнѣ сказали, что великая княгиня принимаетъ въ полдень. Я былъ въ Зимнемъ дворцѣ, какъ мнѣ было вчера приказано, хотя предвидѣлъ, что я здѣсь потеряю послѣобѣденное время. Въ полдень я съ Фридеричи отправился къ великой княгинѣ Еленѣ; отсюда я отвезъ его въ Зимній дворецъ, а самъ отправился въ Екатерининскій институтъ на засѣданіе нашего комитета, которое продолжалось до 3 часовъ. Здѣсь я написалъ объясненіе о дукатѣ (?), которые я обѣщалъ господину Гетцу и которые я желалъ дать ему сегодня. Когда я прочиталъ его, то госпожа Кремина просила у меня копію. Я отправился къ Гетцамъ, а въ 5^{1/2} часовъ всталъ изъ за стола, чтобы отправиться во дворецъ. Пила превосходное бургонское и лафитъ (Байерманъ); было также шампанское. Я показалъ императрицѣ нашъ протоколъ и предложилъ ей, прежде чѣмъ его одобрить, сообщить его госпожѣ Адлербергъ. Она мнѣ дала рапортъ госпожи Адлербергъ, чтобы составить на него отвѣтъ. Затѣмъ читали бумаги, и я былъ отпущенъ въ 8 часовъ. Я писалъ къ Адлербергъ, препроводивъ къ ней и протоколъ, и вернулся къ

¹⁾ Зять императрицы Маріи Феодоровны, супругъ великой княгини Елены Павловны († 1803 г.), герцогини Мекленбургской.

Гетцамъ. Пили довольно много шампанскаго и среди этого я получилъ записку отъ императрицы, на которую надо было отвѣтить, что было довольно затруднительно. Мы вернулись около 1 часу.

Января 29-го, пятница. Вчерашнее вино дало себя чувствовать. Императрица приказала мнѣ отправиться къ графу Нессельроде посоветоваться относительно желанія принца Павла Мекленбургскаго взять свои капиталы, а также приданое. Графъ Нессельроде нашель, какъ и я, что мы не имѣемъ никакого права противорѣчить, а онъ въ полномъ правѣ поступить въ этомъ случаѣ такъ, какъ желаетъ; что здѣсь можно сдѣлать ему лишь представленіе, въ его же пользу, такъ какъ земли въ Германіи не приносятъ 5%. Я передалъ отвѣтъ императрицѣ. Вечеромъ она поручила мнѣ составить записку, въ которой признавались бы права принца, но объяснялось ему неудобство его проекта. Въ 9 часовъ я былъ свободенъ и вскорѣ уѣхалъ. Возвратившись, я узналъ отъ сына Артемія, что великій князь Михайлъ призывалъ его для разспросовъ о его товарищахъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ заговора. Сегодняшняя газета содержитъ интересное объявленіе объ этомъ заговорѣ.

Января 30-го, суббота. Отправивъ почту, императрица поѣхала въ Воспитательный домъ, чтобы показать его эрцгерцогу Фердинанду, принцу Вильгельму Прусскому и Леопольду Баденскому съ ихъ свитой. Я пришелъ немного ранѣе и былъ представленъ эрцгерцогу въ типографіи. Императрица вошедши подождала его и представила ему меня сама. Затѣмъ надо было отправиться къ глухонѣмымъ, но было уже слишкомъ поздно и она отменила посѣщеніе. Послѣ обѣда происходило заведеніе опекунскаго совѣта. Я вернулся домой въ 11 часовъ.

Января 31-го, воскресенье. Около 10 часовъ я получилъ извѣщеніе и отправился во дворецъ. Принцъ Павелъ Мекленбургскій сегодня уѣзжаетъ, и нужно было приготовить письма. Я получалъ приказаніе ожидать императрицу, пока не окончится обѣдня. Госпожа Адлербергъ, которая получила приказаніе придти въ 1½ ч., была принята лишь въ 2½ ч. для совѣщанія о приготовленіяхъ къ завтрашнему посѣщенію императрицы вмѣстѣ съ чужеземными принцами воспитательнаго общества. Я могъ оставить канцелярію лишь въ 3½ часа и отправился обѣдать домой. Въ 6 часовъ я вышелъ, чтобы посѣтить свою сестру. Во время моего пребыванія у нея мнѣ принесли для пересмотра письмо императрицы къ прусскому королю; просмотрѣвъ, я отослалъ его обратно. Между тѣмъ пришла бѣдная дѣвица Подлупкая, которая страдаетъ меланхоліей. Она вообразила, что она скомпрометирована тѣмъ, что говорила о конституціи и Константія и что ею за то недовольны; она боится быть отравленною и т. д. Я оставилъ свою сестру въ 8½ часовъ и вернулся домой.

Февраля 1-го, понедѣльникъ. Въ 9 часовъ я отправился во дво-
*

рець, а оттуда, опережая императрицу, въ воспитательное общество со стороны мѣщанскаго училища, которое она также желала посѣтить, чтобы показать и это заведеніе эрцгерцогу Фердинанду, принцу Вильгельму и принцу Баденскому. Они прибыли въ 10 ч., прослѣдовали чрезъ мѣщанскій институтъ, произвели дѣвицамъ испытаніе, и чрезъ лазареты; обойдя вокругъ вдовьяго дома, посѣтили воспитательное общество, гдѣ также произвели испытаніе. Дѣвицы блага класса спѣли нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія и исполнили музыкальныя пьесы на 12 или 13 рояляхъ. Наконецъ отправились въ столовую, послѣ того какъ всѣ ученицы собраны были въ большой залъ и были осмотрѣны ихъ работы. Было 4³/₄ ч., когда сѣли завтракать, а оставили общество въ 6 часовъ.

Февраля 2-го, вторникъ. Принявъ лекарство, я вышелъ только въ половинѣ перваго: отправился къ госпожѣ Адлербергъ, чтобы приготовить списокъ вдовъ и служанокъ, которыя должны сопровождать дѣтей, назначенныхъ въ московскіе институты. По этому поводу я зашелъ также во Вдовій домъ. Я отправился домой обѣдать, получивъ приказаніе придти послѣ обѣда къ императрицѣ ко времени отхода почты въ Таганрогъ. Послѣ ея отправки я вернулся къ себѣ. Утромъ меня посѣтилъ Рейнбогъ, врачъ, который высказалъ мнѣ свои жалобы по поводу того, что онъ потерялъ расположеніе императрицы, что предпочтенъ ему Россъ; онъ обвиняетъ послѣдняго въ томъ, что онъ является въ институтѣ въ пьяномъ видѣ и ошибочно распознаетъ и неправильно лечитъ болѣзни. Я замѣтилъ ему, что подобныя обвиненія очень важны и что я объ этомъ доложу императрицѣ и, если онъ согласенъ, назову его, какъ доносителя. Онъ согласился и я доложилъ объ этомъ письмомъ на имя Новосильцова.

Февраля 3-го, среда. Я исполнялъ свою службу и обѣдалъ во дворцѣ, который оставилъ только въ 9¹/₂ часовъ вечера. Мои находились въ семействѣ Гець по случаю именинъ госпожи Гець. Возвращаясь изъ дворца, я намѣревался зайти къ ней, но такъ какъ она слаба здоровьемъ, то я боялся, чтобы не было слишкомъ поздно; я не зналъ, что мои были еще у нея. Вечеромъ я работалъ. Въ два часа пополудни, едва я заснулъ, ко мнѣ принесли записку отъ императрицы съ извѣщеніемъ, что иностранные принцы выѣзжаютъ завтра въ 9 часовъ и въ 9¹/₂ ч. будутъ на Александровской мануфактурѣ, и съ приказаніемъ, чтобы я объ этомъ предупредилъ Вильсона, чего я не сдѣлалъ, потому что принцы должны были пріѣхать на мануфактуру уже въ 10 часовъ, и поэтому не стоило ночью посылать туда челоуѣка.

Февраля 4-го, четвергъ. Послѣ восьми часовъ я отправился во дворецъ, чтобы, вмѣстѣ съ Альбедилемъ, поѣхать на Александровскую мануфактуру и тамъ сопровождать, при ея осмотрѣ иностранныхъ принцовъ съ ихъ свитою. Они прибыли въ 10 часовъ, осматривали фаб-

рику до 2 часовъ и затѣмъ приняли завтракъ; потомъ пошли еще къ «Уточной» и наконецъ уѣхали. Мы возвратились во дворецъ въ 4½ ч. Такъ какъ въ эти часы императрица была еще за столомъ, то я отправился домой, гдѣ нашелъ своихъ за обѣдомъ и гостей: м-ше Вистингаузенъ и господина Колымнина. Послѣ обѣда я отправился во дворецъ, чтобы дать отчетъ императрицѣ о посѣщеніи Александровской мануфактуры по ея повелѣнію. Вскорѣ она отпустила меня, и я посѣтилъ Плюскова. Туда пришла госпожа Полянская со своими дочерьми. Послѣ чаю я ихъ оставилъ и возвратился домой въ 8½ ч., гдѣ моя молодежь радостно меня встрѣтила. Молодые играли и возились, а мое дѣло было смотрѣть на это.

Февраля 5-го, пятница. Мой день службы. Послѣ обѣда экзаменъ по закону Божію въ институтъ св. Екатерины съ 3 до 8 часовъ. Императоръ лично извѣстилъ меня о знакѣ отличія, данномъ моему Александру, слѣдующими словами: «Есть новый кавалеръ ордена св. Анны 2-й степени, Александръ Вилламовъ». Возвратившись домой послѣ полуночи, я увидѣлъ, что Александръ, который возвратился послѣ меня, еще ничего не зналъ объ этомъ. Я ему передалъ это извѣстіе, и мы пили за его здоровье.

Февраля 6-го, суббота. Я отправился къ Кохендерферу и взялъ крестъ святой Анны 2-й степени, который отослалъ Александру, чтобы онъ самъ не дѣлалъ на него расходовъ. Послѣ обѣда происходило за-сѣданіе опекунскаго совѣта.

Февраля 7-го, воскресенье. Я обѣдалъ дома, и мы пили за здоровье новаго кавалера. Его отъѣздъ въ Персію съ Меншиковымъ, назначенный на сегодня, отложенъ на завтра вечеромъ или скорѣе на послѣзавтра утромъ.

Февраля 8-го, понедѣльникъ. Александру въ отъѣздъ нуженъ крестъ, чтобы носить его во время путешествія. Указъ еще не вышелъ.

Февраля 9-го, вторникъ. Послѣ 8 часовъ я распрощался съ дорогимъ Александромъ, который отправляется въ путь съ Меншиковымъ въ Персію, въ дѣйствительности, какъ я затѣмъ узналъ, онъ уѣхалъ послѣ 10 часовъ. Да пребываетъ съ нимъ Господь и сохраняетъ въ добромъ здоровьѣ добраго, милаго, славнаго Александра! Побывавъ во дворцѣ и увидѣвшись съ императрицей, я уѣхалъ съ Новосильцевымъ въ Екатерининскій институтъ на экзаменъ, который продолжался до 3 часовъ или долѣе.

Февраля 11-го, четвергъ. Аудіенція у императора послѣ двухъ часовъ. Я обѣдалъ во дворцѣ и провелъ здѣсь остальную часть дня.

Февраля 12-го, пятница. Мой день службы. Халковъ возвратился изъ своего путешествія: императрица находитъ это слишкомъ скорымъ.

Февраля 13-го, суббота. Экзаменъ въ Екатерининскомъ институтѣ,

куда мы отправились съ Хилковымъ въ 9 часовъ. Новосильцовъ боленъ. Экзамень продолжался до 4 часовъ. Я обѣдалъ во дворцѣ.

Февраля 14-го, воскресенье. Побывавъ въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и не найдя госпожи Адлербергъ, я посѣтилъ свою сестру. Я обѣдалъ дома и былъ потребованъ послѣ обѣда въ 5 часовъ.

Февраля 15-го, понедѣльникъ. Экзамень въ Екатерининскомъ институтѣ въ присутствіи императрицы Александры. Принцъ Вильгельмъ прусскій прибылъ сюда, также и великій князь Михаилъ. Наконецъ въ 3 часа прибылъ императоръ. Мы были восхищены его красивой фигурой. Здѣсь былъ также Жуковский, и Плетневъ показывалъ замѣчанія, какія цензоръ Бирюковъ сдѣлалъ на его стихотвореніе «Прощаніе»: первыя—на слова: «милая», «ласкалась», «томимой» были всѣ имъ отвергнуты; но замѣчанія на слово: «падшей», которое находится въ послѣднемъ стихѣ: «твердость падшей возврати»—въ сущности не должны быть порицаемы, потому что это слово нехорошо подобрано; но Жуковский поддерживаеъ Плетнева. Дѣло это дошло до императрицы, и она поручила мнѣ отправиться къ императору, который обѣдалъ въ Аничковомъ дворцѣ, чтобы спросить его приказаній по этому поводу. Я туда поѣхалъ и нашелъ общество изъ 4 лицъ, размѣстившееся у окна кабинета; за однимъ столомъ императоръ, напротивъ императрица и третье мѣсто, напротивъ окна, вѣроятно для принца Оранскаго, который стоялъ, со стороны императора; за малымъ столикомъ—принцъ Вильгельмъ Прусскій. Императоръ тоже порицалъ слово: «падшей». Я вернулся домой обѣдать, а послѣ обѣда отправился во дворецъ. Вечеромъ я увѣдомилъ Жуковскаго о рѣшеніи государя, и онъ мнѣ прислалъ стихотвореніе съ измѣненными стихами.

Февраля 16-го, вторникъ. Я былъ во дворцѣ, а оттуда отправился въ опекунскій совѣтъ, гдѣ рассматривалось дѣло о купчихъ крѣпостяхъ. Я обѣдалъ дома.

Февраля 17-го, среда. День службы.

Февраля 18-го, четвергъ. Я былъ во дворцѣ, затѣмъ въ государственномъ совѣтѣ, а послѣ обѣда въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, чтобы видѣться съ Адлербергъ. Оттуда я отправился къ г-жѣ Иллвиъ и въ 10 часовъ возвратился домой.

Февраля 19-го, пятница. Экзамень (публичный) въ Екатерининскомъ институтѣ. Прежде чѣмъ туда отправиться, я имѣлъ приказаніе пойти къ императрицѣ, которая велѣла мнѣ взять съ собою подарки госпожѣ Кремзинъ и госпожѣ Статняковой, которыя я имъ и отослалъ. На экзамень явился также принцъ Баденскій, но оставался на немъ одну минуту.

Февраля 20-го, суббота. Прежде чѣмъ пойти на экзамень, я отправился во дворецъ. Императрица приказала мнѣ явиться къ ней, а

затѣмъ отпустила меня на экзаменъ. Къ концу на экзаменъ прибылъ князь Вреде и затѣмъ герцогъ Веллингтонъ. Я нашель, что сей послѣдній весьма похудѣлъ и состарился съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ въ Ахенѣ и Брюсселѣ въ 1818 году. Вреде—тучная, жесткая солдатская фигура. Экзаменъ закончился въ 3 часа пѣниемъ. Пѣніе было лишь церковное по случаю траура. Остатокъ дня я провелъ во дворцѣ.

Феврала 21-го, воскресенье. Утромъ меня посѣщаль Лачиновъ, которому я долженъ отдать свои столовые деньги съ 1 января 1827 года до погашенія съ моей стороны поручительства за сестру, что составляетъ 20 тысячъ рублей, въ счетъ которыхъ я долженъ ему отдать, сначала 2000 рублей, а въ юнѣ 4000 рублей. Затѣмъ меня потребовали во дворецъ. Послѣ обѣда Совѣтъ представилъ отчеты за 1825 годъ, а затѣмъ происходилъ общій приемъ.

Феврала 22-го, понедѣльникъ. Я провелъ день во дворцѣ за провѣркой съ Пильниковымъ и Дювалемъ въ бриллиантовой комнатѣ подарковъ, предназначенныхъ по завѣщанію императрицы, что продолжалось за 9 часовъ вечера.

Феврала 23-го, вторникъ. Я пришелъ во дворецъ, и императрица стала сама пересматривать эти подарки и завѣщанное имущество, въ которыхъ она сдѣлала многія измѣненія, что вызвало новую провѣрку. Затѣмъ разбирали почту изъ Таганрога. Вечеромъ я получилъ черезъ Новосильцева приказъ императрицы, чтобы мы собрались завтра утромъ у Хилкова.

Феврала 24-го, среда. День службы. Я отправился въ 9 часовъ къ Хилкову. Я нашель домъ запертымъ. Отворила—онъ еще спалъ. Наконецъ мы взялись пересматривать бумаги. Пришелъ Новосильцевъ. Окончивъ все и убѣдивъ Хилкова забыть о неудовольствіи, которое императрица ему выразила, мы возвратились во дворецъ. Императрица, окончивъ разборъ почты, вышла, чтобы отправиться въ общество благородныхъ дѣвицъ, и я воспользовался тѣмъ временемъ для приготовления писемъ Саблину по поводу нашихъ объясненій съ Хилковымъ. Въ 1¹/₂ ч. мы отправились въ Екатерининскій институтъ для распредѣленія наградъ. Вечеромъ въ 10 часовъ, такъ какъ императрица находилась у императора, я отправился домой, подъ предлогомъ болѣзни. Около полуночи я получилъ записку отъ императрицы, которая объявила мнѣ, что завтра послѣ парада, въ 11¹/₂ часовъ, я долженъ отправиться къ императору съ бумагами, и спрашивала извѣстій о моемъ здоровьѣ.

Феврала 25-го, четвергъ. Вчера я писалъ къ Лачинову съ приложеніемъ 2.000 рублей, говоря, что я предвижу невозможность видѣть его сегодня. Мнѣ доставили сегодня вечеромъ письмо обратно, говоря, что онъ уѣхалъ въ Петрозаводскъ. Я отдалъ письмо въ то же утро слугѣ, чтобы онъ отдалъ Лачинову или Дмитріеву, смотря по тому, кто первый придетъ.

Но вслѣдъ затѣмъ мнѣ доложили о прїѣздѣ Лачинова. Я его просилъ къ себѣ. Онъ говорилъ мнѣ о недостаточности обезпеченія долга столовыми деньгами въ случаѣ моей смерти и требовалъ векселя. Я согласился на это, прося его самого озаботиться изготовленіемъ векселя для подписанія. Въ 11 час. я получилъ извѣстіе, что императрица отправилась на парадъ; я поѣхалъ ко двору. Получивъ бумага отъ императрицы, я отправился къ императору. Вернувшись я не засталъ императрицы; она прїѣхала около 3 часовъ, разговаривала со мною и отпустила меня въ виду моей болѣзни, такъ какъ иначе она приказала бы мнѣ послѣ обѣда придти опять. Этимъ я былъ очень доволенъ, такъ какъ желалъ, по крайней мѣрѣ, сегодня обѣдать дома со своими, которыхъ я долженъ покинуть завтра утромъ, чтобы отправиться въ Царское Село и жить тамъ до 6-го марта. Послѣ обѣда дѣвцы занялись шитьемъ для меня траурныхъ обшивокъ.

Февр а л я 26-го, пятница. Въ 8¹/₂ часовъ я распрощался съ женой и дѣтьми, такъ какъ ихъ могъ увидѣть лишь завтра съ 8 часовъ. Вечеромъ я имѣлъ приказаніе явиться во дворецъ пораньше; ждалъ до 11 ч. Пересматривали бумага, представленные вчера императору; помѣтили бумага, которыя я вчера приготовилъ, писали въ Таганрогъ, и мнѣ приказали написать нѣсколько писемъ, такъ что я уѣхалъ едва послѣ 3¹/₂ часовъ, не успѣвъ пообѣдать.

Въ Царскомъ Селѣ императрица помѣстилась въ правомъ крылѣ дворца, который находится противъ лица рядомъ съ церковью, а я въ третьемъ этажѣ съ крутой лѣстницей. Я приказалъ подать мнѣ постель. Послѣ обѣда я былъ позванъ для занятій. Окончивъ работу около 9¹/₂ ч. я отправился въ общую залу, гдѣ одни ужинали, а другіе уже отужинали. Я провелъ тамъ нѣсколько времени съ Альбедилемъ, Рюлемъ, госпожами Кочетовой и Хилковой.

Февр а л я 27-го, суббота. Я всталъ рано въ 7¹/₂ часовъ и работалъ пока меня не повали, такъ какъ императрица встала поздно. Наконецъ меня позвали, и я получилъ письма для отправленія на почту. Обѣдали въ 1 ч., по случаю отъѣзда императрицы въ Тосну. Она мнѣ сказала, что если я хочу отправиться въ Тосну, она мнѣ не препятствуетъ, но если я хочу остаться, это зависитъ отъ меня. Имѣя работу, я предпочелъ послѣднее. Она должна была уѣхать въ 3¹/₂ ч. Я сошелъ внизъ, чтобы видѣть ея отъѣздъ, но ея уже не засталъ. Тогда я совершилъ прогулку около часу и взялся за работу. Въ 8³/₄ я послалъ своего слугу узнать, когда ожидаютъ императрицу, предположивъ, что она должна вернуться между 8 и 9 ч. Онъ вернулся съ отвѣтомъ, что она только что прїѣхала. Я отправился къ ней, чтобы спросить о новостяхъ. «Путешествіе это мнѣ не понравилось, потому что въ Тоснѣ была цѣлая ярмарка: тамъ находилась вся свита и много народу», между тѣмъ какъ здѣсь она мо-

гла быть когда угодно, одной. Но были приняты хорошія мѣры, и въ церкви, а также на пути ея слѣдованія, не было никого. Она много плакала, возвратившись изъ церкви, гдѣ находился гробъ почившаго государя. Вечеромъ мы собрались къ ужину въ довольно большомъ обществѣ: Моденъ со своею дочерью Софіей, Паскевичъ, Нейдгардтъ, Дружининъ, Руничъ, Корниловъ (три послѣдніе призваны на дежурство), Васильчиковъ, Перовскій. Я былъ позванъ къ императрицѣ въ 10¹/₂ часовъ. Она приказала мнѣ прислать ей бумаги. Итакъ я вернулся къ себѣ и послалъ ей свой портфель съ бумагами на этотъ день и письмами, которыя я приготовилъ.

Феврала 28-го, воскресенье. Въ 10 часовъ я сошелъ въ нижній этажъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ происходило. Я нашелъ въ передней императрицу и Новосильцова, прибывшаго утромъ изъ города. Сюда пришелъ также Мухановъ ¹⁾. Онъ мнѣ сказалъ, что прибылъ вчера. Императрица отправилась къ обѣднѣ, а мы пошли завтракать послѣ 11 часовъ, потому что здѣсь, должно быть, обѣдаютъ поздно. Затѣмъ я былъ позванъ къ императрицѣ, и она поручила мнѣ приготовить письмо въ Москву къ Кушникову ²⁾ съ запросомъ, можетъ ли онъ оставить свои дѣла (важныя), чтобы прибыть сюда двадцатаго днемъ, такъ какъ императоръ относящійся къ нему съ большимъ уваженіемъ, желаетъ его зачислить въ комиссію, учрежденную для разбора дѣла о возмущеніи. Она дала мнѣ еще нѣсколько бумагъ. Такъ какъ сегодня, по приказу императора, было рѣшено, что съ прибытіемъ тѣла пойдутъ въ церковь въ траурной одеждѣ, которой у меня нѣтъ, то я остался дома. Въ четыре безъ четверти конвой (сопровождавшій тѣло государя) прибылъ къ заставѣ Царскаго Села, и стали стрѣлять изъ пушекъ, по одному выстрѣлу въ минуту. Я сошелъ въ одну изъ комнатъ, которыя выходятъ на дворъ, чтобы видѣть прибытіе конвоя. Наконецъ въ 4³/₄ прибыли депутація отъ купцовъ и крестьянъ, которыя шли впереди конвоя, затѣмъ придворные (подразумѣвается изъ Павловска) чиновники, ученики лицея, гусары—и выстроились около подъязда. Наконецъ появилось духовенство и затѣмъ гробъ въ 5 часовъ. Шествіе тянулось въ теченіе цѣлаго часа. Я сошелъ внизъ и видѣлъ, какъ офицеры гвардіи и адъютанты покойнаго императора подняли гробъ и понесли его въ церковь. Я слѣдовалъ за нимъ до входа въ церковь. Затѣмъ я вернулся къ себѣ и приготовилъ письмо къ Кушникову. Послѣ 7 часовъ императрица прислала за мной, но я ожидалъ тамъ съ Новосильцовымъ возможности войти къ ней до 9 часовъ; лишь тогда она приняла насъ, и такъ какъ въ это время случайно вошелъ императоръ, то она взяла у меня

¹⁾ Сергій Ильичъ, шталмейстеръ.

²⁾ Кушниковъ, Сергій Сергѣевичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный опекунъ московскаго опекунскаго совѣта.

письмо Кушникову. Когда императоръ ее оставилъ, она снова позвала насъ и сказала мнѣ, что императоръ письмо одобрилъ. Разговаривали еще о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, и мы были отпущены около 11 часовъ. Новосильцовъ намѣревается завтра рано утромъ возвратиться въ городъ.

Затѣмъ я написалъ къ Артемію, чтобы онъ послалъ въ домъ князя Гагарина узнать адресъ человѣка, который сдѣлалъ ему траурное одѣяніе, и заказалъ бы его и для меня, посылая ему на это 50 р., такъ какъ Гагаринъ мнѣ сказалъ, что оно дороже не стоитъ. Онъ обѣщалъ заказать для меня платье самъ, но онъ можетъ забыть. Затѣмъ я работалъ до двѣнадцати съ половиною и взялся за чтеніе Лалла Рукъ — поэмы, которую прислала мнѣ изъ Веймара графиня Эглофштейнъ.

М ар т а 1-го, понедѣльникъ. Прописавъ все утро, я отправился въ полдень въ переднюю императрицы, гдѣ я нашелъ Фредеричи. Я ждалъ до 3-хъ часовъ, пока меня позвали. Наконецъ меня впустили: императрица приказала подать себѣ кушать и читать ей бумаги, что продолжалось до четырехъ часовъ. Она заговорила о предстоящей мнѣ поездкѣ въ Павловскъ; я хотѣлъ бы знать—когда. Я написалъ домой, чтобы мнѣ прислали коляску. Было половина пятого, а обѣдъ былъ назначенъ въ 2 часа(?): пришлось отъ него отказаться. Такъ какъ я уже кое-что поѣлъ и вообще не имѣлъ аппетита, то это мнѣ было все равно. Но ея величество могла бы подумать, что другіе должны же ѣсть. Вечеромъ я сталъ ужинать, но былъ тотчасъ же позванъ.

М ар т а 2-го, вторникъ. Я присутствовалъ на обѣднѣ и панихидѣ. Получивъ отъ императрицы письмо въ Таганрогъ для снятія копій въ то время, какъ она пошла на прогулку, я сѣлъ обѣдать. Съѣвъ говядины, я всталъ изъ-за стола, чтобы переписать письмо, такъ какъ императрица просила написать князю Волконскому перечень событій послѣднихъ дней. Окончивъ переписку, я потребовалъ ѣздового, чтобы отправить письмо въ городъ. Вмѣсто него камеръ-лакей прислалъ мнѣ фельдъегеря, котораго графъ Орловъ-Денисовъ посылалъ въ городъ и которымъ я могъ, если бы хотѣлъ, воспользоваться. Я далъ ему письмо въ Таганрогъ и пакетъ для канцеляріи. Было 5 часовъ. Я былъ позванъ къ императрицѣ, которая мнѣ сказала, что завтра отправляется въ Таганрогъ курьеръ, черезъ котораго я могу написать къ Волконскому. Я приготовилъ свое письмо, также какъ я письмо къ madame de Nazele и показалъ ей вечеромъ. Она сдѣлала въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Я написалъ графинѣ Эглофштейнъ и г. Сильвестру. Я собирался ужинать, но за мной прислали, прежде чѣмъ я сѣлъ за столъ.

М ар т а 3-го, среда. Я получилъ отъ Бугакова очень непріятное извѣстіе, что вчерашній фельдъегеръ передалъ ему пакетъ только въ 10¹/₂ ч., тогда какъ почта уходитъ отсюда въ 8 ч. Я рѣшилъ спросить

пакетъ обратно, съ дѣлю отправитъ его съ сегодняшнею почтою; я такъ и сдѣлалъ, передавъ его нарочному, который ѣдетъ въ городъ съ заграничной корреспонденціей. Проходя по столовой, я засталъ еще всѣхъ за столомъ, хотя было около 4-хъ часовъ, и я уже не ожидалъ застать обѣда, но думалъ пойти въ ресторанъ. Письмо къ Волконскому было уже одобрено и готово, такъ же какъ и письмо къ императрицѣ Елисаветѣ; я съ нетерпѣніемъ ожидалъ посылку вмѣстѣ съ Булгаковымъ, опасаясь, какъ бы курьеръ не явился ранѣе, но, къ счастью, я получилъ письмо во-время, положилъ его подъ то, которое приготовилъ для Волконскаго, съ дѣлю объяснить ему случившееся, и изъ всего сдѣлалъ только одинъ пакетъ на имя Волконскаго. Императрица прислала за мной послѣ 9 ч. вечера. Такъ какъ курьера еще не было, то за нимъ послали. Онъ пришелъ и получилъ пакеты до моего прибытія къ императрицѣ. Она приказала мнѣ взять 1000 р. изъ ея ящика и послать Захаржевскому ¹⁾ для раздачи здѣшнимъ бѣднымъ; я такъ и сдѣлалъ. Слава Богу, что запоздавшее письмо могло быть отправлено: оно можетъ придти въ одно время съ вчерашней почтой, или, самое позднее, на другой день, слѣдовательно ранѣе, чѣмъ императрица Елисавета могла бы спросить, нѣтъ ли для нея чего съ почты. Ея величество исповѣдывалась сегодня и причащается завтра.

Марта 4-го, четвергъ. Такъ какъ императрица причащалась, то я одѣлся въ парадную форму и отправился въ ея пріемную. Мухановъ и Альбедиль пришли туда послѣ прохода императрицы съ императоромъ и прочими членами императорской фамилии. Когда всѣ уѣхали, Муханова и меня впустили ее поздравить, и ея величество сказала мнѣ, что мы будемъ заниматься послѣ панихиды. Мы поздравляли императрицу Александру въ то время, какъ она проходила мимо насъ. Я перемѣнилъ костюмъ, надѣлъ все черное и отправился въ церковь.

Меня позвали вскорѣ, но я былъ принятъ только послѣ двухъ часовъ, а послѣ трехъ—занятія были прерваны принцемъ Оранскимъ. Ея величество сказала мнѣ, чтобы я велѣлъ курьеру подождать, пока она не напишетъ отвѣтовъ. Итакъ я принялся за дѣло и пропустилъ обѣдъ, что почувствовалъ заранѣе, велѣвъ подать себѣ завтракъ передъ панихидой. Мнѣ пришлось ждать еще и послѣ вечерни. Наконецъ въ 6³/₄ ч. принцъ Оранскій пріѣхалъ опять, но все уже было окончено. Я отправилъ почтовую коляску и остался дома. Въ то самое время, когда я хотѣлъ идти ужинать въ 9¹/₂—меня позвали, и когда императрица отпустила меня, и я пришелъ въ столовую, фрейлины уже поужинали одиѣ съ дежурнымъ камергеромъ, и только что ушли. Курьеръ только сегодня поѣхалъ въ Таганрогъ: все же онъ пріѣдетъ ранѣе завтрашней почты.

¹⁾ Комендантъ Царскаго Села.

Марта 5-го, пятница. Около 9 ч. я велѣлъ спросить, въ какомъ часу начнется панихида, потому что князь Курakinъ сказалъ вчера, что въ 9 ч. начнутся часы. Мнѣ пришли сказать, что обѣдня началась, и императрица сошла внизъ. Я отправился въ церковь. Послѣ панихиды, когда готовились спустить гробъ съ катафалка, видя, что многіе подходили простаться, я сдѣлалъ то же. Потомъ спустили гробъ. Императрица слѣдовала за нимъ съ принцемъ Оранскимъ до крыльца, и осталась тамъ до отъѣзда колесницы. Она двинулась ровно въ 11 ч. Везъ Илья, который, услыжавъ, что въ день похоронъ государя слѣдовало везти парадному кучеру, предложилъ сбрить себѣ бороду и надѣть ливрею, только бы имѣть честь везти своего государя. Императоръ отвѣчалъ, что честь эта принадлежитъ ему по праву, и онъ сохранилъ свою бороду. Потомъ представили императрицѣ унтеръ-офицеровъ—казаковъ, которые сопровождали тѣло отъ Таганрога; имъ было поручено поднять и нести гробъ. Въ числѣ ихъ былъ и молодой Короченцовъ, который, узнавъ дорогой, что онъ произведенъ въ офицеры, умолялъ графа Орлова-Денисова не объявлять его повышенія до прибытія въ Петербургъ, чтобы не лишиться его чести нести тѣло своего государя. Въ 11½ ч. императрица также отправилась въ путь изъ Царскаго Села по дорогѣ къ Кузьмину. Мы вошли въ Чесму, гдѣ императрица увидала часовню, убранную покойнымъ императоромъ, который велѣлъ тамъ поставить дорожный иконостасъ Петра I-го; по словамъ другихъ, это былъ иконостасъ Ивана Васильевича, вышитый царицами. Мы увидали также великолѣпный гробъ, въ которомъ тѣло будетъ перенесено въ городъ, а также и колесницу очень красивую. Около половины второго прибыли въ Зимній дворецъ. Принявъ посѣтителей изъ членовъ императорской фамиліи, императрица отправила всѣ бумаги и отпустила меня на весь день, приказавъ Новосильцеву вернуться послѣ обѣда и сказавъ, что пришлетъ мнѣ письмо императрицѣ Елисаветѣ на сегодняшнюю таганрогскую почту. Оно было мнѣ принесено тотчасъ послѣ обѣда. Я его списалъ и отправилъ. Завтра надо быть въ 7½ ч. на своемъ посту для церемоніи, потому пойду пораньше спать.

Марта 6-го. суббота. Я всталъ въ 6 ч., надѣлъ парадную форму, и въ 7 ч., отправился къ нашему сборному пункту, въ XI-е отдѣленіе; то былъ военно-сиротскій домъ. Я нашелъ тамъ уже Болотникова, Марченко, Казадаева и многихъ другихъ. Въ 10-мъ часу хозяйка дала намъ позавтракать. Канкринъ, который тоже былъ нашего отдѣленія, сравнилъ нашу процессію въ костюмахъ съ еврейскимъ обществомъ Schabbasdeckel; дѣйствительно на то похоже. Наконецъ мы вошли въ 11 ч. и встали въ ливію, гдѣ прождали еще полчаса, прежде чѣмъ отправиться въ путь. Мы прибыли въ Казанскій соборъ лишь въ 2 часа, потому что печальное шествіе должно было

останавливаться передъ каждою церковью для совершенія молебствія. Около трехъ часовъ все было окончено, и я пѣшкомъ отправился во дворецъ, гдѣ и пробылъ весь остальной день, пообедавъ дома.

Марта 7-го, воскресенье. Императорская фамилія отправилась въ Казанскій соборъ на панихиду и продолжала дѣлать это два раза въ день до погребенія.

Марта 10-го, среда. Пришло письмо отъ Александра изъ Таганрога, откуда онъ выѣхалъ 1-го марта, получивъ отъ меня письмо, посланное мяю Лонгинову ¹⁾, который пишетъ мнѣ, что ихъ отъѣздъ изъ Таганрога назначенъ на 14-е. Императрица, получившая то же извѣстіе и думавшая о необходимости поѣхать въ Калугу, казалось, тѣмъ очень была недовольна. Слупшая ея жалобы, можно было подумать, что это было нѣчто совершенно неожиданное, что заставляло ее терять время, тогда какъ уже три мѣсяца тому назадъ она могла къ тому приготовиться, задумавъ путешествіе со времени извѣстія о кончинѣ императора. Она просила насъ присутствовать завтра въ Казанскомъ соборѣ, когда воспитанницы Екатерининскаго института и военныя сироты придутъ туда для поклоненія гробу.

Марта 11-го, четвергъ. Къ 11 ч. отправился я въ Казанскій соборъ, гдѣ засталъ г-жу Стависскую и Арсеньева съ военными сиротами, а г. Вейкинга съ своими воспитанниками и двумя дочерьми. Прибыли также воспитанницы Екатерининскаго института. Я предложилъ дать имъ приложиться къ гробу, до пріѣзда императрицы, и прослушать панихиду, что было принято гг. Васильчиковымъ и другими. Когда всѣ три института исполнили эту церемонію, прошло еще нѣкоторое время до пріѣзда императорской фамиліи, которая прибыла только къ полудню. Послѣ заупокойной службы я отправился домой, а оттуда во дворецъ, согласно приказанію, переданному мнѣ Новосильцевымъ.

Марта 12-го, пятница. Дочери мои принесли мнѣ свои рисунки, по случаю дня моего ангела, св. Григорія. День я провелъ во дворцѣ, а вечеромъ, вернувшись домой, засталъ гостей; пили шампанское за мое здорье.

Марта 13-го, суббота. Я отправился въ 8 часовъ на сборный пунктъ въ домъ Лазарева, возлѣ армянской церкви. Нашъ церемоніймейстеръ, графъ Завадовскій, угостилъ насъ прекраснымъ завтракомъ. Прозябнувъ нѣсколько въ прошлую субботу, я захватилъ съ собою небольшой флаконъ коньяку и хлѣба. Завтракъ оказался лишнимъ. Послѣ 10 ч. процессія тронулась по Невскому проспекту, Малой Садовой и новой улицѣ, между Михайловскимъ дворцомъ и Инженернымъ замкомъ къ Марсову полю,

¹⁾ Николай Михайловичъ Лонгиновъ, секретарь Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

вдоль Лѣтняго сада къ крѣпости. У воротъ крѣпости сняли гробъ съ колесницы и понесли его въ церковь. По окончаніи церемоніи, императрицы съ великимъ княземъ Александромъ и принцессой Маріей Вюртембергской вышли изъ церкви, послѣ чего всѣ начали прикладываться къ гробу, и я въ томъ числѣ. Его спустили съ катафалка, посреди собора, а потомъ положили въ склепъ. Я видѣлъ, насколько бѣдная Томатисъ была огорчена. Иностранные министры, съ княземъ Вреде во главѣ, приблизились, наравнѣ съ другими, чтобы бросить въ склепъ и свою горсть земли. Императоръ, великій князь, принцъ Оранскій, Веллингтонъ оставили церковь послѣ того, какъ гробъ опустили въ склепъ. Онъ находится навѣво отъ царскихъ вратъ, если смотрѣть на нихъ прямо, и направо, если стоять спиною къ алтарю. Наконецъ я уѣхалъ, разыскавъ тотчасъ же, на этотъ разъ, моего лакея, но прождавъ карету, стоявшую нѣсколько поодаль, во время дурной погоды. Однако теперь не такъ холодно, какъ въ прошлую субботу: вѣтеръ и свѣгъ слабѣе, но замѣчательно, что оба раза погода была чудная почти всю предшествовавшую недѣлю, а по субботамъ—дурная. Я вернулся домой къ обѣду, а потомъ отправился во дворецъ. Императрица отдыхала, такъ что обѣдъ не былъ еще сервированъ. Меня приняли, разспросили о томъ, что происходило послѣ, и сказали, что ея величество еще отдыхаетъ. Въ 8 ч. я поѣхалъ навѣстить графиню Томатисъ, которую нашель оправявшеюся послѣ утра. У старой графини Ливенъ лихорадка.

М а р т а, 14-го воскресенье. Я поѣхалъ во дворецъ узнать о здоровьѣ императрицы и графини Ливенъ. Первая отправилась навѣстить послѣднюю, которая также чувствовала себя лучше. Я прошелъ въ комнаты, приготовленныя для княжны Радзивиллъ, Стефаніи, произведенной въ фрейлины. Помѣщеніе ея довольно хорошее. Я прошелъ къ госпожѣ Кремнинъ, съ которой мнѣ надо было поговорить, и сдѣлалъ ей также описаніе квартиры маленькой Радзивиллъ. Я получилъ приказъ быть въ 8 ч. во дворцѣ. Послѣ обѣда у меня былъ съ визитомъ г. Лачиновъ, который представилъ мнѣ довольно тягостный проектъ платежа. Мнѣ слѣдовало уступить ему мои столовые деньги съ 1-го марта. Я указалъ ему на невозможность это сдѣлать, потому что уже получилъ ихъ. Онъ обѣщаль принести мнѣ бумагу на дняхъ.

М а р т а 15-го, понедѣльникъ. Большую половину дня я провелъ во дворцѣ. Получилъ письмо отъ Раля, который просить у меня векселя на мой долгъ, стоимостью около 4-хъ тысячъ руб. каждый, съ уплатой черезъ каждые 4 мѣсяца. Какъ быть, придется согласиться! Вечеромъ я написалъ ему соответствующій отвѣтъ. Вернулся я только въ часъ ночи. По послѣднему извѣстію изъ Таганрога, отъѣздъ императрицы Елисаветы долженъ былъ быть отложенъ, вслѣдствіе дурной дороги и болѣзни Штофрегена. Утромъ получилъ записку отъ Ново-

сильцова, который уведомляет, что князь Голицынъ ¹⁾, желаетъ видѣть меня для переговоровъ о деньгахъ, въ которыхъ императрица можетъ имѣть надобность для своего путешествія въ Калугу.

Марта, 16-го вторникъ. Я всталъ въ 9 ч. и первое лицо, которое увидалъ, былъ Лачиновъ съ бумагой. Я подписалъ ее, и онъ общалъ мнѣ дать съ нея копію. Затѣмъ отправился къ кн. Голицыну; онъ сказалъ, что императоръ поручилъ ему сговориться со мной относительно суммы, которая можетъ понадобится императрицѣ для ея путешествія. На мой вопросъ, долженъ ли я сообщить о томъ ея величеству, онъ отвѣтилъ мнѣ утвердительно, прибавивъ, что приказъ императора былъ официальн-ный, и я могъ о немъ говорить. Я объяснилъ ему, что при покойномъ императорѣ дѣло шло отъ него самого, а государыня про то и не знала, до послѣдняго раза, когда императоръ, вѣроятно, былъ не въ духѣ, потому что онъ дурно къ нему отнесся. Князь Голицынъ сказалъ мнѣ, что это было ему извѣстно, и полагалъ, что неудовольствіе императора происходило, вѣроятно, отъ недостатка денегъ въ ту минуту. Я привелъ ему въ примѣръ путешествіе въ Москву, для котораго покойный императоръ далъ своей матери 300 тысячъ рублей, но ему хотѣлось, повидимому, чтобы я переговаривалъ о томъ съ императрицей, на что я и согласился. Я отправился оттуда во дворецъ, получивъ приказаніе быть тамъ въ 11 часовъ. Когда я отдалъ отчетъ императрицѣ въ моемъ разговорѣ съ кн. Голицынымъ, она нашла поднятый вопросъ очень неудобнымъ и непріятнымъ, заговорила о милости, которую ей хотятъ оказать для ея путешествія и т. д., и поручила отвѣтить ему, что императору слѣдуетъ переговорить съ гофмаршаломъ относительно расходовъ по ея путешествію. Покойный императоръ никогда не дѣлалъ ей подобнаго вопроса, когда дѣло шло о ея личныхъ тратахъ (еще бы! когда я избавлялъ ее отъ того, и безъ моего вмѣшательства, весьма возможно, онъ и не подумалъ бы ей что-нибудь дать). Она приказала мнѣ тотчасъ же пойти за княземъ, который, вѣроятно, былъ въ комитетѣ. Выходя изъ кабинета, я засталъ кн. Голицына въ приемной и исполнилъ порученіе. Князь немного сконфузился, сказалъ, что не надо было спрашивать у ея величества, что ему дано было приказаніе объяснить со мной и пр. Его позвали, и онъ довольно долго не возвращался. Когда меня потомъ потребовали къ императрицѣ, я нашелъ ее смягчившейся; она находила только, что за дѣло глупо взялась и пр. Я сказалъ также сегодня князю, что уплата долговъ императрицы не производится. Императоръ переговаривалъ о томъ съ своею матерью, осно-

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ, другъ императора Александра и императорскаго семейства, бывший ранѣе министромъ просвѣщенія и иностранныхъ исповѣданій, а также оберъ-прокуроромъ Синода.

выясясь на разговорѣ Новосильцева съ княземъ. Теперь императрица не будетъ болѣе о томъ говорить съ княземъ, императоръ также, идѣло останется между ними. Князь взялся однако снова переговорить о томъ съ императоромъ. Потомъ я отправился въ совѣтъ, гдѣ совѣщались о кредитѣ въ миллионъ рублей, испрашиваемомъ Вильсономъ для обработки льна на фабрикѣ. Совѣтъ не расположенъ ассигновать его и скорѣе предпочелъ бы даже остановить работу; впрочемъ ничего не было рѣшено. Въ 4 ч. я получилъ для свисыванія письмо, адресованное въ Таганрогъ, и я занялся этимъ тотчасъ послѣ обѣда, а потомъ вернулся во дворецъ, который оставилъ около 9 часовъ.

Марта 17-го, среда. Мой дежурный день, который я, по обыкновенію, провелъ во дворцѣ далеко за полночь. Вечеромъ императрица пересматривала и убирала пакеты писемъ, найденныхъ въ кабинетѣ покойнаго императора Александра. Я получилъ приказаніе прибыть завтра утромъ въ 10 ч.

Марта 18-го, четвергъ. Я прибылъ во дворецъ ранѣе 10 часовъ. Императрица приказала поставить въ ея кабинетѣ большой столъ и разложить на немъ пачки писемъ, о которыхъ упоминалось выше. Потомъ она передала принцу Оранскому тѣ, которыя были отъ него и великой княгини Анны, а также я письма великой княгини Маріи возвратила обратно императрицѣ Александрѣ, великому князю Михаилу и великой княгинѣ Еленѣ тѣ, которыя имъ принадлежали, и велѣла сложить особо письма великаго князя Константина и его супруги, чтобы ихъ также имъ отправить, а остальные заперла. Наконецъ въ 3½ ч. меня отпустили.

Марта 19-го, пятница. Въ 9 ч. я отправился во дворецъ, получивъ приказаніе явиться рано, но занятія не начались раньше обыкновеннаго. Былъ большой парадъ въ честь годовщины взятія Парижа, и парадъ продолжался до 2½ ч. Сегодня солдаты, присутствовавшіе при взятіи Парижа, получили медаль, пожалованную имъ императоромъ, который выполнилъ такимъ образомъ обѣщаніе своего покойнаго брата, не приведенное имъ самимъ въ исполненіе. На одной сторонѣ медали—изображеніе императора Александра, окруженное лучами, а на другой—соответствующая надпись. Императрица составила черновое письмо въ отвѣтъ прусскому королю на письмо, которымъ онъ спрашивалъ ея согласія на женитьбу его сына Карла съ принцессой Маріей Веймарской ¹⁾. Прошедшей осенью она уже дала отвѣтъ, въ которомъ она отлагала дѣло на неопредѣленное время, подъ предлогомъ ранней молодости принцессы, съ цѣлью выиграть время, вслѣдствіе намѣренія принца Вильгельма жениться на княжнѣ Радзивиллъ, которая не рѣшалась на это, потому что

¹⁾ Внука императрицы Маріи Феодоровны.

на этотъ бракъ смотрѣли въ Пруссіи какъ на неравный, который можетъ быть только морганатическимъ. Великая княгиня Марія желаетъ измѣненія этого отвѣта въ томъ смыслѣ, чтобы онъ изложенъ былъ болѣе ясно, что женитьба принца Карла можетъ состояться только въ томъ случаѣ, если бракъ принца Вильгельма будетъ считаться морганатическимъ, вслѣдствіе этого дѣти его не будутъ имѣть правъ на наслѣдованіе престола, потому что бракъ принцессы Луизы съ княземъ Радзивиллъ считался въ свое время неравнымъ, и дѣти ея носили фамилію Радзивиллъ. Слѣдовательно, король долженъ издать законъ, по которому дѣти принца Вильгельма и княжны Радзивиллъ лишались бы права наслѣдія. Естественно, императрица не желала излагать ясно подобныя вопросы и объявила въ своемъ новомъ проектѣ отвѣта, что родители принцессы Маріи выскажутъ тогда только свое мнѣніе относительно предполагаемаго замужества съ принцемъ Карломъ (которое, тѣмъ не менѣе, кажется имъ очень желательнымъ), когда участь принца Вильгельма будетъ рѣшена, и императрица предложила королю опредѣленно высказаться относительно этого пункта. Въ сущности, это все, что она можетъ сказать, и королю самому предоставляется вывести заключеніе. Меня отпустили послѣ 8 ч., и я отправился къ графинѣ Томатисъ, у которой пробылъ до 10 ч., а потомъ возвратился домой.

Евгеній Шумигорскій.

Письмо И. И. Дмитриева—И. П. Свиньину.

28-го августа 1832 г.

Я пишу къ вамъ на-скоро, въ самую минуту моего отъезда въ отчизну; хотя и поздно, но необходимость не смотритъ на слякоть. Какъ мнѣ жаль вашего костромскаго поэта-самоучку. Вотъ какъ нашъ первенствующій университетъ ободряетъ! Къ удивленію моему узналъ, что и лопатинскій крестьянинъ, уже читавшій въ оригиналѣ Шиллера и Гёте, нынѣ уже исключенъ изъ университета. И такъ, мы теперь оба подъ домашней кровлей: но какая разниа. Буду коротать долгіе и темныя вечера одинокій, говорить не съ кѣмъ; для чтенія глаза уже и днемъ плохи. Но что дѣлать, долженъ покоряться судьбѣ и благодарить Промыслъ за 70 лѣтъ и еще молодую душу. До свиданія, любезный біографъ, бодрствуйте и подвизайтесь съ успѣхомъ, чего отъ всего сердца желаетъ всегда преданный Дмитриевъ.

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

VI¹⁾.

Указъ Сигизмунда III по поводу жалобъ на войско Самозванца.—Димитрій входитъ въ сношеніе съ львовской коллегіей іезуитовъ.—Показаніе Петра Хрущева.—Смотръ войска подь Глицианами.—Походъ къ московской границѣ.—Торжественный въѣздъ въ Кіевъ.—Переправа черезъ Днѣпръ.—Занятіе Чернигова.—Войско Димитрія увеличивается.—Отъѣздъ Мнишека.—Самозванецъ отступаетъ къ Сѣвску.—Пораженіе его подь Добрыничами.

Благодаря стараніямъ Мнишека и его родныхъ, вооруженные отряды Димитрія начали собираться во Львовѣ и его окрестностяхъ уже въ началѣ марта, причиняя не малое безпокойство жителямъ, такъ что Сигизмундъ III былъ вынужденъ издать указъ, коимъ, подь страхомъ строгаго наказанія воспрещалось производить дальнѣйшій наборъ солдатъ, такъ какъ онъ не былъ вызванъ государственной необходимостью. При этомъ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что съ ослушниками этого королевскаго указа будетъ поступлено какъ «съ бунтовщиками, грабителями и врагами Рѣчи Посполитой и нарушителями общественнаго спокойствія».

Приготовленія Димитрія къ походу были окончены въ исходѣ августа; 25-го числа этого мѣсяца онъ выѣхалъ съ сендомірскимъ воеводою изъ Самбора и два дня спустя прибылъ въ Соколяники, село принадлежавшее Львовскому староству, гдѣ онъ пробылъ до 7-го сентября ²⁾.

Димитрій и Юрій Мнишеки всячески старались поддержать отношенія къ римско-католической церкви и въ особенности къ іезуитамъ.

¹⁾ См. «Русскую Старину», февраль 1899 г.

²⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, стр. 167—173.

Съ этой цѣлью Самозванецъ послалъ папѣ еще одно письмо, въ которомъ онъ подтверждалъ ему свое обѣщаніе посвятить всю свою жизнь, всѣ свои силы на пользу христіанства и апостольской столицы, ежели Господь сподобитъ его вернуть прародительскій престолъ. Они вели также оживленную переписку съ папскимъ нунціемъ Клавдіемъ Ронгони.

Кромѣ того, Дмитрію хотѣлось войти въ сношенія съ львовскою коллегіей іезуитовъ. Съ этой цѣлью онъ прибылъ въ воскресенье, 29-го сентября, изъ Сокольникъ во Львовъ и слушалъ въ тамошнемъ кафедральномъ католическомъ соборѣ проповѣдь настоятеля этой коллегии, о. Адріана Радзиминскаго, а когда, по окончаніи богослуженія, ксендзъ Радзиминскій подошелъ къ «царевичу», чтобы привѣтствовать его отъ имени всей коллегии, то Самозванецъ отнесся къ нему весьма любезно и засвидѣтельствовалъ свою преданность апостольской столицѣ и іезуитскому ордену.

7-го сентября Дмитрій отправился въ Глиняны, куда вскорѣ должно было собраться его войско. 9-го сентября ¹⁾ къ нему прибыли посланные отъ донскихъ казаковъ, которые вновь предлагали ему свои услуги и заявили о своей готовности идти за него противъ Бориса Годунова, въ доказательство чего привезли ему письма отъ своихъ атамановъ и захваченнаго ими царскаго слугу Петра Хрущева, который былъ посланъ Годуновымъ на Донъ, чтобы привлечь казаковъ на свою сторону.

Когда этого человека привели къ «царевичу» закованнаго въ дѣша, онъ палъ предъ нимъ на колѣна и, кланяясь ему въ землю и обливаясь слезами, просилъ простить его, говоря, что онъ былъ увѣренъ, также какъ многіе другіе, въ его смерти, но теперь, увидавъ его, признаетъ въ немъ своего «законнаго монарха»; онъ увѣрялъ даже, что черты лица Самозванца были точнымъ портретомъ его отца.

Дмитрій приказалъ снять съ Хрущева оковы и долго милостиво бесѣдовалъ съ нимъ о томъ, что дѣлалось въ Москвѣ.

Въ Глинянахъ Дмитрій произвелъ смотръ войску. Гегманомъ или командующимъ этимъ войскомъ былъ избранъ Юрій Мнишекъ.

Въ отрядѣ Самозванца было 580 гусаръ, 1.420 казаковъ и легкой кавалеріи и 500 пѣхотинцевъ ²⁾; съ этой ничтожной горстью солдатъ Самозванецъ отважился идти на завоеваніе московскаго престола!

13-го сентября онъ выступилъ въ походъ. Его войско, раздѣленное на нѣсколько отрядовъ, двинулось разными путями и должно было соединиться у Днѣпра. При «царевичѣ» осталось всего 400 чело-

¹⁾ Пирлингъ, тамъ же ч. I, стр. 162.

²⁾ Подробный списокъ этого войска см. „Mars moskiewski Kraway“ Краковъ, 1605.

въѣзъ пѣхоты и три роты гусарь; передъ его ротой несли красную хоругвь съ изображеніемъ чернаго орла на золотомъ полѣ.

Опасаясь неожиданнаго нападенія, войско шло съ большими предосторожностями; ночью никто не спалъ, лошади были всегда осѣдланы и солдаты каждую минуту были готовы двинуться далѣе ¹⁾).

На Волыни и Украйнѣ къ Самозванцу присоединилось много новыхъ отрядовъ, силы его увеличивались и достигли вскорѣ внушительныхъ размѣровъ.

17-го октября Дмитрій торжественно вступилъ въ Кіевъ во главѣ всего войска, которое, по свидѣтельству очевидцевъ, доходило уже до 20 тысячъ ²⁾. Съ нимъ прибыли въ Кіевъ воевода сендомірскій, князь Вишневецкій, князь Ружинскій, князь Чарторыйскій, Струсь и Ратомскій, староста Остерскій.

Отдохнувъ три дня въ Кіевѣ, армія Самозванца собралась на берегъ Днѣпра съ намѣреніемъ переправиться черезъ рѣку, но такъ какъ князь Янушъ Острожскій приказалъ убрать всѣ паромы, то переправа могла совершиться только два дня спустя.

Передъ вступленіемъ въ предѣлы московскаго государства, Дмитрій издалъ грамоту, которую его друзья и приверженцы постарались распространить всюду. Онъ извѣщалъ этой грамотою народъ, что ему удалось спастись отъ преступныхъ замысловъ Годунова, только благодаря милости Провидѣнія, и что, достигнувъ нынѣ совершеннолѣтія, онъ идетъ на Москву, чтобы возсѣсть, при помощи Божіей, на «прародительскій престолъ». Самозванецъ призывалъ всѣхъ вспомнить присягу, принесенную его отцу, царю Іоанну, отложиться отъ измѣнника и служить ему вѣрою и правдою, какъ своему законному царю ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ, Дмитрій послалъ письмо Борису Годунову, къ которому онъ перечислилъ всѣ его злодѣянія, извѣщалъ о своемъ спасеніи и требовалъ, чтобы тотъ отрекся отъ престола и, удалясь въ монастырь, замаливалъ бы тамъ свои грѣхи, за что онъ обѣщалъ прощеніе ему и его роднѣ.

Перейдя границу, Дмитрій остановился въ 5-ти миляхъ отъ крѣпости Моравска или Монастырева и выслалъ впередъ нѣсколько казачьихъ полковъ, подъ предводительствомъ Бучинскаго, чтобы потребовать отъ жителей добровольной сдачи.

Начальникъ гарнизона, который состоялъ изъ 500 стрѣльцовъ, хотѣлъ обороняться, но чернь накинулась на него, связала и отослала въ лагерь Самозванца въ качествѣ военнопленнаго, а на другой день, когда Дмитрій торжественно совершилъ свой въѣздъ въ крѣпость, народъ встрѣтилъ его съ хлѣбомъ-солью, какъ своего избавителя.

¹⁾ Русск. историческая бібліотека. Спб. 1872 г., т. I, стр. 366.

²⁾ Archivum Domu Radziwillow. (S. S. Rerum Polon. т. V^{II}, стр. 233).

³⁾ Акты, собранные археографическою экспедиціею, т. II, № 26.

Переночевавъ въ Монастыревѣ, Дмитрій направился 1-го ноября въ Черниговъ, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Сѣверской области, который былъ хорошо укрѣпленъ. Жители Чернигова, среди которыхъ давно уже дѣйствовали агенты Самозванца, были готовы принять его какъ своего монарха; когда воеводы рѣшительно этому воспротивились, то въ городѣ вспыхнулъ мятежъ. Воеводы храбро защищались, но были побѣждены мятежниками и тяжело раненные отправлены въ лагерь Самозванца.

На слѣдующій день всѣ жители города вышли «царевичу» на встрѣчу.

— Великій князь, Дмитрій Ивановичъ, кричали они, засіялъ ты намъ ярче солнышка на небѣ! Коли Господь приведетъ тебя къ намъ, мы будемъ почитать тебя и служить тебѣ вѣрою и правдою.

Добровольная сдача Чернигова имѣла огромное значеніе для Самозванца съ нравственной стороны и кромѣ того доставила ему большое число орудій, огромные запасы и значительную сумму денегъ.

Въ лагерьъ подъ Черниговымъ войско отдыхало цѣлую недѣлю. Численность его въ это время постоянно возрастала; въ лагерь приходило чуть не ежедневно отъ 500—600 человекъ. 12-го ноября къ войску присоединилось 9.000 довскихъ казаковъ. Армія Самозванца достигла уже 38.000.

Оставивъ въ Черниговѣ гарнизонъ подъ командою Яна Запорскаго, Дмитрій двинулся къ Новгородъ-Сѣверскому и 21-го числа расположился въ виду города, на берегу Десны.

Онъ надѣялся, что ему удастся и этотъ разъ своими грамотами склонить жителей къ добровольной сдачѣ. Но гарнизономъ Новгородъ-Сѣверска командовалъ Петръ Басмановъ, человекъ храбрый и энергичный, твердо рѣшившій не измѣнять царю Борису. Когда чернь хотѣла вступить въ переговоры съ Самозванцемъ, онъ приказалъ съечь дома, стояшіе внѣ крѣпости, а жителямъ спрятаться въ крѣпости. Староста Остерскій безуспѣшно призывалъ гарнизонъ отъ имени «царевича» покориться ему. Его осыпали бранью, крича:

— А с . . . вы за нашими деньгами пріѣхали со своимъ ворогомъ!

Димитрію ничего не оставалось, какъ взять крѣпость приступомъ. Штурмъ продолжался цѣлую ночь, но за отсутствіемъ орудій большаго калибра онъ окончился неудачею; осаждающіе отступили, потерявъ рѣшительный уронъ.

Чрезвычайно раздраженный этой неудачею, Дмитрій воскликнулъ:

— Я былъ лучшаго мнѣнія о мужествѣ поляковъ; я вижу, что вы не далеко ушли отъ другихъ!

Гусары кричали ему въ отвѣтъ:

— Не порочь нашей доброй славы, всемилостивый царь! Всѣмъ

извѣстно, что намъ не новость брать сильныя крѣпости. Прикажи только сдѣлать брешь, а когда намъ придется схватиться съ непріятелемъ въ рукопашную, ваше величество увидите храбрость и мужество поляковъ!

Эта неудача могла произвести невыгодное впечатлѣніе на войско. Къ счастью для Самованца, на слѣдующій день послѣ неудачнаго штурма (29-го ноября) къ нему прибыли посланцы изъ Путивля съ извѣстіемъ, что городъ сдается ему добровольно и привезли значительную сумму денегъ.

Примѣру Путивля послѣдовали и нѣкоторые другіе города Сѣверской области, а именно Рыльскъ, Курскъ и Кромы.

11-го декабря изъ Путивля привезли пять большахъ орудій и нѣсколько маленькихъ, коими начали обстрѣливать крѣпость. Осада продолжалась цѣлую недѣлю, когда было получено извѣстіе о приближеніи на помощь осажденнымъ значительнаго отряда, посланнаго Борисомъ Годуновымъ подъ предводительствомъ князя Федора Мстиславскаго, человека, впрочемъ, совершенно незнакомаго съ военнымъ дѣломъ и не отличавшагося даже личной храбростью. Къ тому же въ его войскѣ было много людей, сочувствовавшихъ «царевичу», которые находились въ сношеніи съ нимъ и съ Мишкекомъ.

30-го декабря противники встрѣтились подъ самымъ городомъ. Положеніе Дмитрія было весьма затруднительно тѣмъ болѣе, что Басмановъ все время обстрѣливалъ изъ крѣпости его лагерь и совершалъ частыя вылазки. Однако московское войско, несмотря на свою многочисленность и на болѣе выгодную позицію, потерпѣло, вслѣдствіе нераспорядительности своего начальника, страшное пораженіе и отступило, оставивъ на полѣ битвы до четырехъ тысячъ человекъ убитыми и ранеными ¹⁾. Самъ Мстиславскій былъ тяжело раненъ, и войско потеряло въ этомъ сраженіи парчевое знамя, данное ему Годуновымъ.

Несмотря на одержанную побѣду, въ войскѣ Самованца было много недовольныхъ, въ особенноти въ тѣхъ ротахъ, которыя прибыли вмѣстѣ съ нимъ изъ Польши. Эти искатели приключеній рассчитывали на легкую добычу и на щедрыя награды; вмѣсто того имъ пришлось переносить всѣ трудности зимней кампаніи и терпѣть во многомъ недостатокъ. Они даже не получали аккуратно жалованья. Самые смѣлые изъ нихъ отправились толпою къ Дмитрію, требуя уплаты жалованья и угрожая въ противномъ случаѣ уйти обратно въ Польшу.

Дмитрій старался ихъ успокоить, просилъ потерпѣть, говоря, что слѣдовало бы какъ можно скорѣе воспользоваться побѣдой и окончательно разбить непріятельскую армію, за что онъ обѣщалъ ихъ щедро

¹⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, стр. 171.

вознаградить. Но его увѣщанія не возымѣли дѣйствія. Недовольство поляковъ перешло въ открытый бунтъ, когда они узнали, что жалованье было тайно выдано одной ротѣ, которую Димитрій надѣялся этимъ удержать при себѣ, полагая что ея примѣру послѣдуютъ остальные.

Взбунтовавшіеся поляки всячески оскорбляли и поносили Димитрія; и не только отняли у него знамя, но даже сдернули съ него соболій казакинъ. Несмотря на всѣ его просьбы, съ нимъ осталось отъ каждой роты всего по нѣсколько охотниковъ; въ общемъ въ его войскѣ было послѣ этого не болѣе 1.500 поляковъ.

14-го января 1605 года увѣхалъ изъ лагеря Димитрія и Юрій Мнишекъ¹⁾. Поводомъ къ его отъѣзду послужила, какъ говорили, болѣзнь и отчасти желаніе присутствовать на сеймѣ, который долженъ былъ въ скоромъ времени собраться въ Варшавѣ; кромѣ того онъ получилъ отъ короля приказаніе оставить со своимъ войскомъ «этого князька», чтобы не нарушить союза, заключеннаго съ Борисомъ Годуновымъ.

Но вѣрнѣе всего, что несмотря на одержанныя Самозванцемъ побѣды, послѣднія событія убѣдили Мнишека въ томъ, что завоевать Московское государство было дѣломъ не легкимъ, что для этого было необходимо сформировать новое войско, а для этой цѣли прежде всего нужно было пополнить опустѣвшую кассу Самозванца, чѣмъ онъ и занялся по возвращеніи на родину.

Зимнее время года и отсутствіе поляковъ, хорошо обученныхъ военному дѣлу, заставило Димитрія снять осаду Новгородъ-Сѣверска и отступить къ Сѣвску; это чрезвычайно подняло духъ московскаго войска, которое постоянно увеличивалось прибывавшими отрядами, такъ что численность его достигла вскорѣ до 70.000 человекъ.

Въ концѣ января это войско подошло къ Сѣвску и стало лагеремъ въ селѣ Добрыничкахъ.

На всенномъ совѣтѣ, созванномъ Димитріемъ при приближеніи русскаго войска, было рѣшено вступить въ сраженіе съ неприятелемъ, несмотря на то, что у Самозванца было въ то время всего 15.000 солдатъ, по большей части довскихъ и запорожскихъ казаковъ.

Сраженіе это окончилось страшнымъ пораженіемъ Димитрія, который вмѣстѣ съ остатками польской кавалеріи и казаками бѣжалъ въ Рыльскъ и, преслѣдуемый московской конницей, едва не былъ взятъ въ плѣнъ.

Два дня спустя онъ отправился въ Путивль, откуда разослалъ гонцовъ къ Мнишеку и другимъ своимъ друзьямъ, прося ихъ о помощи. Положеніе его было не только трудное, но даже отчаянное. Впослѣдствіи говорили, будто онъ хотѣлъ бѣжать въ то время въ Польшу.

¹⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, стр. 172.

По счастью для Самованца, ему помогли враги Годунова, которые тайнѣ подстрекали жителей противъ царя. Благодаря ихъ прояскамъ, передъ Димитріемъ открылись ворота Моравска, Чернигова, Рыльска, Путивля и многихъ другихъ городовъ Сѣверской области, и несчастная для него битва подъ Добрыничами не только не имѣла тѣхъ печальныхъ послѣдствій, какія можно было ожидать, но напротивъ дальнѣйшій путь его къ Москвѣ обратился въ торжественное шествіе.

VII.

Непріязненное отношеніе къ Самованцу поляковъ.—Сеймъ 1605 г.—Рѣчь Замойскаго.—Посольство Постника-Огарева.—Письмо Бориса къ императору Рудольфу II.—Грамоты московскаго патріарха.—Положеніе Самованца послѣ битвы подъ Добрыничами.—Тайные происки его сторонниковъ.—Новое покушеніе на жизнь Димитрія.—Его любовь къ наукамъ и планы относительно будущаго.—Доблестная оборона Кромъ.

Въ то время, какъ происходили вышеописанныя событія, въ Польшѣ все замѣтнѣе стала увеличиваться непріязнь къ Димитрію. У него были сторонники въ восточныхъ и южныхъ воеводствахъ Рѣчи Посполитой, но большинство поляковъ не вѣрило въ успѣхъ и опасалось, чтобы помощь, оказанная ему нѣкоторыми польскими вельможами, не навлекла на страну большія непріятности.

Въ исходѣ 1605 г. въ Варшавѣ долженъ былъ состояться главный сеймъ, передъ открытіемъ котораго собирались, по обыкновенію, сеймики, на коихъ давались инструкція уполномоченнымъ. Шляхта, съѣхавшаяся на эти сеймики въ 1605 году, порицала самымъ энергичнымъ образомъ дѣйствія Мнишека и Вишневецкихъ; со всѣхъ сторонъ слышались жалобы на непріятности, которыя мѣстнымъ жителямъ приходилось терпѣть отъ московскаго «князька»; уполномоченнымъ велѣно было просить короля, чтобы эти безпорядки и злоупотребленія были прекращены ¹⁾ и чтобы онъ не нарушалъ договоровъ, заключенныхъ съ сосѣднимъ государствомъ. Въ Познани и Варшавѣ шляхта требовала даже, чтобы всѣ лица, виновныя въ нарушеніи договоровъ, заключенныхъ Рѣчью Посполитой, повесли заслуженную кару.

Точно также отнеслась къ этимъ событіямъ и сенаторы Рѣчи Посполитой, съѣхавшіеся на сеймъ въ Варшаву. Всѣ они порицали короля за слишкомъ поспѣшную и необдуманную поддержку, оказанную

¹⁾ Rsp. Muzeum XX Czartoryskich 320, стр. 241—242, 246 и т. д.—Также Arch. Domu Sapiehow, т. I, стр. 436.

«князьку»; въ этомъ смыслѣ высказались воевода Андрей Лешинскій, каштеланъ познанскій Янъ Остророгъ, великій маршалъ литовскій Христофоръ Дорогостайскій и даже виленскій епископъ Венедиктъ Война ¹⁾. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на всѣхъ рѣчь, произнесенная на сеймѣ престарѣлымъ гетманомъ Яномъ Замоискимъ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ за свой умъ и выдающіяся заслуги. Шоридая дѣйствія Сигизмунда III онъ указывалъ на печальныя послѣдствія, которыя могло повлечь для Рѣчи Посполитой нарушеніе договоровъ, заключенныхъ съ Московіей.

Во время сейма прибылъ въ Варшаву посоль отъ Бориса Годунова, Постникъ-Огаревъ. 10-го февраля снѣ отправился на торжественную аудіенцію въ замокъ, окруженный свитою изъ двухсотъ челоуѣкъ. Вдоль улицъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, было разставлено три тысячи пѣхоты и нѣсколько сотъ гусаръ. Посоль поднесъ королю роскошную шубу, присланную въ подарокъ отъ царя и патріарха, вручилъ ему письмо Бориса и изложилъ устно возложенное на него порученіе ²⁾.

Борисъ Годуновъ жаловался въ своемъ письмѣ на недоразумѣнія, возникавшія между русскими и поляками въ пограничныхъ мѣстностяхъ, которыя не могли быть улажены вслѣдствіе того, что королевскіе комисары, пріѣхавшіе для разбора этихъ дѣлъ съ русскими уполномоченными, «умышленно» не хотѣли придти съ ними къ соглашенію: онъ жаловался на польскихъ сенаторовъ, которые также отнеслись къ этому дѣлу недоброжелательно и даже не отвѣтили на письменныя жалобы по этому поводу московскихъ бояръ.

«А съ вашей стороны», писалъ Борисъ, обращаясь уже прямо къ Сигизмунду, «творятся такія вещи, которыя намъ, великимъ монархамъ, дѣлать не подобаетъ».

Царь перечислялъ затѣмъ всѣ «разбойничьи» поступки Гришки Отрепьева, того бѣглаго чернеца, который выдавалъ себя за убитаго царевича; упомянулъ объ участіи, которое принялъ въ Самозванцѣ Ратомскій, староста остерскій, о заключеніи въ темницу Хрущева, о злоупотребленіяхъ, которыя позволялъ себѣ литовецъ Щесный-Свирскій, одинъ изъ довѣренныхъ лицъ Самозванца, и требовалъ наконецъ, чтобы Сигизмундъ наказалъ Отрепьева и его «совѣтниковъ», велѣлъ бы отправить въ Москву боярскаго сына Петра Хрущева и разрѣшилъ бы царскому послу имѣть секретное совѣщаніе съ его высшими сановниками» ³⁾.

¹⁾ Rps. Muz. Czart. 100 (№ 8) и 342 (№ 23).—Русс. историческая бібліотека, т. I. стр. 3--8.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи XVII вѣка, стр. 134.

³⁾ Rps. Ces. Biblioteki publicznej w Petersburgu Pols. IV. F. 119, стр. 96—106. Объ этомъ письмѣ упоминаетъ и Нарушевичъ въ „Hist. J. K. Chodkiewicza“ (т. I. стр. 24).

Два дня спустя, Постникъ-Огаревъ былъ приглашенъ въ замокъ, гдѣ Левъ Сапѣга объявлялъ ему отъ имени короля, что его величество изъявилъ согласіе на его просьбу. Совѣщаніе его съ королевскими сановниками происходило въ маленькой домовой церкви, напротивъ того дома, гдѣ собирались сенаторы. Что именно говорилъ на этомъ совѣщаніи московскій посоль, къ сожалѣнію достовѣрно не извѣстно, но объ этомъ совѣщаніи упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ папскій нунцій Ронгови, который могъ знать о немъ отъ Сапѣги или отъ виленскаго епископа. Весьма любопытно, что Постникъ-Огаревъ не называлъ этотъ разъ мнимаго царевича Гришкой Отрепьевымъ, а называлъ его, какъ говоритъ Ронгови въ своемъ донесеніи отъ 12-го февраля 1605 г., только «злодѣемъ, аріаниномъ, еретикомъ и сыномъ сапожника». (Тогда какъ настоящій Гришка Отрепьевъ былъ, какъ извѣстно, сыномъ боярина Богдана Отрепьева, сотника царскихъ стрѣльцовъ). Вѣроятно при московскомъ дворѣ перемѣнили уже тогда мнѣніе о личности Самозванца, но разумѣется посоль не могъ высказать это открыто на публичной аудіенціи, коль скоро патріархъ и бояре признали всенародно, что искатель приключеній, выдававшій себя за царевича Дмитрія, былъ не кто иной, какъ бѣглый чернецъ—растрига изъ Чудова монастыря; напротивъ того, въ бесѣдѣ съ немногими высшими сановниками польскаго короля ему не было надобности скрывать этого и потому то вѣроятно онъ и желалъ имѣть съ вами тайную аудіенцію.

Между прочимъ Постникъ-Огаревъ предложилъ польскимъ сенаторамъ вопросъ, дѣлались-ли пріятелями Самозванца военныя приготовленія съ вѣдома и согласія короля и Рѣчи Посполитой? Въ каковомъ случаѣ, заявилъ онъ, поляки были бы виновны въ пролитіи христіанской крови и царь счелъ бы себя обязаннымъ извѣстить о томъ нѣмецкаго императора и прочихъ монарховъ, а равно и апостольскую столицу ¹⁾).

26-го февраля Постникъ-Огаревъ получилъ на предложенные имъ вопросы отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что пограничные споры не могли быть улажены по винѣ самихъ уполномоченныхъ Бориса, не прибывшихъ на границу въ условленное время; что Сигизмундъ не нарушалъ договора съ Москвою, ибо хотя Самозванецъ и вторгнулся въ предѣлы московскаго государства во главѣ казаковъ и нѣкоторыхъ польскихъ отрядовъ, но это произошло безъ вѣдома Рѣчи Посполитой; наказать же Самозванца король не можетъ потому, что онъ давно уже находится внѣ его владѣній.

Такъ же мало успѣха имѣли письма, посланныя Годуновымъ къ германскому императору Рудольфу II и къ папѣ.

Въ письмѣ къ императору, отправленномъ еще въ ноябрѣ 1604 г.

¹⁾ Pierling, Pièces justificatives. ч. II, стр. 194.

Борисъ Годуновъ жаловался, что король польскій и нѣкоторые вельможи оказали поддержку Самозванцу и что король хотѣлъ даже напасть на Москву вмѣстѣ съ крымскимъ ханомъ. «Это вѣроломство, коему подобнаго доселѣ не было примѣра среди христіанскихъ монарховъ, побудило насъ, писалъ царь, двинуть войско въ Литву, но мы беремъ Бога въ свидѣтели, что могущее отъ этого прозвойти кровопролитіе будетъ не нашею виною, а короля польскаго Сигизмунда и его вельможъ».

Подобнаго же содержанія было письмо къ папѣ, которое германскій императоръ отправилъ, по просьбѣ Бориса, съ нарочнымъ гонцомъ въ Римъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1605 г. московскій патріархъ обнародовалъ посланіе къ духовенству, которое было читано всенародно въ церквахъ и имѣло цѣлю разяснить смыслъ событій, совершавшихся въ Сѣверской области. Въ этомъ посланіи, патріархъ обвинялъ во всемъ короля польскаго, который, какъ врагъ православной церкви, рѣшилъ уничтожить ее въ Россіи и ввести вмѣсто нея «католическую, лютеранскую и жидовскую» ересь.

Это посланіе не произвело однако ожидаемаго впечатлѣнія; народъ ненавидѣлъ Годунова и не вѣрилъ ни ему, ни патріарху, который, завѣдомо всецѣло былъ ему преданъ. Враги Бориса также не дремали; они распускали со своей стороны слухи благоприятные для Самозванца и эти слухи помогли ему выйти изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ онъ очутился послѣ пораженія подъ Добрыничами.

Въ началѣ февраля 1605 г. положеніе Самозванца дѣйствительно было въ высшей степени затруднительно, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ сраженіи у него погибло чуть не все войско. Подъ Добрыничами было убито около шести тысячъ человѣкъ и масса была взята въ плѣнъ, а запорожскіе казаки, которые были въ отрядѣ Самозванца, пользовались такой дурной славой, что когда они подошли къ Рыльску, а затѣмъ къ Путивлю, то сами жители въ нихъ стрѣляли и прогоняли ихъ какъ разбойниковъ. Они вскорѣ оставили Самозванца и ушли въ Украину ¹⁾. Въ довершеніе бѣдствія, послѣ этого сраженія, многіе поляки ушли обратно въ Польшу даже «не простясь съ царевичемъ». Самозванецъ послалъ за ними въ погоню двухъ офицеровъ, которые едва убѣдили ихъ вернуться. Его войско было въ конецъ разстроено и въ Путивлѣ чрезвычайно боялись, чтобы къ городу не подступило царское войско. «Если бы воеводы Бориса не медля обложили этотъ городъ, то самъ царевичъ и всѣ его приверженцы были бы въ ихъ рукахъ», писали два іезуита, находившіеся въ то время въ Путивлѣ ²⁾.

¹⁾ А. Поссевинъ. *Relazione della segnalata conquista* и т. д. стр. 9.

²⁾ Пирлингъ. *Pièces justificatives*. ч. III, стр. 224.

Но въ войскѣ Годунова было много сторонниковъ царевича, которые не только не допустили русскихъ воспользоваться побѣдой, но и постарались дать Самозванцу полную возможность оправиться. Благодаря ихъ стараніямъ русское войско не пошло къ Путявлю, а оставилось подъ Рыльскомъ и приступило къ правильной осадѣ этого города. Гарнизонъ храбро оборонялся и дѣлалъ удачныя вылазки. «Царевичъ» послалъ ему значительное подкрѣпленіе, которое вошло въ городъ такъ ловко, что непріятель узналъ объ этомъ когда уже было поздно. Чтобы поднять духъ осажденныхъ, Самозванецъ обнадеживалъ ихъ, что самъ придетъ къ нимъ на помощь съ значительнымъ отрядомъ поляковъ.

Послѣ двухъ недѣль безуспѣшной осады царское войско отступило изъ-подъ Рыльска и, соединясь съ другимъ отрядомъ, который шелъ ему на помощь, обложило Кромы, небольшой городокъ, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ была выстроена крѣпостца для защиты отъ набѣговъ татаръ ¹⁾.

Положеніе «царевича» повемногу удучшалось, чему не мало способствовали умышленныя и неумышленныя ошибки и промахи его противниковъ. Царскому войску, по приказанію Бориса Годунова, позволено было по своему чинить расправу надъ жителями Сѣверской области, въ наказаніе за покорность, изъявленную ими Самозванцу. Мѣстность, по которой проходило это войско, обратилось въ пустыню. Тысячи мѣстныхъ жителей были безъ пощады убиты солдатами или проданы въ плѣнъ татарамъ. Солдаты обращались съ ними по звѣрски; вѣшали ихъ за ноги и разстрѣливали, иныхъ даже жгли за-живо. Не менѣе горькой участи подвергались и военнопленные, которыхъ продавали татарамъ за хлѣбъ, водку, за старую одежду ²⁾. Эти звѣрскіе поступки конечно еще болѣе увеличили ненависть народа къ Годунову и ожесточили его враговъ и приверженцевъ Самозванца, которые, несмотря на поражение, понесенное ими подъ Добрыничами, не отказывались отъ надежды отдѣлаться при его помощи отъ ненавистнаго имъ тирана.

Вскорѣ послѣ прибытія Самозванца въ Путявлъ, къ нему явилась депутація съ просьбою продолжать войну и съ обѣщаніемъ, что ему будетъ оказана возможная помощь ³⁾. Въ началѣ марта Дмитрію покорились Осколь, Валуйки, Воронежъ и Бѣлгородъ, нѣсколько позднѣе Елецъ и Ливны ⁴⁾. Въ этихъ крѣпостцахъ Самозванецъ нашелъ большіе

¹⁾ Маржеретъ. Тамъ же, стр. 118.—Rps. bibl. Ossol. 2284, стр. 151.

²⁾ Буссовъ, тамъ же, стр. 29.—Масса, тамъ же т. I, стр. 86—87, т. II, стр. 94—95.

³⁾ Тамъ же, стр. 29—30.

⁴⁾ Pierling. Тамъ же. Pièces justific. ч. III, стр. 204.

запасы съѣстныхъ припасовъ и амуниціи и нѣсколько пушекъ; ихъ гарнизоны увеличили его войско.

Въ Путивлѣ его сторонники распустили слухъ, что къ Самозванцу подойдетъ вскорѣ на помощь съ большимъ польскимъ отрядомъ коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій; самъ «царевичъ» разослалъ повсюду грамоты, въ которыхъ описывалось его чудесное избавленіе отъ смерти. Желая поднять духъ войска и подѣйствовать на него со стороны религіи Дмитрій велѣлъ перенести изъ Курска въ Путивль чудотворную икону Божіей Матери и ежедневно горячо молился передъ нею объ успѣхѣ своего дѣла ¹⁾).

Въ началѣ марта въ его лагерь былъ привезенъ тотъ чернецъ, Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ выдавалъ за самозванца, принявшаго на себя роль убитаго царевича ²⁾). Его присутствіе было наилучшимъ опроверженіемъ словъ патріарха и бояръ и имѣло большое вліяніе на мѣстныхъ жителей, которые поклялись въ вѣрности Дмитрію.

Безуспѣшны были также всѣ старанія Годунова удержать преданность войска, посланнаго противъ Самозванца, хотя послѣ побѣды подъ Добрыничами ему и были розданы большія награды деньгами и знаками отличія. Петра Басманова, который особенно отличился въ сраженіяхъ съ Дмитріемъ, Борисъ щедро наградилъ за оборону Новгородъ-Сѣверска и обѣщалъ ему руку своей дочери и большую часть царства, если ему удастся побѣдить Самозванца. Но Басмановъ не вѣрилъ этимъ обѣщаніямъ, а отличія, оказанныя ему царемъ, возстановили противъ Бориса потомковъ древнихъ боярскихъ родовъ; награды, розданныя войску, также не оказали желаемаго дѣйствія и разстройство въ его рядахъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. 16-го марта въ Путивль было доставлено письмо, написанное царю однимъ изъ начальствующихъ лицъ и перехваченное жителями Вѣлгорода. Воевода доносилъ царю въ этомъ письмѣ, что солдаты бѣгутъ полками. Число бѣглецовъ, по словамъ писавшаго это донесеніе, было такъ велико, что если бы Борисъ не прислалъ для подкрѣпленія новаго войска, то ему не оставалось бы ничего иного, какъ распустить остатки своей арміи ³⁾).

Дезертирство солдатъ также было дѣломъ враговъ Годунова, которые съ каждымъ днемъ становились смѣлѣе.

Видя свое безнадежное положеніе, Борисъ сталъ искать совѣта и утѣшенія у колдуновъ и гадалокъ.

Въ Москвѣ проживала въ то время одна юродивая, по имени Елена, которую народъ чрезвычайно уважалъ и чтилъ какъ святую. Она жила въ землянкѣ, возлѣ часовеньки, съ нѣсколькими другими жен-

¹⁾ Поссевинъ. Relazione и т. д. стр. 11.—Hist. Narratio и т. д. стр. 13.

²⁾ Пирлингъ, тамъ же. Pièces justificatives, ч. III, стр. 204.

³⁾ Пирлингъ, тамъ же. Pièces justificatives, ч. III, стр. 205.

щинами, которыя подчинялись ей, какъ старшей, предсказывала будущее и ни передъ кѣмъ не чувствовала страха и боязни. Народъ слѣпо вѣрилъ въ ея предсказанія. Когда Годуновъ пріѣхалъ къ ней первый разъ, то она не позволила ему даже войти въ свою келью; а когда онъ пріѣхалъ вторично, то она, призвавъ священниковъ, велѣла имъ отслужить надъ принесеннымъ бревномъ панихиду. Это означало, что подобный обрядъ будетъ скоро совершенъ надъ самимъ Борисомъ. Несмотря на его настойчивыя просьбы, она ничего болѣе не сказала ¹⁾.

Крайне встревоженный этимъ предсказаніемъ, Борисъ дошелъ до полнаго отчаянія, почти не выходилъ изъ своихъ покоевъ и только посылалъ сына въ церковь молиться за себя ²⁾. Однако, онъ рѣшилъ попытаться еще разъ отдѣлаться отъ своего соперника.

10-го марта въ Путивль прибыли три чернеца, привезшіе отъ царя письма къ тамошнимъ жителямъ, въ коихъ Годуновъ обѣщалъ простить имъ ихъ вину, если они убьютъ Самозванца или приплотъ его и его пособниковъ арестованными въ Москву. Монахи утверждали, что они хорошо знаютъ Димитрія, такъ какъ онъ жилъ довольно долго въ ихъ монастырѣ, и что это не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Когда же ихъ начали пытать, то одинъ изъ монаховъ во всемъ сознался и, упавъ передъ Димитріемъ на колѣна, призналъ его своимъ законнымъ царемъ. Этотъ монахъ обнаружилъ также измѣну одного изъ бояръ, находившихся въ Путивлѣ, который предлагалъ царскому войску подойти ближе къ городу, обѣщая выдать ему Димитрія живымъ. Измѣнникъ былъ отданъ для расправы толпѣ, которая, привязавъ его къ столбу, стрѣляла въ него изъ луковъ и ручныхъ пистолетовъ, пока онъ не испустилъ духъ ³⁾.

Всѣ эти факты служили лучшимъ доказательствомъ того, что сила Самозванца заключалась, главнымъ образомъ, не въ его войскѣ, которое было довольно слабо и незначительно, но въ ненависти, которую питали къ Годунову его враги, во что бы то ни стало стремившіеся погубить его, не опасаясь даже наказаній, которымъ они могли за это подвергнуться.

Послѣ битвы подъ Добрынячами, Димитрій не предпринималъ никакихъ новыхъ дѣлъ, ограничившись укрѣпленіемъ тѣхъ городовъ, которые добровольно ему покорились, и спокойно выжидалъ дальнѣйшихъ событій, бесѣдуя въ свободныя минуты съ окружающими о томъ, что онъ намѣренъ былъ предпринять, когда онъ возсядетъ на престолъ. Его очень занимала, между прочимъ, мысль объ основаніи въ Россіи школъ

¹⁾ Масса. Тамъ же, т. I, стр. 87—88, т. II, стр. 95—96.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 87 и 103; т. II, стр. 95 и 113.

³⁾ Поссевинъ. Relazione и т. д., стр. 11. Histor. Narratio и т. д., стр. 12

и объ образованіи народа; и онъ самъ пользовался всякимъ случаемъ усовершенствовать свои познанія, находя ихъ недостаточными.

Любопытныя подробности объ этомъ мы находимъ въ донесеніи одного іезуита, бывшаго въ то время въ Путивлѣ.

«Достоинно удивленія, писалъ ксендзъ Николай Чиржовскій (Czyr-zowski) отъ 9-го мая того года, какъ горячо царевичъ желаетъ распространить просвѣщеніе въ своемъ народѣ и какъ велика въ немъ самомъ жажда знанія и охота къ наукѣ. Онъ заботится объ этомъ даже въ то время, когда ведетъ войну для того, чтобы овладѣть отцовскимъ престоломъ. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ насъ ⁴⁾, 20-го апрѣля, къ себѣ и, въ присутствіи трехъ важнѣйшихъ своихъ сановниковъ, сказалъ намъ слѣдующее: «двѣ вещи составляютъ важнѣйшую обязанность всякаго монарха и властителя, а именно—знаніе военнаго дѣла и научныя познанія, основанныя на обширномъ образованіи. Если Господь сподобитъ меня вернуть престолъ, то я рѣшилъ серьезно отдаться работѣ, чтобы приобрести въ этихъ отрасляхъ какъ можно болѣе свѣдѣній». Затѣмъ, обратясь къ намъ, онъ просилъ, чтобы мы не отказали помочь ему въ дѣлѣ просвѣщенія его отечества, такъ какъ мы уже занимались преподаваніемъ въ другихъ странахъ, и чтобы, не теряя времени, мы представили ему на другой же день программу его собственныхъ занятій, такъ какъ онъ намѣревался посвящать ежедневно два часа утромъ и два часа послѣ полудня занятіямъ наукою.

«Мы старались отговорить его отъ этого намѣренія, представляя ему всевозможныя препятствія; а именно важныя занятія, которые были у него, и крайне неспокойное время по случаю военныхъ дѣйствій. Мы сказали ему, что науки лучше всего преподавать на латинскомъ или на греческомъ языкахъ, а такъ какъ онъ не знаетъ ни того, ни другого, то ему необходимо прежде всего научиться одному изъ этихъ языковъ, ибо хорошій зодчій не начинаетъ строить дома со стѣнъ или крыши, а прежде всего закладываетъ фундаментъ—на польскомъ языкѣ было бы въ высшей степени трудно изложить основы какой-либо науки. Всѣ наши доводы и убѣжденія не могли отклонить царевича отъ его намѣренія; тогда мы попросили его дать намъ время подумать до слѣдующаго дня и, посоветовавшись между собою, желая сохранить съ нимъ дружескія отношенія, рѣшили исполнить его просьбу въ томъ случаѣ, если она не возбудитъ противъ насъ никакихъ подозрѣній.

«Пригласивъ насъ къ себѣ на слѣдующій день, «цесаревичъ» ожидаетъ, что мы уже приступимъ къ занятію. О. Антоній имѣлъ при себѣ томъ писемъ Квиантиана, подаренный ему кѣмъ-то изъ военныхъ. Царевичъ взялъ эту книгу въ руки, рассматривалъ ее нѣкоторое время, спросилъ о

⁴⁾ Т. е. ксендза Андрея Лавицкаго и автора этого письма.

ея содержаніи, о томъ, краснорѣчиво ли она написана, затѣмъ попросилъ насъ сѣсть и, раскрывъ книгу, подалъ ее о. Андрею.

— Прошу васъ, отецъ мой,—сказалъ онъ,—прочтите мнѣ что-нибудь и переведите мнѣ какое-нибудь изъ этихъ писемъ; я съ удовольствіемъ послушаю васъ.

«О. Лавицкій отвѣчалъ на эту неожиданную просьбу, что согласно обычаю, существующему въ академіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, къ изученію какой-нибудь науки приступаютъ только тогда, когда ученики достаточно подготовлены къ этому. Когда же царевичъ не хотѣлъ слушать его доводовъ и настаивалъ на томъ, чтобы мы исполнили его желаніе, то мы раздѣлили между собою трудъ слѣдующимъ образомъ: о. Андрей взялся преподавать ему по вечерамъ реторику, а я заниматься съ нимъ по утру одинъ часъ логикой; царевичъ увѣрялъ, что ему необходимо познакомиться съ этими двумя науками, составляющими основу краснорѣчія и философіи. Мы стараемся поддержать въ немъ любовь къ наукѣ. Онъ охотно и подолгу бесѣдуетъ о разныхъ предметахъ: у него необыкновенная память и весьма быстрое соображеніе.

— Что касается подозрѣній, о которыхъ вы говорите,—сказалъ онъ намъ,—то я ихъ не боюсь, такъ какъ я буду слушать ваши объясненія въ присутствіи нѣкоторыхъ поляковъ и знатнѣйшихъ бояръ.

«Онъ занимался три дня весьма ревностно и прилежно, но такъ какъ его подданные стали роптать, то занятія пришлось отложить до болѣе удобнаго времени; впрочемъ, онъ не переставалъ говорить объ основаніи школъ и бесѣдовалъ объ этомъ преимущественно съ поляками. Сегодня, бесѣдуя съ однимъ изъ нихъ, онъ далъ слово, что если Господь возвратитъ ему престолъ его предковъ, то онъ предполагаетъ основать коллегію, выстроить при ней костелъ и роскошно его отдѣлать»¹⁾).

Въ то время, какъ Димитрій, составляя подобныя планы, спокойно выжидалъ въ Путивлѣ дальнѣйшихъ событій, войско Годунова продолжало осаждать маленькій городокъ Кромы. Самозванецъ послалъ ему на помощь отрядъ въ четыре тысячи человекъ, который такъ незамѣтно пробрался ночью въ городъ, что осаждающіе увидѣли его только тогда, когда послѣдніе солдаты входили въ крѣпость и когда ничего нельзя было сдѣлать. Гарнизонъ, подкрѣпленный новыми силами, защищался храбро, но въ Путивлѣ все же опасались, что онъ не будетъ въ состояніи долго продержаться, такъ какъ непріятель значительно превосходилъ его численностью. Самозванецъ рѣшилъ послать ему еще болѣе значи-

¹⁾ Пирлингъ, тамъ же. Pièces justificatives. ч. III, стр. 206—207.

тельное поддѣржаніе и дѣйствительно выслалъ въ Кромь, 2-го мая, пятнадцать тысячъ войска подъ начальствомъ Яна Запорскаго ¹⁾.

Но прежде, нежели это войско прибыло по назначенію, въ Москвѣ совершилось событіе, которое придадо дѣламъ оборотъ весьма благоприятный для Самозванца.

В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ширлингъ, тамъ же. *Pièces justific.*, ч. III, стр. 208.

Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу¹⁾.
(1806—1826).

44.

17-го мая [1820 г.], Царское Село.

Любезнѣйшій! Съ пепелища вамъ кланяемся. Спасибо за дружескія строки и за доставленіе кое-чего. Мы не сгорѣли, хотя и горѣли, то-есть, кровля нашего домика. Все возвратилось на свое мѣсто: бумаги книги, etc. Дѣти сидѣли во флигелѣ, ожидая рѣшительной судьбы, а мы съ женою были на ногахъ часовъ пятнадцать ¹⁾. Но неужели вы не заглянете къ намъ? Сядьте на дрожки и прѣвзжайте обѣдать. Вотъ письмо въ Варшаву. Ежели имѣете двѣсти рублей, то пошлите ихъ на этой же почтѣ къ князю Петру Андреевичу ²⁾ отъ моего имени, а я вамъ отдамъ при первомъ свиданіи или пришлю.

Моего «Conservateur» ³⁾ къ вамъ не приносятъ? Сдѣлайте милость, справьтесь о дѣлѣ Рябиной ⁴⁾: посланъ ли указъ объ уничтоженіи завода? Прошу и любезнѣйшаго Николая Ивановича довершить одолженіе. Обнимаю васъ нѣжно. Уже старый другъ Н. Карамзинъ. Никита Михайловичъ ⁵⁾ не отдастъ ли вамъ французскія газеты для доставленія мнѣ?

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 186.

¹⁾ Пожаръ царскосельскаго дворца случился 12-го мая 1820 г.

²⁾ Вяземскому.

³⁾ Газета „Conservateur Impartial“ издавалась въ Петербургѣ съ 1-го ян-

⁴⁾ См. «Русскую Старину», февраль 1899 г.

варя 1813 г. по 1-е января 1826 г., когда была преобразована въ „Journal de St.-Petersbourg“.

*) Екатерина Алексѣевна, рожденная княжна Шаховская, жена Андрея Михайловича Рябинина, съ которымъ Карамзинъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ (см. „Русскій Архивъ“ 1897 г., кн. II, стр. 110—112).

*) Муравьевъ, сынъ Михаила Никитича и Екатерины Ѳедоровны Муравьевыхъ.

45.

5-го іюня [1820 г. Царское Село].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Вотъ мой племянникъ, Михайло Сергѣевичъ Кушниковъ ¹⁾, служащій совѣтникомъ въ нижегородской казенной палатѣ. Онъ пріѣхалъ хлопотать о чинѣ или крестѣ. Сдѣлайте одолженіе, рекомендуйте его Я. А. Дружинину ²⁾ и попросите о добромъ къ нему расположеніи, чѣмъ одолжите вашего Н. Карамзина.

Когда же къ намъ въ Царское Село? Обнимаю васъ нѣжно.

¹⁾ Сынъ сестры Карамзина, Екатерины Михайловны.

²⁾ Яковъ Александровичъ Дружининъ (род. въ 1771 г., ум. въ 1849 г.) былъ въ то время директоромъ канцеляріи министра финансовъ.

46.

26-го августа [1820 г.. Царское Село].

Любезнѣйшій другъ! Пишу къ вамъ первому своею больною рукою; ей лучше, но боль все еще возвращается. Какъ давно мы васъ не видали! Не пріѣдете ли обѣдать 30-го августа къ нашему Самѣ? ¹⁾ Не вздумаетъ ли прогуляться съ вами и почтенный Николай Ивановичъ, и Дмитрій Николаевичъ? ²⁾ Скажите, что мы будемъ имъ очень рады.

И Николаю Ивановича, и васъ еще убѣдительно прошу о дѣлѣ Рябининной: сдѣлайте одолженіе, любезнѣйшіе, постарайтесь, чтобы указъ объ уничтоженіи ея чугунаго завода былъ посланъ въ горную контору. Это дѣло лежитъ у меня на сердцѣ. Прошу васъ не на шутку. Если надобно, то я готовъ самъ писать и къ Дружинину ³⁾, и къ Мечникову ⁴⁾. Скажите, надобно ли? Боль заставляетъ меня кончить. Нѣжно васъ обнимаю. Вашъ Н. Карамзинъ.

¹⁾ Александръ Николаевичъ Карамзинъ, родился 13-го декабря 1815 г., образованіе получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, умеръ 9-го іюля 1888 г. въ своемъ имѣніи, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда, гдѣ былъ предводителемъ дворянства.

*) Тургеневъ и Блудовъ.

*) Горная контора находилась въ вѣдѣніи Я. А. Дружинина.

*) Евграфъ Ильичъ Мечниковъ (род. въ 1770 г., ум. въ 1836 г.) былъ директоромъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ.

47.

[Вторая половина декабря 1820 г. Петербургъ].

Чего нѣтъ въ моей «Исторіи» объ Иванахъ, того я не знаю. Иванъ I уничтожилъ удѣлы; онъ же писалъ къ дочери своей Еленѣ, королевѣ польской, о вредѣ всякаго раздѣла государственной власти (т. VI, годъ 1495—1496) ¹⁾.

Напечатано въ „Москвитинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 187, безъ даты.

¹⁾ Сколько могу вспомнить, эта записка была отвѣтомъ на мой запросъ по какому-то государственному дѣлу, въ то время мнѣ порученному. А. Т.

Записка эта служила отвѣтомъ на вопросъ кн. П. А. Вяземскаго, что видно изъ ненапечатаннаго письма его къ А. И. Тургеневу отъ 21-го декабря 1820 г., которымъ и опредѣляется дата записки.

48.

1-го іюня 1821 г. Царское Село.

Любезнѣйшій! Сдѣлайте милость, те перь же напишите къ И. О. Журавлеву, чтобы онъ для васъ и для меня нынѣ же напомнилъ князю Дмитрію Ивановичу Лобанову ¹⁾ объ увольненіи въ отпускъ сенатора Кушникава ²⁾, для котораго всякій день дорогъ, ибо онъ боленъ и ѣдетъ къ водамъ, а время уходитъ. Князь общалъ и Кушникову, и мнѣ, но можетъ забыть или откладывать.

Обвините князя Петра ³⁾. Если онъ поупрямится, не будетъ къ намъ, то заставитъ меня ѣхать въ Петербургъ, хотя мнѣ это и не легко. Обнимаю васъ, любезнѣйшаго. Вашъ Н. Карамзинъ.

¹⁾ Генералъ-отъ-инфантеріи князь Д. И. Лобановъ-Ростовскій (р. въ 1758 г., ум. въ 1838 г.) былъ въ это время министромъ юстиціи, а Иванъ Фѣдоровичъ Журавлевъ (род. въ 1776 г., ум. въ 1842 г.)—директоромъ департамента министерства юстиціи.

²⁾ Сенаторъ 7-го департамента Сергій Сергѣевичъ Кушниковъ (род. въ 1765 г., ум. въ 1838 г.) приходился племянникомъ Карамзину, какъ сынъ его сестры Екатерины Михайловны.

³⁾ Князь Петръ—Вяземскій.

49.

[Первая половина августа 1821 г. Царское Село].

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ! Кромѣ того, что вы знаете, здѣсь ничего не знаютъ: ожидаютъ ихъ всѣхъ въ Одессу, но извѣстія объ ихъ туда прїездѣ еще не имѣютъ ¹⁾).

Всѣ благодарятъ васъ за исполненіе нашихъ порученій. Несмотря на дождь, собираюсь часа черезъ два ѣхать на Петергофскую дорогу, гдѣ лежитъ раздавленный Василій Трофимовичъ Болотниковъ, желающій меня видѣть ²⁾. Вашъ Н. Карамзинъ.

¹⁾ Рѣчь идетъ о русской миссіи въ Константинополѣ, при которой, въ качествѣ второго совѣтника, находился и Сергій Ивановичъ Тургеневъ, младшій братъ Александра Ивановича. Когда поднялось греческое возстаніе, турецкое правительство обвинило Россію въ подстрекательствѣ грековъ. Турки стали безпощадно избивать христіанъ, и самому русскому посольству грозила опасность. Баронъ Г. А. Строгановъ протестовалъ противъ мусульманскихъ злодѣйствъ, но, не получивъ удовлетворенія, выѣхалъ со всею миссіей изъ Константинополя и благополучно прибылъ въ Одессу.

²⁾ Болотникова переѣхали лошади. Извѣстіе объ этомъ несчастномъ случаѣ сообщается Тургеновымъ князю П. А. Вяземскому въ невапечатанномъ еще письмѣ отъ 12-го августа 1821 г.

50.

[Почтовый штемпель: 11-го августа 1821 г. Софія].

Любезнѣйшій, сердечно поздравляю васъ съ благополучнымъ прїбытіемъ Сергія Ивановича ¹⁾ въ Одессу: вы уже, вѣроятно, это знаете. Беремъ живѣйшее участіе въ вашей радости.

Что же о сестрахъ Петровскихъ? Сдѣлайте милость, прикажите кому-нибудь изъ вашихъ похлопотать, чтобы изъ казенной палаты послали указъ въ здѣшнее уѣздное казначейство о выдачѣ имъ пенсіи. Старикъ В. Т. Болотниковъ ушибся едва не до смерти. Онъ желалъ меня видѣть, и я былъ у него. Ему теперь лучше: можетъ читать и просилъ меня доставить ему нѣсколько журналовъ. Отправляю ихъ къ вамъ завтра, а васъ прошу послать ихъ къ нему съ курьеромъ. Болотниковъ живетъ на своей дачѣ, на Петергофской дорогѣ, на 3-й верствѣ и на лѣвой сторонѣ отъ Петербурга. Вашъ на вѣки Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 188.

¹⁾ Братъ мой, находившійся совѣтникомъ посольства при нашей миссіи въ Царь-градѣ въ смутное время. А. Т.

51.

3-го сентября [1821 г.] Царское Село.

Благодарю васъ, любезнѣйшій другъ, за поздравленіе, жалѣя, что вы не заглянули къ намъ 30-го августа. Прошлаго года мы были счастливы: видѣли васъ въ этотъ день. Вы видѣлись съ Д. Н. Блудовымъ? Каковъ онъ? Скажите ему, какъ бы намъ хотѣлось имѣть добрую вѣсть объ его здоровьѣ.

Сдѣлайте милость, отошлите приложенную записку къ бѣдному Болотникову вмѣстѣ съ книжками: вы обѣщали отправить къ нему «Сына Отечества», сколько у васъ найдется. Онъ страдаетъ, но читаетъ. Обнимаемъ васъ нѣжно. Вашъ Карамзинъ.

Пришлите на пять рублей почтовой бумаги.

Притиска Тургенева (карандашомъ).

Вотъ тебѣ, любезный другъ, изъявленіе участія дружбы. Что велишь отвѣчать?

Отвѣтъ Д. Н. Блудова (карандашомъ).

Скажи, другъ любезный, нашему любезному историографу, что я такъ же, какъ Болотниковъ (надѣюсь, что это не сенаторъ), страдаю и читаю: газеты—съ ужасомъ, «Сына Отечества»—онъ знаетъ, съ какимъ чувствомъ, а теперь прочелъ его милую записку съ удовольствіемъ благодарности. Скажи еще, что я надѣюсь самъ привезти ему вѣсть о своемъ здоровьѣ, только не совсѣмъ добрую. Прости!

52.

[Іюнь 1823 г. Царское Село].

Любезный другъ! Предложенія или условія француза таковы, что намъ и думать объ немъ не должно: онъ хочетъ быть гувернеромъ, а намъ нуженъ дядька-нѣмецъ. Теперь остается одна надежда на Мюральта ¹⁾: сдѣлайте милость, не теряя времени, попросите его, чтобы онъ поискалъ намъ добраго нѣмца, рублей за 800 въ годъ, который могъ бы ходить за дѣтьми, говорить и читать съ ними по-нѣмецки. Если найдется такой, то пришлите его къ намъ въ дилижансѣ, чтобы познакомиться съ нимъ и условиться. Видите, какъ мы не бережно испытываемъ вашу къ намъ дружбу.

И у насъ поютъ соловьи, а кислаго молока—чаны.

Что вашъ больной? *) Надѣюсь, уже не больной. Обнимаю васъ нѣжно. Вашъ Н. Карамзинъ.

*) Пасторъ Іоаннъ Муральтъ (род. въ 1780 г., ум. въ 1850 г.) былъ держателемъ лучшаго пансіона въ Петербургѣ.

*) Сергій Ивановичъ Тургеневъ, жившій тогда вмѣстѣ съ братьями на Черной Рѣчкѣ.

53.

8-го августа 1823 г. Царское Село.

Ужъ не подъ гнѣвомъ ли мы у вашего превосходительства? А если вы по-прежнему къ намъ милостивы, то не можете ли, какъ вы обѣщали, приказать, чтобы намъ купили 50 сажень самыхъ лучшихъ дровъ и сложили ихъ въ сараѣ у Межуева въ домѣ, гдѣ мы наняли себѣ квартиру, то-есть, на Моховой, близъ вашего дома (къ нашему великому удовольствію), разумѣется, если имѣете человѣка, который можетъ посмотрѣть за мѣрою. Тамъ есть особенный сараѣ для нашихъ дровъ: надобно адресоваться къ приказчику Межуева.

Прошу еще съ приложеннымъ лоскуткомъ бумаги послать къ дѣлателью зонтиковъ, въ домъ генерала Балабина, противъ Гостиного двора, отъ Сѣнной улицы, и взять у него три наши зонтика, которые онъ чинить и за которые ему уже заплачены деньги. Еще прошу прислать мнѣ четыре бутылки хересу отъ ниренбергцевъ или Дазера и коробочку зубного порошку отъ Анжело, на что прилагаю 15 рублей. Все это дѣлаю въ предположеніи, что вы не укушены никакою злою мухой и съ нами по старому, вопреки мнѣнію Союшки, что вы перемѣнились, або не отвѣчаете на ея записки.

Оставляя шутки, обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ. Вашъ Н. Карамзинъ.

P. S. Пришлите пакета четыре, большихъ, для исторіографскаго пирого, который отпускаю въ дорогу съ царемъ.

Притиска Софьи Николаевны Карамзиной.

Veuillez aussi nous envoyer un cent de plumes non-taillées et dans le nombre quelques unes de taillées pour maman.

54.

6-го сентября 1823 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Мы еще не совсѣмъ покойны; однако же покойнѣе прежняго въ разсужденіи дѣтей.

Мнѣ очень не хочется ѣхать въ городъ: для того искушаю вашу дружбу усердною просьбой, чтобы вы одному изъ вашихъ надежныхъ чиновниковъ дали комиссію перенести мои книги изъ дому Катерины Ѳедоровны ¹⁾ въ кабинетъ нашей новой квартиры исправно и бережно, такъ, чтобы ни одна книга не пропала. Сдѣлайте одолженіе, во всемъ условьтесь съ Катериною Ѳедоровною, къ которой объ этомъ пишу. На мой счетъ велите нанять носильщиковъ. Книги лежатъ въ шкафахъ запечатанныхъ. Ихъ распечатать, отпереть и все вынуть для переноски, а положивъ въ домѣ у Межуева, запереть комнаты и оставить ключи у его приказчика. Для мудраго довольно!

Не забудьте же 10-го или 11-го сентября послать къ Слѣнину за деньгами. Не велите давать ему покою, пока онъ не заплатитъ 2000 рублей ²⁾. Надобно отдать 1400 рублей Межуеву немедленно, а у меня деньги въ ломбардѣ, за которыми, слѣдственно, надлежало бы мнѣ ѣхать въ городъ, чего весьма не желаю, будучи въ меланхолическомъ расположеніи.

Прикажете купить намъ стьянку Eau-de-Cologne и сургучу, всего на пять рублей, здѣсь предлагаемыхъ, вмѣстѣ съ запискою о переносѣ книгъ.

Обнимаемъ васъ. На вѣки преданный вамъ Н. Карамзинъ.

Что Батюшковъ? ³⁾ Пришлите намъ новости, стихами или прозою, князя Петра Вяземскаго.

¹⁾ Муравьевой.

²⁾ Петербургскій книгопродавецъ Иванъ Васильевичъ Слѣнинъ печаталъ второе изданіе „Исторіи“ Карамзина.

³⁾ К. Н. Батюшковъ, лишившійся разсудка, жилъ тогда въ Петербургѣ, гдѣ его пользовалъ докторъ Мюллеръ.

55.

18-го мая 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Вамъ остается все жалованье, то-есть 12000 рублей и приказано отвести комнаты въ домѣ, гдѣ жилъ Розенкампфъ ¹⁾, если не ошибаюсь. Желаютъ, чтобы вы непременно остались въ службѣ, и я о томъ дружески прошу васъ. Болѣе двухъ часовъ было говорено о случившемся, которое интересно для меня единственно въ отношеніи къ вамъ. Не участвую въ дѣлахъ, но люблю моего Тургенева, зная его чистую душу, вопреки гнусной клеветѣ. Очень желаемъ всѣмъ семействомъ видѣться съ вами: не найдете ли для того часовъ трехъ свободныхъ. Дайте знать, писалъ ли князь Александръ Николаевичъ о дѣлѣ нашего Вяземскаго? ²⁾

Постарайтесь не оставить я книгъ моихъ безъ продавца, Аванасія Иванова. Не нужно ли мнѣ написать о томъ А. С. Шишкову?

Простите, любезнѣйшій; до скорого свиданія, какъ надѣюсь. Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 180, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ Тургенева: „Это письмо, такъ, какъ и послѣдующія, изъ Царскаго Села отъ 22-го, 23-го и 25-го мая, отъ 8-го іюня и отъ 3-го августа, относятся до моего увольненія отъ должности директора департамента духовныхъ дѣлъ. Записка отъ 8-го іюня объясняетъ нѣсколько содержаніе моихъ писемъ къ Карамзину.“

Здѣсь позволю себѣ одно замѣчаніе, характернающее Карамзина. Различіе въ лѣтахъ между имъ и мною давало ему право не называть меня въ своихъ письмахъ другомъ, несмотря на его дружбу ко мнѣ. Но съ той минуты, какъ я былъ уволенъ отъ должности, всѣ его письма начинаются словомъ „другъ“. Это не простая случайность, а можетъ объясниться лишь рѣдкимъ благородствомъ характера, благородствомъ, въ которомъ вся жизнь Карамзина служитъ однимъ непрерывнымъ свидѣтельствомъ“.

¹⁾ Баронъ Густавъ Андреевичъ (род. въ 1764 г., ум. въ 1832 г.), старшій членъ комиссіи составленія законовъ.

²⁾ Князь А. Н. Голицынъ выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о покупкѣ имѣнія князя Вяземскаго въ казну.

56.

22-го мая 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Сегодня, въ новомъ объ васъ разговорѣ, сказалъ мнѣ государь, что совѣтуютъ вамъ идти въ отставку тѣ, которые не хотятъ видѣть васъ въ службѣ; что черезъ недѣлю онъ будетъ въ городѣ и дастъ два повелѣнія: князю Лопухину ¹⁾ о вашей квартирѣ, а министру финансовъ—о вашемъ полномъ жалованьи: «Vous (Карамзинъ) serez satisfait, et le public se taira sur m-r Tourgueneff». Мое послѣднее слово было: «N'en parlons plus», потому что я, кажется, уже все сказалъ объ васъ, сказавъ и повторивъ, какъ привязано къ вамъ мое сердце. Я не думалъ, чтобы мнѣ когда-нибудь пришлось плакать отъ васъ, а на этихъ дняхъ довольно слезъ кануло изъ моихъ глазъ, можетъ быть, отъ слабости моихъ нервъ. Нѣжно, нѣжно васъ обнимаю, также и любезнаго Сергія Ивановича.

Къ князю Александру Николаевичу буду писать на дняхъ и попрошу васъ доставить ему сундукъ. Послана ли бумага въ Москву о покупкѣ князь Петрова имѣнія? Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 181.

¹⁾ Петръ Васильевичъ (род. въ 1753 г., ум. въ 1827 г.), предсѣдатель Государственнаго Совѣта и комитета министровъ, главноуправляющій комиссією составленія законовъ.

57.

23-го мая 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Нынѣ поутру самъ государь началъ разговоръ объ васъ: еще подтвердилъ, что хотѣлъ единственно развести васъ съ духовенствомъ, безъ всякой мысли оскорбить или трактовать, какъ бы виновнаго; хочеть рѣшительно, чтобы вы остались въ службѣ съ довѣренностію къ нему и не изъ милости, а находить справедливымъ оставить вамъ все жалованье и доставить квартиру вмѣсто той, которую вы имѣли; поручалъ мѣѣ убѣдять васъ, чтобы вы не выходили въ отставку. Милый Тургеневъ, не только исполняя порученіе, но и слѣдующей къ вамъ любви, убѣждаю васъ не требовать отставки. Государь искренно того не хочеть. Я ему вѣрю, а онъ говоритъ, что, вѣря мнѣ, не вѣрять клеветамъ; что знаетъ ваши способности, etc. Указъ министру финансовъ и повелѣніе князю Лопухину будутъ для публики доказательствомъ, что доброе мнѣніе объ васъ не перемѣнилось, и что службою вашею дорожатъ. Ради дружбы, пока все оставьте! Вадите въ совѣтъ, въ комиссію и, не изъясняйте досады; улыбайтесь, какъ улыбается невинность и душевное благородство, а тамъ увидимъ. Во всякомъ случаѣ не принимайте ничего безъ совѣта съ однимъ изъ вашихъ истинныхъ друзей, то-есть, со мною. Письмо, безъ сомнѣнія, прочтено ¹⁾).

Теперь не умѣю написать къ князю Александру Николаевичу, а безъ письма нельзя послать сундука: послѣ, завтра или послѣзавтра. Сѣверина обниму отъ души, а васъ еще нѣжнѣе, обнимаю и любезнаго Сергѣя Ивановича. Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 181—182.

¹⁾ Мое письмо къ государю. А. Т.

58.

25-го мая 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Государь отправился въ городъ на цѣлую недѣлю. Надѣюсь, что сдѣлаеть, по крайней мѣрѣ, обѣщанное: дастъ повелѣніе министру финансовъ и князю Лопухину.

Спросите у князя Александра Николаевича, куда онъ прикажетъ представить сундукъ съ бумагами, вамъ извѣстный, и съ вѣрными людьми отправьте его подъ надзоромъ К. С. Сербиновича, къ которому прилагаю нужное письмо ¹⁾. Вы не забудете бумаги о покупкѣ князь Петрова имѣнія? Нѣжно васъ обнимаю. Вашъ Н. Карамзинъ.

Въ нынѣшнее утро мы много говорили объ васъ съ императрицею Елизаветою.

Напечатано въ „Москвитанинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 182.

¹⁾ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ (род. въ 1797 г., ум. въ 1874 г.), познакомившійся съ Карамзинымъ въ концѣ 1818 г., находился въ это время на службѣ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ, куда былъ принятъ А. И. Тургеневымъ по просьбѣ Карамзина. Сербиновичъ былъ своимъ человекомъ въ домѣ исторіографа и охотно исполнялъ всевозможныя порученія его, начиная съ ученыхъ работъ и кончая различными хозяйственными распоряженіями. Въ данномъ случаѣ дѣло шло о возвращеніи князю Голицыну, управлявшему кабинетомъ его величества, сундука съ бумагами объ Артеміи Волинскомъ, взятыми Карамзинымъ изъ кабинетскаго архива („Русская Старина“ 1874 г., т. XI, стр. 70—71).

59.

8-го іюня 1824 г. Царское Село.

Любезнѣйшій другъ! Вашу и просьбу исполню: писать къ государю не буду, потому что я нынѣ поутру видѣлся и говорилъ съ нимъ. Дѣло шло не о вынужденной милости, а только о совершенной правості вашей въ его мысляхъ, такъ какъ вы правы, чисты, благородны и любезны въ моемъ сердцѣ.

Теперь васъ прошу: пока ничего не предпринимать, не требовать увольненія и всегда любить государя, какъ вы его любили, и какъ я люблю. Вы меня не упросите быть спокойнымъ: ваше дѣло есть мое и всѣхъ честныхъ людей.

Отошлите скорѣе мою записку къ Сербиновичу. Нѣжно обнимаю васъ и Сергѣя Ивановича. Вашъ Н. Карамзинъ.

Напечатано въ „Москвитанинѣ“ 1855 г., № 23 и 24, стр. 182.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1899 г.
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ.
ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Записки и Воспоминанія.

ОТРАВ.

- I. Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.
Сообщ. Ю. Н. Милютина. 39—65; 265—
288; 575—601
- II. Изъ Прошлаго. (Воспом. оф. ген. штаба о
войнѣ 1877—78 гг.). П. Д. Паренсовъ. 109—133;
333—355; 633—655
- III. Автобіографическія воспоминанія Валеріана
Александр. Бельгарда. 159—179; 411—438
- IV. Наслѣдникъ цесаревичъ Николай Алексан-
дровичъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. П. Д.
Стремоуховъ. 571—573
- V. Изъ воспоминаній А. Х. Востокова о его
дѣтствѣ и юности. Сообщ. В. И. Срезнев-
скій 657—664

Портреты.

- I. Портретъ генераль-отъ-инфантеріи Валеріана Але-
ксандровича Бельгарда. Грав. И. И. Хель-
мицкій.

(При 1-ой книгѣ).

II. Портретъ Якова Петровича Полонскаго. Грав. И. И. Хельмицкій.

(При 2-ой книгѣ).

III. Портретъ Александра Христофоровича Востокова. Грав. И. И. Хельмицкій.

(При 3-ей книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. О. Дубровнякъ	3—38; 241—264; 539—569
II. Рѣчь императора Александра II дипломатическому корпусу 23-го февраля 1855 г. .	66
III. Два доноса въ 1831 г., Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	67—87; 289—314; 607—631
IV. Къ исторіи Финляндской войны 1808 г. (Письмо императора Александра I Аракчееву отъ 5-го октября 1808 года).	88
V. Воцареніе императора Николая I. (Изъ дневника Г. И. Вилламова). Сообщ. Евгеній Шумигорскій.	89—108; 315—331; 665—689
VI. Къ біографіи надв. сов. Дубровскаго. (Рескриптъ графу Строганову отъ 27-го февраля 1805 г.) и Указъ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ отъ 27-го февраля 1805 г. .	134
VII. Письма К. Д. Кавелина—К. К. Гроту (1862—1883 г.г.). Сообщ. Д. А. Корсаковъ.	135 — 157; 377—399
VIII. Письмо И. И. Дмитріева—Павлу Петровичу Свиныну отъ 16-го августа 1833 г.	158
IX. Письмо графа фонъ-деръ-Шалена—графу Ливену отъ 4-го августа 1800 г. и Записка графа Ливена—генераль-лейтенанту Кутлубицкому отъ 29-го іюля 1800 г.	180
X. Письма Н. С. Мордвинова (впослѣдствіи графа) къ Н. О. Кутлубицкому. Сообщ. П. М. Майковъ.	181—188

- XI. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ. Извлечен.
В. В. Тимошукъ. 189—210; 443—462; 691—706
- XII. Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу
(1806—1826 г.г.), съ примѣчаніями В. И. Саи-
това. Сообщ. Н. И. Тургеневъ. 211 — 238
463—480; 707—716
- XIII. Къ біографіи Ѳ. Ѳ. Гежелинскаго. Сообщ. Р. И.
Студенкинъ. 239—240
- XIV. Собственноручная записка Аракчеева « » ноя-
бря 1801 г. 332
- XV. Воеводы стараго времени. 356
- XVI. Яковъ Петровичъ Полонскій. Ѳ. Витбергъ. 357—376
- XVII. Предписаніе министра юстиціи кн. П. В. Лопу-
хина оберъ-прокурору 6-го департамента Сената
Л. Н. Шетреву отъ 4-го марта 1805 г. за
№ 1439 относительно службы молодыхъ дворянъ. 400
- XVIII. Императоръ Николай I въ Черниговѣ въ 1845 г.
П. Исаевичъ. 401—400
- XIX. Письмо И. И. Дмитриева — Павлу Петровичу
Свиньину отъ 2-го августа 1834 г. 410
- XX. Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его про-
изведеніяхъ. А. Кирпичниковъ. 439—441
- XXI. Письмо Петра Обольямина—Ник. Осип. Кут-
лубицкому отъ 29-го іюля 1800 г. 442
- XXII. Особенности повѣстическаго творчества А. Н. Май-
кова, объясненныя имъ самимъ. Акад. М. И.
Сухомяиновъ. 481—498
- XXIII. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. Сообщ. акад. Л.
Н. Майковъ. 499—537
- XXIV. Письмо кн. А. Н. Голицына—генералу Ѳ. И.
Кляйгеру 1-го марта 1810 г. 538
- XXV. Донесеніе ковенскаго полиціймейстера, майора
Вистрома, ген.-отъ-инфант. Римскому-Корсакову.
Мая 5-го дня 1812 г. Сообщ. В. И. Хар-
кевичъ. 570
- XXVI. О правахъ священниковъ и діаконовъ, добро-
вольно слагающихъ съ себя духовный санъ.
Сообщ. Н. И. Соловьевъ. 574
- XXVII. Письмо генераль-адъютанта графа Толя—гене-
ралу-отъ-инфантеріи графу Курутъ 3-го февраля
1831 г. 602

XXVIII. Памяти Феликса Фора. Сообщ. П. М. Майковъ.	603—606
XXIX. Записки графа М. М. Сперанскаго императору Николаю I 21-го января 1830 г. Сообщ. П. М. Майковъ.	632
XXX. Письмо графа Н. П. Румянцова—барону Б. Б. Кампенгаузену отъ 10-го апрѣля 1803 г.	656
XXXI. Письмо И. И. Дмитриева П. П. Свиньину 28-го августа 1832 года.	690

Биографическія листокъ.

1) Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Москва, изд. 1898 г.

2) Portraits et Tableaux appartenant aux archives. Moscou. 1898.

3) Планы г. Москвы XVII вѣка. Москва, изд. 1898 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ январской книги).

4-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады и краткій историческій очеркъ начала, развитія и заслугъ гвардейской артиллеріи. Составилъ и издалъ командиръ батареи, полковникъ Павелъ Потоцкій. Спб. 1898. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ февральской книги).

Исторія Россіи. Соч. Д. И. Иловайскаго. Тома четвертаго выпускъ второй. Эпоха Михаила Федоровича Романова. Москва 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На оберткѣ мартовской книги).

Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакціей А. Э. Мальмгрена, т. I, вып. 1-й, съ 7-ью цинкографіями на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1899 г. Тип. Сойкина. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ же).

Приложеніе.

Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

1—96

шеприведенномъ письмѣ, и убѣжденіе, что мы не должны были терпѣть этого пренебрежительнаго тона, имѣло не малое вліяніе на прусско-австрійскія отношенія въ будущемъ.

V.

Вліявіе супруги принца прусскаго. — Симпатія принцессы (впослѣдствіи императрицы) Августы ко всему французскому и англійскому. — Ея антипатія ко всему русскому. — Фонъ Шлейвицъ. — Бесѣды за завтракомъ и ихъ вліяніе. — Непріязненное отношеніе двухъ дворовъ. — Королева Елисавета. — Склонность принцессы Августы къ католицизму. — Составъ главной'квартиры въ Санъ-Суси. — Густавъ фонъ-Альвенслебенъ защищаетъ государственные интересы при кобленцкомъ дворѣ.

Записки, коими партія Гольца пользовалась, какъ орудіемъ борьбы противъ Мантейфеля, желая уронить его во мнѣніи короля и прусскаго принца, и которыя она распространяла посредствомъ прессы и при помощи иностранныхъ дипломатовъ, несомнѣнно вліяли извѣстнымъ образомъ на принца, въ чемъ я вполне убѣдился, когда онъ сталъ доказывать мнѣ справедливость теоріи Гакстаузена въ примѣненіи къ Россіи.

Сильнѣе всѣхъ доводовъ бетманъ-гольвегской партіи вліяла на принца въ западническомъ смыслѣ его супруга и онъ сталъ вслѣдствіе этого въ оппозицію къ своему брату, что совершенно не согласовалось съ его военными взглядами и убѣжденіями. Принцесса Августа была вѣрна взглядамъ, усвоеннымъ ею въ молодости въ Веймарѣ, которые сводились къ тому, что все французское, а тѣмъ болѣе англійское, выше нѣмецкаго и что всѣ французы и англичане выше нѣмцевъ. Несмотря на имена Гёте, Шиллера и другихъ знаменитыхъ личностей, коими гордился Веймаръ, эта выдающаяся по своему умственному развитію столица не была свободна отъ предрасудка, тяготящаго до сей поры надъ нашимъ національнымъ самосознаніемъ, а именно, что всякій французъ, а тѣмъ болѣе англичанинъ въ силу своей національности и происхожденія есть существо высшее по сравненію съ нѣмцемъ и что похвала со стороны общественнаго мнѣнія Парижа и Лондона является болѣе дѣйствительнымъ доказательствомъ нашихъ личныхъ достоинствъ, нежели наше собственное сознаніе. Императрица Августа, несмотря на свой умъ и уваженіе, коимъ она пользовалась за ея всегда строгое исполненіе своего долга, никогда не могла вполне отрѣшиться отъ этого предрасудка; настоящій французъ, бѣгло говорившій на своемъ языкѣ всегда внушалъ ей уваженіе, а всякій англичанинъ могъ претендовать на то, что къ нему отнесутся въ Германіи какъ къ знатной особѣ, пока

онъ не докажетъ, что онъ этого не достоинъ. Подобные взгляды преобладали въ Веймарѣ лѣтъ 70 тому назадъ, находили отголосокъ у насъ и много разъ давали себя чувствовать мнѣ въ продолженіе моей служебной дѣятельности. Желаніе принцессы прусской женить своего сына на англійской принцессѣ, вѣроятно, не мало содѣйствовало упроченію въ ней тѣхъ взглядовъ, которые Гольцъ и его друзья старались вселить ея супругу.

Во время Крымской кампаніи принцесса обнаружила антипатію ко всему русскому, которая укоренилась въ ней съ дѣтства, но ранѣе ничѣмъ особеннымъ не проявлялась. На балахъ, при дворѣ Фридриха-Вильгельма III, гдѣ я видѣлъ впервые эту молодую и красивую женщину, выбирая кавалеровъ для танцевъ, она удостоивала благосклоннаго вниманія также и русскихъ дипломатовъ и даже тѣхъ изъ нихъ, которые были болѣе склонны къ разговору, нежели къ танцамъ, и которымъ приходилось по ея желанію пробовать свое искусство на скользкомъ паркетѣ. Трудно объяснить психологически ту сильную антипатію къ Россіи, которую она выказывала впоследствии. Врядъ ли это можно приписать воспоминаніямъ о событіяхъ, сопровождавшихъ кончину ея дѣда, императора Павла, скорѣе можно допустить, что на это повліяло несогласіе во взглядахъ, возникшее между великой герцогиней Веймарской, женщиной вполне русской по своему происхожденію и политическимъ симпатіямъ, и ея взрослой дочерью, которая, при ея живомъ характерѣ, была не прочь играть болѣе видную и руководящую роль въ придворномъ кругу ея матери; быть можетъ причина этого заключалась также въ субъективномъ чувствѣ, которое вызывала въ ней властная личность императора Николая. Какъ бы то ни было, недоброжелательство къ Россіи, которое эта высокопоставленная личность проявляла и въ то время, когда она была королевой, а затѣмъ императрицей, нерѣдко затрудняло мнѣ достиженіе тѣхъ политическихъ цѣлей, которыя я считалъ нужнымъ преслѣдовать.

Беттманъ-гольвегская партія встрѣтила большую поддержку въ лицѣ фонъ-Шлейница, политическаго совѣтника принцессы, который въ свою очередь былъ готовъ дѣйствовать противъ Мантейфеля, будучи озлобленъ на него за то, что онъ былъ имъ смѣщенъ, по соображеніямъ служебнаго характера, съ прекраснаго поста, занимаемаго имъ въ Ганноверѣ, гдѣ онъ не выказалъ себя особенно дѣятельнымъ, и при томъ смѣщенъ при такихъ обстоятельствахъ, что ему было выдано жалованіе, какъ посланнику, когда онъ уже былъ министромъ.

За завтракомъ принцесса имѣла обыкновеніе говорить со своимъ супругомъ о дѣлахъ, подкрѣпляя свое мнѣніе письмами и газетными статьями, написанными нерѣдко съ этой цѣлью; это обыкновеніе существовало и въ то время, когда принцъ былъ уже императоромъ.

Когда я намекнулъ ему однажды, что нѣкоторыя изъ этихъ писемъ могли быть сочинены и присланы г. фонъ-Шлейнницемъ по приказанію королевы, то мнѣ было сдѣлано по этому поводу строгое замѣчаніе. Король, какъ истый рыцарь, стоялъ за свою супругу даже и тогда, когда многое говорило противъ нея. Онъ какъ будто хотѣлъ даже запретить мнѣ думать что-либо подобное, хотя бы это и была правда.

Я никогда не считалъ посланника, аккредитованнаго при дружественной державѣ, обязаннымъ сообщать своему двору всякую подробность тревожнаго свойства; сообразно съ этимъ я поступалъ и въ Петербургѣ, гдѣ былъ удостоенъ такимъ довѣріемъ, какое я позадумался бы оказать въ Берлинѣ иностранному дипломату. При явной антипатіи къ Россіи со стороны королевы, всякое сообщеніе, способное вызвать неудовольствіе между нами и Россіей, могло повести къ ухудшенію нашихъ отношеній къ этой державѣ; имъ могли бы воспользоваться или руководствуясь антипатіей къ Россіи, или изъ желанія приобрести популярность, или наконецъ изъ симпатіи къ Англіи и убѣжденія, что доброжелательство къ ней и даже къ Франціи доказываетъ болѣе высокую степень цивилизаціи и образованія, нежели дружеское отношеніе къ Россіи.

Когда прусскому принцу было ввѣрено управленіе Рейнской провинціей и онъ переехалъ въ 1849 г. на постоянное жительство въ Кобленцъ, то взаимныя отношенія дворовъ Санъ-Суси и Кобленца приняли мало-по-малу характеръ тайной вражды, въ которой съ той и съ другой стороны не маловажную роль игралъ женскій элементъ, хотя со стороны королевы онъ проявлялся не въ столь рѣзкой формѣ. Королева Елисавета открыто дѣйствовала въ пользу Австріи, Баваріи и Саксоніи, что было естественнымъ результатомъ извѣстной солидарности, вызванной сходствомъ взглядовъ и родственными чувствами. Хотя королева и министръ Мантейфель не симпатизировали другъ другу, что вполне объясняется несходствомъ ихъ характеровъ, однако въ критическіе моменты они оба одинаково вліяли на короля въ пользу Австріи, съ тою лишь разницею, что королева въ рѣшительный моментъ все же не выходила изъ извѣстныхъ границъ, которыя она должна была соблюдать въ интересахъ престола, какъ жена и королева. Забота о сохраненіи королевскаго достоинства проявлялась въ ней не столько желаніемъ поощрить короля къ принятію того или другого рѣшенія, сколько женственною робостью передъ послѣдствіями, какія могли повлечь ея совѣты; это заставляло ее дѣйствовать нѣсколько сдержаннѣе.

Во время пребыванія въ Кобленцѣ принцесса проявила еще одну особенность, которая имѣла вліяніе на ея политическую дѣятельность и которой она осталась вѣрна до конца жизни.

Католицизмъ, столь чуждый сѣверо-германцамъ и часто протестант-

скому населенію Кобленца, имѣлъ особую прелесть въ глазахъ принцессы, которая вообще болѣе интересовалась всѣмъ новымъ, нежели своимъ домашнимъ, будничнымъ, близкимъ. Католическій епископъ казался ей существомъ болѣе возвышеннымъ, нежели генералъ-суперинтендентъ.

Нѣкоторая склонность къ католицизму, которая замѣчалась въ ней ранѣе и отразилась, напримѣръ, въ выборѣ мужскаго персонала ея двора и прислуги, замѣтно усилилась во время ея пребыванія въ Кобленцѣ. Она стала считать себя какъ бы предназначенною самою судьбою пецись объ интересахъ стариннаго епископства и его духовенства. Какой результатъ имѣло ея стараніе достигнуть популярности въ рейнскихъ провинціяхъ, видно между прочимъ изъ того, что писалъ мнѣ 9-го октября 1863 г. графъ фонъ-деръ Реке-Фольмерштейнъ, а именно, что благомыслящіе люди на Рейнѣ совѣтуютъ королю не пріѣзжать на празднество по случаю закладки собора, а прислать ея величество, которой «будетъ оказана восторженная встрѣча».

Примѣромъ энергичной поддержки, которую она оказывала католическому духовенству, служить тотъ фактъ, что когда при постройкѣ такъ называемой мецской желѣзно-дорожной линіи, которая должна была коснуться католическаго кладбища, духовенство возстало противъ этого, то его ходатайство, поддержанное императрицей, увѣнчалось успѣхомъ настолько, что желѣзная дорога измѣнила свое направленіе и уже возведенныя капитальныя зданія должны были вновь быть построены.

27-го октября 1877 г. статсъ-секретарь фонъ-Бюловъ писалъ мнѣ что императрица просила министра Фалька выдать одному художнику изъ ультрамонтановъ деньги на путевыя издержки, которыхъ онъ не только самъ не хотѣлъ просить, но ссылаясь на то, что онъ слишкомъ занятъ расписываніемъ образовъ въ Марцингенѣ, чтобы хлопотать объ этомъ ¹⁾.

25-го января 1878 г. фонъ-Бюловъ писалъ мнѣ: «Передъ отъѣздомъ (въ Италію) кронпринцъ имѣлъ бурную сцену съ императрицей, которая требовала, чтобы онъ, какъ будущій властитель 8 милліоновъ католиковъ, посѣтилъ престарѣлаго папу. Когда, по возвращеніи изъ Италіи, кронпринцъ явился къ императору, то императрица также вышла изъ своихъ комнатъ и когда разговоръ, коснувшись положенія короля Гумберта, принялъ оборотъ, который былъ ей не по сердцу и собесѣдники умолкли, то она встала со словами: «Il paraît que je suis de trop ici» ²⁾, а императоръ сказалъ кронпринцу съ грустью: «Относительно этихъ вещей твоя мать все еще невмѣняема».

¹⁾ Марцингенъ, деревня Трирскаго округа рейнской провинціи. В. В.

²⁾ Кажется и здѣсь лишняя.

Начальникомъ главной квартиры въ Санъ-Суси по смерти генерала Рауха былъ Леопольдъ фонъ-Герлахъ, а его помощниками, подчасъ и соперниками, были секретарь короля Нибуръ и Эдвинъ фонъ-Мантейфель, а во время Крымской кампаніи также графъ Мюнстеръ. Изъ любимцевъ короля, имѣвшихъ наиболѣе вліянія, можно назвать графа Антона Штольберга, графа Фридриха Дона и графа фонъ-деръ Гребена.

Противовѣсомъ женскому вліянію, при дворѣ принца являлся Густавъ фонъ-Альвенслебенъ, умный и твердый защитникъ государственныхъ интересовъ, старавшійся по мѣрѣ силъ примирить оба двора, хотя въ общемъ онъ и не одобрялъ правительственной политики. Онъ раздѣлялъ мое мнѣніе о необходимости рѣшить вопросъ австро-прусскаго соперничества на полѣ битвы, ибо никакое иное рѣшеніе было немисляемо. На мой вопросъ, какой можетъ быть, по его мнѣнію, исходъ перваго большаго сраженія между нами и Австріей, онъ отвѣчалъ:

— Мы перепрыгнемъ черезъ нее такъ, что она только дрыгнетъ ножками.

Его увѣренный тонъ придалъ мнѣ не мало бодрости въ трудные моменты, которые мнѣ пришлось пережить въ 1864 и 1866 гг.

VI.

Политика Мантейфеля.—Отношенія его къ королю.—Положеніе Бисмарка при дворѣ.—Внутреннія реформы въ Пруссіи.—Интриги противъ Бисмарка.—Отношеніе къ нему короля и зачисленіе въ свиту.

Охлажденіе, происшедшее между мною и министромъ Мантейфелемъ послѣ моей пѣздки въ Вѣну, чему способствовали отчасти сплетни, распространяемыя Кленце и другими лицами, было причиною, что король все чаще и чаще вызывалъ меня въ Берлинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда между нимъ и министромъ возникали недоразумѣнія. Разъѣзжая между Франкфуртомъ и Берлиномъ я проѣхалъ въ годъ до 2.000 верстъ, часто не смыкая глазъ въ пути, хотя иной разъ мнѣ и удавалось хорошо уснуть. Король не только желалъ обыкновенно слышать мое мнѣніе по разнымъ вопросамъ внутренней и вѣншей политики, но, получивъ какой нибудь проектъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ поручалъ мнѣ нерѣдко составить на него контръ-проектъ. Въ этихъ случаяхъ я разсматривалъ эти проекты вмѣстѣ съ Мантейфелемъ, который уклонялся обыкновенно отъ какихъ либо поправокъ къ нимъ. Онъ находилъ нужнымъ предупредить желанія западныхъ державъ и угождать Австріи, тогда какъ я, не будучи особенно ярымъ защитникомъ русской политики, не видѣлъ однако причины жертвовать нашими давнишними миро-

любивыми отношеніями къ этой державѣ, когда дѣло шло о постороннихъ интересахъ, не касавшихся Пруссіи. Если бы она стала въ неприязненные отношенія къ Россіи, защищая совершенно чуждое намъ дѣло, то я счелъ бы это доказательствомъ нашей боязни передъ западными державами и нашего трепета передъ Англіей. Мантейфель не хотѣлъ тревожить короля, настаивая на своихъ взглядахъ; онъ не хотѣлъ также раздражать западныя державы и Австрію и, поддерживая мои, такъ называемые, русскіе взгляды, предпочиталъ ступеньваться. Все это какъ нельзя лучше было извѣстно маркизу Мустье, поэтому мой начальникъ поручалъ ему иногда обратить меня на путь истинный и убѣдить въ необходимости дѣйствовать согласно съ политикой западныхъ державъ и въ этомъ смыслѣ вліять на короля. Въ одно изъ моихъ посѣщеній, Мустье, увлекшись, со свойственной ему живостью, высказалъ мнѣ слѣдующую угрозу:

— *La politique que vous faites, va vous conduire à Jéna* ¹⁾.

На что я отвѣтилъ:

— *Pourquoi pas à Leipzig ou à Rossbach?* ²⁾

Мустье не привыкъ, чтобы съ нимъ говорили въ Берлинѣ такимъ рѣшительнымъ тономъ; онъ замолчалъ поблѣднѣвъ отъ гнѣва. Спустя нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— *Enfin, toute nation a perdu et gagné des batailles. Je ne suis pas venu pour faire avec vous un cours d'histoire* ³⁾.

Разговоръ болѣе не вязался.

Мустье жаловался на меня Мантейфелю, который передалъ его жалобу королю, но его величество похвалилъ меня за мой отвѣтъ французу и впоследствии высказалъ мнѣ это лично.

По настоянію прусскаго принца, король пользовался иногда услугами наиболѣе способныхъ личностей беттманъ-гольвегской партіи, каковыми были Гольцъ, Пурталесъ, Узедомъ. Иногда случалось, что нѣкоторыя срочныя депеши составлялись не Мантейфелемъ, а графомъ Альбертомъ Пурталесомъ и что король давалъ ихъ для просмотра мнѣ, я же, исправляя ихъ, совѣтывался въ свою очередь съ Мантейфелемъ, который посылалъ ихъ для просмотра помощнику своего секретаря, *Le Coq'u*; но послѣдній критиковалъ ихъ исключительно съ точки зрѣнія французской стилистики, и задерживалъ по нѣскольку дней отправку нужныхъ депешъ, оправдываясь тѣмъ, что онъ еще не нашелъ вполне подходящее французское выраженіе, которое было бы не особенно ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ туманно, не особенно нерѣшительно и не

¹⁾ Ваша политика приведетъ васъ къ Іенѣ.

²⁾ Почему же не къ Лейпцигу или Россбаху?

³⁾ Разумѣется всякая нація выигрывала и проигрывала сраженія. Я пріѣхалъ сюда не съ тѣмъ чтобы проходить съ вами курсъ исторіи.

слишкомъ категорично, какъ будто все дѣло было въ этихъ мелочахъ.

Я старался какъ можно ловчѣе отдѣлаться отъ роли, которую навязывалъ мнѣ король, и добиться по мѣрѣ возможности соглашенія между нимъ и Мантейфелемъ. Когда, съ восстановленіемъ прежняго союзнаго сейма, стремленіе къ національной обособленности Пруссіи было нѣсколько ограничено, то въ Берлинѣ приступили къ внутреннимъ реформамъ, которыя его величество не рѣшался произвести ранѣе, не желая возстановлять противъ себя либераловъ прочихъ нѣмецкихъ государствъ. Цѣль этихъ реформъ и способы, которыми правительство надѣялось достигнуть ихъ, вызвали разногласіе во мнѣніяхъ между министромъ Мантейфелемъ и «небольшой, но сильной партіей», что повело къ открытой и ожесточенной борьбѣ между ними.

Во время этой борьбы не разъ обострились отношенія короля къ Мантейфелю. Его величество просто возненавидѣлъ его и обходился съ нимъ уже не съ обычной своей вѣжливостью, а говорилъ ему всевозможныя колкости. Каковъ былъ вообще взглядъ короля на положеніе министра, показываютъ слѣдующія его слова, сказанныя о графѣ Альбертѣ Пурталесѣ, которымъ онъ страдалъ иногда Мантейфеля, какъ его возможнымъ соперникомъ.

— Онъ былъ бы для меня хорошимъ министромъ, сказалъ король, если бы у него не было лишнихъ 30.000 рейхсталеровъ дохода; въ этомъ заключается источникъ неповиновенія.

Сдѣлавшись министромъ при Фридрихъ-Вильгельмѣ IV мнѣ пришлось бы, болѣе чѣмъ кому либо другому, испытать на себѣ послѣдствія этого взгляда, такъ какъ король смотрѣлъ бы на меня какъ на своего воспитанника на политическомъ поприщѣ и считалъ безусловное «повиновеніе» однимъ изъ необходимѣйшихъ условий моихъ роялистическихъ взглядовъ. Его удивило бы всякое самостоятельное мнѣніе, выраженное мною; такъ напримѣръ, онъ считалъ вѣроломствомъ съ моей стороны, когда я отказался отъ назначенія посланникомъ въ Вѣну, въ чемъ я убѣдился по опыту два года спустя.

Король вызывалъ меня въ Берлинъ не только для обсужденія вопросовъ внѣшней политики, но и для рѣшенія нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникавшихъ въ ландтагѣ, въ который я былъ вновь избранъ 13-го октября 1851 г. по случаю моего назначенія посланникомъ.

Когда возникъ вопросъ о преобразованіи первой камеры въ палату господъ, я получилъ слѣдующее письмо отъ Мантейфеля, помѣченное 20 апрѣля 1852 года.

«Бунзенъ все болѣе и болѣе настраиваетъ короля искать поддержки въ аристократіи. Онъ утверждаетъ, будто всѣ выдающіеся государственные люди Англіи полагаютъ, что континентальныя державы Европы

раздѣляется вскорѣ на два лагерь: а) на протестантскія государства съ конституціонной формой правленія, опирающіяся на аристократію и б) на католическія и демократическія государства съ неограниченной формой правленія. Къ послѣдней категоріи онъ относитъ Австрію, Францію и Россію. Я считаю это совершенно ошибочнымъ. Подобныхъ подраздѣленій не существуетъ. Развитие каждаго государства идетъ самостоятельнымъ путемъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I былъ ни католикъ, ни демократъ, но представитель неограниченной власти. Но подобныя вещи производятъ большое впечатлѣніе на его величество. Я считаю конституціонную форму правленія, провозглашающую господство большинства, менѣе всего подходящей къ протестантскому государству».

На слѣдующій день король писалъ мнѣ:

Шарлотенбургъ, 21-го апрѣля 1852 года.

«Напоминаю вамъ, любезный Бисмаркъ, что я рассчитываю на васъ и на вашу помощь при преніяхъ, предстоящихъ во второй палатѣ относительно организаціи первой, тѣмъ болѣе, что я получилъ, къ сожалѣнію изъ достовѣрнѣйшаго источника, свѣдѣніе о грязныхъ интригахъ, которыя ведутъ сплотившіяся сознательно или бессознательно паршивыя овцы правой и смердящіяе козлища лѣвой съ цѣлью разстроить мои планы. Это грустное зрѣлище во всѣхъ отношеніяхъ; оно можетъ довести до отчаянія и происходить на почвѣ такъ дорого обошедшейся ложной идеи французскаго конституціонализма. Да исправитъ это Господь. Аминь. Фридрихъ Вильгельмъ».

Я написалъ генералу Герлаху ¹⁾, что «я одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ этой партіи. Если бы желанія его величества были мнѣ извѣстны раньше, то я могъ бы, пожалуй, приобрѣсти нѣкоторое вліяніе; но исполнивъ повелѣніе короля въ Берлинѣ и выступивъ защитникомъ его интересовъ въ консервативной партіи обѣихъ палатъ, я пошатну тѣмъ самымъ свое положеніе въ парламентѣ, которое можетъ быть полезно королю и его правительству въ другихъ вопросахъ; явившись уполномоченнымъ короля, а не защитникомъ своихъ собственныхъ мнѣній, я могу въ два дня совершенно поколебать свое вліяніе». Поэтому я спрашивалъ, нельзя ли мнѣ будетъ уклониться отъ участія въ ландтагѣ, объяснивъ мое отсутствіе исполненіемъ порученія, возложеннаго на меня королемъ къ принцу Аугустенбургскому. Мнѣ отвѣтили, по телеграфу, чтобы я немедленно ѣхалъ въ Берлинъ, куда я и отправился во исполненіе этого приказанія 26-го апрѣля. Между тѣмъ въ Берлинѣ, стараніями консервативной партіи, было принято рѣшеніе, противорѣчившее намѣреніямъ короля; поэтому кампанія, предпринятая его величествомъ, казалась про-

¹⁾ Отъ 23-го апрѣля 1852 г. Сравн. съ высказаннымъ въ письмѣ къ Мантейфелю отъ того же 23-го апрѣля. (Preussen im Bundestage IV, 72).

игранной. Явившись 27-го апрѣля къ генералу фонъ-Герлаху въ занимаемый имъ флигель въ Шарлоттенбургскомъ замкѣ, близъ гауптвахты, я узналъ отъ него, что король сердится на меня за то, что я не сразу выѣхалъ въ Берлинъ, и утверждаетъ, что если бы я пріѣхалъ тотчасъ, то не допустилъ бы принять это рѣшеніе ¹⁾; Герлахъ пошелъ доложить обо мнѣ королю, долго не возвращался и наконецъ пришелъ съ отвѣтомъ, что его величество не желаетъ меня видѣть, но чтобы я подождать. Это противорѣчивое приказаніе прекрасно характеризовало короля: онъ гнѣвался на меня и хотѣлъ показать это, отказавъ мнѣ въ аудіенціи, но въ то же время хотѣлъ обнадежить меня, что я могу въ скоромъ времени снова рассчитывать на его благоволеніе. Это былъ своего рода педагогическій пріемъ, въ родѣ того когда ученика прогоняютъ изъ класса, и затѣмъ снова впускаютъ. Мнѣ пришлось остаться какъ бы арестованнымъ въ замкѣ; мое безвыходное положеніе было облегчено тѣмъ, что мнѣ подали прекрасный, изящно сервированный завтракъ. Во время отсутствія изъ Берлина въ Потсдамѣ и Шарлоттенбургѣ король жилъ какъ *grand seigneur* въ своемъ помѣстьи. Посѣтитель получалъ въ замкѣ все, что полагается, въ назначенный часъ и если онъ выражалъ какое нибудь желаніе помимо этого, оно немедленно удовлетворялось. Разумѣется, хозяйство велось не по-русски, но по нашимъ понятіямъ всего было въ избыткѣ и самаго лучшаго качества, хотя ни въ чемъ не замѣчалось ни малѣйшей расточительности.

Прошло не болѣе часа, когда за мною явился дежурный адъютантъ и повелъ меня къ королю; его величество принялъ меня холоднѣе обыкновеннаго, но все же гораздо милостивѣе чѣмъ я ожидалъ. Онъ рассчитывалъ, что я явлюсь въ Берлинъ по первому требованію, и надѣялся, что мнѣ удастся, до подачи голосовъ, въ 24 часа, по военному, заставить консервативную партію перемѣнить фронтъ и дѣйствовать въ томъ духѣ какъ желалъ король. Я высказалъ его величеству что онъ преувеличиваетъ мое вліяніе на партію и съ другой стороны имѣетъ слишкомъ жалкое понятіе о ея независимости. Такъ какъ мои взгляды не расходились въ этомъ случаѣ со взглядами короля, то я выразилъ готовность поддерживать ихъ передъ моими товарищами, если мнѣ будетъ дано на это время, и изложить еще разъ желанія короля въ парламентѣ. Его величество, видимо успокоенный, выразилъ свое согласіе и, отпуская меня, поручилъ мнѣ пропагандировать его проектъ. Это удалось мнѣ гораздо легче нежели я ожидалъ; оказалось, что противъ преобразованія камеры были одни руководители партіи, а не большинство, которое только подчинялось ихъ авторитету, такъ какъ это были лучшіе ораторы партіи, которые одни

¹⁾ Сравни. Gerlach's *Dedkwürdigkeiten*, I, 754, 756. Примѣч. издателя.

только и работали, освобождая прочихъ членовъ отъ трудной обязанности подробно вникать во всѣ вопросы.

Наша, довольно многочисленная партія, въ которой насчитывали кажется свыше 100 человекъ, слѣпо защищала политическую программу, намѣченную ея руководителями. Что касается меня, то ставъ, со времени моего пребыванія во Франкфуртѣ, въ нѣсколько враждебное положеніе по отношенію къ Австріи, т. е. вступивъ на тотъ путь, которому не сочувствовали руководители партіи, я тѣмъ самымъ оказался въ независимомъ отъ нихъ положеніи, и хотя вопросъ о преобразованіи камеры не затрогивалъ нашихъ отношеній къ Австріи, но обнаружившееся между нами разногласіе во мнѣніяхъ поколебало нѣсколько мою вѣру въ значеніе этихъ руководителей. Тѣмъ не менѣе я былъ удивленъ, что мои слова такъ быстро повліяли на большинство, когда я сталъ защищать проектъ короля и доказывать, что намъ необходимо было дѣйствовать такъ, какъ онъ хочетъ. При голосованіи большинство выразило готовность идти по пути, указанному его величествомъ.

Моложеніе, которое я занялъ въ консервативной партіи, не благоприятствовало осуществленію плановъ короля относительно меня; когда же въ началѣ 1854 г. онъ заявилъ рѣшительно о своемъ намѣреніи назначить меня министромъ, то противъ этого возсталъ не только Мантейфель, но и его приближенные, изъ коихъ главными были генералъ Герлахъ и Нибуръ, которые такъ же, какъ и Мантейфель, не хотѣли дѣлать со мною вліяніе на короля и полагали, что близи имъ будетъ труднѣе ладить со мною, нежели издалика. Герлаха поддерживалъ въ этомъ случаѣ его братъ, президентъ, считая меня ненадежнымъ членомъ партіи. Этотъ взглядъ выразился еще болѣе ясно во время борьбы, возгорѣвшейся въ средѣ консервативной партіи и ея комитета, когда я попытался приобрести вліяніе на дѣятельность этой партіи въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, основываясь на моемъ положеніи въ качествѣ посланника союзнаго сейма и докладчика короля по дѣламъ нѣмецкихъ государствъ.

Зимой 1853—1854 г. король неоднократно вызывалъ меня въ Берлинъ и задерживалъ тамъ подолгу; вслѣдствіе этого меня легко могли причислить къ категоріи тѣхъ лицъ, которымъ добивались паденія Мантейфеля, желали возстановить принца прусскаго противъ его брата, добивались для себя лично назначеній или по крайней мѣрѣ временныхъ порученій и на которыхъ король смотрѣлъ какъ на соперниковъ Мантейфеля, надѣющихся современемъ замѣстить его. Когда король заставилъ меня сыграть нѣсколько разъ по отношенію къ Мантейфелю подобную роль, поручая мнѣ составленіе контръ-проектовъ его денешъ, то я обратился однажды къ Герлаху и просилъ его психодатайствовать мнѣ позволеніе уѣхать обратно во Франкфуртъ. Герлахъ вошелъ въ ка-

бинетъ и передалъ королю мою просьбу, на что его величество закричалъ:

— Онъ долженъ, чортъ его побори, ждать, когда я прикажу ему уѣхать!

Когда Герлахъ вышелъ изъ кабинета, я сказалъ смѣясь, что отвѣтъ короля мнѣ уже извѣстенъ.

Такимъ образомъ я пробылъ еще нѣкоторое время въ Берлинѣ. Когда я собрался, наконецъ, уѣхать, то я оставилъ министру черновой набросокъ собственноручнаго письма, которое король собирался послать императору Францу-Иосифу и которое было составлено мною по повелѣнiю его величества; Мантейфель долженъ былъ представить это письмо королю, обсудивъ его содержанiе вмѣстѣ со мною. Весь смыслъ письма былъ въ заключительной фразѣ; впрочемъ и помимо ея оно представляло собою тщательно обдуманнiй документъ, имѣвшiй вполне определенное значенiе. Я просилъ дежурнаго флигель-адъютанта, которому передалъ копию съ этого черновика, обратить вниманiе короля на особое значенiе, которое имѣла заключительная фраза письма. Объ этой предосторожности въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не знали, и при свѣркѣ копии съ оригиналомъ, въ замкѣ, оказалось, какъ я того и опасался, что мой черновикъ былъ измѣненъ въ смыслѣ, болѣе желательномъ для австрiйской политики.

Во время Крымской войны и предшествовавшихъ ей переговоровъ, въ правительственныхъ кругахъ нерѣдко возгоралась борьба по поводу какой-либо фразы, сказанной въ тонѣ западныхъ державъ и Австрiи либо въ русскомъ духѣ, хотя бы фраза эта и была лишена практическаго значенiя.

Болѣе серьезное и важное значенiе имѣлъ вопросъ о редактированiи одного документа, которое было поручено мнѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1854 г. Король находился въ то время въ Рюгенѣ; я ѣхалъ изъ Франкфурта въ Рейнфельдъ, гдѣ находилась моя больная жена, когда одинъ изъ высшихъ чиновниковъ почтоваго вѣдомства, въ Штеттинѣ, которому было поручено слѣдить, когда я пройду черезъ этотъ городъ, передалъ мнѣ 29-го августа приказанiе короля явиться въ Питбусъ. Я съ радостью уѣхалъ бы далѣе тайкомъ, но чиновникъ не могъ понять, какимъ образомъ у человѣка стараго прусскаго закала могло явиться желанiе избѣгнуть подобнаго приглашенiя. Я отправился въ Рюгенъ, озабоченный тѣмъ, что мнѣ предстоитъ быть можетъ снова отказываться отъ министерскаго поста и что это поставитъ меня въ крайне неловкое положенiе относительно короля. Онъ принялъ меня 30-го августа милостиво и сообщилъ мнѣ о возникшемъ разногласiи въ мнѣнiяхъ по поводу тѣхъ мѣръ, какiя надлежало принять въ виду отступленiя русскихъ войскъ изъ Придунайскихъ княжествъ. Дѣло шло о депешѣ графа Буоля отъ

10-го августа и о проектѣ отвѣтной депеши, которая была составлена Мантейфелемъ, по мнѣнію короля, до-нельзя въ австрійскомъ духѣ. Я набросалъ по приказанію его величества новый черновикъ отвѣта, который былъ имъ одобренъ и посланъ въ Берлинъ, съ повелѣніемъ отправить его, вопреки желанію министра, прежде всего графу Арниму въ Вѣну и затѣмъ уже сообщить его нѣмецкимъ правительствамъ ¹⁾). Настроеніе короля, выразившееся въ одобреніи имъ составленнаго мною отвѣта на депешу Буоля, отразилось и въ приемѣ, который былъ оказанъ графу Бенкендорфу, прибывшему въ Питбусъ съ письмами и словесными порученіями, и которому я могъ сообщить извѣстіе, что англичане и французы высадились въ Крыму.

— Очень радъ этому, сказалъ онъ,—мы тамъ очень сильны.

Настало новое вѣяніе, благопріятное Россіи.

Полагая, что я исполнилъ свою обязанность, какъ дипломатъ, и получивъ въ это время неблагопріятныя вѣсти о здоровьи моей жены, я просилъ позволенія уѣхать. Мнѣ было косвенно въ этомъ отказано тѣмъ, что я былъ зачисленъ въ свиту,—знакъ высокаго благоволенія. Герлахъ предупреждалъ меня, чтобы я не придавалъ этому слишкомъ большого значенія.

— Не вообразите пожалуйста, сказалъ онъ, что вы искусите насъ въ политикѣ. Въ настоящую минуту вы въ милости у короля и онъ зачисляетъ васъ въ свиту точно такъ, какъ онъ бы поднесъ букетъ дамѣ.

Я имѣлъ вскорѣ лучай убѣдиться, какъ справедливы были его слова, и не разъ убѣждался въ этомъ и впоследствии. Когда я продолжалъ настаивать на своемъ желаніи уѣхать и дѣйствительно уѣхалъ 1-го сентября, то императоръ разсердился и сказалъ Герлаху, что домашнія дѣла имѣютъ для меня болѣе значенія, нежели все царство; но я окончательно убѣдился, какъ серьезно было неудовольствіе его величества только во время моей поѣздки въ Парижъ и непосредственно послѣ нея. Благоклонно принятый проектъ составленной мною депеши былъ задержанъ на телеграфѣ и измененъ.

VII.

Бисмаркъ въ Парижѣ въ 1855 г. — Парижскіе нравы. Мнѣніе Бисмарка о Наполеонѣ III.—Взглядъ Бисмарка на политическое состояніе Европы и дипломатическое положеніе Пруссіи.—Возраженія Л. фонъ-Герлаха.—Ихъ взаимная переписка.

Лѣтомъ 1855 г. нашъ посланникъ въ Парижѣ, графъ Гацфельдтъ, пригласилъ меня посѣтить промышленную выставку; онъ думалъ, какъ

¹⁾ Сравн. Sybel, II, 204. Прижѣч. издателя.

и многіе другіе въ то время, что я буду вскорѣ преемникомъ Мантейфеля въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Хотя король дѣйствительно имѣлъ это намѣреніе раньше, но въ интимныхъ придворныхъ кругахъ было извѣстно, что онъ уже измѣнилъ его. Графъ Вильгельмъ Редернъ, съ которымъ я встрѣтился въ Парижѣ, сказалъ мнѣ, что посланники все еще полагаютъ, что я предназначаюсь въ министры и что онъ самъ недавно такъ думалъ, но что король, видимо, перемѣнилъ мнѣніе; впрочемъ, подробно ему ничего не было извѣстно. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта перемѣна произошла послѣ моей поѣздки въ Рюгенъ.

15-го августа, день рожденія Наполеона I, былъ отпразднованъ между прочимъ тѣмъ, что по улицамъ Парижа водили русскихъ цѣлѣнныхъ. 19-го числа пріѣхала англійская королева; въ честь ея 25-го августа былъ данъ большой балъ въ Версалѣ, на которомъ я былъ представленъ ей и принцу Альберту.

Принцъ, на видъ холодный и красивый въ своемъ черномъ мундирѣ, былъ со мною любезенъ, но въ его обращеніи проглядывала нѣкоторая недоброжелательность и любопытство, изъ чего я могъ заключить, что ему было извѣстно, что я вліялъ на короля въ смыслѣ неблагоприятномъ для западныхъ державъ.

Въ глазахъ принца я былъ реакціонеръ, сторонникъ Россіи, преслѣдовавшій цѣли абсолютистской, конкерской политики; само собою разумѣется, что этотъ взглядъ не могъ быть результатомъ мгновеннаго впечатлѣнія, произведеннаго мною при первомъ свиданіи; и что онъ образовался раньше подъ вліяніемъ текущихъ дѣлъ и переписки. Нѣтъ ничего удивительнаго, что дочь принца Альберта, ставъ въ скоромъ времени нашей кронпринцессой, раздѣляла взглядъ своего отца и сторонниковъ герцога Кобургскаго.

Вскорѣ послѣ ея прибытія въ Германію, въ февралѣ мѣсяцѣ 1858 г. я убѣдился по собственному опыту и со словъ нѣкоторыхъ членовъ королевской семьи, что принцесса была предубѣждена противъ меня. Меня удивилъ не самый фактъ, но способъ, которымъ выражалось это предубѣжденіе въ семейномъ кругу: она мнѣ не довѣряла. Я ожидалъ, что принцесса, зная о моемъ якобы нерасположеніи къ Англійи и о томъ, что я былъ противъ подчиненія англійскому вліянію, отнесется ко мнѣ не особенно пріязненно, но судя по одному разговору, который я имѣлъ съ нею послѣ войны 1866 г., надобно было полагать, что она составила себѣ понятіе о моей личности подъ вліяніемъ иныхъ наѣтовъ; сидя однажды возлѣ меня за обѣдомъ, она сказала полу-шутя, полу-серьезно, что мое честолюбіе было бы удовлетворено только въ томъ случаѣ, если бы я былъ королемъ или по меньшей мѣрѣ президентомъ республики. Я отвѣчалъ въ томъ же шутливомъ тонѣ, что я не гожусь въ республиканцы, я выросъ въ роялистическихъ традиціяхъ моей семьи, по-

этому для моего земного счастья необходима монархія, но я благодарю Бога, что мнѣ не суждено, какъ королю, жить постоянно на показъ и что я могу быть до конца жизни вѣрноподданнымъ его величества. Я не ручаюсь, конечно, что будущее поколѣніе раздѣлитъ мой взглядъ, не потому что могутъ перевестись роялисты, а потому что можетъ не быть королей. Pour faire un civet, il faut un lièvre, et pour une monarchie il faut un roi. За неимѣніемъ короля будущее поколѣніе можетъ сдѣлаться республиканскимъ. Говоря это, я не могъ отдѣлаться отъ грусти при мысли, что престолъ долженъ былъ перейти не къ его прямому наслѣднику—носителю монархическихъ традицій. Принцесса не пожелала придать разговору серьезнаго оборота и, продолжая его въ шутовскомъ тонѣ, была по обыкновенію любезна и говорила весьма интересно; ея разговоръ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, какъ будто она хотѣла подразнить политическаго противника.

Первое время послѣ моего назначенія министромъ, я замѣчалъ неоднократно, во время нашихъ бесѣдъ за столомъ, что принцессѣ доставляло особенное удовольствіе раздражать мои патріотическія чувства, критикуя въ шутовскомъ тонѣ нѣкоторыхъ личностей и общее положеніе дѣлъ.

На балу въ Версалѣ, о которомъ я упомянулъ выше, королева Виктория говорила со мною по-нѣмецки. Я вынесъ изъ ея разговора впечатлѣніе, что она смотрѣла на меня, какъ на человѣка выдающагося, но не симпатичнаго; однако въ ея тонѣ не чувствовалось той ироніи и превосходства, которые я уловилъ въ словахъ принца Альберта. Она была со мною вѣжлива и любезна, какъ человѣкъ, который, встрѣтивъ чудака, считаетъ долгомъ быть съ нимъ любезнымъ.

За ужиномъ меня удивило, по сравненію съ Берлиномъ, то обстоятельство, что все общество было раздѣлено на три категоріи и для каждой было составлено особое меню, при чемъ тѣ особы, которыя имѣли право остаться къ ужину, получили при входѣ билетъ съ номеромъ. На билетахъ первой категоріи было обозначено также имя дамы, которая должна была предсѣдательствовать за столомъ. Столы были накрыты человѣкъ на 15 или на 20. Я получилъ при входѣ билетъ къ столу графини Валевской; въ залѣ двѣ другія дамы-патронессы изъ дипломатическаго и придворнаго круга дали мнѣ также по билету. Очевидно, при распредѣленіи гостей не было составлено никакого опредѣленнаго плана. Какъ иностранный дипломатъ, я счелъ болѣе подходящимъ занять мѣсто за столомъ графини Валевской.

Направляясь въ залу, гдѣ я долженъ былъ ужинать, я наткнулся на одного прусскаго офицера, который былъ въ мундирѣ гвардейскаго пѣхотнаго полка; онъ велъ подъ руку даму, французевку, и горячо спорилъ съ однимъ изъ гофмейстеровъ, который не хотѣлъ пропустить

ихъ, такъ какъ у нихъ не было билетовъ. Когда офицеръ, на мой вопросъ, объяснилъ въ чемъ дѣло и сказалъ, что его дама герцогиня съ итальянскимъ титуломъ временъ Первой имперіи, то я заявилъ гофмейстеру, что билетъ этого офицера у меня и далъ ему одинъ изъ моихъ билетовъ, когда же гофмейстеръ все-таки не хотѣлъ пропустить его даму, то я далъ офицеру и второй билетъ для герцогини. «*Mais vous ne passerez pas sans carte*», замѣтилъ на это чиновникъ; когда я показалъ ему третій билетъ, то онъ сдѣлалъ удивленное лицо и пропустилъ насъ всѣхъ трехъ. Я посоветовалъ моимъ протеже не садиться за тѣ столы, которые были указаны на карточкахъ, а поискать мѣсто за другимъ столомъ; все обошлось благополучно.

Безпорядокъ былъ такъ великъ, что за нашимъ столомъ не всѣ мѣста оказались занятыми; это объясняется тѣмъ, что *dames patronesses* между собою не сговорились. Старикъ князь Пюклеръ (*Pückler*) или вовсе не получилъ билета, или не могъ найти своего стола; когда, узнавъ меня, онъ обратился ко мнѣ за разъясненіемъ, то графиня Валевская пригласила его занять одно изъ свободныхъ мѣстъ за нашимъ столомъ. Несмотря на подраздѣленіе на три категоріи, ужинъ ни по качеству блюдъ, ни по ихъ приготовленію не могъ сравниться съ тѣмъ, который предлагался посѣтителемъ на придворныхъ балахъ въ Берлинѣ, но количество слугъ было довольно велико и они прислуживали очень ловко и проворно.

Наиболѣе поразило меня то обстоятельство, что публика циркулировала въ Версальскомъ дворцѣ съ гораздо болѣшимъ трудомъ, нежели въ Берлинскомъ дворцѣ, хотя залы въ Версалѣ большихъ размѣровъ, если не считать нашего Бѣлаго зала, и ихъ больше числомъ. Порядокъ былъ такъ плохъ, что лица первой категоріи, отужинавъ, шли обратно тѣмъ же путемъ, какимъ направлялись къ ужину лица второй категоріи, которые, будучи голодны, шли стремительно и выказывали при этомъ нѣкоторое отсутствіе свѣтскихъ манеръ и привычекъ, недопустимыхъ при дворѣ. Разукрашенные въ лентахъ и разодртые въ штыхъ мундирахъ кавалеры и элегантныя дамы толкали другъ друга, при чемъ дѣло доходило до брани и побоевъ. У насъ въ замкѣ это было бы невысказимо. Я уѣхалъ изъ Версаля подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ, что несмотря на весь блескъ императорскаго двора, служба при дворѣ, воспитаніе и манеры высшаго общества стояли выше у насъ, равно въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, нежели въ Парижѣ, и что прошли тѣ времена, когда Парижъ и французскій дворъ были школою вѣжливости и хорошаго тона. Даже этикетъ, существовавшій при маленькихъ нѣмецкихъ дворахъ, нѣсколько устарѣлый по сравненію съ тѣмъ, который соблюдался при петербургскомъ дворѣ, отличался большей представительностью, нежели дворъ императора Наполеона III. Я замѣтилъ это еще

при Людовикѣ-Филиппѣ; во Франціи положительно вошло въ моду обращать на себя вниманіе утрированной безцеремонностью и отсутствіемъ вѣжливости, въ особенности по отношенію къ дамамъ. Хотя придворные нравы въ этомъ отношеніи нѣсколько улучшились при Второй имперіи, но все же тонъ чиновнаго и придворнаго общества во многомъ уступалъ этикету, соблюдавшемуся при дворѣ трехъ великихъ восточныхъ державъ. Во времена Людовика-Филиппа и Людовика-Наполеона только въ легитимистскихъ кругахъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ административнымъ міромъ, сохранился безупречный, вѣжливый и радушный тонъ; исключеніе составляли лишь молодые люди, подражавшіе парижскимъ нравамъ и перенимавшіе клубныя привычки.

Императоръ, котораго я видѣлъ въ эту поѣздку въ Парижъ впервые, выразилъ, въ разговорѣ со мною, въ общихъ чертахъ свое желаніе поддержать дружескія отношенія къ Пруссіи. Онъ высказалъ, что эти двѣ сосѣднія державы, по свосму образованію и учрежденіямъ, стоящія во главѣ цивилизаціи, должны поддерживать другъ друга. Онъ не коснулся ни словомъ затрудненій, которыя были вызваны отказомъ Пруссіи присоединиться къ политикѣ западныхъ державъ. Я чувствовалъ, что давленіе, которое производили на насъ въ Берлинѣ и Франкфуртѣ Англія и Австрія, съ цѣлью заставить насъ воевать вмѣстѣ съ западными державами, было гораздо энергичнѣе и грубѣе, нежели тотъ благожелательный тонъ, какимъ Наполеонъ III высказалъ мнѣ свои общія и свое желаніе поддержать согласіе между Пруссіей и Франціей. Онъ былъ гораздо снисходительнѣе къ нашимъ грѣхамъ по отношенію западныхъ державъ, нежели Англія и Австрія.

Ни въ этотъ пріѣздъ въ Парижъ, ни впослѣдствіи онъ никогда не говорилъ со мною по-нѣмецки.

Въ исходѣ сентября того же года, я убѣдился, что моя поѣздка въ Парижъ вызвала неодобреніе нѣмецкихъ дворовъ и въ особенности императрицы Елизаветы. Во время поѣздки короля на Рейнъ, по случаю постройки кельнскаго собора, я пріѣхалъ въ Кобленцъ, и король предложилъ мнѣ и моей женѣ ѣхать въ Кельнъ на пароходѣ вмѣстѣ съ нимъ. Но королева не удостоила мою жену ни малѣйшаго вниманія ни на пароходѣ, ни въ Ремегенѣ¹⁾. Принцъ прусскій, замѣтивъ это, предложилъ моей женѣ руку и повелъ ее къ столу. Послѣ обѣда я просилъ позволенія вернуться во Франкфуртъ, что мнѣ и было разрѣшено.

На слѣдующую зиму, когда король сталъ относиться ко мнѣ снова милостивѣе, онъ спросилъ меня однажды, сидя за столомъ противъ меня, каково мое мнѣніе о Людовикѣ-Наполеонѣ; его вопросъ звучалъ ироніей. Я отвѣчалъ:

¹⁾ Ремегенъ, городъ на Рейнѣ, близъ Кобленца.

— Императоръ Наполеонъ показался мнѣ человекомъ умнымъ и привѣтливымъ, но онъ не обладаетъ, по моему мнѣнію, такимъ обширнымъ умомъ, какъ думаютъ тѣ, которые приписываютъ ему все, что ни дѣлается на свѣтѣ; если, на примѣръ, въ западной Азіи не выпадетъ своевременно дождя, то и это приписываютъ недоброжелательнымъ кознямъ императора. У насъ вошло въ обыкновеніе смотрѣть на него, какъ на какой-то *génie du mal* ¹⁾, который только и думаетъ о томъ, какъ бы напроказничать ²⁾. Мнѣ кажется, онъ бываетъ радъ, когда онъ можетъ спокойно пользоваться результатомъ какого-нибудь добраго дѣла; его умъ преувеличиваютъ въ ущербъ его сердцу; въ сущности, онъ добродушенъ и имѣетъ обыкновеніе разсыпаться въ благодарности за оказанную ему услугу.

Король такъ саркастически засмѣялся моимъ словамъ, что мнѣ стало досадно и я просилъ позволенія угадать его мысли. Онъ изъявилъ на это свое согласіе; тогда я сказалъ:

— Генералъ фонъ-Каницъ читалъ въ военной академіи молодымъ офицерамъ лекціи о походахъ Наполеона I. Одинъ изъ слушателей, человекъ очевидно любознательный, задалъ ему вопросъ, почему Наполеонъ не совершилъ такого-то и такого движенія. Каницъ отвѣчалъ: «Да, вотъ видите, что за человекъ былъ Наполеонъ, онъ былъ очень добродушенъ, но глупъ, донельзя глупъ»,—разумѣется эти слова чрезвычайно насмѣшили всѣхъ присутствовавшихъ. Я боюсь, что ваше величество думаете обо мнѣ приблизительно то же, что генералъ фонъ-Каницъ думалъ о Наполеонѣ.

— Пожалуй вы правы,—отвѣчалъ король, смѣясь;—но я недостаточно знаю Наполеона III, чтобы оспаривать ваше мнѣніе, будто сердце у него лучше, нежели голова.

Я замѣтилъ по нѣкоторымъ мелочамъ, которыя имѣютъ значеніе при дворѣ, что королевѣ не понравился взглядъ, высказанный мною о Наполеонѣ.

Неудовольствіе, вызванное моимъ свиданіемъ съ Наполеономъ III, объясняется существовавшими въ то время понятіями о легитимизмѣ, въ томъ смыслѣ, какой придалъ впервые этому слову Талейранъ и въ какомъ его употребляли въ 1814 и 1815 годахъ на пользу Бурбоновъ какъ какую-то магическую формулу.

Привожу здѣсь, по этому поводу, нѣкоторые отрывки изъ моей переписки съ Герлахомъ, происходившей нѣсколько позднѣе.

¹⁾ Гевій зла.

²⁾ Сравненіе, сказанное Бисмаркомъ въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 8-го января 1885 г. (*Politische Reden*, X, 373).

Примѣч. издателя.

Франкфуртъ, 2-го мая 1857 г.

«... Несмотря на единомысліе, существующее между нами въ вопросахъ внутреннихъ, я никакъ не могу помириться съ вашими взглядами на дѣло внѣшней политики, которая заслуживаетъ, по моему мнѣнію, упрека въ томъ, что она игнорируетъ дѣйствительность.

«Вы говорите, будто я жертвую принципомъ ради человѣка ¹⁾, который произвелъ на меня сильное впечатлѣніе и внушилъ мнѣ уваженіе. Я протестую противъ этого. Онъ вовсе не произвелъ на меня такого впечатлѣнія. Вообще, я не особенно способенъ преклоняться передъ личностями и отличаюсь той особенностью, что я скорѣе вижу во всемъ недостатки, нежели достоинства. Если вамъ показалось, что мое послѣднее письмо было написано подъ болѣе живымъ впечатлѣніемъ, нежели обыкновенно, то прошу считать это не болѣе, какъ риторическимъ приѣмомъ, которымъ я хотѣлъ подѣйствовать на васъ. Что же касается принципа, якобы принесеннаго мною въ жертву, то я не могу вполне ясно себѣ представить, что именно вы подъ этимъ подразумеваете, и прошу васъ разъяснить этотъ вопросъ въ одномъ изъ вашихъ послѣдующихъ писемъ, такъ какъ я не хотѣлъ бы разойтись съ вами принципиально. Если вы подразумеваете подъ этимъ принципъ, примѣняемый къ Франціи и ея легитимизму, то, конечно, я долженъ сознаться, что вполне подчиняю его моему чисто прусскому патриотизму. Франція интересуется меня лишь настолько, насколько она можетъ имѣть вліяніе на положеніе моего отечества; мы можемъ имѣть политическія сношенія только съ существующимъ во Франціи правительствомъ, но съ другой стороны мы не можемъ исключать его изъ нашихъ политическихъ комбинацій. Монархъ-легитимистъ, какимъ былъ Людовикъ XIV, представляетъ собою для насъ элементъ столь же враждебный, какимъ былъ и Наполеонъ I, и если бы нынѣшній преемникъ Наполеона вздумалъ отказаться отъ престола и жить какъ частный человѣкъ, то онъ не сдѣлалъ бы намъ этимъ никакого одолженія; Генрихъ V ему бы не наследовалъ и хотя бы его даже посадили на вакантный престолъ, онъ бы на немъ не удержался. Какъ романтикъ, я могу пролить слезу объ его судьбѣ, какъ дипломатъ,—я былъ бы его вѣрнымъ слугою, если бы я былъ французъ; но кто бы ни стоялъ временно во главѣ французскаго правительства, оно должно смотрѣть на меня только какъ на одну изъ пѣшекъ въ шахматной игрѣ, называемой политикой, въ которой я призванъ служить только моему королю и моей странѣ.

«Съ точки зрѣнія моего понятія о долгѣ, какъ человѣка служащаго въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, я не могу оправдать ни въ себѣ, ни въ другихъ безотчетныхъ симпатій къ иностраннымъ дер-

¹⁾ Наполеона III.

жавамъ и лицамъ, ибо въ этомъ можетъ скрываться зародышъ измѣны монарху и странѣ, которой мы служимъ, въ особенности если эти чувства вліяютъ на дипломатическія отношенія и на согласіе между державами въ мирное время; въ этомъ случаѣ дипломатъ является уже, по моему мнѣнію, не представителемъ извѣстной политической системы, а дѣйствуетъ совершенно произвольно. Даже король не имѣетъ, по моему убѣжденію, права подчинять интересы отечества личнымъ чувствамъ любви или ненависти; если онъ это дѣлаетъ, то онъ является отвѣтственнымъ передъ Богомъ, но не передо мною, поэтому я не касаюсь этого вопроса.

«Быть можетъ, вы видите принципъ, которымъ я пожертвовалъ, по вашимъ словамъ, въ формулѣ, что всякій пруссакъ непременно долженъ быть врагомъ Франціи? Изъ того, что мною сказано выше, вытекаетъ ясно, что мое отношеніе къ иностраннымъ державамъ опредѣляется не какими-либо личными антипатіями, но тою пользою или тѣмъ вредомъ, какой онѣ могутъ принести Пруссіи. Политика чувства никогда не встрѣтитъ взаимности; она составляетъ исключительную принадлежность Пруссіи; всякое иное правительство руководствуется въ своихъ поступкахъ исключительно своими собственными интересами, какъ бы оно ни старалось оправдать ихъ побужденіями правовыми или сентиментальными. Изліянія нашихъ чувствъ милостиво принимаютъ, ими пользуются, рассчитывая на нашу готовность быть полезнымъ другимъ; сообразно съ этимъ съ нами и поступаютъ, то-есть насъ даже не благодарятъ, на насъ смотрятъ только какъ на полезныхъ простяковъ, которыхъ всегда можно обойти.

«Я полагаю, вы согласитесь со мною, что мы не пользуемся, въ настоящее время, тѣмъ значеніемъ въ Европѣ, какимъ мы пользовались до 1848 года; я утверждаю даже, что значеніе Пруссіи стояло несравненно выше во весь періодъ съ 1763 — 1818 года, нежели теперь, само собою разумѣется исключая эпохи 1807—1813 г. Я нахожу, что по сравненію съ другими великими державами мы были сильнѣе до 1806 года, нежели теперь въ смыслѣ возможности вести наступательную войну; всѣ прочія державы остались въ этомъ отношеніи почти въ томъ же положеніи, тогда какъ мы стали слабѣе. Почему?—я не берусь этого рѣшать, но безъ сомнѣнія многое зависитъ отъ того, что мы не имѣемъ союзниковъ и не ведемъ дѣятельной иностранной политики, а ограничиваемся только тѣмъ, что по мѣрѣ силъ подбираемъ камни, падающіе въ нашъ садъ и отчищаемъ грязь, которой насъ забрызгиваютъ. Говоря о союзахъ, я не подразумеваю подъ этимъ союзомъ оборонительныхъ и наступательныхъ, такъ какъ миру не угрожаетъ пока опасность; я понимаю подъ этимъ возможность заключить, въ случаѣ войны, тотъ или иной союзъ, примкнуть къ той или другой группировкѣ державъ,

*

чѣмъ обусловливается вліяніе государствъ въ мирное время. Та держава, которая въ случаѣ войны можетъ очутиться въ слабѣйшей группѣ, должна вслѣдствіе этого быть уступчивѣе и сговорчивѣе, а держава изолированно, особнякомъ, она отказывается тѣмъ самымъ отъ всякаго вліянія, въ особенности въ томъ случаѣ, если она самая слабая изъ великихъ державъ. Союзы суть выраженіе общности цѣлей и интересовъ.

«Я не знаю даже, имѣемъ ли мы въ настоящее время въ политикѣ какія-либо опредѣленные, ясно сознаваемые нами, цѣли и намѣренія; что же касается нашихъ политическихъ интересовъ, то другіе постараются напомнить намъ о нихъ. Мы можемъ разсчитывать въ настоящее время только на союзъ съ тѣми государствами, чьи интересы наиболѣе сталкиваются и даже расходятся съ нашими, а именно на союзъ съ нѣмецкими государствами и съ Австріей. Если мы намѣрены этимъ ограничить нашу иностранную политику, то намъ придется помириться съ мыслью, что наше вліяніе на европейскія дѣла будетъ ограничено, въ мирное время, всего одной семнадцатою частью голоса союзнаго сейма и что въ случаѣ войны мы останемся одни во дворцѣ князей Турнъ и Таксисъ ¹⁾ съ союзной конституціей въ рукахъ. Скажите пожалуйста, есть ли въ Европѣ хотя одинъ кабинетъ, который былъ бы такъ же, какъ вѣнскій кабинетъ, заинтересованъ своими собственными, естественными выгодами въ томъ, чтобы не только не допускать усиленія Пруссіи, но стараться, напротивъ, уменьшить ея значеніе въ Европѣ; есть ли еще одинъ кабинетъ, который преслѣдовалъ бы эту цѣль болѣе ревностно и настойчиво, который руководствовался бы, въ своей политикѣ, съ бѣльшимъ хладнокровіемъ и цинизмомъ, только своими собственными выгодами и который показалъ бы себя намъ, Россіи и западнымъ державамъ болѣе вѣроломнымъ и ненадежнымъ союзникомъ? Развѣ Австрія стѣснялась относительно западныхъ державъ заключить какой бы то ни было союзъ, отвѣчающій ея выгодамъ и даже открыто угрожать имъ участникамъ германскаго союза? Считаете ли вы императора Франца-Иосифа человѣкомъ самопожертвованнымъ вообще и готовымъ въ особенности чѣмъ-либо поступиться для постороннихъ интересовъ, не касающихся Австріи? Видите ли вы, съ точки зрѣнія принципиальной, какую-нибудь разницу между его правительственной политикой и наполеоновской политикой? Представитель послѣдней сказалъ мнѣ въ Парижѣ, что ему—«qui fais tous les efforts pour sortir de ce système de centralisation trop tendue qui en dernier lieu a pour pivot un gend'arme—secrétaire et que je considère comme une des causes principales des malheurs de

¹⁾ Турнъ и Таксисъ, старинный дворянскій родъ въ Германіи и Австріи.
В. В.

la France» ¹⁾—очень странно видѣть, что Австрія всѣми силами стремится къ этой централизаціи. Я иду дальше и прошу васъ отвѣтить мнѣ категорически, существуетъ ли на свѣтѣ, кромѣ Австріи, какая-нибудь держава, которая менѣе хотѣла бы сдѣлать что-нибудь для Пруссіи, нежели государства германскаго союза? Въ мирное время ояѣ желаютъ играть роль въ германскомъ и въ таможенномъ союзѣ, предъявлять свою верховную власть на нашей границѣ, ссорятся съ фонъ-деръ-Гейдтомъ ²⁾, а во время войны ихъ поведеніе обуславливается боязнью или недовѣріемъ къ намъ или къ другимъ державамъ. Самъ Богъ не въ состояніи искоренить въ нихъ это недовѣріе до тѣхъ поръ, пока на свѣтѣ будутъ существовать географическія карты, на которыя они могутъ бросить взглядъ. Позвольте задать вамъ еще одинъ вопросъ: неужели вы вѣрите и неужели его величество въ самомъ дѣлѣ вѣритъ, что германскій союзъ и его армія будутъ вамъ помощью въ случаѣ войны? Я не говорю о войнѣ съ нами Франціи въ союзѣ съ Россіей, но о возможной войнѣ между нѣмецкими государствами, когда Германіи, Пруссіи и Австріи пришлось бы дѣйствовать каждой на свой страхъ.

«Если вы въ это вѣрите, то намъ не о чемъ болѣе говорить, значить наши взгляды расходятся по существу. Что даетъ вамъ право предполагать, будто великій герцогъ Баденскій или Дармштадтскій, король Виртембергскій или Баварскій разыграютъ, въ интересахъ Пруссіи и Австріи, роль Леонида, если превосходство будетъ не на сторонѣ этихъ державъ, когда никто не вѣритъ въ единодушіе и взаимное довѣріе Пруссіи и Австріи? Врядъ ли король Максимилианъ Баварскій скажетъ Наполеону въ Фонтенебло, что императоръ перейдетъ границу Германіи или Австріи не иначе, какъ черезъ его трупъ.

«Я былъ крайне удивленъ, прочитавъ въ вашемъ письмѣ, что австрійцы утверждаютъ, будто они сдѣлали для насъ съ Невшателемъ ³⁾ болѣе, нежели французы. Такъ нагло можетъ врать только одна Австрія; она

¹⁾ Всячески старающемуся покончить съ системой излишней централизаціи, которая зиждется, въ концѣ концовъ, на жандармѣ, и которую онъ считаетъ одною изъ главныхъ причинъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Францію.

²⁾ Von der Heydt, прусскій государственный дѣятель, министръ торговли съ 1848—1858 г., министръ финансовъ съ 1866—1869 г., † 1874 г. В. В.

³⁾ Невшательскій кантонъ, бывшее Невшательское графство, доставшееся королю прусскому Фридриху I по наслѣдству въ 1707 г., вошелъ, въ 1815 г., въ составъ Швейцарскаго союза, оставаясь въ то же время подъ верховной властью Пруссіи, что повело ко многимъ смутамъ и столкновениямъ. Въ 1848 году въ немъ вспыхнуло возстаніе; кантонъ хотѣлъ освободиться отъ власти Пруссіи. Въ 1856 г. роялистская партія пыталась возстановить ея власть, но эта попытка не удалась. Договоромъ, подписаннымъ великими державами 26-го марта 1858 г., окончательно была признана независимость Невшателя.

не могла бы ничего сдѣлать даже въ томъ случаѣ, если бы и хотѣла, но на самомъ дѣлѣ она даже не начинала относительно насъ никакихъ переговоровъ ни съ Франціей, ни съ Англіей.

«Австрійцы старались напротивъ того насколько возможно помѣшать намъ; они клеветали на насъ, возстановили противъ насъ Баденъ, а теперь, въ Парижѣ, были противъ насъ за-одно съ Англіей. Миѣ передавали французы и Киселевъ, что въ отсутствіе Гацфельда, Гюбнеръ ¹⁾ всегда первый присоединялся къ протесту англичанъ противъ насъ во всѣхъ переговорахъ и притомъ въ самыхъ важныхъ вопросахъ; за нимъ уже выступала Франція, а за нею Россія. Да собственно говоря, съ какой стати сталъ бы кто-нибудь дѣйствовать въ нашу пользу въ Невшателѣ и защищать наши интересы? Развѣ за эту услугу отъ насъ можно было что-нибудь ожидать или развѣ былъ поводъ насъ бояться, въ случаѣ если бы намъ не угодилъ? Никто не имѣетъ права ожидать отъ насъ, чтобы мы стали дѣйствовать въ политикѣ, руководствуясь единственно чувствомъ справедливости или желаніемъ сдѣлать пріятное другимъ; съ своей стороны и мы не въ правѣ ожидать этого отъ другихъ.

«Если мы хотимъ дѣйствительно быть одиноки, если мы хотимъ, чтобы насъ игнорировали и чтобы къ намъ относились дурно, то я не въ силахъ помѣшать этому; если же мы хотимъ, чтобы насъ уважали, то этого нельзя достигнуть, воздвигая наше зданіе на зыбкомъ основаніи Германскаго Союза и спокойно ожидая пока оно развалится. Коль скоро всѣ убѣждены въ томъ, что часть европейской шахматной доски остается для насъ недоступной по собственной нашей винѣ или что мы связываемъ себя изъ принципа руку въ то время, какъ другіе работаютъ обѣими руками намъ во вредъ,—нашимъ добродушіемъ всѣ будутъ пользоваться, не выказывая намъ ни страха, ни признательности. Я вовсе не требую, чтобы мы заключили союзъ съ Франціей или составили заговоръ противъ Германіи; но по моему благоразумію быть съ французами въ дружескихъ, нежели въ холодныхъ отношеніяхъ, пока они насъ не затрогиваютъ. Миѣ хотѣлось бы только, чтобы прочіе не могли думать, что имъ можно брататься съ кѣмъ угодно, а что мы скорѣе дадимъ вырвать у себя кусокъ кожи, нежели станемъ защищать ее при помощи Франціи. Вѣжливость не обяжетъ насъ ко многому; если она будетъ имѣть результатомъ, что прочія державы не будутъ считать себя въ правѣ всегда разсчитывать на помощь Франціи противъ насъ и не будутъ думать, что мы всегда будемъ нуждаться въ помощи противъ Франціи, то этимъ уже будетъ много выиграно въ интересахъ мира;

¹⁾ Графъ Іосифъ фонъ-Гюбнеръ, австрійскій дипломатъ, посланникъ въ Парижѣ съ 1849—59 гг., † 1892 г. В. В.

если мы пренебрежемъ этимъ средствомъ и поступимъ какъ разъ наоборотъ, то почему бы намъ лучше не сократить или не уменьшить расходы на дипломатическій корпусъ, который при всемъ своемъ стараніи не можетъ достигнуть того, что король въ состояніи сдѣлать безъ малѣйшаго труда, а именно, возвратить Пруссію достойное положеніе въ мирное время, показавъ всѣмъ и каждому, что она находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ другими державами и можетъ рассчитывать на союзъ съ ними. Съ другой стороны, его величество легко можетъ испортить всѣ труды дипломатовъ, упорствуя въ холодныхъ отношеніяхъ къ прочимъ державамъ; могу ли я настаивать на чемъ-нибудь здѣсь, да и вообще могутъ ли на чемъ-нибудь настаивать наши посланники въ другихъ мѣстахъ, когда всѣмъ извѣстно, что у насъ нѣтъ друзей и что мы рассчитываемъ на дружбу Австріи. Только въ Берлинѣ и можно говорить, не вызывая насмѣшекъ, о поддержкѣ со стороны Австріи въ какомъ-нибудь для насъ важномъ вопросѣ. Да и въ Берлинѣ я могу назвать лишь самый ограниченный кругъ лицъ, которые говорили бы безъ горечи о нашей внѣшней политикѣ. У насъ отъ всѣхъ бѣдъ одно средство: броситься на шею къ графу Булю и излить ему наше сердечное горе. Въ мою бытность въ Парижѣ, графъ NN. потребовалъ развода со своей женою, бывшей наѣздницей цирка, когда онъ засталъ ее въ 24-й разъ на мѣстѣ преступленія въ нарушеніи супружеской вѣрности; адвокатъ, который велъ его дѣло въ судѣ, превозносилъ его какъ образецъ галантнаго и осмотрительнаго супруга, но мнѣ кажется и онъ спусуетъ передъ нашимъ великодушіемъ относительно Австріи.

«Врядъ ли наша внутренняя политика страдаетъ въ такой степени отъ своихъ собственныхъ ошибокъ, какъ отъ того тягостнаго сознанія, которое овладѣло всѣми, что мы утратили всякое значеніе за границей и что роль нашей политики чисто пассивная. Мы народъ честолюбивый, насъ огорчаетъ, когда мы не можемъ ничѣмъ отличиться; мы можемъ многое переносить терпѣливо и за многое можемъ быть благодарны тому правительству, которое доставитъ намъ значеніе за границей. Но когда приходится сознаться, что мы перевариваемъ благополучно болѣзнетворныя начала, привитыя нашему государственному организму его министрами, радѣющими о его благѣ, только благодаря устойчивости этого организма, то напрасно было бы искать утѣшенія въ дѣлахъ нашей внѣшней политики.

«Вы слѣдите за ней пристально, глубокоуважаемый другъ; можете ли вы сказать мнѣ, какую цѣль она поставила себѣ, какой планъ она выработала хоть на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ? Это настоящій *gebus vis stantibus*, въ которомъ никто не знаетъ, чего онъ хочетъ. Развѣ въ Берлинѣ кто-нибудь знаетъ, какія цѣли преслѣдуетъ наша политика? Неужели вы полагаете, что лица, стоящія во главѣ прочихъ государствъ,

точно также страдают отсутствиемъ положительныхъ цѣлей и взглядовъ? Далѣе, можете ли вы мнѣ назвать хотя одного союзника, на котораго Пруссія могла бы рассчитывать, если бы дѣло дошло до войны, или который взялъ бы нашу сторону въ такомъ вопросѣ, какъ напр. Невшательскій, или который сдѣлалъ бы для насъ что-нибудь потому, что онъ рассчитываетъ на наше содѣйствіе или боится нашей вражды? Мы самые добродушные, самые безобидные политики, и однако намъ, въ сущности, никто не довѣряетъ; насъ считаютъ ненадежными союзниками и неопасными врагами, какъ-будто мы ведемъ себя въ дѣлахъ внѣшней политики какъ Австрія и какъ-будто мы такъ же безнадежно больны, какъ она.

«Я не говорю о настоящемъ моментѣ; но можете ли вы назвать мнѣ какой-нибудь положительный планъ (что касается отрицательныхъ, то у насъ ихъ было достаточно) или какую-нибудь цѣль, которую мы преслѣдовали бы во внѣшней политикѣ, со времени проекта Радовица о союзѣ трехъ королей? Правда, существовалъ проектъ объ устройствѣ военнаго порта въ Ядской губѣ (Jade busen)¹⁾, но она остается до сихъ поръ бесполезной сточной ямой, что же касается таможеннаго союза, то Австрія очень любезно заставитъ насъ подписать его, такъ какъ мы не рѣшаемся на-отрѣзъ сказать нѣтъ. Я удивляюсь, что у насъ находятся еще дипломаты, у которыхъ хватаетъ смѣлости пмѣть свои взгляды и въ которыхъ не угасло еще честолюбивое желаніе тѣмъ-нибудь проявить свою дѣятельность. Кажется я ограничусь скоро, подобно многимъ моимъ коллегамъ, тѣмъ, что буду исполнять свои инструкціи, буду присутствовать на засѣданіяхъ и откажусь отъ участія въ общемъ ходѣ нашей политики; этимъ я сохраню по крайней мѣрѣ здоровье и потрачу меньше чернилъ.

«Вы скажете навѣрно, что я рисую все столь мрачными красками и разсуждаю такъ съ досады, что вы не раздѣляете мой взглядъ; но чтобы прозябать такъ, какъ мы прозябаемъ, намъ право не нужна вся наша дипломатическая машина. Жаренныя перепелки, которыя летятъ намъ прямо въ ротъ, и такъ насъ не минуютъ; впрочемъ, пожалуй мы и ихъ прозѣваемъ, такъ какъ врядъ ли мы успѣемъ во-время открыть ротъ, если мы въ ту минуту не будемъ зѣвать. Я желаю одного, чтобы мы не уклонялись отъ такихъ шаговъ, которые могли бы показать иностраннымъ кабинетамъ въ мирное время, что мы находимся въ хорошихъ отношеніяхъ съ Франціей, чтобы они не рассчитывали на наше содѣйствіе противъ нея и не требовали этого отъ насъ и чтобы мы имѣли возможность заключить союзъ съ любой державой, если съ нами посту-

¹⁾ Ядская губа въ герцогствѣ Ольденбургскомъ; въ нее впадаетъ небольшая рѣчка Яде.

пять недостойнымъ образомъ. Мы можемъ получить всё эти преимущества взаимнѣ въ некоторой любезности съ нашей стороны и только за признакъ взаимности. Пусть мнѣ докажутъ, что это не представитъ намъ никакихъ выгодъ и что для насъ будетъ полезнѣе, чтобы иностранныя и нѣмецкія государства думали, что мы враждебно настроены противъ западныхъ державъ и нуждаемся въ союзникахъ, во временной помощи противъ нихъ и чтобы они сообразовали съ этимъ свои политическія отношенія къ намъ. Или же пусть мнѣ докажутъ, что правительство имѣетъ иныя цѣли и намѣренія, для успѣха которыхъ неудобно, чтобы наши отношенія къ Франціи казались признанными. Не знаю, имѣетъ ли правительство какой-либо планъ дѣйствій (который мнѣ былъ бы неизвѣстенъ), я этого не думаю; но если оно уклоняется отъ сближенія съ великой державой только потому, что оно не симпатизируетъ личности и тому положенію вещей, которое оно не въ силахъ измѣнить, и если политическія отношенія двухъ великихъ державъ опредѣляются подобными симпатіями или антипатіями, то я, какъ дипломатъ, могу сказать, что я не понимаю этого и нахожу, что если правительство будетъ держаться подобной системы дѣйствій во внѣшней политикѣ, то весь составъ дипломатическаго корпуса, не исключая консульствъ, станетъ излишнимъ и фактически будетъ упраздненъ. Вы говорите: «этотъ человекъ нашъ естественный врагъ, мы скоро убѣдимся въ этомъ, и онъ всегда будетъ нашимъ врагомъ». Я могъ бы это оспаривать и имѣю такое же право сказать, что «Австрія и Англія наши враги, что мы давно уже могли убѣдиться въ этомъ и что вражда Австріи болѣе естественна нежели вражда Англіи». Но я не спорю: допустимъ, что вы правы; все-таки я нахожу неблагоразумнымъ показывать наши опасенія самой Франціи и другимъ державамъ въ мирное время; по моему мнѣнію, до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ ожидаемаго вами разрыва, было бы недурно дать понять прочимъ державамъ, что мы не считаемъ войну съ Франціей неизбежною въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, и что натянутыя отношенія къ этой державѣ не составляютъ нашу слабую струну, на которую всякій навѣрняка можетъ рассчитывать. Если наши отношенія къ Франціи будутъ холодны, то и мой сотоварищъ по союзному сейму будетъ ко мнѣ холоденъ».

Вотъ что отвѣчалъ мнѣ Герлахъ:

Берлинъ, 6-го мая 1857 г.

«Ваше письмо отъ 2-го мая доставило мнѣ, съ одной стороны, большое удовольствіе, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ о вашемъ желаніи не расходиться со мною принципиально, но съ другой стороны, оно обязываетъ меня высказать вамъ мой взглядъ.

«Прежде всего надобно выяснить въ чемъ заключается самый прин-

ципъ и не ограничиваться одними отрицаніями, указывая на то, что «мы игнорируемъ дѣйствительность», что «мы исключаемъ» Францію изъ политическихъ комбинацій; нельзя также искать этого принципа въ «прусскомъ патріотизмѣ», въ томъ, что «невыгодно и полезно Пруссіи», въ «желаніи служить исключительно королю и странѣ», ибо все это само собою разумѣется.

«Мнѣ придется начать нѣсколько издавека, со времени Карла Великаго, т. е. оглянуться лѣтъ за 1.000 назадъ. Въ то время руководящимъ принципомъ европейской политики было распространеніе христіанской вѣры. Ему повиновался Карлъ Великій воюя съ сарацинами, саксами, аварами и т. д. Его преемники воевали безо всякаго принципа и только великіе монархи среднихъ вѣковъ оставались вѣрными этому принципу. Прусская монархія возникла изъ борьбы бранденбургскихъ маркграфовъ и тевтонскаго ордена съ тѣми народами, которые не хотѣли подчиниться власти императора—представителя господствующей церкви; борьба продолжалась до тѣхъ поръ, пока не произошло раздвоенія церкви и распадешя государства. Съ тѣхъ поръ въ христіанскомъ мірѣ исчезло единство принципа, а отъ первоначальнаго принципа уцѣлѣла только идея о необходимости бороться противъ владычества турокъ. Нельзя назвать Австрію и Россію непрактичными за то, что, руководствуясь этой идеей, они воевали съ турками. Войны съ Турціей упрочили могущество этихъ державъ и если бы государства Европы остались вѣрны этому принципу и продолжали сражаться съ невѣрными, то Европа, или христіанскій міръ, оказался бы въ лучшемъ положеніи относительно Востока, откуда намъ угрожаетъ величайшая опасность. Со времени французской революціи, когда политика рѣзко отдѣлилась отъ христіанской церкви, началась эпоха такъ называемой національной политики; куда она ведетъ—мы уже видѣли. Никогда еще прусская политика не была въ такомъ жалкомъ положеніи какъ съ 1778 г. до французской революціи; припомните субсидіи, которыя Фридрихъ II платилъ Пруссіи и которыя походили скорѣе на подать, припомните вашу ненависть къ Англіи. Въ Голландіи престижъ Фридриха II удержался до 1787 г., но Рейхенбахская конвенція¹⁾, которая была результатомъ отступленія отъ принципа, можетъ считаться посрамленіемъ. Войны великаго курфюрста велись въ интересахъ протестантства, а войны Фридриха Вильгельма III съ Франціей были, собственно говоря, борьбою противъ революціи. Тотъ же протестантскій характеръ имѣли силезскія войны 1740—1763 г., хотя при этомъ играли роль и національные интересы и вопросы европейскаго равновѣсія.

¹⁾ По этой конвенціи, заключенной въ 1790 г., Пруссія, Польша, Англія, Голландія и Австрія согласились охранять существованіе Турціи. В. В.

«Принципъ, внесенный въ европейскую политику революціей, которая обошла всю Европу, дѣйствуетъ, по моему мнѣнію, до нынѣ. Англія, которая осталась до 1815 г. вѣрна этому принципу борьбы съ революціей и не дала обморочить себя Наполеону I, достигла высшей степени могущества; Австрія, потерпѣвъ не мало поражений, все-таки уцѣлѣла; Пруссія много пострадала отъ послѣдствій Базельскаго мира ¹⁾ и оправилась только въ 1813—1815 г.; еще болѣе пострадала отъ него Испанія, которую онъ доканаль. Нѣмецкія государства, по вашимъ собственнымъ словамъ, являются продуктомъ революціи и порожденнаго ею бонапартизма, дарованнымъ Германіи Вѣнскимъ конгрессомъ изъ лукавства и зависти. Если бы, руководствуясь принципомъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ отдали Бельгію Австріи, а франконскія провинція ²⁾ Пруссіи, то Германія была бы въ настоящее время въ иномъ положеніи, въ особенности если бы мертворожденныя Баварія, Виртембергъ и Дармштадтъ были ограничены ихъ собственной территоріей, но въ то время принципу предпочли округленіе и т. п. чисто механическія выдумки.

«Но я надобѣлъ вамъ вѣроятно своимъ длиннымъ разсужденіемъ, поэтому перехожу къ современному положенію вещей. Неужели вы находите нормальнымъ такое положеніе, что въ настоящее время, когда Пруссія и Австрія враждуютъ между собою, Бонапартъ владычествуетъ до самаго Дессау ³⁾ и въ Германіи ничего не дѣлается безъ его позволенія. Развѣ союзъ съ Франціей можетъ замѣнить намъ тотъ порядокъ вещей, который существовалъ съ 1815—1848 г., когда въ нѣмецкія дѣла не вмѣшивалась никакая иноземная власть. Я вполне согласенъ съ вами, что Австрія и нѣмецкія государства ничего не сдѣлаютъ для насъ, но я думаю, что и Франція, т. е. Бонапартъ, также для насъ ничего не сдѣлаетъ. Я тоже не одобряю, что у насъ относятся къ нему невѣжливо и нелюбезно; исключать Францію изъ политическихъ комбинацій—безуміе. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что надобно забыть о происхожденіи Бонапарта, пригласить его въ Берлинъ и этимъ перепутать всѣ понятія въ Пруссіи и за границей...

«Я держусь и буду держаться того мнѣнія, что необходимо бороться съ революціей. Если вы согласны съ этимъ, то конечно согласитесь и съ тѣмъ, что этотъ принципъ слѣдуетъ примѣнять на практикѣ, съ тою цѣлью, чтобы Австрія и Англія знали, чего можно ожидать отъ насъ, когда онѣ сами признаютъ необходимость этого принципа.

¹⁾ По первому Базельскому миру, заключенному между Франціей и Пруссіей 5-го апрѣля 1795 г., Пруссія потеряла свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна, а по второму, заключенному Франціей и Испаніей 22-го іюня 1795 г., Франція получила между прочимъ островъ Сан-Доминго. В. В.

²⁾ Баварія.

³⁾ Главный городъ герцогства Ангальтъ, на лѣвомъ берегу Мульды, притока Эльбы въ Саксоніи. В. В.

«...Еще нѣсколько словъ о нашей внѣшней политикѣ: меня ни чуть не удивляетъ и не пугаетъ то обстоятельство, что мы изолированы въ то время, когда всё отношенія до-нельзя перепутаны, когда Англія и Франція находятся еще въ такомъ тѣсномъ союзѣ, что у Франціи не хватаетъ духа принять мѣры безопасности противъ швейцарскихъ радикаловъ потому, что этимъ могла бы быть недовольна Англія. Между тѣмъ какъ сама Англія наводитъ страхъ, вооружая десантъ и дѣлаетъ рѣшительные шаги къ заключенію союза съ Россіей, Австрія заключаетъ союзъ съ Англіей и т. д. Что же мы должны сдѣлать, по вашему мнѣнію? не то ли, что совѣтывалъ бывший здѣсь Plon-Plon ¹⁾, т. е. заключить союзъ съ Франціей и Россіей противъ Австріи и Англіи? Но такой союзъ дастъ рѣшительный перевѣсъ влиянію Франціи въ Италіи, произведетъ огромный переворотъ въ этой странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ Бонапарту первенствующее значеніе въ Германіи.

«Германія находилась уже однажды подъ русско-французскимъ вліяніемъ. Съ 1801—1803 г., мы видѣли ее въ этомъ положеніи, когда секуляризировали земли, принадлежавшія епископствамъ и раздавали ихъ свѣтскимъ лицамъ по предписаніямъ, получаемымъ изъ Петербурга и Парижа. Пруссія, которая была въ то время въ хорошихъ отношеніяхъ съ обѣими державами и въ дурныхъ съ Австріей и Англіей, также получила свою долю при дѣлежѣ, но эта доля была не велика и ея вліяніе было въ то время меньше, чѣмъ когда-либо».

Не распространяясь по существу этого письма, я писалъ генералу Герлаху 11-го мая:

«...Мнѣ пишутъ изъ Берлина, что при дворѣ меня считаютъ бонапартистомъ. Это не вѣрно. Въ 1850 г. наши противники обвиняли меня въ коварной преданности Австріи и въ Берлинѣ насъ называли вѣнцами; позднѣе нашли, будто бы мы стали пахнуть юфтью и насъ прозвали казаками съ береговъ Шпре. На предлагаемый мнѣ тогда вопросъ, кто я такой: русскій или западникъ, я всегда отвѣчалъ, что я пруссакъ, и что идеалъ внѣшней политики заключается для меня въ отсутствіи предубѣжденій и въ образѣ дѣйствій вполне независимомъ отъ симпатій или антипатій къ иностраннымъ государствамъ и ихъ правителямъ. Что касается другихъ государствъ, то я чувствовалъ всю жизнь симпатію къ одной только Англіи и ея обитателямъ; этому чувству я остался вѣренъ до сихъ поръ, но англичане не хотятъ нашей любви. Что же касается меня, то я готовъ двинуть наши войска безразлично противъ французовъ, русскихъ, австрійцевъ или англичанъ, лишь бы мнѣ доказали, что это требуютъ интересы здоровой, строго обдуманной прусской политики. Въ мирное время и считаю неблаго-

¹⁾ Принцъ Наполеонъ.

разумнымъ и невыгоднымъ навлекать на себя непріятности, поддерживать ихъ, ставить на карту свободу своихъ будущихъ дѣйствій и союзовъ, жертвуя этой свободой симпатіямъ, въ которыхъ мы не встречаемъ взаимности, и дѣлать изъ добродушія и въ погоню за похвалою такія уступки, какихъ Австрія ожидаетъ отъ насъ напр. въ настоящее время относительно Раштадта...

«Пруссія не можетъ руководствоваться въ политикѣ исключительно соображеніями о томъ, что можетъ быть полезно союзу, ибо для него несомнѣнно было бы всего выгоднѣе, чтобы мы сами и нѣмецкія государства подчинились Австріи въ отношеніи военномъ, политическомъ и торговомъ. Имѣя одного руководителя, союзъ дѣйствительно могъ бы достигнуть гораздо большаго значенія въ военное и въ мирное время и въ случаѣ войны могъ бы въ самомъ дѣлѣ быть силою»...

Герлахъ отвѣчалъ мнѣ 21-го мая:

«...Я знаю отлично, что вы не бонапартистъ, точно также какъ мнѣ извѣстно, что большинство государственныхъ людей, не только у насъ, но и въ другихъ странахъ, поклонники Бонапарта, какъ напр. Пальмерстонъ, Бахъ, Буоль и т. д. Я могу даже сказать а priori, что вамъ навѣрно попадались подобные экземпляры во Франкфуртѣ и въ Германіи, чуть было не сказалъ въ Рейнскомъ союзѣ. Уже одно ваше отношеніе къ оппозиціи въ послѣднемъ ландтагѣ снимаетъ съ васъ всякое подозрѣніе въ бонапартизмѣ. Но поэтому-то мнѣ совершенно и не понятенъ вашъ взглядъ на нашу внѣшнюю политику...

1) Можете ли вы отрицать, что Наполеонъ III, точно также какъ и Наполеонъ I, долженъ нести послѣдствія своего положенія, какъ монархъ избранный согласно плебисциту; онъ чувствуетъ это самъ такъ же хорошо, какъ это чувствовалъ Наполеонъ I.

2) Тройственный союзъ, въ составъ котораго войдутъ Франція, Россія и Пруссія, какъ слабѣйшая изъ этихъ трехъ державъ, отнесется недовѣрчиво и недоброжелательно къ Англіи и Австріи и дастъ восторжествовать «интересамъ Франціи» т. е. дастъ ей возможность владычествовать сначала въ Италіи, а затѣмъ въ Германіи.

3) Чѣмъ отличается предлагаемая вами политическая система отъ той, которую проповѣдывалъ Гаугвицъ въ 1794—1805 г.? Тогда тоже была рѣчь только объ «оборонительной системѣ». Тугутъ, Кобенцель, Лербахъ были не лучше Буоля и Баха, Австрія также была вѣроломна, на Россію можно было полагаться еще менѣе чѣмъ теперь, зато Англія была правда надежнѣе. Король, въ душѣ, также не сочувствовалъ этой политикѣ...

«Вамъ не трудно будетъ въ союзѣ съ Франціей и съ Россіей провести оборонительную систему политики—прежде это называли нейтральной политикой, которую Англія не признавала въ Восточномъ во-

прось; на вашей сторонѣ будетъ Мантейфель и многіе другіе (хотя его величество въ душѣ и не будетъ сочувствовать этой политикѣ, но онъ отнесется къ ней пассивно); они вамъ не измѣнятъ до тѣхъ поръ, пока продержится Бонапартъ. Но мало ли что можетъ случиться? Наполеонъ I царствовалъ 15 лѣтъ, Людовикъ Филиппъ—18, продержится ли Наполеонъ III долѣе, какъ вы думаете?»

Я отвѣчалъ слѣдующее:

Франкфуртъ, 30-мая 1857 г.

«Отвѣчая на ваши послѣднія два письма, я горюю о несовершенствѣ человѣческой рѣчи, какъ словесной, такъ и письменной; каждая попытка выяснить наше мнѣніе порождаетъ новыя недоразумѣнія. Мы не въ состояніи изобразить все свое внутреннее я на бумагѣ или въ словесной рѣчи; люди не могутъ воспринять тѣ отрывки мыслей, которые мы имъ излагаемъ, такъ точно какъ мы ихъ продумали и прочувствовали. Причина заключается отчасти въ несовершенствѣ нашей рѣчи, по сравненію съ мыслию, отчасти въ томъ, что факты, на которые мы ссылаемся въ подкрѣпленіе нашего мнѣнія, рѣдко представляются людямъ въ одинаковомъ свѣтѣ, коль скоро одинъ изъ нихъ не расположенъ принимать взгляды другого на вѣру, безъ критической провѣрки.

«Всевозможныя помѣхи, дѣла, гости, дивная погода, собственная лѣнь, болѣзнь дѣтей и собственное недомоганіе, въ связи съ вышеприведенными соображеніями были причиною того, что у меня не хватило духа отвѣчать на вашу критику моихъ мнѣній новыми аргументами, которые разумѣется не были бы достаточно убѣдительны и имѣли бы свои слабыя стороны. Примите во вниманіе, что я только что оправляюсь отъ болѣзни и что я выпилъ сегодня первый стаканъ Маріенбада, и если наши взгляды не сходятся, повѣрьте что это касается только мелочей, но не самой сущности предмета, относительно котораго, я увѣренъ, мы съ вами сходимся.

«Я также признаю необходимымъ принципъ борьбы съ революціей, но, по моему мнѣнію, было бы несправедливо считать Людовика Наполеона единственнымъ представителемъ революціоннаго начала; точно также я считаю невозможнымъ проводить этотъ принципъ въ политикѣ такимъ образомъ, чтобы самыя ничтожныя его послѣдствія ставились выше всякихъ иныхъ соображеній, чтобы онъ былъ, такъ сказать, единственнымъ козыремъ въ игрѣ.

«Въ какомъ государствѣ не происходило нынче внутренняго броженія, имѣвшаго революціонный характеръ? Возьмите Испанію, Португалію, Бразилію, всѣ республики Америки, Бельгію, Голландію, Швейцарію, Грецію, Швецію, наконецъ Англію, опирающуюся до сихъ поръ на «славную революцію» 1688 г.; даже и тѣ права, которыя нѣмцыя

князя отвоевали частью у императора и Австрiи, частью у своихъ собственныхъ государственныхъ чиновъ, не могутъ почитаться вполне законными, да и мы сами не можемъ отдѣлаться отъ революціонной подкладки въ нашей внутренней политикѣ. Только многія изъ упомянутыхъ явленій случились давно и мы къ нимъ уже приглядѣлись; о нихъ можно сказать то же, что о тѣхъ чудесахъ, которыя случаются изо-дня-въ-день и которыя въ силу привычки не кажутся болѣе таковыми; но это не мѣшаетъ называть чудесными такія явленія, которыя не болѣе могутъ претендовать на это названіе нежели фактъ нашего собственнаго рожденія и многія явленія повседневной жизни.

«Придавать какому нибудь принципу первенствующее значеніе и признавать его руководящимъ можно лишь въ томъ случаѣ, если онъ оправдывается во всѣ времена и при всякихъ обстоятельствахъ и если основное положеніе *quod ab initio vitiosum, lapsu temporis convalescere nequit*, остается вѣрнымъ по сравненію въ примѣненіи къ самой доктринѣ.

«Надобно замѣтить, что люди не всегда были такъ добродѣтельны, чтобы избѣгать дружественныхъ отношеній съ представителями революціонныхъ стремленій, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда революціонныя попытки не были освящены давностью времени. Кромвеля называли «братомъ» и его расположенія заискивали монархи съ весьма абсолютистскими взглядами; они же заключали союзы съ генеральными штатами Голландіи прежде чѣмъ послѣдніе были признаны Испаніей. Наши предки считали Вильгельма Оранскаго и его преемниковъ въ Англіи вполне законными монархами въ то время, когда Стюарты предъявляли еще свои права на престолъ, а Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки мы простили ихъ революціонное происхожденіе еще по договору, заключенному въ Гаагѣ въ 1785 г. Нынѣ царствующій португальскій король былъ у насъ въ Берлинѣ и мы породнились бы съ семействомъ Бернадотта, если бы этому не помѣшали случайныя обстоятельства. Когда же и по какимъ признакамъ всѣ эти монархи перестали быть революціонерами? Имъ прощаютъ, оказывается, ихъ незаконное происхожденіе, когда они болѣе не опасны. Я не вижу примѣра до французской революціи, чтобы какой нибудь государственный чело-вѣкъ, при самой величайшей добросовѣстности и при самыхъ христіанскихъ воззрѣніяхъ, вздумалъ подчинять всю свою политическую дѣятельность, всѣ свои отношенія въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики принципу «борьбы съ революціей» и чтобы этотъ принципъ служилъ мѣриломъ отношеній его страны къ другимъ державамъ. Между тѣмъ нравственные принципы, провозглашенные англійской и американской революціями весьма сходны съ тѣми, которые были провозглашены революціей во Франціи, не говоря о той же массѣ пролитой крови

и о тѣхъ же безчинствахъ по отношенію къ религіи, которыя выражались такъ или иначе, смотря по національному характеру. Я не могу допустить, чтобы до 1789 г. среди политическихъ дѣателей не было такихъ же консерваторовъ и добрыхъ христіанъ какъ мы съ вами, которые также хорошо понимали бы, въ чемъ заключается зло, и что они не могли бы признать, какъ это дѣлаемъ мы, необходимость для всякой политики одного и того же основного принципа. Къ тому же, я вовсе не нахожу, чтобы мы особенно строго примѣняли этотъ принципъ ко всѣмъ революціоннымъ явленіямъ послѣ 1789 г. кромѣ какъ къ Франціи и къ Наполеону III. Что же такого особеннаго въ немъ и во французской революціи вообще? Простое происхожденіе Бонапартовъ разумѣется имѣетъ значеніе, но мы видимъ то же въ Швеціи, гдѣ оно не влечетъ однако подобныхъ послѣдствій. Не заключается ли что-либо «особенное» именно въ семействѣ Бонапартовъ? Но вѣдь не оно же создало революцію, и революція, съ истребленіемъ всѣхъ Бонапартовъ, не была бы окончательно искоренена. Революція гораздо старше Бонапартовъ и захватываетъ гораздо большее пространство чѣмъ Францію. Если искать ея источника на землѣ, то его слѣдуетъ искать не во Франціи, скорѣе въ Англіи, а пожалуй даже въ Германіи или въ Римѣ, смотря по тому, будемъ ли мы видѣть ея причину въ послѣдствіяхъ реформаціи или римскаго католицизма или во введеніи римскаго права въ германскій міръ.

«Наполеонъ I съ успѣхомъ воспользовался революціей, прежде всего для своихъ честолюбивыхъ цѣлей, а затѣмъ старался побороть ее, но безуспѣшно, такъ какъ онъ избралъ для этого невѣрный путь; онъ съ удовольствіемъ отдѣлялся бы отъ нея, воспользовавшись ея плодами. Наполеонъ гораздо менѣе способствовалъ революціи, нежели Людовикъ XIV своимъ абсолютизмомъ, Людовикъ XV—своимъ недостойнымъ правленіемъ и Людовикъ XVI—своею слабостью. Когда, подписавъ 14-го сентября 1791 г. конституцію, онъ объявилъ революцію оконченной,—конецъ былъ еще впереди. Бурбоны, не говоря уже о Филиппѣ Эгалите, гораздо болѣе послужили революціи, нежели Бонапарты...

«Наполеонъ III по природѣ не завоеватель, не полководецъ, и въ случаѣ большой войны, которая ознаменовалась бы крупными побѣдами или пораженіями, взоры французской арміи, составляющей опору могущества императорской Франціи, скорѣе обратятся къ генералу, увѣчанному лаврами, нежели къ императору. Поэтому онъ рѣшится начать войну не иначе, какъ будучи вынужденъ къ тому какою-либо опасностью, угрожающею ему внутри государства. Эта необходимость представилась бы и законному королю Франціи, если бы онъ получилъ въ свои руки бразды правленія.

«Итакъ, ни воспоминанія о завоевательныхъ стремленіяхъ дяди ны-

главную вину была неспособность, во всяком случае явное нерадение о государственном промышле, крайнее бездействие и даже противодействие другим начальникам, лишены донесения, тупое упрямство во исполнении инструкций и вообще высших распоряжений,—все это подлежать смертной казни, по военным законам всех стран и народов. А главное, если мы возьмем в расчет, как Шенн погубил даром большую, прекрасно вооруженную и обильно снабженную армию, какие громадные убиты и земельныя потери причинил он государству,—то предъ такими слѣдствиями его начальствованія трудно возбудить къ нему сожалѣніе.

О послѣдствіяхъ Польской войны Д. И. Иловайскій высказываетъ такъ: несмотря на свой неудачный исходъ, война эта имѣла для Михаила Феодоровича благоприятное значеніе: послѣ нея прекратились притязанія его соперника Владислава, и съ вышней стороны Поляновскій договоръ окончательно утвердилъ династію Романовыхъ на Московскомъ престолѣ.

Что касается дальнѣйшаго содержанія рассматриваемаго нами выпуска, то во отношенію къ западной Россіи мы находимъ въ немъ обзоръ главныхъ историческихъ явленіе первой половины XVII столѣтія. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляютъ главы XII—о церковной униі и XII—„Украина, казачество и еврейство въ первой половинѣ XVII вѣка“. Въ это время не было еще того законченнаго казацкаго строя и самоуправленія, съ собственнымъ гетманомъ во главѣ, которые мы встрѣчаемъ въ слѣдующую эпоху. Войсковой выборъ перемѣщается съ правительственнымъ назначеніемъ. Иногда одновременно является нѣсколько гетмановъ въ разныхъ частяхъ Украины; самый титулъ гетмана еще не установился и нѣрѣдко замѣняется словомъ старшой.

Довольно наглядное представленіе о Запорожской Сѣчи даетъ авторъ со словъ одного иностранца, Эриха Лассоты ¹⁾, который въ 1694 г. ѣздилъ сюда посломъ императора Рудольфа II съ порученіемъ нанять запорожцевъ въ имперскую службу для войны съ турками. Описаніе морскихъ и сухопутныхъ походовъ запорожцевъ, ихъ характера и образа жизни, а также и описаніе Украинской природы Д. И. Иловайскій приводитъ со словъ французскаго инженера Болава, служившаго королемъ Сигизмунду III и

¹⁾ „Дневникъ Эриха Лассоты изъ Стеблева“—Tagebuch des Erich Lassota von Steblau.

Владиславу III, въ качествѣ инженера и артиллериста. Вотъ, напримеръ, что говоритъ онъ о характерѣ и свойствѣ казаковъ: соединяя съ умомъ хитрость и острую щедрость и безкорыстіе, казаки страстно любятъ свободу; смерть предпочитаютъ рабству и для защиты независимости часто встаютъ противъ своихъ притѣснителей поляковъ... тѣлосложенія крѣпкаго, легко переносятъ холодъ и голодъ, зной и жажду; въ войнѣ неутомимы, отважны, храбры, или лучше сказать, дерзки и мало дорожатъ своею жизнью. Одаренные отъ природы слогомъ и виднымъ ростомъ, они любятъ пощеголять, но только тогда, когда возвращаются съ добычею, отнятою у враговъ; обыкновенно же носятъ одежду простую.

Для истинныхъ любителей русской исторіографіи и людей, желающихъ пополнить свои научно-историческія познанія,—чтеніе вновь вышущей книги Д. И. Иловайскаго принесетъ немало пользы.

Собраніе сочиненій И. А. Голышева. Подъ редакціею А. Э. Мильгрена. Т. I, вып. 1-й, съ 7-ю циннографіями на отдѣльныхъ листахъ. Спб. 1899 г. Тип. Сойкина. Ц. 1 руб. 50 коп.

Читателямъ „Русской Старини“ хорошо извѣстно почтенное имя И. А. Голышева. На страницахъ нашего журнала мы помѣстили автобіографію покойнаго археолога и нѣрѣдко давали отрывки объ его замѣчательныхъ альбомахъ древностей Владимірскаго края.

Кромѣ крупныхъ альбомовъ, главнымъ образомъ доставившихъ ему почетную извѣстность, И. А. Голышевъ написалъ много мелкихъ статей по отечественной археологій и этнографіи, въ большинствѣ случаевъ напечатанныхъ въ „Владим. губ. вѣдом.“ и почти недоступныхъ для публики. Теперь впервые предпринято изданіе, гдѣ будутъ собраны всѣ труды покойнаго по археологій и этнографіи.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Лубочныя старинныя народныя картинки, 2) Изображеніе храма (Отгискъ съ деревянной печатной доски), 3) Лубочная старинная картинка: „Мыши вода погребаютъ“, и нѣкоторыя народныя гравюры, 4) Отгискъ съ двухъ старинныхъ гравировальныхъ досокъ, съ изображеніемъ: Распятія Христова и Иисусъ Христосъ, сидящій на гробѣ въ багряницѣ, 5) Старинная лубочная картинка „Душа чистая“, и 6) Замѣтка по археологій о граверѣ Матвѣевѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **Городокихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзлеринга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются.

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлѣхъ эпохъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнѣхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Статьи о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и изреченія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей, книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и замѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1898 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи илѣтся въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІИ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“ Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ **2** рубля.

